

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЕЖЕГОДНИК
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА

на **2018–2019** годы

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2019

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Е36

Редакционная коллегия:

В. Е. Багно, чл.-кор. РАН, *А. В. Лавров*, академик РАН, *С. И. Николаев*, чл.-кор. РАН,
М. М. Павлова, д. ф. н., *Н. И. Скатов*, чл.-кор. РАН, *Н. В. Семенова*, к. ф. н., *А. В. Сысоева*,
к. ф. н., *Т. С. Царькова*, д. ф. н.

Ответственный редактор

Т. С. Царькова

Секретари редакционной коллегии:

А. В. Сысоева, *Н. В. Семенова*

Рецензенты:

С. В. Денисенко, д. ф. н., *А. М. Любомудров*, д. ф. н.

Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2018–2019 годы /
Е36 [отв. ред. *Т. С. Царькова*]. – СПб. : ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2019. – 848 с.
[текст], 8 с. [цв. ил.].

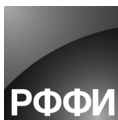
ISBN 978-5-86007-925-0

ISSN 0202-0262

«Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома» – старейшее и авторитетнейшее литературоведческое серийное издание. В настоящий выпуск на 2018–2019 гг. вошли уникальные, впервые публикуемые материалы по истории русской литературы и изобразительного искусства XIX–XXI вв.: от эпистолярия П. А. Вяземского до стихов, посвященных памяти одного из основателей ленинградского самиздата Б. И. Тайгина, написанных другим лидером «второй культуры» 1950–1990-х гг. Б. И. Ивановым. Несомненную ценность представляет вводимое в научный оборот известным филологом-германистом К. М. Азадовским письмо поэта Р. М. Рильке к писателю и драматургу Ф. Холлендеру по поводу участия в праздновании юбилея Г. Гауптмана. История русского модерна и авангарда пополняется и уточняется новыми архивными документами художников М. Дурнова и Д. Бурлюка, а также литературоведа В. Маркова. Особый акцент в томе сделан на мемуарные и дневниковые свидетельства: продолжение публикации книги В. В. Зощенко о болезни и литературной работе М. М. Зощенко (1945–1950-е гг.), дневниковая запись К. В. Вяткиной о посещении дома А. Н. Толстого (1928 г.), сдержанные и в то же время пронзительные воспоминания Е. Т. Шуко о своем детстве, воспроизводящие картины жизни ленинградской и московской интеллигенции 1930-х гг., записи Т. Г. Гнедич об успехе в Москве спектакля, поставленного Н. П. Акимовым по ее переводу «Дон Жуана» (1964 г.).

В разделе «Текстология» впервые публикуется первая редакция поэмы Г. Алексеева «Жар-птица», по праву называемая – блокадные «Ромео и Джульетта». Текст публикаций 1970-х гг. был сильно искажен цензурой. Раздел «Информация» знакомит читателей с вновь поступившими и прошедшими научно-техническую обработку материалами, а также ценнейшей библиотекой филолога Б. Я. Фрезинского, подаренной Пушкинскому Дому в 2017 г. Издание сопровождается обширным справочным аппаратом и архивными иллюстрациями. Адресовано филологам, историкам, искусствоведам, преподавателям и студентам, всем, интересующимся русской культурой и судьбами ее создателей.

УДК 82.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 19-112-00205, не подлежит продаже

Все права защищены. Никакая часть книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая фотокопирование, размещение в Интернете и запись на магнитный носитель, без письменного разрешения владельца. Цитирование без ссылки на источник запрещено. Нарушение прав будет преследоваться в судебном порядке согласно законодательству РФ

ISBN 978-5-86007-925-0
ISSN 0202-0262

© Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, 2019
© ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2019

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE
(PUSHKIN HOUSE)

YEAR BOOK
OF THE MANUSCRIPT
DEPARTMENT
OF PUSHKIN HOUSE
for 2018–2019

SAINT PETERSBURG
2019

Editorial Board:

*V. E. Bagno, A. V. Lavrov, S. I. Nikolaev, M. M. Pavlova, N. N. Scatov,
N. V. Semenova, A. V. Sysoeva, T. S. Tsar'kova*

Editor-in-Chief

T. S. Tsar'kova

Secretaries of the Editorial Board

A. V. Sysoeva, N. V. Semenova

Reviewers: *S. V. Denisenko, A. M. Lyubomudrov*

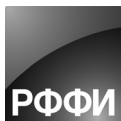
The Yearbook of the Manuscript Division of Pushkinskij Dom for 2018–2019 /
[Editor-in-Chief T. S. Tsar'kova]. – Spb. : DMITRII BULANIN, 2019. – 848 p. [text],
8 p. [ill.].

ISBN 978-5-86007-925-0

ISSN 0202-0262

The Yearbook of the Pushkin House Manuscript Department is one of the oldest and most authoritative serial editions in the field of literary studies. The present issue for the year 2018–2019 comprises unique first published materials on the history of Russian literature and the arts of the 19–21 c.: from P. A. Vyazemsky epistolary to the verses composed in memory of one of the founders of Leningrad “samizdat” B. I. Taigin by another figure of the the 1950–1990s “second culture” B. I. Ivanov. Of undoubtable value is a letter first introduced into the field of literary studies by a famous Germanist K. M. Azadovsky addressed by the poet R. M. Rilke to the prose and drama writer F. Hollender concerning their participation in G. Hauptmann’s jubilee celebrations. The history of Russian modernist and avantgarde culture is being supplemented and refined by archive materials of the artists M. Durnovo and D. Burlyuk as well as literary scholar V. Markov. Special accent in the present volume is made on memoir and diary testimonies: continuation of the publication of V. V. Zoschenko’s book about M. M. Zoschenko’s disease and literary work (1945–1950s), diary entry by K. V. Vyatkina describing her visit to A. N. Tolstoy’s house (1928); reserved though poignant reminiscences of E. G. Schuko about her childhood reproducing scenes from the life of Leningrad and Moscow intelligentsia of the 1930s; T. G. Gnedich’s notes on the Moscow success of a theater performance based by N. P. Akymov on her *Don Juan* translation (1964).

The *Text Study* section includes the first version of G. Alexeev’s poem *The Firebird* rightfully referred to as *The Romeo and Juliet* of the siege. Its published versions of the 1970s have suffered considerable censorship distortions. The *Information* section introduces the readers to the newly acquired and processed materials as well as to the valuable library of a literary scholar B. Ya. Frezinsky presented to the Pushkin House in 2017. The volume is supplied with a comprehensive reference system and archive illustrations. It is addressed to philologists, historians, art scholars, University professors and student, to all interested in Russian culture and the lives of those who create it.

*The publication was produced with the financial support of Russian
Foundation for Basic Research under project No. 19-112-00205,
not for sale*

*All right reserved. Any part of the book is not allowed to be reproduced without written permission
of the owner in any form and by any mean including photocopying, displaying in Internet or distributing
on the magnet porters. Citing without mention of the source is prohibited. Anybody breaking the rules
would be made responsible in due order according to the laws of Russian Federation.*

ISBN 978-5-86007-925-0

ISSN 0202-0262

© Institute of Russian Literature (Pushkin House), 2019

© DMITRII BULANIN, LLC, 2019

I. СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ

К 150-летию со дня рождения И. А. Бунина

Т. М. Двинятина

**И. А. БУНИН И Е. М. ЛОПАТИНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА И РУССКОГО АРХИВА В ЛИДСЕ)¹**

Аннотация: В статье на материалах Рукописного отдела ИРЛИ и Русского архива в Лидсе (Великобритания) прослеживается история отношений И. А. Бунина и Е. М. Лопатиной. В 1897–1898 гг. Бунин и Лопатина пережили период творческого и личного сближения. После долгого перерыва, в 1920–1930-е гг., уже в эмиграции, во Франции, их общение продолжилось. В произведениях Бунина отразились как биографические черты прошедшего опыта, так и художественные штрихи, которые можно связать и с самой Лопатиной, и с чертами героев ее романа «В чужом гнезде», который она и Бунин вместе готовили для книжного издания в 1898 г.

Ключевые слова: И. А. Бунин, Е. М. Лопатина, источники, дневники, биография, русская эмиграция.

Abstract: Using material from the Institute of Russian Literature (Pushkin House) Department of Manuscripts and the Leeds Russian Archive (Great Britain), this article tracks the course of the relationship between I. A. Bunin and E. M. Lopatina. In 1897–1898 they enjoyed a period of creative and personal closeness. After a long interruption, they resumed contact with one another in the 1920s and 1930s, when they were both émigrés in France. Bunin's works contain biographical features derived from their shared past and artistic features which can be linked both with Lopatina herself and with the heroes of her novel «In the Nest of Strangers», which Bunin helped her prepare for publication in 1898.

Key words: Ivan Bunin, Ekaterina Lopatina, sources, diaries, biography, Russian emigration.

В сложившейся биографии И. А. Бунина Екатерине Михайловне Лопатиной² отведено довольно скромное место. Известно, что они познакомились в Петербурге 10 янв. 1897 г. в редакции журн. «Новое слово». В то время в журнале публиковался первый (и так и оставшийся единственным) роман Лопатиной «В чужом гнезде», напечатанный под псевдонимом «К. Ельцова».

¹ Тексты и фотографии печатаются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate. За постоянную помощь и консультации в работе с бунинским наследием благодарю хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Ричарда Д. Дэвиса. За уточнение отдельных сведений, использованных в этой статье, выражаю признательность М. В. Захаровой и Е. Р. Обатниной.

² Биографическую справку о ней см.: *Агапкина Т. П.* Ельцова К. // Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 230–231. Краткий очерк ее отношений с Буниным см.: *Офицерова Е. В.* И. А. Бунин в Царицыне // Московский журнал. 2014. № 6 (282). С. 68–76.

Роман был встречен доброжелательно и приветливо, Лопатина оказалась на взлете своего молодого успеха – почти в том же положении, что и Бунин, уже принятый в разных столичных редакциях. Отличие заключалась лишь в том, что для него это было самым началом его долгой славы, а для нее – пиком, так как ей суждена была совсем иная судьба – и не столько внутри литературы, сколько вне ее.

Начало их серьезным личным отношениям было положено спустя несколько месяцев в Москве: 17 нояб. 1897 г. Бунин вместе с сотрудниками «Нового слова» А. М. Скабичевским и С. Н. Кривенко пришел в дом Лопатиных и с тех пор стал его частым гостем. В феврале – марте 1898 г. Бунин помогал Лопатиной готовить ее роман для отдельного издания. Они работали, затем вместе ходили по московским «трущобам». Их долгие прогулки по весенней Москве и он, и она будут вспоминать через много лет.

В конце мая – июне 1898 г. Бунин снимал дачу в Царицыне – неподалеку от того места, где снимали дачу и Лопатины. Затем встречи резко оборвались. Он уехал на юг, в Одессу, где вскоре женился на только что окончившей гимназию Анне Николаевне Цакни, дочери финансиста и фактического редактора-издателя газ. «Южное обозрение» Н. П. Цакни. Спустя много лет подытожил: «Если к Лопатиной мое чувство было романтическое, то Цакни была моим языческим увлечением...».³

Известен отзыв о Лопатиной жены писателя, В. Н. Муромцевой-Буниной, вошедший в ее книгу «Жизнь Бунина»:

«Оригинальная, и не потому, что хотела оригинальничать, а потому, что иной не могла быть, она – единственная в своем роде, такой второй я не встречала.

В те годы худая, просто причесанная, с вдумчивыми серо-синими большими глазами на приятном лице, она своей ныряющей походкой гуляла по Царицыну, дачному месту под Москвой, в перчатках, с тросточкой и в канотье, – дачницы обычно не носили шляп. Очень беспомощная в жизни, говорившая чудесным русским языком, она могла рассказывать или спорить часами, без конца. Хорошая наездница, в длинной синей амазонке, в мужской шляпе с вуалью, в седле она казалась на фоне царицынского леса амазонкой с картины французского художника конца девятнадцатого века. Была охотницей, на охоту отправлялась с легавой, большая частью с золотистым сеттером.

Ей было в ту пору за тридцать, она на пять лет старше Ивана Алексеевича».⁴

Муромцевы принадлежали тому же московскому кругу, что Лопатины. В. Н. Муромцева вспоминала, что познакомилась с Е. М. Лопатиной в свои тринадцать лет и спустя четыре года именно в ее обществе впервые увидела

³ Цит. по: *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст. и примеч. А. К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007. С. 174.*

⁴ Там же. С. 163. Ср. несколько шаржированный портрет Лопатиной, очерченный Буниным в разговоре с Г. Н. Кузнецовой: «Она <Лопатина> была худая, болезненная, истерическая девушка, некрасивая, с типическим для истерички звуком проглатывания – м-гу! – звуком, которого я слышать не мог. Правда, в ней было что-то чрезвычайно милое, кроме того, она занималась литературой и любила ее страстно» (*Кузнецова Г. Н. Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А. К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995. С. 217.*)

Бунина. Это произошло в Царицыне летом 1898 г.: «Они (Бунин и Лопатина. – Т. Д.) много гуляли, и один раз мы с мамой⁵ столкнулись с ними. Екатерина Михайловна познакомила нас».⁶ Через восемь лет Бунин и Вера Муромцева снова встретятся в Москве и соединят свои жизни.

Оказавшись в эмиграции, Бунины и Лопатина будут встречаться на юге Франции. Когда в 1935 г. Лопатиной не станет, З. Н. Гиппиус откликнется на ее смерть некрологом, начинающимся с мимолетного воспоминания той самой зимы 1897 г., когда Поликсена Соловьева посоветовала ей прочесть только что вышедший роман своего «друга, Кати Лопатиной», и перерастающим в духовный портрет Лопатиной, знакомой Гиппиус по последним годам в эмиграции: главными его чертами были принадлежность «староинтеллигентской, университетской Москве» (семья Лопатиных была тесно связана с семьей Соловьевых, в их доме бывал Л. Н. Толстой) и религиозность, определившая строй и направление всей жизни.⁷

Вот краткий очерк того, что было известно об этом сюжете бунинской жизни и о его героине. Однажды, уже после смерти Лопатиной, Бунин записал в дневнике: «Следовало бы написать мой нелепейший роман с Кат. Мих. (Лопатиной. – *М<лицца> Г<рин>*). Новодевичий монастырь, Ново-Иерусалим. Еще – историю моих стихов и рассказов».⁸ Прежде чем понять, каким образом он воплотил свой замысел и каким образом «нелепейший роман» оказался связан с его художественными сочинениями, постараемся взглянуть в подробности этой долгой истории, и первыми источниками здесь будут подробный дневник Е. М. Лопатиной 1896–1898 гг.⁹ и собственно ее роман, с которым она вошла в литературу, в жизнь Бунина – и в его творчество.

* * *

Роман «В чужом гнезде» был окончен осенью 1895 г.¹⁰ Он представляет собой историю молодой девушки, Зинаиды Черновой, слушательницы Высших женских курсов в Москве. Она приехала из провинции, живет в доме родственников на окраине Москвы. Пространство романа, таким образом, трехмерно: с провинцией, где живет ее отец, связаны воспоминания о про-

⁵ Мать В. Н. Муромцевой-Буниной – *Муромцева Лидия Федоровна* (1855 или 1856 – 1923).

⁶ *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 173.

⁷ *Гиппиус З. Н.* Своими путями (О Е. М. Лопатиной) // *Современные записки*. Париж, 1935. Кн. 59. С. 459–462. Другие некрологи см.: *Каллаш М.* Памяти Е. М. Лопатиной // *Последние новости*. 1935. 3 окт. № 5306; *Чebyшев Р. Н.* Памяти Е. М. Лопатиной // *Последние новости*. 1935. 27 сент. № 5300.

⁸ Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt a/M, 1977–1982. Т. 3. С. 65 (запись 29 авг. 1940 г.).

⁹ РО ИРЛИ, р. I, оп. 15, № 137(3). Ссылки на дневник Е. М. Лопатиной даются в тексте статьи: ДЛ (с указанием листа и даты).

¹⁰ Об этом свидетельствует, в частности, письмо Е. М. Лопатиной к А. М. Скабичевскому от 28 окт. 1895 г. с ответом на его замечания. В этом письме она называет «В чужом гнезде» повестью и предполагает, что для ее публикации «принуждена будет выбрать себе псевдоним вместо фамилии»; псевдоним «К. Ельцова» будет выбран ею только в сентябре 1896 г. (РО ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 122).

шлом и народнические мотивы, в московском доме Черновых и их загородном имении расцветает мир природы и семейных отношений, с самой Москвой соотносятся идеи эмансипации и женского образования. Образ героини во многом автобиографичный. Ей свойственны те же идеи помощи народу, та же отвлеченность от материальной стороны жизни в пользу духовных поисков, то же сочетание аскетизма и светских увлечений (пение, верховая езда), что и самой Лопатиной.

В течение одной весны героиня переживает роман с графом Торжицким, сыном давней подруги хозяйки того дома, где она остановилась, учась на курсах. Граф женат, но живет отдельно от жены и сына. Он увлекается героиней и заключает пари со своим приятелем на «счастливое» завершение любовной интриги. Не в силах противостоять его настойчивости и мужскому обаянию (в сочетании с неоднократно проскальзывающим в тексте «нахальством»), героиня сдаётся, однако ей приходится весьма быстро опомниться. У Торжицкого умирает пятилетний сын, и обольститель юной героини («погубивший ее безнравственный человек», по определению Лопатиной¹¹) остается при неизменно любящей его жене. Зинаида переживает нервное потрясение, с трудом поправляется и вместе с отцом покидает Москву, решившись отныне жить простой, ясной жизнью, главной идеей которой будет просвещение народа и служение другим.

Роман написан под ясным влиянием русской прозы 1850–1880-х гг., прежде всего Тургенева и Толстого. Атмосфера подмосковной усадьбы несет в себе отголосок тургеневских настроений «Первой любви», описание военного лагеря и ипподрома заставляет вспомнить об «Анне Карениной», семейный уклад равно отсылает и к «Воине и миру», и к «Дворянскому гнезду» (возможно, что и свой роман Лопатина назвала с отсылкой к нему). Некоторые сцены оказываются вольными или невольными проекциями: пение Зины Черновой – пения Наташи Ростовской, ночные мечтания Зины в Ольховке – мечтаний Наташи лунной ночью в Отрадном, соблазнение героини предстает осуществленным замыслом Анатоля Курагина и т. д.

Сам любовный «поединок» двух главных героев не только проецируется на прошлые тексты, но и предугадывает реальное течение событий: в жизни Лопатиной ее роман «сбылся» буквально на следующий год после написания и стал прологом ее встречи с Буниным.

* * *

Журн. «Новое слово» начал печатать роман К. Ельцовой «В чужом гнезде» в декабре 1896 г. И для молодого автора, и для редакции эта публикация стала одним из главных событий той зимы. 1 янв. 1897 г., еще в Москве, Лопатина записала: «1 января 1897 г. Среда. Встретили Новый Год довольно приятно. В двенадцатом часу я взяла в руки “Новое Слово” с моим романом и хорошенько помолилась» (ДЛ. Л. 24). Так в первой же записи Лопатиной за этот год сошлись ее успех, ее творчество и религиозность, которая была основанием и устремлением всей ее жизни.

¹¹ РО ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 122, л. 2 об. (Письмо Е. М. Лопатиной А. М. Скабичевскому от 28 окт. 1895 г.).

В начале января 1897 г. Лопатина приезжает в Петербург. «Живу, точно во сне», – записывает она в дневнике через неделю, 11 янв. В той же записи – подробности первой встречи в редакции журнала:

«11 января. <...> Вчера была в “Новом Слове” на вечернем сборище, куда была приглашена как сотрудница. Я была одна среди толпы незнакомых мужчин. Попова¹² заходила только – ненадолго. Большой стол без скатертей, накрытый, кажется, клеенкой, самовар, стаканы, бутылки с вином, тартинки и хлеб. Дым, громкие голоса, споры. <...> Со мной говорили все так, будто я всю жизнь писала и только это дает мне значение, и цену, и интерес. Будто это моя профессия, и никто не удивляется... Я боюсь, что произвела на них неприятное впечатление, что “они” меня считают глупою; я чувствую себя значительно чуждою им. Но если бы мне когда-нибудь сказали, что *это*¹³ будет, я бы не поверила. И я была счастлива. – Самое главное, *мое*, они понимали. Скабичевский говорил о выпусках в романе, о том, что выпускает не слабые места, а лишние, и что у меня есть лишние, но равные по силе и художественности почти Толстому описания.¹⁴ Кривенко советовал записать впечатления после Ходынки. Писатель Бунин назвал меня землячкой,¹⁵ как только вошел; говорил о работе, о писателях, о том, привезла ли я еще, есть ли мелкие вещи у меня. Да и все вообще говорили всё время о писателях, о работе, о корректурах и цензуре, о литературе во всех ее видах и отраслях. И я была с ними, в дымной, заваленной книгами комнате и совершенно не верила себе» (ДЛ. Л. 25–25 об.).

Других упоминаний о Бунине в этот приезд Лопатиной в Петербург нет: тогда ее более всего занимало ее новое положение в журнальном мире, корректура следующих частей романа и отношения с Лидией Филипповной Маклаковой: годовщину знакомства с ней 29 дек. 1896 г. Лопатина отмечала как «незабвенный, самый дорогой для меня день» (ДЛ. Л. 24).¹⁶

¹² Попова Ольга Николаевна (1848–1907) – издательница журн. «Новое слово».

¹³ Подчеркнутые в тексте Лопатиной слова здесь и далее выделены курсивом.

¹⁴ А. М. Скабичевский принимал деятельное участие в литературной судьбе Е. М. Лопатиной (см. примеч. 10), о ее романе «В чужом гнезде» см. в частности в его развернутой статье «Аскетические недуги в нашей современной передовой интеллигенции (По поводу трех женских романов)» (Русская мысль. 1900, ноябрь. С. 34–41; см. также библиогр. в статье: Азаткина Т. П. Ельцова К.). Когда вышло отдельное издание, Лопатина послала его Скабичевскому вместе с письмом, в котором говорилось: «Глубокоуважаемый Александр Михайлович! Примите от меня на добрую память мое произведение, обязанное отдельным изданием Вам, так как без Вашей похвалы и критики, так много давшей мне бодрости, я бы едва ли решилась издать первый роман мой», и т. д. (РО ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 122, л. 7).

¹⁵ Подразумевается, что Лопатина происходила из семьи дворян Орловской губернии, как и сам Бунин.

¹⁶ Маклакова Лидия Филитовна (1851–1936) – писательница (псевд. Л. Нелидова), была гражданской женой В. А. Слепцова, что в глазах Лопатиной придавало ей еще более возвышенный характер. Со Слепцовым в свое время был дружен А. М. Скабичевский (см. примеч. 10 и 14). После 1917 г. Е. М. Лопатина уехала из России, Л. Ф. Маклакова осталась. В относящейся к Е. М. Лопатиной части Бунинской коллекции в г. Лидсе (см.: *Heywood Anthony J. Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / ed. by Richard D. Davies, with the Assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000. P. 354*) хранится 141 письмо к ней Л. Ф. Маклаковой 1924–1935 гг.

С началом публикации «В чужом гнезде» жизнь Лопатиной приобретает дополнительное измерение:

«16 января. Четверг. Вечер. Я у дяди Вл<адимира> Львов<ича>.¹⁷ У меня отдельная комната, и я здесь работаю. У меня корректуры всё время. Сегодня в редакции получила 92 руб. с копейками, это то, что я заработала сверх 200 руб., до сих пор, со следующей же книжки я буду получать сполна. – Видела ее¹⁸ в больнице и вместе с ней заезжала к Скабичевскому отвезти рукопись и корректуру, кот<орую> я ей давала просмотреть. Мне казалось, что это совсем ужасно, а она нашла, что хорошо, и я в восторге. <...> Я чувствую себя смутно и странно, мне кажется, что какая-то новая жизнь захватила меня. Сегодня сидела там (в ред. «Нового слова». – Т. Д.) и читала свой роман в январской книжке. <...> Узнала, что обыкновенно в «<“Нов<ом> Слове<”> платят 60 руб., если не было особых условий. – Я так люблю эту редакцию, эти комнаты, полки книг. – Всё равно, если и плох совсем мой роман, я только так, *этим* могу жить. И я так люблю ее...» (ДЛ. Л. 26–27 об.).

18 янв. на вечере памяти С. Я. Надсона (к 10-летию его смерти) Маклакова знакомит Лопатину с Н. К. Михайловским. Молва уже передавала Лопатиной добрый отзыв о ее романе этого влиятельнейшего критика, и теперь он сам делится впечатлениями от первой прочитанной части: «Конечно, вперед ничего сказать нельзя, – говорил он Л<идии> Ф<илиппов>не <Маклаковой>, – насколько могу судить пока... распределение лиц... и очень живая сцена на курсах. Мне понравилось» (ДЛ. Л. 30–30 об.). Тогда же Лопатина впервые встречает З. Н. Гиппиус,¹⁹ через неделю, 25 янв., отмечает в дневнике чтение пьесы Маклаковой «у М<ережковских?>» (ДЛ. Л. 34).²⁰ Еще один яркий эпизод, оставшийся на страницах дневника Лопатиной тех дней, – знакомство с Маминым-Сибиряком:

«Последний после беседы моей со Ск<абичевск>им, когда я уходила, подошел ко мне чрезвычайно близко, прижав меня почти к полкам книг, и долго говорил со мной, обдавая меня необыкновенно сильным запахом вина, спрашивал, как это я такая молодая и надумала написать такой большой роман?» и т. д. (ДЛ. Л. 36; запись 28 янв. 1897 г.).

В тот петербургский приезд Лопатина всё чаще признается себе: «У меня странное и смутное, но несомненное чувство, что я... не в силах вернуться в Москву», сознает наступление нового этапа: «Я не могу, не могу вернуться

¹⁷ Чебышев Владимир Львович (1831–1905) – брат матери Лопатиной Екатерины Львовны (1827–1910), артиллерист, генерал-лейтенант, конструктор стрелкового оружия.

¹⁸ Здесь и далее под «ней» имеется в виду Л. Ф. Маклакова; относящееся к ней местоимение Лопатина, как правило, подчеркивала в своем тексте (здесь, однако, оно не выделено).

¹⁹ «Видела Гиппиус, вот удивительный вид... И так хороша собой. Мне казалось, что это совершенно развратное лицо, а Л<идия> Ф<илипповна> дорогой сказала мне, что, говорят, она с мужем живет как сестра, и с Вол<ынск>им ездила за границу точно так же. И мне стало так интересно...» (ДЛ. Л. 30 об.; запись 18 янв. 1897 г.)

²⁰ В некрологе Лопатиной З. Н. Гиппиус писала о ней как о «ни разу в России не виденной» (Гиппиус З. Н. Своими путями... С. 459); очевидно, это не совсем так. Связующим звеном между Гиппиус и Лопатиной была П. С. Соловьева, которая зимой 1897 г. принесла Гиппиус только что напечатанный в «Новом слове» роман Лопатиной.

к прежней жизни, я не понимаю, что такое со мной? Я не могу жить так, как жила до их пор» (ДЛ. Л. 31–32 об.; записи 19 и 20 янв.).

Тем не менее 15 февр. Лопатина возвращается в Москву. Здесь оказывается, что в Москве ее роман читают совсем иначе, чем в Петербурге:

«Ныне она²¹ мне сказала, что меня за роман страшно ругают по всей Москве, в особенности за опозоривание <так!> курсов, за то, что я их затронула. У меня тяжелое и неприятное, и неловкое чувство, но я очень ко всему этому равнодушна, – я слишком мучаюсь за нее. – Мож<ет> быть, гораздо лучше, чтобы роман мой прервали, дальше он еще хуже. Мож<ет> быть, хорошо, что бранят?» (ДЛ. Л. 44 об.; запись 16 февр. 1897 г.).

По отрывочным упоминаниям Лопатиной можно понять, что ее семейный круг относился к Маклаковой крайне настороженно и неприязненно, причиной чего были некие «гнусные клеветы», а следствием – постоянные душевные терзания самой Лопатиной. Ее сомнения относительно ее романа развеивает навесивший Лопатину в Москве Скабичевский, 20 февр. она записывает:

«Сегодня был у меня А. М. Скабичевский. <...> Сердце мое переполнено сочувствием к нему и негодованием на Попову за их судьбу. Он до того мил. К нам выходил папа.²² А<лександр> М<ихайлович> приехал искать работу, но говорит, что ничего в виду не имеет. Про меня сказал, что мой роман, конечно, <надо> кончать, что журнал будет продолжаться и, вероятно, набирается мартовская книжка. Я ему рассказала, что меня очень бранят за опозоривание <так!> курсов. – Кто вас бранит? – добродушно улыбаясь, возразил он: – А в Петербурге ваш роман очень хвалят... – Потом сказал: – А вы очень хорошо знаете Москву... московскую жизнь. У вас так и обдает Москвой. – Я была в таком восторге от его слов. Мне невыносимо грустно, что я теперь не увижу его Бог знает сколько времени» (ДЛ. Л. 46–46 об.).

В начале 1897 г. в редакции «Нового слова» произошли изменения,²³ и Лопатина, со своей стороны, могла беспокоиться о дальнейшей судьбе своего романа. Однако публикация продолжилась (последние главы «В чужом гнезде» были напечатаны в июльском номере «Нового слова» за 1897 г.), и радость от держания корректуры и страдания за Л. Ф. Маклакову наполняли жизнь Лопатиной противоречивыми переживаниями. В этот момент (по крайней мере на страницах ее дневника) появляется он, Ардалион Ардалионович Токарский (в дневнике Лопатина называет его Анатолием или «Толей».)²⁴ Московский

²¹ Л. Ф. Маклакова.

²² Лопатин Михаил Николаевич (1823–1900) – судебный деятель, публицист.

²³ По настоянию издательницы журнала О. Н. Поповой его прежде народническое направление менялось на марксистское, к сотрудничеству были приглашены В. А. Поссе, П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский. Члены старой редакции, в том числе С. Н. Кривенко и А. М. Скабичевский, заявили о выходе из журнала (см.: Новое время. 1897. 13 февр.; Новое слово. 1897. № 6, март; объявление Поповой), будущность которого в связи с этим некоторое время представлялась неясной.

²⁴ Токарский Ардалион Ардалионович (1859–1901) – врач-психиатр, автор работ по нервным болезням и гипнотическим явлениям, первый директор психологической лаборатории при Московском университете. В 1899 г. Лопатина бывала на его лекциях.

врач-психиатр, вхожий в московский круг Лопатиных,²⁵ женатый человек, оставивший свою жену, быстро овладевает вниманием впечатлительной девушки:

«Неужели я хоть на несколько дней, хоть только в воображении могла испытывать и испытываю что-то вроде любви. Это так неясно и глупо, и такое полное крушение всего... А чтобы видеть его, дала бы много и не из одного любопытства. И никогда ничего подобного с *тех* пор не испытывала. Это, несомненно, не любовь, но что-то грозное. И вовсе при этом недурное» (*ДЛ*. Л. 53; запись 22 марта 1897 г.).

Обмолвка «с *тех* пор» заставляет предположить, что была некая предыстория в ту пору (с другим человеком?), после которой подобные чувства казались Лопатиной уже невозможными.²⁶ Теперь она вспоминает, что прежде чувства, связанные с влюбленностью и воображением, воспринимались как «такие гадости», а тут оказывается: «И гадкого ничего, совсем ничего» (*ДЛ*. Л. 53 об.).

Однако очень скоро ситуация еще более осложняется. Лопатина узнает, что у Токарского помимо жены есть «любовница, у кот<орой> он живет, т. е. снимает комнату», и хочет «вести в дом».²⁷ «Всё это, в сущности, такая грязь и гадость. Во что я попала?» – ужасается Лопатина (*ДЛ*. Л. 54 об.). Приходится признать, что она попала героиней в свой уже написанный роман (далее она и сама признается в этом в дневнике), но жизнь оказалась гораздо шире романа.

Март 1897 г., Лопатина влюблена. Между тем это время Великого поста (Пасха приходилась на 25 апр.), и она ходит на всенощные. В воскресенье 23 марта (4 апр.) кончается четвертая неделя Великого поста, посвященная памяти преп. Иоанна Лествичника, и за службой полностью читаются Великий покаянный канон св. Андрея Критского и житие преп. Марии Египетской. Все три имени для Лопатиной отмечены особым духовным смыслом: как путь внутреннего совершенствования и приближения к небу, как образец покаяния и как преодоление страстей, и прежде всего страстей любовных. Лопатина за молебном поминает «рабу Лидию». В тот же день после службы она идет

²⁵ Так, например, вместе с братом Лопатиной Львом Михайловичем А. А. Токарский состоял в Психологическом обществе при Московском университете. В дневнике Лопатиной то и дело встречаются фамилии Огневых, Суражевских, Соловьевых, – и все они существуют в одном «поле» с ее неожиданным избранником и оказываются невольными свидетелями разыгрывающейся драмы.

²⁶ Похожие обмолвки встречаются и в других записях, например, при передаче разговора Лопатиной с Маклаковой 29 апр. 1897 г.: «Она говорит, что давно боялась этого, того, что подвернется какой-нибудь негодяй, и что за эти 10 лет, когда я никого не любила, я и сберегла себя для Толи» (*ДЛ*. Л. 76 об.).

²⁷ См. также позднее изложение посвященной в обстоятельства дела В. Н. Буниной: «Из романа с психиатром у нее ничего не вышло, так как у него была связь с франуженкой, от которой он имел дочь, и он считал долгом узаконить этот союз, а затем развестись, но в то время разводы были очень сложным делом в России» (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. С. 171). Сама Лопатина в дневнике 1899 г. пишет о «детях» Токарского и его страхах, что в случае его развода с «женой»-франуженкой они уедут с матерью в Париж (РО ИРЛИ, р. I, оп. 15, ед. хр. 137(4)).

в «трусобь» – так назывались ее регулярные обходы «углов» московской бедноты в стремлении хоть как-то облегчить существование их жителей. Вместе с ней пошел Токарский: «Вел себя дураком, удивлялся, что мы выносим всё это, уходил курить, кажется, давал деньги и предлагал бабе написать за 5 коп. просьбу» (ДЛ. Л. 57 об.). Через год на месте Токарского окажется Бунин.

Отношения с Токарским Лопатина разорвать не может. Сострадание и влюбленность приковывают ее к нему, а он пытается объясниться. 30 марта Лопатина описывает их прогулку по Москве и разговор:

«Говорил о тяжести человека, связанного по рукам и ногам чувством долга с другой женщиной, с кот<орой> они хоть и не венчаны, но с кот<орой> он сошелся, о том, как он отказывается от всякого личного счастья, – когда девушку, положим, любишь, и чувствуешь, что чувство проходит, – у нее есть семья, родители. Ну, и разрываешь. А тут, если *нельзя* ничего сделать. И ждешь – месяцы, годы, кот<орые> должны пройти, и поневоле ждешь только смерти, что всё кончится смертью. – Я что-то говорила лишнее, и мы всё шли» (ДЛ. Л. 62 об.–63).

Встреченная ими в тот раз на улице знакомая (З. С. Иванова), которой Лопатина представила своего спутника, оставшись с ней наедине, сказала: «Это тип из Вашего романа. Вы, наверное, его изучали!» (ДЛ. Л. 63 об.). Но Лопатина не изучала, да и роман был уже написан, – она была увлечена. Решение и раз-решение внутреннего конфликта она ищет в церковных службах.

«10 апреля. Ночь. Была у 12-ти Евангелий, вечером сидела у Огневых, хорошо говорили. Я решила говеть. Хотела причащаться в Светлый Праздник, но священник находит это неудобным. Решила, что лучше в Вел<икую> Субботу. Я надеюсь, это меня успокоит. <...> Получила нынче уведомление, что я избрана в Члены Союза писателей» (ДЛ. Л. 71).

8 мая Лопатина получает письмо из «Нового слова»: «Меня просят быть сотрудницей, присылать следующие вещи и т. д., говорят мне, что это важно, т<ак> к<ак> у меня есть много поклонников, зачитывающихся романом, и т. д. Я никогда не смела мечтать об этом» (ДЛ. Л. 93 об.). 22 мая: «У меня утром были <П. Б.> Струве и <С. Н.> Булгаков из редакции Нового Слова. Приглашали присылать вещи, благодарили и т. д. Я была смущена и счастлива... Но я не могу о них теперь думать» (ДЛ. Л. 111). Сама цельность характера Лопатиной, главное в ее личности и мировосприятии, подвергается страшному испытанию: она разрывается между любовью к Л. Ф. Маклаковой – и страданием за нее перед своей семьей, любовью к Токарскому – и мыслью «может ли честный человек, живя с любовницей, искать моей близости?» (ДЛ. Л. 113 об.; запись 27 мая 1897 г.). И все ее мысли – о пропасти между тем счастьем, каким представляются ей отношения с Маклаковой, и тем ужасом, в который ее погружает чувство к Токарскому. Ни противиться этому чувству, ни выйти из очерченного круга она не может и только вновь и вновь спрашивает себя:

«Что мне делать? Я всё время как во сне и ничего не понимаю. <...> Что это – грех? Грех овладевает мною? Ничего не понимаю, но мне нехорошо. Но – самое худшее – неужели это портит *наши* отношения, отнимает у меня всё, самое мне

дорогое и близкое, и важное, самое святое, что у меня есть?»²⁸ – Нет, это совсем невозможно. – Но, должно быть, я просто порочный и больной человек. Иначе откуда было взяться всему, что я испытываю?» (ДЛ. Л. 102 об.; запись 17 мая 1897 г.).

«Желание его видеть, чувство измены перед ней, страх сделать ей больно и тоска по ней, страх всего – измучили меня. <...> Как милосерд ко мне Господь всё это время, и как бесконечно гадка я. Это пугает и мучает меня жестоко...» (ДЛ. Л. 113–114; запись 27 мая 1897 г.).

Летом Лопатины в Царицыне. Самые поэтичные страницы ее дневника посвящены описанию долгой прогулки в «удивительно хороший, июньский вечер», когда «в самом воздухе разлито что-то, чем должен и может человек наслаждаться» (ДЛ. Л. 119, 123; запись 4 июня 1897 г.), а с пруда доносятся цыганские песни:

«Что за сила искусства, красоты? Отчего у меня так бьется и сжимается сердце? Отчего мне хочется плакать? Куда унесли меня эти звуки? Я ничего не знаю. Но я знаю, что какая-то незримая, огромная, где-то до сих пор скрывавшаяся волна накинула<сь> на меня, подхватила и теперь уже не остановиться. <...> Мне надо было только слышать эти звуки. И, как загипнотизированная, я шла за этим голосом дальше и дальше. <...> “Мой костер в тумане светит, искры гаснут на лету, ночью нас никто не встретит, мы простимся на мосту...”» (ДЛ. Л. 126 об.).

Замечательно, что и вечерние прогулки в парке, и пение именно цыганских песен были описаны ею в уже вышедшем романе (его публикация заканчивалась в июльском номере «Нового слова») – и были особо отмечены Буниным,²⁹ а теперь (заново?) сбывались в жизни. Пытаясь отдать себе отчет в охвативших ее чувствах, Лопатина понимает, что это – «любовь. Самый огромный и жестокий, вечный обман, самое [огромное, мучительное]³⁰ огромное и лучшее, что есть на свете» (ДЛ. Л. 129 об.), и что эта стихия связана в ее душе именно с «ним», и что отныне она будет следовать только этому голосу. Но уже через несколько дней всё вновь переворачивается, за пережитым потрясением следует решение отказаться от встреч с Токарским, бежать «от этого всеми зависящими от меня средствами» (ДЛ. Л. 132; запись 10 июня 1897 г.), а новая встреча с Маклаковой³¹ укрепляет в мысли быть верной только «ей»: душевная близость с Л. Ф. Маклаковой, по крайней мере на время, перевешивает всю жажду иной любви:

«Когда она говорила мне о страданиях, кот<орые> я ей доставляла, о том, как она испугалась, всё ее прелестное лицо менялось, и слезы показывались на ее глаза... Вся моя душа переполнена любовью к ней, бесконечным чувством благо-

²⁸ В данном случае имеются в виду отношения с Л. Ф. Маклаковой.

²⁹ Позднее, в пору их московских прогулок начала 1898 г., Лопатина описывает, как Бунин «вдруг сказал: – Потом у вас еще очень хорошо, где поют цыганские песни... Такие есть верные выражения. Очень хорошо» (ДЛ. Л. 187 об.; запись 22 янв. 1898 г.).

³⁰ Слова в [] зачеркнуты.

³¹ Лето 1897 г. Маклакова проводила в Спасском, недалеко от Царицына; но именно для той встречи с ней Лопатина ездила в Москву.

дарности к ней. *Мой мир, наш мир* опять охватил меня, это невыразимое, ни с чем несравнимое счастье, и эти страдания. Я так люблю ее, что всё это, то, что мучило меня и ее, кажется мне чем-то совершенно нелепым и ненужным и ушло от меня. Да и когда *так* любишь, разве можно еще думать о чем-нибудь? Когда есть *эти* глаза, – какие еще глаза могут иметь значение?» и т. д. (*ДЛ*. Л. 133 об.–134; запись 17 июня 1897 г.).

Выйти из этого круговорота чувств и мыслей заставляет семейная трагедия. Летом 1897 г. психическим расстройством заболевает брат Лопатиной Николай, тот самый, с которым теснее всего была связана «песенная» сторона жизни и самой Лопатиной, и всей их музыкальной семьи.³² 1 (13) авг. Н. М. Лопатин скончался. «Слава Богу, я была при нем и закрыла ему глаза», – пишет Лопатина 5 авг. (*ДЛ*. Л. 143 об.). В следующие дни и месяцы она переживает сильнейшее религиозное потрясение.³³ Записи в ее дневнике возобновятся только в ноябре 1897 г., они начнутся с подробного описания кончины брата, последовавших церковных служб и перенесенных страданий.³⁴

В этом состоянии душевного разлома ее застает Бунин.

* * *

Осень 1897 г. Бунин проводит то в Москве, то в Петербурге. Очередной раз приехав в Москву, он 17 нояб. приходит в дом Лопатиных – одноэтажный ампирный особняк «послепожарной» постройки на углу Гагаринского и Хрущевского переулков (он сохранился и поныне). Здесь на «лопатинских средах» в разные годы бывали И. С. Тургенев, И. С. Аксаков, Ф. И. Тютчев, А. Н. Плещеев, А. А. Фет, А. М. Жемчужников, В. О. Ключевский, В. И. Герье,³⁵ А. Ф. Кони.³⁶ Лопатина и ее братья³⁷ были дружны с детьми С. М. Соловьева,

³² См. ниже примеч. 37 и о Н. М. Лопатине: *Битерякова Е. В.* Николай Лопатин: Штрихи к портрету (К 160-летию со дня рождения) // Традиционная культура. 2014. № 2. С. 155–165 (за указание этого источника благодарю Т. Г. Иванову). Умерший на следующий день после Ф. И. Буслаева Н. М. Лопатин был похоронен в Новодевичьем монастыре и оказался рядом со старшим собратом по собиранию и изучению русского фольклора (см. *ДЛ*. Л. 166; запись 4 нояб. 1897 г.).

³³ По свидетельству В. Н. Муромцевой-Буниной, лечащим врачом Н. М. Лопатина был тот «психиатр Т.», с которым у Лопатиной «в то время были очень сложные отношения», т. е., очевидно, А. А. Токарский. После смерти брата Лопатина «стала интересоваться психиатрией, впоследствии сделалась настоятельницей Никольской общины, где читала сестрам лекции по уходу за душевнобольными» (*Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 171).

³⁴ Отдельной темой может стать «толстовская интонация» в дневнике Лопатиной; в этом случае одним из наиболее ярких фрагментов сравнения было бы описание смерти Николая Лопатина в сопоставлении с описанием смерти Николая Левина в «Анне Карениной».

³⁵ Основатель Высших женских курсов, которые посещала и сама Лопатина, и героиня ее романа Зина Чернова, В. И. Герье был соседом Лопатиных по Гагаринскому переулку: они жили в д. 13, а он в д. 30.

³⁶ Об истории дома Лопатиных см.: *Басманов А. Е.* Особняк с потайной дверью. М., 1981.

³⁷ В семье М. Н. и Е. Л. Лопатиных выросло пятеро детей. Братьями Е. М. Лопатиной были *Николай Михайлович* (1854–1897) – собиратель народных песен, фольклорист; *Лев Михайлович* (1855–1920) – философ, профессор Московского университета; *Александр Михайлович* (1859–1934) – юрист, судебный деятель; *Владимир Михайлович* (1861–1935) – юрист, судебный деятель, актер МХТ (псевд. В. Михайлов).

особенно с Владимиром.³⁸ В их доме бывал Л. Н. Толстой, и «толстовская» тема будет одной из ведущих на протяжении всех лет знакомства Бунина с Лопатиной. И в целом, до встречи с ней в бунинский жизни не было такой концентрации живой литературной и философской атмосферы в самом центре старой Москвы (от дома Лопатиных рукой подать до Бульварного кольца и до Пречистенки). На другой день после прихода Бунина Лопатина записывает:

«Вчера в 2 ч. дня у меня были в гостях Скабичевский, Кривенко и молодой писатель Бунин, который сказал, что он мой поклонник и оттого пришел. Я была до глупости счастлива и взволнована. <...> Боюсь, что он (Скабичевский. – Т. Д.) и Б<унина> придут завтра, в среду. Я не устояла и позвала их. Бунина мне ужасно хочется видеть, а Ск<абичевского> я, конечно боюсь» (ДЛ. Л. 169 об.–171).

В среду 19 нояб. Бунина не было,³⁹ его следующий приход 3 дек.:

«Мы с ним много говорили. <...> Я <...> всё занимала Б<унина>. А он, удерживаясь от смеха, сказал мне, что у меня до того портится характер и я так испортилась, что необходимо принимать какие-нибудь меры...» (ДЛ. Л. 172).

В дневнике Лопатина записывает их встречи: 19 дек. (на Тверском бульваре), 23 дек. (в доме на Гагаринском, она читала ему свой рассказ), и каждый раз отмечает, что ей с Буниным «хорошо» и «весело». 30 дек. Бунин неожиданно появляется на ёлке, где присутствует Лопатина, только что пославшая ему письмо с благодарностью за вчерашний визит.⁴⁰

«Я была так рада. <...> Он мне сказал, что потому любит ходить к нам, что совсем не лжет, говоря со мною, – а то ведь всё приходится лгать... И мы условились не лгать друг другу, благо мы так “не пошло” познакомились. Потом я с ужасом призналась, как мне много лет, он хохотал и говорил, что знал это <...> Л. Ф. <Маклакова> про него сказала: – какой красивый Б<унина>» (ДЛ. Л. 178–180).

1 янв. 1898 г., встретив Новый год у М. Ф. и Ф. А. Беркенфельдов, Бунин пришел к Лопатиным.⁴¹

«Бунин пришел, когда уже начался второй час, с цветками гвоздики белой в руке. <...> В разговоре с мамой спокойно рассказал, что его брат был три года под надзором полиции. Теперь его у нас будут бояться. Мне, впрочем, всё равно. Я очень обрадовалась, что он пришел, мне это казалось хорошим предзнаменованием» (ДЛ. Л. 181–181 об.).

³⁸ Об этом см. воспоминания Лопатиной, опубликованные под ее литературным псевдонимом: *Ельцова К.* Сны нездешние (К 25-летию кончины В. С. Соловьева) // *Современные записки.* 1926. Кн. 28. С. 225–275.

³⁹ 20 нояб. Лопатина отметила это в дневнике (ДЛ. Л. 171).

⁴⁰ Накануне Бунин оставил для нее № 1 журн. «Детское чтение», где был опубликован его рассказ «В деревне», и рецензию на роман Лопатиной, переписанную им из журн. «Жизнь».

⁴¹ М. Ф. и Ф. А. Беркенфельды, родственники редактора «Вестника воспитания» Н. Ф. Михайлова, с которым Бунин сошелся в предыдущий год, жили в собственном доме на Вознесенской ул. (№ 19–21), что на Гороховом поле, откуда до дома Лопатиных пешком идти полтора часа; хочется думать, что Бунин взял извозчика.

Возможно, что уже в тот свой приезд в Москву Бунин поселился в меблированных комнатах Гунст на Хрущевском пер., д. 5, в двух шагах от дома Лопатиных. И 2, и 7 янв. он снова приходит к ним:

«Бунин был ужасно мил. Пришел рано и рано же ушел. У меня было чувство, что мы так близки, так понимаем одинаково. Он спрашивал меня, очень ли <он> не понравился мне, когда я увидела его в “Нов<ом> слове” в П<е>т<ер>б<урге> в прошлом году, – я сказала, что теперь у него совсем не такой вид. Он уверял, что я уже это говорила ему не раз. Потом спрашивал, показался ли мне нахалом, когда пришел осенью с Ск<абичевским> и Кривенко. – Я к вам еще в прошлом году хотел прийти, – сказал он. Я так рада...» (ДЛ. Л. 183–183 об.; запись 7 янв. 1898 г.).

Бунин и дальше постоянно бывает у Лопатиной, гуляет с ней по Москве, вместе они ходят «по трущобам». В. Н. Муромцева-Бунина позднее уточняла: «Под влиянием Толстого, писавшего о ночлежных домах, Иван Алексеевич с Катериной Михайловной, как он ее всегда звал, ходили по ночлежным домам и притонам в Проточном переулке, близ Новинского бульвара». ⁴² В свои последние годы Бунин вспоминал об этих прогулках, на случайно попавшей под руку сигаретной коробке он записал: «Мы с Лопатиной по трущобам в Москве в 1897[–98] (?) году». ⁴³ Память подвела его в точности года, но воспоминание, в котором сошлись «сильное и тяжелое» (ДЛ. Л. 184 об.) впечатление от «углов» и ощущение молодости, радости и веселья, которое сопровождало весь первый период его отношений с Лопатиной, жило в нем до последних лет. После одной из прогулок Лопатина записывает:

«Мы с ним <Бунин> много гуляли, на реке, у Дорогомилова, везде. Много говорили. На нем было удивительное пальто. В этом пальто, прямом, ярком, суконном, с широкими плечами, с отворотами, как у сюртука, в синем кашне и шапочке, с вязаными перчатками он имел такой изящный, славный вид. Когда нас одна старушка, когда-то бывшая горничной, привела в свою каморку, он вдруг стал торопить меня. – Я не могу ее видеть, – повторял он, и мне казалось, что он плачет, или готов заплакать. А день был так удивительно хорош, совсем весна, особенно, когда выглядывало солнце. Снег таял, всюду грязь. <...> <...> Потом я смеялась, что опишу его. – И я ведь вас опишу. И он стал говорить, что я очень типична, даже походка. – Чего же я тип? – Барское дитя... – повторил он. – Я так этому рад... У вас и походка, вы ходите немного сгорбившись, точно тургеневская героиня. Право. Робко, скромно. Под защиту родного гнезда» (ДЛ. Л. 186 об.–188; запись 22 янв. 1898 г.).

Может быть, именно этот день Бунин вспоминал спустя полвека в одной из своих записных книжек: «К. М. Лопатина говорила мне в ту пору, когда я года два оч<ень> часто ходил к ней в ее старинный дворянский дом в Гагаринском переулке (годы 1897, 1898) с *плачущим смехом* (мне обо мне), жалостным: – Ну какой милый, какой смешной! Идет по Арбату

⁴² Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 171.

⁴³ РАЛ. MS 1066/715 (100). Запись сделана синей шариковой ручкой, которая могла появиться у Бунина только после окончания войны и записи которой делались Буниным не раньше июня 1949 г.

в своем старом пальтеце и пресерьезно говорит: “Погодите, погодите, я буду знаменит на всю Европу!”».⁴⁴ А до того они вместе вспоминали его – в один из приездов Лопатина к Буниным в Грасс, в конце мая – начале июня 1929 г., и то *воспоминание* осталось в дневнике жены Бунина Веры Николаевны, так передавшей его слова: «Я сказал ей <Лопатиной>, когда покупал куртку, посмотрел в зеркало и подумал: “Нехорош стал”... А она напомнила мне: “Помните, мы шли по Арбату, и Вы говорили: «Чувствую, мир перевернуть могу», а шея гусятая, длинная, и в тяжелых калошах”». Нет, – прибавил Ян, – я и в молодости кое-что понимал».⁴⁵

С теми прогулками для Бунина на долгие годы связалось ощущение почти избыточной полноты жизни, – во всяком случае в их описании и в позднейшем обобщении совпадали и настроение, и детали: «Разве можно сказать, что такое жизнь? – говорил он в 1928 г. Г. Н. Кузнецовой. – В ней всего намешано... Вот у меня целые десятилетия, которые вспоминать скучно, а ведь были за это время миллионы каких-то мыслей, интересов, планов... Жизнь – это вот когда какая-то там мусть за Арбатом, вечереет, галки уже по крестам расселись, шуба тяжелая, калоши... Да что там! Вот так бы и написать...».⁴⁶

В 1931 г. Бунин рассказывал Г. Н. Кузнецовой: «Мне нравился переулок, дом, где они жили, приятно было бывать в доме. Но это было не то, что влюбляются в дом оттого, что в нем живет любимая девушка, как это часто бывает, а наоборот. Она мне нравилась потому, что нравился дом...».⁴⁷ Говоря так, Бунин чуть не повторял толстовское описание в «Анне Карениной»: «В это время Левин часто бывал в доме Щербацких и влюбился в дом Щербацких. Как это ни странно может показаться, но Константин Левин был влюблен именно в дом, в семью, в особенности в женскую половину семьи Щербацких».⁴⁸

По совету Бунина Лопатина пытается описать жизнь бедноты («это злобоние, <...> эти лица, эту грязь, эти каморки»; *ДЛ. Л.* 186 об.), 24 янв. читает ему свой только что написанный рассказ «Морозною ночью»: «Мне было совестно читать нестерпимо, а он то и дело обрывал меня, делал замечания, хохотал». По окончании чтения Бунин «взял молча, перебирая листы, тетрадку и стал делать разные замечания». «Я была так рада. Мы долго, долго и так

⁴⁴ РАЛ. MS 1066/551. Запись сделана синей шариковой ручкой, т. е. не раньше июня 1949 г. (см. примеч. 43). И Бунин, и Лопатина не раз вспоминали эти казавшиеся тогда курьезом слова. В позднем разговоре с В. Н. Буниной Лопатина приводила их в контексте бунинского «сватовства» к ней весной 1898 г. (см. ниже). Их же Бунин приводил в разговоре с Кузнецовой в июне 1931 г.: «Он еще рассказывал, между прочим, что когда Кат. Мих. смеялась над ним, он как-то сказал ей: “Вот увидите – я буду известен не только на всю Россию, но и на всю Европу!”» (*Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник... С. 218). См. также далее примеч. 63.

⁴⁵ РАЛ. MS 1067/395. Дневник В. Н. Буниной; запись 28 мая 1929 г. См. также: Устами Буниных... Т. 2. С. 204.

⁴⁶ *Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник... С. 96.

⁴⁷ Там же. С. 217.

⁴⁸ *Толстой Л. Н.* Анна Каренина (часть первая, VI) // Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. Т. 18. С. 24.

удивительно хорошо говорили. Так удивительно много он понимает. Следует писать» (ДЛ. Л. 188 об.–189). Вероятно, это совместное чтение и откроет возможность будущей общей работы: через месяц они будут вместе редактировать журнальный вариант романа «К. Ельцовой» для книжной публикации.

27 янв. Лопатина рассказывает Бунину о болезни Л. Ф. Маклаковой, из-за которой она была в страшной тревоге. «Ну, ведь, *было*, – возразил он так мило. Я стала жаловаться, что она одна... – Мы все одни, – успокоительно сказал он. <...> Б<унин> был мил, и мил был хорошо» (ДЛ. Л. 190).

30 янв. Бунин вновь на Гагаринском. О чем шел разговор, неизвестно, но, оставшись одна, Лопатина пишет: «Нынешний вечер я чувствую, как сильно сблизил меня с ним. Это совсем хороший человек и всё меньше и меньше недоговоренности. Писала рассказ при нем. <...> Вечером <завтра> собираюсь ехать в Птб. Молось Богу о нем, обо всем» (ДЛ. Л. 190 об.).

Лопатина уезжает в Петербург, где готовится отдельное издание ее романа, и Бунин не может дожидаться ее возвращения. 16 февр. он едет следом, и тотчас по приезде, утром 17 февр. приходит к ней: «все дни мы почти не расставались», – напишет Лопатина, вернувшись в Москву (ДЛ. Л. 191 об.).

«Он то сидел у нее⁴⁹ на Лиговке, то провожал меня в “Сын отечества”, то отвозил еще куда-нибудь; поправлял оттиски моего романа, и раз я была у него в номере на Пушкинской.⁵⁰ Понемногу все стали замечать, намекали на его любовь, почти упрекали меня, острили и смеялись. <...> Он делался всё страннее, стал минутами несносен» (ДЛ. Л. 191 об.–192).

Наконец произошло объяснение, которое Лопатина подробно описывает в своем дневнике:

«Вечером он ждал меня в Союзе писателей. Я никогда этого вечера не забуду. Никогда, кажется, я его таким не видала. Так он был бледен, грустен, мил. Так мы тихо, грустно и хорошо говорили. <...> Он поправлял мой второй оттиск, хвалил эту часть. Мне было страшно грустно, и казалось, что у него на глазах слезы. <...> Из Союза <писателей> он пошел за мной, провожать меня. Как я помню эту ночь. Шел снег, что-то вроде метели. <...> Наконец, уже на Садовой, мы заговорили и всё было сказано. Мне вдруг стало легко говорить с ним. Мы пешком дошли до Мастерской, и было так грустно, я сказала ему, что боюсь его увлечения, его измученного лица и странного поведения, иначе не стала бы говорить; что я не могу пойти за ним теперь, не чувствую силы, не люблю его настолько. Он говорил о том, как никогда и не ждал этого, как во мне он видит весь свет своей несчастной жизни; он не боялся этого, потому что ему нечего терять, ему уже давно дышать нечем; без меня у него тоска невыносимая, но это не какая-нибудь обыкновенная влюбленность, кот<орую> легко остановить, а трезвое, настоящее чувство, очень сложное, и расстаться со мною ему невыносимо уже теперь.

Как разграничить, где влюбленность, где просто близость, где любовь? Он не мальчик, и чувство его не легкое. <...> Он простился со мной, но вдруг вспомнил о романе и вернулся. Я протянула ему руку, он поцеловал ее, и мы расстались» (ДЛ. Л. 191–194).

⁴⁹ Т. е. Л. Ф. Маклаковой.

⁵⁰ Вероятно, имеются в виду меблированные комнаты Пименова на Пушкинской ул., д. 1 (неподалеку от Лиговского пр.), где Бунин уже останавливался осенью 1897 г.

21 февр. Лопатина уезжала в Москву, Бунин провожал ее, «бледный, даже желтый», говорил, что «вероятно, уедет в понедельник в Нормандию», и «на глазах у него «были слезы» (ДЛ. Л. 194–194 об.). Приехав в Москву, Лопатина тут же пишет ему письмо: «Я говорила ему, что мне грустно, что я хочу его видеть и хочу, чтобы он знал это, но не зову его... Послала вечером с посыльным на вокзал» (ДЛ. Л. 194 об.). Еще не получив письма, Бунин провёл в Петербурге «горькие и безумные два дня»,⁵¹ получив – сразу вернулся в Москву и пришел на Гагаринский.

«Кто я был тогда? У меня ничего не было, кроме нескольких рассказов и стихов. Конечно, я должен был казаться ей мальчиком, но на самом деле вовсе им не был, хотя в некоторых отношениях был легкомыслен <...> С таким легкомыслием я и сказал ей однажды, когда она плакалась мне на свою любовь к Х: “Выходите за меня замуж...”. Она расхохоталась: “Да как же это выходить замуж... Да ведь это можно только тогда, если за человека голову на плаху можно положить...”. Эту фразу очень отчетливо помню», – рассказывал Бунин спустя тридцать с лишним лет Г. Н. Кузнецовой.⁵² Из этого, в частности, ясно, что роман Лопатиной с Токарским («очень странный и болезненный», как вспоминал тогда же Бунин, но еще не ставший непреодолимой преградой) не был для него тайной, но на его чувство к ней это не влияло.

В конце февраля – начале марта 1898 г. Бунин в Москве, у Лопатиной, и она записывает: «Он у меня постоянно, мы вместе работаем. Теперь всё ясно, он говорил мне всё и просил всё оставить по-прежнему <...> Мне теперь с ним легко, в наших отношениях есть много поэтичного, и, хотя часто меня пугает мысль, что с ним будет, думаю, что иначе поступить я не должна» (ДЛ. Л. 195).

Принято считать, что Бунин помогал Лопатиной в работе над сокращением её «многословного романа»⁵³ «В чужом гнезде» для отдельного издания.⁵⁴ Однако сличение журнального и книжного вариантов показывает, что сокращения были единичны и касались только отдельных второстепенных деталей, и так во множестве оставленных на страницах романа. В перспективе последующих лет ясно, что это была только первая примерка Буниным возможно-

⁵¹ Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С. Н. Морозова, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 255.

⁵² Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 217–218.

⁵³ Вероятно, это было распространенное читательское впечатление: «живым, вылившимся из страстно-взволнованной женской души, и... многословным» спустя много лет назовет роман Лопатиной З. Н. Гиппиус (см.: Гиппиус З. Н. Своими путями... С. 459), и даже В. Н. Бунина признает, что Лопатина «страдала многословием» (*Муромцева-Булнина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью.* С. 169). Сходным образом отзывалась после первого прочтения романа и Г. Н. Кузнецова, мимо которой прошли все народнические мотивы, см. ее запись 4 июня 1929 г.: «Сегодня с утра читала роман Кат. Мих. (Лопатиной), прочла весь. Даже в сокращенном виде он очень велик, но я много передумала, читая его. Вот разность поколений! Триста восемьдесят страниц только о том, как женатый человек соблазнил девушку! А сколько мы вменяем в такие триста восемьдесят страниц? Да и нельзя же всё писать только об этом, о любви, всегда о любви!» (*Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 108*).

⁵⁴ См. два вышедших друг за другом идентичных издания: *Ельцова К. В чужом гнезде.* Роман. СПб.: Изд. СПб. Акционерного О-ва «Издатель», 1899; 2-е изд. 1900.

сти сжатия романной формы до новеллистического каркаса и что эта работа в полной мере будет проведена им уже в его собственном, и значительно более позднем, творчестве.

Видимо, 8 апр., на дне рождения у Лопатиной, происходит новое объяснение, и в ответ на свои слова Бунин слышит упреки в «чувстве страсти». 11 апр. он пишет ей большое письмо: «В мое чувство к Вам входит, напр., и чувство страсти. <...> Я не скрываю, что <...> люблю порою Вас всю невыразимой любовью. <...> А Вы упрекнули меня и даже больше того – сказали, что у меня это чувство главное. <...> ведь неправда, что только эти чувства у меня к Вам главные. Вы знаете, что я систематически подавляю их и, вероятно, подавлю, чтобы только сохранить наши отношения. <...> Вы видите, что я все-таки счастлив с Вами, я, который не имеет уже никакой надежды на Вашу любовь».⁵⁵

В конце апреля Бунин и Лопатина едут в Царицыно, чтобы снять на лето дачу для Лопатиных. В начале мая туда переезжает и Бунин.⁵⁶ В. Н. Бунина позднее писала: «Начало лета он провел в Царицыне, поселился в “стойлах”, как мы называли комнаты с балконом в саду Дипмана,⁵⁷ где были ресторан, летний театр и номера для одиноких дачников. Там в то время жил молодой писатель, друг Бунина, Телешов <...> Иногда при встречах в огромном вековом царицынском парке они подолгу беседовали с моей мамой на литературные темы».⁵⁸

Очевидно, в Царицыне оказался и А. А. Токарский: он и прошлым летом хотел снять там дачу, но тогда Лопатиной удалось уговорить его этого не делать. На другой год он всё же приехал в Царицыно, здесь объяснился с Лопатиной, и их роман вспыхнул с новой силой, – она рассказывает об этом в дневнике 30 мая (*ДЛ*. Л. 196). Вскоре об этом узнал и Бунин: 1 июня он видит Лопатину с Токарским в царицынском парке (*ДЛ*. Л. 197), а уже вечером пишет брату: «Скоро я покидаю Царицыно. Дело мое осложнилось самым неожиданным фактом: замешался третий человек. Что я пережил – один дьявол знает! Но решил я твердо скоро уехать».⁵⁹

Вероятно, уже через день Бунин уезжает из Царицына. Спустя много лет он вспоминал, что попрощался с Лопатиной «поздним вечером (часу в одиннадцать, но еще светила заря, после дождя)».⁶⁰ Тогда Лопатина надела на Бунина образок Казанской Божьей Матери, который ей подарила Л. Ф. Маклакова; потом он его потеряет. По воспоминаниям Лопатиной, на следующий день она провожала Бунина до Москвы.⁶¹ Видимо, уже из Москвы, накануне отъезда

⁵⁵ Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 251.

⁵⁶ 8 или 9 мая 1898 г. Бунин пишет брату Ю. А. Бунину: «Переселился я в Царицыно на дачу Ерохова, № 2, квартира Иннокентия Михайловича Михеева. Туда и пиши» (*Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов*. С. 253).

⁵⁷ Сад Бальтазара Дипмана, разбитый в 1870-е гг., служил любимым местом прогулок и отдыха царицынских дачников.

⁵⁸ Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 172–173. Телешов, видимо, был посвящен в отношения Бунина с Лопатиной и, когда в 1900 г. Бунин раздумывал вновь провести в Царицыне часть лета, отнесся к этому с осторожностью (см. примеч. 75).

⁵⁹ Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 254 (письмо Ю. А. Бунину от 1 июня 1898 г.).

⁶⁰ Устами Буниных... Т. 1. С. 33.

⁶¹ См. ниже, а также: Устами Буниных... Т. 2. С. 247.

в Одессу, 16 июня Бунин напишет ей прощальное письмо,⁶² а уже в конце июля сделает предложение А. Н. Цакни.

* * *

Спустя много лет, 5 июня 1931 г., Вера Николаевна Бунина пришла в дом, который по соседству с Буниными снимали в Грассе на лето И. И. и А. О. Фондаминские. Хозяев не было, в доме оказалась только приехавшая в гости Е. М. Лопатина, и, укрывшись от палящего солнца в прохладном доме, женщины долго говорили – о спорах, которые «Илюша» (Фондаминский) вел с Лопатиной о Л. Н. Толстом, о воспоминаниях дочери Толстого Александры Львовны, о том, будет ли писать о Толстом Бунин...

«Потом, – записывает В. Н. Бунина на другой день, – мы, как очень часто, говорили с ней о любви. Она вспоминала о своем романе с И<ваном> А<лексеевичем>, за которого чуть было замуж не вышла.

– Когда он делал мне предложение, я очень смеялась, я всегда смеялась при таких случаях, потому что мне казалось, что меня нельзя... Мы сидели в гостиной, он в сюртуке, бледный, худой, с бородкой, – она делает короткие движения от подбородка вниз, – похожий на Гоголя... Потом мы ездили в Царицыно дачу снимать. Искали большую, так как нужно было, чтобы никто никому не мешал. Он еще спрашивал: “Зачем такую большую, – комнаты хотите сдавать?”. Я очень смеялась. И он тут сказал между прочим: “Я буду знаменит не только на всю Россию, а и на всю Европу”.⁶³ А мне было его жаль. Я, конечно, не верила и думала: дай-то Бог... и жаль, жаль мне его было очень. Мне рассказывали, что где-то он сказал, что я “лучше Венеры Милосской”, и ему тогда кто-то заметил: “Ну, значит, Вы влюблены”. Но я не была влюблена, – у меня был роман с Токарским, и я, конечно, очень колебалась. Володя⁶⁴ говорил: “Он честно тебя любит”. Кроме того, он был моложе на шесть лет...⁶⁵ Но главное, почему я решила не выходить замуж, это после свидания с Токарским, он внезапно поцеловал меня, и я не противилась, значит, как выходить за другого?... Накануне нашей разлуки я плакала, мне было очень жаль его... а на другой день, когда я ехала с ним в поезде до Москвы – провожала его на юг, то у меня на душе было так тяжело, что я думала, что если существует ад, то это и есть такое чувство, какое я испытывала. А он сидел, читал какие-то книги... И потом через два-три месяца женился... Этого я понять не могла. И стал враждебен ко мне... Я при прощании сняла с себя образок и благословила его. Он потом писал, что потерял его. И просил другой, так как “очень суеверен” – боится, что дурной знак.

– Интересно, что вышло бы из этого брака... – засмеялась я. – А может быть, и хорошо... Вы подчинились бы. Только на что бы вы жили, – ведь в те времена он мало зарабатывал...

⁶² Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 255–256. Сопоставление с дневником Лопатиной и ее поздним рассказом В. Н. Буниной (см. ниже) позволяют предполагать, что это письмо было написано Буниным не перед отъездом из Царицына, а позднее, перед отъездом из Москвы на юг. Таким образом, можно уточнить и время отъезда Бунина из Царицына: вполне возможно, что между ним и Одессой Бунин еще останавливался по издательским делам в Москве (см.: Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 254).

⁶³ Таким образом проявляется хронологическое разночтение относительно того, когда именно Бунин произнес эту запомнившуюся обоим фразу (см. выше цитату из записной книжки Бунина: РАЛ. MS 1066/551), но для общего течения сюжета это неважно.

⁶⁴ Брат Лопатиной Владимир Михайлович (см. примеч. 37).

⁶⁵ Строго говоря, на пять с половиной: Лопатина родилась 8 (20) апр. 1865 г.

– Да, на что бы мы жили? Мы как-то говорили и рассуждали, где жить. Он спросил, где бы я хотела, я сказала – за границей... Я тогда всё в Риме хотела жить... Или в Новом Иерусалиме подле Лидии Филипповны...

– Знаете, она отговаривала...

– Неужели?.. Я не знала. Меня она тоже отговаривала... Она объяснялась с Токарским...

– Знаете, – сказала я, – ведь Ваша мама думала, что вы нервно заболели из-за И<вана> А<лексеевича>.

– Почему Вы знаете?

– Она говорила в отчаянии маме. Как же, когда И<ван> А<лексеевич> появился в нашем доме, то мама очень боялась его демонизма, основывалась на Вашей истории, и только от него мы узнали, что всё дело было в Токарском...»⁶⁶

* * *

В начале июля 1898 г. в печати появилось несколько стихотворений Бунина, в которых так или иначе слышны отголоски его расставания с Лопатиной. В одном из них тот женский образ, который встает на страницах дневника Лопатиной и бунинских писем того времени, рисуется сквозь призму ожесточенных лермонтовских формул:

В твоих задумчивых, внимательных глазах
Есть что-то жесткое, холодное и злое,
И сердце мне порой сжимает тайный страх,
А иногда за то ты мне дороже вдвое.
Мы оба провели всю молодость в слезах;
Нам памятно еще мучение бывшее,
И вот опять растет желанье роковое
Иль умереть, иль жить, но только не в мечтах.
И мучится душа сомнением глухим,
То страстной нежностью, то недоверьем злым,
То мертвым и томительным бесстрашьем...
О, если б прежние доверчивые дни!
Какой бы радостью сияли нам они,
Как были б счастливы мы беззаветным счастьем!⁶⁷

Бунин не включил этот текст ни в одно из своих авторских изданий: возможно, сам чувствовал риторичность выражения того первоначального чувства, которое стало источником стихотворения: «О, если б прежние доверчивые дни!». Уже не лермонтовские (скорее пушкинские) мотивы звучат в написанном через неделю стихотворении:

Снова сон, пленительный и сладкий,
Снится мне и радостью пьянит, –
Милый взор зовет меня украдкой,
Ласковой улыбкою манит.

⁶⁶ РАЛ. MS 1067/403. Дневник В. Н. Буниной; запись 6 июня 1931 г.

⁶⁷ Оpubл. в газ. «Южное обозрение» (1898. 5 июля. № 518). Цит. по: *Бунин И. А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014. Т. 2. С. 227–228 (Новая Б-ка поэта).

Знаю я, – опять меня обманет
Этот сон при первом блеске дня,
Но пока печальный день настанет,
Улыбнись мне – обмани меня!⁶⁸

В таком контексте дополнительные оттенки получают еще два стихотворения, опубликованные в то же время: «О да, от злобы я молчу...» и «Если б только можно было...».⁶⁹ Первое из них датируется только по летней публикации 1898 г. (в авторские сборники Бунина не входило), второе в Полном собрании сочинений Бунина (1915) имеет дату: «1894», оспаривать которую нет оснований, хотя четыре года разницы между авторской датой и публикацией не могут не настораживать. Однако в данном случае уже неважно, вспомнил ли Бунин в июне 1898 г. о давнем стихотворении, написанном после разрыва со своей первой возлюбленной, В. В. Пашенко, соединив его с актуальным прощанием, или написал оба стихотворения сейчас, передатировав одно из них более ранним годом, – с точки зрения лирического сюжета важно лишь то, что в июне 1898 г. он объединил реплики о своих любовных катастрофах с Пашенко и Лопатиной в одно поэтическое высказывание.

* * *

В следующие месяцы после расставания с Буниным Лопатина пережила мучительный роман с А. А. Токарским, закончившийся для нее нервным заболеванием. Молва приписывала болезнь Лопатиной новому увлечению и женитьбе Бунина: слух об этом, по воспоминаниям В. Н. Муромцевой-Буниной, «окружил» тогда Бунина в ее глазах «романтическим ореолом»,⁷⁰ а для ее родителей стал причиной недоверия к Бунину в начальную пору отношений с ним их дочери.⁷¹ Но, как следует из дневника самой Лопатиной того времени, к действительности эти толки отношения не имели.⁷²

⁶⁸ Впервые опубликовано в газ. «Южное обозрение» (1898. 12 июля. № 525) и затем входило в разные издания Бунина, в последний раз – в первый том его Полн. собр. соч. (Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркса, 1915). Цит. по: *Бунин И. А.* Стихотворения: в 2 т. Т. 1. С. 181. Общий мотив стихотворения совпадает с «Признанием» А. С. Пушкина («Ах, обмануть меня нетрудно!..» и т. д.).

⁶⁹ Опубликовано в журн. «Север» (1898. 5 июля. № 27) под общим загл. «Из дневника».

⁷⁰ Устами Буниных... Т. 2. С. 249. См. также: *Муромцева-Бунин В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 275.

⁷¹ Об этом В. Н. Муромцева-Бунин говорит в приведенном выше разговоре с Лопатиной летом 1931 г. Позднее в «Жизни Бунина» она напишет о том, что, узнав о «ухаживаниях» Бунина за ней, ее мать «испугалась, зная от матери Екатерины Михайловны причину болезни ее дочери» (*Муромцева-Бунин В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 275). Стоит отметить, что в семье Муромцевых читали «В чужом гнезде» и следили за творчеством Лопатиной. 10 июня 1897 г. Лопатина отметила в дневнике посещение Марии Николаевны Муромцевой (урожд. Климентова; 1856–1946), оперной певицы и жены председателя I Государственной думы С. А. Муромцева, являди В. Н. Муромцевой-Буниной: «Вчера заходила без нас вечером М. Н. Муромцева и оставила пять срезанных роз. Нынче я была у нее, и она мне сказала, что это “молодому таланту”. Меня это страшно тронуло» (*ДЛ. Л.* 132).

⁷² Тем не менее и через тридцать с лишним лет В. Н. Бунин повторяла, что Лопатина «была очень задета его <Бунина> женитьбой через два месяца после предложения ей», и сам Бунин соглашался: «Да, и тоже был поступок идиотский. Поехал в Одессу и ни с того ни с сего женился» (*Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник... С. 218; запись 5 июня 1931 г.).

Через два года, в апреле 1900 г., в один из своих самых ярких, насыщенных, радостных приездов в Ялту (как раз в это время МХТ привез показать Чехову несколько спектаклей, каждый день Бунин виделся и с труппой, и с Чеховым, и с Горьким, и, по собственным словам, «закружился: трубочки, водочки, поездки по горам и долинам...»⁷³) Бунин снова встретился с Лопатиной: врачи послали ее в Крым поправлять здоровье.⁷⁴ Возможно, с этой встречей была связана идея Бунина провести лето 1900 г. в Царицыне,⁷⁵ но Лопатины в тот год в Царицыне не жили, и Бунин никогда больше там лета не проводил. Зато осенью 1903 г., приехав в Москву, снова остановился в меблированных комнатах Гунст, «рядом с особняком Лопатиных, где он некогда проводил почти все свои досуги».⁷⁶

* * *

После 1900 г., выпустив в свет свою единственную книгу, пережив роман с А. А. Токарским и оправившись от душевного потрясения, Лопатина отошла от литературы.⁷⁷ Она посвятила себя благотворительности, с 1914 г. трудилась в возрожденной тогда Никольской общине сестер милосердия при Дамском попечительстве о бедных в Москве.⁷⁸ «После тяжких переживаний

⁷³ Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 316 (письмо Бунина Н. Д. Телешову от 28 мая 1900 г.).

⁷⁴ В книге В. Н. Буниной эта встреча отнесена к 1899 г. (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. С. 181), однако в источниках, восходящих к самому Бунину, подтверждения этому не находится, а хронология мемуарных очерков его жены в очередной раз показывает свою уязвимость и необходимость перепроверки иными свидетельствами. В данном случае упоминание о встречах с Лопатиной, «которая живет тут с Маклаковой», находится в письме Бунина брату, Ю. А. Бунину от 18 апр. 1900 г. (*Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов*. С. 314; пояснение в комментариях, относящее это упоминание к Марии Алексеевне Маклаковой, по всей видимости, ошибочно, см.: *Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов*. С. 614). Сама Лопатина только <15?> дек. 1899 г. сообщает А. М. Скабичевскому: «Я еще и теперь поправилась далеко не совсем и собираюсь в путешествие, еду в Крым, окрепнуть у моря и солнца» (РО ИРЛИ, ф. 283, оп. 2, ед. хр. 122, л. 7 об.). В это время она переживает один из самых тяжелых периодов в отношениях с Токарским, и упоминания о Бунине в ее дневнике единичны (РО ИРЛИ, р. 1, оп. 5, ед. хр. 137 (6), л. 37, 40; записи 15 и 26 апр. 1900 г.).

⁷⁵ Об этом Бунин писал Телешову 28 мая 1900 г.: «В июле или раньше, вероятно, приеду в Москву или под Москву – в Царицыно, напр., на полмесяца: нужны материалы для биографии Никитина, которую я взялся написать» (*Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов*. С. 317), на что Телешов отозвался сомнением в истинных причинах такой поездки: «Ты что-то опять насчет “Царицына” прохаживаешься. Ведь это черт в стуле! Впрочем, не знаю» (Переписка <И. А. Бунина> с Н. Д. Телешовым. 1897–1947 / предисл. и публ. А. Н. Дубовикова // Иван Бунин: [Сб. материалов]: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1. С. 510 (Литературное наследство. Т. 84); письмо от <6 июня 1900 г.>).

⁷⁶ *Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. С. 232. Здесь же В. Н. Муромцева пишет, что меблированные комнаты Гунста, в которых Бунин тогда остановился, находились в Нашокинском переулке, но это ошибка памяти: сам Бунин в письме К. П. Пятницкому от 8 окт. 1903 г. указывает свой адрес как «Пречистенка, Хрущевский пер., д. Гунст» (см.: *Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов*. С. 431); там же Бунин останавливался и в другие свои приезды в Москву.

⁷⁷ Отдельные мемуарные очерки Лопатиной поздних лет см. по: *Heywood Anthony J. Catalogue of the Bunin... Collections...* P. 353–354.

⁷⁸ См.: *Козловцева Е. Н. Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века*. М.: ПСТГУ, 2010. С. 21, 25–26, 30 и др.

на Кавказе, – куда попала, в первые годы большевизма, московская Община Ек<атерины> М<ихайловны>, – она, с неизменным своим другом, председательницей Общины, О<льгой> Л<ьвовной> Еремеевой, и несколькими сестрами, очутилась в Болгарии. Затем переезд во Францию <...>». ⁷⁹

Начиная с лета 1923 г. на юге Франции, в Грассе, Бунины стали проводить большую часть года.⁸⁰ Неподалеку от них на вилле Альба жили тогда Е. М. Лопатина и О. Л. Еремеева. ⁸¹ В марте–апреле 1925 г. Бунины гостили там вместе с И. И. и А. О. Фондаминскими. В дневнике В. Н. Буниной остались записи их разговоров, один из них (по дороге на Каннский вокзал, навстречу ехавшим из Германии Ф. А. и Н. И. Степунам) – 18 марта 1925 г.:

«Ян <...> очень вспотел в поезде, а в Грассе было холодно. Он купил джину и немного согрелся, а потом пил еще вино у Фондаминских, потом дома за обедом, а потому был очень весел. Завел разговор с Ек<атериной> Мих<айловной> о бессмертии души, в котором приняли все участие. Ян верит в то, что существует нечто выше нас, но после смерти не будет личного воскресения, хотя страстно желал бы этого.

– Ведь я не верю в смерть». ⁸²

20 апр. 1925 г. Лопатиной исполнялось 60 лет. Накануне ее дня рождения, в Страстную пятницу В. Н. Бунина пишет: «Ек<атерина> М<ихайловна> упоена службами. Она самая счастливая из всех нас, делает то, чего душа просит. Я люблю ее слушать, когда она говорит о службах. Ей бы следовало написать обо всем этом».⁸³ Вместе с Лопатиной В. Н. Бунина часто бывает в Архангело-Михайловской церкви в Каннах,⁸⁴ переписка с «Лопатэншуккой»⁸⁵ и разговоры с ней на литературные (например, о Прусте⁸⁶) и религиозные темы – едва ли не главная опора для В. Н. Буниной в течение десяти лет (от

⁷⁹ *Гитлиц* З. Н. Своими путями... С. 459.

⁸⁰ В мае 1923 г. Бунины сняли в Грассе виллу «Mont Fleury». На ней, а потом (с 1925 г.) на вилле «Belvédère» Бунины проживут, хотя и с перерывами, до сентября 1936 г.; потом вернутся на нее на лето 1939 г. и, уже покинув «Belvédère», проведут всю войну в Грассе на другой вилле, «Jeannette».

⁸¹ И В. Н. Бунина, и Г. Н. Кузнецова удивлялись разнице и абсолютному согласию между «сестрами». «Они – Марфа и Мария, невозможные друг без друга. Их связывает чуть ли не тридцатилетняя дружба, несмотря на страшную разность во всем», – напишет о них позже Г. Н. Кузнецова (*Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник... С. 204).

⁸² РАЛ. MS 1067/383. Дневник В. Н. Буниной; запись 18 марта 1925 г.

⁸³ Там же; запись 17 апр. 1925 г.

⁸⁴ 21 марта 1925 г. В. Н. Бунина записывает: «Я нигде так не чувствую всё совершившееся в России, к<а>к в Каннской церкви» (Там же). Годом ранее в крипте этой церкви был похоронен принц Петр Александрович Ольденбургский (см. очерк Бунина «Его Высочество», 1931), в 1929 г. в ней похоронили вел. кн. Николая Николаевича (Младшего), в 1931 г. – вел. кн. Петра Николаевича.

⁸⁵ Письма Е. М. Лопатиной к В. Н. Буниной 1924–1932 гг. см.: РАЛ. MS 1067/3986–3992; письма О. Л. Еремеевой к В. Н. Буниной 1930–1941 гг. см.: РАЛ. MS 1067/2176–2197.

⁸⁶ Впервые прочитав «В поисках утраченного времени», В. Н. Бунина именно Лопатиной призналась: «Считаю знакомство с ним (Прустом. – Т. Д.) событием в своей жизни <...> мне кажется, что, проживи он еще несколько лет, он дошел бы до Бога, до личного бессмертия» (РАЛ. MS 1067/3990; письмо от 5 дек. 1929 г.).

встречи во Франции до смерти Лопатиной в 1935 г.). «Всякий раз, как я вижу с ней, с Loratin, мне кажется, что я глотнула “живой воды”», – признается она в один из самых трудных периодов своей жизни.⁸⁷

В декабре 1924 г. Лопатина и Еремеева перебираются в Шато де Клозон (Château de Clausonne), в местечко Биот (Biot), расположенное к востоку от Антиб и в 20 километрах от Грасса. Они организуют там «дом отдыха на открытом воздухе», «preventorium» против чахотки для детей русских эмигрантов.⁸⁸ И Бунин, и его жена несколько раз приезжали к «клозонским барышням»,⁸⁹ об этих поездках сохранились недатированный очерк Буниной «Как хорошо в Шато Клозоне»⁹⁰ и дневниковые записи Г. Н. Кузнецовой, в которых Клозон встает «ощущение<м> старого деревенского усадебного мира».⁹¹ Образ Лопатиной тех лет отражен и в мемуарной зарисовке З. Н. Гиппиус:

«Душа, а, вернее, всё существо Е<катерины> М<ихайловны> было насквозь религиозно. В ней, человеке не отвлеченных мыслей, а горячих чувств, жизненные нити свивались сложным клубком. <...> Когда она бежит по крутой лесной дороге, в темноте, вниз, куда-то в Антибы, а то и дальше, я пугаюсь: Катя, да как же вы назад, пешком, все эти километры? (Я знаю, что у нее плохое сердце, что ей вредно.) Но она, и смеясь, и жалуясь, хлопочет, торопливо закалывает косынку, беспокоится: “Только бы успеть, только бы вышло...”».

Полумонашеская одежда, которую она носила, отнюдь не делала ее монахиней в условном смысле. В ней оставалась и московская Катя Лопатина, подвижная, экспансивная, с острым чувством эстетики, с тонким юмором в рассказах: подчас нелепая, способная и жаловаться, и восхищаться, и возмущаться. А подо всем этим горело в ней какое-то трепетное пламя, и даже те, кто не умел видеть, чувствовал, приближаясь, его тепло».⁹²

⁸⁷ РАЛ. MS 1067/408. Дневник В. Н. Буниной, запись 7 сент. 1933 г.

⁸⁸ В газ. «Возрождение» (1934. 8 июня. № 3292) была опубликована неподписанная заметка «Русский преванториум в Биоте». В ней говорилось: «Ввиду поступающих запросов, нас просят сообщить, каким именно путем самоотверженным руководительницам русского преванториума в Биоте, г-жам Лопатиной и Еремеевой, удалось устроить несколько льготных вакансий для русских детей. / Преванториум, открытый в 1926 году без всяких средств, вначале мог существовать на самокупаемости. Но общий кризис вызвал задолженность родителей за все восемь лет, превышающую 75 000 франков. Преванториуму грозило закрытие. / Тогда его руководительницы обратили внимание на землю преванториума, где поставили и развили куроводство, разводку коз и породистых собак. Опыт первых двух лет был удачен и позволил добавить к этим отраслям еще две новых <:-> кролиководство и пчеловодство. / Это и дало возможность устроить теперь при преванториуме несколько льготных вакансий для русских детей. / Через преванториум прошли уже сотни наших детей. Нельзя забывать, что он начал свою деятельность еще под Москвой в сосновом бору, в Сокольниках, где когда-то его устроительница была открыта “первая школа на открытом воздухе” по американскому методу. Теперь преванториум в Биоте пользуется заслуженной славой в русской эмиграции. / Адресоваться: Château F. de Clausonne. Biot (A. M.)».

⁸⁹ Так В. Н. Бунина называет Лопатину и Еремееву в письме к Бунину от 20 сент. 1934 г. (РАЛ. MS 1067A/62).

⁹⁰ РАЛ. MS 1067/15.

⁹¹ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 112 (запись 29 июня 1929 г.) и др.

⁹² Гиппиус З. Н. Своими путями... С. 459–460.

В 1929 г. свои первые впечатления от Лопатиной записывает Г. Н. Кузнецова:

27 мая: «Гостит К. Мих. Лопатина. Разговаривали с ней сегодня в отсутствие «старших»,⁹³ уехавших в Канны. Говорила о своем романе, о том, как она писала его, и о религии. <...> Кат. Мих. огорчена тем, что в писаниях Бунина столько страха смерти и «мало Бога»». ⁹⁴

4 июня: «Кат. Мих. Лопатина живет рядом со мной. Сокращает с помощью В. Н. <Бунинной> свой роман для предполагаемого второго издания. За столом ежедневно подымается какой-нибудь спор, чаще всего на религиозные темы». ⁹⁵

Тогда же о Лопатиной пишет В. Н. Бунина: «В это свидание с Ек<атериной> Мих<айловной> я много от нее получила. Она рассказала мне все свои главные романы. [...] Ек<атерина> Мих<айловна> до сих пор молода, чувственно воспринимает жизнь, полна интереса и вкуса к ней». ⁹⁶

Летом 1929 г. Бунин дописывает четвертую книгу «Жизни Арсеньева». Она заканчивается описанием смерти и панихиды по вел. кн. Николаю Николаевичу, и Бунину не хватает точных слов церковной службы. Тогда он пишет Лопатиной срочное письмо – просьбу:

«Сестрица, милая, сделайте мне большое одолжение – и, если можно, *немедленно*. Мне нужно, для описания панихиды по Великому Князю, несколько возгласов и молений, наиболее трогательных и возвышенных. Напишите мне их: во-первых, *начальный* возглас, потом что-нибудь из *середины* и из *окончания*.⁹⁷ Помню кое-что, но боюсь спутать. Как это должно быть, – например, такие слова? – “Благодарному Государю, Великому Князю Н. Н. ...” Что дальше? И еще: “У Христа Бессмертного Царя Небесного...” Что опять дальше? Что именно “проси-им...”?»

У Вас, верно, есть *требник*. Живет с Вами Батюшка. Да Вы, верно, и сами знаете. Только напишите *точные* слова (и *разборчиво*⁹⁸ – читать Вас, при всем удовольствии, всегда великая мука).

Целуем Вас и О<льгу> Л<ьвовну>, храни Вас Господь.

Ваш Ив. Бунин.

Р. С. У Вас анафемские чернила, расплываются. Впрочем, прилагаю бумагу – может, на ней не расплывутся». ⁹⁹

На этом же листе в верхнем правом углу рукой Е. М. Лопатиной отмечено: «Получено и отвечено» 2 авг. 1929». Вот начало ее ответа:

⁹³ Т. е. И. А. и В. Н. Буниных.

⁹⁴ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 106.

⁹⁵ Там же. С. 108.

⁹⁶ Устами Буниных. Т. 2. С. 204. Запись В. Н. Бунинной 6 июня 1929 г. Купюра в [] принадлежит публикатору М. Э. Грин.

⁹⁷ Все до сих пор выделенные слова в этом письме подчеркнуты Буниным красным карандашом.

⁹⁸ Подчеркнуто красным карандашом.

⁹⁹ РАЛ. MS 1066/3675. Автограф. Письмо не датировано, но судя по записи Кузнецовой 1 авг. 1929 г. («Вчера кончена 4-я книга “Арсеньева”» – Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 119) и ответу Лопатиной (см. ниже), написано 31 июля или 1 авг. 1929 г.

«Дорогой Иван Алексеевич,
простите, если гадко, но с большим благоговением и любовью исполнила Ваше желание и переписала весь чин панихиды из требника батюшки, главное начало, т<ак> к<ак>, думаю, оно нужнее всего Вам. Красными чернилами подчеркнула то, что меня особенно поражает в смысле красоты. Прощение, которое запомнилось Вам, во всяком случае в начале: Милости Божия, Царства Небеснаго и оставления грехов его у Христа Бессмертнаго, Царя и Бога нашего – просим...

Аллилуйя поется особенно грустно и тоскливо и потом “благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим”. За этим *припевом* тропари. Сильнее всех, по-моему: “*Образ есмь неизреченныя Твоя Славы*,”¹⁰⁰ аще и язвы ношу прегрешений... и т. д.”.¹⁰¹

На следующий же день Бунин благодарит, и его письмо дает нам наконец прямой, им самим точно сформулированный ответ – кем была для него Е. М. Лопатина не только в юношеские, но и в поздние, зрелые годы насыщенной жизни и умудренного творчества:

«Моя дорогая, милая, сестрица и друг, я почему-то немного заплакал, получивши нынче письмо Ваше, за которое Вас чрезвычайно благодарю. Да, всё это лучшие, высочайшие и прекраснейшие слова на земле, – они всё заставляют простить Человеку¹⁰², раз он их выдумал. А вот всё в мире идет, как будто к исчезновению этих слов – значит, куда же идет? К животному, совсем назад? – А потом Ваше письмо: всегда из из¹⁰³ Вашего путаного многословия исходит что-то такое, что повергает меня просто в страх: настолько Вы [нечто] необыкновенно цельное [что-то] и очаровательное воплощение чего-то чудеснейшего, что было в русской душе и в русской дворянской (глубоко народной) культуре и что, видно, навеки кончено, и концом своим страшит меня.

Милая и родная, целую Ваши ручки и с [истинным восторгом и] истинно братской любовью! Хорошо, что Вы есть. Целуем О<льгу> Л<зьовну>, дай ей Бог сил.

Ваш Ив. Бунин

3.VIII.29»¹⁰⁴

В последние годы, судя по записям В. Н. Буниной, в разговорах Бунина с Лопатиной всё более властно начинает звучать тема Л. Н. Толстого. Летом 1930 г. Лопатина гостит в Грассе. В обществе Буниных, И. И. и А. О. Фондаминских, М. Алданова «<з>анимала всех Лопатэн. Много рассказывала о Толстых. Алданов всё спрашивал. Возникли и споры, т<ак> к<ак>

¹⁰⁰ Выделенные в этом предложении слова подчеркнуты красными чернилами.

¹⁰¹ РАЛ. MS 1069/33. Приведенные здесь молитвы Бунин включил в описание заупокойной службы в конце четвертой книги «Жизни Арсеньева». Всего сохранилось восемь писем Е. М. Лопатиной Бунину 1925–1933 гг.: РАЛ. MS 1069/30–37; ее письма к В. Н. Буниной 1923–1935 гг. см.: РАЛ. MS 1069/38–93.

¹⁰² Возможно, калька с французского языка, в котором прописная буква в слове «Homme» обозначает человечество и человека вообще.

¹⁰³ Так в тексте: возможно, предполагалось начать эту часть предложения «из-за».

¹⁰⁴ РАЛ. MS 1066/3676. Автограф. Всего за 1925–1929 гг. сохранилось 4 письма и одна почтовая открытка И. А. Бунина Е. М. Лопатиной, см.: РАЛ. MS 1066/3672–3676. За помощь в прочтении наиболее трудных мест писем Бунина благодарю Г. З. Брэдли.

Ек<атерина> М<ихаловна> не любит Толстых и относится даже <ко> Л<ьву> Н<иколаевичу> пристрастно, а Ян как раз очень страстно».¹⁰⁵

Ровно через год, 3 июня 1931 г., Лопатина в гостях у Фондаминских в Грассе читает воспоминания А. Л. Толстой¹⁰⁶ и возмущается грубостью ее отношения к Софье Андреевне. В тот же день все обедают у Буниных, где разговор снова заходит о Толстом: так говорить и спорить могли только те, кто непосредственно примыкал к толстовскому миру и перед кем он впервые вставал со страниц воспоминаний их общих современников. Тогда Бунин предлагает Лопатиной «написать всё краткими абзацами, а он в виде разговора с ней напечатает, тогда это будет очень быстро, и она заработает деньги» (Лопатина мечтала купить для своей общины семисвечник), на что она тут же соглашается.¹⁰⁷ На следующий день, как отмечает В. Н. Бунина, «Лопатэнша» «набросала» уже 20 страниц: «Не знаю, возьмет ли что-нибудь из этого Ян. Слишком у них разное отношение к толстовской сущности...».¹⁰⁸

«Ян» взял, и страницы о том, как воспринимали, читали Толстого в семье Лопатиных, вошли в его «Освобождение Толстого». В разговорах с Лопатиной начала 1930-х гг., в своем тогдашнем чтении и внутреннем поиске связи *всего со всем*¹⁰⁹ Бунин эту книгу только замышлял. Он напишет ее в 1936 г., следующем после смерти Лопатиной: она умерла 18 сент. 1935 г. Книга Бунина о Толстом станет не только философским трактатом о преодолении смерти и духовным жизнеописанием его учителя, но и продолжением их разговоров с Лопатиной последних лет, и воспоминанием об их общей московской молодости.

* * *

¹⁰⁵ РАЛ. MS 1067/398. Дневник В. Н. Буниной, запись 1 июля 1930 г. Ср. в «Освобождении Толстого»: «Лопатина была женщина в некоторых отношениях замечательная, но очень пристрастная» (Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1967. Т. 9. С. 72).

¹⁰⁶ По всей вероятности, речь идет о публикации «Из воспоминаний» А. Л. Толстой, начатой в февральском номере журн. «Современные записки» в 1931 г. и продлившейся до мая 1933 г. (Современные записки. Кн. 45–52). Очевидно, что чтение этих мемуаров и споры о них в ближнем кругу Бунина явились одним из импульсов к «Освобождению Толстого». Так, после прочтения последней части воспоминаний А. Л. Толстой В. Н. Бунина записала: «Ян восхищается, как умирал Толстой, как он хотел всё понять смерть, а мне это желание кажется очень беспомощным. И если что потрясает, так это именно его слабость, беспомощность всех этих его действий и поступков» (РАЛ. MS 1067/408; запись 27 мая 1933 г.).

¹⁰⁷ РАЛ. MS 1067/405. Дневник В. Н. Буниной, запись 3 июня 1931 г.

¹⁰⁸ См.: Там же, запись от 4 июня 1931 г. Упоминания о «толстовских» разговорах встречаются и в записях В. Н. Буниной следующих дней. Разницу в восприятии Толстого она объясняла тем, что Лопатина, высоко ставя Толстого-художника, по складу своего мировоззрения «была проникнута философией Соловьева, а известно, что эти два больших мыслителя друг друга не выносили», – Бунин же признавал только Толстого (*Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью*. С. 169). О мировоззренческих разногласиях Толстого и В. Соловьева со слов Лопатиной см. в «Освобождении Толстого»: Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. С. 68–69; а также: *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьев и его время. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 407–413.

¹⁰⁹ Об этом толстовско-бунинском натяжении мысли и мирочувствования см. работы О. В. Сливицкой, прежде всего ее книгу «“Повышенное чувство жизни”: Мир Ивана Бунина» (М.: РГГУ, 2004).

В феврале 1925 г. Бунин, спутав все даты, решил отметить 35-летие своей литературной деятельности.¹¹⁰ По этому случаю Лопатина написала ему письмо, которое сводит воедино все годы их общения:

«Дорогой Иван Алексеевич, приношу Вам мои горячие искренние поздравления с исполнением тридцатипятилетия счастливого Вашего труда. Я только что узнала об этом событии и чрезвычайно грущу, что не могу в этот день увидеть Вас и Ваше чествование и поздравить Вас. Мне кажется, что, если бы я знала раньше, я бы не удержалась и что-нибудь придумала, чтобы это сделать. Впрочем, вернее, что это всё равно было бы невозможно. Вы это знаете и поймете мои сожаления. Вы знаете, как много дорогого связано у меня с Вами и Вашим счастливым писательством. Это целая большая часть души, целая эпоха жизни. Талый снег, весенняя капель и лужи на Арбате, московские переулки в сумерках, весенняя луна, ярко-зеленые поля после дождя, кукушки и сквозящая сквозь деревья вода, и коростели, и дорогие лица или ушедшие навсегда или томящиеся теперь за пределами возможности встречи... Я узнала Вас тогда, когда почти всё, что Вы дали потом людям, только жило в Вашей молодой тревожной душе. Когда я слушаю в церкви, обычно на Страстной, притчу о талантах, мне всегда хочется плакать и душой овладевает сокрушение. Грозная и загадочная притча. Когда Вы стали большим писателем, я начала вспоминать Вас. Когда Вы по свойственной искренним художникам скромности просто говорите, что ничего не сделали, я вспоминаю другую притчу: “мы рабы ничего не стоящие, ибо сделали то, что должны были сделать”. Какое счастье мочь сказать это! – Дай Бог Вам и впредь еще долго-долго идти по Вашей прекрасной дороге и видеть всё больше и больше. Я часто думаю и о том, что путь Ваш еще долго и много Вы увидите и, увидев, возблагодарите за это Бога. Это, по-моему, единственная цель всякого пути, а писателя особенно. Это мое чувство, и Вы простите меня за то, что навязываю Вам нечто, <что,> очень может быть, Вы не думаете. Ну, дай Вам Господи всего вообще лучшего, что есть на свете, и Верочке¹¹¹ вместе с Вами и спасибо Вам за всё.

Храни Вас Господь. Обе мы¹¹² с Вами душой.

Ваша сестра Е. Лопатина

13 февраля 1925.

Villa Alba. Rue <de> Jonquière<s>.

Cannes (Le Cannet). A<lpes> M<aritimes>».¹¹³

* * *

Бунину действительно была суждена в литературе долгая жизнь, и чувство, которое оставили в его творчестве «нелепейший роман» в юности и последние годы общения с Лопатиной в эмиграции, оказалось глубоким и сокровенным.

¹¹⁰ Первое появление Бунина в печати состоялось 22 февр. 1887 г.: в газ. «Родина» было опубликовано его стихотворение «Над могилой С. Я. Надсона», в связи с чем в октябре 1912 г. широко отмечалось 25-летие литературной деятельности Бунина. 13 февр. 1925 г., в день написания письма Лопатиной, исполнялось 25 лет публикации в газ. «Орловский вестник» (1890. 13 февр. № 26) рассказа Бунина «Первая любовь (Из воспоминаний детства)», который, впрочем, тоже не был первым напечатанным им рассказом.

¹¹¹ В. Н. Буниной.

¹¹² Т. е. Лопатина и О. Л. Еремеева.

¹¹³ РАЛ. MS 1069/31. Письмо датировано Лопатиной по старому стилю.

Прежде всего, сам роман Лопатиной «В чужом гнезде» не только предсказал течение ее жизни, но и предначертал некоторые линии развития бунинского творчества. До встречи с Лопатиной и до прочтения ее романа никогда еще стихия любви не была темой бунинской прозы. То понимание любви, которое сформулировано в дневниковых записях Лопатиной и которым проникнут ее роман, – «самое [огромное, мучительное] огромное и лучшее, что есть на свете» (см. выше) – никогда прежде не оказывалось в центре художественного внимания Бунина. Атмосфера, в которую «К. Ельцова» погружает своего читателя с первых же страниц книги, отзовется в произведениях Бунина только спустя много лет и с тех пор будет многими восприниматься как «бунинская». Образы главных героев «В чужом гнезде», освободившись от избыточных определений, будут оттенять лучшие образы его поздних рассказов.

Чтобы дать представление о том мире, в котором оказываются герои романа «В чужом гнезде», приведем его начало:

«Весна 188* года только что наступила. Был май месяц в начале. После холодов и дождей установилась, наконец, сухая и теплая погода; листья на деревьях стали распускаться <...> Душистый тополь, выставлявший над каждым забором свои липкие и плотные, но еще очень мелкие, жидко-зеленые листья, и березки, желтоватыми, нежными гроздьями свешивавшиеся над тротуарами, обдавали пешеходов свежим, возбуждающим запахом, бросая на мостовую сквозную, подвижную тень. По бульварам, наполненным в послеобеденное время толпою гуляющих, – офицерами, барышнями, няньками с детьми, а главное, гимназистами и студентами, – зеленела сплошным ровным ковром яркая молодая травка газона; птицы щебетали всюду, где была зелень, и, несмотря на городские неудобства, было хорошо, и весна беспокойно чувствовалась всеми.

В это время всюду, во всех уголках Москвы, шли толки об экзаменах. Были экзамены и на “высших женских курсах”, помещавшихся в одном из обширных музеев», и т. д.¹¹⁴

Сравним начало «Митиной любви» (1925):

«В Москве последний счастливый день Мити был девятого марта. <...>

Они с Катей шли в двенадцатом часу утра вверх по Тверскому бульвару. Зима внезапно уступила весне, на солнце было почти жарко. Как будто правда прилетели жаворонки и принесли с собой тепло, радость. Всё было мокро, всё таяло, с домов капали капли, дворники скалывали лет с тротуаров, сбрасывали липкий снег с крыш, всюду было многолюдно, оживленно. Высокие облака расходились тонким белым дымом, сливаясь с влажно-синееющим небом».¹¹⁵

Несмотря на календарную разницу (а в обоих текстах указана точная временная приуроченность), и в том и в другом зачине описывается начало весны, резкий слом, переход от зимы к теплу и солнцу, когда всё приходит в движение (характернейшая бунинская категория «Всё было мокро, всё таяло...») с мгновенным переключением в конкретику). В обоих текстах описаны один и тот же район Москвы (бульвары), пенье птиц, пробивающаяся зелень, и этот

¹¹⁴ Цит. по: Ельцова К. В чужом гнезде // Новое слово. 1896. № 12. С. 109.

¹¹⁵ Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1966. Т. 5. С. 181.

фон подготавливает вступление героев, которые уже погружены в главное – распахнутую весеннюю атмосферу, всеобщее оживление, переживание всей полноты жизни, и ощущают в себе «неуловимую перемену», явную и для всех окружающих.¹¹⁶ Это герои одного мира: среди «гимназистов и студентов» романа Лопатиной вполне могли быть Митя и Катя, а среди тех, кто радовался мартовскому теплу и пенью жаворонков из бунинского зачина, – курсистки, спешащие в здание Политехнического музея, где в те годы находились Высшие женские курсы В. И. Герье.

В самом начале романа Зинаида Чернова появляется на женских курсах в день экзамена, в атмосфере всеобщего волнения. При этом понятное беспокойство перед экзаменом умножено не только тревожным ожиданием преподавателя и надеждой на конспект лекций, который могла привезти с собой главная героиня, но и описанием ее самой, впервые явленной вниманию читателя глазами ее сокурсниц. И героиня сразу предстает свободной от общей суеты, оваянной ускользающей тайной, наделенной особой легкостью и естественной элегантностью:

«Чернова была одета совсем просто, в суконное платье с гладкой юбкой, черную кофточку и соломенную, темную, новенькую шляпу, но с тем оттенком хорошего тона и вкуса, может быть, просто хорошего магазина, который здесь, в этой зале, несколько выдавался и которого Краюхина (сокурсница Черновой. – Т. Д.), очевидно, не одобряла».¹¹⁷

В этой разнице восприятий можно увидеть далекий прообраз «Легкого дыхания» (1916) – столкновение Оли Мещерской и начальницы гимназии, не одобрявшей того обворожительного, никому более не свойственного выражения жизни, которое нельзя было не чувствовать в присутствии ее ученицы. Очевидно, что как учеба в гимназии не может заполнить потребность Оли Мещерской в полноте и счастье жизни, так и суматоха курсов (к занятиям на которых она, впрочем, относится совершенно серьезно) не может заслонить внутреннего течения чувств и мыслей Зины Черновой, и как только экзамен сдан, они сразу вырываются на волю:

«Ей стало весело и захотелось движения, воздуха, света. Она вспомнила довольно неопределенно большой старый дом тетки, у которой жила, просторный двор и сад, зеленеющий с каждым часом более и более. Вспомнила она и то, что в последнее время она переживала там, что ей трудно было бы передать словами, но о чем она всегда, даже в бессонные ночи перед экзаменом, если не думала, то помнила, что пугало и волновало ее глупым, но неудержимо радостным чувством <...>».¹¹⁸

Развитию этого чувства, нахлынувшего от ощущения полноты, избытка бытия (характерного бунинского ощущения!), будет посвящена событий-

¹¹⁶ Ельцова К. В чужом гнезде // Новое слово. 1897. № 1. С. 142.

¹¹⁷ Ельцова К. В чужом гнезде // Новое слово. 1896. № 12. С. 114.

¹¹⁸ Там же. С. 122. Замечательно, что именно в один из приездов Лопатиной в Грасс Бунин вдруг начинает подробно говорить о «Легком дыхании», см.: Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 106–107; запись 28 мая 1929 г.

ная канва романа Лопатиной, но не менее сюжета важен образ самой Зины Черновой. В ней собраны цельность и восприимчивость лучших тургеневских и толстовских героинь, – и это при том, что Лопатина рисует во многом собственный портрет. К этим качествам необходимо добавить ту внутреннюю стройность и страстность, которая если и имела в прежней литературе «прототип», то лишь отдаленный, в Анне Карениной. Равноправность цельности, восприимчивости и страстности в душевном портрете героини открывает дорогу бунинским героиням гораздо более поздних рассказов 1910–1920-х гг., «Жизни Арсеньева» и «Темных аллей».

Но и мужские герои бунинских рассказов могут быть благодарны отдельным чертам графа Торжизского из романа Лопатиной. Его главного героя отличает то же сочетание крепости, силы, стройности, молоджавости, сухости (опять же вполне бунинская черта), которым отмечены и соблазнитель Оли Мещерской Алексей Михайлович Малютин, и старик-военный из заглавного рассказа «Темных аллей» (1938), и герой рассказа «В Париже» (1940). От растянутого и раздробленного описания героя Лопатиной Бунин оставил только то, что служило ему для наибольшей концентрации сюжета и образа, полностью убрав нравственную проблематику поведения графа и избыточные детали.

Сжав романную форму до предела, Бунин создал из ее кристаллической решетки свои поздние новеллы.¹¹⁹ Их характерной приметой, и чем дальше тем больше, становилась ретроспекция. Спустя много лет роман Лопатиной как будто очнулся в Бунине и открыл окно в иную поэтику, в которой *та*, давняя явь (и жизни, и текста) стала воспоминанием и переживание ее обострилось, – как обострились и образы центральных героев. В двух главных действующих лицах романа Лопатиной заложены не только черты классических русских героев, какими их знал читатель конца 1890-х гг., но и черты будущих героев Бунина, причем не ближайших его произведений, а прежде всего собирательных образов «Темных аллей» и связанных с ними любовных рассказов предыдущих лет. Стоит еще раз подчеркнуть, что до знакомства с Лопатиной и до знакомства с ее романом в произведениях Бунина подобных героев не было. Они появились в его прозе спустя много лет, как «отложенный дар» давнего «романтического», по его же слову, чувства.

И не только сам роман Лопатиной, но и вся история отношений Бунина с ней звучала в его произведениях и, шире, в самом существе его художественного видения долгим, шемящим эхом.

Одна из параллелей уже могла быть замечена: Бунин, сказавший «где-то», что Лопатина «лучше Венеры Милосской» (см. выше рассказ Лопатиной В. Н. Буниной), вспоминает себя в героине рассказа «Таня» (1940), который шепчет своей возлюбленной: «<...> лучше тебя на свете нет. Эта головка с этой маленькой косой вокруг нее, как у молоденькой Венеры...».¹²⁰

¹¹⁹ Подробно об этом см.: Сливницкая О. В. «Повышенное чувство жизни»... С. 184–210 и др.

¹²⁰ Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. М., 1966. Т. 7. С. 103.

Когда в рассказе «Муза» (1938) Бунин от лица своего героя – молодого художника писал: «В мае я переселился <...> в старинную подмосковную усадьбу, где были настроены и сдавались небольшие дачи <...>»,¹²¹ то, вполне возможно, ему виделось именно Царицыно.

Когда герой заглавного рассказа «Темных аллеей», седой генерал горестно думает: «Но боже мой, что было бы дальше? Что, если бы я не бросил ее? Какой вздор! Эта самая Надежда не содержательница постоянной горницы, а моя жена, хозяйка моего петербургского дома, мать моих детей?»,¹²² – он повторяет ход мысли Бунина, который признавал свою скоропалительную женитьбу на А. Н. Цакни поступком «идиотским» и тут же добавлял: «А о Катерине Михайловне думал потом с ужасом: что бы я с ней делал? Куда бы я ее взял?». ¹²³ И думается, что перечень таких параллелей далеко не исчерпан.

Но главное состоит в том, что именно с переживанием Лопатиной любви как *самого огромного, лучшего и мучительного*, что может быть в жизни и что меняет судьбу, оказалась связана и философия любви Бунина. В прощальном письме 1898 г. Бунин обращается к Лопатиной со словами, в которых наиболее резко и точно выражено его мироощущение, сотканное из единомоментного восприятия полярных состояний: «Прощайте, милая и дорогая, *радость и скорбь* моей жизни, незабвенный и *мучительно родной* друг!» (здесь и далее выделено мной. – Т. Д.), – ни к кому другому таких его обращений неизвестно. Вспоминая свой апрельский приезд в Петербург, Бунин пишет, что «был безумно *несчастлив и счастлив во всякое время*». Благословение ее образом он готов принять как последнее земное благословение перед переходом в «новую и великую жизнь» за земными пределами.

«Если я переживу это всё, может быть, изменится многое, как изменюсь, верно, и я весь, потому что такие дни не проходят даром. Но сейчас есть выше всего одно, есть чувство, которое меня переносит в Вашу комнату, к Вашей постели, **у которой я стал бы на колени и сказал бы** те немногие слова ласки, нежности и преклонения перед Вами, какие есть на языке человеческом и которые в тысячной доле дали бы почувствовать Вам, как безгранично и свято я люблю Вас сейчас и как я обессилен от страданий. Помните и в одном верьте мне, что каждое мое слово здесь написано истинно кровью моей сердца».¹²⁴

Первая из выделенных в этом фрагменте камней спустя сорок лет проступит в прощальном письме Лики Арсеньеву: «<...> молю Бога, чтобы Он дал тебе сил *пережить наш разрыв* <...>». ¹²⁵ Вторая – в отклике (на эту реплику?) героя «Позднего часа» (1938), рассказа, написанного непосредственно перед финалом последней книги «Жизни Арсеньева»¹²⁶ и связанного с ним единой

¹²¹ Там же. С. 33. См. также примеч. 130.

¹²² Там же. С. 11.

¹²³ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 218.

¹²⁴ Бунин И. А. Письма 1885–1904 годов. С. 255–256 (письмо к Е. М. Лопатиной от 16 июня 1898 г.).

¹²⁵ Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 6. С. 282.

¹²⁶ Начав «Лику» в 1933 г., Бунин смог вернуться к ней только в конце 1938 г.

лирической линии: «Если есть будущая жизнь и мы встретимся в ней, я стану там на колени и поцелую твои ноги за всё, что ты дала мне на земле». ¹²⁷

* * *

В бумагах Бунина сохранилась его заметка о том, как создавался «Чистый понедельник»:

«Против храма Х<риста> С<пасителя>, взорванного большевиками, [совсем] очень близко от него, был (м<ожет> б<ыть,> и теперь сущ<ествует>) большой дом Перцова, где сдавались квартиры в две, три комнаты, и в одной из таких жила одна знакомая мне девушка, рослая, дородная, дочь одного богатейшего купца из Воронежа, у которой я нередко бывал, заставая ее чаще всего лежащей на кушетке в каком-то чудесном халатике; она была как раз то, что называется русской красавицей, томная, спокойно ленивая, говорившая медлительно и всегда чуть-чуть насмешливо.

Вот и всё, что дало мне желание написать “Чистый понедельник”, заменив себя кем-то, ни на йоту не похожим на меня, а ее – той странной, загадочной, прекрасной, тоже не имеющей даже малейшего подобия дочери воронежского купца.

“Чист<ый> П<онедельник>” один из самых лучших моих рассказов, – из тех, за вымысел и написание которых я непрестанно благодарю Бога». ¹²⁸

«Дом Перцова» ¹²⁹ и сейчас стоит напротив заново построенного храма Христа Спасителя. Сведения о купеческих дочерях – знакомых Бунина сохранились крайне скудные. ¹³⁰ Настойчивость, с которой Бунин отводил все сходства между своими произведениями и фактами реальной жизни, понятна. Она объясняется, в том числе, сознанием неуловимого преображения, того «магического кристалла», пройдя сквозь который «ближние» события и переживания попадают в поле художественного видения и обретают собственную жизнь. Мы же можем говорить только о том, что известно.

После смерти Лопатиной прошло почти восемь с половиной лет. Ночью 25 янв. 1944 г., заканчивая перечислять события дня, Бунин пишет: «Вдруг вспомнил Гагаринск<ий> переулоч, свою молодость, выдуманную влюблен-

¹²⁷ Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. С. 41.

¹²⁸ РАЛ. MS 1066/664.

¹²⁹ О «доме Перцова», точнее – доме З. А. Перцовой (жены П. А. Перцова, именно ей принадлежал дом), расположенном на углу Нижнего Лесного пер. (ныне Соймоновский пр.) и Пречистенской наб., а также об окружающем его районе, отмеченном «конфликтным единством дораскольного и послераскольного православия» (что важно для характеристики героини рассказа), см.: Бунин И. А. Чистый понедельник / Иван Бунин; Опыт пристального чтения; Пояснения для читателя / М. А. Дзюбенко, О. А. Лекманов. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2016. С. 60–69.

¹³⁰ Очевидно, со слов самого Бунина, его жена, позднее описывая его московскую жизнь, упоминала об обедах «у Граф (жена его – в девичестве Клочкова, дочь богатого воронежского городского головы; он чуть тронул ее в «Чистом понедельнике», взята – ее квартира)» (Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 234. Имеется в виду Евгения Николаевна Граф (урожд. Клочкова, 1882–1917)). Попутно отметим расхождение в семейном статусе знакомой Бунина; то, что отцу героини «Чистого понедельника» он «поменял» местожительство на Тверь; то, что саму фамилию он «подарил» героине другого рассказа из «Темных аллея» – «Муза» и что этот рассказ тоже заканчивается «сухомом» героя («Я поднялся и, шатаясь, пошел вон» – Бунин И. А. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. С. 36).

ность в Лоп<атину>, – которая лежит теперь почему-то (в 5 километрах от меня) в могиле в какой-то Валбоне! ¹³¹ Это ли не дико!». ¹³²

Проходит еще несколько месяцев, и с тем же изумлением Бунин напоминает себе в записной книжке: «Записать о Лопатиной. Лежит в Валбоне!». ¹³³ Запись не датирована, книжка начата в апреле 1944 г., последние датированные записи сделаны в ноябре. Даже если эта запись (на последней странице!) сделана, когда рассказ был уже написан, она всё равно попадает в его орбиту и (в этом случае) сулит продолжение. ¹³⁴

Автограф «Чистого понедельника» датирован 10 мая 1944 г. ¹³⁵ Накануне, в ночь с 8 на 9 мая, Бунин открывает дневник: «Час ночи. Встал из-за стола – осталось дописать неск<олько> строк “Чистого Понед<ельника>”. Погасил свет, открыл окно проветрить комнату – ни малейш<его> движения воздуха; полнолуние, ночь неяркая, вся долина в тончайшем тумане, далеко на горизонте неясный розоватый блеск моря, тишина, мягкая свежесть молодой древесной зелени, кое-где щелканье первых соловьев... Господи, проди мои силы для моей одинокой бедной жизни в этой красоте и в работе!». ¹³⁶

«Осталось дописать несколько строк...». На последней странице автографа посветлевшие чернила только однажды, и буквально на половине предложения, сменяются на свежие, яркие: «... великая княгиня» написано еще светлыми (на ходу угасающими) чернилами, далее точка с запятой и «а за нею тянулась такая же белая вереница поющих» и т. д. – заново набранными, насыщенно-черными. Возможно, именно на этом переломе Бунин оставил рукопись в ночь перед окончанием. Что было в тот момент перед его мысленным взором?

Как известно, Марфо-Мариинская обитель, основанная в 1909 г. великой княгиней Елизаветой Федоровной, не была собственно монастырем: жившие в ней сестры, принеся обеты целомудрия, нестяжания и послушания, могли со временем снова выйти в мир, но в любом случае почти всю свою жизнь отдавали делам благотворительности и врачебной помощи нуждающимся. Героиня «Чистого понедельника» тоже не безоглядно поступает в монастырь: «пойду пока на послушание, потом, может быть, решусь на постриг», ¹³⁷ – пишет она герою в прощальном письме.

¹³¹ Имеется в виду Вальбонн (*фр.* Valbonne), селение на Лазурном берегу Франции, между Грассом и Ниццей.

¹³² Устами Буниных... Т. 3. С. 161; РАЛ. MS 1066/535.

¹³³ РАЛ. MS 1066/548.

¹³⁴ Если последняя запись была сделана уже после «Чистого понедельника», то с ней можно связать явно более позднюю (судя по шариковой ручке, см. примеч. 43) запись в другом блокноте: «Марфо-Мариинская обитель. Платья были прямые серые для работы и белые для праздников. На голове – *апостольник* и платок в цвет платья. Церковь в стиле Новгородских церквей. Фрески Нестерова» (РАЛ. MS 1066/553).

¹³⁵ РАЛ. MS 1066/97. Точная дата под автографом: «8 часов вечера, 10 мая 1944 г.». Строго говоря, автографом здесь являются последние страницы, первые страницы – машинопись с густой авторской правкой и вставками.

¹³⁶ Устами Буниных... Т. 3. С. 164–165; РАЛ. MS 1066/535.

¹³⁷ Здесь и далее цитаты из рассказа приводятся по изд.: *Бунин И. А. Собр. соч.*: в 9 т. Т. 7. С. 238–251.

И Лопатина не приняла монашеских обетов ни после любовной катастрофы с Токарским, ни после вызванного ею нервного потрясения. Религиозная сила ее характера выразилась прежде всего в неустанной помощи нуждающимся: и в Никольской общине сестер милосердия (возрожденной, к слову, в 1914 г.), и в устройстве детского «превенториума» на французском берегу.

В дневниковой записи от 29 авг. 1940 г., приведенной в начале этой статьи, Бунин связывает имя Лопатиной и «Новодевичий монастырь, Ново-Иерусалим». Трудно сказать, были ли они в этих обителях вместе. Но точно известно, что по московским монастырям Бунин много ездил со своим другом и двоюродным племянником Н. А. Пушешниковым в самом конце 1914 – начале 1915 г. Тогда они были и в Марфо-Мариинской обители на Ордынке, и в церкви Иоанна Воина на Якиманке, и на Ваганьковском кладбище, посетили Кремль (Благовещенский и Архангельский соборы), Зачатьевский монастырь, Ново-Девичий монастырь, Троице-Сергиеву лавру...¹³⁸ В Новодевичий монастырь героиня «Чистого понедельника» едут в Прощеное воскресенье, потом они ищут на Ордынке «дом, где жил Грибоедов», и героиня говорит о Марфо-Мариинской обители. Их нечаянной встречей в этой обители «в четырнадцатом году, под Новый год» заканчивается «Чистый понедельник». Как не случайно временное совпадение бунинских поездок по монастырям с финалом «Чистого понедельника», так едва ли случайно и наложение внутригодового цикла рассказа («Так прошел январь, февраль, пришла и прошла масленица») с наиболее напряженным временем в отношениях Бунина и Лопатиной в 1898 г.

Героиня «Чистого понедельника» «зачем-то училась на курсах», – как училась на них и сама Лопатина, и Зина Чернова из ее романа. Над диваном героиня «зачем-то висел портрет босого Толстого», и на восклицание героя о счастье она приводит слова Платона Каратаева: «Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь – надулось, а вытащишь – ничего нету», – под знаком Толстого развивались отношения Бунина и Лопатиной и в молодости, и в зрелые эмигрантские годы. При этом, насколько можно судить по дневникам и воспоминаниям очевидцев, и в ранние, и в поздние годы Лопатина сохранила в себе сочетание религиозности и озорного, светлого жизнелюбия. «Кат<ерина> Мих<айловна> как тайная монахиня, на многое смотрит с монастырской строгостью, но при этом в ней столько привередливой и прихотливой русской барыни, что часто все смеются от ее неожиданных и вовсе не монашеских замечаний», – писала о Лопатиной Г. Н. Кузнецова.¹³⁹

¹³⁸ См.: Устами Буниных... Т. 1. С. 140; запись Бунина 1 янв. 1915 г.

¹³⁹ Кузнецова Г. Н. Грасский дневник... С. 108; запись 4 июня 1929 г. См. также выше дневниковую запись В. Н. Буниной 6 июня 1929 г. Сведений о монашестве Лопатиной немного. В те же дни, когда сделаны эти записи, Кузнецова пишет и про рассказы Лопатиной о жизни «в тайном иезуитском монастыре» (Там же. С. 16; запись 27 мая 1929 г.). 3 июня 1931 г. В. Н. Бунина отмечает в дневнике, что «Лопатэн <...> думает о монашестве» (РАЛ. MS 1067/403). О католичестве как «последнем этапе жизни» Лопатиной пишет Гиппиус (Гиппиус З. Н. Своими путями... С. 462). О переходе Лопатиной в католичество уверенно сообщает изд.: Русское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биограф. словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мухомина. М.: Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. Т. 2. С. 77.

Героиня позднего бунинского рассказа «иногда говорила: “Не понимаю, как это не надоеет людям всю жизнь, каждый день обедать, ужинать”, – но сама и обедала и ужинала с московским пониманием дела». О молодой Лопатиной Бунин рассказывал жене: «Подумай, <...> зайдем в <“>Прагу<”>, а она начинает говорить: “Нет, не могу есть в ресторанах с тарелок и пить из фужеров, из которых ели и пили другие...”».¹⁴⁰

Когда-то Бунин и Лопатина смеялись, что опишут друг друга. Спустя почти полвека он не описал ее, но претворил некоторые ее черты в своей героине. А свои – в героя: «насколько я был склонен к болтливости, к простосердечной веселости, настолько она была чаще всего молчалива» – тут Бунин оставил герою не только свою молодую легкость, но и их общее с Лопатиной настроение первых месяцев его московской влюбленности. Приведенные выше строки Бунина из письма Лопатиной от 11 апр. 1898 г. («я все-таки счастлив с Вами») прямо перекликаются с тем, как успокаивал себя герой «Чистого понедельника», сознававший недоступность своей возлюбленной: «Ну что ж – все-таки счастье, великое счастье!».

Описывая последнюю встречу своих героев – в Марфо-Мариинской обители, Бунин выбрал прообразом последнюю встречу Лизы и Лаврецкого.¹⁴¹ Важно ли было для него название романа Тургенева – «*Дворянское гнездо*»? Случайно или намеренно возникла перекличка с названием романа «К. Ельцовою» «*В чужом гнезде*»? Помнил ли он, как сказал однажды Лопатиной, что она ходит «точно тургеньская героиня. Право. Робко, скромно. Под защитой родного гнезда»?¹⁴²

Наконец, последний штрих добавляет московская топография. За несколько месяцев до встречи Бунина с Лопатиной осенью 1897 г. в Москву переехал его брат Ю. А. Бунин. Он стал фактическим редактором журн. «Вестник воспитания», контора которого находилась на Староконюшенном переулке (д. 32, не сохранился). Бунин бывал там почти ежедневно. И когда, выходя из редакции, он поворачивал со Староконюшенного на Гагаринский, до Лопатиных оставалось пройти совсем немного. Он шел и видел нависающую над переулком громаду храма Христа Спасителя, – точно так же, как видела его из своих окон неназванная героиня «Чистого понедельника». Даже если Бунин

¹⁴⁰ Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. С. 171.

¹⁴¹ В «Чистом понедельнике» одна из «инокинь или сестер» в Марфо-Мариинской обители, проходя мимо героя, «вдруг подняла голову, крытую белым платком, загорюдив рукой свечку». «Что она могла видеть в темноте, как могла она почувствовать мое присутствие? Я повернулся и тихо вышел из ворот». Так почти за век до этого Лаврецкий «посетил тот отдаленный монастырь, куда скрылась Лиза, – увидел ее. Перебираясь с клироса на клирос, она прошла близко мимо него, прошла ровной, торопливо-смирненной походкой монахини – и не взглянула на него; только ресницы обращенного к нему глаза чуть-чуть дрогнули, только еще ниже наклонила она свое исхудалое лицо – и пальцы сжатых рук, перевитые четками, еще крепче прижались друг к другу. Что подумали, что почувствовали оба? Кто узнает? Кто скажет? Есть такие мгновения в жизни, такие чувства... На них можно только указать – и пройти мимо» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 6. С. 158). Обе сцены находятся в абсолютном конце произведения и строго параллельны по образам, мотивам и интонациям.

¹⁴² Более полное изложение разговора см. выше.

выдумал в «Чистом понедельник» весь сюжет, даже если он наполнил своих героев более вымышленными, чем реальными чертами, то ощущение, воздух, которым напоен этот рассказ, он, скорее всего, вспомнил.

Библиографический список

1. *Агапкина Т. П.* Ельцова К. // Русские писатели: 1800–1917: Биограф. словарь. Большая Российская энциклопедия, 1994. Т. 3. С. 230–231.
2. *Б. н.* Русский преванториум в Биоте // Возрождение. Париж, 1934. 8 июня. № 3292.
3. *Басманов А. Е.* Особняк с потайной дверью. М., 1981.
4. *Битерякова Е. В.* Николай Лопатин: Штрихи к портрету (К 160-летию со дня рождения) // Традиционная культура. 2014. № 2. С. 155–165.
5. *Бунин И. А.* Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О. Н. Михайлова; подгот. текста и коммент. С. Н. Морозова, Л. Г. Голубевой, И. А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003.
6. *Бунин И. А.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Пг.: Изд. т-ва А. Ф. Маркс, 1915 (Прилож. к журн. «Нива»).
7. *Бунин И. А.* Собр. соч.: в 9 т. / под общ. ред. А. С. Мясникова, Б. С. Рюрикова, А. Т. Твардовского. М.: Худож. литература, 1965–1967.
8. *Бунин И. А.* Стихотворения: в 2 т. / вступ. ст., сост., подгот. текста, примеч. Т. М. Двинятиной. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Вита Нова, 2014 (Новая Б-ка поэта).
9. *Бунин И. А.* Чистый понедельник / Иван Бунин; Опыт пристального чтения; Пояснения для читателя / М. А. Дзюбенко, О. А. Лекманов. М.: Б. С. Г.-Пресс, 2016. С. 60–69.
10. *Гитлис З. Н.* Своими путями (О Е. М. Лопатиной) // Современные записки. Париж, 1935. Кн. 59. С. 459–462.
11. *Ельцова К.* [наст. имя: Е. М. Лопатина] В чужом гнезде // Новое слово. 1896. № 12; 1897. № 1–7.
12. *Ельцова К.* [наст. имя: Е. М. Лопатина] В чужом гнезде. Роман. СПб.: Изд. СПб. Акционерного О-ва «Издатель», 1899; 2-е изд. 1900.
13. *Ельцова К.* [наст. имя: Е. М. Лопатина] Сны нездешние (К 25-летию кончины В. С. Соловьева) // Современные записки. Париж, 1926. Кн. 28. С. 225–275.
14. *Каллаш М.* Памяти Е. М. Лопатиной // Последние новости. Париж, 1935. 3 окт. № 5306.
15. *Козловцева Е. Н.* Московские общины сестер милосердия в XIX – начале XX века. М.: ПСТГУ, 2010.
16. *Кузнецова Г. Н.* Грасский дневник. Рассказы. Оливковый сад / сост., подгот. текста, предисл. и коммент. А. К. Бабореко. М.: Московский рабочий, 1995.
17. *Лосев А. Ф.* Владимир Соловьев и его время. 2-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2009.
18. *Муромцева-Бунина В. Н.* Жизнь Бунина. Беседы с памятью / вступ. ст. и примеч. А. К. Бабореко. М.: Вагриус, 2007.
19. *Офицерова Е. В.* И. А. Бунин в Царицыне // Московский журнал. 2014. № 6 (282). С. 68–76.
20. Переписка <И. А. Бунина> с Н. Д. Телешовым. 1897–1947 / предисл. и публ. А. Н. Дубовикова // Иван Бунин: [Сб. материалов]: в 2 кн. М.: Наука, 1973. Кн. 1 (Литературное наследство. Т. 84).

21. Русское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биограф. словарь: в 3 т. / под общ. ред. Л. Мнухина. М.: Наука, Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. Т. 2.
22. *Сливицкая О. В.* «Повышенное чувство жизни»: Мир Ивана Бунина. М.: РГГУ, 2004.
23. *Толстая А. Л.* Из воспоминаний // Современные записки. Париж, 1931–1933. Кн. 45–52.
24. *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1934. Т. 18.
25. *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 6.
26. Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин. Frankfurt a/M, 1977–1982.
27. *Чебышев Р. Н.* Памяти Е. М. Лопатиной // Последние новости. Париж, 1935. 27 сент. № 5300.
28. *Heywood Anthony J.* Catalogue of the Bunin, Bunina, Zurov, and Lopatina Collections / ed. by Richard D. Davies, with the Assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2000.

Е. А. Саламатова

**ФУТЛЯР-ПОДАРОК В РУССКОМ СТИЛЕ
ДЛЯ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ В. В. СТАСОВА
(к его юбилею 2 января 1894 г.)**

Аннотация: В статье рассказывается о роскошном подарке к юбилею 2 янв. 1894 г. (70 лет со дня рождения и 50 лет научной и творческой деятельности) Владимира Васильевича Стасова, художественного и музыкального критика, – кожаном футляре для его собрания сочинений, исполненном художницей Варварой Петровной Шнейдер (выжигание по коже с последующей росписью эмалевыми красками) по эскизу архитектора Ивана Павловича Ропета. Уделено внимание описанию футляра и истории его создания.

Ключевые слова: русский стиль, декоративно-прикладное искусство, футляр, орнамент, выжигание по коже, роспись, эмалевые краски, В. В. Стасов, В. П. Шнейдер, И. П. Ропет.

Abstract: The article includes information about the case-gift in Russian style for V. V. Stasov's birthday – 70th celebration. Stasov was very famous Russian artistic and musical critic. In this article we present the history of leathern case (for the selected works by V. V. Stasov), also we describe in detail this gift (the draft by Ivan Ropet; Varvara Schneider burned on the leather and enameled this drawing).

Key words: Russian style, decorative and applied art, case, ornament, burning on the leather, painting, enamel, V. V. Stasov, V. P. Schneider, I. P. Ropet.

На рубеже XIX–XX вв. в России продолжают развиваться художественные традиции народного и древнерусского искусства: принято различать русско-византийский стиль первой половины XIX в., русский стиль 1860–1880-х гг. и неорусский стиль 1880–1910-х гг. Выдающийся историк искусства, археолог, музыкальный и художественный критик Владимир Васильевич Стасов (1824–1906) стал апологетом и вдохновителем русского стиля в разных видах отечественного искусства. Друг художников и музыкантов, он помогал нуждающимся, дарил идеи, поскольку считал, что надо «быть полезным другим, коли сам не рожден творцом».¹ По словам директора екатеринбургского училища П. П. Рупини, «будучи высоко, истинно европейски образованным человеком, которому все лучшее, что дал Запад, было отлично известно, Вл.<адмир> Вас.<ильевич> больше всего ценил национальность и всегда говорил и писал, что все великое есть истинно национальное. Никогда не волновался Вл.<адмир> Вас.<ильевич> так сильно, как на всемирных выставках,

¹ Каренин В. Владимир Стасов: очерк его жизни и деятельности: в 2 ч. Л.: Изд-во «Мысль», 1927. Ч. 1. С. 38.

когда Россия и русское искусство выступали на суд Европы». ² В честь 70-летия со дня рождения и 50-летия литературной и научной деятельности 2 янв. 1894 г. Стасов получил от музыкантов, художников, литераторов, почитателей многочисленные подарки, исполненные в любимом им русском стиле.

Владимир Васильевич, сын известного архитектора эпохи классицизма Василия Петровича Стасова (1769–1848), вспоминал: «С детских лет начал я любить произведения искусства совершенную, особенную, горячей любовью. Картинки, гравюры и рисунки были мне приятнее всего, что я знал, даже музыки, которую я всегда горячо любил <...> Моя особенная склонность ко всему художественному сблизила меня больше других [детей] с моим отцом». ³ Без сомнения, должность помощника секретаря в Межевом департаменте Правительствующего Сената, после окончания Императорского Училища правоведения в 1843 г., была чуждой для титулярного советника Владимира Васильевича Стасова, буквально одержимого стремлением знакомить публику с лучшими произведениями музыкальной и художественной жизни. В журн. «Отечественные записки» в 1847 г. впервые появились статьи начинающего критика: обзоры новых произведений музыки, живописи, скульптуры, архитектуры, а также английской, немецкой и французской литератур. Почти 60 лет, до последних дней жизни, Стасов печатался, одновременно работал над несколькими трудами, – и писал сразу начисто гусиным пером: «Что за счастье сочинять, приготавливаться к сочинению, к писанию, чувствовать поднимающееся, как волна, настроение!» (из письма к искусствоведу Н. Ф. Финдейзену от 16 февр. 1898 г.). ⁴

Максим Горький писал о Стасове: «Его стихией, религией и богом было искусство <...> мир для него был мастерской, в которой люди пишут картины, книги, строят музыку, высекают из мрамора прекрасные тела, создают величественные здания, и, право, порою мне казалось, что все, что он говорит, сливается у него в один жадный крик: “Скорее! Дайте взглянуть, пока я еще жив...” <...> Седой ребенок большого роста, с большим и чутким сердцем, он много видел, много знал, он любил жизнь и возбуждал любовь к ней». ⁵

Энциклопедически образованный, почти 17 лет «безмездно» Стасов трудился в Императорской Публичной библиотеке, разбирал и систематизировал фонд, разрабатывал классификацию, содействовал приобретению редких книг, помогал читателям в поисках нужных материалов, принимал участие в выставках редких экземпляров, а с 1872 г. был заведующим художественным отделом. Любому человеку – от обойщика и столяра до композитора и художника – Владимир Васильевич оказывал помощь в получении необходимого материала для своей работы. ⁶ Напомним, что, используя свои поистине энциклопедические

² Рутини П. П. Очерк деятельности В. В. Стасова // «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову»: сб. воспоминаний. СПб.: Типолитография «Энергия», [1910]. С. 45.

³ РО ИРЛИ, ф. 294, оп. 1, № 976, л. 1.

⁴ Голубева О. Д. В. В. Стасов. СПб., 1995. С. 110.

⁵ Горький М. О Стасове // «Незабвенному...». С. 36–37.

⁶ Голубева О. Д. В. В. Стасов. С. 81–82.

знания и фонд библиотеки, Стасов помог художнику А. А. Иванову для картины «Явление Мессии народу» подобрать «наиболее верный тип Христа», чуть ли не по сотням сочинений и рисунков древнехристианских изданий, а также по фрескам; скульпторам М. М. Антокольскому (горельеф «Инквизиция»), скульптура «Нестор-летописец») и М. О. Микешину (памятник «Тысячелетие России» в Великом Новгороде) подбирали исторические материалы. Велика роль великого критика в подобной помощи и русским композиторам, которым он также подсказывал сюжеты: Н. А. Римскому-Корсакову (оперы «Сказка о царе Салтане» и «Садко»), А. П. Бородину («Князь Игорь»), М. П. Мусоргскому («Хованщина»), Ц. А. Кюи («Анжелло»). Владимир Васильевич в письме (от 2 сент. 1862 г.) к своему близкому другу и матери его дочери, Елизавете Клементьевне Сербиной, признавался: «Я привык всегда работать: либо читать, либо писать, либо, наконец, чем-нибудь заниматься. Праздность одна меня страшно пугает...».⁷ Врачи рекомендовали ему в 1890-е гг. из-за болезни поменьше работать, но Стасов по-прежнему много пишет. В мае 1893 г., за 7 месяцев до 70-летия Стасова, газеты сообщили о его отказе праздновать свой юбилей. Однако же в свой день рождения 2 янв. (по старому стилю) 1894 г. Стасов был вызван особым письмом «по неотложной надобности» к директору Императорской Публичной библиотеки А. Ф. Бычкову.

В письме к своей дочери Софье Васильевне Фортунато (от 16 янв. 1894 г.) Стасов рассказывал: «Поехал, я даже ничего не поспел ни съесть, ни выпить со вчерашнего вечера, распреголодный. Но я торопился, вообразив, что Бычков меня ждет, потому что ему что-то надо везти или сообщить государю, или кому другому из царской фамилии (подобные экстры у нас нередко бывали на святках: маскарады, балы, театры, для которых необходимы тотчас же сведения, рисунки и т. п., из моего “художественного отделения”».⁸ Таким образом неожиданно для себя, «в простом ежедневном рабочем сюртуке», Стасов попал на празднование своего юбилея в Большой Ларинский зал Императорской Публичной библиотеки. А. Ф. Бычков от имени императора Александра III зачитал рескрипт, а при вручении золотой табакерки с бриллиантовым вензелем дарителя пожелал «постоянно оставаться таким же бодрым и отзывчивым ко всему доброму и прекрасному».⁹ Сотни нарядных гостей чествовали юбиляра, преподносили подарки, созданные в русском стиле. Это и изящно оформленные адреса – от музыкантов и любителей музыки,¹⁰ от Императорского Общества поощрения художеств,¹¹ от

⁷ Стасов В. В. Письма к родным: Т. I. Ч. II. (1862–1879). М.: Гос. муз. изд-во, 1954. С. 22.

⁸ Стасов В. В. Письма к родным: Т. II. (1880–1894). М.: Гос. муз. изд-во, 1958. С. 422–423.

⁹ Юбилей Владимира Васильевича Стасова 2-го января 1894 года. СПб.: Изд. ред. «Новостей» (О. К. Нотовича), 1894. С. 3–4.

¹⁰ Адрес работы художника А. Н. Антипова преподнес композитор Н. А. Римский-Корсаков, выразив благодарность В. В. Стасову за поддержку национальной русской музыки.

¹¹ В этом адресе, преподнесенном секретарем Императорского Общества поощрения художеств Н. П. Собко, было отмечено, что исследование юбиляра «Русский народный орнамент» (1872) служит образцом для художников уже 20 лет. См.: Юбилей... С. 5.

молодежи.¹² Адрес от 21 женщины в виде русского «Славенья» преподнесли основательница Мариинской школы кружевниц и исследователь русского кружева С. А. Давыдова, начальница школы Е. Е. Новосильцева и художница Е. М. Бём (Владимир Васильевич высоко ценил Елизавету Меркурьевну, творившую в его любимом русском стиле). Она сочинила текст «Славенья»: «Свету нашему Володимеру Васильевичу / Красному солнышку слава! / Дорогому нашему советчику, / Труда женского радетелю, / Борцу славному за народное, самобытное, / Бьем челом! / Славу поем, честь воздаем, / Головы наши с поклоном, / Сердца с приветом, / Уста с приговором, с величанием: / Слава Володимеру, свет Васильевичу, / По всей Руси слава!» По сторонам текста Бём расположила 21 женскую фигуру в древнерусских богатых одеяниях, нарисованных в красках с золотом. Рамка по эскизу друга Стасова архитектора И. П. Ропета выполнена воспитанницами Мариинской школы кружевниц: здесь шитье шелками, жемчужными нитями и русским кружевом на подкладке из фольги красного, зеленого, желтого и голубого цветов. Взволнованный Стасов в ответном слове «с сердечной благодарностью произнес»: «К великому своему счастью, вижу перед собой трех русских женщин, полных таланта, знания и художественности, которые уже много лет наполняют меня удивлением. То, что вы трое делаете, приводит меня в глубокий восторг. Вы еще больше всех других достойных ваших товарищей ведете вперед дело русского искусства, русского искусства, и вот вдруг вы теперь соединили ваши мысли, ваши знания, ваши дарования для того, чтобы дать мне, в последние годы моей жизни, эту радость: видеть единение и сплочение сил нескольких русских женщин, совершенно выходящих из ряда вон».¹³ Также Владимира Васильевича порадовали роскошно исполненные переплет его издания «Русский народный орнамент»¹⁴ и дар от коллекционера и художницы Наталии Леонидовны Шабельской (передан Н. П. Собко) – огромный футляр для книги В. В. Стасова «Славянский и Восточный орнамент» из красного бархата с орнаментами из золотого галуна, жемчуга, цветных камней, ею же исполненный. (В ответном слове благодарности юбиляр отметил европейскую славу ее коллекции в русском стиле.) Поздравительные речи известных деятелей русского искусства,

¹² Так называемый «Адрес молодежи» в изысканном переплете из древнерусской парчи, с каймой из речного жемчуга был сочинен и оформлен В. П. Шнейдер и О. К. Глазуновой, а заглавный лист включал два больших инициала «В. С.», далее три листа заполнены подписями, всего около 500. С волнением юбиляр выслушал текст адреса, прочитанный студентом: «Делом и словом неизменно и бескорыстно служа во имя народности и художественной правды родному искусству, толкая непонятные произведения проникнутых ими первых наших мастеров и восторженно приветствуя на пути к ним все молодые силы, вы как живое звено связываете все поколения русских художников». См.: Юбилей... С. 7.

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Переплет подарен от имени 1-й профессиональной школы А. И. Коробовой: русский рисунок его по эскизу художника В. П. Рупини выполнен шитьем золотой канителью, блестками и шелком. Мастерница М. В. Молчанова, автор трех медальонов, вышитых шелками и золотом (инициалы юбиляра «В. В. С.», число лет его деятельности – «50» и год 70-летнего юбилея – «1894»), произнесла слова благодарности: «Нет сомнения, что всякая истинно русская женщина сумеет оценить значение вашего почина как в области развития русского искусства, так и в деле расширения и одухотворения русского женского труда». См.: Юбилей... С. 9.

обращенные к юбиляру, свидетельствуют о важной роли Стасова в истории русской культуры, и это отражено в брошюре 1894 г. «Юбилей Владимира Васильевича Стасова 2-го января 1894 года» (издана редакцией «Новостей» (О. К. Нотовича), и, по свидетельству современников, уже в 1910 г. она представляла «большую библиографическую редкость»).

И наконец, Стасов получает самый дорогой в своей жизни подарок. С 1886 г., целых восемь лет, художники, друзья и поклонники таланта замечательного деятеля искусств собирали средства на издание собрания сочинений и статей за 45 лет деятельности. В день юбилея они преподнесли только что отпечатанные (в типографии М. М. Стасюлевича на Васильевском острове, 5-я линия, д. 28 – тома I и II, а том III – в типографии И. Н. Скороходова на Надеждинской улице, д. 43) три тома в художественно выполненном кожаном футляре. Известно, что на склоне лет Владимир Васильевич сомневался, нужны ли его сочинения на рубеже XIX–XX вв. Но три тысячи страниц в этих книгах большого формата свидетельствовали о том бесценном вкладе, который внес Стасов в русскую культуру. Этот дар вручил секретарь Общества поощрения художеств Н. П. Собко. В ответном слове юбиляр признался в своих сомнениях, нужны ли сейчас его сочинения: «Ах, с каким восхищением я бы их все сжег и уничтожил. Но сегодняшний день, все то, что я вижу и слышу здесь, вливает в меня луч надежды, я опять осмеливаюсь думать, что не понапрасну я жил и делал то, что считал важным, и хорошим, и нужным».¹⁵

Эти три тома в роскошно выполненном кожаном футляре (внутри его мраморная бумага) хранятся в книжном фонде Отдела Библиотеки Академии наук при Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (шифр 1937л/200).¹⁶ Книги размером 21,5 × 29,5 см, изначально с бумажными обложками, переплетены в полукожаные переплеты с уголками, цвета охры, с мраморной бумагой; на корешке на алом фоне вверху золотыми буквами и цифрами: «В. В. Стасов / Собрание / сочинений / 1847–1886», а внизу – номер тома и год издания 1894. Между этими алыми прямоугольниками на коже цвета охры вытиснена золотая сетка. Срез страниц каждого тома окрашен алой краской. Форзацы из мраморной бумаги в бордовых тонах. В томе I – подлинная гравюра В. Матэ с портрета Стасова, написанного И. Е. Репиным, и фототипия адреса к 40-летию творческой деятельности критика работы И. П. Ропета.

Многие годы издание хранилось на полке, не известное исследователям.

¹⁵ Там же. С. 12.

¹⁶ Собрание сочинений Владимира Васильевича Стасова (1847–1886). С приложением его портрета [работы гравера В. Матэ] и снимка с поднесенного ему адреса. СПб., 1894. Т. I–III.

Т. I. Художественные статьи. Отд. I. История художеств и художественных произведений. – Отд. 2. Критика художественных произведений. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5-я лин., д. 28), 1894. 768 стб.

Т. II. Художественные статьи. Отд. 3. Критика художественных изданий и статей. – Отд. 4. Очерки жизни и деятельности художников. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича (В. О., 5-я лин., д. 28), 1894. 1050 стб. + 484 стб. + 30 л. ил. (Тип. А. Бенке).

Т. III. Музыка и театр. – Литература. – Императорская Публичная библиотека. – Автобиография. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова (Надеждинская ул., д. 43), 1894. 1790 стб.+1 с.

По эскизу архитектора Ивана Павловича Ропета (настоящее имя – Иван Николаевич Петров, 1845–1908) рисунки на четырех сторонах коробки выполнены художницей Варварой Петровной Шнейдер (1860–1941). С создателями этого подарка юбиляра связывали дружеские и творческие отношения, свидетельства которых мы находим в переписке. Русские постройки по проекту Ропета на Всемирных выставках: в Париже (1878), в Копенгагене (1888) и в Чикаго (1893) были отмечены наградами в Западной Европе и в Америке.¹⁷ Один из ведущих мастеров национального направления, Ропет использовал приемы и элементы русского народного зодчества (например, для имения Саввы Ивановича Мамонтова в 1877 г. архитектор спроектировал баню в виде термка).

Стасов сочувственно относился к своему другу, заботился о его здоровье, помогал с заказами, ведь Ропету Академия художеств их не делала – калекه маленького роста со скрюченными от ревматизма «кривыми лапками», зачастую передвигавшемуся на кресле... В письме к Поликсене (Полине) Степановне Стасовой, жене брата Дмитрия Васильевича (от 19 июля 1882 г.), Владимир Васильевич писал: «...Вчера, по жаре по самой, ровно в полдень, я возвращался из Шувалова от бедного Ропета – да, бедного, да не совсем! Правда, руки и ноги у него по-прежнему скрючены. А только своими скрюченными руками он так рисует, как будто ни в чем не бывало, и пером, и красками, – и я думаю, можно привести целых три Академии, не то что нашу одну, и никто никогда не догадается (не знавши), что это рисовал какой-то калека, прикованный к креслу на колесах и подающий вам, чтобы поздороваться, не пальцы, даже не кисть руки, а лучевую кость свою».¹⁸ В письмах к Ивану Павловичу Стасов называет его «милый малый, но большой Ропетик»,¹⁹ признается ему, что «совсем соскучился и много-много в Вас нуждался!» (27 мая 1893 г.).²⁰ В письме от 24 окт. 1894 г. художнице Е. Д. Поленовой Владимир Васильевич отзывается о Ропете как о «товарище и единомышленнике по русскому искусству»,²¹ «талантливейшем и замечательнейшем из *русских* архитекторов» (письмо от 2 февр. 1894 г.).²² Далее Владимир Васильевич отмечает: «...мы почти одинаково всегда любили в архитектуре все *русское*, все *романское* и все *восточное*: это разные пальцы одной и той же талантливой и могучей руки».²³ Друзья Ивана Павловича отмечали его «бесконечную доброту», «отзывчивость ко всему хорошему», «скромность и полное бескорыстие» этого больного человека, фанатично преданного родному искусству.

Иван Павлович Ропет в письме к Владимиру Васильевичу от 19 июня 1897 г. признается: «Нельзя достаточно навосхищаться Вами, дорогой Влади-

¹⁷ Голубева О. Д. В. В. Стасов. С. 129.

¹⁸ Стасов В. В. Письма к родным: Т. II. (1880–1894). С. 119–120.

¹⁹ Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры. М.: Наука, 1967. Т. 2. С. 94.

²⁰ Там же. С. 92.

²¹ Там же. С. 53.

²² Там же. С. 48.

²³ Там же. С. 49.

мир Васильевич! Как все у Вас по-богатырски! Как все в масштабе с Вашей могучею художественною натурою. Когда горит <так!> Владимир Васильевич, то ни пределов нет, ни удержу полетам его мысли и изумительной деятельности. Он ненасытен и все стремится создавать и работать и задавать себе задачи все выше, все шире, все глубже. Для него <...> и нет ничего необъятного».²⁴ Трогательно звучит признание художника в письме от 15 авг. 1898 г.: «Боже! Как бы я был счастлив, если б хоть на одну йоту мог допустить мысль – быть Вам хоть чем-нибудь, когда-нибудь полезным».²⁵ Как видим, благодарный друг создал эскиз футляра для собрания сочинений, самого дорогого для юбиляра подарка, при вручении которого Стасов сказал: «Благодарю вас, все вы, кто сегодня пришел сюда и выказал мне свои симпатии. Это нечто драгоценное в мире для меня».²⁶

3 нояб. 1896 г. при деятельном участии Стасова состоялся юбилей архитектора Ивана Павловича Ропета, с полной выставкой его произведений. Приведем часть поздравительной речи П. С. Стасовой: «Для меня каждый штрих Вашей кисти, каждый узор Вашего карандаша дыш<a>т такой красотой, таким вдохновением, такой чудной фантазией, что смотришь и уносишься в какой-то мир волшебства. Но волшебство это истинно русское, полное глубоко национального характера. Вы своею творческой мыслию заглянули в сокровищницы древнего русского художества, – в Византию и Славянство и, осветив все своею личною гениальностью, показали нам его в необычайно-художественных образах. То были и рисунки для кружева, и проекты <так!> памятников нашим знаменитым талантам, и архитектурные модели павильонов выставок, и драгоценный переплет для замечательного историко-художественного издания Звенигородского. Древние здания и узоры, коньки и гребни, купола и храмы, прозрачность эмалей и блеск драгоценных камней, кружево резьбы и филиграни – все под Вашей кистью являлось <в> поразительной красоте форм и цветов, сплетений и сочетаний, изящества и оригинальности, все было полно исторической правды и поэтической фантазии. Когда я гляжу на всю эту красоту, мне так и слышится стих Пушкина: “Все в ней гармония, все диво”. И если говорят, что слог человека – это он сам, то еще с большею верностью можно сказать, что творения художника – это душа его. И перед такой душой можно только преклоняться, с безграничным удивлением и безграничной благодарностью.

Так я и делаю перед Вами, дорогой Иван Павлович».²⁷

Талант начинающей художницы Варвары Петровны Шнейдер, по словам Стасова, «ученицы <...> очень даровитой»,²⁸ как и ее младшей сестры Александры Петровны (1863–1942?), неоднократно отмечался Стасовым в статьях

²⁴ РО ИРЛИ, ф. 294, оп. 1, № 452, л. 38.

²⁵ Там же, л. 60 об.

²⁶ Юбилей... С. 12.

²⁷ РО ИРЛИ, ф. 294, оп. 1, № 452, л. 81–82.

²⁸ Стасов В. В. Две художественно-промышленные выставки // Стасов В. В. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 18.

о выставках Общества поощрения художеств (1887): «Конечно, в школе всегда было и есть не мало даровитых юношей, но значительнейшая доля талантливейшей молодежи здесь – это все женщины. Какой отрадней, какой великолепней факт! <...> Но теперь пришли другие времена, и женщина разделяет труд и творчество мужчины. Кто знает, может быть, она призвана их освежить и укрепить. Рассматривая работы молодых учениц школы Общества, нельзя не удивляться талантливости и свежести очень многих между ними».²⁹ Критик отмечает «работы из кожи, с выпуклыми фигурами и узорами, идущие под руководством Рененкампа».³⁰ Варвара Петровна Шнейдер имела навыки в этом виде декоративно-прикладного искусства и блестяще воплотила их в подарочном футляре Стасову – эскиз Ропета перенесен на белую шагреновую кожу с помощью выжигания и тиснения по коже, контуры заполнены золотой, а узоры раскрашены эмалевыми красками. (Напомним, что в письме Е. М. Бём от 15 нояб. 1893 г. Стасов писал, что «Ропетик с восхищением и уважением говорит про орнамент работы М-лле Шнейдер: он их видел на адресе Григоровичу».)³¹

В архиве А. П. и В. П. Шнейдер (РО ИРЛИ, ф. 340) сохранилось письмо Николая Петровича Собко (1851–1906), художественного библиографа, историка, секретаря Общества поощрения художеств, а с 1892 г. – редактора журн. «Искусство и художественная промышленность» (обложка работы В. П. Шнейдер). 24 дек. 1893 г., получив эскиз рисунков для футляра от И. П. Ропета, он пишет Варваре Петровне свои пожелания: «Посылая Вам его сегодня, добавлю покуда одно, что помимо прибавки золотых контуров, на которые сделаны намеки у Ив.<ана> Павл.<овича>, не мешало бы, по-моему, прибавить еще: “и изданий” после слов: “художественных произведений”. Только как: крупнее или мельче – это уже Ваше дело. Быть может, Вы сделаете набросочек этого места на корешке и мы решим с Вами, что будет лучше».³²

Опишем подарочный кожаный футляр для собрания сочинений В. В. Стасова.

Верхняя часть футляра украшена рамкой из точечных мазков эмалевой краски голубого цвета, со внутренней рамкой причудливой формы со словами «Собрание сочинений» вокруг цветка с белыми лепесточками, в красной сердцевине которого помещены золотые инициалы юбиляра – «ВВ», чуть ниже в стембель цветка алой эмалью вписана фамилия «Стасова», с роскошной буквицей в древнерусском стиле, обвитой зеленой лентой; еще ниже – продолжено золотыми буквами в две строчки «изданное его / почитателями». Под этой рамкой в углах симметрично расположены в золото-зеленых кругах на синем фоне цифры «1847» (слева) и «1886» (справа). Все эти элементы красиво оттеняет небольшой алый фон.

Содержание трех томов собрания сочинений отражено на узкой боковой стороне футляра: в стилизованные буквы также включены орнаменты, так, цветок, напоминающий подсолнечник, только с голубыми лепестками, листьями

²⁹ Там же. С. 17.

³⁰ Там же. С. 19.

³¹ РО ИРЛИ, ф. 340, оп. 4, № 22, л. 2 об.

³² РО ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, № 121, л. 16–17.

синего и зеленого цветов, включает в себя буквы «сто» из слова «История», где элементы буквы «И» состоят из двух витиеватых драконов или грифонов белого цвета на голубом фоне; из конечной буквы «я» вырастает растение. В основании центрального цветка включена буква «т» слова «Критика», темно-синего цвета; ниже продолжается (золотом, в четыре строчки) «Художественных / произведений / и / изданий». Белый узор разделяет следующие части сочинений: «Литература. / Музыка / и / театр. / Автобиография», алого, зеленого, голубого цветов. Скромный четырехлепестковый цветок внизу завершает это художественно воплощенное содержание.

По периметру левой части футляра – рамка с растительными элементами: на стеблях симметрично расположены листья и алые шестилепестковые цветы с белой сердцевинкой, по четырем углам – белые квадраты с алыми контурами и сердцевинкой. В середине верхней части рамки – в алом круге, окруженном стилизованными ветвями с голубыми кругами по бокам, золотом написаны цифры «40», в честь 40-летней творческой деятельности юбиляра. Это завершение изящно исполненного фантастического цветка в русском стиле, чья верхняя часть – плод, напоминающий ананас с зелеными листьями, с красными цветками по бокам; он окружен синими буквами «Собрание сочинений», ниже в полукругах, образованных витиеватыми стеблями с треугольными плодами, – белой эмалью инициалы «В В»; еще ниже в левом углу нарядная буквица «С», а «Т» входит в стебель цветка, заполненного эмалевыми красками белого, красного, зеленого цветов, тут и листья, и цветок, и виноград... Нарядны и другие буквы, образующие фамилию «Стасов». В основании цветка, в нижней части, в маленькой рамке – «1847–1886», годы творческой деятельности Владимира Васильевича.

Богаче всего украшена правая часть футляра; в рамке на алом фоне зеленые, синие, голубые растительные мотивы, с белыми квадратами с синими ромбами внутри – по углам и в центре верхней части. На нижней части рамки в центре большого ромба (краски алая, голубая) год создания этого футляра – «1893». Отсюда тянется вверх фантастическое растение в русском стиле (цвета – голубой, синий, темно-синий, зеленый, желтый, белый, алый – все элементы окружены золотыми контурами), с крупными, симметрично расположенными цветами в углах рамки; в центре растения переплетенные буквицы-инициалы «ВВ», а верхний цветок, стилизованный подсолнечник с желтыми лепестками, заключает в своей сердцевине на синем фоне «1843».

Владимир Васильевич Стасов особенно отмечал умение Варвары Петровны Шнейдер создавать орнаменты в русском стиле, оформлять поздравительные адреса. Он помогает ей получать заказы. Впечатление от этого подарка – в письме ей от 26 дек. 1896 г.: «Варвара Петровна – Вы прелестная особа, и больше ничего! <...> Вот давно ли Вы каких чудес наделали для дорогого моего Антоколии (скульптора М. Антокольского. – Е. С.)!

Как хорошо все это делаете. Мне бы хотелось бы, чтоб Вы хоть капельку знали и видели всю мою “адмирацию” (*admiration φρ.* – «восхищение, удивление, преклонение». – Е. С.) Вами.

Времени мало, очень мало, но я убежден, что Вы сладите как не надо лучше и с рамкой для M-er Antokolsky. Ведь неправда ли <так!>, как Ропет чудесно все тут насочинял? И как оригинально? Я уверен, что у Вас в выжженном виде и в красках выйдет такой же блеск, как 3 года тому назад с моим выжженным и наполненным эмалевыми красками футляром для моих “Сочинений”, 2 января 1894 года. VIVAT Вам великий!!!!!!!»³³ Александра Петровна Шнейдер вспоминала, что Стасов был «большой поклонник» ее сестры, в письмах называл ее «Belle-Femme»³⁴ – красавицей, «наилюбезнейшей и наипрекраснейшей» (письмо от 3 мая 1902 г.),³⁵ Владимир Васильевич писал Варваре Петровне (25 апр. 1901 г.): «...и тогда опять прилечу к Вам, и выскажу Вам новый раз всю мою адмиратию, и благодарность, и удивление, и восхищение и многие другие <так!> еще!! Ваш всегда В. С.».³⁶ Среди многочисленных друзей сестер – вся семья государственного деятеля и знаменитого путешественника Петра Петровича Семенова<Тян-Шанского с 1906 г.>. Замуж они не вышли, полностью посвятив себя искусству. Варвара Петровна была также этнографом, собирателем произведений народного искусства для этнографического отдела Музея Императора Александра III (Государственного Русского музея), педагогом, а в 1911 г. стала одной из основательниц Школы народных искусств в Санкт-Петербурге, под покровительством императрицы Александры Федоровны. В мастерских Школы – иконописной, ковровой, вышивальной и кружевной – обучались ремеслам крестьянские девочки из разных губерний. В 2003 г., в историческом здании Школы, вблизи храма Воскресения Христова – Спаса-на-Крови в Санкт-Петербурге, открылась Высшая школа народных искусств (институт) (сейчас – академия), к 10-летию которой был создан адрес, по образцу подарка Стасову от 21 женщины. Обнаруженный в фондах Русского музея ведущим научным сотрудником Мариной Александровной Сорокиной, при ее помощи, а также хранителя произведения И. Б. Верховской, он был тщательно изучен в рамках пилотного проекта под руководством заведующей художественно-творческой лабораторией Татьяны Евгеньевны Лончинской. Преподаватели и студенты института воссоздали старинные технологические приемы кружевоплетения, вышивки и акварельной живописи. А мы вспомним слова Стасова при получении адреса от 21 женщины: «Примите же мою сердечную благодарность за все вами сделанное, и пусть вместе со мною порадуются все, кто у нас способен понимать русскую женскую художественность и творчество».³⁷

С. Венгеров вспоминал: «...Стасов так или иначе зажигал всякого, кто приходил с ним в столкновение. Никто не отходил от него не согретый душевно. Соглашались ли вы с ним или нет, даже раздражались ли вы его “однобокостью” – безразлично. Он вас расшевеливал, будоражил, всегда настраивал

³³ РО ИРЛИ, ф. 340, оп. 1, № 122, л. 1.

³⁴ Там же, л. 4.

³⁵ Там же, л. 6.

³⁶ Там же, л. 5.

³⁷ Юбилей... С. 9.

вас на высокий лад, потому что с В. В. можно было говорить только о самых высоких предметах – об искусстве, о литературе, о благе России, о вопросах общественности. И это не была обычная вялая беседа о “материях важных”, а всегда захватывающий обмен заветных мыслей и чувств». ³⁸ Обращаясь к наследию выдающегося русского критика, мы слышим этот возвышенный диалог и в его дружеской переписке с архитектором Иваном Павловичем Ропетом, и с художницей Варварой Петровной Шнейдер, создателями футляра для собрания сочинений к 70-летию Владимира Васильевича Стасова (2 янв. 1894 г.), уникального произведения декоративно-прикладного искусства конца XIX в. в русском стиле.

Библиографический список

1. Венгеров С. От редакции // «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову»: сб. воспоминаний. СПб.: Типолитограф. «Энергия», [1910]. С. I–XII.
2. Голубева О. Д. В. В. Стасов. СПб., 1995. 184 с. (Деятели Рос. нац. б-ки (Публ. б-ки)).
3. Горький М. О Стасове // «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову»: сб. воспоминаний. СПб.: Типолитограф. «Энергия», [1910]. С. 35–38.
4. Каренин В. Владимир Стасов: очерк его жизни и деятельности: в 2 ч. Л.: Изд-во «Мысль», 1927. Ч. 1.
5. Рупини П. Очерк деятельности В. В. Стасова // «Незабвенному Владимиру Васильевичу Стасову»: сб. воспоминаний. СПб.: Типолитограф. «Энергия», [1910]. С. 39–49.
6. Стасов В. В. Две художественно-промышленные выставки // *Стасов В. В.* Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 9–20.
7. Стасов В. В. Письма к деятелям русской культуры. М.: Наука, 1967. Т. 2. 320 с.
8. Стасов В. В. Письма к родным: Т. I. Ч. II. (1862–1879). М.: Гос. муз. изд-во, 1954. 407 с.: ил.
9. Стасов В. В. Письма к родным: Т. II. (1880–1894). М.: Гос. муз. изд-во, 1958. 547 с.: ил.
10. Стасов В. В. Собрание сочинений (1847–1886). С приложением его портрета [работы гравера В. Матэ] и снимка с поднесенного ему адреса. Т. I–III. СПб., 1894. Т. I. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 768 стб.; Т. II. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 1050 стб. + 484 стб. + 30 л. ил. (Тип. А. Бенке); Т. III. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. 1790 стб.+1 с.
11. Стасов В. В. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I. 318 с. (АН СССР. НИИ теории и истории изобраз. искусства).
12. Юбилей Владимира Васильевича Стасова 2-го января 1894 года. СПб.: Изд. ред. «Новостей» (О. К. Нотовича), 1894. 19 с.: ил.

³⁸ Венгеров С. От редакции // «Незабвенному...». С. IX.

О. С. Давыдова

МЕЖДУ ОБРАЗОМ И СЛОВОМ: МОДЕСТ ДУРНОВ В МЕЧТАХ О МОДЕРНЕ

В душах есть все, что есть в небе, и много
иного.

*Валерий Брюсов. Лирические мысли.
Из «Книги раздумий». 1899*

Аннотация: Статья представляет собой первое расширенное монографическое исследование творчества малоизученного художника, поэта и архитектора Модеста Александровича Дурнова, стоявшего у истоков формирования стиля модерн в России. Являясь одним из ярких и в то же время типичных представителей Belle Époque, Дурнов целенаправленно стремился воплотить в своем искусстве поэтические принципы мышления, присущие художникам «эры» символизма. Опираясь на целый ряд впервые вводимых в научный оборот документов, ведущую роль среди которых по объему и информативности занимают письма и рисунки Дурнова из собрания Рукописного отдела ИРЛИ РАН, автор анализирует поэтику творчества художника в контексте его личности и дружеских взаимосвязей с московскими литераторами и мастерами круга «Мира искусства» и «Союза русских художников».

Ключевые слова: Искусствоведение, стиль модерн, Серебряный век, символизм, иконология, поэтика, поэзия, художественный образ, синтез искусств, япономания, Модест Дурнов, Георгий Бахман, Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, «Мир искусства», «Союз русских художников».

Abstract: The article is the first extended monographic study of the work of the little-known artist, poet and architect Modest Durnov, who was at the beginning of the formation of the Art Nouveau Style in Russia. Being one of the bright and, at the same time, typical representatives of Belle Époque, Durnov purposefully sought to translate in his art the poetic principles of thinking inherent in the artists of the «era» of symbolism. Relying on a number of documents for the first time introduced into scientific circulation, the leading role among them in terms of volume and informativeness is occupied by Durnov's letters and drawings from the collection of the Manuscript Division of the Russian Literature Institute (the Pushkin House), the author analyzes the poetics of the artist's creativity in the context of his personality and friendly relations with Moscow writers and masters of the circle «World of Art» («Mir iskusstva») and «Union of Russian Artists».

Key words: History and theory of Fine Arts, Art Nouveau Style (Style Moderne), Silver age, symbolism, iconology, poetics, poetry, artistic image, Gesamtkunstwerk, japanomania, Modest Durnov, Georg Bachmann, Valery Bryusov, Konstantin Balmont, «World of Art» («Mir iskusstva»), «Union of Russian Artists».

Искусство модерна создавалось художниками, одаренными чуткой восприимчивостью к слову, – причем не столько к слову-средству, позволявшему найти сюжет или конкретную литературную тему для ее передачи на холсте

или бумаге, а к слову-образу в его эмоционально-поэтической субъективной ипостаси. Подобное восприятие во многом объясняет и то новаторское своеобразие стиля, которое заключалось в органичном симбиозе пластического образа и смыслового масштаба, таящегося за ним. Несмотря на общепринятое мнение о литературоцентричности символизма, история визуального искусства заставляет внести уточнения в подобные концепции, свидетельствуя скорее об обратном. Во многом именно зрительные ориентиры искусства эпохи модерна, которые обладали потенциальным поэтически-многомерным духовным эквивалентом, объясняют ту богатую ассоциативными лабиринтами текстовую культуру, которая сложилась в символизме. Именно «необретенное» слово – слово, к которому нужно было прислушаться на душевном уровне, прежде всего влекло художников. Уникальное по своим масштабам явление органичного синтеза визуального и внутреннего вербального мышления подтверждает творчество как признанных, так и малоизученных мастеров, расцвет, закат или начало пути которых пришлось на эпоху модерна, – Гюстава Моро, Одилона Редона, Мориса Дени, Данте Габриэля Россетти, Эдварда Гордона Крэга, Альфреда Моссы, Вильяма Дегува де Нункве, Жана Дельвиля, Жана Кокто, Виктора Борисова-Мусатова, Льва Бакста, Микалоюса Чюрлёниса, Василия Кандинского, Николая Фефилактова, Виктора Замирайло, Михаила Казаса и др. Из перечисленных художников не все писали стихи, хотя в архивах большинства из них можно найти немало попыток облечь в рифму свои переживания, однако принципы поэтического мышления выражались и в прозаических заметках, дневниковых записях или письмах (как, например, у Михаила Врубеля или Михаила Нестерова). Безусловно, художники-поэты не являлись профессиональными литераторами, однако сам факт их тяготения к лирико-метафорическому осмыслению своего образного мира является чрезвычайно важным для понимания языка модерна и источников его сложения. С точки зрения искусствознания феномен поэтического мышления художников дает новый методологический ключ к раскрытию визуальных смыслов их творчества.

В контексте разговора о визуально-поэтическом контрапункте русского модерна фигура Модеста Александровича Дурнова (1868–1928) – архитектора, художника, поэта, денди – имеет совершенно особое значение, так как его пластическое мышление напрямую соотносится с культом собственного субъективного «творения» слов. И хотя это не выразилось в обширно изданном стихотворном или прозаическом наследии, тем не менее образное видение слова, связанное с самоощущением себя как поэта, у Дурнова безусловно было. Несмотря на то что существуют немногочисленные публикации об архитектурных проектах и эстетических вкусах Дурнова,¹ на уровне осмысления

¹ Подробнее о М. А. Дурнове как архитекторе см.: *Нацокина М.* Сто архитекторов московского модерна. Творческие портреты. М., 2000. С. 102–103. Эстетические вкусы Дурнова частично отражены в исследованиях Э. В. Пастон (в частности, в докладе «У истоков эстетизма символизма и модерна. Модест Дурнов и Елена Поленова» // Междунар. науч. конф. «Связь времен: история искусств в контексте символизма», 16–18 нояб., 2017, РАХ, НИИ РАХ, ГИИ, Москва), а также статье: *Гершкович Е.* Московский денди // Мезонин, 04.04.2003. URL: <https://archi.ru/press/russia/34160/moskovskii-dendi>.

личного творчества он до сих пор остается теневой фигурой. Причин подобного забвения несколько. Одна из них связана с отсутствием систематизации работ художника. Это «пострепрессивное» бедствие, постигшее отечественное искусствоведение, изучающее творчество художников символизма и модерна, отлучило от истории искусства многих талантливых мастеров, оказавшихся совершенно чуждыми ориентирам новой культуры. И хотя, как показывают документы, сам Дурнов до конца своей жизни продолжал принимать заметное участие в общественной жизни, его творческие идеалы своими корнями уходили в эстетику рубежа XIX–XX вв.

Образная система мышления Дурнова на программном уровне была связана с символистскими настроениями и художественным мифотворчеством эпохи модерна. «С юных лет М. А. подпал под влияние так называемых модернистов. / Когда в Париже взошла звезда архитектора Гимара, а в Вене зашумели Ольбрих и Макинтош, М. А. явился в Москве пропагандистом их новых идей и стал проповедовать “стиль модерн”. / На эту тему он прочел несколько докладов в Московском архитектурном обществе и вызвал к себе большой интерес со стороны московских зодчих»,² – отмечал театральный критик, библиофил Сергей Георгиевич Кара-Мурза во время выступления на заседании общества «Старая Москва» в 1928 г. (на второй день после похорон художника). Впрочем, круг интересов Дурнова имел более широкий охват. Одним из первых в России Дурнов стал говорить о прерафаэлитях и страстной мечтательности их творчества как об истоках символизма рубежа XIX–XX вв. В 1895 г. в Московском обществе любителей художеств он сделал доклад на эту тему, впечатление от которого взволнованно описала Елена Дмитриевна Поленова: «Дурнов читал об английских прерафаэлитях. Читал он, волнуясь, стесняясь страшно, но это было так интересно, что я вернулась домой как в чаду».³

Однако стоит отметить, что всмотреться в творчество Дурнова после периода идеологического гнета мешали и полусправедливые, полусубъективные отзывы современников в духе тех, что оставил Владислав Ходасевич, проницательный ум которого не отличался бесосновательным легкомыслием в оценках: «Модест Дурнов, художник и стихотворец, в искусстве прошел бесследно. Несколько слабых стихотворений, несколько неважных обложек и иллюстраций – и кончено. Но о жизни его, о личности слагались легенды. Художник, создающий “поэму” не в искусстве своем, а в жизни, был законным явлением в ту пору. И Модест Дурнов был не одинок. Таких, как он, было много».⁴

Для самого Дурнова услышать подобную характеристику было, конечно, весьма болезненно, однако и его личный вклад в развитие иллюстративного и графического искусства – далеко не бесследен и зауряден. Кроме того, для

² *Кара-Мурза С. Г.* Речь, зачитанная на заседании общества «Старая Москва». Автограф. Машинопись. Август 1928 // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 91, л. 1 об.

³ Цит. по: *Сахарова Е. В.* Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964. С. 519.

⁴ *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: в 4 т. Некрополь. Воспоминания. Письма / сост., подгот. текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова. М., 1997. Т. 4. С. 8.

анализа и понимания внутренней материи, из которой складывается стиль эпохи, важны не только первостепенные по реализации дара мастера, но и те, кого до недавнего времени относили к фоновым персонажам. История искусств хотя и является областью уникальных по силе художественной самобытности образных высказываний, однако занимается изучением как единичных творческих миров, так и исследованием художественных типов мышления, в контексте которых важны «многочисленные» явления, тем более, если тип мировоззрения с течением времени изменился. Для эпохи эстетизма художник, верящий в жизнь как поэму, был действительно явлением характерным, поэтому и творческая личность Дурнова, после периода идеологического презрения к модерну, заслуживает более пристального внимания.

Одним из важнейших источников к обретению понимания индивидуальной интонации искусства Дурнова – интонации, вдохновленной страстно-романтической, доходящей до меланхоличности (как свидетельствуют письма) душой, – может служить анализ художественного мышления мастера – поэтического по природе взаимодействия слова и образа. В данной статье поэтическое самоощущение художника будет рассмотрено прежде всего сквозь призму тех архивных документов, позволяющих наиболее разносторонне проявить личность Дурнова в русском искусстве на данном этапе, доминирующая часть которых хранится в Рукописном отделе ИРЛИ РАН.

Каким же видел себя сам художник?

Из темно-коричневого с золотисто-сумеречным отливом пространства небольшого акварельного автопортрета 1898 г. (картон, акварель; 19 × 19; РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 5 (1), л. 64)⁵ на нас смотрит романтически героизированный в духе лермонтовского Печорина или лорда Байрона, сосредоточенно красивый, размышляющий взгляд – взгляд всматривающегося в себя мечтателя-одиначки – отчасти, возможно, денди, с долей театральной экспрессии во взгляде; отчасти, возможно, гордеца (что отмечали художники, воспринимавшие Дурнова со стороны) – одним словом, взгляд человека с призывком трагического начала в характере, с жадной роковой роли. Неслучайно это самоощущение художника-поэта проявилось и в письмах Дурнова к друзьям: «Может, я тоже из тех, которым не следует дожить до 37 лет».⁶ Глаза – как средоточие внутреннего масштаба художественного образа героя – почти всегда акцентировались Дурновым: будь то эсхатологические по характеру портреты-миниатюры поэтов, например Константина Бальмонта (1902, бумага, тушь, перо; РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 1); шаржированный

⁵ В случае указания местонахождения произведения изобразительного искусства в собрании того или иного архива (отдела рукописей) название хранения дается по тексту в круглых скобках равноценно музею, а не в библиографической сноске. При упоминании рисунков из собрания РО ИРЛИ в тексте приводится полное искусствоведческое описание формальных характеристик произведений, впервые выявленных в ходе исследования. В остальных случаях согласно общепринятой модели размеры, как правило, не указываются и вводятся лишь в случае принципиальной, научно-практической необходимости показать масштаб работы.

⁶ Дурнов М. А. Письмо к Г. Г. Бахману. 20 февр. 1904 // РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 96, л. 37. Намек на возраст, ставший роковым для гениально одаренных поэтов, на которых ориентировался Дурнов, – Пушкин и Байрон умерли в 37 лет. Лермонтов погиб в 27 лет.

гротеск приятельского типа, каких немало сохранилось в архиве литератора Георга Бахмана; будь то набросок соблазнительной роковой красавицы или персонажа, оживающего в иллюстративном пространстве книги (прием, ярко воплощенный в созданных Дурновым иллюстрациях 1906 г. к «Портрету Дориана Грея» Оскара Уайльда).

Модест Дурнов – художник-поэт, амплитуда внутреннего видения которого раскачивалась от одиночества душевной неприкаянности Михаила Лермонтова, лорда Байрона до чувства эстетической отверженности одиночки Оскара Уайльда. Неслучайно все три романтика-эстета были частыми героями его рисунков. В 1914 г. Дурнов создал симптоматичный для поэтического направления символистского искусства образ Михаила Лермонтова («Портрет М. Ю. Лермонтова»; картон, пастель; 40,1 × 32,7; Музей-заповедник М. Ю. Лермонтова, Пятигорск), ассоциативно показав близость его духовного мира творчеству художников модерна. Нежного «демона» русской поэзии, с такой возвышенной и страстной настойчивостью вдохновлявшего и Михаила Врубеля, Дурнов изобразил на фоне другого образа-символа эпохи – плавный изгиб полусклоненной головы лермонтовской музы совершенно очевидно отражает черты боттичеллеской Симонетты, – черты его Венеры, «Веснь» и Мадонны, – которая по праву может считаться и «Симонеттой» Виктора Борисова-Мусатова, Владимира Станюковича, Максимилиана Волошина, Мориса Дени и многих других символистов, открывших в произведениях Сандро Боттичелли не только свой Ренессанс, но и идеально воплощенный образ Вечной женственности – души.

Вышеупомянутый небольшой автопортрет Модеста Дурнова представляет собой важный в контексте исследуемых вопросов документ, обладающий большой ценностью как с объективной биографической точки зрения, так и в связи с эмоционально проникновенной, творчески емкой характеристикой внутреннего самоощущения Дурнова. Акварель была обнаружена в архиве ближайшего друга, поэта и переводчика Георга Бахмана (Георгия Георгиевича или Егора Егоровича, как обращался к нему Дурнов), жившего с детских лет в Москве. Личный фонд литератора из собрания Рукописного отдела Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, ф. 22) обладает наиболее полным корпусом писем, заметок, стихотворений и рисунков Модеста Александровича, которые удалось выявить на сегодняшний день. Направлявшаяся Дурновым корреспонденция, которая ныне хранится в нескольких объемных рукодельных альбомах вместе с дружескими посланиями к Бахману других авторов, позволяет воссоздать живую атмосферу московского кружка литераторов (преимущественно символистов), сложившегося вокруг Георгия Георгиевича. Среди завсегдатаев кружка были Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Модест Дурнов, Юргис Балтрушайтис, Иван Коневской, Вячеслав Иванов, ученики Бахмана – Виктор Гофман, Владислав Ходасевич и др. Теплые воспоминания о Бахмане оставил Валерий Брюсов: «Георгий Георгиевич Бахман (1852–1907⁷) был

⁷ Относительно даты смерти Бахмана в научной литературе существуют расхождения. В ряде изданий вместо 1907 г. указан 1909 г.

одной из наиболее замечательных фигур в литературном мире Москвы 1890-х и 1900-х гг. Хотя Г. Бахман писал преимущественно по-немецки, но все, что он писал, почти исключительно было посвящено русской литературе, и в этом отношении его значение как писателя очень значительно <...> Он знакомил немецких читателей с современной русской литературой. Еще больше той же цели достигали мастерские стихотворные переводы Г. Бахмана, который, сам будучи талантливым и оригинальным поэтом, обладал особой способностью точно и вместе с тем художественно воспроизвести в переводе стихи других поэтов. Так, из области русской поэзии, Г. Бахман дал ряд прекрасных переводов Тютчева, Фета, Щербины, Ап. Майкова, Апухтина, Надсона, Фофанова, Брюсова, Ю. Балтрушайтиса и мн. др.»⁸

Среди писем Дурнова, адресованных Бахману, можно найти и поэтический «автопортрет» внутренних устремлений художника, отраженных в раннем стихотворении 1892 г.:

*Клони внимательные взоры...
Мое небрежное перо
Разводит смелые узоры
Отменно, ярко и пестро...

Отравы нежности невольной,
Речей живую благодать
Умею сладостно и больно
Стихом хрустальным передать.
Могу волной преступной страсти
Кушеры с мраморов совлечь! –
Могу в сиянье Божьей власти
Лампаду ясную зажечь! –
Могу орожать в мертвецком страхе
И улыбаться – как заря...
Могу воспеть раба во прахе
Прославить в золоте царя!..
Давай, давай скорее темы...
Я в них волю любовный яд...
Новорожденные поэмы
Сейчас, сейчас заговорят.*⁹

Стоит отметить, что стихотворения Дурнова, сохранившиеся в архиве Бахмана, более тонко и многогранно раскрывают личность Модеста Александровича, чем те немногочисленные примеры, которые были опубликованы художником при жизни и отличались несколько надуманной, искусственной образностью в духе модных мистико-символистских тенденций. Хотя и в бумагах Бахмана можно найти варианты подобной стилистики, ее восприятие зача-

⁸ Брюсов В. Я. Статьи и рецензии, черновые заметки и наброски о произведениях: 3. Бахмана Георгия Георгиевича. 1924 // ОР РГБ, ф. 386, карт. (здесь и далее сокращение картон – «карт.») 37, ед. хр. 2, л. 43.

⁹ Дурнов М. А. Письмо к Е. Е. Бахману. 16 декабря 1892 // РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 5(1), л. 56.

стью обогащается визуальными рисунками-комментариями самого Дурнова. В частности, это касается терпких визуальных «ноток», усложняющих вербальный образ стихотворения Дурнова «Красный рыцарь», черновик которого под таким названием находится в архиве Бахмана, в то время как в «Книге раздумий» (1899) стихотворение было опубликовано без заглавия. Страницу со стихотворными строчками фланкирует непосредственно изображение фигуры главного героя: *«В башне седой, свод золотой / Пол малахитовых плит / В башне пустой рыцарь стальной / В каменной нише стоит. <...> Алой зарей, мрак голубой / Согнан с пунцовых вершин, / Рыцарь стальной, алой зарей / В шлеме зажжен, как рубин»*.¹⁰ Цветовидение играет большую роль в поэтических опытах Дурнова, что будет рассмотрено чуть ниже.

Модест Дурнов был всецело человеком эпохи модерна, однако не столько развивал стиль изнутри своего творчества, сколько подстраивал его под веяния времени, характер которого чувствовал интуитивно. Хотя поэзия Дурнова и уступает живописному мастерству, в отдельных местах художнику удается выразить присущую символистам внутреннюю неприкаянность, почти музыкальное томление, устремлявшее их души вдаль, ввысь, в ту точку, которой нет, но которая явно и почти болезненно мечтается и влечет: *«Садись они на песке и смотрели, / Как тусклые горы яснели вдали; / Как тихо минув песчаные мели, / В лазурные страны неслись корабли»*.¹¹

Художественное притяжение модерна заключалось в безудержной мечтательности, в наслонении тонких эмоциональных красок, черпаемых из опыта душевной жизни, на реальные формы видимого мира. Отсюда и попытки многих художников эпохи модерна не только визуализировать, но и вербализировать свои внутренние чаяния с помощью поэзии (включаяющей и опозитизированную прозу). Однако поэтическое предвкушение (которое само по себе тоже дар) не всегда ведет к созданию подлинно поэтического произведения. В истории искусства от периода символизма осталось немало одаренных личностей, которые в большей степени состоялись как одинокие денди своей эпохи, чем творческие индивидуальности, самостоятельные по художественному языку и психологии образов. Характер подобных артистических судеб становится более понятен при знакомстве с художественными и поэтическими опытами Николая Рябушинского, например, или писательскими экспериментами Ивана Рукавишника, порой отмеченными подлинными психологическими прорывами, но при этом, зачастую, и надуманностью, умышленной стилизацией. В определенной степени к художникам (в широком смысле слова) с «декадентским» изломом судьбы принадлежал и Дурнов. Вероятно, как профессиональный художник и архитектор он сам это чувствовал в силу

¹⁰ Дурнов М. А. Красный рыцарь // РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 12, № 7. Рисунок: бумага, карандаш; 12 × 14 (12 × 5). Вариант этого же стихотворения, без названия и с незначительными изменениями в пунктуации, в архиве В. Я. Брюсова // РО РГБ, ф. 386, карт. 128, ед. хр. 26. На 2 л.

¹¹ Дурнов М. Красочные сны. 4. Садись они предрассветной порою... // Бальмонт К., Брюсов В., Дурнов М., Коневской И. Книга раздумий. СПб., 1899. С. 31.

своего таланта, что во многом и порождало ту ауру личной «угрюмости» и «демонического» притяжения, о которой писал Андрей Белый.¹²

К сожалению, в истории искусства есть немало примеров, когда талант не достигает того масштаба, который интуитивно предчувствуется художником, будучи заложенным в нем. Рискнем предположить, что похожее чувство было отчасти знакомо Валерию Брюсову, с которым, как и с Константином Бальмонтом, Дурнов находился в дружеских отношениях. В 1899 г. совместно с Брюсовым, Бальмонтом, Иваном Коневским (Ореусом) Модест Дурнов участвовал в публикации стихотворного сборника «Книга раздумий» – своеобразной поэтико-теоретической программе русского символизма, проявившейся, однако, не в демонстративной форме манифеста, а в самом организационном и образно-философском строе стихотворений. Сборник был разделен на несколько рубрик, монографически представлявших каждого автора: «К. Д. Бальмонт. Лирика мыслей. Символика настроений», «Модест Дурнов. Красочные сны», «Валерий Брюсов. Раздумья», «Ив. Коневской “От солнца к солнцу”». Стоит отметить интересную систему посвящений, наметившуюся в сборнике. Так же как и Брюсов, пять своих опубликованных «поэз» Дурнов посвятил Бальмонту, который в данном сборнике ответный вербальный оммаж сделал Брюсову. Однако уже в 1902 г. в своем посвящении к поэтическому сборнику «Будем как солнце» Бальмонт писал: *«Посвящаю эту книгу / сотканную из лучей / моим друзьям / чьим душам / всегда открыта моя душа / брату моих мечтаний, поэту и волхву, Валерию Брюсову <...> художнику, создавшему поэму из своей личности, М. А. Дурнову <...> 1902. Весна. Келья затворничества»*.¹³ В 1900 г. свой цикл стихотворений «Любимцы веков» Дурнову посвятил Брюсов, предваряя издание, экслибрис к которому выполнил Модест Александрович в виде головы медузы-горгоны, такими строчками: «...конечная цель искусства – выразить полноту души художника. <...> Художник самовластен и в форме своих произведений, начиная с размера стиха, и во всем объеме их содержания, кончая своим взглядом на мир, на добро и зло».¹⁴ Стихотворения самого Дурнова в «Книге раздумий», откровенно говоря, не отражают сложности таланта их автора, но они с избытком доносят «чаровательный» аромат эпохи.

Безусловно, как художник, Дурнов был значительно сильнее и самобытнее. Однако, несмотря на то что вращался он в кругу передовой московской и петербургской художественной интеллигенции, тем не менее его внутреннюю личность все же знали мало (о чем, в частности, писал Илья Остроухов¹⁵). Вероятно, в этом кроется и одна из причин быстрого забвения творчества Дурнова-художника, да и архитектора, самый значительный проект которого – театр Шарля Омона в Москве (1902), отличавшийся изощренной декоративностью и особой пряно-экзотической атмосферой, – был разрушен в 1938 г.

¹² Белый А. Начало века. Воспоминания: в 3 т. М., 1990. Кн. 2. С. 188.

¹³ Бальмонт К. Будем как солнце. Книга символов. М., 1903.

¹⁴ Брюсов В. Я. Tertiavigilia. Книга новых стихов. 1897–1900. М., 1900. Л. 4.

¹⁵ Остроухов И. С. Письмо к А. П. Боткиной. 03.12.1903 // ОР ГТГ, ф. 48, ед. хр. 285, л. 2.

Однако чуткое восприятие поэтического начала позволило Дурнову оставить собственный значительный след в изобразительном искусстве, прежде всего в графике. Мастерское владение рисунком и такими техниками, как акварель, гуашь, пастель, в сочетании с индивидуальным утонченным вкусом позволяли Дурнову создавать художественные образы, выразительный масштаб которых зачастую равнозначен живописным полотнам.

Об иллюстраторском даре Дурнова следует сказать отдельно. Впечатлительность и гибкость визуального мышления Модеста Александровича, сформировавшие его индивидуально узнаваемый стиль, наиболее яркое выражение нашли в оформлении переводов сочинений Оскара Уайльда, выходявших в книгоиздательствах «Скорпион» и «Гриф». В иллюстрациях к «Портрету Дориана Грэя»¹⁶ (перевод с английского – А. Минцловой; М., «Гриф», 1906), например, Дурнову удалось совместить рафинированность символически акцентированных образов-деталей с психологическим нагнетанием внутренней экспрессии скрытых смыслов. Эмоционально неоднозначным смысловым контрапунктом Дурнов делает визуальный лейтмотив встречи-расхождения таких категорий как Красота, символизируемая головой Аполлона, и Тленность, Смерть, воплощаемая черепом (например, шмуцтитул; оригинальный рисунок – «Голова человека и череп», б. д., бумага, кисть, тушь, белила; РОСИЗО). Непрерывно существуя в одном пространстве, соединительной тканью которого является темнота, визуально выраженные понятия у Дурнова не пересекаются, словно Красота, такая же бездна, как и Смерть, – бездна, которая, как это ни парадоксально, способна выжить. Вторя сложной психологической атмосфере романа, даже цветок-портрет Оскара Уайльда, сопровождающий вербальный эпиграф к книге, наделен хищной прелестью форм: «...и все-таки нашлись люди, которые долго украшали его могилу, весной и летом, цветами». Стремясь усугубить ощущение жуткого соблазна, внушаемого идеалом, даже если он просто фокус внешней видимости, Дурнов активно использует черную тушевку, в частности, затемняет своим персонажам глаза, точно это пустоты, скрывающие тайны сознания. «Портрет» в интерпретации Дурнова – это внутренняя улика души, играющая эстетическими гранями тела.

Однако под масками видимостей душа может быть и ранимо нежной, как, например, в образе Оскара Уайльда на портрете писателя с обложки «Баллады Рэдингской тюрьмы» (перевод с английского К. Бальмонта. М., 1904). Лирически точная пластическая интонация ощутима в целом ряде поэтических сборников, оформленных Дурновым (Константина Бальмонта, Федора Сологуба и др.). Интерпретационное видение художника почти всегда отличалось умением тонко воспринять внутреннюю ауру настроения, сквозящего за поверхностью и значением слов. Так, например, его иллюстрации в сборнике стихотворений «Времена года в русской поэзии» (М.: «Скорпион», 1919) заметно выделяются среди остальных участников ассоциативно воссозданным характером лирического образа. Судя по всему, Дурнов на протяжении

¹⁶ В данном месте сохранено дореволюционное написание.

всей своей творческой жизни боролся за обретение равновесия между чрезмерной эстетизацией языка в духе моды на модерн и поэтическим чувством меры, в удачных случаях создавая парадоксальные, но при этом характерно выразительные образы, как, например, «охристо-желтый» Георгий Якулов на портрете 1918 г. («Портрет Г. Б. Якулова», картон, акварель; 47,1 × 46,6; Собрание Романа Бабичева).

Модест Дурнов работал не только с графическими техниками, проявив себя как талантливый акварелист-станковист, но и занимался живописью. Среди современников наиболее сильный (хотя и противоречивый) резонанс имела его картина «XIX век», на фоне Эйфелевой башни изображавшая выдающихся людей этого столетия из области искусства, политики и науки. Как писал Сергей Кара-Мурза, репродукции с картины Дурнова были «широко распространены в Москве и продавались во всех эстампных магазинах»¹⁷. Именно благодаря активному воспроизведению в печати (в частности, в «открытых письмах»), и сегодня в собраниях филателистов можно познакомиться с иконографией этого произведения. Местонахождение оригинала в настоящее время неизвестно, так как картина была продана в Америку (в 1927 г. туда же отправилось другое произведение Дурнова, интригующее своим названием – «Царство водки»).

В контексте символистской поэтики творчества Модеста Александровича картина «XIX век» имеет скорее нарративное, чем индивидуально-художественное значение. С точки зрения живописи ее намеренно программный характер, по-видимому, иссушающим образом сказался на визуально-пластических и образно-эмоциональных достоинствах, что подтверждают и очевидцы. 24 дек. 1898 г. Валерий Брюсов записал в «Дневнике»: «Был у Дурнова, смотрел картину “XIX век”, на меня она не произвела впечатления; хорош галстук у Гладстона, хороши брови у Толстого»¹⁸. Академический тон работы, судя по всему, приглушил и ту уникальную, отмечавшуюся многими современниками интуицию портретиста, которая с пронизательно-образной точностью проявилась в более камерных, графических формах. Однако, как иносказательно свидетельствует замысел картины «XIX век», Дурнов мыслил себя с веком наравне.

В архиве Бахмана сохранились многочисленные наброски писателей и поэтов, с которыми Дурнов вел графические диалоги (портреты Ивана Тургенева, Александра Пушкина, Иоганна Гёте, Чарльза Байрона, Оскара Уайльда, Габриэле д'Аннунцио, Константина Бальмонта, Валерия Брюсова, Льва Толстого и др.). С особым почтением Дурнов относился к Тургеневу, шаржированных образов которого почти не встретишь, – везде подчеркнута поэтичность и элегическая красота душевного строя писателя. Чувство внутренней «соравности» Дурнова имело место, по-видимому, не только благодаря мечтательности художника, но и в силу длительных семейных взаимосвязей с художественно-артистической средой. Уже прадед Модеста Александровича – Трофим Федорович Дурнов (1765–1833), вольноотпущенный

¹⁷ Кара-Мурза С. Г. Речь... // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 91, л. 2.

¹⁸ Цит. по: Там же.

графа А. И. Воронцова, был академиком исторической живописи. По стопам отца пошел и дедушка Дурнова – Иван Трофимович (1801–1846), ставший одним из учредителей Московского училища живописи, ваяния и зодчества, в котором учился и сам Модест Александрович, сначала на архитектурном отделении (1881–1888), а затем – на живописном отделении в мастерской В. Д. Поленова (1888–1889). Кара-Мурза, упомянув о крестьянских генах Дурнова, не пояснил, что уже три предшествующих поколения были причастны иной культурной среде, естественно повлиявшей на развитие эстетического вкуса Модеста Александровича.

Автопортретно пережитая тема поэта и его двойников во времени, присутствующая в творчестве Дурнова, характерна для символистов, мировоззрение которых формировалось под знаком древнегреческого мифического поэта Орфея, тоскующего и жаждущего обрести с помощью языка искусства незримую, идущую сквозь века реальность «души-Эвридики».¹⁹ На метафорическом уровне именно ведомость «орфическим мотивом», внушенным лирическим самоощущением, стояла за многократными обращениями Дурнова к образам поэтов и писателей, а также героев-романтиков, таких, например, как Наполеон.

В его произведениях нашли отражение и другие визуально-семантические и чисто пластические мотивы, которые иконографически связаны с волновавшей художников модерна проблематикой. Прежде всего здесь следует отметить увлечение декоративностью и эстетикой японского искусства, повлиявшее на авторские приемы стилизации, – тяготение к подчеркнuto плоскостному строю композиции, приближающейся к панно («Украшения на рождественской ёлке», 1910, бумага, масло; 106 × 88,5; Собрание Романа Бабичева), обособление ритмической свободы цветowych пятен и линейной текучести рисунка. При этом произведениям художника почти всегда присуща особая приглушенная мягкость общей эмоциональной атмосферы, обволакивающей контуры форм. В этом плане прежде всего интересны женские образы Дурнова, в частности, «Портрет А. А. Назариной, урожд. Дурновой, сестры художника» (конец 1900-х–1910-е, бумага на картоне, акварель; 96,5 × 68,5; Собрание Романа Бабичева). Созданный под явным воздействием «японониши», охватившей эпоху модерна с разных «концов» художественных направлений – от импрессионистов до Джеймса Уистлера и символистов, – приглушенно-мечтательный строй портрета Дурнова передает тот аромат утонченного эстетизма, который наполнял художественное и бытовое пространство рубежа столетий. Массовое увлечение японскими мотивами доходило порой до комических примеров в духе того рифмоплетства (причем как в литературе, так и в визуальных искусствах), которое под мнимым подобием «Японески» публиковал некий Юлиан Сиренев: «*Ладья месяца / плывет / в озере. / И взор мой / плывет / в той ладье. / Я вижу голубое небо, / голубое / опрокинутое озеро. / Ладья месяца / плывет / в озере. / И взор мой / усеял и плывет / в той*

¹⁹ Характер этого самоощущения образно определил Андрей Белый: «...души наши – не воскресшие Эвридики <...> Орфей зовет свою Эвридику» (*Белый А. Песнь жизни // Белый А. Критика. Эстетика. Теория символизма. М., 1994. Т. II. С. 60*).

ладье».²⁰ Однако подобные огрубления всегда подстерегают жизнь стиля, рано или поздно превращающегося в модную тенденцию.

Следует напомнить, что мода на все японское – веера, ширмы, ткани, кимоно, фонари и, конечно, гравюры, овладевшая воображением европейцев и британцев со второй половины 1850-х гг.,²¹ начала со все нарастающей силой проникать в художественные мастерские и светские салоны после Всемирной промышленной выставки в Париже в 1867 г. Эпоха братьев Эдмона и Жюль де Гонкуров и Оскара Уайльда, прерафаэлитов и импрессионистов в гравюрах Кацусика Хокусая, Андо Хиросигэ, Китагава Утамаро, Миягава Сюнтэя и других мастеров XVIII – начала XX в. школы укиё-э («искусство повседневности») открыла новые источники красоты, совмещавшие в своем артистизме подлинную жизненную традицию с вдохновляющим импульсом театрализации и экзотизма.

Большое влияние на увлечение европейских художников японской гравюрой оказал французский коллекционер и маршан Самюэль Бинг, владелец знаменитого магазина-салона «Ар Нуво» («Новое искусство»), давшего французский вариант названия стиля модерн (Art Nouveau). Бинг не только устраивал выставки японской ксилографии, но с 1888 г. издавал журн. «Le Japon artistique».

На уровне формирования пластического языка модерна японская гравюра сыграла ключевую роль. Она стала источником того особого понимания силы ритмического начала в искусстве владения линией, которое в ее непрерывной текучести открыло визуальный эквивалент бесконечной содержательности – содержательности самой по себе, рождаемой искусством во имя искусства, подобно бытийственной наполненности поэзии, заключающей подлинный сущностный смысл только в той образной форме, в которой он выражен (во многом именно так художники модерна воспринимали лирические серии с пейзажными видами Хиросигэ или «Красавицами» Утамаро). На рубеже XIX–XX вв. «япономания» переживала кульминационную стадию своего влияния на зарубежное и русское искусство: коллекции или отдельные листы японской гравюры школы укиё-э были в собрании Грабаря, Бенуа, Сомова,²² Борисова-Мусатова, Остроумовой-Лебедевой и др. Как справедливо пишет американский искусствовед Габриэль Вайсберг, один из ведущих исследователей феномена «япономании», «ни один из многочисленных оживляемых стилей и заметных влияний, поддерживавших визуальные искусства в Европе XIX века – от неоготики до исторического интереса к Ренессансу и ориентализму – не имели того всеохватывающего и длительного воздействия, которое оказал японизм на западное искусство и культуру».²³

²⁰ Сиренев Ю. Японеска // Записки Передвижного Общественного театра. 1919, янв. Вып. 17. С. 9.

²¹ В 1854 г. Япония прекратила многолетнюю самоизоляцию и открыла свои порты для американских, английских, российских и европейских кораблей.

²² Подробнее о мирискусническом отношении к японскому искусству см.: Завьялова А. Е. Мир искусства. Японизм. М., 2014.

²³ Weisberg G. P. The Japonisme phenomenon // Japanomania in the Nordic countries. 1875–1918 / ed. by G.P. Weisberg, A.-M. Bonsdorff, H. Selkokari. Bruges; Helsinki; Oslo; Copenhagen, 2016. P. 14.

В связи с особенностями художественной интерпретации искусства прошлого мастерами рубежа XIX–XX вв. следует отметить, что японская графика оказала влияние не только на пластические особенности графики эпохи модерна, но и на поэтическое восприятие женского образа. Влияние это нашло выражение в синтезе хрупкого идеала с вдохновенной утопией декоративного начала, акцентирующем выразительные черты внешних признаков японской культуры, таких, например, как изображение героинь с веером или в кимоно, ношение которых было распространено в игровом пространстве художественной эстетики модерна. Русский денди Модест Дурнов, чувствовавший особую близость к философскому эстетизму Оскара Уайльда и прерафаэлитов, не был исключением в увлечении японскими мотивами. Нельзя не отметить, что его «Портрет А. А. Назариной...» органично входит в русло интернационального варианта модерна, перекликаясь не только с английской художественной традицией, но, на более конкретном уровне визуальных особенностей (например, в разработке красного цвета), ненамеренно сближаясь в интерпретации этой темы с голландским мастером Хендриком Брейтнером. С 1893 по 1896 г. художник написал цикл работ (13 полотен, холст, масло), посвященный образам женственной «япономании», в котором главным героем является тайная лирика жизни кимоно – синего, белого и красного.²⁴ Интересно отметить, что зачастую в кимоно облачались и сами художники, вернее, художницы, как это можно видеть на фотографии Марии Якунчиковой 1890-х гг., утонченно поэтический дар мировидения которой высоко ценил и Модест Дурнов.

В творчестве Дурнова тема «женственности», как вечной, так и мимолетной, раскрывается разными смысловыми гранями, подчеркивающими двойственную природу земной и небесной Красоты. Поиск идеально-рокового, притягательно-живого и в то же время классически прекрасного, поэтически отстраненного начал нашел отражение как в лирически ассоциативных композициях (например, в пейзажно-романтической по настроению миниатюре «Статуя Венеры и обнаженная», 1890-е – начало 1900-х, картон, гуашь; 17,1 × 18,7; ГТГ), так и в портретах, написанных или нарисованных Дурновым со своих современниц, окруженных аурой психологически неоднозначной тайны (см., например, «Эро – испанка», 1903, бумага, тушь, перо, белила; РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 17). В «Женском портрете» 1912 г. (бумага на фанере, акварель, темпера; 67,7 × 46,5; Собрание Романа Бабичева) облик героини Дурнова растворяется, словно неуловимая метаморфоза, в сумеречно приглушенных синих и темных тонах, однако реальность её художественной жизни с особой силой «удерживают» глаза (невольно вспоминается присущее Врубелю восприятие глаз как изливающейся энергии души).

Героини Дурнова обладают как чертами романтико-идеалистического характера (вспомним боттичеллевскую музу, которой он наделил душевные грёзы Лермонтова), так и более легковесно-легкомысленными интонациями, вызывавшимися в чувственно-фривольных графических набросках, многие

²⁴ Подробнее об этом см.: *Veldink S., Woltman N. Breitner: Girl in a Kimono at the Rijksmuseum from 20 February to 22 May 2016. Amsterdam, 2016.*

из которых сохранились в архиве Бахмана. Подобным рисункам, как правило, присуща доля мягкого юмора, которая лирически одухотворяет и скрадывает сомнительные моменты в передаче интимных тем. Так что некоторые из многочисленных женских головок и силуэтов Дурнова вполне могли бы вписаться в лермонтовски-головинский маскарад или борисово-мусатовские идиллии не только своими буклями и платьями с воланами, но и вообще всем своим романтико-ретроспективным настроением (1890–1910-е, бумага, карандаш, акварель; РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 6, л. 2).

Опоэтизировано орнаментальный взгляд на женщину как на идеально-прекрасный, «цветочный» образ (см., например, рисунок «Женщина и цветок», 1898; бумага, тушь; 27,5 × 16; РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 5 (2), л. 116) у Дурнова почти всегда наделен интимно-соблазнительным оттенком, источающим греховный искуc в духе модных в эпоху модерна декадентских «виршей», сочинявшихся самим художником: *«Я вошел... твоя фигура / вся окутана была / Тонкой тенью абажура / Из зеленого стекла. <...> Только луч широкий света / Рвал из мрака напоказ / Шелком шитого корсета / Бледно-розовый атлас»*.²⁵ Искусственно эстетский шик отражался, конечно, и в рисунках намеренно шаржированного характера, иногда созданных и по биографическим мотивам. В ряде листов из собрания Бахмана, например, можно увидеть рисунки, на которых изображен поэт, целующий «музу», или скорее утрированно всматривающийся в нее в стремлении уловить вдохновение. Таков, например, один из «сюжетиков» от 18 февр. 1894 г., разыгранный Дурновым между «невестой-русалкой», своими распушёнными волосами и сомнамбулически полузакрытыми глазами похожей на героиню французских салонов 1890-х гг., и самим денди-художником, в модных бабочке, усах и с комически расширенными зрачками – символом излишней творческой сосредоточенности в ожидании прилива вдохновения («Невеста», 18.02.1894, бумага, тушь, перо; 23 × 35,2; РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 6, рис. № 3). Этих же автобиографичных персонажей у Дурнова можно встретить и в более реалистической обстановке, черты которой в дружеских воспоминаниях о Дурнове воссоздает художник Сергей Виноградов: «Сам Модест был изящен, очень элегантен, отлично одетый, умный, смелый почти до дерзости; чуть-чуть по-японски подтянуты углы карих глаз, волнистые черные волосы, хороший рост, весь облик его был очень заметный. Часто встречал его на Кузнецком мосту, этой сердцевине Москвы, стоящим около Садовниковского пассажа с красивым плюшевым экипажным пледом на руке в “шикарный” час, когда вся нарядная и именитая Москва на Кузнецком, и остро-зорко глядящим японскими глазами на московских красавиц».²⁶

Словно в продолжение этой зарисовки на одном из набросков Дурнова из собрания РО ИРЛИ можно видеть комически трогательную парочку: он – джентльмен, одетый по последней лондонской моде с перекинутым через

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 5(1), л. 52.

²⁶ Виноградов С. О странном журнале, его талантливых сотрудниках и московских пирах // Воспоминания о Серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд. М., 1993. С. 430.

руку клетчатым пледом, она – нарядная парижанка, воплощение Belle Époque («Пара»), 13.08.1894, бумага, тушь, перо; 27,5 × 21,5 (23 × 11); РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 14, рис. № 9). Этот набросок воссоздает не только эпизод из частной жизни Дурнова, но и весьма оживленно перекликается с заметкой Андрея Белого о Москве рубежа XIX–XX вв.: «...та же “старая Москва”, в два-три года перекрасившая свои особняки под цвет “стиль-нуво”, перекроившая пиджаки в смокинги “а-ля Уайльд”, а платья – в шелковые хитоны “а-ля Боттичелли”».²⁷ Стоит отметить, что сам Дурнов был женат на московской пианистке Марии Васильевне Востряковой (урожд. Малютиной), в первом браке бывшей замужем за купцом Борисом Дмитриевичем Востряковым, с семейным фотоархивом которого можно познакомиться в собрании ГМИИ им. А. С. Пушкина.²⁸ Судя по всему, для Дурнова это был поздний брак, что подтверждает и его «Биография», написанная Марей Васильевной, в которой она сообщает, что после смерти мужа в 1928 г. «осталась малолетняя дочь».²⁹ Не противоречат этому и письма самого художника к Марии Васильевне начала 1910-х гг., приоткрывающие идеалистический максимализм взглядов Дурнова, который проявлялся в понимании любви и искусства, найдя отражение и в творческой практике («Портрет М. В. Востряковой», 1900-е, бумага, акварель; 58 × 40; Собрание В. А. Дудакова и М. К. Кашуро): «Да, да, любовь – это великая вещь, в ней что-то сродни искусству и славе. – Кто любит, тот высоко несетя над землею, как Франческа и Паоло.³⁰ Да, любовь, она сильнее смерти».³¹ В этом контексте интересна и другая визуальная параллель идеалистического мироощущения Дурнова – небольшой карандашный набросок двух головок, в образе которых нашла отражение возвышенная любовь Элоизы и Абельяра (1890–1900-е, бумага, тушь, перо; РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 6, л. 1).

Поэтическое восприятие накладывало свою возвышающую меру и на бытовую культуру. Не раз отмечавшийся изысканный вкус Дурнова, сформированный под влиянием английского эстетизма, нашел индивидуальное художественное преломление в его орнаментально-поэтических зарисовках (например, «Декоративный мотив (цветок)», 14.08.1894, бумага, графитный, синий и красный карандаши; 21,5 × 12; РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 28, рис. № 24) и натюрмортах, в частности, в акварельном «Натюрморте» 1912 г. (бумага, акварель; 87 × 71; Краснодарский краевой художественный музей им. Ф. А. Коваленко). Декоративный строй этой работы, с виртуозным мастерством раскрывающий пламенную сложность красного цвета, в сущности,

²⁷ Белый А. Начало века. Кн. 2. С. 125.

²⁸ Подробнее см.: Семейные фотохроники купца Бориса Вострякова. Фотография конца XIX – начала XX веков из архива А. В. Живаго (1860–1940) // <http://www.arts-museum.ru/museum/articles/vostryakov/>

²⁹ Биография М. А. Дурнова, составленная его женой М. В. Дурновой. Не ранее 1928 // РГАЛИ, ф. 65, оп. 1, ед. хр. 90, л. 2.

³⁰ Имеются в виду герои трагической истории любви, описанной Данте в «Божественной комедии» («Ад», Песнь V).

³¹ Дурнов М. А. Письмо к М. В. Востряковой (в замужестве Дурновой). 01.08.1914 // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1–1 об.

и являющегося главным содержательным мотивом картины, перекликается не только с культом эстетизма и «япономанией», присущими эпохе модерна (вспомним «Портрет А. А. Назариной...»), но и отражает то символистское чувство поэтического мифотворчества, которое позволяло художникам воспринимать предметный мир сквозь призму воплощения законов красоты, хотя и хрупкой, но наделенной чертами призрачной вечности. Нельзя не отметить, что с точки зрения иконографических особенностей композиции и рисунка натюрморт Дурнова близок образному строю произведений Александра Головина (например, «Флоксы», 1911, ГТГ; «Натюрморт. Цветы и фарфор», около 1912, НИМ РАХ), хотя его колористическое решение сугубо индивидуальное. Красный цвет был, по-видимому, особенно интересен для художника, причем разрабатывался им не только в изобразительном искусстве, но и в поэзии. Неоднократно в его стихотворениях, которые вообще отражают цветовую палитру мировидения художника (неслучайно раздел Дурнова в «Книге раздумий» назывался «Красочные сны»), присутствует упоминание о «красном»: «Красный рыцарь», «Красный и гордый цветок...» и др.

Дурнов не боялся самоиронии, как не боялся и набиравшей популярность моды «на модерн», которая рисковала вот-вот перейти в стадию «штемпелеванной культуры», – как писал об этом Андрей Белый.³² Более того, в лучшие мгновения прилива своего ораторского дара Дурнов мог изъясняться весьма образно и остроумно, неслучайно Брюсов записал в своих «Дневниках»: «Он был в ударе, говорил афоризмы лучше меня и Уайльда, так что я внутренне аплодировал на его слова». «Демоническая» экстравагантность, присущая Дурнову, внезапно уезжавшего то в Париж, то в Берлин или Лондон, а то и в Персию, тем не менее сочеталась с классической культурой мышления. Неслучайно даже его «бедроокие нимфы» (б. д. [1897], бумага, тушь, перо; 27,5 × 23 (11 × 10,5); РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 16 об., рис. № 11 об.) отчасти перекликаются с музыкальными силуэтами эталонных «Венер» со спины Жана Огюста Энгра («Большая Одалиска», 1814, Музей Лувр, Париж) или Диего Веласкеса («Венера перед зеркалом», 1647–1651, Лондонская Национальная галерея). Эстетическое эхо утонченной красоты, воплощенной в ритмах пластической формы, находит отзвук и в ряде рисунков, стилизующих женские образы в античном духе, например, танцующая гречанка (22.11.1897, бумага, тушь, перо; 28,5 × 21,5 (18 × 9,5); РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 18, № 13) или строгий по композиции образ стоящей девушки (22.11.1897, бумага, тушь, перо; 28,5 × 21,5 (26 × 6,3); РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 19, № 14).

Среди листов, хранящихся в архиве Бахмана, своей символистской поэтикой, высказанной языком модерна, выделяется рисунок, метафорически передающий образ природы (1894, бумага, тушь, перо; 18 × 12; РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 6, рис. № 3). С особым благоговейным вниманием художник изображает стройную женскую фигуру, облаченную в античный хитон, складкам которого вторят тончайшие струи воздуха, точно незримо текущее

³² Подробнее об этом см.: Бугаев Б. [Белый А.] На перевале. XVIII. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. № 9. С. 72–80.

время, оплывающие четкий овал солнечного диска. Настроение полной гармонии, внутренней созерцательности и поэтического самоотрешения передают не только закрытые веки героини и ее скрещенные на груди руки, но и то голосоведение, которое визуальнo разворачивает разноритмичный строй неровных по высоте цветов в нижнем регистре композиции. В этой лирической миниатюре, начиная от легких контуров колокольчиков и кончая музыкальной эмблемой фигуры, все наполнено тем ощущением прозрачности и слияния с природой, которые были присущи символистам на уровне чувства потусторонней реальности.

Модест Дурнов обладал чуткой пейзажной восприимчивостью. Подтверждение тому мы находим не только в его опубликованных иллюстративных работах, но и в графических произведениях из разных архивных и художественных собраний. Так, например, в фондах РГАЛИ сохранился небольшой этюд «Черные лебеди» (1900-е, бумага, гуашь; РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 16), органично перекликающийся с похожим по настроению пейзажем бельгийского символиста Вильяма Дегува де Нункве «Черный лебедь» (1895, Музей Крёллер-Мюллер, Оттерло). «Лебединый» мотив в творчестве бельгийского символиста позволяет сделать важное наблюдение, связанное с соотношением визуального и вербального начал, о возможной дихотомии их внешних характеристик при передаче тождественных настроений и смыслов. Так, в живописном произведении для выражения эффекта сумеречно-грустного монолога, сосредоточенного на размышлении о призрачном существовании всего земного, – столь прекрасного по форме и столь паробразного по существу, – художник использует образ черного, «ночного» лебедя, спокойно плывущего по серебрищему волнами и кувшинками зеркалу воды, окутанному полусиним светом наступающих сумерек. Однако в стихотворении для передачи того же внутреннего состояния художник обращается к образу белого лебедя («Белый лебедь», конец XIX – начало XX в.): *«Первозданная белизна лебедя / казалась отражением вечности. / Беда только в том, что отраженная белая вечность – / символ двойной... / <...> / Помните ли Вы, образ двойной / этот символ белой вечности / и нашей тревоги? / <...> Я вспоминаю огромный парк / наше смятение / перед двойственным образом мыслей, / перед формой двойной / нашей правды, / которая явь и которой нет. / <...> / Без “воли” мечтать, нас скрывает тень наступивших сумерек».*³³

Художники-символисты тонко чувствовали грань между предметным подобием и сущностным смыслом, при котором литературная мысль не должна копироваться буквальными формальными совпадениями или дополняться «пластическими пояснениями», а должна метафорически воплощать внутреннюю квинтэссенцию образа в самостоятельно найденных формах визуального языка. Этот принцип нового «визуального» ощущения слова, переживаемого поэтически и на уровне пластических искусств с целью найти точные ассоциации душевному состоянию, был причиной того изменения в подходе к иллю-

³³ *Degouve de Nuncques W. Le Cygne blanc... // William Degouve de Nuncques, maître du mystère. Catalogue. Bruxelles, 2012. P. 108.*

стративным задачам изобразительного искусства, которые существовали до эпохи модерна. Неслучайно, например, Михаил Врубель писал: «...я твердо решил совершенно отстранить от своего творчества все, что его искусственно неорганически направляет. Сюда главным образом относится иллюстрация: я даже имею склонность думать, что тонкий и глубокий Метерлинк вовсе не нуждается в пластическом пояснении».³⁴

Усложнившиеся принципы взаимоотношений между образом (зачастую имеющим литературный импульс) и словом характерны и для произведений Модеста Александровича. Причем внести их он пытался как в область сопроводительной классической иллюстрации (что очевидно на примере «Портрета Дориана Грея»), так и в самостоятельные композиции, ассоциативно, а не иллюстративно (на уровне сюжета) связанные со своим литературным эквивалентом. В этом плане показателен этюд Дурнова «Три пальмы» (1916; картон, пастель, акварель, гуашь; 49,5 × 34; Музей-заповедник М. Ю. Лермонтова), в котором доминирующую роль играет не натурный мотив или литературный сюжет лермонтовского стихотворения, а синтез того и другого начал на основе собственного поэтического ощущения времени и света. «Три пальмы» Дурнова – это пример визуальной поэзии модерна, главный сочинитель которой – сам художник. Этот же принцип нашел отражение и в пейзаже с лебедями из собрания РГАЛИ.

Пейзаж Дурнова «Черные лебеди» синтезирует две грани реальности – естественную, натурную, и незримую, духовную. Сам пластический узор движущихся лебедей создает иллюзию декоративно совершенной потусторонней, но при этом натурно рожденной яви, зеркально-обманной в своей красоте. Патетическая нежность темперамента Дурнова нашла отражение и в монохромных пейзажах художника, всегда тонко рефлексирующего на связанные с их рождением настроения души. Нельзя не отметить прозрачный образ Венеции, не лишенный лирически автобиографичного элемента в персонаже усатого гондольера-поэта. Этот рисунок 1896 г. сопровождает поздравительное письмо Дурнова к Бахману и отражает взгляд художника на свое искусство: «Дорогой Егор Егорович, от всей души поздравляю тебя с Днем прошедшего твоего рождения. Не могу передать, как я благодарен тебе за столь мной ценимую, постоянную, сердечную и любезную твою внимательность ко мне. <...> Прилагаю тебе одно из моих заграничных стихотворений, так как мои стихи, по обыкновению, не претендуют ни на поэзию, ни на художество, то пусть и это стихотворение преследует свою цель – напоминать тебе о преданности. М. Дурнов».³⁵ В пространственном контрапункте страницы Дурнову удалось достичь камерной визуально-поэтической гармонии за счет ритмической игры пластических форм. На фоне тонкого абриса Ка-д'Оро бесхитростные стихотворные строчки художника кажутся волнами лагуны, потекшими в словах: «Венеция золотом блещет / От кровель до полу; / Волна изумрудная плещет /

³⁴ Врубель М. А. Письмо к Л. Н. Вилькиной // Врубель М. А. Переписка. Воспоминания о художнике. Л., 1976. С. 94.

³⁵ Дурнов М. А. Письмо к Е. Е. Бахману. 6.02.1896 // РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 5(2), л. 91–92.

*Безумно лобзая гондолу. / Венеция золотом блещет. / <...> / Любовью и негой
все дышит, / Лишь ветер прохладный / Зеленые волны колышет / И тихо,
и нежно, и жадно... / Любовью и негой все дышит».*³⁶

Вспышки романтического темперамента давали выход и в полуабстрактных, почти фантастических композициях, инспирированных поэтическим первоимпульсом, как, например, в случае с черно-голубым взрывом неведомой стихии в акварельном этюде, ассоциативно передающем образ «Горных вершин» одноименного стихотворения М. Ю. Лермонтова (1890–1900-е, бумага, акварель; РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 3). В этой полупрозрачной миниатюре Дурнов создает изображение-намек, по-символистски тревожащее сознание, – что-то драконообразное есть в прибывающем тумане голубизны. Интересно отметить, что символический образ дракона действительно принадлежал к кругу устойчивых иконографических мотивов Дурнова. Так, например, вход в театр Шарля Омона изначально был им задуман так же в форме открытой пасти дракона. Однако эта метафорическая идея, как и стеклянные лестницы, окна в три этажа, синий фасад с белыми фарфоровыми орнаментами, не реализовалась в силу экономических и цензурных причин (подобная образность сильно смутила московского губернатора). Вспоминая об архитектурных проектах Дурнова, Виноградов писал: «Он немного построил зданий, но то, что построил, оригинально очень. Его вокзал в Муроме совсем неожиданная вещь и менее всего железнодорожная. Какая-то фантастика даже в нем есть. Это было смело. А в Москве он построил театр “Омон”, оригинальный чрезвычайно, и, если бы театр был доведен до конца, была бы красивейшая отметина в московском новом строительстве. Но у “Омона” не хватило денег, и здание осталось вчерне – в кирпиче. А я видел у Модеста чудно написанный акварелью проект фасада театра. Весь он должен быть очень цветной, покрыт керамической блестящей облицовкой, а по бокам огромного полукруглого входа два панно – женщины в танце, тоже керамика. Самый вход должен быть по проекту залит морем огня, как ад. Театр-то ведь был кафешантан. Модест очень жалел, что не удалось довести до конца смелую и красивую свою затею».³⁷ Об оригинальности бумажных проектов Дурнова вспоминал и Сергей Кара-Мурза во время доклада на заседании общества «Старая Москва» в 1928 г.: «Кому довелось видеть в подлиннике эскиз Дурнова в неискаженном виде, тот должен признать, что он представляет собой настоящее художественное произведение, к сожалению, совершенно не претворившееся в жизнь».³⁸ Из нововведений Дурнова, принципиально радикальных для эстетических вкусов России, воплотился только «променуар» – «громадный люк, расположенный у входа в фойе и огороженный балюстрадой из красного мрамора».³⁹ И все же, несмотря на противоречивые отзывы об архитектурных достоинствах сооружений Дурнова, его влияние на умы современников было весьма ощутимо. Неслучайно Андрей Белый с легкой небрежностью, словно автома-

³⁶ Там же, л. 93.

³⁷ Виноградов С. О странном журнале... С. 431.

³⁸ Кара-Мурза С. Г. Речь... // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 91, л. 1 об.

³⁹ Там же.

тически возникшую заметку «на бегу», позволил себе тождественную для него подмену, возможную лишь в случае равнозначности имен архитекторов для автора: «...наискось – блеск изразцов сложил голову; дом строил, наверное, Шехтель, коли не Дурнов».⁴⁰

Эстетическую атмосферу эпохи модерна с особой зрелой выразительностью передают мужские портреты Дурнова, для которых характерны артистизм исполнения и пронизательность (например, «Портрет артиста оперы Ивана Алчевского», 1912, бумага, темпера; 53 × 44; Собрание Романа Бабичева), а порой и трагическая глубина. Особенно ярко последнее качество проявилось в портретных изображениях Константина Бальмонта, которого Дурнов воспринимал сквозь ауру скрытых – ночных – бездн его характера (как это и ни парадоксально для творческого образа поэта, призывавшего «быть как Солнце»). Стоит отметить, что образы ночной яви, непроговариваемой тайны молчаливой реальности сна – «весь мир стал сном, сон миром стал» – с особой силой завораживали творческую фантазию символистов и нашли воплощение в произведениях Михаила Врубеля, Александра Головина, Николая Милиоти, Петра Уткина, Николая Сапунова, Александра Савинова, Николая Крымова и др. В мотивах, связанных с настроениями ночных бдений души, балансирующей на грани «вымысла и сна», проявилось стремление к мифологизации образа.

Символистская аура сложного по настроению портрета Бальмонта, созданного Дурновым, своим призрачно-лунным фоном, созвучным «демонически»-зыбким гармониям одиночества, отчасти дает возможность представить и характер тех сугубо фантазийных работ художника, о которых, как о наиболее тонких по своим лирическим достоинствам работах, упоминает Валерий Брюсов в дневниковой записи от 24 дек. 1898 г.: «... очаровали меня его маленькие картины: “Ночь”, “Лебеди”, “Три пальмы”, “Лесбос”, “У синего моря”».⁴¹ Местонахождение подобных по характеру символистских работ (за небольшим исключением) в настоящее время неизвестно. Мы можем лишь гадательно предполагать связь между двумя произведениями, упомянутыми Брюсовым («Лебеди», «Три пальмы»), и «Черными лебедями» (1890–1900-е) из собрания РГАЛИ, а также «Тремя пальмами» из собрания Музея М. Ю. Лермонтова (которые согласно музейной атрибуции датированы 1916 г.). И все же перечень Брюсова позволяет предположить, что поклонникам художественного дара Дурнова в его работах больше всего импонировало сочетание эстетически выразительной артистической образности с интуитивными прозрениями в поэтическую глубину смыслов, скрывающихся во времени и формах: «Был на выставке акварелистов; недурно, гладко, все импрессионисты, но нет мысли. Дурнов среди них великое исключение, его “Призраки” очень хороши».⁴² Интересно отметить, что под впечатлением от произведения Дурнова 11 марта 1900 г. Брюсов напишет стихотворение «“Призраки”, картина М. Дурнова»: «*Это они – соблазненные! – / В час умилений ночных, – /*

⁴⁰ Бельй А. Начало века... Кн. 2. С. 107.

⁴¹ Цит. по: Кара-Мурза С. Г. Речь... // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 91, л. 2.

⁴² Цит. по: Брюсов В. Я. Собр. соч.: в 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 598.

*Усыпленные, полусонные... / Не надо помнить об них. / Облака потянулись холодные, / птиц таинственных рой, / Цветы раскрылись бесплодные, – / Зеленя ярка под горой. / Вам близки отжившие, мертвые! / Дьяволы шепчут об чем? / Это мечты, – мечты полустертые / В одиноком, далеком былом».*⁴³

«Призраки» Дурнова, к сожалению, до сих пор сокрыты в неявных контурах былого. Однако эмоциональный характер образов, привлекавших в творчестве Дурнова Брюсова, можно представить по дошедшему до нас «Портрету К. Д. Бальмонта» (1901, картон, гуашь; 44 × 39; ГТГ). Важно отметить, что в связи с внутренним откликом Брюсова на это произведение Дурнова мы имеем возможность не только понять особенности творческого диалога между художником и поэтом, но и уточнить фактографические детали, касающиеся датировки портрета. Указанная в нижнем левом углу дата «1901», вероятно, отмечает уже финальную версию работы Дурнова над образом Бальмонта, так как первое упоминание о произведении можно найти в рукописном стихотворении Брюсова «Его портрет 1899 г.», записанном между 29 авг. и 5 сент. 1899 г.: «*Узрюмый облик, каторжника взор! / С тобой роднится веток строй бессвязный, / Ты в нашей жизни призрак безобразный, / Но дерзко на нее глядишь в упор*».⁴⁴ 1 марта 1900 г. в «Дневнике» Брюсов опять упоминает об образе поэта: «В субботу был у Бахмана, а после как-то раз у Дурнова. Все вновь им написанное – замечательно, особенно портрет Бальмонта на высоте, над городом, в час луны».⁴⁵ Благодаря этим литературным источникам и ряду сохранившихся документов можно заключить, что над замыслом «Портрета К. Д. Бальмонта» «в час луны», ныне известном в варианте из собрания Третьяковской галереи, Дурнов работал с 1899 по 1901 г. и создал несколько его экземпляров (в случае авторского повторения) или интерпретаций (в случае изменения нюансов и деталей). Возможность авторского повторения или развития темы произведения 1899/1900 г. в 1901 г. не исключают и документальные подтверждения конца 1920-х гг., указывающие на наличие как минимум двух портретов поэта. Один из них, «большой портрет» Константина Дмитриевича, висел в квартире второй жены Бальмонта Екатерины Алексеевны.⁴⁶ Второй – находился непосредственно в семье художника и в 1929 г. был передан женой Дурнова Марией Васильевной в Третьяковскую галерею. Однако на настоящий момент о двойнике-оригинале портрета Бальмонта в лунном пейзаже, о котором писал Брюсов в 1900 г., пока ничего не известно.

В «Портрете К. Д. Бальмонта» Дурнову удалось выразить индивидуальное видение психологически сложной внутренней жизни поэта, пластическими средствами отразив мистически необъяснимую, двойственную природу творчества. В передаче этой двойственности большую роль играет как трактовка образа самого Бальмонта, фигура которого словно неопределенно застыла в ослепляющем абстрактном свете, растворяющем черты лица; так и трактовка пространства, синтезирующего лаконично-монотонный прямо-

⁴³ Там же. С. 198–199.

⁴⁴ Там же. С. 197.

⁴⁵ Там же. С. 598.

⁴⁶ *Бальмонт Е. А.* Письмо к М. А. Дурнову. 6 апр. 1928 // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 24, л. 1.

угольник дневного молочно-желтого фона стены с многоликим в своей сумеречно-монохромной гамме ночным городским пейзажем – лунный свет, точно солнечный оборотень, скользящий по острым спящим крышам, создает напряженно мистическую атмосферу, в чем-то близкую к концентричным психологическим прорывам в эсхатологическую бездну бельгийского символиста Леона Спиллиарта и жестоко пронзительным словам Брюсова: *«Ты полюбил души своей соблазны, / Ты выбрал путь, ведущий на позор; / И длится годы этот с миром спор, / И ты в борьбе – как змей многообразный. / <...> / Но я в тебе люблю, – что весь ты ложь, / Что сам не знаешь ты, куда пойдешь, / Что высоту считаешь сам обманом»*.⁴⁷

Подобное «несолнечное» восприятие образа Бальмонта характерно и для небольших графических портретов поэта, сделанных Дурновым, в частности для наброска из собрания РГАЛИ («Портрет К. Д. Бальмонта», 1902, тушь перо; РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 1). Что-то есть апокалипсическое во всем настроении рисунка – в угольно-темном фоне, эхообразно отзывающемся в обведенных черными тенями провалах глаз, в отчаянной (обиженной) складке губ, в мерцании змеевидной рамочки Урбороса, заглывающего в овал конца бледный тон лица поэта. На уровне внутренней метаморфозы импульс этой темной бездны времени, поглощающей, но и эстетизирующей черты, найдет отзвук в упомянутых иллюстрациях Дурнова к «Портрету Дориана Грея» Оскара Уайльда 1906 г. Как уже отмечалось, Оскар Уайльд, с которым Дурнов, по свидетельству современников, был знаком лично, являлся одним из наиболее близких художнику писателей, к портретированию которого он обращался неоднократно. Причем в образе Уайльда, в отличие от Бальмонта, Дурнов подчеркивал прежде всего лирические интонации, связанные с культом чистого искусства и дендизма. В РГАЛИ, например, сохранилось небольшое изображение английского писателя («Портрет Оскара Уайльда», 1890-е, бумага, акварель; РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 10), отличающееся намеренно акцентированным эстетическим подходом в выборе деталей – бордовые перчатки, вторящие цвету губ, белые манжеты, черное пальто – образ почти в духе героев романа Джеймса Джойса «Улисс» (1914–1921): «Клянусь Богом, мы же обязаны держаться в образе. Желая бордовые перчатки и зеленые башмаки».⁴⁸ Однако Уайльд Дурнова лишь отчасти похож на модную картинку эпохи модерна. В бледности лица и прозрачности глаз сквозит что-то более глубокое, ранимо-обреченное, чем внешняя красота. Уязвимая временем ранимость, по-видимому, жила и в Дурнове, возможно, именно поэтому даже в его жизненном обиходе проявлялись поэтические штрихи: «И почему-то у него стояли всегда увядшие гвоздики на столе»,⁴⁹ – удивлялся Виноградов.

Язык искусства зачастую приоткрывает те аспекты, которые утаивают слова, причем прорывы эти бывают как в сторону трагических подтекстов, так и в область примиряющих с жизнью смыслов. Если непосредственно визуальные образы Константина Бальмонта, оставленные Дурновым, несут

⁴⁷ Брюсов В. Я. Собр. соч.: в 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 197.

⁴⁸ Джойс Дж. Дублинцы. Улисс. СПб., 2014. С. 228.

⁴⁹ Виноградов С. О странном журнале... С. 430.

драматически напряженные черты, то ситуация реальных взаимоотношений между поэтом и художником была полна светлых интонаций и юмора. Этот аспект дружбы нашел отражение, прежде всего, в графических набросках, сохранившихся в архиве Георгия Бахмана (например, «К. Бальмонт в безбрежном», 25.11.1895; бумага, тушь, перо, синий карандаш; 18,5 × 14; РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 21, № 16; наброски 1896, 1898; РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 5(2), л. 60, л. 65 и др.), а также в переписке. В послании из Флоренции от 16 (28) сент. 1897 г. Бальмонт пишет Дурнову: «Милый Модест, прости, но я не могу писать. Я лежу на лечении (хотя не в постели), разбитый эстетическими восторгами и поедаемый итальянскими комарами. Итак, не отсутствие любви к тебе помогает моей небрежности, а присутствие гениев и насекомых. Через полтора месяца мы разопьем с тобой бутылочку – другую вина в ресторане “Прага”, что близ Арбатских ворот. / Твой К. Бальмонт. / P. S. Мы поедем через неделю в Рим, если не умрем».⁵⁰ Еще более выразительно своей восторженной экзальтацией и шаржированной, намеренно непоследовательной логикой письмо 1903 г., также адресованное Бальмонтом Дурнову: «Будучи счастлив, что ты ушел / И странно признателен всем, / Кроме тебя, – / Я так буду рад, что ты будешь / Со мной. / Приди. Всегда – с тобой. / Твой / К. Бальмонт. / P. S. Когда бы ты ни пришел / я твой».⁵¹

В этом контексте также небезынтересно вспомнить и отношение Бальмонта к Бахману. Выше мы уже приводили отзыв Брюсова – сердечный, но сдержанно рассудительный, похожий на темперамент самого поэта-ученого – огонь, затаенный в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, как на портрете Врубеля (1906, ГТГ). Более восторженное настроение, позволяющее войти в атмосферу доверительной дружбы, существовавшей между Бальмонтом, Дурновым и Бахманом, доносит «пламенное» письмо Константина Дмитриевича: «Милый Георг, когда чувствуешь себя счастливым, хочется видеть тех людей, которых любишь. / И потому был бы грех, если бы я не написал тебе сегодня. / О, Георг! Милый поэт! Милый друг! Очаровательный ритмист! Как мне жаль, что я не могу говорить с тобой, чувствовать твою любовь к жизни, восхищаться с тобой вместе красивыми сочетаниями звуков! Я счастлив, – о, счастлив, – мои ресницы опускаются, обремененные блаженством. Георг, твое имя красиво, как твоя поэзия, – но знаешь ли ты, что значит – счастье? – Будь счастлив!»⁵² Экзальтированно-рафинированный характер культуры эпохи модерна передает и открытка, направленная Бальмонтом из Парижа Бахману и воспроизводящая пикантно-комическую сценку погони «мечтателя» за убегающей «Аркадией». Дух этого сюжета был близок и Дурнову, в стихах которого встречаются фривольные мотивчики.

Приведенные письма – яркий пример творческой игры в эстетизацию жизни, которая была присуща «малому» творческому кружку, состоявшему

⁵⁰ *Бальмонт К. Д.* Письмо к М. А. Дурнову. 16/28.09.1897 // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 25, л. 1.

⁵¹ *Бальмонт К. Д.* Письмо к М. А. Дурнову. 21.03.1903 // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 25, л. 2.

⁵² *Бальмонт К. Д.* Письмо к Г. Г. Бахману. 20.12.1899 // РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 5 (2), л. 360.

из Бальмонта, Дурнова, Бахмана и Брюсова. Именно в этой компании Дурнов чувствовал себя наиболее органично, не прибегая к искусственной сдержанности, о чем свидетельствует, например, одно из его писем к Брюсову 1898 г.: «...я не извиняюсь вторично за последний раз, так как вполне уверен в Вашем простом, товарищеском ко мне отношении. Задачи, которые передо мной, – тяжелы, и силы мои изнемогают. Я приду к Вам в воскресенье вечером и, ежели не успею отослать, принесу и стихи».⁵³

Стоит отметить, что художник не только посещал брюсовские среды или бахмановские субботы, но, в свою очередь, и сам принимал в «неофициальные» дни: «Дорогой Валерий Яковлевич, / очень надеюсь, что Вы не забыли прийти ко мне во вторник к часу. Не откажите мне позавтракать со мною в этот день. Будут люди, лишь приятные для Вас, – Бахман, Бальмонт. / Преданный Вам М. Дурнов».⁵⁴ Естественнее всех Дурнов чувствовал себя с Бахманом, с которым они, по праву творческого родства, не раз «гротесничали» над литературными гениями прошлого, как в визуальной, так и в вербальной форме: «Дорогому Егору (от Модеста). / Брат поэт! С тобой вчера мы / Расточая море слов, / Разбирали песни, драмы / Гениальных дураков. / Ныне силой чудотворной / Святотатственной рукой / Я небрежно и проворно / Вызываю смутный рой, / Проявивших яркий гений Несравненных дураков, / На высокие ступени / Храма славы и богов! – / Коль рисунок неприличен / Мой талант идет как рок... / Если ж сделан он отлично / Ну, так значит я дурак!.. / Модест Д. 1890».⁵⁵ В рисунках, направленных Бахману Дурновым, не раз можно видеть не только «дурашливого гения» Дурнова, но и самого хозяина-Бахмана – увенчанного лавровым венком признанного поэта, в окружении Гёте, Байрона, Уайльда и др. («Г. Бахман в творческой компании», 1897 или 6.11.1899; бумага тушь, перо; размер каждого листа отдельно: 21,5 × 17; РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 5(2), л. 124–125). С особой любовью и юмором создан рисунок, на котором Георгий Георгиевич (или, как его звал Дурнов, Егор) предстает в образе разумной толстой «курочки», судя по всему, очень заботливой и умненькой (1894; бумага тушь, перо; 21 × 19,5; РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 9, № 5; л. 10, № 4). Аура добролюбия, окружавшая Бахмана, распространялась и на других завсегдаев кружка: «Особенно интимно чувствовали мы себя у Георга Бахмана. <...> Г. Бахман был средоточием маленького кружка друзей, которых умел зажигать своим неистовым энтузиазмом <...> все присутствующие знали, что здесь каждый стих будет оценен по достоинству, что здесь не пройдет незамеченным удачное выражение, меткий эпитет, новая рифма»,⁵⁶ – вспоминал Брюсов. Своим энтузиазмом, по-видимому, импонировал Бахману и Дурнов, который с большой активностью направлял старшему другу-поэту портреты писателей, начиная от

⁵³ Дурнов М. А. Письмо к В. Я. Брюсову. 2.12.1898 // ОР РГБ, ф. 386, карт. 85, ед. хр. 33, л. 3–3 об.

⁵⁴ Дурнов М. А. Письмо к В. Я. Брюсову. 30.03.1903 // ОР РГБ, ф. 386, карт. 85, ед. хр. 33, л. 24.

⁵⁵ Дурнов М. А. Письмо к Е. Е. Бахману. 1890 // РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 1–1 об.

⁵⁶ Брюсов В. Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. С. 599.

типологических романтизированно ренессансных образов поэтов с пушистым пером на мягкой шляпе до классиков и современников, например, долгоязо-худощавого Максима Горького в пожарном шлеме («Баба и Горький», 1897, бумага тушь, перо; 29,5 × 25; РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 163, л. 25, № 21).

Подобных откровенно дружеских диалогов практически невозможно обнаружить между Дурновым и представителями художественной среды. Хотя и здесь были длительные чаепития с И. С. Остроуховым, А. П. Боткиной, М. В. Якунчиковой, княгиней М. К. Тенишевой, С. П. Дягилевым. Однако наблюдение, записанное Брюсовым, совсем не лишено основания: «Был у меня Дурнов. У него все разные недоразумения с художниками. Много говорил о своей теории гениальности: гений не есть степень талантливости, а особый дар, по его терминологии, “сочетание”, который может достаться каждому. Обычно ценят лишь гений, подкрепленный умом и выдержкой».⁵⁷ Доверительнее всех Дурнов относился, судя по переписке, прежде всего, к Александру Головину, Василию и Елене Поленовым, Марии Якунчиковой, Сергею Виноградову, молодым художникам круга «Голубой розы». Как отмечал Кара-Мурза, у Дурнова был выдающийся талант художественного критика. Так, например, по-видимому почувствовав определенную внутреннюю близость в области творческих ориентиров (ведущую роль среди которых играли идеи Оскара Уайльда) и собственных тем, связанных с балансирующим на грани идеала и порока образом «женственности», именно Дурнов «открыл» Николая Фефилактова: «Где-то увидел Модест рисунки какого-то безвестного автора, они его очень заинтересовали. Оказалось, что рисовал их какой-то юный писец на почтамте. Дурнов разыскал его и извлек из почтамта. Это и был Фефилакт. Как-то быстро совершилось превращение из почтамтского человека в “сверхэстета”. На лице появилась наклеенная мушка, причесан стал как Обри Бердслей...»⁵⁸

Важно подчеркнуть, что художественный стиль Фефилактова – «московского Бердслея» – обладает индивидуальными чертами, более мягкими, рассеянно фантастическими, отражающими лирически пейзажный дух эстетики художников журн. «Золотое руно» (1906–1909). Все эти особенности в сочетании с «архаизирующей» стилизацией древнегреческих, древнеегипетских и ассиро-вавилонских мотивов выразились в своеобразном визуально-поэтическом памятнике московского символизма – четвертом выпуске альманаха «Северные цветы», известном под названием «Северные цветы Ассирийские» (1905), издававшегося под редакцией Брюсова и оформленного Фефилактовым.

Не менее важен и тот факт, что талант самого Модеста Дурнова как художника был отмечен мастерами, хорошо понимавшими, что значит подлинное творческое начало, присутствующее или изначально отсутствовавшее в личности. С доверием к таланту Дурнову относился, например, Михаил Нестеров, порекомендовавший в 1902 г. организаторам «Союза русских

⁵⁷ Цит. по: Кара-Мурза С. Г. Речь... // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 91, л. 2 об.

⁵⁸ Виноградов С. О странном журнале... С. 431.

художников» (1903–1924)⁵⁹ избрать Модеста Александровича в качестве члена этого молодого московского выставочного объединения, ставшего до 1910 г. своеобразным преемником «Мира искусства»: ⁶⁰ «Для еще большего развития художественного интереса и жизнеспособности нового дела считаю необходимым теперь же решить вопрос о приглашении молодых сил, выдвинувшихся за последнее время, дабы тем самым парализовать всякую возможность этими силами пополнить другое общество. / Со своей стороны предлагаю к избранию следующих лиц: Рущица, Рериха, Пурвита, Фокина, Мурашко, Кустодиева, Латри, Околовича, Дурнова и Вальтера». ⁶¹ К совету Нестерова члены-учредители прислушались, и с даты основания СРХ Дурнов был его действительным членом.

С художниками круга «Мира искусства» взаимоотношения, по-видимому, складывались не совсем просто, хотя, как пишет Головин, в 1898 г. «Дягилев и хотел “ужасно познакомиться”» ⁶² с Дурновым. Вероятно, знакомство действительно состоялось уже на этапе подготовки Дягилевым первой выставки «Мир искусства» в 1898 г., по крайней мере анонс об участии Дурнова в Международной выставке живописи, устраиваемой редакцией «Мир искусства» в музее барона Штиглица, был опубликован в пятом номере журнала. ⁶³ Однако на практике намерение реализовано не было. Причиной этого, судя по всему, послужила обида Дурнова на резко отрицательный отзыв о его литературных способностях, опубликованный мирискусниками в рецензии на «Книгу раздумий» (1900). ⁶⁴ Без особого энтузиазма сотрудники журнала отнеслись и к индивидуальным эстетическим поискам Дурнова как художника-акварелиста: «Претенциозные акварели М. Дурнова недурны в техническом отношении, но не симпатичны и слишком замысловаты», ⁶⁵ – высказывалась редакторская позиция в заметке о выставке «Московских акварелистов» в музее барона Штиглица в 1899 г. Для Модеста Александровича, отличавшегося чуткой вос-

⁵⁹ «Союз русских художников» (СРХ; 1903–1924; Москва, Санкт-Петербург) – творческое объединение, возникшее на основе слияния обществ «36 художников» и «Мира искусства», по инициативе московских живописцев. Основной целью СРХ было устройство выставок, которые бы демонстрировали новаторские устремления в современном искусстве. В художественно-эстетической программе СРХ изначально были ощутимы противоречия, обусловленные различием творческой направленности московской и петербургской группы, приведшие к его расколу в 1910 г. После этого петербуржцы, а также Серов, вышли из СРХ и воссоздали «Мир искусства». Последняя выставка СРХ состоялась в 1923 г., а заключительное собрание в январе 1924 г.

⁶⁰ В существовании «Мира искусства» (1898–1904; 1906; 1910–1924, Санкт-Петербург; 1927, Париж) – первого в России творческого объединения, развивавшего новые эстетические принципы модерна, – можно выделить несколько фаз активности: 1898–1904 – группа художников вокруг журн. «Мир искусства», имевших собственную творческую программу, ориентированную на модерн, и устраивавших выставки; 1906 – показательная в отношении передовой новаторской роли «Мира искусства» экспозиция, организованная Сергеем Дягилевым; 1910–1924 – возродившееся Общество художников «Мир искусства», отличавшееся большим, по сравнению с первым периодом, эстетическим эклектизмом; 1927 – последняя выставка распавшегося объединения художников под тем же названием в Париже.

⁶¹ Нестеров М. В. Письма / вступ. ст., сост., коммент. А. А. Рукаковой. Л., 1988. С. 200–201.

⁶² Головин А. Я. Письмо к М. А. Дурнову. 7.09.1898 // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 29, л. 4.

⁶³ Б. н. Мир искусства. 1899. № 5. Т. I. Художественная хроника. Заметки. С. 40.

⁶⁴ Б. н. Мир искусства. 1900. № 5–6. Т. III. Художественная хроника. Книги. С. 107.

⁶⁵ Б. н. Мир искусства. 1899. № 21–22. Т. II. Художественная хроника. Заметки. С. 80.

примчивостью к критическим замечаниям, подобное отношение не могло остаться безболезненным и заставило держать дистанцию с мирискусниками. Однако в феврале 1903 г. он все же принял участие в пятой выставке «Мир искусства», показав пять работ.⁶⁶ В это время болезненные импульсы страдавшего самолюбия не мешали и участию Дурнова в дружеских встречах, устраиваемых московскими и петербургскими искателями новых путей в искусстве модерна. Так, например, совершенно очевидно, что в ноябре 1903 г. Дурнов и Дягилев были в достаточно хороших отношениях. Об этом свидетельствует письмо Ильи Семеновича Остроухова к Александре Павловне Боткиной, в котором упоминается совместный обед частного характера, продлившийся до часа ночи.⁶⁷ И тем не менее участие Дурнова в выставках «Мир искусства» было однократным, ограничившись 1903 г.; каталоги других экспозиций «Мира искусства» первого периода (1898–1904) о нем больше не упоминают.

С художниками «Мира искусства» второго периода отношения, по-видимому, развивались также не без внутренних недоумений. В 1912 г., например, Николай Милиоти писал Мстиславу Добужинскому: «Дорогой Мстислав Валерьевич! / Только что Вы скрылись с горизонта, я посылаю Вам вдогонку это письмо. <...> ...пишу о частном вопросе – посылке приглашений Дурнову и Вульф. Выберите Вы Дурнова ради Бога членом “Мира искусства”. Уверен, что это прямая выгода для Вас, а то он только и ждет, как уйти из “Союза”; надо бы предложить ему еще раз сделать это. Пишу это, во всяком случае, для очистки совести...»⁶⁸ По документальным источникам подтвердить членство Дурнова в «Мире искусства» не удалось.

Стоит заметить, что на более раннем этапе о «полезности» энтузиазма Дурнова, активно выступавшего в поддержку новаторских символистских настроений в современном искусстве, Илье Остроухову писала Александра Боткина, относившаяся к Дурнову с большой симпатией. С Остроуховым Дурнов был знаком с 1899 г., чему способствовал Головин: «Многоуважаемый Илья Семенович! <...> если у Вас найдется совершенно свободная минута, не разрешите ли Вы мне приехать к Вам и с Дурновым. Вы, кажется, встречались. Ему ужасно хочется посмотреть Ваше собрание»,⁶⁹ – писал Головин. На первом этапе Остроухов отнесся к Дурнову с дружеским участием, сознавая, что в вопросах понимания искусства в Модесте Александровиче он может обрести единомышленника, которые тогда были очень нужны ему в качестве члена Совета управления Третьяковской галереей, пытавшегося приобретать (совместно с А. П. Боткиной и В. А. Серовым) произведения художников,

⁶⁶ Каталог пятой художественной выставки журнала «Мир искусства» в залах Императорского общества Поощрения Художеств. СПб., 1903. С. 10. Дурнов экспонировал следующие работы: № 153. Портрет К. Д. Бальмонта, № 154. Портрет г-на Исикамэ, № 155. Малороссианки, № 156. В палисаднике, № 157. Портрет.

⁶⁷ *Остроухов И. С.* Письмо к А. П. Боткиной. 09.11.1903 // ОР ГТГ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 262, л. 1 об.

⁶⁸ *Милиоти Н. В.* Письмо к М. В. Добужинскому. 20.10(?).1912 // ОР ГРМ, ф. 115, оп. 1. ед. хр. 328, л. 10.

⁶⁹ *Головин А. Я.* Письмо к И. С. Остроухову. 24.11.1899 // ОР ГТГ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 2518, л. 1–1 об.

в широком общественном мнении считавшихся декадентами, – Константина Сомова, Федора Боткина, Михаила Врубеля, Николая Рериха: «Мы долго еще проговорили с Дурновым. Он тоже кипит, как Бульон, и рвется энергично помогать нам. В добрый час!»⁷⁰ Однако в 1903 г. произошел разлад, что, думаю, было вызвано скорее «политическими», чем творчески-идеалистическими причинами. Боткина, например, писала Остроухову: «Спасибо за вести о Дурнове, а то я уже готова была вообразить, что его “гостинодворческий тон”, как Вы его называете, Вас покорибил и Вы с ним поссорились. Не делайте ничего. Он, несмотря на все, энергичен и на него приятно опереться иной раз».⁷¹

Вероятно, сетования Остроухова на «гостинодворческий тон» были отчасти вызваны теми приступами страстной меланхолии, за которые сам Дурнов неоднократно извинялся в письмах к своим друзьям. Замечу, что между Остроуховым и Дурновым до конца их жизни оставались хорошие отношения, хотя близкими друзьями, возможно, в силу некоторых общих лидерских амбиций социального характера, они и не стали. К сожалению, опираясь на вывод, который сделал Кара-Мурза в речи, посвященной памяти недавно умершего Дурнова, уже к концу 1920-х гг. личность этого непризнанного и недо воплотившего своей дар художника была предана забвению. Вероятно, есть доля истины в том, что писал и сам Дурнов, «обстоятельства точно в заговоре против меня».⁷² Этому частному замечанию в более масштабном плане не противоречит и мнение Брюсова: «Модест – одна из замечательнейших личностей нашего времени. Он прообраз тех людей, которые будут жить в будущих веках и соединят в себе утонченность поздней культуры с силой воли и решительностью первобытного человека. / Модест – великий художник, и при других условиях жизни его имя было бы вписано в золотую книгу человечества...»⁷³ Однако были, по-видимому, и внутренне причины надлома в том «сочетании», которое рождает внутреннего гения.

Душевный трагизм личности Дурнова с особой исповедальной открытостью – горькой, но при этом идеалистической – раскрывает небольшое философско-поэтическое эссе, историю которого удалось воссоздать благодаря архивным изысканиям. Во многих источниках указывается, что Дурнов в период с 1901 по 1903 г. публиковался в альманахе символистов «Северные цветы» (напомню, что в 1905 г. был издан IV Альманах «Северные цветы Ассирийские»), главную роль в котором играл Валерий Брюсов. Однако тщательный анализ самого издания этого не подтвердил, хотя в ходе исследования раскрывались и авторы, публиковавшиеся под псевдонимами. Тем не менее намерение принять участие в журнале, инициируемое предложением Брюсова, у Дурнова действительно было. Долгое время не удавалось установить, что именно хотел опубликовать Модест Александрович, причиной чего служило разное местонахождение переписки между Брюсовым и Дурновым на тему

⁷⁰ *Остроухов И. С.* Письмо к А. П. Боткиной. 19.04.1903 // ОР ГТГ, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 210, л. 2.

⁷¹ *Боткина А. П.* Письмо к И. С. Остроухову // ОР ГТГ, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 1581, л. 2–3 об.

⁷² *Дурнов М. А.* Письмо к Е. Е. Бахману. 6.02.1896 // РО ИРЛИ, ф. 22, оп. 1, ед. хр. 5(2), л. 91 об.

⁷³ *Брюсов В. Я.* Ночи и дни. II-я книга // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 91, л. 4.

журнала. В процессе настоящего исследования выяснилось, что для «Северных цветов» Дурнов предлагал не стихотворение, а небольшой прозаический текст, ныне хранящийся в Отделе рукописей РГБ в архиве Валерия Брюсова «Дурнов М. А. Статья без заглавия с подзаголовком “С французского” (Меня озарила мысль. Не откровение ли это?). 1901. Автограф. На 3 листах».⁷⁴ Сразу подчеркну, что, несмотря на подзаголовок, статья была авторской, а не переводной, и принадлежала Дурнову. Сам характер переписки между художником и поэтом позволяет обнаружить некоторые принципиальные для творческой позиции Дурнова черты – настойчивость в отстаивании своих убеждений, бескомпромиссность и даже некоторую долю упрямства, оправданную доверием к собственному художественному образу.

28 дек. 1901 г. Дурнов писал Брюсову: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, / хорошо помня Вашу просьбу, тем более, идущую навстречу моему желанию участвовать в “Северных цветах” вместе с Вами, посылаю прилагаемый отрывок. Заглавия не надо никакого. Вверху, в скобках, как указано, непременно напечатать: (с французского). Печатать, по-моему, надо с полстраницы или, во всяком случае, отступя сверху. Впрочем, все это Ваше дело, и я вполне Вам доверяю. Чтобы не задерживать дела, отказываюсь и от корректуры. Ежели напечатать будет неудобно, поступите, как найдете нужным. Изменять я не желаю ни слова (подчеркнуто Дурновым. – О. Д.). Конечно, ни о каких претензиях с моей стороны, в случае ненапечатанья, не может быть и речи. Говорю это вполне по-дружески. Преданный Вам М. Д.».⁷⁵ Брюсов ответил следующее: «Уважаемый и дорогой Модест Александрович! Рад и благодарен я. Но вот в чем дело. Северные Цветы, в которых не больше 15–16 печатных листов, могут печататься без предварительной цензуры лишь в том случае, если в них нет ничего переводимого (иначе надо свыше 20 листов). Итак, нельзя ли снять Ваше заглавие в скобках? Я не читал еще присланного листка, но почему-то думаю и даже уверен, что это не перевод. Зачем Вам прятать свое авторство! Мне бы желалось очень, чтобы Вы были согласны. Еще раз спасибо. Ваш Валерий Брюсов».⁷⁶ Дурнов, который еще 3 дек. писал Брюсову: «Как для меня ценны Ваши литературные указания, я уж больше повторять не буду»,⁷⁷ – направил достаточно категоричный по тону ответ: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич, / я получил Ваше письмо. Спешу ответить. Я согласен на два изменения. Выбирайте, какое пожелаете. / Первое: вместо (с французского) можно напечатать (подражание). / Второе: (с французского) не печатать совсем, но тогда, вместо: М. Дурнов, только литеры: М. Д. / Преданный Вам М. Дурнов».⁷⁸

⁷⁴ ОР РГБ, ф. 386, карт. 128, ед. хр. 27.

⁷⁵ Дурнов М. А. Письмо В. Я. Брюсову. 28.12.1901 // ОР РГБ, ф. 386, карт. 85, ед. хр. 33, л. 20–21.

⁷⁶ Брюсов В. Я. Письмо М. А. Дурнову. 1901 // РГАЛИ, ф. 965, оп. 1, ед. хр. 27, л. 1–1 об. Так как письма Дурнова, датированы 28 и 30 дек. и напрямую связаны с промежуточным ответом Брюсова, то письмо самого Брюсова, скорее всего, было написано 29 дек. // ОР РГБ, ф. 386, карт. 128, ед. хр. 27.

⁷⁷ Дурнов М. А. Письмо В. Я. Брюсову. 3.12.1901 // ОР РГБ, ф. 386, карт. 85, ед. хр. 33, л. 16.

⁷⁸ Дурнов М. А. Письмо В. Я. Брюсову. 30.12.1901 // ОР РГБ, ф. 386, карт. 85, ед. хр. 33, л. 22.

В архиве Брюсова удалось обнаружить и сам рукописный черновик текста Дурнова. Прочитав его без купюр: «*Меня озарила мысль. Не откровение ли это? / Два человека говорят о будущей жизни. Один признает, другой отрицает. / Один говорит: – смерти нет; мое существо протестует; я чувствую свое бессмертие; я – душа. Другой говорит: ничего нет; мое я будет съедено червями; я умру весь – будущего нет; я – прах. / Что заставляет так говорить этих людей? / Чутье; врожденность, великий, священный голос шепчет тайны каждой душе... Теперь этот голос противоречит себе. Одному он говорит: бессмертие; другому: ничтожество. Две совести слышат противоположное. Но, может быть, оба человека говорят правду? / Данте написал два стиха. Пока он задумался, облокотясь, первый стих говорит второму: знаешь ли брат, мы бессмертны! Я чувствую в себе вечность; я возник для славы знаю, что переживу века. Второй отвечает: мечта! Я не переживу дня; во мне смерть; я не существую. / В этот момент Данте берет перо, перечитывает эти два стиха, и зачеркивает второй. / Оба были правы. / Невозможно ли, что есть эскизы души, сознающие себя набросками, зародышами нашего я, назначенные для переплава, опыты существ, которые исчезнут в ничто и которые это сознают? / Не существуют ли люди, которых Бог вычеркнет? / М. Дурнов. 1901».⁷⁹*

Искусство символистов имело совершенно определенный, хотя и имматериальный предмет изображения – душу. В сущности, вся визуальнометафорическая лирика, характерная для стилистики модерна, была вызвана поиском тех подобий, которые могли бы приблизить незримый мир души, со всей динамикой ее противоречий, к области, доступной смыслам и формам. Приведенное выше философское размышление Дурнова без намеренной программности и теоретической изощренности раскрывает главный образный ориентир художников рубежа XIX–XX столетий – чувство душевной реальности, в значимость которой художники-символисты верили с убежденностью поэтов: «*Страшно мне в пропасть души заглянуть, / Страшно в своей глубине утонуть, / Все в ней слилось в бесконечную цельность / Только душе я молитвы пою, / Только одну я люблю беспредельность / Душу мою*».⁸⁰ Эта вера отразилась и в энтузиазме Модеста Дурнова, любовь к искусству которого повлияла на многих его современников, как на уровне личного творчества, так и на уровне доверия к тому новому пониманию декоративного языка искусства, который рождался эпохой модерна.

Так в чем же индивидуальный трагизм Дурнова? Обозрев творческий путь Модеста Александровича, нельзя не сделать вывод, что его художественно-поэтический дар остался в чем-то нереализованным и недопонятым: среди современников – в результате намеренно творимой самим Модестом Александровичем загадочной ауры вокруг собственной личности, отчасти поэтически романтизированной, отчасти демонизируемой, что было в духе символистского идеалистического мифотворчества; потомками – в силу несвоевременности

⁷⁹ Дурнов М. А. Статья без заглавия с подзаголовком «С французского» (Меня озарила мысль. Не откровение ли это?). Автограф // ОР РГБ, ф. 386, карт. 128, ед. хр. 27, л. 1–3.

⁸⁰ Брюсов В. Лирика мыслей // Книга раздумий. С. 6.

его мечтательного дендизма, в результате которого следы харизматичного дара Дурнова оказались преданными темным глубинам забвения. В контексте XX в. страстные грёзы Дурнова о модерне были откровенно излишними. Трагизм творческой судьбы Дурнова – в своеобразии его утопического дара, наделенного в духе эпохи модерна чертами преобразующего лицедейства; в той неизбежной участи дендизма как артистически искренней игры, которая связана с одиночеством актера, за образом-маской которого не приметили подлинного внутреннего голоса души – души, искавшей масштаба трагической индивидуальности.

Библиографический список

1. *Бальмонт К.* Будем как солнце. Книга символов. М., 1903.
2. *Бальмонт К., Брюсов В., Дурнов М., Коневской И.* Книга раздумий. СПб., 1899.
3. *Белый А.* Критика. Эстетика. Теория символизма. М., 1994. Т. II.
4. *Белый А.* Начало века. Воспоминания: в 3 т. М., 1990. Кн. 2.
5. *Брюсов В. Я.* Собр. соч.: в 7 т. М., 1973. Т. 1.
6. *Брюсов В. Я.* Tertiavigilia. Книга новых стихов. 1897–1900. М., 1900.
7. *Бугаев Б. [Белый А.]* На перевале. XVIII. Штемпелеванная культура // Весы. 1909. № 9. С. 72–80.
8. *Виноградов С.* О странном журнале, его талантливых сотрудниках и московских пирах // Воспоминания о Серебряном веке / сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд. М., 1993. С. 430–439.
9. *Врубель М. А.* Переписка. Воспоминания о художнике / сост. Э. П. Гомберг-Вержбинская, Ю. Н. Подкопаева, Ю. В. Новиков. Л., 1976.
10. *Гершкович Е.* Московский денди // Мезонин, 04.04.2003. URL: <https://archi.ru/press/russia/34160/moskovskii-dendi>
11. *Джойс Дж.* Дублинцы. Улисс. СПб., 2014.
12. *Завьялова А. Е.* Мир искусства. Японизм. М., 2014.
13. Записки Передвижного Общественного театра. 1919, январь. Вып. 17.
14. Каталог пятой художественной выставки журнала «Мир искусства» в залах Императорского общества Поощрения Художеств. СПб., 1903.
15. Мир искусства. 1899. № 5. Т. I.
16. Мир искусства. 1899. № 21–22. Т. II.
17. Мир искусства. 1900. № 5–6. Т. III.
18. *Нащокина М.* Сто архитекторов московского модерна. Творческие портреты. М., 2000. С. 102–103.
19. *Нестеров М. В.* Письма / вступ. ст., сост., коммент. А. А. Русаковой. Л., 1988.
20. *Сахарова Е. В.* Василий Дмитриевич Поленов, Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников. М., 1964.
21. Северные цветы. Альманах кн. изд-ва «Скорпион». М., 1901, 1902, 1903.
22. Семейные фотохроники купца Бориса Вострякова. Фотография конца XIX – начала XX веков из архива А. В. Живаго (1860–1940). URL: <http://www.arts-museum.ru/museum/articles/vostryakov/>
23. *Ходасевич В. Ф.* Собр. соч.: в 4 т. Некрополь. Воспоминания. Письма. М., 1997. Т. 4.
24. Japanomania in the Nordic countries. 1875–1918 / ed. by G. P. Weisberg, A.-M. Bonsdorff, H. Selkokari. Bruges; Helsinki; Oslo; Copenhagen, 2016.
25. *Veldink S., Woltman N.* Breitner: Girl in a Kimono at the Rijksmuseum from 20 February to 22 May 2016. Amsterdam, 2016.
26. William Degouve de Nuncques, maître du mystère. Catalogue. Bruxelles, 2012.

М. А. Тычков

ОБЗОР ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ БОРИСА ШЕРГИНА

Аннотация: В статье представлено описание основных этапов творческого пути Б. В. Шергина в изобразительном искусстве, охарактеризованы судьба и контуры изобразительного наследия Бориса Шергина и причины его разрозненности и рассеяния. Предпринята попытка систематизации его художественно-изобразительного наследия, осмысления жанрового и тематического состава, атрибутации и осуществлено описание основных черт творческой манеры художника Б. Шергина.

Ключевые слова: Б. В. Шергин, Русский Север, книжная графика, народное искусство.

Abstract: The article presents a description of milestones of B. V. Shergin's creative path in the fine arts, the fate and contours of the visual heritage of Boris Shergin and the causes of its fragmentation and dispersion. An attempt has been made to systematize his artistic and visual heritage, to comprehend the genre and thematic composition, attempts of attribution, and to write the basic features of the creative manner of the artist B. Shergin.

Keywords: B. V. Shergin, Russian North, book graphics, folk art.

Борис Викторович Шергин известен прежде всего как писатель и сказитель, непревзойденный знаток и ценитель русского слова. Его произведения читают, любят, всесторонне изучают. Многие знают и о том, что Шергин был профессиональным художником. Но художественное творчество Бориса Шергина и его изобразительное наследие не становились, к сожалению, предметом специального изучения и осмысления, оставаясь в тени его писательской деятельности.

А между тем в первую половину творческой жизни Бориса Шергина его профессиональная художественная деятельность была связана преимущественно с изобразительным искусством. Об этом Шергин упоминал не раз, отмечая, что он «зачинался не художником слова (прости Господи!), а художником искусства изобразительного»;¹ «Годов до тридцати, тридцати пяти я мало писал: расписывал и разрисовывал стены, двери, бумажные листы».²

Художник в Шергине пробудился рано. Очарованный сизмальства красотой северной природы и радостным пафосом народного художества, он с малых лет восторженно любовался образцами традиционного северного бытового искусства и в меру своего умения копировал их. Обиходное народное

¹ Шергин Б. В. Собр. соч.: в 4 т., 2012–2015 / сост. Шульман Ю. М., Шульман М. Ю. Т. 3: Дневник. 1939–1968. М.: НО «Издательский центр “Московведение”», 2014. С. 385.

² Там же. С. 416.

искусство, в атмосфере которого рос Борис Шергин, давало форму и содержание для его собственного творчества. Самоучкой осваивал он различные художественные техники. Подражая своему отцу, в свободное от морских плаваний и работы в пароходстве время украсившего их дом росписями и моделями кораблей, юный Борис Шергин расписывал мебель, вырезал деревянную утварь, делал модели северных домов и судов, переписывал рукописные книги и иллюстрировал их. Еще школьником он выполнял художественные заказы, участвовал в выставках. Содержанием его ранних работ были древнерусская и старообрядческая традиция, быт и этнография Севера. По окончании шестого класса семилетней мужской Архангельской гимназии двадцатилетний Шергин отправился получать профессиональное художественное образование в столицу. С 1913 по 1917 г. он состоял студентом Московского императорского Строгановского центрального художественно-промышленного училища, где обучался в различных мастерских: живописно-декоративной и резьбы по дереву, набойной, чеканной, эмальерной; здесь же в музее три года работал с реставраторами икон.

Художественная жизнь Москвы времени учебы Шергина была эпохой восторженного увлечения древнерусской живописью, и Борис Шергин, с его истовой любовью к русской старине, был на своем месте. Учеба в Строгановке в период ее расцвета, академические штудии, копии, посещение музеев, общение в профессиональной среде – всё это способствовало расширению культурного кругозора восторженного архангелогородца. Он овладевал различными художественными навыками, перенимал высокую ремесленную культуру, совершал «паломничества» к местам подлинного возрождения народного искусства: в Абрамцево, Сергиев Пасад, Хотьков, Богородское. Позже, вспоминая об этих годах, Шергин писал: «В свое время, как ученик Строгановского училища, а затем самостоятельно, я делал копии с фресок и икон у Троицы-Сергия, в Ростове, Вологде, Устюге, Соловках и во многих других городах и монастырях Севера».³

В 1917 г. Борис Шергин после окончания Строгановского училища вернулся в родной город и активно включился в художественную жизнь Архангельска. Он подвизался в Архангельском обществе изучения Русского Севера, занимался устройством выставок, собиранием коллекций, изготовлением макетов для краеведческого музея, работал художником-инструктором кустарно-художественных мастерских Архангельского губернского совнархоза, где энтузиасты пытались возродить традиционные ремесла Русского Севера: резьбу по кости, деревянную и глиняную игрушки и проч. Участвовал в этнографических экспедициях по Северному краю в качестве художника и фольклориста. Все годы Гражданской войны и интервенции на Русском Севере Шергин провел на родине. В 1919 г. он при неизвестных обстоятельствах потерял ступню правой ноги, что навсегда ограничило его в возможностях передвижения и существенно повлияло на его судьбу, в том числе и творческую.

³ Из письма Б. В. Шергина А. В. Щусеву от 5 июня 1945 г. // РО ИРЛИ. Архив Б. В. Шергина, ф. 278, оп. 1, № 287, л. 1.

В 1921 или в 1922 г. Борис Шергин покинул Архангельск и переехал в Москву. Он был принят на работу штатным сотрудником Отдела детского чтения при Институте методов внешкольной работы Наркомпроса. В этом уникальном заведении, руководимом А. К. Покровской и больше известном под именем Института детского чтения, Борис Шергин получил возможность применения всех своих дарований: художника, сказителя, писателя, ученого, педагога, просветителя. Он занимал должность заведующего художественно-этнографическим бюро, работал рецензентом по оформлению детской и юношеской книги. Жил Шергин на втором этаже дома, где размещался Институт детского чтения, и все интерьеры этого заведения были расписаны его рукой в северорусском стиле. В 1924 г. в Госиздательстве вышла первая книжка произведений Бориса Шергина с его иллюстрациями – «У Архангельского города, у корабельного пристанища». Всего с 1924 по 1939 г. вышло пять книг, проиллюстрированных и оформленных им. До начала 30-х гг. Шергин активно сотрудничал с журналами в качестве беллетриста и художника-иллюстратора.

В 1929 г. Институт детского чтения был закрыт, Борис Шергин потерял работу и из светлой, сухой и теплой верхней квартиры был переселен в темный и сырой полуподвал – бывший хозяйственный склад. Он был вынужден браться за любую работу и напряженно трудился при плохом искусственном освещении. У него развились сильные головные боли, а вскоре случилось кровоизлияние в сетчатку правого глаза. Это стало вторым переломом в судьбе Шергина; обезноженный и полуслепой, он уже не мог быть верен двуединству своего *художества* – совмещать в себе писателя и художника. С этого времени художественное творчество Б. Шергина стало иссякать, и он полностью переключился на литературную деятельность. Произошла смена творческой доминанты.

Таким образом, основными причинами пресечения художественного творчества Бориса Шергина в начале 1930-х гг. были утрата зрения, потеря работы (в то время за заказами нужно было буквально бегать, что при вынужденной малоподвижности Шергина было затруднительно), отсутствие бытовых условий для рисования, профессиональная невостребованность. Существовали, вероятно, и внутренние причины, приведшие к расщеплению единого художества: утверждение в своем литературном призвании, несовпадение с духом времени шергинской изобразительной эстетики, основанной на древнерусских и народных художественных традициях, тяготение к созерцательности и духовной жизни.

В 40-е гг. Шергин так размышлял о своей судьбе художника, записывая в дневнике: «Смала был я любитель рисовать, красить. На то и учился, падая по цветам древнерусского стиля. Любителем навек остался. Потом былинами и сказками стал управлять»;⁴ «Художество любил с детства, рисовать, красить, вырезать, мастерить что-нито – очами оскудел. Желание есть, а зрение не позволяет»;⁵ «Ничего в этой области своего не сделал, своего ни в графике, ни в акварели не показал, oprичь невеликих декоративностей...»;⁶ «Я думаю,

⁴ Шергин Б. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 218.

⁵ Там же. С. 370.

⁶ Там же. С. 284.

постепенно слабеющее зрение подсознательно заставило меня не изображать мои мысли карандашом и кистью, а записывать их. Но мысли мои заветные некому слушать... Кто же бы стал смотреть заповедные мои думы, если б я их запечатлел в рисунке или красках! И откуда бы я взял на это время?».⁷

Затухание изобразительного творчества происходило медленно, вместе с гаснущим зрением. И хотя Борис Викторович полностью посвятил себя литературе, художественный огонь жил в нем. К 1940-м гг. потеря зрения составляла 70 %, но Шергин продолжал время от времени рисовать. Случались редкие заказные работы по оформлению театральных декораций, есть упоминания о начале работы в 1950-е гг. над иллюстрациями к собственной книге.⁸ Но в основном рисование к тому времени ушло в «подземное русло»: рисунки на полях, зарисовки «для себя» – натурные портретные этюды, шаржи и т. п.

Последние всплески изобразительного творчества приходятся на начало 1950-х гг. Среди поздних датированных рисунков Шергина, известных на сегодня, – серия сатирических рисунков «Репетиция спектакля “Женитьба Бальзаминова”» (22.07.1949) и натурные наброски с Миши Барыкина-младшего (1951).

В поздний – незрячий – период у Шергина произошла своеобразная трансформация изобразительного творчества. Вместо ставшего для него невозможным обычного рисования в его дневниках, которые он вел уже почти на ощупь, всё чаще стало появляться то, что можно назвать словесными пейзажами, рисованием словом, или «умным» рисованием.

Вот примеры таких пейзажей:

«Тонкая нежная акварель прозрачно-серого неба. Свет без теней. Нежный шелк облаков скрывает от тебя, полдень ли там или вечерние зори. Кажется, ничего не может быть прекрасней тонкого рисунка древесных ветвей, нанесенных тою же рукой. И серый жемчуг неба, и веточки».⁹

«Пасмурный вечер... Как благородна эта однотонность картины. Ежели б я мог рисовать!.. Водичей разбавил сепию, провел дорожки и, чуть посмуглее, набавив к сепии охрицы и индиго, залил клинья прошлогодней отавы. Это земля. А от бисеринки туши разлил бы это жемчужное небо. И это небо, и эту землю соединяла бы у меня лента уходящих дерев. Ближние деревья – липы, их сучья видятся контрастно, а дальше идут тополя, восковым становится оттенок их, а дальнейшие блязнят, как паутинки.

Скажут: где, в чем красота ненастья? – а разве не прекрасны серые шелковые одежды, притом шитые жемчугом?».¹⁰

⁷ Там же. С. 385.

⁸ См.: «... Читать недосуг: запущена работа срочная. И хотя эта работа должна бы увлечь меня (надо писать и рисовать о любимой родине, о Севере), я уныло думаю о ней и со дня на день откладываю» (*Шергин Б. В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 385); «...И писанье сдал, и рисованье сдал» (Там же. С. 390); «Когда эти два года писал про морскую старину, все мечтал – кончу писание, начну рисовать. Эти лоды, кочи, раньшины. А и писание-то никому не навяжешь. Кому же нужны рисунки мои?! Бывало, запоем для себя рисовал. А теперь уже и стыдно “не делом” заниматься» (Там же. С. 391).

⁹ *Шергин Б. В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 115.

¹⁰ Там же. С. 123.

«Кабы мне прежние глаза, только бы я и рисовал, только бы и отводил бархагистую черному стволу, пальцем бы вывел могучий изгиб... Потом сучья, и это ненаглядное, нарядное плетение веточек. Сумерки спускаются быстро, и нежные кисти веточек, как шелковые нити на атласе, соединяются с небом. Чувствую неслучайность древесных изгибов и извитий. Дерево слушается солнца, ветров, дождей, соображается с широтой усадьбы...».¹¹

«Прекрасен рисунок вот этих елок. <...> Шатры этих елей – живое чудное зодчество. И какой музыкальный ритм в этом строе монументальных елей! Чуден рисунок хвойных многоярусных паникадил. А цвет и тона этой нерукотворенной живописи неповторимы рукою человека».¹²

Гимны искусству во множестве рассыпаны по дневниковым записям и литературным произведениям Бориса Шергина.

В конце 1960-х в беседе с Ю. И. Ковалем – писателем и художником уже совсем слепой Шергин говорил: «...Мне бы сейчас в руки кисть... Как душа просит. Живопись – это как еда, питье, нет, это – жизнь живая».¹³

Приступая к изучению художественного наследия Б. В. Шергина, необходимо прежде всего отметить, что сколько-нибудь цельного и стройного собрания оно собой не представляет. К изобразительному наследию Шергина применимо образное определение «художественная Атлантида»: наследие это разрозненно, в большей своей части не выявлено, о целых его пластах остались лишь письменные свидетельства. Такая несчастливая судьба художественных работ Шергина имеет несколько причин, к главной из которых можно отнести особенности бытования *обиходного декоративного искусства* – того рода искусства, в котором более всего подвизался Шергин. Редкий бытовой предмет, созданный мастером или им расписанный, переживает одно поколение своих владельцев. Шергинское творчество было по преимуществу прикладным, потому все работы уходили «в жизнь» и растворялись в ней. Этим внемузейным (за немногими исключениями) бытованием работ Б. Шергина во многом и объясняется рассеяние его художественного наследия. Перипетии личной и творческой судьбы Шергина, а также исторический и культурный контекст тоже изрядно повлияли на его судьбу и на судьбу его работ. Наиболее полно дошел до нас корпус книжной и журнальной графики Шергина 1924–1939 гг.

В настоящее время выявлены и доступны для исследования художественные работы Б. В. Шергина, находящиеся в следующих собраниях:

1. Архив Б. В. Шергина в Рукописном отделе ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), г. Санкт-Петербург.¹⁴ В этом архиве содержится самая обширная из существующих коллекций шергинских рисунков.

¹¹ Там же. С. 209.

¹² Там же. С. 327.

¹³ Коваль Ю. И. Веселье сердечное // Коваль Ю. И. Опасайтесь лысых и усатых. М., 1993. С. 281.

¹⁴ РО ИРЛИ. Архив Б. В. Шергина. Ф. 278. В Древлехранилище им. В. И. Малышева в ИРЛИ РАН, в альбоме «Протопоп Аввакум в изобразительном искусстве», составленном В. И. Малышевым, хранится подлинник работы Б. В. Шергина «Протопоп Аввакум на костре», 1914 г. Бумага, акварель, белила, кисть, перо.

2. Собрание семьи Шульман, г. Москва. Это собрание с входящими в него рисунками Шергина – часть общего архива писателя, наряду с представленным в ИРЛИ. Характер состава коллекции художественных работ здесь тот же – это подсобный художественный материал: эскизы, наброски, зарисовки и т. п. В этом же собрании находится расписная филенка шкафа с изображением Михаила Ломоносова (роспись выполнена Шергиным). Большая часть рисунков этого собрания (возможно – все) опубликованы в четырехтомном собрании сочинений Б. В. Шергина.

3. Собрание Архангельского литературного музея (частного; основатель и директор – Б. М. Егоров) – третья, малая часть общего архива писателя. Здесь содержится небольшое число рисунков Шергина на полях его рукописей.

4. Собрание семьи писателя Ю. И. Коваля, г. Москва: две расписные филенки работы Б. В. Шергина с изображением парусника и галантной парочки.¹⁵

5. Собрание семьи И. И. Халтурина,¹⁶ г. Москва: рисунки на полях рукописей и отдельные графические зарисовки.

6. Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера», г. Архангельск: акварельная работа Б. Шергина «Ненки на поклонении Содеяле», 1911 г., натурный акварельный этюд с видом Николо-Карельского монастыря, б. д.

7. Государственный музей истории российской литературы им. В. И. Даля (Государственный литературный музей), г. Москва: в составе коллекции (инвентарная опись № 11781), переданной в этот музей Б. В. Шергиным в 1930-х гг., есть работы (предположительно – копии) его кисти: «Изображение пустыни Великопоженская, иже на Пижме реце» (КП № 48007), копии Шергина с оригиналов XIX в. (по данным Е. И. Иткиной) «Изображение пустыни на реке Юле» (КП № 48004) и «Протопоп Аввакум в земляной тюрьме» (КП № 47670), а также ряд других работ, допускающих авторство Шергина.

8. Собрание семьи Голицыных, г. Москва: икона Новгородских святителей Никиты, Иоанна и Нифонта кисти Б. В. Шергина, подаренная им художнику В. М. Голицыну.

9. Собрание В. В. Смирнова, г. Санкт-Петербург: рукописная книжка работы Б. В. Шергина с авторскими миниатюрами и текстом духовного стиха «Сон Богородицы».

10. Возможно: в фондах Свято-Данилова монастыря. В 2007 г. в музее при Свято-Даниловом монастыре среди экспонатов сменной выставки на тему «Живопись и церковь» были представлены несколько иконоподобных цветных рисунков на бумаге, исполненных Борисом Шергиным.¹⁷

¹⁵ См.: *Коваль Ю. И.* Веселье сердечное. С. 281.

¹⁶ Рисунки и рукописи Б. В. Шергина из собрания Ивана Игнатьевича Халтурина атрибуировали и любезно предоставили нам для изучения и публикаций наследницы И. И. Халтурина – Татьяна Глебовна Раутиан и Зоя Витальевна Халтурина.

¹⁷ По сведениям, сообщенным автору статьи Д. Иноземцевым. «Иконоподобными рисунками» мы назвали графические изображения святых, исполненные в стиле иконных изображений, но не являющиеся в строгом смысле иконами, т. е. молельными образами или прорисьями для них.

11. Авторские иллюстрации Б. В. Шергина, использованные в оформлении следующих изданий:

Шергин Б. В. У Архангельского города, у корабельного пристанища. М.; Пг.: ГИЗ, 1924.

Шергин Б. В. Архангельские новеллы. М.: Сов. писатель, 1936.

Шергин Б. В. У песенных рек. М.: Гослитиздат, 1939.

Каменский В. Иван Болотников. М.: Сов. писатель, 1934.

Катица О. И. Не любо – не слушай. М.: Библиотечка журн. «Дружные ребята», Изд-во «Крестьянская газета», 1927.

Протопопов С. «Сказка о дивном гудочке» для голоса и фортепиано, соч. 7. М.: Муз. сектор ГИЗ, 1926.

Журн. «Дружные ребята». 1928. № 9; 1929. № 1, 5, 7, 8.

Журн. «Зорька». 1929. № 22.

Коллекция рисунков Б. В. Шергина, входящая в состав его архива, хранящегося в РО ИРЛИ РАН, в большей части представляет собой вторичный, подсобный художнический материал: эскизы, этюды, наброски, зарисовки, шаржи, ученические штудии, копии, черновые книжные макеты, пробные оттиски, рисунки на полях рукописей, каллиграфические этюды. Это – художественная «кухня», то, что остается у художника после исполнения оригиналов. Оконченные работы уходят «в жизнь», а черновики остаются. Поскольку основной массив шергинских художественных работ утрачен, черновики и эскизы обретают большую ценность, ибо позволяют осознать и осмыслить состав и характер изобразительного творчества Б. В. Шергина.

Рисунки Бориса Шергина обладают теми же свойствами, что и его литературные произведения: в них естественная импровизационная манера, взволнованность, «открытость» приема создают ощущение безыскусности и «само-родности». Изображение никогда не бывает вялым, пассивным, сделанным с профессиональной, механической холодностью. Укорененность Шергина в традициях народного искусства сообщает всему его творчеству легкий, импровизационный характер. В целом изобразительную манеру Шергина-художника характеризуют артистизм исполнения, экспрессия, чуждость символизму, изящество композиционного строя. Узнаваемые особенности его работ – взвихренность человеческих поз, театральная жестикуляция; тектоническая устойчивость и порывистое движение, соединенные в едином пространстве; разнообразные формы преодоления статики; большая цельность, незамусоренность деталями, «простота без пестроты»; каллиграфические приемы перовых рисунков: росчерки, завитки, каллиграфические волоты и барочные «ракушки».

Жанровый состав изобразительного наследия

Архитектура

Рисунки различных архитектурных ансамблей занимают отдельную большую группу в изобразительном наследии Бориса Шергина. Среди архитектурных мотивов, встречающихся в его рисунках, есть самые различные их виды:

натурные зарисовки, фантазийные опусы, стилизованные мотивы – древнерусские и барочные, городские и деревенские, архангельские, московские и подмосковные, западноевропейские и греческие. О своем специальном интересе к архитектуре и ее изображению Шергин сообщает, например, в письме к А. В. Щусеву: «В свое время, как ученик Строгановского уч<или>ща, а затем самостоятельно, я делал копии с фресок и икон у Троицы-Сергия, в Ростове, Вологде, Устюге, Соловках и во многих других городах и монастырях Севера. После 1919 года я зарисовывал и описывал памятники деревянного зодчества для Сев. Краеведч. об<ществ>ва. В путевых дневниках большое место всегда занимали “архитектурные” мои впечатления».¹⁸ В письме 1940 г. к некоему Степану Ильичу Б. В. Шергин объясняет свой интерес к архитектурной теме и, что примечательно, связывает его с настенными листами: «Глубокоуважаемый Степан Ильич! На всякий случай оставляю вам эту записку. Мною скалькированы семь лубочных картинок. Они отнюдь не предназначены для воспроизведения или опубликования где-либо. Кальки эти нужны мне в качестве, так сказать, блокнота, памятной записи для суждения о “народном историческом пейзаже”. Исторический пейзаж в народной живописи является главой книги, над которой я в наст<оящее> время работаю...».¹⁹

Обращает на себя внимание характерная особенность в изображении Шергиным архитектурных мотивов: нарочито усиленные ракурсы и сильные перспективные сокращения. Несколько гипертрофированное использование художником законов линейной перспективы может объясняться, во-первых, необходимостью преодолевать статичность и неподвижность архитектуры, чтобы включать ее в подвижное и «взвихренное» художественное пространство своих работ. Во-вторых, эта стилистическая особенность и сама приверженность архитектурной тематике могут быть следствием прямого влияния на творчество Шергина яркой изобразительной манеры его преподавателя по Строгановскому училищу – С. В. Ноаковского,²⁰ на графических архитектурных импровизациях которого воспитывался Б. Шергин в годы учебы. Церкви, северные деревенские дома – эти излюбленные мотивы Шергин почти всегда изображает в пейзажном обрамлении. Пейзажный и архитектурный жанры перекрывают друг друга в творчестве Шергина.

Пейзажи

В мироощущении Бориса Шергина родная природа занимала исключительное место. В его дневниках тема природы стоит второй по значимости после темы веры. «Словесные пейзажи» жемчужинами рассыпаны по дневниковым записям, немало писал Шергин и о пейзажном жанре в изобразительном искусстве. Для художника этюд – это классическая форма творческой беседы с природой; несмотря на декоративно-прикладную ориентацию своего творчества, Шергин, вероятно, написал немало натуральных этюдов, особенно –

¹⁸ Письмо Б. В. Шергина А. В. Щусеву от 5 июня 1945 г. // РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 287, л. 1.

¹⁹ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 288, л. 4.

²⁰ См.: *Эттингер П. Д.* Станислав Ноаковский: опыт характеристики. М.: Изд-во «Светлана», 1922.

в архангельский период. На сегодняшний день нам известен пока только один акварельный этюд этого периода с видом Николо-Карельского монастыря, хранящийся в собрании Архангельского музейного объединения «Художественная культура Русского Севера».

В дошедшем до нас изобразительном наследии Шергина натурные изображения природы единичны. В основном это карандашные, перовые и акварельные зарисовки, сделанные в окрестностях Хотькова. На Митиной горе близ Хотькова в доме семьи Барыкиных Борис Шергин в течение многих лет проводил летние месяцы, в его дневниковых записях эти места многократно описаны. Представляют интерес серия акварельных этюдов с видами Хотьковского Покровского монастыря, датированных авторской рукой: «22.08.1938 г.»,²¹ и первой рисунок с видом железнодорожного моста близ Митиной горы.

Для своих пейзажных рисунков Шергин выбирал мотивы не импрессионистического характера, а те, которые позволяют скульптурно трактовать природные формы, задают тектоничность пространству. Конструктивной основой большинства его пейзажных рисунков являются не «зыбкие» и неустойчивые стихии: вода, облака или деревья, а архитектура природы: камни, скалы или горы, а также рукотворная архитектура: церкви, городские или деревенские дома. Можно сказать, что у Шергина всякий пейзаж архитектурен. Свое художественное кредо он не раз высказывал в дневниках: «Ежели грубо определять, и в пейзаже люб мне рисунок, композиция, силуэт, контур. Мазанности в живописи, хотя б она вся была как радуга, я не люблю. <...> В технике любого искусства не хочу расплывчатости, смазанности»;²² «Люблю твердую форму, ясную и отчетливую».²³

Излюбленный шергинский пейзаж, которым он не уставал наслаждаться, – «серенькое» русское небо, – в городе воспринимался им только в архитектурном обрамлении: «В городе чудесной рамой для любованья небом являются ближняя крыши, карнизы, прогалы переулков... Рама для чудных картин небесной живописи – это мать-земля и вся, яз <иже?> на ней».²⁴ И в рисунках Шергина всегда есть устойчивая архитектурная основа, которой подчинены подвижные стихии: изменчивые силуэты деревьев, очертания облаков и водная рябь трактуются легко, подвижно, «набросочно» – по контрасту с устойчивой, внятной по форме прорисовкой камней, скал, зданий.

Множество образцов пейзажного жанра дает журнальная графика Шергина и его рисунки на полях, часто варьирующие одни и те же сюжеты. Пейзажи Шергина романтичны и героичны одновременно.

Журнальная графика

Работа Бориса Шергина в области журнальной иллюстрации заслуживает отдельного подробного исследования. В автобиографии Шергин сообщал, что он «как писатель-беллетрист печатался во всех юношеских и детских журна-

²¹ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 359, л. 4, 22, 23, 25.

²² Шергин Б. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 374.

²³ Там же. С. 391.

²⁴ Там же. С. 375.

лах и газетах).²⁵ И в той же автобиографии он отмечал в связи с книжными и журнальными публикациями: «Давая текст, я всегда был и художником-иллюстратором своих произведений».²⁶ Для того чтобы получить представление обо всём репертуаре журнальной графики Шергина-иллюстратора, необходимо провести работу по выявлению его рисунков во всех изданиях, в которых он печатался (или предположительно мог печататься). На сегодня известен цикл рисунков Шергина в журн. «Дружные ребята» за 1928–1929 гг. и в журн. «Зорька» за 1929 г.²⁷ Иллюстрации Шергин делал как к своим рассказам, так и к рассказам других авторов, в основном – к текстам этнографического характера по северной тематике. Это графические рисунки в один или два цвета, выполненные в характерной для Шергина романтической декоративной стилистике, с усилением этнографического и бытописательского содержания.

Книжная графика

В неопубликованных примечаниях к одному из своих изданий Борис Викторович писал о себе в третьем лице: «Б. Шергин обычно сам иллюстрирует свои книги, то есть литературу свою дополняет доступными ему средствами искусства изобразительного».²⁸

Корпус работ в книжной графике Б. В. Шергина – это та часть его художественного наследия, которая сохранилась и дошла до нас в наиболее полном виде. Таким образом, самый хрупкий материал – бумага – оказывается долговечнее и прочнее дерева, металла и других более «крепких» носителей утраченного художественного наследия Шергина.

Шергин Б. В. У Архангельского города, у корабельного пристанища. М.; Пг.: ГИЗ, 1924

Иллюстрации к фольклорным северным балладам и старинам, составившим книгу «У Архангельского города, у корабельного пристанища», исполнены Шергиным в технике полноцветной хромолитографии. Полосные иллюстрации в этой первой шергинской книге строятся по подобию древнерусских книжных миниатюр: плотно скомпонованное изобразительное поле, в котором объединяются разномасштабные предметы и одновременные действия; плоскостность и условность в изображении пейзажа и архитектуры, монументальная ясность форм, кулисное построение пространства

²⁵ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 220, л. 1 об.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: «Дружные ребята». Журнал крестьянских детей. Орган ЦБ юных пионеров Наркомпроса. Издат. «Крестьянская газета». 1928. № 9. С. 4–11. «Зимовка на Новой Земле» Рассказ Антипа Прокопьева, крестьянина деревни К <...>; 1929. № 7 С. 16–18. *Б. Шергин*. «Поморские зуйки». Ч. 1; 1929. № 8. С. 12–14. *Б. Шергин*. «Поморские зуйки». Ч. 2; 1929. № 1. С. 16–19. *В. Лебедев*. «О народе Удмурт. О вотяках»; 1929. № 5. С. 10–13. *В. Лебедев*. «Карелия»; «Зорька». Приложение к газ. «Гудок». 1929. № 22. С. 6–7, 10–11. *Б. Шергин*. «Рассказы старого помора». Рисунки к рассказу «Поморские зуйки» (кроме титульного) опубликованы: *Шергин Б. В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 60, 64, 67, 211, 321, 419.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 358, л. 25.

с использованием приемов обратной перспективы. Этот торжественный и статичный, отсылающий к канону изобразительный строй Шергин соединяет с непосредственной живостью и взволнованностью поз, наделяющих героев живыми эмоциями, что делает изображаемый сюжет эмоционально близким зрителю и современным. Эскизов и рабочих рисунков к этим замечательным иллюстрациям не сохранилось (или пока не выявлено).

Шергин Б. В. Архангельские новеллы. М.: Сов. писатель, 1936

Рисунки к книге «Архангельские новеллы» легкие, летучие, их растворенность в окружающем пространстве книжного разворота усиливает связь изображаемых событий с современностью. Вихрь движения в шергинских иллюстрациях столь силен, что кажется, будто расхлывшееся перо художника не поспевает за круговертью выводимых им фигурок и замысловатых поз. Стилистика этих рисунков восходит к энергичной пластике русского барокко и отчасти – к трактерной народной росписи города Архангельска.

Интересен эскиз суперобложки к книге «Архангельские новеллы». Он хранится в архиве писателя в ИРЛИ²⁹ и существенно отличается от суперобложки, пошедшей в печать. На эскизе дана лаконично стилизованная топография дельты реки Северной Двины у города Архангельска. Широкой лентой, окаймленной у берегов тройной полосой, слева течет Двина, сверху изогнулся участок берега, засаженный травой и елками, с надписью «Заостровье». Под ним широким изгибом на весь разворот дан берег с надписью «Материк», за которым следует гряда домов, подписанных словом «Город». Над Городом Двина расходится на три рукава, отделяющие полукружья суши – «Остров Кег» и «Соломбала», один из рукавов подписан «Устье», другой – «Море». Вдоль берегов плывут парусники и лодки. В печатном варианте книги на суперобложке «Архангельских новелл» помещен другой вариант рисунка – сильно упрощенный, лишенный деталей реальной топографии. Иллюстрации в книге «Архангельские новеллы» напечатаны в технике цинкографии. В архиве Б. В. Шергина в ИРЛИ хранятся рисованные пером и тушью рабочие оригиналы некоторых иллюстраций к этой книге.³⁰

Шергин Б. В. У песенных рек. М.: Гослитиздат, 1939

Полосных иллюстраций в этой книге нет, только титульные рисунки, заставки и концовки. Шергин обильно использует виньеточные рамки барочного характера и картуши.³¹ Картуши и свитки создают условную материальную основу, на них помещаются плоскостные изображения: карта Советского Севера, звезда, поморский компас-матка, якорь, скомороший гудочек. Виньетки служат обрамлением не плоскостных, а объемных предметов: рыбок, парусного парохода. Две необрамленные концовки тоже изображают пространственные предметы: лодку с гребцами, оленя, они носят зарисовочно-этнографический характер, восходящий к журнальной графике Б. Шергина.

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 361, л. 1.

³⁰ Там же. № 358, л. 2, 3, 4.

³¹ См. эскиз к виньетке на титуле – «картуш» с якорем: Там же, л. 23.

О. Ф. Берггольц. 1941. Пушкин

Футляр-подарок В. В. Стасову
к юбилею. 1894

Е. М. Лопатина. <Начало 1930-х>. РАЛ. MS 1066/7272

Сigaretная коробка с надписью И. А. Бунина: «Мы с Лопатиной по трущобам в Москве в 1897[-98] (?) году».
<Конец 1940-х – начало 1950-х>. РАЛ. MS 1066/715 (100)

Групповая фотография, в том числе И. А. и В. Н. Бунины, Е. М. Лопатина, Г. Н. Кузнецова. <Начало 1930-х>. РАЛ. MS 1066/7279

Е. М. Лопатина и О. Л. Еремеева в Клозоне.
<Начало 1930-х>. РАЛ. MS 1066/6189

М. А. Дурнов. Автопортрет. 1898

А. М. Дурнов. Венеция. 1896

А. М. Дурнов. Г. Г. Бахман в творческой компании. 1897 или 1899

Л. Н. и Г. В. Щуко. 1939

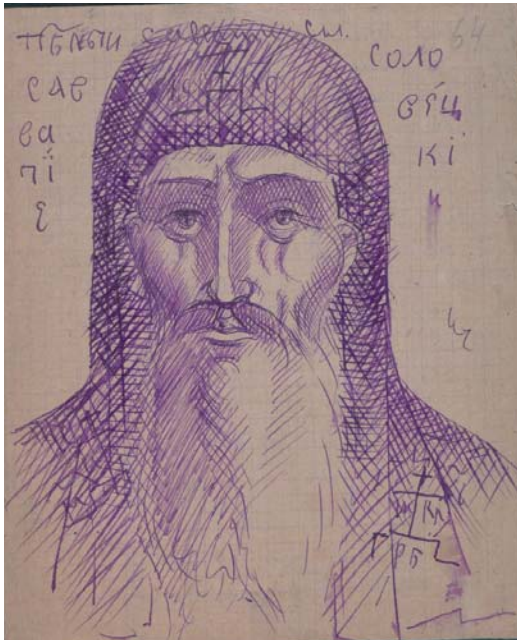
Гуля Щуко и Настя Браудо. 1947

М. В. Малаховская, Н. И. Альтман, Л. Н. Щуко, Б. Б. Малаховский. 1936

Г. В. Щуко и И. В. Щеголева-Альтман – Петр и Алексей. 1937

Б. В. Шергин. Преподобный Савватий Соловецкий

Б. В. Шергин. Рабочий рисунок для полосной иллюстрации к рассказу «Варвара Ивановна» из книги: Шергин Б. В. Архангельские новеллы. М, 1936. 1935

Рисунки к «Сказу о вождях», хранящиеся в архиве ИРЛИ,³² с изображениями Ленина, Сталина, Буденного и Ворошилова, не вошли в эту книгу, вероятно, потому, что не вписывались в структуру ее оформления, исключаящего полосные иллюстрации.³³

Каменский В. Иван Болотников. М.: Сов. писатель, 1934

В тех немногих случаях, когда Б. Шергин иллюстрировал не свои рассказы, а произведения других авторов, он оставался верен своей изобразительной манере, основанной на народной эстетике. Героика народной освободительной борьбы, наполняющая книгу Василия Каменского «Иван Болотников», столь характерная для послереволюционной эпохи, осмысливалась Шергиным в традиции народного незлобивога, романтизированного героизма. Лица выступивших на борьбу героев «Ивана Болотникова» не искажены злобой, сознание собственной правоты, добродушие и достоинство сквозят в их облике. Иллюстрации Шергина к этой эпической поэме предельно энергичны, в них передано чувство подлинного героизма. В иллюстрациях к «Ивану Болотникову» минимален исторический колорит, напротив, заострена злободневность, современность коллизий XVII в. Вокруг рисунков нет рамок: отсутствие границ графических снимает границы временные, и исчезает дистанция, отделяющая события болотниковской эпохи от революционных событий нового времени.

В составленном Шергиным, вероятно, для издательства подробном перечне предполагаемых иллюстраций и элементов оформления книги «Иван Болотников»³⁴ сообщается, что «характер иллюстраций в какой-то степени должен отражать манеру народного искусства эпохи Смутного времени». В архиве Б. В. Шергина в ИРЛИ хранится большая подборка эскизов и пробных цинкографских оттисков черновой верстки книги «Иван Болотников», свидетельствующих о тщательной и кропотливой работе над ней Шергина. Композиция суперобложки, исполненной в два цвета (оранжевый и черный), предельно экспрессивна: по наклонной, ошетилившейся зубцами земле, под низко катящимися по небу грозовыми клубящимися тучами во весь опор мчится призывно трубящий в изогнутый рог всадник с саблей в руке. Та же зубчатая земля и облачное небо переходят через корешок на спинку суперобложки, где центральным мотивом становится плавающий в огне город. «Лицо» и «спинка» суперобложки имеют одинаковый композиционный строй: динамично, по диагонали расположенные предметы и шрифт придают движению предельное звучание, которое компенсируется привязкой всех элементов к центральной оси. Энергичность композиции суперобложки уравновешивается спокойным и устойчивым рисунком одинокого кораблика на переплете обложки. Чистой

³² Там же, № 357, л. 2.

³³ Там же, № 358, л. 18.

³⁴ Неозаглавленная рукопись Б. Шергина с перечнем предполагаемых элементов оформления книги В. Каменского «Иван Болотников», датированная 20.02.1934 г. // РГАЛИ, ф. 1345, оп. 2, ед. хр. 187. Разыскала этот документ, скопировала и предоставила нам для изучения Зоя Витальевна Халтурина, за что выражаем ей сердечную благодарность.

эскиз суперобложки (лицевая часть) к «Ивану Болотникову», исполненный гуашью, хранится в архиве Б. В. Шергина в ИРЛИ.³⁵

Протопопов С. «Сказка о дивном гудочке» для голоса и фортепиано, соч. 7 (на рус. и фр. яз.). М.: Муз. сектор ГИЗ, 1926

Шергин оформил рисунками и шрифтовыми композициями обложку и титул партитуры «Сказки о дивном гудочке» композитора С. Протопопова.³⁶ Оформление этого издания выполнено Шергиным в том же изобразительном ключе, что и иллюстрации к книжке «У Архангельского города, у корабельного пристанища». Из шести придуманных, изящно скомпонованных и нарисованных Шергиным иллюстраций к «Сказке о дивном гудочке» в издание вошли только две. Эскизы всего ансамбля иллюстраций хранятся в собрании семьи Шульманов, а рабочие картоны-прорисовки к двум из них – в архиве ИРЛИ.³⁷ Карандашные, слегка подцветенные акварелью картоны-прорисовки сохранили следы композиционных построений: оси симметрии, силовые линии, ритмические связи, свидетельствующие о высокой композиционной культуре и профессиональном характере шергинского творчества. В рисунках к сборнику «У Архангельского города, у корабельного пристанища» и к партитуре «Сказки о дивном гудочке» Шергин нестесненно, полноценно и полновесно проявил все грани своего художественного дарования. Небольшие по размеру эти работы выглядят монументально. Композиционно и стилистически они безупречны.

Не любо – не слушай. Текст собран О. И. Капица. Рисунки художника Б. Шергина.³⁸ М.: Библиотечка журнала «Дружные ребята». Издательство «Крестьянская газета». 1927.

Книжка «Не любо – не слушай» вышла в 1927 г. в серии «Библиотечка журнала “Дружные ребята”». В этой книжке собраны Ольгой Иеронимовной Капица детские песенки, считалки, прибаутки, скороговорки, перевертыши, загадки, частушки. Книжка-малютка, размером с ладонь, оформлена и проиллюстрирована Борисом Викторовичем Шергиным, чья фамилия случайно искажена на авантитуле книги. Рисунки в два цвета: черный и оранжевый. На обложке под крупным шрифтовым названием изображены трое пляшущих малышей. Вся книжка производит ладное, цельное впечатление. Задорные и в то же время спокойные, культурные рисунки. В стилистике этих рисунков – простота и лапидарность, идущие от русской иконописи и лубка, у всех изображенных предметов и героев есть ясная, простая и индивидуальная графическая характеристика, скульптурная осязаемость форм. В ансамбле книги нет ни одного повторяющегося композиционного приема, на столь малом пространстве

³⁵ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 357, л. 18.

³⁶ С. В. Протопопов выполнил переложение на ноты напевов старин, включенные в первую книгу Б. В. Шергина «У Архангельского города, у корабельного пристанища». «Сказка о дивном гудочке» – тоже совместная работа Б. Шергина и С. Протопопова: на первой странице партитуры указано: «Текст сказки и напев гудочка Б. Шергина».

³⁷ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 359, л. 41, 65.

³⁸ На авантитуле издания ошибочно набрано: «Рисунки Б. Шергина».

художник явил изобретательное разнообразие компоновки разворотов. Все элементы внутреннего оформления хорошо согласованы друг с другом.

В архиве Бориса Шергина в Рукописном отделе ИРЛИ хранятся также два листа с эскизами обложки (лицевая часть и «спинка») к книге О. И. Капицы «Детские песенки». ³⁹ На лицевой стороне обложки рисованным шрифтом писано: «О. Капица. Детские песенки. С рисунками Б. Кустодиева». «Спинка» обложки украшена орнаментальным «картушем» из барочных завитков. Рисунки к обложке рисованы в два цвета – красный и синий. Шрифт исполнен в характерном для Шергина барочном стиле. Вокруг названия – хоровод из завитков-ракушек, еще один излюбленный шергинский изобразительный мотив. В каждую ракушку вписана фигурка мальчика в замысловатой и подвижной позе. В трактовке мальчишеских фигурок ярко явлена особенность изобразительной манеры зрелого Шергина: совмещение архаических традиционных форм и живой, эмоционально выразительной пластики. Указанная на обложке фамилия художника Б. М. Кустодиева, показывает, что, во-первых, Б. Шергин мог быть знаком с этим замечательным художником (чему не находится пока других подтверждений⁴⁰), а во-вторых, позволяет установить, что эскиз к «Детским песенкам» исполнен до 1927 г. – года смерти Кустодиева. Возможно, его кончина и стал причиной невыхода книжки. Эскиз обложки Б. Шергина к «Детским песенкам» остался незавершенным.

Копии и зарисовки с произведений народного декоративно-прикладного искусства

Шергин не только коллекционировал предметы декоративно-прикладного искусства, но и зарисовывал их. В его архиве в ИРЛИ хранится множество таких зарисовок. В примечании к своим рисункам автор писал о себе в третьем лице: «Записывая произведения народного устного слова, Шергин всегда зарисовывает обстановку, в которой бытует искусство словесное (северное зодчество, бытовая живопись, резьба и т. п.)». ⁴¹ Примечательно, что, зарисовывая интересующие его образцы народного художества, он не буквально копировал их, а сразу «беллетризировал» на свой лад, т. е. подчинял их собственным творческим задачам, своей изобразительной системе и эстетике. Его метод трансформации исходного изобразительного материала наглядно виден при сопоставлении рисунков пинежской крестьянки Соломонины Черной и вольных копий с них Шергина. ⁴² Изобразительный метод художника Шергина тождествен его писательскому методу. В литературной, а ранее – в устной своей сказительской практике Шергин брал в исходном материале лишь фавулу,

³⁹ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 358, л. 17; № 357, л. 25.

⁴⁰ В папке с фотографиями из архива Б. В. Шергина (РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 370, л. 14) есть фотография начала XX в.: художник, похожий на Б. М. Кустодиева, за работой перед мольбертом с картиной. На обороте – надпись пером: «14/X/1, 7 часов вечера. Сейчас ко мне пришли ребята-строгановцы. Идем на лекцию в политехн. музей. Запечатываю эти картинки. Надеюсь, не придется тебе доплачивать. Если тебя, Боря, будет кто снимать или ты будешь что интересное – пришли мне снимки. Б.». Может, это следы общения двух Борисов?

⁴¹ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 358, л. 25.

⁴² См.: Шергин Б. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. С. 208, 209, 345, 373, 386, 399, 431.

костяк и подчинял их своей изобразительной системе: усиливал экспрессию, добивался цельности и стилистической отточенности. Статичное и тяжеловесное делал живым и подвижным, сохраняя при этом характер и поэтику первоисточника. Так же и при переработке изобразительных образцов Шергин делал не копию, не механический повтор, а переосмысливал их согласно своей изобразительной системе: придавал им стилистическую законченность и монументальное звучание, наполнял движением и взволнованностью, очищал от лишних деталей, подавляющих конструктивную ясность.

Интересно было бы установить прототип изображения, названного Шергиным «Датская икона (Бог Отец) из старого собора города Колы».⁴³ Парадоксально стилизованная фигура, составленная из разделанных полосками полукружий и закрученных рождками завитков, изображена без титлов и надписаний, с крестчатым нимбом, подобающим Сыну Божьему, с воздетыми как у Оранты руками, с запрокинутой головой в плоской шапочке. Это декоративное изображение, с большой степенью условности могущее называться иконным, тоже, вероятно, подверглось стилистической переработке при переписывании Борисом Шергиным. За неимением прототипа трудно понять, чего в этом изображении больше: декоративного влияния стиля модерн, специфичной скандинавской иконографии или авторской стилизаторской волюнтарности копииста – Шергина.

Некоторые из рисунков с копиями образцов народного декоративно-прикладного искусства, хранящиеся в архиве ИРЛИ, носят законченный и художественно самодостаточный характер, имеют на обороте авторскую подпись с указанием сюжета, места бытования, даты создания объекта копирования и даты исполнения копии. Большинство этих работ оформлены – наклеены на картон, вероятно, они показывались на выставках. Интересна зарисовка створок посудного шкафа из архангельского трактира «Низкой».⁴⁴ Изображена провинциальная галантная сцена: бравый усатый франт дарит букет цветов застенчивой городской красавице. Энергичная и хлесткая изобразительная манера этой трактирной живописи очень созвучна рисовальной манере Шергина в его иллюстрациях к книге «Архангельские новеллы».

Рисунки на полях, каллиграфические этюды

Как большинство писателей, писавших пером, Шергин обильно рисовал на полях своих рукописей. Этот жанр можно отнести к спонтанному, часто неосознанному виду творчества, когда художник «проговаривает» заветное, любимое, глубоко укорененное в сознании. Рисунки на полях зачастую не связаны сюжетно и тематически с литературным содержанием рукописной страницы. Чаще всего встречаются у Шергина такие мотивы: каллиграфические росчерки и виньетки; романтические женские и мужские портретные образы – «добрые молодцы» и «красные девицы»; архитектурно-пейзажные мотивы, по большей части – северные.

⁴³ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 360, л. 16.

⁴⁴ Там же, л. 4.

Шаржи, наброски

В некоторых рисунках, сделанных «для себя» или для разового показа в кругу семьи, Шергин предстает как рисовальщик-реалист и шаржист. С натуры сделаны портретные зарисовки близких ему людей: А. В. Крога, М. А. Барыкина, Миши Барыкина-младшего, А. К. Покровской.⁴⁵ Таков лист с карандашными набросками лица читающего Анатолия Крога.⁴⁶ Его же фигурный портрет, с папиросой в руке, исполнен уже, скорее всего, не с натуры и является собой несколько иной – романтизированный и обобщенный тип портретного рисунка. Интересна серия натуральных набросков с Михаила Барыкина: за чтением в профиль, крупно в $\frac{3}{4}$, большой цветной карандашный портрет в наушниках и др. Серия набросков с четырех-шестилетнего Миши Барыкина-младшего⁴⁷ (на одном из них дата – 1951 г.), с книжкой, игрушкой-паровозом, на велосипеде. Рисунок морячка-мальчика с чертами М. Барыкина, в бескозырке и с моделью кораблика в руках. На обороте рисунка детской рукой написано: «Миша», а на лицевой: «Алоша». Другой рисунок с таким же сюжетом датирован 1952 г.⁴⁸ Миша и Алеша – сыновья М. А. Барыкина.

Отдельную небольшую группу составляют рисунки-юморески, сделанные по памяти вослед каким-то забавным и памятным происшествиям. Такова сцена купания: карикатурно изображены А. В. Круг и М. Барыкин, бегущие из воды, один – с ужасом, другой – весело, вдали – множество толстых голых баб, плюхающихся в воду, на переднем плане – фигура человека, упавшего ниц, в ужасе обхватившего голову, вероятно, – самого Б. Шергина.⁴⁹ Еще один шарж изображает М. Барыкина-старшего и М. Барыкина-младшего, едущих друг за другом на велосипедах, а под ногами у них кошка гонится за курицей.⁵⁰ На другом рисунке подобного жанра, датированном 1930 г.,⁵¹ изображена сцена сбора грибов в лесу. Кроме А. Крога и Б. Шергина, «утерявшего в лесу очки», как следует из подписи, изображены еще собачка и две сборщицы грибов, одна из которых почему-то вышла за грибами в обнимку с подушкой, а в другой, непомерно толстой, узнается актриса, коллега А. Крога по театру, чей образ Шергин запечатлел в серии рисунков-шаржей с репетиции спектакля «Женитьба Бальзамина». ⁵² Эта серия перовых и карандашных рисунков исполнена артистично, в духе иллюстраций к «Архангельским новеллам». Несколько рисунков сатирического характера по мотивам репетиций спектакля «Женитьба Бальзамина» имеют датировку 22.07.1949. В подписях к некоторым из рисунков указаны фамилии актеров, изображенных на них: А. Самарин, Железнякова, Головачёв, Лазаренко, А. Круг (подписан – «Тоша»).

⁴⁵ Там же, № 359, л. 109.

⁴⁶ Там же, л. 78.

⁴⁷ Там же, л. 79–100.

⁴⁸ Там же, № 365, л. 93, 94.

⁴⁹ Там же, № 358, л. 24.

⁵⁰ Там же, № 365, л. 102.

⁵¹ Собрание семьи Шульман. Публ.: Шергин Б. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 447.

⁵² РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 365, л. 5, 6; № 356, л. 1–6.

Иконы, изображения святых

Известно, что Борис Шергин был иконописцем. Дважды он обмолвился о своем иконописании в дневниках: «...Что-де мне иконы! Доски и краски. Я сам их не одну сотню написал!»,⁵³ «...Знаю толк в иконописи, сам иконописец».⁵⁴ Об истоках своего профессионального навыка в иконописании Шергин в 1930 г. сообщает в письме к Ю. М. Соколову: «С 1913 по 1917 г. В Московском Строгановском художеств<енно>-промышленном уч<или>ще; работал в мастерских – живописно-декоративной резьбы по дереву, набойной, эмальерной. Здесь же в музее три года раб<отал> с реставраторами икон».⁵⁵

На сегодняшний день известна только одна иконописная работа Шергина: икона Новгородских святителей Никиты, Иоанна и Нифонта, находящаяся в собрании семьи Голицыных в г. Москве. Икона эта была подарена в 1923 г. Борисом Шергиным Владимиру Голицыну и Елене Шереметевой в день их свадьбы.⁵⁶ Эта небольшая икона аналойного типа. Изображение несет на себе черты лаконичной авторской манеры Шергина. Над фигурами святителей надпись: «Новгородц<и> чудотворци», на нижнем поле между фигурами помещена авторская надпись древнерусской скорописью: «Написал первоучебною сн (сокращение, возможно – собственной. – М. Т.) рукою Борис Викторович Шергиных⁵⁷ в Архангельском городе». Слово «первоучебная» говорит о том, что перед нами – одна из первых икон, написанных Шергиным в его «строгановский» период 1914–1917 гг. Икона писана, по всей видимости,⁵⁸ с соблюдением основных канонических требований к технологии: на левкашенной доске (возможно, без ковчега), яичной темперой на натуральных пигментах (?), с золочением фона; использовано басменное обрамление с так называемых «народных» икон XVIII–XIX вв.⁵⁹

В разрозненном по разным собраниям архиве Б. В. Шергина хранятся листы с иконными прорисьями XVIII в., традиционно служившими образцами для иконописцев. Послужили они в этом качестве, вероятно, и Шергину. Два таких листа находятся в архиве ИРЛИ: св. Иоанн Предтеча – Ангел пустыни и Богородица Словенская,⁶⁰ и один – в собрании семьи Шульманов: св. Иоанн Предтеча (оглавый).⁶¹

⁵³ Шергин Б. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 247.

⁵⁴ Там же. С. 38.

⁵⁵ Там же. Т. 4. С. 422.

⁵⁶ Сообщено автору Иваном Илларионовичем Голицыным. Описание свадьбы В. М. Голицына и Е. Шереметевой и поздравительной речи Б. Шергина на этом торжестве см.: Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1989. С. 172.

⁵⁷ Архаичная форма написания фамилии: «чых? – Шергиных».

⁵⁸ Наше суждение составлено на основе изучения не подлинника, а качественной фотографии иконы Новгородских святителей Никиты, Иоанна и Нифонта работы Б. В. Шергина, любезно предоставленной И. И. Голицыным.

⁵⁹ Хотя исполнителем чеканки на басменном окладе мог быть сам Б. Шергин: одной из специализаций, освоенных им в Строгановском училище, была чеканка по металлу.

⁶⁰ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 365, л. 69 и 73.

⁶¹ Публ.: Шергин Б. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. С. 81.

Представляет интерес группа перовых и карандашных рисунков Шергина с изображениями святых. Таковы изображения иконы Божией Матери Почаевской,⁶² св. Савватия Соловецкого,⁶³ святителя Алексия,⁶⁴ св. Сергия Радонежского,⁶⁵ св. Никона Радонежского,⁶⁶ митрополита Платона⁶⁷ и других неизвестных святых, изображенных графически на отдельных листах или на полях рукописей.

Интересны изобразительные особенности и судьба работы, выполненной в жанре настенных листов, – «Изображение пустыни Великопоженская, иже на Пижме реце». С 1959 г., когда этот лист попал в поле зрения ученых и вошел в научный оборот, и до недавнего времени он считался характерным произведением «печорской школы». Однако факт происхождения рассматриваемого листа из коллекции Б. В. Шергина, а также ряд его изобразительных и композиционных особенностей позволяют выдвинуть версию о том, что автором листа является Шергин.⁶⁸

Как мы отмечали выше, характеризуя архивы, фонды и собрания, в которых могут содержаться работы Шергина, какая-то часть его разрозненного художественного наследия, возможно, хранится в фондах Свято-Данилова монастыря. В 2007 г. на выставке «Живопись и церковь», организованной в музее при монастыре, экспонировалось несколько рисунков Бориса Шергина.

Станковые тематические листы

В 1947 г. Борис Шергин записал в своем дневнике: «Знаю любителей пейзажной живописи. В центре вонючего города, в утробе кирпичного небоскреба, в кабинете развешены произведения пейзажистов. В папках рисунки, офорты... При мертвом свете электричества хозяин смакует тонкость передачи зимних или весенних настроений...»

Я люблю быть сам участником пейзажа».⁶⁹

Станковое искусство как вид индивидуально-авторского, самодостаточного творчества изначально привлекало Шергина меньше, чем декоративно-прикладное, вовлеченное в жизнь художество. Но в ранний, архангельский, период своего творчества он работал и в станковом жанре. Основными темами графических станковых листов Шергина были типы жителей Севера, этнографические сюжеты и старообрядческая тематика.

⁶² Публ.: Там же. С. 13.

⁶³ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 365, л. 64.

⁶⁴ Там же, № 185, л. 216.

⁶⁵ Там же, № 365, л. 76.

⁶⁶ Там же, л. 70.

⁶⁷ Там же, л. 63. А также: *Шергин Б. В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. С. 81. Митрополит Платон (Левшин) не канонизирован Русской Православной церковью, Шергин любил его, писал о нем. Так же об Оптинских старцах, Иоанне Кронштадтском, Андрее Рублеве писал Шергин как о святых задолго до их канонизации.

⁶⁸ См. подробнее об этом: *Плаксина Н. Е., Тычков М. А.* Лист «Великопоженский скит» из собрания Государственного литературного музея: к вопросу о предполагаемом авторстве Б. В. Шергина // *Живая старина*. М., 2019. № 1 (101). С. 53–57.

⁶⁹ *Шергин Б. В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 277.

Показателен перечень художественных работ Шергина, включенных в каталог выставки «Русский Север», проходившей в Архангельске в 1917 г.: «Староверческие епископы (Белокриницкой иерархии)», «Певцы, моленная безпоповская», «Сожжение протопопа Аввакума», «Хотят гореть», «Из истории староверия на Севере», «Образцы рукописного поморского стиля», «Мальчик ижемец», «Обряд плача архангельской невесты», «Слушают былины», «По вере: староверки в молельной», «Бойскауты», «В Никольском устье», «Похороны на островах Двинской дельты», «Деисус», «Композиция в лубочном стиле».⁷⁰

В настоящее время выявлено лишь несколько шергинских станковых работ. В Государственном музейном объединении «Художественная культура Русского Севера», в Архангельске, хранится его акварельная работа «Ненки на поклонении Содеяле» (1911 г.). Во втором томе собрания сочинений Шергина опубликована его акварельная работа «Белая ночь» (1914 г.).⁷¹

Приверженность старообрядческой тематике в ранний период творчества Шергина во многом замешана на юношеском эстетическом максимализме. Молодость всегда революционна, она тяготеет жизнью в настоящем, рвется в будущее, а во времена шергинского детства и юности революционность молодежи была предельной. Шергин был человеком не косным и не реакционным, а подвижным и взволнованным, но у него возникла своеобразная форма «революционности»: уход из настоящего не в будущее, а в прошлое. Молодость ищет свой рай, чаёт его в преображенном ею будущем. Рай Шергина был в прошлом, но только прошлое им мыслилось не утраченным, а живым и длящимся. Поэтика древнего благочестия, народной веры надолго стала центром художественных интересов юного любителя старины, а староверы – главными героями его раннего творчества.

«Протопоп Аввакум на костре»

На небольшом акварельном рисунке⁷² вертикального формата изображен протопоп Аввакум, привязанный к столбу, с поднятой рукой в двуперстном сложении, в другой, привязанной к столбу, – лестовка. Рисунок делался для старообрядческого календаря, воспроизведен на одном из них в 1917 г. Подлинник рисунка хранится в Древлехранилище Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), в альбоме «Протопоп Аввакум в изобразительном искусстве», составленном В. И. Малышевым. В том же альбоме содержится фотография работы иконописца и видного деятеля старообрядчества Я. А. Богатенко «Образ Аввакума протопопа огнем горящего»,⁷³ полностью

⁷⁰ Борис Викторович Шергин: библиографический указатель / Арханг. обл. науч. б-ка им. Н. А. Добролюбова; сост.: В. С. Смирнова, Л. Е. Каршина; науч. ред. Е. Ш. Галимова. Архангельск, 2006. С. 61.

⁷¹ Из собрания семьи Шульман. См.: *Шергин Б. В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. Сказы. С. 401.

⁷² *Б. В. Шергин* «Протопоп Аввакум на костре». Бумага, акварель, белила, кисть, перо. Размер: 11 × 26 см. 1914 г. У рисунка обрезаны боковые края.

⁷³ *Я. А. Богатенко* «Образ Аввакума протопопа огнем горящего». Фанера, гуашь. В медном окладе. Размер: 18 × 40 см. 1919 г. Принадлежала К. А. Капустиной (Рогожский поселок). Опубликовано в 1962 г. в издании «Русский голос» (Лодзь). № 9. С. 6.

повторяющей работу Шергина. Разобраться в вопросе об авторстве первичного извода и о первоначальном характере композиционного решения этого изображения помогла недавно обнаруженная в РГАЛИ, в фонде Ю. М. Соколова⁷⁴ фотография этого же рисунка Б. В. Шергина «Протопоп Аввакум на костре», содержащая на обороте надпись: «Рисунок (зачеркнуто. – М. Т.) эскиз Б. В. Шергина. С него писал картину для старообрядческого института⁷⁵ художник Богатенко». Об этой картине, исполненной для старообрядческого института, сведений пока не обнаружено, но известно о двух копиях с работы Б. Шергина «Протопоп Аввакум на костре», исполненных иконописцем и видным деятелем старообрядчества Я. А. Богатенко. Одна из них, написанная в 1919 г. и названная «Образ Аввакума протопопа огнем горящего», принадлежала К. А. Капустиной из Рогожского поселка, а другую увеличенную копию⁷⁶ этой работы в 1920-х гг. Я. А. Богатенко выполнил для старообрядческого епископа Геронтия (Лакомкина). Цитированная выше надпись с оборота фотографии позволяет утверждать, что работа молодого Бориса Шергина была высоко оценена в старообрядческой среде и послужила маститому иконописцу образцом для копирования.⁷⁷ Фотография рисунка Б. Шергина из архива Ю. М. Соколова сохранила утраченные оригиналом края,⁷⁸ позволяющие оценить композиционный замысел этой работы и прочесть надписи на ней. По бокам арочной рамки, в которой изображен Аввакум, нарисованы два аналоя с Голгофскими крестами и стоящими сверху горящими свечами. На левом от Аввакума аналое лежит раскрытое Евангелие со словами девятой Заповеди блаженства: «Блажен<и> есте егда <п>оносят вас<м> и ижденут и <рекут>...».⁷⁹ Текст, имитирующий древнерусскую скоропись, помещенный справа и слева над аналоями, содержит компиляцию из «Послания братии на всем лице земном» протопопа Аввакума: «<Бра>тия моя <воз>любленная <и вож>деленная <яж>е о Хрис<те> <И>сусе <,> <на вс>ем лице <зем>ном

⁷⁴ РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 2047 (письма Б. В. Шергина Ю. М. Соколову), л. 21, надпись – л. 21 об. Обнаружила этот документ и предоставила нам для изучения З. В. Халтурина, за что выражаем ей сердечную благодарность.

⁷⁵ Старообрядческий богословский учительский институт (полное официальное название – Московский старообрядческий учительский богословский институт при Рогожской старообрядческой общине) – православное богословское учебное заведение Русской православной старообрядческой церкви, действовавшее в Москве с 1911 по 1918 г.

⁷⁶ Я. А. Богатенко «Образ Аввакума протопопа огнем горящего». Холст, масло. Размер: 1,5 × 2 м. Местонахождение этой работы неизвестно.

⁷⁷ Б. В. Шергин и Я. А. Богатенко были знакомы друг с другом (см.: *Рахманова М. П. Яков Алексеевич Богатенко // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 1998. Вып. 6. С. 9: «Тогда, либо позже, Яков Алексеевич записал несколько духовных стихов у прекрасного русского писателя Бориса Шергина, который, кстати, в молодости печатался в старообрядческих изданиях»*), они относились к тому типу художников, которые воспринимали искусство делом соборным, общим, поэтому вопрос об авторских правах и амбициях в их кругу не стоял, вся иконография – и древняя, и новая – считалась общим достоянием.

⁷⁸ На фотографии запечатлена работа, хранящаяся ныне в Древлехранилище ИРЛИ. Края обрезаны и на сфотографированном изображении, так что, возможно, изначальный формат рисунка был шире, а композиция еще обширнее.

⁷⁹ См.: Мф. 5: 11.

<!> Стойте в <древле>предан<ной святы>ми о<т>цы <в вере Христове> тверд<о и незы>блемо <?>дных <?>ер <?>прием<?>». ⁸⁰

На фотографии рисунка внизу видна авторская подпись: «Москва, 1914 г. <-> Борис Шергин». На работе, находящейся в упомянутом альбоме из Древлехранилища, слово «Москва» и фамилия «Шергин» утрачены при обрезании краев (фамилия повторно вписана авторской рукой под именем). Изменение формата рисунка могло понадобиться для удобства размещения его в узком поле календарной обложки.

В обеих известных нам шергинских работах раннего строгановского периода: «Велик Бог земли Русской» (1914) и «Протопоп Аввакум на костре» (1914) – осязательно стилистическое влияние модерна, которое проявляется в некоторой вычурности, стилизаторской ломаности, манерной прихотливости поз. Воспитанники Строгановской школы и все прочие художники, работавшие в «русском стиле», неизбежно сопрягали привычный им изобразительный язык своей эпохи (во времена юности Шергина господствовал общеевропейский стиль модерна) с архаичными пластами национального изобразительного искусства. Для Шергина народный изобразительный язык был родным, но в определенный период и он испытал опосредованное воздействие модернистской эстетики и влияние творческих приемов такого «фольклориста» от искусства, как И. Я. Билибин.

Театральные декорации

Существует несколько письменных свидетельств Бориса Шергина о его работах над оформлением театральных декораций.

Так, в 1921 г. в письме из Архангельска Борис Шергин сообщает: «Работы интереснее в отделе искусств Наркомпроса. Числюсь и в секции живописной. И в литературной, и в театральной. Делаю сейчас эскизы декораций и костюмов к “Феодору Иоанновичу”. Работа интересная». ⁸¹

В московский период жизни Шергин с театром соприкасался чаще и непосредственнее: его «брателко», Анатолий Викторович Крог, был актером и режиссером любительского театра, и Борис Викторович, вероятно, нередко подрабатывал рисованием декораций для его постановок. Дневниковая запись от 24 янв. 1948 г. сохранила упоминание об этом: «Но братишко режиссирует на совесть! <...> Я, конечно, своим ремеслом промышляю: мажу декорации». ⁸²

Небольшой карандашный набросок с эскизом оформления сцены с надписью «Привет участникам смотра» ⁸³ донес до нас следы работы Шергина в этом жанре.

Можно предположить, что рисунок архитектурной композиции, опубликованный во втором томе собрания сочинений Шергина, ⁸⁴ служил эскизом для

⁸⁰ См.: Начало III редакции «Послания братии на всем лице земном» Аввакума Петрова // РИБ. Л., 1927. Т. XXXIX. Стб. 796 (цит. по: *Мальшев В. И.* История икононого изображения протопопа Аввакума // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 391).

⁸¹ Из письма Б. В. Шергина В. Сахарову от 3 июня 1921 г. (Копии писем Б. В. Шергина В. Сахарову – из личного архива Е. Ш. Галимовой).

⁸² *Шергин Б. В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 313.

⁸³ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 359, л. 37.

⁸⁴ *Шергин Б. В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 28–29.

какой-то театральной декорации. Об этом свидетельствует ряд специфических особенностей этого рисунка: фасад двухэтажного здания вытянулся во всю длину горизонтального формата, уходя в глубину небольшими уступами, как плоская ширма, а крупное, «портретное» изображение здания, исторический характер которого создает антураж эпохи XVIII в., декоративная густота, своей монотонностью придающая изображению фоновое звучание, характерны для сценического «задника».

Шрифты

Шрифтовые работы Бориса Шергина являют изрядное разнообразие форм и показывают его профессиональную искушенность в этом виде искусства. Основным стилистическим истоком для многочисленных шергинских шрифтовых опусов служило искусство Петровской эпохи и русского барокко, восходящие к древнерусской рукописной традиции.

Как и во многих других изобразительных жанрах, в работах со шрифтом Шергин стремился всячески преодолеть статичность и вялость форм, от чего все его шрифты динамичны, летучи и подвижны. Со шрифтами Шергин работал вольно – не как типограф, а как художник, т. е., рисуя каждую букву, он всегда чуть менял ее облик, пропорции, начертание, трансформировал буквенную графему в зависимости от конкретной творческой задачи. Обилие витиеватых засечек и выносных элементов у букв, рисованных Б. Шергиным, не только сообщало им декоративную выразительность, но и графически связывало букву с плоскостью листа. В декорировании шрифтов Шергин всегда соблюдал меру и вкус, следуя своей установке на конструктивность и ясность, избегал вычурности.

Интересна серия листов с эскизами заглавных букв, хранящаяся в архиве ИРЛИ.⁸⁵ Здесь представлены разнообразные буквенные заставки, где буквы вписаны в различные изображения: чаек, летящих гусей, северного деревенского дома, кораблей, обрывистого морского берега, рыб или башен древнерусского города, сочетаются с рисованными элементами: каллиграфическими росчерками, псевдогравировальной штриховкой, обрамлениями из барочных виньеток – «ракушек». Эти эскизы, мастерски исполненные пером и тушью, вероятно, предназначались для какой-нибудь книги по северной тематике. Может быть, это следы работы над книгой «Народ-художник» или «Океан – море русское».

Декоративно-прикладное искусство.

Роспись по дереву, резьба по дереву.

Макеты деревянного зодчества

«С юных лет пленило меня искусство, которое ограничительно именуют декоративным и спесиво отлучают от “чистого искусства”. (Это «декоративное» искусство жило еще «от праотцев» в нашем поморском быту...)»⁸⁶ – писал в своем дневнике Борис Шергин.

⁸⁵ РО ИРЛИ, ф. 278, оп. 1, № 357, л. 15, 15 об., 16, 16 об., 17. Публ.: Шергин Б. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 80, 210, 238, 286, 438.

⁸⁶ Шергин Б. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 374.

Декоративно-прикладное искусство было для Шергина главным полем художественного творчества и той частью его единого *художества*, которое мыслилось им как важная составная часть повседневного обихода, не как приложение к жизни, а как продолжение жизни и украшение ее, овеществленная радость бытия. Он был наследником и продолжателем традиции народного искусства, которое создавалось не в силу необходимости или профессиональной привычки, а от избытка радости, как воплощение мечты о красоте. Шергин писал об этом в своем дневнике так: «...красота, рождающая в человеке чувство радости, понуждающая человека к творчеству, существует помимо нашего признания или непризнания. Искусство и поэзия созданы радостью о красоте».⁸⁷

Известно, что Б. Шергин расписывал шкафы, печи, прялки, блюда, ложки, туеса, изготавливал модели кораблей, северных домов и церквей. Существуют свидетельства о том, что всё внутреннее пространство небольшого двухэтажного особнячка, где размещался Институт детского чтения Наркомпроса, было расписано Шергиным.⁸⁸

Сегодня опубликовано лишь одно произведение Бориса Шергина в жанре росписи по дереву: это расписная филенка от шкафа с изображением Михаила Ломоносова, находящаяся в собрании семьи Шульманов в Москве.⁸⁹ Две филёнки, вероятно, от того же шкафа, целиком расписанного Борисом Викторовичем, хранятся в собрании семьи писателя и художника Ю. И. Ковалья. В своих воспоминаниях о Б. В. Шергине «Веселье сердечное» Юрий Коваль так описывает шергинскую живопись на дереве: «Единым взмахом кисти, смело, артистично были написаны эти волшебные филенки. На одной изображен был корабль под парусами, плывущий в волнах и цветах. Матросы в красных кафтанах, румяные да усатые, браво глядели вдаль, правили “в голомя”, в открытое море. А на другой филенке – любезная парочка, франт и франтиха, окруженные дивными цветами. Он – в шляпе, в зеленом сюртуке и в парике времен Моцарта протягивает ей запечатанный конверт с любовным посланием. Она – в розовом платье, на плечах какие-то сногшибательные пуфы вроде фонарей и юбка, возможно, а-ля помпадур».⁹⁰

А так описывает сам Борис Викторович в дневнике свою работу над росписью столешницы: «...Когда я брел по талой тропинке и сел на пенешек, а надо мной трепетала осинка еще неопавшими листьями, и узорным рядком, темнея по белому склону, стояли молоденькия елочки, и кисти рябины краснели над серой избушкой, неизъяснимая радость обволодела всем моим духовным существом. Надо было что-то делать, в чём-то излить свое веселье. Тетрабочка и огрызок карандаша были с собою. Я стал записывать... А дома вижу шадровитую столешницу, бесцветные филенки дверей и шкапов. Дай, думаю, я вас весельем своим развеселю! Зашпаклевал, загрунтовал. А потом два дня

⁸⁷ Там же. С. 381.

⁸⁸ См.: *Шульман Ю. М.* Борис Шергин: Запечатленная душа. М.: Фонд Бориса Шергина, 2003. С. 111.

⁸⁹ См.: *Шергин Б. В.* Собр. соч.: в 4 т. Т. 2. С. 332.

⁹⁰ *Коваль Ю. И.* Веселье сердечное. С. 281.

расписывал. Выйду на крылечко, послушаю, как кричат галки над гумном, как вздыхает за бревенчатой стеной Буренка. Погляжу, как нарядна черно-тальная дорожка по белому-го скагу горы, как изящен серебро-серый рисунок изгороди, как тонко вырисованы ветви дерев на фоне небес, тускло отражающих “первый снег”, покрывавший русские поля. Нагляжусь, наслушаюсь и дома на белой отлевкашенной столешнице напишу “Лавру”, розово-амарантовым колером и мумией намалюю башни, стены, высокую компанеллу. Потом ультрамариновые купола Грозновского собора и золотою вохрою шапку собора Троицкого. А оконца и воротца черными глазками глядят у меня с белых стен. А по краям черным же цветом подобающие литеры-пояснения вкратце. И по углам кину букеты роз. Столешница дня в два у печки сохнет. Тогда лаком выкрою. Хлеб-соль есть на таком столе приятно».⁹¹ Была ли расписана эта столешница или нет, неизвестно,⁹² но в приведенном выше описании раскрыта механика шергинского творчества, сохраненное им на всю жизнь отношение к художеству как к овеществленной радости.

Изобразительное наследие Бориса Викторовича Шергина, несомненно, заслуживает внимательного и бережного изучения.

Библиографический список

1. Борис Викторович Шергин: библиографический указатель / Арханг. обл. науч. б-ка им. Н. А. Добролюбова; сост.: В. С. Смирнова, Л. Е. Каршина; науч. ред. Е. Ш. Галимова. Архангельск, 2006.
2. Голицын С. М. Записки уцелевшего. М., 1989.
3. Каменский В. Иван Болотников. М.: Сов. писатель, 1934.
4. Капица О. И. Не любо – не слушай. М.: Библиотечка журнала «Дружные ребята». Издательство «Крестьянская газета». 1927.
5. Коваль Ю. И. Опасайтесь лысых и усатых. М., 1993.
6. Мальшев В. И. История икононого изображения протопopa Аввакума // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 382–401.
7. Плаксина Н. Е., Тычков М. А. Лист «Великопоженский скит» из собрания Государственного литературного музея: к вопросу о предполагаемом авторстве Б. В. Шергина // Живая старина. М., 2019. № 1 (101). С. 53–57.
8. Протопопов С. «Сказка о дивном гудочке» для голоса и фортепиано, соч. 7. М.: Муз. сектор ГИЗ, 1926.
9. Северный текст русской литературы. Структура и контекст: Сб. ст. Архангельск: КИРА, 2018. Вып. 4.

⁹¹ Шергин Б. В. Собр. соч.: в 4 т. Т. 3. С. 288.

⁹² Примечательно, что яркая и памятная эта история творческого восторга, вылившегося в роспись столешницы, записана Борисом Викторовичем Шергиным в летние месяцы, хотя повествует о зимнем событии. Это наводит на мысль о том, что перед нами пример «умного рисования», а не описание реального творческого акта. Ю. Коваль посещавший в конце 1960-х гг. хотьковское прибежище Шергина, не мог бы не заметить расписную столешницу и не упомянуть о ней.

10. Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1966. Т. XXII: Взаимодействие литературы и изобразительного искусства в Древней Руси.
11. *Тычков М. А., Галимова Е. Ш.* Новое о Борисе Шергине. Биографические сведения, изобразительное творчество. Архангельск, 2018.
12. *Шергин Б. В.* Архангельские новеллы. М.: Сов. писатель, 1936.
13. *Шергин Б. В.* Собр. соч.: в 4 т. М.: НО «ИЦ «Московведение»», 2012–2015.
14. *Шергин Б. В.* У Архангельского города, у корабельного пристанища. М.; Пг.: ГИЗ, 1924.
15. *Шергин Б. В.* У песенных рек. М.: Гослитиздат, 1939.
16. *Шульман Ю. М.* Борис Шергин: Запечатленная душа. М.: Фонд Бориса Шергина, 2003.

Н. А. Прозорова

К ИСТОРИИ ЗНАКОМСТВА ОЛЬГИ БЕРГГОЛЬЦ И АННЫ ГАНЗЕН

Аннотация: В статье проанализирован новый материал о встрече О. Ф. Берггольц с переводчицей А. В. Ганзен в Доме творчества ленинградских писателей в Детском Селе в марте–апреле 1941 г. В работе впервые приводится новонайденный текст стихотворения Ганзен «Вот ведь ты какая» из архива переводчицы, хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Стихотворение, посвященное Берггольц, представляет собой яркий поэтический портрет будущей музы блокадного Ленинграда, созданный Ганзен накануне войны.

Ключевые слова: А. В. Ганзен, О. Ф. Берггольц, Дом творчества, Детское Село, стихотворение, дочь Ирина, репрессии.

Abstract: The article introduces a new material about the meeting of O. F. Berggoltz with the translator A. V. Hansen in the House of Creativity <Dom tvorchestva> of Leningrad writers in Detskoye Selo in March-April, 1941. The work contains the text of Hansen's poem «That's What You Are After All» <«Vot ved' ty' kakaya»> newly discovered in her archive, which is stored in the Manuscript Department of Pushkin House. The poem dedicated to Berggoltz and created by Hansen on the eve of the war is a vivid poetic portrait of the future Muse of the besieged Leningrad.

Key words: A. V. Hansen, O. Berggoltz, poem, House of creativity (Dom tvorchestva), Detskoje Selo, daughter Irina, repressions.

Ольга Берггольц познакомилась с переводчицей скандинавской литературы, Анной Васильевной Ганзен (урожд. Васильевой; 1869–1942), в Доме творчества ленинградских писателей в Детском Селе весной 1941 г.

Анна Васильевна и ее муж, П. Г. Газен (1846–1930), были известны современникам как превосходные переводчики Г. Ибсена, Х. К. Андерсена, Б. Бьёрсона, К. Гамсуна, А. Стриндберга и др.¹ После отъезда в 1917 г. П. Ганзена в Данию Анна Васильевна осталась в России, продолжала переводческую деятельность в издательстве «Всемирная литература» (входила в редколлегию), активно работала в секции переводчиков при Ленинградском отделении

¹ Подготовленное ими Полное собрание сочинений Г. Ибсена в 8 т. (М., 1903–1907) было удостоено Пушкинской премии Академии наук. Впервые Ганзены перевели с датского (а не с немецкого, как это практиковалось раньше) Х. Андерсена. «Благоухающая поэзия Андерсена впервые предстала читателям во всей своей чарующей прелести, – писал Ганзену издатель И. И. Горбунов. – Если бы лучшие писатели мира нашли бы себе таких переводчиков, то это подняло бы вкус к ним общества» (цит. по: *Брауде Л. Ю.* По волшебным тропам Андерсена. СПб., 2008. С. 45).

Союза писателей.² «Анна Васильевна Ганзен, с которой я теперь все ближе знакомлюсь на работе, – писал в дневнике 10 нояб. 1933 г. К. И. Чуковский, – выступает передо мною все ярче. Бескорыстный, отрешившийся от всякого себялюбия, благодушный, феноменально работающий, скромный человек, отдающий каждую минуту своей жизни общественной работе – заботе о других, несет на своих плечах всю Детсекцию, мы в Горкоме писателей хотели ее премировать, но она и слышать не хочет»».³

Весной 1941 г. Ганзен находилась в Доме творчества, куда не позднее 26 марта приехала Берггольц в надежде восстановиться после перенесенной накануне невралгии. Впрочем, невралгия была лишь частью ее общих психофизических недугов: врачи рекомендовали ей обратиться к психиатру, и Ольга Федоровна ехала в Детское (с 1937 г. – г. Пушкин), размышляя о своем состоянии. Оснований к тяжелому эмоционально-психическому надлому было предостаточно: смерть восьмилетней дочери Ирины в 1936 г. от болезни сердца,⁴ допросы по «делу Авербаха» и последующие репрессии в 1937 г., арест по сфабрикованному обвинению в контрреволюционной деятельности («попытках убить т. Жданова») и тюрьма в 1938–1939 гг. – последствия этих горестных событий Берггольц не удалось изжить до конца своих дней, но весна 1941 г. была для нее особенно «горюче» кризисной. В это время Ольга Федоровна окончательно потеряла надежду на то, что власти «все объяснят», «что освободят, если не всех, то хоть очень многих»,⁵ и свое мироощущение определяла замкнутым кругом, в котором только «Смерть, тюрьма, тюрьма, смерть».⁶

Но приезд в Дом творчества не только не успокоил ее, но что она, вероятно, надеялась, а еще больше разбередил незаживающие раны, поскольку сам топос – Детское Село – имел в судьбе Берггольц весьма драматические коннотации. 26 марта 1941 г. она писала в дневнике:

«Сейчас я в доме творчества, в Детском. В этом доме я дважды умирала: первый раз, когда пришла просить у Толстого (Толстой А. Н. – Н. П.) машину, чтобы увезти Ирку в больницу.⁷ Я сказала Толстой (Толстая Л. И.⁸ – Н. П.) –

² Сама А. В. Ганзен перевела произведения приблизительно ста авторов, в том числе Ф. Шиллера и В. Шекспира. См. о ней подробнее: *Стреблова И. П.* Ганзен Анна Васильевна // Русские писатели: 1800–1917: биограф. словарь. М., 1992. Т. 1. С. 521.

³ *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Дневник 1922–1935. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2006. С. 521 (запись от 10 нояб. 1933 г.).

⁴ Ирина, дочь Б. П. Корнилова и Берггольц, родилась 13 окт. 1928 г., умерла 14 марта 1936 г. от фиброзного эндокардита.

⁵ *Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 2: 1930–1941 / сост., текстол. подгот., подбор ил. Н. А. Стрижковой; вступ. ст. Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой; коммент. Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. М.: Кучково поле, 2017. С. 613.

⁶ Там же. С. 611.

⁷ С февраля 1936 г., когда у Ирины началось обострение эндокардита, Берггольц наняла комнату в Детском Селе, где поселила дочь со своей матерью, М. Т. Берггольц, и няней. Состояние Ирины ухудшалось, 1 марта ее обследовал педиатр А. Ф. Тур и посоветовал везти в больницу. Берггольц колебалась, но 10 марта отвезла Ирину в больницу.

⁸ Упоминается *Толстая* (урожд. Крестинская, в 1-м браке Баршева) *Людмила Ильинична* (1906–1982) – четвертая жена А. Н. Толстого.

“Моя дочь умирает, дайте мне машину”, – и поняла, что она действительно умирает.

Со смертью ее началась моя смерть, тем более, что Я, я виновата в смерти Ирочки. И весь мир стал смертен.

Второй раз из этого дома меня увезли в тюрьму, и с нее началась вторая смерть, – смерть “общей идеи” во мне. <...> Я круглый лишенец. У меня отнято все, отнято самое драгоценное: доверие к Советской Власти, больше, даже и идея ее...».⁹

В таком состоянии, считая себя «ограбленным человеком», Берггольц продолжала работать. 1 апр. в Детском она написала вторую часть знаменитого цикла «Аленушка», говоря ее же словами, «стихотворение, которого сама боюсь».¹⁰ Уже в первой его строчке «Голосом звериным, иступленная...»¹¹ – слышался яростный зов о помощи «оболганного, обманутого», запутавшегося в «черной тине», почти «погубленного» человека.

Она продолжала вести дневник и в тот же день поместила в него гневную инвективу по адресу редакторов-цензоров, снявших в журн. «Литературный современник» ее стихотворение «Тост», написанное еще 31 дек. 1939 г. и обращенное к тем, «кто не с нами сегодня», т. е. к находящимся в заключении друзьям.¹² Запрещение публикации Берггольц ощутила как «лязг тюремного ключа там, – напоминание о том, что ты – невольник».¹³

Входя в круг отдохавших в Пушкине писателей, критиков и переводчиков, Ольга Федоровна понимала, что они были осведомлены о перенесенных ею репрессиях. Среди литераторов были и те, кто имел похожий с Берггольц опыт. Так, сама Ганзен была арестована вместе с дочерью в 1919 г. по обвинению в том, что она являлась женой статского советника – П. Г. Ганзена, «который по поручению Временного правительства Керенского уехал в Данию и оттуда не вернулся»,¹⁴ и освобождена лишь после хлопот за нее Л. Б. Каменева и М. Горького. При этом характер общения Берггольц с писателями Дома творчества проходил, судя по дневнику, в легком жанре: по понятным причинам поэтесса не касалась в разговорах мучивших ее вопросов и длительных дружеских привязанностей там не завела.

Краткие записи (меньше страницы) о пребывании Ольги Федоровны в Детском очень характерны для ее дневника. В них присутствует аналитический

⁹ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941. С. 612–613 (ср. разночтения в печатном тексте: «даже к идее ее...» (Берггольц О. Ольга. Запретный дневник: дневники, письма, проза, избранные стихотворения и поэмы Ольги Берггольц / сост. Н. Е. Соколовской. СПб., 2010. С. 41).

¹⁰ Там же. С. 615.

¹¹ В первом, дневниковом варианте: «Голосом звериным, истомленная...» (Там же).

¹² Стихотворение «Тост» («Летит новогодняя вьюга...») впервые опубликовано: Берггольц О. Ф. Стихи и поэмы. М.: «Правда», 1946. С. 7 (без заглавия, в цикле «Три тоста»).

¹³ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941. С. 614.

¹⁴ Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиогр. / отв. ред. А. Ю. Галушкин; сост. Л. Е. Борисовская, О. В. Быстрова и др. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. С. 415.

взгляд на собственное поведение в Доме творчества, выраженный в автохарактеристике – постоянной составляющей дневникового текста Берггольц. Рефлексия распространялась и на писательское окружение: молодой поэтессе было важно уяснить себе, какое впечатление она производила. 13 апр. 1941 г. она писала в дневнике:

«В Детском, в доме творчества, ко мне очень хорошо все относились (или это опять мое очередное заблуждение?). Нет, кажется, я не обманывала их, не казалась лучше, чем на самом деле. Мне приятно было быть доброй, внимательной, у меня была какая-то расположенность к людям. Господи, сколько я слов наслушалась о своем “обаянии”, “красоте”, “уме” и т. д.

Кто-то, кажется Будницкая (Будницкая. – *Н. П.*), говорила мне – “Ты сама жизнь”. Я много смешила их, и удачно.

Вот в этом-то я и обманывала их! Во мне так мертво, так темно, – они и не знают. Но я была весела без натуги, правда... Как-то это уживается вместе: но не скрою, что все это было мне приятно, и слова Гонзен (Ганзен. – *Н. П.*) о моих стихах, и восторги Будницкой...».¹⁵

Но если в зеркале дневника поэтесса казалась себе веселой «без натуги», то взгляд на нее со стороны был более объективным. Анна Васильевна Ганзен была чутка и проницательна: она почувствовала и «неумное сердце» Берггольц, и какое-то глубинное сиротство, и житейскую неприкаянность, а также характерное свойство ее темперамента – эмоциональную неустойчивость, проявлявшуюся в жизни – во внезапных, непредсказуемых поступках, а в беседе – в резких переходах от пафосной речи к почти бранным словам. Уязвимость эмоциональной природы поэтессы Анна Васильевна передала в написанном ею тогда же в Доме творчества стихотворении, начинавшемся словами «Вот ведь ты какая», с помощью глагольного ряда – «бросает», «шатает», «толкает».

То тебя бросает
К трудному, то к легкому,
Без вина шатает,
С выси вниз толкает.

Ганзен угадала и самый «нерв» болезненного состояния молодой женщины – неутраченную боль от потери любимой дочери Ирины. «Немыслимо зафиксировать и выразить ту боль, которую приняла и несу в себе, как результат этих 6,5 месяцев. <...> И все-таки больше даже этой боли – боль об Ирине, – писала Ольга Федоровна, – боль огромная, спокойная, неумолимая, потому что – я виновата. Было такое счастье, как Ира, а я...».¹⁶ Эту неотступную мысль-боль, мысль-казнь Ганзен определила как «нервующую нить»

¹⁵ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941. С. 616 (в записи упоминается филолог, переводчик Миллер-Будницкая Раисель Зиновьевна (1906–1967)).

¹⁶ Берггольц О. Ф. Мой дневник. Т. 2: 1930–1941. С. 335. Ср. разночтения в печатном тексте: «боль огромная, спокойная, *неумолимая* (курсив мой. – *Н. П.*), потому что я виновата» (Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР: документы и комментарии. 1925–июнь 1941. М., 2010. Т. 1. С. 858).

с прошлым, которое никому не под силу исправить. Пронзительная догадка Анны Васильевны –

Может, удержала бы
Детская ручонка?..
Полный грустной жалобы
Голосишка тонкий?.. –

напрямую подтверждается дневниковой записью Берггольц от 23 дек. 1939 г., в которой Ольга Федоровна писала, что именно ребенок (рождение ребенка) представляется ей спасительным кругом, и он мог бы «примирить» ее с жизнью и наполнить ее «действительным смыслом».¹⁷

Первая встреча Ольги Федоровны с Ганзен, как уже отмечалось, произошла в Доме творчества, и до этого они, похоже, не пересекались ни по каким писательским делам (неслучайно фамилия переводчицы написана в дневнике Берггольц с ошибкой), да и начальная строчка стихотворения «Вот ведь ты какая» свидетельствует о первом, непосредственном впечатлении от молодой поэтессы, возникшем у Анны Васильевны при личной встрече, хотя с ее стихами она могла быть знакома и раньше. Публикуемое стихотворение имеет точную дату 7 апр. – день возвращения Берггольц в Ленинград,¹⁸ что дает возможность предположить, что Ольга Федоровна и Ганзен виделись или попрощались перед отъездом. Приходилось ли им встречаться позднее, неизвестно. Через два с небольшим месяца началась война, а затем блокада Ленинграда, погубившая немалую часть творческой интеллигенции города, среди которой была и Анна Васильевна. Внучка переводчицы, М. Ю. Кожевникова, вспоминала: «В конце марта бабушке стало совсем плохо. До этого она пожила в стационаре Дома писателя, но, по-видимому, все было так безнадежно, что оттуда она вернулась еще более ослабевшей. Туда я везла ее на санках, и она сидела сама. А обратно мне пришлось все время поддерживать ее за спину. 1 апреля 1942 года в ночь она скончалась».¹⁹

О дальнейшем «жестокоем расцвете» Берггольц Анне Васильевне узнать было не суждено. Но в предвоенном стихотворном портрете поэтессы, который оставила нам Ганзен, уже просвечивает образ будущей музы блокадного Ленинграда.

Текст стихотворения приводится впервые по автографу А. В. Ганзен, хранящемуся в архиве переводчицы ф. 702 (фонд не обработан) в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

¹⁷ Запись см.: *Берггольц О. Ф. Мой дневник*. Т. 2: 1930–1941. С. 571. Напомним, что у Ганзен было свое материнское горе: не так давно она лишилась сына – Льва Петровича Ганзена, расстрелянного 5 нояб. 1937 г. по так называемому списку немецких шпионов № 1.

¹⁸ Ср. запись в дневнике: «13.IV.41. Вот я опять в Ленинграде. Да и давно уже, с седьмого числа» (*Берггольц О. Ф. Мой дневник*. Т. 2: 1930–1941. С. 615).

¹⁹ *Кожевникова М. О моей бабушке // Голоса из блокады: ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944) / сост. З. Дичаров. СПб.: Наука, 1996. С. 143.*

Ольге Б.

Вот ведь ты какая –
Сердце неумное,
Голова шальная!
Вся ты – как чужая,
Сирота бездомная!
Притулиться не к кому!
То тебя бросает
К трудному, то к легкому,
Без вина шатает,
С выси вниз толкает.
Может, удержала бы
Детская ручонка?..
Полный грустной жалобы
Голосишка тонкий?..
Может?.. Может?! Ум тревожит,
Сердце днем и ночью гложет
Мысль – нервущаяся нить,
Мысль о том,
– чего не воротить!

А. Г.

Пушкин, 7/IV 1941 г.

Библиографический список

1. *Берггольц О. Ф.* Мой дневник. Т. 2: 1930–1941 / сост., текстол. подгот., подбор ил. Н. А. Стрижковой; вступ. ст. Т. Ю. Красовицкой, Н. А. Стрижковой; коммент. Н. А. Громовой, Н. А. Стрижковой. М.: Кучково поле, 2017. 824 с.
2. *Брауде Л. Ю.* По волшебным тропам Андерсена. СПб.: Алетейя, 2008. 264 с.
3. *Кожеевникова М.* О моей бабушке // Голоса из блокады: ленинградские писатели в осажденном городе (1941–1944) / сост. З. Дичаров. СПб.: Наука, 1996. С. 132–144.
4. Литературная жизнь России 1920-х годов. События. Отзывы современников. Библиогр. / отв. ред. А. Ю. Галушкин; сост. Л. Е. Борисовская, О. В. Быстрова и др. М.: ИМЛИ РАН, 2005. Т. 1, ч. 1: Москва и Петроград. 1917–1920 гг. 766 с.
5. Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР: документы и комментарии. 1925–июнь 1941. М.: РОССПЭН, Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. Т. 1. 1021 с.
6. *Стреблова И. П.* Ганзен Анна Васильевна // Русские писатели: 1800–1917: биогр. словарь. М.: Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 1992. Т. 1. С. 521.
7. *Чуковский К.* Собр. соч.: в 15 т. Т. 12: Дневник 1922–1935. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2006. 653 с.

Архивные источники

РО ИРЛИ, ф. 702 (арх. А. В. Ганзен); фонд не обработан.

II. ПУБЛИКАЦИИ

**«ЛЮБЕЗНОЙ РОДИНЫ ПРЕКРАСНОЕ СВЕТИЛО!»
(Из переписки П. А. Вяземского с А. Д. Баратынской)**

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
А. В. Дубровского)*

Аннотация: Переписка Петра Андреевича Вяземского с его светской знакомой, переводчицей Анной Давыдовной Баратынской (урожд. княжной Абамелек-Лазаревой; 1814–1889), невесткой поэта Е. А. Баратынского, относится в основном к 1875–1877 гг., когда оба они поселились в Германии. Она приоткрывает нам неизвестные страницы взаимоотношений двух значительных личностей русской истории в последний, наименее изученный период их жизни и творчества. В переписке обсуждаются проблемы издания и продажи сборника стихотворений Вяземского в Германии, история с потерянными письмами императрицы Елизаветы Алексеевны, газетная полемика по славянскому вопросу и др.

Ключевые слова: П. А. Вяземский, А. Д. Баратынская (Абамелек-Лазарева), Германия, переписка, письма императрицы Елизаветы Алексеевны, славянский вопрос, Русско-турецкая война.

Abstract: The correspondence of Petr Andreevich Vyazemsky, with his high society friend, the translator Anna Davydovna Boratynskaya (nee Princess Abamelek-Lasareva; 1814–1889), sister-in-law of the poet E.A. Boratynsky, refers mostly to the years 1876–1877, when they both live in Germany. It reveals to us the unknown story of relations between the two important figures of Russian history in the last, the least studied period of their life and creativity. The correspondence discusses the problems of the edition and the realization of poems of Vyazemsky in Germany, the mystery with the lost letters of the Empress Elizaveta Alekseevna, a newspaper controversy on the Slavic question etc.

Keywords: Petr Vyazemsky, Anna Boratynskaya (Abamelek-Lasareva), Germany, correspondence, letters of the Empress Elizaveta Alekseevna, the Slavic question, Russian-Turkish war.

Переписка поэта пушкинского круга Петра Андреевича Вяземского (1792–1878) с Анной Давыдовной Баратынской (урожд. княжной Абамелек-Лазаревой; 1814–1889), талантливой переводчицей русской поэзии на европейские языки и европейских поэтов на русский, имеет огромное значение для мировой культуры. Публикуемые письма приоткрывают нам неизвестные страницы взаимоотношений двух значительных личностей русской истории, главным образом в последний период их жизни и творчества, когда оба они переселились из России в Германию. Имя Вяземского традиционно связывают с «золотым веком» русской литературы. Но после смерти Пушкина Вяземский прожил более сорока лет и написал множество замечательных стихотворений, статей, вел записные книжки, где фиксировал не только важные события личной и общественной жизни, но и мимолетные разговоры, размышления,

анекдоты, в которых, цитируя самого поэта: «жизнь играет роль писца».¹ В своей совокупности публикуемая переписка в значительной степени дополняет сюжеты записных книжек Вяземского.

Анна Давыдовна Абамелек² хорошо известна как адресат изящного пушкинского послания: «Когда-то (помню с умилением...», записанного в ее альбом 9 апр. 1832 г.³ и вошедшего впоследствии во все собрания сочинений поэта, начиная с посмертного издания.⁴ Имя юной армянской княжны читающая публика узнала годом ранее, когда были опубликованы переведенные ею на французский язык поэма И. И. Козлова «Чернец»⁵ и стихотворение А. С. Пушкина «Талисман», положенное на музыку композитором Н. С. Титовым.⁶ Восточная красота, принадлежность к старинному армянскому княжескому роду, образованность и свободное владение иностранными языками (она знала английский, французский, немецкий, армянский и грузинский) восемнадцатилетней девушки обратили на нее внимание царской семьи. 20 апр. 1832 г. Николай I подписал указ: «Княжну Анну Абамелек всемилостивейше пожаловали мы во фрейлины к ея императорскому величеству любезнейшей супруге нашей».⁷ Вскоре юную княжну представили императрице Александре Федоровне. В Зимний дворец Анна приехала из родительского дома в Москве, где продолжала жить до своего замужества. 27 мая 1833 г. вместе с отцом Давыдом Семеновичем (1774–1833), матерью Марфой Екимовной (Иоакимовной) (урожд. Лазаревой; 1788–1844) и младшей сестрой Екатериной (1817–1892) на пароходе «Николай I» она отправилась в заграничное путешествие. Семья сопровождала больного отца в Богемию на карлсбадские воды.⁸ Среди пассажиров пироскафа «Наследник», курсировавшего между Петербургом и Кронштадтом, она могла видеть Пушкина, провожавшего в Европу своего приятеля С. Д. Киселева.⁹

¹ *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: [в 12 т.] СПб., 1878–1896. Т. 1. С. VIII. (Далее ссылки на это издание приводятся с указанием тома и страницы).

² См. о ней: Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 157–158 (ст. Н. И. Осьмаковой); *Стефанович В.* Переводчица русских и немецких поэтов // Русская литература. Л., 1963. № 4. С. 142–151; *Базиянц А. П.* Над архивом Лазаревых. М., 1982. С. 78–93; *Михайлова О. И.* Портреты А. Д. Абамелек // Временник Пушкинской комиссии. АН СССР. Л., 1986. Вып. 20. С. 65–89; *Скворцова Е.* Живые картины Анны Абамелек. СПб., 2009.

³ РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 181, л. 19 об. Описание альбома см.: *Вацуро В. Э.* Литературные альбомы в собрании Пушкинского Дома (1750–1840-е годы) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 34–35.

⁴ Впервые опубли.: Отечественные записки. 1840. Т. VIII, № 1, отд. III под заглавием: «А. Д. Б...ской».

⁵ «Le moine. Poème le M. Kosloff», intitulé: Чернец. Trad. en prose par M-Ile... М., 1831.

⁶ «Le talisman. Romance russe. Paroles par A. Pouchkine mises en musique par Titoff, traduites en français par M-Ile la Princesse Anne Abamelek» (без места и года).

⁷ Цит. по публ.: *Михайлова О. И.* Портреты А. Д. Абамелек. С. 74.

⁸ *Абамелек Давыд Семенович*, кн., скончался в Дрездене 23 окт. 1833 г. Похоронен в Санкт-Петербурге на Смоленском армянском кладбище.

⁹ См.: Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: в 4 т. / сост. М. А. Цявловский, Н. А. Тархова. М., 1999. Т. 4. С. 53.

В ноябре 1834 г. в Италии во Флоренции произошла встреча Анны с П. А. Вяземским. Поэт посетил Флоренцию с 10 по 25 нояб. по пути в Рим, когда Анна уже собиралась возвращаться в Россию. Живописные виды столицы Тосканы, Палаццо Уффици и галерея Питти с шедеврами Боттичелли, Леонардо, Рафаэля, Микеланджело вкупе с красотой двадцатилетней черноокой армянской княжны вдохновили Вяземского на создание поэтического шедевра – стихотворения «Флоренция»: «Ты знаешь край! Там льется Арно...»:

Она, и стройностью красивой,
И яркой белизной лица,
Была соперницей счастливой
Созданий хитрого резца.
Канова на свою Психею
При ней с досады бы смотрел,
И мрамор девственный пред нею,
Стыдись, завистливо тускнел.

На белом мраморе паросском
Ее чела, венцом из кос,
Переливалась черным лоском
Густая прядь густых волос,
И черным пламенем горела
Очей пылающая ночь;
И южным зноем пламенела
Младая северная дочь. (Т. 4. С. 182)

Вербальный образ «младой северной дочери», созданный Вяземским, прекрасно сочетается с изображением юной Анны, какой мы ее видим на акварельном портрете работы А. П. Брюллова (1835).¹⁰ В Петербурге Вяземский записал в ее альбом еще одно стихотворение: «Любезной родины прекрасное светило!», в котором создал образ «звезды любви, звезды поэзии младой» (Т. 4. С. 176). Помимо стихотворений Вяземского и Пушкина в этом альбоме содержатся стихотворные посвящения С. П. Глинки, И. И. Козлова, С. Е. Раича, А. Н. Муравьева и др.

В ноябре 1835 г. княжна Абамелек вышла замуж за флигель-адъютанта Ираклия Абрамовича Баратынского (1802–1859), младшего брата поэта Е. А. Баратынского. Единственный из братьев Ираклий пошел по стопам своего отца, генерал-лейтенанта Абрама Андреевича Баратынского, преуспев на военной службе. Выпускник Пажеского корпуса, участник Русско-турецкой войны (1828–1829) и подавления Польского восстания (1830–1831), он состоял в свите императора Николая I. Анна Баратынская тем временем осваивала карьеру придворную. Она была обласкана государыней, дружеские отношения связывали ее с великой княгиней Еленой Павловной, она блистала в «живых картинах», разыгрываемых в залах Зимнего дворца. Особенно удавалась ей роль Заремы в «Бахчисарайском фонтане».¹¹

¹⁰ Михайлова О. И. Портреты А. Д. Абамелек. С. 77–82.

¹¹ Там же. С. 83–89.

30 авг. 1842 г. И. А. Баратынский был произведен в генерал-майоры и назначен губернатором Ярославля; 14 марта 1846 г. переведен в той же должности в Казань. Анна Давыдовна становится главной попечительницей всех женских, детских, сиротских учебных и воспитательных учреждений Казани. За свои труды и постоянную заботу о них она в апреле 1856 г. была высочайше пожалована орденом Святой великомученицы Екатерины Малого креста, учрежденного Петром I. 31 дек. 1857 г. император Александр II освобождает И. А. Баратынского от должности казанского губернатора и назначает сенатором. Спустя год с небольшим по возвращении в Петербург И. А. Баратынский скончался (22 апр. 1859 г.) и был похоронен на кладбище Воскресенского Новодевичьего монастыря. Анна осталась вдовой в 45 лет.

Еще при жизни мужа 25 мая 1856 г. из Казани Анна Давыдовна обратилась к Вяземскому с письменной просьбой оказать содействие племяннику ее мужа выпускнику Московского университета Сергею Александровичу Рачинскому (1833–1902) в получении разрешения уехать за границу с целью усовершенствования своих знаний.¹² В марте 1857 г. Баратынская получила послание от Вяземского. Вместе с его стихами и прозой оно было доставлено неким Е. Пуховым, за восстановление которого в должности учителя или смотрителя Казанского учебного округа Вяземский настойчиво хлопотал вместе с вдовой Пушкина Натальей Николаевной и ее вторым мужем П. П. Ланским. В ответном письме Анна Давыдовна выразила благодарность за «милую прозу и прелестные стихи, полные чувства, правды и глубоких убеждений», и обещала принять сильное участие в судьбе опального казанского чиновника.

Последующая переписка велась за границей в Германии. Врачи настойчиво рекомендовали Вяземскому сменить сырой петербургский климат на более благоприятный для его ухудшающегося здоровья. Весной 1873 г. Петр Андреевич вместе с женой Верой Федоровной поселились в маленьком немецком курортном городке Бад-Гомбурге (Homburg vor der Höhe) – «Гомбург пред высотами» – как называл его Вяземский. Они сняли виллу на Кисселеффштрассе, 31 – улице, названной в честь гр. С. С. Киселевой (урожд. Потоцкой), по одной из гипотез, вдохновившей Пушкина на создание поэмы «Бахчисарайский фонтан». Здесь Вяземский провел последние четыре с половиной года своей жизни. Летом он выезжал ненадолго в близлежащие курорты: Бад-Эмс, воспетый им в нескольких стихотворениях, в том числе «Красивый Эмс» (1875) (Т. 12. С. 494–495), Югенхайм, близ Дармштадта, куда приезжала отдыхать императорская семья, Баден-Баден, с которым его связывали печальные воспоминания: там была похоронена его младшая дочь Надежда (1822–1840). Впервые он побывал там весной 1854 г. В записной книжке 21 марта (2 апр.) Вяземский отметил: «Вчера был я в первый раз в жизни в Баден-Бадене. Познакомился с могилою Наденьки и был в комнатах, где жил и скончался Жуковский» (Т. 10. С. 118). Под этим впечатлением было написано стихот-

¹² РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 1–2. Вероятно, при содействии Вяземского Рачинский вскоре уехал в Европу, где продолжил обучение в университетах Германии.

ворение «Баден-Баден» (1854–1855?).¹³ Однажды по приглашению королевы Вюртембергской Ольги (дочери Николая I) Вяземский провел несколько дней в Фридрихсхавене на королевской даче на берегу Боденского озера. Здесь состоялась его встреча с французской экс-императрицей Евгенией (вдовой Наполеона III), которой он посвятил стихотворение «Современная легенда» (Т. 12. С. 496–500). Французский перевод этого стихотворения был послан ей через фрейлину Ольги баронессу Эвелину фон Массенбах (Т. 10. С. 287). В Бад-Гомбурге Вяземским были написаны последние стихотворения, в том числе «Осень 1874 года» и цикл «Хандра с проблесками», начата работа над первым томом Полного собрания сочинений.

Анна Давыдовна поселилась в летней столице Европы – Баден-Бадене. Она жила на вилле Гамильтон, принадлежавшей шотландскому аристократу герцогу Уильяму Гамильтону.¹⁴

Здесь происходит ее возвращение к активной литературной деятельности. Баратынская переводит стихи европейских поэтов на русский язык. В «Вестнике Европы» (1874–1877) появляются ее переводы из «Книги песен» Г. Гейне, «Ирландских мелодий» Т. Мура, стихотворений Г. Лонгфелло, Э. Гейбеля, А. Проктер и других, подписанные инициалами «А. Б.».¹⁵ В то же самое время в Германии на русском языке она издает «Переводы немецких, английских и французских стихотворений» (Баден-Баден, 1876–1877; 2-е издание вышло в 1882 г.), подписывая их инициалами «А. Д. Б.». В совершенстве владея английским языком, Баратынская перевела для английского читателя лучшие произведения русских поэтов: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. К. Толстого, Ф. И. Тютчева и др. Значительную часть сборника, вышедшего в 1876 г. в Штутгарте под названием «Translations from Russian and German Poets by a Russian Lady»,¹⁶ составили переводы девятнадцати пушкинских стихотворений.

В процессе работы Баратынская, как следует из переписки, неоднократно обращалась за советами к Вяземскому, посылая ему свои переводы. В то же время она постоянно поддерживала творческие замыслы Вяземского, искренне сожалела о том, что его собственные стихи переводятся на французский язык прозой: «Я бы на Вашем месте не позволила переводить прелестные стихи

¹³ В дороге и дома. Собрание стихотворений князя Вяземского. М., 1862. С. 141–143 (под заглавием: «Баденские воспоминания»).

¹⁴ Вилла Гамильтон в Баден-Бадене построена в 1808 г. по проекту Фридриха Вайнбренера в качестве первого представительного здания за пределами тогдашних городских стен. Здание было заказано богатым деревенским доктором Алоисом Майером, который сдавал его в аренду уважаемым гостям курорта. В 1824 г. великий князь Леопольд купил виллу, поскольку часто посещал Баден-Баден в летние месяцы. В 1843 г. дом был передан великой княгине Стефании Богарне, вдове наследного принца Карла фон Баденского, в качестве вдовьей резиденции. После ее смерти здание перешло в руки ее дочери Марии Амалии и ее мужа Уильяма Гамильтона, 11-го герцога Гамильтона, в честь которого Вилла Гамильтон и получила имя. В настоящее время Дворец Гамильтон принадлежит банку Sparkasse Баден-Баден Гаггену и служит его главным офисом.

¹⁵ Имя переводчицы установила В. Стефанович. См. ее статью: Переводчица русских и немецких поэтов. С. 144–146.

¹⁶ «Переводы русских и немецких поэтов русской леди» (англ.).

прозой, это просто грешно. Переведите прозой хоть *Чильд-Гарольда* или *Дон Жуана* Байрона – и никто не станет читать» (письмо от 24 нояб./6 дек. 1875 г.). Она оказывала содействие в продаже книги Вяземского, вышедшей в Майнце, и подготовке к печати нового сборника стихотворений, о чем также речь идет в письмах.

Публикуемая переписка Вяземского и Баратынской относится в основном к 1875–1877 гг. По своему содержанию она весьма разнопланова: здесь обсуждаются проблемы бытового характера (так, например, Вяземские поручают Баратынской наблюдать за обустройством могилы их дочери «Наденьки», похороненной в Бадене, о чем она дает подробный отчет). Но все же на первом месте стоят вопросы литературы и политики; оба корреспондента внимательно следят за газетной полемикой, развернувшейся по славянскому вопросу, и, будучи во многом единомышленниками, критически высказываются по адресу воинствующего славянофильства.

Отдельный, почти детективный сюжет публикуемой здесь переписки Вяземского с Баратынской составляет история с потерянными письмами императрицы Елизаветы Алексеевны. Основные действующие лица этой истории – помимо самих Вяземского и Баратынской – великий герцог Баденский, Мария Максимилиановна, невестка великого герцога и внука Николая I, российский император Александр II, его супруга императрица Мария Александровна, а также Мария Павловна, жена вел. кн. Владимира Александровича, третьего сына Александра II, урожд. герцогиня Мекленбург-Шверинская. Суть же истории, приоткрывающей завесу над некоторыми тайнами архива Елизаветы Алексеевны, заключается в следующем. Великий герцог Баденский (Гросс-Герцог) требует через Марию Максимилиановну доставить ему (или Баратынской – для последующей передачи баденскому дому) письма Елизаветы Алексеевны, которые, по-видимому, были на тот момент в России и которые Вяземский должен был получить от императрицы Марии Александровны (письмо Баратынской от 24 окт. / 8 нояб. 1876 г.). Из очередного письма Баратынской (от 4 нояб. 1876 г.) следует, что письма Вяземский прежде отсылал «через Государя» (Александра II). Впрочем, приписка на французском языке к этому же письму («Вы можете использовать письма покойной императрицы Елизаветы при условии, что вернете их герцогу Баденскому в целостности и сохранности») позволяет предположить, что Баратынская подозревала, что письма эти на тот момент находились у самого Вяземского. Из письма от 10/22 дек. уже следует, что «письма отыскались». Впрочем, и два месяца спустя они так и не достигают баденского дома, и Мария Максимилиановна все еще просит через Баратынскую «ради Бога возвратить скорее письма Елис. Алексеев. Грос. Герцогу в Карлсруэ» (письмо от 26 янв./7 февр. 1877 г.). А летом 1877 г. письма, оказавшись в руках великой княгини Марии Павловны, которую упорывают в поезде, по-видимому, исчезают.

На настоящий момент нам не удалось расшифровать ряд промежуточных звеньев истории с потерянными письмами Елизаветы Алексеевны. Во-первых, остается неясным, о каких именно письмах идет речь: тех ли письмах к матери, что принадлежали баденскому дому и с которых делались копии для великого

князя Николая Михайловича, опубликовавшего их впоследствии.¹⁷ Действительно, по наблюдению О. Эдельман, оригиналов писем, хранящихся ныне в архиве Карлсруэ, меньше, чем копий, хранящихся в ГАРФ. С другой стороны, известно, что копии для Николая Михайловича делали в Карлсруэ (в архивах имеется помета 1879 г.), и тогда остается неясным, почему они отправлялись в Россию, и непосредственно, императору Александру II. Вместе с тем можно предположить, что речь идет о письмах, которых в копиях Николая Михайловича и вовсе не было – письмах к другим лицам, например, сестре Амалии, или же письмах к Елизавете Алексеевне от матери.¹⁸

Последнее стихотворение, которое Вяземский посвятил Баратынской, – «Еще одно последнее сказанье» («Последние я доживаю дни...») (Т. 12. С. 479). Желая отвлечь престарелого князя от мрачных переживаний и поддержать его творческие силы, Анна Давыдовна 7 мая 1876 г. отвечает ему: «Очень тронута Вашим *Посвящением*, но Вы не отец Пимен! Авось мы еще прочтем и услышим много сказаний Вашего славного пера и благозвучной лиры. В стихах и прозе одинаково светел Ваш ум и свежа Ваша память. Живите, пишите, если Бог даст мне дожить до лета, приеду обнять Вас и Княгиню».

В октябре 1878 г. Вяземский перенес воспаление легких. Здоровье его резко ухудшилось, и Вера Федоровна, следуя поэтическому завещанию мужа:

«Уж если умереть мне на чужбине,
Так лучше здесь,
В виду родных могил...»¹⁹

велела перевезти его в Баден-Баден. Здесь в отеле «Beau Séjour» на Луизенштрассе, 2, его навещала Анна Давыдовна. Ей выпало присутствовать при последних днях поэта. Вяземский скончался 10 нояб. 1878 г. в 11 часов пополудни. В русской церкви на Шиллерштрассе, 5, духовник князя протоиерей Александр Андреевич Измайлов из придворной Крестовоздвиженской церкви в Карлсруэ отслужил панихиду, на ней присутствовали все находившиеся в Баден-Бадене русские во главе с принцессой Баденской Марией Максимилиановной. Согласно воле супруги гроб с телом князя вместе с останками дочери Надежды, погребенной в Баден-Бадене 38 лет назад, был перевезен в Петербург и 13 нояб. 1878 г. после панихиды в Казанском соборе предан земле на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры. Вера Федоровна Вяземская вплоть до смерти в 1886 г. жила в Баден-Бадене на Мария-Викторияштрассе. Она была похоронена вместе с мужем и дочерью. Письма Вяземского после его смерти оказались у сына Павла и были возвращены им Анне Давыдовне с сопроводительным письмом в траурной окантовке:

¹⁷ См.: *Николай Михайлович, великий князь*. Императрица Елисавета Алексеевна супруга Императора Александра I: в 3 т. СПб., 1908.

¹⁸ Приношу сердечную благодарность О. Эдельман, которая высказала ряд ценных соображений, касающихся истории с утраченными письмами императрицы Елизаветы Алексеевны, и поделилась информацией о состоянии ее фонда в архиве Карлсруэ.

¹⁹ «Баден-Баден» // В дороге и дома. Собрание стихотворений князя Вяземского. С. 141.

«С искренней благодарностью возвращаю Вам автографы моего отца. Они лежат у меня два дня в конверте. Мне хотелось их, было, привезти к Вам на дачу, но, к сожалению, не мог улучить минуту, чтобы совершить это путешествие.

Примите уверение в сердечной преданности и глубочайшем уважении Вашего покорного слуги Павла Вяземского.

31 мая 1879».²⁰

Анна Давыдовна Баратынская пережила Вяземского на десять лет. Она скончалась 13 февр. 1889 г. в Петербурге и была похоронена рядом с мужем Ираклием Абрамовичем на Новодевичьем кладбище. По некоторым сведениям, Анна Давыдовна Баратынская перед смертью завещала все свое состояние Воскресенскому Новодевичьему монастырю. После октябрьской революции 1917 г. могилы Баратынских были уничтожены, а место захоронения предано забвению. Спустя почти век благодаря усилиям армянских общественных деятелей и армянской церкви было найдено место, где находились могилы, и 1 окт. 2014 г. в торжественной обстановке был освящен восстановленный надгробный памятник Ираклию и Анне Баратынским.

Дошедшая до наших дней переписка П. А. Вяземского и А. Д. Баратынской в общем объеме составляет 51 письмо: 10 писем Вяземского, хранящихся в Рукописном отделе Пушкинского Дома,²¹ одно письмо – в РГАДА²² и 40 писем Баратынской (в том числе записки и телеграммы) – в РГАЛИ.²³

Публикуемые ниже письма воспроизводятся по автографам, орфография приведена в соответствии с современными нормами.

²⁰ РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 202.

²¹ Там же, № 201.

²² РГАДА, ф. 1609, оп. 1, № 33.

²³ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398.

1. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Kazan le 25 mai 1856

Cher Prince, je viens demander votre puissante protection pour un neveu de mon mari (fils de sa soeur Ratchinsky) jeune homme qui a terminé ses études de la façon la plus brillante avec la grade de maitre-es-arts à l'Université de Moscou, et que le Professeur Fisher désigne comme le meilleur de ses élèves. C. Ratchinsky n'obtient pas la faveur d'être envoyé à l'étranger *aux frais de la couronne*, il sollicite celle d'y aller à ses propres frais. Seulement que le Ministère et l'Université le munissent de lettres de recommandation et des privilèges accordés aux jeunes gens envoyés aux frais de la Couronne. L'ambition de ce jeune homme est d'obtenir avec le temps une chaire de professeur de botanique; vous comprendrez donc le prix qu'il attache à un voyage sous les auspices du gouvernement. Mon mari et moi nous pouvons vous certifier que notre protégé est un garçon qui a reçu une éducation parfaite et des principes qui feront partout honneur à nos Universités. Il parle en perfection quatre langues vivantes, et on le dit très fort en latin.

Chargez-vous cher Prince de mettre une instante prière sous les yeux de Mr. Le Ministre dont la bonté et la justice me sont trop connus pour que je ne compte pas sur son agrément.

Mille amitiés de cœur à la
Princesse et autant pour vous
mêmes de la part
de votre bien dévouée
Annette Baratinsky
T<ournez> S<il vous> p<laît>

Voici une note abrégée de la présentation que l'Université de Moscou doit faire au Ministre.

[ПЕРЕВОД]

Казань 25 мая 1856 г.

Дорогой Князь, я прошу Вашей могущественной поддержки относительно племянника моего мужа (сына его сестры Рачинской), молодого человека, окончившего самым блистательным образом свое обучение в Московском университете, где он получил степень магистра искусств и которого профессор Фишер называет лучшим из своих учеников. С. Рачинский не имел чести быть посланным за границу *за государственный счет*, он испрашивает дозволения отправиться туда за собственный счет. Главное, чтобы министерство и университет снабдили его рекомендательными письмами и теми привилегиями, которые обыкновенно имеют молодые люди, посылаемые за границу за императорский счет. Этот молодой человек мечтает со временем получить кафедру профессора ботаники²; Вы понимаете теперь, почему он придает такое большое значение путешествию, совершаемому при поддержке правительства. Мы с мужем можем Вас уверить, что наш протеже – молодой человек, получивший прекрасное воспитание и который обладает принципами, способными сделать

честь уровню обучения в наших университетах. Он владеет в совершенстве четырьмя языками и, говорят, очень силен в латинском языке.

Соблаговолите, дорогой Князь, адресоваться с просьбой к господину министру, чья всем известная доброта и справедливость позволяют мне надеяться на его участие.

Тысячу сердечных приветов
Княгине и столько же Вам
посылает преданная Вам
Аннетта Баратынская.
Смотрите на обороте
(фр.)

Вот краткий текст представления, с которым университет должен обратиться к министру³

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 1–2 об.

² Речь идет о племяннике И. А. Баратынского *Сергее Александровиче Рачинском* (1833–1902), выпускнике Московского университета (1853), любимом ученике профессора Г. И. Фишера. В 1856 г. С. А. Рачинский действительно уехал в Германию для продолжения учебы. Впоследствии стал известным ботаником и математиком, членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской Академии наук.

³ Текст данного представления в документах А. Д. Баратынской не сохранился.

2. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской¹

<28 февраля 1857 г.>

Позвольте мне, любезнейшая и милейшая Воеводка,² напомнить Вам о себе прозой и стихами. Удостойте мой сердечный поклон и пословное приношение милостивого и черноокого Вашего взгляда. А между тем вот и нижайшая просьба. Вы знаете Г. Пухова³ ближе и лучше меня. Патриотизм Пухова разорил его в пух. Он французов и англичан не видал, а место свое потерял. Про него, можно сказать, *qu'il n'a pas été à la chasse et a perdu sa place*.⁴ Ланские⁵ убедительно и неумолимо о нем просят. Я пишу к попечителю и умоляю его дать, или лучше сказать, возратить ему место в своем округе. Помогите и Вы этому доброму делу силою своего изустного и глазного красноречия и убедительностью сердечного участия. Попросите и любезнейшего Воеводу, которому прошу передать мое дружеское приветствие, подкрепить просьбу мою при генерале Молоствове,⁶ или определить его к другому месту по своему ведомству, если в настоящее время нет вакансии по учебному ведомству.

Жена моя⁷ нежно Вам и генералу кланяется. Припадаю к Вашим ножкам с почтением и неизменною преданностью.

Вяземский
С. Петербург
28 февр. 1857 г.

¹ РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 1–1 об.

² Шутливое обращение вызвано тем, что в 1842 г. муж Анны Давыдовны Ираклий Абрамович Баратынский был назначен военным и гражданским губернатором Ярославля, а в мае 1846 г. переведен генерал-губернатором в Казань.

³ *Пухова* – чиновник Казанского учебного округа.

⁴ ... что он на охоте не бывал, а место свое потерял (*фр.*). Вяземский перефразирует здесь поговорку: *Qui va à la chasse perd sa place*.

⁵ Вероятно, речь идет о Петре Петровиче и Наталье Николаевне (урожд. Гончаровой, в первом браке Пушкиной) *Ланских*, пользовавшихся репутацией людей, сочувствующих чужому горю.

⁶ *Молоствов Владимир Порфирьевич* (1794–1863) – генерал-лейтенант, сенатор, попечитель Казанского учебного округа (22 мая 1847–12 мая 1857).

⁷ Здесь и далее упоминается *В. Ф. Вяземская* (урожд. княжна Гагарина) (1790–1886) – жена П. А. Вяземского с 1811 г.

3. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<28 марта 1857 г.>

Благодарю Вас, любезнейший Князь, за Вашу милую прозу и прелестные стихи, полные чувства, правды и глубоких убеждений, которые я читаю и твержу наизусть с наслаждением.

Все, что можно будет сделать для Е. Пухова, будет исполнено. Еще до отъезда его в Петербург ему предлагали место учителя или штатного смотрителя, но он тогда бредил одним Петербургским мундиром, саблей, и слышать не хотел о другом. Этот восторженный воин на деле пустой и беспокойный человек. *Entre nous soit dit je le crois un peu fou.*²

Поездка в Вятку его свела с ума. Он себя уже видел генералом и чуть ли не более. Теперь несколько успокоился. Хотя влияние моего *черного ока* очень слабо в сравнении с Вашим могучим покровительством, но обещаю Вам и милым Ланским принимать в Пухове посильное участие. Я у него в долгу за то, что он мне доставил Ваше письмо и стихи. Сердечно кланяюсь Княгине, Князю Павлу и его жене.³ Не забывайте нас и будьте уверены, что я и муж дорожим и дружбой и памятью Вашей.

Христос Воскресе!

Анна Баратынская.

Казань

28 марта

1857.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 3–4.

² Между нами говоря, я нахожу его несколько сумасшедшим (*фр.*).

³ Имеются в виду В. Ф. Вяземская, Павел Петрович Вяземский (1820–1888) и Мария Аркадьевна Вяземская (урожд. Столыпина) (1819–1889).

4. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<Б. д.>

J'irai à l'instant même chez la Grande Duchesse et tout ce qui sera en mon pouvoir je le ferai' soyez en sûre. Mille bonjours et mille amitiés.

A. Baratsky.

Je viendrai vous rendre compte de ma visite.

Его Сиятельству Князю Петру Андреевичу Вяземскому.

[ПЕРЕВОД]

Иду сейчас к Великой Княгине.² Будьте уверены, что я сделаю все, что в моих силах. Тысячу приветов и пожеланий.

А. Баратынская.

Я напишу Вам о результатах моего визита (*фр.*).

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 5.

² Вероятно, имеется в виду великая княгиня *Екатерина Михайловна* (1827–1894), дочь вел. кн. Михаила Павловича и вел. кн. Елены Павловны; в замужестве герцогиня Мекленбург-Стрелицкая. Екатерина Михайловна занималась благотворительной деятельностью и была покровительницей нескольких благотворительных учреждений.

5. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<Август 1866>

Телеграмма № 47.

Подано в Ораниенбауме 15 Августа 1866 г. 4 ч. 10. м. по п.

Получено в Александрии 15 Августа 1866 , 4 ч. 20 м. по п.

Во Дворце.² Его Сиятельству Князю Вяземскому.

Их Высочества просят Вас завтра на вечер в Китайский дворец.³

Баратынская.

Верно: Майор Новгородцев

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 6 а.

² Дворец, или Дворец Коттедж, построен в Александрии в неоготическом стиле в 1826–1829 гг. для семейства Николая I (архитектор А. А. Менелас).

³ Китайский дворец – дворец, расположенный в юго-западной части дворцово-паркового ансамбля «Ораниенбаум». Построен по проекту Антонио Ринальди в 1762–1768 гг. для императрицы Екатерины II. Свое название получил благодаря тому, что некоторые его интерьеры отделаны в китайском стиле шинуазри.

6. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской¹

Homburg v. d. Höhe²

28 авг. / 9 сент. 1875

Не знаю, вселюбезнейшая Анна Давыдовна, имеете ли Вы телеграмм от В. К.³ На всякий случай посылаю Вам копию с полученного мною.

Впрочем, может быть, она телеграмма нашего и не получила.⁴ А узнала о нем чрез Г-на Нумерса,⁵ управляющего делами ее, который теперь здесь и кому говорил и о нашем поздравлении. Слово communication⁶ утверждает меня в этом предположении. Как бы то ни было, довольно глупа наша Мюнхенская печать, если она не отправила телеграмма по принадлежности и относится к нам благородным молчанием. Как доехали Вы до своего Баденского очага? Я к своему довольно хорошо.⁷ Жена благополучно совершила свою

благочестивую поездку в Висбаден⁸ – она Вам дружески и нежно кланяется, радуется надежде Вас здесь видеть и ожидает под нашим гостеприимным кровом. Погода здесь великолепная. Многие уже разъехались и разъезжаются. Сезон при последних издыханиях. И мы скоро вступим в свой régime cellulaire.⁹

Передайте мой поклон добрым Баденским людям, которые помнят меня, а в особенности мадам Марченко¹⁰ и Колошину.¹¹ Правда ли, что Соллогуб¹² сюда будет и хочет устроить здесь спектакль? Княгиня Шаховская-Стрешнева¹³ ожидает его.

Неизменно Вам преданный

Вяземский.

Простите мне великодушно мои чернильные страсти. Старость одолела или младенчество: в письме маленько пачкаюсь. Виноват!

¹ РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 3–4 об.

² Бад-Гомбург (Хомбург) фор дер Хёе (Bad Homburg vor der Höhe) – германский город в земле Гессен был в конце XIX – начале XX в. излюбленным курортом российской аристократии. П. А. и В. Ф. Вяземские поселились там весной 1873 г., сняв виллу на Кисселефф-штрассе, 31 (улица была названа в честь гр. С. С. Киселевой, урожд. Поточкой, игравшей в казино Бад-Гомбурга и построившей на этой улице четыре дома).

³ См. п. 4, примеч. 2.

⁴ Речь идет о поздравительной телеграмме. Великая княгиня Екатерина Михайловна родилась 16/28 авг. 1827 г.

⁵ *Нумерс Алексей Федорович* (? – 1887) – сын инспектора Царскосельского лицея Ф. Е. Нумерса, выпускник Лицея V курса 1829 г. Был тайным советником, управляющим двором вел. кн. Екатерины Михайловны.

⁶ Communication (*фр.*) – сообщение.

⁷ Вероятно, Вяземский имеет в виду возвращение его и Баратынской из Фридрихсхавена. См. запись в «Старой записной книжке» от 17 (29) авг. 1875 г.: «Вчера с Баратынкой ездили к Марии Максимилиановне. Не застали. Вечером играли в secrétaire» (Т. 10. С. 281).

⁸ В Висбадене (нынешняя столица земли Гессен), который Вяземский упоминает как место паломничества своей жены, имелась православная церковь Св. Елизаветы, сооруженная в 1848–1855 гг. на горе Нероберг (Неронова гора) герцогом Адольфом-Вильгельмом Нассауским, великим герцогом Люксембургским, в память о своей рано умершей жене вел. княгине Елизавете Михайловне (1826–1845), дочери вел. кн. Михаила Павловича. Рядом с церковью в 1856 г. в Висбадене возникло и русское кладбище, одно из старейших русских православных кладбищ в Европе. См. также статью Вяземского «Освящение церкви во имя Святых Праведных Елисаветы, в Висбадене. 1855» (Т. 7. С. 5–15).

⁹ régime cellulaire (*фр.*) – одиночное заключение.

¹⁰ *Марченко Екатерина Петровна* (1816–1900) – старшая дочь дипломата П. Я. Убри, жена дипломата Ивана Авраамовича Марченко.

¹¹ *Колошин Иван Петрович* (1827–1891) – камергер, дипломат, русский поверенный в делах в герцогстве Баденском.

¹² *Соллогуб Владимир Александрович*, гр. (1813–1882) – прозаик, драматург. Принимал активное участие в подготовке празднования юбилея 50-летней литературной деятельности П. А. Вяземского.

¹³ *Шаховская-Глебова-Стрешнева* (урожд. фон Бреверн) *Евгения Фёдоровна*, кн. (1846–1924) – общественная деятельница, жена эстляндского губернатора, последняя владелица подмосковной усадьбы Покровское-Стрешнево.

7. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Баден Б.
12 сент. 1875

Глубоко тронута Вашим милым вниманием, многоуважаемый Князь, но я уже до письма и депеши отыскала Екат. Мих. и писала о Вас и о нашем безуспешном поздравлении. Отвечая мне, Вел. Княгиня назначает мне свидание в Румпенгейме,² умалчивая о времени. К горю моему, это будет, вероятно, не прежде октября – тогда только удастся воспользоваться и гостеприимным Вашим приглашением и увидеть после долгой разлуки дорогую Княгиню, которую так искренне люблю и уважаю. Приятно и лестно мне думать, что мое посещение доставит Вам удовольствие, для меня же возобновится истинное наслаждение Вас слушать и дивиться Вашей свежей памяти и вовсе не старческому уму. Баденские друзья Вам усердно кланяются, особенно мад. Марченко.³ Он же пустеет и глупеет с каждым днем.⁴ Убри⁵ здесь, Будберг⁶ вернулся и у ног княг. М. Оболенской.⁷ Имп. Августа⁸ приехала. Город воздвиг Императору мраморный памятник, против Trinkhalle⁹ славный бюст Его, работы Копфа.¹⁰ Собирали деньги и с гостей, и Русские отказались наотрез при громком порицании памятника и распорядителей сбора. Итак до свидания, любезнейший Князь! Извините мою дрожащую руку. С некоторого времени я могу писать четко одним карандашом.

От души преданная
А. Баратынская.

Соллогуб уехал на днях. Кажется, в Париж.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 7–8.

² Замок Румпенгейм (Rumpenheimer Schloss) – резиденция графов Кессен-Каслер на берегу реки Майн близ г. Оффенбах. Замок XVII–XVIII вв. с прилегающим к нему парком в начале XIX в. служил местом пребывания для европейских монархов.

³ Имеется в виду Е. П. Марченко (см. примеч 10 к п. 6).

⁴ Вероятно, Баратынская имеет здесь в виду ее мужа И. А. Марченко (1807–?).

⁵ *Убри Павел Петрович*, гр. (1818–1896) – тайный советник, «правая рука» канцлера А. М. Горчакова. В 1871–1879 гг. был русским послом в Германии.

⁶ *Будберг Андрей Федорович* (Андрей Людвиг Карл Теодор фон Будберг), барон (1817–1881) – русский дипломат, действительный тайный советник, посол в Берлине, Вене и Париже. Был женат на младшей дочери П. Я. Убри Марии Петровне Убри (1819–1913), гофмейстерине Марии Павловны, великой княгини, великой герцогини Саксен-Веймар-Эйзенах.

⁷ Речь, вероятно, идет об *Оболенской Марии Александровне* (урожд. кн. Львовой, 1831–1909), дочери гофмейстера, тайного советника кн. Александра Дмитриевича Львова (1798–1806), жене (с 1850 г.) кн. Иродиона Андреевича Оболенского (1820–1891). По словам французского историка Фредерика Лолье, у ног княгини Оболенской находился сам император Вильгельм I. Муж же ее, Иродийон Андреевич, считался безупречным рыцарем, хотя она держала его в повиновении (см.: Заграничные столичные новости и мелочи // Исторический вестник. 1909. Т. 117. С. 350).

⁸ *Саксен-Веймар-Эйзенах Августа-Мария-Луиза-Катерина* (1811–1890) – дочь великой княгини Марии Павловны, приходилась тетушкой Александру III. Супруга императора Вильгельма I, королева Пруссии и первая германская императрица.

⁹ Trinkhalle – павильон минеральных вод.

¹⁰ Имеется в виду бюст кайзера Вильгельма I работы скульптора Йозефа фон Копфа (1827–1903).

8. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской¹

Homburg v.d. Höhe

4 окт. /5 нояб. 1875

Очень я рад, любезнейшая Анна Давыдовна, что угодил Вам присланную моей патриархальной картиной. Но сожалеем, что Вам не удалось посетить Патриархшу и Патриарха.² А они были бы очень рады приветствовать Вас и угостить в своей смиренной куще. Но Вам было не до нас. Вы согрелись у Имперского Солнца и совершенно обнемаркались и опруссачились. За то налагаю на Вас епитимью. В прогулках Ваших зайдите к девицам Маркс³ и проведите, продали ли они что-нибудь из моих книжек, с переводом некоторых стихотворений на французский язык⁴ – и сколько именно и что выручено? Выручка предоставляется бедному переводчику. А знаете ли, что аз грешный воспел Императрицу Евгению?⁵ Вот еще епитимья: мне хочется напечатать эти стихи в Карлсруэ, разумеется, стихи русские. Переговорите о том с Колошиным?⁶ Вы и он могли бы наблюдать за печатаньем и корректуру. Извольте-ка о том подумать и благоволите дать мне ответ. А пока Ваш неизменно преданный Вяземский.

Не знаете ли, где теперь находится гр. Олсуфьева?⁷

¹ РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 5–6.

² Вяземский имеет в виду здесь себя и свою жену.

³ Девушки *Маркс* (*Marx*) – дочери Д. Р. Маркса, владелицы после смерти отца (ок. 1870) его книжного магазина в Баден-Бадене.

⁴ Вяземский имеет в виду сборник стихотворений, вышедший в 1874 г. в Майнце под названием «*Quelques poésies du prince Wiasemski, traduites du russe par Hippolyte Auger*» (Mayence, 1874).

⁵ Речь идет о стихотворении «Современная легенда» (опубл.: Т. 12. С. 496–500), написанном под впечатлением от встречи с французской экс-императрицей Евгенией (1826–1892), вдовой Наполеона III. Эта встреча произошла в 1875 г. в Фридрихсхавене у королевы Вюртембергской Ольги Николаевны, дочери Николая I. Французский перевод стихотворения Вяземский вместе с письмом послал Евгении через баронессу Эвелину фон Массенбах, фрейлину великой княгини Ольги (см.: Т. 10. С. 287).

⁶ См. п. 6, примеч 11.

⁷ *Олсуфьева* (урожд. Миклашевская) *Александра Андреевна*, гр. (1846–1929) – дочь украинского фарфоропромышленника Андрея Михайловича Миклашевского (1798–1895) и Дарьи Васильевны Олсуфьевой, фрейлина императрицы. Ее муж (приходился ей родным дядей) – Алексей Васильевич Олсуфьев, гр. (1831–1915) – генерал от кавалерии, писатель, почетный опекун Московского Присутствия Ведомства учреждений императрицы Марии, директор Измайловской военной богадельни императора Николая I. С конца XIX в. Олсуфьева проживала в Сан-Ремо на собственной вилле «Русалка».

9. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Баден Б.

3 ноября 1875

Многоуважаемый Князь. Благодарю за дорогой подарок – с умилением буду глядеть на четыре поколения славного рода и желать родоначальникам

с потомством всяких благ. Напишите словечко о себе и Княгине! Что у Вас делается? Здоровы ли Вы? Что Вам пишут из Петербурга? У нас ненастье, но погода поправилась – у меня гости: племянница Баранова с дочкой.² Княг. Ел. Кочубей³ еще здесь в большой дружбе с Матан Скобелевой,⁴ надолго ли? не знаю. Гр. Бобринский,⁵ прибывший сюда на охоту, привез грустные вести из Москвы; там много семейств разорено⁶ – Щербатовы⁷ потерпели всех более. Кн. Из. Гагарина⁸ в дороге, на днях и ее ожидаем. В. С. Плессен⁹ здорова и вам кланяется. Других новостей нет. Обнимаю от души дорогую Княгиню и благодарю вас обоих за милую память.

Всем сердцем преданная
А. Баратынская.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 9–9 об.

² *Баранова Анна Алексеевна* (урожд. кн. Васильчикова), гр. (1823/1827–1890) – дочь А. В. Васильчикова, внучка генерала И. П. Архарова. Дочь ее, о которой идет речь в письме, – *Баранова Александра Павловна* (1854–1934), впоследствии фрейлина, была замужем за тайным советником, сенатором Сергеем Алексеевичем Лопухиным (1853–1911).

³ По-видимому, речь идет о Елене Сергеевне Волконской (1836–1916), дочери С. Г. и М. Н. Волконских, в первом браке – Молчановой, во втором – Кочубей, в третьем – Рахмановой.

⁴ Вероятно, *Скобелева* (урожд. Полтавцева) *Ольга Николаевна* (1823–1880) – жена генерала Д. И. Скобелева и мать генерала М. Д. Скобелева.

⁵ *Бобринский Алексей Васильевич*, гр. (1831–1888) – егермейстер, член Гос. совета и московский губернский предводитель дворянства (1875–1883).

⁶ Речь идет о банкротстве в октябре 1875 г. Московского коммерческого ссудного банка.

⁷ Вероятно, речь идет о семье московского городского головы Щербатова Александра Алексеевича (1829–1902).

⁸ *Гагарина* (урожд. гр. Валевская) *Изабелла Адамовна*, кн. (1800–1886) – вдова обер-гофмейстера С. С. Гагарина (1795–1852).

⁹ *Плессен Варвара*, фон (урожд. Гагарина) (1825–1893) – жена (с 1853 г.) барона Отто фон Плессена (Otto von Plessen, 1814–1897), датского посланника, известная детская писательница (печаталась в 1870-е гг. под псевдонимом Баронесса В. С. Пл-н (см.: *Баронесса В. С. Пл-н*. Детские колыбельные песни и прибаутки. Страсбург, 1870).

10. А. Д. Баратынская – П.А. Вяземскому¹

Б. Баден 7 / 19 нояб. 1875

У старых дев было 30 книжек – мы раскупили 10, остается 20. Я хотела по Вашему желанию взять эти 20 к себе, но Mlle Rosalie² советует оставить их до весны в ее лавке. Как прикажете? Колошин в Карсруэ, если не уехал к матери в Швейцарию. Во всяком случае, напишите ему прямо словечко – он Вам даст объяснение, почему дорого печатать русское стихотворение, или напечатает и пришлет Вам корректуру. У нас погода отвратительная и мертвая тишина. Все разъехались, кто в Вену, кто в Париж. Марья Максим.³ в Кварто⁴ к опасно больной Вел. Княг. В Штутгарте очень опечалены смертью дитяти.⁵ Вер. Конс.⁶ мне очень трогательно ответила на мою депешу.

Христос с Вами и Вашими! Будьте здоровы и верьте в мою неизменную дружбу и сердечное уважение.

А. Баратынская

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 10–10 об.

² Имеется в виду Розали Маркс (?–1882).

³ *Мария Максимилиановна* – великая княгиня, герцогиня Лейхтенбергская (в замужестве принцесса Баденская) (1841–1914), вторая дочь в семье великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского (1817–1852). Внучка императора Николая I и правнучка Жозефины Богарнэ.

⁴ *Кварто* – вилла во Флоренции, где в 1863–1775 гг. проживала великая княгиня Мария Николаевна, была куплена ею у А. Н. Демидова, князя Сан-Донато, которому она досталась в качестве приданого за его женой Матильдой Бонапарт.

⁵ Перенец великой княгини Веры Константиновны Евгений умер в 1875 г. в возрасте семи месяцев.

⁶ *Вера Константиновна* – великая княгиня, в замужестве герцогиня Вюртембергская (1854–1912) – младшая дочь великого князя Константина Николаевича и великой княгини Александры Иосифовны. С девятилетнего возраста воспитывалась в Штутгарте в семье своей тетушки, великой княгини Ольги Николаевны, королевы Вюртемберга, которая была бездетна.

11. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Баден Б.

8 ноября 1875

Любезнейший Князь.

Поручения Ваши исполнены. Переводы еще не проданы у Маркс, но мы устроили так, что продается по крайней мере часть оных. В Бадене, за исключением кое-каких соотечественников наших, мало читающей публики.

Колошин берется охотно за напечатание Вашей поэзии в честь Имп. Евгении, но предупреждает Вас, что это обойдется Вам очень дорого – от корректуры же он отказывается наотрез за незнанием достаточно языка, знаков препинания и проч.

Вот его отзыв и подлинные выражения, но посылать к Вам корректурные листы он готов. Погода у нас ужасная! ветер воев, льют дожди день и ночь – в настоящую минуту ревет грозо; гром, молния!

Гагарины² приехали вчера, здоровы и довольны. Все здесь им рады. Они блаженствовали в Крыму, прожили 2 недели в Вене и из Вены прямо прибыли сюда, не останавливаясь в Штутгарте. Княгиня очень довольна нашим Двором. Гр. Олсуфьева в деревне близ Москвы. *Скоропадская*³ будет сюда на днях, на всю зиму.

Рада бы писать более, но плохо владею рукой. Это для меня истинное горе, но что делать. Надо платить дань времени. Благодарю Бога, что не отнял более. Обнимаю от души Княгиню и, с позволения Княгини, обнимаю Вас.

А. Баратынская.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 11–12.

² *Гагарин Сергей Сергеевич*, кн. (1832–1890) – шталмейстер Высочайшего двора, коллекционер, почетный член Академии художеств, владелец усадьбы Теньки Казанской губернии. Жена – Вера Федоровна (урожд. гр. Пален, 1836–1923).

³ *Скоропадская* (урожд. Миклашевская) *Мария Андреевна* (1839/1841–1900/1901) – дочь Андрея Михайловича Миклашевского от брака его с Дарьей Александровной Олсуфьевой, жена Петра Ивановича Скоропадского. См. примеч 2 к п. 12.

12. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Баден

24 нояб./6 дек. 1875

Извините, что так долго не писала, дорогой Князь. У меня были больные и много забот. За 10 разобранных книг выручено 20 марок, которые я Вам завтра перешлю по почте. Я бы на Вашем месте не позволила переводить прелестные стихи прозой, это просто грешно. Переведите прозой хоть *Чильд-Гарольда* или *Дон Жуана* Байрона – и никто не станет читать. Скоропадского² благодарите за память сынов, etc. Миша еще жив, но в том же жалком положении!³ Вел. Княг. М. Н. доехала живою до Петербурга. Вчерашняя депеша Мар. Максимила гласит: *Maman très faible et fatiguée, grande émotion du retour*⁴. Говорят, что желудок не варит и пища в рот не идет. От души обнимаю Вас и Княгиню, остаюсь до гроба преданная Вам

А. Баратынская.

Кн. Сер. Гагарин пробыл здесь 6 дней с женой. Сегодня уезжают в Россию.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 13–13 об.

² Имеется в виду *Петр Иванович Скоропадский* (1834–1885) – черниговский помещик, полковник, участник Кавказской войны. В браке имел двух сыновей Михаила (1871–1910-е) и Павла (1873–1945; генерал, гетман Украины) и дочь Елизавету (1879–1899).

³ Миша – сын П. И. Скоропадского. В 2,5 года заболел остеомиелитом, причиной которого врачи предполагали сифилис. В Страсбурге мальчика прооперировал знаменитый немецкий хирург Альберт Люкке. Впоследствии в Петербурге консилиум из пяти известных медиков, в том числе и специалиста-сифилидолога, установил, что Михаил страдал только неврастенией. Дальнейшим его лечением занимался академик В. М. Бехтерев. См.: *Акименко М. А.* «Единственный мой благодетель». Владимир Бехтерев и Михаил Скоропадский. Адрес электр. доступа: old.consilium-medicum.com/media/bechter/05_04/38.sht

⁴ Матушка очень слабая и уставшая. Под сильным впечатлением от возвращения (*фр.*). Речь идет о великой княгине Марии Николаевне, желавшей умереть непременно на родине. Как только она поняла, что серьезно больна, она вернулась из Флоренции в Петербург.

13. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской¹

13/25 янв. 1876

Кажется, я у Вас в долгу, вселюбезнейшая Анна Давыдовна. Если так, то приношу повинную голову. Но сердце мое неповинно пред Вами. Впрочем, всё это время мне как-то нездоровилось, а потому к Вам и не писал. Интересного отсюда писать нечего. Да и перья здесь скверные. Писать ими неловко, и того и смотри, что распачкаешься пятнами. Боюсь испортить свойственную и прирожденную мне каллиграфию. Из Петербурга пишут, что там скучно и печально. Особенно вследствие болезни Великой Княгини и в виду скорой кончины ея.² Впрочем, у Вас верно хорошие корреспонденты в Петербурге,

и, вероятно, они аккуратнее моих. А что маленький больной Скоропадский?³ Не у Вас ли вездесущий и всевнимательный Герцог Д'Осуна?⁴ Он прислал мне поздравительные карточки с Новым годом. Не знаю, куда послать ему свои. Жена моя шлет Вам дружеский привет, а я подношу Вам мои неизменно преданные чувства.

Вяземский.

Правда ли, что Д'Абзаки⁵ снова сошлись на честном, законном, брачном ложе?

А вот Вам и доказательства в нечистоплотности и негодности здешних перьев. Не мог и кончить письмо без замарашки.

¹ РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 7–8.

² Мария Николаевна умерла после долгой и тяжелой болезни 9 февр. 1876 г.

³ См. примеч. 2 к п. 12.

⁴ *Д'Осуна, дон Мариано Тельес Хирон* – 12-й герцог Осуна (1814–1882). В 1856 – 1868 гг. – глава дипломатического представительства Испании в России, направленного испанской королевой Изабеллой II по случаю восшествия на императорский престол Александра II. Посольство герцога Д'Осуны имело целью не только восстановление дипломатических отношений, но и развитие экономических связей с Россией. Д'Осуна сумел добиться того, что русское правительство заявило о желании создать постоянное представительство Испании в Петербурге.

⁵ Д'Абзак Поль (полное имя – Jean-Louis-Paul **Abzac de Laserre**; 1838–1904) – французский дипломат. В 1880 г. стал кавалером ордена Почетного легиона, а в 1882 г. ему было присвоено звание генерал-консула. Был Генеральным комиссаром Франции на Всемирной выставке в 1885 г.

14. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Баден Баден

26 янв./7 февр. 1876

Дорогой Князь. Ваше любезное письмецо меня очень обрадовало. Я воображала, что Вы покинули Гомбург, потому что не откликнулись на мое поздравление с Новым годом. Дай Бог Вам и Княгине В. Ф. много лет вожделенного здравия. Отвечаю на Ваши вопросы. Миша Скоропадский еще дышит; изумительная сила жизни в этом ангеле. Бедная мать не теряет надежды. Отец приехал на днях. Старик Миклашевский² у них проездом в Ниццу. У Гагариных гостит гр. Анна Баранова с второю дочерью, превысокою, но хорошенькой.³ Едут они скоро обратно в Белокаменную, а прибыли из Парижа, где оставили Черкасских.⁴ Старушка Убриль и Марченки очень довольны будущей свадьбой сына Будберга⁵ с Соней Рибопьер.⁶ Мария Максимилиановна писала ко мне от 5-го янв., что состояние Вел. Княгини М. Н. безнадежно; с тех пор больной лучше, но принц Вильгельм⁷ мне сказал на днях, что надежды не осуществляются. Я собиралась ехать дня на три в Штутгарт, по данному Их Величествам обещанию, но отъезд Королевы меня остановил. Признаться, я рада отсрочке. Авьось в марте погода будет сноснее. Что за тяжелая зима! Смерть Багратиона⁸ меня очень опечалила; он был мне родственник и добрый приятель, и премилый человек. Баден очень пуст – по воскресеньям у меня собирается

оставшаяся часть соотечественников и кое-кто из туземцев, в том числе день ото дня более молчаливый В. Плессен. Мне хорошо дома, благодаря присутствию моей племянницы княгини Барановой и ее прелестной малютки. Вот все мои новости. Обнимаю от души почтеннейшую Княгиню и благодарю Вас за память. Что бы Вам мне написать посланьице в стихах! вот бы обрадовали.

Вам нежно преданная
А. Баратынская.

Мои перья не лучше ваших, а рука гораздо менее тверда. Не взыщите.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 14–15.

² *Миклашевский Андрей Михайлович* (1798–1895) – выпускник благородного пансиона Царскосельского лицея, крупный украинский помещик и фарфорозаводчик. См. примеч. 7 к п. 8.

³ См. примеч. 2 к п. 9.

⁴ *Черкасский Владимир Александрович*, кн. (1824–1878) – российский государственный деятель, публицист, славянофил, участник подготовки крестьянской реформы 1861 г., крестьянской реформы 1864 г. в Польше. В 1868–1870 гг. – Московский городской голова. В 1876 г. в Париже писал историю крестьянского преобразования в России. С 1877 г. руководил устройством гражданского управления в Болгарии. Был женат на Екатерине Алексеевне Васильчиковой, родной сестре Анны Алексеевны Барановой.

⁵ Речь идет об одном из сыновей Андрея Федоровича Будберга, подполковнике *Петре Андреевиче Будберге* (1849–1879).

⁶ *Рибоьер Софья Ивановна*, гр. (1849–1919) – в замужестве Будберг, во втором браке замужем за бароном А. Б. Фитингоф-Шелем (1855–1926).

⁷ *Людвиг-Вильгельм-Август Баденский* (1829–1897) – принц Баденский, политик, генерал. Был третьим сыном великого князя Леопольда Баденского (1790–1852) и принцессы Софии Шведской (1801–1865), дочери свергнутого шведского короля Густава IV Адольфа; женат на великой княгине Марии Максимилиановне.

⁸ Речь идет о князе *Петре Романовиче Багратионе* (1818–1876) – племяннике героя Отечественной войны 1812 г. П. И. Багратиона. В 1845 г. был адъютантом герцога Максимилиана Лейхтенбергского, сопровождал его в заграничных поездках. В 1852 г. получил звание флигель-адъютанта и прикомандирован к лейб-гвардии Конногренадерскому полку. В 1865 г. получил чин генерал-лейтенанта. За свои труды по инженерным и артиллерийским наукам о применении гальванизма к инженерному делу награжден орденом Св. Станислава III степени.

15. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской¹

24 февр./7 марта <1876>

Очень я рад, что имею честь и удовольствие угодить Вашему Превосходительству или Вашей Превосходительности писаниями моими. Здесь Превосходительство относится не к табели о рангах: а к табели литературной, где Вы также кавалерственная дама, не меньшаго, а большаго креста. Вы превосходно знаете литературу нашу, и сами изволите заниматься ею с успехом. Следовательно, Ваше одобрительное слово много значит, таковым и есть оно в глазах моих и в сердце моем. Хотя от Ваших снисходительных похвал, по правде, приходится и многое урезать, но все же остается еще довольно, чтобы насытить и напоить мой самолюбивый голод и жажду мою. Если ничего нет сказать Вам из Бадена, то, тем паче, ничего не придумаешь сказать из Гомбурга. Весна будто показалась, но весна с дождями, бурями. Я всё еще не могу

освободиться от своего катара. Часто должен сидеть дома: а между тем свежий воздух мне нужен. Моя Пенелопа, которая всё вышивает ковры, передает Вам тысячу нежностей. Неизменно Вам преданный Вяземский.

Когда в свободный час вздумаете писать ко мне, скажите словечко о графине Олсуфьевой. Хотел бы я послать ей мою тетрадку, но не знаю, как и куда. А что бедная сестра ея и маленький страдалец?

¹ РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 9–10.

16. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<25 февраля 1876>

Многоуважаемый Князь. Я в восхищении от Вашего творения. Письмо к Оболенскому² прелесть. Письмо о Н. И. Тургеневе (Рус. Арх. № 2) совершенство!³ тут *все*: и ясность, и добросовестное суждение, знание лиц и обстоятельств, чудный взгляд на дело и что за слог! Не Вам жаловаться на старость и Гомбургские перья. Не худо бы нашим молодым витиям занять у Вас хоть одно перышко.

Стихи на смерть Погодина прекрасны.⁴ Подарите нас и вздохом на смерть В. К. Марии Ник. Я уверена, что от избытка сердца заглаголет струна. Очень жаль Вел. Княгиню!⁵ У нас нет ничего нового. Нежно обнимаю почтеннейшую Княгиню и благодарю Вас за присланное письмо о Нелединском.⁶

Остаюсь от души преданная вам

А. Баратынская.
25 февраля 1876
Баден-Б.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 16.

² Имеется в виду «Письмо князя П. А. Вяземского к князю Д. А. Оболенскому – издателю хроники недавней старины» (см.: *Вяземский П. А.* ПСС. Т. 7. С. 383–404).

³ Речь идет о разделе II статьи П. А. Вяземского «По поводу бумаг В. А. Жуковского. Два письма князя П. А. Вяземского к издателю “Русского архива”», посвященного одному из идеологов декабристского движения, политическому эмигранту, автору 3-томного сочинения, изданного на фр. яз «La Russie et les Russes» («Россия и русские»), содержащего программу либеральных преобразований в России, Н. И. Тургеневу (1789–1871) (Русский архив. 1976. № 2. С. 412–424).

⁴ Т. е. стихотворение П. А. Вяземского «Памяти М. П. Погодина» (Там же. С. 262–263).

⁵ См. примеч 2 к п. 13.

⁶ Имеется в виду мемуарная статья Вяземского о поэте Ю. А. Нелединском-Милецком (см.: *Вяземский П. А.* ПСС. Т. 2. С. 380–394).

17. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Баден-Баден
24 марта 1876

Многоуважаемый Князь!

Я провела 4 дня в Штутгарте на 3-й неделе поста самым приятным образом, несмотря на траур, и радуюсь, что доставила развлечений Августейшим хозяе-

вам. Читала королеве Ваши прелестные произведения, в том числе последние письма Ваши к ней (от 12 марта) и ко мне, недостойной таких милейших похвал. В нашем нечитающем Бадене восхищаются Вами со мною В. С. Плессен, Лиза Жадовская² и Пав. Вас. Анненков, живущий здесь со своим (неинтересным) семейством.³ Как занимательна книга Д. Оболенского⁴ и как умно, что тут же напечатано Ваше письмо, придающее ей цену!⁵ В переписке Ростопчина с Воронцовым⁶ жена Нелединского представлена не в совершенно добродетельном виде. Кто прав? Муж или Ростопчин?⁷ Я позволила себе (ободренная Вашим сочувствием) переписать для Вас мои переводы из Шиллера и Мура.⁸ Если же удастся Вас развлечь, авось Вас усыплю, и за то скажите спасибо! Сегодня первый весенний день – солнце греет, птички поют, надолго ли? Нежно обнимаю Княгиню и жму Вам руку, нелицемерно поклоняясь Вашему чудному перу.

Многая, многая лета!

А. Баратынская.

В среду ждут сюда королеву Викторию,⁹ на даче Hohenlohe¹⁰ идут приготовления.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 17–18.

² *Жадовская Елизавета Никитична* (1831 – ок. 1900) – дочь ген.-майора Никиты Ивановича Жадовского (1791–1845). Знакомая П. В. Анненкова в Баден-Бадене.

³ *Анненков Павел Васильевич* (1813–1887) – литературный критик, историк литературы, мемуарист; с середины 1860-х гг. жил за границей: в Баден-Бадене, Париже, Брюсселе, Берлине и др. Семейство Анненкова: жена (с 1861) Глафира Александровна Ракович (1831–1899), дочь Вера (в замуж. Нагель, 1867–1956) и сын Павел (1869–1934).

⁴ *Оболенский Дмитрий Александрович* (1822–1881) – государственный деятель эпохи «великих реформ», действительный тайный советник. В 1876 г. издал книгу «Хроника недавней старины. Из архива князя Оболенского-Нелединского-Мелецкого».

⁵ См. примеч. 2 к п. 16.

⁶ Переписка С.Р. Воронцова (1844–1832) с Ф. В. Ростопчиным (1763–1826) см.: Архив князя Воронцова. Бумаги графа Семена Романовича Воронцова. М., 1876. Т. 8.

⁷ Второй женой А. Ю. Нелединского, отца писателя, была графиня Анастасия Николаевна Головина (1754–1803), которая еще до замужества была любовницей князя Н. В. Репнина, а с 1784 г. находилась в близких отношениях с графом С. П. Румянцевым (1755–1838), которому родила трех дочерей. В письме от 20 авг. 1795 г. Ростопчин пишет: «Le c-te Serge a été dans un état vraiment à plaindre. M-me Neledinsky, quoique beaucoup mieux, mais n'est pas hors d'affaire. Avec une poitrine très faible et des obstructions, elle a gagné une fluxion, qui s'est jetée sur la poitrine et a pensé l'enlever. Cet attachement du c-te Serge est respectable; car cette femme, outre sa conduite passée, n'a aucun moyen d'attacher un homme. Elle n'a que des vices et des défauts» (Граф Сергей находится в плачевном состоянии. О г-же Нелединской, хотя она и чувствует себя гораздо лучше, можно сказать то же. Имея слабую грудь и страдая от запоров, она к тому же заработала еще и флюс, который перешел на грудь и чуть не стоил ей жизни. Привязанность графа Сергея заслуживает всяческого уважения, потому что эта женщина не обладает ничем, кроме своего прошлого поведения, что способно было бы привязать к ней мужчину. В ней одни только пороки и недостатки», *фр.*). Архив князя Воронцова. Т. 7. С. 107.

⁸ О переводах А. Д. Баратынской см.: *Стефанович В.* Переводчица русских и немецких поэтов // Русская литература. Л., 1963. № 4. С. 142–151.

⁹ *Виктория* (1819–1901) – королева Великобритании из Ганноверской династии, правившая в 1837–1901 гг. Дочь Эдварда, герцога Кентского, и Виктории Саксен-Кобургской. Замужем с 1840 г. за принцем Альбертом Саксен-Кобургским (1819–1861).

¹⁰ Имеется в виду вилла Гогенлоэ на Горе св. Михаила (Villa Hohenlohe am Michaelsberg), принадлежавшая сводной сестре королевы Виктории Феодоре (1807–1872). Первый частный визит своей овдовевшей и тяжело больной сестре королева Виктория, к тому времени тоже овдовевшая, нанесла в 1872 г., скрывшись под именем герцогини Кентской.

18. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Баден-Б.

7-е мая 1876

Многоуважаемый Князь.

Очень тронута Вашим *Посвящением*, но Вы не отец Пимен!² Авось мы еще прочтем и услышим много сказаний Вашего славного пера и благозвучной лиры. В стихах и прозе одинаково светел Ваш ум и свежа Ваша память. Живите, пишите, если Бог даст мне дожить до лета, приеду обнять Вас и Княгиню.

Я не отвечала на Ваше последнее письмо по двум причинам: провожала племянницу и внучку³ и перебиралась на новоселье Sophienstraße⁴ 18 в дом бывший Д. Гугерта. Могла бы прибавить и третий *резон* – у меня совсем отымается правая рука, т. е. когда берусь за перо, потому-то и пишу чаще карандашом. Благодарю за советы... я исправила один перевод, но *Résignation*⁵ не сумела перевести в целости. Очень темно и непонятно выходит по-русски. Вообще смысл и мне не по сердцу, но я соблазнилась прелестью стихов. У Шиллера есть еще одно чудное стихотворение, дышащее язычеством, – это «Боги Греции», *Die Götter Griechenlands* – но до этого я не дотрагиваюсь, не по силам!

Кончаю карандашом, не могу совладать с пером! Не взъщите! Это мне тяжкое горе! Поздравляю Вас с новой кавалерственной дамой Кн. Марьей Аркадьевной,⁶ эту новость сообщает сюда Кн. Меншиков⁷ из Парижа. Как жаль Кн. П. И. Мещерского!⁸ Еще раз благодарю от души.

А. Баратынская.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 19–20.

² Анна Давыдовна выразила свое впечатление от посвященного ей стихотворения «Еще одно последнее сказанье» («Последние я доживаю дни...»).

³ Имеется в виду А. А. и А. П. Барановы.

⁴ Своим названием улица обязана великой герцогине Софии, супруге великого герцога Леопольда.

⁵ «*Résignation*» («Смирение», другой вариант перевода – «Отречение») – стихотворение Ф. Шиллера (1786).

⁶ Имеется в виду *Мария Аркадьевна Вяземская* (урожд. Столыпина), в 1-м браке Бек (1819–1889), с 1848 г. – жена П. П. Вяземского. В 1876 г. награждена малым крестом ордена Святой Екатерины.

⁷ *Меншиков Владимир Александрович* (1816–1893) – светлейший князь, генерал от кавалерии, генерал-адъютант, участник Кавказской и Крымской войн. Последний представитель рода Меншиковых по мужской линии.

⁸ *Мещерский Петр Иванович*, кн. (1802–1876) – подполковник гвардии в отставке. Вторым браком был женат на дочери Н. М. Карамзина Екатерине Николаевне; отец литератора и публициста В. П. Мещерского. Баратынская выразила сожаление в связи с его кончиной.

19. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Баден Б. 2/14 июля 1876

Пишу карандашом, потому что пером рука не владеет, и повергаю Вам на суд, дорогой Князь, три скромных перевода из Гейне.² Еще должна Вам передать два горя – одно, что только мельком в пыли встретилась с Вами в Югенхайме, другая хуже еще: что послала Вам 29-го июня поздравительную депешу, которую мне сегодня принес обратно мой человек с повинной головою, отыскавши ее (т. е. депешу, не голову) у себя в кармане.

Баден праздновал 36 часов лицезрение Императора Василия Федоровича.³ Вел. Кн. и Княгиня⁴ приняли с удовольствием мою готовность им помочь угостить Державного Дядю – обедал Он у ИИ. ВВ., вечер провел с Ними у меня, бодрый, веселый, приветливый – гости были еще, Кн. Меншикова,⁵ Лиза Кочубей,⁶ Ребиндеры,⁷ Шереметев,⁸ Скобелев,⁹ Мятлев,¹⁰ кое-кто из свиты, всего 18 человек. Погода стоит чудная, довольно людно в Аллее¹¹ и близ Кургауза¹² в том числе вездесущая Краевская.¹³ Увидимся ли с Вами в Фридрихсхавене, как надеялась Королева? А до того жму неверно Вам руку и обнимаю от души Княгиню. В мае были здесь Карамзины. Нат. Вас. с магнетизером Archet. Ал. Ник. постарел, потучнел, но такой же милый.¹⁴

Вся Ваша
А. Баратынская.

Вы пожалели о Герцoge и бедной Екатерине Михайловне!

Из Гейне

I. Die Lotus Blume ängstigt

Красавицу Лилею
Пугает блеск дневной.
Главу клоня в дремоте,
Ждет мглы она ночной.

Ждет месяца младого
С чарующим лучом,
К нему в тревоге нежной
Цветущим льнет челом.

Растет в его сияньи
Душистых слез полна,
И в милаго лобзаньи
Трепещет вся она.

1 / 13 июля 1876

II. Im Rhein, im schönen Strome,

На Рейне величавом,
Над светлою волной
Есть град венчанный славой,
В том граде храм большой.

Икона в нем святая
В оправе золотой
Стояла, озаряя
Не раз мне путь земной.

Там Девы лик Пречистой
Средь ангелов сиял;
Мне взор Ея лучистый
Тебя напоминал.

2 / 14 июня 1876.

III Warum sind denn die Rosen so blaß

Зачем поблекли розы,
Зачем в траве густой
Дрожат немая слезы
На фьялке голубой?

Зачем звучит уныло
Мне голос соловья,
И *ладаном могилы
Подернулись поля?

Зачем на землю сходит
Так тускло солнца луч
И на душу наводит
Мне сумрак серых туч?

Зачем сама ты стала
Печальна и бледна?
Зачем ты изменяла
И бросила меня?

* или *холодом?* (Leichenduft)

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 20–24.

² Переводы из Гейне А. Д. Баратынская публиковала под инициалами «А. Б.» в журн. «Вестник Европы» в 1875 (№ 1) и в 1877 (№ 12) гг. Некоторые из этих переводов входили затем и в изданные в XIX и XX вв. сборники стихотворений Гейне (см.: Генрих Гейне. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке / сост. А. Г. Левинтон; отв. ред. Я. М. Металлов. М., 1958; см. также: *Стефанович В.* Переводчица русских и немецких поэтов // Русская литература. 1963. № 4. С. 144–146; *Гончар-Ханджян Н. А. Б.* – А. Д. БАРАТЫНСКАЯ – А. Д. АБАМЕЛЕК-ЛАЗАРЕВА (Черты личности, литературные контакты и деятельность). Адрес электр. доступа: http://ysu.am/files/05N_Gonchar_Khanjyan_r.pdf).

³ Имеется в виду германский император *Вильгельм I Фридрих-Людовиг* (1797–1888), первый правитель объединенной Германии (с 18 янв. 1871 г.), которого в шутку называли Василием Федоровичем (отцом Вильгельма был Фридрих III).

⁴ Имеются в виду *Карл I* (1823–1891) – король Вюртембергский и его жена *Ольга Николаевна* (1822–1892), дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны.

⁵ *Меншикова* (урожд. кн. Гагарина) *Леонилла (Леонида) Николаевна* (1822–1887) – дочь гофмейстера князя Николая Сергеевича Гагарина, троюродная сестра Александра II.

⁶ *Кочубей Елизавета Васильевна* (1821–1897) – композитор-дилетант.

⁷ *Рейндер Константин Григорьевич* (1814–1886) – генерал от инфантерии, воспитатель сыновей великой княгини Марии Николаевны. Жена – *Елена Васильевна* (урожд. Кочубей; 1824–1899).

⁸ *Шереметев Василий Петрович* (1836–1893) – поручик Кавалергардского полка, крупный землевладелец Нижегородской губернии, владелец и строитель Юринской усадьбы (Шереметевского замка).

⁹ *Скобелев Дмитрий Иванович* (1821–1879) – русский военный деятель, генерал-лейтенант, командир Собственного Его Императорского Величества конвоя, заведующий Ротой дворцовых гренадер. Отец генерала Михаила Скобелева.

¹⁰ Возможно, речь идет о *Петре Ивановиче Мятлеве* (1826–1891) – ротмистре, тайном советнике; был с 1866 г. женат на Марии Ивановне Донауровой (1843–1918). Но, возможно, имеется в виду другой *Мятлев – Владимир Иванович* (1830–1900) – камергер двора, коллекционер, при жизни передавший свою коллекцию в Эрмитаж. Был женат на своей двоюродной сестре *Варваре* (1847–1908) – дочери И. Г. Бибикова.

¹¹ Лихтенбургская аллея – одна из самых знаменитых немецких аллей и самая русская аллея Германии, протянувшаяся по центральной части Баден-Бадена на два с небольшим километра до стен средневекового аббатства Лихтенбург.

¹² Курзал (Kurhaus) – в Баден-Бадене создан в 1824 г. по проекту Фридриха Вайнбренера.

¹³ Неустановленное лицо.

¹⁴ *Карамзин Александр Николаевич* (1815–1888) – литератор, поэт-дилетант. Женат (с 1850) на дочери генерал-майора В. П. Оболенского, фрейлине двора княжне *Наталье Васильевне Оболенской* (1827–1892).

20. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской¹

Гомбург пред высотами

7/19 июль-76

Князь Петр Андреевич Вяземский.

Сердечно благодарю Вас, наилюбезнейшая сестра Анна Аполлоновна, – если я только законный сын Аполлона, – за Ваши гостинцы. Все три очень хороши и милы, особенно третья, *Warum sind die Nase so pass?*² – Кажется, можно оставить *ладан могилы*. Это смело, но неуместно, тем более у нас, где над могилами свершаются панихиды и ладаном кадят. И я очень жалею, что мы разъехались с Вами в Югенхайме. Не знаю, увидимся ли с Вами в Фридрихсхафене. Королева была очень милостива и мила, как и всегда. Но при прощании не сказала: до свидания. *Et c'est la reine qui salue la première.*³ Мне как-то говорили, что король в своем летнем убежище не большой охотник до гостей. С благодарностью приемлю не дошедшую до меня депешу Вашу. Сердце сердцу весть дает и довольно. Телеграфу тут не нужно. Благодарю и за вести о Вашем венценосном вечере. Здесь диадемой публики нету. Все плебейная: да и той нынешним летом мало. Передайте мой поклон Кн. Лизе Кочубей. Князь Горчаков крепко горюет, что нет надежды ему побывать в Бадене. *Il maudit sa grandeur quil'attaché au rivage.*⁴ У нас гостит внучка наша Лиза Голицына,⁵ но скоро оставляет нас и возвращается в свою Калужскую деревню.

Жена моя нежно обнимает Вас. Неизменно Вам преданный Вяземский.

Единица хранения также содержит вырезку из газеты «Северная почта» за 1865 г. со стихами Вяземского «Вечером на берегу моря».

¹ РГАДА, ф.1609, оп. 1, № 33.

² Зачем носы такие мокрые? (нем.). Вяземский иронизирует над заглавием перевода Баратынской из Гейне: *Warum sind denn die Rosen so blaß*.

³ Королева приветствует первой (фр.).

⁴ Он проклинает свое величие, которое заставляет его оставаться на берегу (фр.).

⁵ *Голицына Елизавета Петровна*, кн. (урожд. кн. Валуева, 1837–1916) – внучка П. А. и В. Ф. Вяземских. Вяземский посвятил ей стихотворение «Эсмеральда (Воспоминания о Венеции)». Голицыной принадлежало имение Жарки в Калужской губернии, унаследованное от бабушки В. Ф. Вяземской.

21. А.Д. Баратынская - П.А. Вяземскому¹

Баден Б.

2 окт. 1876

Дорогой Князь.

Мария Максимилиановна в Кирхберге² на озере, ожидается в этом месяце в Карлсруэ, и едет в Сицилию куда-то близ Палермо на всю зиму. Вот все, что могу сообщить. Вел. Княг. Екат. Мих. зовет меня в Ремплин³ с Вами и Титовым!⁴ полагаю, что мы неразлучны. Я отказалась за Вас и себя, о Титове сведений не имею. Если в это время года собираться на Север, так уж лучше в Россию, что я *быть может* и совершу зимой.

Погода и здесь ужасная. Вчера и сегодня солнце, но барометр падает! Германские Владыки⁵ здесь. Он бодр и прям по-прежнему. Сын богатырь и любезен как Родители.⁶ Все остались в восхищении от Штутгарта, где Король и Королева славно себя показали, победив внутреннее чувство. Вечера и обеды пойдут один за одним с завтрашнего дня по два на день. ИИ.ВВ. обещались ко мне на вечер – я не зову, они называются и, должно сознаться, очень милы и faciles à vivre.⁷ Кн. Ел. Кочубей⁸ дышит Ими, и спит и видит почет. Кн. М. Оболенская в трауре, но Gontaut-Biron⁹ при ней безвыходно, и Державный Старец¹⁰ посещает. В Схевенингене¹¹ Королеву носили на руках – поклонение было общее. Она премилая, но наивно повествует свои победы. Кн. Горчаков здесь со всею семьей¹². Бар. Гюбнер – Лев (Lion)¹³ сезона. Бедные Лонгиновы¹⁴ живут в Stephaniensbad;¹⁵ они неутешны. Мальцов¹⁶ объедает и обыгрывает Колошина и усердно в церкви отмаливает свою скупость. Вот все новости.

Прочтите в Вестнике Европы страницы 366–368 Внутр. Обзор. за Сентябрь – очень верные оценки сербобесья¹⁷. Признаюсь, жертвы наши деньгами и кровью чересчур велики. Надобно б поберечь кое-что и для России.

Обнимаю Княгиню и Вас от души

А. Баратынская.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 25–26об.

² Кирхберг – имение супруга Марии Максимилиановны на берегу Констанцкого озера.

³ Ремплин – коммуна в Германии, в земле Мекленбург-Передняя Померания.

⁴ *Титов Владимир Павлович* (1807–1891) – писатель, чиновник, дипломат, действительный тайный советник; племянник министра юстиции Д. В. Дашкова.

⁵ Речь идет о германском императоре Вильгельме I и его жене императрице Августе.

⁶ Сын, т. е. кронпринц Фридрих (1831–1888) – будущий император и король Пруссии, известный под именем Фридриха III, царствовавший всего 99 дней.

⁷ faciles à vivre – легки в обращении (*фр.*).

⁸ *Кочубей Елена Сергеевна* (1835–1916) – дочь декабриста С. Г. Волконского, подруга императрицы Августы.

⁹ Возможно, имеется в виду *Анна-Арман-Эли де Гонтто-Бирон* (Gontaut-Biron) (1817–1890) – виконт, бывший в 1871–1877 гг. французским послом в Берлине.

¹⁰ Еще одно имя, которое Баратынская дает Вильгельму I, цитируя при этом строки из «Илиады» Гомера. Ср.: «Так отвечал на это Ахиллу державный старец Приам».

¹¹ Схевенинген – морской курорт в Нидерландах на побережье Северного моря,

¹² *Горчаков Александр Михайлович* (1798–1883) – светлейший князь (с 1871 г.), глава русского внешнеполитического ведомства при Александре II, последний канцлер Российской империи (с 1867). Женат (с 1838) на Марии Александровне Мусиной-Пушкиной (ур. Урусовой) (1801–1853), дочери А. М. Урусова, вдове гофмейстера, гр. И. А. Мусина-Пушкина. Дети: Михаил (1839–1897) и Константин (1841–1926).

¹³ *Гюбнер Йозеф Александр* (Joseph-Alexander Freiherr von Hubner) (1811–1892) – австрийский дипломат. В 1868 г. оставил государственную службу и несколько лет спустя выпустил в свет сочинение «Sixtus IV» (Лейпциг, 1871); затем совершил кругосветное путешествие; свои наблюдения и впечатления изложил в книге «Путешествия вокруг света» («Promenade autour du monde». Лейпциг, 1874).

¹⁴ Вероятно, речь идет о *Лонгинове Дмитрие Николаевиче* (1820–1878) и его жене Александре Александровне Львовой (урожд. кн. Львовой; 1836–1912). Можно предположить, что горе супругов Лонгиновых связано с утратой близких родственников: Михаила Николаевича Лонгинова, умершего 4.02.1875, и Евгения Александровича Львова, умершего 23.06.1876.

¹⁵ Стефаниенбад – отель, названный в честь Стефани де Богарне, герцогини Баденской, двоюродной сестры Жозефины де Богарне.

¹⁶ *Мальцов Иван Сергеевич* (1807–1880) — дипломат, переводчик; знакомый Пушкина, Грибоедова и Гоголя; в 1828 г. – первый секретарь посольства в Тегеране, служил также и в Англии, Италии и Турции, с 1843 г. член совета Министерства иностранных дел (несколько раз был временным управляющим министерством); действительный тайный советник. При Александре II его прочли на пост товарища министра просвещения и в министры финансов.

¹⁷ Страницы 366–368 сентябрьского номера «Вестника Европы», на которые ссылается Баратынская, относятся к разделу «Иностранная политика».

22. П. А. Вяземский – А.Д. Баратынской¹

<октябрь 1876>

1876 *octobre*.

Hombourg es monts

Samedi

Aux augustes paroles: Les lettres on été rendues à Wiasemski. Le dit Wiasemski répond affirmativenent, que les lettres ne lui ont pas été rendues. Il y a là un mésentendu que je ne comprends pas, et que j'attribue à la question slave, qui a mis du désordre en toutes chose. Je vais essayer de la tirer au clair. Mais ce n'est pas aux Majestés que je m'adresserai, et encore moins au Cmte Adlerberg. Ce serait jeter ma lettre à la mer. J'écrirai à Malzov,<?> qu'il choisisse un moment opportun pour débrouiller cet imbroglio. A la réception de sa réponse je m'empresserai de faire mon rapport à Madame la Grande Duchesse. En attendant, si vous en

avez l'occasion, voulez-vous bien lui dire ce qui en est. Nous avons quitté nos frais ombrages et sommes rentrés dans nos anciens quartiers d'hiver. Paul est depuis hier soir à Pétersbourg, il y a trouvé un froid de huit degrés. Comment ne craignez-vous pas de vous trouver face à face avec le

Старец с белыми власами
и с седую бороною.

Si Mme Stolypine est encore avec vous, dites lui, je vous prie, bien des choses affectueuses de ma part.

Je vous baise les mains
Wiasemsky

[ПЕРЕВОД]

Слова Августейшей особы:² Письма были переданы Вяземскому. Означенный Вяземский убедительно утверждает, что письма ему переданы не были.³ Здесь есть недоразумение, которое мне непонятно и которое я приписываю славянским делам, внесшим во все изрядный хаос. Я попытаюсь все это выяснить. Но обращаться я буду не к Их Величествам и еще менее к графу Адлербергу.⁴ Это означало бы бросить бутылку в море. Я напишу Мальцову,⁵ <?> чтобы он нашел подходящий момент и попытался распутать этот узел. По получении его ответа я спешно отошлю свой отчет Великой Княгине. А покамест, если у Вас будет возможность, благоволите ей сообщить, как на самом деле обстоят дела. Мы покинули свежие рощи и вернулись в наши старые зимние кварталы. Павел⁶ со вчерашнего дня в Петербурге, где восемь градусов мороза. И как же Вы не боитесь оказаться лицом к лицу с <...>

Если госпожа Столыпина все еще с Вами, передайте ей, пожалуйста, изъявление моего самого глубокого почтения.

Целую Вашу руку
Вяземский.
(фр.)

Любопытно было бы мне послушать, что говорит королева Ольга⁷ о наших славянских делах. Сегодня читал я письма из Белграда, русского раненого офицера.⁸ Нельзя вообразить, что там за беспорядок и за сумятица и по военным делам, и по лазаретским, и вообще по гражданским и правительственным делам. У нас в России ничего этого не знают и знать не хотят, а верят крикам – ложным патриотическим бредням, – а часто и злоумышленным увлечениям – наших газет и славянских комитетов. Вот что на днях внушила мне вся эта бестолковщина.

Везде мы через край переполняем чашу:
В натуре нашей нет, чтобы в меру нам хлебнуть.
Всегда запоем тешим нашу
Широко жаждущую грудь.

* * *

Способны вызывать в театре мы Жюдину
Пятнадцать, двадцать, сорок раз,
Пока уж не совсем собьемся с панталыку,
Или потухнет в зале газ.

* * *

Событья ль на другой театр нас переносят,
Всё тот же в нас задор и тот же дикий крик.
Что горячитесь Вы? Нечаянно ль нас спросят,
Мы путаться начнем и станем мы в тупик.

* * *

Путем добра, путем ошибок,
Бежим мы, голову и чувства очертя;
Мужать умеем мы в пылу житейских сшибок,
Но осмотрительность нужна ли? Мы дитя.

* * *

Мы часто для других загадка,
Затем, что и себе загадка мы подчас:
Нет в наших доблестях проверки и порядка,
И в наших немощах сознания нет у нас.

* * *

Нам, будто личным нам, особым провиденьем
К таинственным судьбам проложен темный след:
Как часто промах наш бывает нам спасеньем!
Как часто наш успех бывает нам во вред!

* * *

Нам чужды общие законы и преданья,
Не от Адама мы ведем свой род и век:
Днем раньше или днем поздней мирозданья
Был создан русский человек.⁹

Telle est ma profession de foi. Lisez-la à la reine. Je ne me crois pas plus mauvais russe que tout autre: au contraire: mais je suis russe avant d'être slave. Et selon une opinion erronée, un préjugé historique et politique qui a couru chez nous, il faut être slave coûte que coûte et puis russe, pour payer les sottises des slaves. Je n'ai pas foi en cette mission historique que l'on nous inflige. La Russie est assez grande et a assez à faire chez elle pour ménager ses forces, son argent et son sang et ne pas les prodiguer pour les beaux yeux de ses cousins, qui au fond, sont peu honorables et sympathiques pour le présent, et ne seront que des ingrats dans l'avenir. Notre slavофильство tel qu'il est proclamé par notre presse, et par nos apôtres en чуйка et en jupes, n'est qu'une duperie dans la masse, et un coup montré par quelques meneurs, qui poussent à la guerre, dans l'espoir qu'elle pourra amener quelques crise dans le pays et le portera à la tête du mouvement.

Un lièvre en son gîte songeait,
Car que faire en un gîte à moins que l'on ne songe,

A dit Lafontaine.

Je suis aussi un lièvre octogénaire qui songe dans son trou de Hombourg. Je puis me tromper. Tant mieux. Mais ma longue expérience des hommes et des choses me fait croire, qu'en tout cas, il y a un fond de vérité dans mes rêvasseries.

Mettez, je vous prie, mes songeries, mes liévreries et mes hommages aux pieds de la reine.

Informez-moi par un mot, si vous avez reçu mon civet de lièvre.

[ПЕРЕВОД]

Таково мое исповедание веры. Прочтите его королеве. Я не считаю себя худшим русским, хуже чем многие иные, напротив: но я русский и только потом славянин. А согласно ошибочному историческому и политическому предрассудку, весьма у нас распространенному, надо быть во что бы то ни было славянином и только потом русским, дабы платить по счетам за глупости славян. У меня нет веры в ту историческую миссию, которую нам приписывают. Россия достаточно велика и у нее достаточно дел, с которыми следует разобраться дома, и потому ей надо беречь свои силы, деньги и кровь и не растрачивать их ради прекрасных глаз своих двоюродных братьев, которые, в сущности, не слишком честны и симпатичны в настоящее время и станут лишь еще более неблагодарными в будущем. Наше славянофильство, каким его изображает наша пресса и наши апостолы в чуйке и юбках, в массе своей является не более чем обманом, фокусом, показанным несколькими жожаками, которые призывают к войне в надежде, что она приведет страну к кризису, а их самих на вершину власти.

Раз Заяц размышлял в укромном уголке
В укромных уголках нет лучше развлеченья, –

писал Лафонтен.¹⁰ Я тоже заяц, причем восьмидесятилетний, который размышляет в своей гомбургской норе. Я могу ошибаться. Тем лучше. Но мой длительный опыт познания людей и вещей заставляет меня верить, что в любом случае в основе моих мечтательств есть изрядная доля истины.

Повергните, прошу, мои раздумья зайца-беляка и выражение моего почтения к ногам королевы.

Сообщите мне хотя бы парой слов, получили ли Вы мое заячье рагу. (*фр.*)

¹ РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 11–13 об.

² Августейшая особа – вероятно, императрица *Мария Александровна*, которая долгие годы собирала все документы, принадлежавшие ее тетушке Елизавете Алексеевне.

³ О каких конкретно письмах императрицы Елизаветы Алексеевны идет речь, установить не удалось.

⁴ *Адлерберг Александр Владимирович*, граф (1818–1888) – генерал-адъютант, министр императорского двора и уделов в 1872–1881 гг.

⁵ Мальцову... – см. примеч. 16 к п. 21.

⁶ *Павел* – сын П. А. Вяземского.

⁷ *Ольга Николаевна* (1822–1892) – дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, с 1846 г. супруга Карла I, короля Вюртембергского.

⁸ Речь идет о столкновении сербских войск с турецкими. 18 (29) окт. 1876 г. турецкая армия прорвала сербский фронт, принудив сербов к отступлению. Крушение сербской армии открыло туркам дорогу на Белград. Бегство сербов прикрывала русская бригада добровольцев генерала Черняева в 6000 человек.

⁹ Опубл.: *Вяземский П. А.* ПСС. Т. 12. С. 527–528 (с незначительными разночтениями).

¹⁰ Вяземский цитирует начальные строки басни Жана де Лафонтена «Заяц и лягушки» (Le Lievre et les Grenouille).

23. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Б. Б. 24 (7) окт./8 ноября 1876

Почтеннейший Князь.

Ответ Ваш я вовремя доставила, присовокупляя совет: обратиться к самому Государю. Мария Макс. так и поступила и по телеграфу получила через 4 часа отзыв «les lettres ont été rendues a Wiasemski». ² Уезжая во вторник в Палермо, ³ Мар. Макс. оставила мне письмо, где поручает мне разъяснить это дело, и просит Вас *вытребовать* драгоценные автографы и доставить их ко мне или прямо Гросс-Герцогу Баденскому. ⁴ Вам будет нетрудно написать словечко к гр. Адлербергу, а в случае нужды и к самой императрице, а то, пожалуй, письма Елис. Алексеевны пропадут безвозвратно. Двор, говорят, уже в столице – тем легче навести справки.

Прошу во всяком случае уведомить меня об успехах или неудачах Ваших поисков.

От души преданная

А. Баратынская.

Если бы Кн. Павел заглянул мимоходом сюда, он бы нашел в Бадене Столыпинах. Погода у нас отвратительная, полуснег, полудождь, ветер воет.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 27–28.

² письма отданы Вяземскому (*фр.*).

³ Палермо – столица Сицилии.

⁴ Фридрих-Вильгельм-Людвиг Баденский (1826–1907) – великий герцог Баденский в 1856–1907 гг.

24. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Баден Б.

4 ноября 1876.

Простите мне, дорогой Князь, мое невольное молчание. Признаться, я была уверена, что Вы и без меня узнаете, что Брюссельская дуэль была выдумка Figaro² и других шутов. А как Вам показалась статья 19-го окт. о бедном Потапове?³ У меня 20-го обедала Варв. Арк. Нелидова,⁴ мы вместе читали и невольно смеялись.

Турецкая резня остановилась до поры до времени,⁵ оплакивать погибших русских, даже негодяев, и они пригодились бы нам в случае войны, а война *partie remise*,⁶ кажется. Варцинский Сфинкс⁷ молчит. Речь (заочная) Державного Старца мне кажется довольно неопределенна.

Берусь за перо снова – письмо это было прервано посещением Марии Максимилиановны. Вот Вам поручения Е.И.В-а.

1) Она Вам сердечно кланяется и 2) Спрашивает: получили ли Вы обратно от нашей Императрицы письма Имп. Елиз. Алексеевны, которые Вы возили в Югенгейм⁸ и отослали через Государя? Если не получили, вытребуйте их через гр. Адлерберга или кого знаете и отошлите их потом самому Гроссгерцогу в Карлсруэ – письма эти не принадлежат Марье Макс. Она очень боится, как

бы они не затерялись, переходя из рук в руки. Она едет в Палермо во вторник 7-го нояб. Если успеете, пришлите мне ответ по телеграфу *«где письма»?*

Обнимаю Княгиню и Вас – собираюсь в Штутгарт после 15-го, а после в Россию на 3 месяца.

От души Ваша
А. Баратынская.

J'ajoute ces quelques mots pr. Vs. dire que vous pouvez Vous servir des lettres de feu l'Imp. Elisabeth pourvu *qu'après* vs. les restituez au Gr. Duc de Bade saines et sauvées⁹.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 29–30, л. 30 – окончание письма на фр. яз.

² В номере от 29.05.1876 г. ежедневной французской газеты «Фигаро» (выходила с 1826 г.) была напечатана заметка о брюссельской дуэли, наделавшей много шума. Один из противников был убит, второй – лейтенант Маршал должен был предстать перед военным судом.

³ *Потапов Александр Львович* (1818–1886) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант, шеф жандармов и главный начальник III Отделения (1874–1876). В Приложении к «Фигаро» – «Supplément au Figaro du jeudi 19 octobre 1876» была напечатана большая статья под заголовком «La folie du général Potapoff, chef de la police de l'Empire de la Russie», посвященная сумасшествию генерала Потапова, которое с ним случилось в то время, когда он сопровождал императора Александра II в Ливадию. По распоряжению Александра II Потапова отправили в Вену к доктору Лойдесдорфу (Loidesdorff).

⁴ *Нелидова Варвара Аркадьевна* (1814–1897) – камер-фрейлина, фаворитка Николая I.

⁵ 19 окт. 1876 г. посол в Турции граф Игнатъев передал султану требование России прекратить войну с Сербией, в обратном случае Россия вступала бы на ее защиту. Турция согласилась на прекращение войны.

⁶ в другой раз (*фр.*).

⁷ *Варцинский Сфинкс* – вероятно, имеется в виду Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк-Шёнхаузен (нем. Otto Eduard Leopold von Bismarck-Schönhausen; 1815–1898) – германский государственный деятель, князь, первый канцлер Германской империи (второго рейха), прозванный «Железным канцлером». Варцин – померанское имение Бисмарка со старым парком и замком (ныне Варцино, Польша).

⁸ Югенгейм – городок в 18 км от Дармштадта, в котором находился замок Хайлигенберг (Heiligenberg), резиденция дома Баттенберг-Маунтбаттен (Battenberg-Mountbatten), представители которого были в родстве со многими королевскими дворами Европы.

⁹ Еще несколько слов, чтобы Вам сказать, что Вы можете использовать письма покойной императрицы Елизаветы при условии, что вернете их герцогу Баденскому в целости и сохранности (*фр.*).

25. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<19 ноября 1876>

Baden B. 19 Nov.
1876

Cher Prince. Vs me croyez probablement à Stuttgart lisant à la Reine les *charmantes songeries* (non du lièvre dans son gîte mais de Aigle dans son aire, et jouissans des impressions de S. M. Hélas ! je suis dans mon lit depuis 15 jours avec une bronchite obstinée, toussant et ne parvenant pas à guérir. Si je suis tout à fait bien pr. le 25, chose douteuse, je partirai. Laissez moi en attendant employer mes premières forces pr vs remercier et vs dire combien je partage vos idées et sentimens

et combien j'ai joui de vos vers – M. Stolypine est d'un avis politique opposé : slavophile comme les *чуйки*, par la raison sans doute qu'elle n'a pas vu ces héros de près. Prions cher Prince pour notre Empereur et notre Russie! Les chroniques intérieures de Вестник Европы très bien faite (Octobre 1876) viennent à l'appui de vos raisonnemens.

J'espère vs écrire plus longuemens de chez la Reine. Pr le momen je suis trop misérable ! Mes tendres hommages à la Princesse. Tout Bade tousse et gémit

A vs de cœur
A. Baratinsky.

Marie Stol. vs dit les choses les plus senties. Le fils prospère et réussi, le mari est parti pr son poste.

[ПЕРЕВОД]

Дорогой Князь. Вы, по-видимому, полагаете, что я в Штутгарте и читаю Королеве очаровательные раздумья (только не зайца в его норе), но Орла, воспарившего в воздухе, и внимаю впечатлениям, которые они произвели на Е. В. Увы! вот уже 15 дней, как я в постели с затяжным бронхитом, кашляю и никак не могу поправиться. Если я буду чувствовать себя вполне хорошо к 25-му, что сомнительно, я поеду. Позвольте же мне пока что потратить первые вернувшиеся ко мне силы, чтобы Вас поблагодарить и сказать Вам, насколько я разделяю Ваши мысли и чувства и какое большое наслаждение доставили мне Ваши стихи. Г-н Столыпин придерживается противоположных политических взглядов: славянофил как чуйки, по причине, что не видел этих героев вблизи. Помолимся же, дорогой Князь, за нашего Императора и нашу Россию! Очень хорошо представленная внутренняя хроника Вестника Европы (Октябрь 1876) лишь подкрепляет Ваши размышления.²

Надеюсь написать Вам более подробно, когда буду у Королевы. В настоящий момент я очень дурно чувствую себя! Передавайте нежные приветы Княгине. Весь Баден кашляет и лихорадит.

Сердечно Ваша
А. Баратынская.

Мария Стол. передает Вам самые проникновенные слова. Сын ее процветает и имеет успех, муж отправился к месту ее назначения (*фр.*).

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 31–32.

² Речь идет о статье: Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1876. № 10. С. 799–823.

26. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Штутгарт
4-го декабря 1876.

Я прочла Ваше письмо Королеве,² которая оставила его у себя для сообщения Королю. Ее Вел. совершенно разделяет Ваше мнение и чувства, прибавляя, что до сих пор Она боялась высказываться, не будучи уверена в правоте своих

впечатлений. «Я иногда думала, что я отстала от России и потому не понимаю общего увлечения, теперь вижу, что не ошибалась. Вяземский, Вы, даже Стааль,³ знакомый с Востоком, все судят одинаково». Стихи Ваши Ей очень понравились. Вот, почтеннейший Князь, верный Resumé разговора. Я здесь шестой день и прибуду в четверг 28 ноября / 7 декабря.

Их Величества⁴ милостивы и любезны донельзя. Я их вижу то за обедом, то вечером ежедневно. Третьего дня был военный обед, я, разумеется, не присутствовала, но была посвящена в тайны туалетной комнаты, где видела Оль. Ник. во всем блеске чудных бриллиантов и собою живо напоминавшей прежнюю красоту. Он весел, с Ней очень ласков и, видимо, доволен, что себя превозмог в отношении к Германскому императору, с которым после Штутгартских празднеств⁵ взаимно подружился.

Вчера на фамильном обеде я видела все родство – жених весел и влюблен – свадьба весною.⁶ Вера Конст. в восхищении от своего мужа⁷ – две крошки живут, но очень тщедушны.⁸ Завтра обедаю с Их Вел-ми у Вел. Княгини. М. Т. Пашкова⁹ стареет, но такая же милая, и православна, jusqu'à la moële des os.¹⁰ В большой дружбе с о. Базаровым.¹¹ Посольство составляет дружную семью. Вот подробный отчет моего пребывания в здешней столице. Буду ждать ответа в Бадене. Думаю, если Господь благословит, съездить в декабре в Птбрг: там Борей¹² я не боюсь, только б он пощадил дорогой.

От души Ваша
А. Баратынская

Mes tendres hommages à la Psse.¹³ Отыскались ли письма Ел. Алекс.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 33–34.

² Т. е. Ольге Николаевне, королеве Вюртембергской.

³ *Стааль Егор Егорович*, барон (Georg Friedrich Karl von Staal, 1822–1907) – российский дипломат, чрезвычайный посланник и полномочный министр в Вюртемберге (1871–1884).

⁴ Их Величества – Карл I (Карл-Фридрих-Александр; 1823–1891) – король Вюртембергский с 1864 г. и великая княгиня Ольга Николаевна.

⁵ Имеются в виду торжества по поводу бракосочетания великой княгини Веры Константиновны с герцогом Вильгельмом-Евгением Вюртембергским, состоявшегося в Штутгарте 4 мая 1874 г.

⁶ Речь идет о предстоящей свадьбе великой княжны Анастасии Михайловны (1860–1922), дочери великого князя Михаила Николаевича и Ольги Федоровны. 12 (24) янв. 1878 г. она вышла замуж за великого герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха-Франца III (1851–1897).

⁷ *Вера Константиновна* (1854–1912) – младшая дочь великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны, внучка императора Николая I. Воспитывалась при дворе королевы Вюртемберга Ольги Николаевны. Муж – Вильгельм-Евгений Вюртембергский (1846–1877).

⁸ В 1876 г. у герцогов Вюртембергских родились дочери-близнецы Эльза (1876–1936) и Ольга (1876–1932).

⁹ *Пашкова* (урожд. гр. Баранова) *Мария Трофимовна* (1807–1887) – дочь камергера Т. О. Баранова и гофмейстерины Ю. Ф. Адлерберг; выпускница Смольного института и фрейлина, замужем за Михаилом Васильевичем Пашковым (1802–1863), ген.-лейтенантом, управляющим Департаментом внешней торговли. Супруги Пашковы были знакомы с А. С. Пушкиным, с 1838 г. они жили в доме на Мойке, в квартире, которую ранее снимала семья поэта.

¹⁰ до мозга костей (*фр.*).

¹¹ *Базаров Иоанн Иоаннович* (1819–1895) – православный священнослужитель, протоиерей, церковный писатель. С 1851 г. настоятель русской придворной церкви в Штутгарте.

¹² Борей – в греческой мифологии олицетворение северного буйного ветра.

¹³ Мои нежные приветы Княгине (*фр.*).

27. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Баден. Б.
пятница 10 / 22 Декабря

Если хотите спальную комнату окнами в сад, я Вам приготовлю уют в Hôtel d'Angleterre.² Дайте знать прямо *туда* с вечера, что будете на следующую ночь. Поезда из Франкфурта приходят сюда, ночной в 2 часа утра (раннего) дневной в 5 ½ ровно к обеду. Этот удобнее.

Я еду не после нашего 15-го января, но после 1-го янв; чтоб избежать в Прбге суматоху Праздников.

Адрес Марии Макс. просто à *Palerme sans indication d'hôtel*.³ Радуюсь, что Письма отыскались. Ждем Вас с нетерпением, дорогой Князь. Не откладывайте, не то попадете в морозы. Теперь грязно, сыро, но тепло. Пар костей не ломит. Сердечный привет Княгине.

От души Ваша
А. Баратынская

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 35.

² Hôtel d'Angleterre или Englischer Hof (Английский двор) – гостиница в Баден-Бадене, где часто останавливались именитые русские гости, среди которых был и император Александр II.

³ Без указания отеля (*фр.*).

28. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<19/25 декабря 1876>

L'Hôtel d'Angleterre est froid__ vous serez mieux à *Hollande*,² et n'y mourrez pas de faim. La chambre à coucher est tranquille. Annoncez vs. dès le matin à moi.

A. Baratinsky
Bade B.³
19/25 XII 1876

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 36.

² Hôtel de Hollande (Голландия) – гостиница в Баден-Бадене, где останавливались русские писатели: Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и др.

³ В отеле Англтер холодно__ Вам лучше будет в Голландии, и там Вы не умрете с голоду. До спальни уличный шум не доходит. Дайте мне знать о себе утром. А. Баратынская. Баден-Б. (*фр.*).

29. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<13 января 1877>

Aufgegeben B. Baden den 13 Januar 1877 8 Uhr 25

Bad Homburg Prince Wiasemski

Félicitations tendres vœux unanimes pars demain écrirai de Pétersbourg
Baratinsky.²

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 37.

² Б. Баден, 13 января 1877 г. 25 утра.

Бад Гомбург, Князю Вяземскому

Поздравления нежные все пожелания, уезжаю завтра, напишу из Петербурга

Баратынская (*фр.*).

30. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

С. Петерб. 26 янв./ 7 февр. 1877

Невский просп. 42

Дорогой любезный Князь.

До сих пор Борей ко мне милостив: снегу много, но не холодно, на улицах давка, страшно ездить, рельсы везде стесняют путь; после Баденского простора мне все кажется, что на мою карету наедут эти огромные вагоны, коим нет числа. По истечении 8-дневного траура по супругу бедной Веры Конст.² начались балы при Дворе и в городе. Но я тут безучастна. Сохрани, Господи, и думать о балах. Зато много других отрадных впечатлений. Императрица³ меня обворожила; до того привет Е. В. был милостив. На другой день я обедала у И. И. В. В-в. Государь,⁴ видимо, поправился здоровьем, голос окреп, одышки не заметно, был весел, разговорчив, о благосклонности и говорить нечего. Я, разумеется, сообщила хорошие вести о Вас – И. И. В. В. много о Вас спрашивали. Императрица хвалила письмо о Нелединском.⁵ Я указала на статью о Ник. Тургеневе,⁶ которую прочтут. О политике ни слова! Зато в обществе, в особенности военный люд, относятся с недоверием и злобой к Германии и убеждены, что она хочет нас вовлечь в эту войну, а сама в мутной воде рыбу удит.

Из Вел. князей я видела только младших,⁷ славные молодцы! Цесаревна⁸ как будто выросла и очень мила. Марья Павловна⁹ привлекательна. В. княгиня Алекс. Петровна¹⁰ похорошела, повеселела. В. к. Екат. Мих.¹¹ неутешна, но так кротка! Обе нежно кланяются Вам и княгине, также Евг. Макс.¹² Ваши здоровы, княгиня Мар. Арк.¹³ пополнила и живет душа в душу со своей повелительницей.¹⁴ К. Павел¹⁵ не похудел, очень занят. У них уютно и нарядно. Вы бы не узнали золотую гостиную Императрицы, преобразованную покойной В. к. Марией Ник.: ковер, картины, мраморы, зелень окружают прелестные établissements,¹⁶ мебель кое-где покрыта восточными золотыми шальями, просто рай! В прочих покоях по-прежнему...

Поговаривают о разводе гр. Петра Шув.¹⁷ Сирена его здесь.¹⁸ О смерти ея мужа носятся толки: была ли дуэль или удар? – не решено.¹⁹ Гр. Панина²⁰ мне рассказывала странные вещи. Пав. Шув.²¹ страстно влюблен в свою молодую жену.²²

Вот перечень моего двухнедельного пребывания в России.

Обнимаю от души Княгиню и Вас.

А. Баратынская.

Мария Максим. просит Вас ради Бога возвратить скорее письма Елис. Алексеев. Грос. Герцогу в Карлсруэ.²³

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 38–39.

² Вильгельм-Евгений Вюртембергский скончался 15 (28) янв. 1877 г. в Дюссельдорфе в возрасте 30 лет, менее чем через 3 года после бракосочетания. По преданию, был убит на дуэли. Похоронен в церкви Штутгартского замка.

³ *Мария Александровна* (1824–1880) – принцесса Гессенского дома, супруга Александра II и мать императора Александра III.

⁴ Т. е. Александр II (1818–1881).

⁵ Имеется в виду мемуарная статья П. А. Вяземского «Ю. А. Нелединский-Мелецкий», написанная в 1848 г. во время подготовки к изданию сочинений Нелединского-Мелецкого. См.: *Вяземский П. А.* ПСС. Т. 2. С. 380–394.

⁶ См. примеч. 3 к п. 16.

⁷ Вероятно, имеются в виду великие князья *Сергей Александрович* (1857–1905) и *Павел Александрович* (1860–1919).

⁸ *Мария Федоровна* (Мария-София-Фредерика-Дагмар (Дáгмара); 1847–1928) – супруга (с 28 окт. 1866) великого князя Александра Александровича, будущего Александра III.

⁹ *Мария Павловна* (урожд. Мария-Александрина-Элизабета-Элеонора Мекленбург-Шверинская, 1854–1920) – герцогиня Мекленбург-Шверинская, русская великая княгиня.

¹⁰ Великая княгиня *Александра Петровна* (1838–1900) – супруга великого князя Николая Николаевича, сына императора Николая I, дочь принца Петра-Георга Ольденбургского и принцессы Терезии Нассауской.

¹¹ Великая княгиня *Екатерина Михайловна* (1827–1894) – дочь вел. кн. Михаила Павловича и вел. кн. Елены Павловны.

¹² Светлейшая княжна *Евгения Максимилиановна*, герцогиня Лейхтенбергская, в замужестве принцесса Ольденбургская (1845–1925) – член Российского императорского дома (с титулом «Императорское высочество»).

¹³ Имеется в виду *Мария Аркадьевна Вяземская* (урожд. Столыпина).

¹⁴ В 1874 г. Мария Аркадьевна была пожалована в гофмейстерины к великой княгине Марии Павловне.

¹⁵ Т. е. князь Павел Петрович Вяземский.

¹⁶ *Зд.*: конструкции (*фр.*).

¹⁷ *Шувалов Петр Андреевич* (1827–1889) – генерал-адъютант, член Государственного совета, начальник III Отделения в 1861–1864, 1866–1874 гг., генерал-губернатор Прибалтики в 1864–1866 гг. С 1874 по 1879 г. был чрезвычайным и полномочным послом в Великобритании. За свое огромное влияние на Александра II получил прозвище «Петр IV».

¹⁸ Имеется в виду *Мария Сергеевна Долгорукова* (во 2-м браке Бенкендорф, 1846–1936) – дочь князя С. А. Долгорукова, жена князя А. В. Долгорукова (см. следующую сноску).

¹⁹ Ср. свидетельство в дневнике П. А. Валуева (запись от 5 сент. 1876 г.): «Много толков о смерти кн. Долгорукова, сына покойного кн. Василия, мужа кн. Мери. Одни говорят, что он убит на дуэли гр. Шуваловым (послом), другие – что он умер от delirium tremens (умопомешательства на почве алкоголизма. – *А. Д.*). Странно, что эти другие – преимущественно родственники княгини и что смерть приключилась в Брюсселе, куда ему не было стати ездить. Воздерживаюсь лично от окончательной веры той или другой стороне» (*Валуев П. А.* Дневник: в 2 т. М., 1961. Т. 2. С. 388).

²⁰ Вероятно, *Наталья Павловна Панина* (урожд. гр. Тизенгаузен, 1810–1899) – дочь тайного советника и сенатора гр. Павла Ивановича Тизенгаузена (1774–1864) и Юлии Петровны Тизенгаузен, урожд. гр. фон дер Пален (1782–1862), фрейлина.

²¹ *Шувалов Павел Андреевич* (1830–1908) – военачальник и сановник из рода Шуваловых, генерал-лейтенант. В 1877 г. был назначен командующим 2-й гвардейской пехотной дивизией, принимал участие в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Впоследствии был варшавским генерал-губернатором (1894–1896) и послом в Берлине (1885–1894), пользовался расположением как Вильгельма I, так и Вильгельма II, будучи сторонником сближения России с Германией.

²² *Комарова Мария Александровна* (1852–1928) – вторая жена Шувалова – дочь профессора Института Корпуса инженеров путей сообщения А. Комарова, фрейлина великой княгини Екатерины Михайловны. Их свадьба состоялась в 1877 г. в Рундальском дворце графа Шувалова.

²³ Приписка к письму, сделанная на л. 38 на левом поле.

31. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской¹

<11/23 февраля 1877>

Гомбург

11/23 февр. – 77.

Сердечно и нижайше благодарю Вас, любезнейшая Анна Давыдовна, за то, что не забыли меня посреди суеты и блеска Петербурга и всех Ваших почестей. Благодарю и за милое и интересное письмо. Надеюсь, что на возвратном пути сдержите Вы обещание свое, назначите мне свидание во Франкфурте, или, если милость будет, даже осчастливите нас здесь лицеизрением своим. Уши мои так уже и зудят и алчут сладких и занимательных речей Ваших. Будет Вам что порассказать, а нам что послушать. Вот уже около двух недель, что я маленько гриппничаю, оттого поздно и отвечаю Вам. Теперь мне лучше, а жена, благодарю Бога, совершенно оправилась. У нас весна, с маленькими пережками и гримасами, но фиалки и маргариты расцветают в поле, и деревья зеленеют в парке. Только здесь и есть живого, а прочее всё мертво. Но я к этой смерти привык, авось легче будет свыкнуться с другою.

Сделайте одолжение, передайте Е. И. Высочеству Екатерине Михайловне мои глубочайшие почтения и сочувствия.²

Не забудьте также меня, когда увидите графиню Мойра³ и княгиню Елену Павловну.⁴

Жена моя Вам нежно кланяется, а я нежно целую ручку Вашу.

Вяземский.

Вы, которые покровительствуете мою старую, беззубую музу, – спросите у Шереметева⁵ мои поминки.

¹ РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 14–15. Сохранился конверт этого письма с почтовыми штемпелями Гомбурга и С.-Петербурга: РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 22.

² См. п. 4 примеч. 2. Сочувствие Вяземского в связи с кончиной мужа вел. кн. Екатерины Михайловны (см. п. 39, примеч. 3).

³ *Мойра Анна Александровна*, де (урожд. гр. Апраксина, 1827–1887), с 1845 г. была замужем за гр. Эдуардом Карловичем Сиверсом (1820–1900), разведясь с ним, в 1858 г. вышла за португальского посланника, виконта, потом графа Лоб де-Мойра (1810–1868); была хозяйкой салона, в котором собиралось все высшее петербургское общество, которое посещал также и Александр II. Ее имя вместе с княгинями М. А. Вяземской и С. А. Гагариной фигурировало в «истории с тремя дамами», когда в 1880 г. император обратился именно к ним, чтобы они первыми из придворных дам нанесли визиты княгине Юрьевской.

⁴ Вероятно, речь идет о кн. *Елене Павловне Кочубей* (урожд. Бибикова, в 1-м браке кн. Белосельская-Белозерская, 1812–1888), одной из первых светских красавиц. Была в это время обер-гофмейстериной царского двора.

⁵ *Шереметев Сергей Дмитриевич*, гр. (1844–1918) – историк, коллекционер, председатель Общества ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. С 1868 г. был женат на Екатерине Павловне Вяземской (1849–1929), внучке П. А. Вяземского.

С. Пбрг. 18 февраля/
2 марта 1877

Любезнейший Князь.

Пишу по поручению Вашей Державной приятельницы. Вчера я обедала у ИИ. ИИ. ВВ. с Вел. Князьями, граф. Мойра, Хрептовичем² и Игнатьевым,³ едушим за границу. О политике ни слова; но было приятно и весело, как будто на небе нет ни гроз, ни туч. После обеда Императрица много говорила со мною, снова спрашивала о Вас, здоровы ли Вы и Княгиня? Что пишете? Есть ли новое стихотворение? Я отвечала, что *Вы* в письме говорили о *Поминках*⁴ и что они в руках Шереметева. Между прочим, или прежде всего Е.В. приказала мне Вам передать *mille bonnes choses et bien affectueusement*,⁵ что я с радостью исполняю. Государь также мил и разговорчив дома. Видеть Их уже просто для меня новость и новость отрадная. До сих пор я мало знала Императрицу, теперь постигаю ее обаяние. Честь и слава Арсеньеву. Его питомцы прелестные, благовоспитанные юноши, один другого милее.⁶ Не удастся мне обедать с Цесаревной и Марией Павловной, авось и Их узнаю поближе. В. К. Екатерина Мих. тронута Вашей памятью. Гр. Мойра тоже. Она очень пополнила. Глядя на ее живот, я боюсь, не водянка ли готовится сократить ее жизнь? С боку смотреть, право, словно беременна. Глазами не хуже, а даже лучше. Кн. Долгорукова очень состарилась, нет следов красоты. Вдовушка здесь, в трауре.⁷ Гр. Шувалова⁸ отдает визиты – бедные Гагарины⁹ не принимают. Последователи Редстока¹⁰ собираются в известные дни у одной Мари Рейкер¹¹ и у Пашковых,¹² где совершают молитвы и добрые дела. Но мне не придется их встретить. Я не податлива на новизну – ужель нельзя молиться и тужить и творить милостыни без этих съездов? Между тем люди хорошие, трудно их смешивать с притворщиками.

Говорят, что канцлер выходит, что Гр. Ал. Влад. отклоняет наследство. Валуев *me paraît roide et solennel, mystérieux. Sera-ce lui?*¹³ Увидим.

Зима стоит, снег валит, до фиялок здесь далеко! Цветут грипп и бронхит. Я было свалилась но оправилась – надолго ли? Впрочем, очень берегусь – не хожу, а езжу в санях, от вечеров отказываюсь. Вчера был раут у граф. Протасовой¹⁴ – говорят, много было. В понедельник у гр. Мойра будут Государь и Мария Павловна. Туда, быть может, поеду. Благодарю за письмо и жду другого с ответом на поклон Императрицы. Вам и Княгине сердечный привет.

А. Баратынская.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 40–42.

² *Хрептович Михаил Иринеевич*, гр. (1809–1892) – русский дипломат польского происхождения, зять и протеже министра иностранных дел Нессельроде, царский посланник в Бельгии, Великобритании и других странах.

³ *Игнатьев Николай Павлович* (1832–1908) – русский посланник в Пекине (1859–1860), посол в Константинополе (1864–1877). Стронник идей панславизма. С 18 февр. по 20 марта 1877 г. Игнатьев, с целью обеспечить нейтралитет европейских держав в предстоявшей Русско-турецкой войне, посетил Берлин, Париж, Лондон и Вену.

⁴ Речь идет о цикле стихотворений Вяземского «Поминок» (1853), посвященном памяти Н. М. Языкова, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, А. А. Перовского и А. С. Пушкина. См.: *Вяземский П. А.* ПСС. Т. 11. С. 8.

⁵ Тысячу приветов и притом весьма нежных (*фр.*).

⁶ *Арсеньев Дмитрий Сергеевич* (1832–1915) – с 1864 по 1885 г. состоял сначала воспитателем, а затем попечителем великих князей Сергея и Павла Александровичей.

⁷ *Долгорукова* (урожд. Бенкендорф) *Мария Сергеевна* (1846–1936). В 17 лет (1863) Мария вышла замуж за князя Александра Васильевича Долгорукова. В 1865 г. у нее родилась дочь Ольга, в 1866-м – сын Александр, а в 1868-м – сын Василий. Муж Марии был всего на семь лет старше ее, ему в год свадьбы исполнилось лишь 24, что по тем временам считалось очень ранним браком. Вместе они прожили 13 лет. В 1876 г. в возрасте 37 лет муж Марии внезапно умер, оставив ее с тремя детьми.

⁸ Речь идет о Марии Александровне Комаровой, вышедшей в 1877 г. за П. А. Шувалова.

⁹ Вероятно, *Сергей Сергеевич Гагарин-младший* (1832–1890) и *Вера Федоровна Гагарина* (урожд. Пален).

¹⁰ *Редсток Гренвил Огастес Уильям Уолдигрейв* (1833–1913) – английский религиозный деятель, христианский миссионер, один из основателей евангельского движения в России. Весной 1874 г. прибыл в Санкт-Петербург, где познакомился с многочисленными представителями российской аристократии, с которыми вел беседы на духовные темы, а также произносил проповеди в частных домах для широкого круга слушателей. В число последователей Редстока входили княгини Н. Ф. Ливен, В. Ф. Гагарина, граф А. П. Бобринский, граф М. М. Корф, полковник В. А. Пашков, вдова генерал-адъютанта Е. И. Черткова, Ю. Д. Засецкая и др. В 1876 г. М. М. Корф вместе с В. А. Пашковым организовал и возглавил Общество поощрения духовно-нравственного чтения, занимавшееся распространением Библий и духовной литературы, а также выпускавшее религиозный журн. «Русский рабочий». Отрицательная реакция на развитие движения, получившего наименование «редстокистов», со стороны официальных церковных кругов в 1878 г. привела к установлению для Г. Редстока запрета на посещение России.

¹¹ *Пейкер* (урожд. Лашкарева) *Мария Григорьевна* (1827–1881) – последовательница лорда Редстока, издательница ежемесячного религиозно-нравственного журн. «Русский рабочий».

¹² Пашковы – см. примеч 9 к п. 26.

¹³ кажется мне чопорным и торжественным, загадочным. Он ли это? (*фр.*). (Вероятно, речь идет о последнем канцлере Российской империи кн. А. М. Горчакове (1798–1883) и его возможных преемниках гр. А. В. Адлерберге (1818–1888) и гр. П. А. Валуеве (1815–1890). Хотя политическая карьера Горчакова заканчивалась, ему удалось сохранить почетный титул государственного канцлера).

¹⁴ *Протасова* (урожд. кн. Голицына) *Наталья Дмитриевна* (1803–1880) – дочь московского генерал-губернатора, светлейшего князя Д. В. Голицына, кавалерственная дама ордена Св. Екатерины (малого креста) (1852) и баварского Ордена Терезы. В 1861 г. была пожалована в статс-дамы, а с февраля 1865 г. назначена обер-гофмейстериной при государыне императрице. Считалась первой дамой в Петербурге, жила открыто в своем роскошном доме на Невском проспекте (д. 72), давая рауты и танцевальные вечера. По отзывам современника, была женщиной достойной глубочайшего уважения, олицетворяла собой настоящий тип аристократической дамы, сохранявшей манеры, утонченную любезность и образ жизни давно минувшего времени.

33. А. Д. Баратынская – В. Ф. Вяземской¹

<весна 1877>

Samedi Saint

St. Pétersbourg 1877

Chère Princesse,

Христос Воскресе!

Je vous embrasse de tout mon coeur ainsi que le Prince qui m'oublie. Je viens de la plus belle Messe du monde où j'ai prié pour vous deux. C'était dans Palais Nicolas. La Gr. Dsse communiait avec une ferveur, une onction touchante, au milieu de beaux splendeurs de son Temple, de chants superbes, devant ce Tombeau resplendissant des cierges et exhalant les plus suaves arômes d'Orient. Je vs assure que c'était édifiant.

Je suis sous le charme de la bonté de cette Gr. Duchesse, plus je l'approche et plus je l'apprécie. Impossible d'être plus aimable, plus sereine, plus hospitalière. Vs la connaîtrez, mais vs. verriez d'énormes progrès comme femme du monde, sans moins d'observations de ses devoirs religieux et chrétiens, chose rare!

Je n'ai pas été au Palais d'Hiver depuis les <нрзб.> mais je sais qu'on y a lu des nouvelles du Prince en prose et en vers.

Pr. la Gr. Dsse Catherine je La vois très souvent. Ns avons fait nos divotions ensemble. Et cette Nuit ns entendrons chanter Христос Воскрепеce dans ce Palais où il reste hélas si peu de vivants! Je ne vois pas les vôtres depuis nos premières rencontres; mais Lise Karamzine est tres vieillie. Les slavophiles des Palais очень присмирели. Aksakoff et son Egérie se livrent seuls aux mêmes élucubrations. Pauvre Empereur et pauvre Russie! que de nuages sur leurs têtes et comme cette éternelle incertitude est pénible!

Mes impressions personnelles sont très douces – celles du dehors assez sombres. Recevez chère Princesse mes voeux et mes plus tendres hommages.

A vous deux de coeur

Anne Baratinsky.

Je pense repartir vers la fin d'Avril pr. Bade.

[ПЕРЕВОД]

Страстная суббота,
Ст.-Петербург 1877

Дорогая Княгиня,
Христос Воскрепеce!

Обнимаю Вас от всего сердца, так же, как и Князя, который обо мне забыл. Я только что вернулась с самой прекрасной службы в мире, где я молилась за Вас обоих. Это было в Николаевском дворце.² Великая Княгиня³ причащалась ревностно, трогательное помазание среди великолепия этого Храма, величественные песнопения перед Гробницей, окруженной горящими свечами, источающими восточный аромат. Уверю Вас, все это было поучительно.

Я очарована добротой этой Великой Княгини, чем более я с ней сближаюсь, тем более начинаю ценить. Невозможно быть более любезной, более светлой, более гостеприимной. Вы познакомитесь с ней, но Вы увидите, что она очень сильно выросла как светская дама, не говоря уже о ее религиозных и христианских обязанностях, вещь редкая!

С тех пор я не была в Зимнем дворца, но я знаю, что Князь был там с чем-то новым в прозе и стихах.⁴

Вел. кн. Екатерину⁵ я вижу очень часто. Мы вместе... И сегодня ночью мы будем слушать, как поют Христос Воскресе в этом Дворце, где, увы, осталось в живых так мало! После первых наших встреч я более не видала Ваших; но Лиза Карамзина⁶ очень постарела. Придворные славянофилы очень при- смирили. Один Аксаков со своей Эгерией⁷ предаются все тем же разглаголь- ствованиям. Бедный Император и бедная Россия! Какие тучи сгустились над их головой и как тяжела эта вечная неопределенность!

Мои личные впечатления очень хороши; весьма мрачны впечатления о том, что творится вокруг.

Примите, дорогая Княгиня, мои самые лучшие пожелания и уверения в нежных чувствах, которые я к Вам испытываю.

Сердечно Ваша и Князя

Анна Баратынская.

Думаю отправиться в конце апреля в Баден. (*фр.*)

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 43–44.

² Николаевский дворец – трехэтажная резиденция великого князя Николая Николаевича на Благовещенской площади Санкт-Петербурга (ныне пл. Труда). Строился в 1853–1861 гг. архитектором А. И. Штакеншнейдером и его помощниками Августом Ланге и Карлом Циглером.

³ Великая княгиня (имеется в виду вел. кн. Александра Петровна (1838–1900) – супруга вел. кн. Николая Николаевича (1831–1891), дочь принца Петра Георга Ольденбургского и принцессы Терезии Нассауской).

⁴ Вяземский читал в Зимнем дворце прозу и стихи.

⁵ Великая княгиня Екатерина Михайловна – см. примеч. 2 к п. 4.

⁶ Карамзина Елизавета Николаевна (1821–1891) – дочь Н. М. Карамзина, фрейлина (с 1839 г.), замужем не была. Не имея состояния, жила на пенсию, которую получала как дочь Карамзина.

⁷ Эгерия – в древнеримской мифологии нимфа-прорицательница, жена римского царя Нумы Помпилия. Вяземский называл Эгерией Анну Федоровну Тютчеву (1829–1889), дочь поэта Ф. И. Тютчева, фрейлину Высочайшего двора, жену И. С. Аксакова, разделявшую взгляды славянофилов.

34. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской¹

22июня / 4 июля 1877

Что изволите Вы поделывать, любезнейшая сударыня? И что делается у вас? Мы живем по-старому и помаленьку. Эти дни мы благодатно и благорастворенно потели под жарю. Теперь начинаем свежить и мокнуть под дождем. Здесь большош наплыв англичан и англичанок. Несколько дюков и дюшесс. Я предпочел бы им натуральных дюшесс, то есть les roïges duchesses. С этими высотами я мало знаком. А более держусь средних слоев. Здесь гостили Жерлингамы.² Сегодня они уехали. На днях обедал я в Содене³ у Марии Максимилиановны. Она, кажется, похудела, но, впрочем, довольно здорова, очень жива и мила. А когда едет Мария Павловна? Скажите Скалону,⁴ чтобы он не забыл уведомить меня заблаговременно о дне отъезда. Очень желаю провесть еще несколько дней в Б. Бадене. Извинили ли Вы меня пред Персиани?⁵ Мой сердечный поклон Колошиным.⁶

Неизменно Вам преданный Вяземский.

¹ РО ИРЛИ, ф.33, оп. 1, № 201, л. 18–18 об.

² Неустановленные лица.

³ Соден – город в прусской провинции Гессен-Нассау близ Франкфурга-на-Майне.

⁴ *Скалон Дмитрий Антонович* (1840–1919) – полковник, адъютант великого князя Николая Николаевича, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

⁵ Вероятно, *Персиани, Иван Эммануилович* (1790–1888) – действительный тайный советник (с 10.09.1866). Происходил из бояр княжества Валахия.

⁶ Речь идет о семье *Ивана Петровича Колошина* (1827–1891), с 1876 г. чрезвычайного посланника и полномочного министра в Баден-Бадене.

35. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Б. Б. 6 июля
1877

Дорогой Князь.

Поручение Ваше я сообщила Скалону *письменно*. Ни Вел. Княгиню ни Свиту Е. И. В. я не вижу с Вашего отъезда. В воскресенье было благодарственное Молебствие в присутствии Е. И. В. Трубецкие (Lisa)² здесь на все лето и, говорят, *в долг* у Штадельгофера³ проживут до осени. Девочки очень милы.⁴ Алексей Лобанов⁵ у Лонгиновых 8 дней. Впрочем, ничего нет нового. Гагаины едут, но не двинулись с места. Война меня сводит с ума. Карс⁶ меня давит. Что, если перережут всех наших в Баязете!⁷ Приезжайте сюда! Зачем ждать именно отъезда? Не все ли равно посетит Вел. Княгиню теперь? Персияни очень тронут Вашей памятью.

Нежно обнимаю Княгиню и Вас с ее позволения.

А. Баратынская.

Я часто прихварываю и теперь не совсем здорова, мигрень, бессонница!

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 45.

² *Трубецкие: Петр Никитич* (1826–1880) – действительный статский советник, санкт-петербургский уездный предводитель дворянства и его жена *Елизавета Эсперовна* (урожд. княжна Белосельская-Белозерская; 1834–1907) (светское прозвище *Lise*), кн., фрейлина императрицы Марии Александровны, хозяйка известного парижского салона. Владелица усадьбы Елизаветино Санкт-Петербургской губернии.

³ Неустановленное лицо.

⁴ Дочери Трубецких: *Елена Петровна* (1852–1917) – с 21 мая 1871 г. вторая супруга Павла Павловича Демидова, князя Сан-Донато (1839–1885); *Александра Петровна* (1857–1949) – супруга шталмейстера Владимира Николаевича Охотникова (1847–1917), который унаследовал Елизаветино; *Ольга Петровна* (1868–1887); *Мария Петровна* (1870 / 1872–1954) – супруга графа Алексея Алексеевича Белевского-Жуковского (1871–1932), внебрачного сына великого князя Алексея Александровича.

⁵ *Лобанов-Ростовский Алексей Борисович* (1824–1896) – князь, российский государственный деятель, дипломат.

⁶ Карс – одна из наиболее сильных крепостей Азиатской Турции. В начале Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. действующий корпус генерала от кавалерии М. Т. Лорис-Меликова (30 тысяч человек при 96 орудиях) осадил Карс, но под давлением Мухтар-паши, имевшего 5 тысяч солдат и собравшего 25 тысяч иррегулярных войск, был вынужден 28 июня (9 июля) снять осаду и отойти к русской границе. Карсская крепость была взята штурмом 6 (18) нояб. 1877 г.

⁷ Баязет (совр. Догубаязит) – город на северо-востоке Турции (вилайет Агры). Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. был взят русскими войсками. В июне 1877 г. русский гарнизон Баязета. (ок. 1650 чел.) был осажден турками (ок. 11 тыс. чел.). Осада продолжалась 23 дня. Руководили обороной полк. И. Хан Нахичеванский, капитан Штоквич, поручик Томашевский. Несмотря на малочисленность гарнизона, недостаток продовольствия и воды, защитники Баязета отбили все атаки противника. Предложения о капитуляции были отклонены. 28 июня (10 июля) подошедший Эриванский отряд русских войск отбросил турок и снял осаду Баязета.

36. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской¹

<24 июля / 5 августа 1877>

Homburg es month
24 juil. /5 aout 77.

Как изволите поживать, милостивая государыня? Надеюсь, что хорошо. Мы так себе. Нельзя слишком жаловаться, но нечему и очень радоваться. Погода самая непостоянная. То тепла и солнечна: то дождлива и свежа. Вероятно, то же и у Вас. Странные депеши напечатали в Figaro, Samedi, 4.²

Что говорит о них Европейская Эгерия,³ жительствующая в Hôtel d'Angleterre?⁴ Худо верится, а между тем все говорится так утвердительно, что приходишь в тупик. Впрочем, l'imprévu,⁵ которое вообще играет роль в жизни нашей, во всё́м этом восточном вопросе и в различных изменениях его a toujours tenu le haut du pavé⁶ и поражал нас противоречиями своими.

Правда ли, что В. К. Марию Пав.⁷ дорогою обокрали? Мы теперь под английским наплывом. Каждый день новые лица: а моя прекрасная американка⁸ у Вас ли еще или выехала? Если встретитесь с нею, передайте ей мой сердечный поклон.

Целую ручки Ваши. Неизменно Вам преданный Вяземский.

Надеюсь и даже уверен, что Вы не забыли гробницы.⁹

Скажите, сколько нужно денег Вам выслать.

¹ РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 16–17 об.

² Речь идет об опубликованных в газ. «Фигаро» за 4 авг. 1877 г. французским журналистом Анри Пьером де Вестином (псевдоним Иван де Вестин, 1834 – после 1906) дипломатических документов: депешах от 25, 27, 29 и 30 июля 1877 г., адресованных министром иностранных дел Турции, великим визирем Аафири турецкому послу в Австрии Алеко-Паша, доказывавших роль, которую в подготовке возможного перемирия между Турцией и Россией после неудачного для русских войск штурма Плевны играл австрийский двор (*Woestyne Ivan, de. La Paix. Documents diplomatiques // Le Figaro. 1877. No 216. Samedi 4 Août. P. 1*). То, что Вяземский называет эти депеши странными, относится, возможно, к утверждению Вестина о том, что, прибыв в Вену, за восемь проведенных в ней дней он сумел не только получить доступ к зашифрованной дипломатической переписке, но еще и найти к ней шифр, что, собственно, и позволило ему их перевести и опубликовать на французском языке. Вместе с тем главной темой этой публикации, которая могла заинтересовать Вяземского, стало утверждение, что истинным театром русско-турецких переговоров о перемирии, которые велись в это время, был отнюдь не Петербург, но Вена. Данное сенсационное заявление французского журналиста имело, на самом деле, под собой конкретную историческую основу, истоки которой восходят еще к Парижскому мирному договору 1856 г. Договор этот, подводящий итоги Крымской

войны, давал, в частности, право Великобритании и Австрии в случае конфликта России с Османской империей вмешаться в него на стороне Турции. Война России с Турцией один на один, таким образом, представлялась отныне возможной только при получении от этих держав согласия на военные действия. Подавление болгарского восстания турками весной 1876 г. и начавшийся геноцид болгарского населения, вызвав волну общественного возмущения в Европе, имели особый резонанс в России. Развернувшаяся здесь острая дискуссия в поддержку славян наложила в России на собственно российский спор между славянофилами и западниками (первые видели в возможной войне с Турцией выполнение особой исторической миссии русского народа и сплочение вокруг России славянских народов, западники же обосновывали освободительные цели войны). При этом объявление Россией 12 (24) апр. 1877 г. войны Турции оказалось возможным лишь в результате решений, принятых во время встречи Александра II с австрийским императором Францем-Иосифом 26 июня (8 июля) 1876 г., а также на Константинопольской конференции (11 дек. 1876 – 15 янв. 1877 г.), на которой был выработан компромиссный проект решения, дарующего автономии Болгарии, Боснии и Герцеговине под объединенным контролем великих европейских держав. Отказ Порты признать решения конференции и тем самым игнорирование турками объединенной воли европейских держав дало России возможность демонтировать положения Парижского договора, защищавшие Турцию от войны с Россией один на один.

И Рейхштадтское соглашение и соглашение России с Австро-Венгрией 15 янв. 1877 г., главным фигурантом которых выступала Турция, держались, однако, в строжайшем секрете, о них не знали даже крупные российские дипломаты, включая автономного посла в Турции (*Покровский М.* Русская история с древнейших времен / при участии Н. Никольского и В. Сторожева. М., 1911. Т. 5. С. 309–313). С подобной конфиденциальностью, по-видимому, и был связан сенсационный характер публикации турецких дипломатических депеш, доказывавших ту роль, которую в отношениях России и Турции играла в первую очередь Австрия. А также интерес и внимание к этой теме Вяземского, для которого «турецкий вопрос» теснейшим образом связан был с непрекращающейся борьбой западников и славянофилов.

³ Европейская Эгерия – *Анна Федоровна Тютчева*. См. примеч. 7 к п. 33.

⁴ Отель Англетер (*фр.*) в Баден-Бадене.

⁵ неожиданность (*фр.*).

⁶ задавал тон (*фр.*).

⁷ Имеется в виду вел. кн. *Мария Павловна* (1854–1920), жена вел. кн. Владимира Александровича (1847–1909), третьего сына Александра II, уржд. герцогиня Мекленбург-Шверинская.

⁸ Прекрасная американка – возможно, американская танцовщица *Фанни Лир* (наст. имя Гетти Эйли, в замужестве Блэкфорд, 1850 (?) – 1886) – любовница вел. кн. Владимира Константиновича.

⁹ Имеется в виду могила дочери Вяземского *Надежды Петровны Вяземской* (1822–1840) на Баденском кладбище.

37. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Telegramm aus B. Baden den 11/7/ 877
Bad Homburg, le Prince Wiasemsky
Félicitations vœux sincères
Baratinsky²

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 46.

[Перевод]

Телеграмма из Б. Бадена от 11.07.1877

Бад-Гомбург, князю Вяземскому.

Поздравления, искренние пожелания

Баратынская (*фр.*)

² Анна Давыдовна поздравляет Вяземского с 85-летием.

38. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Б. Б. 26 июля/
7 августа 1877

Многоуважаемый Князь.

Отвечаю Вам *по пунктам*.

Памятник исправляется медленно, но успешно: крыша снята, боковые камни будут утверждены на днях, также решетка. Новые буквы вырезаны отчасти; с надписью было много хлопот, но теперь все правильно. Зульцер,² кажется, честный мастеровой – о цене напишу, когда все будет готово – вряд ли перейдет за 70 марок.

Европейская Эгерия не ручается за истину новостей Фигаро. Прелестная американка уехала на днях – куда? Не знаю. Вел. Княгиню действительно обокрали две женщины, вошедшие в вагон в ту минуту, когда все сопровождавшие Е. В. *олухи* вышли на станции. Жаль ценных вещей и страшно за письма, которые находились в мешке.

Других новостей нет. Дешеша от в. к. Алекс. Петр.³ Мне ничего не сообщает, кроме доброй памяти.

Я с удовольствием вспоминаю о минутах, проведенных с Вами, когда-то увижу Вас опять? Вот Вам письмо Лизы Трубецкой⁴ к Кн. Черногорскому⁵ и отрывок фельетона из Рус. Мира.⁶

Обнимаю дорогую Княгиню и душевно кланяюсь Вам.

А. Баратынская.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 47–48.

² *Зульцер* – реставратор памятника на могиле Надежды Вяземской.

³ *Александр Петрович*, принц Ольденбургский (1844–1932) – генерал от инфантерии, муж княжны Евгении Максимилиановны Романовской, герцогини Лейхтенбергской.

⁴ Имеется в виду *Елизавета Эсперовна Трубецкая*.

⁵ *Никола I Петрович* (1841–1921) – второй князь Черногории с 1860 по 1910 г., а затем первый король Черногории с 1910 по 1918 г. из династии Петровичей-Негошей. Генерал-фельдмаршал Российской императорской армии (1910).

⁶ «Русский мир» – консервативно-оппозиционная петербургская газета (1871–1880). Основателем газеты был генерал М. Г. Черняев.

39. А. Д. Баратынская – В. Ф. и П. А. Вяземским¹

<7/19 августа 1877>

Bade B. Le 7 / 19 aout 1877.

En hâte

Chère Princesse et cher Prince. Je viens vs apprendre que le monument est enfin restauré et avec un succès complet. C'est à l'heure qu'il est, en seule tombe soignée

du vieux cimetièrre. Tout ce qui est pierre est taillé à neuf, l'inscription très correcte et lisible très profondément gravée. La grille et les croix repeintes en noir, l'horrible toit relevé; entre la grande pierre et les grilles j'ai fait planter une espèce de lierre rampant (Immergrün) qui donne au printemps de jolie fleurs bleues.

J'ai connu et aimée Nadine, et me suis occupée avec amour à remplir vos désirs. Le compte de Sulzer vs. sera envoyé – si vs. voulez consacrer cette restauration par des prières vs. ajouterez quelques Marks de plus.

Rien de nouveau ici – les journaux angoissants! Mon Coeur doublement triste, car mes chères petites Baratoff mère et fillees sont déjà à Copenhague. Христос с Вами!

A vous de Coeur
Baratinsky.

Je compte partir le 15/27pr. Friedrichshafen. Paul Joukovsky est ici- très bon mais chauve et vielli. Il m'a demandé de voir sa soeur, et est venu ce matin avec elle.... Elle est très fanée, très platte par devant et plus droite qu'elle n'était du dos. Les yeux toujours doux, suppliants... très calmes, très modestes d'ailleurs. Le petit garçon est ravissant.

[ПЕРЕВОД]

Баден-Б. 7 / 19 августа 1877.
Второпях.

Дорогие Княгиня и Князь. Сообщаю Вам, что памятник² наконец восстановлен и весьма успешно. В настоящий момент он поставлен на единственную ухоженную могилу старого кладбища. Камень обточен заново, надпись выгравирована четко и глубоко, очень хорошо читаема. Решетка и кресты заново покрашены в черный цвет, снят уродливый козырек; между большим камнем и решетками я велела посадить что-то вроде плетущегося плюща (Immergrün³), на котором весной распускаются хорошенькие голубые цветы.

Я знала и любила Надин и с любовью занималась исполнением Ваших пожеланий. Счет Зульцера⁴ будет Вам послан – если Вы захотите освятить отреставрированный памятник, добавьте к сумме еще несколько марок.

Здесь ничего нового – то, что печатается в газетах, внушает тревогу! Сердце мое вдвойне опечалено, так как мои дорогие Барановы, мать и дочери, уже в Копенгагене. Христос с Вами!

Сердечно Ваша
Баратынская.

Я полагала уехать 15/27 в Фридрихсхаген. Поль Жуковский⁵ здесь, он очень мил, но лысый и постаревший. Он попросил меня встретиться с его сестрой⁶ и сегодня утром пришел ко мне вместе с ней ... У нее весьма увядший вид, спереди она выглядит очень прямой и плоской, чего не скажешь, когда смотришь на нее сзади. Но глаза по-прежнему нежные, молящие... очень спокойные и к тому же скромные. Мальчонка очарователен⁷ (*фр.*).

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 49–50 об.

² Памятник на могиле Наденьки.

³ вечнозеленый (нем.).

⁴ Зульцер – см. примеч. 2 к. п. 38.

⁵ *Жуковский Павел Васильевич* (1845–1912), сын В. А. Жуковского – русский художник, инициатор создания Белевского краеведческого музея, был членом-учредителем по устройству Русского музея в Петербурге, участвовал в разработке проекта здания Музея изобразительных искусств в Москве.

⁶ Сестра – Александра Жуковская, бар. Седжиано, в замужестве бар. Верман (1842–1899) – дочь В. А. Жуковского, фрейлина, предположительно морганатическая супруга великого князя Алексея Александровича, брак с которым был расторгнут; мать его единственного сына.

⁷ *Белёвский-Жуковский Алексей Алексеевич*, гр. (1871 – между 1930 и 1932) – сын Александры Жуковской от великого князя Алексея Александровича.

40. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Б. Б. 9 / 21 ав. 1877

Любезнейший Князь.

Зульцер мне представил счет, далеко превышающий установленную цену – менее 100 марок он не берет, уверяя, что работы и материала было гораздо более, чем он ожидал. Правду сказать, это так. Буквы были стерты, камни, кроме плиты, переломаны, так что решетка шаталась, по сторонам решетки недоставало четвертой шышечки – сделали медную за неимением чугуновой. Я требовала, чтобы плита и боковые камни были выкрашены заново – нельзя ж было подновить одно, оставив другое в грязном виде. Теперь все отлично, любо смотреть. Подстричь деревья и посадить зелень в ограде стоило только 4 марки, что не разорительно. – Это были единственные *dépenses extraordinaires*.² Остальные необходимы.

Вчера получила я предлинное и премилое письмо от В. К. Екат. Мих. Она глубоко тронута депешей Государя о Стрелках и депешей, где отдавалась справедливейшая похвала покойному Герцогу³ – тужит о войне: после Плевны⁴ в Петерб. упали духом, стали бояться силы противника ... Но возможно ль, чтобы для гвардии нужно два месяца, чтобы добраться до Дуная, или В. К. ошибается? 2 месяца! Ведь это вечность. Но это же железные пути?

Гр. Мойра мне пишет, что Имп. не показывает уныния. Жизнь в Ферме течет по-прежнему, но вообще все грустно, страх заменил буйные восторги весны. Здесь тоска, воздух душливый. Боюсь, что на Конст. озере⁵ найду то же самое. Что может в настоящее время развлечь душу? Спаси нас Господи и помилуй!

Нежно обнимаю Вас и Княгиню. Не взыщите на меня за Зульцера!

А. Баратынская.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 51–52 об.

² непредвиденные расходы (фр.).

³ Муж вел. кн. Екатерины Михайловны герцог *Георг-Август-Эрнст-Адольф-Карл-Людвиг Мекленбург-Стрелицкий* скончался 8 (20) июня 1876 г. в Петербурге.

⁴ Осада Плевны (Плевена) – эпизод Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военная операция русско-румынских войск против укрепившихся в городе Плевне турецких войск Османа-паши. Упорная оборона турецких войск задержала продвижение русской армии и позволила османскому правительству укрепить Стамбул и Адрианополь, однако из-за неумелых действий высшего турецкого командования гарнизон Плевны был принужден к капитуляции.

⁵ Констанцское озеро – одно из названий Боденского озера, находящегося в предгорьях Альп на границе Германии, Швейцарии и Австрии.

41. П. А. Вяземский – А. Д. Баратынской¹

12/24 августа 1877

Сердечно благодарю Вас, любезнейшая Анна Давыдовна, за дружескую заботливость Вашу об исправлении надгробного камня. Беды нет, что оно обошлось немного дороже, чем предполагалось. Главное, что оно прилично и хорошо сделано, за что приносим Вам большое спасибо. А прочее представляем на совесть Г-на Зульцера. Надеюсь, что Вы уже получили посланные Вам женою моею сто марок. Кажется, в такой сумме заключался счет Зульцера. Жена извиняется, что наскоро написала Вам только несколько слов. В самый тот день была у нас Мария Арк.² проездом в Deauville³ к своей В. Княгине.⁴ Хорошо делаете и Вы, что едете к своей, или нашей Королеве. Там Вам будет отраднее. Прошу повергнуть меня к ножкам и к памяти ее Величества. Здесь все еще много народа и с каждым днем прибывает Британская волна. Мы ею залиты. Третьего дня встретил я Колошина во Франкфурте, живого грамотного о Бадене. Если увидите на озере экс-Императрицу,⁵ скажите ей, что все еще ожидаю письма ее, обещанного мне дюком де Бассано,⁶ в ответ на стихи мои. Разумеется, это шутка. Но, если придется к слову, можете сказать, что я остался верен моим мимолетным впечатлениям и видению.

Охота ей хлопотать о возвращении в эту, не столько умную, сколько безумную и неугомонную Францию.

Будьте здоровы и не унывайте. В жизни ничего нет такого, что бы стоило уныний, или радости. Передайте мой поклон Европейской Эгерии. Завтра буду ей писать.

Неизменно Вам преданный Вяземский.

Нет, я не туркофил и не стою за Порту.⁷ А чтобы решить вопрос восточный, вот мой план. Всех турков, сколько их ни есть, отправить к черту. Но с тем, чтоб и от всех избавиться славян.⁸

¹ РО ИРЛИ, ф. 33, оп. 1, № 201, л. 20–21 об.

² М. А. Столыпина.

³ Довиль – город в Нормандии на побережье Ла-Манша,

⁴ Имеется в виду великая княгиня Мария Павловна.

⁵ Имеется в виду бывшая французская императрица Евгения.

⁶ *Наполеон Жозеф Юг Марс, герцог де Бассано* (1803–1888) – великий канцлер Наполеона III. Его жена Полина де Бассано была камер-фрейлиной императрицы Евгении.

⁷ Порта (*фр.* Porte, *итал.* Porta, буквально дверь, врата) – употреблявшееся в европейских дипломатических документах и литературе название правительства Османской империи.

⁸ Цитата из стихотворения Вяземского.

42. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Фридрихсхафен
20-е авг. / 2 сентября 1877

Любезнейший Князь.

Вот неделя как я уже здесь – где все весело и радушно, но сердце Королевы и мое сердце бьются без умолку в ожидании вестей. Дешеш от Государыни нет – это дурной знак. Было к Королеве письмецо от 15/27 короткое и тревожное: «il n'y a de consolation que dans les prieres»,² – писала Ея Вел. Король судит очень здраво, боится за нас, но одобряет присутствие Государя в армии, хотя (не знаю, почему?) осуждает пребывание В. К. Марии Алекс. в России.

В пятницу Королева осматривала свой санитарный поезд в Ульме;³ я провела часть этого дня в Кирхберге, где застала баронессу Икскуль⁴ (Римскую) и ген. Влангали.⁵ Мария Макс. не знает ничего положительного даже о своих братьях.⁶ Она здорова и мила. Он дома и в лучших отношениях с нею. Дети премилые.

Здесь гостит третий день графиня Ербах с мужем.⁷ Часто наезжают гости, после обеда вчера были две Еругеруани,⁸ сегодня ждем владетелей Мейнау.⁹ Завтра уезжают Ербахи, а я во вторник иль в среду. Вера Конст. остается до 13-го. Ее деточки растут и составляют счастье ИИ. Величества. Сама Она очень весела, хотя и вспоминает с любовью о муже – но как-то по-детски. Королева посылает Вам и Княгине сердечный поклон. Ваш план к разрешению восточного вопроса Ей очень полюбился.

Имп. Евгения проводит лето в Англии и не будет вовсе сюда.

До сегодняшнего дня, т. е. до дождя, мы обедали и ужинали в саду – вечер оканчивается в кабинете Короля то картами, то чтением.

Вот все новости – что-то творится сегодня на Дунае и на Кавказе? Страшно подумать! Спаси нас Господи и помилуй!

От души Ваша
А. Баратынская

Р. S. Прошу сказать Княгине, что деньги я получила и в самый тот день расплатилась с Зульцером под расписку.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 53.

² Нет утешения, кроме молитвы (*фр.*).

³ Ульм – город в Германии, в земле Баден-Вюртемберг, на реке Дунай, примерно в 90 км к юго-востоку от Штутгарта. С XIII в. имперский город.

⁴ *Икскуль фон Гильденбанд* (урожд. Лутковская, в первом браке – Глинка-Маврина) *Варвара Ивановна*, бар. (1850–1928) – общественная деятельница, литератор, издатель, сестра милосердия, благотворительница. Баратынская называет ее «римской», поскольку она в 1874 г. вышла замуж за русского посла в Риме *Карла Петровича Икскуля фон Гильденбанда*.

⁵ *Влангали Александр Егорович* (1824–1908) – русский географ-первопроходец, геолого-разведчик, историк-экономист, дипломат (посланник в Китае и в Италии), генерал-майор (с 1870). В 1873 г. уволен с действительной военной службы с мундиром.

⁶ Сыновья великой княгини Марии Николаевны (дочери Николая I) (соответственно братья Марии Максимилиановны): Николай (1843–1891), 4-й герцог Лейхтенбергский, Евгений (1847–1901), 5-й герцог Лейхтенбергский, был женат вторым морганатическим браком с 1878 г. на З. Д. Скобелевой, сестре генерала Скобелева, Сергей (1849–1877), герцог Лейхтенбергский, Георгий (1852–1912), 6-й герцог Лейхтенбергский, а также сводный брат Григорий (1857–1859), граф Строганов.

⁷ Имеется в виду графиня *Эрбах-Шёнберг* (урожд. Баттенберг) *Мария Каролина* (1852–1923). Через императрицу Марию Александровну, принцессу Гессенскую, приходилась двоюродной сестрой императору Александру III. С 1871 г. замужем за графом Густавом Эрбах-Шёнбергом (1840–1908).

⁸ Еругеруани – неустановленные лица.

⁹ Майнау (нем. Mainau) – один из островов Боденского озера. С 1853 г. находился во владении герцога Фридриха I, великого герцога Баденского в 1856–1907 гг., превратившего его в свою летнюю резиденцию, основавшего на Майнау дворцовое садовое управление (Großherzoglich badische Hofgärtnerei) и разбившего здесь парк, куда впервые допущена публика. Был женат на Луизе Прусской, дочери Вильгельма I, императора Германии и императрицы Августы, которая приходилась соответственно двоюродной племянницей русскому императору Александру II.

43. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Б. Б. 1/13 ноября 1877

Любезнейший Князь.

Спаси Вас Господь! Старайтесь не падать духом, а что касается до телесных немощей, они не щадят никакого возраста. Здесь в три дня умер 63-летний богач и хороший человек некто Aulfmardt (?) и умирает параличом разбит 14-летний мальчик сын австрий. посланника Фустершмидта. Вот Баденский скорбный лист.

Труб. и Столыпиной сегодня передам Ваши поручения. Пришло Вам на днях слабые отголоски песен Гейне. Граф. Алекс. Андреевна Толстая² гостит уже 2 недели у Плессеных. Баденск. Владыки переселились в столицу. Мы, т. е. Она и я, или Они и я, виделись до последнего дня (до субботы).

Вел. Герцогиня пила у меня чай раза два, но много говорила о Вас. Мария Макс. неутешна.³ Принц-супруг поехал в Петерб.

Слава нашим Вел. Князьям и храбрым армиям! Теперь можно ожидать конца.

Желаю Вам новых сил и обнимаю Вас и Княгиню с преданностью и уважением.

А. Баратынская.

Отчего Вы развенчали Гомбург? уж не рассердил ли Вас как-нибудь русский юноша?

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 55–56.

² *Толстая Александра Андреевна*, гр. (1817–1904) – придворная дама, двоюродная тетушка Л. Н. Толстого, с которым состояла в многолетней переписке и о котором оставила воспоминания; воспитательница дочери великой княгини Марии Николаевны, принцессы Марии Максимилиановны. С 1866 г. – фрейлина императрицы Марии Александровны и вос-

питательница великой княжны Марии Александровны до ее замужества в 1874 г. В том же году награждена орденом Святой Екатерины малого креста. С 1881 г. – камер-фрейлина русского императорского двора. Толстая внимательно следила за новинками литературы, читала на английском, немецком и французском языках; занималась переводами, написала несколько рассказов, роман, оставила мемуары.

³ 12 окт. 1877 г. во время разведки ее брат, Сергей Максимилианович, герцог Лейхтенбергский (1849–1877), был убит пулевым ранением в голову. В начале Русско-турецкой войны он отправился на передовую и участвовал в боях за освобождение Болгарии. Состоял при цесаревиче Александре Александровиче. Князь Романовский стал первым членом Российского императорского дома, погибшим на войне. Император Николай I указом от 6 (18) дек. 1852 г. даровал потомкам Максимилиана и Марии Николаевны титул и фамилию князей Романовских.

44. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

Баден Б. 30 нояб. / 12 дек. 1877

Вы меня простите, любезнейший Князь, когда узнаете причину моего молчания.

Я опять пролежала неделю в постели и сегодня первый раз выехала в церковь благодарить Бога за падение Плевны.² Вчера был день восторга: депеша за депешей, все о том же. Что будет теперь? Мир или новые потоки крови? Ответ В. К. Александра Петр.³ самый теплый. Сегодня письмо от В. К. Екат. Мих. с подробностями о грустном нападении на Кн. С.-Мирского⁴ под Еленой,⁵ где ранен Бобринский (В. К. пишет, однако, что д-ра надеются обойтись без ампутации).⁶

Перехожу к Вашим стихам. Они прекрасны, но легенда чересчур грустна.⁷ Спаси Вас Господь от такого настроения духа! Я не теряю надежду увидеть Петра Андреевича снова молодцом.

Αργορος! Я Вам пришло переведенные мною *по заказу* Алек. Андреевны Толстой стихи одного Немца.⁸ Понравятся ли они Вам?

Ваш внук,⁹ слава Богу, был ранен легко и теперь вне Карса. А каково было дело? Честь и слава! Немцы в 1866 и не встречали во сне таких твердынь, таких непроходимых путей.

Обнимаю от души Княгиню. Желаю ей и Вам всего лучшего. Из San Remo вести получше. Пребыванье продлится долее.

Столыпина еще здесь. Она спит и видит одно: свой *склад!* – Даже меньше говорит о сыне. Эгерия занята Парижем – они прозябают изо дня в день в Отеле.

А. Б.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 57–58 об.

² Речь идет о взятии русскими войсками 10 дек. 1877 г. крепости Плевна, которое пред-
решило исход Русско-турецкой войны и освобождение Болгарии. См. п. 39 примеч. 4.

³ *Ольденбургский Александр Петрович* (1844–1932) – в 1876–1880 гг. командовал 1-й бригадой 1-й гвардейской дивизии – так называемой «Петровской бригадой», состоявшей из Преображенского и Семеновского полков, участвовал в Русско-турецкой войне в 1877–1878 гг. в чине генерал-майора, впоследствии – генерал-адъютант, сенатор, член Государственного совета.

⁴ *Святополк-Мирский Петр Дмитриевич*, кн. (1857–1914) – русский государственный деятель из рода Святополк-Мирских. Участвовал и отличился в бою под Карсом, в 1877 г. был назначен флигель-адъютантом императора Александра II.

⁵ Елена – город в Болгарии в 35 верстах от Тырнова. 22 нояб./4дек. 1877 г. Еленский отряд Дунайской армии (6 батальонов, 18 орудий, 4 эскадрона) под командованием генерал-адъютанта князя Н. И. Святополк-Мирского и генерал-майора А. В. Дембровского был атакован турецкой дивизией Фуада-паши, шедшей в авангарде войск Сулеймана-паши. Русские оставили Елену только после того, как все ее жители с их имуществом ушли из города. В восьмичасовом ожесточенном сражении против пятикратно превосходящих сил турок русские потеряли убитыми и ранеными треть нижних чинов и половину офицеров. Героическим сопротивлением Еленский отряд не допустил, чтобы неприятель проник за ущелье Св. Николая, откуда открывался свободный и незащищенный путь на Тырново.

⁶ Вероятно, речь идет о правнучке Екатерины II гр. *Владимире Александровиче Бобринском* (1853–1877). В чине поручика лейб-гвардии гусарского полка участвовал в боях под Горным Дубняком (12 окт.) и Темишем (16 окт.). Согласно воспоминаниям его сослуживца (впоследствии известного дипломата) Н.В. Чарыкова, он получил тяжелое ранение в стычке с черкесами после занятия болгарского г. Орхание (ныне Ботевград). «Владимир Бобринский без особой необходимости вышел на линию огня, он взял ружье и начал стрелять, когда черкесская пуля поразила его в колено. Его с братом сразу отправили в центральную больницу в Богот, около Плевны, где он умер несколько дней спустя от столбняка, начавшегося из-за его рань» (*Tcharykow N. V. Glimpses of high politics*. P. 125). Цит. по: «...Не время изучать политику, когда нужно одерживать победы»: Н. В. Чарыков на Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Письма к отцу / предисл., подгот. текста и коммент. Л. А. Пуховой. Адрес электр. доступа: new.z-pdf.ru/33istoriya/370468-1. Тело Владимира отправили в Петербург и, видимо, по просьбе его матери Софьи Андреевны (урожд. Шуваловой; 1829–1912), похоронили на родовом кладбище Шуваловых в Вартемяках.

⁷ Возможно, речь идет о стихотворении Вяземского «Современная легенда» (1875).

⁸ «стихи одного Немца». – Вероятно, Баратынская имела в виду немецкого поэта и переводчика Фердинанда Фрейлиграта (1810–1876), стихотворение которого: «O lieb, solange du lieben kannst» она перевела на русский и английский языки (см.: *Стефанович В.* Переводчица русских и немецких поэтов. С.146–148).

⁹ Внук Вяземского Петр Павлович (1854–1931) – генерал-майор Гренадерского лейб-гвардии полка, шталмейстер двора, адъютант великого князя Михаила Николаевича, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

45. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<2/14 июня 1877>

Любезнейший Князь.

Жаль, что Вы не приехали сюда из Югенхайма! Вел. Княгиня Вас ждет на этой неделе. Я не вижу Е.И.В. довольно часто, чтобы Вам сообщить ее намерение. Не ждите ж депеш и приезжайте просто на днях.

А. Баратынская.

Она вряд ли пробудет до 23-го nov. style, вернее приехать теперь.²

2 / 14 июня. Баден Б.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 59.

² Приписка поперек листа.

46. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<3 октября 1877>

Среда.

Бад. Б. 3-е окт.

Теперь свободны в Cour de Vade три смежные хорошие комнаты в 1 этаже – над ними никого покуда. Просят уведомить депешей, к какому дню приготовить. Ждут ответа завтра 4-го октября.

РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 61.

47. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<3 декабря 1877>

Вселюбезнейший Князь.

Милости просим! Вас будет ждать тепло и покойное помещение в Hôtel de Hollande 3 комнаты сряду на площадь окнами. Стольпины, я и все друзья под боком. Назначьте день и час. Я еду после 15/27-го.

А. Баратынская.

3-е Декаб.

Баден Б.

Я вернулась только в Воскресенье.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 60.

48. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<9 июня 1878>

Суббота, 9-го июня

6 часов вечера

Я только сегодня видела В. К. М. П.² и Вам тотчас послала депешу. Е.И.В-во³ была в эти дни в отсутствии; ждет Она Вас с нетерпением. Приезжайте же. Она пробудет еще 2 недели. Мар. Макс. *не застала* в Бадене. Сегодня из Карлсруэ уехала она в Соден. Вы видите, что я не забыла Вашего поручения – письмо Ваше разошлось или, лучше сказать, встретило в дороге мою депешу. Если будете сюда до вторника, застанете здесь Императрицу. Ея Величество будет у меня в Понедельник вечером за просто. Vs serez notre lion!⁴ милости просим!

Еще новость! На будущей неделе Мария Александр.⁵ едет из Кобурга⁶ в Россию.

Так жарко, что едва могу писать – Нежно обнимаю Княгиню, а на Вас сержусь за незаслуженные упреки, но и Вас обнимаю.

А. Баратынская.

Телеграфируйте о Вашем помещении. Я распоряжусь.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 62–62 об.

² Имеется в виду вел. кн. Мария Павловна. См. примеч. 9 к п. 30.

³ См. примеч. 3 к п. 30.

⁴ Вы будете нашим львом (*фр.*).

⁵ *Мария Александровна*, вел. кн. (в замуж. герцогиня Эдинбургская и герцогиня Саксен-Кобург-Готская; 1853–1920) – дочь имп. Александра II и имп. Марии Александровны.

⁶ Кобург – город в Германии на реке Иц (приток Майна. До 1918 г. – резиденция герцогов Саксен-Кобург-Готских).

49. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<б. д.>

Посылаю Вам на суд мой оконченный перевод с оригиналом для сличенья.

А. Б.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 63.

50. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<12 октября 1878>

Благоволите назначить день и час Вашего приезда – я Вас устрою в *Cour de Bade* или *Hollande* и вышлю человека Вам на встречу. Император остается до 18-го. 18-го едет во Франкфурт, о чем давно трубят газеты. Здесь тихо; в воскресенье вечером фокусник Шерри дает представление в *Hôtel de Hollande* в пользу наших раненых – Кн. Оболенская писала об этом Импер. Вильгельму и надеется на его присутствие. Пишу наскоро, при свечах, ничего не вижу. Тайну Вашу сохраняю.

Вся Ваша

А. Б.

Пятница 12 окт.

Б. Б.

Погода отвратительная сегодня.

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 64–64 об.

51. А. Д. Баратынская – П. А. Вяземскому¹

<б. д.>

Mme Persiany assure que c'est 10 Marks par visite.

A. Baratinsky²

¹ РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1398, л. 65–66 об.

² Мадам Персиани уверяет, что за визит надо заплатить 10 марок. А. Баратынская (*фр.*).

**«НИЧТО НЕ ИЗЛЕЧИТ ЭТИХ ДЕТОК»:
ПИСЬМО В. Д. ПИСАРЕВОЙ К М. А. МАРКОВИЧ**

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
Н. А. Татаренковой, Я. Ходеры)*

Аннотация: В мае 1875 г. из револьвера политического эмигранта В. М. Александрова была застрелена Екатерина Ивановна Гребницкая, младшая сестра революционера-публициста Дмитрия Писарева. После отъезда из Цюриха девушка год жила в Женеве. Она занималась издательской деятельностью и была связана с революционными кругами. По официальной версии произошло самоубийство, но специальное расследование не проводилось. Через год после трагедии мать поделилась своими размышлениями с М. А. Маркович. Собранные факты заставляют по-другому взглянуть на поколение «семидесятников», обреченное судьбой «погибнуть даром».

Ключевые слова: Писаревы, эмиграция, революционеры-«семидесятники», цюрихская коммуна, семейная драма, убийство.

Abstract: In May 1875 Ekaterina Ivanovna Grebnitskaya (the youngest sister of the revolutionary-publicist Dmitry Pisarev) was shot with the revolver of political emigrant V. M. Aleksandrov. She left Zurich and lived in Geneva last year of her life. She was connected with revolutionary circles and engaged in publishing activities. According to the official version, there was a suicide, but no special investigation was initiated. One-year later mother shared her reflections with M. A. Markovich. The collected facts gave us another perspective on the generation of the «seventies», doomed by destiny to «perish in vain».

Key words: Pisarev's family, emigration, revolutionaries-«the seventies», Zurich commune, family drama, murder.

В письме излагаются трагические события, произошедшие 31 мая 1875 г.¹ в Женеве (Швейцария). Нигилистка Екатерина Ивановна Гребницкая застрелилась (или была застрелена) из револьвера Василия Максимовича Александрова, политического эмигранта. Девушка была сестрой известного революционера-публициста Дмитрия Ивановича Писарева.

Спустя короткое время мать Екатерины, тульская помещица Варвара Дмитриевна Писарева, поделилась переживаниями со своей троюродной племянницей Марией Александровной Маркович (1833–1907; урожд. Вилинская, псевд. Марко Вовчок). В детстве М. А. Маркович воспитывалась в доме Писаревых, впоследствии она поступила в елецкий пансион и через два года – в харьковский, а позже ее отправили к другой родственнице в г. Орел. В 1850-х гг. В. Д. Писарева воспитывала младшего брата Марии Митю.

¹ Даты указаны по юлианскому календарю, как в первоисточнике.

К 1868 г. отношения между женщинами разладились. Обе они надеялись на заметную роль в жизни Дмитрия Писарева, и после его кончины были настолько потрясены, что не нашли в себе силы присутствовать на его похоронах. Спустя семь лет страсти утихли и Варвара Дмитриевна была уверена в расположении Марии к покойной, хотела выяснить через нее хоть какие-то подробности трагических событий 1875 г.

Коротко о Екатерине Ивановне Гребницкой.² До настоящего момента историю жизни Екатерины Ивановны Гребницкой никто специально не изучал. Ее рассматривали лишь в контексте биографии брата, известного публициста Дмитрия Писарева. Обычно историки ограничивались характеристикой, данной в труде Н. Н. Голицына 1887 г. Первое самостоятельное исследование провела сотрудница Пушкинского Дома Е. П. Казанович: она сумела опросить живых свидетелей, помнивших Катерину, и частично прочитать текст рассматриваемого письма. Материал был опубликован в сборнике «Шестидесятые годы».³ Тему продолжил современный исследователь семьи Писаревых старший научный сотрудник Отдела русской классической литературы ИМЛИ РАН В. И. Щербаков. В настоящее время Н. А. Татаренковой удалось воссоздать основные этапы формирования личности Екатерины Ивановны. Исследовательская работа проводится в связи с изучением биографии ее мужа, Н. А. Гребницкого, в 1877–1907 гг. – управляющего Командорскими островами.

Катя Писарева родилась 17 нояб. 1853 г.⁴ в семье отставного штабс-капитана Новороссийского драгунского полка И. И. Писарева. В зрелые годы Иван Иванович занимал пост мирового судьи г. Новосиль Тульской губернии (совр. Орловской обл.). Его супругой была небогатая елецкая помещица Варвара Дмитриевна, урожд. Данилова – невысокого роста, энергичная, добродушная и несколько восторженная женщина. Всю свою жизнь Варвара Дмитриевна посвятила детям: «*в ней проснулась страстная мать, не знавшая для себя никакой высшей, ни вообще какой-либо иной задачи в жизни, как воспитание*» сына Мити и последовавших за ним двух дочерей Веры и Кати.⁵ Праздность и тунеядство были в этом доме недопустимы. Несмотря на то что Писаревы жили в глухой провинции (в деревушке Грунец Тульской губернии), уровень образованности и способность к обучению у детей были очень высоки. Варвара Дмитриевна вспоминала, как в июле 1859 г. в Грунце гостил сын и его друг Николай Трескин. Они сели сообща читать недавно опубликованный роман Гончарова, и Катя так заслушалась «Обломовым», что не хотела идти спать. Наутро следующего дня, когда мать с трудом вста-

² Подробнее см.: *Татаренкова Н. А.* Семейная драма Николая Гребницкого. Часть первая // Тургеневский ежегодник 2016–2017 года. Орел, 2018. С. 236–260. Часть вторая будет опубликована в следующем выпуске.

³ Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению / под ред. Н. К. Пиксанова, О. В. Цехновицера. М.; Л., 1940. С. 164–167.

⁴ *Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. / сост. В. И. Щербаков, Г. Г. Елизаветина; отв. ред. В. И. Щербаков. М., 2013. Т. 12: Дневники. Ранние сочинения. Деловые бумаги. Переводы. 1850–1867. С. 39, 62.

⁵ *Гарднер Р. А.* Варвара Дмитриевна Писарева // Русская старина. СПб., 1880. Т. XXIX. С. 1007.

вала ото сна, пятилетняя девочка произнесла: «*Мамаша, вы точно Обломов ленивые такие*».⁶

3 июня 1862 г., когда Кате шел девятый год, семья перенесла сильное потрясение – за написание прокламации Дмитрия заключили в Петропавловскую крепость. Летом 1864 г. он упросил мать приехать в Петербург вместе с младшей сестрой. Посещая заключенного, Катя увидела и услышала много того, что не предназначалось для нежной подростковой души. Так «ласковый кот» стал превращаться в столичную «нигилистку».⁷ Катя ходила с едва достигающими плеч распущенными волосами, носила очки, много читала и, как было заведено в семье Писаревых, придерживалась «разумных доводов», не доверяя голословному «авторитету личности». В апреле 1865 г. девочка поступила в IV Петербургскую женскую гимназию, но уже в 1867 г. выбыла в Мариинскую из-за конфликта с классной дамой.

4 июня 1868 г. Дмитрий утонул в море близ Дуббелна. После смерти брата Катерину отправили в Москву к двоюродной сестре Раисе Гарднер. Но вскоре в московской гимназии узнали о нашумевшем конфликте, и осенью 1869 г. девушку отчислили за «зловредный дух» и желание стать телеграфисткой. Она отправилась к матери в Великий Новгород. В это время Варвара Дмитриевна опекала старшую дочь Веру, находившуюся под надзором полиции за участие в похоронах брата и поддержку идеи собрать деньги на скульптуру покойного.

23 янв. 1870 г. шестнадцатилетняя Екатерина Ивановна заключила брак с находившимся под надзором полиции бывшим студентом Петербургского университета Николаем Александровичем Гребницким.⁸ Варвара Дмитриевна не смогла обеспечить младшую дочь даже самым скромным приданым и рассчитывала только на поддержку литературного фонда. Несмотря на то что Николай работал в земской управе, молодые едва сводили концы с концами. Как только Гребницкому было дозволено продолжить курс обучения в Новороссийском университете, молодожены выехали в Одессу.

Как и старшая сестра, Катерина избрала трудовой путь и задалась целью получить техническое образование. Поскольку в России это было сделать невозможно, она отправилась в «свободную» Швейцарию. В 1872 г. девушка последний раз посетила родное имение. Гребницкая училась в университете и политехникуме г. Цюриха.⁹ Там она познакомилась с русскими «фричами» и грузинскими «угеловками»¹⁰ (первое название произошло от имени хозяйки-швейцарки, у которой снимали жилье некоторые из студенток, второе обо-

⁶ Д. И. Писарев в воспоминаниях и свидетельствах современников / сост. В. И. Щербаков. М., 2015. С. 107.

⁷ Писарев Д. И. Полн. собр. соч. и писем: в 12 т. Т. 11: Письма 1851–1868. С. 244, 516; Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению. С. 164.

⁸ Татаренкова Н. А. Жизнь и смерть управляющего Командорскими островами Николая Александровича Гребницкого // Россия и АТР. Владивосток, 2016. № 4. С. 108–109.

⁹ Pośmiertny // Kurjer Warszawski. 1875. No 148. S. 3 (со ссылкой на «Одесский вестник»).

¹⁰ Месхи И. С. Пишу тебе... Нико-Олико: докум. повесть на основе переписки Н. Я. Николадзе и О. А. Гурамишвили (княжны Гурамовой). Тбилиси, 1980. Режим доступа: <http://meskhi.net/nikoliko/> (30.03.2018).

значало принадлежность к политическому обществу «Утели»). В мае 1873 г. эмигранты купили небольшой дом. В нем разместили библиотеку и кухмистерскую, по выходным проводили совещания и читали лекции. Собрания проходили в шумных спорах, выборах общественных комитетов и обсуждениях социальной структуры общества.

Непрерывно возрастающий «прилив русских женщин» в цюрихские вузы вызывал сильное беспокойство, и в 1873 г. вышло объявление российской правительственной Комиссии, согласно которому те из цюрихских студенток, «которые по 1 января 1874 года не прекратят своих занятий, по возвращении в Россию – не будут допускаемы ни к каким занятиям, разрешение и дозволение которых зависит от правительства, а также к каким бы то ни было экзаменам...».¹¹ Пережив сильное потрясение, кто-то из девушек вернулся в Россию, а кто-то решил продолжить обучение в Берне и Париже. Катя оставалась в Цюрихе до весны 1874 г. Именно тогда в ее жизни появился человек, сыгравший страшную роковую роль – Василий Александров. Он тщетно пытался возродить цюрихскую коммуну, но вскоре бесплодные попытки были оставлены, и они с Катериной переселились в Женеву. Здесь «на средства Лакиера и Гребницкой» Александров завел небольшую типографию. Катерина ею заведовала и сама же работала наборщицей.¹² Деловые отношения переросли в романтические не сразу. В июне 1874 г. к Кате приезжал муж, Николай Гребницкий. Они совершили небольшое путешествие в Константинополь, а оттуда – в Одессу. И все же брак не выдержал испытания разлукой. Последние месяцы супруги не общались.

31 мая 1875 г. Екатерина Гребницкая, доведенная до крайней степени отчаяния, была убита из револьвера Александрова. По официальной версии это было самоубийство, но специальное расследование не проводилось. На «Процессе 50-ти» Вера Фигнер вспоминала: «Когда в 1872 г. мы, цюрихские студентки, еще не испытавшие ни политических бурь, ни личных неудач, образовали “женский ферейн”, <...> по странной случайности, темой первого доклада на общем собрании был вопрос о самоубийстве <...>. Никто тогда не подозревал, что между горячо спорящими присутствуют пять будущих самоубийц: С. Бардина, Хоржевская, Б. Каминская, Евг. Завадская и сестра писателя Д. Писарева, Гребницкая, – все такие разные и тогда все жизнерадостные... Всех измолоча и всех сравнила жизнь».¹³

Трагическая участь жены, пусть и не сохранившей верность, отразилась на судьбе Гребницкого. Через четыре месяца после случившегося он покинул родные места и отправился в Сибирь, а затем – на Дальний Восток и Командорские острова.

¹¹ Голицын Н. Н. История социально-революционного движения в России 1861–1881. СПб., 1887. С. 31, 32.

¹² Там же. 63, 66, 74–77; Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь / сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. М., 1929. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 1. С. 15.

¹³ Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева / под ред. Н. В. Измайлова, Л. Н. Назаровой. М.; Л., 1966. Т. 2. С. 201.

Подлинники писем В. Д. Писаревой находятся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. Первое письмо способствовало установлению прерванной связи. Убитая горем В. Д. Писарева более откровенна во втором, составленном в четыре приема: 3, 5, 6 и 8 апр. 1876 г.¹⁴ Полагаем, что это единственный не публиковавшийся ранее документ, остальные вошли во второй том издания «Листи до Марка Вовчка».¹⁵ Текст расшифровывается трудно. Еще в 1870 г. Варвара Дмитриевна жаловалась: «рука едва пишет». Теперь к этой беде добавилось зрение, ослабшее из-за слез.¹⁶ Наиболее эмоциональные темы излагались сбивчиво, с поспешностью и многочисленными исправлениями. Приблизительно половина письма – на французском. Эту часть перевела на русский язык Янина Ходера, бывший сотрудник Университета филологии им. А. Мицкевича. В 1975–1977 гг. в Ленинградском гос. университете пани Ходера преподавала польский язык.

Представленный ниже текст набран с той же орфографией, пунктуацией, подчеркиваниями и зачеркиваниями, как в оригинале. Исключение сделано для стоящих в конце слов букв «ь» (*ep*) – они не прописаны, а также букв «ѣ» (*ять*) и «і» (*и* десятиричное), замененных на современные «е» и «и» соответственно. Отличительной особенностью письма Варвары Дмитриевны является то, что в конце предложения она редко ставит точку. Вместо этого стоит нижняя черта, которую в ряде случаев легко спутать с тире.

Французский текст примечателен тем, что в нем присутствуют неправильные диакритические знаки (accents) и неточные выражения, русизмы. Так *Genève* записано как *Génève*, *nécessaire* – как *necéssaire*, *là-dessus* – как *la dessus* и т. д. Выражение *à qui croire* является русизмом, на правильном французском это звучит: *qui croire*. Во второй половине XIX в. во Франции была проведена лингвистическая кодификация, но в России и многих других нефранкоговорящих странах преподавание велось по старым правилам. В российские провинции, где долгое время существовал серьезный дефицит любых учебных пособий, новые французские «грамматики» дошли с большим запозданием.

В представленном тексте некоторые фрагменты выделены курсивом. Это: а) дополнения и уточнения, дописанные В. Д. Писаревой после составления основного текста письма, они располагаются в надстрочном и межстрочном пространстве: так, начало фразы *et point de phrases...* находится между строк, продолжение – в верхней части страницы, а окончание – на следующей странице; завершающая фраза *Кланяюсь Милому Богдану...* дописана в надстрочном пространстве 3-й и 5-й страниц и т. д.; б) в разделе «Перевод»: отдельные слова и короткие фразы, написанные в оригинале на русском языке и перемежающиеся с французским текстом; в) в разделах «Вступление» и «Перевод»: слова фразы на русском, французском и латыни.

¹⁴ РО ИРЛИ, № 9550, л. 3–8 об.

¹⁵ Листи до Марка Вовчка / под ред. О. С. Засенко, Н. С. Крутікова. Київ, 1979. Т. 2.

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 1121, л. 11 об.; РО ИРЛИ, № 9550, л. 24.

Текст письма публикуется впервые.¹⁷

Приносим благодарность выпускнику Университета им. А. Мицкевича пану Ежи Стычински (Jerzy Styczyński), г. Талан (Talant), Франция, за помощь в расшифровке наиболее трудночитаемых фрагментов и уточнение тонкостей перевода; ст. н. с. ИМЛИ РАН В. И. Щербакову, г. Москва, за консультации относительно семьи Писаревых; члену общества «Русская Америка» И. А. Липилиной, г. Москва, за оказание технической помощи и обсуждение общей концепции работы; правнучке Н. А. Гребницкого О. А. Куликовой за участие в биографических разысканиях.

¹⁷ В сборнике «...Во все концы достигнет россов слава» (Материалы XXXIV Крашенинниковских чтений, Петропавловск-Камчатский. 2017 г.) были опубликованы первые три абзаца предисловия для ознакомления читателей с проектом (с. 320–321), само письмо в сборник не вошло.

3го Апр<еля> 1876

Милая Маша! Я замедлила писать к тебе потому что была больна, да и теперь еще все слаба. – Благодарю тебя за твое теплое отношение к моей бедной Кате.

Tu ne lui jettes pas la pierre toi – bénigne tu as la bonté de promettre qu'en [affectant] étant à Genève tu t'achras de prendre des renseignements sur les lieux mêmes je crois nécessaire de te dire tout ce que je sais moi, la dessus_ mais ce tout ne m'explique pourtant nullement le dernier acte_ Tu supposes, chère Marie que l'amour trompé pouvait amener Катя au desespoir_ Oh! Non_ Elle n'avait pas un coeur si aimant, l'amour pouvait être un nécessaire dans la Vie_ mais pas la dominer, la prendre en entier. Elle a été au cinquième mois de grossesse me dit la maîtresse de la maison (où Катя a logé) et c'est ce qui pouvait penser Elle l'amener au suicide_ peut être à Genève les moeurs sont elles si sévères, – mais en Russie il y a longtemps qu'on ne s'en seten plus pour cela. – Et pour Катя surtout qui ne faisait jamais attention a ces qu'en dira t on – qui n'était pas une personne du monde et quand même. Elle était donc mariée et Elle connaissait toute la délicatesse et l'honnêteté de son mari_ Elle était sûre qu'Elle n'avait pas à craindre de ce coté_ Elle était sûre de même de mon inaltérable affection pour elle et que son enfant légitime ou non ne m'en sera pas pour cela moins cher et précieux_ Donc pas possible que ce serait là la cause_ La veille du jour fatal Elle a écrit au père en le [suppliant] priant de lui envoyer de l'argent – cette lettre est déchirante de désespoir, certainement mon mari ne me l'a pas montré dans ce temps_ Elle le suppliait de la sauver – Elle, et son enfant_¹ От Вашей поспешности зависит все, говорила Она, я стою в страшном положении, скорей по телеграфу присылайте, тотчас же к Вам приеду, спасите меня, спасите – мне только остается пустить пулю в лоб, скорей скорей. Деньги были отправлены на другой же день из Орла, т. е. не деньги а перевод банкиру но_ пришли уже поздно_ Ох! Милая, если бы ты знала, что я перестрадала, когда наконец показали мне это письмо, к несчастью, оно было без числа, а конверт Ив<ан> Ив<анович>² прорвал распечатывая_ я думала это он замедлил посылкой этих проклятых денег, и что это была причина: но наконец-то в Октябре Коля (муж Катин)³ прислал мне несколько писем, полученных им на счет этой катастрофы_ и снял хотя этот то тяжелый камень с моего сердца.

5-го <апр.>. Буду продолжать мой рассказ, пишет к Коле, один Гн. живущий в Одессе⁴ (и который был дружески расположен к Кате, Она бывши у меня в 72-м году говорила об нем) что Катя в продолжении своего пребывания в Петерб<урге> начала очень тосковать_ видно было, говорит он, что Она совершенно разочаровалась в близком Ей заграничном кружке_ что Александров⁵ (C'est la famille de celui qu'Elle croyait aimer) écrivait lettre sur lettre pour la faire revenir à Genève et qu'Elle, se sentant enceinte ne se croyait pas en droit de séparer l'enfant du père_ опять не понятно, если разочаровалась в кружке то конечно и в Алек<андрове> en premier lieu – quelle est donc cette considération?.. tant mieux que l'enfant ne connaisse pas même le nom d'un père pareil_ Il dit ici beaucoup de mal sur son compte et suppose même que ce n'est pas un suicide mais un assassinat – que comme Катя connaissait tout ce qui concernait leur société – (их кружок) Elle pouvait leur être dangereuse_ encore quelque chose

d'incomprehensible – comment pouvait elle leur nuire quand ils se trouvaient tous à l'abri de toute persécution dans une Ville libre_ Il dit encore qu'à la place de Grébnitsky il eut demandé une nouvelle enquête et autopsie. à quoi bon, se venger? Mais est ce que cela la ferait revivre, – la vengeance dans tous les cas et surtout dans celui là – n'a pas de sens commun. Катя а есrit аussi à ce Mons: еn le priant de lui envoyer de l'argent_ la lettre еst tout аussi désespérée que celle adressé au père_ ⁶ тоже умоляет спасти ее_ и как мало просила – у отца 80 и у него 60_ видно, думала, что не достанет_ Спасите, спасите, писала Она, да от чего же спасти, что с ней такое было, что могло ей угрожать – непонятно!! Еще письмо Александр<ова> к этому Господину – где он уведомляет его об смерти и об том что деньги пришли после_ говорит, что с самого приезда Катя все тосковала, то вдруг начинала лихорадочно очень ревностно работать и потом снова все бросала_ что она и какой то Лакьер (должен быть франц<уз>)⁷ устроили экскур<сию> в вевийския горы,⁸ чтобы Ее разсеять_ стало как будто немного лучше_ потом снова тоска и тоска_ до того, что она даже говорила, что она презирает себя Последнее время не спала совсем и почти не ела_ на все вопросы отвечала – или не хочу или мне все равно. Плакала, сильно плакала – бедная, бедная моя Катя! Потом, говорит, было решено ехать в деревню, но как деньги привезенные ею были истрачены на уплату долгов и на другия потребности, то решено было ожидать присылки до нее из деревни. Накануне были написаны письма, а утром в 6 час. Ее не стало_ Скажи ради Бога, что же могло произойти в эти несколько час<ов>, чтобы вызвать такое отчаяние?? И когда вспомнишь, как она любила жизнь, как умела [всему] на все радоваться, всем наслаждаться_ как бы она могла отдохнуть в деревне – и теперь я бы ухаживала за ея ребенком. Чего же она так страшилась_ cette terreur panique est tout bonnement inexplicable, supposons même qu'elle eut été arrêtée, mise à la forteresse, est ce qu'on n'en sait pas?.. c'est la mort et la mort seule qui est à jamais – tout peut changer, tout peut s'oublier mais de là on ne revient plus_ ⁹ Не могу больше, прости куда_

6 <апр.>. Да вот еще что, у нея была какая-то типография, Mad<ame> Trémy (la maitresse de la maison) m'écrit, Elle s'occupait beaucoup à son imprimerie russe.¹⁰ Гребницкий тоже писал в Дек<абре> 74-го, что Катя в Октяб<ре> поехала с тем в Женеву чтобы сдать свою типогр<афию> и возвратиться в Россию, он у нея был в Женеве в Июне 74, и они вместе делали маленькое путешествие_ были в Константинополе потом она пробыла с ним несколько времени в Одессе, в Июле они оба вместе из Женевы написали ко мне приятное и веселое письмо_ Потом в Ноябре я получила от нея из Жен<евы> письмо, в котором просит прислать Ей 100 руб. на другой же день деньги были высланы_ она тогда то же думала, что беременна_ я разумеется звала ее к себе_ потом в начале Января написала Она, что это была не беременность а сильная простуда_ что она была очень больна, но что теперь почти здорова и думает в конце Янв<аря> ехать в Петерб<ург> по своим делам, *какая такая дела, спрашивала Ее об этом, ничего не отвечала* и после того ни слова_ Вот, Милая Маша, что меня мучит и чего я себе не прощаю – зачем не поехала я в Петерб<ург> отыскать Катю_ я бы спасла Ее! Но какой это

ужасный человек этот Алекс<андров> – как видя женщину в такой безысходной тоске, как было не спрятать револьвера_ Ce n'est pas lui qui l'a tué – mais il l'a laissé faire...¹¹ А что не зная ничего, получив от хозяйки письмо, где Она говорит, что Она застрелилась револьвером Алекс<андрова>, думая, что этого Господина было и что он оставил на столе как нибудь_ но значит все-таки *живя в одной кварт<ире>* знал видал Катю_ я написала к нему, умоляя его сказать, что было причиной_ и откуда этот панический страх?? Письмо пишет Mad<ame> Trémy, было доставлено_ но ответа не было_ Une personne ecrit de Génève que Moust¹² en dormant dans la même chambre séparée par une mince cloison n' a pas entendu le coup partir et que c'est Mad<ame> Trémy qui l'a reveillé déjà et alors il est allé aussitôt annoncer à la police_ c'est à dire cette personne elle dit encore: «Я бы желала чтобы этого негодяя Алекс<андрова> притянули к ответств<енности> по этому делу_ Это вполне испорченный человек». Le seul trait de lumière dans toute cette histoire c'est que probablement Katia ayant decouvert que sous les dehors pompeux de cause poltique se cachait une indigne spéculation_ que toute cette jeunesse malheureuse attirée par des phrases ronflantes, supposant qu'elle tra vaille pour le bien public ne travaillait qu'à remplir les poches de ces misérables_ qu'on l'entraînait et perdait à froid elle fut prise du dégoût – et n'a pu survivre à la perte son idée illusoire! Et encore quand on est si jeune, qu'on a tout une vie devant soi – ne peut on pas détourner la tête de ce qui degoute et recommencer une nouvelle existence Elle n'avait donc que 21 ans Elle! Si Elle voulait se rendre utile au peuple – mais mon Dieu, il y a mille manières quoi de plus simple, rien qu'à soigner cette marmaille en été quand on va aux champs, qui reste sans nulle surveillance et finit par allumer des feux de joie et de là tout un village incendié_ c'est déjà beaucoup *et point de phrases ronflantes_ помогать делом а не разглагольств<ованиями> пустыми и даже вредными ни к чему не ведущими_* La jeunesse avec sa force et sa santé peut tout, elle a un avenir, la vieillesse seule ne peut rien_ elle n'a que le présent rempli d'infirmités pour la plupart et le passé, et quand ce passé n'est qu'un tissu de malheurs, quelle pénible existence, et pourtant on vit encore!! Qu'est ce qui a pu se passer dans ces quelques heures après l'expédition des lettres, sera à jamais couvert de mystère pour moi. Ce qui est le plus désolant – c'est peut être, c'est tout bonnement une maladie produite par une malheureuse et difficile grossesse_ et qu'il fallait seulement peut être donner à temps quelque calmants¹³ et cette anxiété eut passée! Mais elle était seule, seule ma pauvre enfant, il n'y avait personne auprès d'Elle et j'étais là, moi, tranquillement dans mon fauteuil le moment où elle souffrait aussi terriblement.

On ne sait à qui croire Mad<ame> Trémy me dit: votre fille a eu un très bel enterrement, tous les russes ont accompagné son corps jusqu'au cimetière; «une Dame russe qui a été à Génève après m'ecrit: _ Похороны ея были ужасныя... Je te prie Marie, une fois que tu sauras quelque chose sur cette malheureuse catastrophe, de me dire toute la verité telle qu'elle était. Que cette sentence Di mortuis auto bene auto nihil. ne t'arrête pas.¹⁴ oh! Ces suppositions sont pires peut-être. que ne l'est la réalité!! Elle voulait venir à la campagne – si seulement cette modique somme se fut trouvee à sa portée_ pourquoi n'avoir pas ecrit plutôt... il faut donc que la lettre ait le temps d'arriver_ mais il n'y a même pas de suppositions à faire le 30 Mai

Elle a écrit et le 31. elle n'était plus¹⁵ сколько случаев, что стреляются и только ранят себя, а тут смерть, пишет Алекс<андров>, была мгновенна!

8 <апр.>. Посылаю тебе мои рукописи, ты говоришь, чтобы я написала, что я за них желаю, да что можно – хотя 30 руб. за оба романа и по 10 или хотя 6 оттиск<ов> каждого_ не лезь за 30 то за 25_ но непременно по 6 от<тисков>_ и потом в случае полной неудачи – не лезь ли хотя напечатать то на их счет_ и оттиски на-их мне 6 если же этого не лезь устроить то я бы желала, чтобы рукописи не затерялись_ я бы желала их иметь – à défaut d'imprimés¹⁶

Странно! Joseph то все действие около Женевы_ и такая же страшная катастрофа,¹⁷ могла ли я думать тогда переводя этот роман – что в Женеве произойдет такое ужасное происшествие для меня_

Мои ученики прибывают_ теперь у меня их три – один совершенно с неба упал_ Помнишь при тебе кажется был у нас соседний помещик Чихачев_ богатый человек, дочь его вышла за юнкера_ он размотал все что у неа было_ потом попался как то в растрате казен<ных> денег сослан в Сибирь, Она осталась с двумя детьми начала пить и допилась до чахотки, продала последний скарб и поехала в Москву лечиться и умерла в больнице оставив детей совершенно entre ciel et terre,¹⁸ в крестьянской избе – у старого дворового_ у которого 5 человек<ек> детей и все побираются_ конечно и эти дети побирались. Соседка, Мая Писаренко,¹⁹ взяла девочку и предложила мне взять мальчика_ надо будет их поместить в какое нибудь учебное заведение_ но покуда надо выучить грамоте_ довольно трудная вещь; мальчугану 8 лет и привык ничего не делать_ но идет понемногу_ третий ученик сын той Матрены об которой писала²⁰ слава Богу пристроили ее... Ты говоришь что Валерий²¹ живет в деревне стало быть оставил службу, это меня удивляет. Казалось он так свыкся с нею. Об Верочке²² ничего не сказала, как она теперь поживает?.. Если есть карточки Богдана²³ пришли мне пожалуйста одну, мне бы очень хотелось видеть какой он стал теперь? Хотя посмотреть пришли я возвращу тот час же. А если есть у тебя твоя, то пришли ту совсем мне если похожа. Желаю тебе быть здоровой_ Ив<ан> Ив<анович> читал что в Голосе²⁴ что ты была очень больна, но так как ты писала от 15-го Марта – то стало быть болезнь миновалась_ что с тобой было – не вследствие ли этой болезни едешь ты за границу? Прощай целую тебя и еще раз благодарю тебя за твои теплое отношение к моей бедной дорогой Кате. Иван Ив<анович> и сестра²⁵ тебе кланяются, Сестра велит написать, что ты Ее теперь обязала жить до осени, потому что не лезь же ей умереть не узнав что станется с Маней,²⁶ которая ее так живо заинтересовала, а записки причетника²⁷ будет ли продолжение?... желаю тебе всего хорошего.

Клянюсь Милому Богдану_ если свидишься с Калиновской²⁸ поклонись Ей от меня_ Что Она поделявает? Как ея здоровье? Матап²⁹ будет писать поклонись от меня.

Devouée В<арбе> Р<иссарев>³⁰

¹ «Ты не бросаешь в нее камень, ты – снисходительна, ты любезно обещаешь, что будучи в Женеве постарайшься навести справки в тех самых местах. Я считаю необходимым сказать

тебе все, что знаю сама. Но однако ж все это ни в коей мере не объясняет <ее> последнего шага. Ты полагаешь, дорогая Мария, что до отчаяния *Катю* могла довести обманутая любовь. О! Нет. У Нее не было столь влюбчивого сердца, любовь могла быть потребностью <ее> жизни, но не захватывать, не овладевать ею полностью. Она была на пятом месяце беременности, – говорит мне хозяйка дома (где *Катя* снимала квартиру), она считает, что именно это могло подтолкнуть Ее к мысли о самоубийстве. Возможно, в Женеве обычай более суровые, но в России об этом не особо принято распространяться. И тем более *Катя* которая никогда не обращала внимания на то что <о ней> говорят – которая не была светским человеком, а хотя бы даже и так. Ведь она была замужем и знала о деликатности и честности своего мужа. Она была уверена, что с этой стороны нечего опасаться. Она также была уверена в моей неизменной любви к ней и в том, что ее ребенок законный или нет не будет из-за этого менее любим и дорог. Следовательно, не может быть, чтобы это стало причиной. Накануне этого рокового дня Она писала отцу и просила его выслать ей деньги – это было душераздирающе отчаянное письмо, конечно мой муж мне его тогда не показал. Она умоляла спасти ее – Ее и ее ребенка» (фр.).

² *Иван Иванович Писарев* (1815–1892) – муж В. Д. Писаревой, отец Дмитрия, Веры и Екатерины.

³ *Николай Александрович Гребницкий* (1848–1908) – с 23 янв. 1870 г. законный супруг Екатерины Писаревой. В 1869 г. был отчислен из Петербургского университета за участие в студенческих волнениях и выслан под надзор полиции в Новгород. В сентябре 1870 г., после дозволения продолжить курс обучения, уехал с женой в Одессу. 23 дек. 1872 г. закончил Новороссийский университет со степенью кандидата естественных наук. После смерти Екатерины уехал в Иркутск, затем стал управляющим Командорскими островами (1877–1907).

⁴ «Господин из Одессы» – предположительно, *Николай Александрович Жебунев* (1847 г. р.) – брат Владимира и Сергея Жебуневых. В начале 1870-х гг. за братьями был установлен негласный надзор полиции в связи с молодежными собраниями на их даче под Харьковом. В 1872 г. Николай первым из братьев уехал в Цюрих. В Швейцарии Жебуны сформировали так называемый орден «сен-жебунистов», задачей которого было изменение существовавшего в России экономического строя путем поднятия уровня народного образования и развития сельского хозяйства. В конце 1873 г. Николай вернулся в Одессу. Получив известие о грозившем аресте, успел летом 1874 г. скрыться. Жил в России и за границей.

⁵ *Василий Максимович Александров* (1849 г. р.) – студент Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга, отчислен в конце 1870 г. как фигурант в деле «пропаганды печатного слова». В 1871 г. бежал за границу, заведовал типографией Эльпидина в Цюрихе, выпустил брошюру К. Маркса «Гражданская война во Франции, 1870–1871 гг.», в Женеве – Н. Соколова «Отщепенцы» и др. Один из основателей Славянской секции Интернационала в Цюрихе. В 1874 г. переехал в Женеву и приобрел небольшую типографию на средства Лакиера и Гребницкой. Состоял с Екатериной Гребницкой в близких отношениях.

⁶ «(Это фамилия того, кого она как считала любит) писал ей одно письмо за другим, чтобы вернуть Ее в Женеву, и Она, чувствуя, что беременна, сочла себя не вправе изолировать ребенка от отца. *Опять не понятно, если разочаровалась в кружке то конечно и в Алекс<андрове> во-первых* – что это за рассуждение?.. Тем более что ребенок не знает даже имени такого отца. Он (господин из Одессы. – *Я. Х.*) говорит о нем много нелицеприятного и даже предполагает, что это не самоубийство, а убийство – так как *Катя* знала все, что касалось их сообщества – (их кружок). Она могла быть для них опасной. Но это как-то непонятно – чем она могла им навредить, если все они скрывались в свободном от преследований Городе. – Он говорит еще, что на месте Гребницкого потребовал бы провести новое расследование и вскрытие тела. Зачем, чтобы отомстить? Но разве Ее это воскресит, мечь в любом случае, и особенно в этом – просто не имеет смысла. *Катя* написала и этому Госп<одину> тоже умоляя его послать ей деньги. Письмо исполнено того же отчаяния что и отправленное отцу» (фр.).

⁷ *Петр Александрович Лакиер* (1852 г. р.) – студент Петербургского, а затем – Цюрихского университетов. В детстве воспитывался в семье деда по материнской линии Петра Александровича Плетнева – поэта и критика, издателя журн. «Современник». По завещанию П. А. Плетнева получал ежемесячное содержание в 100 руб. Помогал коммуне Александрова после выезда студенток из Цюриха. Активной революционной деятельностью не занимался, относился к категории сочувствующих (*Соболева Н. А.* Род Лакиеров // *Гербовед.* 2005. № 79. С. 139–152).

⁸ *Вевейские горы* – горы вблизи г. Веве (Vevey), расположенного на западе Швейцарии. В этом месте в разные годы останавливались многие революционные деятели.

⁹ «Этот панический страх попросту необъясним, предположим даже, что ее могли арестовать, посадить в крепость, разве ей это не знакомо? Именно смерть, и только смерть, это – навсегда. Все можно изменить, все можно забыть, но оттуда уже больше нет возврата» (*фр.*).

¹⁰ «Госп<ожа> Треми (хозяйка дома) писала мне, <что> Она много занималась своей русской типографией» (*фр.*).

¹¹ «Это не он ее убил – но он позволил ей сделать это...» (*фр.*).

¹² *Муст* – *фр.* *Moust*, менее вероятно, что *Mocest* – имя постояльца, жившего по соседству с Екатериной Гребницкой. Очевидно, имя эстонского происхождения, написано неразборчиво.

¹³ Слово *calmants* можно перевести как «успокоительное» и «болеутоляющее».

¹⁴ *Di mortuis auto bene auto nihil* является искажением крылатой фразы *De mortuis aut bene aut nihil* (*лат.*) – О мертвых либо хорошо, либо ничего.

¹⁵ «Некая особа писала из Женевы, что Муст, спавший в той же комнате отделенной тонкой перегородкой выстрела не слышал и что его разбудила именно Госп<ожа> Треми, и тогда он немедленно отправился сообщать в полицию. Эта особа сказала еще: “Я бы желала чтобы этого негодяя Алек<сандрова> притянули к ответств<енности> по этому делу_ Это вполне испорченный человек”. Единственный проблеск во всей этой истории то, что Катя, вероятно, обнаружила, как под внешней помпезностью политических дел скрывалась постыдная спекуляция_ Как вся эта несчастная молодежь, привлеченная пагетическими фразами, полагающая что она действует на благо общества, работала лишь на то чтобы наполнить карманы тех негодяев, которые с холодной расчетливостью вели их к гибели. Она почувствовала отвращение – и не смогла пережить потери своей иллюзорной идеи! А еще когда ты так молод, у тебя вся жизнь впереди – невозможно отвернуться от того, что вызывает отвращение и начать жизнь заново. Ей был всего 21 год! Если уж Она хотела быть полезной для народа – но Боже мой есть тысяча более простых способов. Ничто не излечит этих деток, когда летом мы идем в поля и оставляем без всякого присмотра разожженный костер, это заканчивается тем, что сгорают все деревня. Довольно громких фраз – *помогать делом а не разглагоств<ованиями>* *пустыми и даже вредными ни к чему не ведущими*. Молодость с ее силой и ее здоровьем может все, перед нею будущее, а одинокая старость бессильна. Ее настоящее исполнено немощи, почти все в прошлом, но когда прошлое представляется полотном несчастий, какой тягостной становится жизнь, а живешь все еще!! Что могло случиться в эти несколько часов после отправки писем, для меня это навсегда будет покрыто тайной. Самое обидное – возможно, это была просто болезнь, вызванная неустроенностью и тяжелой беременностью. И следовало лишь вовремя дать какое-то лекарство, и эта тревога прошла бы! Но она была одна, одна, мое бедное дитя, не было никого рядом с ней, и в тот момент, когда она так страшно страдала, я спокойно сидела здесь в кресле.

Не знаю кому верить. Госп<ожа> Треми мне писала: “У вашей дочери были прекрасные похороны, все русские провожали ее тело на самое-кладбище”. Одна русская Дама, которая была в Женеве, потом мне писала: *Похороны ее были ужасныя...* Прошу тебя, дорогая Мария, когда узнаешь что-нибудь об этом прискорбном случае, скажи мне всю правду, какой бы она ни была. Пусть не остановит тебя сентенция “О мертвых либо хорошо, либо ничего”. Ох! Быть может, эти домыслы хуже действительности. Она хотела ехать в деревню – если бы только эта

скромная сумма оказалась в ее руках. Почему она не написала раньше... Ведь нужно время, чтобы письмо дошло. Остается только строить догадки. 30 Мая она написала <письмо отцу>, а 31 ее уже не стало» (фр.).

¹⁶ «за отсутствием книг» (фр.).

¹⁷ Речь идет о романе Виктора Шербюлье (Cherbuliez) «La revanche de Joseph Noirel».

¹⁸ «между небом и землей» (фр.).

¹⁹ *Мая Писаренко* – соседка В. Д. Писаревой. Фамилию также можно прочесть как Тивренко.

²⁰ В предыдущем письме В. Д. Писарева упоминала, что ее учеником был племянник некой *Мавруши*, которую могла помнить М. А. Маркович.

²¹ *Валериан Александрович Вилинский* (1829 г. р.) – младший брат М. А. Маркович, троюродный брат Дмитрия, Веры и Екатерины Писаревых.

²² *Вера Дмитриевна Дмитриева* – младшая сестра М. А. Маркович по материнской линии.

²³ *Богдан Афанасьевич Маркович* (1853–1915) – сын М. А. и А. В. Маркович, в 1876 г. закончил Санкт-Петербургский университет со степенью кандидата математических наук.

²⁴ «Голос» – ежедневная политическая и литературная газета, издавалась в Санкт-Петербурге в 1863–1884 гг.

²⁵ *Екатерина Васильевна Данилова* (1792–1877) – сестра В. Д. Писаревой по материнской линии.

²⁶ Речь идет о литературном персонаже романа Марко Вовчка «В глуши». Последняя часть произведения вышла в 12-м номере «Отечественных записок» за 1875 г., роман был издан отдельной книгой в 1876 г.

²⁷ Роман «Записки причетника» был написан М. А. Маркович в 1869 г.

²⁸ *Екатерина Степановна Калиновская* (?–1878) – знакомая Писаревых, в 1866 г. привлекалась к дознанию за связь с радикальными кругами, позднее – детская писательница.

²⁹ *Прасковья Петровна Дмитриева*, в девичестве Данилова (ок. 1811–1876) – мать М. А. Маркович.

³⁰ Опускание местоимения *vous* (*Вам*) в подписи «*Devouée V. P.*» является русизмом. На французском прощание звучит *vous dévouée* – преданная Вам.

Библиографический список

1. Pośmiertny // Kurjer Warszawski. 1875. No 148. S. 3.
2. *Гарднер Р. А.* Варвара Дмитриевна Писарева // Русская старина. СПб., 1880. Т. XXIX. С. 1007–1014.
3. *Голицын Н. Н.* История социально-революционного движения в России 1861–1881. СПб., 1887.
4. Д. И. Писарев в воспоминаниях и свидетельствах современников / сост. В. И. Щербаков. М., 2015.
5. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь / сост. А. А. Шилов, М. Г. Карнаухова. М., 1929. Т. 2: Семидесятые годы.
6. Листи до Марка Вовчка / под ред. О. С. Засенко, Н. С. Крутікова. Київ, 1979. Т. 2.
7. *Месхи И. С.* Пишу тебе... Нико-Олико: документальная повесть на основе переписки Н. Я. Николадзе и О. А. Гурамишвили. Тбилиси, 1980.
8. *Писарев Д. И.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. / сост. В. И. Щербаков; отв. ред. Г. Г. Елизаветина. М., 2012. Т. 11: Письма 1851–1868.
9. *Писарев Д. И.* Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. / сост. В. И. Щербаков, Г. Г. Елизаветина; отв. ред. В. И. Щербаков. М., 2013. Т. 12: Дневники. Ранние сочинения. Деловые бумаги. Переводы. 1850–1867.

10. *Соболева Н. А.* Род Лакиеров // Гербовед. 2005. № 79. С. 139–152.
11. *Татаренкова Н. А.* Жизнь и смерть управляющего Командорскими островами Николая Александровича Гребницкого // Россия и АТР. Владивосток, 2016. № 4. С. 101–115.
12. Тургеневский сборник. Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева / под ред. Н. В. Измайлова, Л. Н. Назаровой. М.; Л., 1966. Т. 2.
13. Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению / под ред. Н. К. Пиксанова, О. В. Цехновицера. М.; Л., 1940.

ПИСЬМА А. К. ПОЖАРСКОГО К Л. Б. МОДЗАЛЕВСКОМУ

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
Л. Г. Агамалян)*

Аннотация: Письма А. К. Пожарского к Л. Б. Модзалевскому охватывают 1931–1932 гг. и продолжают публикацию материалов из архивов Модзалевских, хранящихся в РО ИРЛИ. Содержание писем касается генеалогии Пожарских, родственных связей с Модзалевскими, в одном из писем Пожарский выстраивает родословную схему шести поколений. Пушкинистика и собирательство составляют главное содержание писем. В восьми из шестнадцати публикуемых писем речь идет об альбомах из знаменитой семьи Олениных, приводится их подробнейшее описание. Письма стали основанием для частичной реконструкции двух утраченных альбомов и для атрибуции сохранившегося в ГМП альбома А. А. Оленина.

Ключевые слова: Письма, Модзалевские, родословная, коллекционирование, альбомы Олениных, силуэты, Пушкин, Карамзин, экслибрис, Ленинградское общество библиофилов.

Abstract: Letters written by A. K. Pozharsky to L. B. Modzalevsky can be dated back to the period of 1931–1932 and considered as a continuation of publishing the materials from the Modzalevsky archives stored in the manuscript department of the Institute of Russian Literature (the Pushkin House). The content of the letters concerns the genealogy of the Pozharskies, their strong family ties to the Modzalevskies, with one of the letters by Pozharsky being dedicated to the genealogic table of six generations. Studies of Pushkin's literary heritage and collecting are the main contents of the letters. Eight out of sixteen published letters in question are about the albums from the famous family of Olenins, the letters present the detailed description of these albums. The letters have given rise to a partial reconstruction of two lost albums and to the attribution of A.A. Olenin's album preserved in the State Pushkin Museum.

Keywords: Letters, Modzalevskies, Pozharskies, genealogy, collecting, albums of the Olenins, silhouettes, Pushkin, Karamzin, ex-libris, the Leningrad society of bibliophiles.

Письма Александра Константиновича Пожарского (1859–1945) к Льву Борисовичу Модзалевскому (1902–1948) продолжают публикацию материалов из архивов Модзалевских, хранящихся в РО ИРЛИ. В Ежегоднике РО на 2015 г. нами был опубликован большой корпус писем Пожарского к его троюродному брату Льву Борисовичу Модзалевскому, охватывающий 1903–1928 гг.¹ К сожалению, ответные письма не сохранились. Сейчас это можно утверждать, отринув всякую надежду: публикация вызвала неожиданный отклик. В Москве обнаружили потомки Александра Константиновича – его внуки и правнуки от первой жены – Марии Николаевны Малаховой. Однако не осталось никаких

¹ Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 47–138.

следов семейного архива, богатейшего собрания Пожарского, и почти никаких воспоминаний.

После смерти Бориса Львовича в 1928 г. отношения Пожарского с Модзалевскими не прерываются. Письма к Льву Борисовичу охватывают 1931–1932 гг. Пожарский воспринимает сына как продолжателя дела отца, принявшего своеобразную эстафету – пушкинистика и собирательство составляют ее главное содержание.

Уже очень пожилой человек – ему 72 года – Пожарский в это сложное время особенно дорожит родственными отношениями. В Москве он «бывает» у Нины Львовны Модзалевской, в письмах упоминает Вадима Львовича, с гордостью описывает Льву Борисовичу своих замечательных внуков, старший из которых уже учится в университете, а младший – десятилетний «идет в школу первым, с большой памятью и даром слова» и, как кажется Пожарскому, будет филологом.² Ему есть на что оглянуться и порадоваться.

Как историк Пожарский тщательно собирает историю рода и фамилии. Возможно, отвечая на просьбу Льва Борисовича, он приводит сведения о своей родословной (п. 6). Эти сведения весьма скудны, так как едва ли не все семейные бумаги и документы пропали из-за «почти неожиданной смерти» отца – Константина Степановича Пожарского (1830–1888) в Бобруйске. Как следует из письма от 26.01.1932, у Александра Константиновича сохранились живописные портреты «деда, бабки и даже прабабки, матери деда Пожарского в натуральную величину», а также «дегерротипные портреты предков». Он собирает фотоархив «Модзалевских, Вельяшевых, Кудряевых и, конечно, Пожарских», сокрушается об утрате фотографий, на которых были даты. На основании сохранившихся бумаг деда и отца Пожарский выстраивает и рисует родословную схему шести поколений.

В одном из писем Александр Константинович просит племянника прислать ему выписку из биографического словаря о Якове Осиповиче Пожарском, одном из первых переводчиков «Слова о полку Игореве». По всей видимости, Лев Борисович отсылает ему статью из РБС, написанную Борисом Львовичем и подписанную «Б. М-ский». Несомненно, интерес биографа к почти забытому имени Я. О. Пожарского связан с упоминанием его в незаконченной статье А. С. Пушкина «Песнь о полку Игореве» (написана в 1836 г., опубликована П. В. Анненковым в 1855 г.³). Пушкин, сравнивая известные ему переводы «Слова», упоминает и перевод Я. О. Пожарского. Однако нельзя исключить, что Модзалевского привлекла и сама фамилия переводчика.

Пожарский остается страстным коллекционером, хотя возможности уже не те. В письме от 26 янв. 1932 г. он пишет: «Скажу, Лева, по секрету, о чем твой отец знал, я в конце концов многие вещи передам в Пушкинский Дом; но пока страсть собирательства у меня не остыла и я этим только и живу,

² Имеется в виду Юрий Ульрихович Самсон (Самсон фон Гиммельрштерн, скончался в 2003 г.). Он был военным.

³ Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков, и проч. СПб.: Издание П. В. Анненкова, 1855. Том первый. С. 478–487.

и теперь кое-что приобретаю» (п. 6). В результате уплотнения значительная часть богатейшего собрания Пожарского оказалась в сундуках и шкафах, почти недоступных даже для самого хозяина, что его очень огорчает. Оценивая свою многолетнюю собирательскую деятельность, он пишет: «Я могу гордиться, что много спас от гибели, покупая на Сухаревском рынке былых времен, и это хотя маленькая, но заслуга» (п. 6). К числу спасенных ценностей Пожарский относит и три альбома из знаменитой семьи Олениных. Два из них принадлежали Алексею Николаевичу Оленину, третий, хранящийся сегодня в Государственном музее А. С. Пушкина в Москве, – его среднему сыну Алексею Алексеевичу. В восьми из шестнадцати публикуемых писем речь, так или иначе, идет об этих реликвиях. В альбомах находились акварели и рисунки Г. Г. Гагарина, Кольмана, А. Брюллова, самого А. А. Оленина; хорошо известные сегодня вид усадьбы Приютино, работы И. Иванова, изображение гостиной в доме Олениных в Петербурге, портрет Анны Олениной работы Г. Гагарина; автографы И. А. Крылова, композиция из восьми силуэтов, один из которых, по мнению Пожарского, – изображение Пушкина; редкие гравюры, литографии с «видами городов, местностей, зданий и руин, которые А. А. Оленин видел, путешествуя по Европе в 1825–1826 гг.»; засушенные цветы из сада Вальтера Скотта и его портрет, ветка с могилы Наполеона и т. д. Подробнейшее описание альбомов, сопровождаемое рисунками обложек и переведенными на кальку силуэтами Пушкина и Карамзиных, является наиболее интересным и существенным в письмах А. К. Пожарского к Л. Б. Модзалевскому. Письма Пожарского стали основанием для частичной реконструкции двух утраченных альбомов и для атрибуции альбома сохранившегося. Публикация, посвященная оленинским альбомам, была нами осуществлена в 2017 г. в журн. «Наше Наследие».⁴

Пожарского и Л. Б. Модзалевского связывал общий круг знакомых: это члены ВОФ (Всероссийского общества филателистов), ЛОБ СЗО ВОФ (Ленинградского общества библиофилов Северо-Западного отделения ВОФ). По-видимому, они обменивались информацией о деятельности московского и ленинградского отделений общества. В последние годы существования ЛОБ Лев Борисович принимал довольно активное участие в его деятельности: он был последним ученым секретарем общества. В его архиве хранятся 52 повестки на заседания ЛОБ.⁵ 27 февр. 1930 г. общество сообщает Л. Б. Модзалевскому об организации секции экслибрисистов (быв. ЛОЭ). 9 апр. 1930 г. он был избран действительным членом общества. На 5 окт. 1930 г. был назначен его доклад «Новые данные о библиотеке А. С. Пушкина». 15 окт. 1930 г. на секции экслибрисистов он делает доклад «Книжные знаки из библиотеки А. С. Пушкина».

«Жалею, что не услышу твоего доклада. Интересная тема», – пишет Пожарский 24 дек. 1931 г. И 13 янв. 1932 г. продолжает: *«7-го числа я вспоминал о твоём докладе; ну как он у тебя сошел? Вероятно, блестяще».* Речь

⁴ Агамалян Л. Силуэты из оленинских альбомов. По письмам А. К. Пожарского к Б. Л. и Л. Б. Модзалевским // Наше Наследие. 2017. № 122. С. 76–91.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 2.

в данном случае о прочитанном 6 янв. 1932 г. Модзалевским сообщении «Надписи Пушкина на книгах, подаренных им разным лицам».

ВОФ объединяло в то время коллекционеров разных направлений, в том числе и библиофилов, и экслибрисистов, и собирателей графики. Сам Пожарский в это же время в Москве выступает с докладом *«Изображение русского народа в графике XVIII и начала XIX вв.»* на материалах своей коллекции. Он активно занимается сочинением и изготовлением экслибрисов, или, как он сам их называет, *ярлыков*. На международной выставке экслибрисов в Лос-Анджелесе он представил 14 знаков.

С 1 янв. 1933 г. Секция библиофилов и экслибрисистов ЛОБ, сохранив свое название, вошла в состав Ленинградского общества коллекционеров. 16 окт. 1934 г. на секции планировался доклад М. Г. Флир «Экслибрисы работы А. К. Пожарского». К сожалению, последнее письмо Александра Константиновича к племяннику датировано 10 окт. 1932 г., и мы не имеем информации о том, состоялся ли доклад. Однако можно предположить, что Лев Борисович содействовал самому этому замыслу.

Письма печатаются по автографам из фонда Л. Б. Модзалевского (РО ИРЛИ, ф.187). Орфография приведена в соответствии с современными требованиями. Сокращения раскрыты в угловых скобках.

8.10.1931

Дорогой Лева,

Ты совсем забыл меня. Но я постоянно интересуюсь и справляюсь о тебе. Я так любил твоего незабвенного отца и имел с ним такое частое общение, что к его, можно сказать, единственному отпрыску не могу равнодушно относиться. Бывая иногда у Нины,¹ всегда узнаю о тебе. А недавно, переписываясь с Савонько² и Голлербахом,³ узнал, что ты попал в президиум нашего, теперь общего, под'отдела В. Ф. О.,⁴ – значит, буду иметь еще вести о тебе, чему буду конечно рад. Но все же еще приятнее слышать от самого тебя о твоих делах, как семейных, так и служебных. Все ли обстоит благополучно в семье, что сын, а может быть, еще есть прибавление? Помню, как отец твой рад был внуку и передавал мне первые еще неведомые ему чувства деда.⁵ Да, не пришлось ему бедному насладиться <нрзб> жизни. Вот я вскоре достигаю ранга прадедушки: дочь моей средней дочери Александры Нина уже больше полугода вышла замуж за оч<ень> хорошего человека с хорошим служ<ебным> положением. И вот мне в мои лета есть на что оглянуться и порадоваться. Не знаю, что дальше меня ожидает, но пока я физически чувствую себя недурно. Старший внук от дочери Зинаиды Пушкиревой уже год в университете и избрал специальность – экономику. Самый младший внук от третьей дочери Ольги ф. Самсон-Гармерштерн 10-ти лет идет в школе первым, с большой памятью и даром слова, думаю, будет филолог. На школьных торжествах ему постоянно поручается произносить речь, после чего присутств<ующая> публика – родители ласкают его и он переходит с рук на руки, что, впрочем, ему не оч<ень> нравится.

Вот видишь, что значит быть счастливым дедом, сколько я тебе написал, а когда буду прадедом – замучу тебя словоизвержением. Теперь о другом. У меня давно исполнен для тебя ярлык, но отпечатать его у меня не было возможности, так как в Москве в типографиях частных заказов до сих пор не принимается; но теперь с преобразованием бывшего «Общ<ества> друзей книги»⁶ есть возможность печатать, что недавно мой приятель и сделал с моей работой для него, но, к сожалению, эта типография оказалась не на высоте св<оего> призв<ания>, и экслибрис вышел оч<ень> плох, что увидишь из посылаемого экземпляра. Обещают, что дело наладится, и я тогда одновременно с другими моими работами отпечатаю твой ярлык и пришлю тебе. Ярлык в стиле начала XIX в. Теперь у меня к тебе небольшая, но важная для меня просьба. Я давно собираю материалы о культурном обществе Петербурга перв<ой> ¼ XIX в. Теперь у вас в Ленингр<аде> вышли две книжки Яцевича А. «Пушкинский Петерб<ург>».⁷ Одну 2-ую книжку я приобрел в Москве. Первой же не могу достать здесь. Ты же, как пушкинист, верно, можешь достать, возможно, даже у самого Яцевича или где в другом месте, ничего если и с небольшой надбавкой в цене. Будь благодетель, вышли наложенным платежом, но отнюдь не простой бандеролью, так как пропадают, у меня были случаи. У меня иногда по четвергам, когда сообщения кончаются не поздно, собираются члены нашей секции пить чай и бывает приятно провести время в тесном кругу.

Бывает и Орлов,⁸ с кот<орым> ты, верно, познакомился в Ленинграде, когда он там был. Он мне говорил о тебе.

Заканчиваю обширное письмо приветом твоей жене и В. Н.,⁹ а тебя крепко обнимаю.

Любящий тебя Ал. Пожарский. Моя жена кланяется тебе.

¹ *Модзалевская Нина Львовна* (1881–1959) – младшая сестра Б. Л. Модзалевского, в первом браке (1904–1915) Энкель.

² *Савонько Владимир Степанович* (1877–1936/1937) – бессменный председатель Ленинградского общества экслибрисистов (ЛОЭ), библиофилов и художников книги, существовавшего в 1922–1930 гг. Собиратель и владелец наиболее полной коллекции экслибрисов в России (с 1941 г. хранится в Отделе эстампов РНБ). Она насчитывает около 10 000 единиц и включает художественные экслибрисы и суперэклибрисы XVIII – начала XX вв.

³ *Голлербах Эрих Федорович* (1895–1942) – библиофил, литературовед, искусствовед, художник-иллюстратор, писатель, один из организаторов Ленинградского общества библиофилов (1923). Опубликовал ряд исследований, сыгравших важную роль в развитии отечественного книговедения, монографий и статей о книжных графиках – М. В. Добужинском, Г. И. Нарбуте, М. А. Кирнарском. Погиб при эвакуации из блокадного Ленинграда.

⁴ По-видимому, речь о Северо-Западном отделении филателистического общества (СЗО ВОФ), секции библиофилов и экслибрисистов (СБ и Э).

⁵ 21 нояб. 1926 г. у Л. Б. Модзалевского родился сын Борис. См. письмо Пожарского к Б. Л. Модзалевскому от 5 мая 1927 г. // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. С. 120.

⁶ Русское общество друзей книги (РОДК) – самая крупная библиофильская организация 1920-х гг. Возникло в Москве в 1920 г. по инициативе В. Я. Адарюкова. Деятельность РОДК была прекращена в начале января 1930 г.

⁷ *Яцевич А. Г.*: 1) Пушкинский Петербург / вступ. ст. П. Н. Столянского; оригинальные рис. и обложка И. И. Ваулина. Л.: О-во «Старый Петербург – новый Ленинград», 1930 (на обл. 1931); 2) Пушкинский Петербург / обл. и рис. Александра Обермиллер. Л.: О-во «Старый Петербург – новый Ленинград», 1931.

Яцевич Андрей Григорьевич (1887–1942) – искусствовед, краевед, пушкинист, член общества «Старый Петербург» и «Старый Петербург – новый Ленинград»; с 1932 г. чл. президиума Пушкинского общества, руководитель секции охраны памятных мест.

⁸ *Орлов Николай Николаевич* (1898–1965) – российский библиограф, библиофил, член Русского общества друзей книги (РОДК), Русского библиографического общества (РБО); исследователь книжных знаков, член ЛОЭ, ему принадлежит свыше 170 трудов по библиографии, книговедению и экслибрисоведению, владелец одной из замечательных русских библиотек, специально посвященной проблемам книговедения, и коллекции экслибрисов (около 6000 экз.). В 1933 г. был репрессирован. С 1937 по 1953 г. работал ученым секретарем сельскохозяйственной опытной станции в Караганде, а с 1953 по 1963 г. – старшим библиографом Карагандинской научно-технической библиотеки.

⁹ *Модзалевская Варвара Николаевна* (1871–1937), урожд. Гувениус – вторая жена Б. Л. Модзалевского, в первом браке Висковатова.

Дорогой племянник Лева, твое письмо застало меня больным в постели. Вот уже две недели не могу отделаться от простуды, слабость необычайная для меня. Когда поднимусь с постели, напишу тебе подробней. У меня хранились

старинные фотографии решительно всех родственников: Модзалевских, Вельяшевых, Кудряевых и, конечно, Пожарских. Все они были завернуты в бумагу. Когда в 1917 г. ко мне приехала дочь Зинаида Пушкарева со всей семьей и с прислугой; последняя была почти интеллигентн<ая> особа и получала 50 р., и что же ... Она обворовала более чем на 1000 р. и, вероятно, думая, что в свертке что-нибудь ценное, унеся в кухню, сожгла. На карт<очках> были даты, кот<орыми> пользовался Вадим.² Все, что смогу, подробно сообщу в следующем письме, а пока не прогневайся, голова болит, озноб. Любящий тебя Ал. Пожарский.

¹ Дата на почтовом штемпеле.

² *Модзалевский Вадим Львович* (1882–1920) – младший брат Б. Л. Модзалевского; украинский историк, геральдист и генеалог; в 1903–1905 гг. – член Черниговской и Полтавской архивных комиссий, Киевского общества летописца Нестора. С 1911 г. – директор Музея украинских древностей в Чернигове. Составитель совместно с В. К. Лукомским «Малороссийского гербовника» (СПб., 1914) и автор «Малороссийского родословника» (СПб., 1914).

3

Почтовая карточка

24.12.1931

Милый, дорогой племянник Лева, к сожалению, я еще болен и хотя не все нахожусь в кровати, но из дому не выхожу уже 5-ю неделю. Жена ухаживает и заставляет насильно есть курагу и кисель, а у меня совсем отсутствует вкус, а потому и аппетит. Грипп упорный; меня страшат последствиями его, а потому советуют лежать и лежать, а я в минуты облегчения вожусь с книгами. Сегодня думал о тебе. Не можешь ли достать в Л<енинграде> и прислать мне труд отца: «А. П. Керн» изд. Собашниковых 1924 г.¹ Я ею оч<ень> занимаюсь и из всей литер<атуры> о ней только этого нет вследствие обещания отца твоего прислать эту вещь. В издании записок Россет² я разочаровался. Издано небрежно и неумело. Недавно, возясь со своими вещами, попались силуэты из альбомов Оленина:³ Пушкин, Карамзин, Карамзина, затем один сил<уэт> как будто Керн, а может быть, Дельвиг. Какой-то молод<о>й челов<ек> и 3 мальчика. Всех 7 силуэтов. Жалею, что не услышу твоего доклада. Интересная тема. Я пропустил 4 собрания, но были неинтересные. Жена выбирает новое место служ<бы>. Она отдыхает с мая м<есяца> и порядком разленилась. Мое же настроение незавидное, давно, давно так упорно не болел. Погода мягкая, но оч<ень> хмурая. Поклон жене и В. Н. Тебя обнимаю. Любящий тебя Ал. Пожарский. Слабость у меня необычайная. Долго надо поправляться.

¹ *Модзалевский Б. Л.* Анна Петровна Керн. По материалам Пушкинского Дома. Л.: изд. М. и С. Сабашниковых, 1924.

² *Смирнова А. О.* Записки, дневник, воспоминания, письма / со статьями и примеч. Л. В. Крестовой; под ред. М. А. Цявловского. М., 1929.

³ См.: *Агамаян Л.* Силуэты из оленинских альбомов. По письмам А. К. Пожарского к Б. Л. и Л. Б. Модзалевским // Наше Наследие. 2017. № 122. С. 76–91.

13.01.1932

Дорогой друг и племянник Лева, поздравляю тебя с семейством с Новым Годом, желая всего наилучшего.

Я все еще не совсем оправился и почти не выхожу из дому. Жена после 8-месячного отдыха, наконец, поступила на службу.

7-го числа я вспоминал о твоём докладе;¹ ну как он у тебя сошел? Вероятно, блестяще.

Вот уже второй месяц, как мною нарисованные экслибрисы отданы в типографию и их еще недосузились <так!> отпечатать, и не знаю, как они выйдут. А каких хлопот стоило, чтобы согласились принять в печать. Все наши типографии завалены казенными и срочными заказами, а потому я, потеряв терпение и не желая смущать тебя, посылаю тебе в оригиналах два ярлыка твоих. Не знаю, как они тебе понравятся. Если не угодил – не прогневайся. Одним глазом рисованы. Замечу только, что в черной рамке ярлык в печати не должен быть меньше, чем такой величины.

(нарисован прямоугольник)

А другой ярлычок чем меньших размеров, тем больше выйграет в печати. Я думаю, что у вас при Академии тебе не трудно отпечатать; мое же намерение прислать уже в готовом виде, к сожалению, не увенчалось успехом.

Вчера из ВОФ² получил просьбу сделать рисунки для стенгазеты к годовщине смерти Ленина; придется засесть и что-нибудь выдумать. Плакаты мои к 14 годовщине³ до сих висят на стенах.

Вот уже второй месяц с моей болезни у нас в Москве стоит теплая погода, а я вследствие слабости должен воздерживаться от выхода из дома, что очень досадно.

Как идет работа по 3-му тому писем Пушкина и когда предполагается его окончание?

Вчера прочел воспоминания Соколова.⁴

Любезный Лева, не забудь меня, если у вас будут выходить новые экслибрисы, и присылай при случае мне, а я в свою очередь буду брать на твою долю. Прежде это делали для меня Савонько и Лерман,⁵ но потом этот обмен как-то разладился. Кстати, Лерман в Ленинграде? Что-то о нем ничего не слышно.

11/1⁶

Не успел окончить письма, как явился ко мне по твоему поручению Д<митрий> Ал<ександрович> Жуков.⁷ Это очень удачно, я с ним и отошлю тебе ярлыки, а пока большое, большое спасибо тебе за книжечку незабвенного твоего отца. Д<митрий> Ал<ександрович> только что видел 8 силуэтов, о кот<орых> я тебе писал, и согласился, что один из них Пушкин. Все они несомненно сделаны одновременно и одним и тем же мастером, что и помещенный в книжечке, только что присланной тобою. Бюсты у всех силуэтов оканчиваются необычными острыми углами. При исполнении силуэта П<ушкина> я нахожу, что мастер взял не полный профиль, а потому нос вышел

не столь характерный для П<ушкина>, губы, овал и постав головы и курчавые волосы говорят за то, что это П<ушкин>. Делаю далеко не совершенную передачу этих силуэтов, т. е. Пушк<ина>, Карам<зина> и его жены.

Трудность представляет то, что силуэты помещены глубоко в раму, а стекло находится выше плоскости рисунка. Впрочем, когда я пересниму фотографии, то ты, посоветовавшись с пушкинистами, можешь опубликовать; возможно, найдутся знатоки иконографии и определят точнее. Меня оч<ень> интересует, откуда в Пушкинском Доме силуэт А. П. Керн⁸ и из одного ли места он с миниатюрой ее? Впрочем, я вспомнил, миниатюру пожертв<овала> в Пуш<кинский> Дом Дараган.⁹

Еще раз спасибо за книжечку!

Жуков уезжает в Ленин<град> в конце этой недели. Оказывается, его родные живут против меня.

Я после болезни едва пишу, дрожит рука, а потому не удивляйся моим кривулькам.

31 (13?)/1¹⁰

Только что собрался окончить письмо, как подали твою открытку. Спасибо тебе, дорогой Лева, за внимание к моему нездоровью, но Жуков был у меня только вчера (12-го) вечером, и я тотчас написал ответ. Крепко целую тебя, привет семье.

Сердечно любящий тебя А. Пожарский

Воспроизведены три силуэта: сверху два мужских и внизу один женский.

Слева по краю листа: «Срисовано далеко несовершенно и о сходстве поэтому судить не приходится, но нарисовал, чтобы ты имел понятие об общем виде».

Справа по краю листа: «Остальные 5 силуэтов избобр<ажают> молодую даму, мол<одого> человека и троих мальчиков. Повторяю, исполнены эти силуэты одним мастер<ом> с силуэтом Керн».

¹ 6 янв. 1932 г. на заседании Общества библиофилов Л. Б. Модзалевским был прочитан доклад «Надписи Пушкина на книгах, подаренных им разным лицам».

² ВОФ – Всероссийское общество филателистов. Создано в 1923 г., в конце 1930-х гг. фактически прекратило свою деятельность.

³ Вероятно, к 14-й годовщине Октябрьской революции.

⁴ Соколов П. П. Воспоминания / предисл. Э. Ф. Голлербаха. Л., 1930.

⁵ Лерман Михаил Яковлевич (1884–1942) – библиотечный работник, библиофил, коллекционер и исследователь экслибрисов. Член ЛОЭ. Его коллекция русских художественных и гербовых экслибрисов (около 4000) после смерти владельца поступила в ГПБ (РНБ). Библиотека М. Я. Лермана, состоявшая из книг по истории литературы, искусства и общественно-правовым вопросам, была продана в 1940-х гг. магазину «Международная книга» в Ленинграде.

⁶ Дата внутри письма. Вероятно, описка Пожарского.

⁷ Жуков Дмитрий Александрович (? – 1935) – член Ленинградского общества экслибрисистов (ЛОЭ); в архиве Л. Б. Модзалевского сохранились письма к нему Д. А. Жукова 1931–1932 гг. В письме от 20 сент. 1932 г. он сообщает о возможном посещении А. К. Пожарского, 10 окт. 1932 г. из Москвы – о встрече с ним.

⁸ Силуэт А. П. Керн был обнаружен Б. Л. Модзалевским в 1902 г. в Тригорском и впервые воспроизведен им в сб. «Пушкин и его современники. Материалы и исследования» (СПб., 1907. Вып. V) со следующим пояснением: «Силуэт был сделан в 1825 г., о чем свидетельствует надпись на обороте, сделанная рукою Алексея Николаевича Вульфа». В собрании Музея-заповедника «Михайловское» сегодня находятся силуэтные портреты Евпраксии и Анны Николаевны Вульф (I треть XIX в. Бумага, тушь.). Силуэты были найдены Б. Л. Модзалевским на чердаке в Тригорском и находились прежде в Пушкинском Доме (ПД/И-85), откуда были переданы Всесоюзному Пушкинскому комитету в 1936 г. (Акт от 30.11.1936). В 1946 г. были переданы в Михайловское. Бюсты у силуэтов оканчиваются острыми углами, как и бюст силуэта Анны Петровны Керн.

⁹ *Кулжинская Аглая Александровна* (1874–1942) – внучка А. П. Керн, драматическая актриса, выступавшая под фамилией Дараган; сохранившийся у нее портрет А. П. Керн она передала в Пушкинский Дом. Сейчас в собрании ВМПИ.

¹⁰ Дата внутри письма. Вероятно, описка: должно быть 13/1.

Дорогой племянник Лева,

Пользуясь случаем, опять пишу тебе с препровождением уже не двух ярлыков, но трех. Вот что значит сидеть дома, нацарапал еще один. Выбери! Сегодня обещался зайти Д. А.² и взять письмо. Я книжечку Керн прочел в один прием. Хорошо составлена, и миниатюра удачно воспроизведена, тогда как в других изданиях она совсем не удалась. Наконец с почина твоего отца А<нне> П<етровне> отведено должное место в Пушкиниане. Хотя она до некоторой степени и сведена с пьедестала идеального, как женщина, на котором находилась в представлении читающей публики конца XIX в., за то выиграла как вполне реальный тип своего времени – «Вавилонской блудницы». В связи с Пушкиным я всегда интересовался Керн, но литература о ней была оч<ень> бедна, а портретов совсем не было. Конечно, и теперь мы не имеем ее портретов ранней поры увлечения П<ушкина>, когда она была красавица и так расславлена всеми, с кем она встречалась, начиная с Ал<ександра> I и кончая Никитенкой.³ Но подобные типы воздушных и нежных блондинок быстро увядают и от прежнего блеска не остается и следа. Такова и А<нна> П<етровна>, особенно достигшая такой глубокой старости. Меня, как псковича, очень интересовали ее воспоминания о прожитых годах во Пскове. Она (в печати) первая пришла в восторг и запечатлела на бумаге красоту окрестностей Пскова, так называемого Корытова на высоком берегу р. Великой⁴ с величественным сосновым лесом. Керн удивилась, случайно попав туда во время катанья с «племянничком»,⁵ что псковичи совершенно игнорировали эту чудную, живописную местность в двух верст<ах> от города. Мне же эта местность за знаменитым Мирожским монастырем XII в. очень памятна по детству. Мы жили в 65–66 гг. на Завеличье, и летом отец часто нас троих детей возил туда. Вот видишь, как я разболтался, вспоминая старину; это со стариками бывает! Читая сейчас воспоминания Соколова-худож<ника>, опять разбередил детские воспоминания; его мать псковичка и, живя в С.П.б., не могла забыть Пскова, рассказывала часто сыну о нем.⁶ Если ты будешь когда во Пскове,

то посвяти ему несколько дней и хорошенько его осмотри и напитайся прошлой стариной нашей и ее ароматом. Карамзин был в восторге от Пскова, и ему хотелось совсем там поселиться в старинном доме, обрамление окна котор<ого> на одном моем экслибрисе.⁷ Московский известный архитектор Виноградов,⁸ попав первый раз во Псков, говорил мне потом: «Я просто от восторга ошалел!». Твой дед и прадед часто бывали во Пскове, а последний даже и воспитывался в псковской воен<ной> школе, потом преобразованной в корпус, где я кончил.⁹

В кн<иге> «Керн» я усмотрел ошибку. Второй муж ее А. П. Виноградский был при детях кн. Долгорукова С. А. и последний назван генерал-адъют<антом>. Как мне известно, С. А. Долгоруков по выходе из Пажеского корпуса по болезненному состоянию был определен к штатским делам.¹⁰ Он хорошо рисовал, и у меня есть портрет – акварель его жены (М<арии> А<лександровны> урожд. Апракс<иной>)¹¹ его работы. Я мог приобрести и его портрет работы Крюгера, но он мне показался неинтересным; на этом портрете Долгор<уков> изображен лет 40 в штатск<ом> сюртуке.¹²

Теперь опять маленькая просьба к тебе. Когда будешь рыться в биографическом словаре, выпиши мне год рождения и др<угие> крат<кие> сведения о Н. Ос. Пожарском, это родной брат моего деда Степана Осиповича Пож<арского>. Н. О. был первый переводчик «Слова о полку Игореве».¹³ У меня была выписка из словаря, но я затерял ее. Но помни – это не к спеху.

Ну, прости за многоглазольствование и не осуди. Привет супруге, а тебя крепко обнимаю. Не забывай и чиркай <так!> по временам. Любящий тебя Ал. Пожарский.

Тебе, верно, больше понравится ярлык № 1. Если сочтешь нужным напечатать ярлыки № 2 и 3, то их нужно очень маленькими, тогда они выигрант. Их отпечатать можно одновременно на одной бумаге и потом разрезать. У нас за это брали 5–6 р.

¹ Письмо датировано январем 1932 г. без указания дня.

² Жуков.

³ *Никитенко Александр Васильевич* (1804–1877) – литературный критик, историк литературы, академик Петербургской Академии наук с 1855 г. Автор Дневника, в котором подробно описано его краткое увлечение А. П. Керн.

⁴ Корытово – поселок в черте Пскова, на юго-востоке Завеличья близ побережья реки Великой. Большую часть составляет сосновый бор.

⁵ Речь о племяннике мужа Анны Петровны Павле Керне.

⁶ *Соколов Петр Петрович* (1821– 1899) – русский живописец и график, старший сын знаменитого акварелиста Петра Федоровича Соколова и Юлии Павловны, урожд. Брюлловой.

⁷ Этот экслибрис был исполнен Пожарским в 1926 г. и отослан Борису Львовичу со следующим комментарием: «Тут все, что меня интересует: рус<ская> архитектура, бытовые древности, череп (как археолог) и два памятника моего бытия во Пскове и Москве, – Сухар<ева> Баш<ня> и окно дома Яковлева XVII ст<олетия>, зарисованное когда-то мною с натуры. Это тот дом, кот<орый> так нравился Костомарову, и он говорил, что охотно бы поселился в этих полуразвалинах и так бы жил». См.: Письма А. К. Пожарского к Б. Л. Модзалевскому / публ. Л. Г. Агамалян // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. С. 113.

⁸ *Виноградов Николай Дмитриевич* (1885–1990) – русский и советский архитектор, реставратор, фотограф и коллекционер. В годы Первой мировой войны фотографировал во Пскове памятники древнерусской архитектуры. В 1918 г. руководил комиссией Наркомата имущества республики по охране памятников. Был ответственным за выполнение в Москве плана монументальной пропаганды, тиражировал «Окна РОСТА». Был инициатором обследования городской застройки для выявления ценных деревянных зданий и организовал выставку «Уходящая деревянная Москва» (1921). С 1925 г. занимался реставрацией в Москве. Первый директор созданного им в 1947–1957 гг. при поддержке А. В. Щусева Государственного музея русской архитектуры (ныне Гос. Научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева).

⁹ Псковский кадетский корпус – начальное военно-учебное заведение российской императорской армии, готовившее детей и подростков к военной службе в период с 1882 по 1918 г.

¹⁰ *Долгоруков Сергей Алексеевич*, кн. (1809–1891) – гражданский губернатор Ковенской и Витебской губерний в 1848–1849, статс-секретарь (1864), действительный тайный советник, член Гос. совета (1872).

¹¹ *Апраксина Мария Александровна* (1816–1892) – дочь сенатора, действительного статского советника А. И. Апраксина (1782–1848) и М. А. Шемякиной (1794–1872).

¹² Сегодня в собрании ГЭ. См.: *Александр Соловьев*. Русский камерный портрет из коллекции А. А. Попова // Наше Наследие. 2011. № 98. С.126.

¹³ Пожарский дважды ошибается. Прежде всего, переводчиком «Слова» был Яков Осипович Пожарский (даты жизни не установлены). В 1819 г. им на средства графа Н. П. Румянцева было издано «Слово о полку Игоря Святославича удельного князя Новагорода Северского, вновь переложненное Яковом Пожарским, с присовокуплением примечаний». Уже в названии содержится указание на то, что автор предлагает новое переложение. Первый прозаический перевод был сделан самими издателями памятника. В 1805 г. свою интерпретацию текста «Слова» предложил А. С. Шишков. В 1809 г. прозаический перевод осуществил В. В. Капнист (опубликован лишь в 1950 г. Д. С. Бабининым). Я. О. Пожарский был третьим, чей перевод появился в печати. За эту работу он был избран действительным членом Вольного Общества Любителей Российской словесности.

Дорогой друг и племянник Лева,

Большое, большое спасибо за присланные сведения о Я<кове> О<сиповиче> П<ожарском>,¹ но я отнюдь не собирался задавать тебе такой колоссальной работы, а просил только кратких сведений. К тому же они у меня имеются, но где-то в одном из ящиков с документами. А ящиков и сундуков несколько десятков, до кот<орых> не знаю когда доберусь. Ведь я имел, будучи еще одиноким, 6 больших комнат и постепенно в 1924 г. очутился с женою почти в одной. Силуэты я только случайно извлек уже после твоего посещения меня. Ты застал меня в хлопотах, когда новое дом<овое> правл<ение> хотело у меня отнять одну проходную комнату в конце нашей квартиры, почти сплошь наполненную моими сунд<уками>, ящик<ами> и шкафами. Пришлось на время эту комнату разгрузить немного. Да кроме того 3-ое других жильцов квартиры пользуются моею обстановкой, которая, конечно, в результате перейдет в их собственность. Вот в каком я пиковом положении! Многих любопытных вещей, книг, портретов и картин, не говоря о фарфоре, стекле и вышивках, не вижу 10–12 лет. Это меня больше мучает, чем потеря состояния. Любезный мой, я все собирался сделать тебе укор. Оба приезда

твои в Москву прошли для меня с обидою, ты уделил мне только каких-нибудь несколько часов, где же тут собраться с мыслями и поделиться сведениями. Это не по-родственному! Теперь хотя я как будто бы и здоров, но за болезнь привык сидеть дома, да и гнилая погода располагает к тому. Все больше сижу и читаю. Теперь штудирую и делаю выписки из писем А. Я. Булгакова о Московской жизни 30–40-х гг.² Но вот образованнейший человек своего времени, а высказывает удовольствие, что Пушкин принялся за «серьезную работу» Ист<ории> Пугач<евского> Бунта и оставил «пустые стишки». Сам Булгаков кряхтит над переводом на франц<узский> язык «Рославлева»,³ рассчитывая заработать куш. Впрочем, тут образование подчас не при чем, а надо чувства. Вот сейчас из другой области. Я сравниваю два издания, имеющиеся у меня «Горе от ума», одно с иллюстрациями Башилова 1865 г.⁴ и другое – с иллюстр<ациями> Соколова 1866 г.⁵ Соколов несравненно образованнее Башилова, но Б<ашилов> инстинктом проникся эпохой Грибоедова и создал яркие типы того времени; особенно хорош Фамусов. Потом и даровитый Боклевский в иллюстрациях не мог отрешиться от этого типа. Правда, начальное семя положено Агиным.⁶

Мы в М<оскве> не видим солнца уже сплошь 2 мес<яца>, – это небывалое явление. Как только посветлеет, пойду к фотогр<афу> переснимать силуэты. Скажу, Лева, по секрету, о чем твой отец знал, я в конце концов многие вещи передам в Пушкинский Дом; но пока страсть собирательства у меня не остыла и я этим только и живу, и теперь кое-что приобретаю. Я могу гордиться, что много спас от гибели, покупая на Сухаревском рынке былых времен, и это хотя маленькая, но заслуга. Я отлично понимаю значение моих силуэтов. В 1898 г. я на Сух<аревском> р<ынке> приобрел 3 альбома Оленина Ал<ексея> Н<иколаевича>. Они попали в Москву из Тверской губер<нии> после смерти П<етра> Алексеевича Оленина,⁷ кот<орый> был там уездн<ым> предвод<ителем> дворянства. Кто ему наследовал, я не знаю, но альбомы в груди вещей могли попасть в невежественные руки и погибнуть. Два альбома желтой кожи с золотыми тиснениями и бронзовыми ампиричными украшениями 10 × 13 сант<иметров>, а третий альбом черной, как будто бы змеиной кожи с перламутровыми украшениями, обрамленный в сталь тульской работы с миниатюрным замочком. На первой внутр<енней> странице оттиснут герб Оленина и рукою надпись: «Alexis Olenin. 1825 г.»⁸ Последний альбом 9 × 11 с. Первые два альбома были очень рассыпавшиеся, то я принужден был отдать первому в М<оскве> переплетчику Пецману отремонтировать. Замечательно, что приобретенный мною не особенно давно альбом граф<ини> Шуваловой (1825) имел те же размеры и совершенно такое же зол<отое> тиснение по желтой коже, но вместо бронзы по углам 4-ре миниатюры видов Италии в бронз<овых> золоч<еных> рамочках, а посредине бирюзой «Souvenir», – этот альбом более чем за 100 лет дивно сохранился, но узор тиснения и размеры говорят, несомненно, что альбомы Оленина и Шуваловой исполнял один мастер, очевидно в С.П.Б., хотя альбом Ш<уваловой> и побывал в Италии, судя по содержимым подписям. В одном из этих желтых оленинских альбомов (более ранних, чем черный) и были 8 силуэтов; гра-

винованный еще без подписи, видимо первый оттиск, портрет Крылова по рисунку П<етра> Оленина, с обычной монограммой А. Н. Оленина, гравированный Фридриц'ом. Тут же находилось письмо Крылова к сыну Ол<енина> А<лексею> А<лексеевичу>⁹ в Англию 1825 г. и три басни Кр<ылова>, им написанные и помеченные 1821 г.;¹⁰ вид Приютина с персонажами – акв<арель> И. Иванова, рисованная с натуры и законченная в Лондоне; внутренний вид гостиной в Приют<инском> доме, акварель кн. Г. Г. Гагарина с изображением присутствующих: А<лексея> Н<иколаевича> Ол<енина>, его жены, дочерей, Крылова, Гнедича, Вигеля и самого Гагарина. Затем карандашный портрет Анны Алекс<еевны> Олениной работы Гагарина 1831 г.; литографиров<анный> портрет Ал<ексея> Н<иколаевича> Олен<ина>, исполненный в Лондоне 1821 г. и нигде не упомянутый, но оч<ень> схожий.¹¹ Наконец масса цв<етных> гравюр – видов Запад<ной> Европы и особенно ценные – эпизоды путешествия на лошадях в дилижансах и на пор...<нрзб.> охоте. Кроме этого, много акварелей и рисунков кн. Гр<игория> Гагарина, Кольмана, А. Брюллова, Васильева, Д. и А. кн. Долгоруких, кн. Львова, кн. Салтыкова, сына Олен<ина> и др. Текст написан по-француз<ски> и по-английс<ки>. Много засушенных цветов, между прочим из сада Валт<ера> Скотта и с остр<ова> Елены с могилы Наполеона, вывезенные граф<ом> Литке, предст<авителем> России при перенес<ении> праха Н<аполеона> в Париж.¹² Вот, дорогой Лева, подробный отчет о состоянии и содержании 3-х альб<омов>. Думаю, что я расквитался с тобою за твой труд, но у тебя много неотлож<ного> дела, а у меня много своб<одного> времени.

Что касается моей родословной, то, к сожалению, вследствие почти неожиданной смерти отца в 1888 г. в Бобруйске, где он намерен был отдохнуть после отставки, бумаги и документы пропали, да и отец с двумя братьями и сестрою остались в малолетстве сиротами круглыми; мальчики находились во 2 кад<етском> корп<усе>, а девочки в Екат<ерининском> Инст<итуте> в С. П. Б. Дед мой, Степ<ан> Осипов<ич>, скончался в Смоленске, где был доктором, имел там дома, капитал. Умирая, назначил опекуном детей своего приятеля, содержателя един<ственной> Смоленской аптеки (с немец<кой> фамили<ей>, теперь не помню), который оказался недобросовестным и часть <так!> моего отца и его сестры растратил. Стар<ший> брат Александр успел кое-что получить и после Крымск<ой> войны, в кот<орой> участв<овал>, выйдя в отставку, поселился в Стар<ой> Руссе, купил дом и жил до своей смерти. Когда Ал<ександр> III издавал юб<илейное> изд<ание> о Крымск<ой> опер<ации>, этот Пожарский, А. С., поместил воспоминания.¹³ Все же из бумаг, как деда, так и отца у меня кое-что сохранилось. Ведь я, как старший сын, из корпуса вышел в Варшаву в С.П.б. полк короля Прусского, потом он Л. Гв. Петрогр<адский> п<олк>,¹⁴ и потому проморгал много реликвий семейных, а они были. Впрочем, у меня имеются портреты масл<яными> крас<ками> деда, бабки и даже прабабки, матери деда Пожар<ского>, в натуральную величину и много дегеротипных <так!> портретов предков. Я все собирался позаниматься розысками в архиве М<инистерства> юст<иции>, но, будучи в св<ое> время свет<ским> человеком и имея в М<оскве> кучу знакомых, недосужился исполнить свое намерение. Скажу только, предки

по отцу были смоленские дворяне, записаны в 3-ю книгу. Дед Степ<ан> Осип<ович> был младше Як<ова> Ос<иповича> и, родившись в 1790 г., в 1805 г. был в Моск<овском> унив<ерситете>, но перешел в Моск<овскую> медико-хирург<ическую> академию, кот<орую> окончил в 1810 г. со зв<анием> лекаря, в 1816 г. – штаб-лекарь, в 1823 г. за труды по прекращ<ению> эпидемии получил орд<ен> Св. Владим<ира>, в 1836 г. был кол<лежским> сов<етником>. В 1845 г. умер. Имел 3-х сыновей: Александра р. 1827 †1885, Николая р. 1829 г. †1849, Конст<антина> р. 1830 г. †1888 и дочь Ольгу р. 1833 †1893, была за Брезгуновским, без детей.

1) У Алекс<андра> Ст<епановича> было 2 доч<ери>: Ольга, Надеж<да> и сын Дмитрий. Ольга и Дмитр<ий> – худож<ник> рано умерли, а Надежда, окончив Патриотич<еский> инст<итут>, была преподават<ельницей> в гимназ<ии> в г. Белый Смол<енской> губ., а выйдя за помещ<ика>-миллионера Воронина Георг<ия> Ив<ановича>, жила с мужем в Киеве; имела сына и дочь. В начале револ<юции> муж умер в Ницце, где купил незадолго пред смертью виллу. Теперь вдова препода<ет> языки в Киев<ских> учеб<ных> зав<едениях>, сын Дмитрий – в высш<ем> уч<ебном> зав<едении>, а дочь уже за вторым мужем.

2) Николай Ст<епанович> умер молодым 20 лет.

3) Константин Ст<епанович>, служа в полку в Стар<ой> Руссе, где служил и Аркад<ий> Льв<ович> Вельяшев,¹⁵ познак<омился> с моей матерью и в 1858 г. женился во Пскове. Шт. Кап<итан> ост<авил> воен<ную> службу и перешел на судеб<ную>. Был мир<овым> суд<ей>. Имел 2 сыновей: меня Алекс<андра> и Петра и 2-х дочерей Марию и Надежду. Последняя умерла в младенч<естве>. Петр род. в 1860 г., женился в 1890 г. на Анне Алекс. Фон-Гук, на сестре жены Евген<ия> Льв<овича> Вельяшева,¹⁶ но, прижив сына Николая, умер в 1914 г. в Чесменской богадельне, так как совершенно потерял зрение. Жена скоро вышла за Управ<ляющего> акц<изными> сборами Каз<анской> губ<ернии> Меркулова, а сын Ник. Петр<ович>, окончив Псковскую класс<ическую> гимн<азию> с золотой медалью, поступил в С. П. б. университет на фил<ологический> фак<ультет>, но с началом войны перешел в Мед<ико>-Хир<ургическую> акад<емию> и в нач<але> войны был воен<ным> врач<ом> Л. Гв. Уланского п<олка>. Сейчас он в Каире, где, как слышно, хорошо практикует.

Я родился в 1859 г. 6 мар<та> 1 раз женился в 1889 г. на дочери генер<ала> от инфант<ерии> Н. Н. Малахова, команд<ующего> войск<ами> Моск<овского> окр<уга>,¹⁷ Марии Ник<олаевне>; имею 3 дочери: Зинаиду (род. 1890 г.), Александру (род. 1894 г.) и Ольгу (р. 1896 г.). Все окончили Моск<овский> Алекс<андро>-Мариин<ский> институт для военных Моск<овского> округа¹⁸ – это детище в. к. Елисаветы.¹⁹

Зинаида в 1913 г. вышла замуж за Викт<ора> Яковл<евича> Пушкарева, капит<ана> Семенов<ского> полка, но в 1918 г. овдовела. Имеет сына Виктора, сейчас в Вузе, и дочь Зинаиду оконч<ила> 7-летку, теперь на практике.

Александр в 1910 г. вышла замуж за капитана артил<лерии> Сергея Иван<овича> Картель, во время войны ком<андовал> арт<иллерийским>

дивизионом, а теперь нач^{альник} моб^{илизационного} отд^{ела} Гл^{авного} Арт^{иллерийского} Управл^{ения}. Имею^т дочь Нину, оконч^{ила} сред^{нюю} шк^{олу} и, находясь на химич^{еских} курсах, в 1931 г. вышла замуж за артил^{лериста} в Москве Сер^{гея} И^{вановича} Л^{укашова}.²⁰

Ольга в 1919 г. вышла замуж за начальн^{ика} Законодат^{ельного} Отд^{ела} Высш^{ей} револ^{юционной} комис^{сии} Уль^{риха} Ив^{ановича} Фон-Самсон Гиммельштерна.²¹ Имеют сына Юрия р. 1921 г., идет первым учеником.

Я второй раз женился в 1916 г. на дочери купца Ермиловой Серафиме Андреевне (р. 1897 г.). Имел дочь Ирину (р. 1917, умерла 1 ½ месячную).

Мария Конст^{антиновна}, род. 1865, окончила Смольный инст^{итут}. В 1886 г. вышла замуж за Ник^{олая} Фе^{доровича} Козлова, акцизного чиновника. Имели детей: 2 дочери: Ольгу, род. 1885 г., замужем за флотским чиновн^{иком} Александровым, но скоро овдовела; Зинаиду, р. 1889 г. и умерла 5 лет. Сына Александра, р. 1891, окончил военное училище и произвед^{ен} в артил[?]. Во время войны пропал без вести.

По левому краю: «Крепко обнимаю тебя и прошу передать привет жене и В. Н. Любящий тебя Ал. Пожарский».

Вот тебе родословие 6-ти поколений. Скоро будет семь.

Ниже – родословная схема.

В 90-х г. ко мне приезжал с юга полковник и говорил, что он мне родич и происходит от Якова Осипов^{ича} П^{ожарского}; поговорив со мной, он обещал опять зайти с документами, но какие-то политич^{еские} события того времени расстроили наше свидание. После того я его не видал.

Вот все, что я могу сообщить тебе. Твой дед Л^{ев} Н^{иколаевич} очень любил вспоминать, что, будучи студентом, он с Евгением Л^{ьвовичем} Вельяшевым тоже студ^{ентом} Лесного института, несколько раз пешком ходили из С.П.б. в Красное Село в лагерь к моему отцу. Дело в том, что полки, стоявшие в Новг^{ородской} Губ^{ернии} на лето приходили в К^{расное} Село. Дядя Леша всегда хвалил моего отца; последний действительно был типичный чело^{ек} 60-х гг. с самыми гуманными взглядами. Он попеременно служил в Пскове, Могилеве, Витебске и Минске, и его везде обожали одинаково русские, поляки и евреи. Умер от воспал^{ения} легких 58 лет, как и Л^{ев} Н^{иколаевич} тоже 58 лет. Рано!

¹ По-видимому, Лев Борисович прислал Пожарскому выписку о Я. О. Пожарском из РБС. См.: РБС. Т. 14: Плавильщиков–Примо. СПб., 1905. С. 255. Справка для словаря составлена Б. Л. Модзалевским. Подписана: Б. М-ский.

² Переписка А. Я. Булгакова с его братом, К. Я. Булгаковым была опубликована в «Русском Архиве» за 1866, 1901, 1902 и 1903 гг.

³ «Рославлев. Или русские в 1812 году» – роман М. В. Загоскина.

⁴ *Грибоедов А. С. Горе от ума*. М.: Изд. Николая Тиблена, 1865. Первое полное издание комедии с иллюстрациями М. С. Башилова. *Башилов М. С. (1821–1870)* – по определению Кондакова, живописец «домашних сцен», создавший иллюстрации к «Кобзарю» Т. Шевченко, «Губернским очеркам» М. Е. Щедрина, «Войне и миру» Л. Н. Толстого (1866) и пр.

⁵ *Грибоедов А. С. Горе от ума*. Комедия в четырех действиях в стихах. С 32 рисунками академика П. А. Соколова. СПб.: Изд. Т-ва «Общественная польза», 1866.

⁶ *Боклевский Петр Михайлович* (1816–1897) – один из крупнейших русских художников-иллюстраторов; *Агин Александр Алексеевич* (1817–1875) – русский художник-иллюстратор.

⁷ *Оленин Петр Алексеевич* (1794–1868) – средний сын А. Н. Оленина, участник Отечественной войны и заграничных походов в составе л.-гв. Семеновского полка, полковник Корпуса инженеров путей сообщения, художник-любитель, портретист, почетный вольный общник Академии художеств. Жена – Мария Сергеевна Львова (1810–1899) – дочь новоторжского предводителя дворянства Сергея Дмитриевича Львова и Татьяны Петровны, урожд. Полторацкой. В 1833 г. вышел в отставку генерал-майором; впоследствии жил в Тверской губернии, где в 1835 г. основал усадьбу Машук, названную по имени его жены.

⁸ Слева на полях рисунок герба из альбома с поясняющей подписью: «2 медведя щито-держатели и в гербе медв<едь> с человек<ом> с поднятыми руками».

⁹ *Оленин Алексей Алексеевич* (1798–1854) – младший сын А. Н. Оленина, в 1817 г. выпущен из Пажеского корпуса прапорщиком в Гвардейский Генеральный штаб; в 1825 г. произведен в капитаны; в 1827 г. по болезни уволен в отставку. В дальнейшем – чиновник Азиатского департамента МИД, Департамента уделов, Министерства юстиции и др. ведомств, впоследствии действ. ст. сов. Жена – Александра Андреевна, урожд. княжна Долгорукова. Член Союза благоденствия, после роспуска Союза от движения отошел. В мае 1825 г. ушел в долгосрочный отпуск для лечения за границей: в Англии и Франции. Маршрут его путешествия 1825–1826 гг. отразился на страницах альбома.

¹⁰ В письме к Б. Л. Модзалевскому от 4 апр. 1903 г. речь идет о двух баснях – «Плотичка» и «Овца», которые предваряются обращением к адресату и заключаются официальным поклоном. Впервые опубликовано В. В. Каллашем в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук» (1904. Кн. 2. С. 287–288). На письме рукой А. А. Оленина помета получения: «Новорже 3 августа 1821», отмечающая время получения письма и позволяющая уточнить датировку написания басен. См.: *Крылов И. А.* Соч. М., 1946 Т. 3. С. 350. Местонахождение автографа неизвестно. Текст печатается по факсимиле, приложенному к Полн. собр. соч. Крылова (СПб., 1904, т. I, вкладные листы между с. 194 и 195).

¹¹ Вероятно, литография А. Зенефельдера по рис. Антонена (Antonin'a). Подпись: *Mr Olenine. Secrétaire de l'Empire, Président de l'Académie des beaux arts de St. Petersburg. 1825.* Пожарский вновь путает дату. Место издания на листе не указано. Очень редкий лист, имеется в собрании РНБ в составе коллекции Густава Ладдея (Laddey).

¹² *Литке Федор Петрович*, граф (1797–1882) – русский мореплаватель, географ, исследователь Арктики, генерал-адъютант, адмирал (1855), президент Академии наук в 1864–1882 гг. Его знакомство с Олениными относится к 1800-м гг.

Память изменяет Пожарскому. В «Каталоге выставки в память Отечественной войны 1812 года» (М., 1909), среди предметов, предоставленных Пожарским, значится «*Ветка с дерева около могилы Наполеона I на о. св. Елены, привезенная капитаном Литке в октябре 1829 г.*» (с. 93). 18 апр. 1829 г., во время своего кругосветного путешествия на шлюпе «Сенявин», Литке с офицерами нанес визит английскому губернатору и осмотрел дом, в котором провел свои последние годы Наполеон, и посетил его могилу.

¹³ Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству Государю Наследнику Цесаревичу о севастопольской обороне севастопольцами: в 3 т. СПб., 1872–1873. Воспоминания были записаны и собраны по повелению наследника цесаревича Александра – будущего императора Александра III.

¹⁴ Л.-гв. Санкт-Петербургский Король Фридриха-Вильгельма III полк (с августа 1914 – л.-гв. Петроградский полк) – гвардейская воинская часть Русской Императорской армии.

¹⁵ *Вельяшев Аркадий Львович* (1840–1916) – родной брат матери А. К. Пожарского.

¹⁶ *Вельяшев Евгений Львович* (?–?) – родной брат матери А. К. Пожарского; в 1884–1885 гг. значился попечителем земской школы погоста Гвоздно Гдовского уезда.

¹⁷ *Малахов Николай Николаевич* (1827–1908) – генерал от инфантерии (с 1895), участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.; в 1905–1906 гг. командующий войсками Московского военного округа.

¹⁸ Александрo-Мариинский институт – один из институтов благородных девиц для обучения дочерей офицеров, военных чиновников и врачей, служивших в Московском военном округе. Основан в 1857 г. Размещался в бывшем дворце князей Долгоруких, построенном в 1780-х гг. на Пречистенке, 19. Упразднен после 1917 г. Сейчас – Музейно-выставочный комплекс «Галерея искусств».

¹⁹ Одной из главных попечительниц института была великая княгиня Елизавета Федоровна.

²⁰ *Лукашов Сергей Иванович* (16.07.1897 – 20.06.1962). Информация получена от Владимира Кирилловича Смысловского, потомка А. К. Пожарского, проживающего сейчас в Москве и занимающегося историей рода.

²¹ *Ульрих Иванович Самсон-Гиммельшерн (Гиммельитерн) фон*, (1874–?), *барон*. Закончил Николаевскую инж. Академию (1901) и Императорскую Николаевскую военную академию (1912). Участник Первой мировой войны. Подполковник Генерального штаба. Добровольно вступил в РККА. С 15.04.1920 начальник Законодательного отдела Управделами РСФСР.

7

Почтовая карточка

2.02.1932¹

Дорогой и любезный Лева, из письма Д. А. Жукова, только что полученного, я узнал о твоей болезни. Верно, тоже грипп, но надеюсь, что не такой свирепый, как был у меня. Помни – важно высидеть дома до полного выздоровления. Вот и я хотя и выздоровел (?), но по случаю начавшихся у нас метелей с холодн<ым> вост<очным> ветром избегаю выходить. Созерцая свои силуэты, я пришел к заключению, что молод. женщина Соф<ья> Н<иколаевна> Карамзина, а 3 мальчика сыновья Карам<зина>: Александр, Андрей и Владим<ир>? Тем более это вероятно, что имеющийся у меня карандаш<ный> профильный рисунок (в том же Ол<енинском> альбоме) мальчика совершенно похожий на силуэт и подписан «Сашенька». Остается неизв<естный> молод<ой> человек. Сам горю нетерпением выслать тебе снимки. Хотел показать их Цевловскому <так!>, но не хочу прежде показа тебе. Обнимаю, береги себя. Твой Ал. П.

¹ Дата определена по почтовому штемпелю.

8

8.02.1932

Дорогой племянник Лева, я только что от фотографа, где просидел час, ожидая очереди. В М<оскве> все фотографии государственные. Управл<ение> ф<отографий> за 3 снимка назначает 22 р., а за 1 сн<имок> с портр<ета> Л., К. и А. Николаевны¹ 10 р., время назначил четыре дня. Как видишь, все это не так просто и доступно. Вернувшись домой, я разорил рамку с силуэтами, и уже со всей тщательностью срисую через очень тонкую кальку и точно передам оригинал, что без стекла мне не представляется трудным. Завтра же отошлю тебе. По снимку ты уже решишь, стоит ли игра свеч. У нас хотя сей-

час и унялись метели, но днем 15°, а ночью свыше 20°. Я больше сижу дома с отчаянным насморком. Обнимаю тебя и шлю привет супруге.

Любящий тебя А. Пожарский.

Фот<ограф> предупредил, что силуэты наклеены на палевую бумагу, а потому на фотографии выйдет фон серый, что отразится на ясности силуэтов.

¹ Л., К. и А. Николаевны – лица не удалось установить.

8.02.1932¹

Дорогой племянник Лева,

Вчера отослал тебе открытку с сообщением о моем визите к фотографу, а сегодня нарисовал в трех экз<емплярах> Пушкина, а также и все 8 силуэтов как они наклеены на бумагу с палевым оттенком. Я вчера писал тебе: этот цвет бумаги не понравился фотографу, т<ак> к<ак> силуэты вышли бы не совсем ясны на сером фоне. Желтый цвет на фотографии выходит черным, а светлые оттенки желтого выходят серыми. Да, кроме того, цена мне показалась несуразная, у меня и денег не было таких. Думаю, что теперь ты ясно представишь себе силуэты. За один присест скопировать все то, что посылаю тебе, было не так легко, а при электричестве и не совсем удобно, но все же точность хотя и не фотографическая, но достигнута, благодаря тому, что оригинал я извлек из рамки, где он был основательно заделан, а стекло отстояло от силуэтов на расстоянии пальца. Конечно, в 3-х рисунках есть маленькая разница, но ты все же, я думаю, уверишься, что это Пушкин, а отсюда выяснишь свои намерения, как поступить с имеющимся у меня материалом. Во всяком случае до твоего решения я его никому показывать не буду. Сейчас у меня на стене висят 7 портретов П<ушкина>, и какая между ними разница! Профильного же портрета П<ушкина> не существует, а тем более прижизненного, а те, которые последнее время (силуэты) помещали на обложках книг, я нахожу менее напоминают П<ушкина>, чем мой силуэт. Относительно Карамзина можно тоже сказать, что профильного его портрета нет.

Теперь с нетерпением буду ожидать тебя в мае, надеясь, что ты если не для меня, то ради П<ушкина>, больше уделишь время для нашей встречи. По получении этого письма напиши мне тотчас же, так как меня интересует твой вывод. Не забудь сравнить силуэты с силуэтом Керн; правда, они одного исполнителя?

Должен предупредить, что сил<уэт> П<ушкина> на общем рисунке не вполне удался, лучше на двух других. Ну вот «пока», как говорят теперь, и все. Крепко обнимаю. Любящий тебя Ал. Пожарский.

Если не забудешь, при случае спроси Жукова, получил ли он мое письмо с 14 экслибрисами, я послал в простом письме.

¹ Так! Дата проставлена Пожарским.

20.02.1932

Дорогой Лева, не получая от тебя отклика, я ничем другим не объяснил его, как срочной работой, а перед работой я благоговею. Если бы просили за снимки 10 р., я бы не задумался бы снять, но я писал тебе, что за карт<очку?> силуэтов спрашивали 22 р., а за портр<ет> Л<ьва> Н<иколаевича> – 10 р., итого 32 р. Это разница! Я вспомнил, что в издании Соловьева «Светлана» – Воейкова,¹ которая у меня сейчас под рукой, помещен снимок крышки ее альбома. 2 альбома Оленина имеют совершенно такое же тиснение и такие же бронзовые украшения. Видимо, такие альбомы в то время в С. П. б. изготовлял какой-нибудь модный мастер. Так как у Воейковой было несколько альбомов, то этот, о котором я пишу, называется «дерптским», т<ак> к<ак> он заполнялся ею в Дерпте. Ты это издание, вероятно, знаешь, а потому в библиотеке посмотри. Эта вся работа Н. Соловьева основана на богатом содержании альбомов А. Воейковой. Возможно, что тебе не раз придется описывать альбомы начала XIX в. (твой отец тоже любил описывать их), а потому познакомься или возобнови в памяти, если уже читал этот талантливый труд Н. Соловьева. Кроме того, он – верх изящества и типографской роскоши. Я предполагаю сделать сообщение в св<оём> обществе о работах худ<ожника> Щедровского,² а в связи с этим и о изобр<ажениях> др<угими> худ<ожниками> в литогр<афиях> и граюрах наших простолюдинов XIX в. Ну всего доброго; обнимаю. Привет супруге. Любящий тебя дядя А. П.

Ура! наших праотцев я нашел.

У нас начались аукц<ионы> малой графики. Я куп<ил> Худ. календарь 1826 г., гравюры.

¹ Соловьев Н. В. История одной жизни. А. А. Воейкова – «Светлана». Пг., 1915.

² Щедровский Игнатий Степанович (1815–1870) – русский художник бытового жанра, рисовальщик, живописец и литограф.

2.01.1932

Дорогой друг и племянник Лева, только сегодня отослал тебе открытку, а через 2 часа принесли твое заказное письмо, помеченное тобою 23 / I ?! Засел опять писать тебе. Ты укоряешь меня, что я не точно описал альбом, тогда как я описал тебе три альбома и отметил, что они нумерации листов не имели, к тому же были, особенно два в желтой коже, в рассыпанном состоянии, что вынудило меня, оставив содержимое альбомов у себя, совершенно сохранившиеся крышки двух альбомов отдать переплетчику Пецману их реставрировать, что он и исполнил превосходно. Это был самый прекрасный переплетчик в М<оскве>. Некоторые акварели, особенно нравившиеся мне, я тогда же вставил в рамки 20-х – 30-х гг., чтобы постоянно иметь их перед глазами. В эту категорию попали: два вида Приютина (ты их видал), несколько акварелей

кн. Гагарина, Кольмана и других худ<ожников>, а также и силуэты помещены были в одну орехов<ую> рамку овальной формы; в которой они заключены и поныне висят на книжном шкафу; их видел Жуков и не знаю, что он сообщил тебе по поводу их, что для меня интересно, т<ак> к<ак> он все-таки понимающий человек и особенно обратил внимание на губы и овал головы, говоря, что это пушкинское. Конечно, если бы альбомы были в порядке, то у меня не поднялась бы рука на разрушение первичного состояния их. Даже у черного альбома, который был в относительном порядке, я, вынув портреты Крылова (грав<ирован> до подписи) и А. Н. Оленина (литограф<ирован> в Лондоне), оставил в альбоме места, где они были; портреты же вставил в красн<ого> дерева рамки 20-х гг., и они у меня висели в кабинете наряду с Пушк<инным>, Гриб<оедовым>, Карамз<инным> и др. современниками П<ушки>на. Все это отчасти было тебе сообщено. Если мое письмо сохранилось, прочти его еще. Там помещено: 1) внешнее описание альбома, 2) их размеры, 3) имя и герб владельца, 4) способ работы – вырезаны из черной бумаги не особенно глянцево и не матовой, а как бы слегка шагреновой – это характерная бумага нач. XIX ст<олетия> кустарного изделия, интересно сравнить бумагу силуэта А. П. Керн. Вообще бумага в альбомах наряду с белой и цветная начала XIX ст<олетия>, но цветной немного. Водяных знаков нет, но попадаются листы с оттиском в углу Н I, т. е. Николаевск. времени, т. е. это не бумага альбома, а рисунки на этой бумаге вклеенные <нрзб>. Надо отметить, что почти все акварели и рисунки были исполнены не на листах альбомов, а на наклеенных листках разных размеров. 5) Прочий материал мною был перечислен, но конечно не все, так как он велик, к тому же последующий владелец, а возможно и не один, кое-что, но немного помещали и свои материалы. Я забыл раньше упомянуть, что в альбомах было много гравюр, раскрашенных от руки, и литографий видов городов, местностей, зданий и руин, которые А. А. Оленин видел, путешествуя по Европе в 1825–6 гг. На каждом виде рукой А. А. написано год и число ст<арого> и нов<ого> стиля. Это меня в свое время заинтересовало, и я составил маршрут его путешествия, котор<ый> прилагаю при сем. Посещая кой-кого, Ол<енин> сохранял письма с печатями и их <так!>, а также цветы из некот<орых> местност<ей>, так, например: из сада Вальтер Скотта, тут же великолепный портрет Вал. Скотта; письмо к Ол<енину> от Крылова, полученное в Англии, над которым покойный В. В. Каллаш² у меня кряхтел полдня, чтобы его разобрать (оно помещ<ено> в пол<ном> собр<ании> Крыл<ова> из<дательства> «Просвещ<ение>»). В альбоме была и ветка с могилы Наполеона на о. Елены, сорванная гр<афом> Литке в момент перенесения тела в Париж. Видимо, Л<итке> передал О<ленину> для хранения. Я в 1912 г. в числе нескольких десятков предметов, отно<сящихся> к 12 г., выставлял и эту реликвию.³ В альбоме же вклеен рапорт Николая I, как бригадного командира 2 бр<игады> 1-й гв<ардейской> дивизии, о вступлении этих полков из лагеря в С.П.б. 1825 г.; возможно, что это последний рапорт перед вступл<ением> на престол. Как видишь, материал разнообразный, и хорошо бы было, если бы ты затею свою опубликовать его оставил до Мая, когда подробно ознакомился с этим материалом. Как раз сегодня после отправ<ления>

к тебе открытки я ходил в ближайшую от меня фотографию, но в 4-м этаже прочел: «повильон по случаю ремонта закрыт». Идти дальше не мог, т<ак> к<ак> у нас стоят морозы 12° со свирепую метелью, а у меня опять кашель. Так как размер альбомов тебе известен, то набросаю внеш<ний> вид двух желтых и черного.⁴

Рисунок крышки альбома «желтой тисненой кожи» с накладкой и застежками золоченой бронзы. Слева притисано: «В другом альбоме маленькая разница в тиснении и рельефе бронзовых украшений».

Рисунок крышки альбома «черной змеиной кожи со стальными шлифованными ободками, как по краям, так внутри и в углах. В середине и по углам б<уква> А обозн<ачает> перламутровые пластинки гладкие»,

справа притиска: «Миниатюрный внутренний замочек стальной, но спорчен. Тульская тонкая работа».

Теперь самое главное относительно силуэта П. На силуэте он смотрит молодым человеком лет 25–26, так что совершенно соответствует дате альбомов. В этом возрасте портретов П<ушкина> нет. Поэтому силуэт много разнится с предыдущим (лицейским), так и последующими; это конечно вызовет со стороны некоторых несогласие видеть в с<илуэте> П<ушкина>, но черты П<ушкина> с годами оч<ень> менялись, даже портреты ближайшего времени много разнятся (Троп<инина> и Кипр<енского>). Мое же глубокое убеждение, что это не кто иной, как П<ушкин>. Размещены силуэты так: <схема расположения силуэтов в овальном обрамлении>

«? мальчик» // «Ан<дрей> Кар<амзин>», «Н<иколай> Кар<амзин>», «Пушк<ин>», «В<ладимир> Кар<амзин>» // «Е<катерина> Кар<амзина>», «Алек<андр> Кар<амзин>», «С<офья> Кар<амзина>?» >

Пушкин, как друг, мог попасть в одну группу семьи К<арамзина>. Меня интересует: силуэт Керн на такой ли бумаге, какая у моих силуэтов?

Меня удивило, что ты, упоминая об устаревшем труде Либровича⁵, ничего не сказал о книжке Адарюкова, кажется, вышедшей в 25 или 27 г. «Портреты Пушкина».⁶

Итак, снять фотографию недолго, но в случае разочарования я не хотел бы быть виноватым введения тебя, так сказать, невыгодную сделку <так!>. Буду ожидать последнего твоего подтверждения. Для снимка, вероятно, придется вынуть силуэты из рамки, а они туда основательно заправлены. Затем еще существенный вопрос: всех ли снимать или одного П<ушкина>? Мне казалось бы всех, т<ак> к<ак> при опубликовании может быть найдутся такие пушковеды, кот<орые> укажут, кто молод<ой> человек вверху, а также молодая дама справа, котор<ая>, я предполагаю, что С. Карамзина. Мальчик внизу между дамами совершенно тождествен с карандашным портретом в том же альбоме с подписью «Сашенька». Перерисовывал его при посредстве калки. Как хорошо схоже вышел у меня карандаш<ный> портрет, так неудачен мой снимок силуэта. Впрочем это так, экскурсия в область догадок; профили детей часто похожи.

Карандашный портрет, как и многие в альбоме с подписью рисовальщика Алек. и Дмитр. Долгоруких.⁷ Не знаешь ли, кто в 20–30 г. были с этими именами Д.?

Отрывочные воспоминания я веду уже давно, но их в конце концов надо свети в одно целое; успею ли я это, вопрос. Много времени отнимает хозяйство, все лежит на мне, когда жена служит и возвращается поздно. В незавидных условиях приходится жить!

Путешествие А<лексея> А<лексеевича> О<ленина> в 1825–26 гг.

Авг. 1825 г. Warwick Castle

Авг. и Сент. Warwick

- “ - Kenilworth. Castle

9 сент. – St. Mares Hall

- “ - St. Michails Church

8–20 – York

25 сент./4 окт.

1/13 -“-

2/14 -“- записано провел в обществе Вальт. Скотта.

31 окт. – 12 нояб. Chain Pier, Brighton

22 мая – 1826 Nion

22–26 мая – Geneve

-“- Morsee

-“- Chillion

-“- Montreux

26–27 -“- Vevei

-“- Lozanne

-“- La jetee á Ouchi

-“- Senner-Bad

-“- Tenfels brücke

28 -“-Bern

-“- Thun

5 июня Der Rheinfall bei Schaffhansen

10 июня 13 июня Karlsbad

15-“- – 2 июля Dresden

Все это иллюстрируется прекрасными раскрашенными гравюрами и литографическими портретами, письмами и записочками, засушенными цветами.

Я никак не мог дознаться, на каком поприще подвизался А<лексей> А<лексеевич> и когда умер.

Еще раз благодарю за сообщение об А. С. П<ожарском>. Ведь на одной П<ожарской> вторым браком был женат кн. И. М. Долгорукий – поэт.⁸ Один П<ожарский> – кавалергард был короткое время фаворитом у Е. П. Конечно, я готов исполнить твое желание относительно сведений о Н. Л., Л. Н. и твоём отце. Мне очень-очень больно, что прислуга моей дочери Зины уничтожила большое собрание фотографий, где были портреты Н<иколая> Л<ьвовича>, О<льги> К<узьминичны>, Л<ьва> Н<иколаевича> – юных лет, Кудряева, В. К.⁹ Это безвозвратная утрата, для нас с тобою обидная. Ну,

почтенной супруге поцелуй ручку. Напиши, на кого похожи сыновья? Тебя крепко обнимаю и жду скорого ответа. Твой А. Пожарский.

На кальке воспроизведение силуэта и карандашного портрета с подписью «Alec. Dolgoruc...» и припиской чернилами «Sachinka».

¹ Вопросительный знак поставлен Пожарским.

² *Каллаш Владимир Владимирович* (1866–1918) – русский и украинский литературовед, фольклорист, библиограф. Текст письма см.: *Крылов И. А.* Соч. М., 1946. Т. 3. С. 356. Местонахождение автографа неизвестно. Печатается по факсимиле при III т. Полн. собр. соч. Крылова под редакцией В. В. Каллаша. Изд. акционерного общества «Просвещение». СПб., 1905 (вкладной лист между с. 420 и 421). Впервые опубликовано В. В. Каллашем в «Известиях отделения русского языка и словесности Академии наук» (1904 г. Кн. 2. С. 288).

³ Ветка с дерева около могилы Наполеона I на о. св. Елены, привезенная капитаном Литке в «октябре 1829 г.» // Каталог выставки в память Отечественной войны 1812 года. М., 1909. С. 93.

⁴ По левому краю письма приписка: «*Большое спасибо за сообщение об имущественном состоянии А<лександра> С<тепановича> П<ожарского>, но я в общем знал о связи его с Дорогобужским уездом, но потом он до конца жизни жил в Старой Руссе в своем доме. А<лександр> С<тепанович> и мой отец были люди совершенно разных направлений. Первый был скотидом, отец был добряк и не умел сберечь что и имел, за что ему доставалось от моей матери. После воен<ной> службы он года 2–3 хозяйничал в псковском нашем имении Мелетове (памятно по походам Ив. Грозного) во Псков. Грозный в Мелетове ночевал два раза. Псковская Летопись, но доброта его вводила в убытки. Когда и служил, от жалованья ничего не оставалось, всегда держал 3-х лошадей, хороший экипаж, выписывал много журналов, газет, книг и делал приемы. Был крепкого здоровья, но имел страсть наблюдать ледоход и в 1888 г. простудился и погиб.*

⁵ *Либрович Сигизмунд Феликсович* (лит. псевд. Виктор Русаков) (1855–1918) – журналист, историк книги, писатель; автор книг, пользовавшихся популярностью у современников, в том числе «Пушкин в портретах» (1890), которую, видимо, имеет в виду Пожарский. Либровичу принадлежит одна из первых в России научно-популярных работ по истории книжного дела – «История книги в России» (1913–1914).

⁶ *Адарюков В. Я.* Указатель гравированных и литографических портретов А. С. Пушкина. М., 1926.

⁷ *Долгоруков (Долгорукий) Александр Иванович*, кн. (ок. 1793–1868) – литератор, учился в Геттингенском университете, участвовал в Отечественной войне 1812 г., служил в штатской службе, выйдя в отставку, много путешествовал по Европе. Издал «Мои счастливейшие минуты в жизни» (1840), «Сочинения. кн. А. И. Долгорукова в прозе и стихах» (1859) и др.

Долгоруков (Долгорукий) Дмитрий Иванович, кн. (1797–1867) – чиновник Коллегии иностр. дел: в 1820 г. назначен секретарем при миссии в Константинополь; состоял при миссиях (в основном – секретарем) в Риме (1822–1826), Мадриде (1826–1830), Лондоне (1830–1831), Гааге (1831–1838), Неаполе (1838–1842). С 1845 г. – полномочный министр при персидском дворе; сенатор, литератор, член о-ва Зеленая лампа (1819). Считался знатоком искусств, и в особенности живописи; собрал богатую коллекцию персидских рукописей, увлекался собиранием автографов, икон. Из римских писем брату Рафаилу известно, что Долгоруков написал трактат о Данте и был принят в члены Литературно-археологической академии св. Луки.

⁸ *Пожарская Аерафена Алексеевна* (1766–1848) – вторая жена И. М. Долгорукого с 1807 г., вдова Александра Филипповича Пожарского (1752–1797), урожд. Безобразова.

⁹ В. К. – не удалось установить лицо.

8.03.1932¹

Дорогой и любезный племянник Лева, посылаю тебе два только что отпечатанных экслибриса моей работы для Мих<аила> Ив<ановича> Чуванова, известного в Москве деятеля по печати и собирателя редких книг, особенно по старообрядчеству, а также рукописей.² Не знаю, есть ли у тебя знак книжной лавки писателей, посылаю и его.

Как живешь и над чем трудишься? У нас наступили упорные морозы, каких не было всю зиму.

Как только удастся тебе отпечатать ярлычок, надеюсь, ты тотчас же мне пришлешь малую толику экземпляров. Н. Н. Орлов, увидя твой ярлык, все настаивает, чтобы я ему нарисовал в таком же роде.

Писал уже тебе, что я нашел старинные фотографии, в числе которых: 2 – Н<иколай> Л<ьвович> – твой прадед, 1 – Ол<ьга> Кузм<инична> – его жена, 1 – Василий Кузмич Кудряев, 1 – группа Лев Никол<аевич> с Алекс<андрой> Ивано<вно>й и детьми: Б<орисом> Л<ьвовичем>, Л<юдмилой> Л<ьвовной> и Т<амарой> Л<ьвовной>; затем Лев Ник<олаевич> молодым после возвращения из заграницы <так!> с цилиндром; одновременный этому снимку портрет А. Н.³ – гимназистом.

Фотографии включены в ст<арый> марокеновый (?) альбом в серебряном обрамлении и застёжках.

Последовательно по времени следует Л<ев> Н<иколаевич> с А<лексаандрой> Ив<ановной> на одной карточке после венца. Кон<стантин> Н<иколаевич> молодым с испаньелкой. Лев Ник<олаевич> с бакенбардами; Ал<ександра> Ив<ановна> в локонах; Викт<ория> Ив<ановна>⁴ в профиль; Анна Сергеева институтка.⁵ Затем идут того же времени Вельяшевы, Пожарские, Кудряевы и др. родственники времени 1860–70 гг. Характерный снимок Евт<ения> Львовича Вельяшева в бархатной поддевке и шароварах и в поярковой шляпе с павлиньим пером (славянофил). Тебя обнимаю и шлю привет твоей супруге. Любящий тебя твой А. Пожарский.

На полях: Готовлю доклад «Изображение рус<ского> народа в графике XVIII и начала XIX вв.» по моим материалам (грав<юры>, литограф<афии>, акварели). Материал велик и любопытен. Пиши чаще, хотя бы открытками. А то замолчал. Нехорошо!

¹ Дата на почтовом штемпеле.

² *Чуванов Михаил Иванович* (1894–1988) – библиофил, деятель книги; член Русского библиографического общества при Московском университете, Общества изучения русской усадьбы, общества «Старая Москва», Обществ экслибрисистов, книголюбов и др. Две его первые библиотеки погибли, третья стала явлением русской науки и культуры. Особенно широко известна собранная Чувановым коллекция древнерусских рукописных книг (ок. 600, в том числе более 40 рукописей, относящихся к XV–XVII вв.; в собрании находилось Лицевое Евангелие св. митрополита Филиппа). Документы и книги с автографами, собранные Чувановым, после его смерти были в основном распроданы. Известно ок. 25 экслибрисов, выполненных для библиотеки Чуванова крупнейшими художниками-графиками.

³ А. Н. – не удалось установить лицо.

⁴ *Константинович Викторья Ивановна*, в замужестве Ребиндер (1846–1899) – сестра Александры Ивановны Модзалевской.

⁵ Возможно, дочь Елизаветы Николаевны Модзалевской, в замужестве Сергеевой, и Михаила Лаврентьевича Сергеева.

2.05.1932

Дорогой друг и племянник Лева, поздравляю тебя и твою супругу с праздником и шлю наилучшие пожелания. У меня это время прошло в треволнениях по поводу уплотнения площади квартирной. В квартире, в которой я раньше жил один, последнее время жило четыре семьи, а теперь вселили пятую вопреки всех правил. Жена, как ответственная квартирантка, конечно, протестовала, и теперь предстоит суд с домкомом. Я, конечно, больше всего в этом деле заинтересован, т<ак> к<ак> в той до сих пор нейтральной комнате стоят мои сундуки и огромные шкафы с вещами. Представь, каково мне!

Ну, вот и май на дворе, и, следовательно, я скоро в Москве увижу тебя. Радуюсь будущей встрече. В мае уже хотели быть Голлербах и Савонько. Конечно, вы все знаете, что В.О.Ф. висит на волоске; что вы об этом думаете? Мой доклад назначен был на 2 июня, но возможно, что общество к тому времени скончается.

Пока занят между делом исполнением экслибрисов, и заказчики стоят в очереди в затылок. Некоторые экслибр<исы> скоро будут готовы, и ты верно получишь раньше, чем я получу твой ярлык; а мне интересно, как выйдет.

Трутовский¹ при смерти и, между нами говоря, распродает понемногу свою коллекцию (на аукционах), и я на последнем аукционе много приобрел интересного.

Дорогой Лева, не сочти мой нескорый ответ за месть за твое долгое молчание; я сам в хлопотах был и вполне понимаю, что иногда не до писем, когда на шее срочная работа. Большое, большое тебе спасибо за обещанные твои труды. С наслаждением буду читать и справляться ими.

Все подношения твоего отца, а также Вади, мною сгруппированные, стоят вместе; сюда же присоединю и твои. Сейчас люблюсь двумя томиками сказок изд. «Академии» – оч<ень> удачное издание, не в пример другим изданиям той же фирмы. Наконец, я приобрел «Труды и дни» Лернера,² кот<орых> у меня не хватало.

В Москве во многих магазинах появились погрудные бюстики и Пушкина довольно незамысловатого большевистского производства. Но, Боже, на что и на кого он похож! Когда будешь в М<оскве>, удостоверься. Не то я видел в Германии, где бюсты всех размеров Гете, Шиллера, Гейне и др. так сходственно, изящно и оч<ень> дешево распространяются среди широкой публики. Посмотрев с грустью на этого Пушкина, я невольно подумал о наших потугах в определении силуэта П<ошкина>.

Вот, несмотря на желание побывать у Нины, никак не могу собраться. Моя жена теперь служит помощ<ником> бухгалт<ера> в Торгсине; место хорошее

(на Кузнецком мосту), но очень поздно кончает занятия, а потому вместе с ней я никак не могу собраться никуда.

Ну, до свидания, дорогой мой. Привет жене. Крепко обнимаю, любящий тебя дядя Ал. Пожарский.

¹ *Трутовский Владимир Константинович* (1862–1932) – нумизмат, историк, востоковед, музейный деятель, камергер Высочайшего двора; в 1898–1924 гг. хранитель Московской Оружейной палаты и ее филиала Дома бояр Романовых; был председателем Московского нумизматического общества и председателем Московского общества любителей книжных знаков; автор многочисленных научных работ; член многих научных обществ; один из основателей, преподаватель и почетный член Императорского Московского археологического института.

² *Лернер Н. О.* Труды и дни Пушкина. СПб., 1910.

14¹

Почтовая карточка

11.VI.32

Дорогой Лева, при всем старании дозвониться до тебя по данному тобою № телефона я не имел успеха, а потому, если будешь добр и пожелаешь побывать у меня в любой вечер (кроме воскресенья 26, когда я буду в комиссии), я буду рад побеседовать с тобою. Вчера думал встретить тебя у нас в обществе. Жду.

Любящий тебя Ал. Пожарский

Жена жалела, что не видала тебя.

¹ Почтовая карточка с адресом: Москва, Новоколюшенин пер., дом 13. Цявловскому М. А. для передачи Модзалевскому и штемпелем 24.6.32.

15

Почтовая карточка

1.07.1932

Дорогой племянник Лева, на другой день твоего посещения, т. е. в понедельник, я звонил по телефону в кв<артире> Цявловского, но безрезультатно; тогда я послал по адресу Цявловского открытку тебе, сообщал, что я все дни буду дома, кроме четверга (вечер). Не знаю, получена ли была тобою эта открытка. Теперь, конечно, ты в Л<енинграде>. Жаль, оч<ень> жаль, что опять мало тебя видал. Вчера мой доклад прошел прекрасно, а после доклада человек пять у меня ужинали; они же помогли мне в доставке туда и назад многочисленных экспонатов, кот<орые>, конечно, и способствовали успеху доклада. Вчера получил прекрасно отпечатанный каталог экслибрисов, которые находятся на международ<ной> выставке в Америке.¹ Я там представлен 14-ю знаками. Не забывай любящего тебя дядю А. П.

¹ 5-я Международная выставка экслибрисов в Лос-Анджелесе в 1930 г.

15.10.1932

Дорогой племянник Лева, по слуху знаю, что твой труд «Родословная Пушкина»¹ не только уже напечатана, но и появилась у некоторых в Москве. Самому увидеть ее мне не удалось, так как по случаю болезни жены я вторую неделю почти не выхожу из дому. А между тем горю нетерпением познакомиться с новорожденной. В бытность твою в М<оскве> ты был так любезен, что обещал по выходе книги прислать ее мне. Не зная, сколько она стоит, я предположительно шлю б р., если дороже – дошло. Ты, я думаю, сам должен понять мое любопытство, как почитателя Пушкина и книголюба.

Только что вернулся из заседания, посвященного памяти Адарюкова, было много народу; говорили Сидоров,² Эттингер,³ Романов⁴ и Орлов.⁵ Это первое наше заседание в библиотеке б. Румянцевского музея, где мы уже постоянно будем собираться.

Что же ты не прислал мне для напечатанья ярлык свой? В доказательство, что теперь у нас можно печатать, посылаю последнюю готовую работу мою для члена нашего Елисаветы Александровны Кузес.⁶ Правда, как видишь из экслибриса, у нас нет бумаги, но для тебя у меня нашлась бы с водяным знаком 1821 г. Кузес собирает книги и марки, а потому шитодержатели: сова – мудрость и голуби – почта. Сейчас печатаются еще два экслибриса моей работы: один для шахматиста, другой – для археолога, членов нашего общества. Не стесняйся и присылай.

Низкий поклон твоей жене, тебя обнимаю.

Любящий тебя Ал. Пожарский.

P. S. Если увидишь В. С. Савонько, не откажи передать мою благодарность за присланный портрет. Не пишу ему, т<ак> к<ак> ожидаю выхода из печати вышеупомянутых двух экслибрисов, кот<орые> пришло ему.

Сожалею, что Жуков, будучи в М<оскве>, не застал меня, и я видел один раз на собрании Эттингера.

¹ В память отца в 1929 г. Л. Б. Модзалевский выпустил сб. статей, где перепечатывается публикация 1907 г. «Род Пушкина». См.: *Модзалевский Б. Л.* Пушкин. Л., 1929. С. 17–63. В 1932 г. вышел совместный труд Б. Л. Модзалевского и М. В. Муравьева «Пушкины: Родословная роспись» (Л., 1932).

² *Сидоров Алексей Алексеевич* (1891–1978) – искусствовед, заведующий Гравюрным кабинетом Музея изящных искусств, ученый секретарь Государственной Академии художественных наук, чл.-кор. АН СССР; выдающийся библиофил, коллекционер экслибрисов; один из основателей РОДК, ученый секретарь правления РОДК, его поэтический летописец и художественный теоретик.

³ *Эттингер Павел Давыдович* (1866–1948) – художественный критик, коллекционер.

⁴ *Романов Н. И.* – в 1926 г. директор Музея изящных искусств.

⁵ *Орлов Н. Н.* – составитель «Списка печатных работ В. Я. Адарюкова», изданного РОДК в 100 экземплярах в 1923 г. к 60-летию Адарюкова.

⁶ Вероятно, имеется в виду *Кузес Елизавета Андреевна* – автор кратких обзоров всемирной истории и русской литературы (1911): *Всемирная история: Краткий обзор до наших дней*. М., 1911; *Русская литература: Краткий обзор 1000 лет*. Пермь, 1911.

ПИСЬМО РИЛЬКЕ К Ф. ХОЛЛЕНДЕРУ

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
К. М. Азадовского)*

Аннотация: Новонайденное письмо Рильке позволяет уточнить обстоятельства, побудившие его в 1922 г. отказаться от участия в сборнике, посвященном 60-летию Герхарта Гауптмана. Они коренятся, с одной стороны, в известной «асоциальности» Рильке, сторонившегося, как правило, громких общественных событий и «чествований», а с другой – в сложной истории его личных взаимоотношений с Гауптманом, горячим поклонником которого он был в начале 1900-х гг.

Ключевые слова: Ф. Холлендер, юбилей, издательство «Инзель», замок Мюзот, драма «Михаэль Крамер», Л. Андреас-Саломе, сборник, русские в Берлине.

Abstract: A newly-discovered letter by Rilke provides an opportunity to specify the circumstances that motivated him in 1922 to decline an invitation to participate in a collection of essays in honor of Gerhart Hauptmann's 60th anniversary. The causes can be found, on the one hand, in Rilke's «asocial nature» (as a rule the poet kept away from important public events and «celebrations») and, on the other hand, in the complicated history of his private relations with Hauptman whom he ardently admired in the early 1900s.

Key words: F. Hollaender, jubilee celebration, «Insel» publishing house, castle «Muzot», drama «Michael Kramer», L. Andreas-Salomé, collection of essays, Russians in Berlin.

Публикуемое письмо Рильке написано по частному поводу. В начале 1922 г. к поэту, недавно обосновавшемуся во французской Швейцарии и поселившемуся в замке Мюзот (кантон Валэ), обратился немецкий романист, драматург, литературный критик и режиссер Феликс Холлендер (Голлендер; 1867–1931).¹ От имени комиссии, созданной при Союзе деятелей немецкой сцены к 60-летию юбилею Герхарта Гауптмана, лауреата нобелевской премии (1912) и уже признанного классика немецкой литературы, Холлендер предлагал Рильке принять участие в юбилейном сборнике. Письмо было направлено через лейпцигское издательство «Инзель», в котором начиная с 1907 г. Рильке публиковал все свои произведения.

На предложение Холлендера Рильке ответил вежливым отказом, что кажется на первый взгляд удивительным. Рильке принадлежал к числу дав-

¹ В России это имя почти неизвестно, и число упоминаний о нем (даже в обзорных статьях, посвященных немецкой литературе) незначительно. Тем не менее еще в 1895 г. австрийский поэт-переводчик А. Браунер, автор статьи «Современная “Молодая Германия”», написанной для русских читателей, отметил «хорошие и далеко не выдающиеся романы» Холлендера («Jesus und Judas», 1891; «Magdalene Dornis», 1892 и «Frau Ellin Röte», 1893): «...Голлендер прекрасно наблюдает людей и время, – сказано далее в статье Браунера, – но его творческий дар слишком слаб: его романы производят на человека с тонкими литературными нервами впечатление чего-то сделанного, не пережитого художником» (Северный вестник. 1895. № 12. С. 266). Интерес к Ф. Холлендеру проявляла на рубеже веков и З. А. Венгерова.

них знакомых Гауптмана, их обоих связывали тесные и в целом дружеские отношения, и Холлендер, обращаясь к поэту с просьбой принять участие в чествовании прославленного драматурга, имел в виду, несомненно, именно эти обстоятельства.

Действительно, в ранней юности Рильке принадлежал к поклонникам Гауптмана. Он видел постановки его пьес в Праге и Мюнхене, а начиная с 1897 г. слышал о нем от своей близкой приятельницы Л. Андреас-Саломе, которая была знакома с драматургом с конца 1880-х гг.² Именно в ее берлинской квартире и состоялось 1 дек. 1900 г. личное знакомство Рильке с Гауптманом. Андреас-Саломе пригласила к себе в тот вечер художника Генриха Фогелера и Гауптмана с женой. Недавно вернувшиеся из продолжительной поездки по России Рильке и Андреас-Саломе наверняка делились с гостями своими впечатлениями. «Это был славный вечер, – отметил Рильке в своем дневнике. – <...> Нечто спокойное, простое и бесконечно милое заключено в его (Гауптмана. – К. А.) облике и как-то умирительно-странно определяет все движения и жесты его высокой стройной фигуры. Он словно сосуд для каких-то святынь, которые неммыслимо осквернить, а в глубине его сохраняется нечто не тронутое славой и суестью и ожидающее часов одиночества и покоя, чтобы сказать о себе».³ (Впрочем, разговоры о России, если они и велись в тот вечер, не нашли отражения в дневниковой записи Рильке.)

Видимо, в тот же вечер Гауптман пригласил Рильке и Л. Андреас-Саломе на генеральную репетицию своей новой драмы «Михаэль Крамер» (19 дек. 1901 г. в берлинском «Немецком театре»). История художника, пережившего после смерти единственного сына могучее духовное обновление, потрясла Рильке, боготворившего в те годы Искусство и его творцов. «Не знаю, какое театральное событие можно приравнять к этой вещи и поставить с ней рядом, – записывает Рильке (в тот же вечер) в своем дневнике. – Такая драма, как “Михаэль Крамер”, должна стать вершиной в развитии современного театра...».⁴ Подробно описав далее содержание драмы и свои впечатления, Рильке рассказывает о ней через несколько дней в письмах к своим русским знакомым – А. Н. Бенуа и князю С. И. Шаховскому; каждое из этих писем завершилось пожеланием и просьбой: перевести «Михаэля Крамера» как можно скорее на русский язык.⁵ А спустя еще несколько дней (25 дек.) Рильке пишет восторженное письмо самому Гауптману.

Воспоминание о вечере 19 дек. 1900 г. надолго сохранится в памяти Рильке. Желая отблагодарить Гауптмана, Рильке принимает решение посвятить драматургу свой новый сборник «Das Buch der Bilder» («Книга образов»), составленный из стихотворений 1898–1901 гг. Об этом он сообщает Гауптману 16 дек. 1901 г., признаваясь, что драма «Михаэль Крамер» сыграла и продолжает играть в его жизни огромную роль. «Во всем простом и прекрасном», что

² Принято считать, что образ Анны Мар (щорихской студентки, родом из Ревеля) в пьесе Гауптмана «Одинокие» (1890) навеян личностью Л. Андреас-Саломе.

³ Rainer Maria Rilke. Tagebücher aus der Frühzeit. Frankfurt a/M, 1975. S. 341.

⁴ Ibid.

⁵ См.: Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Статьи. Стихи. Издание подготовил Константин Азадовский. СПб., 2003. С. 361 и 367.

я пережил с того дня, – пишет Рильке (имеется в виду день 19 дек. 1900 г.), – была связь с “Михаэлем Крамером”; все, что глубоко меня радовало, и все, от чего я воистину страдал, и все, что способствовало моему росту, – все главное в моей жизни невольно отсылало к нему и говорило о нем».⁶ Гауптман ответил Рильке согласием, и в июле 1902 г. в издательстве Акселя Юнкера появляется первое издание «Книги образов» – с виньетками Г. Фогелера и строками на авантитуле: «Эта книга посвящается Герхарту Гауптману с любовью и благодарностью за “Михаэля Крамера”».

Впоследствии, говоря о «влияниях» того времени, Рильке упоминал о пьесе «Михаэль Крамер».⁷ Знакомство с этим произведением, подытоживал он в письме к Альфреду Шаеру, историку германской литературы, 26 февр. 1924 г., было «гордостью тех лет».⁸

Свое восторженно-уважительное отношение к Гауптману Рильке сохранил надолго, хотя и продолжал воспринимать его, в первую очередь, как автора «Михаэля Крамера». Другие произведения, выходявшие из-под пера плодовитого драматурга, не вызывали у Рильке подобного восхищения; о некоторых же он отзывался критически. Так, в письме к Л. Андреас-Саломе от 21 февр. 1906 г. Рильке, коснувшись драматической сказки Гауптмана «А Пиппа пляшет!», только что поставленной в берлинском Лессинг-театре,⁹ замечает: «...взболтанная фантазия, которой лучше бы остаться в осадке».¹⁰

Заметной и значительной вехой в истории отношений Рильке и Гауптмана был скульптурный портрет драматурга, выполненный женой поэта Кларой Рильке (урожд. Вестхоф; 1878–1954) в первые месяцы 1910 г. Инициатором этого портрета был сам Гауптман, увидевший и высоко оценивший одну из работ Клары Рильке в доме издателя С. Фишера. Сообщая 20 дек. 1909 г. своей матери Софи Рильке о том, что Клара начала лепить бюст Гауптмана, Рильке называет эту работу «прекрасной и великой задачей».¹¹ Клара Рильке сблизилась с семьей Гауптмана: она навещала драматурга в его силезской вилле Агнетенхоф в Великановых горах (ныне – территория Польши) и присутствовала на его чествовании в 1912 г.

Осень 1912 г. стала для Гауптмана двойным торжеством: сообщение о присуждении ему Нобелевской премии появилось незадолго до его 50-летнего юбилея. Имя Гауптмана не сходило в то время со страниц немецких газет; всюду публиковались его портреты. 15 нояб. в берлинской гостинице «Адлон» состоялся праздничный банкет, на котором присутствовало более 150 гостей.

⁶ *Rainer Maria Rilke. Briefe in zwei Bänden. Bd 1: 1896 bis 1919 / hrsg. von Horst Nalewski. Frankfurt a/M; Leipzig, 1991. S. 102.*

⁷ См., например, письмо Рильке к его приятельнице Елене фон Ностиц от 9 апр. 1910 г. (*Rainer Maria Rilke, Helene von Nostitz. Briefwechsel / hrsg. von Oswald von Nostitz. Frankfurt a/M, 1976. S. 24.*

⁸ *Rainer Maria Rilke. Briefe in zwei Bänden. Bd 2: 1919 bis 1926 / hrsg. von Horst Nalewski. Frankfurt a/M; Leipzig, 1991. S. 327.*

⁹ Л. Андреас-Саломе приезжала из Геттингена в Берлин на премьеру этой пьесы.

¹⁰ *Rainer Maria Rilke. Briefe in zwei Bänden. Bd 1. S. 208.*

¹¹ *Rainer Maria Rilke. Briefe an die Mutter 1896–1926 / hrsg. von Hella Sieber-Rilke. Frankfurt a/M; Leipzig, 2009. Bd 1. S. 664.*

Рильке путешествовал в те недели по Испании и одновременно готовил к печати четвертое издание «Книги образов», на этот раз – в издательстве «Инзель». На фоне многочисленных юбилейных публикаций, число которых неуклонно увеличивалось, Рильке стал сомневаться, должен ли он сохранить посвящение, украшавшее предыдущие издания. В письме к издателю Антону Киппенбергу, возглавлявшему «Инзель», Рильке упоминает 25 окт. 1912 г. о том, что хотел бы снять посвящение, которое может быть воспринято в данный момент как юбилейное славословие. «Прошу сообщить мне Ваше мнение», – просит он своего корреспондента.¹² Киппенберг ответил на другой день, что посвящение Гауптману можно снять «без всяких сомнений»: иначе действительно возникает впечатление, что это издание появилось в связи с юбилеем.¹³ Книга вышла без посвящения.

После долгого перерыва Рильке и Гауптман вновь встречаются в Берлине в августе 1913 г.¹⁴ Их пути изредка пересекаются и в последующие годы (например, в декабре 1914 г. в Берлине¹⁵). Рильке продолжает следить за творчеством Гауптмана, читает его новые произведения, воспринимая их подчас одобрительно, подчас – разочарованно. «У меня не хватило мужества прочитать “Лук” Гауптмана,¹⁶ – признается он в письме к К. фон дер Хайдту 22 янв. 1914 г. – Этим летом я неоднократно встречал и его самого, хотя уже и не с той, как прежде, безмятежной сердечностью». ¹⁷ Решительно не принял Рильке и роман Гауптмана «Юродивый во Христе Эммануэль Квинт» (1910).¹⁸ В июле 1917 г. Рильке и Гауптман встречаются на ретроспективной выставке Макса Либермана в Прусской академии художеств (в связи с 70-летием мастера) и посещают его виллу а Ванзее, где юбиляр принимал поздравления.¹⁹ В последующие месяцы Рильке не раз встречается с драматургом и его женой. Так, 16 окт. он посещает генеральную репетицию драмы Гауптмана «Зимняя баллада» (1917) в Немецком театре, и это событие, как удовлетворенно сообщает поэт в одном из писем, «послужило первым внешним побуждением», из которого выросли и «внутренние побуждения» к его общению с драматургом.²⁰

¹² *Rainer Maria Rilke. Briefwechsel mit Anton Kippenberg 1906 bis 1926* / hrsg. von Ingeborg Schnack und Renate Scharffenberg. Frankfurt a/M; Leipzig, 1995. Bd 1. S. 358.

¹³ *Ibid.* S. 360.

¹⁴ В письме к матери Софи Рильке от 1 сент. 1913 г. поэт сообщает, что, прибыв в Берлин, он «сразу же наткнулся на Герхарда Гауптмана, которого не видел многие годы и с которым мы были какое-то время вместе» (*Rilke Rainer Maria. Briefe an die Mutter 1896–1926*. Bd 2. S. 235).

¹⁵ *Schnack I. Rainer Maria Rilke. Chronik seines Lebens und seines Werkes. Erster Band: 1875–1920*. Frankfurt a/M, 1990. S. 487.

¹⁶ Имеется в виду драма Гауптмана «Лук Одиссея» (1914).

¹⁷ *Rainer Maria Rilke. Briefe an Karl und Elisabeth von der Heydt* / hrsg. von Ingeborg Schnack und Renate Scharffenberg. Frankfurt a/M, 1986. S. 193.

¹⁸ См. спор Рильке об этой книге в его переписке с княгиней Турн унд Таксис, назвавшей книгу Гауптмана «превосходной»; письма от 26 и 28 нояб. 1915 г. (*Rainer Maria Rilke, Marie von Thurn und Taxis. Briefwechsel*. Bd 1. S. 454, 456).

¹⁹ См. письмо Рильке к М. фон Турн унд Таксис от 27 июля 1917 г. (*Ibid.* Bd 2. S. 509).

²⁰ Письмо к Сидони Надгерни фон Борутин от 22 окт. 1917 г. (*Rilke Rainer Maria. Sidonie Nádherný von Borutin. Briefwechsel 1906–1926* / hrsg. und kommentiert von Joachim W. Storck unter Mitarbeit von Waltraud und Friedrich Pfäfflin. Göttingen, 2007. S. 315).

Известен набросок, сделанный в тот день художником Эмилем Орликом, знакомым Рильке еще с пражской поры: Макс Рейнгардт, Рильке и чета Гауптманов на репетиции «Зимней баллады». Впрочем, впечатление от этой драмы осталось у Рильке далеко не восторженное. «Аплодисменты публики, – рассказывает Рильке своей знакомой баронессе Д. фон Ледебур, – относились скорее к воспоминанию о прежнем Гауптмане и его образу, который все еще сохраняет свою трогательную привлекательность, нежели к самому событию. <...> Вы ничего не потеряли».²¹ Нелестные слова о Гауптмане содержатся также в письме Рильке к Л. Андреас-Саломе от 29 дек. 1921 г. Прочитав в журн. «Das literarische Echo» критический отзыв о «трагикомедии» Гауптмана «Петер Брауер» (1921), Рильке раздраженно замечает: «К тому же этот несчастный гекзаметр в “Анне”!²² Упадок, длящийся вот уже почти двадцать лет, прикрашенный днями рождения и титулами почетного доктора».²³

Таким образом, к весне 1922 г., когда Рильке получил письмо Ф. Холлендера, от его прежнего восхищения Гауптманом не осталось и следа.²⁴ Разочарование в Гауптмане усугублялось для Рильке теми многочисленными юбилейными публикациями, что наводнили тогда немецкую печать. Внимание к Гауптману в Западной Европе особенно возрастает в середине 1921 г. – после обращения к нему (как и к другим известным писателям и общественным деятелям) М. Горького с призывом помочь голодающим в Советской России. Сочувственный ответ Гауптмана публиковался во всех газетах; активное участие в организации продовольственной помощи России принял, как известно, норвежский полярный исследователь и политический деятель Фритьоф Нансен.²⁵

Все это, однако, лишь усиливало скептическое отношение Рильке к Гауптману. Дело в том, что громкие общественные события вовсе не привлекали Рильке, скорее смущали его и даже отталкивали. Погруженный в глубины своего собственного поэтического мира, Рильке открыто сторонился любой «публичности»: не слишком любил читать о себе в газетах, встречаться с журналистами, позировать художникам. Все это казалось ему ненужной суетой и шумихой – той самой «славой», которую он воспринимал недоверчиво. «Ибо слава в конце концов – только совокупность всех недоразумений, скапливающихся вокруг нового имени», – писал Рильке в своей книге о Родене.²⁶ Дни

²¹ Письмо от 29 окт. 1917 г. (цит. по: *Rainer Maria Rilke. Briefe zur Politik* / hrsg. von Joachim W. Störck. Frankfurt a/M; Leipzig, 1992. S. 191–192).

²² «Анна. Сельская любовная поэма» – произведение Гауптмана (1921), написанное гекзаметром (скорее всего, в подражание поэме Гете «Герман и Доротея»).

²³ *Rainer Maria Rilke. Briefe. Bd 2.* S. 206.

²⁴ Подробнее об отношении Рильке к Г. Гауптману см.: *Webb K.E. Rainer Maria Rilkes Verhältnis zu Gerhart Hauptmann und seine Rolle in Rilkes künstlerischer Entwicklung // Dialog mit der Moderne. Festschrift für Jacob Steiner* / hrsg. von Roland Jost und Hansgeorg Schmidt-Häuer. Frankfurt a/M, 1986. S. 179–192; *Webb K.E. Gerhart Hauptmann und Rainer Maria Rilke. A study of affinity // Hauptmann-Forschung. Neue Beiträge. Hauptmann-Research. New directions* / hrsg. von Peter Meilen. Bern; Frankfurt a/M; New York, 1986. P. 149–171.

²⁵ См. сборник «Russland und die Welt» (Berlin, 1922), предисловие к которому написал Г. Гауптман.

²⁶ Цит. по: *Рильке Р.-М. Огюст Роден // Рильке Р.-М. Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи.* М., 1971. С. 87.

рождения, юбилейные даты, чествования коллег по литературному цеху – все это было чуждо Рильке. И даже свой собственный 50-летний юбилей в декабре 1925 г., несмотря на множество полученных им в этот день цветов и подарков, поток поздравительных писем и телеграмм, журнальных и газетных статей, Рильке воспринимал отстраненно, с иронией. В письме к своей приятельнице княгине М. Турн унд Таксис Рильке признавался 11 дек. 1925 г., что предпочел бы «незаметно прокрасться» мимо собственного дня рождения, удалившись на какой-нибудь иной, «менее обжитой» континент.²⁷ День своего пятидесятилетия (4 дек. 1925 г.) поэт провел одиноко в замке Мюзот.

Столь же скептически относился Рильке и к чествованию других знаменитостей, при том что он охотно, особенно в ранний период, откликался на разного рода культурные события, писал о новых книгах, выставках, театральных постановках; слагал стихи, посвященные людям искусства, преждевременно ушедшим из жизни (художница Паула Беккер; поэт и переводчик Вольф граф фон Калькройт; танцовщица Вера Оукама-Кнооп). Но он решительно уклонялся от юбилейных славословий. Известен лишь один случай участия Рильке в коллективном поздравлении: 15 нояб. 1909 г. Рильке написал приветственный текст к 60-летию шведской писательницы Эллен Кей, который появился – рядом с другими приветствиями – в стоковском еженедельнике «Idun» 5 дек. 1909 г.²⁸

Именно поэтому Рильке не мог одобрить того газетно-журнального ажиотажа, что неуклонно нарастал вокруг Гауптмана по мере приближения его 60-летнего юбилея. Своей известностью, давно выплеснувшейся за пределы Германии, Гауптман безусловно превосходил тогда других немецких писателей (особой популярностью его произведения пользовались в России). Рильке же, равнодушный к «славе» и убежденный в том, что внешний успех не имеет ни малейшего отношения к «творчеству», глубоко интимному по своей природе, испытывал, должно быть, все большее разочарование в авторе «Михаэля Крамера». «Затянувшееся на месяцы чествование Гауптмана», – раздраженно замечает Рильке в письме к своей приятельнице (впоследствии душеприказчице) Н. Вундерли-Фолькарт 16 янв. 1923 г.²⁹

К этому следует добавить, что как раз в феврале–марте 1922 г. поэт переживал мощный творческий подъем, позволивший ему завершить «Дуинезские элегии» и «Сонеты к Орфею», два главных его произведения поздней поры. Безраздельно сосредоточенный на собственной работе, Рильке вряд ли был способен в то время отвлечься на сочинительство юбилейного текста для Гауптмана («внутренне собраться с духом», как писал он Холлендереу).

²⁷ *Rainer Maria Rilke, Marie von Thurn und Taxis. Briefwechsel. Mit einem Geleitwort von Rudolf Kassner / besorgt durch Ernst Zinn. Zürich, 1951. Bd 2. S. 841.*

²⁸ См.: *Rainer Maria Rilke. Sämtliche Werke / hrsg. vom Rilke-Archiv, in Verbindung mit Ruth Sieber-Rilke; besorgt durch Ernst Zinn. Bd 6: Malte Laurids Brigge. Prosa 1906–1926. Frankfurt a/M, 1966. S. 1025–1027.*

²⁹ *Rainer Maria Rilke. Briefe an Nanny Wunderly-Volkart. Im Auftrag der Schweizerischen Landesbibliothek und unter Mitarbeit von Niklaus Bigler besorgt durch Rätus Luck. Frankfurt a/M, 1977. S. 851.*

По совокупности этих причин он и ответил отказом.³⁰ Аналогичным образом отклонил Рильке в августе 1922 г. предложение известного берлинского журн. «Die neue Rundschau» принять участие в номере, посвященном Гауптману.³¹

Торжества в честь Гауптмана приняли в ноябре 1922 г. воистину небывалый размах. Одна за другой появляются монографии, посвященные юбилару. Среди них – составленный Ф. Холлендером «по поручению Союза деятелей немецкой сцены» небольшой юбилейный сборник, состоявший из кратких приветствий юбилару (более 30 участников, включая Генриха и Томаса Маннов) и открывавшийся поздравлениями президента Фридриха Эберта и канцлера Йозефа Вирта, что неминуемо придавало «фестшрифту» официальный оттенок.³² Гауптман чувствовался как великий писатель и гражданин, как живой классик – надежда и гордость Веймарской республики, как «совесть нации». «Гауптман представляет свой народ за пределами родины, – восхищенно писал, например, Генрих Манн. – Со всех сторон раздаются крики, крики о помощи, адресованные Гауптману и в его лице – всей Германии. Рядом с политической главой государства правит он, президент сердца, которое есть у этого государства. Подобных примеров Германия еще не видела, равно как и вся Европа со времен Гюго. Республика знает, что избранный ею писатель утвердит и возвысит ее».³³

Чествовали Гауптмана и русские писатели, находившиеся тогда в Берлине. 15 нояб. Гауптману был передан приветственный «адрес», составленный Андреем Белым и графически выполненный А. Ремизовым;³⁴ Зинаида Венгерова подготовила очерк о «русской душе» Гауптмана.³⁵ Все это могло бы, казалось, привлечь внимание Рильке, проявлявшего и в поздние годы жизни

³⁰ Рильке был не единственным, кто отказался от участия в юбилейном сборнике. Точно так же, хотя и с иной мотивировкой, отклонил предложение Холлендера и Альфред Дёблин, энергично протестовавший в те годы против непомерного возвеличивания Гауптмана (см. его письмо к Ф. Холлендеру от 15 янв. 1922 г.: *Döblin A. Briefe*. Olten; Freiburg im Breisgau, 1970. S. 120).

³¹ *Schnack I.* Rainer Maria Rilke. Chronik seines Lebens und Werks. Bd 2: 1920–1926. Register und Anhang. Frankfurt a/M, 1990. S. 814.

³² Festschrift zum 60. Geburtstag Gerhart Hauptmanns. Im Auftrage der Genossenschaft deutscher Bühnenangehöriger hrsg. von Felix Hollaender. Berlin, [1922].

³³ Цит. по: *Манн Г.* Сочинения. Т. 8: Литературная критика и публицистика. М.: Художественная литература, 1958. С. 180–183.

³⁴ «Адрес» Гауптману подписали 27 человек, среди них – Ю. Айхенвальд, А. Белый, Н. Бердяев, З. Венгерова, М. Горький, Р. Гуль, Б. Зайцев, Н. Минский, П. Муратов, И. Одоевцева, М. Осоргин, Б. Пастернак, А. Ремизов, Алексей Толстой, С. Франк, В. Ходасевич, В. Шкловский, И. Эренбург и др. См.: *Riggenbach H., Marti R.* Eine Grussadresse russischer Schriftsteller an Gerhart Hauptmann // *Schweizerische Beiträge zum X. Internationalen Slavistenkongress in Sofia, September 1988* / hrsg. von Peter Brang. Bern; Frankfurt a/M; New York; Paris: Peter Lang, 1988. S. 303–327 (*Slavica Helvetica*. Bd 28); *Beyer Th.* Andrei Bely, Gerhart Hauptmann, Alexei Remisow – eine Begegnung in Berlin // http://community.middlebury.edu/~beyer/cvpdfs/2013_

См. также: *Андрей Белый.* Юбилей Гауптмана // *Дни*. 1922. 19 нояб. № 19. С. 11.

³⁵ *Wengerowa Z.* Hauptmanns russische Seele // *Gerhart Hauptmann und sein Werk* / hrsg. von Ludwig Marcuse. Berlin; Leipzig: Franz Schneider, 1922. S. 116–123. (В этом же сборнике помещены очерк Луначарского «Гауптман в России» и беседа с М. Горьким и М. Ф. Андреевой о Московском Художественном театре.)

особый интерес к России и всему русскому. Однако, уединившись в своем швейцарском замке, поэт воспринимал этот всегерманский (и отчасти русский) праздник культуры равнодушно и отстраненно и не желал в нем участвовать. Об этом свидетельствует и публикуемое письмо.

Оригинал письма Рильке к Ф. Холлендеру, поступивший в Рукописный отдел Пушкинского Дома в 2016 г., приобщен в настоящее время к фонду Рильке, сложившемуся еще в 1960-е гг. (ф. 619, ед. хр. 33).

РИЛЬКЕ – Ф. ХОЛЛЕНДЕРУ

Chateau de Muzot
sur Sierre
Valais Schweiz
am 21. März 1922

Verehrter Herr Hollaender,

durch den Insel-Verlag, der mir nur gelegentlich in seltenen Schüben dort für mich eintreffende Post nachsendet, empfang ich gestern ein kleines Ihriges Wort (datiert am 16. Februar), das auf ein früheres, das mir nie zugekommen ist, Bezug zu nehmen scheint. Ich erkenne indessen daraus, dass es sich um einen Beitrag zu einer Gerhart Hauptmann-Festschrift handelt: wie in allen verwandten Anlässen, muss ich auch bei diesem – es ist nicht das erste Mal – um eine nachsichtige Aufnahme meines Versagens und Ausbleibens bitten. Es fehlt mir immer mehr an Geistesgegenwart, einen Bestand innerer Beziehungen, angesichts solcher Daten, zusammenzufassen; im Übrigen muss ich es ununtersucht lassen, wie weit meine Neigung, jede ausdrückliche Theilnehmung an «Geburtstagen» zu vermeiden, eine unwillkürliche Ausrede jener zunehmenden Unfähigkeit sein möchte. Mit einem Wort: ich rechne auf Ihre freundliche Nachsicht und freue mich, nenenbei, an der Gelegenheit, diesem eiligen Wort Grüße guten Gedenkens an Sie mitzugeben.

Ihr

immer ergebener

Rainer Maria Rilke

[ПЕРЕВОД]

Замок Мюзот
Сьер¹
Валэ² Швейцария
21 марта 1922

Уважаемый господин Холлендер,

вчера я получил от издательства «Инзель», которое лишь изредка, от случая к случаю, пересылает мне почту, поступающую на мое имя, несколько Ваших слов (с датой «16 февраля»), отсылающих к более раннему, так меня и не достигшему Вашему письму. Но я все же понял, что речь идет об юбилейном сборнике, посвященном Герхарту Гауптману, и в этом случае, как и во всех подобных, – это не впервые! – мне придется просить Вас снисходительно отнестись к моему отказу и отдалению. Мне все чаще не хватает решимости для того, чтобы внутренне собраться с духом ввиду таких дат; впрочем, не буду вдаваться в вопрос, до какой степени моя склонность избегать любого деятельного участия в «днях рождения» может показаться невольной отговоркой, прикрывающей эту все возрастающую неспособность. Словом, я рассчитываю на Ваше дружественное понимание и попутно радуюсь возможности

присоединить к этому спешно написанному ответу добрые приветственные воспоминания

Ваш

всегда преданный

Райнер Мария Рильке

¹ Сьер (Сьерр) – городок в кантоне Валз, столица одноименного региона. В городе находится музей Рильке.

² Валз (Вале; немецкое название – Валлис) – кантон на юге Швейцарии.

Библиографический список

1. Рильке и Россия. Письма. Дневники. Воспоминания. Статьи. Стихи / издание подготовил Константин Азадовский. СПб., 2003.
2. *Рильке Р. М.* Ворпсведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М., 1971.
3. *Rainer Maria Rilke.* Briefe an die Mutter 1896–1926. 2 Bde / hrsg. von Hella Sieber-Rilke. Frankfurt a/M; Leipzig, 2009.
4. *Rainer Maria Rilke.* Briefe in zwei Bänden. Bd 1: 1896 bis 1919; Bd 2. 1919 bis 1926 / hrsg. von Horst Nalewski. Frankfurt a/M; Leipzig, 1991.
5. *Schnack I.* Rainer Maria Rilke. Chronik seines Lebens und seines Werkes. Erster Band: 1875–1920. Zweiter Band: 1920–1926. Register und Anhang. Frankfurt a/M, 1990.

ПЕРЕПИСКА А. А. ИЗМАЙЛОВА И И. Л. ЛЕОНТЬЕВА (ЩЕГЛОВА) (1904–1911)

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
А. С. Александрова, О. Л. Фетисенко)*

Аннотация: В настоящей публикации представлена двусторонняя переписка двух литераторов-современников Александра Алексеевича Измайлова (1873–1921) и Ивана Леонтьевича Леонтьева-Щеглова (1856–1911). Во вступительной статье на основе архивных материалов и публикаций начала XX в. прослежена история взаимоотношений двух эпистолярных собеседников. Их насыщенная переписка (сохранилось 51 письмо), продлившаяся вплоть до смерти Ивана Леонтьевича, хранит детали литературного быта эпохи, содержит отклики о памятных датах и писательских юбилеях. Здесь приводятся оценки современников, письма 1904–1908 гг. насыщены подробностями журналистской работы в еженедельнике «Родная нива», газ. «Слово» и «Биржевые ведомости» и других изданиях. Письма А. А. Измайлова и И. Л. Леонтьева-Щеглова отложились в трех архивах: РО ИРЛИ, ОР РНБ, РГАЛИ. Настоящий свод публикуется полностью. В Приложении к переписке публикуются инскрипты Леонтьева-Щеглова на титульных листах книг, сохранившиеся в архиве Измайлова.

Ключевые слова: А. А. Измайлов, И. Л. Леонтьев-Щеглов, журналистика, беллетристика, «Биржевые ведомости», «Слово», фельетон.

Abstract: This publication is a two-sided correspondence between Alexander Alekseevich Izmailov (1873–1921) and Ivan Leontievich Leontiev-Shcheglov (1856–1911) contemporary writers. The introductory article is devoted to the history of the relationship of two epistolary interlocutors on the basis of archival materials and publications of the early 20th century. Their rich correspondence (51 letters were preserved), which lasted until the death of Ivan Leontievich, keeps the details of the literary life of the era, contains responses to memorable dates and writers' jubilees. Here are estimates of contemporaries. Letters from 1904–1908 are full of details of journalistic work in the weekly newspaper «Rodnaya Niva», the newspapers «Slovo» and «Birezhevye Vedomosti» and other publications. Letters of Izmailov and Leontiev-Shcheglov were postponed in three archives: RO IRLI, OR of the RNB, RGALI. This code is published in full. In the annex to the correspondence are published the Leontief-Shcheglov's scripts on the title pages of books preserved in the Izmailov archive.

Key words: Izmaylov, Leontiev-Shcheglov, journalism, fiction, «Rodnaya Niva», «Slovo», «Birezhevye Vedomosti», feuilleton.

Переписка известного литературного критика и прозаика Александра Алексеевича Измайлова (1873–1921) и яркого представителя газетного и журнального мира, одного из наиболее выдающихся спутников А. П. Чехова Ивана Леонтьевича Леонтьева (псевд. Иван Щеглов; 1856–1911) представляет собой важный факт истории литературы. В начале XX в. имена авторов публикуемого

ниже эпистолярного диалога не нуждались в представлении. Ныне же оба имени требуют комментария.

Александр Алексеевич Измайлов – литературный критик, прозаик, журналист, «царь всех пародистов»,¹ получивший немалую известность при жизни, оказался на долгие годы в забвении. Его имя знали в начале XX в. «почти все пишущие, живущие в Петрограде <...> и обширные читательские круги».² Он был активным участником литературной жизни 1890–1910-х гг., времени, когда происходило переосмысление и крушение прежних ценностных установок, когда одни литературные направления сменялись другими, времени неопределенного и насыщенного всевозможными событиями. В своих фельетонах он отзывался на все, что происходило в русской литературе, не пропуская буквально ни одного нового имени, ни одного хоть немного значимого события. Один только перечень имен корреспондентов, с которыми Измайлов состоял в переписке многие годы, – А. Блок, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, А. М. Ремизов, В. В. Розанов, Л. Н. Андреев, А. В. Амфитеатров, А. Ф. Кони, И. С. Шмелев и мн. др. – свидетельствует о том, что перед нами фигура незаурядная, личность, с которой считался чуть ли не весь цвет русской литературы.³ Представляемая в настоящей публикации переписка А. А. Измайлова и прозаика и драматурга И. Л. Леонтьева-Щеглова занимает важное место в эпистолярном наследии двух современников.

И. Л. Леонтьев родился в Санкт-Петербурге 6 янв. 1856 г. С трех лет воспитывался в семье деда Владимира Карловича Клодта фон Юргенсбурга (1803–1887), брата знаменитого скульптора. Благодаря его материальной поддержке будущий литератор получил военное образование, окончил Вторую Санкт-петербургскую военную гимназию, затем по окончании курса был переведен в Первое военное Павловское училище. О военной службе и о первых шагах на литературном поприще Щеглов писал в автобиографии: «В 1874 году произведен в офицеры, и начинается моя военная жизнь, озаренная незабвенными беспечными годами, проведенными в Крыму, в 13-ой артиллерийской бригаде, и завершенная службой в мрачной Бендерской Крепости, в Бессарабии. 1877-й год увлек меня на Кавказ, в действующую армию, где мне пришлось участвовать в двух сражениях. За время пребывания в действующем отряде поплатился жестоким нездоровьем, заставившим меня, после двукратной поездки на кавказские воды, выйти, в 1883 году, в отставку (капитаном) и уже исключительно отдаться литературной работе, чему, между прочим, содействовало то единодушное одобрение, коим встречен был, весной 1881 года, мой рассказ “Первое сражение”».⁴

¹ Чуковский К. И. Нат Пинкертон и современная литература // Собр. соч.: в 15 т. Т. 7 / сост. и подгот. текста Е. Ивановой и Е. Чуковской при участии О. Степановой. М., 2003. С. 57.

² Кауфман А. Памяти А. А. Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3 (27). С. 12.

³ Подробнее об А. А. Измайлове и его корреспондентах см. в книге: А. А. Измайлов: Переписка с современниками / сост., вступ. ст. А. С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017. 738 с.

⁴ Щеглов И. Наивные вопросы. СПб., 1903. С. 181–182.

Литературная карьера Щеглова развивалась стремительно. Ведущие столичные журналы с готовностью принимали произведения новоиспеченного литератора. Молодому автору сопутствовали удача и личные связи, благодаря чему периода мытарств по журнальным редакциям (неотъемлемая часть биографий прозаиков и поэтов 1880–1900-х гг.) Щеглову удалось избежать. Об этом этапе своего творческого пути он писал в автобиографии, представленной для книги Ф. Ф. Фидлера «Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей»: «Редактором “Северного вестника”, куда я снес мое первое, наиболее цельное произведение, комедию “Граждане”, был Валентин Федорович Корш (комедия была принята, но «Северный вестник» был неожиданно запрещен). В “Новом обозрении”, где напечатано было мое наиболее удачное произведение, – отклик русско-турецкой войны, рассказ “Первое сражение”, – был редактором мой большой друг Д. А. Коропчевский. В “Вестнике Европы” меня крайне доброжелательно встретил покойный А. Н. Пыпин и ныне благополучно здравствующий К. К. Арсеньев (напечатаны «Поручик Пospelов» и «Идиллия»), а в “Отечественных записках” моим литературным восприимчиком был сам Щедрин».⁵

Значимым событием в жизни Щеглова стало знакомство с А. П. Чеховым, состоявшееся в 1887 г. «Нежные дружеские отношения», переписка, а также литературные связи со знаменитым современником закрепили имя Ивана Леонтьевича в истории литературы, наряду с И. Н. Потапенко, К. С. Баранцевичем, А. С. Лазаревым (Грузинским), В. А. Тихоновым в собирательном определении – «писатели чеховского круга».

На 1880–1890-е пришлось годы литературного успеха И. Л. Щеглова. В это время из-под его пера вышли принесшие ему известность роман «Гордиев узел» («Новь», 1886), повести «Корделия» («Артист», 1889), «Около истины» («Русский вестник», 1892) и многочисленные небольшие рассказы, собранные автором в отдельные сборники «Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования» (СПб., 1888; 2-е изд. – 1896), «Добродушные рассказы» (1901), «Юмористические очерки» (1902) и др. Отдельными книгами были изданы также драматические произведения: «Веселый театр» (СПб., 1897) и «Новые пьесы» (СПб., 1900). Важную часть литературного наследия Щеглова составляют мемуарные очерки и «исследования», немногие из этих работ вышли отдельными изданиями («Оптинский старец о Амвросий» (М., 1892), «У отца Иоанна Кронштадтского» (М., 1892), «Новое о Пушкине» (СПб., 1902), «Подвижник слова» (СПб., 1909)).⁶ Целый ряд мемуарных очерков, имеющих важное историко-литературное значение, остается рас-

⁵ Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911. С. 97; см. также: *Щеглов Иван*. Суровый добряк (Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове-Щедрине) / вступ. заметка, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=juXvoJegcA0%3D&tabid=10833>; http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=G0_9LqQXaM%3d&tabid=10833.

⁶ Подробные библиографические сведения о произведениях Щеглова приведены в разделе о нем в книге: *Глинский Б. Б.* Среди литераторов и ученых: Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб., 1914. С. 145–167.

пыльным по газетам и журналам, а также хранится в архиве литератора в РО ИРЛИ.⁷

Эпистолярный диалог молодого критика, обозревателя литературных новинок в «Биржевых ведомостях» А. А. Измайлова и И. Л. Щеглова приходится на середину 1900-х гг., которые для последнего, по его собственному признанию, сменили «счастливые» первые литературные шаги «борьбой за существование». В автобиографии об этом сложном периоде своей жизни он писал: «По мере убыли моих добрых литературных друзей, становилось труднее, а со смертью А. П. Чехова, совпавшей с началом войны и смутного времени, пришлось пережить черную полосу великого упадка духа, обидной заброшенности и материальной нищеты».⁸

Измайлов, поступивший по приглашению И. И. Ясинского на службу в «Биржевые ведомости» в 1898 г. и впоследствии возглавивший в этой газете Литературно-критический отдел, еще не будучи знакомым с Щегловым лично, неоднократно откликнулся на театральные постановки его пьес и новые издания. В 1898 г. он дал высокую оценку постановке четырехактной комедии Щеглова «Затерянный мудрец»,⁹ а в 1901 г. назвал его книгу «Новое о Пушкине» «приятным исключением «среди современных мертвых работ в области литературной критики».¹⁰

По-видимому, в начале 1900-х состоялось и знакомство будущих эпистолярных собеседников; первое письмо Измайлова с предложением сотрудничества в затеваемом новом еженедельнике «Родная нива» свидетельствует о том, что к этому времени коллеги по литературному цеху были уже хорошо знакомы. Их интенсивная переписка (сохранилось 51 письмо), продлившаяся вплоть до смерти Ивана Леонтьевича, хранит детали литературного быта эпохи, содержит отклики о памятных датах и писательских юбилеях. Здесь приводятся оценки современников, письма 1904–1908 гг. насыщены подробностями журналистской работы в «Родной ниве», газ. «Слово» и «Биржевые ведомости» и пр. Отметим печальное обстоятельство, характерное, впрочем, для того времени: в переписке встречаются высказывания уровня так называемого «бытового антисемитизма». Измайлов, долгие годы сотрудничавший в либеральных «Биржевых ведомостях» и всегда относившийся скорее с осуждением к проявлениям национализма, считавший подобные взгляды предубеждениями,¹¹ в переписке с Щегловым позволяет себе несколько непри-

⁷ См.: Щеглов Иван [Леонтьев И. Л.] «Не от мира сего» / вступ. заметка, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Kyk00rNaf_%3d&tabid=10833; <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=s8ykdiUkY3Q%3d&tabid=10833>; Щеглов Иван <Леонтьев И. Л.> Как пирог с капустой «убил» Льва Толстого / вступ. заметка, подгот. текста и примеч. О. Л. Фетисенко // <http://lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=9R2umJRx8BE%3d&tabid=108331>.

⁸ Первые литературные шаги. С. 101.

⁹ Измайлов А. А. Театр, музыка и искусства // Биржевые ведомости. 1898. 4 нояб. № 301. С. 3.

¹⁰ Измайлов А. А. Литературные заметки // Биржевые ведомости. 1901. 12 нояб. № 309. С. 1–3.

¹¹ Ср., например, мнение Измайлова о националистических взглядах Суворина: Аяк [Измайлов А. А.]. Нараспашку: (А. С. Суворин в переписке с В. В. Розановым) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1912. 21 дек. № 13311. С. 5–6.

язненных реплик. Возможно, литератор подыгрывает своему эпистолярному собеседнику, который замечен в высказываниях подобного рода.¹²

Важной частью эпистолярного диалога становится личность Чехова, о котором Измайлов собирал материалы для своей будущей большой работы – первой биографии писателя. Несколько рассказов-воспоминаний Щеглова о Чехове Измайлов записал в альбом «Дела и люди. (Заметки современника)». Например, здесь сохранилась такая запись: «Щеглов с ужасом г<ово>рил о жалобах Чех<ова> на гостей. Они изводили его утр<ом>, вечер<ом>, днем. Он не мог отказать им. – Что выше и дороже, – ответить корректно на неск<олько> писем и просидеть с гостем за чаем или – бессмертный “Архиерей”». ¹³ Такие рассказы Измайлов мог услышать на одном из именинных обедов Щеглова, проходивших 7 янв. Эти камерные встречи собирали друзей Леонтьева, которые его близко знали и любили. В. В. Розанов так вспоминал об именинных посиделках у Леонтьева: «За обеденным столом, в день ангела, собирались его друзья – И. И. Ясинский, Ал. Ал. Измайлов, М. М. Федоров, редактор “Слова” и “Литературных прибавлений в Торгово-промышленной газете”, А. В. Амфитеатров (пока был здесь), непременно Горленко, руководитель школы церковной живописи».¹⁴

Впоследствии, с закрытием газеты «Слово», где Леонтьев публиковал беллетристические и мемуарные очерки, писатель, оставшись без постоянного заработка, оказался в сложном финансовом положении.¹⁵ Эта жизненная ситуация стала лейтмотивом его эпистолярного диалога с Измайловым. В свою очередь, критик подробно обсуждал трудное материальное положение литератора с Розановым, который оказал своему другу действенную финансовую помощь.¹⁶ В письме от 9 окт. 1909 г. Розанов сообщал Измайлову: «Получил сейчас письмо от одного друга И. Л. Леонтьева-Щеглова: с закрытием “Слова” он лишился совсем заработка и впал в такое уныние, все говорит о нищенстве, да ведь и в самом деле, кроме нищенства, ничего ему не предстоит, если его не спасет *force majeure* или *deus ex machine*. Он редкого благородства человек, с маленькими поэтическими причудами: и будь Литературный фонд, Фонд при Академии наук в надлежащих руках – ему прямо надо устроить 1) квартиру-комнатку, и 2) стол скромный, и 3) дать дожить, т. е. прожить в покое и безделье

¹² См., например, записи, сделанные во время путешествия по Украине весной – летом 1891 г. (РО ИРЛИ, ф. 150, № 1419, л. 3, 10).

¹³ Измайлов А. А. Дела и люди. (Заметки современника) // РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 3, л. 14.

¹⁴ Розанов В. В. Памяти Ив. Леонт. Леонтьева-Щеглова // Собр. соч.: в 30 т. <Т. 21>: «Террор против русского национализма». СПб., 2011. С. 121.

¹⁵ Но и до закрытия газеты проблемы уже были. Вероятно, это было связано со сменой редакции. Ср. в дневнике от 15 мая 1906 г.: «У богача Скормунта, у Л. М. Вольфа, у Мих. Суворина, – и т. д. Всюду отказ: “не до литературы, теперь не знаем, что будет завтра?”. Словом, ложись – и поколевай!!!... / Тяжкое положение!.. Голодуха!!!... Единственный выход – работать по мелочам в газетах... Но надо заявить себя» (РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова. 1436, л. 33–33 об.).

¹⁶ См. об этом письмо Розанова к Щеглову <апрель–май 1911 г. (?)> // РГАЛИ, ф. 419, оп. 1, ед. хр. 279, л. 1.

лет 5–10. Он изработался, иструдился и выгорел: но горел чистою восковою свечой. Не мог ли бы энергичный Иер<оним> Иер<онимович> чего-нибудь придумать для него, лучше всего – в смысле я думаю технической работы, небольшой, стариковской, полегче, поудобнее. С Сувориным он почему-то и на чем-то разошелся, да и Суворин, будучи сам стар, по-видимому, имеет антипатию к инвалидам. Впрочем – это мое мнение. “Нов<ое> вр<емя>” вообще на таком шибком ходу, да и психология там (очень *милая* в бездне отношений) такова, что *именно* Щеглову может только память крылья. Тут нужен *приятель*, друг, с лаской и деликатностью его. Как только приедет К. С. Тычинкин, – один из деятелей в “Н<овом> вр<емени>” – то, конечно, я ему буду говорить о Ив<ане> Л<еонтьевиче>; но имею мало надежды. Тут нужен субъективный дух. Подумайте, мой дорогой, о нем: поговорите внимательно с И<еронимом> И<еронимовичем>, и может вдвоем что-нибудь придумаете).¹⁷

Просьба Розанова не осталась без внимания. Измайлов, ведший с перерывами в «Слове» еженедельный критический фельетон, сам оставшийся без дополнительного приработка, хорошо был знаком с положением Щеглова. Их переписка сохранила свидетельства о конкретных шагах Измайлова, пришедшего на помощь бедствующему литератору. Впрочем, положение Ивана Леонтьевича мало кто мог изменить. Страдающий тяжелыми недугами – сахарным диабетом и развившимся на этом фоне туберкулезом – в последние годы жизни, по воспоминаниям Измайлова, Щеглов фактически утратил силы для литературного труда. В некрологе критик отмечал: «Последний год существования стареющего беллетриста-драматурга было ни жизнью, ни смертью. Может быть, это было нечто худшее смерти. От прежнего Ивана Леонтьевича, статного, живого и остроумного человека, в прошлом красавца-офицера – осталась только печальная тень. Осунувшееся, страшно исхудавшее лицо стало бескровно-восковым задолго до смерти. Тонкую шею, казалось, едва обтягивала кожа. Тусклыми стали когда-то прекрасные глаза. Сахарная болезнь истощала его. Он выполнял невероятную диету, – воздерживаясь почти от всего. Туберкулезный процесс, обычно завершающий сахарную болезнь, развивался на этой подготовленной почве с трагическою быстротою. Под гнетом болезни психика Щеглова подверглась разрушению, едва ли не меньшему, чем его физическая организация. Неврастения давно делала над ним страшное завоевание. Писательская работоспособность его замирала».¹⁸

Последним откликом критика о современнике – «дорогом Жане», «милом герцоге Альба» (А. П. Чехов), «тоскующем юмористе» (А. А. Измайлов), человеке «в непрерывной грусти» (В. В. Розанов) – становится обстоятельный очерк о писателе в книге И. Л. Щеглова «Народ и театр». Это издание выходит уже после смерти литератора, развернутая вступительная статья Измайлова к книге содержит биографические факты, критические оценки произведений Леонтьева, сведения о его взаимоотношениях с Чеховым. В заключение очерка Измайлов писал о подготовке последнего труда Леонтьева, над выпуском кото-

¹⁷ А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 415–416.

¹⁸ И. Л. Леонтьев-Щеглов умер 4 апр. 1911 г., см. некролог: *Измайлов А. А.* † И. Л. Щеглов // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1911. 4 июня. № 12355. С. 4.

рого Александру Алексеевичу пришлось трудиться: «Книга, которая выходит сейчас, была в последнее время любимым детищем Щеглова, и судьба лишила его последнего предсмертного утешения, не дав ему счастья дожидаться ее выхода в свет. Уже последнюю часть этой книги, предметный ее указатель, пришлось докончить пишущему эти строки. <...> Смерть вырвала из его рук стяг, который он доблестно держал весь свой век, и унесла превосходно осведомленного и тонко понимающего работника народной сцены».¹⁹

Письма А. А. Измайлова и И. Л. Леонтьева-Щеглова отложились в трех архивах РО ИРЛИ (ф. 150 (архив И. Л. Леонтьева), № 808 (письма Измайлова), № 1194 (письма Леонтьева); ф. 115 (Архив Измайлова), оп. 3, ед. хр. 180)), ОР РНБ (ф. 124; ед. хр. 4962), РГАЛИ (письма Леонтьева – ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102). Настоящий свод публикуется полностью. В Приложении к переписке публикуем инскрипты Щеглова-Леонтьева на титульных листах книг, сохранившиеся в архиве Измайлова (ф. 115, оп. 4, ед. хр. 5).

¹⁹ *Измайлов А.* Трагедия тоскующего юмориста: (Литературно-критический очерк об И. Л. Щеглове-Леонтьеве) // *Щеглов И. Л.* Народ и театр: Очерки и исследования современного народного театра: в 6 ч. СПб., <1911>. С. XXII.

Измайлов – Щеглову

Конец ноября – начало декабря 1904 г., Петербург

Глубокоуважаемый и дорогой
Иван Леонтьевич,

Душевно благодарю Вас за привет и память. Мне всегда так дороги Ваши записки с их всегдашним показанием доброго внимания ко мне, которое я едва ли заслуживаю. В свою очередь, искренно желаю Вам продуктивнейшей и удовлетворяющей *себя* творческой работы. Что бы ни говорили гг. критики и критиканы, а, по-моему, все-таки самое дорогое – *своей* писательский суд о себе. Такой авторской *сытости* желаю Вам, и пусть ни разу в этом году в душе не шевельнется писательская досада на себя, – сей «когтистый зверь, скребущий сердце».¹

Не раз эти дни склоняли мы Ваше имя, дорогой Иван Леонтьевич. Дело в том, что затеялось и разворачивается некое новое дело – журналец «Родная Нива».² Ведаем его – В. А. Рышков³ и я. Дали нам согласие участия и свои вещицы люди порядочные – Баранцевич, Альбов, Потап<енко>, Авсеенко, Будищев, Позняк<ов> и иные.⁴ Что, если бы мы дерзнули просить Вас о том же, т. е. 1, о позволении поставить имя и 2, о рассказике.⁵ Запложено будет немедленно и *quantum satis**. Дело разворачивается с матер<иальной> стороны с быстротою и успехом, всех нас удивляющими.

Сколь приятно было бы Ваше участие Рышкову и мне, – не пишу, потому что, кажется, Вы не должны сомневаться в наших чувствах к Вам и как к писателю, и как к человеку.

Еще раз – лучшие пожелания.

Сердечно Ваш А. Измайлов

Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, № 808, л. 65–66 об. Датируется по содержанию.

¹ Цитата из «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина, сцена II. Выше аллюзия на пушкинское стихотворение «Поэту»: «...Ты сам свой высший суд; / Всех строже оценить сумеешь ты свой труд».

² «Родная Нива» – еженедельный иллюстрированный художественно-литературный журнал, выходил в Петербурге с 1904 г. (пробный выпуск), в начале 1906 г. был закрыт. В 1905 г. вышло 52 выпуска, в 1906 г. – 10 номеров. Подробнее: *Прозорова Н. А.* История издания и читательское восприятие журнала «Родная нива»: (По материалам архива В. А. Рышкова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 268–310.

³ *Виктор Александрович Рышков* (1862–1924) – журналист, прозаик, редактировал совместно с Измайловым журн. «Родная нива».

⁴ Круг авторов был обозначен в анонсе «Родной нивы»: В. Г. Авсеенко, М. Н. Альбов, Л. Н. Афанасьев, К. С. Баранцевич, Н. Н. Брешко-Брешковский, А. Н. Будищев, П. В. Быков, Л. Г. Жданов, А. А. Измайлов, А. П. Каменский, Б. Л. Модзалевский, Г. С. Петров, Н. И. Позняков, И. Н. Потапенко, Тэффи, А. И. Фаресов и др. См.: *Прозорова Н. А.* История издания и читательское восприятие журнала «Родная нива». С. 273.

* Сколько нужно (*лат.*).

⁵ Леонтьев принял участие в журнале, здесь были опубликованы его рассказы: *Щеглов И.*: 1) Пустое занятие // Родная нива. 1905. № 23–26; 2) Генерал Пуп: (Из воспоминаний о Мухоманской крепости) // Там же. 1906. № 37–39, 42–43.

2

Измайлов – Щеглову
30 декабря 1904 г., Петербург

Дорогой Иван Леонтьевич,

В. А. Бонди¹ очень просит передать Вам поклон и объяснить непоявление последней статьи.

Чисто литер<атурных> темок *слишком часто* газетка не может давать. Отсюда – и исчезновение моих фельетонов. Газета ищет более *общих тем* и *содержательного материала*. В этом смысле В<ладимир> А<лександрович> очень просит Вас *вновь и вновь присылать*.

Привет к Новому Году. Настроение подленькое. Отдыха никакого.

Пред<анный> Вам
А. И.

Автограф: РО ИРЛИ, Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, № 808, л. 1–1 об. На конверте, правый край которого обрезан: «Е<го> В<ысокородию> И. Л. *Леонтьеву*. / Уг<ол> Литейного и Артилл<ерийского> Д. 28». Ручкой Щеглова подписано: «30-го дек<абря> 1904 г. 8 ч. веч<ера> “Зажились” *невозвратно* <?> Темы литературные <?> общие» (л. 2).

¹ *Владимир Александрович Бонди* (1870–1934) – журналист, прозаик в 1903–1918 гг. в разное время (совм. с С. М. Проппером, И. И. Ясинским и др.) – соредaktor газ. «Биржевые ведомости» и ее приложений (журн. «Огонек», «Новая иллюстрация» и др.).

3

Щеглов – Измайлову
7 января 1905 г., Петербург

Пятница, 7 января 1905 г.

Итак, жду Вас, глубокоуважаемейший и многодобрейший Алексей Александрович, в *четверг 13 января*,¹ т. е. с *семи* часов вечера до *девяти* часов буду сидеть дома: Литейный проспект, дом № 28 (угол Артиллерийского переулка) – кв. № 20. Вход с Артиллерийского переулка, *со двора* – прямо подъезд, второй этаж. – В том же доме с Литейного просп<екта> (№ 28) помещается книжный магазин друга моего Алёши (Алексея Пантелеевича Алексеева) – в случае недоразумения, он укажет Вам настоящий путь. До скорого свиданья!

Душевно весь Ваш *И. Щеглов*

Автограф (на карточке с владельческой надписью): РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 2–2 об.

¹ Допускает ошибку в имени и отчестве. Судя по дневниковой записи, Щеглов 13 янв. Измайлова не дождался: «Бесплодное ожидание А. А. Измайлова. Чтò случилось??» (РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 1436, л. 4).

4

Щеглов – Измайлову
19 августа 1905 г., Петербург

С<анкт->П<етербург>. 19 августа 1905 г.

Усердно благодарствую, глубокоуважаемейший Александр Алексеевич, за Вашу «двухстороннюю» весточку – благодарствую тем усерднее, что отлично знаю, чувствую и понимаю, сколь беспокойно-затруднительны подчас такого рода отписки человеку, втянутому в неугомонно-рабочее-нервотрепательное редакционное колесо!.... На *будущей* неделе *следовало бы* (таков *момент!*) побеседовать *втроем* за воздушным пирогом??

Храни Вас Царица Небесная!!!

Сердечно Ваш И. Щеглов

Автограф (на именном писчем бланке): РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 3–3 об.

5

Щеглов – Измайлову
3 апреля 1906 г., Петербург

СПетербрг, 3-го апреля 1906 г. 3 ч. поп<олу>д<ни>.

Глубокоуважаемейший Александр Алексеевич!..

Весьма рад, на *заре* новой жизни, послужить своим *сотрудничеством* «*утренним*» «Биржевым Ведомостям», обещающим быть *румяным* отблеском бледного просвета!

Преда<нный> И. Л. Щеглов

P. S. Прошу передать мой привет американски-неутомимому А. Бонди.¹

Автограф: РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 4–4 об. Адрес на почтовой карточке: «А. А. Измайлову / СПб., Вас<ильевский> О<стров>, 17 лин<ия>, д. 70».

¹ Имеется в виду Владимир Александрович Бонди. См. примеч. 1 к п. 2.

6

Измайлов – Щеглову
4 апреля 1906 г.

Дорогой Иван Леонтьевич,

Сердечно благодарю Вас за привет и согласие.

Воистину воскресе, – как Царь и Бог.¹

Меня тронула бутылочка. Спасибо за внимание и память. Качества еще не оценил, – сегодня испробую.

Не будете ли Вы свободны в этот четверг и не предпримете ли кругосветное путешествие на Вас<ильевский> Остр<ов>, в 17-ю линию (дом 70, кв. 9) ко мне? «Чашка чаю» будет скромна, но зато я угостил бы Вас Казимиром Станиславичем,² Михаилом Нилычем³ и еще кой-кем.

А Вы доставили бы всем нам огромное удовольствие.

Душевно Ваш
А. Измайлов

Р. С. О деловой стороне Вашего письма я не пишу, в надежде встретиться с Вами. Если Вам это путешествие окажется неудобным, я Вам отвечу по пунктам после беседы с «начальством».⁴

Будьте здоровы и благодушны.

4 апр<еля> 1906.

Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 4–5.

¹ Отвечая на пасхальное приветствие (вероятно, сопровождавшее посланную «бутылочку») традиционной формулой («вистину воскрес»), Измайлов использует также слова из последования таинства крещения («И верую Ему <Христу> яко Царю и Богу»).

² К. С. Баранцевич.

³ М. Н. Альбов.

⁴ Речь идет об условиях сотрудничества Щеглова в утреннем выпуске «Биржевых ведомостей», см. п. 5.

7

Щеглов – Измайлову

6 декабря 1906 г., Петербург

С.-Петербург, 6 декабря 1906 г.

Ради Бога простите, дорогой Александр Алексеевич, что замедлил ответом: ей-Богу, за это время не было минутки свободной!!

Расчитывал было к Вам лично заехать, но Вы не ответили на мой главный пункт, когда Вы бываете дома; а теперь у меня *до* нового года решительно не предвидится досуга – вернее всего увидимся на юбилее «Театра и Искусства»...¹ Пока что материальная сторона «Слова» не представляет тех условий, которые были бы выгодны для Вашего «журнального переезда».

Душевно преданный и всегда готовый к услугам Вашим

И. Щеглов

Машинопись; подпись и расстановка восклицательных знаков, кавычек и некоторых запятых – автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 1194, л. 1.

¹ Речь идет о 10-летнем юбилее журн. «Театр и искусство», первый выпуск которого вышел 5 янв. 1897 г. Этому событию был посвящен специальный праздничный выпуск журнала: Театр и искусство. 1906. 24 дек. № 52.

8

Измайлов – Щеглову

19 марта 1907 г., Петербург

СПб. 19 / III. 1907 г.

Дорогой Иван Леонтьевич,

Вы оказали бы мне огромную услугу, если бы были добры дать в «Слове» заметку, вроде приложений, о моем драматургическом лаптеплетении.¹ Будьте добреньким, каким я Вас привык знать и любить.

Ваш искренно А. Измайлов

Автограф: РО ИРЛИ, Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова. 808, л. 6. На почтовой бумаге со штемпелем: «Александр Алексеевич / Измайлов / СПб. 190 г.».

¹ Измайлов просит об отклике на постановку своей пьесы «Обреченные». Драма в четырех действиях была поставлена 4 апр. 1907 г. на сцене Малого театра в Петербурге режиссером Е. П. Карповым. В спектакле были заняты Е. Н. Рощина-Инсарова, С. Н. Судьбинин, Н. П. Чубинский, М. П. Мячин и др. Рецензия на постановку появилась в «Слове» 10 апр., принадлежала она не Щеглову; см. примеч. 2 к п. 9.

9

Щеглов – Измайлову

10 апреля 1907 г., Петербург

10-го! апреля 1907 г. втор<ник>

Простите, дорогой Александр Алексеевич!!!!!!! Я в воскр<есенье> веч<ером> ездил к М. М. Ф<едорову>¹ – и *сегодня* «рецензия» появилась (фельет<он>). (Ее действительно чуть *не* разобрали, как запоздалую.) Во всей этой путанице я ни духом, ни телом не виноват. – И надо же было случиться, что редакционная путаница именно припала на рецензию о самом литературно-близком мне человеке!²

Сердечно Ваш Щеглов

Автограф: РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 5. Открытка с репродукцией картины А. Бёклина «Das Drama».

¹ Михаил Михайлович Федоров (1858–1949) – государственный деятель, управляющий Министерством торговли и промышленности (1906), в 1906–1909 гг. – издатель и редактор ежедневной «политической, общественной и литературной» газ. «Слово».

² Речь идет о рецензии: Носков Ник. [Васильев Н. И.] Театр Литературно-художественного общества: «Обреченные», пьеса А. А. Измайлова // Слово. 1907. 10 апр. № 121. С. 2. В фельетоне, в частности, отмечалось: «Написанная в мягких полутонах она совсем не боевая пьеса; это пьеса настроения по преимуществу. <...> Пьесе г. Измайлова нельзя отказать не только в литературности, но и даровитости. Красиво выписаны отдельные сцены, остроумны некоторые диалоги; действия в пьесе мало; некоторые паузы слишком длительны, они рассчитаны на интимную обстановку маленького зала, где публика умеет слушать и выдерживать темп настроения. В Малом театре зрители больше любят смотреть, чем слушать, поэтому тонкая отделка некоторых сцен совершенно ускользнула от внимания публики и, наоборот, наиболее слабые места вызвали одобрения и смех. <...> Разыграли пьесу если не стильно, то дружно. Г. Баратов в Кручинине не давал положительного типа, не идеализировал его, и это хорошо потому, что Кручинин вовсе не герой. <...> Г-жа Рощина Инсарова дала внешне интересный образ Веры, оттенив безволие рабыни, покорно гнувшей голову и бессильной снять колодки, связывающие ее свободу. Типичный доктор Якимович <-> г. Судьбинин. Артист умело воспользовался данным автором материалом, творчески вдумчиво komponюя роль. <...> Пьеса имела успех. Автора долго и много вызывали. Без последней сцены она могла иметь успех несравненно больший». Псевдонимом «Ник. Носков» пользовался Николай Иванович Васильев (1862–1917).

10

Щеглов – Леонтьеву

8 ноября 1907 г., Петербург

СП, Литейный просп. д. № 28, кв. 25 (угол Артиллерийского пер.)
Четверг, 8 ноября 1907.

Редактор «Слова» заезжал к Вам, но не застал – если хотите его лично повидать, самое лучшее: навестите его между 9 и 10 вечера (*Вас<ильевский> Остров, 9-я линия (угол Среднего), д. 49, кв. 10*). А еще лучше, дорогой Александр Алексеевич, если бы Вы удосужились *предварительно* побывать у меня и я бы сообщил достаточно для Вас благоприятного (Театр<альная>, Литер<атурная> критика>, Альманах – 10 к<оп.> строка), т. е. именно то, что в письме сейчас не укладывается.¹ Или заезжайте ко мне завтра, в *пятницу*, между 2 и 3 час<ами> п<ополу>д<ни>, или же (уже непременно!) в *воскресенье* от 12 до 1 час<у> п<ополу>д<ни>.

Душою весь Ваш И. Щеглов.

Р. S. Привет Иер<ониму> Иер<онимовичу>!² Ему тоже предвидится (если он пожелает) работа в «Слове».

Спешу. Простите за почерк!

Автограф (на именной почтовой карточке): РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 6–6 об.

¹ Щеглов сообщает Измайлову об условиях сотрудничества в газ. «Слове». С 1908 г. критик ведет в этом периодическом издании еженедельный критический фельетон. Лишь отдельные статьи критика, опубликованные в «Слове», оригинальны. Большинство материалов продублировано с незначительными коррективами в «Биржевых ведомостях». Об условиях работы Измайлова в «Слове» сохранилась примечательная запись в дневнике Фидлера: «В “Биржевых ведомостях” он (Измайлов) имеет твердое жалованье – двести рублей ежемесячно; сверх того, получает шесть копеек за строчку. В “Слове” ему платят за строчку десять копеек, а в “Русском слове” – пятнадцать» (*Фидлер Ф. Ф.* Из мира литераторов: Характеристики и суждения / изд. подгот. К. Азадовский. М., 2008. С. 487).

² Ясинскому.

11

Измайлов – Щеглову

Середина декабря 1907 г., Петербург

Дорогой Иван Леонтьевич, еще в понедельник я просил письмом И. И. Лазаревского¹ осведомить Мих<аила> Мих<айлови>ча,² что к этой пятнице я не пришлю очередного фельетона, ибо пришлет свой Ясинский.³ Так мы условились при свидании с ним.

Теперь к этому прибавилось и такое осложнение, что я лежу в горчичниках и компрессах с семипудовой головой. Не могу ездить и в «Биржевые». При всем желании не мог бы теперь исполнить и более простой работы.

Должно быть, у меня началась собачья старость. Глубоко сочувствую Вашему меланхолическому настроению. Пока не могу Вас ничем развлечь. Даже это письмо пишу не сам. Всего доброго.

А. Изм.

Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 8.

¹ *Иван Иванович Лазаревский* (1880–1948) – искусствовед, полиграфист, художник, журналист. Сотрудник газ. «Слове» в 1908–1909 гг.; опубликовал здесь ряд статей и заметок о петербургских художественных выставках, художниках, искусстве; с 1908 г. совместно с М. М. Федоровым редактор газ. «Слове».

² М. М. Федоров.

³ См. примеч. 1 к п. 14.

12

Щеглов – Измайлову

21 декабря 1907 г., Петербург

С.-Петербург, 21 декабря 1907 г.

Литейный пр. д. 28, кв. 25.

10 час. вечера.

Сейчас заезжал ко мне Михаил Михайлович¹ перед отъездом своим в деревню на праздники. Он сказал мне, что очередного фельетона не будет, но зато будет «некрасовская статья».² – Кстати, он очень просил Вас, дорогой Александр Алексеевич, сделать под Новый Год хотя бы краткое литературное обозрение (желательно не краткое).³ Простите, что пишу кратко, ибо времени в обрез! Воображаю, сколько у Вас дела перед Новым Годом – мне вчуже страшно!! Я едва справляюсь с своим маленьким делом.....

С наступающим великим праздником!!

Всякой удачи и счастья!! (личного)

От сердца *И. Щеглов*

Машинопись, подпись и расстановка восклицательных знаков – автограф: РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 7.

¹ М. М. Федоров.

² Речь идет о подготовке материала для выпуска, посвященного 30-летию смерти Некрасова, см.: *Неблагодарный читатель [Измайлов А. А.]*. Семьдесят лет назад: (к 30-летию смерти Некрасова) // Слово. 1907. 28 дек. № 340. С. 2–3. В этом же номере были помещены статьи: *Боборыкин П. Д.* Некрасов-редактор. С. 2; *Щеглов И.* К некрасовским дням: (Наброски и впечатления). С. 2; *Шебуев Н.* Король фельетонистов. С. 3; *Арсеньев К.* Некрасов полвека тому назад. С. 1; *Вейнберг П.* Последние дни Некрасова: (Из моих воспоминаний). С. 1 и др.

³ См. примеч. 2 к п. 13.

13

Измайлов – Щеглову

23 декабря 1907 г., Петербург

Никак, дорогой Иван Леонтьевич, и Вы купили «Ундервуд»? Если да, то не правда ли, занятая и увлекающая штука, сугубо полезная для писателя, поскольку работа на ней как-то не идет в счет работы, а между тем освобождает от подлинных надобностей отписываться и т. д. Как жаль не дожил до этой поры бедняга Чехов, столько огорчавшийся Вашим трагическим почерком! Я стал уже заправским писцом и пишу довольно скоро. (Но, как увидите, и довольно еще скверно.)

О Некрасове готовлю.¹ Обзор годичный с удовольствием сделаю.² Но вот чем я Вас огорчу, если только это может кого-либо, кроме меня, огорчать. Дорогой Иван Леонтьевич, я не могу быть регулярным в фельетонах. Именно *не могу*, а не что-либо иное. Ведь у меня еще «Русское Слово»!³ Я стал перутомляться до такой степени, что это меня уже начинает пугать. Вчера после всего дня работы во всю ночь не заснул. Вы, вероятно, имеете понятие, что это за проклятие. Я решил, что надо малость прослабить. Прежде, чем сооб-

щать об решении М<ихайлу> М<ихайлови>чу, я делаю это Вам. С истинною бы радостью продолжал работу у Вас, но *без еженедельного обязательства*. Предрождественские дни в самом деле прошли каким-то кошмаром труда.

С прекрасным праздником! Алчу прочесть, что Вы написали. Сколь бы приятно увидиться на праздниках!

Если М<ихайл> М<ихайлович>⁴ уезжает на праздники, значит, не буду к нему заезжать, а раньше думал.

Душевно любящий Вас
А. Изм.

23/ХП.
1907

Авторизованная машинопись: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 10–11 об. (правка, подпись, дата, предпоследняя строка – автограф). Адрес на конверте: «Здесь, / Угол Литейного и Артиллерийского, / д. № 28, кв. 25, / Ивану Леонтьевичу / ЩЕГЛОВУ-ЛЕОНТЬЕВУ». На обороте конверта, рукой Щеглова: «Измайлов / Понед<ельник> 24-го Декабря. / 1907 г. / Фель<стоны> не регулярны (Ясинс<кому> <?>)» (л. 9).

¹ См. примеч. 2 к п. 12.

² В традиционном для литературной критики жанре – годовом обзоре – «Литература в 1907 году» Измайлов отмечал: «Политический календарь изметил год черными нотабене и красными крестами. Немного пестроты, но много выразительности. Роспуск второй Государственной Думы и суд над первой. Суд над советом рабочих депутатов. Суд “героев” Порт-Артура. Суд над сочинениями Толстого – процесс Сухонина. Для книги и газеты нелегкий год – год конфискации, изъятий, прекращений, переименований. <...> История подсказывает: за политической бурей, за политическими увлечениями всегда – завоевания чистого искусства. Революция в момент разряжения не дает поэтов. Тут – царство рифмачей, риторов и ремесленников. Поэты и художники приходят потом» (*Неблагодарный читатель* [Измайлов А. А.]. Литература в 1907 году // Слово. 1908. 1 янв. № 343. С. 4). В своем обзоре Измайлов обратил внимание на публицистические выступления П. Д. Боборыкина; рассказы В. И. Немировича-Данченко, которые он «успел дать, и ряд новых ярких книг, посвященных по преимуществу редкому гостю нашей беллетристики – типу “бодрого” и “дерзающего” интеллигента»; указал на «молчание» Д. Н. Мамина-Сибиряка, М. Н. Альбова, В. А. Тихонова, коснулся романов И. Потапенко «История одной молодости», Ясинского «Жар-Птица», В. Светлова «Между светом и тьмой», особо выделил роман Ф. Сологуба «Мелкий бес», вышедший отдельным изданием, указал на публикации в журн. «Весь», «Золотое Руно», «Перевал» и др., рассказы М. Арцыбашева, Л. Андреева и др.

³ В «Русском слове» Измайлов сотрудничал в 1906–1916 гг. См. примеч. 1 к п. 10. В этом издании в разные годы он вел нерегулярно критический фельетон и библиографический отдел.

⁴ М. М. Федоров.

14

Щеглов – Измайлову

27 декабря 1907 г., Петербург

С.-Петербург, 27 декабря 1907 г.

Литейный пр. (уг<ол> Артиллерийского пер.)

д. 28, кв. 25.

Я ничего не отвечал Вам, дорогой Александр Алексеевич, потому что Михаил Михайлович Федоров только сегодня вечером вернулся из имения (на

Новый Год он тоже уезжает). Он ничего не имеет, если одну неделю Вы пропустите, и на этот раз (в виду ожидаемого литературного обозрения) заменит Вас фельетоном Ясинского.¹ (Словом, 3 фель<етона>в нед<елю>.)

Вообще хотелось бы лично кое о чем переговорить!!!!..

Завтра, 28 дек<абря>, после театра буду непременно в «Вене»² на Морской с одной компанией. Хорошо, если бы Вам случилось попасть туда с другой компанией и уделить мне четверть часа?! Пишу Вам всё откровенно, так как Вы, кажется, один понимаете «сложность» редакционного механизма. Увы, дорогой Иеронимыч этого не понимает! Я получил от него письмо, которое меня очень расстроило.

Сердечно Ваш И. Щеглов

С наступающим Новым Годом!!..

Авторизованная машинопись: РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 8. Сохранился машинописный «отпуск»: РО ИРЛИ, 1194, л. 3 (стадия до правки, отраженной в перебеленной машинописи – экз. РГАЛИ).

¹ См.: Чуносков М. [Ясинский И. И.]. Западно-европейская литература: (критические этюды) // Слово. 1907. 29 дек. № 341. С. 2–3.

² «Вена» – известный ресторан, популярный у писателей, художников и актеров Петербурга, располагался на углу Малой Морской и Гороховой улиц (д. 13/8).

15

Щеглов – Измайлову

6 февраля 1908 г., Петербург

СП, Артиллерийский переулоч (угол Литейного пр.), д. № 1, кв. 25.

6 фев<раля> 1908.

Дорогой Александр Алексеевич! Мих<аил> Мих<айлович> между прочим рассчитывает, что в самую ближайшую в пятницу Вы коснетесь Андреевского «Зверя»,¹ тем более, что в «Земле» есть еще несколько модных литер<урных> имен!..²

«Некто» уже доставил в «Слово» м<аленький> ф<ельетон> «о Звере»; но, разумеется, его вернули в виду ожидаемого Вашего крит<ического> отклика.

Как я долго Вас не видел!!.. Последнее время мной владеет такая черная меланхолия, что не знаю как и быть?.. Тоска невыразимая, работа валится из рук, дамские рукописи наводят болезненный ужас... Ваш от сердца И. Щеглов.

Автограф (на именном писчем бланке): РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 9–9 об.

¹ Речь идет о рецензии на рассказ Л. Н. Андреева «Проклятие зверя» (опубликован в литературно-художественном сборнике «Земля». М., 1908. Сб. 1. С. 9–48). В рецензии Измайлов критикует Андреева за многие сюжетные ходы произведения, в частности, отмечает: «Здравая логика уже совершенно перестает сопутствовать логике безумца. В самых последних строках, например, передается рассказ о том, как больной на окраине города встретил какого-то незнакомца с собакой, запряженной в повозку (?), и низко поклонился этой собаке, сняв шляпу, “как королеве”. Кто у нас запрягает собак в повозки? Кто кланяется собакам, как королевам? Это уж совсем больное, безумное, пьяное. Тут нечего делать здоровой логике <...> В таланте Андреева есть черта всегдашней трагической сгушенности,

излишней драматизации. Нагромождением ужасов страдает и “Василий Фивейский” и “Красный смех”. Протест против города, может быть, мог бы почувствоваться еще сильнее, если бы он шел от человека нормальной психики. Андрееву кажется, что он будет почувствован глубже и ужаснее, если обычное раздражение, вызываемое городом в обычной душе, дать в квадрате и в кубе восприятия уже смертельно раненного мозга» (*Неблагодарный читатель* [Измайлов А. А.]. Литературные беседы // Слово. 1908. 15 февр. № 381. С. 2). Андреев парировал отзыв критика в письме от 18 февр. 1908 г. к нему, см.: А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 67–68.

² В сборнике «Земля» также были опубликованы рассказы А. И. Куприна, А. С. Серафимовича, стихотворения И. А. Бунина, А. А. Блока, С. М. Городецкого, Г. И. Чулкова и др.

16

Щеглов – Измайлову

18 марта 1908 г., Петербург

С<анкт>-П<етербург>, 18 марта 1908 г.

Дорогой Александр Алексеевич! Поджидаю к *пятнице* (самое позднее к *субботе до 4 часов*) – *небольшой* критической памятки (В. М. Гаршин).¹

Следующий очередной фельетон рассчитываю: «Царь Голод»??. Не так ли??..²

Как я с Вами долго не виделся!!.

Искренно любящий Вас (но не имеющий досуга для корректных писем)
И. Щеглов

P. S. Простите великодушно!!

Автограф (на бланке редакции литературного отдела газ. «Слово»): РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 10–10 об.

¹ 24 марта 1908 г. исполнялось 20 лет со дня смерти В. М. Гаршина. Фельетон о нем подготовлен не был. О причинах см. п. 17.

² См. примеч. 1 к п. 17.

17

Измайлов – Щеглову

19 марта 1908 г., Петербург

Дорогой Иван Леонтьевич,

Очередной фельетон я сегодня уже послал. Он наполовину об Андреевском «Голоде».¹

Что до Гаршина, то не обидьтесь на следующее разъяснение, необходимое и на будущее время. Связанный соглашениями с двумя еще газетами, я физически не имею возможности быть полезным «Слову» сверх очередных пятничных фельетонов о текущей литературе. Это в особенности я должен сказать об официальных памятках и статьях к случаю, ибо каждый такой случай для меня возводится в куб, статья требуется тройная, и это уже лишает меня и просто интересности. Я не говорю о том, что это переводило бы меня в чистое ремесленничество, устраняя всякую работу для души, чего бы Вы сами мне не пожелали. Но я не могу делать этого и просто по полной физической невозможности. Поэтому там, где возможно, я стараюсь и вообще

уклоняться от казенных памяток, спасая время и себя от полной гибели. В особенности это необходимо там, где писатель – лично мною незнаемый, так что не могу сказать о нем уже ни одного нового слова. Таковы Гаршин и Слепцов,² стоящие на очереди.

Мне было бы очень дорого, если бы Вы поняли меня и простили, хотя я и чувствую, что это обрекает Вас на новые заботы.

8-го апреля, как Вы, вероятно, уже знаете, будет пышно чествоваться Леонид Андреев по случаю десятилетия его писательства.³ Если Вы признаете необходимым отметить этот день и в частности поставите это мне в необходимое, то будьте добры как-нибудь предупредить мне об этом. Мы сговорились бы, как удобнее сделать это: в одну из пятниц – 4-го или 11-го апреля, или можно одну из пятниц перенести на 8-ое.⁴

Тружусь, болею, похандриваю, старею, вообще – жизнь «оставляет желать многого».

Душевно Ваш А. Измайлов

19 марта.

Машинопись, дата и подпись – автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 58. Год установлен по содержанию.

¹ *Неблагодарный читатель* [Измайлов А. А.]. Литературные беседы: «Царь-Голод» Леонида Андреева // Слово. 1908. 21 марта. № 411. С. 2. Измайлов положительно оценивает новую пьесу писателя: «...тона всей пьесы вообще причудливы, капризны, но влияние здорового и трезвого творчества ощутимо над пьесой, производящей сильное и прочное впечатление и выдающей зрелый и смелый талант».

² 23 марта 1908 г. исполнялось 30 лет со дня смерти прозаика и публициста *Василия Алексеевича Слепцова* (1836–1878).

³ Десятилетие творческой деятельности Андреева было отмечено многими газетами. В «Биржевых ведомостях» по этому поводу был опубликован фельетон: *Бруснянн Вас.* На заре: 10 лет литературной деятельности Л. Андреева // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1908. 8 апр. № 10443. С. 3 (то же): Утр. вып. 9 апр. № 10444. С. 6). Измайлов к юбилею приурочил материал в «Русском слове», в котором частично повторил мартовский фельетон из «Слова», см.: *Измайлов А.* О Леониде Андрееве // Русское слово. 1908. 8 апр. № 82. С. 3.

⁴ Юбилею 10-летия творческой деятельности Андреева в «Слове» был отведен лишь небольшой раздел в составе фельетона на текущие литературные темы. Измайлов, в частности, писал: «8 апреля исполнилось десять лет писательства Леонида Андреева. Десять лет назад скромный судебный хроникер московской газеты “Курьер” напечатал в ней в пасхальном номере по предложению секретаря редакции маленький праздничный рассказ “Баргамот и Гараська” – обыкновенный праздничного типа рассказ о том, как в пасхальную ночь расчувствовавшийся городской пригласил к себе разговеться босяка. Волшебное чудо расцвело в жизни маленького судебного хроникера. Сейчас он – мировая известность. Его переводят на все языки. Издатели покупают его вещи для издания в пятидесяти тысячах экземпляров. Жизнь его – сказка, феерия, фантазмагория. Десять лет, конечно, не юбилей. Друзья и поклонники писателя хорошо сделали, отказавшись от своей мысли как-либо внешне ознаменовать этот день. <...> Но можно отметить этот день. Среди не только сверстников, но и по сравнению с поколением старших, Андреев сейчас самый сильный из русских писателей трагиков, один из самых чутких писателей, искренно откликающихся на все волнения современного духа» (*Неблагодарный читатель* [Измайлов А. А.]. Литературные беседы (Академия и Пушкин. – От судебного хроникерства до мировой известности. – Литературный распад и первые застрельщики борьбы с ними) // Слово. 1908. 11 апр. № 429. С. 2).

Измайлов – Щеглову
20 апреля 1908 г., Петербург

Дорогой Иван Леонтьевич,

Хоть я знаю, что у Вас без того много предложений и очень мало времени, но позволяю себе направить к Вам Николая Викторовича Вавулина,¹ автора рассказа «Regretium mobile».² Он мне кажется серьезным, и я знаю, что он выношен. Так как нам нужны Шерлоки Холмсы, а не психологические рассказы, то я не мог его использовать для изданий Проппера. Будьте добры просмотреть рассказ и хотя бы сказать автору свое мнение, – ему, как начинающему, дорого это ободрение. Если бы можно было устроить рассказ, – это было бы ему большой радостью. Но, пожалуйста, прежде всего будьте свободны и откровенны.

Шлю привет.

Искренно преданный
Вам
А. Измайлов

20/IV.

Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 12–12 об. Год установлен по содержанию.

¹ *Николай Викторович Вавулин* (1881–?) – публицист, беллетрист, автор книги «Безумие, его смысл и ценность: Психологические очерки с 24-мя иллюстрациями» (СПб., 1913); Измайлов познакомился с ним в середине 1900-х гг. В коллекции инскриптов из архива критика сохранился титульный лист издания с дарственной надписью Вавулина: «От автора с чувством симпатии и глубокого уважения Александру Алексеевичу Измайлову – в знак моей признательности за ласку и привет, оказанные мне в июне 1906 г. при первом моем выступлении на литературную дорогу. СПб. Ноября 29 дня 1912 г.» (РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 4, ед. хр. 1, л. 7).

² Публикация рассказа не выявлена.

Щеглов – Измайлову
9 мая 1908 г., Петербург

СП, 9 мая 1908 г.

(Артиллерийский переул<ок> – угол Литейного – д. № 1, кв. 25)

Невыразимо обяжете меня, дорогой Александр Алексеевич, если заглянете ко мне *послезавтра*, т. е. в воскресенье 11-го мая между 1 и 2 ч. *полудни*. Очень прошу так извернуться, чтобы быть непременно (хотя бы на полчаса) и не отказать в подписании моего «Духовно<го> завещания», которое по содержанию своему близко касается интересов родной литературы – а Вы ли им не служите с достоинством и *чуткостью*, который год?! Обнимаю Вас крепко и нежно – и жду, жду, жду!!!!

Душевно Ваш *И. Щеглов*

Автограф (на личном писем бланке): РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 11–11 об.

Измайлов – Щеглову
9 августа 1908 г., Петербург

С.-Петербург. 9/VIII 1908.

Дорогой Иван Леонтьевич,

Позвольте беспокоить Вас покорнейшею просьбой.

В № 28-го августа, посвященном Толстому, редакция предполагает дать *свод мнений* современных писателей о Льве Николаевиче.¹ Безразлично, будет ли это личное воспоминание, мнение, указание на влияния, оказанные на Вас Толстым, два-три афоризма о Толстом, частная мысль по поводу какого-нибудь отдельного его сочинения, анекдот и т. д.² Позвольте надеяться, что Вы не откажете дать нам таких 20–30–40 строк. Если Вам не хотелось бы давать их, как свое сочинение, они могут быть представлены в виде отрывка из беседы с Вами.

Очень-очень обязали бы меня лично, ибо это дело возложено на меня. И еще прошу оставить это между нами.

Искренний> привет. Очень хотел бы повидаться – еще до 30-го авг<уста>, когда буду счастлив Вас зреть.³

Ваш душой *Измайлов*

Автограф (на бланке редакции «Биржевых ведомостей»): РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 15–15 об. От слов «Позвольте беспокоить» до «беседы с Вами» – рукой неуст. лица (секретаря редакции?). На конверте редакции «Биржевых ведомостей» (с поставленным в редакции штемпелем «11 авг.») адрес (машинопись): «Здесь, Угол Литейного и Артиллерийского п., д. № 28». Далее рукой Измайлова подписано: «кв. 25. Ивану Леонтьевичу ЦЕГЛОВУ-ЛЕОНТЬЕВУ». Рукой Щеглова: «День отъезда. 12 августа 1908 года. *А. Измайлов. О Льве Толстом*» (л. 14).

¹ Речь идет о вечернем выпуске «Биржевых ведомостей», вышедшем 28 авг. 1908 г., в день 80-летия Л. Толстого. В номере были представлены мнения о Толстом современников. Записи сопровождалась факсимильными подписями. Среди авторов были: И. И. Ясинский, К. С. Баранцевич, С. А. Венгеров, А. И. Куприн, П. М. Невежин, В. Я. Светлов, В. А. Тихонов, К. М. Фофанов (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1908. 28 авг. № 10678. С. 1–2). В данной публикации Леонтьев не участвовал.

² Возможно, отказ Щеглова принять участие в юбилейном выпуске был связан с его общей негативной позицией по отношению к писателю. В записной книжке Измайлова сохранилась заметка, передающая отношение Щеглова к Толстому: «Щеглов навестил Чех<ова> в Моск<овской> больнице. 1-й случай кротовечения из горла.

– А у меня на эт<ом> сам<ом> стуле только что сидел Толстой. Утешил меня старик (Чех<овский> юмор). Ск<а>з<ал>, что *Мужики* плохи, что не надо так писать.

У него кротовеч<ение> началось после этого. Щеглов удивлялся. “Больному” это сказать! Не пощадить! И не пришло в голову – помочь, дать денег, ч<то>б<ы> уехать за границу. Тогда Чех<ов> с мукой искал у жидов ростовщ<иков> 200 руб.

– Теоретически мы до чего мудры и чутки, а под носом не видим, что надо неотложно сейчас сделать. Но и вообще Щеглов не любил Толстого» (*Измайлов А. А. Дела и люди // РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 3, л. 14–14 об.*). См. также мемуарный очерк Щеглова: *Леонтьев-Щеглов И. Л. О том как пирог с капустой «убил» Л. Толстого: (Из записной книжки) / подгот.*

текста и коммент. О. Л. Фетисенко // URL: <http://www.lib.pushkinskijdom.ru/LinkClick.aspx?fiLeticket=9R2umJRx8BE%3d&tabid=10833>).

³ 30 авг., в день св. Александра Невского, Измайлов отмечал именины, на которых соби-рался круг его знакомых литераторов.

21

Измайлов – Щеглову

9 сентября 1908 г., Петербург

9 сент<ября> 1908.

Дорогой Иван Леонтьевич,

Искренно жалел, что не увидел Вас у себя 30-го, как искренно благодарю Вас за привет и славное письмо.

В высшей степени радостно слышать то, что Вы пишете о моих по Тол-стому набросках, но мне – честное слово – за всё это, спешное, незрелое и утомленное – стыдно. Разве с такою головою нужно об этом писать! Я был вдрызг измучен, п<отому> ч<то> приходилось писать чуть не в 8 мест, тща-тельно избегая повторений и изыскивая новые стороны. Не дай Бог никому такого труда!¹

Об «Исповеди» Вами так великолепно сказано: «пылкий черновик», что хочется это у Вас украсть. Вот именно – слово!²

Жалко, что Вы настраиваетесь хмуро. Думаю, что холера Вас еще паче расстроит. Радоваться, правда, нечему – ни в жизни, ни в литературе. Нечему радоваться и в «Слове».

Смотрю в эту сторону с огорчением. Угадываю и Ваши огорчения там. Иначе быть не может. Ох, эта компания жидков, взявших палку и ставших капралами!³ Мои настроения здесь соверш<енно> объективны. Я бы уже *не мог* теперь быть полезным *Слову*, если бы и было оттуда ко мне маленькое тяготение. Увяз в дела по горло. Но вчуже жаль за хорошее дело, которое тянут в политику от литературы. На днях получил приглаш<ение> быть там на заседании. Не мог, ибо был занят, да и не знаю, поехал ли бы, если бы был свободен. Ведь уж и фамилия моя давно снята с анонса о сотрудниках. Чего же мне туда ездить? Это я говорю *исключительно* для Вас, как для ласкового и дорогого собрата, и, пожалуйста, пусть это не будет никому более известно. Но не правда ли, – чудно?

И вот, думается, что Вам там безумно трудно будет побеждать жидовскую антилитературность своею литературностью. Давай Вам Бог победы и одо-ления! Ведь в конце-то концов, право же, всё это должно быть побеждено и смыто с лица русской земли.

И<ероним> И<еронимович> уже в СПб.

Крепко обнимаю Вас.

А. Измайлов

Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 18–19 об. Адрес на конверте «Биржевых ведомостей»: «Ивану Леонтьевичу Щеглову-Леонтьеву. СПб., Уг<ол> Артил-лерийского и Литейного, д. 28». Ручкой Щеглова на конверте: «*Секретно* (о жидакх)» (л. 17). На обороте конверта его же рукой: «А. А. Измайлов (*Секретно*). О “Слове”. Получено на Юге во вторник 9 сент<ября> 1908 г.».

¹ К юбилею Толстого Измайлов написал два больших фельетона, см.: Лев Толстой // Русское слово. 1908. 28 авг. № 199. С. 7–8; Триумф русского гения // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1908. 28 авг. № 10677. С. 1.

² По-видимому, реплика Леонтьева о книге Толстого «Исповедь» в несохранившемся письме к Измайлову.

³ Подразумевается пословица «Кто палку взял, тот и капрал».

22

Измайлов – Щеглову

2 ноября 1908 г., Петербург

Дорогой Иван Леонтьевич,

Я вчера весь день пролежал в постели, сегодня только отдышался и *вынужден* не выходить. Завтра уже пушусь во вся тяжкая. Не позволите ли захватить к Вам в 6–7–8? Я должен в это время быть под Вашими местами.

О Кавелине – при всем желании *пока* не могу сказать ничего.¹ Я ведь прикосновен к вечерке,² где все статьи – не свыше 100–150–200 строк.

Это надо прочить в утреннее изд<ание>, где совершенно самостоятелен *Гаккебуш*.³ Там, к сож<алению>, тенденция к дешевому материалу.

Завтра всё скажу Вам, переговоров.

Ваш искренно
Измайлов

Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 20–20 об., 22. Химическим карандашом вверху л. 20 подписано: «2.ХІ.08». На конверте редакции «Биржевых ведомостей»: «Е<го> В<ысокородию> И. Л. *Леонтьеву-Щеглову*». Рукой Щеглова: «Понед<ельник> 6–8 час. На 2 раз / О Кавелине *Воскресенье* 2 ноября 1908 г. 1 ч. дня К» (л. 21).

¹ 4 нояб. 1908 г. исполнялось 90 лет со дня рождения историка, социолога и публициста Константина Дмитриевича Кавелина (1818–1885).

² Имеется в виду вечерний выпуск «Биржевых ведомостей».

³ Редактором утреннего выпуска с конца 1905 г. был *Михаил Михайлович Гаккебуш* (1874–1929).

23

Щеглов – Измайлову

2 ноября 1908 г., Петербург

Воскресенье, 2 ноября 1908 г.
3 ч. пополудни

Крепкое спасибо за ласковый отклик, дорогой друг Александр Алексеевич! Завтра, в *понедельник*, сижу дома с 6 до 9 ч. вечера... Жду Вас нетерпеливо, ибо хочется сказать Вам по-товарищески всю *правду*, т. е. Вы должны ее знать, *ибо* М. М. Ф<едоров> все же *имеет* на Вас виды! Я обогрею Вас *чаем* с ромом, а Вы меня добрым словом... До завтра!!

Ваш всем сердцем И. Щеглов

Автограф: РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 180, л. 1. На листке в клетку тиснение: «Иван Леонтьевич / Леонтьев».

24

Измайлов – Щеглову
7 января 1909 г., Петербург

Милый Иван Леонтьевич,

Сердечно приветствую Вас. Крепко целую. Желаю счастья, здоровья, радостей, поменьше в жизни жидов, побольше юмористических впечатлений, хороших рассказов, веселой пьесы (я никогда в отнош<ении> Вас не теряю на это надежды) и всякого благополучия.

Прихварываю. Не знаю, удастся ли завтра заехать к Вам. Предпочитаю письмо десятку слов телеграммы. Утомляет работа. Не очень радуется жизнь. Треплет любовь. Но да будет всё на своем месте, – и в 35 лет между прочим и романы.

Вижу Ваши р<асска>зы в Слове. Радуюсь. Боритесь и не уступайте ни своей пяди, ни своего дела. Надо же когда-нибудь победить и вывести политико-прозаический парш на литературу. И я борюсь помаленьку. Будем все бороться, – авось что и отвоюем.

Да пошлет Вам Аполлон бодрости и силы.

Ваш искренно
Измайлов

Автограф (на именном писчем бланке): РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 23–23 об., 25. Адрес на конверте редакции «Биржевых ведомостей»: «Е<го> В<ысокородию>, И. Л. Щеглову (Леонтьеву). Уг<ол> Литейн<ого> и Артиллерийск<ого>». Ручкой Щеглова на обороте: «Измайлов. 7 янв<аря> 1909. 9 ч. у<тра>. (Теплый товарищеский привет). Отв<етил> 6 фев<раля> <?> (на 21 фев<раля>)» (л. 24).

25

Измайлов – Щеглову
11 февраля 1909 г., Петербург

Душевно-любимый
Иван Леонтьевич,

Я в долгу перед Вами еще по тому письму. Сердечно бл<аго>д<а>рю за отклик об адописн<ых> иконах. Я использовал Ваше чрезвыч<айно> ценное для меня показание в статейке вчера, 10-го.¹

Над Мурашкиной² смеялись в ред<акции>. Это оч<ень> удачно. Одного бы можно желать, чтобы такие отклики являлись ближе к событию по времени.

О вере и неверии Чехова будет напечат<ано>.³ – Позвольте туда взять и Ваши строки.

Странно молчание Дорош<евича>. – Хотя он и сумасшедше занят, но Вам-то мог бы ответить.⁴

Пожалуйста, присылайте еще пародий, шаржей и пр.

Кумова я лично (к сож<алению>) не видел, но мы обмен<ались> неск<олькими> письм<ами>.⁵ Он мне исключит<ельно> симпатичен и к<а>к Ваша симпатия, и по тому, что я его читал. Новый его р<асска>з прочту и, верно, напишу.

«Генерал от неврастении» великолепно.

Как жаль, что не застали в понед<ельник>. – Я растравил зуб и даже сижу день дома, что для меня – событие.

Помрачение при сем идет почтой.⁶

Айхенв<альд>, по-моему (знаю поверхностно), фразер вопиющий и жидовского оттенка, – т. е. со спиралью мозговою. Это для меня хуже хины. С Брюс<овым> у него верно личное, – не поладили в Рус<ской> Мысли.⁷

Щелку я знаю. К сож<алению>, почти не мог быть ему полезен в нашей ред<акции>, а даровитость его успел почувствовать. Не знал, ч<то> у него уже есть книжка.⁸

Простите сокращения. Диктовал гору и оч<ень> устал, а побеседовать с Вами очень хотелось. Мне большая радость Ваши письма.

Целую Вас.

11/II

В Москве есть еще милый студент Каргашов. Он дружит с Кумовым. Знает и любит Вас. Вообще почему-то очаровательны мои москов<ские> впечатления, а в Питере я почти не видал милых студентов. Всё или жида, или практики.

Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 26–26 об., 28–28 об. Адрес (край конверта обрезан): «Е<го> В<ысокородию> Ив<ану> Леонтьевичу *Леонтьеву* (Щегло<ву>). Уг<ол> *Литейного и Артиллерий<ского>*. 28». Вверху рукой Щеглова: «Отв<етил> <?> 18 февр. 1909» (л. 27). На обороте его же рукой: «А. А. Изм<айлов> вполне мил <?> и пунктуален <?>».

¹ Возможно, подразумевается следующий пассаж: «–“Державин?” – “Разумеется, Державин!” Но переверните этот кусочек бронзы, и вы с удивлением видите на нем современное клеймо: – 1907-й год. Петербург. Вяч. Иванов. “Эрос”. Так, говорят, мастера живописного дела подделывают старообрядческие иконы. Смотришь и видишь все признаки письма, краску в известном уголке, – там посажен микроскопический бесенок. Своеобразное проявление своеобразного русского юмора!» (*Измайлов А. А. Молодые побег: Поэзия новых дней.* – Вячеслав Иванов, Сергей Городецкий, Иван Рукавишников // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1909. 10 февр. № 10951. С. 2). «Адописным иконам» была посвящена статья Н. С. Лескова (Русский мир. 1873. 24 июля. № 192), упомянуты они и в его повести «Запечатленный ангел» (192).

² Мурашкина – героиня рассказа Чехова «Драма».

³ По-видимому, речь идет о плане большой работы Измайлова «Вера или неверие», материалы к которой он собирал несколько месяцев. В этой статье, опубликованной в разных изданиях, впоследствии вошедшей в его книгу о Чехове в виде отдельной главы, Измайлов ставит вопрос о христианской позиции писателя, в котором современники однозначно видели убежденного позитивиста и агностика (*Измайлов А. А.*: 1) Вера или неверие // Лит. приложение к «Ниве». 1910. № 6. С. 241–260; № 7. С. 405–430; 2) Между верой и неверием: (Религия Чехова) // Русское слово. 1910. 17 янв. № 13. С. 3).

⁴ Вероятно, Леонтьев обращался к В. М. Дорошевичу с предложением о сотрудничестве в «Русском слове». Позднее посредником в переговорах писателя и редакции «Русского слова» выступил Измайлов (см. п. 36–38).

⁵ Вероятно, речь идет о *Романе Петровиче Кумове* (1885–1919), журналисте, прозаике, юристе, драматурге.

⁶ Имеется в виду сборник «Помрачение божков и новые кумиры» (М., 1910).

⁷ Литературный и театральный критик и переводчик *Юлий Исавевич Айхенвальд* (1872–1928) был давним сотрудником «Русской мысли», в 1907–1908 гг. входил в редакционную коллегию журнала. Брюсов позднее (осенью 1910 г.) возглавил здесь литературно-критический отдел.

⁸ Подразумевается *Александр Романович Пицелко* (1869–1943), журналист, прозаик, сотрудник «Витебских губернских ведомостей», «Минского слова», «Белорусской жизни», автор повестей и очерков о быте белорусского крестьянства и русского провинциального чиновничества.

26

Щеглов – Измайлову

14 марта 1909 г., Петербург

СП, Артиллерийский пер., д. 1, кв. 25 (угол Литейного пр.).
14 марта 1909 г.

Добрый и хороший Александр Алексеевич!

Был бы душевно счастлив, если б Вы нашли возможным поддержать прилагаемое «соображение»,* т. е. поддержать *мистическое* и *традиционное* «19»-ое число против *бюрократического* «20»-го! (Ирония! Гоголь именно погиб отчасти оттого, что не был «человеком 20-го числа»!!)¹

Намеревался лично побеседовать с Вами сегодня на именинной вечернице у Баранцевича,² но весной я вообще скверно себя чувствую – и сегодня в особенности – и не знаю, попаду ли – вернее допозду ли до 3-й Рождественской? Христос Вас храни!!.....

Ваш всем сердцем
И. Щеглов

Р. С. (В Екатеринб<урге> празднуют Гогол<евский> юбилей 19, а в Екатерино<славе> 20-го, и т. п. русская путаница.)

* Маленькая заметка *прошла* не без борьбы!..

Автограф: РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 12–12 об. Почтовая карточка литературного отдела газеты «Слово».

¹ «Людьми двадцатого числа» (по времени получения ежемесячного жалованья) называли чиновников. Кроме того, смысл высказывания еще и в том, что именно 20-е число (20 марта) – день рождения Гоголя. В 1909 г. ему исполнялось бы 100 лет. Ниже говорится о расхождениях в дате празднования – 19 или 20.

² *Казимир Станиславович Баранцевич* (1851–1927) – прозаик, журналист, входил в круг общения Измайлова и Щеглова. День св. Казимира – 4 марта н. ст.

27

Щеглов – Измайлову

31 марта 1909 г., Петербург

С<анкт->П<етербург>, вторник 31-го марта 1909 г. 9 ч. утра.

1, Мой добрый, нежно любимый Александр Алексеевич, – Христос Воскресе!!!.....

Успеха литературного... и амурного! Побольше личного счастья, которое в наше суетливое время как-то проскальзывает между пальцев!

2, Пускаюсь на крайне деспотическое средство, чтобы Вас повидать: *завтра, в среду, в полночь* буду ждать Вас (вместе с *В. Рышковым*) в Литейном кабаре (бывшая <Вампука>).¹ Сам так занят, что иного дня (т. е. ночи) и исхода не вижу! *Жду непременно в 12-ть часов!*

3, Последнее время работал чуть ли не более Вас и так измочалился, что не в состоянии одолеть длинного письма. Простите по христианству! (заодно и за почерк!)

4, *Мою книгу*² Вам должны были послать от издателя ранее, чем *автору*, т. е. самый первый экземпляр? Доставлен ли ак<к>уратно??? Экземпляр с подписью доставлю отдельно, когда схлынет праздничная волна!. Жму от всего сердца, как всегда Жан Щеглов.

Рышков хотел одноврем<енно> тоже написать Вам.

Автограф: РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 13–13 об. Почтовая карточка литературного отдела газеты «Слово».

¹ В конце декабря 1908 г. газ. «Речь» извещала читателей об открытии на Литейном проспекте, д. 51, театра «Grand Guignol», или «Театра сильных ощущений», режиссером которого был В. А. Казанский (Сормер; ?–1913): «В репертуар его войдут одноактные драмы, комедии, пародии и т. д. После 12 час. ночи театральный зал будет превращаться в “кабаре” <так!>. Открытие нового театра состоится 28-го декабря» (Речь. 1908. 14 дек. № 307. С. 6). Открытие произошло, однако, чуть позже, 4 янв. 1909 г., и вскоре в упомянутом кабаре состоялась премьера поставленной театром «Кривое зеркало» оперы-пародии В. Г. Эренберга «Вампука, принцесса африканская», которую и вспоминает Щеглов. В 1911–1912 гг. театр, в обиходе сразу ставший называться «Литейным», получил новое имя – «Мозаика». С осени 1911 до начала 1912 г. главным режиссером его был Г. Г. Ге, поставивший здесь «Веселую смерть» Н. Н. Евреинова и несколько произведений Чехова, Мопассана, Шоу. После ухода Ге из театра постановки осуществляли К. А. Гарин и Н. В. Шарап. Владельцем театра оставался В. А. Казанский, арендатором же являлась актриса Е. А. Мосолова (осенью 1915 г. она станет владелицей). Осенью 1912 г. в Литейный театр вернулся комический актер Ф. Н. Курихин, главным режиссером стал М. И. Порватов, очередным – Н. А. Дымов. В труппе играли О. М. Антонова, О. А. Глебова-Судейкина, А. С. Санин и др. Осенью 1913 г. театр перешел под управление «Товарищества», возглавляемого Антоновой. Время расцвета Литейного театра пришлось на сезоны 1913/14 и 1914/15 гг., когда его директором и главным режиссером был Б. С. Неволин. В это время он назывался Литейным интимным театром, здесь ставились одноактные пьесы, миниатюры, инсценировки рассказов А. Т. Аверченко, Тэффи, О. Дымова, Т. Л. Щепкиной-Куперник, Б. Шоу, М. Твена, интермедии П. П. Потемкина, скетчи В. Азова (В. А. Ашкинази); режиссерами были Ю. Д. Беляев, Ю. Э. Озаровский, бар. Р. А. Унгерн. В последний сезон 1916/17 г. в театре работал также Б. А. Горин-Горяинов.

² Речь идет о книге «Подвижник слова»; см. примеч 3 к п. 29; примеч 3 к п. 31.

28

Измайлов – Щеглову
4 апреля 1909 г., Петербург

С<анкт>П<етербург>, 4 апреля 1909 г.

Дорогой Иван Леонтьевич,

В последние дни я так занят, что почти не живу дома. В назначенный Вами день у меня был отчетный спектакль – «Ревизор» у станиславцев. Только

приехать в клуб я мог не ранее второго часа, а в восемь уже должен был сдать в набор большую рецензию.¹ Не удалось послать Вам и телеграммы. Быть может, В. А. Рышков предупредил Вас по нашему телефонному разговору, что я не буду. Простите, что до сих пор я не имел возможности даже извиниться перед Вами.

Книгу Вашу получил. Очень благодарю. К сожалению, размеры литературных статей в «Б<иржевых> В<едомостях>» настолько сужены, что не удастся написать ничего порядочного и придется ограничиться только отметкой.² Немножко жалко, что книжка запоздала. В день юбилея о ней можно было написать.

Душевно Ваш
А. Измайлов

Авторизованная машинопись, дата, обращение, подпись – автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 29.

¹ О спектакле Московского художественного театра см. рецензию Измайлова: *Смоленский [Измайлов А. А.]*. Около рампы: «Ревизор» у «станиславцев» // Биржевые ведомости. 1909. Веч. вып. 2 апр. № 11035. С. 3 (то же: Утр. вып. 3 апр. №11036. С. 6).

² См. п. 31, примеч. 3.

29

Щеглов – Измайлову

21 апреля 1909 г., Петербург

Вторник, 21 апреля 1909 г. 9 ч. утра.
(Литейный д. 28, кв. 25)

«Пункты»

1.

На днях собираюсь в Москву.¹

2.

Черкните 1 строку: где рассчитываете *остановиться в Москве*, дабы на закате Гоголевских дней устроить таинственный литературный банкет (+ В. Рышков).

3.

Простите за статейку: масса мелочей перед сборами в Москву!

4.

Живу мечтой именно в *Москве побеседовать по душе!*

Жду в печати «Помрач<ения> кумиров» с великим нетерпением!!²

Ваш весь Щеглов

Простите за почерк!!...

Р. S. Надпись на книге делаю на *послед<ней> страниц<е>*, чтобы не промочить рис<унок> Репина.³

Штильманиада, т. е. «национальное лицо»?⁴

Автограф (на именном бланке): РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 1–1 об. На бланке: «Иван Леонтьевич Леонтьев (Щеглов) / Заведующий Литературным отделом газеты “Слово” / Личные переговоры исключительно в помещении редакции (Невский пр. 92). / По пятницам от 6–7 в. / По субботам от 4–5 в.».

¹ См. примеч. 1 к п. 30.

² Имеется в виду сборник «Помрачение божков и новые кумиры» (М., 1910).

³ На титульном листе и шмуцтитуле книги Щеглова «Подвижник слова: Новые материалы о Н. В. Гоголе» (СПб., 1909) были помещены два рисунка И. Е. Репина. Во вступительных словах «От автора» Щеглов выражал благодарность художнику: «Бесконечно тронут сердечной отзывчивостью дорогого Ильи Ефимовича Репина, одухотворившего скромный труд мой двумя гениальными набросками, отмечающими как раз два наиболее трагические момента из жизни автора “Мертвых душ”: обличение Гоголя “Отцом Матвеем” и, как прямой его результат, сожжение второй части этих самых “Мертвых душ”...» (Там же. [1] с.).

⁴ Фраза написана поверх перечеркнутого печатного текста бланка. *Георгий Николаевич Штильман* (1877–1916) – юрист, публицист, сотрудничавший в газ. «Товарищ» и «Русское слово», был редактором газ. «Слово».

30

Измайлов – Щеглову

22 апреля 1909 г., Петербург

С.-Петербург. 22 апр<еля> 1909

Дорогой Иван Леонтьевич,

Сердечно благодарю за книгу и надпись. В Москву еду, вероятно, 24-го, в 9.¹ Там толкнусь первым долгом в Лоскутную.² Если не будет мест – в Больш<ую> Московскую,³ в Метрополь.⁴ «Боярский двор»⁵ хорош и хорошо кормит, но немножко беспокожны №№ и далеко от всех центров. – Лелею мечту о славной встрече.

Ваш весь Измайлов

Автограф (на бланке редакции «Биржевых ведомостей»): РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 30. Адрес на редакционном конверте: «Е-го> В<ысокородию>, И. Л. Щеглову-Леонтьеву. Уг<ол> Литейного и Артиллер<ийского>, д. 28». На обороте, рукой Щеглова: «22 апреля. 1909 г. *Измайлов*» (л. 32).

¹ Речь идет о поездке в Москву, где проходили торжества по случаю 100-летия со дня рождения Н. В. Гоголя: премьерные спектакли по пьесам драматурга, открытие памятника Гоголю работы Н. А. Андреева (состоялось 26 апр. 1909 г.). Измайлов присутствовал 27 апр. на торжественном заседании Общества любителей российской словесности; о нем см.: *Измайлов А. А.*: 1) Испорченный молебен // Русское слово. 1909. 28 апр. С. 4; 2) Скандал на гоголевском празднике // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 29 апр. С. 4. О юбилее Гоголя см. также: *Измайлов А. А.* Гениальный первоученик: (К столетию рождения Гоголя) // Там же. Утр. вып. 20 марта. № 11017. С. 1; *Смоленский [Измайлов А. А.]*. Поддельный Гоголь // Там же. С. 1.

² Имеется в виду Лоскутная гостиница в Москве на Тверской ул. (д. 89), основанная *Иваном Федоровичем Мамонтовым* (1802–1869). Гостиница считалась образцовой, здесь любили останавливаться многие русские писатели. Один из мемуаристов писал: «Когда бы вы ни приехали, непременно стоит кто-нибудь из пишущей братии» (*Круглов А. В.* Пестрые страницы (Из литературных воспоминаний) // *Круглов А. В.* На исторической реке. Великий Новгород, 2016. С. 246).

³ Большая Московская гостиница, находившаяся также на Тверской, близ Воскресенской площади, была основана в 1878 г. на месте Гуринского трактира. В трактире, сохранившемся и при гостинице, любил бывать Чехов.

⁴ Гостиница «Метрополь» (Театральный проезд, д. 2) открылась в 1905 г. (строительство было завершено в 1901 г., но здание пострадало от сильного пожара); построена на месте известной Чельшевской гостиницы.

⁵ Гостиница «Боярский двор» была построена Московским страховым обществом по проекту Ф. О. Шехтеля в 1901–1903 гг. в Китай-городе (Старая площадь, д. 8).

31

Измайлов – Щеглову

11 мая 1909 г., Петербург

Дорогой Иван Леонтьевич,

А я уже давно в Питере и впопыхах. Спасибо Вашей весточке и комплименту за Аксакова, – не стою.¹

Очень жалею, что не устроился наш поэтический обед втроем. С Рышковым я все-таки пообедал в Б<ольшой> Московской после встречи с ним на «Театр<альном> Разъезде».² Возмутительно кормит Москва. Не корм, а разврат. Я просто язык проглотил вместе с их балыком. Точно не ешь, а на постели лежишь, – извините за несвойственный мне цинизм.

Очень-очень стою за рандеву в Питере.

Бренную заметку о «Подвижнике слова» посылаю. Это из «Бирж<евых> В<едомостей>».³ – Простите за свинство. – В Москве в гоголевские дни, когда удобно было дать о книге, я был прямо без ног. Я не считаю еще потерянными дела, и, м<ожет> б<ыть>, мне предоставят дать общий обзор литер<атуры> о Гог<оле> в «Р<усском> Сл<ове>».⁴

По недоразумению написал Вам на бланке,⁵ заказанном мною для лиц, вопрошающих у меня – «есть ли у меня талант» («Акулинушка, – есть у меня хвост» – см. Глеба Успенского).⁶ Это стало превышать всякую меру деликатности настолько, что я заказал бланки.

Обнимаю Вас.

Ваш А. И.

Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 34–34 об., 38. Дата рукой Щеглова в левом верхнем углу л. 34: «11 мая 1909». Адрес на редакционном конверте «Биржевых ведомостей»: «Москва. “Кокоревское Подворье”, Бульварный Корпус, № <край обрезан>». / Ивану Леонтьевичу Щегло<ву> (Леонтье<ву>) (За отъездом – переслать в СПб., Литейный, Угол Артил<ерийского>, д. 28)» (л. 35). *Почт. шт.*: 12.5.1909. На обороте конверта рукой Щеглова: «7 ч. п<ополу>д<ни>. Втор<ник> 12 мая. 1909 г. Москва. Изм<айлов>. <Изм>айлов <?>. Измайлов. 1, “Бир<жевые> Ве<домости>” рецензия. 2, Свид<анье> в Петербурге. 3, В Моск<ве> (усил<енно?> читая <?>»». Приложенные вырезки: л. 36, 37; л. 38 – печатный бланк отказа авторам.

¹ Речь идет о статье: *Измайлов А. А.* Дедушка русского бытописательства: (к 5-летию смерти С. Т. Аксакова). 1859 – 30 апреля 1909 г. // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1909. 30 апр. № 11082. С. 3.

² Имеется в виду постановка, приуроченная к Гоголевским торжествам в Москве. «Торжественный спектакль» состоялся 28 апр., во вторник, в Малом театре.

³ Вырезки с рецензией Измайлова, напечатанной без подписи, вложены в письмо: «В свое время И. Щеглов (Леонтьев) издал интересную книгу о Пушкине. К юбилею Гоголя он выдал в свет книгу о Гоголе – “Подвижник слова”.

Здесь много интересных материалов, собранных лично автором из бесед с людьми, знавшими самого Гоголя, о. Матвея Константиновского и т. п.

Щеглов – по существу беллетрист и лучшее в его книге талантливый рассказ “Полночный ревизор”, – в манере лесковского “рассказа кстати” переданный анекдот о том, как попавшая в житейские тиски труппа разыграла, по просьбе монахов, в одном монастыре ночью гоголевского “Ревизора” и как это приняли монахи.

В свое время этот рассказ был напечатан в “Биржевых Ведомостях”.

Книга Щеглова украшена двумя рисунками И. Репина – “Гоголь и о. Матвей” и “Гоголь, сжигающий «Мертвые души»”. Она является одною из наиболее ценных книг, появившихся к юбилею» (В литературном мире // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1909. 5 мая. № 11091. С. 4).

⁴ Обзор, о котором пишет Измайлов, по-видимому, подготовлен не был.

⁵ Письмо было написано на обороте типового письма, заказанного Измайловым для отказов на просьбы многочисленных читателей об откликах на произведения:

«М. Г. Каждый день несет мне так много предложений устроить рукопись в журнал или у издателя, прочитать присланные книги или вырезки газетных статей и высказать о них мнение, ознакомиться с рукописью и написать о ее достоинствах и недостатках, что я не только лишен всякой возможности хотя бы просматривать присылаемое, но даже и отвечать каждому из авторов иначе, чем печатным бланком. Я вынужден отказаться от чего-либо одного или от чужих дел, или от своего личного литературного труда, который есть и единственный источник моего существования. Извиняюсь поэтому, что не могу ответить согласием и на вашу просьбу.

Присланные вами материалы я возвращаю одновременно с этим письмом заказною бандеролью».

⁶ Неточная цитата из рассказа Г. И. Успенского «Первая квартира» (1866), в 1883 г. включенного в цикл «Столичная беднота». Швее Акулина, героиня этого произведения, вспоминала своего соседа, отставного чиновника: «Иной раз, слышь, зовет меня... Придешь к нему, а он: “Акулинушка, говорит, есть у меня хвост?” – “Да и какой еще большой, говорю”. Просто смехи – смехи неописанные!»).

32

Измайлов – Щеглову

Начало августа (?) 1909 г., Петербург

Дорогой

Иван Леонтьевич,

Не откажите прислать, *как только возможно скоро*, снимок с Вашим портретом, непременно на лоне природы. Мы дадим это немедленно в «Огонек». Ничего, если в семейной обстановке.¹

Если нужно, вернем оригинал с благодарностью. Чем оригинальнее Ваш костюм, Ваша поза, тем нам приятнее. Будьте добры прибавить к этому несколько строк Ваших летних впечатлений и сообщение о новых работах.

Приберегите 30 авг<уста> для меня.

Душевно Ваш
А. Изм.

Машинопись (на редакционном бланке «Биржевых ведомостей»), обращение, последние строки (от слов «и сообщение») и подпись – автограф: РО ИРЛИ, 808, л. 48. «1909» подписано карандашом. Измайлов использовал заготовленный заранее шаблон письма.

¹ На приглашение Измайлова Леонтьев не отреагировал. Традиционно в сентябрьских выпусках «Огонька» печатались сообщения о летнем времяпрепровождении писателей, артистов, художников, депутатов Государственной думы. В 1909 г. такие публикации с фотографиями общественных деятелей и с небольшими репликами о летнем отдыхе появились в № 38–41 еженедельника. Под заглавием «Как проводили лето писатели и артисты» в № 38 были представлены фотографии М. Г. Савиной, Е. Н. Чирикова, Ф. Ф. Фидлера, А. А. Измайлова, Г. С. Петрова, П. А. Сергеевко, С. В. Яблоновского, Б. А. Лазаревского, М. П. Арцыбашева, К. С. Баранцевича, К. М. Фофанова и др.; в выпуске № 39 – фотографии Л. Н. Андреева и Л. Н. Толстого; в выпуске № 41 – сообщения о летнем отдыхе и фотографии И. С. Рукавишника, А. И. Куприна, А. Лугового.

33

Измайлов – Щеглову

27 августа 1909 г., Петербург

Дорогой

Иван Леонтьевич,

Хоть и знаю Ваши предубеждения против Острова, и тяготы пути, и немощь Вашу, – все-таки усиливаюсь залучить Вас на мой скучный праздник сего, 30-го (от 8 часов, В<асильевский> О<стров>. 17 линия, д. № 70). Будет только своя братия. Никаких Штильманов.¹ Буду страшно огорчен Вашим отсутствием.

Приезжайте, дорогой, и забудьте о существовании почты и телеграфов.

Ваш искренно

А. Изм.

27/VIII.

Машинопись, последний абзац, подпись и дата – автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 39. Датируется по содержанию.

¹ См. примеч. 4 к п. 29.

34

Измайлов – Щеглову

3 декабря 1909 г., Петербург

Дорогой Иван Леонтьевич,

Повидаться с Вами я бы сам рад душой. Но горю! Не увидимся ли сегодня, на юбилее Шубинского?¹

Это самое обстоятельство (в связи с дневным юбилеем Скроботова)² лишили меня возможности быть сегодня на пьесе Вашей и Рышкова.³ Будет Арабажин,⁴ коего я попрошу сделать то, что должен был бы сделать я.

Как жаль, что никогда не увидимся!

Ваш душой А. И.

Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 41–41 об. Дата «3/XII 1909». Адрес на конверте журн. «Огонек» (машинопись): «Его Высочородию Ивану Леонтьевичу ЩЕГЛОВУ-ЛЕОНТЬЕВУ. Литейный пр. д. № 28, угол Артиллерийского, кв. 20. ЗДЕСЬ»

(л. 42). На обороте конверта, рукой Щеглова: «Четверг, 3-го декабря 1909 г. Отв<ечал> 4 дек<абря> (за незд<оровьем> <?>). Анкета (Руманову <?>)».

¹ Имеется в виду 50-летие литературной деятельности и 30-летие редакторства в журн. «Исторический вестник» *Сергея Николаевича Шубинского* (1834–1913).

² Измайлов участвовал в депутации от «Биржевых ведомостей» на праздновании 40-летия литературной деятельности *Николая Александровича Скроботова* (1841–1920). В отчете о юбилее сообщалось: «В роскошном деревянном футляре, на котором были изображены инициалы юбиляра, перо и карандаш, находился адрес, написанный на пергаменте красивым славянским шрифтом. В депутации участвовали гг. В. А. Бонди, И. И. Ясинский и А. А. Измайлов. В. А. Бонди обратился к юбиляру со следующими словами: “Сегодня дорогой для Вас и для редакции «Петроградского листка» день. Редакция «Биржевых ведомостей» в лице ее издателя С. М. Проппера шлет Вам привет и пожелания всего лучшего”. После этого А. А. Измайлов читает адрес: “Многоуважаемый Николай Александрович! Сорок лет прошло с того дня, как юношью, полным сил и бодрости, Вы взяли в руки перо скромного журналиста. Роль литературного наблюдателя жизни, со всеми ее цветами и красками, влекла Вас в эту область, как влечет всех людей живого ума и сердца, отзывчивого на человеческое горе и радости и на прекрасную человеческую игру – искусство. <...> Сорок лет, как журналист, и двадцать пять лет, как руководитель газеты, Вы вели свою борозду, коллективно работая над двадцатью пятью томами красочных мемуаров конца века. <...> Вы отдали себя этой работе, уча средне-общественные слои и народ. Знаю только трудовые дни и рабочие ночи, сколько Вашего личного труда вложено в эту двадцатипятилетнюю историю русских будней, которая называется «Петербургский листок»”» (Юбилей Николая Александровича Скроботова // *Петербургский листок*. 1909. 3 дек. № 332. С. 1–2).

³ В. А. Рышков, см. примеч. 3 к п. 1.

⁴ *Константин Иванович Арабаджин* (1866–1929) – литературный и театральный критик.

35

Щеглов – Измайлову Декабрь 1909 г., Петербург

С.-Петербург, декабря <> дня 1909 г.
Литейный пр. д. 28, кв. 25 (угол
Артиллерийского переулка)

Простите ради всех святых, существующих на земле Русской, мое невольное невежество и не подумайте, чтоб я не сумел оценить по достоинству Ваше доброе внимание...

Но мне решительно невозможно выбраться на Васильевский остров в воскресенье утром.

Вы спросите почему.

Нечего делать, приходится выдать секрет моей жизни. Это почти тот же секрет, что у известной Диккенсовой лошади в Пиквикском Клубе, лошади совсем слабой, но исполняющей свой долг благодаря хорошей упряжи. Лошади к изумлению мистера Пиквика пятьдесят два года.

Видите ли, сэр, объясняет извозчик, как скоро мы ее выпрягаем, она тотчас же сваливается и падает на землю; но когда мы держим ее в тесной и короткой упряжи, упасть ей уж никак нельзя через оглобли.¹

Мой режим – это мои оглобли, и так как я его держусь строго почти пять лет, это единственная причина, что я еще не совсем свалился. Работаю я исключительно по утрам, и если бываю где-либо утром, то в самых крайних случаях и то после двух часов. Время же, когда я себя немного лучше чувствую, это около девяти часов вечера, и в эти часы я иногда посещаю моих друзей.

Не позволите ли возместить воскресенье посещением Васильевского острова после праздников как-нибудь вечером.

В театрах и на больших собраниях я почти не бываю. Жизнь не веселая, но ничего не поделаешь.

Мой заочный поклон Вашей супруге.²

Машинописная копия: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 1194, л. 5–5 об.

¹ По памяти воспроизведен эпизод из начала второй главы романа Чарльза Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба». Леонтьев неточно указывает возраст лошади. В романе ей – 42 года.

² *Клавдия Владимировна Измайлова* (в первом браке де Пляны (Депляны); 1877 – после 1941) – гражданская жена А. А. Измайлова; эмигрировала в 1918 г., вернулась в СССР в 1938 г. После возвращения в СССР носила фамилию Измайлова.

36

Измайлов – Щеглову

20 января 1910 г., Петербург

Дорогой Иван Леонтьевич,

В разговоре со мною на днях В. М. Дорошевич (в Р<усском> Слове – «всё») выразил мне желание заполучить Вас в сотрудники газеты, – не только, разумеется, по части литер<атурных> воспоминаний, где Вы так исключит<ельно> интересны, – но и по части живых *фельетонов на злобы дня*. *Размеры* – и большие, и малые. *Малые еще предпочтительнее*, – зато можно чаще.

По-моему, Вы сделали бы чудесно, если бы облюбовали особ<енно> для Вас «вкусную» темку, сделали ее с шиком и *направили Власу Мих<айлови>чу*, сославшись на меня. Вы знаете, ч<то> я человек очень осторожный и политичный, и если я об этом Вам так решительно пишу, то это значит, что я преуменьшаю выражения, а не преувеличиваю.¹

Душевно Ваш А. И.
20/1.
1910

Автограф (на почтовой карточке): РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 44–44 об. Год подписан позднее карандашом.

¹ С закрытием в июле 1909 г. газ. «Слово» Щеглов оказался без постоянного заработка. В письме речь идет о возможности подработки в «Русском слове», где Измайлов вел литературно-критический фельетон и где имел связи. Критик был одним из коллег Леонтьева, кто участвовал в его судьбе. Подробнее об этом см. во вступительной статье.

37

Измайлов – Щеглову

26 января 1910 г., Петербург

С.-Петербург. 26 янв<аря> 1910

А. Измайлов

Дорогой Иван Леонтьевич,

Очень рад, что Вы согласились. Чем скорей, – тем лучше!

Да, напишите Дорошевичу (Кирочная, 9). Он о Вас говорит так тепло. Так сочувственно отзывается о Вашем «Гоголе»,¹ к<ото>рого читал больной в Гоголевские дни. Да не худо бы и лично познакомиться с ним. – Обнимаю.

Автограф (на редакционном бланке «Биржевых ведомостей»): РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 51. Адрес на конверте «Биржевых ведомостей»: «Уг<ол> Литейного и Артиллерийского, д. 28, / Е<го> В<ысокородию> / И. Л. Леонтьеву» (л. 53). На конверте рукой Щеглова (обведено в рамку): «Влас Михайлович Дорошевич. Кирочная, д. № 9, кв. № 3. (Квар<тира> на имя Ольги Мих<айловны> Дорошев<ич>)». На обороте конверта, Щеглов: «Дорошевич. (Кирочная, 9) ??? Измайлов. Вторник 20 янв. 1909».

¹ Имеется в виду книга Щеглова «Подвижник слова».

38

Измайлов – Щеглову

15 февраля 1910 г., Петербург

Милый Иван Леонтьевич,

Не знаю, как благодарить Вас за «Записн<ую> книжку», мне посвящаемую,¹ Боюсь только, что при Вашей занятости этого намерения судьба не позволит Вам осуществить даже при самом искреннем Вашем желании.

С Дорошев<ичем> буду говорить при первом же свидании.

Сколько ценно было бы услышать от Вас нечто подробнее о религии Чехова! Мне предложили в Москве прочесть и в этом году лекцию.² Если бы мне удалось обогатить свою статью многочисленными фактич<ескими> данными от друзей и близких Чехова, я бы рискнул предложить им эту тему.

Посему особенно жаждал бы Вас увидеть. Кстати идет масленица. Се что добро или что красно, но еже ясти братии блины вкупе.³

Обнимаю Вас.

15/II.

Пишу письма на машинке и не подписываю. Так думаю обмануть вечность, потомство и Фрица Фидлера.⁴

Авторизованная машинопись, обращение, последняя фраза, дата и приписка – автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 45 об.–46. Адрес на конверте «Биржевых ведомостей» (машинопись): «СПб., Угол Литейного и Артиллерийского, д. № 28. Е<го> В<ысокородию> Ивану Леонтьевичу ЩЕГЛОВУ-ЛЕОНТЬЕ<ВУ>» <край обрезан> (л. 47). Почт. шт.: «16.2.1910». На конверте рукой Щеглова: «А. Измайлов. * О Чехове. * Воскр. 16 февр<аля> 1910 г. 7 часов» <исправлено, было: 4 часа>.

¹ Подразумевается намерение посвятить Измайлову статью в цикле «Из записной книжки русского писателя».

² См. примеч. 1 к п. 39.

³ Шуточный парафраз стиха из Псалтыри: «Се что добро или что красно, но еже жити братии вкупе» (Пс. 132: 1).

⁴ Имеется в виду известный петербургский коллекционер писательских автографов и «реликвий», переводчик и педагог *Федор Федорович* (Фридрих Людвиг Конрад) *Фидлер* (1859–1917).

39

Измайлов – Щеглову

21 февраля 1910 г., Петербург

С.-Петербург Воскр<есень> <?> 21 фев<раля> 1910

Дорогой Иван Леонтьевич,

Еду ко 2-му марта в Москву, читаю там лекцию «Религ<ия> Чехова».¹

Если бы Вы урвали неск<олько> минут и набросали мне нечто еще о том, кем Вам в эт<ом> отнош<ении> казался Чех<ов>, – Вы оказали бы мне бесконеч<ную> услугу. Заехал бы лично, но проклятая суета! А теперь еще занялся и лекцией.

Будьте милым, как всегда. Набросайте какими угодно *каракульками*, – я *разберу*. Не дописывайте слов, не круглите фраз. Дайте телеграфные данные.

Душевно Ваш

А. Измайлов

21/П

Автограф (на редакционном бланке «Биржевых ведомостей»): РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 59. Адрес на редакционном конверте: «Угол Литейного и Артиллерийского, д. № 28, / Е<го> В<ысокородию>, / Ив<ану> Леонт<ьевичу> *Леонтьеву*» (л. 61). На обороте рукой Щеглова: «Лекция. О Чехове. А. А. Измайлов. По<не>д<ельник>. 21-го февраля 1910 г.». Расписка в приеме заказного отправления «22.2.10». На ней рукой Щеглова есть помета: «Измай<лов> (О Чех<ове>)» (л. 62).

¹ Речь идет о лекции Измайлова «Был ли религиозен А. П. Чехов», прочитанной в Литературно-художественном кружке им. Я. П. Полонского в зале Петровского училища (наб. Фонтанки, 62). Впоследствии лекция была повторена в Москве. В «Русском слове» в связи с выступлением критика сообщалось следующее: «Лектора любят в Москве. Да и тема, затронутая им, очень интересна. Зал кружка был поэтому полон (...) Г. С. Петров передавал лектору: – „Мне казалось, что в последнее время своей жизни Чехов хотел о чем-то заговорить со мной. Мне кажется, – о вере и Боге“. Беллетрист Грузинский говорил: – „Никогда за свою жизнь Чехов не сказал и не написал ни одного кощунственного слова“. Эти и многие другие факты приводят лектора к такому заключению: Чехов не был судорожно мучим верой. Но он не был и индифферентен в вере. Вся жизнь его – раздвоение между верой и неверием. Чехов как бы так говорил: – Я верю, но по-своему. Он плоть от плоти и кость от кости своего поколения, вера которого переплетается с неверием» (А. П. [Ланкратов А. С.]. Был ли религиозен А. П. Чехов // Русское слово. 1910. 3 марта. № 50. С. 4–5).

Измайлов обращался ко многим литераторам, лично знавшим Чехова, за различными биографическими сведениями для своих работ о писателе, впоследствии вошедших в его неизданную работу «Чехов. 1860–1904. Биографический набросок» (1916) – первое исследование творчества писателя, опиравшееся на многочисленные биографические и историко-литературные сведения. Отдельный исследовательский интерес вызывало у Измайлова

отношение Чехова к религии, главу по этой теме он готовил для своей книги о писателе. За разъяснениями по этим вопросам критик обращался к современникам писателя, см., например, его письмо к Г. С. Петрову (А. А. Измайлов: Переписка с современниками. С. 586–588).

40

Щеглов – Измайлову

12 апреля 1910 г., Петербург

10 ч. утра

Литейный 28, кв. 25. Понедельник, апреля 12 1910 года. 10 ч. утра

1.

Вчера для меня был на редкость счастливый день!!!

Это *первое* доброе слово о «Рассказах»¹ будет очень чревато для меня душевными и творческими последствиями!!.....

Что бы еще ни писали о них, но за *ним* остается обаяние *первого* дружеского отголоска!. (И это трудно забыть!!.)

2.

Вы очень снисходительно отнеслись к внешности книги, душевночтимейший Александр Алексеевич!.. Крайность вынудила меня отдаться дешевой типографии, и она наградила меня удручающим количеством «опечаток».....

На другой раз буду осторожнее! (Типография Нов<ого> Врем<ени> предлагала мне печатать за плату *вдвое*.)

3.

В понедельник, 2 часа, 26-го апреля – «Гоголевские Макароны» (70-летний макаронный юбилей!). Будут все Ваши друзья, и будет, разумеется, *отдельное* извещение!!.....²

Обнимаю Вас крепко и нежно!

Преданный И. Щеглов

P. S. Пишу неприлично-кратко, ибо перед Праздником работы сверх макушки!

P. S. Да, я не умею писать «из головы», – и очень благодарен за это слово!! Оттого я и мученик!...

Автограф (на писчем бланке «Для памяти»): ОР РНБ, ф. 124, ед. хр. 4962.

¹ Щеглов благодарит Измайлова за рецензию на сборник его рассказов. Титульный лист сборника с дарственной надписью Измайлову см. в Приложении (№ 4).

² Подобную встречу Измайлов упоминает в статье «Трагедия тоскующего юмориста: (Литературно-критический очерк об И. Л. Щеглове-Леонтьеве)». Показательно, что в эпизоде о «тематических» собраниях в Артиллерийском переулке Измайлов приводит текст приглашения на подобную встречу, а также отрывок из письма Леонтьева со словами сожаления об отсутствии, очевидно, автора статьи. Предположительно, приведенные Измайловым отрывки двух писем были обращены к критику и затерялись при подготовке вступительной статьи: «Маленькие свидания с литературными друзьями, которые были для него своего рода праздником, он старался приурочивать к каким-нибудь дням рождения Пушкина или

Гоголя. Он затевал у себя в уголке, в Артиллерийском переулке, какие-нибудь “макаронны по-гоголевски” и ближайшим друзьям закидывал записки: – “В понедельник, 26 апреля, в 2 часа пополудни, у Ивана Щеглова будут гоголевские макароны, – 70-тилетний макаронный юбилей... В надежде, что вы почтите вашим аппетитным вниманием”. Ему было не лень присоединить к этому выписку, кажется из Анненкова, о том, как в 1840 году Гоголь приготавливал макароны. “Повар подал макароны не совсем доваренные. Гоголь положил сначала множество сливочного масла” и т. д. Очевидно, весь под впечатлением этого воспоминания он писал письмо товарищу, не имевшему возможности посетить его завтрака. – “Только что ушли из моей артиллерийской берлоги Альбов, Баранцевич, Фидлер, Ясинский, Богданов-Бельский и т. д. Макароны удались очень счастливо. Все было в итальянском гоголевском стиле. Память Гоголя почтили трогательным вставанием. Чуть не плакал, что вас не было... Решено и на будущее время памятовать у меня Гоголя...”» (*Измайлов А. А.* Трагедия тоскующего юмориста: (Литературно-критический очерк об И. Л. Щеглове-Леонтьеве) // *Щеглов И.* Народ и театр: очерки и исследования современного народного театра. С. XVI).

41

Измайлов – Щеглову

25 апреля 1910 г., Петербург

Дорогой

Иван Леонтьевич,

Вот какое со мной приключение: как раз в понед<ельник>, и как раз в 2 – заседание в Академии, неотложное. Освобожусь не раньше пяти. Макароны протынут.¹ Всей душой жалею, что так случилось. Черт бы их драл!

О Кавелине сдам Гаккебушу, – наверное пройдет.² Бонди уехал в Египет.

За что мне на Вас сердиться? Что Вы, милый Иван Леонтьевич!

Душевно Ваш

А. Изм.

Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 50. *Почт. ут.*: 25 апр. 1910.

¹ См. примеч. 2 к п. 40.

² Имеется в виду статья: *Вл. Б. [Боцяновский В. Ф.]* Памяти К. Д. Кавелина: (К 25-летию его смерти). 3-го мая 1885 – 3 мая 1910 г. // Биржевые ведомости. Утр. вып. 1910. 2 мая. № 11692. С. 1.

42

Щеглов – Измайлову

28 апреля 1910 г., Петербург

(Литейный пр. д. 28, кв. 25)

28 апреля 1910, среда, (9 ч. утра)

1.

Сверхдобрый Александр Алексеевич, – ради Бога, простите за надоедливость: в моей заметке о *Кавелине* (Забывтый знаменитый дом. К юбилею Кавелина) в конце вкралась *неточность*, а посему усердно прошу *конец* пустить в *изменном, прилагаемом виде*:

<далее знак: стрелка, указывающая направо, приложенный текст не сохранился, поскольку был передан в редакцию.>

Автограф (на именном писчем бланке): РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 180, л. 3.

43

Щеглов – Измайлову

28 августа 1910 г., Петербург

СПб, Литейный просп<ект>, д. № 28, кв. № 25
(угол Артиллерийского переул<ка>)

Суббота,

28 августа 1910 г.

1.

Едва жив, дорогой Александр Алексеевич, – вернее: «полужив»!!.... Еще в конце мая месяца переползли через мой порог разные невзгоды и огорчения – и, в результате, всё лето пришлось прокоптеть в артиллерийском кулуаре, не только безвыездно, но почти безвыходно!.....

Малодушно страшусь «за зиму», чувствуя уже теперь себя совершенно обессиленным душевно и физически.....

Не везет – да и только!..

2.

А сейчас – с *днем Ангела!!!*.

Видит Бог, – желаю Вам всем сердцем всяческого счастья: личного и литературного, петербургского и московского... словом, самой радостной улыбки жизни, такой же теплой и светлой, как сегодняшний золотой день, в который пишу сии строки!!!... Винават ли я, что обстоятельства загнали меня в уединенную, сторонящуюся людского сборища жизнь – и потому не сердитесь на меня, родной мой; а лучше, по-товарищески, пожалейте – искренно Вас любящего и издавна преданного Вам, Жана *Щеглова!*...

Автограф (на именном писчем бланке): РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 180, л. 2–2 об.

44

Измайлов – Щеглову

29 августа 1910 г., Петербург

Дорогой Иван Леонтьевич,

30-го авг<уста> – с 8 ч. братия и христиане собираются у меня (17 л<и-ния>. 70). Душевно обрадовали бы заездом. Будут свои.

Сердечно Ваш

А. Изм.

29/VIII.

Автограф (на почтовой карточке): РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 54. Адрес: «Его Высочородию / Ивану Леонтьевичу / *Щеглову-Леонтьеву*. / Угол Литейн<ого> и Артиллерийск<ого>, 28, 25». Датируется по содержанию.

Измайлов – Щеглову

17 октября 1910 г., Петербург

17/X.

Дорогой Иван Леонтьевич,

Что-то о Вас ни слуху, ни духу. Здоровы ли? Как настроение? Если нездоровы и настроение подлое, – пожмите мне руку, – у меня то и другое. Ослеп на один глаз, лечусь, мытарюсь, бросаю деньги и время и грущу о невозвратном.

Дорогой И. Л., – у меня к Вам огромная просьба. Для книги мне нужен автограф Чехова, – какие-ниб<удь> 5–8 строк, но непременно афоризм или что-ниб<удь> о себе.¹ – Не смею рассчитывать на Вашу добрую помощь? Вы знаете, что возврат автографа я считал бы *священным долгом*. Будьте добреньки, – забросьте открытку.

Ваш душевно Изм<айлов>

Автограф (на почтовой карточке): РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 57–58 об. Год в дате подписан карандашом

¹ Подразумевается книга Измайлова: «Литературный Олимп: Характеристики, встречи, портреты, автографы» (М., 1911). Критические очерки в издании сопровождаются автографами литераторов. Раздел о Чехове был представлен карандашным портретом работы Н. З. Панова с автографом писателя. О решении отказаться от воспроизведения автографа см. п. 47.

Щеглов – Измайлову и В. А. Бонди

22 октября 1910 г., Петербург

8 ч. веч<ера>

(Щеглов)

Литейный, д. 28, кв. 25. Пятница, октября 22, 1910 года

P. S. –

Моя заметка: «Графиня Эльвира»¹ великолепно набрана всего с единой ошибочкой, но эта единая весьма роковая и может подать повод к «письму в редакцию» какого-нибудь недогадливого полковника и т. д. Солдаты кабардинцы музыкантской команды разыграли действительно «Прекрасную Елену»,² но не во Владивостоке, а во *Владикавказе*!!

Соблаговолите, многодобрейший Владимир³ Александрович, оговорить роковую ошибочку в следующем выпуске Биржевых (вечерн<их>) Ведомостей!! Простите за неряшливый почерк, спешу опустить мою записочку в почтовый ящик

Предан<ный> И. Щеглов

P. S. У старинного французского драматурга *Пикара* есть пьеска, героями которой являются гад<а>лки и кудесники.⁴ Не даст ли Вам это идею драматизировать Ваши очерки??

Автограф (на писчем бланке «Для памяти»): РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 14–14 об.

¹ Статья Щеглова «Графиня Эльвира» (шарж и действительность)» (Биржевые ведомости. Веч. вып. 1910. 22 окт. (11982). С. 5) была посвящена поставленному Литейным театром фарсу *Евстигнея Афиногеновича Мировича* (Дунаева; 1878–1952) «Графиня Эльвира (шарж в 2-х действиях на солдатский спектакль в Н-ском полку)». Премьера состоялась 6 окт. 1910 г. (см. рецензию А. Р. Кугеля: Театр и искусство. 1910. № 42. С. 773). В 1911 г. «Графиня Эльвира» была поставлена автором в Кронштадтском театре.

² Оперетта Ж. Оффенбаха (1864).

³ Далее зачеркнуто: «Иванович».

⁴ *Луи-Бенуа Пикар* (1769–1828) – французский актер и драматург, директор театра «Одеон» (с 1816).

47

Измайлов – Щеглову

13 ноября 1910 г., Петербург

Дорогой Иван Леонтьевич,

Пишу, чтобы рассеять Ваше беспокойство, если оно есть. За недостатком времени я решил уже не давать автограф Чехова.¹ Ваше письмо не сходило с моего стола и никуда не сойдет. С нарочным я пришло его Вам на этой неделе. – А за доброту Вашу во всяком разе спасибо.

Ваш душой А. И.

Открытка. Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 55. Датируется по почтовому штемпелю. Адрес: «Угол» Литейного пр. и Артиллерийского, д. 28, / Егор Выхокородию / И. Л. Леонтьеву». Вверху рукой Щеглова: «А. Измайлов, Автограф Чехова / 14 ноября 1910 г.».

¹ См. примеч. 1 к п. 45.

48

Измайлов – Щеглову

31 декабря 1910 г., Петербург

31/ХІІ. Дорогому Ивану Леонтьевичу душевнейшие пожелания счастья. *Статья о Иерониме Иеронимовиче чудесная.*¹ Давно в наборе. За беглые заметки о «Смехе» – не осудите. Нет хуже быть чем ловеком, у которого в гербе один девиз:

некогда!

Измайлов

Автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 56. Открытка с изображением дворца Всемирной выставки в Брюсселе. Год установлен по почтовому штемпелю. Подпись сделана не Измайловым. Адрес: «СПб., / Угол» Литейного и Артиллерийского, / д. 28, / Егор Выхокородию / И. Л. Леонтьеву-Щеглову».

¹ Речь идет о статье: *Щеглов Ив.* Открытие Америки: (К сорокалетнему юбилею И. И. Ясинского) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1910. 4 апр. № 12106. С. 3–4. Интересно, что в 1891 г. Щеглов хотел использовать то же название для статьи о К. Н. Леонтьеве (не была написана).

Щеглов – Измайлову

1 января (?) 1911 (?) г., Петербург

С Новым Годом, дорогой Александр Алексеевич!. От сердца желаю возможно больше *лично*го счастья!! Всякого столичного и литературного, думается, у Вас достаточно до преемления.

Как мы давно не виделись и как бы мне хотелось провести вечерок совместно с Вами и Иеронимом – когда уляжется праздничная суета (например *после 15 января*)???

Назначьте сами: – почумище (т. е. в каком кабарэ). Для Вас вылезу из моей артиллерийской берлоги.

Преданный Вам И. Щеглов

Автограф: РО ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, ед. хр. 180, л. 4–4 об. Поздравительная открытка без даты с изображением летящей девушки с крыльями летучей мыши, в лиловом хитоне и золотых сандалиях. Датируется по содержанию.

Измайлов – Щеглову

12 января 1911 г., Петербург

С.-Петербург 12 января 1911 г.

Милый

Иван Леонтьевич,

Только вчера, придя в себя после выбивавшего до известной степени и меня из колеи юбилея И<еронима> И<еронимовича>, я сознал свое великое свинство перед Вами. В день Ваших именин¹ я не послал Вам даже простого привета, а на другой день, увидя Вас на юбилее, даже не мог [Вас поздравить и] извиниться. Простите меня великодушно, как прощали за многие мои раньше грехи, зная, что я действительно в *вечной безумной* занятости.

Примите запоздалый, но сердечнейший привет и пожелания от души всякого благополучия!

В виду предстоящего юбилея Достоевского собираюсь побеспокоить Достоевскую.²

Не собираетесь ли Вы к ней?³

Я счастлив за И<еронима> И<еронимовича>. По общему суждению, юбилей прошел прекрасно. В самом деле, хотя поздно, но он достиг и примирения, и признания. И мне теперь вдвое противны те, кто даже в этот день предпочел политиканствовать и побоялся запятнать свое имя близостью к юбиляру и нам, его чтившим.

Ваш искренно
Измайлов

Авторизованная машинопись (на редакционном бланке «Биржевых ведомостей»), первое слово, предпоследняя строка и подпись – автограф: РО ИРЛИ. Архив И. Л. Леонтьева-Щеглова, 808, л. 63–63 об.

¹ Именины Щеглова – 7 (20) янв., в день Собора св. Иоанна Предтечи.

² 30-летие со дня смерти Ф. М. Достоевского – 28 янв. (9 февр.) 1911 г. См. также примеч. I к след. письму.

³ Щеглов был хорошо знаком с А. Г. Достоевской. См.: *Битюгова И. А.* И. Л. Леонтьев-Щеглов и Ф. М. Достоевский // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1994. Т. 11. С. 271–290. См. также: *Фетисенко О. Л.* Достоевский в «оптинском дневнике» И. Л. Леонтьева-Щеглова // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2014. № 32. С. 133–142.

51

Щеглов – Измайлову

27 января 1911 г., Петербург

Четверг. Января 27 1911 г. 10 <a>с. у<тра>

1.

Прилагаю (по случаю 30-летия со дня кончины Ф. М. Достоевского) отрывок из воспоминаний о нем!¹

2.

Применяясь к газете, старался быть сжатым...

3.

Не знаю как благодарить за поддержку Чеховско-Щегловской пьески!² Тронут бесконечно!!!!!!!..

4.

Простите, сверхдобрейший Александр Алексеевич, за *почерк!!!*. Страдаю от морозов. В мороз – я несчастный человек и не показываю носа! А в душе Ваш И. Щеглов

Автограф (на именном писчем бланке): РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, ед. хр. 102, л. 15. Адрес: «Здесь. Его Высокородию Александру Алексеевичу Измайлову. Васильевский Остров, 17-ая линия, д.<.> № 70, кв. № 9».

¹ См.: *Щеглов Ив.* Три мгновения: (Из воспоминаний о Ф. М. Достоевском) // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1911. 28 янв. № 12146. С. 4–5.

² Речь идет о водевиле «Сила гипнотизма», включенном в книгу Ив. Щеглова «Жизнь вверх ногами. Юмористические очерки и пародии» (СПб., 1911), с примечанием: «Шутка в одном действии Ан. Чехова и Ив. Щеглова». В предисловии к произведению Щеглов отметил: «В первый приезд А. П. Чехова в Петербург засиделись мы как-то с ним далеко за полночь, в трактире Палкина... Беседа от серьезных вещей перешла на веселые темы, и А. П., между прочим, импровизировал, в лицах, целый небольшой водевиль, который назывался “Сила гипнотизма”. <...> Затем Чехов уехал в Москву и временно позабыл о задуманном водевиле. Когда же я его спрашивал насчет пьески, он отговаривался отсутствием подходящего “водевильного настроения”. Затем он написал большую пьесу («Иванов») и водевиль отложен был на неопределенное время. В дальнейших своих письмах А. П. уже не упоминает про “Силу гипнотизма” и приглашает меня приехать к нему на лето, чтобы вместе написать большую веселую комедию. Намерению этому не суждено было, однако, исполниться, и, лишь после смерти Чехова, мне пришлось на мысль осуществить проектированное сотрудничество»

в ином виде: дописать на память, по словам и намекам А. П., – “Силу гипнотизма”. Если текст в реставрированной “Силе гипнотизма” принадлежит всецело мне, то весь сценарий и контуры действующих лиц слишком рельефно были намечены Чеховым, чтобы являлась необходимость от них отступать» (Там же. С. 215–217). О какой «поддержке» идет речь, установить не удалось.

ПРИЛОЖЕНИЕ ДАРСТВЕННЫЕ ИВАНА ЩЕГЛОВА НАДПИСИ НА КНИГАХ

1

«Добродушные рассказы» (СПб., 1901)

Александр / Алексеичу / Измайлову / в знак / истинного уважения / и глубочайшей / признательности / от *Автора* / СП, 3-го января / 1902 г.

2

«Юмористические очерки» (СПб., 1902)

Глубокоуважаемо<му> / Александру Алексеев<ичу> / Измайлову / на добрую память / его давнишний / читатель и / почитатель / Ив. Щеглов / СП, 3-го января 1902 <г.>

3

«В защиту народного театра» (СПб., 1903)

Глубокоуважаемому / Александру Алексеевичу / Измайлову / на нежную память / Душой преданный ему / Леонтьев / СП, 19 ноября 1903 г.

4

«Рассказы» (СПб., 1910).

Защитнику *русской* / Литературы и *русского* Литератора, душевно / чтимейшему / Александру Алексеевичу / Измайлову / С глубочайшей / признательностью / Старче / Иван Щеглов!.. / 1 апреля 1910 г.

5

«Смех жизни» (СПб., 1910).

Вместо всяких / слов, обнимаю / крепко и нежно / душевнопочтеннейшего / Александра Алексеевича (Измайлова) / и желаю ему / побольше отдыха / и побольше радостей / в *жизни!!!* / От / сердца: / Жан Щеглов / СП, 10 д<екабря> 1910 г.

6

«Жизнь вверх ногами. Юмористические очерки и пародии» (СПб., 1911).

Самоотверженному / словеснику дорогому / Алек. Алек. Измайлову / *преданный* / ему *сердечно* / хворый / Щеглов / СП, 24 фев. 1911 г.

Библиографический список

1. А. А. Измайлов: Переписка с современниками / сост., вступ. ст. А. С. Александрова; предисловия, подгот. текстов и примеч. А. С. Александрова, Э. К. Александровой, Н. Ю. Грякаловой. СПб.: Изд-во «Пушкинский Дом», 2017.
2. *Глинский Б. Б.* Среди литераторов и ученых: Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. СПб., 1914.
3. *Измайлов А. А.* † И. Л. Щеглов // Биржевые ведомости. Веч. вып. 1911. 4 июня. № 12355. С. 4.
4. *Измайлов А. А.* Литературные заметки // Биржевые ведомости. 1901. 12 нояб. № 309. С. 1–3.
5. *Измайлов А. А.* Театр, музыка и искусства // Биржевые ведомости. 1898. 4 нояб. № 301.
6. *Измайлов А.* Трагедия тоскующего юмориста: (Литературно-критический очерк об И. Л. Щеглове-Леонтьеве) // *Щеглов И. Л.* Народ и театр: Очерки и исследования современного народного театра: в 6 ч. СПб., <1911>.
7. *Кауфман А.* Памяти А. А. Измайлова // Вестник литературы. 1921. № 3 (27).
8. Первые литературные шаги: Автобиографии современных русских писателей / собрал Ф. Ф. Фидлер. М., 1911.
9. *Розанов В. В.* Памяти Ив. Леонт. Леонтьева-Щеглова // Собр. соч.: в 30 т. [Т. 21]: «Террор против русского национализма». СПб., 2011.
10. *Фетисенко О. Л.* Достоевский в «оптинском дневнике» И. Л. Леонтьева-Щеглова // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб., 2014. № 32. С. 133–142.
11. *Чуковский К. И.* Нат Пинкертон и современная литература // Собр. соч.: в 15 т. Т. 7 / сост. и подгот. текста Е. Ивановой и Е. Чуковской при участии О. Степановой. М., 2003.
12. *Щеглов И.* Наивные вопросы. СПб., 1903.
13. *Щеглов Иван [Леонтьев И. Л.]* «Не от мира сего» / вступ. заметка, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=Kyk00rNaf_c%3d&tabid=10833; <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=s8ykdiUkY3Q%3d&tabid=10833>;
14. *Щеглов Иван [Леонтьев И. Л.]* Как пирог с капустой «убил» Льва Толстого / вступ. заметка, подгот. текста и примеч. О. Л. Фетисенко // <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=9R2umJRx8VE%3d&tabid=108331>.
15. *Щеглов Иван.* Суровый добряк (Из воспоминаний о М. Е. Салтыкове-Щедрине) / вступ. заметка, подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // <http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=jvXvoJegcA0%3D&tabid=10833>; http://lib.pushkinskiydom.ru/LinkClick.aspx?fileticket=G0_9LqaQXaM%3d&tabid=10833.

**И. А. ГРИНЕВСКАЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ В КРАЯ СОЛНЦА
(О ВИДЕННОМ, СЛЫШАННОМ И ИСПЫТАННОМ)**

(Продолжение)

(*Публикация Е. А. Митник*)

Аннотация: Настоящая публикация – продолжение очерка И. А. Гриневской (1864–1944) «Путешествие в Края Солнца» <1911–1914>. Эти путевые заметки дают представление о том жизненном и творческом опыте, который обрела писательница, побывав в Турции, Греции, Египте и Палестине, познакомившись там с благородными личностями – носителями идей ее религиозно-исторических поэм. Размышляя на страницах очерка «о судьбах мира», автор с метким юмором описывает бытовой уклад столь разных жителей Востока и Запада, но вместе с тем столь похожих.

Ключевые слова: И. А. Гриневская, «Путешествие в Края Солнца», пророки Бáb и Беха-Улла (Бахаулла), бабиды-бехаиды (бахаи), Восток и Европа, политика, Греция древняя и начала XX в.

Abstract: This publication is a continuation of the essay by I. A. Grinevskaya (1864–1944) «Journey to the Lands of the Sun» <1911–1914>. These travel notes convey something of the experience and creative impulse the writer acquired when she visited Turkey, Greece, Egypt, and Palestine to meet the high-minded individuals whose ideas had inspired her religious and historical poems. Reflecting on «the fate of the world» on the pages of her essay, the author employs keen humor to describe the morals and manners of the peoples of the East and West – so different from each other, and yet so similar.

Key words: I. A. Grinevskaya, «Journey to the Lands of the Sun», the prophets Báb and Bahá'u'lláh, Bábís-Bahá'ís, East and Europe, politics, Ancient Greece and Greece of the early 20th century.

Настоящая публикация – продолжение очерка И. А. Гриневской (1864–1944) «Путешествие в Края Солнца»¹ (главы VII–VIII).

Над этим сочинением² писательница трудилась с 1911 по 1914 г., однако авторские сноски дают нам понять, что она возвращалась к нему на протяжении многих лет (см., например, ссылки в очерке на 1928 г.: РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 10, л. 143, 302).

Современники Гриневской отдавали должное ее многогранному таланту. Г. С. Веселитский-Божидарович в письме от 21 авг. (3 сент.) 1905 г. так вос-

¹ См.: *Гриневская И. А.* Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017. С. 434–491.

² Подробнее см.: *Митник Е. А.* Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 246–267.

хищался ее поэтическим даром: «Что за высокое произведение... Какое соединение редчайших достоинств... Нельзя их перечислить. Какую громадную сумму труда представляет поэма. Столь глубокое знание языка и какая власть над ним. Это язык Пушкина и Лермонтова, скорее Пушкина – по простоте и ясности, но некоторые стихи имеют Лермонтовский полет и блеск. Это тем удивительнее, что у Вас легкий нерусский акцент и Вы ищете слова для точного выражения Вашей мысли. Работа, следоват<ельно>, Вам не могла быть легкою. Как же могли Вы достичь такого обладания языком, чтобы выражать, ясным и звучным стихом, политические и социалистические понятия, этические и богословско-метафизические понятия. Из “Баба”, как из “Фауста”, можно было бы брать по строке для каждого дня, для каждого случая в жизни».³

Текстологическое исследование машинописи «Путешествия в Край Солнца» и других документов из архива И. А. Гриневской показало, что и эта работа «не могла быть легкою» для нее.

В комментариях мы попытались прояснить неоднозначные высказывания; сообщили фактические сведения, необходимые для понимания очерка. В основной текст были внесены только явные опечатки.

Автору присущ разноречивый в написании собственных имен. Так, имя Абдул-Баха (совр. написание) Гриневская транскрибирует по-разному, но чаще всего используется – «Абдул-Беха», чем мы и руководствовались, унифицируя по всему тексту это имя. Подобным образом мы поступали и в отношении других имен.

При наборе текста мы столкнулись с тем, что от времени выцвели чернила. Это весьма затрудняло прочтение машинописи, а подчас делало и невозможным, как, например, на вклейке с рукописной вставкой М. А. Мамедханлы⁴ (л. 15). Он состоял в длительной переписке с И. Гриневской и сопровождал ее в поездке на Восток. Этот ревностный бахаи читал некоторые ее сочинения (в частности, трагедию «Беха-Улла») на стадии подготовки к печати и давал ценные советы, стремясь к достоверности ее религиозно-исторических произведений. Он переводил для Гриневской с персидского языка письма Абдул-Баха к ней (см.: РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 2, № 244 и № 785, л. 166 об.–169). Когда мы впервые познакомились с машинописью ее очерковой книги (в нач. 2000-х гг.), чернила были более четкими, и мы тогда успели зафиксировать текст. Однако спустя 3 года центральную часть упомянутой вставки было уже практически не разобрать.

Кстати, по совету Мирзы Алекпера, писательница исправила в очерке некоторые слова и фразы, как например: «среди женщин **нового мусульманского бегаидского мира**»⁵ (л. 177).

³ Цит. по: РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 13, л. 35 (публикуется впервые). Следует отметить что в комментариях к «Путешествию в Край Солнца» также впервые были опубликованы некоторые выдержки из переписки И. Гриневской (см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. С. 487–489), что планируется делать и в дальнейшем.

⁴ Современным бахаи он известен под именем Мирза Али Акбар Нахджавани.

⁵ Исправление отнюдь не стилистического, а содержательного характера.

«Путешествие в Края Солнца» печатается по машинописи с правкой писательницы (РО ИРЛИ, ф. 55, оп. 1, № 10). Текст очерка приводится в соответствии с современными нормами орфографии, с сохранением отдельных пунктуационных особенностей оригинала. Трудночитаемые слова, сокращения и предполагаемые пропуски восстановлены в угловых скобках.

Приносим глубокую благодарность Ю. А. Иоаннесяну за научное консультирование, С. Ю. Митнику – за перевод фраз с французского языка (неразборчиво вписанных автором в машинописный текст), а также К. Поппу, Ш. Фаттахову, М. Шипли, И. Г. Верещагину, О. К. Мехтиевой, сотрудникам Рукописного отдела Пушкинского Дома и общине бахаи – за всемерную помощь.

И. А. Гриневская.
Путешествие в Край Солнца
(о виденном, слышанном и испытанном)

(Продолжение)

Глава VII

В Мраморном море. – Сон. – Греки на пароходе. – Куда едут и зачем некоторые греки. – «Политика». – Рассказ грека о «гражданской войне» в Греции из-за языка. – Праздные разговоры. – Кто были прежние греки. – Что такое морская зыбь. – Как мы развлекались во время переезда из Константинополя в Афины. – Пять дней карантина. – У островка близ Саламина. – Прогулки на островке. – Церковь на островке. – Решение польского вопроса на островке польскими девицами и русскими кавалерами. – Греческая харчевня. – Савва. – Жалоба грека на новые порядки в Турции. – Разговор с греком о русской литературе. – Беседа о Саламинской битве.

Возвращаюсь к впечатлениям о водах Мраморного моря.

Слишком усиленные занятия и хлопоты перед отъездом, волнующее меня чтение моей трагедии¹ моему спутнику, наконец, обилие новых впечатлений – раздражают мой мозг. Сон мой тревожен и полон грез.

«Мореплаватели» суеверны, и посещающие меня сны пугают меня.

Мир усопших открывается предо мной и точно врывается в мою жизнь. Как будто бы живой предо мною предстал умерший, а вместе с ним и живой сын его. Проснувшись, я подумала, случилось бедствие с этим живым, никогда не знавшим беды, человеком. А ведь сон был вещим. Вы смеетесь? Но ведь и сны, их сущность еще не вполне разгаданы. Почему-то из далеких краев потустороннего мира витал усопший вокруг меня, как бы с мольбой в те дни, когда готовилась беда для близкого ему существа. Кто знает? В моей записной книге сон этот отмечен ночью с 14 на 15 декабря ст<арого> ст<иля>, т. е. 28 дек<абря> нов<ого> ст<иля> (1910 г. – *Е. М.*).

А вот одна из грез...

Почернели вод глубины
И грозят издалека.
Вот, вот черная рука
Потянулась из пучины.
Колесо схватив машины,
Тянет пароход на дно...
Тянет вниз могучей силой.
Сердце ужасом полно.
Вижу вдруг я сквозь окно... –
Встала из своей могилы
Мать моя... о да... она...
Плачет горько... Слез потоки
Льются по щекам. Бледна...
Молит Бога: «Мать далека,
Но в беде я не одна...

Не одна, не одинока.
Думаю, восстав от сна...
Вот прошла гроза ночная...
Мне бедой грозила ночь,
Мать беду прогнала прочь.
Встала бодрою со сна я...
Кто б мне мог в беде помочь...
Коль не ты... моя родная...

Как я узнала, – нам в эту ночь грозила беда. Море бушевало и предвещало катастрофу...

Страшный сон рассеивается впечатлениями дня. На пароход сели из Константинополя новые пассажиры, большей частью греки. Некоторые из них носят фески. Все почти говорят по-французски. Среди греков выделяются два молодых человека: сыновья купцов, торгующих мехами.

– Они едут в Афины, оттуда в Америку, – рассказывает один их соотечественник. – В Америке у них родственник. Они уезжают, чтобы избежать военной службы в турецкой армии. Новый режим требует всех подданных к отбыванию воинской повинности, но так как тенденция его – усиление турецкой национальности, то <в> войсках служить теперь будет особенно затруднительно христианским народностям. Оттого теперь в Турции все бегут от воинской службы.

– Как? Вы недовольны новым либеральным режимом?

– Нам не дают в наших школах проходить предметы на нашем языке, – говорит один из греков, севших на пароход.

Младотурки знают, о чем думают в Стамбуле, Скутари и Эюбе, и потому, вместе с установлением европейского парламентского правления – сугубо стоят за народную старину, за усиление и расширение турецкой национальности, за отуречение подвластных народностей. Они хотят быть *plu<s> royaliste que le roi*.² Очевидно, оппозиция граждан из Стамбула, Скутари и Эюба страшнее для их власти недовольства греков, армян и др<угих>, и в угоду первым ни за что не отменяют или не введут то, что они сами считают, быть может, возможным и нужным.

«Политика». Бог с нею, не правда ли? Но политика – это история последнего момента, последний результат всего предшествовавшего в стране. Нельзя не говорить о ней, когда на нее натыкаешься повсюду, когда она входит в поры, как воздух.

И вот еще о политике.

– Теперь, – говорит грек, – мы сами ведем гражданскую войну за язык. Ученые-националисты не хотят, чтобы наши классики переводились на современный греческий язык. Правда, мы потомки славных предков, но раз язык подвергся изменению, то что делать? Раз внуки перестали понимать своих дедов на том языке, на каком они говорили, так неужели же за это надо внуков лишать всякой возможности понимать предков? Главное, надо знать, не как говорили, а как мыслили, как действовали великие герои...

– Ну да... да... конечно, да...

– Язык подвергается изменениям, получает новые элементы, как поток, в который впадают на протяжении пути новые притоки. Ему не вернуться вспять к месту выхода, не получить первоначальный свой состав.

– О, да... И народ победит, а не ученые крысы.

– Они все думают, что они потомки древних афинских и спартанских героев. Они забывают, что эти герои покорили много других народностей и приволокли побежденных в Грецию в качестве рабов.

– Ну да... Приучая побежденных к арабским нравам и смешавшись с рабами, они мало-помалу привили народу Греции малодушие рабства. И вот причина их поражений, – замечает кто-то.

– Все же, – говорю я, – и эти, т<ак> н<азываемые> рабы, были некогда вольными свободными героями, от которых только отвернулось счастье...

Днем мы продолжали чтение. По вечерам пассажиры разбиваются на группы. Одни на палубе весело беседуют. Иные в рубке играют в карты с бравым капитаном, а в столовой помощник капитана рассказывает всевозможные случаи с пароходами во время бурь. «Всего страшнее мертвая зыбь».

– А что такое мертвая зыбь?... – спрашиваю.

– Это оставшаяся прежняя буря. Не улегшееся волнение, когда на него налетает новый шквал, тогда пароход качает во все стороны, – объясняет моряк.

«Да, – думаю я, – мертвая зыбь всего страшнее...»

– Наш капитан выйдет из всяких затруднительных обстоятельств. Раз было так, что пароход застрел зимою, в январе, в Черном море. Лед оковал его. Все части парохода покрылись панцирем льда, а знаете, когда ледяной покров становится тяжелее судна, оно идет ко дну. Приходилось горячей водой обливать борта и другие его части. Все-таки мы выбрались, – рассказывает хвастливо влюбленный в капитана молодой морской волк.

Дамы слушают этот последний рассказ без страха за судьбу парохода. Слава Богу – о зиме и льде нет и помина, хотя по календарю и числилась зима. Теплые ясные дни сменялись чудными вечерами и звездными ночами.

Я слушаю рассказы морского волчонка, применяя рассказанное к житейским бурям, и думаю: да, из всякой беды, в сущности, можно выпутаться: не скоро тонет житейский корабль. Заключение об этом я вынесла еще в юности при чтении <книги> «Фрегат “Паллада”» Гончарова,³ а впоследствии – из житейских наблюдений.

На нашем пароходе все разнообразие жизни сливались в одну. Кто ехал продавать коринку,⁴ кто развлекаться, кто поправлять разрушенное роскошью столичной жизни здоровье. Вот молодая девушка. Она едет к жениху в Александрию. Целый корабль мечтаний и надежд составляют ее легкий багаж. Такой же корабль грез везу и я, направляясь к другой цели.

По вечерам, после обеда, кто-нибудь играл на пианино. Бессарабский помещик А. Э. Ф., внесший недавно щедрый дар на пользу искусства, часто мило импровизировал. Под его импровизацию хорошо было читать стихи. А то кто-нибудь показывал свое искусство в пении. Создавались незатейливые концерты, которые доставляли удовольствие. Ничего, что пианино было несколько расстроено, что играли не Гофманы, не пели Шаляпины, зато

слушали (так! – *Е. М.*), они же исполнители, чутко и хорошо были настроены и готовы были идти навстречу впечатлениям; никого не надо было выводить из безразличия чрезвычайными усилиями искусства, затейливыми ухищрениями его, вытаскивать слушателей из этого безразличия, как тащат быков на аркане. Окружавшая природа и манившие дали, пребывание вне обычной деловой арены, оставшейся позади всех нас, настраивали гармонично. Все души сами носились (так! – *Е. М.*) навстречу звукам.

У всякого своя внутренняя жизнь. Каждый из нас оставил далеко каких-то людей, к которым невольно возвращается мысль. Один моряк при каждом удобном и неудобном случае цитирует своего «замечательного сынишку». Мальчику 9 лет. «Мой сын уже теперь понимает морское дело и страстно любит его». «Мой сын говорит...» – все повторяет моряк отец. «Мой сын говорит...» А сын этот говорит иногда неглупые вещи. «Мой сын говорит морскому валу: “Вот ты большой, а я маленький, а я тебя преодолею!”».

Собираются тучи... Зарница...

И в декабре месяце раздается гром...

На другой день теплая, ясная погода. Мы останавливаемся у какого-то островка. Здесь карантин. Здесь мы пробудем 5 дней. Чума Одессы и холера Константинополя должны за это время выветриться, уйти в пространство. Все рады сойти на берег. Спускается с корабля лодка, и несколько моряков, с матросом Морозовым в главе, с этим пароходным Фигаро, везут пассажиров к островку. Все одеты легко, по-летнему.

– На этом острове наши матросы при каждом рейсе реставрируют, подкрашивают старую заброшенную церковь, – говорит помощник капитана.

На острове пустынно. Греческая харчевня, карантинный дом и церковь. Островок весь зарос кустарниками. Какие-то луковичные растения с мясистыми листьями зеленеют между грудками камней. Две барышни, свежие, как розы, польские помещицы Киевской губернии, хозяйственно добывают с корнями эти растения. Им помогают кавалеры, преимущественно доктор, заменивший на два месяца лечение рабочих на шахтах лечением пассажиров на пароходе. Я тоже собираю зеленые ветви с целью послать листочки в холодный Петербург. Польки, не умевшие вначале и двух слов сказать по-русски и не желавшие, очевидно, их знать, хотя оне (так! – *Е. М.*) уроженки Киева, теперь произносят целые фразы, а русские ловко говорят «пшепрашам».⁵ О, как бы решили удовлетворительно польский вопрос,⁶ если бы Государственная дума вместо того, чтобы стоять на Таврической улице, вдруг унесла бы Родичева, Пуришкевича, Милюкова и Маркова-2 в далекое море под управлением первого встречного моряка...⁷

На этой кажущейся нам стоящей земле мы забываем все, что мы, в сущности, носимся в пространстве и участь всех нас так же тесно связана, как участь пассажиров на пароходе.

– Что это за остров?

– Это один из островков близ острова Саламина, который виднеется там.

В ожидании лодки, которая должна свезти нас с берега на пароход и которая только что ушла с другими пассажирами, мы садимся у харчевни.

Все греки с парохода приехали сюда с утра. Здесь они завтракали, велел сжарить на вертеле куски висящей тут же сырой говядины, пили чай и кофе; тут же они будут обедать.

Один из греков, сверкая белыми зубами, предлагает нам кофе и зовет слугу «Савву». Красивый молодой грек в феске, в довольно засаленной куртке и рубашке, хлопотливо бежит на зов. В ожидании кофе грек-пассажир рассказывает по-французски о положении вещей в Турции, о том, что теперь, при нововведениях, грекам еще труднее. Турция стала менее терпима, младотурки стали более националистами, чем старотурки. Повсюду вводят турецкий язык. Мы не можем учить собственную историю на своем языке...

«Это старая история», – подумала я, поднимаясь, так как лодка уже прибыла за нами. «И когда кончится эта история?!» – размышляю я.

Еще на пароходе разговаривая с греками по-французски, я удивлялась, что они так хорошо говорят на этом языке. «У нас есть школы французские и итальянские». – «А русские?» – «Русской школы нет!»

Греки никогда не узнают Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Толстого... Не узнают, как хорош русский язык в устах великих. То же и в Константинополе. На турецком языке есть некоторые переводы классиков Лебедевой.⁸ На греческом есть ли? «У нас читали в Афинах лекцию о Толстом по случаю его смерти, – сказал мне один грек. – Очень интересно! *Quel grand génie vous avez perdu*»,⁹ – заметил он.

За обедом я спрашиваю вновь название острова, который виднелся вдали. – Саламин.

– Саламин, Саламин, что-то знакомое... Дай Бог памяти. Вспоминаю. Припоминаю Иловайского. Да, да... «Саламинская битва!» – восклицаю я радостно. Да, ведь тут происходила Саламинская битва. Кто-то с кем-то дрался. Кто-то одержал победу, кто-то понес поражение. Да, персы... персы сражались с греками. Фемистокл¹⁰ – грек, а перс? Какой царь?..

Пришел мой спутник и сказал: – Ксеркс.¹¹ – Да, да. Ксеркс, Ксеркс. А в котором году?

Нашелся год! Слава Богу.

Мой спутник показал гору, на которой на троне сидел Ксеркс.

– Да, да, Ксеркс, – восклицали с разных концов, когда обед кончился.

«Ксеркс сидел на троне и наблюдал за битвой», – продолжал перс.

И предо мною ясно развернулась вся картина. Привыкшие к победам персы бросились с своим многочисленным флотом в узкий морской проход на маленький народ. Они думали, верно, что греки – это макаки какие-то; посмеют ли они?.. А маленький народ вооружился мужеством, отвагой, любовью к родине и презрением к смерти и уничтожил флот победоносных персов по мере его появления, т. е. по порядку. Суда, находившиеся в хвосте, поздно узнавали о поражении первых. Ксеркс, говорят, удрал со своей обсерватории.

Боже мой, почему так плохо все знают историю? Столько образованных людей было на пароходе, и насилу, насилу восстановили события, и то потре-

бывалась помощь широкой памяти бехаида; правда, он был перс и его близко касалось это дело. Бехаиды отлично знают историю всех войн и в каждой такой истории находят доказательство, что война никому не была нужна и ни к чему не привела. У Саламина победили греки, а греков победили потом римляне, а римлян – галлы и т. д.

В один прекрасный вечер, во время стоянки, пассажиры просили меня порассказать им, что такое эти бехаиды, и я исполнила «желание публики».

Я читала ту полуторачасовую лекцию, которую я обычно читала в Петербурге в Обществах и Публичных залах. Читала перед совершенно необычной публикой, состоящей из различных народностей. Это было поистине интернациональное собрание. Все пассажиры парохода были налицо. Собрались пассажиры и 3-го класса, были некоторые и 4-го, а также свободная пароходная прислуга. Это было, некоторым образом, событие на пароходе – лекция, да еще читаемая женщиной! Мне казалось, что никогда меня еще не слушали с таким вниманием. Лекция эта моя называлась «Бабизм и поэма “Баб”». Вместе с пояснением исторического характера о движении я указывала, как я воспользовалась событиями в моей поэме, и читала выдержки из нее.

Поднимая глаза с листов – я встречала устремленные на меня взоры и соотечественников и, что особенно удивительно, иностранцев, – вдумчивые, полные интереса и внимания, интереса, которому, быть может, способствовало присутствие перса – этой живой иллюстрации к ней.

Мне казалось, я никогда еще не читала с таким чувством, как тогда, и голос мой никогда так сильно не звучал, сияясь доходить до самых задних слушателей, переполнявших балкон залы.

Когда кончилась лекция, ко мне подошла группа иностранцев. Один из них сказал: <чрзб>. ¹² «Это должно быть очень интересно, что вы говорили». И я уже очень вкратце рассказала им содержание читанного.

Мой рассказ вызвал в них живой интерес; и они стали относиться с особенным вниманием к моему спутнику.

Мне припоминается аналогичный случай, хотя далеко не подобный, когда мне пришлось читать эту мою лекцию по-русски в германском курорте, в Кранце, на которой присутствовало много немцев, пришедших посмотреть на русскую поэтессу и послушать ее. Немцы, к моему удивлению, тогда слушали тоже с величайшим вниманием, хотя и не понимали ничего.

Лекция эта устроилась по инициативе русских студентов, которые, узнав о моем приезде, просили меня участвовать в концерте в пользу одного <ак> н<азываемого> «политического». Я предпочла, вместо участия в концерте, прочесть мою лекцию о «Бабизме и поэме “Баб”», герое, пострадавшем за идеи... любви и мира.

Каждый вечер греческий доктор приходил играть в карты. Накануне приятия в Афины дамы делали попытку склонить его к отступлению от строгих правил и отпустить нас раньше на берег. Но он казался непоколебимым даже перед дамскими чарами. Особенно проявляли нетерпение обе польские сестры, которые должны были выйти в Афинах, где их ждали родственники.

Глава VIII

В водах Афин. – Что говорят мне лица греков и памятники Афин. – Что говорит «русский гид» о памятниках. – Былое Греции. – Поднимаю обломок белого мрамора в Акрополе. – «Касался кто тебя своей пятой». – Вид города с Акрополя. – Что я видела у подошвы Акрополя. – Театр Дионисия. – Я сажусь на одно из кресел театра. – Тюрьма Сократа. – Отъезд из Афин. – Снова в море. – Что мне говорили об удалявшейся от нас Турции.

Наконец мы в водах Афин.

Греция, Афины, Акрополь, Олимп, Сократ. Элевзинские празднества. Жрецы, жрицы, Фемистокл. Персидские войны. Александр Македонский, его доктор, отравы. Вот, вот... борьба за независимость... Эзоп, Байрон. Его смерть. Все эти имена, обрывки истории вихрем носятся в моей памяти. Прошлое врывается в настоящее: греческие губки, коринка, вино, молодые греки, едущие в Америку и везущие туда дорогие шкурки соболей и интересующиеся, что стоит мой беличий воротник... довольно дрянной, впрочем.

Я с особенным любопытством теперь вглядываюсь в лица всех этих греков, мужчин, женщин, детей и думаю: «Да! Это все-таки потомки героев. Ведь и прежде продавали коринку и губки, и тем не менее... на площадях вешали философы, пели поэты, на холмах строились храмы, развалины и поверженные колонны которых до сих пор изумляют и говорят так красноречиво о прошлом величии народа, о великом вкусе, об изумительном искусстве, о душах, стремившихся к радостному слиянию с солнцем, с природой, с богами, жившими не так далеко, как боги других народов, там, где-то на небесах. Они были тут, вблизи, все эти красивые боги и богини Греции, они смешивались с жизнью людей, становились людьми, а люди богами».

Что говорил гид, «изъяснявшийся по-русски» и водивший нас, пассажиров, по Акрополю, останавливаясь то тут, то там, – я не слыхала, я сама уходила в далекую старину, сама заглядывала под завесу прошлого, за которою, как в кинематографе, мимо меня мелькали картины разных эпох без всякой последовательности. В то время как гид говорил: «А что касается до того, что эти фрески были увезены англичанами, а вместо ними помещенными (так! – *Е. М.*) оказались другие», – я думала о том, что было причиной падения Эллады, что было причиной разрушения этих великих образцов искусства, этих чудных храмов, этих великолепных крепостных стен, вызывающих и в виде развалин изумление и привлекающих к Греции сотни тысяч путешественников со всего мира. Вспомним страницу истории: «Геродот скорбел за Элладу, которой недостает единодушия даже в дни угрожавших всей Элладе опасностей».

Предание приписывает Периклу попытку примирить между собою все эллинов государство. И Сократ и Демосфен зывали не раз к объединению эллинов в борьбе с персами и Македонией. Аристотель говорил об объединении раздробленных эллинских государств, что дало бы преобладание Греции над другими народами. Однако ни убеждения мудрецов, ни предсказания Полибия о покорении Греции римскими легионами не помогли... Взаимная

вражда ячеек, составлявших Элладу, и взаимная вражда граждан за клочки благополучия подточили основы всей страны и успешнее варварских рук и стихийных бедствий потрясли эти храмы и здания, обломки которых мы теперь попираем ногами...

Вот тут учил Платон непреходящей любви, той любви, которая не знает ни измен, ни разочарований, до сих пор еще неведомой... там ученик его Аристотель, ставший сам великим учителем, в тени аллеи открывает восхищенным слушателям новые горизонты мысли.

«Гид», высокий и сухой, с длинными ногами, быстро переходит между мраморных, уцелевших и поверженных колонн, белых и чистых, и что-то говорит, говорит... За ним гуськом идут пассажиры, пожелавшие русского гида: уже упомянутый любознательный помещик с красивой женой, две польские барышни-сестры, доктор, москвички – три сестры с мужем одной из них, жены судового начальства и я с моим спутником и др. Я едва поспеваю за компанией. Не приспособленная для путешествий обувь мешает мне идти по каменистым дорожкам и поломанным мраморным плитам. Я поднимаю кусок мрамора на память о моем пребывании «в Акрополе», о котором я учила в учебнике всеобщей истории и все же не имела никакого представления, хотя получала круглые высшие баллы когда-то... Вот он лежит, этот обломок, на моем столе. Я гляжу:

Касался кто тебя своей пятой,
Скажи, скажи мне, мрамор белый?
То был герой, мудрец иль раб простой?
Иль жрица чистым телом
Коснулася тебя, свои мольбы
Неся к лазоревому небу?
Иль в пламени неистовой борьбы
За очаги, за крохи хлеба
Тебя волной омыла чья-то кровь?
Коснулся кто тебя устами?
Слетала с них крылатая любовь,
Маня душистыми цветами?
Иль змеями проклятия слова
Сползали с них, неся Элладе
Паденье, смерть?.. Народная молва
О казни злой или награде
Коснулася тебя? Молчишь, молчишь...
О, белый камень!
И гнева и восторгов пламень
Ты от меня в себе хранишь!
Иль ничего не хочешь мне поведать?..
Иль слышать не могу тебя?..

Я отхожу от товарищей и гляжу на расстилающийся передо мною вид города с окаймляющей его, точно лентой, полосой моря. Сюда нынешние потомки древних греков или плененных ими рабов – приходят в летние вечера

дышать воздухом и вспоминать, быть может, о былом, и мечтать, быть может, о будущем, или просто отдыхать от дневных печалей и тревог. И весь этот мрамор еще не расхитили, думается мне, и не сделали это место еще кафешантаном, свалкой мусора, как часто делают у нас с памятниками старины. Кто мог столько веков сохранить эти остатки былого величия, несмотря на все, – тот наверно достоин этого величия, над тем оно простирает свои лучи.

Я подхожу к остатку одной из стен. Гляжу прямо вниз. К самой подошве холма Акрополя прилип ряд домиков, в которых ютятся, вероятно, беднота, как везде, вдали от торговых частей города. Один из домиков небольшой, точно кукольный, дворик его как на ладони. В нем копошатся маленькие дети, струится какая-то новая жизнь. Мне представился надломленный грозю ствол, почти засохший, но внизу у корней пошли нежные зеленые побеги. В годы величия Афин, когда в храме Афины Паллады совершались моления в честь богов, когда по ступеням храма всходила процессия жриц с<о> жрецами во главе – там внизу жили горшечники, производители той керамики, которая ценится теперь на вес золота.

Поднимается ветер, сгоняющий тучи, приходится кончать обзор этих памятников былой Греции, живописной Греции, ясной и прекрасной. Вот здесь судили на открытом воздухе под открытым небом, перед зеркалом самой природы, при свете солнца, лившего свои лучи непосредственно на головы судей и судимых, не в пыльных комнатах, в которых остающиеся следы слез и образ Спасителя все же не располагают к милосердию...

Внизу былой театр Дионисия, бога вдохновения, тоже на открытом воздухе, тоже под куполом небесного свода изображались трагедии Эсхила, Софокла, Еврипида... Амфитеатром идут места. Путешественники иногда садятся на одно из уцелевших мест. И я сажусь на одно из каменных кресел театра в честь Дионисия.

Кстати, вот и букет бледно-розовых роз, который мои добрые спутники поднесли мне по дороге к Акрополю... в знак внимания за чтение... Я держу букет в руке и мысленно посвящаю его памяти Реги<л>лы – супруги учителя риторики Ирода Аттики,¹³ который кроме знаний обладал еще громадными богатствами, давшими ему возможность уделять часть их на великолепные дела. Он украсил стадион, он же построил и театр Одеон – в память любимой им жены Региллы...

Здесь представляли эти бессмертные трагедии, которые надолго еще останутся прекраснейшими образцами для всех грядущих драматургов. А здесь располагались слушатели... Они умели слушать, те славные греки, которые умели и говорить и умирать. Потому, быть может, были у них и Софоклы, и Еврипиды, и Эсхилы...

– Вы хотите видеть тюрьму Сократа? – спросил меня мой спутник, и, бросив красноречивого гида, мы ушли в сторону и отправились к месту, где был заточен мудрец.

А вот идет длинноногий гид и что-то болтает идущим за ним путешественникам о мудреце...

Хоть солнце ярко так и в древности светило
С небесной высоты,
Но и небесное светило
Не в силах было
Весь мрак прогнать из пустоты
Умов и греков славных,
И заточили мудреца...

Тюрьма представляет собою пещеру, высеченную в скале без окон, с каменным полом, в которой едва можно встать и растянуться. В то время мудреца охраняла бдительная стража, помещавшаяся рядом, а теперь тюрьма эта, в которой мудрец томился и кончил свою жизнь, охраняется добродушной женщиной, ревностно собирающей за осмотр мзду.

Насмешка времени. Те времена далече,
Когда угас Сократ,
Когда его умолкли речи,
Когда в тюрьме он выпил яд, –
А все ж теперь им тешатся зеваки...
За мудрые слова – достались мудрецу
Тюрьма и смерть, о мудреце за враки
Мы платим золотом глущу,
Их разносящему зевакам то и дело.
Своею смертью смелой
Мудрец Сократ
Уж сотни крат
Приносит жизнь людишкам,
Что точно червяки им кормятся с излишком.
Прошло немало сотен лет –
Несутся все еще здесь речи о Сократе!..
Как хорошо, скажу я кстати,
Что мудреца теперь уж нет –
Он вновь бы умер от отравы,
Он отравился бы по доброй воле сам,
Когда б увидел он – о, стыд, о срам, –
Что служит для забавы
То место, где за мысли он угас...

Перед тюрьмой теперь раскинут сад из стройных кипарисов и других деревьев благословенной страны. Темнеет, и мы покидаем места, где происходили самые трагические бои греков с другими народами и между собой, места, где разыгрывались трагедии духа, где рождались создания фантазии и искусства...

Мы возвращаемся к пароходу по улице, осененной по обеим сторонам тенистыми деревьями, мчимся мимо зданий прекрасной архитектуры новейших времен, но все в благородном стиле древних. Нет ни одного здания с изгибами модернизма, уже значительно надоевшими. Вот мы проезжаем мимо грандиозного стадиона, ныне вновь восстановленного, в котором предусмотрено воскресить бывшие олимпийские игры. Глядя на это здание, построенное по образцу древнего стадиона, я думаю об удалившейся от меня Турции.

Не ненависть греков к ней может ее победить, думаю я, а скорее побежденный ею античный мир, лежащий в прекрасных обломках на земле и стремящийся вырваться из-под земли, на которой стоит Константинополь, чтобы влить древний дух красоты и мудрости в нынешние поколения древней Эллады...

На этом месте оканчивается описание моего путешествия, которое мне удалось сделать сейчас после моего приезда в Петербург. Затем жизнь оторвала меня от этой работы, и только теперь, в 1913 г., я разобрала все, что было мною написано. Я вновь переживаю пережитое, быть может, еще с новой силой. Совершившиеся события, пронесшиеся по местам, мною посещенным, дали еще больший рельеф былым переживаниям и сопровождавшим их мыслям. Путешествие – что и пьеса. Иную пьесу более чувствуешь в тиши своих стен по возвращении из театра после того, когда блеск театральной залы, настроение толпы, даже сама игра актеров – врываются в вашу душу, меняя ее строй, и мешают сосредоточиться вашей мысли на самой пьесе. Теперь, когда мелочи путевой жизни меня не тревожат и я могу смотреть на прошлое уже с прибавившимся опытом – оно выступает из дали яснее и выпуклее.

В моих записках нет более заметок после отъезда из Афин... Я натрудила большую ногу при обзоре Акрополя и не могла выходить на палубу. И потому проезжаю по Мраморному морю, лежа в каюте... Остановка: остров Кипр. Сюда был сослан любимый брат Беха-Уллы,¹⁴ который изображен в моей трагедии.

Я проехала мимо тихих островов, которые вскоре огласились рокотом пушек, сливавшимся с тем рокотом моря, к которому в тиши каюты я прислушивалась, стараясь угадать его таинственные речи. Только сквозь люк каюты я видела бирюзу его несущихся на корабль волн.

Теперь, после пронесшейся над Турцией беды, войны с Италией, мне ясна характеристика «нынешнего положения» этой страны, о которой среди других бесед мне приходилось слышать в своеобразных речах встречавшихся мне знатоков Востока и политиков.

«Турция погибает, Турция уже погибла, если от Портсмутского свидания ей не будет пользы.¹⁵ Внутри ее бунты. То поднимаются албанцы, то друзья, то волнуются болгарские четы. Для усмирения волнующихся нужны деньги, а денег нет. Доходы от почты, от таможи, от акциза она повесить не может, – этому препятствуют соседние правительства. Для борьбы с этими препятствиями нужны силы. Для силы нужны деньги. А денег нет. Подданные ее неграмотны. Путей сообщения нет. Богатые руды минералов лежат под землей. Торговля в застое. Для поднятия жизни нужны деньги, а их нет. Сближение Англии с Россией невыгодно для Турции, ибо в случае разделения Персии Турции пришлось бы держать, вместо нынешнего одного или двух караулов, целые дивизии и строить крепости. На это нужны были бы деньги, а денег нет. Но самое главное, для поддержания внутреннего спокойствия, для упорядочения и содержания военной силы нужны деньги, а их нет. Поэтому, в какой город ни поедешь, куда ни взглянешь, везде чувствуешь отсутствие хозяина. Улицы не освещены, грязны, народ вас обирает на каждом шагу. Никакой полиции нет. Что кто хочет, то и делает. Пешкешем¹⁶ вы можете закрыть полиции

глаза, чтобы она ничего не видела. Подданные Турции обижены, некому их защищать. Недовольство растет с каждым днем. Для введения в государстве порядка нужны деньги, а их нет».

На назидательной и для нас картине положения Турции я закончу эту часть беседы, эту главу.¹⁷

¹ См.: *Гриневская И. Беха-Улла (Блеск Божий): Поэма-трагедия в стихах (из истории религиозных движений в Персии)*. В 5 д. и 6 карт., с эпилогом. СПб., 1912.

² «*Être plus royaliste que le roi*» – «Быть большим роялистом, чем сам король» (*фр.*).

³ *Иван Александрович Гончаров (1812–1891)* – писатель, литературный критик и публицист. С октября 1852 г. по август 1854 г. он участвовал в экспедиции вице-адмирала Е. В. Путятина; побывал в Англии, Южной Африке, Малайе, Китае, Японии. Впечатления от путешествия составили цикл очерков «Фрегат “Паллада”», печатавшихся в журналах (1855–1857); отдельно изданы в 1858 г.

⁴ *Коринка* (новогреч. karanti от Karinthia – город Коринф) – род мелкого изюма без зернышек, черного цвета.

⁵ *Пишепрашам* (*польск.* przepraszam) – извините.

⁶ С 1795 г. Польское государство постепенно теряло свою независимость. Начало этому дали три раздела некогда мощной Речи Посполитой (между Россией, Австрией и Пруссией). После разгрома Наполеоном Пруссии и заключения Тильзитского мира (1807) Франции отошла часть польских земель, принадлежавших Пруссии и Австрии; Наполеон создал вассальное по отношению к Франции государство – Герцогство Варшавское. После изгнания армии Наполеона из России русская армия заняла в конце февраля 1813 г. почти все Герцогство. *Польский вопрос* был одним из самых важных на Венском конгрессе (1814–1815), в ходе которого были определены новые границы государств Европы наполеоновских войн. По его итогам большая часть Великого герцогства Варшавского (под именем Царства Польского) была присоединена «на вечные времена» к Российской империи. Польский вопрос (внутриполитический в понимании царского правительства) был неразрывно связан с борьбой с национально-освободительным и революционным движением. Поляки, разделенные границами трех государств, по-прежнему чувствовали себя единым народом, сохранившим историческую память о бывлой великодержавной государственности, что вызывало раздражение властей.

⁷ Можно предположить, что И. Гриневская, сочувствуя идеям польской автономии, считала упомянутых членов Думы приверженцами «реакционного» подхода в данном вопросе. Пуришкевич и Марков 2-й имели крайне консервативные взгляды. Миллоков и Родичев, напротив, слыли изрядными либералами; впрочем, возможно, в то время они были для Гриневской недостаточно либеральны в польском вопросе. Если ее высказывание относится к периоду с 1908 по 1912 г., то оно вполне может быть связано с так называемым законопроектом о Холмщине (создании из частей Люблинской и Седлецкой губерний, с преимущественно малороссийским населением, новой Холмской губернии). Этот законопроект был воспринят многими как национально-административное размежевание и, следовательно, предпосылка к грядущему дарованию полякам автономии или даже (в перспективе) независимости. Проект вызвал бурное обсуждение как в Думе, так и в общественных кругах (и польских, и русских). По всей вероятности, упомянутые деятели в ходе этого обсуждения критически высказывались о перспективах польской автономии, чем вызвали неудовольствие Гриневской.

⁸ *Ольга Сергеевна Лебедева (1854 – после 1915)* – российский переводчик и востоковед; владела в совершенстве фр., нем., англ., осман., араб, перс. и другими яз.; великолепно играла на пианино и рисовала. На Востоке Лебедева была известна под именем Гюльнар. «Лебедева Ольга Сергеевна – писательница. <...> перевела с русского на турецкий ряд произведений Лермонтова, Пушкина и Толстого, с арабского на французский “Voyage d’un arabe” и др., с персидского на русский “Кабус Намэ”, с греческого на русский “Старец Евстафий, вос-

питательная книга Льва Мелоса” (Старец Евстафий, или Воспоминания моего детства / соч. Льва Мелоса. СПб., 1898; 2-е изд., 1899. – Е. М.). Другие труды: “Краткая история русской литературы”, “Histoire de Kasan”. Лебедева – основательница и председательница Русского Общества Востоковедения. И<забелла> Г<риневская>» (цит. по: Русский биографический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulex.ru/01120134.htm>).

⁹ «*Quel grand génie vous avez perdu*» – «Какого большого гения вы потеряли!» (фр.).

¹⁰ *Фемистокл* (ок. 525 – ок. 460 до н. э.) – афинский государственный деятель и полководец; сыграл решающую роль в руководстве афинским флотом во время похода Ксеркса I, особенно в морской битве при Саламине (480 до н. э.).

¹¹ *Ксеркс I* (ок. 519 – 465 до н. э.) – царь государства Ахеменидов с 486 г. до н. э. В 480–479 гг. возглавлял поход персов в Грецию, окончившийся их поражением.

¹² От времени выцвели чернила. Видимо, была вписана фраза: «Cela doit être très intéressant, ce que vous avez dit» (фр.).

¹³ *Ирод Аттика* – Ирод (Герод) Аттик (101–177) – знатный афинянин, великолепный оратор. В 139 г. Ирод Аттик женился, ему было 40 лет, его жене *Регилле* – 14. Она тоже была из богатого знатного рода. Супруги некоторое время жили в Италии, затем переехали в Грецию. Имея собственное значительное состояние, Регилла, как и ее муж, не жалела денег на благотворительность, ее подарок Греции – монументальный фонтан в Олимпии.

¹⁴ Мирза Йахйя (Субх-и Азаль) – младший брат Бахауллы по отцу, который «был выращен матерью Бахауллы и воспитан самим Бахауллой», но выступил «во главе движения, противодействовавшего брату» (цит. по: *Иоаннесян Ю. А.* Вера бахаи. СПб., 2003. С. 56).

¹⁵ Возможно, это намек на Портсмутский мирный договор между Россией и Японией (23 авг. (5 сент.); конференция в Портсмуте, США), завершивший Русско-японскую войну (1904–1905), которая возникла в обстановке усилившейся борьбы этих держав за раздел Китая и Кореи. Несмотря на успехи, достигнутые в период военных действий, Япония начиная с июля 1904 г. через Англию, Германию и США пыталась склонить Россию к переговорам о мире, так как продолжение войны грозило ей финансовым крахом и внутренними волнениями. Мирных переговоров добивались также США, Англия и Франция, опасавшиеся окончательного поражения России и связанного с этим усиления позиций Германии в Европе и Японии на Дальнем Востоке. «Японская война произвела порядочную пертурбацию в финансах Европы, а потому весь денежный мир желал, чтобы война кончилась» (цит. по: *Bumme C. Ю.* Глава 27. Портсмутский мир // *Bumme C. Ю.* Воспоминания. Царствование Николая II: в 2 т. Т. 2 [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/B/vitte-sergej-yuljevich/vospominaniya-tom-2/28>).

Видимо, те «знатоки Востока и политики», которых упоминает писательница, считали, что маловыгодный для России договор, зафиксировавший ее поражение в войне, знаменует собой ослабление России на мировой арене, а поскольку Россия тогда была главным геополитическим соперником Турции, такое ослабление давало Турции теоретический шанс на упрочение собственного положения.

Однако вероятно, что была допущена описка автора или ошибка машинистки и следует читать не «от *Портсмутского* свидания», а «от *Потсдамского* свидания ей (Турции. – Е. М.) не будет пользы» – от встречи Николая II с Вильгельмом II в Потсдаме (ноябрь 1910 г.), посвященной урегулированию отношений между Россией и Германией. Устно договорились, что Россия не будет поддерживать враждебную политику Англии по отношению к Германии, а Германия не будет поддерживать агрессивные намерения Австро-Венгрии на Балканах. Переговоры России с Германией вызвали тревогу в Лондоне и Париже, где опасались изменения внешнеполитического курса России. Российская сторона уклонилась от заключения политического договора, предлагая ограничиться урегулированием спорных вопросов обоюдных экономических интересов в Иране; она настояла на исключении из договора пункта о неучастии России во враждебных Германии союзах. Окончательный текст Потсдамского договора был подписан 6 (19) авг. 1911 г. в Петербурге. Германия обязывалась не домогаться

концессий в Северном Иране (русской зоне влияния) и в приграничной с Россией турецкой территории, а Россия – не препятствовать сооружению линии от Багдадской железной дороги (г. Ханекена) до Тегерана.

В любом случае Турция находилась в исключительно тяжелом положении в 1912 г., в конце Итало-турецкой войны (известной в Италии как «Ливийская война», а в Турции – как «Триполитанская война») (29 сент. 1911 г. – 18 окт. 1912 г.). Тогда Турция не только потеряла Ливию, но одновременно подверглась нападению коалиции балканских государств. Первая Балканская война (25 сент. (8 окт.) 1912 г. – 17 (30) мая 1913 г.) началась еще до окончания Итало-турецкой войны, что привело впоследствии к утере почти всех владений Турции в Европе и едва не вызвало распад Турецкой империи как государства.

¹⁶ *Пешикеш* (пишкеш) – дар, подарок; здесь: подношение с целью дачи взятки.

¹⁷ Продолжение следует.

Библиографический список

1. *Гриневская И.* Баб: Драматическая поэма из истории Персии. В 5 д. и 6 карт. СПб., 1903.
2. *Гриневская И.* Баб: Драматическая поэма из истории Персии. В 5 д. и 6 карт. 2-е изд. Пг., 1916.
3. *Гриневская И.* Беха-Улла (Блеск Божий): Поэма-трагедия в стихах (из истории религиозных движений в Персии). В 5 д. и 6 карт., с эпилогом. СПб., 1912.
4. *Гриневская И. А.* «Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017. С. 434–491.
5. [И. Г.] Лебедева О. С. // Русский биографический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulex.ru/01120134.htm>
6. *Иоаннесян Ю. А.* Вера Бахаи. СПб.: «Азбука-классика»; «Петербургское Востоковедение», 2003.
7. *Митник Е. А.* Неизвестные материалы Изабеллы Гриневской: «Путешествие в Края Солнца» // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 246–267.

**«БУДУЧИ ДАВНИМ ЧЛЕНОМ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ,
Я ИМЕЮ ПОЛНОЕ ПРАВО СОСЛАТЬСЯ НА СВИДЕТЕЛЬСТВО
КАК СОЮЗА В ЦЕЛОМ, ТАК И ОТДЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ ЕГО...»
(материалы Дмитрия Александровича Крючкова
в фонде Всероссийского союза писателей)***

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
А. В. Крусанова, Т. В. Мисникевич)¹*

Аннотация: В состав публикации вошли материалы поэта Дмитрия Александровича Крючкова (1887–1938) из фонда Петроградского/Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей. Данные материалы отражают трагический этап в биографии Крючкова – арест по делу русских католических общин восточного обряда и последующее заключение в Иркутском изоляторе, а также подробно документируют многочисленные обращения литераторов и правозащитников в органы власти с целью облегчить его участь.

Ключевые слова: Д. А. Крючков, биография, эгофутуристы, русские католики, Всероссийский союз писателей, помощь репрессированным.

Abstract: The publication comprises materials pertaining to the poet Dmitry Alexandrovich Kryuchkov (1887–1938) from the fund of Petrograd/Leningrad branch of the All-Russian Writers' Union. These materials illustrate a tragic episode of Kryuchkov's biography – his arrest in the case against Russian Catholic communities of Eastern denomination and the following imprisonment in Irkutsk infirmary; they also provide detailed information of the multiple pleas addressed by writers and human rights activists to the authorities asking to alleviate his prison conditions.

Key words: D. A. Kryuchkov, biography, ego-futurists, Russian Catholics, All-Russian Writers' Union, help to the repressed.

Архив Петроградского/Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей, хранящийся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 291), – уникальное собрание документов, фиксирующих, в частности, перипетии судеб литераторов, подвергшихся гонениям и преследованиям со стороны власти, установившейся в России после октября 1917 г.² В их числе оказался и поэт Дмитрий Александрович Крючков (1887–1938). Крючков начал свою творческую карьеру как участник группы эгофутуристов, в дальнейшем вошел

* Исследование подготовлено при поддержке РФФ (проект 19-78-10012) в ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН.

¹ Приносим глубокую благодарность Т. А. Кукушкиной за помощь в подготовке публикации.

² Подробно о деятельности Союза см.: *Кукушкина Т. А.* Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932). Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 84–141.

в окружение Федора Сологуба и Ан. Н. Чеботаревской, тяготел к религиозной поэзии, посещал заседания Религиозно-философского общества, с 1917 г. помимо литературной работы обратился к практической религиозной деятельности, был избран членом Миссионерского совета, служил в церкви Св. Марии Магдалины на Малой Охте, в 1921 г. поступил в Петроградский богословский институт,³ в дальнейшем сблизился с главой русских католиков Леонидом Федоровым, 19 авг. 1923 г. принял католичество и организовал богословский кружок.⁴

Крючков был участником различных писательских организаций. В 1915 г. он стал членом общества «Искусство для всех», организованном Федором Сологубом и Ан. Н. Чеботаревской; на первом учредительном собрании 13 дек. 1915 г. был избран членом ревизионной комиссии.⁵ После Октябрьской революции Крючков входил в число участников Союза деятелей искусства (1918),⁶ Союза профессиональных переводчиков-литераторов,⁷ Дома литераторов,⁸ Петроградского отделения Всероссийского союза поэтов.⁹ В 1920 г. Крючков подал заявление о вступлении во Всероссийский союз писателей:¹⁰

В Правление Петроградского отделения Всероссийского
профессионального Союза писателей

Заявление

Прошу принять меня в члены Союза.

(подпись) Дм. Крючков

Фамилия: Крючков

Имя: Димитрий

Отчество: Александрович

Адрес и телефон: Малоохтинский пр., д. 66, кв. 13

Число членов семьи: Жена¹¹

³ См.: *Бовкало А. А.* Д. А. Крючков и Петроградский богословский институт // Русская литература. 1997. № 1. С. 182–185.

⁴ Подробнее см.: *Никольская Т. Л.* Крючков Димитрий Александрович // Русские писатели. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 191–192; *Крусанов А. В.* Русский авангард. 1907–1932: Исторический обзор: в 3 т. М., 2010. Т. 1. Книга 1, 2 (по указателю); *Соболев А. Л.* Димитрий Крючков // *Соболев А. Л.* Летейская библиотека: Биографические очерки. М., 2013. С. 188–219; Материалы к биографии Димитрия Александровича Крюčkова в архиве Федора Сологуба / публ. А. В. Крусанова, Т. В. Мисникевич // Русская литература. 2018. № 4. С. 104–121.

⁵ См.: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 29, л. 21 об., 28 об., 37, 38.

⁶ См.: Там же, ед. хр. 30, л. 100 об., 101 об.

⁷ См.: Там же, ед. хр. 112, л. 28.

⁸ См.: РО ИРЛИ, ф. 98, оп. 1, ед. хр. 11, л. 28, № 57, л. 4 об., 7.

⁹ См.: Блок в архиве Вс. А. Рождественского / предисл. и публ. М. В. Рождественской; коммент. Р. Д. Тименчика // Литературное наследство. М., 1987. Т. 92, кн. 4. С. 691.

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 420, л. 26. Заявление и анкета отпечатаны на машинке; анкета заполнена рукой Крюčkова, карандашом; на заявлении – подпись-автограф. Вверху слева – помета: «Принят 27/VII» и подпись Виктора Яковлевича Ирццкого, секретаря правления Всероссийского союза писателей.

¹¹ Крюčkова Мария Александровна (1884–1941) – вторая жена писателя; умерла в блокадном Ленинграде.

Перечень печатных трудов: Две книги стихов – «Падун немолчный»¹² и «Цветы ледяные».¹³ Литературно-критические статьи; рассказы и стихи в «Дне»,¹⁴ «Биржевых ведомостях»,¹⁵ «Огоньке»,¹⁶ «Голосе жизни»,¹⁷ «Дневниках писателей»,¹⁸ «Очарованном страннике»,¹⁹ «Вечернем слове»²⁰ и других газетах и журналах.²¹

¹² Книга Крючкова «Падун немолчный» (СПб., 1913); тираж 500 экз., зарегистрирована в «Книжной летописи» 8–15 окт. 1913 г.

¹³ Книга Крючкова «Цветы ледяные» (СПб., 1914); тираж 3000 экз., зарегистрирована в «Книжной летописи» 17–24 апр. 1914 г.

¹⁴ Речь идет о статьях: *Крючков Д.*: 1) Франсис Жамм // День. 1913. 16 дек. № 341. Приложение: Литература. Искусство. Наука. № 11. С. 1; 2) <Рец. на кн.:> А. Шемшурин. Футуризм в стихах В. Брюсова. М., 1913 // День. 1913. 24 дек. № 349. Приложение: Литература. Искусство. Наука. № 12. С. 2; 3) Спор о Тютчеве // Отклики. Литература. Искусство. Наука. 1914. № 6. Беспл. прилож. к № 43 (13 февр.) газ. «День». С. 4–5.

¹⁵ Имеется в виду рассказ Крючкова «Буйный отроци» (Биржевые ведомости. Утр. вып. 1915. 11 нояб. № 15203. С. 2).

¹⁶ Речь идет о следующих публикациях: *Крючков Д.*: 1) Рачий царь // Огонек. 1915. № 43. 25 окт. (7 нояб.). С. <12–13>; 2) Досюльщик о том, как на Руси гнус пошел // Огонек. 1916. № 8. 25 февр. (5 марта). С. <6>; 3) По старинке // Огонек. 1916. № 11. 13 (26) марта. С. <8, 10–11, 13>; 4) Походный узорник // Огонек. 1916. № 23. 5 (18) июня. С. <13–14, 16>; 5) Походный узорник. VII. Новгородец. VIII. Все для войны. IX. Язык сломал // Огонек. 1916. № 27. 3 (16) июля. С. <14–16>; 6) Походный узорник // Огонек. 1916. № 28. 10 (23) июля. С. <13>; 7) Походный узорник. XXXV. Сердитый собеседник // Огонек. 1916. № 35. 28 авг. (10 сент.). С. <11–12>; 8) Походный узорник. XXXIX. В гору, в гору! // Огонек. 1916. № 36. 4 (17) сент. С. <10–11>; 9) Походный узорник. XLXI. Зауряд-чашки // Огонек. 1916. № 37. 11 (24) сент. С. <14–15>; 10) Походный узорник. 78. Окопные барышни. 80. Радуйся, обрадованная // Огонек. 1916. № 45. 6 (19) нояб. С. <8, 10>; 11) Походный узорник. 83. «Проходимы» // Огонек. 1916. № 46. 13 (26) нояб. С. <13>; 12) Походный узорник. 95. Он бы доказал! // Огонек. 1916. № 50. 11 (24) дек. С. <11>; 13) Мураш премудрый // Огонек. 1916. № 52. 25 дек. С. <13–14>.

¹⁷ В данном журнале были опубликованы рассказы и рецензии: *Крючков Д.*: 1) Без родины // Голос жизни. 1915. № 5. 28 янв. С. 6–9; 2) Тихие песни // Голос жизни. 1915. № 9. 25 февр. С. 20; 3) Вяча // Голос жизни. 1915. № 14. 1 апр. С. 14–16; 4) В вагоне // Голос жизни. 1915. № 21. 20 мая. С. 16–17.

¹⁸ Речь идет о статье: *Крючков Д.* Вечером на озере // Дневники писателей. 1914. № 2. Апрель. С. 42–43.

¹⁹ В первом номере альманаха «Очарованный странник» опубликованы стихотворение Крючкова «Наивные души так любят поэтов...» (с. 1), статья о творчестве И. Северянина «Демимонденка и лесофоя» (с. 4–5); под псевдонимом Келейник – статья «“Бесы” Ф. М. Достоевского и “бесы” М. Горького» (с. 6–7). Во втором номере альманаха Крючков опубликовал стихотворение «Ты одета в ротонду из лучистых снежинок...» (с. 3), статью о творчестве Франсиса Жамма «Церковь в ливне» (с. 7–10) и под псевдонимом Келейник – рецензию «Между Тьмным и Сущим» о книге П. Карпова «Пламень». В третьем номере были помещены его стихотворение «Октябрь в начале. Все студено...» и статьи о творчестве Ин. Анненского «Критик-интуит» и о собрании Религиозно-Философского общества «Истина или словесность?» (с. 16–17), а также под псевдонимом Келейник – рецензия на альманах «Шиповник». В четвертом альманахе были помещены четыре стихотворения Крючкова («Ты помнишь, как сплетал любовь февраль...»), «Ты думаешь, что солнце – золотое?..», «Я на земле утехи знаю три...», «Тредьяковскому»), статья (под псевдонимом Келейник) «Лимонадная симфония» и ряд рецензий. В пятом номере – два стихотворения «Газетным поэтам» и «Любите поэтов, любите!» (с. 4).

²⁰ По материалам неполного комплекта газ. «Вечернее слово» (декабрь 1917), хранящемся в РНБ, какие-либо подписанные Д. Крючковым публикации в газете отсутствуют. Возможно, он сотрудничал анонимно или под псевдонимом.

²¹ Помимо публикаций в сборниках эгофутуристов («Оранжевая урна», «Стеклянные цепи», «Дары Адонису», «Бей!», «Всегда», «Развороченные черепа»), сборнике «Центрифуги» «Руконог» (М., 1914) статьи, стихи и проза Д. Крючкова были также напечатаны в газ.

Именно Союз приложил максимальные усилия в попытке облегчить участь Крючкова, арестованного 7 дек. 1923 г. по делу русских католических общин восточного обряда: постановлением коллегии ОГПУ 19 мая 1924 г. он получил десять лет тюрьмы.²² Первая просьба о помощи поступила от жены Крючкова, Марии Александровны, очевидно, собиравшейся начать хлопоты о пересмотре вынесенного поэту приговора:

В Правление Всероссийского Союза писателей
Марии Александровны Крючковой

Заявление

Ввиду крайней необходимости поездки в Москву обращаюсь с просьбой в Союз писателей не отказать мне в денежной поддержке.

М. Крючкова

15 мая 1924 г.

Адрес: Ул. Белинского (бывш. Симеоновская), д. № 6, кв. 14²³

Союз незамедлительно выделил М. А. Крючковой денежную ссуду,²⁴ одновременно включил Крючкова в число претендентов на получение материальной поддержки от Американской администрации помощи (АРА),²⁵ а с июля 1925 г., по инициативе Федора Сологуба, занимавшего пост председателя Правления его Ленинградского отдела, взял хлопоты по делу Крючкова под свой контроль. 15 июня 1925 г. Крючков, находящийся в заключении в Иркутском изоляторе, обратился к Сологубу с просьбой направить во ВЦИК ходатайство от имени Союза писателей об облегчении его участи;²⁶отчаянное

«Дачница» (1912. № 1. 22 июня), «Нижегородец» (1912. № 100. 7 янв.; 1914. № 280. 6 янв.; № 281. 7 янв.; № 286. 18 янв.; № 287. 21 янв.), «Новой воскресной вечерней газете» (1912. № 5. 18 марта; № 6. 25 марта), журн. «Отечество» (1915. № 4, 12), «Лукоморье» (1915. № 26, 50; 1916. № 7, 8, 17, 22, 28, 29, 33, 36, 37, 42, 51, 52), «Вершины» (1915. № 16, 20, 29–30); «Новый журнал для всех» (1915. № 9); «Ежемесячник литературы, науки и общественной жизни» (1916. № 6).

²² Подробнее см.: *Шкаровский М. В.*: 1) Русские католики в Санкт-Петербурге (Ленинграде) // *Минувшее: Исторический альманах*. СПб., 1998. <Т.> 24. С. 439–483; 2) Римско-католическая церковь на Северо-Западе России в 1917–1945 гг. СПб., 1998.

²³ РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 96, л. 15.

²⁴ Там же, л. 17, 28.

²⁵ Обращение Ленинградского отдела Правления Союза в Комиссию по улучшению быта ученых (КУБУ) на предмет назначения выдачи помощи из АРА было составлено 20 мая 1924 г., с приложением списка претендентов и их анкет, в списке фамилии Крючкова нет, однако сохранилась его анкета, заполненная делопроизводителем ЛО Союза А. В. Ганзен, в которой отмечено, что Крючков страдает эпилепсией, имеет только случайный заработок и наиболее нуждается в денежной помощи, в графе «Отношение научного работника к КУБУ» указано, что он получал паек из КУБУ до октября 1923 г.; см.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 103, л. 19, 27.

²⁶ 13 авг. 1925 г. Крючков направил ему повторное письмо; письма сохранились в архиве Сологуба (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, ед. хр. 386, л. 9–14 об.), копия письма от 15 июня 1925 г. – в ГАРФ (ф. 8409, оп. 1, д. 70, л. 196), опубликованы: *Соболев А. Л.* Дмитрий Крючков. С. 210–211; Материалы к биографии Дмитрия Александровича Крючкова в архиве Федора Сологуба.

письмо терпящего глубокие нравственные и физические страдания литератора положило начало переписке Союза с общественными деятелями и различными инстанциями.²⁷ Оказавшиеся в итоге безуспешными хлопоты объединения литераторов за своего товарища продолжались на протяжении почти полутора лет: последний документ датируется ноябрем 1926 г.

В архиве Петроградского/Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей, в составе единицы хранения «Материалы по защите арестованных членов ЛО Союза» (оп. 1, ед. хр. 99, л. 11–31), отложилось 20 документов, позволяющих восстановить историю благородной, но тщетной попытки творческой интеллигенции противостоять репрессивной государственной машине. Копии и оригиналы части документов представлены в ГАРФ, в ф. 8409 («Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным»). Материалы публикуются в соответствии с их расположением в единице хранения. В Приложении представлены 2 письма Крючкова, адресованные Алексею Павловичу Чапыгину; в письмах содержится подробный рассказ о жизни Крючкова в Тутаеве, где он поселился после освобождения зимой 1932 г. Письма печатаются по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ, в фонде А. П. Чапыгина (ф. 280, оп. 1, ед. хр. 146). Орфография и пунктуация публикуемых документов приведены в соответствие с современными нормами.

²⁷ Решение о поддержке ходатайства об облегчении участи Крючкова перед ВЦИК было принято на заседании Президиума Ленинградского отдела правления Всероссийского союза писателей 29 июля 1925 г.: см.: РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 27, л. 36. Материалы по данному сюжету см. также: *Соболев А. Л.* Димитрий Крючков. С. 210–216.

1

ВО ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

Ленинградского Отдела Правления
Всероссийского Союза писателей

ХОДАТАЙСТВО

Ленинградский Отдел Правления «Всероссийского Союза Писателей» считает своею обязанностью поддержать поданное во ВЦИК 16/VI с. г. матерью и женою б<ывшего> члена «Союза» Дмитрия Александровича Крючкова ходатайство о перемещении последнего из г. Иркутска в Ленинград, т. е. по месту его оседлости.

Д. А. Крючков был арестован 7/XII 1923 г. в связи с делом «католических русских общин восточного обряда», 19/V 1924 г. осужден по ст. 61 на 10-тилетнее заключение с обычной изоляцией и с 31/VII 1924 г. находится в иркутском изоляторе.

Основаниями для ходатайства за Д. А. Крючкова служат его действительно расстроенное здоровье (эпилепсия, истерия, неврастения и невроз сердца) и то обстоятельство, что он уже с 22/IX 1924 г. переведен в разряд «исправляющихся».

В силу вышеизложенного Ленинградский отдел правления Всероссийского союза писателей и позволяет себе надеяться, что ВЦИК найдет возможным удовлетворить ходатайство.

Председатель Правления:
Секретарь:

<30 июля 1925>

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 11. Машинопись; от руки вписан исходящий номер документа – № 128. Датировка ходатайства указана в письме правления Всероссийского союза писателей, адресованного Е. П. Пешковой (см. документ № 6).

2

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРАСНОГО КРЕСТА
НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ МУРАВЬЕВУ.¹

Прилагая при сем копию письма, адресованного председателю Ленинградского отдела «Всероссийского союза писателей» Ф. К. Сологубу от б<ывшего> члена «Союза» Дмитрия Александровича Крючкова,² а также копию ходатайства, адресованного Л. О. П. В. С. П. во ВЦИК, Ленинградский отдел правления Всероссийского Союза писателей просит Вас принять участие в судьбе Крючкова и содействовать благоприятному исходу ходатайства.

Председатель Правления:
Секретарь:

1/VIII 1925 г.

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 12. Обращение отпечатано на машинке; дата и исходящий номер документа (№ 129) вписаны от руки; сверху помета: «Копия». Оригинал документа см.: ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 70, л. 197; документ подписан Федором Сологубом и А. В. Ганзен; опубликован: Соболев А. Л. Дмитрий Крючков. С. 212.

¹ Ошибка в отчестве. Имеется в виду *Николай Константинович Муравьев* (1870–1936) – юрист, адвокат, общественный деятель, правозащитник, председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г., один из учредителей Московского политического Красного Креста (МПКК), председатель его Комитета (январь 1918–октябрь 1921).

² См. примеч. 26 во вступ. статье к настоящей публикации.

3

Многоуважаемый Михаил Васильевич.¹

Наше Правление получило от б<ывшего> члена нашего «Союза» Дмитрия Александровича Крючкова просьбу поддержать ходатайство его матери и жены перед ВЦИКом о переводе его из Иркутской тюрьмы в Ленинград. Крючков – поэт и переводчик – был арестован 7-го декабря 1923 года, в связи с делом «католических русских общин восточного обряда», 19/V1924 г. осужден по ст. 61 на 10-тилетнее заключение с обычной изоляцией и отправлен в Иркутск; с 31/VIII1924 г. находится в иркутском изоляторе, и 22/IX того же 1924 г. переведен в разряд «исправляющихся». Правление отправило во ВЦИК соответствующее ходатайство, мотивируя его тем, что Крючков совершенно больной человек (эпилепсия с детства, истерия, неврастения, невроз сердца), и тем, что он уже переведен в разряд «исправляющихся». Нет ли у Вас каких ходов, чтобы это ходатайство не осталось под сукном и не было отклонено, но удовлетворено, притом в возможно скором времени. Зная Вашу отзывчивость и то, что Вы принимаете деятельное участие в здешнем Политическом Красном Кресте, Правление поручило мне – не в первый уже раз – побеспокоить Вас просьбой о товарищеском содействии в этом деле.

1/VIII1925 г.

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 13. Письмо отпечатано на машинке; дата и исходящий номер документа (№ 130) вписаны от руки.

¹ *Михаил Васильевич Новорусский* (1861–1925) – российский революционер, писатель, просветитель, первый председатель Политического Красного Креста в Петрограде, Ленинградского отделения «Помощи политическим заключенным» (ПОМПОЛИТА).

4

Многоуважаемый
Федор Кузьмич,

Я не состою Председателем Комитета Политического Красного Креста, который вообще сейчас не существует.

Ваше письмо с приложением копии письма Д. А. Крючкова я передал моему прежнему сотоварищу по работе в Политическом Красном Кресте Екатерине Павловне Пешковой, адрес которой – Кузнецкий Мост, 16,¹ и кото-

рая продолжает от себя лично хлопотать за арестованных, с просьбой оказать содействие Д. А. Крючкову в облегчении его участи.

Уважающий Вас Н. Муравьев.

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 14. На бланке: «Член коллегии защитников Николай Константинович Муравьев. Москва, ул. Кропоткина (б. Пречист.), Обухов п. 3. Тел. № 5-49-23». Письмо отпечатано на машинке; подпись вписана от руки. На письме помета рукой А. В. Ганзен: «Вход. № 163. 26/VIII- 25 г.». Копия письма: ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 70, л. 198; опубл.: *Соболев А. Л.* Дмитрий Крючков. С. 212.

¹ После 1922 г. в связи с арестом Муравьева организация, оказывающая помощь политическим заключенным, прекратила свое существование под именем Красного Креста; с 12 июня 1922 г. она называлась «Помощь политическим заключенным» (разновидности названия: «Помполит», «Политпомощь»), располагалась в доме № 16 на улице Кузнецкий Мост в Москве, возглавляла организацию *Екатерина Павловна Пеикова* (урожд. Волжина; 1876–1965), общественный деятель, правозащитница, первая жена Максима Горького.

5

Иркутск, 28 августа 1925.

Многоуважаемая Анна Васильевна!¹

Позвольте Вас горячо поблагодарить за Ваши хлопоты – за поддержку ходатайства о переводе и за деньги, переданные моей жене. Мне очень стыдно, но я очень прошу у Вас, помня о жене, исполнить еще три мои просьбы: 1) Выяснить, а какой ответ дал ВЦИК на ходатайство о переводе² (это нужно бы сделать скоро, а то придется идти по этапу зимой, что очень тяжело). 2) Я слышал, что в Москве есть комиссия, заменяющая административно приговоренным заключение – ссылкой. Нельзя ли выяснить, правда ли это и если правда, то где эта комиссия, каковы ее правила, как туда писать – я думаю, что это можно узнать через юрисконсульта Союза. 3) Если только возможно, то при случае дайте какую-нибудь работу моей жене – она без всяких средств и мое бессилие помочь ей очень меня мучает (адрес ее: ул. Белинского (б. Симеоновская), д. 6, кв. 14. М. А. Крюčkова). Вот то, с чем я решился надоедать Вам – простите меня Христа ради за бесцеремонность. Будьте здоровы и веселы – да сохранит Вас Господь. Передайте мой привет Ф. К. Сологубу и всем, кто меня помнит. Желаю Вам всего, всего лучшего, еще раз горячо благодарю за помощь и жду с нетерпением Вашего ответа.

Искренно уважающий Дм. Крючков.

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 15. Почтовая карточка; адрес отправителя: Иркутск. Изолятор. 9 пост, камера 63, срочно-закл<юченный> Крючков Д. А.; адресовано: Ленинград. Фонтанка, д. 50, кв. 26. Всероссийский Союз писателей, секретарю союза Анне Васильевне Ганзен. По штемпелю: отправлено 29 авг. 1925 г., получено 7 сент. 1925 г., штамп: «Проверено. 28/VIII – 1925 г.». Помета рукой А. В. Ганзен: «Вх<одящий> № 170. 19/IX 1925».

¹ *Анна Васильевна Ганзен* (урожд. Васильева; 1869–1942) – переводчица со скандинавских языков, с 1920 по 1932 г. – казначей и делопроизводитель Петроградского/Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей.

² Письмо было рассмотрено на заседании Ленинградского отдела Правления Всероссийского союза писателей 16 сент. 1925 г.; на заседании присутствовали: «Председатель Ф. К. Сологуб, казначей А. В. Ганзен, секретарь М. В. Борисоглебский, члены Правления: Н. В. Баршев, В. А. Рождественский, В. В. Смиренский, К. А. Федин, В. Д. Четвериков и М. М. Шкапская, член Ревизионной комиссии П. Я. Заволокин, члены Хоз<яйственной> комиссии А. М. Аничкова и С. П. Кублицкая-Пиотух и член Союза К. И. Чуковский»; отражено в протоколе заседания (пункт 14): «Письмо Д. А. Крючкова с просьбой сообщить о результате ходатайства об облегчении его участи, возбужденного Правлением 30-го июля с. г.» с резолюцией: «Запросить Е. П. Пешкову, взявшую на себя хлопоты о смягчении участи Д. А. Крючкова» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 22, л. 21 об.).

6

Екатерине Павловне Пешковой.
Москва

Многоуважаемая Екатерина Павловна,

Узнав из письма члена Коллегии защитников Ник<олая> Конст<антиновича> Муравьева, что Вы взяли на себя хлопоты по облегчению участи Д. А. Крючкова, Ленинградский отдел правления Всероссийского Союза писателей обращается к Вам с просьбой сообщить ему по вышеуказанному адресу ответ ВЦИКа на ходатайство Союза от 30 июля с. г. за № 128 о переводе Крючкова из Иркутска в Ленинград. В полученном недавно от Д. А. Крючкова письме он спрашивает, начала ли уже функционировать организованная в Москве комиссия по замене административно-приговоренным тюремного заключения ссылкой и если да, то просит возбудить ходатайство о нем перед этой комиссией.

Правление ВСП заранее выражает Вам благодарность за исполнение его просьбы.

Председатель правления
Секретарь

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 16; копия на бланке «Всероссийский союз писателей. Ленинград. Фонтанка, 50, кв. 26», дата: 23 сент. 1925 г., исходящий № 158. Оригинал письма см.: ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 70, л. 199; письмо подписано Федором Сологубом и М. В. Борисоглебским; на письме – резолюция М. Л. Винавера: «Изв<естить>, что в ОГПУ отказ<ано> в пересмотре. Насчет перев<ода> в Ленинград прислать мотивиров<анное> заявл<ение> в ОГПУ по нашему адресу. 29/09. М. В<инавер>»; конверт надписан ответственным секретарем Ленинградского отдела правления Всероссийского союза писателей Михаилом Васильевичем Борисоглебским (наст. фам. Шаталин; 1896–1942): «Екатерине Павловне Пешковой. Москва. Кузнецкий Мост, 16»; отправлено по штемпелю 27 сент. 1925 г.; помета: «Вх. 6960. 29/IX-25»; опубликовано: *Соболев А. Л.* Димитрий Крючков. С. 212.

7

Во Всероссийский Союз писателей.

При сем препровождаю отношение на Ваше имя за № 4983 от 1/X 1925 года, полученное нами от Е. П. Пешковой для передачи Вам.

Секретарь В. Качоровск<ий>

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 17; на бланке «С. П. Швецов «Помощь полит. заключенным». Ленинград. Троицкая 30, кв. 12»; дата: 9 окт. 1925 г., № 165; помета: «Вх<одящий> № 189. 12/Х-25».

8

Во Всероссийский Союз писателей.
Ленинград,
Фонтанка, 50, кв. 26

В ответ на Ваше обращение сообщаю, что в пересмотре дела Д. А. Крючкова – отказано.

Для возбуждения ходатайства о переводе Д. А. Крючкова в Ленинград Вам следует прислать мотивированное заявление в ОГПУ. Заявление можете направить нам для передачи по назначению.

Желательно, чтобы сам заключенный также подал заявление с своей стороны.

М. Л. Винавер¹

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 18. На бланке: «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным. Москва. Кузнецкий Мост, 16. Тел. 2-41-90»; дата: 1 окт. 1925 г., № 4983. Документ опечатан на машинке, подпись вписана от руки. Помета: «К вх<одящему> № 189 12/Х-25 г».

¹ Адресат письма – *Михаил Львович Винавер* (1880–1942?) – российский политический деятель, один из учредителей МПКК, заместитель председателя МПКК (1918–1922), заместитель Е. П. Пешковой по работе в организации «Помощь политическим заключенным» (ПОМПОЛИТ; 1922–1938) и в Бюро Уполномоченного Польского Красного Креста (1920–1937).

9

Дмитрий Александрович Крючков.

По делу № 21935 – Обвинен по статье 61, приговор – Иркутский изолятор на 10 л. 8 дек. 1923 г. Приговор приведен в исполнение и Крючков выслан 31 июня <так!> 1924 г. Союз Ленинградских литераторов ходатайствовал о смягчении участи Крючкова. В этом году его семья возбудила ходатайство перед ВЦИК о переводе Крючкова в Ленинградский изолятор. Просьба семьи Крючкова Союзу ленинградских литераторов: снести с Московским отделением Союза, узнать, в каком положении ходатайство семьи, и поддержать это ходатайство перед ВЦИК.

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 19. Справка рукой М. А. Крючковой <?>; помета: «Вх<одящий> № 209. 11/Х– 25 г.».

10

В Комитет помощи политическим заключенным
Москва. Кузнецкий мост, 16.

Согласно Вашему отношению № 4983 от 1-го октября с/г. препровождаем Вам при сем наше заявление в ОГПУ относительно перевода Д. А. Крючкова в Ленинград, которое Вы любезно вызвались передать по назначению. Про-

сим Вас не отказать уведомить нас о результате и приносим Вам сердечную благодарность за товарищеское содействие.

Председатель Правления
Секретарь

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 20. Копия; на бланке: «Всероссийский союз писателей. Ленинград, Фонтанка, 50, кв. 26»; дата: 18 нояб. 1925 г., № 227. Подлинник документа см.: ГАРФ, ф. 8409, оп. 1, д. 70, л. 201; документ подписан Федором Сологубом и М. В. Борисоглебским; резолюция Е. П. Пешковой: «Передать в С<ледственный> о<тдел> ОГПУ 30/XI 25, по получении ответа известить Всер<оссийский> Союз Пис<ателей>»; помета: «Заявл<ение> напр<авлено> <в> С<ледственный> о<тдел> 30/XI»; конверт надписан М. В. Борисоглебским: «Заказное. В Комитет помощи политическим заключенным. Москва. Кузнецкий Мост, 16. (От Правл<ения> Всерос<сийского> союза писателей. Фонтанка, 50, кв. 26)». Помета на конверте: «Вх<одящий> <№> 7505. 27/XI-25».

11

В О.Г.П.У

Ленинградского отдела Правления
Всероссийского союза писателей, пом.
в Ленинграде, по Фонтанке, д. № 50,
(по делу № 21935/1923 г.)

Заявление

Член Всероссийского союза писателей Дмитрий Александрович Крючков отбывает наказание в Иркутском изоляторе, согласно постановлению от 8-го декабря 1923 г., приведенному в исполнение 31 июня <так!> 1924 г.

По поступившим в Правление Союза сведениям гр. Крючков страдает эпилепсией, пороком сердца и тяжелой истерией, вследствие чего пребывание в Иркутске, на далеком расстоянии от старухи-матери и жены, находящихся в Ленинграде, без возможности свиданий и – с соответственного разрешения – специальной медицинской помощи, чрезвычайно тяжело отзывается на здоровье Д. А. Крючкова.

Ввиду изложенного Правление Союза ходатайствует о перемещении Д. А. Крючкова в Ленинградский изолятор.

Председатель правления
Секретарь

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 21. Копия, на бланке: «Всероссийский союз писателей. Ленинград, Фонтанка, 50, кв. 26», дата: 18 ноября 1925 г., исходящий № 228.

12

Всероссийский союз писателей.
Ленинградское отдел<ение>.

Ленинград,
Фонтанка, 50, кв. 26

В ответ на Ваше заявление сообщаю, на основании справки, полученной из ОГПУ, что в ходатайстве о переводе Д. А. Крючкова в Ленинград – отказано.

М. Л. Винавер

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 22. Документ отпечатан на машинке, подпись вписана от руки. На бланке: «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным. Москва, Кузнецкий Мост, 16. Тел. 2-41-90», дата: 5 декабря 1925 г., № 5854; помета: «К вх<одящему> № 228 12/ХП – 25 г.

13

Копия

8/VI– 26 г.

Справка.

Срочно-заключен<ный>, Крючков, Дмитрий Александрович, имеет невроз сердца, эмфизему легких, начинающийся склероз и общую неврастению.

Место печати

Ставрач: подпись

Александровского изолятора

С подлинным верно

Делопроизводитель К. Жихарева¹

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 99, л. 23. Документ отпечатан на машинке, подпись вписана от руки; поставлена печать правления Ленинградского отдела Всероссийского союза писателей.

¹ *Жихарева Ксения Михайловна* (в замужестве Шишкова; 1879–1950) – писательница, переводчица.

14

Копия

В Президиум Всероссийского Центрального исполнительного комитета

гор. Москва

Политзаключенного Александровского изолятора
специального назначения КРЮЧКОВА Дмитрия

Александровича

ХОДАТАЙСТВО О ПЕРЕСМОТРЕ ПРИГОВОРА

Постановлением судебного заседания Коллегии ОГПУ при СНК СССР от 19 мая 1924 года я осужден по делу за № 21935 на десять лет лишения свободы с обычной изоляцией. В заключении нахожусь с 8 декабря 1923 года.

Я был привлечен ГПУ в Ленинграде по делу ленинградской общины русских католиков восточного обряда – там мне было предъявлено обвинение по ст. 68 У. К., замененное затем в Москве ст. 61 У. К. За все время следствия меня допрашивали полчаса, хотя следствие и длилось полгода – несмотря на все настояния предъявить какие-либо конкретные фактические обвинения, я ничего от следователя добиться не мог. Узнав, при получении мною

в Бутырской тюрьме 3-го июня 1924 года вышеупомянутого постановления, что я осужден на десятилетнее заключение, как активный член Ленинградской контрреволюционной организации, я тотчас же подал протест на имя прокурора Республики. На таковой я ответа никакого не получил и 7-го июня 1924 года был отправлен этапом в Иркутский изолятор, откуда 11-го февраля 1926 года переведен в Александровский изолятор. Два с половиной года я ждал, что будет обращено внимание на мое положение, и ничего не дождался – я оторван от близких и любимого труда, лишен фактически с момента ареста возможности свиданий с родными, так как они не имеют средств для приезда в Сибирь, и нахожусь в заключении, неизвестно за что и почему.

Начав свою литературную деятельность в 1911 году, я до последнего дня был всегда не только беспартийным, но и безусловно аполитичным человеком. Никогда не скрывал, что я – не марксист и не материалист, я жил исключительно интересами искусства и религии. И привлечение меня к суду ГПУ базировалось исключительно лишь на факте принятия мною католичества осенью 1923 года, т. е. конкретном использовании свободы вероисповедания и религиозной пропаганды, гарантированной всем гражданам основными статьями Конституции СССР. Совершенно необоснованное обвинение по ст. 68 У. К. было в Москве заменено невероятным обвинением по ст. 61 У. К. в то время, как я ни друзей, ни просто знакомых за границей не имел и не имею, никакой переписки с заграницей не вел и никакого отношения к «западной буржуазии» не имел. Переход мой объяснялся лишь причинами личного, метафизическо-религиозного характера – католичество, как идея истинной Церкви Христовой, привлекало меня издавна, и в данном случае я лишь конкретизировал свои убеждения, на что, конечно, имел и имею право как гражданин СССР. Ни о каких контрреволюционных организациях я ни от одного католика – ни клирика, ни мирянина – никогда ничего не слышал, и постановление ГПУ поставило лишь меня перед какой-то загадкой, совершенно необъяснимой и до сих пор – ведь нельзя же участвовать в сообществе, да еще активно, и ничего не знать о его существовании. Все общение мое с членами ленинградской общины ограничивалось исключительно вопросами церковной жизни, и о политике даже и речи никогда между нами не заходило. Ручательством за правдивость моих слов может прежде всего служить мое незапятнанное прошлое – я с 17 лет жил на личный заработок, работая в качестве домашнего учителя, репетитора, конторщика в частном банке и затем писателя. Работа моя протекала исключительно в области поэзии, беллетристики и литературной критики. После революции я не эмигрировал, долгое время работал в И<здательств>е «Всемирная Литература» в качестве переводчика, переводя Гете, Вагнера, Гофмана и других. Будучи давним членом Союза писателей, я имею полное право сослаться на свидетельство как Союза в целом, так и отдельных членов его, хорошо знающих меня лично, и полагаю, что они подтвердят все, сказанное мною.

Мне идет сороковой год – в течение девятнадцати лет я страдаю эпилепсией, которая сейчас осложнилась неврозом сердца, эмфиземой легких и начи-

наоцимся склерозом сосудов. Конечно, жизнь за решеткой, оторванность от близких, невозможность заниматься привычным умственным трудом – все это отражается на организме. В Ленинграде живет моя старуха-мать, которую я, при настоящих условиях, очевидно, никогда больше не увижу; жена осталась без всяких средств, так как мы и до этого жили бедняками на грошовый литературный заработок, имея в качестве имущества лишь платье да книги и живя в полуподвальном помещении.

Таково сейчас положение дела. Я думаю, что имею право, как честный труженик, настаивать на пересмотре явно несправедливого и ни на чем не основанного судебного постановления. Политического обвинения мне предъявлять невозможно, так как таковое может основываться лишь на клевете и фантазии, – за религиозные же мои убеждения никто карать меня не может. На основании всего вышесказанного я настаиваю на пересмотре постановления и на освобождении меня из заключения, как обвиненного совершенно голословно и безосновательно.

Если же пересмотр является невозможным и меня будут держать за решеткой за мои религиозные убеждения, то тогда я, подчиняясь как христианин решению власти, прошу возможно скорее перевести меня в Ленинград. Там я смогу видаться с матерью, женою и родными, пользоваться их поддержкой, необходимой для моего надорванного организма, и иметь регулярно книги для научно-литературной работы. Этого не лишают даже убийц, насильников и грабителей – думаю, что просьба моя вполне исполнима, принимая, тем более, во внимание все прилагаемые к сему документы.

Политзаключенный

(подпись) Дм. Крючков

Александровск

2-го июля 1926 года

Я, пролетарский писатель Алексей Павлович Чапыгин,¹ работаю в литературе 22 года, лично известен А. В. Луначарскому² с 1905 г.

Свидетельствую, что, зная давно Крючкова Дмитр<ия> Александровича, встречался с ним часто по литерат<урным> делам в редакции «Всемирн<ой> Литературы» и других и никогда не слышал от него никаких контрреволюционных слов или порицания существ. Государственному строю СССР.

(Подпись) А. Чапыгин

16/VII – 26 г.

Из моих нескольких встреч с Д. А. Крючковым в издательстве «Всемирная Литература» я вынес впечатление, что Д. А. Крючков – человек глубоко-религиозный (в философском понимании этого слова) и совершенно не интересующийся вопросами ни внутренней, ни внешней политики.

Писатель Вяч. Шишков³

Караванная, 18, кв. 8, Ленинград.

30-7-26

Р. С. Поэтому участие Д. А. Крючкова в какой бы то ни было контрреволюционной организации кажется мне маловероятным Вяч. Ш<ишков>.

С подлинным верно.

Отв<етственный> Секретарь Л<енин>гр<адского> Отд<ела> Правл<ения>
Всеросс<ийского> Союза писателей

М. Борисоглебский

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 24–25. Ходатайство Крючкова и свидетельство А. П. Чапыгина отпечатаны на машинке. Свидетельство В. Я. Шишкова приписано и заверено М. В. Борисоглебским.

¹ Чапыгин Алексей Павлович (1870–1937) – прозаик, драматург, сценарист.

² Луначарский Анатолий Васильевич (1875–1933) – революционер, государственный деятель, писатель, переводчик, критик, искусствовед.

³ Шишков Вячеслав Яковлевич (1873–1945) – прозаик; состоял в правлении Союза в 1920–1924, 1926–1929 гг.

15

В Ленинградское отделение Всероссийского союза писателей

члена Союза Дмитрия Крючкова

Заявление

Прилагая при сем ходатайство во ВЦИК, прошу Союз поддержать его в письменной форме и направить по адресу через наркома просвещения Луначарского. Все необходимые пояснения может дать Алексей Павлович Чапыгин, который хорошо знает мое дело.

Дм. Крючков

Александровск,
2 июля 1926 года

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 26. Автограф. Помета: «Вх<одящий> № 487. 10/VIII–26».

16

В Президиум Всероссийского Центрального
Исполнительного комитета

Препровождая при сем ходатайство политзаключенного Александровского изолятора специального назначения Крючкова Дмитрия Александровича, осужденного 19-го мая 1924 года по делу за № 21935 на десять лет лишения свободы с обычной изоляцией, Ленинградский Отдел правления Всероссийского союза писателей, с своей стороны, поддерживает ходатайство Крючкова

о пересмотре его дела, так как Правление, хорошо зная Крючкова, в течение нескольких лет состоявшего членом Союза, убеждено в полной его лояльности.

Приложения:

1. Ходат<айство> Д. А. Крючкова
2. Ходат<айство> П. Н. и М. А. Крючковых
3. Справка о состоянии здоровья Д. А. Крючкова – все в 2-х экз<емплярах>.

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 27. Помета: «№ 1227. 14/VIII – 26».

17

Члену правления
А. Н. Тихонову¹
Москва

Многоуважаемый
Александр Николаевич,

Обращаемся к Вам с просьбой дать ход прилагаемым к сему бумагам – ходатайству Д. А. Крючкова о пересмотре его дела и переводе в Ленинград. Одну из копий ходатайства просим приложить к подлинному, при подаче его в президиум ВЦИКа, другую передать А. В. Луначарскому, по его возвращении из отпуска, а третью Е. П. Пешковой. Передайте, пожалуйста, нашу просьбу А. М. Эфросу² также принять участие в этом деле и оказать возможное содействие для облегчения судьбы Д. А. Крючкова, находящегося в заключении, в самых тяжелых условиях, уже почти три года.

Также просим Вас не отказать в любезности сообщить нам ответ Московского Отдела Правления на нашу просьбу о выдаче за нашим поручительством ссуды Г. Г. Генкелю³ в размере 100 рублей, о чем мы писали в Правление 30-го июля за № 1220.

С совершенным уважением
Отв. Секретарь Правления

4 приложения

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 99, л. 28. Помета: «№ 1228. 14/VIII-26 г.».

¹ *Тихонов Александр Николаевич* (псевд. Серебров; 1880–1956) – прозаик, в 1918–1924 гг. – заведующий издательством «Всемирная литература», заведующий издательствами «Круг», «Федерация», главный редактор издательства «Academia», с октября 1920 г. по 1926 г. – член Петроградского/Ленинградского отдела правления Всероссийского союза писателей.

² *Эфрос Абрам Маркович* (1888–1954) – искусствовед, литературовед, поэт, переводчик, член Правления Всероссийского союза писателей (1921–1929).

³ *Генкель Герман Германович* (1865–1941?) – востоковед-гебраист, переводчик.

Члену правления Л. О. В. С. П.
А. Н. Тихонову

Глубокоуважаемый и дорогой
Александр Николаевич,

Прошу Вас подписать прилагаемую анкету и вернуть ее нам, по возможности, с обратной почтой – ее нужно предоставить в Губисполком, так как подписанный Вами экземпляр они зарегистрировали и возвратили нам, и у них осталась только такая же копия, без Вашей подлинной подписи.

14-го августа я послал Вам заказное письмо с приложением ходатайства члена Союза Д. А. Крючкова во ВЦИК и копиями для доставления А. В. Луначарскому и Е. П. Пешковой. Будьте добры сообщить, получено ли Вами это письмо и удалось ли Вам что-нибудь по этому вопросу сделать.¹

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 99, л. 29. Машинопись, помета от руки: «5/X-26. <№> 1280».

¹ «Заявление Ленинградского отдела о писателе Крючкове, находящемся в ссылке» зафиксировано как 7-й пункт протокола № 29 заседания Правления Московского отделения Всероссийского союза писателей от 1 окт. 1926 г., с резолюцией: «Обратиться с просьбой к прокурору Республики тов. Крыленко об облегчении участи сосланного писателя Крючкова» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, ед. хр. 714, л. 37). В фонде М. В. Борисоглебского в ОР РНБ сохранился ответ А. Н. Тихонова на это и предыдущее письмо:

Уважаемый Михаил Васильевич!

Я был два месяца в отъезде и получил Ваше письмо в Крыму, где, конечно, ничего не мог сделать относительно поручений, данных мне Правлением.

На днях вернулся в Москву и предпринял необходимые манипуляции. Результат пока отрицательный. В ответ на хлопоты по поводу Крючкова лицо, от которого зависит его участь, сказал просительно: «Дайте мне слово, что Вы никогда не будете просить об этой группе лиц. Это хитрые и ловкие люди», несмотря на это я предполагаю вести через т. Рязанова атаку с другой стороны, но, конечно, в успехе не уверен.

Подано также ходатайство т. Крыленко. Указанные Вами лица – для ходатайства непригодны. <...>

Ничего интересного в жизни нашего Союза пока нет. Работа Правления ограничивается мелкими текущими делами. В случае каких-либо принципиальных вопросов – буду Вас об них информировать и вообще обещаю, пока я в Москве, – блюсти всемерно интересы Ленинграда. Передайте мой искренний привет Федору Кузьмичу и всем другим членам Правления.

11 / X 26
Жму руку. А. Тихонов
(ОР РНБ, ф. 92, оп. 1, № 287, л. 5; сведения предоставлены Т. А. Кукушкиной).

Александровск, 17 октября 1926.

В августе Вами послано ходатайство о пересмотре моего приговора (вместе с другими бумагами) в Московское отделение Союза и Е. П. Пешковой. Прошу сообщить мне, если возможно, в каком положении сейчас находятся эти бумаги. Искренно уважающий Дм. Крючков.

Адрес мой: Иркутская губ. Усольское почт. отд. Александровский изолятор п. 4 кам. 27 заключенному Крючкову Д. А.

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 99, л. 30. Почтовая карточка. Текст письма – автограф. Адресовано: Ленинград, Фонтанка, д. 50, кв. 26. Ленинградскому Отделению Всероссийского союза писателей. Отправлено по штемпелю 27 окт. 1926 г.; получено – 31 окт. 1926 г. На тексте письма штамп «Просмотрено»; помета: «Вх<одящий> № 556. 1/ХI-26 г.».

20

Д. А. Крючкову
Почт. ст. Усолье
Иркутской губ.

В ответ на Ваш запрос от 17-го октября с/года сообщаем, что ходатайство Ваше в Президиум ВЦИКа препровождено нами по назначению 14-го августа с/г. за № 1227, но, к сожалению, до настоящего времени благоприятного ответа на него не последовало. Одновременно сообщаем Вам, что хлопоты по Вашему делу нами продолжаются.

Председатель правления
Отв. секретарь

РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 99, л. 31. Машинопись, помета: «18 ноября <19>26. <№> 1877».

Приложение
Письма Д. А. Крючкова А. П. Чапыгину

1

Тутаев, 27 марта 1933
Дорогой
Алексей Павлович!

Получил Ваше письмо и деньги, искренно и сердечно Вас благодарю и крепко-крепко жму руку. Я живу здесь на положении безработного – хотела мне дать технические переводы с английского местная зоостанция, но ей не отпустили прежних кредитов. Ездил в Ярославль и там ничего не нашел, хотя там и работает немного нашего брата – напр<имер>, в городском музее имеется такая крупная величина, как проф<ессор> Фармаковский,¹ который тоже состоит в числе ссыльных. Если у меня не наладится с «Волгостроем», то к маю думаю уехать обратно в Сибирь на год или на два – вернее всего в Красноярск, там, по-видимому, найдется работа.

Живу я в патриархальной, тихой семье, в маленьком домике около знаменитого древнего собора. Плачу 20 рублей в месяц за комнату, самовар и пр. Питаюсь желудевым кофе и хлебом, изредка достаю молоко. Для того чтобы достать муки побольше, пришлось отдать обручальной кольцо в местный «Торгсин» – за деньги здесь можно добыть муку только случайно. Встаю в 7 ч. утра, ложусь в 8 вечера (керосина у хозяев нет, и поэтому вся жизнь с наступлением темноты замирает). Усиленно занимаюсь английским – припомнил

все, что учил в школе, прочел три-четыре романа, сейчас прохожу вторую грамматику и знакомлюсь с идиотизмами и в результате разбираюсь вполне прилично. Летом выйдя из заключения, я могу читать книги и переводить немецкие, французские, английские, итальянские, польские и латинские – это уже кое-что – значит, не пропало даром время.

Настроение среднее – хочется определенности, какого-нибудь заработка, кроме того, безумно тоскую по теплу, по весне после такой длинной, суровой зимы (у нас в Осиновке холод доходил до 61 градуса!). Я подал заявление уполномоченному и просил разрешения уехать на неделю в Ленинград на свидание с родными и для устройства дел – это прошение находится сейчас в Москве, и ответ ожидается не позже Пасхи. Если разрешат, то я приеду дней на 5 в Ленинград и надеюсь тогда с Вами повидаться, мне бы очень хотелось с Вами потолковать. Я, конечно, страшно отстал от всех литературных дел за эти годы, и мне очень бы хотелось узнавать от Вас новости в этой области, если бы Вы, конечно, ничего не имели против переписки со мной – напишите мне об этом. Не так давно я читал Вашу автобиографию² – она меня очень заинтересовала, но, к сожалению, мне ее дали на очень малое время, да и к тому же книжка была дефективная – не хватало целого ряда страниц. Если бы у Вас была возможность прислать мне экземпляр этой автобиографии и «Разина Степана»³ (я так и не достал его нигде, но очень, очень хочу прочесть) – то буду Вам бесконечно благодарен. Я за эти годы не писал ничего – читал не так много и урывками. А будучи в одиночке, занимался языками, философией и богословием. Только в последний год на меня накатило и написал целую кучу лирических стихов – почти целую книгу. Там были вещи недурные, но я сжег их недавно, так как они были слишком интимными и к тому же являлись следствием одного глупого и ненужного увлечения!

У меня есть план большого романа-трилогии автобиографического характера, обнимающего время от 80-х годов до наших дней. Мне бы хотелось назвать его романом о трех латинских v: *via*, *veritas* и *vita*. В роман должны войти те многочисленные люди самых разных кругов, с которыми мне приходилось сталкиваться в течение моей пестрой жизни. Я полагаю, что и при современных условиях я мог бы написать и напечатать две первые части, которые должны обнимать период 1887–1917 года. Но для разработки первой части мне надо воссоздать физиономию Петербурга того времени – необходимы газеты того времени, а их можно достать только в моем милom Ленинграде, куда меня, увы, пока что не пускают!

И еще одна просьба – ввиду отсутствия заработка у меня есть намерение продать кое-что из книг: напр<имер>, словарь древнерусского языка (Вы с ним знакомы), несколько томов Пушкина академического издания, еще другие научно-филологические книги и художественные издания – напишите, где бы я мог найти покупателя получше и можно ли за это выручить приличные деньги. Итак, кончаю мое бесконечно длинное письмо и надеюсь, что Вы не рассердитесь за мою длинную болтовню и вскоре ответите мне. Я бы все-таки очень, очень хотел иметь письменное общение с Вами! Кланяйтесь всем, кто меня знает и *хочет* помнить! Куда девался В. Н. Княжнин⁴ – не знаете?

Пишите мне по адресу: г. Тутаев Ивановской обл. ул. 3-го Интернационала д. 96 (Чудановой) Крючкову Д. А.

Жму Вашу руку и ожидаю ответа. Искренно Вам преданный Дм. Крючков

¹ *Фармаковский Мстислав Владимирович* (1873–1946) – искусствовед, археолог, художник; доктор исторических наук, профессор; главный хранитель и ученый консультант Государственного Русского музея, сотрудник Института археологической технологии и химической лаборатории Ленинградского отделения Института истории материальной культуры АН СССР (1919–1946); в 1930 г. в результате «чистки кадров» уволен из Государственной академии истории материальной культуры и в 1931 г. выслан в Ярославль, где работал научным сотрудником в краеведческом музее.

² По-видимому, речь идет об автобиографическом романе А. П. Чапыгина «Жизнь моя» (Л., 1930).

³ Имеется в виду роман Чапыгина «Разин Степан» (М.; Л., 1931). Некоторые переиздания этого романа выходили также под заглавием «Степан Разин».

⁴ *Княжнин Владимир Николаевич* (1883–1941) – поэт, критик, литературовед, библиограф.

2

Тутаев, 12 апреля 1933

Дорогой Алексей Павлович!

Книгу я от Вас получил и шлю Вам за нее сердечную, искреннюю благодарность! Читал я ее очень медленно, внимательно и в результате пришел к выводу, что Вы за эти годы выросли здорово – не достать! Прекрасная книга, сильная и насыщенная жизнью! Нравится мне ее язык – красочный, разнообразный, густой! Очень хороша Персия – там есть страницы, которые, по-моему, должны стать классическими, затем московские сцены и сцена в астраханском соборе, когда Разин поет с Лазункой. По старой привычке критика я не могу, однако, удержаться и от некоторых замечаний. Кажется мне, что в церковной сфере допущено несколько ошибок – духовенство носит длинные волосы – в XVII веке все они стриглись в кружки, как сейчас у единоверцев и старообрядцев; у астраханского митрополита на груди крест – а почему не панagia – епископы не носили крестов; молятся на коленях – по старому обряду творят метания, а на коленях не стоят, это латинский стоик молится, и старообрядцы говорят, что это значит уподобляться воинам Пилата; у протопопа фиолетовая камилавка – таковые, насколько мне известно, изобретены в синодальный период; затем Иисусова молитва в главе «Симбирск» цитируется неправильно – не «Господи Иисусе Боже наш», а «Иисусе Сыне Божий». Вот, кажется, и все – конечно, все это мелочи, но в такой громадной, с таким большим мастерством написанной картине они колют глаз! Теперешний массовый читатель, конечно, не имеет понятия об этих вещах, и я пишу только потому, что, так сказать, специализировался на этом вопросе – в цитируемых грамотах стоит 174, 175 год – по какому столетию – никак не могу догадаться! Затем одно общее впечатление: обилие описаний казней, пыток и некоторая подчеркнутость сексуальных мотивов придает роману очень силь-

ный садическо-сексуальный привкус. Это очень своеобразно и, конечно, дело индивидуального подхода, хотя, подумав об этом, я пришел к заключению, что Вы правы – ведь сказал же Пильняк, что «революция пахнет половыми органами»!¹ Очень хороша своим мрачным, диким колоритом битва под Симбирском – читая эти страницы, я почему-то вспомнил «Сечу при Керженце» Римского-Корсакова.² Словом, Вы написали отличную книгу – с этим я Вас поздравляю – такие вещи может писать только большой мастер – а так как я искренно люблю искусство слова, то очень радуюсь новому обогащению родной литературы и жму крепко Вашу руку! Мне еще пока нет хода в Ленинград – 20-го поеду за ответом и, будучи оптимистом, все еще не теряю надежды побывать на «берегах Невы»! К нам наконец пришла весна – тепло, голубеет небо, благорастворение воздушных масс, но все еще грязно и Волга не прошла – все же, значит, мне суждено насладиться весной на Волге, а здесь она очень хороша! Ну, будьте здоровы – еще раз спасибо за подарок – привет всем, кто меня знает и помнит! Всего Вам лучшего! Да, все ли песни, приведенные в романе, подлинно народные или нет? Если вздумаете написать мне, буду очень рад и благодарен. Ваш Дм. Крючков.

¹ Высказывание («...я чувствую, что вся революция – вся революция – пахнет половыми органами») вложено в уста героини повести Б. А. Пильняка «Иван-да-Марья» (1921) Ксении Ордыниной.

² «Сеча при Керженце» – музыкальная картина из III действия оперы Н. А. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Февронии» (1907).

Библиографический список

1. Блок в архиве Вс. А. Рождественского / предисл. и публ. М. В. Рождественской; коммент. Р. Д. Тименчика // Литературное наследство. М., 1987. Т. 92, кн. 4. С. 691.
2. *Бовкало А. А.* Д. А. Крючков и Петроградский богословский институт // Русская литература. 1997. № 1. С. 182–185.
3. *Крусанов А. В.* Русский авангард. 1907–1932: Исторический обзор: в 3 т. М., 2010. Т. 1. Книга 1, 2.
4. *Кукушкина Т. А.* Всероссийский союз писателей. Ленинградское отделение (1920–1932). Очерк деятельности // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2001 год. СПб., 2006. С. 84–141.
5. Материалы к биографии Дмитрия Александровича Крючкова в архиве Федора Сологуба / публ. А. В. Крусанова, Т. В. Мисникевич // Русская литература. 2018. № 4.
6. *Никольская Т. Л.* Крючков Дмитрий Александрович // Русские писатели. 1800–1917. М., 1994. Т. 3. С. 191–192.
7. *Соболев А. Л.* Дмитрий Крючков // *Соболев А. Л.* Летейская библиотека: Биографические очерки. М., 2013. С. 188–219.
8. *Шкаровский М. В.* Римско-католическая церковь на Северо-западе России в 1917–1945 гг. СПб., 1998.
9. *Шкаровский М. В.* Русские католики в Санкт-Петербурге (Ленинграде) // Минувшее: Исторический альманах. СПб., 1998. <Т.> 24. С. 439–483.

**«ГОРИСЛАВИЧ» (ИСТОРИЧЕСКИЕ КАРТИНЫ XII ВЕКА)»
А. П. ЧАПЫГИНА**

*(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
Т. В. Игошевой)*

Аннотация: Работа посвящена публикации ранее не издававшейся пьесы А. П. Чапыгина «Гориславич» (1919). Пьеса в момент своего создания привлекла внимание таких крупных литераторов, как Горький и Блок, необычностью своего языка, представляющего собою сплав литературного русского языка и окказионализмов, древнерусского языка с церковнославянским. Во вступительной статье прослеживается история создания и обсуждения пьесы. К публикации прилагается исторический комментарий и объяснительный словарь.

Ключевые слова: А. П. Чапыгин, М. Горький, А. Блок, драма «Гориславич».

Abstract: The work is devoted to the publication of the previously unpublished play by A. P. Chapygin «Gorislavich» (1919). The play at the time of its creation will attract the attention of such great writers as Gorky and Blok by the uniqueness of their language, which is a fusion of the literary Russian language and occasionalisms, the Old Russian language with the Church Slavonic. The introductory article traces the history of creation and discussion of the play. The publication is accompanied by a historical commentary and an explanatory dictionary.

Key words: A. P. Chapygin, M. Gor'kiy, A. Blok, drama «Gorislavich».

В истории русской литературы XX в. Алексей Павлович Чапыгин (1870–1937) известен как мастер исторического жанра; прежде всего – как автор романа «Разин Степан» (1927). Однако подходы к художественному освоению исторического материала Чапыгин начал делать задолго до появления «Разина»: один из первых опытов такого рода был предпринят им в 1918–1919 гг. Речь идет о неопубликованной пьесе «Гориславич» (1919), хранящейся в РО ИРЛИ и посвященной событиям Древней Руси, где главным героем стал князь Олег Святославич, получивший прозвище Гориславич. Имя его не раз встречается в летописных источниках,¹ под прозвищем Гориславич упомянут он и в «Слове о полку Игореве».

Хорошо известно, что первые шаги в литературе Чапыгин делал под руководством В. Г. Короленко и Н. К. Михайловского. Позже его творчеством заинтересовался М. Горький, который не только давал оценку присылаемым ему произведениям автора «Белого скита», но и стремился интеллектуально,

¹ Лаврентьевская и Ипатьевская летописи впервые упоминают об Олеге Святославиче под 1076 г.

духовно направлять этого литератора, повторившего в каком-то смысле его собственный путь «писателя из народа».

Ранние произведения Чапыгина (вплоть до революции 1917 г.) были посвящены изображению деревни с ее крепким бытом, мистическим мировоззрением, культом силы и хозяйственной крепости. Но уже в 1910 г. Горький дает Чапыгину рекомендации по расширению творческого репертуара. В частности, он пишет: «Надо знать историю тех людей, о которых рассказываете: Ключевский интересно освещает историю народа, но – Соловьев еще интереснее рассказал ее, и вы его почитайте».² Т. е. от собственно народной темы в ее социальном звучании Горький стремится развернуть литературные интересы Чапыгина к русской национальной истории.

Позже Горький обращает внимание Чапыгина на оригинальную фигуру средневековой Руси – князя Олега Святославича. Об этом свидетельствует его записка 1918 г.: «Для А. П. Чапыгина. Обратите, А П, внимание на родословную Олега – Михаила³ Святославовича – он же Гориславич».⁴

В конце 1918 г.⁵ Чапыгин уехал из Петербурга в Харьков, как он сам выразился, «спасаться от голода».⁶ Судя по мемуарному очерку Чапыгина «Беседы с Горьким», перед отъездом он зашел к Горькому: «Я зашел к А. М. проститься. Он сказал: – Знаете что? Теперь товарищи принялись выворачивать мощи, все ищут целого человека и удивляются, что находят только грязные кости и гнилые тряпки, а в Патерике сказано: “Мощи есть кости честные”, и не в костях дело... Надо показать, какие это были люди, дело не в их святости или какой-либо мистике... Надо показать, как эти святители за Россию стояли и за народ – это герои, они ничего не боялись. Так вот для кинематографа⁷ вы и напишите... ну хотя бы о Феодосии Печерском. Я пообещался сделать и, приехав в Харьков, засел за летописи, перечитал многое, прочел и житие Феодосия Печерского, но он меня не заинтересовал. Меня заинтересовал князь Олег Святославич, приятель половецких ханов, безбожник...».⁸

Как видно из приведенного фрагмента «Бесед с Горьким», Чапыгин стремится убедить читателя в том, что Горький настоятельно советует ему

² Горький – А. П. Чапыгин / публ. Д. Л. Устюжанина // Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели: неизданная переписка. М., 1963. С. 632.

³ Имя Михаил дано Олегу Святославичу при крещении. На княжеской печати Олега Святославича изображен архангел Михаил – небесный покровитель князя.

⁴ Литературное наследство. Т. 70. С. 638.

⁵ 23 нояб. 1918 г. в Записной книжке А. Блок сделал запись: «видел Чапыгина...» (*Блок А. Записные книжки*. М., 1965. С. 437). Т. е. отъезд Чапыгина состоялся после 23 нояб. 1918 г.

⁶ *Чапыгин А. П. Беседы с Горьким* // М. Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и подгот. текста А. А. Крундышева. М., 1981. Т. 1. С. 318.

⁷ Известно, что Горький в это время вынашивает идею «Инсценировки истории культуры». (См.: *Горький М. Инсценировка истории культуры* // Жизнь искусства. 1919. № 251. 25 сент. Подробнее о горьковской идее см. также: *Плотникова А. Г. Проект М. Горького «Инсценировка истории культуры»* // Электронный научный журнал «Arpiori». Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 6. [Электронный ресурс] Режим доступа: www.arpiori-journal.ru). В связи с этой идеей Горький и стремился сориентировать Чапыгина на создание произведения, которое могло быть включено в серию таких кинематографических инсценировок.

⁸ *Чапыгин А. П. Беседы с Горьким*. С. 318–319.

обратиться к разработке образа Феодосия Печерского из Киево-Печерского патерика, а он (Чапыгин), вопреки этим «подталкиваниям», самостоятельно открывает для себя образ Олега Святославича. Т. е. в своих воспоминаниях Чапыгин умалчивает о горьковской записке 1918 г., которая была приведена выше, и, напротив, подчеркивает независимость сделанного им выбора заглавного героя для своего будущего произведения.

В 1919 г. в Харькове Чапыгин завершил работу над «Гориславичем». Далее, со слов самого писателя, события выстраивались в следующем порядке: «В 1920 году из Харькова я вернулся в Петроград и с Горьким не видался – он, кажется, тогда был в Москве. Вскоре я уехал на родину в Олонецкую губ. Пьесу “Гориславич” Горькому переслал из Харькова профессор А. И. Беленский?...».¹⁰

В начале 1920 г. писатель уехал в родную деревню Закумихинскую Олонецкой губ., где он, по его собственному признанию, «искусством не занимался, а выделывал кожу»,¹¹ и до 1922 г. оттуда никуда не выезжал. В такой стратегии поведения писателя, по-видимому, нашли отражение не только бытовое неустройство пореволюционных лет, но и его непростое отношение к революционным событиям, отголоски которого звучат в его дневниковой записи 1919 г.: «Стихия революции и анархии бушует, и все говорят: “Либо теперь мы будем властителями, либо никогда”. Борьба за власть идет не на живот, а на смерть, и мы, созерцатели прекрасного, оторваны от родины, любви и созерцания... мы можем лишь созерцать кошмары и насилие над такими же, как мы...».¹² Негативное отношение Чапыгина к революции подтверждается записью Р. В. Иванова-Разумника: «Советскую власть Чапыгин ненавидел (в беседах наедине!)».¹³

Во время отсутствия Чапыгина в Петрограде судьбу «Гориславича» пытался устроить Горький.

В 1918 г. в Петрограде был организован и весной 1919 г. утвержден Театральный отдел (ТЕО) Наркомпроса, призванный централизовать театральную работу в советской России. И одним из важных проектов в рамках деятельности ТЕО, принятых к осуществлению весной 1919 г.,¹⁴ была организация Секции исторических картин, которая явилась несколько видоизмененной реализацией замысла Горького. Свое видение «исторических картин» Горький изложил в статье «Инсценировка истории культуры» (сентябрь 1919), где среди прочего говорилось: «Предполагается создать цепь живых картин, пантомим, пьес и сценарий для кино – ряд представлений, которые в общей связи дали

⁹ В тексте издания, по-видимому, допущена опечатка. На самом деле имеется в виду профессор Харьковского университета Александр Иванович Белецкий (1884–1961), в будущем академик АН СССР.

¹⁰ Чапыгин А. П. Беседы с Горьким. С. 319.

¹¹ Чапыгин А. Собр. соч.: в 5 т. М., 1967. Т. 2. С. 265.

¹² А. П. Чапыгин. Дневниковые записи / публ. Н. С. Цветовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 103.

¹³ См.: Иванов-Разумник Р. В. Писательские судьбы. М., 2014. С. 42.

¹⁴ См.: Тухватулина К. А. Культурная политика в сфере театрального искусства в 1917–1932 гг. // Социум и власть. 2009. № 4 (24). С. 94–97.

бы зрителю наглядное и ясное понимание истории духовного и физического развития человечества, истории общечеловеческого творчества и труда».¹⁵

Речь на заседаниях Секции шла об отборе, а на практике – создании целого ряда театральных инсценировок на исторические темы. Известно, что в рамках этого проекта представили свои произведения: А. Блок («Рамзес», 1921), Н. Гумилев («Гондла», 1917), Е. Замятин («Огни св. Доминика», 1920), К. Чуковский («Персей») и др.¹⁶ Причем следует отметить: ряд из них был написан специально для этого проекта, другие произведения (например, «Гондла» Гумилева) были написаны ранее и представлены в Секцию как созвучные программе.

В обойме «исторических картин» с подачи Горького оказалось и произведение А. П. Чапыгина. Однако создание «Гориславича» вряд ли было напрямую, непосредственно связано с замыслом цикла «исторических картин», как утверждает, например, И. Е. Ерыкалова,¹⁷ поскольку замысел Секции исторических картин ТЕО Наркомпроса формировался параллельно созданию чапыгинской пьесы, а сам автор в это время находился в отрыве от культурного, литературного процессов, протекавших в столицах, и мог вообще не знать об этом просветительском проекте.

Активную роль в деятельности ТЕО играл А. А. Блок. В связи с тем, что Блок вошел в состав редколлегии Секции исторических картин, он стремился продумать общий план, общую идею, которая смогла бы объединить произведения столь разных авторов.

29 авг. 1919 г. Блок написал записку, в которой он размышляет о сложности выработки такой объединяющей идеи и предлагает собственный вариант таковой: «Всего труднее выработать *план всей серии* картин и наметить их темы. Для того чтобы *сделать выбор*, нужно положить в основание единый принцип, более развитой, чем идея о значении личности.¹⁸ Я бы развил его в том направлении, что вся серия должна иллюстрировать борьбу двух начал – культуры и стихии, в их всевозможных проявлениях».¹⁹ Т. е., рассуждая о программе исторических картин, Блок помещает их в контекст собственных размышлений о культуре, стихии и цивилизации, принципиально важных для него в это время, о чем свидетельствует его программная статья «Крушение гуманизма» (1919).

В 1920 г. по инициативе Горького, который получил переданного ему «Гориславича», пьеса обсуждалась на заседаниях редколлегии Секции исторических картин.

¹⁵ Горький М. Инсценировка истории культуры // Жизнь искусства. 1919. 25 сент. № 251.

¹⁶ Подробнее см. в статье: Бабичева Ю. В. Метаморфозы русской исторической драмы в 10-х годах XX века // Неординарные формы русской драмы XX столетия: Межвузовский сб. науч. трудов. Вологда, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.booksite.ru/fulltext/1/001/001/010/2.htm>

¹⁷ Ерыкалова И. Е. Черновые рукописи пьесы Е. И. Замятина «Огни св. Доминика» // Творческое наследие Евгения Замятина: Взгляд из сегодня. Тамбов, 1997. Кн. III. С. 124.

¹⁸ Здесь Блок полемически выступает против горьковской идеи о значении личности в истории.

¹⁹ Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. М., 1962. Т. 6. С. 425.

Атмосфера этих заседаний ретроспективно передана Е. Замятиным, одним из участников этих обсуждений, в «Автобиографии» 1931 г.: «На четвертом этаже “Всемирной Литературы” за каким-то неестественно длинным столом заседала Редакционная коллегия Секции исторических картин: Горький, Блок, Гумилев, Ольденбург, художник Щуко, я – и еще три-четыре человека. Уже водрузили мы основные вехи в потоке всемирной истории, уже запрудили его мощной программой, как будто все готово, и вот-вот история завертит театральную турбину, но – исторических драматургов не оказалось. Едва ли не единственной в портфеле Секции была пьеса Чапыгина об удельно-вечевой эпохе, написанная прекрасным и... никому не понятным подлинным языком XI века. Приняты были военные меры: редакторы Секции были мобилизованы для писания исторических пьес – и вскоре Блок дал “Рамзеса”, Гумилев – пьесу об изобретении огня,²⁰ а я – “Огни св. Домника”».²¹

В протоколах заседаний редколлегии Секции исторических картин, прошедших в конце 1920 – начале 1921 г., впервые целиком опубликованных Е. В. Ивановой, отражены основные перипетии обсуждения «Гориславича».

В протоколе заседания от 1 дек. 1920 г. записано: «Присутствовали: А. Н. Тихонов, Н. С. Гумилев, А. А. Блок, К. И. Чуковский, Е. И. Замятин.

1. Предложена пьеса Чапыгина “Олег Гориславович”, написанная древнерусским языком. Ее рекомендует Горький. – Пьесу берет на прочтение Замятин».²²

Далее, как зафиксировано в протоколе заседания Секции исторических картин от 23 дек. 1920 г., обсуждение продолжается: «Присутствовали: С. Ф. Ольденбург, А. Н. Тихонов, Н. С. Гумилев, К. И. Чуковский, Е. И. Замятин, А. А. Блок.

1. Блок дает рецензию о пьесе Чапыгина “Олег Гореславич”.²³ Он говорит, что в ней заметно стремление к спасению языка, внешней и внутренней ценности языка. – [Наполовину] Вся ценность пьесы в этом. – Содержание глубокое, оно немного современнее, чем язык. – Так как слова все почти сопрождаются жестами, то они будут понятны для публики.

Рецензия Блока обсуждается.

Решено не “переводить” пьесу на более понятный язык, т<ак> к<ак> это бы погубило всю ее сценичность, такого подхода к языку еще не было. – Ольденбург предлагает дать ее на экспертизу филологу, профессору Никольскому.²⁴

²⁰ По-видимому, ошибка памяти Замятина: у Гумилева отсутствует пьеса о Прометее. Имеется рассказ «Девкалион»: Девкалион, как известно, сын Прометея. Гумилев для Секции исторических картин дал «Гондлу», драматическую поэму на исландско-ирландскую тему.

²¹ Замятин Е. Автобиография // Собр. соч.: в 5 т. М., 2004. Т. 3: Лица. С. 7.

²² Иванова Е. В. Летопись служебной и общественной деятельности Александра Блока (1918–1921) // Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб.: М., 2012. С. 561.

²³ Отметим, что, в отличие от самого автора произведения, который пишет имя своего героя через «и», Блок предпочитает написание через «е» (Гореславич), подчеркивая тем самым в имени персонажа семантику горя.

²⁴ По-видимому, имеется в виду проф. Санкт-Петербургского университета Б. В. Никольский (1870–1919), однако в июне 1919 г. он был расстрелян по приговору Петроградского ЧК. Возможно, Ольденбург еще не знал об этом.

Пьесу будет читать Тихонов. По мнению Замятина, пьеса написана неправильно и неловко с драматической точки зрения. Труден язык. – Заметна бедность слов».²⁵

В январе 1921 г. на заседаниях Секции исторических картин было продолжено обсуждение «Гориславича». Протокол от 14 янв. сообщает: «Присутствовали А. Н. Тихонов, Н. С. Гумилев, А. А. Блок, К. И. Чуковский, Е. И. Замятин.

1. Тихонов говорит свое мнение о пьесе Чапыгина. – По его мнению, пьеса без языка неприемлема. На другом языке потерялся бы всякий интерес. – К постановке она трудно, несуразно построена. – Но в принципе Тихонов стоит за ее печатание, но не постановку на сцене. – Пьесу берет Чуковский».²⁶

Следующей в хронологии отражения хода обсуждения чапыгинской пьесы идет дневниковая запись Блока от 17 янв. 1921 г.: «О Чапыгине – спасает наш язык («Гореславич»)».²⁷ Эта запись связана с созданием текста блоковской рецензии, также датированной 17 янв. 1921 г. Но при соотнесении их с протоколами заседаний редколлегии Секции исторических картин наблюдается неувязка в датировках. Как следует из протоколов, Блок с рецензией на «Гориславича» в Секции исторических картин выступил 23 дек. 1920 г. Эта дата вступает в противоречие с датировками дневниковой записи Блока и текстом его рецензии. В устной беседе Е. В. Иванова высказала предположение, что ошибочны датировки протоколов Секции исторических картин, которые могли составляться позже даты реального проведения заседания, но данное хронологическое разночтение требует дополнительного исследования.

Наконец, 31 янв. 1921 г. в последний раз зафиксировано внимание редколлегии Секции исторических картин к пьесе Чапыгина: «Присутствовали: А. Н. Тихонов, А. А. Блок, Н. С. Гумилев, К. И. Чуковский, Е. И. Замятин.

<...> 2. Чуковский дает рецензию о пьесе Чапыгина. В пьесе нет действия, нет синтаксиса. Это перевод и очень неуклюже сделанный. Окончательно обсуждается вопрос о принятии пьесы Чапыгина. – Ввиду громадного затраченного труда и большого филологического интереса пьесу необходимо печатать. – Но не Секции исторических картин, т-ак> к-ак> она принципиально решила не принимать пьес исключительно для печатания, – а для постановки, эта пьеса признана неприемлемой в ее теперешнем виде.

Решено: Отложить решение до возможности переговорить с автором».²⁸ Однако ни поставлена, ни напечатана пьеса Чапыгина не была.

С конца 1918 по 1922 г., проживая за пределами Петрограда, Чапыгин находился вдали от литературных и культурных событий, и поэтому ни об обсуждении своей пьесы в недрах ТЕО, ни об отзыве Блока и других рецензентов на нее ничего в это время не знал.

И о самом факте существования, и о содержании блоковской рецензии на «Гориславича» Чапыгин узнал лишь после смерти Блока, в конце 1923 г. Об этом свидетельствует записка, озаглавленная им «От автора “Гориславича”

²⁵ Иванова Е. В. Летопись... С. 564–565.

²⁶ Там же. С. 568.

²⁷ Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. С. 397.

²⁸ Иванова Е. В. Летопись... С. 570.

А. Чапыгина следующая приписка к статье А. Блока», сохранившаяся в архиве А. Н. Клейнборта (ИРЛИ). Чапыгин в ней, в частности, пишет: «Нынче в ноябре 1923 г. после смерти А. А., с которым, к сожалению моему, я был знаком недостаточно, я узнал, что вышел 9 том его сочинений,²⁹ где написано о моей пьесе XII века на старорусском языке».³⁰

Далее в записке Чапыгин воссоздает историю своей рукописи, которую он потерял из виду после того, как передал ее Горькому через Белецкого в 1919 г.: «Когда я приехал, то узнал в Петербурге, что умер А. Блок, и горько мне стало от известия. Также узнал и то, что моя пьеса “Гориславич”, оставленная в рукописи профессору А. И. Белецкому в Харькове, переслана была Горькому, который уехал за границу. Я пустился в розыски и кое-как отыскал ее во “Всемирной литературе” в столе – я первое время обрадовался ей и начал ее читать и пришел в ужас от слов чуждых и мне и старорусскому языку – очень много их наставлял переписчик.³¹

Я познакомился с профес. В. В. Виноградовым, который знал меня по работе “Белый скит”, и мы разговорились познакомившись. С ним вместе рукопись “Гориславич” мы правили, очищая ее от болгарских слов, введенных мною при изучении Киевской летописи, и <...> от чтения новгородских летописей, когда рукопись была в достаточной степени исправлена, я изменил ее заглавие, и теперь она называется “Анна Лада”. Рукопись до сих пор не издана и, вероятно, по цензурным условиям настоящего времени из-за стилистического налета, хотя и языческого – старорусского, пойти не может, и я ее у себя не имею – находится она в Москве у издателя М. П. Мурашева».³²

Из записки хорошо видно, насколько рецензия Блока была дорога Чапыгину. В письме Горькому, написанном в 1925 г., писатель прямо называет блоковский отзыв хвалебным: «Блок написал о пьесе “Гориславич” хвалебный отзыв».³³

В своей рецензии Блок воспринимает пьесу «Гориславич» относительно собственной мысли о катастрофе, которая происходит в современной революционной России. И Чапыгин, с точки зрения Блока, – писатель, который борется за спасение языка: «Чапыгин, <...> вероятно, хорошо понимает, что

²⁹ Имеется в виду издание: *Блок А.* Собр. соч. Берлин: Алконост, 1923. Т. IX. С. 236.

³⁰ РО ИРЛИ, ф. 586, № 403, л. 14.

³¹ Здесь вставка: «Частью эти ошибки исправил М. Горький». Речь идет о пометах Горького, оставленных на одном из экземпляров «Гориславича», хранящихся в Архиве Горького (ИМЛИ).

³² РО ИРЛИ, ф. 586, № 403, л. 14. О том же пишет Чапыгин в письме к Горькому 28 июля 1925 г.: «Большое спасибо, дорогой А. М., за труд, который вам пришлось приложить к “Гориславичу”, но когда, вернувшись в город, я отыскал пьесу, то увидел, что переписчик наставлял много непонятных и чужих слов. Я ее (пьесу) исправил вместе с моим приятелем – учеником акад<емика> Шахматова профессором В. В. Виноградовым – также просмотрел я ее и со стороны одежды и оружия по книге Савваитова и по Срезневскому. Пьеса не напечатана, и по цензурным условиям, так же, как и “Белый скит” и “Лебязьи озера”, и не может быть напечатанной, ибо все это мистика! К мистике отнесены все разговоры о душе, а также былинность и сказочность, требуется писать о новом быте, это же все ненужное» (Литературное наследство. Т. 70. С. 639).

³³ Там же. С. 640.

надо спасать язык. “Гореславич” написан языком, который без словаря непонятен, но вместе с тем – это наш, родной язык, и это я чувствовал в каждой строчке – очень странное чувство, потому что из десяти картин я все-таки мог одолеть только три, а остальные проглядел кое-как и одолеть не мог». ³⁴ Способ спасения языка, избранный Чапыгиным в «Гориславиче», Блок называет «запечатыванием»: «...запечатать произведение, замкнуть его ключом, а ключ забросить так, чтобы этот ключ мог разыскать только тот, кому суждено, кому нужно». «Способ запечатывания произведений художественной словесности и охраны их от газетной и всякой иной пошлости – не есть способ совершенно внешний, потому что в самом языке, и даже в языке непонятном, заложена какая-то неведомая сила изобразительности». ³⁵ «Не понимая всех слов <...> я слышал, однако, голос говорящего, слышал самую его интонацию, видел его фигуру гораздо лучше, чем если бы читал фразы каких-нибудь бояр у Алексея Толстого с их вечными “негоже”». ³⁶

Практически все литераторы, знакомившиеся с «Гориславичем», обращали внимание на совершенно особый язык пьесы. Выше уже были приведены отклики рецензентов Секции исторических картин по этому поводу. Язык как основную особенность пьесы выделял и Горький: «Написал, понимаете ли, пьесу “Гориславич”, на языке XII века. Непосвященный даже не уразумет. Поставить ее в театре нельзя. Да и прочитывать – едва ли возможно. Но человек, как волшебник, перешагнул через тьму времени и заговорил языком XII века так, точно всосал его с материнским молоком. Для этого способностей мало, надо иметь нечто большее. Необыкновенные вещи надо ожидать от этого чудодея». ³⁷

Как отмечал сам Чапыгин, для того чтобы написать пьесу, он изучал летописи. ³⁸ Летописные тексты стали для автора не только источником для построения сюжета и характеристики персонажей, но и для создания того своеобразного языка, которым говорят его персонажи: это своего рода синтез литературного русского языка и окказионализмов из древнерусского и церковнославянского языков. Чапыгин стремился создать реконструкцию древнего русского языка в качестве живой речи персонажей. Но это удалось ему лишь отчасти.

Драматурга, несомненно, привлекали масштаб личности Гориславича, драматизм его судьбы, особая роль, которую сыграл русский князь в усобицах средневековой Руси. Чапыгин пишет о нем: «Олег Святославич, приятель половецких ханов, безбожник, так как разорял монастыри и несколько раз приводил половцев на русских князей, и я написал десять драматических картин XII века на языке того времени. Назвал его прозвищем, созвучным тому времени, которым прозывали князя и народ Олега Святославича Тьмутараканского: “Гориславич”». ³⁹

³⁴ Блок А. А. Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. С. 429 – 430.

³⁵ Там же. С. 430.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Федин К. Горький среди нас. М., 1943. Ч. I. С. 133–134.

³⁸ Лаврентьевскую, Ипатьевскую и Новгородскую Первую летописи.

³⁹ Чапыгин А. П. Беседы с Горьким. Т. 1. С. 318–319.

Историческая основа пьесы следующая. Главным герой, Олег Святославич (ок. 1053–1115) – внук Ярослава Мудрого, «сын основоположника черниговской линии Рюриковичей Святослава Ярославича».⁴⁰ Первое летописное упоминание Олега Святославича относится к 1076 г., когда он выступает уже во главе войска. До этого в течение какого-то времени (не ранее 1073 г.⁴¹) он был волынским князем, но после смерти отца, Святослава Ярославича (1027–1076), из Владимира-Волынского его вывел великий киевский князь Всеволод Ярославич (дядя кн. Олега). В 1078 г. Олег ненадолго завладел Черниговом, но после битвы на Нежатиной Ниве (1078) был вынужден бежать в Тмутаракань. В 1079 г. он «заточен хазарами “за море” в Царьград»⁴² и до 1083 г. находился в Византии. В 1083 г. Олег выбивает из Тмутаракани князей Давыда Игоревича и Володаря Ростиславича и княжит там до 1094 г. В 1094 г. в союзе с половцами Олег Святославич осаждает Владимира Мономаха в Чернигове и возвращает себе черниговский стол. В 1095–1096 гг. в ходе войны с Владимиром Мономахом Олег подчиняет себе Муром и Рязань. В ходе Муромской битвы (1096) Олег убивает князя Изяслава (сына Владимира Мономаха). В 1097 г. на Любечском съезде русских князей ему выделяют и закрепляют за ним в качестве отчин Новгород-Северский и Курск. Умер Олег Святославич в 1115 г.

Олег Святославич был князем-изгоем, положившим начало целому ряду усобиц, связанных с отчинным правом Древней Руси. В своей борьбе с князьями Мономаховичами Олег Святославич стремился опереться на половцев, которых он приводил разорять Русь. Возможно, образ Гориславича заинтересовал Чапыгина в 1918–1919 гг., когда создавалась пьеса, по аналогии со временем революции и Гражданской войны. Гориславич был князем, делом жизни которого были междоусобные войны, – т. е. по сути гражданские войны средневековой Руси. В борьбе за черниговские отчины Олег стремился опереться на половцев, которым он отдавал на разграбление русские города, что давало повод отрицательно отзываться об Олеге. Эта неоднозначность фигуры Олега Святославича позволила Чапыгину мыслить об этом русском князе как сложной, противоречивой фигуре русской истории.

Чапыгин отмечает, что действие в пьесе «идет непрерывно, кроме IX-ой и X-ой картин, между ними перерыв в несколько месяцев».⁴³ На самом деле хронологическая последовательность событий в пьесе не соответствует исторической.

Точкой отсчета в сюжете «Гориславича» является 1094 г. В первой картине автор изображает свадьбу великого киевского князя Святополка II, который в 1094 г. в знак примирения с половцами взял в жены дочь половецкого хана Тугоркана после завершения с ним войны, ведшейся в 1093 г. Празднование свадьбы великого киевского князя для народа одновременно – празднование

⁴⁰ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси X–XV в.: в 2 т. Т. I: Печати X – начала XIII в. М., 1970. С. 25.

⁴¹ Указание В. Л. Янина. Там же.

⁴² Там же.

⁴³ См. публ. в наст. изд. С. 320.

мира с половцами: «Добро ныне нам – половцы не имут нас – братья мы им, сородники через князя-а!».⁴⁴ Однако на свадьбе Святополка и половецкой княжны 1094 г. Владимир Мономах произносит монолог, в котором вспоминает о событии 1097 г. – съезде русских князей в Любече. Другой гость – Давыд Игоревич упоминает ослепление Василька Теребовльского, которое произошло после Любечского съезда, т. е. также в 1097 г. Финальные же картины «Гориславича» обращены к событиям Муромской битвы 1096 г. Эти и подобные им хронологические нарушения в пьесе подчинены драматическому замыслу автора, развивающему целый ряд драматургических конфликтов, в центре которых остается неоднозначная фигура Олега Святославича.

Во-первых, это социально-политический конфликт: конфликт князя-изгоя с Всеволодовичами, которые несправедливо лишили Олега Святославича его отчины. Олег ощущает правду на своей стороне и добивается ее всеми возможными способами. Однако, с точки зрения русских князей, Олег Святославич – Каин, который поднял руку на русских же князей в союзе с половцами; его вина в том, что он привел поганых разорять землю русскую.

Во-вторых, это внутренний, религиозно-нравственный конфликт. Опираясь на подтвержденные историческими источниками контакты Олега с язычниками-половцами, Чапыгин наделяет своего героя-христианина языческим мировоззрением. В соответствии с таковым христианский Бог для него – «Бог карающий», верующие в которого «отъяли радость у почитающих поганы боги».⁴⁵ Он признается в любви к языческим богам: «Боги юности! Боги крови теплой и черленой, вас люблю я и призываю – аз крови жажду!».⁴⁶ На трактовку образа Гориславича в чапыгинской пьесе заметное влияние оказал символистский исторический роман, у истоков которого находился Д. С. Мережковский. Подобно тому, как Юлиан Отступник в его одноименном романе является носителем противоборствующих религиозных начал, Гориславич Чапыгина так же переживает внутренний конфликт христианства и язычества.

В-третьих, в пьесе имеется любовный конфликт, тесно связанный как с социальной драмой князя-изгоя, так и с внутренней драмой Гориславича. По ходу сюжета выясняется, что Анна, которую любит Олег, – половецкая княжна, вышедшая замуж за князя Изяслава, сына Владимира Мономаха (обидчика князя Олега). В своем дозамужнем прошлом же она – подруга детства Олега Святославича. Именно тогда она научила юного князя любить красоту язычества, заставив его разлюбить христианство. Однако Анна, выйдя замуж за Изяслава, приняла крещение, после чего ей открывается красота христианской религии, поэтому теперь она осуждает язычество Олега. Олег и Анна любят друг друга, но любовный союз невозможен, поскольку Анна испытывает вину за прошлые грехи: «влекла тебя к поганым богам, аз да искуплю ся и грех мой искуплю».⁴⁷ К покаянию ее подталкивает и ощущение, что в смерти

⁴⁴ Там же. С. 321.

⁴⁵ См. публ. в наст. изд. С. 332.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Там же. С. 366.

мужа виновата и она сама, поскольку Гориславич шел завоевать не только Муром, но также и её саму. Таким образом, Анна выступает в роли Елены, из-за которой была развязана Троянская война. В свою очередь, в глазах Олега Анна виновата в том, что вышла замуж за его врага. Обращаясь к Анне, он укоряет ее: «Пошто ты лада врагу моему, кой, седше на моей отчине, поял тебя в подружие?..».⁴⁸ Как итог диалога между Анной и Гориславичем звучит вывод о том, что их счастье невозможно: «Близ же телеса наша, страдая, сжигают ся, ибо во вселенной душам нашим не мочно быти заедино...».⁴⁹ Однако, когда муромский народ потребовал сжечь Анну как ведьму, Олег, стремясь достичь своих политических целей, жертвует своей возлюбленной и сжигает ее на костре.

В итоге Олег Святославич оказывается заложником своего политического честолюбия: в ходе борьбы за отчины, развязав междоусобную войну, он пришел к разрушительному результату: потерял родного брата, союзника в борьбе, Ярослава Святославича, возлюбленную, Анну, и, утратив лад в своей душе, в конечном счете погибает сам.

Судя по письму Чапыгина Горькому от 28 июля 1925 г., пьеса, отвергнутая ТЕО Наркомпроса в 1920–1921 гг., еще несколько раз привлекала к себе внимание деятелей культуры 1920-х гг. В частности, писатель сообщал Горькому: «“Гориславич” очень увлекает актеров IV студии Московского (Художественного) театра, они хотели бы поставить пьесу, но цензура мешает».⁵⁰ И далее: «Здесь есть хороший переводчик на немецкий язык В. В. Гельмерсен.⁵¹ У него находится “Гориславич”, хочет перевести пьесу языком Нибелунгов».⁵² Однако, как и после обсуждения в Секции исторических картин, пьеса не была ни опубликована, ни поставлена в театре, ни переведена на другие языки.

Пьеса А. П. Чапыгина «Гориславич» публикуется по первому экземпляру чистой машинописи, хранящейся в архиве А. П. Чапыгина (РО ИРЛИ, ф. 280, оп. 1, № 58).⁵³ Текст публикуется по современным орфографическо-пунктуационным нормам, но с сохранением индивидуальных специфических особенностей, характерных для авторского текста.

⁴⁸ Там же. С. 366.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Литературное наследство. Т. 70. С. 640.

⁵¹ *Василий Васильевич Гельмерсен* (1886–1942) – переводчик. В 1930 г. берлинское издательство «Neuer Deutscher Verlag» выпустило в его переводе роман Чапыгина «Разин Степан». Перевод «Гориславича» на немецкий язык, по-видимому, не состоялся.

⁵² Литературное наследство. Т. 70. С. 640.

⁵³ В Архиве Горького в ИМЛИ также хранятся черновая и беловая рукописи пьесы «Гориславич» (РАВ-бп 37-28-1). На первом листе белового автографа имеется надпись: «Дорогому Алексею Максимовичу Горькому с любовью посвящаю. А. Чапыгин. 1918–1919 г.» (Литературное наследство. Т. 70. С. 638).

ГОРИСЛАВИЧ

Драматические картины XII века

Посвящаю А. М. Пешкову

Действующие лица:

СВЯТОПОЛК II, князь киевский

ОЛЕГ СВЯТОСЛАВИЧ, тмутараканский¹

ЯРОСЛАВ, брат Олега

ВЛАДИМИР, князь черниговский²

ИЗЯСЛАВ, муромский князь | дети Владимира
МСТИСЛАВ, князь новгородский

ДАВЫД, князь владимирский

ОЛЬСТИН, боярин, ключник Олега

ВАСИЛЬ

ЛАЗАРЬ

| бояре воеводы князя Давыда

ТУГОРКАН, хан половецкий

ТУГОРКАН – сын

АННА, жена Изяслава, князя муромского

МАМКА княгини Анны

ПОПАДЬЯ града Воздвижения

Скоморохи:

БРОДЯГА

МОНАХ

Суздальцы:

БОЯРИН

СЫН БОЯРСКИЙ

ОГНИЩАНИН

БРАЖНИК

СКОМОРОХ

МОНАХ града Мурома

ТОРЖНИКИ

НАСЕЛЬНИЦЫ

Муромцы:

Народ

Бирючи

Гриди

Воины

Народ Мурома

Действие идет непрерывно, кроме IX-ой и X-ой картин, между ними перерыв в несколько месяцев.

Картина I

Княжий двор Святополка II киевского.³ Выкачены бочки с вином и медом, расставлены столы. Народ ест и пьет, кто как желает: кто из чаш, кто из яндовых, иные черпают ковшами прямо из бочек. Кое-кто лежит и лежа ест и пьет. Княжие слуги приносят кушанье. Шум и голоса:

Голос киевлянина

Пей, люд хрестьенский! Допреж сего при иных князех тако ли мы пили!.. Святополк князь не часто угощает народ питием и брашном...

II голос

Пей, играй, народ! Лики свинии. Гугнивы от пития языки!

III-й голос

Пей, скочи, гуди! Горше смерти скорбь люта-а!

IV голос

Што не пити, пошто не ясти от князя днесь, еже он и плешив, да юну жену поял – на ханке половецкой венец имет, на половчанке-е!

V голос

Ныне по степи теки! Добро ныне нам – половцы не имут нас – братья мы им, сородники через князя-а!

VI голос

Ой, зри! Поди-ко, млада княгиня погана да косооча?

VII голос

Зверина – в песьей скоре!

(Смеются и пьют)

VIII голос

Пью за младу косоочу!

IX голос *(баба)*

Сами пси люти! Тугорканку⁴ ныне зрела у терема. Черна очима и ликом смура, на главе золота шапка, выа тонка, а на вые золоты гривны – во! С долонь!

X голос

А вапницу ей от хрестьян в поминок, пушай белыми вапами лик белит, да по белу черминой вапой брови оброщит *(смеются)*, как наши девки!

XI-ый голос

Наши девки на игрища лики оброшат в белы и чермины вапы!

XII-ый голос

Пошто младу княгиню чернить, еже она те и так черна?

XIII-ый голос

А, ты слышь! Мы ее белить мыслим.

XIV-ый голос

Ой, людие! почнем рыкать «горько». Не взглянут ли на нас князь от с младой?

XV-ый голос

А, ну рычи, народ, рычи!

Народ *(кричит)*

Князь-осударь! Горько жити, горько пити, и пияну быти – зри на люд пропойный, бражный! Горько, князь-осударь! Горько!

(У раскрытого окна терема появляется князь Святополк с молодой княгиней, оба они в золотых венцах, круглых шапках, народ кричит.)

Н а р о д

Здрави, князь, со княгиней младой!

Здрав буди, княже!

Много ти от сей младой княжичей!

Г о л о с

Сколь в лесу пеньков, столь тебе сынков!

П ь я н ы й *(пьет и кричит)*

Скрину ти денег да горницу девок!

Г о л о с

Изба парней!

Г о л о с б а б ы *(пьет и кричит)*

Погреб ти мышей – корзно сшей!

(Князь и княгиня отходят от окна)

Г о л о с а

Скорлатные ти кафтаны, соболю шапку-у!

Половецку ти, еже пиешь, плеть

Нову жену погонять.

П ь я н а я б а б а *(пляшет и поет)*

У Лукерьи – бес, не муж.

Иде он за речку.

Потече за быстру –

Дай бох, еже б сдох.

Г о л о с

Эх, и добр княжой мед! От сих медов попряных язык в браде улип, не иде слово на мир хрестьянский.

М н о г и е г о л о с а

Зрите! То княже на сватьбу.

Наскакали боляры на гоститву сватебну...

Г о л о с

То кто есте?

Г о л о с

То Володимер черниговский,⁵ мудр князь, велий разумом киевского Святополка...

Г о л о с

Што рек? А пошто тый в Чернигове? Пошто не на Святополче столе?

Г о л о с

То не нам мыслить! Зрите, как князь рыжий брадой, то Давыд володимирский,⁶ и инии еще зрите, зрите!

Г о л о с а

У тых медуши не пусты: бортовых знамен, поди-ка, тыщи?

Г о л о с

От полюдья ломится казна!

Г о л о с
То-то Святополку нашему к свадьбе поминок придет – возы бисера да оксамита...

Г о л о с

Тафты, скорлата!

Г о л о с

Кунных скор!

Г о л о с

Бей народ к богу, штоб поболе поминок с иних градов да мене оборки с Киева-а!

Г о л о с

Молись, народ, чтобы бояры да бирючи твоей ногаты не хоронили по себе!

Г о л о с

Кийской ногаты не катили б под кафтаны скорлаты!

(Смеются и пьют)

ПЕРЕМЕНА ДЕКОРАЦИИ БЕЗ АНТРАКТА

Княжий терем. Горница большая, много столов. Столы расставлены один другого выше. Ближе к окнам за самым высоким столом молодые: Святополк с дочерью Тугоркана, хана половецкого; за ними стоят гриди в блестящих золоченых доспехах, в шлемах, с секирами на правом плече. Кроме молодых за столом сидят князья, родственники Святополка и князья отчинные.⁷ За вторым столом, меньше княжеского, но ровным с ним, епископы с крестами на груди. Пониже стол боярский. Еще ниже – купцов, заморских гостей и детей боярских и воинов старших, отличенных в боях. Крутом столов скамьи, обитые бархатом. Занавес открывается во время пения псалма, его поют вполголоса епископы и бояре:

«Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей»⁸ и пр. ...

(За княжеским столом встает, подымая золоченый ковш, Владимир, кланяется Святополку.)

В л а д и м и р

Реку, яко народ: князь Святополк единоколенный, здравлю ти с младой княгиней! Призываю на пир твой княжой и собину твою благословение Господа Бога нашего и реку – горько ми пити ковш сей.

С в я т о п о л к *(вставая и подымая под руку молодую)*

Лобызаюсь, послушен зову твоему, но сие ради редкого и вожделенного гостя творю...

(Гриди снимают с них венцы, золотые шапки и высоко держат над головами. Святополк целует молодую, гриди опускают на голову князя и княгини венцы, и они садятся.)

Д а в ы д *(сидевший за столом дальше от молодых, чем Владимир, встает, подымает свой ковш).*

Здравлю от всего сердца младым! И реку аз – горько ми, горько!

С в я т о п о л к *(Давыду)*

Молимтися – не труди ны, Ингоревич!

Д а в ы д

Ну, ин ладно – не тружу, но мню, кольми паче, что младу лобзати – слаже чего нет. Аз здравлю!

(Давыд-князь выпивает свой ковш и садится, Святополк, сидя, кланяется ему.)

В л а д и м и р *(севший на свое место, вновь встает, кланяется молодым, потом кланяется на все стороны).*

Сие ведаете все вы, князи-володетели, что преже деля отчины есмь домо-сед я! Ибо все труды и наряды своя сам правлю и одиный кормленьщик народом своим... один я думу думаю и о церквах по вся дни, и не место ми быти на гоститве родни моей, бо сына моего приветити не удосужился, не палась езда к нему в Муром на его сватебную гоститву,⁹ и по сей день не ведаю, хто есть сноха моя, красна ли она ликом, разумна ли речью; сведуща ли порядней княжой по храмине не вем, но вчуялся лишь ныне в едино, что многи князи и старцы дружинные от иных отчин текли в Киев, и рек себе: быти есть ми в Киеве. Сватьба – сватьбой, а дело велие править и Бог велел, и оно потребно всего преже. И вместо Любича,¹⁰ куды течи особь понудилось бы всяку князю, кой радеет земли русьской, сюда притек аз!

К н я з ь я и б о я р е *(поднимая ковши кричат)*

Рады есмы князя Володимира зреть!

Лагодны его речи и мудрость чуть мы рады!

В л а д и м и р *(снова кланяясь и не садясь)*

Пришел я по нуже великой, и сладко зрети ми ту заедино со мной соседей лагодных столу кийскому – Тугоркана князь половецкого с сыном, хоробрых кметей, иже ныне сородных нам чрез Святополка-князя и дщерь кровну... Да буди, молю Господа, благодать и мир на родной земли от союза великого хана и князя кийского, да познают ны соседи храбрые, что мы многи им чрез сие сватебно брашно приязненники, что они кровны сородники наши.

Х а н п о л о в е ц к и й (в длинном красном кафтане, запоясанный поясом из золотых блях, встает за столом. Он сидит рядом с молодой по левую руку. Низкого роста, сухой, смуглый, на черных волосах его диадима из золотых гривен, он подымает ковш и кричит).

Чуй и наш здрав тебе, Волидемер! Яз чуй тебе слова ладна, но зрим тебе мало... еже зрим много, то много лагод будим! *(Пьет и садится).*

В л а д и м и р

Милы и лагодны наши сородники князи и вы, гости половецкие! Нелепые чул я вести, горкие моему сердцу, и реку вам, что не от сего дни сим вести – оно и допреж того внимали мы... И вот вести сии: не пресек крамолы своей князь Олег Святославич, хотя и целовал он ны крест святой и ротился крепко: не искати под нами северские отчины, а сей чин ведомо нам – течет с voi многи Олег на Муром, Суждаль и Новгород и требит путь крамолы велией... Не помыслите лукавню, не посетуйте на мя, князи володетели, что яко бы за сыны своя аз заступу и заботу поял, что некими северскими отчинами владеют сынове мои, что сородники моего княжего гнезда, что сыны ми вси суть близки сердцу моему, а сердце мое точится кровию преже, кольми паче

по земли русьской! И горько ми, князи, что гинет Русь не то лишь едино от враг – угрин, торков и оных язык, а гинет от злодеятелей, кии суть: Олег-князь и подобни суще ему... Ведомо вам: были Олегу даны отчины по ставлению думы княжой и обчего наказа,¹¹ но сей князь хоробрит непоседный! Меч ли ему по десне дался, конь ли по злату стремени пришелся, не вем, а зрим вси не от сего дни: аки ветер злопышущий ристает по Руси с огнем и мечем Олег-князь! Али не зрите по сей час, князи властели, что жжет и рушит Олег свое хрестьянское и не брежет ни главы своей буйной, ни святыни церковьной, ни люда русьского... чесо хочещи? Речи бы ему. Но сии слова идут вну его, бо и сам он не ведает чесо, а жадет лишь единой крови, ею похваляется, ею радуется, и вси ему враги, и един он среди властелей сородников на Руси, яко вран на скотильной падали... Вот коя нужда повлекла меня в Киев испить сватебный ковш вина хлебосольна князя Святополка... Ныне вчуялись ли княже, что поведал аз ту, и за то прям да будет ваш сказ: идем вкупе полонить и ввергнуть поточению грозу земли русьской Олега-князя – ныне, а не в иной час должен поврещен быти крамольник, и аще не течете вы на поле с Олегом-князем, да гряду нань один аз и берусь с ним одиный... пошто зрим всеу, али что он есть нам единоколенен? Но сокрушался Давыд-царь о сыне лютом Авессаломе,¹² видя его мертва уязвлена стрелою... мы же не ищем смерти Олега, и кровь его нам не потребна, едино лишь мыслим унять грозу земли, и крови пролияние безвинное пресечь, и наведение язык чуждых и жадных поврещи из веку...

К н я з ь я *(кричат)*

Пошто зрим на Олега?!..

Не идет на совет с нами!

Пирует едино лишь с ханы половецки!

В л а д и м и р

Зане реку: Авель гинул от руки Каина! Господь изверг Каина с пламенем из веку в век... Господь долготерпелив и милостив к нам грешным... не дадим и мы Авеля наша – земли русьской отселе клещити Каину Олегу своим лихновением... сей див – князь не русьский духом.

Д а в ы д *(встает и кричит)*

То не князь! Боняка хана¹³ приязненник. Кий князь Олег? – изгой есть!..

В с е к н я з ь я *(встают за столом, кто подымает руку, кто меч, и кричат)*

Здравим Володимеру мудрому! Поганен Олег! Все да идем на Олега! Все! Все!

Д а в ы д *(не садясь, кричит)*

Ведайте, князи! Ныне Олегом ят Василько-князь и ослеплен.¹⁴

С в я т о п о л к *(встав, кричит)*

Чул аз про лихновение оно!

В л а д и м и р *(жестом унимая поднявшийся крик)*

Сие вережение Васильку вем и аз. Но хто ввергнул нож меж браты своя, речь моя есть преди, ибо глаголет Господь:

«Сего ради исторг винограды ваша, и смоковье ваша, и нивы, и дубровы ваша, но злоб ваших не могох истерти».¹⁵

Исчервлена бысть земля наша братоубийственной десной и ведомо мне, что верезение Васильку не от Олега пало, да о том умолчу не хотя на гоститве брачной братии своей досадити... У Олега-князя своих лиходеяний много, ибо он есть велий водитель злу, и будет ныне речь лишь об Олеге-князе, и еще реку: ведаем вси мы князи властели, какого есть роду сей князь, но кой поп его купал, коя мати поволила дойти свою грудь Олегу, не ведем, а что он поган есть, ведомо; и то, что, ходя по становищам, крамольник возит в ларе лишь едины болваны – половецкие боги, и им скачет и деет жратвы кровавы, ими красит теремы княжи, огнув запонами божонки хрестьянски, священные пением и ладаном, угнетает веру отцев православу, деля ради чужеземных поганых свычаев и богов познанных и возлюбленных им в Тмутархе.

Т у г о р к а н *(вскакивая кричит)*

Эй, гой, ти, Волидемер, и ти, си коган русски. Сяк чуек свой бох, и наш бох – бох!

Е п и с к о п ы *(встав за своим столом)*

Проклята есть от Господа поганьска вера, и болваны скотильны суть!

К н я з ь я *(кричат)*

Олег поган! Олег половчанин! Поган! Еретик!

В л а д и м и р

Что еще речи ми вам, князи властели отчинные, али уж попрещи всех вас и себя заедино?.. Вси мы не держимся крепко целования крестна, попущаем от брата брату лиходеянию; быти еже не при нас, то при детех и внуках наших – зле люту... И станет подколенна лиху земля русьская, ибо многи беды попущали мы, деля ради злоб наших и ласкосердия душевна, но все же долго мы студимся восхищать рухло народа своего и губить люд хрестьянский и уклады церковны так, как губит землю Олег-князь! Ведомо ли вам всем, как в оно время с половци вкупе осадил он мя в Чернигове?¹⁶ Ушел аз из Чернигова и мыслил: «отныне престанут жечь веси и грады окачно Чернигова, убойствовать людей, ежли не буду аз им супротив належати». Но и по моему уходу половци мног люд хрестьянский имали в полон и работу, а Олег-князь, зря на кровь и слезы языка русьска, бражничал с ханами в Чернигове и никому же чинил помочь и заступу...¹⁷

К н я з ь я *(в голос)*

Али то не половец поган?... Смерть Олегу!

(Многие из князей обнажают мечи и не садятся.)

Т у г о р к а н *(вскочив)*

Яз не поганен вам си, коган русски, эй, Волидемер! Черна брада! Чуй от нас...

В л а д и м и р *(Тугоркану)*

Правду реку аз, хан отец!

Т у г о р к а н

Яз не чуй правд! От тебе русски коган рык, от тебе! Гой, Волидемер! Пир не пир! Един сие свад есть.

Святополк (Тугоркану)

Пошто сей плещ? Тихо, тесь, тихо. Чуй Володимера – то правда!..

Тугоркан (вскакивает на скамью, выхватывает кривой меч, машет им в воздухе и дико кричит)

Дщи и син мой! Все, все дам меч! Сек глава русска за коган Олег! Позирай все! Нинь за коган Олег ми! (Указывая мечом в сторону Владимира). То исте он коган Волидемер? Ту син, сю син – весь син от коган! (Кричит, как бы сзывая дружину). Да иде ми половец хан на Волидемер! И наша кровь за дщи наш Зогурда нинь Святой-полк, да иде ми на наш кровь Святой-полк за коган Олег! Олег коган наш своя, а се Святой-полк от се день з Волидемер коган! О, нам чуть и то, ми весть про Кытан хан половецки, ми весть про Итлар,¹⁸ хан чей смерт от Волидемер! Ми весть Волидемер коган все вежи степны на прах, на смаг фу! (Дует на меч). Огня, огня – он губил многи половец! Волидемер менит рус на половец стань, он менит – нет половец! Яз Тугоркан менит рус полк – рус нет! Фу, фу! (Дует и машет мечом).

Тугоркан сын (вскочив на скамью рядом с отцом)

Эге! Позирай! Эге, мой кровь! Ми за мой кровь Тугорхан, ми бой на Волидемер!

Владимир (с чашей вина подходит к Тугоркану)

На пиру дщери своей еси, хан отче! На пиру сватебном не гоже есть сваду чинить и спленати един другого вервием, но время близ – на бранном поле совокупим вои, деля ради крепкой сечи, и тогда, хан, берись, сколь сила поволит, и кому его бог даст одолание... Зде же пию за тебя! (Выпивает ковш).

Тугоркан (громко)

О, да! Ми на под небо – степ на кон и бой, бой!

Владимир (князьям)

Чуете ли сие, князи володетели? Зане половецкие ханы грозят нам, и преже всего опас да имем... Зря на сие, не ужаснемся, ибо ведомо: «Исконному врагу приязненником не быти...» И то чуем все, что волят возвести вежи половецкие на месте градов и весей русьских, створяти жратвы болванам на месте монастырей и церковей Божиих, и не страшно сие – реку аз, ибо зримо... страшно нам есте то, что родовые князи, сидяще с нами за брашном вечери али гоститвы пиршественной, куют крамолу на браты своя, а мы, подъявше ковши и лобызаясь с крамольниками, не зрим того. И ныне, пируя на сватбе и слушая замарние игры и плещ велегласный языка сродна, не ведаем, что замышляет в сей час Олег-князь, он, ведаю аз, гонит нарочитых к Боняку и иним ханам и влечет крови и грозы многи на нас. Но и сего страшиться непотребно, аще будем мы, князи властели, крепки между собя и лагодны и сговоряны, Господь же милостив и ве глас. Он творит всяк див лютый, с когтми по виду его... И ведомо ми про Олега, что душа его ныне верезена, и устал он от крамол и крови многи... И мыслю аз, вы, князи властели (кланяется), не убоясь крамолы Олега и грозы половецки, идя с гоститвы и взратясь к себе, нарубите народ мног деля ради сечи, собирайте воевод и ведите полки сии на Муром, аз с кметями своими доспею к тому... Едина мысль несказанна, и ее поведаю: зде на гоститве сидит единый от князей, кой ведает Олега боле всех нас, ибо еди-

ноколенен крамольнику и ходил с ним не единожды в сечу, а князь тый Давыд володимерский! *(Глядит в сторону Давыда, Давыд встает и кланяется всем).*

В л а д и м и р *(многозначительно)*

Хто вередил Василька, – умолчу, ибо на пиру не гоже прию творити и грозити едину от нас, но ведает сие Давыд-князь, что и от него не малые беды текут нам, а ведая сие, да имеет на себя заботу велию во искупление грех многих перед браты своими. Лестивостью аль бо хитростью може и полонит без крови многи крамольника, ибо Давыд-князь не мало ми рек о сем в пути и готов братися.

Д а в ы д *(кланяясь всем)*

Кии беды створил аз вам, князи властели, не вем, но Олега, чтя единоколенным, мно себе по вся дни ворогом, ибо попустил Олег и на мя лихновение властно, изгна мя,¹⁹ лишил Всеволожских отчин, кие преже от отца наша были... Ныне же доля всих князей и обчего оговора тшусь ити на Олега единый с бояры и вои своими, о чем и поведал преже старейшему брату нашему Володимеру, и от сих слов не открекаюсь!

К н я з ь я *(подымая ковши с вином, кричат)*

Слава Давыду князь володимерскому! Слава, еже за прямое дело иде на крамольника!

В л а д и м и р *(не садясь)*

И аз реку, яко вси князи, слава Давыду-князю! И еже один он полонит Олега, не лия крови русьской, то и от народа ему слава! Но, князи сородники, вси вы ведаете не от сей вечери, что Олег-князь кметь доблий и не одной душой своей злоумышляет на ны, а с Ярославом-братом. Юн Ярослав, но храбр и дерзновенен в сече разумен и скор на дело ратно... Олег же правит Ярославом на крамолу, и многи вои прельщены от крамольники потягнут за браты, ибо и лестивостью и храбростью берут народ, и не один народ, многи кмети и воеводы пойдут зань и, ведая сие, не надейтесь на Давыда-князя, а пыхи своя и которы многи дадите забвению и собирайте вои своя скоро и ведите на Муром.

К н я з ь я *(в голос)*

Добро слово твое, Володимер! Сберем вои! Не помыслим котораться!

В л а д и м и р *(Тугоркану)*

И ты, хан сородник! Ныне и супротивник, чуй и иди на ны. Сбирай угрозы таборы своя...

(Тугоркан молча пьет вино)

Г о л о с

Горько пити! Горько пи-и-ти!

Г о л о с

Князь и княгиня, горько нам, мизинным!

В л а д и м и р

Ныне же на гоститве сватейной Господь зрит и простит нас, пияных и убогих в пьянстве, а посему предадимся замарним игрищам и гласам многим утешным.

К н я з ь я *(кричат)*

Слава Святополку! Да здравит с младой княгиней! Будем ликовати вси!

В л а д и м и р (*подходит к окну горницы, кричит*)
Люд хрестьянский! Сли на сватьбу князя своего скоморохов!
(*За столом епископы встают и, кланяясь Святополку и благословляя всех, уходят.*)

ЗАНАВЕС

Картина II

Простая курная изба. Потолок черный. Кругом избы – полки, ниже полок изба выбелена глиной. В глубине – печь с лежанкой; справа от зрителя, через избу поперек идет воронец, на нем – полати, на печи, сбоку, светец, в нем горят две лучины ярко и дымно. Окна избы узенькие, горизонтальные, лишь одно с левой стороны, где стоит стол, – большое с частым переплетом, слюдяное, называемое красным. Стол большой, покрытый домотканой пестрой скатертью. В глубине дверь, по избе идут лавки. Попадья сидит на лежанке, прядет, рядом с ней сидит на скамье монах, у двери ближе к столу сидит бродяга. Попадья в красных чулках. Под скамьей, где сидит монах, веник. В углу у печи – помело.

М о н а х (*указывая на бродягу, попадье*)

О, ну? Что сей глаголет? Не чую!

П о п а д ь я (*нагибаясь к монаху*)

А ништо, тако лжешь! (*Махает рукой, монаху громко*). Скоморохи текли в град – поживу чуют!

М о н а х

О, отколе?

П о п а д ь я

С денницей молодой от княжой дружины на коне прошел, гомонил: «Ныне грядет во град Звижень Давыд-князь, у меня станет!».

Б р о д я г а (*беспокойно*)

Мать? Услышь грешного; нет ли zde клетки сутемнее, где бы мя, человека мизинна, князь не зрел?

П о п а д ь я (*бродяге*)

В бегах, должно? Иму, иму тако место! Бежи, находник, дале, до князя утечешь не мало.

Б р о д я г а

Я чул, ты мниху тому завечала приют дати. Аз, чернец монастыря Никольска, вот хрест!

П о п а д ь я (*сердито*)

Не лги! Язык твой не улип, не мало зрю народа и тя зрю и мысло, хто еси: огнуты вы, находники, все едино в порты ли чернецки, али мирское вре-тище с сумой, а тронь суму, под ней меч обрящешь – глас униинный, глава ти поклонна, а мало зеницы отвел – за выю грабаєте и убойство чините.

Б р о д я г а

Что ты, мать! Аз убог на десну стопу, лгать люблю, убойствовать николи не мысло....

П о п а д ь я

Зрю я – издалеча ты душу свою влачишь?

Б р о д ь я

Ой, устал – издалече!

П о п а д ь я

Судьбина твоя – душу волочити! Влеки-ко ее в ино место. Бежи скоро...

Б р о д ь я

Чую – не ладно ми с тобой! Скоро аз, а ты мя еще борзее ладишь створити... *(Переминается, поколачивает нога об ногу и оглядывает избу).*

П о п а д ь я *(монаху)*

Я уж гомонила – ночуй, отче-батюшка! Тма, ветр – во тме ветхому путь трудный, опочинь.

М о н а х

О? Мыслил к гостиним людем итти и внемлю: прииде ту князь може сый щедроимец? Всеволод, князь киевский, щедр был ко мнихом и обители, аз же теку за утро на конех к Суждалю, да идут на торговище в Суждаль Богобойны гостины люде кликали мя...

П о п а д ь я

Сие ладно тебе! Не чула кий Давыд-князь, а Олег-князь монастыри жжет и мнихов клещит.

М о н а х

Спаси Господь! Чул не единожды про злодетеля сего... Печерская обитель не поминает князей тех преступлений дея их.

П о п а д ь я

Лихоимец, див! Спаси Господи в нощи того увидети. Сей ласкосердный злу...

М о н а х

Се гряду по градам и всеям поучать народ маловерный, ибо без церкви с плясанием и визжанием многи хрестьяны жен поимут и от поганных поучение внемлют... И монаси мирскими суеты блазнятся. Аз же иму от игумна печать ко вратарю – да не изыду всеу и не прельщу.

П о п а д ь я

Напусти на сие Господь, – а народ маловерный; мой поп также гомонит, а сам велий грешник! Ныне бы взвратитися, а он после требы сел за питие, чую я, с бражники.

(Занавеска раскрытого окна топытирится. Слышен шум ветра в деревьях и стук ставней.).

П о п а д ь я *(бродяге)*

Отринь, находник, запону, да припри окно!

Б р о д ь я *(отодвигая занавеску, глядит в окно)*

Небушко черлено – знать к головням!

П о п а д ь я *(строго)*

О пожарах не реки ми, а то ухватом зеницы побью!

Б р о д ь я *(притворно испуганно)*

Ой, гроза ми, гроза-а!

М о н а х (*про себя*)

«Не утаися кость моя от Тебе, ю-же создал еси в таине и состав мой в преисподних земли».²⁰

П о п а д ь я (*монаху*)

Еще, отче-батюшка, гомони про печерских угодников – несть слаже чуть!

М о н а х

О? Про обитель? Слава сей обители преподобных отец Антония и Феодосия неизречена, и не мне, худому чернцу, прославлять преславное, но, што чул, реку ныне и аз, дщерь: возри – не чудо ли сие, если Марко Печерник не единожды повелевал мертвым, сущим во гробех, течи в ино место...²¹

Б р о д ь я г а (*про себя*)

Добре бы ми течи на полати, да опочинуту...

(В сенях шум многих голосов и звон оружия. Попадья быстро соскакивает с лежанки, полубегом подходит к дверям, обувает башмаки.)

П о п а д ь я (*говорит испуганно*)

Ахти ми! Чую, что князь!

(Бродяга быстро лезет на печь, потом перебирается на полати и прячется.)

М о н а х (*не меняя позы, опершись на посох, говорит громко*)

«Не утаися кость моя от Тебе, ю-же создал еси...»

(Дверь быстро распахивается, в избу, слегка сгорбясь, оглядываясь по сторонам, пролезает человек роста выше среднего, с окладистой недлинной бородой, в собольей шапке с бархатным желтым верхом, в рыжем корзне, отороченном по подолу сободем, забрызганном грязью, в желтых сафьянных грязных сапогах, с обнаженным мечем в правой руке.)

П о п а д ь я (*кланяется*)

Здравлю ти, княже!

К н ы з ь (*выйдя на середину избы и тыча мечем в пол*)

Хто zde хозяин?

П о п а д ь я (*продолжая кланяться*)

Попа нету! Я попадья, подружие попово.

К н ы з ь (*тыча мечем в пол*)

Не люблю подполья, у тя, попадья, долу под мостом есть подполье?

П о п а д ь я

Простой мост, княже! Не иму подполья, прости рабу – не вышла тя приветить!

К н ы з ь

Тиуна приветь, али посадника, князя Олега привечать не мни!

П о п а д ь я (*испуганно*)

Спаси Господь от Олега! Эко язык блудит. Ладила речи: бывай начасте, а вышло не ладно – так ты не Давыд-князь?

О л е г

То брат ми, не одиночадный, единоколенный! *(Тыча мечем в шкат)*. Зде, попадья, што угнетено?

П о п а д ь я

Да ту, княже, хоронятся поповы порты и мно, что потребно храмине.

О л е г

Волшвением не займуешься ли? Не замечен ли ту некий див ужастен, на потребу волшбе клещения ради души? Не мечешь ли кобью и зерню, чтоб пытать люди? Страшишь, ежли имашь сие!

П о п а д ь я

Ой, княже, отче-батюшка! Что ты... Священна одрина попова – я бью поклоны на Спасов лик, едва лишь денница, и по вечери бью...

(Олег ходит по избе и оглядывает всякий угол подозрительно, подходит, замечает бродягу на полотах.)

О л е г

Ты хто?... Теки вну!...

Б р о д я г а *(быстро соскакивает и, сорвав с головы шапку, кланяется)*.

Аз калика, княже! Калика, убог на десну стопу...

О л е г

Теки! Смерду без нужи с князем не добре в храмине быти...

(Бродяга пятится к двери)

О л е г

Чуй, рабе! *(Олег подходит к бродяге)*. Ты разумен ли?

Б р о д я г а *(кланяется)*

Чую, княже! Тшусь быти вглас.

О л е г *(давая ему серебра)*

Иди на Суждаль борзо и славь на вече Олега-князя – рци еси, князь Олег доблий кметь – да потягнете за князя!

Б р о д я г а *(кланяясь низко)*

Теку, княже, чую! Теку! *(Исчезает в дверях.)*

О л е г *(монаху)*

Ты, мних, отколе?

М о н а х *(вставая)*

О, скорбен ушима! Не чую...

О л е г *(громко)*

Отколь притек семо?

М о н а х

Аз мних монастыря Печерского!

О л е г *(расхаживая по избе, громко, но про себя)*

Отколе пришли вы с Богом карающим? Заселили грады и веси правдой страшной, отъяли радость у почитающих поганы боги. Боги юности, игрищ и позора светлого текли в леса от вретниц черных и крестов... *(Громко и страстно)*. Боги юности! Боги крови теплой и черленой, вас люблю я и призываю – аз крови жажду!

П о п а д ь я *(крестится, стоя у печи)*

Спаси Господь от сего!

М о н а х

Чернец обители Печерской аз!

О л е г

Реку ти – с правдой идешь по отчине?

М о н а х

Правда на небеси, княже, у Отца небесна!

О л е г (*расхаживая по избе*)

Клянущу денницу и ту душу, коя повлекла мя к правде загробной! (*Подходит к монаху*). Твой Бог, старче, опутал мя ужищами страха за кровь, и день от дни в десне моей меч все легче – а ми ли не клещати врагов? Враги всямо идут на нас...

М о н а х

Соизволение Господне! Господь мыслит за человеки.

О л е г (*насмешливо*)

Господня правда! А се правда княжая: трех год бысть князь Олег на конь сажан от епископа, и власы резаны им, а возрос в кмети – изгоем рекли мя... Так мочно ли страшиться крови?

М о н а х

О, крови? Не чую!

О л е г (*громко*)

Я землю люблю! Прах ее кринный люблю, воню черленой крови. Молись, старче, чтоб твой Бог небесный не застил земному кровавому и не брал души Олега. (*Вынимает серебро, дает монаху.*)

М о н а х (*не берет серебра*)

О, ты не Давыд-князь?

О л е г

Аз Олег – молись за Олега!

М о н а х

Не иму даяния. Обителью Печерской повелено клясти Олега с Тмутаракани...

О л е г (*стуча в пол мечем*)

Да не зрю тя, чернец! Теки вну...

М о н а х (*утираясь в посох, идет и бормочет*)

От неправедных злата и серебра паси Господь!

П о п а д ь я (*провожая монаха*)

Отче-багюшка, десную ту клетушка!

(*Монах уходит*)

П о п а д ь я (*возвращаясь, бросается к образу*)

Ахти, лампаду запахнул ветер! (*Крестится, идет к печи, берет лучину горящую и зажигает лампаду, потом подходит к Олегу, кланяется*). Не взыщи с рабы скудной, княже! В шапке ты по храмину грядешь – святые иконы ту.

О л е г

Не сие недобро, а то неладно, попадья, что в храмине твоей черно, яко у слепца в зенице. Аз мноу веселитися и тек не в церкву. (*Кричит*). Гой, отроки, семо, семо! (*Откидывает корзно и вкладывает меч, входят три воина*). Светочи сюду!

(Воины уходят и возвращаются с фонарями из слюды на коротких подставках. Встают двое у стола, один у двери.)

О л е г *(сбрасывая на стол шапку, воинам)*

Али не ведаете князя, холопи? Князь Олег – бражник, пошто праздна его трапеза?..

(Воины и попадьа спешно уходят, попадьа возвращается с работницей девкой, они ставят на стол медную яндовую и медяные ковши, братины с вином и деревянную тарелку с коврижками.)

О л е г *(ходит по избе, говорит про себя, оглядывая избу).*

Древний сруб, знать, сия храмина давно не зрела смаги?

П о п а д ь я *(с поклоном, Олегу)*

Не полоши, княже, глупую бабу! Пей вино да яждь, что Бог дал – бывай начасте нас скудных полюбишь, а тугу кинь.

О л е г *(подходя к столу)*

Туга до черна угрызла сердце – то правда! Ты мнишь, попадьа, изгою как псу пристало лакать из олова? *(Сталкивает на пол яндовую и ковши).*

П о п а д ь я *(разводя руками)*

Да ежли б не попа, брадатого бражника, ждала, а сокола князя, то себя в закуп дала бы, да уготовала ины судна! Ковши не мечи на мост, не поганы пили из них – хрестьяне *(подбирает и уносит посуду).*

О л е г *(кричит)*

Ольстин! Семо-о!

(Входит старый боярин, кланяется. За ним отроки вносят большой ларец, окованный серебром. Боярин снимает с князя корзно, кладет на лавку. Отроки вынимают и ставят на стол золоченые ковши и серебряную братину.)

О л е г *(боярину)*

Борзо, Ольстин! Из кади, что везена, вина шли...

(Боярин кланяясь уходит)

(Под корзном на Олеге надет короткий синий байдан с бляхами из золота на плечах и груди, байдан перетянут ремнем с серебряной цепью, на цепи – меч. Олег садится к столу, наливает из братины попадьи вина, глотнув, плюется, вытирает рот и бороду рукавом, говорит):

Не борзо гонит с ростовци Ярослав! Опочинути мочне... налезем дружину тогда на Муром. В Муроме ми свет, али конец потехи бранной Олега?

(Входят отроки, вносят в яндовых вино, ставят на стол и, молча кланяясь, уходят. Входят еще два воина с фонарями, встают один у шкафа, другой у двери.)

О л е г *(ковш за ковшом пьет вино, потом склоняет голову на руку и грустно говорит про себя).*

Анна, Анна, в сей грозный час едина кинула мя на пути, пошто вабила душу Олега к Богу хрестьянскому? Пошто? Скрегчит душа, и ненавидит тебя, и любит полоненная... не ты ли в юны дни влекла мя к Даж-богу и Волосу, и, радуясь, любил тя лобзати Олег. Пошто грядут все дале боги пройденного, юного... Пошто Даж-бог радуется извечно, а мы, человеки, дряхлы обрящемся от дня в день? Вернись вспять, время сладкое, и дни, когда от крови пьяный

скакал Олег-князь у жратвенных огней Перуна! Аще глумясь, пожигал монастыри и веси и смерда с мнихом равно гнал путем навьим.

По п а д ь я (*быстро входит, бросается к ногам Олега, Олег ее не видит и еще ниже склоняет голову*).

Княже! Отче-батюшка! Тамо прискакали бесовские людишки – скоморохи, не погань постой попов, не приказывай их!

О л е г (*как бы очнувшись из забытья*)

Ты что?

По п а д ь я (*не вставая с пола*)

Людишки, реку, скоморохи! Али ты лагодишь бесом?

О л е г

Твое пиво в корчаге прокисло.

По п а д ь я (*вставая и беря вино*)

Скоморохи, княже, чуешь?

О л е г

Чую! Эй, младшие! Скоморохов семо!

(Попадья уходит, возвращается отплевываясь, за ней идут скоморохи, их пятеро: Коза, Медведь, Возжак, Смерд и Смерть. Все ставят в угол у двери багаты дорожные и под порогом вытирают лапти. Смерть громко сморкается.)

О л е г (*пьяным голосом*)

Гудцы! Скочите и гудите...

(Возжак с Медведем начинают плясать, остальные притоптывают. Смерд ударяет в инструмент, род литавр. Смерть свистит в дудки. Все, кроме Смерти, поют):

«По болоту,

по моху!

беси ловят

камуху!

беси маленькие,

простоватенькие,

косорогие

и безрогие.

Ох-тю, хтю, хтю,

голова в дегтю!

Бес бежал в Ростов,

торговал холстов,

промения холсты

на свиные хвосты!

Ох-тю, хтю, хтю,

голова в дегтю!

Нос в меду,

хвост в муке,

уды в паволоке!

Ух-тю, хтю, хтю,

голова в дегтю!

О л е г

Гой, вы, рабы! Дайте позор!

Скоморох Коза

Осударю-князю позор!

Скоморох Медведь

Да лицееем коваля!

Скоморох Вожак

Кузнеца, братие!

Скоморох Смерд

Потребно помяло!

(Хватает из-под скамьи веник, выносит на середину избы и, растопырив листьями, ставит его комлем вверх, берет из угла батог, подходит к венику и кричит):

Де тиун, кузнец где?

Скоморох Медведь

Аз тиун!

Скоморох Смерд *(всем)*

Эй, вече! Подобаает ли медведю тиуном быти?

Остальные *(в голос)*

Да седе ныне медведь в тиунах! Не мало отчин, где тиуны медвежий вид имут, от тых и черный народ плаче. Смерть, клещи коваля! *(все в голос):* Смерть, клещи коваля!

(Скоморох Смерть становится задом к Медведю, Медведь передом к венику, между ног пропускают батог длинный, – конец батога подводят к венику.)

Скоморох Смерть *(кричит)*

Угрин дома?

Скоморох Медведь

Дома!

Скоморох Смерть

Што робит?

Скоморох Медведь

Мечи кует!

Скоморох Смерть

Аз людей клещила, косу изломила, пушай изладит!

Скоморох Медведь

Не час ныне тому! Князи землю руськую поганым продают, сам народ вои собирает – мечи ковать надо!

О л е г *(пьяным голосом)*

Мизинный люд! Глумотворцы над князи – рабы тиуны... *(пьет вино).*

Скоморох Смерть

Аз кузнеца уморю!

Скоморох Медведь

Надо править! Аз тиун, без правы морить не дам.

Скоморох Смерть
Аз – Смерть! Князь над князи, князь над бояры и над тиунами судия,
Умору кузнеца, да усне.

Скоморох Медведь

Даде еси ми закуп – мори!

Скоморох Смерть

Зрел ты у смерти гривны?

Скоморох Медведь

Не зрел, но тиун без закупа Господу Богу пития не дасть.

Скоморох Смерть

Решим дело судом Божиим – берись!

(Начинается борьба. Смерть сзади норовит ткнуть в веник концом батога, Медведь не дает и отводит удар, но потом, как бы ослабев в борьбе, умышленно подводит конец батога к венику. Веник падает, на место его ложится Смерд. Смерть стоит над ним в головах с косою, остальные пляшут, бьют в литавры и свистят в дудки.)

О л е г *(стуча кулаком по столу, чтобы заглушить резкую музыку, кричит)*

Гей, гей, глумотворцы! Рабы, от ликования вашего туга велия гложет мя...

С к о м о р о х и *(переставая играть, кланяются и кричат в голос)*

Не ущекотали ти, княже! Прости смердов!

О л е г *(строго)*

Не смерды вы – рабы! Гой, величание!

С к о м о р о х и *(радостно)*

Смыслим, княже! Смыслим!

О л е г *(бросает им серебро)*

Славьте!

(Скоморохи выстраиваются в ряд)

С к о м о р о х К о з а

Княжое величанье!

С к о м о р о х М е д в е д ь

Величанье поганых!

С к о м о р о х В о ж а к

Княжое смыслим!

С к о м о р о х С м е р д *(Медведю)*

Сам брате поган! Поганым несть величания, им похул.

О л е г *(пьет вино, потом хмельным голосом мрачно)*

Гудцы вы, невегласы и лубяны!

(Скоморохи, не обращая внимания на слова князя, кричат)

В с е *(Козе)*

Играй, Коза!

С к о м о р о х К о з а *(тонким голосом)*

Благослови же, князь хозяин, ко двору притти да величание играть!

В с е *(кроме Козы, в голос)*

Величание красно угодливо!

Скоморох Коза

У хозяина двор на семи верстах, на семи верстах да на семьдесят столбах.

Все (*кроме Козы*)

Величание красно угодливо!

Скоморох Коза

А кругом двора княженецкого золоченый оплот со честным крестом.

Все (*кроме Козы, басом*)

Величание красно угодливо!

Олег (*громко*)

Вчуйтесь вси! Изгой князь не внемлет лганью вашему. Все поросло ковыль травой – в княжих теремах Олега воют пси, немочно им с бранной потехи зрети господина... Несть у изгоя ни соколов ни княгини, и не с кем заедино думати, а вы выслите величать князя со княгиней... худы вы, гудцы, глумотворцы, неразумны!

Скоморох Медведь (*всем*)

Што познали, братие? Аз мыслю, князю по душе величание поганых.

Все (*Козе*)

Козь, играй, а мы пособь дадим – возрим, лепо ли сие князю?

Скоморох Коза (*тонким голосом*)

В степях, степях широких, –

Во шатрах, шатрах из песьих скор, –

Жиром жируют поганые...

Все (*кроме Козы, басом*)

Там без церкви Богу молятся,

Вси болванам поклоняются!

Скоморох Коза

Не печено ядут зелие, не варено,

коньим млеком упиваются!

Все (*басом, кроме Козы*)

Очи ти у них-зеницы раскосые,

А и ртище у поганых – заслон печной!

Скоморох Коза

А и ноги у них колесом идут,

От конячьа сиденья да скоканья!

(*Олег кладет тяжелевишую голову на руки на стол и дремлет, не закрывая глаз*)

Скоморох Медведь (*всем*)

Зрите! Ущекотали сим князя!

Все (*кроме Козы, продолжая пение басом*)

Гей вы, враны, вы, поганые, –

Не бывать вам на святой Руси...

Скоморох Коза (*скороговоркой*)

Еже соколы гнезда Святославлева...

Олег (*вставая за столом, грозно и громко*)

Завечаю вам, рабы, слово княжее. Чуйте вси!

(*Скоморохи жмутся друг к другу и умолкают, глядя на Олега со страхом.*)

О л е г

Виденья ваши не опраты. Вретища не справны и черны, а тых хто краше витайет, не ведая хаєте... В степях половецких раздолье. Народ, язык велий, солнцу Даж-богу хвалу возносит! При деннице нагие девки с златом на власех, на конех сидя, в реку грядут конь купати – лепо и дивно! Гостя на гоститву приветят... не имешь жены – дарят в поминок жену – гость, что бог велий в степи, а наши князи половецких лестивостью имают... Клянутся – ротятся, детей в тали поводят вести, яко тати влекут от гостя детей и убойство чинят ханам – нас лжа яст! *(С удивлением и гневом разглядывает скоморохов, пригнув над столом голову, кричит):*

Теките прочь! Внеуду, гудцы невегласы!

(Падает на лавку, потом оправляется, садится и неверной рукой наливает ковши вина)

(Скоморохи осторожно и медленно выходят, оглядываясь на князя)

П о п а д ь я *(радостно, громко гонит скоморохов)*

Теките! Гомонят вам, так еще зеницы пялете, беси, тати безбожные, расскокались!

С к о м о р о х К о з а *(дразнит попадью)*

Бэ-э! У попа в кандиле огня нету, у попадьи в кудели черти копыта греют.

П о п а д ь я *(хватая помело)*

Окаяннии! Прости Господи. Борзо, а то зеницы побью!

О л е г *(тяжело подымая голову)*

Ты что?

П о п а д ь я *(поворачиваясь к столу Олега и кланяясь)*

Да бесей, муров гоню – скоморохов!

О л е г *(пьяно и весело)*

А, скомрахов! Невегласы, но они дело свое правили, яко смыслили – кличь их сюда в храмину!

П о п а д ь я

Пошто так, отче-батюшка?

О л е г

Гей, скомрахи – семо!

(Скоморохи возвращаются)

Вина жаждете?

С к о м о р о х и *(кланяясь)*

Жаждем, княже! Нажадали пития!

О л е г *(попадье)*

Влеку свою братину, вино, ковши! Князь-изгой пити поволит с рабами...

П о п а д ь я *(кланяясь)*

Смилуйся, княже! Не нуди стару бабу...

О л е г

Не нуду, но сходя со двора, запалим твою храмину!

П о п а д ь я *(испуганно)*

Спаси, Господи, от глаза и пожара! *(Спешно уходит, приносит с работницей братину, ковши и снова обе уходят)*

О л е г *(разливая вино в ковши)*
Люблю мизинный люд! И люд сей любит Олега-князя.

С к о м о р о х и *(в голос)*

Здравим князю Олегу!

О л е г *(Козе)*

Ты кто?

С к о м о р о х К о з а

Коза!

О л е г

Пий! *(Медведю)* А ты?

С к о м о р о х М е д в е д ь

Медведь аз!

О л е г

Пий! *(Вожаку)* Ты?

С к о м о р о х В о ж а к

Вожак медвежий!

О л е г

Пий! *(Смерду)* А ты кто?

С к о м о р о х С м е р д

Яз смерд!

О л е г

Пий, смерд! Смерд человек вольный... *(Смерти)* А ты что за див?

С к о м о р о х С м е р т ь

Аз – смерть!

О л е г *(мрачно)*

Ты еси, раб, смерть? Ты!

(Вскакивает и выхватывает меч)

Несть за раба головничества!

(Скоморохи убегают)

О л е г *(кладывает меч)*

Раб, с заржавленной косой во вретнице... Неvegлас худоумный, и мочно ли рабу мыслить то, что и князи не ведают?... Смерть! Безочимое виденье – кость и дух... да кабы ведать, что за гробом греха нет за земное, и нет за сие работы... *(стучит кулаком по столу и кричит)* Анна, Анна! Пошто взяла мою душу в работу Богу грозну? Я ненавижу и тебя и бога карающа. *(Наливает вина, пьет, склоняет на руки голову, говорит в полубреду)*. Брат Ярослав! вчуйся, брат, зову – тяжко ми! Тяжко...

(С усилием поднимается и кричит воинам)

Внеуду вси! Рабы!

(Воины уходят, входит попадья, высекает огонь, зажигает лучину, садится на скамью и прядет. Олег медленно идет к двери. У двери появляется в сумраке высокая стройная женищина в черном, на голове ее черный кокошник, шитый серебром.)

О л е г *(кидаясь к ней)*

Анна! Анна! Тебя ли зрю я?

Ж е н щ и н а *(останавливает его жестом)*

Олег, опасись града Мурома, тамо загинешь! *(Исчезает)*

О л е г *(как сонный подходит, обнимает пустое пространство, поворачивается на избу лицом, опирается о притолоку спиной).*

Как огонь свещника пыхнула, и нет тебя, Анна! Опасись града Мурома... что сие – сон? явь... оле! мутится ум мой...

ЗАНАВЕС

Картина III

Та же изба, что и во втором действии. Горит лучина. Попадья прядет на лежанке. Входят в избу Олег, Давыд, боярин Олега – Ольстин и бояре князя Давыда – Василь и Лазарь. Воины встают на свои места.

О л е г *(Ольстину)*

Гряди, боярин, опочинуть, на вечере один управлю с молодшими...

(Ольстин кланяясь уходит)

Д а в ы д *(снимая шлем и крестьясь)*

Благодарение Господу Богу-Отцу, не мало места текли и во здраве зде налезли братеньша Олега, князя единоколенна... Пускай же князи злобят на тебя, аз же возлюбих брата своего, яко повеле Господь!

О л е г

Давыд-князь и вы, бояре, сядите с нами за вечерю.

Д а в ы д *(Олегу)*

Аз да лобызаю тя, брате мой! *(Целует Олега)*

(Все садятся за стол, бояре крестятся.)

Гнал упредить тя, брате Олег! Зане грозятся князи Володимер, Святополк и инии на тя – учужали, что собираешь вои, что сии дружины текут, за тя потягнув, на Северские отчины, что мыслишь переяти Суждаль дерзновением своим...

О л е г *(наливая всем вина)*

Аз ведаю, что брат Давыд лестив и враг мне, яко инии князи, но искони презрел козни вражи. Аз себя одного боюся, и несть ми ворогов лютее...

Д а в ы д *(не обращая внимания на слова Олега)*

Ну, здравим дерзновенну и доблю кметю князь Олегу! *(Подымает ковши, все подымают ковши, кроме Олега, Олег молча пьет, Давыд продолжает вкрадчиво).* С того года, яко заедино текли на половци с Олегом братеньшем, пировати нам не доводилось, ныне славлю Господа Бога моего, аз обрадован неречимо словесы...

(Олег молча пьет)

В а с и л ь *(заглядывая в ларец Олега, Давыду)*

Зри, княже, князь Олег, кметь доблий и хозяин велий, к становищу не гонит на пуге: в ларе ковши, братина, байдан с доспехами, секира, тулья и лук!

Л а з а р ь *(заглядывая тоже)*

Ларец малый с алмазами, обьярь, парча, зеркало медяно *(Давыду)*. Зри, княже! Болван из земли половецкой, злещеный, и не един, а многи...

Д а в ы д *(боярам укоризненно)*

Полно вам, бояре! Братеньш Олег не любит сего. Тако да не зрите в ларь, не млады есте дети вы... *(Наливает Олегу вина)*

О л е г *(пьет, Давыду)*

Не прети им, да зрят! Аз мыслю и не познаю пошто, на кую потребу налезли есте мя? Все врази ми, чую сие... И ты, Давыд, зол еси на мя за Всеволожские отчины...

Д а в ы д *(вскакивая за столом)*

Брате Олег, единоколенный брате! Пошто чинишь на срам сей? Не лзе бе ми на тя худо мыслити – роту даю на Господа Бога узря – на судию тиуна небесна! *(Крестится)*. Аз не мыслю худа! Повели – дружину подтяну к Мурому, да потягнет за тя, брате! Ну, здравим? Пей и ты, не держи лиха! Аз бысть талем ти, в Тмутархе да пусти мя, мочно ли ми лихо думати?

(Наливает вина себе и Олегу, Олег пьет, а Давыд отодвигает к Василию свой ковш, Василь придвигает свой порожний, Давыд делает так, как будто пьет.)

О л е г *(Давыду)*

И тебе мнится, что я на Муром прати умыслил? Аз же иду на Ростов!

Д а в ы д

Брате! Да иду и аз на Ростов. Аз не лестив, пей, здравлю тебе! *(Пьет)*.

О л е г *(пьяным голосом)*

Зане с Борисом притекли с Тмутархи за правдой!²² На Нежатине ниве в сече с князьями многи бысть убит Борис,²³ я в мале дружины бежал с поля, но меч мой и десна ведают, яко умре Изяслав киевский...²⁴

Д а в ы д *(боярам)*

Чуйте, бояре! Братеньш Олег не любит лжи, то правда: неведомо есть доселе нам князем, кий кметь посек Изяслава смертно...

О л е г *(гордо)*

Чуйте, вси! Несть пятна на мне, бо я изгой! Но нельзя бо лицемеровати со мною.

Д а в ы д

Мы не тиуни и не послуши, мы баяны, чтоб славить дерзость твою, братеньш. Не лицемеруем!

О л е г

В оно время с отця стола попрал мя Всеволод,²⁵ в гридях водил, скопец его княжой был ми пестун и шопотник до князя... в ноци с княжыми рабами Всеволоду пяты чесал, но ведают вси стол черниговский, стол отец моих! Я же бежал в Тмутарху.

Д а в ы д *(весело)*

А ныне Олег князь велий дерзновенник! Здравлю доблю кметю и воеводу Олегу.

О л е г *(поднимая ковш, пьет и, склонив над столом голову, оперишь на руки, говорит мрачно)*

В Чернигове в тереме княжом едино место есть язвено – в стену родитель князь шиб яндову серебряну, и зубами скрегчал, и бился главой о стол, и сие не единожды...

Д а в ы д

Пей – да здравлю тебе! Аз ведаю – дано от Господа ти дивно зрети... и вем сие аз: с Тмутарха в Новгород Олег-князь грядет с войми, а узрит дивно – взратится от сечи вспять, без нужи ронит стяг, и с поля течет в туге велией, и бражничает, поемши ужась, неведому иным... и вем аз сие, что брат Олег ни в терем, и ни в изобку малу не влезет, не обнажив меча – то врагов пытается?

О л е г *(смеется пьяно)*

На врагов? А не мнишь ли ты, князь, что Олег презрел врагов и не их, а волшвения ужасеся. Дивно зрел... да *(тихо)* чуй...

Д а в ы д

Чую тя, братеньш!

О л е г *(очень тихо)*

Бог грозный, что берет ми душу лжеимец...

Д а в ы д

Ужели в правде, брате, боги поганы?

О л е г

Погану богу кровь сечи благостна! Взывая к нему, аз моя десница держит меч крепко... Бог же хрестьянский за кровь клещит души, а ты и, хто ведает от бога сего, епископы попушают князей на кровь и рекут лестиво: «Кровь хрестьян есть кровь, и потребны за кровь сию клещения за гробом...» Мыслью аз: всяки крови страшны, али никому же несть работы на другом свете за кровь людей?.. *(Подняв голову, злобно и громко почти кричит)*. Пошто текли искушати мя лестивостью? Мыслью опочинути – да отыдите рабы хитры сего брашна!

Д а в ы д *(встает из-за стола с боярами)*

Слушайте, гриди! Али не чули господине рек, теките из храмины вси!

(Воины с фонарями уходят, Попадья зажигает лучину. Олег кладет руки на стол, на руки голову и дремлет)

Д а в ы д *(отводя бояр в сторону, тихо)*

Еще мало, и опочинет в зле сие Олег. Ведаю, быти ему яко худоумну, зане паче водится с безумием. Гридей его отвести, да не налезут Олега – мы же окрутим князя ужищами и до дружины борзо...

(Уходит. Уходя, Давыд подтягивает меч и надевает шлем.)

(На сцене все темнее, потом начинает проясняться, видно обширное подземелье, в глубине его дверь с крестом. На первом плане, слева и справа от зрителя, стоят два ангела в белых одеждах, с мечами. В глубине пещеры и на первом плане лежат в различных позах скелеты с крестами на груди, с кожаными поясами, на ремнях тоже кресты. Из глубины сцены слышен голос Олега, похожий на стон.)

Г о л о с О л е г а

Сие от мене и Боняка хана! Ужасны ми силы Бога карающа...

(Видение медленно тускнеет и расплывается. В сумраке видны стол и голова стящего Олега. Входят крадучись Давыд-князь с боярами, в руках у них черное покрывало и веревки.)

В а с и л ь *(подходит к столу, приподнимает Олега)*

Вчуялся ли, княже, посторонь сего становища рокочет трубля?
Д а в ы д *(помогая вязать Олега)*
Борзо, бояре, на конь и к Чернигову, гриди Олега отозваны, а дружина
наша близ...

О л е г *(в бреду)*
Боже карающий, щади мя! Аз вередил мнихов!
Д а в ы д *(Олегу)*
Аз еси от Господа! Да ввергну тя, грешный убойник, в узилище!
(Бояре покрывают Олега с головой черным покрывалом и уводят.)
П о п а д ь я *(сидя, оглядываясь, крестится)*
Слава ти, Боже наш, отче-батюшка! Утекли с грозой. *(Слезает с лежанки, подходит к окну, глядит на двор).* Людно да огненно, паси Господи от князей и бояр, послы на постой ми черный люд! А поп забражничал, безбожник. Паси Боже от глада – пожара...

(Дверь медленно отворяется, входит бродяга, осторожно крадется к столу, наливает из братины Олега вина, пьет и громко крикает.)

П о п а д ь я *(оглядываясь)*
Ты что пакостишь, худа котка?..
Б р о д ь я г а
А по молитве твоей притек, мати, – учул молишь: «Послы, Боже, черных людей», меня и шибло к брашну, а ту питье княжое. *(Норовя налить еще вина).* Добро питье. Жира княжа...

П о п а д ь я *(вырывая у бродяги ковш)*
Тать! Из княжего судна лопать!
Б р о д ь я г а *(хватая другой ковш)*
Теку, вот, с сим! А тебе за кузню серебряну в погребе быти..
П о п а д ь я
Ахти ми! На, лопай! *(Придвигает вино).* Пасись, узрит князь, сколь вина убыло – гроза ми.

Б р о д ь я г а *(пьет вино, потом утирается и говорит)*
Ой, художна! А еще попу подружие, али то бражник, кой на пиру питье мерит? *(Кланяется).* Прости-ко. Путь не мал – теку на Суждаль князю Олегу в послугу быти... *(Нагибается к ларцу Олега).*

П о п а д ь я *(толкая его)*
Да иди! Зеницы пялит, яко пес на мясно яство, теки!
Б р о д ь я г а
Зрю, мати, на ларь княжой и мно: не забыта ли ту где моя гривна?..
П о п а д ь я *(выталкивая его из избы)*
Теки, худой! Ногаты не стоишь, а гривна – зрел ты гривны, голец?
(Бродяга уходит. Близко звук трубы, вскоре входит Ярослав с Олегом.)
О л е г
Реки ми, брат, как зрел мя едина на конь и в запоне?
Я р о с л а в *(высокий воин, молодой, стройный, в доспехах и шлеме)*

Налезли есть ростовцы, иду с воями и чую, о бок лясают мечи, зане течет дружина и ладит путь на Здвижень; дозреть слал верхий вой в шепотники на ту дружину, а дружина иде тя переять, и вдох аз сию дружину своим воям на щиты – побил ю... ближе к Здвиженю ты тек зрю Давыд-князь с бояры, яко волцы в бег и в лесах укрылись... почуял аз, что ты на конь един на лядине и наладил воев за Давыд-князь, да ти врази текли не ополонясь, а тебя пояли и вспять к становищу, а zde гриди ишут тебя с светычами...

О л е г

Опочинул аз – ужасны стены душу вередили мою, рыкал аз и зрел за гробом в тме лютой... чую влекут мя, но кия силы – не вем!

Я р о с л а в (*садясь к столу, не снимая шлема*)

Переключать волили на врази, взяв тя в путины. Аз же не мало время вести не слал, да доспел добре...

О л е г (*расхаживая по избе, опустив голову, подходит к Ярославу*)

Туга подступила к сердцу... становище яко керста смраднa бысть ми, брат единачадный, дай лобызати тя! Люблю, верю – аз не один ныне...

Я р о с л а в (*снимая шлем*)

Али не верю и не люблю тя?.. (*Обнимаются, целуются и пьют вино*). Ты ми – меч мой, десна моя, не будь Олега, Ярослав, яко навий, мертв! Ты бодр, и ведаю аз, что ми створити во всяк день...

О л е г (*опуская голову на руки*)

Много крови лием, брате!

Я р о с л а в

Зрю ныне с тобой не то, что преже... что кровь? Кровь – вража.

О л е г

Не врази страшны ми, брате, души своя страшусь!

Я р о с л а в (*вскакивая*)

Брат Олег! Время ли верить снам и коби?

О л е г

Кобью не метал. Гадать о судьбе не мыслю, ибо чую кончину люту (*тихо*), чуй... чуй мя!

Я р о с л а в (*пригибаясь к Олегу*)

Чую!

О л е г (*как в бреду*)

Вси вороги ведают, что аз доблий кметь, на конех и пешь, но не ведают, что душа моя, яко душа жены скорбной... у Анны душа кметя-воина, а вид ее, лепой жены, да повлечет ее душа мою в работу на ню, ибо возлюбих вид ее по гроб мой и не иму силы дати забвению сие... Ныне на Муром ми последний путь... помыслил аз братися с нею до смерти и, еже не поврещу Анну, да поврещет мя душа ее! (*Громко*). Узришь дивно, брат! Поврещу Анну – отрину ее волшвление. Отрину, да здравим мы на многие годы! А врази? Врагов много из веку не страшилсЯ. (*Тихо*). Поганы боги познал с Анной, возлюбил кровь... Анна поганы боги попрала, Бога ради хрестьянского, и ныне ее душа грозит ми и к грозну Богу путь требит... Бог грозный един, един карающий за кровь. Ты чуешь?

Я р о с л а в

Чую! И мы течем на Муром и Новгород, яко огонь, кие бы сны и стени не вередили душу Олега.

О л е г

Радуюсь, что зрю тя, брат мой! Радуюсь!

Я р о с л а в (*расхаживая и останавливаясь*)

Ныне же реку! Не время станям предати душу – зри всямо: лядина, на ней мечи, шеломы, простерты мертвы вои, познаешь, чье поле? И внемлешь: то брат на брата прали делили дел... Налезешь дружину мыслишь – вои наша, а та дружина на тя – все вороги! Вчуйся – zde вотчины делили, ту доблих имали... дружинником познался – влекут в сечу с собою, князем рек ся – ополонить мнят и очи вынуть. И дивен аз, брат Олег! Где твоя былая мощь? В боях без чета загнал конь, шелом в сече ронил и бился с непокрытой главой... Я чул и зрел в бою – яко ветр ты! Скрегчали на тебе обломки лат, от пят до главы уязвленный стрелами, тек по брани, врази бежали, где проносился Олег-князь, и имя сие грозно не едину кметю...

О л е г (*мрачно*)

Ныне аз зрел Анну... Чуя глас ее: «Не иди на Муром – згинешь». Страшусь любовна гласа, и жадет душа чуть его.

Я р о с л а в

Да идем на Муром!

О л е г

Не ведаю, брат, пожду еще мало.

Я р о с л а в (*бросаясь к Олегу*)

Ты опочинул брат, и ныне сон берет тя! Кой дух, кой див пожрали твое дерзновение? Чуй мя! Чуй! (*Бьет себя в грудь*). Брат Олег! Молю тя! Молюсь, яко Богу! (*Падает перед Олегом на колени*). Аз ростовцев повел – налезь ты на Суждаль и на Муром, а там на Новгород идем, восхапим власти наша. Суждальцы не верят ми, но тебе же подколенны, и речи веси, кими потребно возвать к народу.

О л е г (*вставая и поднимая Ярослава*)

Не мочно тебе во прах! Ты дерзновенный кметь, и ужас поля не берет душу твою, и крови жадешь ты, аки Перун, и, зря на тебя, возжажу я крови – иду на Муром!²⁶

(*Торжествующе и дико*)

На Анну иду я – и кто победит из нас?!

Я р о с л а в (*радостно*)

Пью ковш последний! Здравлю воеводе князь Олегу! Брат, пей и ты последний, и на конь!

(*Пьют.*)

О л е г (*кричит*)

Гой! Суду! С одрины рухло княжое поять, и окрутить конь борзо, эй, борзо!

(*Входят отроки и воины.*)

ЗАНАВЕС

Картина IV

Большая площадь, запруженная народом; справа и слева по сторонам площади закрытые лари – лари выходят задом на площадь. Торговцев не видно, но слышны их голоса, зазывающие народ, иногда в прогалки между ларями проходит народ с площади и на площадь, вдали храм, окружен тыном. На первом плане стоят двое и рассуждают громко: монах и смерд.

С м е р д (*монаху*)

Али стригся в чин? Пошто окрутился в чернецки ризы...

М о н а х

Не стригся, грешный! Аз реку ти: влечет душу к обители... Зане окрутился от неисправности мирска вретиса, а монаси порты сии даша.

С м е р д

Зрю, ты, брат, Панфилие, от нужи шибся в чернцы! Отколе будешь?

М о н а х

Из Полоцка – от бед притекох, ниспосланных Господом на град сей...

Г о л о с т о р г о в ц а

Зрите – котлы, чаши древяны судна, кому надобе сватьба гоститва!

Г о л о с

Ладны отопки бабицам!

С м е р д (*монаху*)

А што злоключилось в Полотьске?

М о н а х

Полочанам по грехам быша от Господа чудеса явлены – беси текли по граду сему и день и ночь язвили всяк люд язвами. Половчаны, в домех сидяще, плакаша с молитвой, а кии вылезали на стогны – гинули.²⁷

С м е р д

Спаси, Господи, от лиха! (*Крестится*)

М о н а х

В пути обретох поучителя, ныне мнит на торжище поучать всяк народ правде Божией....

С м е р д

Ну, прости, брат Панфилие!

(*Расходятся*)

Г о л о с т о р г о в ц а

Сюда, сюда! Яство – сюду! Хлеб с маком, коврижки, хлеб с медом – добро ясти!

Г о л о с с у з д а л ь ц а

Вчуйтесе, старцы градские! Бояре-народ! Да потягнем за князь Олега! Князь Олег дерзновенный кметь!

Г о л о с о г н и щ а н и н а

Что худо мнети? Удал князь, хоробрый Олег, от поганых ни на пядь, а в Суждале ин год лишь головни оставил!

Г о л о с с у з д а л ь ц а

Лжа! Лжи не чуйте, старцы! Не Олег головням предал – половцы предали!

Г о л о с б о я р с к о г о с ы н а

А поганых хто вел? Олег! Нешто он князь? Тать! Убойник, поган!

Г о л о с о г н и щ а н и н а

Али не чули? Ныне на вече князь Давыд поведал: Олег Василька теребовль-ского князя темнил, на Нежатине убил Изяслава киевского.²⁸ Се ли то князь, а не убойник?.. Эй, хто чул?!

Г о л о с а

Многи чули! Чули про сие, чули!

Г о л о с б о я р с к о г о с ы н а

Олег – изгой! Изгой нами не княжат! Лжеимец, еретик!

Г о л о с б о я р и н а

Что тут? Не потягнули Давыду Игореву, чем лепее князь Олег – не потяг-нем! На пусто кровь лить русьскую... Не вем, пошто головы ронить.

Г о л о с т о р г о в ц а

Убруси шитые, камка, обьяр, тафта от византинцов! Скорлат черлений!

(На возвышении встает монах.)

М о н а х *(кричит)*

О! Ну-у! Из Печерски обители аз! К вам, людие! Все не христианы – вси аки поганы, о! Не зрители Христа. Тма обуя вы, не чуєте гласа Божия, упиваетесь, ядите жадно, аки пси; пищанию, скоканию бесовьску скоморошу внемлете. Не ради ти ни церкви Божией, ни обители Господней и не чтите князей, бояр – господу вашу! И вопрошу вы – помните о себе, кий прибыток от вас отчине? Кни красы уготовали себе вы? Едино толико вержение душе и телу своему!

Г о л о с т о р г о в ц а

Рукавицы, кожны и полстяны, перстаты! Рукавицы!

Г о л о с м о н а х а

О! Ну! И реку ти, родовитой! Зане лестишься возношением, не лести ся всеу, не реки праздно: отний час ми, боярин, а мученики за Господа Бога братие! Помысли преже, позри в душу свою, не поган ли еси ты? Не от вас ли блазнения на рабы ваши? Не от вас ли вожделения к бесовским играм и скоморохом? Не от вас ли прельщения суеты вселеней? От поганых жон не имете ли вы? То ли блазнение, угодное сатане?

Г о л о с и з т о л п ы

Чу-ко, мних, пригони к торжищу бочку икры от монастыря вашего, ладно будет ти!

Е щ е г о л о с

Лепее, во-во!

Е щ е г о л о с

Зри, худ! Он и сам жадет ясти, да монастырь и ему не дает!

Г о л о с с у з д а л ь ц а

Старцы градские и людие! Не растекайтесь в хоромы, вече станет ту-у!

(Монах сходит с возвышения)

(Колокольный звон)

Г о л о с н а с е л ь н и к а
 В церкву иде люд! У попей настолование и нам зреть сие не грех!
 Г о л о с с у з д а л ь ц а
 Да прикажем Олегу с нами на Муром прати!
 Г о л о с в о и н а
 На Муром потягнем с князи!
 Г о л о с
 А где же князь Олег? Пушай говорит!
(Колокольный звон)
 1 - й г о л о с н а с е л ь н и ц ы
 Пошто звон клеплют колоколо?
 2 - й г о л о с н а с е л ь н и ц ы
 Попи окручивают пископа!
 3 - й г о л о с н а с е л ь н и ц ы
 Слава ти, Боже!
 Г о л о с с м е р д а
 Али не зришь? Хижу не руби, смерд, близ княжого гнезда – в холопах
 быти. *(Проходит)*
 П ь я н ы й *(поет)*
 Оженился князь во двенадцать лет,
 Взял княгинушку девяти годов...
 Г о л о с
 Бражник! Лжешь, князь Ростислава в Суждале Рюрик оженил четырна-
 дцати лет на осмолетней.
 П ь я н ы й *(поет)*
 Жили пожили ровно три года,
 На четвертый год княже мутен стал.
(В толпе проходит скomorox с козьей головой.)
 П ь я н ы й *(скомороху)*
 Скомраше! За гривну скочи и гуди!
 С к о м о р о х
 За тя, бражник, пол ногаты с гуней купля!
 П ь я н ы й
 Лик телячий! Кошачий хвост – песий ты сын!
(Поет)
 Он к мощам притек чудотворным.
 Зрел князь велий храм горня Киева!
 Г о л о с в о и н а
 На Муром потягнем за князь Олега; яр, дерзновенен доблий князь!
 Г о л о с н а с е л ь н и к а
 А не прикажем такому князю – набегут половцы. Пасись тое поры!
 Г о л о с о г н и щ а н и н а
 То лишь новгородцы волчья хвоста бегают; хто новгородец – бежи!
 Г о л о с
 Ой, лжешь, боярин! Не новгородцы, то – ляхи!

Г о л о с с у з д а л ь ц а
Потребно доля ради Олега – князя вече совокупить!
Г о л о с б о я р с к о г о с ы н а
Ведомо всем! Давид-князь поведал – Олег поган, али хрестьянину за погана прати?

Г о л о с
Изяслава киевского убил на Нежатине!
Г о л о с в о и н а
Битых не мало – хто бит от князей, тый на санех везен, и попы пели – потягнем за Олега!

Г о л о с б р о д я г и
Ой, суждаляне! У Олега лари златой кузни, кади вина, да идем вси за Олега-князя – щедроимец!

Г о л о с (*бродяге*)
У, ты, голяк! Черно вретище!
Б р о д я г а
И ты не тафтой кручен!
(*В другом месте, ближе к первому плану и правее на площади.*)

1 - й г о л о с
Гэй, тать! Вчера фофудью уволочил, а ныне наг!

2 - й г о л о с
Сам убойник, разбойниче лютый! Не тя ли влекли по торжищу – пси верещали?!

П ь я н ы й
Ротиться в дома не воротиться.
(*Поет*)

А на пятый год он на вспять потек,
Ему встренулись древни женуши!
(*Указывая на бродягу*)
Зрите, огнем, водой пытали сего – а изжил!

Б р о д я г а
Бражник! Яз из княжого ковша вино пил, с князи речи вел, а ты – смерд!
П ь я н ы й
То-то округился в корзно княжо, все уды внеуду. (*Смеется*)

(*В толпе проходит бирюч.*)
Б и р ю ч (*кричит*)
Кто из народу восхощет в холопи огнищанину Ингорю? Да иде на торг к церкви-и!

Г о л о с
Ингорь не в закуп ловит людей, а вольных имае в работу – пасись народ Ингоря!

Б и р ю ч
Хто не из тых, что сбегли от господина! Да иде Ингорю-боярину в закуп на серебро-о!

4 - й г о л о с

Пошто прешь, ежели на торгу дался в холопи!

5 - й г о л о с

Вем, што ты на рабе оженился, и тож холоп – раб, а я молчу!

6 - й г о л о с

Зрю на тебя, бить-убил, да виры князю не платил!

7 - й г о л о с

Эй, народ! Во ту – тиуний шепотник!

Г о л о с а

Кде бесов брат?... Кде? Кде?

7 - й г о л о с

Зри – потек! Во, во – утек бес!

П ь я н ы й *(поет)*

Видом старицы черноризицы,

И рекла ему одна старица:

«Несть палат твоих белокаменных,

Теремов твоих злаговерхиих».

(Издали, от собора, идут бирючи и кричат. Один из них бьет в набат, привязанный на груди.)

1 - й б и р ю ч

Эй, народ! Зде вече станет!

2 - о й б и р ю ч

Люди градские! Торжники и мизинный люд! Гонят на конех к Суждалю
Олег-князь с Ярославом братом!

1 - й б и р ю ч

Да судите по совести и разуму на вече с князи; не деля свады совокупитесь,
а ради обча дела.

(Уходят; звонят в вечевой колокол. Толпа жметя к середине площади, на первом плане, свободном от толпы, проходят Олег с Ярославом.)

О л е г

Не иму, кде опочинути, клонит ми главу ко сну!

Я р о с л а в

Становица тугой мучат, а на поле сон – не добро сие!

О л е г

Еже зрю толпу – недугование оставляет мя, и жадет душа крови!

Я р о с л а в

То на радость ми, да идем на вече, брат!

(Проходят в толпу)

1 - й г о л о с

Доблий воин князь Олег!

2 - й г о л о с

Лих князь Олег!

3 - й г о л о с

Здрав буде, княже!

(Олег встает на возвышение и ходит, разглядывая толпу.)

1 - й г о л о с

Эй, княже, рыкай! Чуем ти, чуем!

П ь я н ы й *(поет заунывно)*

На дворы твои княжецкие
набежали нынь злые половцы!

Г о л о с

Бражник, теки на керсту плачь!

2 - о й г о л о с

Дай чуть князя!

П ь я н ы й

Чуй, а он молчит!

(Поет)

И рекла ему четом третия –

Молода жена, опоганена!

О л е г *(громко)*

Суждальцы! Старцы градские, люд и торжники и ты, мизинный народ! Иму ли я, как от ростовцев, что потягнули за меня и вдались ми ваше лагожение?

Г о л о с а

Имаш, имаш, князь! Имаш ты!

Г о л о с б о я р и н а

Имаш, ибо кметь доблий, да не ваби ны – не потягнем!

О л е г

Зане жадете ли браной славы? Хто жадет да идет за нас на Муром и Новгород!

Г о л о с о г н и щ а н и н а

Эй, суждальцы! Пасись грозы! Али не весте вы, что в Муроме и Новгороде седоша на столе Володимирычи, а ведомо ли вам есть, что десница Володимера крепка, очи его неусыпны, не впусете сие, что род его пошел от хитрых грек – ныне же от Володимера и иных князей иде гроза на Олега! Был сбор княжий, судили имати сего князя Олега за крамолу – пасись народ! Не лзе дружину дати тому, хто под грозой тече, не мочно потягнуть за тыи князи, кии у многих поруганы!

О л е г *(оживляясь и выхватывая меч)*

Хто зде подколенен Давыд-князю? Хто еси на князь Олега поклепец? Ведай, народ! Володимировичи на моих отчинах седоша, мой хлеб поедают. Давыд, шепотник Володимиров, налгал вам, люди суждальские, он ослепил Василька, мыслил мя слепити ем безоружного и в сне лютем, да самому прилучилось огребатись, и дружина его, коя текла пояти мя, побита от нас! Иной грозы нет, и гроз Олег не страшится. *(Некоторое время молчит)*.

Г о л о с а

Што рыкать спуста!

Потягнем вси – поклепцев не чуем!

П ь я н ы й *(поет)*

Зде повергся князь на сыру землю!

Г о л о с б о я р и н а

Бражник! Вдам ти бирючам в батоги!

О л е г *(вкладывая меч)*

Завечаю вы истое слово княжое! Подъемлю всю землю половецкую от Тмутарха до Киева! Восстанут вежи ханов Боняка, Куря и иных князь с Тугорканом за Олега; али не зрели вы сего в оны дни? Реките ми крепкое слово не кривое, не ведите купли с душой вашею – славы бранной жадете, али же головней града Суждаля – сие да будет вы!

Г о л о с а

Да идем за тобя на Муром!

Веди на Новгород!

О л е г

Не за кривое дело идем – за правое! Поклепцев Давыд-князя и Володимера уловите, еже бысти им в погребах.

Г о л о с а

Чуем!

Издадимся-а!

(В толпе начинается возня и крики.)

Сей, сей, во-по, хватай!...

(Кого-то волокут и бьют.)

Г о л о с а

Так ему! Не чините убойства!

Языка надо! Иний суть! В погреб! В поруб!

О л е г

Старцы градские, бояре и черные люди! Роту даю вам о Господе, да не кривлю душой – все, что есть ми подколенно, – сподручным станет вы, и князь я вам без полюдья.

Г о л о с а

Веди, князь!

Тецем вси!

О л е г

Вдавше ся ми, не кайтесь унийно! Не кляните князи за кровь, бо глава моя стоит вас, и враги ю познают главой кметя добля. Я же не брегу ю для ради брачной ночи! Ныне же правьте уклад наш и вои нарубите!

Г о л о с а

Течем, князь Олег, сберем дружину!

(Олег сходит с возвышения, уступив место Ярославу.)

Я р о с л а в

А штоб щекотно было люду Суждаля-града чуть боевую трублЮ и гогот коней бранный, пригнал Олег-князь к Суждалю десять кадей вина и пять кадей меду попряного!

Г о л о с а *(радостно)*

Се князи! Здравим Олегу! Здравим Ярославу, брату его!

Б р о д я г а *(кричит)*

Старцы, молодые и смерды, вси за князи, чуй мя, господине, гольца суща!

Г о л о с п ь я н о г о

Ау, отцы, братие! Добре ротиться худу – домой воротиться, а где княжое вино?

Г о л о с

Батогов не жадешь?

Г о л о с п ь я н о г о

Батоги не пироги – у бочки всяк песий брат – болярин! *(Поет)*

За сородников, за убойников стань кандилом, князь, Богу Господу!

(Вече расходится, толпится народ. На первом плане выкатывают бочки.

Проходят мимо Олег с Ярославом, толпа снимает шапки, кланяется и шумит.)

Т о л п а

Здравим!

ЗАНАВЕС

Картина V

Перед Муромом. Обширное поле, справа от зрителя оно уводит вдаль к косогору, на поле группами стоят воины. На первом плане справа стоят также воины в доспехах, с луками, секирами и копьями. Вдали слева сцены занимает деревянная стена кубической постройки, обрытая земляным валом. Вправо в стене высокие запертые ворота. Перед воротами с левой стороны стоит Олег в панцире без рукавов, с щитом, копьём и без шлема, недалеко стоит воин, держит княжеское корзно Олега и шлем.

Еще правее и ближе к зрителю стоит Ярослав в боевом вооружении и шлеме.

О л е г *(делая шаг к стене и глядя вверх)*

Без шелома гряду к тебе, князь муромский, мы есмы одного гнезда князи – да не льем крови русьской, не держим между нами рать!

Г о л о с с в е р х у

Пошто идешь на Муром?

О л е г

Не единожды слал ти епистолию – бысть наряд мой! Сойди, Изяслав-князь, со стола отец моих, иди к отцу твоему Володимеру, кий попрал мя без правды, яко изгоя, с отчины Мурома-града.²⁹ Али ты, князь Изяслав, жадешь крови, дела ради сего не чуешь ны, али мнишь с нами драться в поле?

Г о л о с в в е р х у *(громко)*

Дати трублю!

(Трубят на стене)

Г о л о с *(обращаясь к дружине Олега)*

Людие ростовски и суждальски! Али не ведаете, хто есть Олег-князь?.. Зрю на вы и мню, что не ведаете сего, яко дети млады, ибо навалились дружиной велией на град Муром! Вчуйтесь в слово мое: Олег тмутараканьский из веку изгой и крамольник поган. Пошто зрю на вы, кмети добли? Пошто чую, яко да не брежете вы, людие ратны, грады, терема и хижы ваша от злые беды? Ибо вы кмети ростовски и суждальски потягнули за крамолу... Град Муром священ от Господа Бога и от отец епископ праведных, и аз его, князь Изяслав, ставленный от княжой думы обчей и воителя отца моего, печальника за землю русьскую!

Рците ми, хто есть ныне из князей превыше Володимера переяславского, князь черниговского? Ведомо всем – вси князи текут за правдой к Володимеру! Олег же князь богоотступник, он с половцы³⁰ многожды попалял монастыри, церкви Божии, сеял в прах грады и веси ваша, избивал, яко еретик лютый, полей, епископ и мних праведных! Рците же ми, хто ныне из вас стоит за лжеимца и отступника Божия? Али не ведаете, что и ныне, яко в оны годы, сгубит он вы, наследие ваше предаст поточению, рухло ваше восхищению, чадь вашу убойству лютому!

(Олег жестом велит трубить. Воин, стоящий сзади него, трубит.)

О л е г *(громко, глядя вверх)*

Ой, Володимерыч! Младый пес-выжлец, отца нечестива, поправша многи князи с отчин деля ради щенят своих... Ныне Володимера сыны седоша на столех всея Руси Киевской и Северской,³¹ ибо мнит Володимер, презрев правду княжую, зяяти Северскую Русь, како заял Русь Киеву, да не будет сие дондеже жив Олег-князь! А ты, щеня Володимерова, тебе ли, малый воин, хаяти мя, я правил наряды ратны, ты же где был? Аз реку ти, где витал ты: на грудех мати своя! Рци ми, дальна ли та пора, егда мизинный кметь Изяслав доил грудь подружия Володимерова? *(В рядах воинов Олега слышен смех).* И ныне вознесшися к небеси коришь ми угрозно и глумотворно. Да иде к нам небесный лик! К нам, сущим во прахе, да зрим тебя, и копие метнешь в ны, яко воин, а не див незримый! Али, малый кметь, тебе потребно поражати ны единой лестивостью с гор оплота градна, внемли же ми ныне! Гряди на бой, отринь запону теремну от жены, в кою окрутился еси, яко един из детей, зрящих на поле ратне. Где ты, глас женский, дай зрети тебя!

(Ворота Мурома распахиваются спешно, выходит Изяслав, окруженный грядями, он в шлеме, с мечем, в панцире, с копьем, но без щита.)

И з я с л а в *(кидаясь вперед, кричит)*

Аз сде есмь, лжеимец крамольный!

(Кидает в Олега копьё).

(Олег, закрывшись щитом, кидает свое копьё в Изяслава. Изяслав падает, его подхватывают и уносят. Воины Олега бросаются к воротам, но он жестом останавливает их и велит трубить. Воины трубят.)

О л е г *(глядя вверх на стену, кричит)*

Гой, муромцы! Старцы градские, гостинный и мизинный люд! Завечаю вам слово княжое, да чуйте вси вы. Ныне зрели вы, яко вершился суд Божий над Изяславом-князем, кий противу правды седе на столе отец наших! Не быти от вас замченным вратам града пред ликом законна володетеля вашего, и несть от ми злобы на Муром-град!

(В городе начинают заунывно звонить в колокола. Олег снова велит трубить и кричит.)

Люди и дружинники муромски! Не попустите на копие воям моим поять град Муром! Не попустите ны зла деяти, чтоб вои князя Олега пороками али головнями повергли в прах оплот градской! Чуйте мя?

(В ответ на слова Олега со стены срываются камни и сыплются стрелы.)

О л е г *(надевая шлем, кричит воинам)*

Потягнем, добли кмети, на Муром-град!

(Дружины выстраиваются на два отряда. Воины толпятся с лестницами, иные стреляют из луков, в одном месте ломают стену, в другом поджигают. Дым заволакивает сцену, смутно видны воины в шлемах, растаскивающие обломки стены. Слышится громкий голос Олега.)

О л е г

Кмети, не восхищайте собины градской – не убойствуйте!

(Постепенно шум битвы стихает, проясняется, на сцене видны в стороне обломки стены. Торчат запертые ворота. Картина меняется: за стеной видна большая площадь. Садится солнце, озаряя вдали терема и церкви. На площади на возвышении стоит Олег и кричит народу.)

О л е г *(кричит)*

Люди муромски! Мыслю имати ваше лагожение! Мыслю в правде седети на столе отец моих! Хочу быти кормленщик вам!

Г о л о с а

Кормись, княже наш!

Едино, что Изяслав, то ты князь!

Ладен ны, ладен!

Не мы не поволрили тебя – бояре!

Лютых посадник да тиун не сади!

Иных от Изяслава ввергни в погребы!

Волшвенку княгиню Изяслава на костер сли!

Дажь ю нам! Погана Анна!

О л е г

Народ муромский, гряди в хоромы своя, а еже в церковь, то бей метиния Богу и ведай, что отец тебе Олег князь, а не враг!

Г о л о с а

Анну, Анну на костер!

Народу дажь ю! На-а-ро-ду-у!

О л е г

Народ, тии из вас, что попустят самовластием имети Анну – суть враги ми! Да не зрю я самовластия сего! Аз не возлюбил лжи, и аще душа моя не опасается волшвления, и Анна волшвенна есть, то да будет тако, яко требуете! И един аз клещу княгиню!

Г о л о с а

Чуем, чуем!

Изяслав опасе ю! Ты же клещи волшвенну жену!

О л е г

Отныне аз князь Мурома, мне подобает править княгиню... Вы же идите в хоромы и ведайте – князь Олег не вожделеет лже и волшвеннию.

Г о л о с а

Чуем ти!

Тецем!

Славим ти!

(Темнеет, толпа расходится.)

ЗАНАВЕС

Картина VI

В пригородном тереме Изяслава, князя муромского. Большая мрачная горенка с нишей, в которой стоит резное сиденье, покрытое голубым бархатом. В правом углу, в глубине сцены, у окна божонка – маленькая часовня, в левом углу стоят копыя, секиры, и тут же на стене висят луки, тульи со стрелами, щиты и шлемы; у стены под окном, справа от зрителя, стоит большой стол, накрытый темным ковром. Слева в стене дверь.

Входят в горенку Олег и Ольстин

О л е г *(Ольстину)*

Сюду дажь ми свещники, боярин, и вина!

О л ь с т и н

Вина? А брашна, осударь-князь не поволит? Зайца печена, мочно кабана, вологи мясной...

О л е г

Сие не идет в утробу, дай вина и ковриг.

О л ь с т и н *(заботливо)*

Весь черен, осударь! От крови, не потребно ли омыти лик и руце?

О л е г

Люблю, боярин, вражу кровь! Ныне ладный час, не чую страха крови, то Бог юности да не усне в душе и грозна бога, карающа, поправил. Сек ныне яко в сечи и мечнику не малу помогу чинил... Вина, Ольстин! Оно бы опочинуту князь-Олегу – и здравил бы...

О л ь с т и н *(продолжая осматривать Олега)*

И порты опрати потребно – завтра кровь хладна одеревянит кафтан, он будет черен, заскорьнет крепко...

О л е г

Ныне же лепо! Черлено вино и черно, черна кровь – сие воину вкупе...

О л ь с т и н

Аз зрел сего дни – туманны очи ста у осударя-князя! Белы власы с излихом в браде поросли и в кудрях...

О л е г

Ты стар, Ольстин, и я не млад... да ежели бы сон: опочинуту по-богатырски, яко кмети древни с денницы и до вечери... а ныне уменьшают силы, руце мои не держат меч крепко... в ухах в било бьют волшвенны дивы, очи не зрят, внеуду суморок – копия не мочно метнуть, яко в старь... вина, боярин!

(Ольстин качая головой, уходит).

О л е г *(садясь к столу на лавку рядом с окном, прислоняет голову затылком к стене, негромко говорит)*

Пушай бы из веку денница была! Ношь погнетает душу ми...

(Входит Ольстин с отроками, вносят зажженные свечи, вино, ковши, серебряное блюдо с коврижками, расставляют на столы, отроки удаляются, Ольстин тихо стоит у двери.)

Олег (*наливая вина и вытывая ковш за ковшом, вдруг вскакивает на ноги и кричит*)

Гей! Ольстин! Ольстин!

О л ь с т и н (*подходя*)

Зде аз, осударь-князь, зде Ольстин...

О л е г (*гневно*)

Пошто отъял мой меч, раб?..

О л ь с т и н (*кланяясь*)

Князь-осударь, меч при бедре твоём есть, а стружие у двери.

О л е г (*ощупывая меч*)

Прости, боярин, иди опочинуги.

(*Ольстин уходит, спешно входит Ярослав*)

Я р о с л а в (*Олегу, который сел и пьет вино, мрачно насупясь*)

Брат! Врази не покинули нас... Чуешь ми?

О л е г (*поднимая голову*)

Врази! Врази! Али, брат, не ведомо тебе сие? (*тихо*) Врази нас не покинут, зане дышем оба... (*громко*) Но что унийно взывать, хто не за нас – главу под меч! (*Наливает вина*) Пей!

Я р о с л а в

Не время, брат, кружить хмелем главу. Не малы беды грядут к нам в Муром...

О л е г (*наливает вина Ярославу*)

Пей!

(*Ярослав пьет*)

О л е г

Воин, борони меч! Не предавай ни день, ни ночь неговати ся опочиванию и чуй, течение врагов, они всямо, под ормяком имей байдану, на пиршестве – со браты волостели паси оскеп харлужный.

Я р о с л а в

Чуй ты, что вем я?

О л е г (*пьет вино*)

Рци, аз чую!

Я р о с л а в

По навету Давыдову иде дружина налезти ны – Мстислав Володимеров с новгородци,³² а с ним – видоки поведали – Володимеров стяг... Аз чую, ту и Володимер, реки же, брат, что ныне править?

О л е г (*наливая вино*)

Пей! (*Ярослав пьет*). То еще не врази, брат, помысли, кии новгородци кмети? Плотницы, да судоделы, да повольница! Плотник на конех пугается... судоделы – гостинный народ, али то вои? Пей! (*Наливает вино. Ярослав и Олег пьют*). Правь, яко да повелю ти: вздымай на конь лишь суздальцы, ладны вои лучники, горазды к бою стрелой... не дай суждальцам доспех – то не бегун на коне и не стрелец, хто крепко кручен броней – пал еже и не восстати... вси лучники в легки порты окрути, меч им не потребен – легко чтоб воину и коню легко, окачный путь деяти пред и вспять... у новгородецъ шеломы

открыти, и поработать потребно сих кметей в лик. А преже в лесех Мурома учиним засаду... сия засада быти потребна не более двух поприщ – ту – едина, ту – друга... на возгорях взведи яруги, деля ради вражих коней заостри во рвы ти батогов и бей долу, а поверх яруг поврещи древес ветви... Из Мурома потребно ми содеяти яко детинець... окачно града вознести прах землений, и вал, оплот нарубить велий, врата позреть на крепость, да не имут их вражи пороки... завтра позрю сие аз, ты же гряди к воям и волю от меня, наряд мой рци им... Бог крови ныне возлюби мя, и яз доспел на брань!

Я р о с л а в (*вставая*)

Чую и радуюсь, брат! Иду к воям!

О л е г (*встает и провожает Ярослава*)

Тебе токмо, одиночный брат, целование даю за то, что кровь возлюбих яз, яко преже в юны годы. (*Обнимает Ярослава, Ярослав уходит*).

О л е г (*стоит некоторое время у двери, потом возвращается за стол, садится, наливает, пьет вино и тихо говорит*)

О, брат одиночный! Юный, доблий кметь, не мнишь ты, что стени не внеуду, а в душе Олега, давшей себя пояти в работу страсти и волшебению... (*Кладет руки на стол, на руки голову и дремлет*)

(*Издали слышится пение молитв, прерываемое криками*):

То Олег, князь Олег! Половцы рушат! Рушат! Злоумыслитель Олег! Братие, молитесь – час смертный! Да будет проклят от Господа Олег!

О л е г (*приподнимает голову, прислушивается, пение и крики утихают*)

Кровь? Все она, кровь! Мнихи поврещены... они... (*Снова кладет голову на руки. Свечи догорают*).

Слышен голос: Олег! Моли Господа – да даст путь в Ирей страну...

О л е г (*вскакивая*)

Чул голос Анны! Зрел заgrabно – да откину клещения души моя! Да иму труд свой последний. (*Кричит*) Ольстин! (*Входит Ольстин*).

О л е г

Дай ми оскеп, боярин!

(*Ольстин подает Олегу посох с железным наконечником. Олег уходит*).

ЗАНАВЕС

Картина VII

Терем княгини Анны, жены Изяслава, в Муроме. Большая горенка с печью и лежанкой в правом углу. Слева у окна – стол, скамья и лавка; под окнами в глубине горенки дверь в другую половину, завешенная синей большой занавеской. На лежанке сидит мамка, старуха, вяжет пелену.

Входит Анна. Она высокая, стройная. Русые косы подобраны под черный кокошник, шитый серебром, на ней черный бархатный сарафан, голубая рубаха и накидка короткая, черная. Анна ходит задумчиво по горенке. За окнами – пение духовных стихов.

Анна крестится. Слышен медленный колокольный звон.

М а м к а (*крестится*)

Княгинюшка! Краток час от свадьбы до сего, а вот и по твоем подружии попи поют – повлекли князь Изяслава убиенна к Спасу.

А н н а

Зде метания клала, а в храм одной течи ми – народ злобится, и не ведаю, пошто людье в злобе на мя?

М а м к а (*сходя с лежанки*)

По то, што не разумен люд! Уж ты ли, княгинюшка, лиха к люду – все то поминки да целения черняти даешь, а злобится хто? – Тати злонравные, злоязычные учули, што живет княгиня по-божьи светло, а бес-от на светлых подтыкает – от беса!

А н н а

За грехи сие, не был лагоден душе Изяслав-князь, не мил ми сей златоверхий терем, суморочны горницы... Пригож млад князь Изяслав, а аз и старейши, да не того пригожества душа жадала... Чуй-ко, пестунья, аж радощно, что смертью Изяслав расплел подружеское вервие – трепил путь ми течи ко Господу!

М а м к а

То – грех, што ти радощно...

А н н а (*восторженно*)

Течи пальмовницей мыслю в Иерусалим-град... Ой, страшусь – не налажусь, не приведет Господь!

М а м к а

Припади ко Господу! Унийно воззови – доведет; а тяжко, угнетно сердцу оттого, што слезу не ронишь, птичка-черничка. Зрю аз, не единожды не улились оченьки слезами, а сердце скрегчит, скрегчит. Далеко упорхнул сокол Изяслав-князь – кинул зде тело белое червю на ество...

А н н а (*ходит*)

На всяк человек, пестунья, его судьба и воля Господня. Ронить слезы грех, еже Боже повел кого в Ирей страну – сие уготовано. Не мало князей гинут на поле, прю творя деля ради отчин... и ныне чую – един мертвый тек из терема, другой притечет, все едино, что мертв, ибо зол и неугоден гордостью Богу.

М а м к а

Што рекла? Уж не Олег ли Святославич придет?

А н н а

Чует сердце!

М а м к а

Бражник, убойник лютый! Ныне уронил твою жиру княжую из златоверха польшка в гроб – в керсту, во прах... и кий ты лепок ему в питье вклала, што не имет иных жон, тебя краше? Ой, ведаю, грех – игры бесовски играла с ним в юны годы... Вот лепок твой! Зелие приворотно! Весь убой пошел отселе – на Муром вои притекли многи с Олегом, а все тебя налезть жадал, и смерть Изяслава от тебя... чую! И кий человек Ольк-князь? Очима колет, яко стрелами, подобных ему душа с когтями, што кречет лютый – у! И не млад уж он... не млад, а любишь! (*Грозит пальцем Анне*). Грех! Грех, княгиня, лю-ю-бишь! Рци ми?

А н н а (*опуская голову*)

Люблю, пестунья, люблю Олега! Да не имай опасы – не стану неговати его – грех!

М а м к а

Еще бы неговати ворога кровава, люта, заразителя денна...

А н н а

Забвенен он правдой, пестунья! На людей зол, на князи в обиде и душой
верезен – скорбна его душа...

М а м к а

Любишь, так зришь, што скорбна!

А н н а

Не рци ми, пестунья, что аз играла с ним бесовски игры – Господь простит
сие, простит!

М а м к а

Простит ли, не, а иножды в ночь светлу грабонешь в ложнице княгининой,
и нету тобя, а где княгиня – Господь вести... инии зрели тя, грех молвить, при
месяце течешь по возглавиям теремов и не падешь – от сих и седе бес на язык
люду худоумну, ркут: «Княгиня – волшвенна!»

А н н а *(закрывает лицо руками, падает на колени, склоняется низко
к полу и вскрикивает)*

Пестунья, древня, щади! Щади!

М а м к а *(подымая ее)*

Пошто, пошто, княгинюшка! Эка лубяна, древня, глава бела... Не стану
боле, и так ликом да телом ты тонява содеялась... ох, прости-ко худоумну!
(Ведет ее к лавке, усаживает и торопливо, ласково говорит): Ляг, моя злоудельная,
на лавку, клони, клони на руке трухлявой, древней голову, трухлява аз,
глава бела, може улесы да прибасы щекотны упомню – кошун кошунить
поволишь, али беснити еже упомню, аль бо сыграю стих кой утешный?

А н н а *(садясь на лавку и склоняясь над столом)*

Не мощно щекотать игрищем, когда мертвый в дому, еще учуют людье –
зло рекут.

М а м к а

Ух, уж людье чернь! Грех на ся беру, а што бы ми упомнить? Ты мя подтыкай на сие упомню... *(Прислушивается)*. Не чуешь, княгинюшка, аль то гласы многи?

А н н а

Чую, пестунья...

М а м к а

Вишь, яко преже люд тече, унианы... к тебе за поминками идут, лагодишь ли им?

Г о л о с а

А княгинюшка!

А маги наша!

Печальнице нашей – послы ей Господи укрепу души-и!

А н н а

Разверзи им двери, да идут вси сюду!

М а м к а *(уходя)*

Ох, уж людье! Люто да жадно до поминков, а хулы, хулы!

(Мамка вскоре возвращается с нищими женщинами, их много, и среди нищих женщин юродивая с поленом, закрученным в лохмотья. Женщины целуют Анне платье молча и кланяются, кто как: кто низко, кто земно.)

Ю р о д и в а я *(качая куклу-полено)*

Сю, сю! А-а-а! Сю, сю-а!

М а м к а *(юродивой)*

Пошто текла, Мокрина, урода? Што ти потребно ту, Божа душа? *(Анне)*.
Пасись лиха, княгинюшка! Мокринка с добром не течет в терем...

Ю р о д и в а я *(отыскивая Анну глазами, подходит и тычет на нее пальцем)*

Венечь зрю на тебе! Венечь! Ух, гроза! Очи ти, очи ти, у-у!

М а м к а *(Анне)*

Вишь, княгиня? Худа Мокринка речет про Ольга-князя, чуй – «очи ти».

А н н а

Быти ми в ином Божьем Иерусалиме: в Ирей-стране – чую...

Ю р о д и в а я *(отходит и, качая куклу, поет)*

Для поганых жон молодых клещил, пожигал детей...

А н н а *(мамке)*

Како она играет, ведаешь?

М а м к а

Упомнила! Сие играть ти мыслю...

Ю р о д и в а я *(присев к полу)*

Сю-сю-аа! Сю-у... *(Поет)*

И текли унийны стоны к Господу. *(Встает с пола и, подходя опять к Анне)*

Э, э! Пошто, пошто сдериха? Даде сие Мокринке – тебе венечь. *(Протягивает руку к голове Анны, Анна снимает кокошник, надевает его на юродивую. Русые косы распускаются и падают на грудь Анны).*

Ю р о д и в а я

А пошто ты в черных ризах? В белу поняву окрутись.

М а м к а *(юродивой, с испугом)*

Што ты, худа? Што ты, Божа душа, умыслила? *(Машет руками на юродивую).*

(Анна встает, уходит в другую половину).

Ж е н щ и н ы - н и щ и е *(юродивой)*

Пошто полошишь княгиню?

Пошто угнала нашу печальницу?

Ух ты, не опрата, худа!

Ух ты, Мокринка урода-а!

(Анна выходит в белом, за ней рабыни девушки выносят три больших короба с платьем)

А н н а *(юродивой)*

Окрутись, раба Мокрина, в княгинины ризы...

Ж е н щ и н ы *(хором)*

Пошто ей? Она худоумна! Пошто ей узорочье? Ух ты, наша печальница!
(Кланяются).

(Анна вынимает из короба и дает юродивой черный сарафан и накидку. Юродивая хватает платье, наворачивает на полено и спешно уходит).

Сю, сю-а-а! Сю-у!

(Анна садится и отпускает девушек, раздает из коробов платья нищим).

А н н а

Мирское вретисце! За гробом багряница князя – тонее паутины. Даю сие – поминайте рабу Божу Анну! Зде узорочье – поймите сие от мене...

М а м к а

Пошто им, княгинюшка! Пошто, а тебе? Тобе то где?

(Женщины принимают подарки, кланяются.)

1 - я ж е н щ и н а

Зелие, ким поила робя наше, добро – робя рыкает! Живо робя...

2 - а я ж е н щ и н а

А старица, кой врачила от трясы, Бога молит за тя... молит!

3 - я ж е н щ и н а

Ух, окручу свое наследье в твои порты светлы ризы – Господа прославит!

4 - я ж е н щ и н а

Восплачут о блаженнем князи Изяславе, убиенном стружием врага люта!

(Кланяются и уходят.)

М а м к а *(проводжая их)*

Не хулите княгиню! Ведаю – чуть за врата, и худы речи – волшвенна княгиня! Люта! Ух, вы, чернядь!

Ж е н щ и н ы *(некоторые приостанавливаясь)*

Што ты, старица?

Храни Господь мати нашу княгиню!

А н н а *(вслед им)*

Теките с миром! Господь на иной час да печется о вас, злоудельных и мизинных, молит мир, егда обрящу покой!

(Женщины уходят.)

А н н а *(мамке)*

Умучилась аз – лягу!

М а м к а

Аще возглавие дам ти, княгинюшка...

(Уходит и возвращается с подушкой. Анна ложится на лавку у окна, мамка садится в головах, гладит ей волосы и говорит.)

Чуй-ко! Худа Мокринка игру наладила – възграю я... утешно сие...

А н н а

Ой, пестунья, грех, грех!

М а м к а

Оно, яко духовно, злоудельна птичка-черничка, чуй, княгинюшка, и опочинь... *(тихо поет).*

За реками, за лядинами,

За горами Авратынскими,

Жил ужастен князь – злодеянный див,

Для поганых бог жен молодых клещил,

Пожигал огнем детей малых.
И текли унийны стоны к Господу,
О злодействах сего дива лютого...
Внял Господь мольбам, слезным жалобам
Языка земли злоудельные,
Завечал Господь Божаю ангелу:
«Ой, лети ты, ангел, к диву буйному,
Изыми в нощи душу черную,
Дай позрети ей муки адовы,
А с денницей вложи в тело князево...»
И представл пред князем сол от Господа,
Изженил для ада ради душу грешную,
Ввергнул душу ту в смоляной котел...
Ночь во аде душа маялась,
Белым днем текла в тело князево.
Ужахнулся див мук геенских,
Тек каликой он по земли своей.
Стал в работу людям на потребное,
На потребное, из век вечное...

А н н а (вставая и начиная ходить по горенке)

Ой, пестунья, верю – аз верю! «На потребное, из век вечное».

М а м к а

Вот ти опочив, ой, краток! Аз лубяна, худоумна, глава бела, учула от худой
Мокринки, да упомянула, што ведаю сие и възграла... Всполошила птичку.

А н н а

Нет, нет! Пошто ты досель того не играла?

М а м к а

Да вишь, реку ти, растеряла все прибасы утешны. Скрени многи расте-
ряла...

А н н а

Ныне скорее течем в вертоград – поимем благоуханных трав на главу ми,
как в оны годы, чуешь?

М а м к а

А еже так, то идем, княгинюшка! *(Уходят)*.

(Входит Олег без шапки, без лат, при мече, с копьем, запачканный кровью).

О л е г (садясь к столу и облакачиваясь задумчиво).

Был Олег-кметь, а ныне содеялся, аки младень – душа поврежена, чую ту
уладень глас, но ведаю – не zde приют ми, zde туга...

*(Входит Анна в белом, с цветами на голове, останавливается позади
задумавшегося Олега, хватая себя за грудь, делает быстрое движение в его
сторону, потом останавливается, как бы решившись на что-то, говорит
бесстрастным голосом.)*

А н н а

Здравлю ти, Олег-князь!

О л е г (*вздрагивает, оборачивается и, вскочив на ноги, пятится от нее, выставив вперед руки*)

Волшвление! (*Тихо, успокоившись*). Не единожды во сне тонце зрю тебя, яко ныне, Анна! И сей час... с кринами на главе... овогда во сне чую утешный глас – щекочешь игры, зрю – чувствуешь поганы боги, увиваешь древы травами, влечешь мя, и аз скочу Перуну и Даж-Богу, и чую дыхание твое... Анна! Плачет душа по юны дни. То, охавившись за выю, зрю тебя с собой – пытаем у судьбы кобыю: сколь быти ны во вселенней... все сие, яко в юны годы между нами вершилося...

А н н а (*строго*)

Не мни подобно, Олег! За сие, что протекло, Господу мои слезы – да исповедет ми!

О л е г

От тебя приял сие блажнение к богам поганым и ведаю аз – ныне ты иная, пошто лестить – люблю тебя, яко прежде, но – поганен, ибо с любовию твоей познал сие и не мыслю иным быти, zde лишь едино молю: изгени от души моей ина бога грозна... отринь его! Дай мир душе, давшей ся тебе, яко в работу...

А н н а

Олег! Я над душой не властна – Господь берет наши души, в нощи совокупляет, и зрят они, что повелено им Господом зрети...

О л е г (*привдвигаясь к ней*)

И ныне не убоялся позоровати лик твой и пришел зывать к тебе – отдай Олегу былую мощь! Аз мню: тебе сие мочно, верни ми сон, пошто твоя душа берет мою и, поработав, на крылах носит, легких крылах, и зрит, ужасемся душа моя, дивы заgrabны. От сна сего с денницей уды мои мертвы, яко уды навия: незримы очи, десна не держит меч, и всямо окован ужасом крови. Вонми, молю ти: кровь врагов потребна быти, яко прежде сладка Олегу... Припав земли, из праха чую аз течение врагов (*озирается*), они идут, идут – щади! Не меня щади – брата, он юний и загинет, – без мене несть жизни Ярославу!.. Взрати ярость ми, дай чути глас мой в поле сечи – рыкание мое на врагов... Анна, Анна!

А н н а

Олег! Буди мних, моли за прежде содеянное, то не от меня тебе, то кровь человеков погнетает душу твою и вабит искупити ю!

О л е г (*хватает ее за руку*)

Нет, не мочно зреть сие, горит душа пред тобой, яко пред битвой угрознай! Деля ради тебя, Анна, не восплачу о жизни, но ты поволь на грудех лелеяти тебя, яко в дни юны. Аз подъемлю тя и повлеку, не мысля о себе. Роту даю – врагам прошу! Вся покину, сед на конь с тобой, увлеку вдаль адамант мой, и будем жити в моей отчине у Бога грозна, благословясь княжить, ты чуй (*страстно*): в любви да текут дни наши... к Богу в час забвенный, час навия, грядем заедино – кровь искуплю аз, чем поволишь: правдой али метанием к Богу, одно лишь – мнихом, в яме, без тебя, едину скорбно ми быти, не влеки на сие!.. Анна, словеса ласкова рци ми!

А н н а *(тихо)*

Олег! Твой смертный час, чую аз, не дален...

О л е г

Грозный бог поведал о моем часе? Рцы ми! Он тебе поведал?

А н н а

Мой час прежде тебя, а ты о греховном мыслишь, несть нам счастья ту!

О л е г *(выпуская ее руки)*

Не верю грозну Богу! Лжеимец он есть, едино верю, что сокрушу врагов!

Анна, дай лобызати тебя, яко прежде!

А н н а *(отстраняясь)*

Ты враг себе, Олег! Аз не любила Изяслава-князя, а ты с грозой тек – в словах любовь чула, а зрю в очах грозу, все ведаю! Не мни лишь клещением тела любимой дати душе своей радость... душа твоя восплачет зле, утолив гнев... ты мнишь: пошто аз изженила тебе из души? Пошто поимала Изяслава, но Изяслав бысть кроток и радостен к ми, аз бысть – дряхла, он одолением поимал мя... Не ведала, что деяти ту ми единой – ты же не иде к ми, и мыслила аз: Олег покинул подружие, а ныне притек с грозой, убил мое ладо. Грозись... Поврещи! Жаду клещения! Бог же истинный требит пусть душе, появшей к лиху ину душу – влекла тебя к поганым богам, аз да искуплю ся и грех мой искуплю.

О л е г *(не слушая ее, упрямо)*

Ты сие ведаешь! Гроза моя за негование твое Изяславу! Пошто извергла мя из сердца? Пошто ты лада врагу моему, кой, седше на моей отчине, поял тебя в подружие?... Да, я убойник, а он – тать княжего гнезда, тать!

А н н а

Ты не имеешь студа – он юний! Ты убил его, и еще грех, Олег, пошто тек на Муром? Чуй мя: посторонь витая, телеса наша паслися смертного, а души наша были близ... Близ же телеса наша, страдая, сжигают ся, ибо во вселенной душам нашим не мочно быти за едино, и лишь вождедеют скоро постичь жизнь присну Ирей-страны.

О л е г

Пошто, познав волшвением о смерти моей, не деешь душе моей услады? Приспешал аз, ты же гонишь от очей моих, восхищаешь, яко тать в нощи, мой сон, и аз безумен и дряхл содеялся... Анна, дай лобзати тебя, да иду и готов умрети... Дай неговати тебя, Анна!

(Анна, отворачиваясь от него, опускает голову.)

О л е г

Главу долу... Очи сомкнула! *(В ужасе отступая от нее)*. Что зрю? Волшвение! Волшвение!

А н н а *(медленно подымает голову, ее руки хотят обнять его, но лицо ее имеет вид черепа)*.

Да буде по воле Господа! Неговай мя!

О л е г *(продолжая отступать к дверям, хватая копье)*

Волшвенна жена! Волшвенна!

А н н а

И ты ужаснулся сего! (*Опускает голову, ее лицо принимает прежний благообразный вид*).

О л е г (*уходя, но в дверях обернувшись*)

Волшвенна жена! Взрати мир душе моей, паси ю от дивов заgrabных, али ты ныне приемлешь грозу?

(*Уходит*)

ЗАНАВЕС

Картина VIII

В тереме Изяслава все та же горенка. Божонка в углу завешена черным покрывалом, на столе стоят ковши, бражные, серебряные, и вино. Олег лежит на лавке у окна за столом. Утро. Входят Ярослав с Ольстином.

Я р о с л а в

Что ныне, брат Олег, здравит?

О л ь с т и н

Зле мутен, княже! В нощи тек без шелома, в едином байдане взратися вспять, не опочинув, рыкал, идя по терему, скрегчал зубами и, сед за брашно, не ликствовал, а, зрю аз, приспешал духом, ныне поволлил опочинути...

О л е г (*садясь за столом на лавке*)

О, ежели бы опочинути! То сон мог бы мя целити... брат одиночадный, единый мой адамант!

Я р о с л а в (*подходя, целуясь, садится*)

Яз здравлю ти, брат!

О л е г

О воех поведай ми... (*Наливает вино*).

Я р о с л а в

Аз тек сие довести тебе... по твоему лажению Мстислав с новгородцы биты. Мстислав в мале дружине опятив бежал, бо лучники искусно язвили в лик стрелами вои вражи... коней вражих не мало тепено в яругах... окачно и всямо града Мурома подъят горе земленой оплот с дровяными порубами. Яруги преди столпа градна глубоки, к врагам мосты орудованы, и в час боя мочно их подъяти горе... В лесех наряды от нас брегут град... Ведаю, что сие от тебя, вси славят смысленность твою, но жадут зрети и тебя на поле.

О л е г (*понуясь*)

Приспешал аз... в нощи тек искусити Анну и познал не паки бытие мое, едино суть волшвение, помыслил ныне быти люту. (*Тихо*). Народу муромску дам зрети себя и, волю его совокупив с моей, вершити. Чуй, брат! Пред терема сего на стогнах потребно ми взвести огненный костер дея ради Анны и пожрети ю Перуну и Волосу... Она изженила мя из сердца, дав ся в подружие Изяславу-врагу... Ведаю аз: зря на сей костер, душа моя почует велий прохлад...

Я р о с л а в

Мню аз: смыслен ты зело и ведаешь народ!

(*Оба молча пьют*).

Я р о с л а в

Но, брат, не мочно нам ликствовать, чуй, не рек ти многого...

О л е г

Рци, да ведаю! (*Пьет вино*).

Я р о с л а в

Тако познал от послух: Володимер с князи ведут на Муром многи полки... князи, ты ведаешь, суть подколенны Володимеру, а он сынам помочь чинит, и быти в кратци дни сече лютой... С князями Святополк киевский, появший ныне в жены дочь половецкого хана, но, ведомо мне, тесть Святополчий Тугоркан не за Володимера, а за нас течет к Мурому... Молю ти, буди дерзновенен, брат! Сии беды на ны велики!

О л е г (*наливая вина*)

Единочадный брат! Ныне же падет на кладе огненной волшвение моей души, ю мысло целити. Враги, князи ли, смерды мизинны Олегу... тепены побегут от нас, яко новгородцы... (*Подумав*). Ты ведаешь, что Тугоркан за ны?

Я р о с л а в

Сие суть правда!

О л е г (*оживляясь*)

Скоро, брат! Шли нарочитый верхий вой с поминками из адамантов и бисера к Куре хану половецкому, к Боняку... не нудь их ныне же помогу чинити ны, но пусть кажет им старец, что Киева, Переяславля и Берестя врата суть отверсты, ибо князи текли к Мурому, надо ханам копиться таборами и жечь сии грады.

Я р о с л а в (*встает*)

Чую, брат, теку створити сие!

(*Идет, Олег останавливает его*)

О л е г (*с усилием*)

О, как угнетно мне сие! (*Решительно*). Чуй, брат! Повели бирючам речи народу волю от ми: костер огненный возвести zde на стогнах близ терема, да старцы градские имут Анну и повлекут семо преди окна.

Я р о с л а в

Да буде так, яко рчешь ты! (*Уходит*)

О л е г (*расхаживая по терему*)

Чую жалость велию к тебе, Анна! (*Пауза*). Но пошто поволела избрати Изяслава преди меня? Ныне же тоща душа моя, а ты ведаешь душу и не возвращаешь соцеленую... (*Кричит*). Ольстин!

О л ь с т и н (*подходя с поклоном*)

Зде, осударь, аз!

О л е г

Совлеци байдану и дай ми куюк!

(*Ольстин уходит и, возвратясь с отроками, приносит доспехи, начинает одевать Олега*).

О л е г (*глядя на Ольстина, который переодевает его*)

Древний и плешат, боярин...

О л ь с т и н (*застегивая куюк*)

Девок не мало блазил, осударь-князь. Девок, а еже кую лестишь, бог зри, уже ял тебе за власы да за возглавие... овогда вабишь их, девок, а он клещит, и зри, осударь, мало власинок на главе, и сии суть белы, а девок уж не зрят очи – ти...

О л е г

Что речешь ми – не чую!

О л ь с т и н

О девках реку ти да о власех, осударь-князь!

О л е г

Всямо аз, яко мряморяный, а очи мои из сребра суть, не зрят, и аз яко бог поганый.

О л ь с т и н

Сие, осударь, с тобой от волшвения учинилось!

О л е г

Душа моя да идет ныне на костер огненный. Дай ми меч!

(Ольстин приносит меч).

(Торопливо входит мамка Анны, падает Олегу в ноги).

М а м к а

Да что ты, бес окаянный? Что ты умыслил тако? Пошто кладу созидаешь на княгиню, пошто?

О л е г

Ты, старица, хто?

М а м к а

Хто, хто! Али не зрел мя ране? Пестунья Анны княгини Изяслава, убиенна тобой, убойником! Али мало ти, душе твоей жадной, единой смерти князя, яко умыслил ныне мати нашу клещить, окаянный див!

О л ь с т и н *(махает на мамку руками)*

Что ты, что ты, древня? Что ты?

(Ольстин пробует поднять старуху. Мамка подымаясь отмахивается от Ольстина.)

О л е г

Простершись рцешь угрозно, восстань и зри в лице ми!...

М а м к а *(вставая на ноги)*

Щади, княже! Щади ю, богобойну, али не ты играл с нею утешно в оны годы – она была млада, лепа ликом, али все то было лишь глумотворство твое? Щади, что содеяла тебе святая душа, пошто даешь ю клещить народу? Народ буяв, зле хичен, ему бы кровь зрети, огонь и явство имети, и беси его подтыкают на Анну.

О л е г

Старица, Анна яла душу мою волшвением и ста подружием врагу моему, меня же изженила из века в век, а ми несть от сего паки, бытия...

М а м к а

Ведай, княже! Изяслав умыканием лестил Анну – не добра воля сие, а ты мнишь клещением пасатися... не дай пожечь ю!

О л е г *(Ольстину)*

Отверсти окна терема!

(Ольстин открывает окна)

М а м к а

Ты чуешь мя, княже, не дай жечь ю!

О л е г

В ушах волшебенны дивы в било клеплют, сердце мое холодно.

М а м к а

Чтоб ти геену зреть, див окаянный! Геену из веку в век... бес, моур *(Плачет и уходит)*.

(За окнами шумит народ, слышны голоса. Олег подходит к открытому окну)

Г о л о с а

Што, што, волшебенна жена?!

То не Изяслав! Ныне, зри-ка, Олег!

О л е г *(Ольстину)*

Семо, боярин! Дажь ми вина, тяжко зрети сие...

(Ольстин наливает вино, приносит его Олегу).

Г о л о с а

Не помыслишь боле кобью волшвить. Ночью по возглавиям храма течи, напасти деяти люду муромскому!

Г о л о с

Ин год в Любече палили княжу наложницу, зрел аз, выла, зле выла-а!

Г о л о с

Лжа!

Г о л о с

Пошто лжа? Правда! Лжа! Аз тебе лик бию – лжа!

1 - й г о л о с

Святую на костер огненный!

2 - й г о л о с

Убойники людья!

3 - й г о л о с

Латиньщи-цу-у!

4 - й г о л о с

Сам бес поганый, моур!

1 - й г о л о с

Княгиня свята-а!

2 - й г о л о с

Мати наша! Господи, Господи!

1 - й г о л о с

Потребно бы саму Олегу на костер, поган еси!

2 - й г о л о с

Возьми-ко, вои, они те дадут за князя!

О л е г *(стоя в тереме, из окна кричит)*

Народ муромский, душу дал ти, жги! Душу мою жги, чти мя!

1 - й г о л о с

Пошто не течешь на стогны?

2 - й г о л о с

Пошто ты в тереме?!

3 - й г о л о с

Дай коснути собя народу!

О л е г

Народ! Ты жадал зрети княгиню Изяслава на кладе огненной – зри ю ныне!
Сие потребно Перуну-богу!

Г о л о с а

Чуйте? Княгиню пожрете погану богу-у! Рекли ны пископы: бегайте
жратвы болвану!

О л е г

Да взратят Перун, Волос и Стрибог ярость боевую ми, народ, моли сих
богов!

1 - й г о л о с

Бесомолитель ты еси, княже!

2 - й г о л о с

Моли! Мы не молим!..

3 - й г о л о с

Пали! Дивно зрети!

4 - й г о л о с

Здравим ти!

5 - й г о л о с

Здравим князь Олегу-у!

Г о л о с А н н ы

Чуй, князь Олег! В Ирей-страну моли Господа, да требит ти путь на жизнь
присну... Олег, крови страшися, крови!

О л е г

Анна, прости ми... душу свою огребаю от волшвения, прости, тяжко ми!

Г о л о с А н н ы

Едино есть мое слово: «Люблю тебя!» Но не тот час, чтобы быти zde
в любви!.. Радуюсь и верю аз, что скоро в Ирей-стране охаяются души наша,
ныне же трепещи Господа! Молю за...

(За окнами ярко вспыхивает огонь, что-то с треском падает.)

О л е г *(некоторое время, отшатнувшись, стоит как окаменевший, потом
падает на колени и кричит)*

Анна! Лада моя едина! Ты ли еси черно? Аз ли, злодейтель тому, створил
сие?.. Боже! *(Опускается совсем на пол и лежит неподвижно. За окнами
шумит народ).*

ЗАНАВЕС

Картина IX

Вечереет, садится солнце. Сцена представляет поле битвы. Лежат убитые воины, кони, разбросаны шлемы, щиты, копья. Слышен протяжный отдаленный звук трубы. Через сцену справа налево перебегают люди, один за другим; четыре воина в вооружении: один из них кидает на бегу щит, другой – шлем, третий – копье, четвертый прихрамывая тащит знамя и, отстав, садится слева на первом плане, начинает срывать с древка знамя. Мимо него бежит пятый воин, останавливается, сбрасывает головы пробитый шлем и, подняв с земли чужой, брошенный, надевает на голову.

1 - й во ин , с р ы в а ю щ и й з н а м я (2-му)
Что, воины княжи бежат?
2 - й во ин
Еже не бежати – смерть! Ломят ны муромцы!
1 - й во ин
Не едины ту суть муромцы. Чул я, Тугоркан с сыном и половци, да суж-
дальцы, да ростовци еше...
2 - й во ин
Вои, оно бы ништо! Князи: Олег да Ярослав люты...
1 - й во ин (*сорвав знамя, обертывает его кругом себя*)
Един Олег стоит дружины, не попусти Боже коснути ему нас, лют ворог!
Тугоркан – тоже смерть!
2 - й во ин (*машет рукой*)
Вси наша вои бегоша! А ты пошто хоронишь стяг? (*Трогает знамя*).
1 - й во ин
А мню: еже упасу стяг – слава ми, да вишь едину стопу шибнул ворог
жезлием – утеку ли, не вем?...
2 - й во ин (*из-под руки глядит вдаль*)
Суду идут воеводы наши. Тецем, брате!
1 - й во ин
Помози-ка! (*Протягивает руку 2-му воину, тот его подымает*). Тецем
с поля да простремся в яруге...
(*Уходят*).
(*Слева, в углу, на место воинов выходят Владимир, Святополк, Давыд
и Мстислав с гридями. Останавливаются, смотрят вдаль на поле битвы*).
В л а д и м и р
Да, княже! Зле ночь постигает ны – потребно взратить дружину на табор,
совкупив тепены вои, дати люду отдох... Олег и Тугоркан добли кмети,
и Ярослав дерзновенен...
С в я т о п о л к
Един стяг ронен, два имем еше, но кмети наша бежат, дерзновенен ныне
Олег!
М с т и с л а в
Аз мыслю – потребно дати трублю на вспать?
В л а д и м и р
Аз мню: ныне крамольников одолети не мочно, несть стыдения нашего,
что мы на сей час тепены, а ты, Давыд-князь, что о сем мнишь?
М с т и с л а в (*гридям*)
Эй, дати трублю воям на вспать!
(*Воины выходят, чтоб трубить*).
Д а в ы д (*воинам*)
Пождите с трублей! (*Князьям*). Аз не мало ведаю Олега-князя! Не еди-
ножды тек с ним на сечу... Кметь доблий крамольник, но ломит, пока люта
сеча, а polegает бой, и он приспешит, туга охавит сердце, и кровь ужастенна

ему станет, и не мы, а Олег повабит вспять кметей, не лещу вам, князи! Сие реку сей час и воину... позрите мало!

В л а д и м и р

Чул и аз о сем и ведаю вержение души крамольника, но zde не мыслю подобного, ибо зрел аз, яко кроваво мясо кусами повергалось от меча Олега. Шелом ронил с главы и несся рыча, сие ли подобно ужаси крови?

С в я т о п о л к

Зрю аз – лжа, брат Давыд, суть сии слова лжа!

Д а в ы д

Аз лыгать люблю на гоститве, но на поле брани реку воину правду... тепены многи вои наши, так не убойтесь, князи, ронить еще мало людей и узрите, яко Олег взратит дружину, и студ наш, что мы оставили поле врагам, падет на него. И злоба моя на Олега возликует за Всеволожские отчины...

В л а д и м и р

А, ну, еже мало потребно, да будем належати, чтоб Олег взратил своих кметей! *(Воинам)*. Бейте в набаты!

(Все уходят, бой продолжается, слышны отдаленные крики, звуки трубы и бой литавр. Справа, на первом плане, выходит Олег в доспехах, доспехи и руки его в крови).

О л е г

Конь пал... Шелом ронил, едино лишь меч верный не изломлен! *(Торжественно)*. Враги наша взбиени – бежат! Текли имати нас князи, а ныне тепены вы и дома ваша, чую, в огне!.. Чую топот коней Воняка хана,³³ и вы бежите от Мурوما бездомны и унылы. Не гнать вам ны и не налезть! Мы с единочадным на Новгород борзо идем. *(Отпускает голову)*. Токмо туга гложет ми. Анна! Пошто аз, худоумный, дряхлый, дал зле одолети душу, и тебя ял огонь, пошто? Целения нет ми, а мыслил клещением твоим целитесь... *(Подымает голову, смотрит вдаль)*. Где Ярослав? Стяг величается, и конь, кметя не зрю!

(Появляется Тугоркан, почти бежит к Олегу, машет кривым мечем, кричит.)

Т у г о р к а н

Волидемер – бит! Слава, слава ти, коган Ольк! Добле, добре! Тек наш! Позирай вси! *(Размахивает и тычет мечем вдаль)*. Преди наш вои тек! Бит вои, Волидемер бит!

О л е г

И аз здравлю ти, хан, доблий кметь! *(Заботливо глядя вдаль)*. Не зрю ныне Ярослава-брата – где?

Т у г о р к а н

О, шо! Мой син, кровь мой пал! Ярослав тож пал – два пал, два пал!

О л е г *(шатаясь на ногах и пятясь)*

Что чую?.. Пал брат одиночадный! Боги, Господи! Усне юний Ярослав,³⁴ так аз един не уязвлен в сече? Нет Анны, и ныне нет Ярослава, пошто, пошто ми едину жизнь?.. *(Падает на колени, склоняет голову на руки и руками закрывает лицо)*.

Т у г о р к а н (*склоняясь над ним*)
О, шо! Тикметь доблий, коган Ольк, о, шо! О, кмети нет злеза. Позирай, плач аз о мой кровь, мой син? Не плач я! Течем, Ольк, течем и бой, бой и пир!

О л е г

На мне вся кровь сей битвы!

Т у г о р к а н

Еще течем, Ольк! Мал бой, и ми пир – бит Волидемер, и мой кровь ныне Святойполк бит! (*Хочет поднять с колен Олега и не может*). С мене конь дам. Твоя – бит!

О л е г (*вскакивая на ноги, дико кричит*)

Кровь! Кровь аз взращю кмети в Муром! Кровь, аз окаянный! Жив, един жив! Эй, дати трублю!

(*Воины Олега выходят в поле и трубят отступление.*)

Т у г о р к а н (*в гневе*)

Ольк! Чо ти? Едина я-а! (*Кричит громко, потрясает мечем*) – бит Волидемер! Би-и-т! (*Бросается вперед и убегает*).

ЗАНАВЕС

Картина X

Между IX-ой и X-ой картинами проходит несколько месяцев. Осажденный Муром. Та же горница в тереме Изяслава. Ночь, горят свечи. В раскрытые окна терема проникает иногда ветер и колеблет пламя свечей. За окнами слышен шум толпы, шум иногда нарастает, иногда затихает и снова подымается. Олег сидит за столом в куяке при мече, на голове золотая диадима, прикрепленная к тафье из прозрачного шелка. Ольстин стоит у дверей, стол перед Олегом заставлен братинами, ядовыми, ковшами и блюдами. В горнице по скамье и в нише на кресле Изяслава стоят идолы. Божонка в углу завешена черным сукном.

О л е г (*поднимая опущенную голову, сонным голосом*)

Ольстин!

О л ь с т и н (*подходя*)

Зде, осударь-князь!

О л е г

Поврещи богов в ларь. Не иму сна... Пал Ярослав. (*Горестно и опустив голову*). Брат единочадный! Ты еси поучал мя, приспешного на сечу... Ты притужал мя на подвиги ратны, ты не единожды вчуялся в течение врагов... Ты имал еси опас за жизнь мою. Кто ныне к скорбному ми воззовет и устыдит покором душу мою! Брат... Чуешь ли? Тяжко ми! Не зрю боле тебя посторонь мя на поле брани, и едину ми потребно належати на погублении врагов моих... кому ныне единый аз буду мил ся деяти – нету Анны... Боги! Аз дал вам в жратву душу свою, а вы, глумлтворцы, появи заедино с Анной брата моего милого, и ныне тошь есмь аз и скорбен, и не мною ни-коли зде во вселенной сей ликствовать. Дни и нощи текут – рек роты многи Перуну, Стрибогу и Волосу, а душа ми и по сей час каменна есть...

(Ольстин носит и сбрасывает кумиры в ларь.)

За окнами голоса воинов

Князь Олег! Пошто покинул нас единых? Олег! Не ты ли подтыкал нас на Муром и Новгород? Чуй! Володимер и Святополк опятели вои своя, бо Куря-хан жже Берестье, а Боняк-хан ристает в Киеве, у Муромы вои малы, да иде побием ю!

О л е г *(не слушая голосов)*

Анну ми взратите, боги! Анну! И буду аз с ней ликствовать... неговати буду ю! Боги кровавы! Да узрю дивно от вас – да узрю ныне в нощи Ярослава-брата...

О л ь с т и н *(подходит к дверям горницы и, спешно возвращаясь, говорит)*

Осударь! Налезли к ны людие... они от глада жадны, текут в терем твой – чуй!

О л е г

Кде гриди мои?

О л ь с т и н

Текли по граду стяжати яство себе.

(За дверями угрожающе шумит толпа.)

О л е г

У гладна яства налезти едино суть, яко у навия ликствования имать. *(Машет рукой)*. Отверсти им одрину! Хоть сотона, да зрит ны...

(Ольстин идет и распахивает двери горницы – врывается голодная толпа, люди толпятся у дверей.)

1 - й г о л о с

Зрите, винопийце окаянный!

2 - й г о л о с

Мы жадем ясти, он же вино пьет, пружь!

О л е г *(за столом, откинувшись на стену, смотрит на толпу)*

Чесо хочете, рабы?...

3 - й г о л о с

Вдай собя ворогам – спасешь ны!

4 - й г о л о с

Щади народ – освободи град!

5 - й г о л о с

Роту соблюди! Хрест целуй, а нам смерть, отверзи врата – за градом яство!

6 - й г о л о с

Сей князь, зрите, содеял гладным Муром! Сей и вси его многи. Чуй нас, князь! Отверзи врата!...

О л е г

Аз врагов не страшусь – отверзите врата града!

7 - й г о л о с

Ты еси един мочный тому!

8 - й г о л о с

Княже! На детей наша зри – мертви от глада!

9 - й г о л о с

На жон зри – безумны от глады!

(Протягиваются костлявые руки, и слышится страдальческий голос):

Истекаю от глады... жаду ясти! Княже, буди милостив!

О л е г

Аз поверг еси дея ради вас на позор рабий душу мою! Мою лучу денничную, кров мой, Анну! Ее лепого зрака не стоят вси жены Мурома! Сие завечаю вам, рабы, да чуйте! *(Встает и идет на толпу)*

(Толпа топчется в двери и уменьшается. Слышны голоса.)

1 - й г о л о с

Сей князь безумен!

2 - й г о л о с

С мечем – зрите!

3 - й г о л о с

Яр и невеглас!

4 - й г о л о с

Бежите его – борзо!

5 - й г о л о с

Скорбен главой!

6 - й г о л о с

Внеуду, внеуду!

О л е г *(громко)*

Рабы! Влеките к ми епископа!

(Толпа исчезает с криками):

Пископа, пископа – да помозет отврести град!

О л ь с т и н *(затворив двери терема, возвращается)*

Тугоркан и сын княжь пали в сече с Ярославом обче...

О л е г *(расхаживая по терему)*

Что ми Тугоркан? Поврещена Анна... Безумный аз – пал Ярослав... Боже! Господи! Един аз витаю ту... *(Останавливается перед Ольстином)*. Ольстин! Ты ведай: с денницей враги поимут град... ты же в нощи сей, взяв кузню злату, и адаманты, и бисер, вдаи сие гридям и себе в поминок, что багряно и золотно поими... чуй мя: раба, коль ми паче худ, он клещит владыка, а еже добре раб и господину угоден, то лих врагам, и враги суть лихи нань... Ты же, древний Ольстин, ми не раб, а приязненник – бежи с гридями и не мни тако зле об Ольге, господине и приязненнике твоём... Ныне же потребно ми отверсти клетки и медуши, да пият вино кмети гладны, да ядут брашно княжо.

О л ь с т и н

А тебе еси, что ясти кольми паче, господине, еже вдашь яства свои воям?

О л е г

Еще денница не убелит возгория, яко да гряду в сечу и буду рыстати в таборе вражем до часа, пока не изломится меч. Теки, боярин, и створи вся, тако да реку ти!...

(Ольстин кланяясь уходит.)

Г о л о с а в о и н о в з а о к н о м

Князь Олег! Мы гладны, веди ны на враги! Князь! Ротимся ти, яко враги тепены побегут от Мурома. Олег, вражи кмети пороками биют врата града. Да идем в поле ратно!

О л е г *(подходит к открытому окну)*

Кмети! Чуйте мя, не лжеимец аз! Врата града крепки! Зане брат Ярослав крепил их, и врази не повергнут врата в ночь. С денницей ураним и аз гряду в сечу с вами – ныне же опочинуты поволою мало. Вы ядите из клетей и медуш княжих мое яство! Пийте вино, да учреждаю вы вечерей сей!

В о и н ы *(кричат радостно)*

Славимти, князь! Да здравит господине наш! Иди к нам на брашно и питие, вдажь ны коснуги себя!

О л е г

Аз рек: ныне опочинуты поволою. И боги да крепят уды мои на брань... *(Отходит от окна, идет к столу, садится на лавку).*

(Входит епископ в черном, как монах, останавливается у дверей и сурово смотрит на Олега.)

О л е г *(епископу)*

Не зри на меч мой и княжитву, старче – рци без ужастия к ми, поволит ли Бог твоей крови лияти?.. Бог грозный, карающий за грехи работой на другой свет?

Е п и с к о п *(сурово)*

Кровей сухих от зорителей земли хрестьянской поволит Господь.

О л е г

Поволит?... А пошто ты попускаешь на брань князи, кои идут на брата своего?

Е п и с к о п

На врагов, зорителей церкви Божией, монастырей и обителей праведных, весей и градов православных благославляю аз!

О л е г

Ныне молю тя благословити меч мой и попустити его на братья своя, да не повелишь мя бранити и зазрети за кровь многу...

Е п и с к о п

Аки пружь жадный с воями своими ты еси: седяху ныне на земли муромстей, поврещил ю в сором и глад велий, заразил еси от Бога прославленного князя, аки тать и убойник денной, и несть тебе благословения и попущения ни на кое орудие от Господа Бога моего – аминь!

О л е г *(насмешливо)*

Рци ми, старче, еже кровь половчанина лияся, то сие не черлено есть?

Е п и с к о п *(гневно)*

Поганых – погана кровь!

О л е г

Чернец! Лжеимец ты еси, ибо кровь – есть кровь!

Е п и с к о п

Пошто призывал мя, окаянный, ибо ты еси лагодишь душой своей сатане, и несть ти прощения и благословения хрестна, зане болваном поклоняешися и поган еси!

О л е г

Аз вабил есмь тебе, поп, на пакибытие души моей, приспешенной тугой, а зрю ныне в тебе едина врага, рци ми: пошто твой Бог вси люди клещет?

Е п и с к о п

От господа прошен есть тый, хто верует в Бога истинна и наследует за сие жизнь вечну – ты же извержен еси за поганьство скотильное Господу!

(За окнами шум голосов. Воины кричат):

Да здравствует от ны доблий кметь князь Олег! Славим ти, господине наш!

О л е г

Ты чуешь, чернец? Людие во прохладах многих взвыли, а ты мя клянeshь!

Е п и с к о п *(уходя)*

Несть спасения тебе, бо – поган!

О л е г *(кричит ему вслед)*

Чтил аз вси боги и того грозна, но никто же не даде ми целения души! Кляню вся! Мой меч един без тебе, чернец худый, поразит врагов моих, братья мои, чуй!

Е п и с к о п *(возвращаясь, кричит из дверей)*

Проклят меч, лиющий крови сродны! Прокляты поганы боги и чтущие их!

О л е г *(кидает в него серебряную яндовую, кричит)*

Аз чту Перуна и Волоса! То боги-и! Сии не мстили ми, бо крови многи им суть ликствование! *(Наливает вино и пьет).*

(Входит Ольстин, Олег, успокоившись, задумчиво и грустно):

За меня гинул Ярослав... Боги! Пошто гинул юний за дряхла и приспешенна с тошей душой кметя Олега?.. Пошто? *(Ольстину)* Теки, боярин, опочинь! Зде един стану умолять богов и бога того – да зрят ми и сон дадут и стени прохладны, милы, бо Ярослава, кольми паче Анну...

О л ь с т и н *(кланяясь)*

Не мочно ми, осударь-князь, ныне покинуть тебя: полки народу рыщут гладны по граду, аки волци... ты опочиешь, а они зри вползут и убойство над тобой чинят, а гриди, чул ты, текли вси внеуду, зде же близ пьяны кмети сваду межю себя деют, а ты един...

О л е г *(горько смеется)*

Един аз... един! Един еси Олег, и дивов загробных ныне не ужасно ему зрети, а – живых? Живые, боярин, что навий пред его меча... теки и опочинь... меч аз берегу.

(Ольстин земно кланяется Олегу, целует ему руку и уходит).

(В горнице становится все сумрачнее, свечи догорают, иные гаснут.)

(Олег, как всегда положив на руки голову, дремлет за столом. У двери начинает белеть женская фигура, она легко, почти неслышно идет к столу. Волосы ее распущены по плечам, грудь обнажена, женщина одета, как язычская девушка, на голове веноч из цветов, она подходит к столу, склоняется над сонным Олегом и, касаясь рукой его волос, говорит):

Чуй мя, Олег, гряду тебя неговати...

О л е г *(подымая голову)*

Анна! Лада моя! Дай ми коснути рукой лика и влас твоих – ты ли сие?
(*Встает, гладит ее по волосам и по лицу*). Ты холодна, аки прах, лада...

Ж е н щ и н а

Неговай мя, люблю тебя!

О л е г

Анна! Ты светыч мой в тме лютей, радость моя... луча денна!.. (*Встает и обнимает ее*).

Ж е н щ и н а (*весело*)

Пошто станем ждять часа много – течем, течем, ныне игрище Перуну!
Течем ликтвовати у огней бога и дрeвеса обернути кринами – сие лепо!

О л е г

Жадет сего душа моя – тецем, Анна!

Ж е н щ и н а (*шутливо и строго*)

Не мнишь, Олег, али не любишь мя? Чему поучила тебя – один жрец скачет с мечем и ликует у огня жратвенна, он закаляет младеня. Тебе с мечем не мочно быти...

О л е г (*вынимая и кладя меч на стол*)

Аз теку на игрище с жезлием единым... (*Подходит, берет копьe, поставленное Ольстином в углу*).

Ж е н щ и н а (*подходя к двери, обернувшись говорит*)

То мочно! Копие поведет тя путем в Ирей-страну, в терем, где витаю я... оно едино порвет спону жизни соромной, и студ твой имеешь, яко прохлад велий... Камо идем мы – тамо суть свет самосиянный луча несожигаема – течем!

О л е г (*медля*)

Анна, лада! Как лепо, и ты со мной! Ты ? Лада, – ты!

Ж е н щ и н а

И ныне – единый и последний раз. Дивы загробны престанут ужасати тебя, а тамо в самосиянном свете будем за едину душу, Олег.

О л е г (*восторженно*)

Течем, лада!

(*Уходят*)

(*Декорация меняется.*)

За стенами Мурома. Вражий стан. Вдали шатры, кругом разбросаны щиты, копьe и шлемы, лежат убитые. Ночь. Вдали видна часть стены Мурома, у стены сторожевые огни. Среди трупов – Олег один.

О л е г (*озираясь стоит, опершись на копьe*)

Что мочно духу, то не мочно живу кметю, князь ли он али смерд есть мизинный... Всяк младень есть пред силой непознанной, смысленностью смертны... яз в сей час витал в Муроме, чул гладны полки народу, зрел Ольстина, болваны, одрину Изяслава, а zde зрю Муром-град внеуду... Анна! Ты влекла ми скокаги Перуну, сего возжадала душа моя, и мы текли чрез оплот градный, яко по мосту терема, но ким путем дух твой влек мя – не мню, аз смертен, и уды мои крепки суть, и очи мои зрят всямо... Вражи кмети в сто-

рожек не чули и не зрели ны, али сие сон есть? Единый из многажды зримых мною! Аз чую воню ветра, и трав и павших в сече воев смердение – то не сон? А где меч мой? Меч! В тереме Изяслава... тамо суть вои, ким рек, что заутра ураним в сечу... Камо влекусь без меча с единым жезлием, аки княжий овчий, а не князь?.. Хто вонмет ми, что одолети поволлил волшвению, тек с женой лепой, коя, яко огонь свещника, пыхнула в нощи сей?.. Хто веру имет ми? Восторжествуют вороги: Олег страмне тек, в ужастии покинув, аки тать, – гуню неисправну, вои и меч. Меч кинул в ужастии... Нет!.. Олег – князь не покинет меча, еже не изломлен сый... ужастие сечи лютей его посторонь иде. *(Решительно)*. Иду за меч!

(Задумавшись делает вперед несколько шагов. Падают туман.)

Со стенью милой лады Анны текли тамо по сходням, то сходни вражи на поятие града вдыблены, горе стены муромстей... Гряду на огни вражи. *(Идет и останавливается)*. Не зрю пути... Суморок паде...

(Декорация меняется)

За углом стены разгорается огонь. Воины подбрасывают хворост и толпятся. Олег идет к ним. Олег без шлема, в диадиме, в куяке, с копьем в руке. Идет медленно, оглядываясь по сторонам и опираясь на копьё.

1 - й в о и н *(кричит Олегу)*

Хто иде?

2 - й в о и н *(1-му)*

Зри – князь кий!

1 - й в о и н *(Олегу)*

Хто иде? Эй!

О л е г *(воинам)*

Аз!

В о и н ы : 1 - й , 2 - й , 3 - й и 4 - й .

Хто ты, эй, хто еси ты?

(Переграждают путь мечами)

(Олег, отстранив мечи копьём, поражает двух воинов. 1-й и 2-й воины падают умирая, другим.)

Трублю на скупь!

(3-й и 4-й воины трубят. Сбегаются воины с обнаженными мечами, с зажженными факелами, кричат на бегу):

Хто течет к вратам града? Зрите – убил, убил!

3 - й и 4 - й в о и н ы

Во – тый! В куяке княжем, на власах тафья – то князь!

(Воины прибывают, Олег слегка отступает)

О л е г *(кричит)*

Требите ми путь к вратам града Мурома!

В о и н ы

Пошто течешь в град?

О л е г

Рабы! Хочу ити на вы и не иму меча – теку за меч!

(Кидается на воинов, поражает копьем еще двоих.)
В о и н ы *(кричат)*
То – Олег князь!
Чуйте – то Олег!
Секи его!
О д и н и з в о и н о в *(кричит)*
Суду ужища! Рек Володимер – Олега не бить, ополонить, чуйте!
(Воины наступают, Олег убивает еще одного, копье ломается.)
О л е г *(в отчаянии)*
Меч! Приязненник, тебя не изломил бы о гуню раба!
(Один из воинов взмахивает мечем, но Олег ударяет его по шлему обломком копья, он падает.)
(Другой воин сзади поражает Олега короткой секирой в голову, Олег склоняется к земле.)
О л е г
Меч!
В о и н *(ударяя его еще)*
Не меч! Секира сие!
(Олег падает. Воины кладут Олега на щиты, поднимают над головами.)
В о и н ы *(кричат)*
Муромцы, зрите! Поган князь Олег сражен!³⁵
Г о л о с а :
Эй, муромцы! Слушайте – поган князь Олег поврещен!

ЗАНАВЕС

¹ В 1083–1094 г. кн. Олег Святославич (ок. 1053–1115) княжил в Тмутаракани. См.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3. С. 353.

² Владимир, князь черниговский – Владимир Мономах (1053–1125) был князем черниговским в 1078 – 1094 гг.

³ Святополк II, киевский (1050–1113) – в 1093 г. вел войну с половцами (Тугорканом в союзе с Боняком), окончившуюся полным поражением киевского князя, который был вынужден заключить в 1094 г. мир и взять в жены дочь Тугоркана, которую в крещении назвали Елена. «Повесть временных лет» сообщает об этом событии: «Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого».

⁴ Тугорканка – дочь Тугоркана. Тугоркан (1028–1096) – половецкий хан, ближайший соратник Боняка.

⁵ См. сноску 2.

⁶ Давыд володимирский – Давыд Игоревич (ок. 1055–1112), князь владимир-волинский, организатор ослепления в 1097 г. Василька Тербовльского.

⁷ Князья отчинные – автор имеет в виду князей, правивших в своих княжествах, в противопоставление князьям-изгоям, не имевшим собственных княжеств.

⁸ «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей» – начало псалма 50 (Покаянного).

⁹ Речь идет о сыне Владимира – Изяславе, князе муромском, и его жене Анне (следует иметь в виду, что жена Изяслава, Анна, фигурирует только в песне Чапыгина. На самом деле неизвестно не только имя жены Изяслава, но и был ли он женат вообще).

¹⁰ В 1097 г. в Любече произошел междукняжеский съезд, фактически закрепивший феодальную раздробленность Руси.

¹¹ ...были Олегу даны отчины по ставлению думы княжой и обчего наказа... – русские князья выделили и закрепили за Олегом Святославичем в качестве отчин Новгород-Северский и Курск в 1097 г. на Любечском съезде. Владимир произносит эту фразу на свадьбе Святополка, киевского князя, которая состоялась в 1094 г.

¹² ...сокрушался Давид-царь о сыне лотом Авессаломе... – библи. Авессалом – сын Давида, с которым у него произошла распря, в результате чего Авессалом погиб.

¹³ Боняк хан – половецкий хан, впервые упомянутый в «Повести временных лет» за 1096 г. в записи, где сообщается о его нападении на Киев.

¹⁴ ...Олегом ят Василько-князь и ослеплен. – в 1097 г. Василько Ростиславич (ок. 1066–1124) принимал участие в Любечском съезде князей. По его завершении по приказу Святополка Изяславича и по наговору волынского князя Давыда Игоревича был захвачен и ослеплен. (См. «Повесть временных лет», запись под 1097 г.) В пьесе Чапыгина Давыд наговаривает на кн. Олега Святославича, приписывая ему вину за ослепление Василька.

¹⁵ «Сего ради исторг винограды ваша, и смоковье ваша, и нивы, и дубровы ваша, но злоб ваших не могах истерти» – цитата из «Повести временных лет», запись за 6576 (1068) г.

¹⁶ ...осадил он мя в Чернигове? – Олег Святославич осадил Владимира Мономаха в Чернигове в 1094 г. «Повесть временных лет» сообщает об этом: «Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в Переяславль, а Олег вошел в город отца своего». В «Поучении Мономаха» об этом сказано так: «И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними 8 дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: “Пусть не похваляются язычники”. И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около 100 человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах. Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля».

¹⁷ После взятия Чернигова в 1094 г. Олег Святославич дал половцам полную свободу в разбое и грабеже, поскольку ему нечем было заплатить за военный союз половцев с ним. «Повесть временных лет» об этом сообщает: «Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он позаных на землю Русскую, его же грех да простит ему Бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям».

¹⁸ Итларь и Кытан – половецкие ханы, подло убитые дружинниками Владимира Мономаха после заключения мира между половцами и русским князем. Об этих событиях сообщает «Повесть временных лет» под 1095 г.

¹⁹ В 1083 г. Олег Святославич изгнал из Тмутаракани Давыда Игоревича, князя тмутараканского (1081–1083).

²⁰ «Не утаися кость моя от Тебе, ю-же создал еси в таине и состав мой в преисподних земли» – Пс. 138: 15.

²¹ Отсылка к житию Марко Печерского (Гробокопателя) из Киево-Печерского патерика.

²² ...с Борисом притекли с Тмутархи за правдой! – Кн. Борис Вячеславич, сведения о котором содержатся в «Повести временных лет» под 1077 г., где говорится, что он, воспользовавшись отсутствием князя Всеволода Ярославича, захватил Чернигов, в котором прокняжил 8 дней, после чего бежал в Тмутаракань. Почти год спустя туда же бежал и Олег Святославич. Летом 1078 г. Олег и Борис с войском пришли к Чернигову с целью вернуть черниговский стол Борису Вячеславичу.

²³ «Повесть временных лет» под 1078 г. сообщает: «Первое убиша Бориса, сына Вячеславля, похвалившася велми».

²⁴ *Изяслав киевский* – Изяслав Ярославич (1024–1078), великий князь киевский. См. примеч. 28.

²⁵ Имеется в виду кн. Всеволод Ярославич (1030–1093), который в 1073–1078 гг. княжил в Чернигове. После смерти (1076) великого киевского князя Святослава Олег Святославич был выведен новым великим князем, Всеволодом Ярославичем, из Владимира-Волынского, после чего в 1078 г. бежал в Тмутаракань.

²⁶ Муромский поход кн. Олега Святославича 1096 г. против князя курского и муромского Изяслава Владимировича (1077/1078–1096).

²⁷ Рассказ восходит к известию «Повести временных лет» под 1092 г.

²⁸ ...на *Нежатине* убил *Изяслава киевского*. – Речь идет о битве на Нежатинной Ниве 1078 г., участниками которой были Изяслав Ярославич и Олег Святославич. Ср. описание гибели Изяслава в «Повести временных лет», запись под 1078 г.: «Когда же Изяслав стоял среди пешех воинов, неожиданно кто-то подбежал и ударил его копьем сзади в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава». В пьесе Чапыгина гибель Изяслава приписана Олегу Святославичу.

²⁹ *Сойди, Изяслав-князь, со стола отец моих, иди к отцу твоему Володимеру, кий попраля мя без правды, яко изгоя, с отчины Муром-града*. – В 1095 г. Изяслав Владимирович (сын Владимира Мономаха), князь курский, по поручению своего отца занял Муром, входивший тогда в Черниговское княжество, которым с 1094 г. правил Олег Святославич. В пьесе кн. Олег обращается к Изяславу с требованием уйти с его вотчины в вотчину кн. Владимира.

³⁰ В борьбе за свою отчину кн. Олег Святославич заключал военный союз с половцами в 1078, 1094 и 1096 гг.

³¹ *Ныне Володимера сыны седоша на столах всея Руси Киевской и Северской...* – У Владимира Мономаха было 9 сыновей, но в исторический период, рассматриваемый в пьесе Чапыгина, княжили только четверо из них. Мстислав Владимирович (1076–1132) княжил в Новгороде (1088–1094), Изяслав Владимирович (1077/1078–1096) – в Курске до 1095 г. и Муроме (1095–1096), Святослав Владимирович († 1114) – князь смоленский (до 1113 г.), Роман Владимирович († 1119) – до 1118 г. не имел своего удела.

Термины «Русь Киевская» и «Русь Северская» позднего происхождения, и в устах Олега они звучат анахронистически.

³² *Мстислав Володимеров* – старший сын Владимира Мономаха, Мстислав Владимирович. См. примеч. 31.

³³ Имеется в виду Боняк-хан: см. примеч. 13.

³⁴ *Усне юний Ярослав...* – в пьесе Ярослав погиб в ходе муромской битвы (1096), на самом деле кн. Ярослав Святославич пережил своего брата Олега Святославича и умер в 1129 г.

³⁵ В пьесе кн. Олег погибает в ходе битвы за Муром (1096). На самом деле он умер в 1115 г.

Словарь

Байдан – разновидность кольчуги

Бортенные знамена – знаки собственности на бортиях (деревьях, в которых обитают дикие пчелы)

Вабить – приглашать, звать, манить

Вапа – краска

Вапница – красящее вещество

Веглас – разумный

Верезение – нанесение ущерба

Виденье – лицо

Вира – денежный штраф за убийство в пользу князя как представителя общественной власти

Витать – обитать, жить

Внеуду – наружу
Воня – запах
Головничество – плата за убитого с головы
Гунивый – косноязычный, страдающий дефектом речи
Гуня – лохмотья
Долонь – ладонь, ровное место
Епистолия – грамота, письмо
Изгой – человек, выпавший из своего социального круга; одно из значений – князь без княжества
Керста – гроб, могила
Клещити – давить, стеснять, держать в тисках
Кметь – витязь
Кобья (от «кобь») – гадание по приметам и встречам, по полету птиц
Корзно – плащ
Коториться – кориться, вздорить, враждовать
Крин – цветок
Кринный – цветочный
Кюак – суконная и бархатная одежда, покрытая металлическими пластинками
Лагодный – умеренный, мягкий, мирно настроенный
Лепо – красиво
Ликствовать – ликовать
Лихновение – излишество, преступление
Лубян – глупый
Лядина – расчистка под пашню, подсека
Медуши – склад с медом
Мизинный – от «мизинец» – маленький
Мур, моур – мавр, черный человек
Навий – мертвец
Невеглас – неумный, глупый, безумный
Ногата – денежная единица в Древней Руси
Оброщити – окрасить, запятнать
Объярь – вид шелковой ткани
Огнищанин – представитель высшего служилого класса в Древней Руси
Опрато – вымыто
Оскеп харлуужный – металлический посох с острием
Паволока – шелковая ткань
Повреци – бросить, повалить, покинуть, повергнуть
Позор – зрелище, представление
Полюдьё – способ сбора податей, подать
Поминок – подарок
Понява – саван
Попранный – приправленный, пряный
Пороки – тараны, осадные орудия
Порядня – заведенный порядок, обычай
Поточение (от «поточить») – разграбить, расхитить) – разграбление, расхищение
Прати – идти, нападать
Прузи – саранча
Работа – рабство
Ротиться – божиться, присягать

Рухло – домашний скарб
Свада – ссора, распря
Семо – сюда
Скора – шкура
Скорлат – пурпурная дорогая ткань
Скорлатный – сшитый из скорлата
Скотильный – скотский
Смага – пламя, огонь
Собина – собственность
Стружие – копые
Таль – заложник
Тиун – должность привилегированных княжеских и боярских слуг, управлявших хозяйством в XI–XIII вв.
Тмутарх – Тьмутаракань
Требити – очищать, указывать
Трубля – звук боевой трубы
Туга – печаль
Уды – руки, ноги, вообще члены тела
Фофудья – одежда вроде фуфайки
Яндовая – большая открытая округлая посуда для вина, пива или браги

Библиографический список

1. А. П. Чапыгин. Дневниковые записи / публ. Н. С. Цветовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 101–108.
2. Блок А. А. А. П. Чапыгин. Гореславич // Собр. соч.: в 8 т. М., 1962. Т. 6.
3. Горький – А. П. Чапыгин / публ. Д. Л. Устюжанина // Литературное наследство. Т. 70: Горький и советские писатели: неизданная переписка. М., 1963. С. 629 – 670.
4. Иванова Е. В. Александр Блок: последние годы жизни. СПб.; М., 2012.
5. Чапыгин А. П. Беседы с Горьким // М. Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. / сост. и подгот. текста А. А. Крундышева. М., 1981. Т. 1. С. 317–323.

ДНЕВНИКОВАЯ ЗАПИСЬ К. В. ВЯТКИНОЙ О ПОЕЗДКЕ В ДЕТСКОЕ СЕЛО В СЕНТЯБРЕ 1928 г.

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии
А. В. Вострикова)

Аннотация: В публикуемой записи, сделанной в личном дневнике этнографом-монголоведом К. В. Вяткиной, описывается один вечер осени 1928 г., проведенный в Детском Селе (бывшее Царское Село) под Ленинградом в гостях у А. Н. Толстого. Особый интерес представляет отмеченное автором отличие высказанных в дружеском кругу мнений и оценок, касающихся новостей литературной жизни, от тех, которые в то время печатались в официальной прессе. Среди гостей А. Н. Толстого в тот вечер были В. Я. Шишков, Е. И. Замятин, Н. К. Радлова и другие; разговор касался издания дневников А. А. Блока, поездки М. Горького по СССР и его романа «Жизнь Клима Самгина», творчества И. А. Бунина.

Ключевые слова: Капитолина Васильевна Вяткина, Алексей Николаевич Толстой, Вячеслав Яковлевич Шишков, дневники Александра Блока, возвращение Максима Горького в СССР, творчество Ивана Бунина.

Abstract: This entry from the personal diary of Kapitolina Vasilievna Vyatkina, an ethnographer and expert on Mongolia, describes an evening in the fall of 1928 that she spent in Detskoe Selo (formerly Tsarskoe Selo), near Leningrad, as a guest of Alexey Tolstoy. Of particular interest is the difference the author noted between the opinions and appraisals of current literary developments expressed among friends and the official views appearing in print at that time. Tolstoy's guests included Vyacheslav Shishkov, Yevgeny Zamyatin, Nadezhda Radlova, and others; their conversation touched upon the publication of Alexander Blok's diaries, Maxim Gorky's travels around the USSR as well as his novel *The Life of Klim Samgin*, and the works of Ivan Bunin.

Key words: Kapitolina Vasilievna Vyatkina, Alexey Nikolaevich Tolstoy, Vyacheslav Yakovlevich Shishkov, Alexander Blok's diaries, Maxim Gorky's return to the USSR, Ivan Bunin's works.

Капитолина Васильевна Вяткина (урожд. Юрганова; 1892–1973) провела детство в западной Монголии, в небольшом селении неподалеку от г. Улясутай (современное название – Улиастай), где обосновался ее отец, один из первых русских купцов-поселенцев; впоследствии, учась в Бийской женской гимназии, в каникулярное время часто навещала родителей; она любила природу; постоянно общаясь с местными жителями, в совершенстве выучила монгольский язык, интересовалась культурой и обычаями. Около 1910 г. она познакомилась со знаменитым путешественником, исследователем Сибири и Центральной Азии Г. Н. Потаниным (1835–1920), который обратил внимание на девушку и поощрил ее научные интересы; при его содействии вышла ее первая печатная работа.¹

¹ Юрганова К. В. От Увалы до Отхан-Хаирхана: (Путевой дневник) / [предисл.: Г. Потанин]. Томск: т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1912 (Труды Томского общества изучения Сибири; Т. 2, вып. 2).

По окончании гимназии Юрганова решила продолжить учебу, но не на Сибирских высших женских курсах, открытых в Томске 1910 г. при деятельном участии Потанина, а на С.-Петербургских «Бестужевских», куда и поступила в 1912 г. (физ.-мат. отделение; группа биологии); окончила курсы в 1918 г.²

Во время каникул Юрганова часто бывала в Томске, где с 1902 г. жил Потанин и где вокруг него группировались сибирские литераторы и ученые. В 1915 г. она вышла замуж за поэта и прозаика Георгия Андреевича Вяткина (1885–1938). По окончании курсов вместе с мужем жила и работала в Омске.³ Брак оказался непрочным, и в 1922 г. супруги развелись. К. В. Вяткина переехала в Петроград и поступила на службу в Комиссию по изучению племенного состава населения России и сопредельных стран (с 1933 г., после преобразований – в составе Ленинградского отделения Института этнографии АН СССР). Вяткина занимала должности ученого секретаря Комиссии, научного сотрудника, старшего научного сотрудника, заведующей группой; неоднократно принимала участие в научных экспедициях, автор более 40 научных работ, кандидат исторических наук (1935 г., без защиты).⁴

В 1915 г. в Томске Вяткина познакомилась с Вячеславом Яковлевичем Шишковым (1873–1945), знакомство продолжилось в Петрограде, где Шишков обосновался в конце того же года, женившись на К. М. Жихаревой;⁵ знакомство вскоре переросло в достаточно короткую дружбу. В 1922 г., узнав о переезде Вяткиной в Петроград, Шишков предложил ей поселиться у него.⁶ Вскоре брак Шишкова с Жихаревой распался, сам Шишков все больше времени проводил

² Копия свидетельства об окончании, датированная 14 марта 1918 г. (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 84).

³ Г. А. Вяткин в 1915–1917 гг. был на фронте в составе санитарных отрядов Всероссийского союза городов; с 1918 г. в Омске сотрудничал в эсеровских и колчаковских изданиях; в 1920 г. по приговору омского ревтрибунала лишен избирательных прав на 3 года. Впоследствии занимался литературной и редакторской работой. Арестован в декабре 1937 г., расстрелян 8 янв. 1938 г. См. о нем: Русские писатели. 1800–1917: Биограф. словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. Т. 1. С. 506–507 (ст. В. П. Трушкина); *Зубарев А. Е., Вяткин Г. А.* Носите Родину в сердце. Из милого далёка... Омск: Изд-во «Полиграф», 2016.

⁴ См.: *Милибанд С. Д.* Востоковеды России: XX – начало XXI века: библиографический словарь. М.: Вост. лит-ра, 2008. Кн. 2. С. 261 (с неточностями). Пользуюсь случаем выразить благодарность А. Л. Русиновой за помощь в сборе биографических сведений о К. В. Вяткиной.

⁵ См. черновик письма К. В. Вяткиной Н. Н. Яновскому (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 15, л. 7–7 об.). Об обстоятельствах написания этого письма см. ниже.

⁶ В это время Шишков жил в полученной при помощи М. Горького квартире в «Первом Отеле Петросовета» (ул. Троицкая, д. 4, кв. 7 – теперь ул. Рубинштейна). К. М. Жихарева вспоминала: «Постепенно нас стало больше. Первым осенью 1922 года приехал с юга мой отец, потом – давнишняя приятельница Вячеслава Яковлевича по Сибири, Капитолина Васильевна Вяткина, за ней – жена Г. Д. Гребенщикова с сыном. Мы жили дружной коммуной, и летом 1923 года все вместе переселились в огромную разрушенную квартиру на Караванной...» (Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1987. С. 112–113; далее: Вячеслав Шишков в воспоминаниях). С 1920 по 1991 г. Караванная официально называлась улицей Толмачева, однако в обиходной речи чаще пользовались старым названием. В этой квартире (ул. Толмачева, д. 18, кв. 8) Вяткина прожила до самой смерти. В составе личного архива К. В. Вяткиной (Юргановой), поступившего после ее смерти в Рукописный отдел Пушкинского Дома (РО ИРЛИ, ф. 742), сохранились и материалы разбегавшихся жильцов, в том числе черновики и книги В. Я. Шишкова.

в разъездах по стране, а Вяткина неожиданно для себя оказалась в роли хозяйки в квартире, следя за своевременным внесением квартплаты, получая (а иногда и реферируя) шишковскую корреспонденцию и выполняя его мелкие поручения. Сохраненные Вяткиной письма Шишкова свидетельствуют о том, что в 1925–1926 гг. между ними произошел роман (если это слово в данном случае уместно), однако интимные сентиментальности достаточно быстро сменились извинениями и сожалениями,⁷ а затем все более нарастающей неловкостью в попытках поддержания прежних товарищеских отношений.

Еще в 1926 г. у Шишкова возникла мысль отказаться от городской квартиры и поселиться в Детском Селе (так с 1918 г. стало называться Царское Село; теперь г. Пушкин);⁸ в начале 1927 г. он нанял там небольшую квартиру в доме 20 по ул. Колпинской и какое-то время жил на два дома. Но в июле того же года В. Я. Шишков женился на Клавдии Шведовой,⁹ дочери своей двоюродной сестры и ближайшей подруги детства Раисы,¹⁰ и, вернувшись к концу года из длительных путешествий по стране, поселился с молодой женой в новой просторной квартире в доме 14 по ул. Малой. Человек по складу характера чрезвычайно контактный, привыкший постоянно находиться в большой компании (и даже быть в центре компании), Шишков в 1928 г. производит «перезагрузку» своей жизни и своего круга, исходя из новых статусов. Ему уже «за пятьдесят», он автор не только многочисленных «шутейных рассказов», но и полноценного 12-томного «полного» собрания сочинений, выходящего в издательстве «Земля и фабрика», кроме того, опубликована первая часть его «большого романа» «Угрюм-река»; он избран членом правления (а затем и председателем) Ленинградского отделения Всероссийского союза писателей. И вместе с тем он, пусть и «попутчик», но самобытен, крепок народным сибирским умом и идеологически не зашорен.¹¹ Легкий и открытый в повседневном

⁷ Ср.: «Как мы ни ругаемся, как я ни обижаю тебя – но ты мне близка и родна...», и далее: «... тот путь, который мы прошли с тобой...» (письмо от 23 сент. 1926 г. – РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 70, л. 33–34).

⁸ Ср. его шутливую фразу в письме к Вяткиной от 29 авг. 1926 г.: «... я все-таки думаю жить в Детском – уж очень хороши компоты Сологуба...» (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 70, л. 32).

⁹ *Шишкова Клавдия Михайловна* (урожд. Шведова; 1906?–1993). В архиве Вяткиной сохранилось извещение о заседании суда, на котором она должна была присутствовать как «председатель Месткома Академии Наук», с ее памятной записью: «26 июля <1927 г.> свадьба Шишкова. Поэтому не была» (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 86). Отношение Вяткиной к свадьбе Шишкова было, видимо, неоднозначным. 24 окт. 1927 г. Шишков писал ей: «... Я похорошел, Клавдиша тоже. <...> Предсказания твои не сбылись еще, да, вероятно, никогда не сбудутся – живем с ней – ай-люди!» (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 70, л. 47).

¹⁰ *Шведова Раиса Яковлевна* (урожд. Стукачева; ?–1955). Ее мать Александра Дмитриевна Стукачева была родной сестрой Якова Дмитриевича Шишкова, отца будущего писателя. См. «Воспоминания о брате» А. Я. Шишкова: Вячеслав Шишков в воспоминаниях. С. 34 и сл.

¹¹ В июне 1933 г. после публикации второй части романа он очень резко сформулирует это в письме П. С. Богословскому: «Похвал за “Угрюм-реку” мне никаких не будет: я лично не знаком с И. В. Сталиным, не обслуживаю М. Горькому, вообще – веду себя так, что, не имея высоких общественно-говорильно-ораторских заслуг, не сумел, видимо, заслужить к себе благорасположения “критиков”...» (цит. по: *Суматохина Л. В.* Максим Горький и Вячеслав Шишков о русском крестьянстве: (К вопросу о личных и творческих отношениях писателей в 1920-е годы) // *Сибирские огни*. 2010. № 3. С. 167).

общении, искренний и бескорыстный в дружбе,¹² Шишков вполне вписался в своеобразную детскосельскую культурную жизнь, коротко сойдясь со многими старожилками и регулярными гостями.

Особенно близкие отношения установились у Шишкова с А. Н. Толстым, который в Детском был тоже новоселом, однако, поселившись на новом месте со чады и домочадцы, быстро стал самой заметной фигурой местной культурной диаспоры, зажив со ставшими легендарными широтой, гостеприимством и хлебосольством. Люди разного образования и культурного уровня, разной судьбы, разного масштаба и направления литературного дарования, Шишков и Толстой оказались в состоянии удивительной человеческой дополненности. Много лет спустя сын Толстого назвал дружбу отца с Шишковым «многолетней и, по-видимому, единственной настоящей», отмечая и совершенно искреннюю «привязанность Вячеслава Яковлевича ко всему нашему дому».¹³ Для Шишкова в его отношении к Толстому сошлось очень многое: и наивная, почти детская отзывчивость на доброе к себе отношение, и потребность в уверенном авторитетном совете (хотя Толстой и был почти на 10 лет моложе), и, конечно, тешащая самолюбие близость к на глазах канонизируемому живому классику становящейся советской литературы.

Публикуемая запись относится к началу осени 1928 г., когда воскресные обеды в Детском у Толстого еще не стали общеизвестным мероприятием местной жизни, а состав их постоянных участников (впрочем, всегда открытый)¹⁴ только определялся. Шишков пригласил Вяткину к себе в гости как давнишнего сибирского друга (и, видимо, как будущего друга семьи), а затем повел ее на обед к Толстым, чтобы и свой новый круг предъявить лицом и, может быть, угостить хозяев оригинальным гостем. Последнее, кажется, не удалось: судя по записи, Вяткина деятельного участия в разговоре не приняла. А вот слушала очень внимательно и в самое короткое время (чуть ли не на обратном пути в Ленинград) записала то, что запомнилось.

Вяткина хорошо знала сибирских писателей по Томску и Омску, в дореволюционном Петрограде бывала на журфиксах у издателя М. В. Аверьянова, а в 1920-е гг. через Шишкова познакомилась и с некоторыми ленинградскими литераторами. Но у Толстого она частным образом столкнулась с литературой совершенного иного калибра. Здесь непринужденный table-talk касался людей, не только творчество, но и общественная позиция, и даже личная жизнь

¹² Ср. запись в дневнике, сделанную К. А. Фединым 6 марта 1945 г., в день смерти Шишкова: «А по качествам души – был редкостью. Человек-Добро, человек-Вера, он был национален во всех проявлениях. И потому он пленял собою столь далеких и разных людей – истинного мастера Замятина, стихийный талант Толстого, эстета Радлова» (*Федин К. А. Собр. соч. М.: Худ. лит., 1986. Т. 12. С. 101*).

¹³ *Толстой Д. А.* Для чего все это было. СПб.: Библиополис, 1995. С. 34, 42; далее: *Толстой Д. А.*

¹⁴ Валентина Ходасевич вспоминала: «По воскресеньям к нему приезжали на целый день из Ленинграда, в большом количестве, разнообразнейшие люди», и далее: «на вопрос домашних: > “Кто же придет?” – он говорил: “Не приставайте! Мотался по городу, напрягашал не помню кого, но безусловно все – чудные люди! Вот сами увидите”» (Воспоминания об А. Н. Толстом. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1982. С. 237, 238).

которых представляли собой общеинтересные факты литературной жизни, и один из них заправлял застольем. Контраст между публичными образами и мнениями – и тем, что она услышала и увидела, контраст естественный и не вызывающий ни у кого (в том числе и у нее) никакого протеста, составил для Вяткиной главную занимательность вечера – и, соответственно, основное содержание записи.

Спустя несколько дней после описанного обеда К. В. Вяткина снова оказалась в Детском Селе. 30 сент. она писала В. Я. Шишкову: «Дорогой Вячеслав Яковлевич! Сижу сейчас в санатории (Колпинская, 1), никуда не выпускают и книг здесь нет. По этому случаю дай мне каких-нибудь книжонок, а когда будет время, загляните ко мне с Клавдюшей».¹⁵ Неизвестно, состоялось ли это посещение, однако затем в течение совсем короткого времени общение между старыми сибирскими друзьями сошло на нет. Другом новой семьи Шишкова Вяткина так и не стала. Сохранилось нескольких коротких писем, в которых он благодарил за пересылку его корреспонденции; в последнем, датированном 3 дек. 1929 г., приглашал вместе с общими знакомыми посмотреть его новую квартиру на ул. Московской, 7.¹⁶ Позднейших материалов, свидетельствующих об общении Шишкова с Вяткиной, в ее архиве нами не обнаружено.

Капитолина Вяткина не оставила воспоминаний о литераторах, с которыми ей приходилось встречаться и общаться в своей жизни. Единственный (и незаконченный) опыт в этом жанре представляет собой мучительную попытку описания реальной жизни казенным языком советской публицистики и литературной критики.¹⁷ Публикуемая дневниковая запись представляет интерес не только упомянутыми в ней именами и мнениями, но и как элемент парал-

¹⁵ РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 12, л. 1. – В д. 1 по Колпинской ул. располагался диспансер для туберкулезных больных. См.: Энциклопедия Царского Села // Режим доступа: <http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/adresa/oktjabrskii-bulvar-6-u-dom-skorospehova.html#>. WOKpR9SLTDe (дата обращения: 04.05.2018).

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 15, л. 3, 4–4 об.

¹⁷ В марте 1973 г. исследователь сибирской литературы Н. Н. Яновский, случайно узнав адрес К. В. Вяткиной, обратился к ней с просьбой написать «нечто вроде воспоминаний» или же просто дать хотя бы минимальные сведения о себе и о знакомстве с В. Я. Шишковым (открытка из Новосибирска, датирована 5 марта 1973 г. – РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 79). Сохранилась тетрадка с черновиком ответного письма, в котором Вяткина, извиняясь за задержку с ответом, несколько раз принималась за воспоминания. Однако собственно биографические сведения о Шишкове ограничились несколькими фразами, а основной объем текста составлялся из клише советской публицистики в худших ее образцах: «Суровая сибирская действительность в эпоху царского самодержавия широко запечатлена Шишковым в таких известных его произведениях, как роман “Угрюм-река” или первая большая повесть “Тайга”, тепло встреченная А. М. Горьким»; «Все виды и все формы творческого труда Вячеслава Яковлевича проникнуты мыслью высокого служения советскому народу»; «В его произведениях можно видеть силу и красоту современников, прославляющих героизм подвигов народа, историческую правоту и движение к коммунизму»; «Его общественное мировоззрение складывалось под влиянием теоретиком социализма» и т. п. (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 15, л. 1–7). Во время работы над этим письмом Вяткина уже была тяжело больна; 13 сент. 1973 г. она скончалась. Судя по всему, она так и не ответила Н. Н. Яновскому; никаких ее воспоминаний о Шишкове опубликовано не было (см.: Воспоминания о В. Шишкове / сост. Н. Н. Яновский. М.: Сов. писатель, 1979; Вячеслав Шишков в воспоминаниях).

лельной неофициальной картины литературной жизни, сосуществовавшей в сознании простого советского человека с картиной официальной.

Записная книжка К. В. Вяткиной (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 4), размер 9 × 14 см; из 96 листов использованы только л. 13–26. Публикуемая запись – первая по хронологии и самая объемная (л. 13–20; последующие записи по содержанию с публикуемой не связаны). При подготовке публикации орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

23 сентября 1928 г.¹ Ленинград.

Погода пасмурная, дождь. Все же еду в Детское <Село> к Шишковым. Около 4 часов дня попадаю к ним на Малую, 14. Влетаю в столовую. Вячеслав Яковл<евич>, Клавдюша и Раиса Яковлевна пьют кофе. Все радостно бросаются ко мне: «Когда приехала? Хорошо ли было?». – Рассказываю про Германскую экспедицию в Бурято-Монголию.² «Чорт возьми, – говорит В<ячеслав> Я<ковлевич>, – умеют люди ездить, не так, как наши».

Заходит Лев Васильевич Сергеевич³ с сыном Васей. Болтаем минут 20. Шишковы торопятся на обед к Толстым. Сергеевич уходит. Меня Шишковы тащат к Толстым.

В передней встречает Алексей Николаевич. Первый раз встречаюсь близко. На улице он мне всегда казался толще и импозантнее. Хорошо выбритое лицо. Барская осанка. Шишков шутит и представляет меня как путешественницу по Монголии и Бурятии. А<лексей> Н<иколаевич> смеется и приглашает нас в комнату Натальи Васильевны,⁴ где я встречаю супругов Замятиных,⁵ артистку Большого драматического театра Николаеву с мужем и дочкой,⁶ жену Радлова,⁷ поэта Анненского⁸ с женой и еще несколько незнакомых мне лиц.

Толстые только что переехали в Детское, за тысячу рублей они отделали квартиру в 7 комнат на <пропуск в тексте> ул.⁹ Стильное и богатое убранство квартиры обращает внимание; красивая и живая хозяйка придает еще больше уюта.

За столом под кулебяку и водку А<лексей> Н<иколаевич> рассказывает анекдот: «Вы знаете, господа, ехал по улице автомобиль, а тут вдруг выбегает курица; автомобиль насккивает на курицу, у курицы хвост летит в одну сторону, перья в другую; лежит бедная курица, зарывшись в песок, а потом вдруг поднимает голову и говорит: “Ух! Вот так петух!...”».

Все смеются. Муж Николаевой повторяет анекдот на голландском языке.

Подвыпив, А<лексей> Н<иколаевич> рассказывает о своем школьном друге, в настоящий момент инженере, фамилии которого он и сам не помнит. Инженер, появившись в этот день до обеда на кровном рысаке, ни за что не хотел остаться обедать. Н<аталья> В<асильевна> с большим юмором продолжает: когда весть разнеслась о человеке, приехавшем на кровной лошади, то в гостиную врывались то один, то другой человек и спрашивали, «где кровная лошадь», – инженер молча и вежливо вставал и раскланивался.

Разговор заходит о сегодняшнем дне.¹⁰ Оказалось, что многие сегодня были в церкви: Шишковы и Людмила Николаевна Замятина в Софийском соборе,¹¹ кто-то, не помню, – в Феодоровском.¹² С большим удивлением слушаю и смотрю на этот осколок русских литераторов, живущих настроениями и чувствами далеких дореволюционных дней.

Прощаясь с женой Анненского, Наталья Васильевна спрашивает: «Я слышала, Вы хорошо гадаете; как жаль, что торопитесь. В следующий раз непременно будете гадать».

Возвратившись к гостям, Н<аталья> В<асильевна> рассказывает, как несколько лет тому назад она в Париже была у знаменитой гадалки и как та верно предсказала какое-то неприятное событие, наступившее очень быстро. –

«Мне было очень страшно, я думаю, что как раз гаданье навлекло это событие, а потом, конечно, и грешно было, ведь была Страстная неделя. С этого времени я решила никогда больше не гадать серьезно».

В<ячеслав> Я<ковлевич> рассказывает про святую, тоже удивительно гадавшую.

После обеда садимся играть в слова. На буквы, стоящие в одном слове, пишутся новые слова; кто напишет больше неодинаковых слов, тот и выиграет. На слове «виноград» выигравшим оказывается Алексей Николаевич, так как он придумывает слова «говно»¹³ и «гнида», которые никто из игравших не решается написать, а на слове «восклицанье» выигрывает Замятин, придумав «вонь» и «кал».

После игры в слова садимся играть в подкидные дураки; большим любителем игры оказывается Замятин.

За чаем Анненский говорит о первой части дневника Блока: «Дневник ничего не дает, весь он написан под знаком Пяста: “был Пяст”, “говорил с Пястом” и больше ничего. Ни одного разговора. В стихах больше сказано. Ведь, господа, когда вы читаете: “Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, ай”, то какие таинственные дали открываются, а в дневнике – ничего, короткая заметочка».

Шишков замечает: «Жаль, что это попало в руки Медведева П. Н. и Любви Дмитриевны; по-видимому, оскопили здорово».

«Мне кажется, Любовь Дмитриевна выбросила все, где говорилось о других женщинах; по-видимому, ей это было невыгодно», – говорит Нат<алья> Вас<ильевна>.¹⁴

Разговор заходит о Горьком: «Вы, господа, думаете, почему Горький ездит по России – он при заключении договора дал подписку о том, чтобы таким способом рекламировать свои издания», – говорит Наталья Васильевна.

«Нет, Тусинька, совсем не свои издания, – замечает Толстой, – а рекламировать Советскую Россию».¹⁵

«Ужасная вещь его “Клим Самгин”¹⁶ – говорит Нат<алья> Вас<ильевна>, – человек окаменел в какой-то классической позе и не хочет пошевелиться. Я думаю, мало кто читает ее до конца».

«Большевики читают, Тусинька, – говорит Толстой. – Я нынче в Кисловодске¹⁷ со многими говорил – все приходят в восторг, а я вижу насквозь, что не читали. Ведь вот возьмите Бунина Ивана. Говорят, стал прекрасные вещи писать, а все оттого, что влюбился в 20-летнюю женщину.¹⁸ Как он ныл за границей, какая скучища была читать все его вещи, не лучше “Клима Самгина”, а вот подите ж, как меняется человек. Помню, как в Париже он однажды явился ко мне. Комната у меня была маленькая: стол, кровать да маленькая кушетка. Я писал “Хождение по мукам”, а Иван сидел мрачно на диване и говорил: “Брось писать, все равно не кончишь”. А все-таки он очень талантливый, и сейчас в Москве его много читают».¹⁹

«По-моему, Иван Алексеевич очень честолюбивый человек, – замечает Н<аталья> В<асильевна>. – Если б ему сказали, что в России его много читают и ценят, то он бы согласился приехать на каких угодно условиях».

Толстой продолжает всем доказывать талантливость Бунина и в заключение читает отдельные его рассказы.

В 11 час<ов> я и Евгений Иванов<ич> Замятин едем в Ленинград.

¹ Воскресенье.

² Имеется в виду Советско-германская экспедиция по изучению сифилиса в Бурят-Монгольской АССР, работавшая в мае – августе 1928 г. См.: *Прохоренков В. И., Обухов А. П., Родиков М. В.* О Советско-германской экспедиции по изучению сифилиса в Бурят-Монгольской АССР (1928 г.) // Сибирский медицинский журнал. 2011. № 4. С. 135–137.

³ *Сергеевич Лев Васильевич* (1876–?) – библиограф; в 1920-е гг. сотрудник Комиссии по составлению справочника «Наука и научные работники СССР» (Наука и научные работники СССР. Ч. 2: Научные учреждения Ленинграда. Л.: АН СССР, 1926. С. 29); в 1935 г. выслан из Ленинграда (см.: *Микулинский С. Р.* Очерки развития историко-научной мысли. М.: Наука, 1988. С. 245). В тексте Вяткиной ошибочно: *Сергеевич*.

⁴ *Крандиевская-Толстая Наталья Васильевна* (1888–1963) – поэтесса; жена А. Н. Толстого с 1914 по 1935 г.

⁵ *Замятин Евгений Иванович* (1884–1937) – писатель; *Замятина Людмила Николаевна* (урожд. Усова; 1883–1965). И Толстой, и Шишков были знакомы с Замятинными еще с дореволюционного времени; могла быть знакома с ними (или с одним Е. И. Замятинным) и К. В. Вяткина.

⁶ *Николаева Августа Николаевна* – актриса БДТ; ее муж – *Пельтенбург Генрих Федорович*, голландский подданный, в СССР был представителем лесоторговой фирмы, принадлежавшей его дяде; А. Н. Толстой был знаком с ним со времен эмиграции (см.: *Толстой Д. А.* С. 78; см. также коммент. Г. А. Морева в изд.: *Кузмин М. А.* Дневник 1934 года. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. С. 346; далее: *Кузмин*).

⁷ Вероятно, *Радлова Надежда Константиновна* (урожд. Плансон, по первому мужу Шведе; 1894–1944) – художница, жена художника *Радлова Николая Эрнестовича* (1889–1942). Толстые близко дружили с Радловыми, а впоследствии и породнились: дочь Радловых Лидия в 1934 г. вышла замуж за Ф. Ф. Волькенштейна, сына Н. В. Крандиевской-Толстой от первого брака. Н. К. Шведе-Радлова была хорошо знакома с А. Н. Николаевой (см.: *Кузмин*. С. 346). В. Я. Шишков тоже был хорошо знаком с Н. Э. Радловым. Бывали у Толстых и брат Н. Э. Радлова – режиссер *Сергей Эрнестович Радлов* (1892–1958) и его жена поэтесса и переводчица *Анна Дмитриевна Радлова* (урожд. Дармолатова; 1891–1949), однако они, по свидетельству Д. А. Толстого, «частыми гостями не стали» (*Толстой Д. А.* С. 15).

⁸ *Анненский Валентин Иннокентьевич* (1880–1936) – поэт, прозаик (псевд.: Кривич); сын И. Ф. Анненского; в 1928 г. служил зав. канцелярией КЕПС АН СССР (Весь Ленинград и Ленинградская область: адресная и справочная книга на 1928 год. Л.: Орготдел Ленингр. Обл. исполкома и Ленинградского Совета, 1928. Отд. 2. С. 84); старожил Царского Села. Известна характеристика, данная ему Э. Голлербахом: «опекун рукописных писателей, амфиотрон литературных чаепитий, кладезь анекдотов и рог сатирического изобилия, энтузиаст российского слова и верный блюститель “заветов милой старины”» (*Голлербах Э. Ф.* Город муз: Повесть о Царском Селе. 2-е изд. Л.: тип. ЛСПО, 1930. С. 165–166). В рукописи фамилия написана с ошибкой: *Анинский*.

⁹ Решив поселиться в Детском Селе, А. Н. Толстой в мае 1928 г. нанял второй (верхний) этаж в д. 10 по ул. Московской у домовладельца Цыганова. Непосредственный переезд семьи Толстых состоялся после ремонта новой квартиры «осенью 1928 года» (*Толстой Д. А.* С. 18).

¹⁰ 21 сент. (н. ст.) празднуется Рождество Пресвятой Богородицы; праздничные службы служатся до 25 сент.

¹¹ Софийский собор (традиционное название Вознесенского собора в Царском Селе) построен в 1782–1788 гг. по проекту арх. Ч. Камерона.

¹² Феодоровский Государев собор построен в Царском Селе в 1909–1913 гг. по проекту арх. В. А. Покровского; закрыт в 1934 г.

¹³ Обычно в подобных играх не разрешается дважды использовать одну и ту же букву, так что Толстому пришлось нарушить или правила игры, или правила орфографии (предложив написание через первое «а»). А. Н. Толстой иногда бравировал «народной» речью, что отмечали многие мемуаристы (ср., напр., в воспоминаниях Л. Р. Когана: «Он любил крепкое слово, умную шутку»). Воспоминания об А. Н. Толстом. С. 200). Свою жизнь в Детском Селе он первое время воспринимал, видимо, именно как сельскую, в связи с чем активизировались соответствующие лексические пласты. Ср. в письме к С. Ф. Буданцеву от 27 марта 1928 г.: «В Царском сейчас, как в раю, ясные дни, весенний ветер, на улицах течет говно. <...> Скоро в Царском будет литературная колония» (Переписка А. Н. Толстого. М.: Худ. лит-ра, 1989. Т. 2. С. 60). Отметим попутно твердое убеждение, что «литературная колония» в Детском появится только с его приездом.

¹⁴ Имеется в виду изд.: Дневник Ал. Блока. 1911–1913 / под ред. П. Н. Медведева. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928. Вторая часть издания (Дневник Ал. Блока. 1917–1921), вышедшая в этом же году, видимо, ко времени разговора еще не была отпечатана. Готовивший публикацию Павел Николаевич Медведев (1891–1938) – историк литературы и литературный критик, пионер научного издания наследия А. А. Блока и один из первых его биографов – в предисловии писал: «Нашим желанием было, конечно, опубликование дневника в полном и неприкосновенном виде. Но то обстоятельство, что многие записи относятся к живущим еще лицам, заставило нас произвести из текста некоторые, правда, не очень значительные, изъятия. В частности, мы были вынуждены опустить все, что касается чисто личных отношений поэта к его супруге, Л. Д. Блок, оставив, впрочем, то, что представляет общественно-бытовой интерес» (С. 13–14). Кроме того, часть имен была скрыта под астерисками. Публикация была снабжена комментариями, впрочем, достаточно краткими. О названном в разговоре и действительно очень часто упоминаемом Блоком Владимире Алексеевиче Пясте (наст. фамилия: Пестовский; 1886–1940), в частности, сказано только: «...поэт-символист, друг Ал. Блока», со ссылкой на его «Воспоминания о Блоке» (С. 218), т. е. не раскрыты даже имя и настоящая фамилия. Прочитированные В. И. Анненским строки – из стихотворения А. А. Блока «В ресторане» (1910); какую именно «короткую заметочку» из дневника Анненский считал имеющей отношение к этому тексту, неизвестно. П. Н. Медведев был хорошо знаком и с А. Н. Толстым, и с В. Я. Шишковым, и с некоторыми другими участниками разговора. Так, в личном фонде К. В. Вяткиной сохранились книги, подаренные Медведевым Шишкову с дарственными надписями, в частности: Памяти Блока: Сб. материалов / под ред. П. Н. Медведева. 2-е изд. Пб.: Поляр. звезда, 1923 («Дорогому и доброму Вячеславу Яковлевичу Шишкову. Павел Медведев. 6.X.924. Пб») – РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 2, № 56); а также: Блок А. А. Неизданные стихотворения: 1897–1919 г. / ред. и примеч. П. Н. Медведева. Л.: Жизнь искусства, 1926 («Дорогому Вячеславу Яковлевичу Шишкову с любовью. Павел Медведев. 22.I.926») – РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 2, № 6). Медведев бывал у Шишкова в Детском Селе; в письме Вяткиной от 9 мая 1927 г. Шишков писал: «Вчера, в воскресенье, у меня были гости: трое Кустодиевых, трое Кузминых, Замятина, Гребенщиков, Медведев» (РО ИРЛИ, ф. 742, оп. 1, № 70, л. 41 об.). Пристрастность высказываний В. И. Анненского отчасти объясняется его работой над воспоминаниями, биографией и изданием наследия его отца (см.: Лавров А. В., Тименчик Р. Д. Иннокентий Анненский в неизданных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия, 1981. Л.: Наука, 1983. С. 61–68).

¹⁵ В мае 1928 г. Максим Горький впервые с 1921 г. побывал в СССР. Его приезд, организованный советским правительством, был обставлен с большой помпой, включающей многодневную народную встречу на Белорусском вокзале (28 мая), выступление на пленуме Моссовета, многочисленные встречи и поездку по стране (июль–август). Было подготовлено юбилейное издание: Горький: Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком / под ред. И. Груздева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928; в числе авторов были и А. Н. Толстой («Ранний Горький»,

с. 127–138) и В. Я. Шишков («Встречи», с. 225–252). С 1928 г. Государственное издательство начало выпуск собрания сочинений М. Горького (23 т.; окончено в 1932 г.). Осенью Горький вернулся в Италию. О своей поездке он написал цикл очерков «По Союзу Советов» (1929).

¹⁶ В 1928 г. была опубликована вторая часть романа.

¹⁷ В июле–августе 1928 г. А. Н. Толстой отдыхал в Кисловодске и должен был вернуться домой 8 сент. (см. его письмо к Н. В. Крандиевской-Толстой от 17 авг. 1928 г. и примеч. Е. Ю. Литвин в сб.: А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 473).

¹⁸ Имеется в виду Г. Н. Кузнецова, весной 1927 г. поселившаяся с Буниным и его семьей в Грасе.

¹⁹ Переход в разговоре от Горького к Бунину для А. Н. Толстого не случаен. В упомянутой выше статье «Ранний Горький» он сопоставлял этих авторов (и Чехова), писал о «беспощадном и злом» реализме Бунина (с. 127), о том, что «Чехов и Бунин изображали жизнь с неповторимым мастерством и правдивостью» (с. 138). Позднейшие публичные высказывания Толстого о Бунине обусловлены политической конъюнктурой. Ср.: «Я прочел три последние книги Бунина <...>. Я был удручен глубоким и безнадежным падением этого мастера. <...> Судьба Бунина – наглядный и страшный пример того, как писатель-эмигрант, оторванный от своей родины, от политической и социальной жизни своей страны, опустошается настолько, что его творчество становится пустой оболочкой, где ничего нет, кроме сожалений о прошлом и мизантропии» (интервью газ. «Литературный Ленинград» 23 нояб. 1936 г. – *Толстой А. Н.* Полн. собр. соч. М.: Гослитиздат, 1949. Т. 13. С. 517–518). Подробнее о взаимоотношениях А. Н. Толстого и И. А. Бунина см.: *Куванова Л. К.* А. Н. Толстой и И. А. Бунин. К публикации письма Бунина // А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985. С. 186–194.

Библиографический список

1. *Блок А. А.* Дневник Ал. Блока. 1911–1913 / под ред. П. Н. Медведева. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1928.
2. Воспоминания об А. Н. Толстом. 2-е изд., доп. М.: Сов. писатель, 1982.
3. Вячеслав Шишков в воспоминаниях современников. Новосибирск: Новосибирское книжное изд-во, 1987.
4. Горький: Сборник статей и воспоминаний о М. Горьком / под ред. И. Груздева. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.
5. А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М.: Наука, 1985.
6. *Толстой Д. А.* Для чего все это было. СПб.: Библиополис, 1995.

Е. Г. ЩУКО. ВОСПОМИНАНИЯ О ДЕТСТВЕ, СЕМЬЕ, БЛИЗКИХ

*(Вступительная статья, подготовка текста
и примечания М. М. Павловой)*

Аннотация: В публикации представлены воспоминания Е. Г. Щуко (внучки выдающегося зодчего В. А. Щуко) о детстве, отце и матери – архитекторе Г. В. Щуко и Л. Н. Черносвитовой, отчине – выдающемся органисте и педагоге И. А. Браудо, бабке О. Н. Черносвитовой (урожд. Чеботаревской), друзьях семьи: художнике-карикатуристе Б. Б. Малаховском, И. В. Щеголевой, Н. И. Альтмане, А. И. Порет и др. Очерк охватывает период с начала 1930-х до начала 1950-х гг.; автор воссоздает атмосферу сталинской эпохи, быт и настроения ленинградской элиты. Публикация сопровождается обширным комментарием.

Ключевые слова: В. А. Щуко, Г. В. Щуко, Л. Н. Черносвитова, И. А. Браудо, О. Н. Черносвитова, Ф. Сологуб, семья Б. Б. Малаховского, И. В. Щеголева-Альтман; архитектурная элита 1930-х гг., эвакуация в Пермь/Молотов (1942–1944).

Abstract: The publication presents the memoirs of E. G. Shchuko (the granddaughter of the outstanding architect V. A. Shchuko) about her childhood, her parents – the architect G. V. Shchuko and L. N. Chernosvitova, stepfather – outstanding organist and teacher I. A. Braudo, friends of the family: the artist-cartoonist B. B. Malakhovsky, I. V. Schegoleva, N. I. Altman, A. I. Poret, etc. The sketch covers the period from the early 1930s to the early 1950s, the author recreates the atmosphere of the Stalin era; the way of life and moods of the Leningrad elite. The publication is accompanied by an extensive commentary.

Key words: V. A. Shchuko, G. V. Shchuko, L. N. Chernosvitova, I. A. Braudo, O. N. Chernosvitova, F. Sologub, the family of B. B. Malakhovsky, I. V. Schegoleva-Altman; architectural elite of the 1930s, evacuation to Perm / Molotov (1942–1944).

Автору публикуемых воспоминаний посчастливилось родиться в высокообразованной, родовитой, интеллигентной семье. Сведения о предках и родственниках Елизаветы Георгиевны Щуко можно найти в Большой российской энциклопедии, в общедоступных справочниках по истории искусства, литературы, науки, революционно-освободительного движения.

Дед со стороны отца – Владимир Алексеевич Щуко (1878–1939) – выдающийся зодчий, академик (еще Императорской Академии художеств), воспитавший плеяду талантливых архитекторов, в их числе отец Елизаветы Георгиевны – Георгий (Юрий) Владимирович Щуко (1905–1960), автор проекта Главного павильона ВДНХ (1954; в соавторстве с Е. А. Столяровым). Павильон был построен на месте демонтированного «отцовского» (1939; авторы – В. А. Щуко и В. Г. Гельфрейх), памятного не одному поколению зрителей по фильму «Свинарка и пастух») И. Пырьева (1941).

Здания и памятники, возведенные по проектам старшего Щуко и под его руководством, стали неотъемлемой частью современного облика Петербурга и Москвы, например, доходные дома К. В. Маркова на Каменноостровском проспекте (№ 63 и № 65), пропилеи Смольного (в соавторстве с В. Г. Гельфрейхом), памятник В. И. Ленину на броневике перед Финляндским вокзалом (скульптор С. А. Евсеев) в Санкт-Петербурге, и т. д.; Большой Каменный мост в Москве и здание Библиотеки им. В. И. Ленина (в соавторстве с В. Г. Гельфрейхом), и многие другие.¹

Дед со стороны матери – Николай Николаевич Черносивтов (1870–1938) – ученый-электротехник, практик, учился во Франции в Высшей школе электричества, затем несколько лет работал инженером на заводах в Париже, занимаясь исследованием электрических установок. По возвращении в Россию был избран профессором Политехнического института и многие годы преподавал на электротехническом факультете. Его сестра – Софья Николаевна Черносивтова (1872–1934) первым браком была замужем за Платоном Васильевичем Луначарским (1867–1904) – братом А. В. Луначарского, врачом-хирургом, основателем тульской ячейки РСДРП, членом которой с 1898 г. была и Софья Николаевна, вторым браком – за Петром Гермогеновичем Смидовичем (1874–1935), видным революционером (похоронен в Кремлевской стене), двоюродным братом В. В. Вересаева. Вересаев посвятил Смидовичу мемуарный очерк в сборнике «Невыдуманные рассказы о прошлом» (1940; <главка> 9).

Бабка со стороны матери – Ольга Николаевна Черносивтова (урожд. Чеботаревская, 1872–1943)² – сестра писательницы и переводчицы Анастасии Николаевны Чеботаревской (1876–1921)³ – жены Федора Сологуба, и переводчицы Александры Николаевны Чеботаревской (1869–1925).⁴ Ольга Николаевна участвовала в подготовке «Полного собрания сочинений» Ги де Мопассана (в 30 т.), выходявшего под редакцией Ал. Н. Чеботаревской в издательстве «Шиповник» (1911–1912), ею был переведен роман «Пьер и Жан» (Т. 17).⁵

Анастасия и Александра ушли из жизни при трагических обстоятельствах (покончили с собой в результате обострения наследственного душевного

¹ См.: *Толстая И. А. В. А. Щуко* // Зодчие Москвы: XX век / сост. М. И. Астафьева-Другач, Ю. П. Волчок, А. М. Журавлев. М., 1988. Кн. 2. С. 109–116.

² См. о ней в нашей публ.: *Черносивтова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба // *Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары* / под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997. С. 221–226.

³ См.: Федор Сологуб и Анастасия Чеботаревская / Вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Там же. С. 290–384; *Лавров А. В.* Новонайденные письма Анастасии Чеботаревской к Федору Сологубу (1907–1916) // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 398–421; *Павлова М. М.* Материалы к биографии Ан. Н. Чеботаревской: Литературная, художественная и театральная критика. Публицистика. Рецензии // Там же. С. 733–792.

⁴ Подробнее о ней см.: Письма Вячеслава Иванова к Александре Чеботаревской / публ. А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 238–295.

⁵ О переводческой деятельности сестер Чеботаревских см.: *Голлербах Е. А.* Семейные ценности: Федор Сологуб в издательстве «Пантеон» // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации / сост. М. М. Павловой. СПб., 2010. С. 44–58.

недуга).⁶ После гибели Анастасии, исполняя ее предсмертную волю, Ольга Николаевна взяла на себя все заботы о Сологубе. В семье Черносвитовых (они жили на углу Ждановской набережной и Малого проспекта П. С., в доме № 3/1) писатель провел свои последние годы (1921–1927).⁷ Здесь, на Ждановке, в 1925–1926 гг. у него собирался кружок ленинградских поэтов-неоклассиков (Л. И. Аверьянова, М. В. Борисоглебский, Е. Я. Данько, В. В. Смиренский и др.), бывали А. Ахматова, Ю. Н. Верховский, О. А. Глебова-Судейкина, Е. И. Замятин, Л. В. Пумпянский, Иванов-Разумник, К. А. Сомов и др.

После кончины Сологуба весь его богатейший архив Ольга Николаевна передала в Пушкинский Дом (РО ИРЛИ, ф. 289),⁸ а позднее – архивы сестер: Анастасии (РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 4 и оп. 5) и Александры (РО ИРЛИ, ф. 189).⁹

По примеру Ольги Николаевны Елизавета Георгиевна также передала в Пушкинский Дом отложившиеся у нее семейные документы: уникальные фотографии, рисунки и акварели деда и отца, письма и др. (фонд семьи Щуко: № 922).

В дополнение к полученным материалам со слов Елизаветы Георгиевны мы записали ее рассказ о детстве, ближайших родственниках и друзьях родителей. Очерк охватывает период с начала 1930-х до начала 1950-х гг. Елизавета Георгиевна рассказывает о поре своего младенчества и раннем детстве сначала в доме деда и бабки (Черносвитовых) на Ждановке, затем на улице Герцена; домашних детских праздников; поездках в Москву (в 1933 г. Ю. В. Щуко был переведен в мастерскую отца для работы над проектированием Дворца Советов),¹⁰ об архитектурном доме на Можайке (Можайском шоссе, д. 57-а), занятиях балетом; вспоминает первые дни войны, застигшие ее вместе с бабушкой Ольгой Николаевной на даче в Парголово, первый воздушный бой над Финским заливом, за которым они наблюдали 22 июня 1941-го; отъезд

⁶ См.: Воспоминания Т. Н. Черносвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Щуко / публ. М. М. Павловой // *Memento Vivere*. Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 494; о гибели Ал. Н. Чеботаревской см. во вступ. статье А. В. Лаврова к публикации, указанной в примеч. 4.

⁷ Об этом периоде см. в нашей публ.: *Черносвитова О. Н.* Материалы к биографии Федора Сологуба. С. 221–226; см. также: Письмо В. П. Белкина к А. С. Ященко от 2 мая 1922 г.: *Флейшман Л., Хьюз Р., Хьюз-Раевская О.* Русский Берлин: 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-PRESS, 1983. С. 267–268.

⁸ Об истории передачи архива Сологуба в Пушкинский Дом в 1928 г. см.: *Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки / Вступ. статья, сост. В. Г. Белоуса, коммент. В. Г. Белоуса, А. В. Лаврова, Я. В. Леонтьева. М., 2000. С. 39–40; Письмо О. Н. Черносвитовой Т. Н. Чеботаревской / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 317–320. Ольга Николаева продолжала трудиться над сбором и систематизацией архива вплоть до последних дней. В письме к Ю. В. Щуко в Москву от 2 дек. 1940 г. Лидия Николаевна сообщала: «Мама очень волнуется и огорчается, что я так скоро еду, что ты недоволен и т. д. Сама она со мной ехать никак не может из-за архива, который разбирается бесконечно, причиняет массу волнений и огорчений тоже, а главное утомил маму ужасно, иногда она еле двигается к вечеру» (архив Е. Г. Щуко).

⁹ См.: РО ИРЛИ. Дело фонда № 289.

¹⁰ О неовплощенном проекте см.: *Великанов Александр*. Дворец Советов: Создание невозможного. М., 2014; *Полякова А. Л.* Минувшее проходит предо мною... М., 2010. С. 15–16.

в эвакуацию, жизнь в Молотове (Перми) вместе с Мариинским театром (тогда ГАТОБ им. С. М. Кирова), появление на свет сестры; возвращение в 1944-м в разрушенный Ленинград; год, проведенный в Москве у отца, празднование Дня Победы; летнюю поездку вместе с семьей в Сортавала в Дом творчества композиторов в 1947 г., поступление на географический факультет Ленинградского университета.

Главные действующие лица воспоминаний: отец, мама – Лидия Николаевна Шуко (урожд. Черносвитова, во втором браке – Браудо; 1908, по др. свед. 1907–1985), отчим – известный органист, музыковед и педагог Исайя Александрович Браудо (1896–1970),¹¹ младшая сестра Настя,¹² их ближайшие друзья: Ирина Валентиновна Щеголева-Альтман (урожд. Тернавцева; 1906–1993; в первом браке жена П. П. Щеголева;¹³ во втором – художника Нагана Исаевича Альтмана; 1889–1970);¹⁴ семья ее сестры Муси – Марии Валентиновны (урожд. Тернавцевой; 1904–1948)¹⁵ и талантливого художника-карикатуриста и книжного иллюстратора Бронислава Брониславовича Малаховского (1902–1937).

Об этом дружеском круге вспоминал И. Л. Андроников: «В конце 1920-х – первой половины 1930-х годов дом Малаховских в Ленинграде, на Ждановке, привлекал множество талантливейших людей – художников, писателей, ученых, актеров... Жена Малаховского – Мария Валентиновна и жившая вместе с ними ее сестра Ирина Валентиновна Щеголева – молодые женщины неправ-

¹¹ См. о нем: *Ковнацкая Л., Миценко М.* Артист, педагог, ученый // Браудо Исайя. Артикуляция: Об органной и клавирной музыке / сост. А. И. Браудо. СПб., 2014. С. 3–18.

¹² *Браудо Анастасия Исаевна* (род. 1942) – органистка, клавесинистка; с конца 1970-х гг. живет на Западе, успешно концертировала в России, Бельгии, Голландии, Франции, Германии, Италии и др. странах, участвует в программах фестивалей в Париже, Бордо, Мадриде, Кельне, Бонне. Почетный член жюри Международного конкурса органистов им. И. А. Браудо в Санкт-Петербурге.

¹³ *Щеголев Павел Павлович* (1903–1936) – профессор Ленинградского университета, ученик Е. В. Тарле, историк Западной Европы XVI–XIX вв.; сын историка общественной мысли и литературы, пушкиниста Павла Елисеевича Щеголева. Был женат дважды – на И. В. Тернавцевой (разведен в 1931 г.), с 1931 г. – на Антонине Николаевне Изергиной (1906–1969), сотруднице Эрмитажа, специалисте по немецкому и французскому искусству.

¹⁴ В конце 1935 г., расставшись со второй женой (балериной Ириной Петровной Дега; 1907–1989), Альтман вернулся из Парижа, где находился с 1928 г., в Москву; в 1936 г. женился на И. В. Щеголевой и переехал в Ленинград. Они поселились в доме на углу Лесного проспекта и Кантемировской улицы (прожили там 35 лет, ныне на этом доме установлена мемориальная доска).

¹⁵ Отец И. В. Щеголевой-Альтман и М. В. Малаховской – Валентин Александрович Тернавцев (1866–1940) – богослов, религиозный мыслитель, член Синода, один из организаторов Религиозно-философских собраний в Петербурге (1901–1903). По словам З. Гиппиус, «один из замечательных людей того момента», «богослов-эрудит, пламенный православный» (*Гиппиус-Мережковская З. Н.* Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С.94); см. также ее очерк «Первая встреча (К истории Петербургских Религиозно-Философских Собраний 1901–1903 гг.)» (*Гиппиус З. Н.* Неизвестная проза: в 3 т. Т. 3: Арифметика любви / под общей ред. А. Н. Николокина. СПб., 2003. С. 361). В 1923 г. Тернавцев был подвергнут административной высылке в Тобольск, затем в Сургут, по возвращении в 1926 г. жил в Серпухове под Москвой, последние годы посвятил главному труду жизни – «Толкование на Апокалипсис Иоанна Богослова» (не опубликован).

доподобной красоты и редкого обаяния, талантливые, веселые, остроумные,¹⁶ и сам художник в своем доме в кругу Толстых, Радловых, молодых Щуко, Хижинских, Осмеркиных, Рины Зеленой, Марии Конисской... Когда-нибудь об этой творческой атмосфере будут по крупице собирать сведения будущие искусствоведы. Помню у Малаховских и <...> В. В. Маяковского» и т. д.¹⁷

Среди поименованных лиц особого комментария заслуживает Лидия Николаевна. В разных вариациях ее имя (Черносвитова, Щуко, Браудо) эпизодически встречается в воспоминаниях и в переписке современников, однако никаких более или менее определенных сведений о ней, за редким исключением, в публикациях мы не найдем.

В 1992 г. к Елизавете Георгиевне через И. В. Щеголеву обратилась сотрудница РГАЛИ Ксения Николаевна Кириленко, в связи с подготовкой издания «Телефонной книжки» Евгения Шварца она спрашивала: «Вы упоминаетесь в записи о Лидии Николаевне Щуко. Я не знаю год Вашего рождения <...>. Что мне написать о самой Лидии Николаевне? Я не знаю ни ее дат, ни рода занятий. Она была только женой? Дат жизни Бориса Владимировича Щуко у меня тоже пока нет, но их можно найти. <...> Вы упоминаетесь в таком контексте.

¹⁶ Эти качества сестры, вероятно, унаследовали от отца. Выразительный портрет Тернавцева оставила З. Гиппиус: «Высокий, плечистый, но легкий, чуть-чуть расхлябанный, но не по-русски, а по-итальянски (как бы «с лендой»), чернокудрый и чернородый, он походил иногда на гигантского ребенка: такие детские у него были глаза и такой детский смех. <...> Замечательна его талантливость, общее пыланье и переливы огня. Оратор? Рассказчик? Пророк? Все вместе. От пророка было у него немало, когда вдруг закигался он заветной какой-нибудь мыслью. Мог и внезапно гаснуть, до следующей минуты подъема» (*Гиппиус-Мережковская З. Н.* Дмитрий Мережковский. С. 94–95).

¹⁷ *Андроников Ираклий.* Обаяние таланта // Б. Б. Малаховский / сост. И. В. Щеголева-Альтман. Л., 1978. С. 28. См. также: *Вейс З. А., Гречнев В. Я.* С Маяковским по Санкт-Петербургу. СПб., 1993. С. 213–214. В доме на углу Ждановской набережной и Малого проспекта (дом № 3/1) Алексей Николаевич *Толстой* и Наталья Васильевна Крандиевская (1888–1963; третья жена писателя, 1914–1935) жили с 1925 по май 1928 г., после их переезда в Детское Село (до 1918 г. – Царское Село, с 1937 г. – г. Пушкин) в этой квартире поселились Малаховские. Упоминаются: *Радлов Николай Эрнестович* (1889–1942) – художник, искусствовед, педагог, его жена – Шведе Надежда Константиновна (урожд. Плансон; 1894–1944); *Хижинский Леонид Семенович* (1896–1972) – художник, график, гравер, иллюстратор, в 1922–1927 гг. обучался во ВХУТЕИНе на графическом факультете, ученик В. М. Конашевича и Д. И. Митрохина; *Осмеркин Александр Александрович* (1892–1953) – художник, участник художественной группы «Бубновый валет», в 1932–1948 гг. – профессор и глава мастерской Ленинградской Академии художеств (в 1948 г. отстранился от преподавания в связи с выдвинутым против него обвинением в формализме и пропаганде современного западного искусства), его жена – Гальперина-Осмеркина Елена Константиновна (1903–1987) – мастер художественного слова; *Рина Зеленая* (наст. имя. Екатерина Васильевна Зеленая; 1901–1991) – актриса театра, кино и эстрады; *Кониская Мария Юрьевна* (1904–1995?) – обучалась во ВХУТЕИНе на графическом отделении; первым браком была замужем за племянником В. А. Щуко – Ростиславом Васильевичем Карповым (их дочь – Ксения), до войны занимала комнату в квартире семьи Щуко на Каменноостровском проспекте, д. 13; ближайшая подруга Л. Н. и Ю. В. Щуко, И. В. Щеголевой-Альтман, семьи Малаховских; после войны вышла замуж за известного фольклориста и музыковеда Льва Николаевича Лебединского (1904–1982). См. ее воспоминания, в которых упоминаются все выше названные лица: «Злые годы» (Новый мир. 1992. № 6. С. 65–102).

Он пишет о Щуко: “И у нее (Гули. – *М. П.*), и у Настеньки такой аппетит, что Ирина Альтман со складностью речи, свойственной всему кругу, говорит, глядя на них за столом: “Необыкновенно жоркое семейство”. И Лидочка хохочет” (архив Е. Г. Щуко). В том же письме К. Н. Кириленко просила сообщить год смерти А. И. Порет и т. п.

Елизавета Георгиевна писала в ответ: «...Лидия Николаевна Щуко (урожд. Черносивитова) родилась 12.6.1908 г., умерла 4.7.85 г. В молодости училась в техникуме? училище? при Академии Художеств в Ленинграде, окончила графическое отделение. Практически не работала, т<ак> к<ак> в 1929 г. вышла замуж за моего отца, Щуко Георгия Владимировича, а в 1931 г. родилась я. Отец мой был архитектором (1905–1960 гг.). В 1941 г. моя мать развелась с отцом и вышла замуж за профессора органа Исайю Александровича Браудо (1896–1970 гг.). В 1942 г. у них родилась дочь Анастасия, о которой идет речь в цитате. В настоящее время она с семьей живет во Франции. <...> Даты жизни моего дяди Бориса Владимировича Щуко: 1906–25.7.65 г. Год смерти Алисы Ивановны Порет знает общая ее и мамина подруга Мария Юрьевна Конисская, живущая в Москве, тел. 249-56-54 <...>. Год рождения Ирины Валентиновны – 1908...».¹⁸

В «Телефонной книжке» Шварца рассказ о матери Елизаветы Георгиевны занимает четыре страницы, пожалуй, это единственный развернутый словесный портрет, оставленный современником. Шварц вспоминал: «...в телефонной книжке записана **Лидочка Щуко**, а с ней познакомились мы по-настоящему именно в то лето в Сухуми. Надвигались времена тяжелые, убийственные для всей страны годы. Но в данном случае события не отбрасывали тень назад. Или мы упорно не хотели замечать ее. И вот встретили мы большую, подчеркнута веселую, все время шутивно и отчетливо болтающую компанию: Рину Зеленую, Котика Топуридзе, Алису – вдруг вышибло фамилию из головы и Лидочку Щуко. Они до настоящего времени, когда все мы уже в летах, не потеряли этой юношеской особенности: держаться одной стаей. Так и в гости ходят. Язык у них у всех был одинаково хорошо подвешен. Особенно Алиса. Держалась она уверенно и болтала насмешливо, даже издевательски, при этом глядела на собеседника, наивно и широко открыв глаза. На пляже, сохраняя все то же наивное выражение, однажды

¹⁸ Письмо Е. Г. Щуко К. Н. Кириленко от 26.08.1992 (архив Е. Г. Щуко). Упоминается: *Порет (Портрет; Портрет) Алиса (Алиса-Екатерина Ада)* (1902–1984) – живописец, график, ученица К. С. Петрова-Водкина и П. Н. Филонова, дружила с Д. Хармсом. Обширный мемуарный очерк о ней см. в кн. А. Поляковой – ученицы А. И. Порет и подруги Е. Г. Щуко: *Полякова А. Л.* Минувшее проходит предо мною... М., 2010. С. 143–159 («Художник Алиса Ивановна Порет»). Ответное письмо К. Н. Кириленко от 26 авг. 1992 г.: «Я очень благодарю Вас за письмо. Ведь эти сведения я нигде не могла найти. Вы помогли мне справиться с этой задачей. Больше того, Вы уберегли меня от грубейшей ошибки – у меня были сведения из ненадежных источников, что Вашим отцом был Борис Владимирович. Поэтому я и искала годы его жизни. Сейчас все стало на свои места. Сердечное Вам спасибо. Борис Владимирович не упоминается у Шварца, в тексте дневника упоминается только глухо – муж Лидии Николаевны. Господи, как хорошо, что Вы написали мне! Я обязательно внесу в комментарии все даты, которые Вы мне сообщили. Это еще не поздно. ...» (Там же).

сняла лифчик и лежала с открытой грудью, будто так и положено. В это лето и начался роман Рины Зеленой и Котика, кончившийся браком. Вся компания страстно любила жизнь. И не слишком ее усложняла. Но проще и здоровее всех – смотреть одно удовольствие – жила Лидочка Щуко. Лицо с выражением ясным, очень русское, карие глаза. Плавала она так далеко, что мы всякий раз испытывали тревогу – никаких признаков, даже точки на горизонте. Но вот мелькает голова, рука. <...> Вернулась! И выходит из воды плотная, ладная, легко дыша и улыбается всем загорелым своим лицом. Светятся карие глаза. Родом Лидочка из семьи Чеботаревских. Родная тетка ее была женой Сологуба. Когда приехал я в октябре 21 года в Петроград, то на Невском увидел на углу одного из домов наклеенное от руки объявление – просили всех, видевших, как бросилась с Тучкова моста женщина, сообщить о подробностях по такому-то адресу. По странному совпадению был указан тот самый многоэтажный дом, выходящий на Средний проспект и набережную, глядящий окнами на Тучков мост, где остановился я у Юрки Соколова, когда приехал в первый раз в жизни в 14 году в Петроград. Там жил Сологуб, а женщина, покончившая с собой, – Лидочкина родная тетка. И глядя, как легко дышит Лидочка, выходя из воды, можно было подумать, что никакими нитями не связана она со стихией, в которой прошло ее детство. И старик с плоским лицом, похожий и на римского императора и на бабу, замечательный поэт, темнейшая душа – никак не влиял на нее в свое время. После Сухуми встречалась мы в Ленинграде от случая к случаю. Во время войны развелась Лидочка с мужем и вышла за известного органиста Браудо. И от этого тощего, высокого, капризнейшего, утонченнейшего, уязвимейшего и до деспотизма нежнейшего существа – родила Настю, здоровенную девочку, с очень русским лицом и карими глазами. После войны познакомились мы с Лидочкой ближе, даже перешли на ты. Она по-прежнему радовала всей своей повадкой. Она не плавала до самого горизонта, но вела семью и какую! Взрослая дочка от Щуко, Гулька, ссорилась с младшей сестренкой, как со сверстницей. Браудо завивался вихрями. Не было случая, чтобы Лидочку не вызвали к телефону, когда она приходила к нам в гости. Снимаю трубку, слышу рыдания – Настя зовет маму, жалуется на Гульку или какие-нибудь неприятности в школе. Или изысканно вежливый Браудо, принося извинения, просит к телефону Лидию Николаевну. И Лидочка рассказывает потом весело, по какому поводу она срочно понадобилась...».¹⁹

Воспоминания Елизаветы Георгиевны, переписка ее родителей и большой корпус семейных фотографий, на которых молодые Щуко соседствуют с Н. Альтманом, И. Щеголевой, Н. Радловым, Малаховскими, Риной Зеленой, А. Порет, К. Струве, Л. Рудневым, Г. Селюгиным, А. Великановым, З. Брод,

¹⁹ Шварц Евгений. «Телефонная книжка» / сост. К. Н. Кириленко. М., 1997. С. 495–497. ...наклеенное от руки объявление... – Рукописные объявления (рукой О. Н. Чернозитовой и рукой Сологуба) сохранились в архиве: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, ед. хр. 174. ...дом, выходящий на Средний проспект и набережную... – Ошибочно; подразумевается дом № 3/1 на углу Ждановской набережной и Малого проспекта Петроградской стороны. Упоминаются: Соколов Юрий Васильевич (1895–?) – художник, друг Шварца. Топуридзе Константин Тихонович (Котэ) (1904–1977) – архитектор, муж Р. В. Зеленой.

А. Нератовым, Л. Поляковым, Н. Брюхоненко, Рене О'Коннель²⁰ и другими, существенно дополняют словесный портрет Шварца, позволяют по-новому увидеть личность Лидии Николаевны, ее редкий дар – дружить с талантливыми людьми и празднично организовывать их жизнь.

В 1933 г. В. А. Щуко вместе с его постоянным соавтором и спутником Владимиром Георгиевичем Гельфрейхом (1885–1967) перевели на работу в Москву для участия в разработке проекта Дворца Советов.²¹ «Вторым эшелон» за мэтрами поехали помощники и молодые архитекторы, работавшие под их руководством. А. П. Великанов был назначен бригадиром фасадов, И. Е. Рожин – главного фойе, А. Ф. Хряков возглавил бригаду проектировщиков большого зала, Ю. В. Щуко – малого зала, и т. д. Эти должности они занимали с середины тридцатых вплоть до остановки строительства с началом войны.²² Проследив историю проектирования Дворца Советов, ставшего одним из наиболее макаберных и многозначных символов советской эпохи, А. А. Великанов (сын архитектора) нашел чрезвычайно емкую метафору: «В повести А. Платонова “Котлован” все действие построено вокруг постоянно расширяемого котлована под здание “дома прекрасного будущего”. Котлован расширяют, и этому нет конца, строить здание так и не начинают. Это и есть точная история Дворца Советов. Началось с зала на 8000 мест, увеличилось до зала на 20 000 мест. Началось с невысокого – кончилось “памятником Ленину” высотой более 400 метров» и т. д.²³

С 1934 г. семья Ю. и Л. Щуко жила между Москвой и Ленинградом. Сначала приглашенные для проектирования Дворца Советов ленинградцы ютились в общежитии на Ленивке (д. 4). В 1937 г. для архитекторов были построены два дома в районе Дорогомилова, в доме № 26 по 2-й Извозной улице (позднее – Можайскому шоссе, д. 57-а, ныне Студенческой ул.). В одном подъезде поселились сразу несколько семей из Ленинграда: семьи Ю. В. Щуко (Лидия Николаевна с Гулей переехала в Москву), А. П. Великанова, Л. М. Полякова, А. Ф. Хрякова и З. О. Брод, Г. В. Селюгина²⁴ и др.

«Это была молодая и веселая компания архитекторов, художников, актеров, музыкантов <...>, – вспоминает Анна Леонидовна Полякова, дочь Л. М. Полякова. – Для детей устраивали спектакли, где главным заводилой был Юра Щуко, сын академика, тексты писала его жена Лида, а главными актрисами

²⁰ См. примеч. ниже и к тексту воспоминаний.

²¹ Об истории проектирования и начале строительства легендарного здания см.: *Великанов А. А. Дворец Советов: создание невозможного*. М., 2014.

²² Там же. С. 12. Архитекторы, выпускники ВХУТЕИНа, ученики В. А. Щуко, В. Г. Гельфрейха, И. А. Фомина, работавшие над проектом Дворца Советов: *Великанов Александр Петрович* (1900–1955), см. книгу его сына: *Великанов А. А. Дворец Советов: Создание невозможного; Рожин Игорь Евгеньевич* (1908–2005); *Хряков Александр Федорович* (1903–1976).

²³ *Великанов А. А. Дворец Советов: создание невозможного*. С. 13.

²⁴ Выпускники ВХУТЕИНа, ученики В. А. Щуко, В. Г. Гельфрейха, И. А. Фомина, работавшие над проектом Дворца Советов: *Поляков Леонид Михайлович* (1906–1965), см. о нем: *Журавлев А. М. Л. М. Поляков // Зодчие Москвы: XX век / сост. М. И. Астафьева-Другач, Ю. П. Волчок, А. М. Журавлев*. М., 1988. Кн. 2. С. 319–326; *Брод Зоя Осиповна* (Иосифовна; 1907–1972) – жена А. Ф. Хрякова (см. примеч. 22); *Селюгин Глеб Владимирович* (1906–1966).

были их дочь Гуля и я. Мы разыгрывали настоящие представления по детским книжкам и сказкам – “Золотой ключик”, “Красная шапочка” и др. Гуля играла роль Буратино, я роль Мальвины, роль волка исполнял Юра Щуко).²⁵ Выбор пьесы, вероятно, был неслучаен: в 1936 г. в ленинградском отделении издательства «Детская литература» вышла в свет книга А. Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино», с иллюстрациями Б. Малаховского.

В 1930-е гг. многие увлекались постановочной фотографией. В семейном архиве Щуко сохранилось множество подобных артефактов (тема, заслуживающая специального очерка). Костюмы для этого веселого занятия изобретала Лидия Николаевна, ей помогали – Ирина Альтман и Алиса Порет, шили из подручного материала. «Увековечил» постановки «Шура Великанов» (А. П. Великанов).

Названия постановок: «Петр и Алексей» (исполнители: И. Альтман и Ю. Щуко), «Мольер» и «Аббат» (Ю. Щуко), «Дворник и горничная» (Л. Щуко и А. Порет), «Коммунальный скандал» (А. Порет, К. Струве, Л. Щуко), «Красотки кабаре» (Л. Щуко, К. Струве, А. Порет), «Сонечка Мармеладова и Свидригайлов» (Л. Щуко и Л. Руднев), «Три мушкетера» (А. Порет, Рене О’Коннель, Л. Щуко), «Деревенская свадьба» (Н. Брюхоненко и Г. Селюгин), «Казак и казачка» (Рина Зеленая и Л. Щуко), «Картина Сомова» (А. Нератов и А. Порет), «Безутешная вдова» (А. Нератов и Л. Щуко), «Шулера» (Н. Радлов и Л. Руднев), «Испанки на бое быков» (Л. Щуко, З. Брод, А. Порет, Р. Зеленая)²⁶ и т. д.

Когда смотришь на эти фотографии и видишь брызжущие жизнелюбием, озорством, творческой энергией лица (чего стоит, например, фотография Ю. Щуко с огромной бутылкой водки, сверху надпись – напутствие пятилетней Гули: «Папа – не пей водки!»), в сознании невольно возникает «задник» эпохи. У многих участников этого буйного «пира» кто-то из близких в это время был арестован, осужден на «десять лет без права переписки», расстрелян, жены отправлены в ссылку, дети – в детдома.

Подруга Лидии Николаевны М. Ю. Конисская (Маляша) впоследствии вспоминала: «Шел 1937 год. Только при нашей потрясающей беспечности мы не думали о последствиях такой жизни. И развязка наступила. В то время как Слава (Б. Малаховский. – *М. П.*) с семьей отдыхал в деревне, к нему в квартиру нагрянули с обыском. В доме ничего не нашли. Славу схватили в деревне. Больше мы его никогда не видели. Вскоре он был расстрелян. Об этом узнал Толстой, который отказался за него вступиться. “Ты же хорошо знаешь Славу”, – говорили ему. – “Мало ли с кем я в одну ямку писал”, – отвечал он. Мусеньку выслали. Детей взяли к себе и впоследствии усыновили Ирина Валентиновна и ее муж, Натан Альтман. Как будто смерч пронесся над этой счастливой, веселой и красивой семьей. <...> В 1948 году, когда Муся жила под Москвой, ее схватили, а через две недели она умерла, о чем сообщили из

²⁵ Полякова А. Л. Минувшее проходит предо мною... С. 15–16. В домашнем архиве Е. Г. Щуко сохранилась фотография этого спектакля.

²⁶ Фотографии хранятся: РО ИРЛИ, ф. 922; об участниках постановок или «живых картин» см. примеч. к тексту воспоминаний.

Лефортовской тюрьмы только через два месяца. Можно догадываться, можно строить самые страшные предположения. И самые страшные могут быть правдой. Ей было сорок четыре года, и она была здорова».²⁷

Летом 1937 г. Щуко и Малаховские жили вместе в Пушкинских Горах (у Елизаветы Георгиевны сохранились фотографии: она, Катя и Валечка Малаховские безмятежно сидят на крыльце дома). Сотрудники НКВД забрали Бронислава Брониславовича прямо с дачи, он был расстрелян 27 авг. 1937 г. по обвинению в шпионаже – как «польский шпион» (его мать и брат Лев эмигрировали в 1918 г., его не выпустили). Однако родные об этом узнали лишь через годы.²⁸

Несмотря на принадлежность к сталинской архитектурной элите, «охранной» грамоты не имела и семья Щуко. Владимир Алексеевич и Георгий Владимирович по счастливой случайности избежали репрессий. По сведениям А. А. Великанова, «проектировщиков Дворца Советов по тайному указанию Сталина приказано было не трогать. Хотя все они были, как тогда говорили, из “попутчиков”. По словам Ю. П. Любимова, у Сталина был список лиц и учреждений, не подлежащих аресту».²⁹

На членов семей «охраняемых» лиц действие списков не распространялось. В 1938 г. был арестован Борис Владимирович – театральный художник, младший брат Г. В. Щуко (случившееся нанесло непоправимый удар здоровью отца, В. А. Щуко скончался 17 янв. 1939 г.). Волею судеб Борис оказался солагерником О. Мандельштама, работал с ним в одной бригаде на «Второй речке» под Владивостоком (место гибели поэта),³⁰ в 1940 г. был переведен в другой лагерь.

Вместе с Ольгой Владимировной Щуко Лидия Николаевна хлопотала об освобождении Бориса (тщетно); 26 мая 1940 г. она писала мужу: «Милый мой Юрочек. Пишу тебе в расстройстве чувств. Вчера мы с мамой твоей были в Н. К. В. Д. по делу Бориса и нам отказали наотрез. <...> Я очень расстроена, не говорю уж я про О. В., которая совсем растерялась. Я думаю, что это отказ по тому нашему заявлению, что мы посылали на Кузнецкий 24, а прокуратура к этому отношения не имеет, и там надо продолжать хлопоты, не говоря об отказе...» (архив Е. Г. Щуко).

Сестра Лидии Николаевны – Саша, Александра Николаевна Йоргенсен (урожд. Черносивитова; 1904–1941?) погибла в лагере или в тюрьме.³¹ Ее первый муж – журналист Мартин Йоргенсен, датчанин, «исчез» в середине 1930-х, в письме к мужу от 26 мая 1940 г. Лидия Николаевна сообщала: «...М<артина> выслали в Якутск на вольное житье без копейки денег и куска еды, на 3 года, из которых ему осталось 10 месяцев (так как он просидел 2 г<ода> 2 м<есяца>). Вот уже 2 мес<яца> как он уехал и от него нет никаких известий» (архив Е. Г. Щуко).

²⁷ *Копиская М.* Злые годы // Новый мир. 1992. № 6. С. 86.

²⁸ В 2015 г. на доме, в котором жил Б. Б. Малаховский (угол Малого проспекта П. С. и Ждановской набережной, дом № 1/3) был установлен мемориальный знак: «Последний адрес Б. Малаховского».

²⁹ *Великанов А.А.* Дворец Советов: создание невозможного. С. 67.

³⁰ См.: *Нерлер П. М.* Осип Мандельштам и его солагерники. М., 2015. С. 357.

³¹ См. о ней в тексте воспоминаний.

На письме Бориса Щуко из лагеря Княжпогост (Сыктывкар) от 15 мая 1942 г., в котором он отвечал на вопросы родных об исчезнувших – репрессированных друзьях и близких (Саше Черносивитовой, К. Струве, Рене О’Коннель и др.), Лидия Николаевна оставила горькую обобщающую ремарку: «!все вместе – там!» (архив Е. Г. Щуко). Она понимала, что «там!» мог оказаться любой из них, каждый.

После погромной статьи в «Правде» от 28 янв. 1936 г. «Сумбур вместо музыки», уничтожавшей Д. Шостаковича, с началом кампании против формализма все они чувствовали себя заложниками. Н. Альтман в это время практически навсегда оставил станковую живопись, со слов Б. Я. Фрезинского, к мольберту он приколот листок, на котором, «его красивым почерком были написаны строки из Микеланджело Буонароти:

Мне сладко спать, а пуще – камнем быть.
Когда кругом позор и преступленье:
Не чувствовать, не видеть – облегченье,
Умолкни ж, друг, к чему меня будить?».³²

Поколение Елизаветы Георгиевны росло в полном неведении о своих «корнях» – принципиальное условие выживания.

В самом начале 1990-х гг. Никодим Васильевич Гиппиус³³ рассказывал автору этих строк (М. М. Павловой), что имя З. Н. Гиппиус, равно как и Д. С. Мережковского, в их доме не упоминалось. Когда он повзрослел и стал задавать вопросы, то старшие уверенно ему отвечали, что это – совсем другие Гиппиусы, не имевшие к ним никакого отношения. Историкам литературы, однако, известно, что предки Гиппиусов носили другую фамилию: фон Гингст, она была изменена первым переселенцем этого немецкого рода в Россию, из чего следует, что все здешние Гиппиусы между собой – близкие или дальние родственники.

В 1994 г. Евгений Васильевич Черносивитов³⁴ писал Елизавете Георгиевне из Москвы: «О Вашем существовании я, конечно, не знал, хотя об Ольге Николаевне, так же, как и Евгении Александровне (Черносивитовой. – М. П.),³⁵ знал

³² *Фрезинский Борис*. Натан Альтман в Париже и в Питере // Невское время. 1995. 10 дек. № 302. С. 4.

³³ *Гиппиус Никодим Васильевич* (1918–1996) – актер кино, драматург, сценарист; его отец – поэт и переводчик, литературовед Василий Васильевич Гиппиус (1890–1942), в 1937–1942 гг. заведовал кафедрой русской литературы ЛГУ; дядя – поэт-символист Владимир Васильевич Гиппиус (псевд. Вл. Бестужев, Вл. Нефединский; 1876–1941), отец и дядя приходились троюродными братьями З. Н. Гиппиус.

³⁴ *Черносивитов Евгений Васильевич* (р. 1945) – доктор философских и медицинских наук, профессор, международный эксперт и член криминологического совета (Любек, Германия), а также католической Академии (Штутгарт, Германия), подробнее о нем см.: https://ru.wikipedia.org/wiki/Черносивитов_Евгений_Васильевич (дата обращения: 08.08.2018).

³⁵ *Черносивитова Евгения Александровна* (1903–1974) – племянница Н. Н. Черносивитова, переводчица, преподавательница иностранных языков; с начала 1910-х гг. вместе с родителями жила в Западной Европе, свободно владела основными европейскими языками; в 1926 г. была рекомендована Рильке в качестве секретаря; наиболее полные сведения о ней см. в кн.: Небесная арка: Марина Цветаева и Райнер Мария Рильке / изд. подгот. К. М. Азадовский. СПб.: Акрополь, 1992. С. 298.

с раннего детства (в библиотеке родителей были “запрещенные”, 50-х годов, издания Федора Сологуба, а именем последней я назван). Но всякие разговоры о родне моего отца в нашей семье, вплоть до его смерти – умер он в 1990 году <...> – были строжайше запрещены, ибо отец мой, Василий Петрович Черносвитов считал своих родных “врагами народа”, его отец, 5-ро детей и около 20 двоюродных дядей и свояков были расстреляны ЧК с 1919 по 1921 гг. Скучные сведения о родне отца я получал от своей бабушки – мамы моей мамы <...> От нее я и получил чудом сохранившиеся фотографии и письма родных моего отца, ибо с 11 лет он беспризорник». ³⁶

Вплоть до начала 1950-х гг. Елизавета Георгиевна почти ничего не знала о двоюродных бабках Александре и Анастасии Чеботаревских, не держала в руках книг Сологуба. Между тем в семье Щуко–Браудо хранились унаследованные от Ольги Николаевны вещи (среди них инспекторская шпага Сологуба), книги, альбомы с семейными фотографиями, документы, отдельные тома из сологубовского Собрания сочинений в 20 томах, выпущенного издательством «Сирин» (1913–1914) с дарительными автографами бабушке и Анастасии Николаевне. Лишь спустя годы Елизавета Георгиевна прочитала письма матери к дяде Борису, отправленные в ГУЛАГ, и его письма к ней из лагеря.

Сравнительно небольшой мемуарный очерк Е. Г. Щуко, записанный по отрывочным впечатлениям детства, без каких-либо развернутых характеристик и оценок происходившего, неожиданно воскрешает десятки замечательных имен и воссоздает атмосферу сталинского времени (по точному определению М. Ю. Конисской – «Злые годы»), в которое жила и выживала творческая элита.

Текст воспоминаний печатается по записи с голоса автора. Приношу глубокую благодарность Елизавете Георгиевне за помощь в работе и многолетнюю щедрую дружбу.

³⁶ Архив Е. Г. Щуко. В этом же письме Е. В. Черносвитов сообщал о своих генеалогических разысканиях: «(1) Кое-что о нашей фамилии, может быть, Вам не известно: 1) Черносвитовы – древнейшая фамилия в Европе, Цветаева была близка к толкованию ее происхождения, но не очень. Она на тысячи полторы лет древнее Рюриковичей. Первое реальное лицо из нашей фамилии <...> думный дьяк Василий Черносвитов, друг Василия III, знаменитый в свое время добрыми делами в Москве. 2) Черносвитовы не могут быть однофамильцами, ибо их крепостные не носили фамилию Черносвитов по причине сложности и другим, никто на эту фамилию не зарился, ибо цари через одного преследовали Черносвитовых» и т. д.

Е. Г. Щуко. Воспоминания о детстве, семье, близких

Родилась я в 1931 году в Ашхабаде, куда папу послали восстанавливать город после землетрясения,¹ к папе приехала мама, 5 февраля родилась я. И с папиной и с маминой стороны бабушки были Ольги, и меня хотели назвать в их честь. Но у моей тети Тани была дочь Ольга, которая умерла от скарлатины не так давно. Родители послали телеграмму Танечке с вопросом, можно ли меня назвать Ольгой. А в Ашхабаде торопили регистрировать ребенка, папа с мамой ждали телеграммы, но все сроки вышли. Они долго думали, перебирали имена и решили назвать Елизаветой, в честь дочери Петра Первого. Только зарегистрировали, а через три дня пришла телеграмма с разрешением. Родители кинулись в ЗАГС, стали просить переименовать, так как дождалась разрешения, а им ответили: «Нельзя, теперь уже до 16 лет будет Елизаветой, а там, как сама решит». А поскольку был уже апрель, то в свидетельстве о рождении ошиблись датой, записали: 5 апреля.² Все меня стали звать Гулей, потому что в Ашхабаде к имени мальчика и девочки всегда добавляют слово «гуль», что по-туркменски «цветок», так меня всю жизнь и зовут все Гулей.

Через три месяца после моего рождения мы с мамой вернулись в Ленинград к бабушке и дедушке Черносвитовым.

Мой дед со стороны матери – Николай Николаевич Черносвитов родился в Туле в 1870 году. Его мать – Александра Ивановна Черносвитова (урожд. Пушкина, какая-то родня поэта).³ Дед окончил тульскую гимназию и в том же году поступил в Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Университет он закончил с дипломом первой степени – кандидатом. За время учебы его дважды высылали из Москвы за участие в студенческих беспорядках, первый раз на год в 1894–1895 учебном году, второй раз в 1896-м, уже по окончании университета, по случаю коронации. Последняя высылка повлекла за собой полное изменение его дальнейшей научной судьбы.

Он уехал во Францию, в Париже начал работать в Коллеж де Франс в лаборатории профессора Шютценбергера,⁴ затем увлекся электротехникой, которой и посвятил всю жизнь. В мае 1907 года он был избран преподавателем электротехнического факультета Политехнического института в Петербурге.

В Париже у деда образовалась семья, он женился на Ольге Николаевне Чеботаревской.⁵ Во Франции у них родились дочери: в 1896 году Александра – тетя Саша, в 1898-м Татьяна – тетя Таня, в 1907-м Лидия – моя мама⁶ (она тоже родилась в Париже, куда Черносвитовы наезжали уже из Петербурга). Когда во время войны мы приехали в эвакуацию в Пермь, милиционер сказал маме: «А вот возьму и не буду тебя прописывать, зачем ты в Париже родилась?». Мама очень завидовала папе, потому что он родился в Риме,⁷ а в паспорте у него стояло Третье Парголово.⁸

Осенью 1908 года вся семья перебралась из имения Черносвитовых Щучье,⁹ где обычно проводила лето, в Петербург и обосновалась в Лесном. В нашем семейном альбоме есть фотография деда и бабушки, когда они были еще молодыми. В Щучье приезжали Смидовичи, семья дедушкиной сестры

Софьи Николаевны. Первым браком она была замужем за Платоном Луначарским – братом Луначарского, вторым за Петром Смидовичем, троюродным братом Вересаева.¹⁰ Из дедушкиных родственников примечательна Евгения Черносвитова, его двоюродная племянница, она жила в Женеве, какое-то время работала секретарем Рильке,¹¹ но я ее никогда не видела.

В середине 1990-х вместе с троюродным братом Евгением Черносвитовым и его женой мы побывали в Щучьем, ехали из Москвы на машине. После революции усадьба была экспроприрована, дом отдан под интернат для инвалидов и одиноких стариков. Когда мы подъехали к усадьбе, к нам выбежали люди и стали спрашивать, кто мы такие и зачем приехали. А когда услышали фамилию «Черносвитовы», одна сильно пожилая женщина спросила: «А вы не из Смидовичей? из белых или черных?» (что, вероятно, значило: из Смидовичей, они были блондинами, или Черносвитовых); потом сказала, что в детстве играла с детьми хозяев. Она повела нас в дом; ремонта там, очевидно, не было с того времени, как его оставили хозяева, обстановка была соответственная, на лавках лежали больные и старики. Мы спросили про церковь, которая стояла в усадьбе Черносвитовых. Женщина рассказала, что кузнец с другого берега Осетра разобрал церковь и перевез к себе на другой берег. А наш фамильный склеп использовали для хранения овощей. Когда в 1918-м его разорвали, то вынесли много надгробных украшений (склеп был двухсотлетний).

Потом мы поехали на кладбище, искали могилы, нашли плиту с фамилией Черносвитовы.

Бабушка Оля, мамина мама, росла в большой семье. Ее отец Николай Николаевич Чеботаревский¹² был родом из Курска, адвокат, умер в 1897 году, мать Анастасия Николаевна страдала душевной болезнью, она покончила с собой в 28 лет, оставив шестерых детей. Владимир (умер в 1950-е годы, его семью я хорошо знала), Александра (переводчица; покончила с собой в Москве в 1925 году), Николай (в 1914 году – подполковник, после 1917-го – в войсках Деникина, эмигрировал), Анастасия (1876–1921, переводчица, жена писателя Федора Сологуба, покончила с собой),¹³ Татьяна (1876–1968, детский врач).

Вскоре после гибели жены прадед получил перевод в Москву, там он женился на Александре Эдуардовне Вивьен¹⁴ (у нее была дочь Наташа, от первого брака). От второго брака у деда родились дети: Владимир, Константин, Лев, Михаил (был казнен в 1907), Евгения (1885–1965, всю жизнь работала в музее Льва Толстого в Хамовниках)¹⁵ и Саша (1889–1970, был художником, работал там же в Хамовниках в Толстовском музее, помогал оформлять павильоны Всесоюзной выставки; я у него останавливалась, когда приезжала в Москву).

Из всех Черносвитовых самой красивой была моя мама, она сильно походила на свою бабушку по отцу Александру Ивановну (Пушкину). За ней многие ухлестывали. Училась она в Академии художеств (тогда ВХУТЕИНе – Высшем художественно-техническом институте),¹⁶ занималась книжной графикой. Сначала ее заметил и был ею очарован старший Щуко, мой дед, видимо, он и познакомил ее с сыном, который учился там же на архитектурном отделении

в его мастерской. Мама, конечно же, предпочла папу. Они поженились в июле 1927 года.

Тетя Саша начала учиться в Париже. О ней я мало знаю. Мы жили вместе с Танечкой (тетей Таней) на Ждановке, а Саша жила отдельно и приходила к нам. Она была замужем за датчанином Мартином, после того как он «исчез», она приходила к нам, уже на улицу Герцена, с журналистом Мазингом,¹⁷ потом с Гейченкой,¹⁸ директором музея в Пушкинских горах. Сашу арестовали в июле 1941 года. Незадолго до начала войны мы переселились в ее квартиру в Мучном переулке, она уже переехала на Гороховую, где ее и арестовали. Мы ничего не знали о причине ареста и ее дальнейшей судьбе. О гибели тети Саши я узнала не так давно благодаря родственнику Евгению Васильевичу Черносвитову, вот что он сообщил мне: «Разыскал Вашу тетю, Александру Николаевну Йоргенсен-Черносвитову. Больше того, по моей просьбе ее реабилитировали 30.05.1995 года. Я имею справку о реабилитации. Ее арестовывали два раза. Первый раз в 1920 году. Спас ее Петр Гермогенович Смилович, взяв на поруки. Он был тогда членом РЦИК. Много ей помогала, в том числе в Германии, и Софья Николаевна Черносвитова-Смилович, ее тетя. Второй раз ее арестовали 31 июля 1941 года и приговорили к 10 годам лагерей. Расстреляли, но когда – точно не известно. По одним данным в том же 1941 году. По другим – в 1945».¹⁹

Тетя Таня после смерти дочери Оли (она умерла в 1924 году) рассталась с мужем Сережей. Они жили тогда под Ленинградом, работали на ферме, нам привозили картошку и овощи. Дочь была с ними. Там она заразилась scarlatinной, поскольку спала в кроватке ребенка, который был болен и умер. Таня не могла простить мужу, что он не принял меры предосторожности, не дезинфицировал постель. Оля умерла в семь лет, больше у тети Тани детей не было. Девочку привезли в Ленинград на Ждановку, я помню фотографию: Оля лежит на диване, вся окруженная игрушками и цветами. Фотография эта исчезла, может быть, Танечка сама ее уничтожила, о дочери она никогда не говорила. Тетя Таня всю жизнь работала хирургом в больнице Эрисмана,²⁰ во второй хирургии. Ей довелось пройти три войны: сначала она служила в военном госпитале в Польше – в Белостоке в 1939 году, в Великую Отечественную войну – на Карельском фронте, во время Японской войны – на Дальнем Востоке. С фронта Танечка вернулась к нам на Мучной и продолжала работать в больнице Эрисмана. Когда она вышла на пенсию, то решила, что ей нужна меньшая квартира, она переехала на улицу Мира, где и жила до самой смерти. У нее были хорошие фронтовые друзья, хирурги, они часто приходили к нам.

После смерти дедушки бабушка переехала на Мучной (д. 1).²¹ Во время блокады у нее жила Евгения Кийко,²² работавшая в Пушкинском Доме, помогала ей. Зимой 1942 года бабушка собиралась ехать к нам в Молотов, однако за первую блокадную зиму она очень ослабла. Тогда хирург Петя Кустов, ученик Танечки, работавший в больнице Эрисмана, забрал ее в клинику подлечить. Клиника почти не отапливалась, бабушка простудилась, заболела воспалением легких и в конце января скончалась. Петя Кустов добился (за свой паек) отдельного участка на Серафимовском кладбище,²³ где в отдельной могиле

похоронили бабушку, теперь это наш участок, где лежат Танечка Черносвитова, И. А. Браудо и моя мама.

Во время войны к бабушке приходила дочь Иванова-Разумника Ирина.²⁴ После смерти Ольги Николаевны она помогла Кийко перевезти на санках ящик с архивом Сологуба и книгами с автографами Сологуба, Блока и др. в Пушкинский Дом.²⁵ Архив принял хранитель Мануйлов.²⁶

Потом Е. Кийко уехала в эвакуацию в Среднюю Азию, Ирина осталась в городе, позже ее арестовали, после ухода Иванова-Разумника с немцами...²⁷ Кийко вернулась в Ленинград в конце 40-х, получила с военными посылку от Тани, писала ей. Она вела переписку с московским архивом о передаче архива Ф. Сологуба, но те отказались принять его.²⁸

В 1946 году к нам в квартиру на Мучном пришла Ольга, бывшая прислуга Сологуба – очень крупная женщина, немного согбенная, с крупными чертами лица. Вместе с мужем Никифором она служила у Сологуба и Анастасии Николаевны. После войны она разыскала маму, бывала у нас, иногда сидела с маленькой Настей. Помню, когда у мамы болели зубы, Ольга говорила: «Лидя Николаевна, да своем пипи, поможет!».

В детстве я любила подслушивать разговоры взрослых, естественно, не все понимала, но какие-то фразы оставались в памяти. Так я запомнила имя Браудо и записала со ошибками на своей грифельной доске, и многое другое, иногда бессвязное или отрывочное. О Сологубе при мне никогда не говорили. О Сологубе я узнала уже в юности, прочитав «Мелкого беса» и побывав на могиле деда на Смоленском кладбище. Мой дед Николай Николаевич Черносвитов похоронен в одной ограде с Сологубом и его женой Анастасией Чеботаревской – моей двоюродной бабкой. Я стала выписывать в тетрадь все, что читала о Сологубе. Уже после смерти мамы я нашла записанные ею со слов Танечки воспоминания о 23 сентября 1921 года, я передала их в Пушкинский Дом.²⁹ Оказывается, по просьбе бабушки, которая работала и не могла быть рядом с сестрой во время ее болезни, мама иногда дежурила у тети Насти, она провела с нею и часть того рокового дня, о котором сделана запись. Только в середине 1990-х годов, когда более или менее регулярно стали появляться публикации из архива Сологуба, я смогла познакомиться с семейными документами, перепиской родных (бабушки и ее сестер), хранящимися в Пушкинском Доме.³⁰ Весь архив Сологуба бабушка передала в Рукописный отдел.

Фамилия моих предков со стороны отца польско-литовского происхождения, род Щуко возводят к Станиславу Антонию Щуке,³¹ принимавшему участие в работе Великого посольства Петра I. В нашем доме об этом вельможном родстве никогда не говорили, а возможно, и не знали.

Мой папа Юрий Владимирович Щуко родился в 1905 году в Риме во время пенсионерской поездки деда по Италии для изучения архитектуры Возрождения. Его отец Владимир Алексеевич Щуко родился в Берлине 5 июля 1878 года в семье отставного военного. В 1904 году дед окончил Академию художеств, а в 1911 году получил звание академика архитектуры. Мать деда, моя прабабка, Берта Бернардовна Антонович, родилась в Кракове в 1846 году,

умерла в Москве в 1942 году. Я ее видела в первый и в последний раз в 1941 году в Москве, когда жила у отца.

Бабка по отцу – Ольга Владимировна Щуко, урожденная Николая (1879–1945), была дочерью архитектора Владимира Владимировича Николая (1851–1901), француза по происхождению. В Санкт-Петербурге им построено здание Консерватории на месте Большого каменного театра, здание строилось пять лет (1891–1896). Ее мать Агнесса фон Кершен (1852–1921) была голландкой.

У Ольги Владимировны в браке с дедушкой родилось пятеро детей: Юрий (мой отец), Борис, Наталья, Андрей, Марина.³² Она растила детей и вела хозяйство. Семья Щуко жила на Каменноостровском проспекте, дом № 13, угол улицы Мира. Там у деда была мастерская, в которой создавались проекты и театральные эскизы. Сюда приходили режиссеры, музыканты, актеры, архитекторы, художники и ученики Щуко, которых опекала и всегда кормила Ольга Владимировна. В 1934 году дед переехал в Москву, оставив семью в Ленинграде. Когда я была маленькая, до войны, меня часто водили на Каменноостровский проспект, где я и мои двоюродные сестра и братья любили играть в мастерской, там стояли длинные резные лари, резные стулья и всякая интересная всячина. Среди этого художественного скарба мы скакали, бесились, играли в прятки. Во время войны семейство Щуко выехало в эвакуацию, а в их квартиру в конце войны поселили семью военного, которая жила и после войны, когда вернулись наши.

В 1931 году из Ашхабада мы с мамой приехали к бабушке и дедушке на Ждановку. Они жили в доме на набережной, на углу Малого проспекта дом (3/1). Вход был с Малого, со двора – черный, через кухню, парадный был закрыт. Вместе с ними жили старшие сестры мамы – Танечка и Саша с мужем Мартином (он был датчанин, работал, кажется, журналистом, в 1930-е годы его арестовали, и с тех пор никто о нем ничего не слышал).

Квартира была на 5-м этаже, большая, анфилада комнат шла до углового эркера, коридор упирался в кухню, окно которой выходило на Малый проспект, отсюда был черный ход на лестницу. В комнате с эркером была столовая, стоял большой стол, пианино, в ближайшей комнате к эркеру жила Саша, в следующей – мои родители и я, затем Танечкина комната с балконом, ее шкаф теперь стоит у меня с книгами по искусству. За Танечиной комнатой жил Петя Баженов, друг нашей семьи из Тулы, товарищ мамы по юношеским годам.³³ Где располагалась комната бабушки и дедушки, не помню. За эркером была кухня, где жила подселенка Нюша, которая все время скандалила.

Бабушка руководила хозяйством, давала указания домработнице, что купить. Обедали все вместе, кто был дома, за большим столом в гостиной. Где работала бабушка, я не знаю, в каком-то «Центросоюзе». В 1920 году она писала сестре Тане Чеботаревской в Москву, что многих у них посадили, что оба управляющих и оба помощника управляющих, главный бухгалтер, ответственный кассир и еще кое-кто со складов сидят на Гороховой и Шпалерной. Но в каком учреждении она служила – не знаю.

Из этого времени мне запомнилось, как дедушка учил меня играть в карты, играли в бесконечную пьяницу и в дурака. У нас был домашний детский кружок, к нам регулярно, по каким-то дням приходили дети Павлицкие заниматься музыкой, танцами (Павлицкий – друг дедушки пожизненный, но кем он был и чем занимался – не знаю).³⁴ Еще меня водили через Тучков мост в немецкую группу.

Очень рано я начала танцевать. Между 4 и 5-ю годами меня повели на «Спящую красавицу» в Мариинский театр.³⁵ Когда на сцене появилась фея Карабос, я встала спиной к сцене и сказала: «Позовите меня, когда она уйдет». Испугалась – она срывала лакею волосы за то, что он не включил ее в список приглашенных на рождение Авроры. А дома я рассказывала всем о балете и танцевала в эркере. Все мои детские тетради разрисованы балеринами.

На Ждановке в квартире под нами на 4-м этаже жили Малаховские: Бронислав Брониславович, художник-карикатурист, его жена Мария Валентиновна, мать Марии Валентиновны и двое детей, старшая Катя и младший Валечка (хотя он по паспорту Дмитрий, и все его звали Димой, когда мы учились в университете).³⁶

С Вале́й я знакома со дня его появления дома. Его принесли из роддома, мне дали конфету, я ее откусила и кусок сунула ему в рот. Мне было полтора года. Валечку спасли, конечно. Потом мы всегда жили с ними вместе на дачах – и в Разливе, и в Песочной, и в Пушкинских горах – эта была наша последняя общая дача – в 1937 году, оттуда Славу Малаховского и забрали (арестовали). Кстати, Катя Малаховская была Умной Машей³⁷ – с нее Слава писал эту девочку, а Валечка – прообразом Буратино в «Золотом ключике» Ал. Толстого, эту книгу иллюстрировал Слава,³⁸ а с Кати рисовал Мальвину.

Малаховские–Щеголевы–Альтманы были самыми близкими друзьями нашей семьи. Малаховский был женат на Марии Тернавцевой (все ее звали Мусей), ее сестра Ирина сначала была женой историка Павла Щеголева,³⁹ позднее стала женой художника Н. Альтмана.

В 1937 году Малаховского расстреляли, Муся вместе с маленьким Валечкой была сослана, а Катя осталась с Ириной и Натаном, она училась в хореографическом училище Мариинского театра. Ирина пыталась выяснить судьбу Славы, хлопотала, чтобы Муся была освобождена от ссылки. Впоследствии, когда Муси не стало, они с Натаном усыновили Валю и Катю. Во время войны Муся с Вале́й находились в городе Оса в Предуралье. Ирина переписывалась с сестрой из Молотова, бесконечно собирала для них посылки, просила в письмах всех их друзей, эвакуированных в разные города, доставать необходимые вещи для Муси, Вали и мамы, которая была с ними (позднее Мария Адамовна⁴⁰ умерла в Молотове, там и похоронена). После войны Муся жила в Москве, по-моему, нелегально, была арестована и умерла в тюрьме. Валя жил у Ирины, Катя вышла замуж за Коллю Томашевского.⁴¹

В четыре года меня крестили Ольгой. Мама записала, что это было 18 августа 1935 года на станции Песочная по финляндской железной дороге. Там же с нами жили тетя Наташа Щуко, папина сестра, с новорожденной дочкой Ириной. Нас обеих крестили тайно, батюшка пришел на дом, посредине

комнаты на табуретке стоял таз с водой, Ирину в таз погружали, а я ходила вокруг со свечкой в рубашечке. Как мама писала папе в письме, я была очень серьезная и трогательная. Когда все закончилось, я сказала батюшке: ауфдерзейн. Он очень развеселился. 24 июля из Песочной мы ехали к бабушке на Ольгин день и по дороге я приглашала всех встречающих «плиходите к нам на челничный пилог к бабушке».

Другой год мы летом жили в Разливе, дача была огромная, как большое гнездо, народу много. Я обожала девочку Софочку, она была очень красивая, особенно глаза – большие, черные. Взрослые рассказывали, что однажды я устроила переполох: повалила Софочку на спину, она стала кричать. Взрослые прибежали и отняли меня от Софочки. Мама спросила: «Гуля, что ты делаешь?». Я ответила: «Глазки выковыливаю!».

Летом 1936 года меня отправили в Евпаторию лечить больные уши, простуженные еще при рождении в Ашхабаде. Со мной были обе мои бабушки Оли. Мы жили в частном доме. Однажды мимо нас шли цыганки. Баба Оля (Щуко, Николая) стояла во дворе, и цыганка в нее вцепилась. Баба Оля была глуховата и не от мира сего – наивная, чистосердечная. Цыганка ее заговорила, она сняла обручальное кольцо и отдала цыганке. Бабушка Оля Чернозитова увидела, побежала за цыганкой и отобрала у нее кольцо.

Когда мы жили на Ждановке и на улице Герцена, наша квартира всегда кишела разными людьми. К дедушке приходил его постоянный друг Павлицкий, к Танечке подруги и коллеги-доктора, к Саше ее подруга цыганка, певица Женя Шишкина,⁴² а к маме – Алиса Порет, она тогда жила в Ленинграде. Обычно все же уходила мама, а меня оставляли с нянькой. Как-то мама вернулась домой и застала меня вместе с нянькой в своей постели, причем нянька лежала в валенках.

Нянька водила меня через Тучков мост на Васильевский остров в немецкую группу, в дом на углу Кадетской линии и Невы. Группа была очень известная. В одной квартире жили три сестры-немки, и к ним приводили на занятия детей разного возраста, самую младшую группу вела Агата Юльевна, она занималась со мной и маленькими детьми, две других сестры имели свои группы, Вильгельмина Юльевна занималась с детьми постарше, а самые взрослые ходили к старшей сестре Елене Юльевне. Со мной случилась драматическая история, однажды мы опоздали на урок, нянька пожаловалась, что я капризничала, брыкалась и не хотела одеваться. Тогда меня наказали: заставили при всех снять ботинки и всю одежду и снова надеть на себя без помощи. Я впервые испытала чувство унижения, мне было тогда четыре года. А ритмикой занимались у нас на квартире, так как на Ждановской была большая гостиная. Туда к нам приводили детей, Анечку Полякову,⁴³ дочь известного архитектора, детей Павлицких и других.

Гулять меня водили в садик у Князь-Владимирского собора, он и по сей день на месте, только теперь огорожен. Помню, как ели ягоды с кустов барбариса. Когда мы играли в классики или скакали через скакалку, то няньки сидели в ряд вдоль здания школы на приступочке вдоль собора. В церковь меня не водили, бабушка и дедушка были атеистами. Из всей семьи только

мама была верующая, вместе с Мусей Малаховской они ходили на все-нощные, потом в письмах к папе мама восторженно рассказывала об этих посещениях. Мама пыталась водить меня в церковь в Пушкинских Горах, но я вела себя неприлично, громко говорила, показывала пальцем, и нас попросили уйти из церкви. Мама ругала меня, говорила, что вот, рядом стоит мальчик (сын какого-то художника, имени не помню) и ведет себя хорошо, а ты плохо.

В 1938 году мой дед Черносивтов умер, и мы всей семьей переехали на Большую Морскую (тогда улица Герцена) в дом 26. Квартира здесь была гораздо меньше, окна выходили во двор. Переехали в прежнем составе, кроме Саши, она жила на Мучном, никакого Мартина уже не было. Потом появился Борис Мазинг, литературный критик или журналист, и он тоже был арестован, тете Саше не везло. Саша приходила к нам в гости вместе с Борисом и собакой Шариком, Шарик ложился под диван, и когда кто-нибудь спрашивал: «А где наш Шарик?», он тявкал в ответ. На Большую Морскую ко мне ходила немка Мария Христиановна, я уже говорила по-немецки и даже читала готический шрифт. Помню, что в начале мая мы с мамой собрались навестить бабу Олю и кузенов. Было уже тепло, и я хотела идти без пальто и чулок. Но мама настояла, чтобы я оделась. Пошли пешком мимо Летнего сада в сторону Кировского моста. У садовой решетки встретили нашу знакомую с сынишкой в коляске. Пока мама разговаривала, я решила перебежать к Неве на каменную скамейку и тут же угодила под машину. Шофер успел притормозить, я зацепилась пальто за капот, и меня проволокло по асфальту. В это время мама с ужасным лицом ринулась в мою сторону и чуть не угодила под встречную машину. Очнулась я на скамейке, мама была рядом. Собралась толпа, какой-то дядька в кожанке зверски кричал на маму. На ноге у меня была рваная рана, ушибы, кровь. Нас повезли в больницу Эрисмана, к Танечке. Домой я вернулась с забинтованными ногами. Подружки со двора приходили смотреть на меня.

В 1939 году у нас появился патефон, под который я танцевала. Привезла его Танечка с Польской войны, и мы часто слушали пластинки.

Во время Финской войны мы жили на Большой Морской, и нас в обязательном порядке спускали в убежище, там я увидела фильм про иприт, газы и раны. Мама возмущалась, что детей водили смотреть ужасы. Дома мы сидели с зашторенными окнами, свет можно было зажигать только синий, вкручивали специальные синие лампочки. Я даже сочинила стихи про синий свет, бабушка их записала и поставила дату: Март 1938 года.

Тревога началась,
Зажгли мы свой огонь.
Он синий, он синий,
Хорошенький огонь!
В рельсу на дворе забили,
Газные бомбы летят,
Летали по небу аэропланы,

По улицам ходить – никому!
Свет погас. Синий свет зажегся,
Свеча загорела,
Огонь ее желтенький, желтенький,
Шторы затянули,
Свет везде погас.
Светик синий, синенький,
Он горит один!
Звезды встали на небе,
Надо спать идти!
Не могу я спатеньки.
Интересно мне
Посмотреть в окошечко
В темноту везде.

Мама писала папе в Москву, что очень тревожно и страшно ходить по улицам, поговаривали, что убивают и грабят, еще она писала, что ей хочется в Москву, где светло и тепло.

Стихи я начала сочинять очень рано. Вот пример моего творчества в 4-летнем возрасте.

Мой милай товарищ,
Мой летчик,
Хачу я с тобой поглядеть,
Как месяц по небу качует,
Как по лесу бродит медведь.
Давно мне наскучило дома,
Абегал я поле и сат,
Мне небо еще незнакома,
Какой в нем парядак и лад.
И вот мы под небом весолым
Все будем литет и летет.
Возьми меня летчик собою,
Не будешь об етом жилет.

Бабушка записывала все мои стихи и рассказы в специальную тетрадь и даже кое-что посылала в «Чиж». У меня есть два письма из «Чижа»,⁴⁴ там я зовусь Олей, потому что все мое детство меня звали Оля (и Гуля). Я бережно храню эти детские документы, они – знак времени, так же, как письма мамы к отцу 1930-х годов, в которых запечатлелся наш семейный быт, повседневная жизнь и вся неповторимая и тревожная атмосфера тех лет.

Полжизни мои родители провели в переписке, потому что папа был все время в Москве, а мы с мамой в Ленинграде. Сейчас я порой перечитываю эти пожелтевшие странички, исписанные круглым маминым почерком, многие из них рассказывают обо мне, воскрешают лица давно ушедших родных и близких. Одно из писем написано гекзаметром, в канун новогодней елки, уже на Мучном, куда мы переехали в самом конце 1938 года (письма гекзаметром мама писала и подругам).

Милый мой муж, властелин мой усатый и нежно любимый!
Шлю я тебе поцелуй, пребывая к тебе благосклонна.
Письма твои получив, телеграммой я очень довольна;
Бедная бабка жива и возможно отдышится вовсе,
Фринка вернулась домой и, довольная, с места не сходит,
Рано встаешь по утрам и былую лень презирая
Вовремя ходишь на службу, упрек получить не рискуя.
Жили б и мы ничего, но от холода страждем гораздо.
Транспорт опять подкачал и топлива нет в Ленинграде,
Жакт не дает нам талонов для дров, спекулянтов найти мы не можем,
Мерзнем и дрогнем в квартире, различным тряпьем укрываясь.
Завтра для Гули назначена детская елка,
Чем мы натопим квартиру, на чем испечем пироги,
Прямо придется пилить нам диваны и прочую стильную мебель,
Чем огорчится зело строгая наша хозяйка.
Что же тебе написать о себе, дорогой мой Юрочек.
Часто я дома сижу, выезжаю с Гуленой на елки,
Были мы в клинике с ней, просветились рентгеном изрядно,
Можем утешить тебя, что здоровье не так уже плохо,
Железы Гулькины лучше, плеврит мой все так же на месте.
Вижу друзей ленинградских – прелестных, приветливых, милых,
Дважды была в Филармоньи, Гарлина видела дважды.
Третьего дня заходил к нам известный и модный художник,
Радловым всеми зовется, привет от тебя передал.
Менее светский Осмеркин звонил мне вчера и сегодня,
В любви признавался и зубы вставить себе обещал.
С Левкой беззубым и Струве устроили мы у Алисы премилую съемку,
Лев нас в восторг приводил, мимикой всех потрясая.
Были с Кириллом в шашлычной, дышала я духом кабацким,
Прежде столь мило-привычным, а ныне забытым давно.
По сердцу пришелся шашлык мне по-карски, студеною водкой запитый,
Слегка отогрелся в чаду замерзший весь мой организм.
Грибанов и Миша позвали меня во дворец пионеров,
Долго писать обо всем, лично ужю расскажу.
Хочется очень в Москву, о тебе я соскучилась очень,
Стыдно мне денег просить, без оных прожить обещав.
Так я и вижу чело и в гневе нахмурены брови,
«Денег сказал я не будет, ты просишь – их нет у меня».
Милый мой ангел Юрочек, пришли мне в последний разочек,
Робко к стопам припадая, волосы рву на себе.
Марья Георгиевна <так!> шьет, и долги, и опять же наряды и елка,
Выручи, милый Юрок, без тебя пропаду ни за грош.
Нежно целую тебя и с трепетом жду, что ответишь;
Верность прошу сохранить, если можно тебе удержаться (от блуда),
Если можно, не очень сердись, за транжирство меня презирая.
Фрину целую, Матрене привет, все ли в доме исправно,
Нет ли блядей, посторонних, клопов не развел ли Нератов.
Нератову нежный привет, как и прочим друзьям на Можайке,
Супругу его ожидаю, сегодня прийти обещала.

Как Мухаринский-блядун, поцелуй его в лысину крепко,
Вижу сестрицу его и семью навестить собираюсь.
Душка Сандро Соколов пригласил меня ныне в Госдраму,
На «Маскарад» мы идем, Юрьева будем глядеть.
Френки целуют тебя и Твелькмейеры и Беренштамы,
Нинка не хочет с усами тебя не кусать ни иметь.⁴⁵

Л. Щуко

А вот что мама писала отцу о новогоднем празднике в канун 1941 года.

«Ты можешь себе представить, какая суматоха у нас была. Мы всю мебель взгромодили в два этажа и более или менее расчистили место. И представь себе, что с нами было 40 человек, из них 13 детей. Дети были всех возрастов, начиная с дочки Рене⁴⁶ и кончая двухнедельным Маляшиным Павлушкой.⁴⁷ Были Щуко в составе: Ольга Владимировна, Наталья,⁴⁸ Андрей,⁴⁹ Лука,⁵⁰ Ирина и Федя,⁵¹ Маляша с мужем Федей и дитем, Лялины⁵² с двумя детьми, Свирский⁵³ с сыном (дочка заболела), Моика Фомина,⁵⁴ Людмилочка Давидович,⁵⁵ Марочка,⁵⁶ которая стала уже кобылица, Рене (мать самой взрослой девушки), бездетные Левинсоны,⁵⁷ Ирина, Катя,⁵⁸ Мария Адамовна,⁵⁹ Мария Георгиевна,⁶⁰ четыре доктора, соседняя девочка, Саша с Гейченкой, Хижинский,⁶¹ вообще столпотворение.

Вначале было очень красиво, елка стояла посредине, была очень хороша и дивно изукрашена. Я всем детям купила прелестные подарочки, а Ольга Владимировна сшила из марли Рембрандтовские воротнички, которые были страшно красивы, я их привезу. Все ходили, плясали, ёлка светилась, горела, вообще было чудно. Потом ель загасили и отодвинули в угол, и Катя с Гулей танцевали по очереди. Гуля украинский, Катя испанский, Гуля польку, Катя мазурку, а в конце вечера вдвоем русского, имели бешеный успех. Я их чудно одевала, заставили их повторять несколько раз. Милы они были необыкновенно. Потом были игрища, Свирский изображал Деда Мороза и читал стихи на всех детей. Потом были золотые ворота, с раздачей подарков. Потом карлики, которых доктора изображали, чай с пирогами, бутербродами и кренделем. Потом жадные взрослые ринулись к столу, им дали даже водки. Танька делала героические чудеса, в смысле хозяйства. Когда все разошлись, мы были обе без ног. А я от усталости не спала всю ночь. Все были очень довольны и даже в восторге, и, правда, было прелестно и очень красиво. Гуля чудно выглядела, была очень приветливая милая хозяйка, всех провожала, никакого кривлянья, никаких капризов или ссор. Рядом живет чудная девочка, с ней она много играет без ссор и глупостей».⁶²

Еще обо мне (25 апреля 1939 года): «У Гули болит ушко. Она мила, сегодня был урок музыки, ужасно трогательный. Я не могла наумилиться на эту дивную пару. Гулена с завязанными ушками и висящими косичками и ножками, и учительша с толстым задом, в очках. Гуля абсолютно тиха и прилежна, и понятлива во время урока. Учительница говорит с ней на “вы”. Мечтала бы, чтобы ты видел эту сцену». Прямо в письме мама нарисовала меня с завязанными ушами и толстенную учительницу, на эту картину невозможно смотреть без улыбки.

До 1939 года мама снимала дачи под Ленинградом. В Разливе – вместе с Малаховскими, и в Песочной вместе с тетей и маленькой Ириной Шуко, там же были папины двоюродные племянники. Потом были Пушкинские Горы совместно с Малаховскими, жили с ними у Фроси, там арестовали и увезли Славу Малаховского.

Однажды, кажется в 1938-м, мы отдыхали под Москвой в Кратово у Наташи Брюхоненко (подруги Маяковского).⁶³ Наташа была близка с мамой, как Алиса Порет, Ирина Щеголева (Альтман), Рина Зеленая и Лиля Брик. Это был один круг. Дочь Наташи – Светлану Киселевскую⁶⁴ (кто был ее отцом, никто точно не знал) звали Мослик, мы с ней все время играли, помню, кричали перед железной дорогой из-за забора: «Электричка, электричка, электричка эз Москвы» («э») выкрикивали с жирным ударением). Позднее, бывая в Москве, я часто останавливалась у Наташи Брюхоненко в горбатом Спасо-Глинищевском переулке, ее комната была на склоне. Мослик рано вышла замуж за Володю – Владимира Андреевича Успенского (позднее известный математик, еще более известен его младший брат Боба – выдающийся лингвист Борис Андреевич Успенский).⁶⁵ Успенские (родители) звали меня шутливо Шерц-Зайчик. Однажды в Грузии они гуляли по рынку и увидели надпись, где продавали шкурки: «Шерц-Зайчик». Им показалось это уморительно, и потом ко мне пристала эта кличка, даже в письмах они обращались ко мне: «Добрый день, Шерц-Зайчик».

Когда я окончила университет, родители отправили меня с моей подругой Дагмарой⁶⁶ в Сухуми. Мама послала с нами Наташу Брюхоненко, чтобы она над нами надзирала. Мы жили у хозяйки, у которой ежегодно останавливалась Танечка. А Наташа была при нас матроной. В эти годы она была крупная, статная, высокая, очень красивая. На пляж ходили пешком, мы с Дагмарой бежали впереди, а сзади величественно вышагивала в халате Наташа. В один прекрасный день, когда мы шествовали к морю, к Дагмаре привязался местный парень: «Дээвушка, как тебя зовут?» – «Мария». – «Марья, я тебя люблю!». Дагмара что-то залепетала в ответ, он: «Или будешь моей, или зарэжу!». Дошли мы до общего городского пляжа, он с нами на пляж, но потом сел рядом с милиционером и стал за нами следить. У нас созрел план: мы с Дагмарой плывем на соседний женский пляж (пляжи шли чередой: общий, мужской, женский), а Наташа несет наши вещи туда. Мужчин не пускали на женский пляж. Мы быстро уплыли, боясь обернуться, а Наташа принесла вещи. Так и спаслись.

Летом 1939-го года мы отдыхали в местечке Пушкино под Москвой, туда к родителям часто приезжали друзья (каждый раз я просила маму рассказывать всем про «Опасный поворот»,⁶⁷ который она видела в театре, мне это очень нравилось). Бывала у нас Лиля Брик с мужем. В 20-х числах июля она приехала поздно вечером, уже затемно, и рассказала об убийстве жены Мейерхольда (Зинаиды Райх).⁶⁸

В 1937 году Управление строительством Дворца Советов построило в Москве два дома на Второй Извозной улице в районе Дорогомилова, пред-

назначенных для работников, занятых на строительстве Дворца Советов. Отец получил трехкомнатную квартиру в доме № 26 по Второй Извозной улице, которая теперь называется Студенческой. В нашей парадной поселились еще несколько семей архитекторов, приехавших из Ленинграда. Это были семьи А. П. Великанова, Л. П. Полякова, А. Ф. Хрякова, З. О. Брод, Г. И. Селюгина, К. С. Бобровского⁶⁹ и др. Жили там очень дружно и весело. Взрослые в свободное время разыгрывали разные смешные сценки, мастерили необыкновенные наряды и шляпки из подручных материалов, особенно это любила моя мама. А. П. Великанов (у него единственного был фотоаппарат) делал снимки всех участников «постановок», которые в изобретательных нарядах изображали примечательные исторические события и сцены на литературные сюжеты.

Для детей и гостей на дни моего рождения, когда я бывала в Москве, устраивали спектакли, где главным заводилой был папа, тексты писала мама, а главными актерами были я, папа и Аня Полякова. Мы ставили «Золотой ключик», где я играла Буратино, Аня – Мальвину, а папа – Карабаса Барабаса. Потом ставили оперу «Красная шапочка», где я играла Красную шапочку, Аня – мою маму, папа – Волка, кто-то Бабушку (не то Зоя Брод не то Алиса Порет) и т. д.

Еще один эпизод довоенной жизни в Москве. Недалеко от нашего дома мама увидела вывеску «Обучение танцам и балету девочек и мальчиков», руководитель М. К. Нижинская.⁷⁰ Марина Казимировна была родственницей Вацлава Нижинского.⁷¹ Мама привела меня к ней, и я стала заниматься. Иногда мы танцевали в кинотеатрах перед началом фильма. Я танцевала с мальчиком украинский танец, мама сшила мне для этого танца плахту – украинскую юбку в клетку. Мы имели большой успех. Однажды мама пришла за мною, разговорилась с Мариной Казимировной и сказала, что скоро у меня день рождения. Старшие меня спросили, кого я приглашу в гости. Я выпалила: Ворошилова, Калинина, Молотова, Буденного. Все долго смеялись.

Когда мы жили в Москве, мама часто уезжала в Ленинград к бабушке, которая после смерти деда стала сдавать, чувствовала себя неважно, нуждалась в поддержке. Мама звала ее к нам в Москву, но та никак не могла собраться. Иногда мама подолгу не возвращалась из Ленинграда, она очень скучала по нам и часто писала папе, рассказывала о наших друзьях. Этих писем много. Вот письмо 12–13 мая 1940 года: «Милый мой Юрочек дорогой, пишу тебе второе письмо, от тебя еще пока ничего не видела. Все думаю о Вас и беспокоюсь, главное, как моя Гулевна-царевна произрастает. Участвует ли в деле воспитания Нератов?⁷² Не успели ли еще развести вшей. <...> Была в концерте, слушала симфонию Шостаковича, почему-то она не произвела на меня такого впечатления, как раньше. Еще была на репетиции Мравинского,⁷³ он в жилетке дирижировал симфонию Брукнера, останавливался, ругался, махал руками очень интересно, в зале сидело всего 3 человека: мать Мравинского,⁷⁴ я и Исайка, и музыка дивно звучала в пустом зале. Я была у Хижей⁷⁵ и у Алисы, пока больше нигде. Завтра еду на вернисаж Альтмановской выставки,⁷⁶ впечатление напишу. Очень скучаю по тебе и по Гуленке моей любезной. Крепко-крепко вас целую и люблю».⁷⁷

21 июня 1941 года я с бабушкой поехала на дачу в Парголово, мама отвезла нас на грузовике. Это место очень близко от Ленинграда. Из окна дачи был виден купол Исаакиевского собора и Адмиралтейская игла. Около дачи проходила Финляндская железная дорога. Местность здесь была чудесная. Дача стояла на горе и была окружена большими деревьями.

22 июня было воскресенье. Ко мне приехала моя учительница Мария Христиановна. День был прекрасный. На небе не было ни облачка, а солнце так светило, что больно смотреть. Около 4-х часов вечера я играла в мяч, а бабушка с моей немкой Марией Христиановной сидели на скамейке. На другой стороне дороги громко говорило радио. До нас донеслись обрывки чьей-то напряженной речи. Когда пришла хозяйка и включила радио, мы узнали из речи Молотова, что началась война. Я сразу заплакала, а Мария Христиановна стала собираться домой. Больше мы ее не видели, она умерла во время блокады. Через полчаса приехала мама, очень взволнованная. С ней приехал мой товарищ Шурик Михайловский,⁷⁸ мама уехала. Из Финляндии в Ленинград шли поезда, обвешанные людьми.

В ночь с 21-го на 22-е июня в хозяйской комнате, где мы спали, треснуло высокое старинное зеркало.

Вечером мы с Шуриком и подругой Асей играли в мяч и рассказывали смешные вещи и небывицы. Хозяин рыл ямы для столбов, чтобы повесить гамак. Картина была здесь очень мирная, а в это время по дороге ехали танки, броневики, пушки и грузовики, наполненные оружием и красноармейцами. Вдруг на горизонте показались три бомбардировщика, летевших со стороны Финляндии. Из Кронштадта начали стрелять пушки. После каждого выстрела в небе появлялось облачко, которое медленно рассеивалось. От Ленинграда отделилось несколько самолетов, в воздухе завязалась перестрелка. Откуда ни возьмись, между ними появился проворный истребитель. Внезапно один из снарядов попал в истребителя. Тут перед нами предстало изумительное зрелище. Истребитель загорелся, перевернулся в воздухе и стремительно начал падать вниз, как комета или горящий метеор, роняя куски крыльев, шасси, мотор и хвостовые части. Вражеские бомбардировщики мгновенно скрылись. Наблюдая за этим зрелищем, мы и не заметили, как они удрали.⁷⁹

На другой день мы уехали с дачи в Ленинград, и в тот же день в сопровождении матери архитектора Шуры Великанова меня отправили к папе в Москву. Так родители распорядились, потому что решили, что Ленинград, самый близкий к границе, станут бомбить в первую очередь. На самом деле почти сразу же начали бомбить Москву, и почти каждую ночь мы из нашего дома на Можайском проспекте ходили в подвал, который называли бомбоубежищем. Потом потребовали, чтобы папа отправил меня в эвакуацию, он перепугался и стал бомбить маму письмами и звонками, чтобы она приезжала, так как меня грозят отобрать. Мама была в ужасе: бабушка одна, Таня на фронте.

Каким-то образом другу нашей семьи Исае Браудо удалось посадить маму в тамбур на московский поезд. Они дружили. Я смутно помню Исая до войны, он приходил к нам на Ждановку, на Большую Морскую, всегда при-

носил что-то вкусное, полендвицу,⁸⁰ помогал нам покупать дрова, возил маму и Катю Малаховскую гулять на машине; мама бывала на его концертах. По словам Маляши (Марии Конисской), мама познакомились с Исайей у Алисы Порет, близкой маминной подруги.⁸¹

Мама приехала за мной в начале июля. Родители сняли дачу на станции Луговой под Москвой, мы жили там с семьей Шеломовых⁸² и Радловыми (вместе с Мапой – Лидией Николаевной Радловой и ее дочерью Лизой).⁸³ Каждую ночь стреляли зенитки... А папа и Шеломов каждый день ездили на работу.

Потом мы вернулись в Москву на Можайское шоссе, потому что папу и Шеломова по архитектурным делам отправили в Ульяновск (они оба были комиссованы, у папы был врожденный порок сердца). Спешно собрались и сели на пароход до Ульяновска.

В Ульяновске нас поместили жить в гостиницу, папа ходил на работу. В сентябре я пошла в 4-й класс, заняться до начала школы было нечем, я рисовала с натуры, гуляла вдоль Волги. Берег был высокий, 300 ступеней до вершины. По берегу я собирала чертовы пальцы – останки каких-то животных и относила их в музей. Однажды мама встретила пьяного мужика, который шел по берегу и говорил: «Всем дать по бутылке водки и буханке хлеба! А Советская власть, чтоб ей пропасть». Я часто ходила в театр, многое пересмотрела, помню пьесу «Парень из нашего города»,⁸⁴ она очень мне понравилась.

В это время мама и папа решили расстаться, мне об этом ничего не сказали. Помню, как мы уплывали из Ульяновска в Молотов. В Ульяновске на пристани стояли огромные толпы, все надеялись уехать, запомнилась женщина с грудным младенцем на руках и еще с малышом, она ходила и однообразно жаловалась: «В Ульяновске дорогое мясо...». У мамы был талант общения с людьми, знакомые и незнакомые сразу же откликались на ее просьбы, она легко находила дачи, нанимала няnek, немок и многое другое, с ней было спокойно. С последней навигацией мы уплыли в Пермь.

Начало зимы я не училась. В Перми на другой год пришлось снова поступать в четвертый класс. Папа оставался в Ульяновске, потом его перевели в Свердловск, где работало много московских архитекторов – из тех, кто не был призван в армию. Из учеников Щуко и Гельфрейха было организовано ополчение, вместо автоматов им давали лопаты и грабли, многие погибли.

С Урала папа вернулся в Москву в 1944 году.

Когда мы приплыли в Пермь, на пристани нас встречали Браудо и Катя Малаховская. Они отвезли нас к Альтманам. Какое-то время мы жили у них. Спали под столом, за которым работал Альтман. Однажды пришлось ночевать в гостинице в номере писателя Михаила Козакова.⁸⁵ Мама дружила с его женой Зоей (она была гречанка, поразительной красоты, сын пошел в нее). В это время Зоя находилось под арестом.⁸⁶ Во время обхода мы с мамой прятались в уборной.

Потом Шуня (так по-домашнему мы с мамой и друзья звали Исайю Александровича Браудо) нашел нам комнату на окраине города. Это был свежестроенный двухэтажный дом, где расположилось общежитие Пермского театра

оперы и балета. Наша комната предназначалась для ванной, которую не успели обустроить. Там стояла кровать, тумбочка и стул – это был весь наш скарб. Мы с мамой спали на кровати. Электричества у нас не было. Но мама привезла с собой воск, и мы катали свечи: вкладывали в воск нитку и катали на тумбочке. Воск снова собирали, растапливали и снова катали. У актеров был свет, а в ванной комнате не было, мамин воск пригодился очень.

Я ходила по дому, знакомилась с артистами, разговаривала с ними. Они остались без работы из-за артистов Мариинского театра, которые были эвакуированы в Молотов областной и вытеснили пермяков из их театра.

Шунечка работал в нотной библиотеке Мариинского театра, а Альтман – художником театра. Когда ставили балет «Гаяне» Хачатуряна, Альтман делал декорации и костюмы, и про него пустили эпитаграмму:

Говорят, что на Севане
Мало знают о Натане.
Но боюсь, что и Натан
Мало знает про Севан.⁸⁷

Зато благодаря Шунечке я могла ходить в театр и еще больше пристрастилась к балету, чем в Москве и Ленинграде. Здесь тогда были Уланова, Вечеслова, Балабина,⁸⁸ и я все время смотрела балеты. Бывали отчетные концерты Ленинградского Хореографического училища. Я влюбилась в Вечеслову.

Улица Островского, где мы жили, была страшно длинная, надо было проходить мимо городской тюрьмы, мимо кладбища, и уже за кладбищем, там, где кончалась улица, стоял наш одинокий дом, редкие фонари освещали улицу и днем и ночью. Там я написала свое «гениальное» стихотворение:

Тюрьма и кладбище – врата в нашу хату.
Горят фонари там с утра до заката,
И ветер прохожему веет в лицо,
Прохожий блуждает с крыльца на крыльцо.

Мы, конечно же, постоянно виделись с друзьями – с Альтманами прежде всего.

Помню, как встречали 1942 год. Под городом было поместье поэта-футуриста Василия Каменского.⁸⁹ Он пригласил Ирину Альтман на Новый год, она взяла с собой Катю Малаховскую и меня с мамой. Нас посадили на розвальни, закутали и повезли.

Приехали. Я запомнила, что над дверью была изображена птичка и вокруг надписи дугой: «Как птичка эта Влетайте в дом поэта».

Народу было очень много. Из детей кроме меня был младший сын Каменского, мой сверстник или чуть постарше.⁹⁰ Отец звал его «молодой боярин». Спали вповалку, что ели – не помню, были там четыре дня. Каменский послал нас с Боярином в лес за елкой, и мы вдвоем ее срубили и принесли.

Я очень много танцевала, а Василий аккомпанировал на баяне, сидя на полу.⁹¹ Он устал и ворчал: «Гуля, ты смотри, я весь пуп себе смозолил уже», а я все танцевала. Как ехали домой – не помню.

В конце концов Шунечка нашел нам с мамой комнату на Большевикской улице. На углу была одноэтажная школа, куда меня и определили. Когда заканчивались перемены, по улице ходил сторож и звонил в колокольчик. Очень часто мы писали письма на фронт, отчитывались, сколько собрали железного лома, что учим, как учимся и т. д. В почете было чистописание, и я даже подтянулась. Я писала папе, Танечке на фронт и бабушке, и, конечно, сочиняла.

Из моей тетради «Для сочинений стихов, рассказов и т. д. Ольги Щуко. Город Молотов. № 1».

Пионер помог фронту

Деревня была занята немцами. Часть населения эвакуировалась, часть ушла в леса в партизаны. В деревне осталось очень мало народу. На краю деревни в маленькой избушке жил старый глухой старик со своим двенадцатилетним внуком Андрюшей. Андрюша был круглый сирота, у него никого не было, кроме деда. Андрюша был свидетелем того, как немцы занимали деревню и издевались над безоружным населением. День и ночь мальчик думал о том, как бы ему помочь своим и навредить врагу. Он каждый день ходил в лес с корзиной, делая вид, что идет собирать ягоды, но на самом деле он искал встречи с партизанами. Наконец случай представился. Он встретил на опушке одного партизана. Тот начал его расспрашивать о том, что делается в деревне. Андрюша рассказал и спросил партизана, не может ли он им чем-нибудь помочь. Партизан ему сказал, что немцы ожидают большой транспорт с боеприпасами, и просил Андрюшу последить за этим, чтобы при первом слухе о транспорте сообщал им в лес.

Андрюша был в восторге. Теперь он уже не ходил в лес, а все время вертелся около сельсовета, где расположился немецкий штаб. Прыгая с ноги на ногу и напрягая память, он вспоминал школу, свой пятый класс, товарищей, уроки немецкого языка. Он вспоминал слова из этого языка и прислушивался к разговору солдат. Наконец он узнал, что транспорт ожидают на днях, и зорко следил, по какой дороге поедут встречать транспорт. Наконец его желание сбылось. Он помчался в лес к партизанам, сказал, и они начали собираться в путь. Андрюша стал просить их взять его с собой. Они сначала не хотели его брать, но потом согласились.

<На обороте:> Это было в Ленинграде. Шел дождь. Темные дома зияли дырами выбитых окон. На улицах никого не было. Кругом тишина. Вдруг послышался гул немецких самолетов. Раздался вой сирены. Из домов начали выходить люди: дети, старики, старухи. Они шли в бомбоубежище. На улицах опять тихо. Везде стоят посты. Самолеты приближаются. Они уже над городом. Послышались звуки взрывов и стрельба зенитной артиллерии. Несколько бомб попало в театр имени Кирова. На крышах стояли посты из юношей. Бомбежка была в разгаре. В это самое время на крыше появился мальчик. Он пробирался между труб, на нем краснел галстук, он был пионер. Быстрой походкой он подошел к первому посту и сказал: «Товарищ постовой, разрешите мне тоже ловить вражеские бомбы». Постовой ответил: «Марш

в бомбоубежище, малышам здесь нечего делать». – «Я не малыш, – обиделся мальчик. – Я – пионер». – «Ну, иди!».

Мальчик радостно бросился в назначенное место.

Стихотворения

* * *

Суровый сорок первый год,
На нас Германия идет.
И вероломно нападая,
Покой и счастье наше нарушая,
Позорным рабством нам грозит.
Но не сбылись ее надежды,
Погибли дерзкие невежды.
И за проступок свой
Засыпаны своею же землей.

* * *

Четвертый год уж люди бьются
За честь и независимость страны.
Пускай же наши флаги гордо вьются.
Вперед! Страны моей отважные сыны.

В Перми меня показывали матери Вечесловой,⁹² которая преподавала в балетной школе. Жила она, как и все Мариинские, в общежитии, в центре города. Мать Вечесловой согласилась взять меня на лето в школу, которая была в деревне Полазна. Там я познакомилась с балетным классом, в котором училась Катя Малаховская. Она следила за мной, помогала мне во всем (даже вшей вычесывала). Лидером моего балетного класса была Неля Кургапкина,⁹³ рослая и хорошенькая, она выделялась из всех, к ней относились подобострастно.

В конце августа 1942-го я вернулась из Полазны в Пермь и осенью пошла в школу в четвертый класс.

До войны я Ирину Щеголеву знала меньше, чем Мусю Малаховскую. Когда умер мой дедушка, меня отвезли к Альтманам на несколько дней, у них я читала много книг, помню «Паж цесаревны» Чарской, про Анну Иоанновну.⁹⁴ Я захлебывалась этим романом, а было мне тогда шесть лет. Помню, как праздновали день рождения Кати после войны. Мама нарядила нас – Катя была Екатерина Великая, а я – Павел I. В какой-то момент в разгар веселья кошка Барышня накинулась на меня и подрала мне в кровь ноги и, что самое обидное, шелковые чулки. Был переполох, но все обошлось.

Когда мы поселились в деревянном доме на Большевицкой улице рядом со школой, мы часто ходили к Альтманам в гости, иногда играли в фанты, в «Барыня прислала сто рублей» и др. Ирина часто приходила к нам, особенно когда у мамы родилась Настя. Она маму опекала. После войны в Ленинграде, когда Катя и Валя Малаховские жили у Альтманов, я постоянно бывала у них.

Ирина всегда была очень красива и в то же время чем-то напоминала Петра I. До войны родители и их друзья часто снимали разные сценки, у меня сохранились фотографии Ирины в образе Петра, есть несколько снимков, изображающих «Портрет Петра I», сцены «Петр и Алексей» (с папой) и «Петр и Екатерина» (с мамой).

Ирина всегда была весела, очень остроумна, любила компании, гостей. Всегда торжественно справляла Пасху и Рождество, приглашая только православных. Она была помешана на чистоте. Приходя к ним, можно было застать ее на четвереньках, полирующую паркет. Чулки она штопала особым образом – с двух сторон.

У Ирины Альгман был в Москве друг Б. Вл. Иогансон,⁹⁵ который еще в войну помогал ей посылками из Свердловска (кофе, табак, чай, сахар, туфли для Кати, коньяк и др.). После войны он иногда приезжал в Ленинград, и мы устраивали сборища на Мойке, веселились, угощались.

Однажды (тогда я училась в Университете) Борис, приехав в Ленинград, пригласил к нам цыган из театра «Ромэн». И у нас была «цыганская ночь». Была наша семья, Ирина с Валечкой и Катей, Иогансон.

Был цыган с гитарой, цыган-танцор и цыган-певец, пожилая дородная цыганка и две известных актрисы, которые божественно танцевали. Одну из этих цыганок звали Ляля Черная.⁹⁶ Все это продолжалось до утра, а утром мы с Валькой от нас пошли в Университет в полном восхищении от происшедшего.

Когда мы оказались в Молотове, я не понимала, почему мы здесь. Я была в восторге, что здесь Мариинский театр, балет, Уланова, Ирина, Натан, Катя и т. д. Сначала мы жили у Альгманов, потом в доме на улице Островского, который я описала выше. Наконец, мы поселились в доме на улице Большевистской, в комнате на первом этаже, которую нам уступила хозяйка. Сама она с дочерью и внуком жила в другой комнате. Здесь мы жили втроем – я, мама и Исая. И здесь я ничего не поняла! Шунечка занимался на рояле, который стоял в нашей комнате, к нему приходили ученики.

Поначалу я не догадывалась, что происходит. Только после рождения Насти я начала что-то понимать и стала выражать свое возмущение, порой в весьма грубой форме. Шунечка и мама все это терпели. Когда мы вернулись в Ленинград, я порой тоже хамила, и Шунечка уходил из дома. Со временем я смирилась, оценила его талант, ум, юмор. Он воспитывал меня вплоть до своей смерти (умер в 1970 году). Я благодарна ему за все. Он пытался учить меня музыке, даже говорил, что я способная. Но я всегда спорила, каким пальцем брать клавишу, и потому впоследствии занималась не с ним, а с его ученицами.

Когда в старших классах я стала ходить в театры, на концерты, в компашки, он, приходя с работы, спрашивал меня: «Гуля, когда начало?!». Когда мама ездила в Москву, а у меня были сборища, он по телефону говорил маме – у Гули гости, они меня угостили винегретом... Когда я вышла замуж и стала с моим мужем Андреем⁹⁷ жить у Танюши, Шунечка позвал меня и спросил, сколько денег я даю Танюше (она была уже на пенсии). Я сказала, а он говорит: «Ты должна давать ей больше, чем она тратит, учти это». Когда к нам

на Мойку приходил Глеб Горбовский⁹⁸ и назвал нашу маму «мама», Шуня шутил «Лидочка, не Глебом единым». Он был очень остроумен, его фразы: «Исполнитель, не отягощенный исключительной эрудицией», «Лидочка, где моя страхадла?» (кофта). Удивлялся, когда я говорила о музыке Баха: «Правильно подмечено».

14-го сентября 1942 года у мамы родилась Настя. Я настаивала, чтобы папе poslali в Свердловск телеграмму, что у него родилась дочь. Но все окружающие уверяли меня, что папа тут не при чем. Я не могла этого понять никак.

Когда Насте исполнилось четыре месяца, я написала ей стихи.

Наша Настя

Настя – ласточка, певунья наша,
Нет младенцев ее краше.
Кулачок засунет в рот,
С разговорчиком сосет.
Но в постельке не лежит,
Как положишь, так кричит.
Только сядет на «попа»,
Так уж снова весела.
Кашу варим ей теперь,
Ест ее она, как зверь.
Как отнимешь, сразу в рев,
Словно стадо тут коров.
Ее положим на живот,
Она головку задерет
И повернет, и вдруг уронит,
Но очень скоро устает.
Четыре месяца уж ей,
Реснички длинные у ней...
Кончаю я теперь рассказ,
Уходит мамочка как раз,
И Настичку носить мне надо.
А слишком длинненький рассказ
И скучно и не надо.
С почтеньем всех целую вас,
Желаю пить хороший квас
И слушать вам стишки
Гораздо лучше, чем мои.

Далее следовал портрет Насти, который я нарисовала.

Позднее Евгений Шварц, с которым мои родители дружили с довоенных времен,⁹⁹ сочинил для Насти свой стишок:

Миленькая Настенька,
Ты такая душечка,
Спи, моя зубастенька,
Вот тебе подушечка.¹⁰⁰

Сначала Настя спала на сундуке, а потом Ирина Альтман купила ей на улице за две с половиной буханки хлеба бельевую корзину с двумя ручками по бокам. Мама обшила ее какими-то жалобными кружавчиками, и Настя спала в ней. Когда у нее начали резаться зубы и ее стали отлучать от груди, она громко плакала, а я жалела ее и ругалась с родителями: «Как вам не стыдно так издеваться над ребенком!».

Настя часто капризничала, и наша хозяйка говорила: «Что такое? Уросит и уросит!» (по-пермски: ноет и ноет), и еще говорила: «Дети у тебя декошарье» (по-пермски – глазастые). Настя пошла рано, в девять месяцев, и рано начала говорить, на своем языке. Однажды я принесла из Театралки (театральной столовой) обед в судках. Когда их расставили на столе, она подошла, посмотрела на первое и второе и сказала: си-си и га-га (пи-пи и ка-ка). Шуня был в восторге и тут же прокомментировал: «Надо же! Она разобралась!».

Вся наша жизнь проходила под рояль, поскольку Шуня сам занимался, да еще к нему приходили ученики. Моя обязанность была ходить с судками за обедом в театральную столовую в центр города. Там я встречала артистов Мариинского театра, Уланову с Завадским¹⁰¹ и других. После какого-то балета меня сводили к Улановой в гримерку, познакомили.

Мама переписывала много нот, часто я ей помогала. Иногда она доставала себе надомную работу, из Кишинева доставляли картонки, на которых мы с нею рисовали картинки для новогодних украшений. Так прошло два года. За это время к нам из Свердловска один раз приезжал папа, потом Шунечка уезжал в Москву с концертами и по каким-то делам. У меня сохранились стихи, которые я подарила маме к восьмому марта 43-го года. Ей очень нравилась пьеса «Заговор императрицы»,¹⁰² она не раз смотрела ее в театре и очень смешно рассказывала и изображала разные эпизоды. Вот что я написала в своем поздравлении.

Мамочке на память от Гули в день 8-го марта 1943-го года

Ты Российская царица,
Ты любила веселиться,
Но укатила ты от своего двора. –
Так как в Ленинграде страшная жара:
Летают пули низко,
Резервы немцев близко.
Прилетела на Урал –
Точно Бог тебя послал.
Ты в провинции живешь,
Суп с лапшой и кофе пьешь.
Тешешь темя гребешком,
Всюду ходишь ты пешком!

Гуля Щуко

В 44-м году нас стали собирать к отъезду в Ленинград, и летом мы отправились домой. Ехали эшелоном несколько дней, я жила на третьей полке и всю дорогу смотрела в окно. А почти двухлетняя Настя бегала по вагону и развлекала пассажиров.

Наконец мы приехали на Московский вокзал. Нас привезли в гостиницу на углу Невского и Желябовой улицы и дали там комнату. Перед входом стоял большой медведь, позднее в этом доме разместился театр Эстрады. Комната была большая и совершенно пустая. Меня оставили с больной Настей, у нее была температура под 40. Родители ушли в Мучной переулок, где в доме № 1 была квартира бабушки, хотели узнать, можно ли там поселиться. Бабушкина двухкомнатная квартира была занята людьми, у которых разбомбило жилье. Две женщины и мальчик лет восьми, жившие там, переехали в маленькую комнату, а мы обосновались в смежной большой.

Мама чудом каким-то нашла телегу, на которой мы перевезли наш скарб на Мучной. Вся обстановка бабушкиной квартиры сохранилась, так что можно было жить. Кухня была очень большая, ели на кухне. Там же стояла и ванна. Я ходила каждый день в женскую консультацию за смесями для Насти. Помню, была смесь Черни,¹⁰³ очень вкусная, Шунечка говорил, что с удовольствием бы питался такой смесью.

Город был полупустой. Когда я ходила по домашним делам, то слышала только звук от моих шагов, босоножки на деревяшках звонко стучали по тротуару. Вокруг стояли разрушенные дома, все было мрачно. На первом этаже во дворе жил дворник с семьей, калитку на ночь закрывали, и надо было стучать, чтобы он открыл вход. На нашей лестнице все квартиры выходили на галерею. Днем на галерейке сидели женщины, и бегали дети. Наша Настя тоже бегала там. Во дворе сушили белье. Про Шуню наша хозяйка в Перми говорила: «Все воруют, а вот честный человек, профессор, как белье повесят, так все рваное». Еще про Шуню говорили: «Да какой яврей-то <так!> он, белой булки не достанет».

Потом эти галереи снесли.

Папа часто писал маме и по телефону просил, чтобы меня отправили к нему в Москву. Он давно не видел меня и хотел, чтобы я пожила у него. И вновь меня с какой-то оказией отправили в Москву, и там с 1-го сентября я пошла в школу в своем дворе, в шестой класс.

Жизнь была в нашем дворе бурная, мы играли в классики, в штандор, в лапту. У моей подруги был велосипед, мы стояли в очередь прокатиться. Помню, муж Милы Дилакторской, архитектора,¹⁰⁴ собрал нас, чтобы учить играть на арфе. Он был музыкант. Но арфу нигде не смогли достать, и занятия кончились, не начавшись. Дома у папы стоял рояль, но я не хотела заниматься.

За папой ухаживали женщины, в одну из них, Марину Турчанович, я сильно влюбилась и посвящала ей стихи. Она работала, кажется, на радио.¹⁰⁵ Папа возил меня с собой на ВДНХ, по его проекту возводили новый Главный павильон. Там при входе до войны стоял старый Главный – дедушкин, но решили строить новый. Построили еще до окончания войны. Помню, как мы с отцом пировали там в ресторане.

Зимой к нам приехала из Алма-Аты Татьяна Сергеевна Никольская¹⁰⁶ (ее послала баба Оля передать отцу письма, которая познакомилась с ней в Алма-Ате). Она жила на улице Калинина у библиотеки Ленина. Я тут же

влюбилась в нее по уши и стала требовать, чтобы папа на ней женился. Папа был мною заторкан. Он не был еще разведен с мамой, и вопрос о разводе не стоял. Однако зимой Татьяна переехала к нам, а следом за ней появился Котька, ее сын, который поселился в моей детской комнате. Началась общая жизнь. Училась я ничего, по арифметике, химии и физике были тройки, но я не унывала.

Вскоре начались салюты в честь взятия городов. В квартире было два балкона, один на улицу Дунаевского, другой – во двор, оттуда и были видны салюты со стороны Красной площади. Было понятно, что война идет к концу.

В ночь с 8 на 9 мая мы с Котькой легли спать, а папа с Татьяной пошли наверх к друзьям Великановым¹⁰⁷ посидеть. Ночью они по радио услышали о полной капитуляции Германии. Они прибежали к нам в комнату, зажгли свет и сказали нам об этом. Утром надо было идти в школу, но объявили, что занятий не будет. Мы с Котькой побежали на Красную площадь, сели в троллейбус до Киевского вокзала, там пересели на другой и пришли на площадь. Там кишел народ. Вдруг люди стихийно побежали к американскому посольству на Моховой. Американцы сидели на окнах, пили вино, что-то кричали, бросали бокалы вниз и показывали пальцами победу: V. Нас пустили во двор, начали брататься с американцами.

Потом толпа решила идти в Замоскворечье к английскому посольству. По дороге качали всех военных, обнимали, целовали. Пришли к англичанам. Все было закрыто, темно, в окнах нет света, никакого праздника. А народ хотел брататься, стали трясти ворота, кричать. Вышел бледный, испуганный человек и стал умолять уйти, не устраивать дебоша. Мы поплелись обратно, еще кого-то покачали, покричали и пошли по домам.

А вечером был назначен салют из 101 залпа. Мы поехали на Красную площадь. Народа была тьма. Лучи прожекторов скрещивались на небе и в этих лучах висел огромный портрет Сталина.

Салют закончился, вернулись домой. Началась обычная жизнь, экзамены, домашние дела. В эти дни из заключения вернулся Борис, папин брат, и стал жить у нас на кухне. Все наши знакомые архитекторы приходили посмотреть на Бориса, бурно общались, подолгу с ним разговаривали.

Летом я еще была в Москве, когда из Алма-Аты приехала баба Оля и стала жить в нашей комнате. Котьку куда-то убрали, и она спала со мной. Это был последний раз, когда я ее видела, в 1945 году, уже после моего отъезда в Ленинград, она умерла.

В 1947 году, когда мне исполнилось 16 лет, мы получили путевки в дом творчества композиторов, который находился недалеко от населенного пункта Сортавала на Карельском перешейке, в бывшей даче Маннергейма.¹⁰⁸ Для того, чтобы ехать, нам требовались паспорта, так как это была приграничная зона, в 12 километрах от границы с Финляндией. Как раз в то лето я получила паспорт. Я хотела сменить имя Елизаветы на Ольгу. Мне ответили, что я должна написать заявление и послать в Москву, приложив к нему 100 рублей, и ждать ответа. Но так как мой паспорт был нужен немедленно, то я получила его на прежнее имя.

Мы приехали втроем: мама, Настя и я. Нас поместили не в главном здании, там было все занято, а в доме на берегу озера, в котором жили другие композиторы и музыканты с семьями. В то лето там отдыхали Дзержинский, Ключнер, Кочуров.¹⁰⁹ Мы с ними дружили. Жили и москвичи. Был дирижер Большого театра с женой Пазовский,¹¹⁰ он снимал нас на кинокамеру и многих других, о ком я не помню.

Помню прогулки на катерах, нас возили на острова, где были заброшенные финские усадьбы, там росли ягоды. Мы собирали малину. Ездили на Валаам, монастырь был в разорении, в храме не было купола, вместо него – огромная дыра. Перед входом распятие, лицо Христа было разбито, кусок креста валялся на земле. Я взяла кусочек креста с золоченой буквой. Нас провели к храму тропинкой молчания, по которой мог пройти один человек. Второй раз в очень плохую погоду, во время шторма, мы снова поехали на Валаам. Шлепянов¹¹¹ дал мне в дорогу свое кожаное пальто, я в нем и простояла всю дорогу и не вымокла. Нас было всего четверо: я, мхатовский актер Юра Пузырев¹¹² и родственница композитора Блантера¹¹³ с мужем. У водителя катера был груз, который он вез в другое место, нас он прихватил как левых пассажиров. Волна захлестывала с головой, я простояла на палубе всю дорогу, так как в трюме остальные лежали... Когда мы вернулись, уже ночью, на берегу нас встречали с факелами, обрадовались.

Дом творчества был построен финнами, фундамент из больших валунов, в столовой настоящее дерево – березовые доски. Там часто устраивали музыкальные вечера, главенствовал Иван Иванович Дзержинский. Он показывал, как играют разные музыканты, комически передавал манеру пианистов.

Настя все время ходила в главное здание заниматься на рояле. Напротив входа в дом творчества сидели отдыхающие. Настя была совсем маленькая, ей было пять лет. Однажды, когда с нотной папкой она выходила после занятия, ее встретил Дзержинский и сказал: «Ну что, Настя, Бах-бах на советских хлебах?».

Детство у Насти было трудовое. В четыре года она начала заниматься музыкой на бабушкином рояле, а после переезда в квартиру на Мойке поступила в школу-десятилетку при Консерватории, в нулевой класс. В дальнейшем, куда бы ни ездили летом, для нее находили людей, у кого есть инструмент, и она ежедневно два часа, а то и дольше занималась музыкой. В музыкальной школе Настя сидела за одной партой с Томиком Зандерлингом,¹¹⁴ дома она жаловалась, что во время уроков он все время шептал ей матерные слова, даже хотела пересест за другую парту. У нас сохранились фотографии, где Настя и Томик совсем маленькие вместе.

В доме творчества отдыхала знаменитая Мария Юдина.¹¹⁵ Она была очень полная, носила черный балахон и распущенные волосы. Общалась с молодыми композиторами из Эстонии. С одним из них она поплыла на лодке, их унесло течение, и неожиданно они очутились на границе, где их схватили пограничники. Начался переполох, директору дома творчества пришлось ехать их вызволять, так как документов у них при себе не было. Потом было много шуток и сенок на эту тему, Мария Вениаминовна изображала женщину

с веслом¹¹⁶ и играла на рояле. Она участвовала во всех наших живых картинах и шутках.

Иногда ночью мы ходили с факелами ловить сачками раков, все это организовывали Шлепянов и дирижер какого-то крупного московского хора, имени не помню. Раков была тьма, мы их вылавливали ведрами из небольших ям у берега. Потом на кухне нам варили этих раков, и все наслаждались. Шлепянов называл меня «Симпомпон», на что я сильно обижалась.

Живые картины устраивали часто. Однажды я участвовала в сцене на балконе из «Ромео и Джульетты». Джульеттой была дочь композитора из Узбекистана, из Ташкента – Ашрафи,¹¹⁷ я была Ромео. Пазовский нас снимал. Он много снимал разных живых картин, но мы из этого ничего не видели, так как он увез все в Москву. И фотографий того времени не осталось, жаль. Есть только одна, где я сижу на крылечке дома творчества с директором – Михаилом,¹¹⁸ фамилии не помню. Фотоаппараты были редкостью тогда.

Когда я уже работала, мы ездили на Валаам, но все было иным, я ничего не узнавала.

Я росла в музыкальной среде, повседневная жизнь нашей семьи – репетиции, концерты, ноты, инструменты, ученики Исаяи, музыканты (Настя, окончив школу, поступила в Консерваторию в класс органа и фортепьяно к отцу). Повзрослев, я порою остро чувствовала свою несостоятельность, никаких особых музыкальных талантов у меня не наблюдалось. В пятнадцать лет или чуть постарше я была робкой, казалась себе бездарной и некрасивой, всего боялась, не могла за себя постоять.

Мама решила показать меня гипнотизеру, чтобы он со мной поработал и дал мне уверенность в себе. Я ходила на эти сеансы на частную квартиру, где-то в нашем Октябрьском районе (как теперь понимаю, такого рода медицинскую деятельность в те времена не приветствовали и не афишировали). Он меня усаживал, разговаривал со мной, потом начинал погружать меня в сон: «Вы должны уснуть», и еще что-то говорил при этом. А поскольку я не засыпала, его пассы никак не действовали на меня, то притворялась, что засыпаю. Эти сеансы ничем мне не помогли. Я осталась после них такой же, какой была до того.

Однажды я встретила там Ольгу Мравинскую,¹¹⁹ жену дирижера, с которой была знакома по концертам в Филармонии, часто мы сидели в одной ложе справа от оркестра. Мы поздоровались, она мне сказала, что приходит лечиться от курения. Она научила меня народной чешской песенке, которую привезла из Чехии, куда они ездили вместе с Мравинским на гастроли, до сих пор помню эту песенку. Прощаясь, Ольга Алексеевна говорила: «Рукулибам» – целую ручки.

Так и не знаю, помог ли ей этот гипнотизер.

В 1950 году я окончила среднюю школу. Нужно было решать, какую выбрать специальность, чем заняться в будущей жизни, куда поступить учиться дальше. Я очень хотела изучать западноевропейское искусство, много

читала об этом. Оказалось, что на эту кафедру приема нет... Друг моего детства Валя Малаховский собирался в ЛГУ на факультет географии. Он меня уговаривал поступать туда же. Дома собрали совет – мама, И. А. Браудо и Ирина Альтман обсуждали разные варианты. Сошлись на том, что география близка геологии, очень интересная и нужная профессия, и остановились на ЛГУ. После сдачи вступительных экзаменов я поступила на географический факультет, на кафедру геоморфологии (изучения рельефа Земли и геологического обследования разных природных объектов).

В 1955 году я получила диплом, по распределению меня направили на работу в Ленгидропроект. Моя дальнейшая жизнь проходила вдали от близких – «в поле», в экспедициях мы занимались обследованием территорий, пригодных для возведения гидроэлектростанций. В моей университетской и «полевой» жизни было немало интересных встреч и событий, но об этом расскажу когда-нибудь в другой раз.

¹ Землетрясение произошло 1 мая 1929 г. в пограничной области Туркменистана и Ирана, близ иранского города Боджнурд и туркменского поселка Гермаб; в самом Гермабе сотрясения достигали X баллов, в соседнем Геок-Тепе и Ашхабаде до VIII баллов по шкале MSK-64. В Ашхабаде из 522 зданий государственных учреждений было повреждено 187 или 36 % от всех. Вплоть до начала 1990-х гг. информации о землетрясении была засекречена.

² Реальную дату рождения в ЗАГСе могли изменить из опасения административных нареканий в связи с задержкой регистрации.

³ Родители Николая Николаевича – Черносвитовы *Александра Ивановна* (урожд. Пушкина; 1840–1934?) и Николай Петрович (1848–1908) – присяжный поверенный, с 1873 г. управляющий канцелярией Тульского губернатора, с 1886 г. – депутат дворянства Веневского уезда; в Венева владел крупным винокуренным заводом.

⁴ *Шютценбергер Поль* (Paul Schützenberger; 1829–1897) – французский (эльзасский) химик, в 1876–1897 гг. заведовал кафедрой неорганической химии факультета физических наук в Коллеж де Франс; был первым директором созданной в 1882 г. Парижской Высшей школы промышленной химии (позже Высшая школы промышленной физики и химии города Париж, *École supérieure de physique et de chimie industrielles de la ville de Paris*, ESPCI ParisTech), в 1882 г. награжден Орденом Почетного легиона, в 1884 г. избран членом Парижской медицинской академии, в 1888 г. членом Французской академии наук. (За эти сведения благодарю О. А. Блинову).

⁵ См. о ней вступ. статью.

⁶ По документам Л. Н. Черносвитова родилась в 1908 г., возможно, реальная дата рождения была изменена при получении паспорта.

⁷ Метрика Г. В. Шуко сохранилась в архиве семьи Шуко (РО ИРЛИ, ф. 922).

⁸ Третье Парголово (Больше-Вологодская слобода) – местность под Петербургом рядом со станцией Парголово, по Выборгской железной дороге, в начале XX в. популярное дачное место.

⁹ Небольшое имение Щучье на берегу реки Осётр, в 10 километрах от уездного города Венева Тульской губернии, принадлежало Н. П. и А. И. Черносвитовым; Анна Ивановна унаследовала его от отца Ивана Алексеевича Пушкина (1804–1875). После революции в национализированном доме Черносвитовых разместилось «Убежище социального обеспечения (дом-интернат)»; в 1930-х гг. в селе был создан колхоз «Красный боевик» (<http://www.veneva.ru/Shuchie.html>; дата обращения 02.07.2018).

¹⁰ См. вступ. статью.

¹¹ См. вступ. статью, примеч. 35.

¹² Н. Н. Чеботаревский умер в 1900 г., талантливый адвокат; научные труды: Вавилонский контракт 666 г. до Р.Х. (Юридический Вестник. 1889. № 1); *Р. Дарест*. Исследования по истории права / пер. Н.Н. Чеботаревского (СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1894).

¹³ См. вступ. статью, примеч. 6.

¹⁴ Сведениями о второй жене Н. Н. Чеботаревского мы не располагаем; предположительно, дочь Эдуарда Осиповича Вивьена (1821–1897). Вивьен преподавал игру на фортепиано и теорию музыки, выступал в концертах как пианист и аккомпаниатор; автор романсов, песен и маршей, некоторые пользовались популярностью; одно время дирижировал оркестром Малого театра в Москве.

¹⁵ *Чеботаревская Евгения Николаевна* участвовала в подготовке издания: Ясная Поляна: Статьи. Документы / сост.: С. А. Толстая-Есенина, Э. Е. Зайденшнур, Е. Н. Чеботаревская; под ред. И. И. Минца, С. А. Толстой-Есениной. М.: Госполитиздат, 1942; предположительно автор путеводителя: Толстовский музей: путеводитель / Акад. наук Союза ССР. Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1928. Работала в доме-музее в Хамовниках, на ул. Льва Толстого (до 1926 Большой Хамовнический пер.).

¹⁶ ВХУТЕИИ – высшее учебное заведение, созданное в сентябре 1922 г. на базе Петроградских Высших государственных художественно-технических мастерских бывшей Академии художеств.

¹⁷ *Мазинг Борис Владимирович* (1898–1942) – журналист, театральный критик.

¹⁸ *Гейченко Семен Степанович* (1903–1993) – пушкинист, писатель; в 1925–1938 гг. работал научным сотрудником в петергофских дворцах-музеях и др.; в 1938–1939 гг. старший научный сотрудник в Русском музее, в 1939 г. – в Литературном музее Пушкинского Дома (ИРЛАН). В 1941 г. был арестован по доносу, осужден и приговорен по статье 58 (10) п. 2 к 10 годам лагерей; освобожден в 1943 г. и мобилизован на фронт; с 1945 г. директор мемориального музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское» в Псковской области.

¹⁹ Письмо от 26 февр. 1996 г., архив Е. Г. Щуко.

²⁰ Больница им. Эрисмана – клиническая база Первого медицинского института им. акад. И. П. Павлова, находится на Петроградской стороне (ул. Льва Толстого, д. 4), названа в честь Федора Федоровича Эрисмана (наст. имя Гульдрейх 1842–1915), основоположника научной гигиены в России.

²¹ В квартиру в Мучном переулке (д. 1) О. Н. Черносвитова переехала в 1939 г.

²² *Кийко Евгения Ивановна* (1923–2006) – литературовед, сотрудник ИРЛИ (Пушкинский Дом), см. статью о ней: Пушкинский Дом: материалы к истории 1905–2005. СПб., 2005. С. 454; ее воспоминания об О. Н. Черносвитовой в кн.: *Мануйлов В.А.* Записки счастливого человека: Воспоминания. Автобиографическая проза. Из неопубликованных стихов / под ред. Н. Ф. Будановой. СПб., 1999. С. 432–433.

²³ Во время блокады умерших хоронили в братских могилах.

²⁴ *Иванова Ирина Разумниковна* (1908–1996) – в 1925–1927 гг. училась на Высших курсах искусствознания при Российском институте истории искусств по специальности «История и теория музыки», в 1928 г. поступила на радиотехническое отделение Ленинградского морского техникума, который окончила в 1930 г. После 1953 г. вернулась из ссылки в Ленинград, работала в радиоцентре Балтийского морского пароходства. Вероятно, Ирина Разумниковна навестила О. Н. Черносвитову по просьбе отца, бесплочного судьбой части оставшегося у нее на руках сологубовского архива. В 1920-е гг. Иванов-Разумник был дружен с Сологубом и семьей Черносвитовых; в 1928 г. вместе с Д. М. Пинесом он помогал О. Н. Черносвитовой разбирать и описывать архив Сологуба перед передачей его в Пушкинский Дом (см. в нашей публ.: Письмо О. Н. Черносвитовой Т. Н. Чеботаревской // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1990 год. СПб., 1993. С. 317–320; Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / публ., вступ. статья и коммент. А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада; подгот. текста Т. В. Павловой, А. В. Лаврова и Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 555–560); организовывал вместе с нею вечера памяти Сологуба (1 февр. и 5 марта 1928 г.), собирал сборник памяти

Сологуба (издание не состоялось). Отдельные рукописи Сологуба отложились в архиве Иванова-Разумника (РО ИРЛИ, ф. 79, п. 4). Подробнее см.: Иванов-Разумник в переписке с Федором Сологубом и Анастасией Чеботаревской (1910–1927) / вступ. статья, публ. и коммент. А. В. Лаврова // Федор Сологуб: Разыскания и материалы / под ред. М. М. Павловой. М., 2016. С. 446–451.

²⁵ Согласно записи в Деле фонда Ф. Сологуба (№ 289), И. Р. Иванова передала в Пушкинский Дом рукописи, письма и др. материалы 15 апр. 1942 г. (поступ. № 1), см.: РО ИРЛИ. Дело фонда № 289, л. 95.

²⁶ *Мануйлов Виктор Андроникович* (1954–1988) – литературовед; в 1951–1977 гг. профессор Ленинградского университета; в 1942–1944 гг. – уполномоченный Президиума АН СССР по ИРЛИ, ответственный хранитель неэвакуированной части фондов Института; об этом времени см.: *Мануйлов В. А.* Записки счастливого человека... С. 353–361 (гл.: Вспоминая блокадные дни). Кийко вспоминала, когда под руководством В. А. Мануйлова «в архиве Пушкинского Дома были созданы условия для хранения новых поступлений, мы с ним на саночках перевезли туда архив Ф. Сологуба» (С. 433).

²⁷ *Иванов Разумник Васильевич* (1878–1946) – литературный критик, историк общественной мысли, писатель; в феврале 1942 г. при отступлении немцев из оккупированного г. Пушкина Иванов-Разумник и его жена Варвара Николаевна (урожд. Оттенберг; 1881–1946) были эвакуированы в Германию, в числе лиц немецкого происхождения.

²⁸ Речь идет о части архива Сологуба, которая не была передана в Пушкинский Дом в 1928 г. вместе с основным корпусом рукописей и документов и хранилась на квартире у О. Н. Черносвитовой. После войны эти материалы передала в Рукописный отдел Л. Н. Шуко, (поступление 24 июня 1946 г. и 1 июля 1947 г., о чем сделана запись в Деле фонда № 289, л. 95).

²⁹ РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 4, ед. хр. 96. Опубл.: Воспоминания Т. Н. Черносвитовой о смерти А. Н. Чеботаревской-Сологуб, записанные Л. Н. Шуко / публ. М. М. Павловой // *Memento Vivere*. Сборник памяти Л. Н. Ивановой. СПб., 2009. С. 494–497.

³⁰ Переписка сестер Чеботаревских хранится в фонде Сологуба: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, ед. хр. 8, 310, 322; в фонде Ал. Н. Чеботаревской: ф. 189, ед. хр. 173, 175, 178–180.

³¹ *Шука Станислав Антоний* (1654–1710) – выдающийся государственный деятель Речи Посполитой, с 1875 по 1896 г. секретарь польского короля Яна Собеского III, посол (ратовал за союз Речи Посполитой с Россией); великий Литовский подканцлер (1699–1710).

³² *Шуко Борис Владимирович* (1906–1965) – театральный художник. *Наталья Владимировна* (1908–1982) – жена художника «Ленфильма» М. А. Кроткина (работала в институте «Ленгидропроект», который размещался в кинотеатре «Родина», потом была домохозяйкой, обладала прекрасными вокальными данными, которые, к сожалению, не получили развития. – Сообщено Е. Г. Шуко). *Андрей Владимирович* (1910–1941) – учился во ВХУТЕИНе, помогал отцу при работе над проектом Дворца Советов (домашнее прозвище: «помоганец»), погиб в бою на Невской Дубровке. *Марина Владимировна* (1915–1979) – актриса провинциальных театров, народная артистка РСФСР (1974), с 1954 по 1979 г. выступала на сцене Вологодского театра, возглавляла Вологодское отделение ВТО.

³³ Примеч. Е. Г. Шуко: «Видимо, во время учебы он жил у нас. Спустя многие годы я встретила его в Гидропроекте, выхожу на лестницу, а он из кабинета: “Петя!” – “Гуля!” Оказалось, мы работали рядом, но в разных отделах».

³⁴ *Павлицкий Иосиф Теофилович*, сын полковника, окончил университет в Льеже (Бельгия), владел несколькими европейскими языками, работал главным инженером английской электротехнической компании, в 1919 г. вернулся на родину, преподавал электротехнику во многих ленинградских вузах, сталинские репрессии его не коснулись, подробнее о нем см. в воспоминаниях его внука: *Валерий Слѣзин*. Россия – страна ненормальных людей // <https://www.livelib.ru/book/111703/readpart-rossiya-strana-normalnyh-lyudej-valerij-sljozin> (дата обращения: 08.07.2018). Сохранились три его письма (1910–1917) к Ан. Н. Чеботаревской: РО ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, ед. хр. 195.

³⁵ Балет П. И. Чайковского «Спящая красавица», возобновленный на советской сцене в 1922 г. Ф. В. Лопуховым (в постановке М. Петипа), был в постоянном репертуаре Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова, спектакль с успехом шел в 1935–1936 гг., дирижер – Е. А. Мравинский. Партию злой феи Карабос в эти годы танцевали: Владимир Эдуардович Томсон (1900–1975) – с 1928 г. солист ГАТОБА им. Кирова; Леонид Сергеевич Леонтьев (1885–1942) – балетмейстер и педагог; создатель новой школы мимической игры балетных актеров.

³⁶ О семье Малаховских см. вступ. статью.

³⁷ *Умная Маша* – персонаж популярных советских комиксов, печатавшихся в журн. «Чиж» в 1930-е гг. (Маша попадает в различные сложные ситуации и находит из них остроумные выходы). Главным иллюстратором комиксов был Б. Малаховский, тексты к картинкам писали Н. Гернет, Д. Хармс и др. В 1937 г. многие авторы «Чижа» были арестованы (Б. Малаховский расстрелян), выпуски комиксов про Машу прекратились.

³⁸ Имеется в виду издание: *Толстой А. Н.* Золотой ключик, или Приключения Буратино / рис. Б. Малаховского. Л.: Ленингр. отд-ние изд-ва «Детская литература», 1936. Книга была сдана в производство в августе 1935 г., параллельно она печаталась по частям в газ. «Пионерская правда» (7 нояб. – 30 дек. 1935 г. и 2–18 янв. 1936 г.).

³⁹ См. вступ. статью, примеч. 13.

⁴⁰ *Тернавцева Мария Адамовна* (урожд. Арцимович; 1872–1942) – жена Валентина Александровича Тернавцева (1866–1940), мать Марии Малаховской и Ирины Щеголевой.

⁴¹ *Томашевский Николай Борисович* (1924–1993) – литературовед, переводчик, в 1950 г. окончил филологический факультет ЛГУ, преподавал в Литературном институте им. М. Горького, читал курсы в Римском университете и др.; сын литературоведа, пушкиниста Бориса Викторовича Томашевского (1890–1957).

⁴² По-видимому, певица принадлежала к известной династии цыганских артистов Шишкиных (в 1890–1900-е гг. большой популярностью пользовался хор Н. И. Шишкина), вероятно, родственница или дочь знаменитой певицы Елены Егоровны Шишкиной (1869–1942?). В собрании Е. Г. Щуко хранится фотография Жени Шишкиной с дарительной надписью А. Н. Чернозитовой (Саше); во внешнем облике дарительницы наблюдается полное сходство с Е. Е. Шишкиной, см. ее портрет и о ней: *Бауров К. А.* Репертуары цыганских хоров старого Петербурга. СПб., 1996. С. 27–29 (глава «Петербургские хорывые цыгане, имена которых упоминаются в публикациях (период с 1850 по 1917 гг.)). Бауров сообщает, что Е. Е. Шишкина и ее дочь умерли во время блокады на улице «в одночасье» (с. 29); в составленном автором списке артистов цыганского хора Шишкиных Елена Егоровна и Женя названы одна за другой (№ 215 и № 216) (с. 57).

⁴³ Ср. воспоминания Анны Леонидовны Поляковой (дочери архитектора Л. М. Полякова): «Вспоминаю детские праздники в Ленинграде, с детским самодельным оркестром, разными представлениями и занятиями ритмикой. Все это происходило в большой квартире Гули Щуко. Помню, как в большой комнате все дети должны были идти по кругу под музыку и делать упражнения. Потом все останавливались и играли на разных инструментах. Мне по малолетству доверяли только отбивать ритм на какой-то колотушке. С тех пор подружился мы с Гулей Щуко, с которой до сих пор поддерживаем дружеские отношения» (*Полякова А. Л.* Минувшее проходит предо мною... М., 2010. С. 12).

⁴⁴ Два письма из редакции «Чижа» от 14 янв. и 21 февр. 1939 г. с приглашением прийти в редакцию сохранились в домашнем архиве Е. Г. Щуко.

⁴⁵ *Фринка* – собака Л. и Ю. Щуко. *Гарлин Василий* (наст. имя Вильгельм Адольфович Гавенан; 1876–1942) – артист Александринского (1921–1928) и других ленинградских театров, снимался в кино. *Левка – Руднев Лев Владимирович* (1885–1956) – архитектор, ведущий практик сталинской архитектуры, лауреат Сталинской премии первой степени (1949), см. о нем: *Хазанев В. В., Николаева Т. И.* Лев Руднев // Зодчие Санкт-Петербурга. XX век / сост. В. Г. Исаченко; ред. Ю. Артемьева, С. Прохвятилова. СПб., 2000. С. 264–276; *Алиса* – Алиса Порет,

см. вступ. статью; *Осмёркин Александр Александрович*, см. вступ. статью; *Струве* – вероятно, *Струве Кирилл Васильевич* (род. 1906–после 1940) – преподаватель физики Ленинградского индустриального института, 14 февр. 1940 г. арестован и в июле того же года осужден по ст. 58 п. 10 ч. 1. на пять лет исправительно-трудовых лагерей (источник: База данных «Жертвы политического террора в СССР», Архив НИЦ «Мемориал» (Санкт-Петербург)). *Миша* – *Грибанов* – неустановленные лица; *Марья Георгиевна* – портниха. *Матрена* – домработница. *Нератов* – *Абрамов-Нератов Анатолий Александрович* (1907–1973) – архитектор, художник, иконописец; выпускник ВХУТЕИНА, работал в мастерской В. А. Шуко над неоклассическими зданиями, реставрацией фасадов главных улиц Санкт-Петербурга, проектами мебели, интерьером Дворца Советов. После войны основал в Гамбурге Школу русской иконописи, резьбы и зодчества. *Соколов Александр Васильевич* (1906–1996) – актер, режиссер; в 1930–1934 гг. актер ЛАТД им. А. С. Пушкина, в 1934–1944 гг. Ленинградского Государственного театра им. Ленинского Комсомола, в 1945–1950 гг. режиссер БДТ, в 1959 г. вернулся в ЛАТД им. А. С. Пушкина. *«Маскарад»* – спектакль Вс. Э. Мейерхольда и А. Я. Головина по драме М. Ю. Лермонтова *«Маскарад»*, музыка А. К. Глазунова; премьера состоялась на Александринской сцене в 1917 г., возобновлен в сезон 1938/39 г. по случаю 45-летней сценической деятельности Юрия Михайловича *Юрьева* (1872–1948), исполнителя главной роли (Евгения Арбенина). *Френки* – близкие родственники Фоминых, см. примеч. 54; *Твелькмейер Виктор Федорович* (1902–1956) – архитектор, в 1926 г. окончил ВХУТЕИН (бывш. Академия художеств), преподавал в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им И. Е. Репина при Академии художеств, в 1944–1947 гг. – ректор института; *Беренштамы* – *Беренштам (Бернштам) Федор Густавович* (1862–1937) – художник-архитектор, рисовальщик, искусствовед; член Совета Императорского Общества архитекторов, позднее – председатель Художественной секции Ленинградского общества архитекторов; в 1924–1930 гг. работал в отделе искусств Публичной библиотеки; с 1930 г. заведовал кукольным отделением техникума при ТЮЗе, читал там курс лекций по истории кукольных театров. См.: Сотрудники Российской национальной библиотеки. Деятели науки и культуры: Биографический словарь. <В 4 т.> СПб., 1999. Т. 2. С. 104–107 (автор статьи: О. С. Острой). *Нинка* – *Нератова Нина Петровна* (урожд. Иванова; 1911–2000) – художница, окончила ВХУТЕИН, обучалась в мастерской А. Осмёркина; жена А. Нератова.

⁴⁶ *О'Коннель Рене Рудольфовна* (1891–1981) – художник-керамист, график; родилась в Париже, училась в Рисовальной школе Общества поощрения художеств, после окончания преподавала в ней; в 1922–1932 гг. работала художником на Государственном фарфоровом заводе; в 1912–1917 гг. жена И. Я. Билибина (см. ее очерк «Художник и человек» в кн.: Иван Яковлевич Билибин. Л., 1970. С. 149–159); во втором браке замужем за Сергеем Николаевичем Михайловским (1885–1927), геологом, сыном писателя Н. Г. Гарина-Михайловского; их дети: дочь Ева (рожд. 1919; красавица, была психически не здорова, ушла из дома и пропала) и сын Александр – погиб в эвакуации, утонул. В 1941 г. Рене О'Коннель была арестована и сослана, повторно арестована в 1950-х. См. о ней в дневнике Д. Хармса, запись 22 нояб. и 5 дек. 1932 г.: Дневниковые записи Даниила Хармса / публ. А. Устинова и А. Кобринского // Минувшее: Исторический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 11. С. 457–461, 463, 468.

⁴⁷ Сын Марии Юрьевны Конисской (см. о ней во вступ. статье) и художника Федора Максимова (1909–1942, умер от туберкулеза) – *Максимов Павел Федорович* (род. в декабре 1940) – художник театра.

⁴⁸ *Шуко Наталья Владимировна* – см. примеч. 32.

⁴⁹ *Шуко Андрей Владимирович*, см. примеч. 32.

⁵⁰ *Лука* (др. прозвище – Лукошко) – *Лукашков Михаил Юрьевич* – первый муж Марины Шуко, отец Федора Шуко.

⁵¹ *Ирина* (род. 1935) – дочь Натальи Шуко, *Федор* (род. 193?–1970-е) – сын Марины Шуко.

⁵² *Лялин Олег Леонидович* (1903–1974) – архитектор, художник; окончил архитектурный факультет ВХУТЕИНА.

⁵³ *Свирский Яков Осипович* (1902–1990?) – архитектор; окончил архитектурный факультет ВХУТЕИНА.

⁵⁴ *Моика* – Фомина Моика Игоревна (ум. 2013) – дочь архитектора Игоря Ивановича Фомина (1904–1989), внучка выдающегося архитектора, педагога, историка архитектуры Ивана Александровича Фомина (1872–1934); близкая подруга Кати Малаховской.

⁵⁵ *Людмилочка Давидович* – *Штерн Людмила Яковлевна* (урожд. Давидович; род. 1935), дочь известного ленинградского юриста, профессора права ЛГУ Якова Ивановича Давидовича (1899–1964) и актрисы и писательницы Надежды Филипповны Фридланд (артистич. псевд. Надежда Крамова; 1899–2002) – литературовед, писательница, переводчица, с 1976 г. живет в США, преподает в университете Брандайс; дружила с И. Бродским и С. Довлатовым, автор книг о них: «Бродский: Ося, Иосиф, Joseph» (2001) и «Довлатов, добрый мой приятель» (2005).

⁵⁶ Неустановленное лицо.

⁵⁷ *Левинсон Евгений Адольфович* (1894–1968) – советский архитектор, лауреат Сталинской премии третьей степени (1951), строил в Ленинграде, автор проекта станции метро «Автово», Пискаревского мемориального кладбища (1960) и мн. др.; его жена – Елизавета Ээровна Левинсон (соавтор проекта станции метро «Автово»), архитектурной части мемориала на Пискаревском мемориальном кладбище и др.), см.: *Лисаевич И. И.* Евгений Левинсон // *Зодчие Санкт-Петербурга. XX век* / сост. В. Г. Исаченко; ред. Ю. Артемьева, С. Прохвятилова. СПб., 2000. С. 277–292.

⁵⁸ *Щеголева Ирина Валентиновна, Малаховская Екатерина Брониславовна.* См. вступ. статью.

⁵⁹ *Тернавцева Мария Адамовна*, см. примеч. 40.

⁶⁰ Домашняя портниха (примеч. Е. Г. Шуко).

⁶¹ *Хижинский Леонид Семенович* (1896–1972) – художник, график, гравер, иллюстратор; в 1922–1927 гг. обучался во ВХУТЕИНе на графическом факультете, ученик В.М. Конашевича и Д. И. Митрохина.

⁶² Письмо хранится в домашнем архиве Е. Г. Шуко.

⁶³ *Брюхоненко Наталья Александровна* (1905–1984) окончила филологический факультет МГУ, работала редактором в Госиздате, где и познакомилась с Маяковским. В дальнейшем работала на Центральной студии документальных фильмов; ее воспоминания о Маяковском «Пережитое» см. в кн.: *Имя этой теме: любовь! Современницы о Маяковском* / сост., вступ. статья и коммент. В. В. Катаняна. М.: Изд-во «Дружба народов», 1993. С. 175–210. Воспоминания были написаны в 50-е гг.

⁶⁴ *Киселевская* (в замуж. Успенская) *Светлана Марковна* (1930–1980) – искусствовед.

⁶⁵ *Успенский Владимир Андреевич* (1930–2018) – математик, зав. кафедрой мехмата МГУ, один из инициаторов создания отделения теоретической и прикладной лингвистики филфака МГУ; его брат – *Успенский Борис Андреевич* (род. 1937) – филолог, лингвист, семиотик, историк языка и культуры; профессор МГУ, Института восточных языков в Неаполе, ныне проф. ГУ ВШЭ.

⁶⁶ *Карстенс Дагмара Ингмаровна* (1931–2005) – геолог, работала во ВСЕГИИ – Институт геологии.

⁶⁷ Имеется в виду спектакль ленинградского Театра Комедии «Опасный поворот» (1939) по одноименной пьесе Дж. Пристли (1932), получивший широкое признание, режиссер – Г. М. Козинцев, художник – Н. П. Акимов.

⁶⁸ *Райх Зинаида Николаевна* (1894–1939) – актриса театра, заслуженная артистка РСФСР, вторая жена Сергея Есенина (1917–1921), с 1922 г. – Вс. Э. Мейерхольда, ведущая актриса театра имени Вс. Мейерхольда (1920–1938); убита в ночь с 14 на 15 июля 1939 г. в своей квартире (ей было нанесено множество ножевых ран), убийство произошло через три недели после ареста Мейерхольда.

⁶⁹ *Бобровский Константин Семенович* (1877–1942) – архитектор, в 1904 г. окончил Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств, ученик мастерской Л. Н. Бенуа.

⁷⁰ *Нижинская Марина Казимировна*, в 1935–1939 гг. имела частные балетные классы в Москве; сведениями о ней мы не располагаем.

⁷¹ *Нижинский Вацлав Фомич* (*Wacław Niżyński*; 1889–1950) – российский танцовщик и хореограф польского происхождения, новатор танца; один из ведущих участников

Русского балета С. П. Дягилева; брат танцовщицы Брониславы Фоминичны Нижинской (1891–1972).

⁷² См. примеч. 45.

⁷³ *Мравинский Евгений Александрович* (1903–1988) – дирижер, с 1938 г. – главный дирижер Симфонического оркестра Ленинградской филармонии, возглавлял коллектив 50 лет; первым в 1939 г. исполнил Шестую симфонию Д. Д. Шостаковича.

⁷⁴ *Мравинская Елизавета Николаевна* (урожд. Филкова; 1871–1958).

⁷⁵ *Хижинские* – Хижинские, см. примеч. 61.

⁷⁶ Персональная выставка работ Н. Альтмана (живопись и графика) в 1940 г. состоялась в помещении Ленинградского отделения Союза советских художников на ул. Герцена, 38; о художественных выставках 1940 г. с его участием см. в кн.: *Эткнд М. Г.* Натан Альтман. Л.: Советский художник, 1971. С. 125.

⁷⁷ Архив Е. Г. Щуко.

⁷⁸ *Шурик* – Александр Сергеевич Михайловский (1926–1941), сын Рене О’Коннель и С. Н. Михайловского; утонул, купаясь в реке, по дороге в эвакуацию (Е. Г. Щуко: «моя первая любовь», ей было 8, ему – 18). См. примеч. 46.

⁷⁹ Запись в тетради «Для сочинений стихов, рассказов и т. д. Ольги Щуко. Город Молотов. № 1» (архив Е. Г. Щуко).

⁸⁰ Полендвица (польск. *polędwica*, белор. *палендвіца* – филейная часть животного) – копченая говядина или копченое свиное филе в виде колбасы.

⁸¹ В неопубликованном очерке М. Ю. Конисская писала: «...еще живя в Ленинграде, она познакомилась у своей приятельницы Алисы Порет с Исайей Александровичем Браудо – известным органистом, знатоком и интерпретатором Баха. Это знакомство изменило ее судьбу. Такая женщина, как Лидочка, не могла не поразить Исайю. И он добивался ее со всей изворотливостью своего утонченного ума. Музыка, которую она так любила, теперь входила в ее жизнь во всей своей силе. Когда Исайя в начале войны эвакуировался из Ленинграда в Молотов (Пермь), он начал настойчиво призывать ее к себе. И Лида оставила Юрия, взяла дочь Гулю и уехала к нему» (архив Е. Г. Щуко). Вероятно, этот очерк предназначался для книги воспоминаний, отдельные очерки из этой серии о друзьях – И. В. Щеголевой, Евгении Шварце, Алисе Порет, Данииле Хармсе были напечатаны незадолго до смерти автора, см.: *Конисская М. Ю.* Вокруг океан бедствий. А мы смеялись // *Общая газета*. 1995. 6–12 июля. № 27 (103). С. 16.

⁸² *Шеломов Николай Павлович* (род. 1908–?) – архитектор, окончил архитектурный факультет ВХУТЕИНа.

⁸³ *Радлова Лидия Николаевна* (1913–1999) – астроном-исследователь, ведущий российский специалист в области астрономии; дочь Н. Э. Радлова; организовала ряд выставок, посвященных творчеству отца: «Кривое зеркало. Шаржи и карикатуры XX века» (Музей А. Ахматовой в Фонтанном доме, 1992), «Николай Радлов. Из творческого наследия» (Отдел эстампов Российской национальной библиотеки, 1993) и др.

⁸⁴ Спектакль Ульяновского театра «Парень из нашего города» по пьесе К. М. Симонова пользовался огромным успехом, премьера состоялась в августе 1941 г., в первый сезон он шел на сцене театра 26 раз; в главной роли – актер и режиссер Павел Степанович Молчанов (1902–1977).

⁸⁵ *Козаков Михаил Эммануилович* (1897–1954) – прозаик и драматург.

⁸⁶ *Никитина* (урожд. Гацкевич) *Зоя Александровна* (1902–1973) – сербско-греческого происхождения, родилась в Одессе; работала редактором «Издательства писателей в Ленинграде», дважды подвергалась аресту – до войны и после войны.

⁸⁷ Частушка со слов И. В. Альтман приведена в посвященной ей публикации, см.: *Миринова Татьяна*. «Жить люблю по-прежнему страстно!» // *Вечерний Петербург*. 2015. 12 окт. № 186 (25455).

⁸⁸ *Уланова Галина Сергеевна* (1909–1998), *Вечеслова Татьяна Михайловна* (1910–1991), *Балабина Фея Ивановна* (наст. имя: Феона; 1910–1982) – выдающиеся балерины, солистки Мариинского театра оперы и балеты (в 1935–1992 гг. Ленинградского академического театра

оперы и балета имени С.М. Кирова – Кировского); в 1944–1960 гг. Уланова – прима-балерина Государственного Большого театра СССР.

⁸⁹ *Каменский Василий Васильевич* (1884–1961) – поэт-футурист, один из первых русских авиаторов.

⁹⁰ Имеется в виду Алексей Васильевич Каменский (1927–2014), впоследствии ставший живописцем и графиком, заметной фигурой московского неофициального искусства.

⁹¹ В конце 1930-х у А. В. Каменского вследствие тромбоза были ампутированы обе ноги.

⁹² *Снеткова-Вечеслова Евгения Петровна* (1882–1961) – балерина, с 1900 г. танцевала в кордебалете Мариинского театра, позднее преподавала в Ленинградском хореографическом училище.

⁹³ *Курганкина Нинель Александровна* (1929–2009) – балерина, балетный педагог; в 1947 г. окончила Ленинградское хореографическое училище им. А. Я. Вагановой, с 1947 по 1981 г. танцевала на сцене Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова (ныне Мариинского).

⁹⁴ *Чарская* (наст. фам. Чурилова, рожд. Воронова; 1875–1937) *Лидия Алексеевна* – детская писательница; имеется в виду ее исторический роман «Паж цесаревны» (первое издание: М.: Т-во М.О. Вольф, 1913).

⁹⁵ *Иогансон Борис Владимирович* (1893–1973) – художник, профессор; в 1958–1962 гг. президент Академии художеств.

⁹⁶ *Ляля Черная* (наст. имя Надежда Сергеевна Хмелева, урожд. Киселева; 1909–1982) – знаменитая артистка театра «Ромэн», танцовщица и исполнительница цыганских песен и романсов.

⁹⁷ *Афанасьев Андрей Николаевич* (1931–1990) – окончил Геодезический техникум, работал в геодезической разведке на Камчатке и в Сибири, позднее в ленинградском Гидропроекте.

⁹⁸ *Горбовский Глеб Яковлевич* (1931–2019) – поэт.

⁹⁹ См. вступ. статью.

¹⁰⁰ О дружбе Е. Л. Шварца с семьей Л. Н. Браудо см.: *Шварц Евгений*. «Телефонная книга» / сост. К. Н. Кириленко. М., 1997. С. 495–497.

¹⁰¹ *Завадский Юрий Александрович* (1894–1977) – актер, театральный режиссер, с 1940 г. и до конца жизни – главный режиссер театра имени Моссовета; с 1941 г. муж Г. С. Улановой.

¹⁰² Впервые: *Толстой Алексей Н., Щеголев П. Е.* Заговор императрицы. Пьеса в 5-ти действиях. Берлин, 1925. Пьеса была поставлена на сцене Московского театра «Комедия» 12 марта 1925 г., 19 марта 1925 г. состоялась премьера в Большом Драматическом театре в Ленинграде. В 1925–1926 гг. один из самых популярных спектаклей на сцене столичных театров.

¹⁰³ Правильно: смесь Черни-Клейншмидта – молочная смесь для искусственного вскармливания детей грудного возраста, состоящая из разведенного водой коровьего молока, с добавлением сливочного масла и сахарного сиропа, названа по имени немецких педиатров А. Czerny (1863–1941) и Н. Kleinschmidt (род. 1885).

¹⁰⁴ *Дилакторская Людмила Леонидовна* – архитектор, дочь архитектора Л. Л. Дилакторского; проектировала по преимуществу для Москвы.

¹⁰⁵ *Турчанович Марина Александровна* – режиссер, работала на московском радио.

¹⁰⁶ Т. С. Никольская во время войны находилась в эвакуации в Алма-Ате, работала на Мосфильме, была занята на съемках фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный», а ее сын участвовал в массовых сценах (сообщено Е. Г. Щуко).

¹⁰⁷ См. вступ. статью.

¹⁰⁸ Дом творчества композиторов «Сортавала» расположен на одном из самых живописных заливов Ладожского озера Кирьявалахти; создан в 1945 г.; под дом композиторов был передан памятник финской архитектуры – Дача аптекаря Яскеляйна (построена в 1935 г. в стиле финского романтизма).

¹⁰⁹ Композиторы: *Держинский Иван Иванович* (1909–1978), лауреат Сталинской премии 3-й степени (1950), заслуженный артист РСФСР (1957). *Клюзнер Борис Лазаревич* (1909–1975) – в 1948–1950 гг. заместитель председателя ленинградского Союза советских

композиторов. *Кочуров Юрий Владимирович* (1907–1952), лауреат Сталинской премии 3-й степени (1952).

¹¹⁰ *Пазовский Арий Моисеевич* (1887–1953) – дирижер, народный артист СССР (1940), лауреат Сталинских премий (1941, 1942, 1943), в 1943–1948 гг. художественный руководитель и главный дирижер Государственного Академического Большого театра оперы и балета.

¹¹¹ *Шлепянов Илья Юльевич* (1900–1951) – театральный режиссер и художник; заслуженный артист РСФСР (1933), дважды лауреат Сталинской премии. В 1944–1951 гг. главный режиссер Ленинградского театра оперы и балета им. С. М. Кирова; поставил «Орлеанскую деву» П. И. Чайковского (Сталинская премия 1-й степени, 1946) и «Семью Тараса» Д. Кабалевского (Сталинская премия 2-й степени, 1951).

¹¹² *Пузырев Юрий Николаевич* (1926–1991) – актер театра и кино до 1948 г. работал в Большом драматическом театре, участвовал в массовке, в 1948 г. был зачислен в Школу-студию МХАТ, с 1958 г. – актер МХАТ.

¹¹³ *Блантер Матвей Исаакович* (1903–1990) – композитор-песенник советской эпохи.

¹¹⁴ *Зандерлинг Томас Куртович* (р. 1942) – немецкий и российский дирижер, сын известного дирижера К. И. Зандерлинга; окончил Специальную музыкальную школу при Ленинградской консерватории, в 1960 г. вместе с семьей переехал в Восточную Германию, где получил образование в Музыкальной академии Восточного Берлина.

¹¹⁵ *Юдина Мария Вениаминовна* (1899–1970) – выдающаяся пианистка.

¹¹⁶ «Девушка с веслом» – название скульптуры, выполненной И. Д. Шадром (1935 г., установлена в ЦПКиО им. Горького в Москве), позднее была перенесена в Луганск, на ее место поставлена скульптура Р. Р. Иодко «Женщина с веслом», эта же скульптура была установлена в ЦПКиО им. Кирова в Ленинграде (1952); название скульптур стало нарицательным для обозначения статей «гипсового соцреализма», которые украшали в советское время парки культуры и отдыха.

¹¹⁷ *Аишафи Мухтар Аишафович* (1912–1975) – узбекский композитор, дирижер, педагог, общественный деятель, народный артист СССР (1951), лауреат Сталинских премий (1943, 1952); его дочь – Мукаддима (1936–2013; востоковед).

¹¹⁸ Неустановленное лицо.

¹¹⁹ *Мравинская Ольга Алексеевна* (1903–1990) – первая жена дирижера Е. А. Мравинского.

Библиографический список

1. Б. Б. Малаховский / сост. И. В. Щеголева-Альтман. Л.: Художник РСФСР, 1978.
2. *Великанов А. А.* Дворец Советов: Создание невозможного. М., 2014.
3. *Голлербах Е. А.* Семейные ценности: Федор Сологуб в издательстве «Пантеон» // Федор Сологуб: Биография, творчество, интерпретации / сост. М. М. Павловой. СПб., 2010. С. 44–58.
4. Зодчие Москвы: XX век / сост. М. И. Астафьева-Длугач, Ю. П. Волчок, А. М. Журавлев. М., 1988. Кн. 2.
5. *Конисская М.* Злые годы // Новый мир. 1992. № 6.
6. Неизданный Федор Сологуб: Стихи. Документы. Мемуары / под ред. М. М. Павловой и А. В. Лаврова. М., 1997.
7. *Полякова А. Л.* Минувшее проходит предо мною... М., 2010.
8. *Флейшман Л., Хьюз Р., Хьюз-Раевская О.* Русский Берлин: 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris: YMCA-PRESS, 1983.
9. *Эткинд М. Г.* Натан Альтман. Л.: Советский художник, 1971.

**«ТРУДАРМЕЕЦ ФРИДЛЕНДЕР, Г. М.»
(письма из Коми АССР, 1942–1945)**

*(Вступительная статья С. В. Березкиной, подготовка текста
и комментарии С. В. Березкиной и А. С. Лагурева)*

Аннотация: Публикация освещает сложный этап биографии академика Г. М. Фридендера периода Великой Отечественной войны на основе его переписки с матерью, находившейся в блокированном Ленинграде, и друзьями (М. А. Лифшицем, Я. Л. Бабушкиным, О. И. Ильинской и др.). Во время войны Г. М. Фридендер как немец по национальности был мобилизован для работы в трудовом лагере на территории Коми АССР. Его письма из лагеря – это ценный исторический документ о жизни рабочей колонны граждан немецкой национальности, раскрывающий ряд сложнейших проблем жизни СССР того времени.

Ключевые слова: биография академика Г. М. Фридендера, судьба граждан немецкой национальности в СССР периода Великой Отечественной войны, национальная политика СССР 1930–1940-х гг., блокада Ленинграда.

Abstract: The publication covers the difficult stage of academician G. M. Fridlender's biography during the Great Patriotic war on the basis of his correspondence with his mother, who was in besieged Leningrad, and friends (M. A. Lifshits, Y. L. Babushkin, O. I. Ilyinskaya, etc.). During the war, G. M. Fridlender as a German by nationality was mobilized to work in a labor camp in the Komi Republic. His letters from the camp are a valuable historical document about the life of a working column of citizens of German nationality, revealing a number of complex problems in the life of the USSR of that time.

Key words: academician G. M. Fridlender's biography, the fate of citizens of German nationality in the USSR during the Great Patriotic war, the national policy of the USSR of the 1930–1940, the blockade of Leningrad.

Архив выдающегося ученого, многолетнего сотрудника Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, академика Георгия Михайловича Фридендера (1915–1995) поступил в Рукописный отдел ИРЛИ (ф. 929) в 2014 г. Мировую известность Г. М. Фридендеру принесла деятельность на посту руководителя академического издания сочинений и писем Ф. М. Достоевского, выходявшего в 1972–1990 гг. В его архиве сохранилось более ста писем и телеграмм к матери, отправленных им из поселка Жёшарт Усть-Вымского района Коми АССР, где он, мобилизованный в так называемую «трудовую армию», работал во время войны; обратный адрес на них нередко завершался подписью: «Трудармеец Фридендер, Г. М.». Сохранились и ответные (около двухсот) письма матери, А. М. Фридендер, содержащие интересную информацию о блокадном Ленинграде. Важный корректив в понимание происшедшего

в эти годы в жизни ученого вносит его переписка с М. А. Лифшицем (1905–1983), философом-марксистом и теоретиком искусства, с которым Г. М. Фридендер был связан тесными дружескими и творческими узами с середины 1930-х гг.¹ О том, что Г. М. Фридендер, как немец по документам, прошел через «лесоповал», известно из кратких упоминаний ряда мемуаристов.² Письма его из Жешарга имеют, однако, не только биографический интерес, проясняя то, о чем, как оказалось, неточно рассказывали мемуаристы; это еще и ценный исторический источник, повествующий о жизни одной из немецких рабочих колонн на территории Республики Коми.

Г. М. Фридендер происходил из высокообразованной и обеспеченной семьи.³ Отец Анжель (Анжелики) Морисовны Фридендер (1886–1956), урожд. Гессе, был уроженцем французского города Жуанвиль (департамент Верхняя Марна) и приехал в Петербург в 1860-х гг.; до конца жизни он оставался гражданином Франции. Морис Гессе (ум. 1905) – купец 2-й гильдии, владелец известного в Петербурге «Лионского магазина», одного из поставщиков императорского двора (французские ковры, обойные материалы), вице-президент французской колонии, известный благотворитель, кавалер ордена Почетного легиона. В начале XX в. магазин находился на углу Невского проспекта и Большой Конюшенной улицы; в том же доме, на втором этаже, была и квартира Гессе (ее помнил и Г. М. Фридендер). Дочь М. Гессе приняла русское подданство после замужества.

¹ Об истории взаимоотношений Г. М. Фридендера и М. А. Лифшица, которая еще ждет своего исследователя, см.: *Лифшиц М. А. Почему я не модернист?* Философия. Эстетика. Худож. критика / публ. В. М. Германа, А. М. Пичкиан, В. Г. Арсланова; сост., предисл., коммент. В. Г. Арсланова М., 2009. С. 307–328 (письмо к Г. М. Фридендеру от 22 сент. 1960 г., отрицательный отзыв о рукописи его книги «К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы», вышедшей в 1962 г.), 336–342 (из переписки с Г. М. Фридендером по поводу статьи Лифшица «Почему я не модернист?», 1966–1967), 453–468 (письмо к Г. М. Фридендеру от 8 апр. 1938 г., о Пушкине); *Лифшиц М. А. Проблема Достоевского: (Разговор с чертом)*. М., 2013. С. 17–21 (письмо к Г. М. Фридендеру от 24 марта 1956 г.), 141–142 (письмо к А. В. Македонову от 4 нояб. 1973 г.). Необходимо отметить, что глубоко дружеские взаимоотношения Г. М. Фридендера и М. А. Лифшица к концу 1950-х гг. начали серьезно меняться, поворотным же пунктом здесь стали 1960-е гг., ясно обнаружившие их расхождение по вопросу о приоритетах в разработке марксистской эстетики и модернизме. Тем не менее личные отношения продолжались вплоть до смерти М. А. Лифшица, о чем свидетельствует их переписка.

² *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 532; *Дьяконова Н. Я.* Мои воспоминания // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 437–438; *Лотман Л. М.* Г. М. Фридендер в моей памяти сквозь долгие годы общения и сотрудничества // Там же. С. 449–450.

³ Сведения о семье Фридендеров почерпнуты из документов ф. 929 Рукописного отдела ИРЛИ и, большей частью, ранее не публиковались. В статье использованы также следующие дела БАН и ИРЛИ: СПбФ АРАН, ф. 158, оп. 7, № 1165 (личное дело А. М. Фридендер, 1934–1948); ф. 4, оп. 4, № 4200 (личное дело Г. М. Фридендера, 1932–1934); ф. 150, оп. 4, № 27 (его же, дело о защите кандидатской диссертации, 1946–1947); ф. 150, оп. 2, № 379 (его же, личное дело, 1955–1995; по документам этого дела составлена биографическая справка о нем в изд.: Пушкинский Дом: Материалы к истории. 1905–2005. СПб., 2005. С. 537). В настоящей статье использованы также автобиографические записки Г. М. Фридендера, рассказывающие о судьбе членов его семьи (документ готовится к публикации).

Анжель Морисовна закончила в 1904 г. петербургскую женскую гимназию Л. С. Таганцевой и затем три года (из положенных четырех) училась на юридическом факультете Высших историко-литературных и юридических женских курсов (обучение было прервано замужеством в 1910 г.); в анкетах ее образование характеризовалось как высшее незаконченное. А. М. Фридендер работала с 1919 г., главным образом машинисткой, но больше всего дорожила своей службой в Библиотеке Академии наук СССР, где работала в 1934–1948 г., с 1936 г. библиотекарем (с использованием знания ею трех языков). Горячая любовь, глубочайшая нежность и постоянная (иногда просто паническая) тревога за жизнь матери наложили неизгладимый отпечаток на письма Г. М. Фридендера к ней военных лет, поскольку все это время она оставалась в блокадном Ленинграде. Беспокойство за ее здоровье, а также военная цензура, конечно же, не позволяли Г. М. Фридендеру писать всю правду о жизни в Жешарте, однако она прорывалась в тех сообщениях, которые он отправлял своей матери несколько – иногда до семи – раз в месяц.

Лейтмотивом этих писем является тема национальности. Дело в том, что Г. М. Фридендер, переживший годы военного лихолетья как «немец» (имя, обозначенное в его свидетельстве о рождении, а затем в паспорте: Георгий-Гастон-Эдгар), таковым на самом деле не был. Многолетний сотрудник Эрмитажа, известный египтолог И. М. Дьяконов (1915–1999), друживший с ним с университетских лет, вспоминал: «Отец и мать Юры были разного, но оба – сложного международного происхождения; но так как в документах царского времени записывали не национальность, а вероисповедание, то оба значились “лютеранами”, а при первой выдаче паспортов (в 1932 г.) их записали “немцами”». ⁴ Здесь обозначена лишь общая тенденция, которая, конечно же, в 1932 г. была конкретизирована инструкциями НКВД. Михаил-Александр Вильгельмович Фридендер (1879–1942), отец Георгия Михайловича, родился в Петербурге (в годы Гражданской войны его имя в документах обозначалось уже как Михаил Васильевич). По сообщению в автобиографии начала 1930-х гг., дед со стороны отца был журналистом; в действительности же Вильгельм (Вольф, Василий) Андреевич Фридендер (род. 1849) был банковским служащим и, одновременно, сотрудником газ. «St. Petersburgische Zeitung», издававшейся на немецком языке в Петербурге, где вел биржевой отдел. Он закончил в 1867 г. Варшавское специальное уездное училище и в 1870-х гг. переехал в Петербург.

М. В. Фридендер учился в гимназии Главного немецкого училища св. Петра (эту же школу – «Петришуле» – закончили и оба его сына), а затем в Технологическом институте, после окончания которого (в 1904 г.) перешел в русское подданство. Дореволюционная карьера инженера-энергетика М. В. Фридендера, служившего в Русском акционерном обществе «Сименс-Шуккерт», была блестящей: в киевском отделении общества он развил кипучую деятельность по модернизации сахарных заводов на юге России, а в 1915 г., после перестройки общества в связи с начавшейся войной (от его

⁴ Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. С. 385.

управления были отстранены германские подданные), был переведен в Петербург и стал помощником управляющего Заводом военных и морских приборов РАО «Сименс-Шуккерт» (ныне завод «Электроприбор»). Одним из двух директоров завода был Л. Б. Красин, известный деятель революционного движения и Советской России, о котором М. В. Фридендер упоминал в автобиографиях (по воспоминаниям Георгия Михайловича, именно Красин вызволял его отца из тюрьмы после нескольких арестов, которым он подвергался в 1918–1922 гг.). В послереволюционное время его инженерная карьера постепенно шла на спад: постоянная смена мест работы (иногда по два-три раза в год), причем некоторые увольнения с неллицеприятными формулировками, такими как «нарушение правил внутреннего распорядка», «конфликт» и даже «болезненное нервное состояние». Болезнь М. В. Фридендера обнаружилась в 1928 г.: он был болен прогрессивным параличом и лечился у известного в то время психиатра М. М. Мирской. В письме от 3 февр. 1942 г., связанном со смертью отца в Ленинграде (он умер от истощения 2 янв. 1942 г.), Г. М. Фридендер с горьким сожалением писал о «том печальном, чисто растительном состоянии, без памяти, со слабыми и редкими блестящими рассудка, в котором он провел, как во сне, последние 10 лет» (в другом письме: «последние 10–12 лет»). Сожаления усугублялись воспоминанием о мучениях матери, поскольку «подействовать морально» на него, как и «заставить его с чем бы то ни было считаться» в семье, было невозможно. Итожа в письме от 15 февр. 1942 г. свои воспоминания, Г. М. Фридендер писал, что в их семейной жизни «было немало тяжелого и мучительно грустного».⁵

Как это нередко бывает при прогрессивном параличе, позволяющем какое-то время сохранять профессиональные навыки, М. В. Фридендер и после выхода на пенсию в 1930 г., вплоть до 1935 г., продолжал деятельность вузовского преподавателя (в институтах Политехническом, затем Текстильном, наконец, Автодорожном), причем начал он преподавать еще до отъезда в Киев. М. В. Фридендер – автор около десятка научных работ, последняя из которых была написана в середине 1930-х гг. По стопам отца пошел старший сын Генрих-Андрей-Виктор Михайлович Фридендер (1911–1938), первоначально называвшийся в семье Генри, затем, однако, ставший, в том числе по документам, Андреем. Закончив ту же самую немецкую школу, он прошел годичное обучение в ФЗУ при мебельной фабрике (без рабочего стажа не было хода в вуз), после чего поступил на вечернее отделение Ленинградского электротехнического института (радиофакультет); окончил его в 1936 г. и был зачислен в штат в качестве ассистента, с перспективой поступления в аспирантуру; ранее он начал преподавать и в других учебных заведениях.

С 1932 г. А. М. Фридендер работал на ленинградском заводе «Светлана», был автором ряда внедренных на производстве изобретений и к 1937 г. дослужился до заместителя начальника Опытной мастерской. Роковую роль в его

⁵ В воспоминаниях Н. Я. Дьяконовой (см. примеч. 2 на с. 444) «нервность» Юры Фридендера возводится к «тяжелой наследственности», хотя правильное говорить об особых обстоятельствах жизни, в течение длительного времени, рядом с психически больным отцом (прогрессивный паралич является следствием заражения сифилисом).

судьбе сыграло то, что он работал в оборонной промышленности над «спецразработками». 25 июля 1937 г. вышел приказ НКВД о выявлении в оборонной промышленности и на транспорте немецких шпионов и диверсантов из числа германских подданных (а также бывших, принявших советское гражданство). В сентябре 1937 г. от Андрея Михайловича потребовали написать заявление об уходе со «Светланы» по собственному желанию, после чего его уже нигде не брали на работу. Он знал, что причиной было «немецкое происхождение» (сохранилась его записка об этом от 10 нояб. 1937 г.). А. М. Фридендер был арестован 29 дек. 1937 г., в день рождения матери, и расстрелян через месяц как «немецкий шпион». Семья о гибели Андрея, естественно, не знала и продолжала надеяться на его возвращение. Упоминания об этом проходят шемящей нотой по переписке Г. М. Фридендера с матерью.⁶

В письме от 29 июля 1944 г. Г. М. Фридендер назвал национальность «немец» «проклятой ошибкой в папиных бумагах», т. е. документах. Согласно инструкции, при выдаче паспортов в 1933 г. «этническая принадлежность опрашиваемого или владельца паспорта устанавливалась с его слов, но этим правом было наделено только старшее поколение. Дети наследовали эту запись уже как врожденную характеристику и вынуждены были определять свою национальность либо по отцу, либо по матери».⁷ В семье Фридендеров немцами были записаны отец и оба сына, французской – мать. Метрики сыновей из семейного архива содержат свидетельства об их рождении со ссылкой на киевскую евангелическо-лютеранскую консисторию (в ее ведении находилась и реформатская церковь); венчались родители в петербургской реформатской церкви на Большой Морской улице. В документах отца указывалось, что он был «немецкого реформатского вероисповедания»; мать была лютеранкой. Семья, кстати, была традиционного уклада, о чем говорят не только многочисленные (до середины 1920-х гг.) детские поздравления с христианскими праздниками, но и ответные упоминания Г. М. Фридендера о них в его письмах к матери военных лет (в одном из них, от 2 мая 1944 г. (с. 490), он извиняется перед ней за то, что не вспомнил о Пасхе, проведя этот день в поезде; показательное, что речь здесь идет о дате по русскому – нового стиля – календарю). В автобиографических записках Г. М. Фридендер вспоминал о рождественских службах в лютеранской Екатерининской церкви на Васильевском острове, куда водил его в детстве отец.

Переживание вопиющей, губительной неправды, связанной со своим якобы немецким происхождением, постепенно перерастало в стремление избавиться от этой «национальности», которая, как утверждал Г. М. Фридендер в письме от 30 нояб. 1943 г., испортила ему «немало крови за последние три года». Начало войны застало его в Архангельске, где с 1940 г. Г. М. Фридендер служил в педагогическом институте в должности и. о. доцента.⁸ 24 июня 1941 г.

⁶ В одной из автобиографий Г. М. Фридендер упомянул о своем брате, реабилитированном в 1958 г. (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, № 379, л. 44 об.).

⁷ *Байбури А. К.* К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: Сб. ст. к 70-летию В. А. Тишкова. М., 2011. С. 540.

⁸ См.: *Макаров Н. А.* Выдающийся литературовед Г. М. Фридендер // Вестник Поморского университета. Сер. «Гуманит. и соц. науки». 2006. № 1 (9). С. 113–115.

он отправил матери письмо с распоряжениями, касающимися его документов и рукописей, ввиду своей близкой мобилизации. Однако действительность оказалась более сложной, поскольку призыв граждан немецкой национальности в РККА был остановлен сразу же после начала войны. «В армию меня пока не берут», – читаем в письме от 10 июля 1941 г. Г. М. Фридендер записался в народное ополчение и с осени три раза в неделю посещал учебные занятия при военкомате. Затем он вновь «проходил призыв», но был «оставлен до особого распоряжения» (16 нояб. 1941 г.). Положение изменилось в феврале 1942 г.: «Это письмо пишет Тебе <...> библиотекарь штаба 128-го строительного батальона... <...> Сначала я, вместе со всеми, был направлен в лагерь, где все мои товарищи в настоящий момент, вероятно, уже работают лопатой или топором. Но уже на второй день (это был день моего рождения – 9-го февраля, и он не мог не быть для меня счастливым!) я, благодаря своему образованию и научной деятельности, которая вызывает здесь священный трепет, был вызван в распоряжение штаба. <...> Обязанности мои: библиотека, лекции для бойцов и комсостава, организация выставок, проведение политзанятий в хозяйственном взводе, куда я вхожу» (11 февр. 1942 г.). Это писалось матери в утешение, в письме же от 31 марта 1942 г. к М. А. Лифшицу, ушедшему на фронт в самом начале войны, прошедшему через разгром на Днестре Пинской военной флотилии (сентябрь 1941 г.), окружение и плен, расстрельную яму и побег, одним словом, вполне изведавшему, что такое война,⁹ а теперь служившему в Главполитуправлении ВМФ, Г. М. Фридендер высказался с предельной резкостью: «...я никак не думал, что окажусь в таких нелепых, тыловых условиях».

Строительный батальон находился в ближайшем пригороде Архангельска Бакарице, где в то время шло строительство порта, способного принять по ленд-лизу большие океанские суда. 24 февр. 1942 г. Г. М. Фридендер принял присягу и тут же отправил матери удостоверение о том, что служит в РККА (сохранилось в архиве). Через два месяца он сообщил ей о переводе части строительного батальона в действующую армию (при этом умолчал, что остававшиеся в Бакарице военнослужащие представляли национальности, которые не подлежали призыву): «При ликвидации колонны мы заново прошли через комиссию, причем меня по ст. 11 (общее слабое физическое развитие) признали негодным к несению строевой службы <...> Начальник политотдела архангельского окружного управления Военстроа сказал мне, что в ближайшем будущем он возьмет меня к себе, в округ, на лекторскую работу». Это вдохнуло в него новую надежду, и он принялся «штурмовать начальство рапортами и заявлениями», о чем сообщил М. А. Лифшицу в письме от 31 марта 1942 г. (перевод в действующую армию назывался в них наиболее желательным), причем в одном из своих рапортов Фридендер «довольно обстоятельно попытался разъяснить как национальные моменты, так и вопрос об Андрюше».

⁹ Один из эпизодов военной биографии Лифшица был увековечен А. Т. Твардовским в поэме «Василий Теркин» (гл. «В бане»), см.: *Ботвин А. П.* «Анабазис»: война в документах, воспоминаниях и суждениях философа // Михаил Александрович Лифшиц / под ред. В. Г. Арсланова. М., 2010. С. 405–406.

Весной–летом Г. М. Фридендер развил бурную деятельность, пытаясь получить назначение то «в качестве штатного лектора при политотделе <...> Главвоентростра», то по «заявке из политуправления <Карельского> фронта» – «редактором одной из своих газет» (точнее: «в редакцию, где работает Гарик (Дьяконов)»),¹⁰ то на «прежнюю службу в пединститут» – на ту же кафедру или же другую, для преподавания политэкономики (письма от 1 мая – 17 июля 1942 г.). Все его планы, однако, рухнули «из-за дикого и нелепого упорства» непосредственного начальника и – «различных привходящих причин» (20 июля 1942 г.). И. М. Дьяконов, дважды отправлявший вызов для него в Архангельский военный округ, довольно скоро, однако, осознал, что Г. М. Фридендер не будет принят на службу в политотдел фронта, поскольку он, во-первых, не был «даже кандидатом» в члены ВКП(б), а во-вторых, согласно анкете, имел брата, осужденного по 58-й статье (письма от 13 марта и 12 июля 1942 г.).

К началу 1942 г. численность граждан немецкой национальности в Архангельске, как и повсеместно, была известна НКВД до последнего человека;¹¹ чтобы кого-либо из советских немцев оставить, например, в действующей армии, нужно было разрешение, ни много ни мало, командующего фронтом. Всех граждан немецкой национальности ожидала одна участь – мобилизация на трудовой фронт. Собственно, строительный батальон в Бакарице – это уже «трудовая армия»: именно так («мобилизован в Архангельске на трудовой фронт») писал Г. М. Фридендер в анкете 1946 г. о своей работе в архангельском Военно-строительном управлении. В конце июля Г. М. Фридендер был отправлен в Коми АССР, прошел через пересыльно-перевалочную базу в Котласе, где сформированные рабочие колонны передались военкоматами в ведение НКВД, и 4 авг. 1942 г. прибыл в поселок Жешарт. Здесь находился отдельный лагерный пункт (ОЛП) Севжелдорлага – исправительно-трудового лагеря, обслуживавшего Северо-Печорскую железную дорогу.¹² Жешартская колонна занималась лесозаготовками (в частности, шпал и дров для паровозов) и строительством завода авиационной фанеры.¹³

Социальный статус мобилизованных на трудовой фронт, числившихся вольнонаемными, был выше, чем у заключенных и спецпереселенцев.¹⁴

¹⁰ Имеется в виду издававшаяся на немецком языке газета «Der Frontsoldat». См.: Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. С. 533–572 и сл.; Ганелин Р. А. В штабе Карельского фронта (по воспоминаниям И. М. Дьяконова и Е. Г. Эткинда) // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2012. № 5 (126). С. 7–11.

¹¹ См.: «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы) / сост., предисл., коммент. Н. Ф. Бугая. 2-е изд. М., 2000. С. 61.

¹² Об отряде трудмобилизованных немцев в Севжелдорлаге см.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960 / сост. М. Б. Смирнов. М., 1998. С. 381.

¹³ Морозов Н. А. Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10, ч. 1. С. 67–69.

¹⁴ О «трудовой армии» см.: Гончаров Г. А. «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: вопросы историографии, теории и практики // Вестник № 2 / Челяб. ин-т экономики и права. Челябинск, 2002. С. 67–95; Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. Р. История немцев в России: Хрестоматия. М., 2005. С. 243–312 (гл. «Советские немцы в годы Великой Отечественной войны и в первое послевоенное десятилетие (1941–1955)»).

«Трудовая армия» (по аналогии с Красной армией!), «трудармейцы» – всё это неофициальные названия, а возможно, и самоназвания мобилизованных граждан, старавшихся с их помощью провести между собой и зеками четкую грань. Трудмобилизованные граждане должны были явиться при отправке их военкоматами на место работы в исправной одежде и обуви, с запасом белья, постельных принадлежностей, продовольствия и проч. Дальнейшее их обустройство, снабжение, вещевое довольствие возлагалась на НКВД. Режим проживания в Жешарте «трудармейцев» был, если судить по письмам Г. М. Фридендера к матери, не самым жестким. Так, известно, что военизированная охрана была не на всех пунктах работы трудмобилизованных немцев,¹⁵ – это как будто прослеживается и по письмам Фридендера. Условия же существования жешартских «трудармейцев» – в казармах за колючей проволокой, с вышками по краям зоны (Г. М. Фридендер вспоминал об этом в своих позднейших записках) – были очень тяжелыми. В сообщениях матери о своем быте он был осторожен, во-первых, из-за опасений за ее здоровье, а во-вторых, из-за военной цензуры. В них нет тех страшных подробностей о жизни рабочей колонны в Жешарте, которые известны по двум отчетам, составленным в 1944 г. в ходе инспекции НКВД: «Жилищно-бытовые условия для мобилизованных администрацией биржи (т. е. лесобиржи. – С. Б.) были созданы крайне неудовлетворительные. Мобилизованные были размещены в плохо оборудованных, грязных бараках. Одеждой, обувью мобилизованные обеспечивались исключительно плохо, рабочие получали горячую пищу два раза в сутки, причем почти один жидкий суп из капустных листьев, жиров и овощей почти не получали. <...> смертность среди мобилизованных крайне высока <...> около ста человек ввиду резкого истощения (дистрофия 1 и 2 степени) превратились в инвалидов, которых лесобазы активировала, снабжая хлебом по 300 грамм в сутки как неработающих».¹⁶

В послевоенном письме к М. А. Лифшицу, вспомнив о Жешарте, Г. М. Фридендер обронил: «Как там ни было страшно...» (5 апр. 1949 г.). О казарменном быте он матери не писал; лишь в 1944 г., перейдя на частную квартиру, упомянул, что в былой его казарме (Лифшицу он охарактеризовал ее как «клоповник») проживало двенадцать человек. Схема питания, описанная в одном из его жешартских писем, не во всем совпадает с представленной в отчете 1944 г. (возможно, она была им приукрашена): «горячую (жидкую) пищу» в 1942 г. давали трижды в день (судя по всему, это была баланда), а кашу – только два-три раза в неделю. Тем не менее Г. М. Фридендер постоянно повторял в письмах, что питается «сносно». Почему? Анжель Морисовна пережила первую блокадную зиму, потеряв мужа, а затем и домработницу, друга всей семьи (в письмах осталось лишь ее имя: Мария Георгиевна), долго и тяжело болела на протяжении 1942–1943 гг. (из них восемь месяцев провела в больнице). Г. М. Фридендер знал правду о жизни блокадного города, поскольку еще в Архангельске общался со многими эвакуированными

¹⁵ См.: *Гончаров Г. А.* Рабочие колонны на Урале в годы Великой Отечественной войны: Формирование и размещение // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 9 (59). С. 141–142.

¹⁶ *Морозов Н. А.* Мобилизованные группы... С. 69.

ленинградцами, находил он их и на территории Коми. Поэтому, сообщая матери 12 нояб. 1942 г. о том, что ему «иногда <...> приходится подтянуть свой ремень потуже», подчеркивал: «...я не из тех людей, которые придают большое значение подобным временным лишениям; по сравнению с ленинградской прошлой зимой мы существуем и питаемся роскошно – до жгучего стыда! Об этом я не забываю». В жешартских условиях Г. М. Фридлиндер не видел того, что можно было бы сравнить с ужасом первой блокадной зимы. И. М. Дьяконов написал Г. М. Фридлиндеру 14 авг. 1942 г. в Жешарт: «... всё это – лучше, чем Ленинград».

Питание «трудмобилизованных» производилось за их счет, посредством вычетов из зарплаты, по нормам, соответствовавшим лагерным. «Трудармеец» Г. М. Фридлиндер, относившийся к вспомогательному контингенту (работа в конторе), получал 600 г хлеба (ср. в письме от 11 февр. 1942 г. о хорошем солдатском питании в Бакарице: «Кормят нас 3 раза в день, паек – 800 гр. хлеба в день, 3 раза густая мясная или рыбная похлебка – лапша и крупа или крупа и капуста, сахар на неделю»). В целом, как и повсеместно на всей территории СССР, трудмобилизованных в Жешарте кормили с вопиющим нарушением норм (прежде всего за счет удержания мяса, жиров, овощей); как писал Г. М. Фридлиндер 12 нояб. 1942 г., их рацион сводился к «муке, крупе, рыбе». Что касается вещевого довольствия (за него также делались вычеты из зарплаты), то упоминания о нем в письмах встречаются крайне редко, главным образом в 1944 г. Г. М. Фридлиндера спасло то, что он был призван в «трудовую армию» из Архангельска и явился на призывной пункт с теплой одеждой. Е. А. и П. Л. Старёцы, эвакуированные в декабре 1941 г. и, как соседи по ленинградскому дому, приютившиеся в Архангельске у Г. М. Фридлиндера, переслали ему в Жешарт в посылках оставшуюся одежду и белье. Тем не менее уже с конца 1942 г. он называл себя в письмах (3 дек. 1942 г., 15 янв. 1944 г.) «настоящим оборванцем».

В письме от 4 мая 1943 г. Г. М. Фридлиндер указывает свою зарплату (600 руб.) и сумму вычетов из нее, называя их своими «тратами» (250–300 руб.). Сообщение о том, что у него нет «возможности и случая тратить» остальное, дополняется более конкретным сообщением в письме от 25 апр. 1942 г. о намерении послать матери перевод: «Разве я не писал Тебе, что эти деньги мне *абсолютно* не нужны? Они всё равно лежат без движения на моем текущем счету, так как все мои личные расходы сводятся к почтовым и еще – уплате членских взносов в комсомол; за питание и обмундирование вычитывают из моей зарплаты, а прикупать мне не приходится». Действительно, зарплата в это время «трудармейцам» не выдавалась. Существовала возможность перевода денег родным, но она была обставлена множеством препон: требовалось добиться не только разрешения начальства, но еще и выполнения его со стороны бухгалтерии (см. письмо от 30 сент. 1943 г.). Бухгалтерия ссылалась на отсутствие денег, и Г. М. Фридлиндер недаром назвал весь этот процесс волокитой.

В феврале 1944 г. часть трудмобилизованных немцев в Жешарте была переведена в разряд спецпоселенцев. Г. М. Фридлиндер переходит на частную

квартиру, отказывается (в обмен на карточки) от питания в столовой и начинает получать зарплату. Это совпало с переменой в жизни всех ленинградцев – полным снятием блокады. «Тебе стало жить легче – во мне зашевелился эгоизм...», – написал Г. М. Фридлиндер 5 марта 1944 г. Анжел Морисовна сразу же получила от него множество просьб о посылках (для посылки весом 8 кг требовалось разрешение, и она сумела получить его) и, главное, деньгах: оказалось, что ему для проживания в Жешарте нужны, в добавление к зарплате (в тот момент это уже 700 руб.), еще и 1000 руб. ежемесячно. Этим просьбам предшествовало письмо М. А. Лифшица, который хорошо знал жизнь А. М. Фридлиндера (он бывал у нее с 1943 г., приезжая в Ленинград, а летом–осенью 1944 г. останавливался у нее, устраиваясь для продолжительной работы в Военно-морской академии): «Если все-таки материальные недостатки серьезны в смысле осязаемого ущерба для здоровья («питания не та» – увы! – повсюду), то, по-моему, нужно, не стесняясь, попросить маму продать что-нибудь из вещей и выручить определенную круглую сумму <...>. Материальный ущерб Вы легко сумеете возместить по окончании всей этой глупой истории (имеется в виду пребывание в качестве «немца» в «трудовой армии». – С. Б.), а пример многих ленинградцев – в том числе нашего друга Воли, оставившего после себя большое наследство соседям и управхозам, – учит тому, что здоровье сохранять следует с большим тщанием, чем традиционный уют». В кругу Г. М. Фридлиндера живо обсуждались обстоятельства смерти от истощения в январе 1942 г. «друга Воли» – В. А. Римского-Корсакова (внука композитора), по словам И. М. Дьяконова в письме от 1 апр. 1942 г., «чистого, благородного, милого и наивного человека»: «...в этом виновата его мать, т<ак> к<ак> она пожалела продать какие-то вещи». Это мнение разделяла и А. М. Фридлиндер, сообщившая в 1942 г. сыну, что Ю. Л. Вейсберг-Римская-Корсакова (1878–1942) не смогла пережить смерть Воли.

А. М. Фридлиндер с готовностью откликнулась на просьбы сына, лишь в 1944 г. решившегося просить ее о денежной помощи, тем более что и ранее поддерживала себя продажей имущества. За годы войны ею была продана мебель из спальни и столовой (по сообщению в одном из писем: «Сейчас я проедаю свою спальню»), фарфоровая и хрустальная посуда, драгоценности. Выживание на жешартской лесобазе «трудоармейца» Фридлиндера было, в первую очередь, связано с позволявшим ему беречь физические силы положением конторского служащего – экономиста-плановика. При этом до февраля 1944 г. он жил в казарме в тех же условиях, что и все «трудоармейцы», и питался в той же столовой, не получая помощи из Ленинграда. Те описания обедов и ужинов, которыми наполнены его письма к матери 1944 г., свидетельствуют, конечно же, о самочувствии изголодавшегося человека.

Работа на жешартской лесобазе имела сезонные колебания, поскольку была связана со сплавом леса на Вычегде. Летом, когда начиналась самая интенсивная работа, конторских служащих привлекали к выкатке и погрузке леса, о чем Фридлиндер неоднократно упоминал в своих письмах (например, 11 июля 1944 г.: «...это бывает сейчас везде, если работа этого требует»). «Честно зарабатываю свой кусок хлеба», – так написал он о себе матери

в письме от 20 февр. 1943 г. Нередки в его письмах и упоминания о том, что «трудармейцы» работают «здорово» (20 сент. 1942 г.). По утверждению Н. А. Морозова, «архивные документы лагерей, дислоцированных в Коми АССР, полны сообщений о трудовой доблести и героизме трудармейцев-немцев».¹⁷ Письма Г. М. Фридлендера из Жешарта проникнуты сознанием, что он разделяет невзгоды военного времени вместе со всем народом и что его труд имеет отношение к подготовке победы над Германией. Эта убежденность укрепляла в нем внутренний стержень, не позволявший стереть «в пыль» его личность. Самые большие страдания, о которых он пишет матери, причиняло ему отсутствие книг, газет, радио, общая научно-культурная изоляция. Потребность интеллектуальной деятельности была у Г. М. Фридлендера настолько сильной, что она и в Жешарте не прекращалась, выливаясь в письма к друзьям и разного рода начинания, предлагавшиеся ему близкими людьми.

В одном из писем 1944 г., после вечера, проведенного в доме Анжель Морисовны, М. А. Лифшиц так охарактеризовал письма самого Г. М. Фридлендера к ней: «...они явно распадаются на два типа: 1). письма, рассчитанные на то, чтобы успокоить близких людей; 2). письма, напоминающие о себе и своем горе (последних меньше)». С самого начала, еще с архангельского строительного батальона, близкие Г. М. Фридлендеру люди (в первую очередь М. А. Лифшиц) приняли огромное участие в том, чтобы вызвать его из «трудовой армии». Различные пути прокладывались ими в поиске законных механизмов, протекций и ходатайств на протяжении 1942–1945 гг. Самым простым казался путь, связанный с устранением ошибки в установлении национальности (немцы были мобилизованы в «трудовую армию» до окончания военных действий, война же затягивалась). По этому пути пытались еще в 1937–1938 гг. идти многие из тех, кто оказался под ударом репрессий и ограничений со стороны государства. Циркуляр НКВД от 2 апр. 1938 г. разъяснял порядок действий по этим жалобам, указывая, в частности, что в случае, если у гражданина родители были «немцами, поляками и т. д.», он же требует зарегистрировать себя «русским, белорусом и т. д.», то «графа о национальности не заполняется до предоставления заявителями документальных доказательств».¹⁸ Новый поток жалоб пошел в государственные органы из «трудовой армии», что вызвало появление ряда инструкций НКВД. Директива от 28 марта 1942 г. требовала «делать запросы в органы НКВД и военкоматы по месту мобилизации заявителя, а при необходимости <...> по месту рождения или проживания».¹⁹

В июне 1943 г. Г. М. Фридлендер обратился с заявлением в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), переданным затем в Главную военную прокуратуру РККА, в котором утверждал, что его родители являются евреями и что он ошибочно, как «немец», лишен возможности защищать Родину на фронте. К заявлению Г. М. Фридлендера прилагалось и ходатайство М. А. Лифшица

¹⁷ Морозов Н. А. Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 годы). Сыктывкар, 1998. С. 103.

¹⁸ См. об этом: Байбури А. К. К антропологии документа... С. 541.

¹⁹ «Мобилизовать немцев...». С. 135.

о переводе его из «трудовой армии» на «литературную работу», т. е. в одну из фронтовых газет. 27 авг. 1943 г. в больницу им. В. И. Ленина пришла инспектор милиции Виноградова для снятия показаний от лечившейся там Анжель Морисовны, которая заявила, что муж и она по национальности – немец и француженка. Почему это произошло? А. М. Фридлиндер была против этой инициативы сына, поскольку боялась, что он окажется в действующей армии, т. е. на фронте... О своем отрицательном отношении к перемене национальности она написала Георгию Михайловичу 4 авг. 1943 г. (см. п. 36, примеч. к нему; еще раз о позиции матери он прочитал в письме М. А. Лифшица осенью 1944 г.). В конце 1943 г. А. М. Фридлиндер все-таки начала выполнять просьбы сына, стараясь исправить свои показания (при этом ни в одном своем письме она не извинилась перед ним за сказанное инспектору лично при первой встрече, поскольку это было сделано ею сознательно, по убеждению). Были проведены в семейном архиве и поиски тех документов, которые могли подтвердить указанные Г. М. Фридлиндером факты. Однако их почему-то в этот момент не нашли (они были «найжены» Анжель Морисовной позднее, в самом конце войны), да и изменения в уже сделанные показания внести не удалось... Трудно сказать, как могли развиваться события, если бы Анжель Морисовна с самого начала засвидетельствовала иные данные о себе и муже. Получил бы Г. М. Фридлиндер нужную отметку в паспорте и демобилизацию из «трудовой армии» уже в конце 1943 г.? Судя по тому, сколько усилий и времени ушло на вторую попытку такого рода, закончившуюся уже после войны, – успех был маловероятен.

Вопрос о национальности Г. М. Фридлиндер считал «исторической трухой», ускользнувшей от внимания родителей в момент получения ими первых советских паспортов, но сыгравшей трагическую роль в истории семьи. Летом 1944 г. Г. М. Фридлиндер решил предпринять новую попытку. На этот раз он предварительно испросил у Анжель Морисовны согласие на этот шаг, а затем, в письме от 8 июня 1944 г., дал ей подробные инструкции, поскольку теперь заявление могло исходить только от нее. В результате он был демобилизован из «трудовой армии» 1 нояб. 1945 г. (демобилизация «трудармейцев» началась во второй половине 1945 г., осуществлялась не без сложностей и растянулась в конечном счете на десятилетие). Для того чтобы это наконец произошло, были предприняты огромные усилия со стороны, главным образом, М. А. Лифшица и А. М. Фридлиндер (ее инициативность возрастала по мере приближения конца войны). На страницах их писем, а также И. М. Дьяконова, О. И. Ильинской, Т. Н. Лурье и других, упоминается в 1943–1945 гг. множество учреждений и имен, которые были задействованы в поисках разного рода путей: председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, нарком просвещения РСФСР В. П. Потемкин, первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник, писатель И. Г. Эренбург (вместе с Е. Ф. Усиевич и В. С. Кеменовым²⁰

²⁰ Во всем, что предпринималось М. А. Лифшицем в Москве для вызволения Г. М. Фридлиндера, главной фигурой был *Владимир Семенович Кеменов* (1908–1988), обладавший самым высоким в этом кругу положением (председатель правления ВОКС – Всесоюзного общества культурной связи с заграницей).

они хлопотали перед Шверником), директор ЛГУ А. А. Вознесенский, академики Л. А. Орбели, И. А. Орбели, А. А. Байков, С. И. Вавилов, И. П. Бардин, И. В. Гребенщиков и др. Дело оживилось после возвращения из эвакуации Института русской литературы; здесь самое деятельное участие в организации вызова Г. М. Фридендера для работы в трудах института приняли П. Н. Берков, Б. М. Эйхенбаум, Л. А. Плоткин. Вызовы из ИРЛИ и ЛГУ (в университет – для преподавательской работы), снабженные отзывами ведущих научных сотрудников и профессоров, были поддержаны Президиумом АН СССР. Каким же был итог?

Приказ о демобилизации Г. М. Фридендера был подписан в Москве 25 июля 1945 г. (сообщалось в письме О. И. Ильинской к М. А. Лифшицу, 25 авг. 1945 г.), но разрешения на проживание в Ленинграде он не получил (была дана лишь командировка на неделю в конце ноября 1945 г., когда мать и сын наконец встретились). Он стал преподавателем пединститута в Ярославле, куда приехал в декабре 1945 г. При оформлении документов Г. М. Фридендер получил и новую отметку в графе «национальность». Правомерен вопрос: поскольку его освобождение из «трудовой армии» не было связано с вычерком национальности «немец», была ли эта перемена благотворной в судьбе Г. М. Фридендера? Ошибочность его депортации в одном потоке с советским немцами не была признана властями, запретившими ему въезд в Ленинград! К перемене паспортных данных своего друга весьма настороженно относился М. А. Лифшиц, вопрошавший его в письме от 14 авг. 1944 г.: «...моральная проблема, Вас тяготящая, совершенно пала в цене <...>. Кто знает, много ли Вы выиграете от исправления ошибки Ваших родителей? Короче говоря, моральная проблема просто не существует.²¹ Если всё это (имеется в виду значение национальности «немец» для послевоенного времени. – С. Б.) отразится на карьере – но нет, не думаю, да и шут с ней. Много ли выиграют другие, скажем, Игорь <Сац>, я или <И. Е.> Верцман? Был бы дух спокоен, да сносная среда, ибо чужая среда, даже не плохая, очень утомляет».

В августе 1946 г., после повторения вызова Президиума АН СССР, Г. М. Фридендер приехал наконец в Ленинград и стал работать в должности ассистента в Первом Ленинградском пединституте иностранных языков. Когда

²¹ Письмо написано с оглядкой на военную цензуру, но, по-видимому, под «моральной проблемой», которая «пала в цене» (думаем, под воздействием побед шествовавшей по Европе Красной армии), имелась в виду бескомпромиссность высказываний о немцах как нации в литературе начала войны, в частности, в прозе и стихах И. Г. Эренбурга: «Мы знаем всё. Мы помним всё. Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово “немец” для нас самое страшное проклятье. Отныне слово “немец” разряжает ружье. <...> Не считай дней. Не считай верст. Считай одно: убитых тобою немцев. Убей немца! – это просит старуха-мать. Убей немца! – это молит тебя дитя. Убей немца! – это кричит родная земля. Не промахнись. Не пропусти. Убей!» (очерк «Убей!», опубл. 1942, газ. «Красная звезда»); см. также стихи Эренбурга «Убей!», «Немец», «Проклятие», «Немецкий солдат» и др. в его сборнике «Стихи о войне» 1943 г., стихотворение К. М. Симонова «Если дорог тебе твой дом...» (опубл. 1942, газ. «Красная звезда», под заглавием: «Убей его!»). Многочисленны были плакаты, варьировавшие призыв «Убей немца!». Лифшиц был прав, предвидя изменение в раскрытии этой проблематики в преддверии обустройства новой Европы.

началась кампания против космополитизма, ему сразу же напомнили «жешартскую эпопею». 5 апр. 1949 г. он написал М. А. Лифшицу: «...о ней вспомнили и заинтересовались. Заинтересовалась, вероятно, комиссия, приехавшая из Москвы для проверки нашей работы <...>. Комиссия эта рыщет, а придраться ей, по существу, не к чему. И вот они схватились за мою анкету. <...> Пока же меня вежливо попросили представить объяснительную записку с изложением всей старой грязи. Тем временем меня усиленно стенографируют и изучают мою научную продукцию. Забавно при этом то, что на нашей кафедре я, вероятно, единственный человек, к которому действительно не в чем придраться, если подходить к делу сколько-нибудь серьезно. Я окружен людьми, которые систематически несут околесицу и часто вредную – поют хвалы всяким декадентским красоткам и черт знает чему. А ругать будут меня». Наконец 22 дек. 1949 г.: «...есть целый ряд сугубо тревожных симптомов, говорящих за то, что я после окончания семестра, вероятно, буду “отставлен” из своего института. <...> Сейчас нас усиленно проверяет горкомовская комиссия. <...> истории с трудармией придается слишком большое значение, и тут уже ничего нельзя поделать».

В итоге, Г. М. Фридлендер был уволен в январе 1950 г., причем без права преподавания где бы то ни было; вновь на работу он поступил в 1955 г. в Институт русской литературы; в промежутке между этими датами занимался, как он писал в своих анкетах, «литературной работой» (внештатный редактор и рецензент в издательствах «Художественная литература», «Советская энциклопедия» и других, где в полной мере развернулось его дарование исследователя-энциклопедиста). При поступлении в ИРЛИ Г. М. Фридлендеру пришлось коснуться в анкете и «жешартской эпопеи»: «Отец мой, как и моя мать, родился в Петербурге, был до революции русским подданным, но происходил из семьи еврейского происхождения, перешедшей в немецкое реформатское вероисповедание. На этом основании он, а вслед за ним и я были записаны органами милиции по паспорту немцами по национальности. В 1945 г., при моей демобилизации, органами милиции было вынесено новое определение о моей национальности, и я был записан по паспорту евреем – по происхождению семьи моего отца. Однако в январе 1953 г. Управление милиции по Ленинградской области постановило вновь обменять мне паспорт и восстановить прежнюю запись о моем немецком происхождении.²² Такое двукратное изменение графы о национальности в моем паспорте заставило меня обратиться в Главное управление милиции СССР, которое, однако, ответило, что новый паспорт выдан мне правильно (ответ за № 2/26525/2 от 8.07.1953)».²³ Можно было бы считать это итогом «жешартской эпопеи», если бы не одно обстоятельство.

²² Проблема возникла из-за расхождений в анкетных данных послевоенного периода с более ранними. Г. М. Фридлендер неоднократно вызывался для объяснений в милицию, после чего было принято решение о возвращении в его паспорт старой записи (с указанием на неверные действия с документами при перемене национальности).

²³ СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, № 379, л. 6–6 об. Ср.: Дьяконова Н. Я. Мои воспоминания. С. 438.

В том потоке писем к Г. М. Фридендеру, который шел в Жешарт в 1942–1945 гг., важное место занимает исходивший от его друзей и близких призыв к терпению. Осенью 1944 г. М. А. Лифшиц писал: «Желающего судьба влечет, нежелающего – тащит. Так говорил, если не вру, Сенека. Сам я философом быть не умею <...>. Но Вам советую выработать в себе сыворотку терпения. <...> Против моральной доуки может помочь только работа мысли, ибо *по существу дела* все в таких же условиях, как Вы, т. е. нет человека, который мог бы заниматься только своим прямым и любимым делом». Все, без исключения, кто писал «трудармейцу Фридендеру», верили, что его ждут выдающиеся научные успехи: «...как бы ни задержало Вас нынешнее положение вещей, – писал Лифшиц, – Вы не останетесь позади, потому что это просто невозможно». Точнее же всех смысл «жешартский эпопеи» выразил, на наш взгляд, «фаталист» И. М. Дьяконов: «Может быть, когда Вы бедствуете, это судьба Вас хранит» (14 авг. 1942 г.); и наконец, как будто из Достоевского: «...твоей бедствия предначертаны свыше для сохранения твоей жизни» (26 апр. 1945 г.).

Письма печатаются по автографам без конкретизации шифра хранения, поскольку фонд Г. М. Фридендера (РО ИРЛИ, ф. 929) и фонд М. А. Лифшица (Архив РАН, ф. 2029)²⁴ находятся в стадии обработки. Публикация писем нацелена на воспроизведение обстоятельств жизни Г. М. Фридендера в трудармейском лагере, а также тех общественно-исторических проблем, которые затронуты во вступительной статье; фрагменты, выходящие за пределы означенной проблематики, а также начальные (обращения к матери, исключительно нежные и разнообразные по форме) и заключительные (приветы, напутствия, подписи), купированы. На всех письмах военных лет стоит штамп военной цензуры. Орфография и пунктуация публикуемых писем приведены в соответствие с современными нормами, но с сохранением ряда индивидуальных написаний.

²⁴ Публикация писем Г. М. Фридендера к М. А. Лифшицу стала возможна благодаря работе коллектива «Архив Мих. Лифшица» – научного содружества под руководством В. Г. Арсланова, выпустившего за последние семнадцать лет более десятка книг по материалам обширного архива философа.

Письма к А. М. Фридендер

1. <Жешарт. 8 авг. 1942>

Дорогая моя мамуля! Только сегодня имею возможность черкнуть Тебе, да и то 2 слова. Итак, я на новом месте – райвоенкомат передал меня из расположения Военно-строительного управления на трудовой фронт. Адрес – Коми АССР, Усть-Вымский район, село Жешарт, колонна № 3а. Это между Котласом и Сыктывкаром на реке Вычегде. Работаю пока на физическом труде (нетрудной), в будущем обещают перевести в контору, вероятно, это будет на днях. <...>

2. <Жешарт. 10 авг. 1942>

<...> Не сетуй на меня, если буду писать отсюда реже, чем раньше: здесь очень трудно выкроить время даже для того, чтобы написать два слова. 13 часов из суток проходят на рабочем месте, 12 за работой и 1 час за обедом. Остаются 11, из них 8 на сон, по часу на завтрак и ужин (очередь!), остается максимум при самых благоприятных условиях 1 час или 2 свободного времени, не всегда. Пока я все еще выполняю ту же не трудную, но скучную работу – сигнальщика на лесобирже (махая флажком и этим даю знать лебедке о времени и направлении движения). Но я договорился с экономистом, которому нужен помощник, что он на днях возьмет меня к себе, – придется переждать лишь несколько дней, так как на производстве сейчас очень остро обстоит вопрос с рабочей силой. <...> я очутился так далеко от Тебя и настолько отрезан от всего мира (здесь нет радио, а газеты приходят с опозданием на 6–7 дней!), что я не могу советовать Тебе ничего и вынужден молчаливо ожидать Твоих писем. Вся моя надежда – на любовь, соединяющую нас. Она должна дать нам силы выдержать все испытания, чтобы, в конце концов, снова соединиться для счастливой и мирной жизни на земле, освобожденной от врага. Думай о себе во имя этой любви и не пренебрегай ничем, что может поддержать Твое здоровье и облегчить Твою жизнь. <...> друзья помогут Тебе советом, да, вероятно, и не только советом. Передай им мою горячую благодарность, скажи, что я их неплатный должник, да что? – самое слово «долг» здесь неудобно употреблять, настолько велико то, что они для Тебя сделали. Что касается моих советов, то я могу лишь напомнить об участии Миши¹ и Тамары,² готовых оказать Тебе любую помощь, и сердечном и искреннем приглашении Ляли и Софьи Григорьевны.³ Может быть, в этом случае Яша⁴ мог бы все же Тебе помочь? Если бы Вы были вместе, я благословлял бы судьбу. <...>

¹ Миша – М. А. Лифшиц. В письмах Фридендера большое место отводилось обсуждению планов эвакуации матери из блокадного Ленинграда, причем наиболее желательным для него был ее отъезд в Москву, где Лифшиц брал на себя заботу о ней. М. А. Лифшиц был лидером так называемого философско-эстетического «течения» 1930-х гг., представлявшего собой оригинальное культурное явление в жизни СССР того времени. Центром «течения», куда входили венгерский философ Георг Лукач, литературные критики Е. Ф. Усиевич, И. А. Сац,

В. Б. Александров (Келлер), В. Р. Гриб, писатель Андрей Платонов, были журналы «Литературный критик» и «Литературное обозрение» (см. с. 496, примеч. к п. 85). Борьба за идеалы высокой классической культуры и неприятие всякого официоза и вульгаризаторства сочетались в деятельности «течения» с трезвой, реалистической позицией, позволявшей отстоять наследие художественной и философской классики в трудный период русской истории. Яркие выступления представителей этого «течения» 1930-х гг. привлекали на его сторону мыслящую молодежь, среди которой был и студент Ленинградского университета Г. М. Фридендер (см. также с. 468, примеч. 1 к п. 26, с. 474, п. 39 и примеч.).

² *Лурье Тамара Ноевна* (1911–1990) – переводчица, сотрудница многих московских издательств, вдова Владимира Романовича Гриба (1908–1940).

³ *Ильинские* – Ляля, Ольга Игоревна (1911–1986) – филолог, ее мать Софья Григорьевна (ум. 1960), санитарный врач. Они были эвакуированы из Москвы в Иркутск, где О. И. Ильинская работала в пединституте и университете. Ильинские приглашали А. М. Фридендера в Иркутск. Дружба Ляли с Г. М. Фридендером началась во время учебы в университете; она была женой его друга Я. Л. Бабушкина. Об этом студенческом кружке см.: *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства: (На крутых поворотах советской истории). Киев, 2001. С. 65–82.

⁴ *Бабушкин Яков Лейбович* (1913–1944) – ближайший друг Г. М. Фридендера, после окончания ЛГУ в 1938 г. поступил на работу в Ленинградский радиокомитет, в годы блокады главный редактор литературно-художественного вещания, член ВКП(б) с 1939 г.

3. <Жешарт. 23 авг. 1942>

<...> В последние дни начал тосковать по книге – хотелось хотя бы урывками читать по 5–6 страниц в день. Тянет, как пьяницу или как курильщика опиума. В остальном всё у меня благополучно. С работой справляюсь, кое-как, думаю, что постепенно овладею новой профессией.¹ <...>

¹ Имеется в виду профессия экономиста-плановика.

4. <Жешарт. 28 авг. 1942>

<...> третьего дня получил сюда уже первое письмо, пересланное мне из Архангельска моими соседями, – от Михаила Александровича! Он, как всегда, трогательно заботлив по отношению ко мне и к Тебе. Пишет, что отправил в Ленинград два письма – от имени президиума Союза советских писателей, на имя лен<инградского> отд<еления> Союза, и одного из членов Военного совета. Кроме того, он писал Тебе лично с одним профессором, выехавшим в Ленинград. Он ждет Тебя в Москве, а, если ему не удастся устроить Тебя у себя, в будущем думает перевезти Тебя в Чистополь, где находятся его дети и Рита.¹ У меня всё по-старому – поэтому о себе не пишу. Работаю много, даже не всегда успеваю выспаться, но здоров и не унываю. <...> Много пришлось нам перенести за этот год, скольких близких нет, какие глубокие раны он оставил навсегда! Но твердо верю в скорое лучшее будущее, верю в нашу любовь и способность выдерживать все испытания и снова соединиться для лучшей, счастливой жизни. <...>

¹ Чистополь – город в Татарстане, куда был эвакуирован из Москвы Союз писателей СССР. Во время войны там жил и писатель Н. Г. Лурье (1885–1960), отец Тамары и Риты Лурье (см.

примеч. 2 к п. 2). До середины 1943 г. Р. Н. Лурье работала воспитателем в чистопольском детском интернате Литфонда, где находились дети Михаила Александровича Лифшица (см.: Странники войны: Воспоминания детей писателей. 1941–1944 / Сост. Н. А. Громова. М., 2012. С. 43, 141, 368).

5. <Жешарт. Первые числа сент. 1942>

<...> Из Твоих писем я достаточно понял, насколько серьезно Твое недомогание, хотя Ты и хочешь скрыть от меня. Когда закрываю глаза и стараюсь увидеть Тебя перед собой, невольно вижу Тебя худой, страшно бледной и истощавшей, с грустными, жалкими глазами и впалыми щеками. Пишу это и плачу, как ребенок. Ах, дорогая, если бы всё могло быть иначе, и мы бы опять могли быть вместе. Хочу думать и верю, что это будет и уже не за горами. <...>

6. <Жешарт. 5 сент. 1942>

<...> Работаю по-прежнему техучетчиком, веду журнал технического учета, составляю различные сводки и графики. Всё это, в конце концов, сравнительно неплохо. Только с моим непосредственным начальством идет свистопляска: за последние 10–12 дней у нас сменилось 4 экономиста, последний – четвертый – должен приступить к делам сегодня, он уже приехал, но пока в управлении, и я с ним еще не знаком. <...> не имею ни газет, ни журналов и о Ленинграде сегодня сужу по июню–июлю. <...>

7. <Жешарт. 12 сент. 1942>

<...> Ляля прислала мне сюда такое милое и трогательное письмо, что я всплакнул, читая его. Хорошо иметь таких верных друзей – лишь бы настала скорее возможность увидеть и обнять их снова. Как Ты? Как Твое здоровье и самочувствие? Приближается ли Твой отъезд? Как живете сейчас вообще вы, ленинградцы? Я здесь отрезан от всего мира: без радио, почти без газет, живу случайными известиями, доходящими и то с большими опозданиями. <...> Новый мой начальник оказался очень милым человеком, работать с ним хорошо и легко, хотя работы у нас обоих немало – замучила глупейшая переписка, масса сводок, бумаг, приказов и прочей бумажной волокиты. <...>

8. <Жешарт. 19 сент. 1942>

<...> как далеко ни разбросала нас друг от друга война, все мы продолжаем ощущать свою неразрывную связь. Это я говорю о чувстве связи с друзьями, а что сказать о связи, соединяющей нас с Тобой?! Забыть о ней, потерять на минуту ощущение этой близости – невозможно. Я освоился со своей работой, хорошо лажу со своим новым начальником, который оказался человеком очень симпатичным и прекрасным работником. Теперь у нас новое расписание – работаем утром и вечером, а днем – с 1 ч. до 6 делаем перерыв, если нет сверхсрочной работы. Часть этого времени идет на перекрытие ночного недосыпания (сплю, примерно, с 1 ч. до 5 ч., до 5 ч. 30 м.), а остальное время

могу прогуляться по производству и мог бы даже читать, если бы только здесь были книжки. <...>

9. <Жешарт. 20 сент. 1942>

<...> Сейчас мой экономист болен уже несколько дней, и я веду работу самостоятельно, причем справляюсь с ней, а следовательно, кое-как освоился с делом. Вчера впервые в жизни совершил целый подвиг на поприще финансово-экономических наук: составил подробный и доскональный анализ выполнения плана за полмесяца, причем без особых затруднений. <...> У нас сейчас проходит фронтовой декадник по выкатке леса из воды – подходит конец сплава, и нужно до того, как река замерзнет, спасти весь сплавной лес. Народ работает здорово. Сегодня в связи с этим у нас вечером будет концерт, Впрочем, вероятно, не слишком привлекательный для такого гурмана в области искусства, как Твой покорный слуга. Что еще написать Тебе о себе? У меня здесь завелся один полуприятель, ленинградец, инженер-электрик из Главной палаты мер и весов.¹ Иногда мы в свободные минуты делимся с ним общими воспоминаниями о Ленинграде и вообще балагурим на разные темы. <...>

¹ Главная палата мер и весов (ныне Всероссийский научно-исследовательский институт метрологии им. Д. И. Менделеева). По-видимому, речь идет о Марке Юлиановиче Тиссене, многократно упоминаемом в письмах Г. М. Фридендера. Мобилизованный в «трудармию» в сентябре 1942 г., он, как и Фридендер, был в 1944 г. переведен в разряд спецпоселенцев. В 1946–1955 гг. работал в секретных подразделениях, ковавших ядерный щит СССР, – сначала в Обнинске (Калужская обл.), а затем в пос. Сунгуль (Челябинская обл.). Об этой работе, не называя ее предметно, Тиссен с восхищением писал Фридендеру как о воплощении своих научных мечтаний. Впоследствии работал в Институте биофизики (ныне Институт теоретической и экспериментальной биофизики РАН, Пущино). См.: *Емельянов Б. М., Гаврильченко В. С.* Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен. Снежинск, 2000. С. 85–86.

10. <Жешарт. 30 сент. 1942>

Дорогая моя, любимая мамуля! Получил наконец Твое долгожданное, дорогое письмецо из больницы от 11/IX и одновременно два письма от тети Цили,¹ в которых она пересылает мне Твои старые письма, вернувшиеся из Бакарицы. <...> Сначала я взялся за Твое письмо, потом, испуганный, стал смотреть другие, чтобы понять, какое же письмо последнее и каково Твое состояние *теперь*. Несколько раз я принимался за эту разборку и несколько раз должен был прервать чтение, потому что *не мог* читать. Слезы меня душили, и нескоро я смог овладеть собой и вникнуть в ваши драгоценные строки.

<...> Главное, что заставляет меня верить и надеяться на лучшее, несмотря ни на что, – это то, что Тебе удалось наконец установить связь с Мишей и что Твой приезд в Москву, где Тебя ждет забота, необходимый уход, лучшее питание, люди, которые окружают Тебя всем тем вниманием и любовью, которые Тебе нужны, – принципиально перешел из стадии ожидания в стадию чего-то вполне реального. <...> Я живу по-прежнему, освоился со своей работой и, кажется, добился даже того, что здешнее начальство меня немножко ценит,

а это здесь нелегко, так как начальство здесь мало внимательно к людям. Это относится к командованию колонны, что же касается до моего непосредственного начальника – экономиста, то это необыкновенно милый, культурный и знающий человек и работать с ним исключительно приятно. На днях его должны были взять в действующую армию, но, на мое утешение, оставили здесь. <...> Я вполне здоров, за весь этот год не валялся – тьфу, тьфу! – ни одного дня, более или менее (как видишь, пишу *вполне* откровенно) сыт, в тепле и вообще не подвергаюсь никаким особым лишениям и опасностям. <...>

¹ *Луниця Цецилия Михайловна* (1888–1969) – жена служащего Госбанка М. И. Лунца, младшая сестра А. М. Фридендер. В автобиографиях А. М. Фридендер и семейной переписке она именовалась Цецилией Михайловной (тетей Цилей), в паспорте и других документах – Ириной Борисовной.

Письмо к М. А. Лифшицу

11. <Жешарт. 6 окт. 1942>

Дорогой Миша! Вчера получил Вашу открытку и спешу Вам ответить. Большое спасибо за Вашу неизменную любовь и участие ко мне и за все то, что Вы хотите для меня сделать. Хотя успех очень маловероятен, но все, что Вы сможете сделать для того, чтобы извлечь меня из этой нелепой истории, я принимаю с благодарностью. На днях я отправил Тамаре письмо с ответами на интересующие Вас вопросы.¹ Кроме того, если это может быть полезно в какой-нибудь степени, я просил Лялю достать и переслать Вам отзывы ряда «авторитетов» обо мне как знатоке истории русской культуры и литературы (Азадовского, Гуковского).² Прошу прощения за несколько истерический тон моих первых писем: я был морально слишком потрясен и взволнован, чтобы писать иначе. Теперь я вижу, что по сравнению со многими я нахожусь в крайне счастливом положении. Страдания мои были (и есть) исключительно моральные, особых физических лишений я не терплю, в отношении здоровья все обстоит благополучно. Так что действуйте, но не очень волнуйтесь за меня. Целую Вас. <...> Ваш Юра.

¹ По-видимому, речь идет о документах и фактах, которые могли подтвердить правомочность перемены национальности. *Тамара* – Т. Н. Лурье.

² *М. К. Азадовский* – в 1942–1945 гг. профессор Иркутского университета, не откликнулся на просьбу Г. М. Фридендера; об отзыве *Г. А. Гуковского*, в это время жившего в Саратове, куда эвакуировался ЛГУ, см. в письме от 10 окт. 1943 г. Гуковский был оппонентом на защите кандидатской диссертации Г. М. Фридендера в 1947 г.

Письма к А. М. Фридендер

12. <Жешарт. 9 окт. 1942>

<...> От Миши за это время имел открытку, дышащую заботой и участием, так что не сомневаюсь в его готовности Тебе помочь. Переезд Твой

убедительно прошу не откладывать, – как только здоровье поможет Тебе его осуществить, даже если это будет возможно лишь ценой известных материальных жертв <...>. Главное – взять с собой белье, верхнюю одежду, теплые вещи на зиму, вообще всё из тряпок, что сохранилось. Это сейчас наибольшая ценность, так как на скорое обновление гардероба рассчитывать не придется, а без одежды и белья жить и служить по меньшей мере затруднительно. <...>

13. <Жешарт. 17 окт. 1942>

<...> Прошлое Твое письмо из больницы, несмотря ни на что, так меня обнадежило! – а сейчас снова приходится думать о возможности второй суровой зимы в Ленинграде. Выдержишь ли Ты ее после 5 месяцев болезни и всех моральных переживаний прошлого года? Стоит мне представить Тебя – похудевшую, бледную, со скорбными глазами и слабым голосом – и мне хочется плакать, слезы невольно навертываются на глаза. Но главное, в чем мне хочется Тебя убедить, это в том, что жить *нужно*, моя дорогая! Не забывай об этом, не теряй ни на минуту сознания того, что Ты необходима в этом мире, необходима для меня, будем надеяться, что и для Андрея, что, как бы ни было тяжело физически и морально, а *нужно* пережить, *нужно* вынести, *нужно* сохранить себя во что бы то ни стало. <...>

14. <Жешарт. 27 окт. 1942>

<...> я узнал о гибели многих наших общих знакомых – литературоведов старшего и нашего поколения, с которыми мы когда-то встречались и спорили в университете и в академии. Какой мирной и спокойной представляются теперь все эти литературные «войны», и как давно они были! Мне жаль и соратников, и противников, среди которых было немало честных и достойных людей, – сколько их ушло за этот год! Я живу по-старому, работаю и подерживаю в себе бодрость и спокойствие духа надеждой на нашу победу, свидание, годы хорошей, мирной жизни вместе с Тобой. Я постоянно сознаю, что я много виноват перед моей дорогой старушкой-матерью, но, зная Тебя, я уверен, что Твое сердце давно простило мне всё и что оно полно по отношению ко мне только чувствами бесконечной любви и прощения. <...> Да! идет осень, за нею зима – и еще немало предстоит нам всем перенести в эту вторую холодную и мрачную зиму, но сердце полно уверенности в том, что за нею наступят весна и возрождение, не только в природе, но и в жизни народа и в нашей маленькой жизни. Как бы враг ни был силен, мы победим, и тогда мы с моей маленькой, похудевшей мамой снова заживем по-старому, а может быть, и лучше старого, потому что опыт этих суровых лет предохранит нас от повторения старых ошибок и заблуждений. <...>

15. <Жешарт. 2 нояб. 1942>

<...> Пол<ина> Лазар<евна>¹ была так добра ко мне, что организовала (не без труда) пересылку ко мне моего одеяла и теплых вещей, так что на зиму

я обеспечен всем необходимым. От одеяла на меня так и пахло запахом родного дома, детства, когда я ложусь спать – я засыпаю с тысячью воспоминаний о Тебе и нашей домашней жизни. <...> У нас оформилась организация ВЛКСМ, и я избран ее секретарем.² Случайно это совпало с временным выдвинутым моим начальником на другую работу – на это время я остался один, и на мне лежит работа, которую делали в прошлом мы оба. В результате приходится здорово крутиться. <...>

¹ П. Л. Старец (см. с. 451).

² У трудмобилизованных изымались паспорта и военные билеты, но оставались билеты ВЛКСМ и ВКП(б). Согласно характеристике, выданной Г. М. Фридендеру в Жешарте 26 нояб. 1945 г., он был секретарем комсомольской ячейки в 1942–1943 гг. и членом бюро в 1944–1945 гг.

16. <Жешарт. 7 нояб. 1942>

<...> Вчера, вероятно, все вы слышали по радио голос нашего вождя. К сожалению, здесь нет радио, и я только через несколько дней узнаю, что он говорил в этот исторический день. Но я уверен, что его доклад был полон уверенности в том, что планы наших врагов еще раз разбиты и что торжество социализма не за горами. <...> От Тебя по-прежнему не имею писем со времени Твоего сентябрьского письма, написанного из больницы. Это письмо я всегда ношу с собой в кармане вместе с телеграммой, полученной когда-то еще в Архангельске с известием о Твоем выздоровлении после болезни весной. Как сейчас Твое здоровье, дома ли Ты, как Твои планы на выезд? <...>

17. <Жешарт. 12 нояб. 1942>

<...> С едой дело обстоит более или менее сносно, хотя хуже – увьи! – чем в Бакарице. Хлеба получаю 600 гр. и 3 раза в день горячую пищу в жидком виде, 1–2 (редко 3) раза в неделю на ужин еще и кашу. Прикупать здесь ничего не удастся, овощей мало, главные продукты питания, помимо хлеба, – мука, крупа, рыба. Но если иногда и приходится подтянуть свой ремень потуже, то я не из тех людей, которые придают большое значение подобным временным лишениям; по сравнению с ленинградской прошлой зимой мы существуем и питаемся роскошно – до жгучего стыда! Об этом я не забываю. Что еще написать Тебе? Вся жизнь для меня настолько сосредоточивается в мыслях о вас, а эти мысли, в сущности, настолько просты и неизменны, что для изложения на бумаге содержания моей духовной жизни хватило бы двух-трех строк. Здоровы ли Ты и друзья, где вы, что делаете – вот всё, что волнует и интересует меня в личной жизни, в остальном я живу только газетой и информацией с фронтов – увьи! – здесь крайне скудной из-за скверного снабжения газетами. <...>

18. <Жешарт. 20 нояб. 1942>

<...> Я здоров – вот главное, работаю, одет, в тепле, переносу начавшуюся уже здесь зиму без особых лишений. Друзья мне последнее время не пишут,

это меня очень огорчает, так как всякое письмо здесь переживаешь как огромную и необычную радость. Особенно грустно мне, что я ничего не знаю уже около месяца о Мише, в Москве ли он еще или снова в армии? Если из Москвы ему пришлось снова выехать на фронт, то я боюсь, как бы не разладился окончательно Твой переезд в Москву, в который я сейчас еще продолжаю верить и на котором продолжаю безусловно настаивать. <...> Поправляйся, береги себя, помни о том, что Твоя жизнь и здоровье нужны для Твоего глупого и беспомощного младшего. <...>

<Письмо к Ц. М. Лунц,
приложенное к письму от 20 нояб. 1942:>

<...> Умоляю Вас, напишите мне правдиво и искренне обо всем, хотя бы положение мамы снова было очень тяжелым. Я со своей стороны могу сообщить Вам, что здоров, работаю и живу по-прежнему, так что жаловаться особенно на свою судьбу в настоящих условиях не приходится. Питаюсь скромно, даже весьма, но что поделаешь, приходится с этим мириться. В остальном тоже ограничен необходимым. Но это общая судьба всего народа, и пережить ее нетрудно, лишь бы по-прежнему иметь уверенность в победе и знать, что мама и все родные и близкие где-то далеко *живы* и что – дай бог! – удастся еще свидеться, наговориться вместе, наплакаться о пережитом горе и испытать вместе много хорошего. <...>

19. <Жешарт. 3 дек. 1942>

<...> Моего бывшего начальника – нашего экономиста назначили временно начальником нашей рабочей колонны, а я временно выдвинут на должность экономиста. Составил самостоятельно отчет за прошлый месяц и подробную объяснительную записку к нему и вчера отправил эти первые плоды своих трудов в отделение на показ начальству. Остальное время составляю различные сводки и статистико-информационные таблички. Работы порядочно, но это к лучшему, без этого было бы смертельно скучно. Здорово оборвался и обтрепался, но здоров – а это главное, сижу в тепле и вообще с горем пополам, а если посравнить да посмотреть, – живу еще не так худо. <...>

20. <Жешарт. 7 дек. 1942>

<...> Наконец, после огромного перерыва, получил еще одно письмо от Тебя – еще из больницы, от 8/IX, и одновременно – письмо от Яши¹ от ноября. В последнем он сообщает, что Ты, наконец, здорова, работаешь у него и сравнительно прилично устроена, поскольку это вообще возможно в условиях Ленинграда. Всё это меня бесконечно обрадовало. Очень обрадовало меня и то, что здесь есть хоть капля участия со стороны Яши и что Твои отзывы о нем оказались не вполне справедливы. Ведь слишком много лет продолжалась наша дружба, чтобы мне усомниться в нем... <...> Пользуйся теми условиями, которые создал Тебе Яша, живи в общезжитии, старайся больше быть в тепле, отдыхать, не урезывать себя в питании; поскольку есть возможность –

прикупать к пайку всё, что можно достать. <...> Обо мне не беспокойся, как-нибудь проживу, а там – дай бог! – скоро мы увидимся. <...>

¹ Я. Л. Бабушкин (см. примеч. 4 к п. 2). В Ленинградском радиокомитете, где А. М. Фридлиндер работала машинисткой с ноября 1942 г. по апрель 1943 г., обустройство общежития диктовалось необходимостью круглосуточной работы при постоянных бомбежках и артобстрелах. 23 нояб. 1942 г. она сообщала сыну: «Перебралась в общежитие Дома радио, ибо кончаю работать в 7 ½ ч., когда абсолютная тьма. Кроме того, <дома> нет дров, приходится таскать воду на 4-й этаж – словом, я очень довольна, что решилась на предложение Яши. Общежитие помещается как раз напротив Дома радио, во 2-м этаже. Питаюсь 3 раза в день тут же на работе, где имею рацион (т. е. всё, что положено по продовольственной карточке. – С. Б.) и дополнительно всё то, что выдается населению кооперацией. <...> Работы очень много, работа полезная, люди, окружающие непосредственно меня, очень милы – словом, о лучшем не мечтаю и минуты не сожалею о том, что рассталась с Б<библиотекой> АН, которая превратилась в могилу». В письме от 5 дек. 1942 г. А. М. Фридлиндер писала: «Живу исключительно службой, работы много, всё кипит вокруг, чувствуется, что она крайне необходима, нужна и моя маленькая доля – вот что дает громадное удовлетворение»; здесь же она отмечала, что имеет карточку «I категории» (т. е. рабочую), и поэтому у нее нет нужды что-либо добавлять к ней (в столовой «готовят вкусно и достаточно»).

21. <Жешарт. 16 дек. 1942>

<...> К нам прибыло новое пополнение, и среди них один «десятник»,¹ лицо которого сразу показалось мне виденным. Оказалось, что он, разумеется, ленинградец, – и Твой бывший сослуживец по СОЛАБ'у.² <...> я хорошо помню его по БАН'у и по филармонии. Фамилия его Эдигер.³ Он пережил всю тяжесть ленинградской (прошлой) зимы, потерял сына и эвакуировался из Ленинграда в апреле. На меня он произвел очень хорошее впечатление, и мне очень жаль, что вскоре он снова уехал отсюда на один из близлежащих соляных заводов, где будет работать в качестве инженера. Вообще ленинградцы здесь – самые милые люди, и встречу с каждым из них переживаешь как встречу с родным и близким человеком. <...>

¹ Десятник – старший над группой рабочих.

² СОЛАБ – Соляная лаборатория АН СССР (на Тифлисской ул.), преобразованная в 1935 г. во Всесоюзный институт галургии (ныне ВНИИ галургии). А. М. Фридлиндер работала там в 1933–1934 гг.

³ По-видимому, *Эдигер Вильмар Генрихович* (1908–1976) – впоследствии заведующий заводской лабораторией Михайловского содового комбината на Алтае, который строили немцы, кандидат технических наук, с 1962 г. преподаватель Алтайского политехнического института.

22. <Жешарт. 20 дек. 1942>

<...> Через 9 дней Ты перешагнешь через 56 лет своей жизни, а вскоре с тем закончится, я надеюсь, и самый тяжелый ее год. Начнется новый год – год победы, год, который принесет нам воссоединение и откроет новый период светлой и радостной жизни. Вернусь я, может быть, вернется наконец и Андрей, и мы увидим еще немало хороших дней. <...> У меня всё

по-прежнему. Работаю, здоров, в тепле и сносно накормлен. С завтрашнего дня добился на 10 дней в порядке подкрепления и профилактики усиленного питания. Буду получать понемножку масла, сахара, компота, котлетку – вещи, которые я давным-давно не видел. <...> Сегодня у нас выходной день для всей колонны,¹ я тоже решил впервые воспользоваться своим «правом на отдых»: сейчас пишу, потом прилягу, а позже буду латать и штопать свои дыры. <...>

¹ В «трудовой армии» полагалось три выходных дня в месяце.

23. <Жешарт. 25 дек. 1942>

<...> Хотя уже конец декабря, но здесь всё еще стоит мягкая, теплая погода. Мороз не выше 5–6°, много снега; я сменял (кажется, не писал Тебе об этом?) ватную фуфайку <...> на новую, приобрел новые ватные брюки и нахожусь во всеоружии на случай приближения морозов, но пока их не видно. <...>

24. <Жешарт, Урдома. 2–4 янв. 1943>

<...> Это письмо я начинаю накануне выезда в командировку. Еду «людей посмотреть и себя показать» – по вызову начальства, желающего со мной познакомиться. Еду завтра вечером. Дорога за 70 км на юг, к Котласу. <...>

4/1 1943 г. Урдома. <...> Вчера в 6 ч. меня свели с одним попутчиком, который подвез меня на своей лошади до станции, а отсюда поезд доставил нас напрямик до места. Приехал в 5 ч. утра, до 7 ч. выспался на столе в конторском помещении, в 9 ч. явился «по начальству»; затем бегал по всяким делам. Здесь гораздо красивее, чем в Жешарте, – кругом прекрасный еловый лес, местность испещрена холмами, но сам штаб произвел на меня впечатление скуки и, я бы сказал, затхлости: работать здесь мне бы не хотелось. Вечером еду назад, по всей вероятности, с тем же попутчиком. Разумеется, он оказался ленинградцем; но семья его эвакуировалась еще в феврале, остался в Ленинграде только один сын. Работает он в научно-изыскательной экспедиции Гидролестранса. <...>

25. <Жешарт. 13 янв. 1943>

<...> Радует меня то, что Ты довольна работой и что условия жизни в общепитии Тебя не стесняют. Насколько могу судить, если Ты меня не обманываешь, с питанием дело у Тебя также обстоит не так плохо. За всё это я очень благодарен Яше; вижу, что он, как и все мои друзья, сохранил ко мне прежнюю дружбу и любовь. Я по-прежнему здоров и живу неплохо, только скучаю о всех вас, мои дорогие. <...> На днях исполняется год со дня смерти папы – тяжелое и страшное это было время для Тебя и всех ленинградцев! <...>

26. <Жешарт. 19 янв. 1943>

<...> Сегодня радио принесло радостную весть о продвижении наших войск на Ленинградском фронте, о занятии Шлиссельбурга, Дубровки и сое-

динении их с войсками волховской группы. <...> Да принесет эта зима нам, как и всему нашему великому народу, возрождение новой счастливой жизни. Пусть сохранится Твое здоровье, пусть оно укрепится еще и еще для того, чтобы мы могли снова встретиться и зажить так хорошо, как никогда. Может быть, вернется к нам и Андрей, вернется Шура,¹ и много близких дорогих лиц снова замелькает вокруг нас. Будем жить в нашей квартире, по утрам вместе пить кофе, потом расходиться – Ты на службу, я в библиотеку или за письменный стол, потом вечер, обед вдвоем или втроем, к чаю соберутся друзья, Ты сядешь за чулок или будешь возиться с бумагами, я с книгой... Неужели мысль об этом, моя дорогая, не заставляет биться Твоего сердца, не зовет Тебя жить и жить!.. Итак, не грусти! Недаром сказал нам Сталин, что и на нашей улице будет еще праздник.² <...>

¹ *Выгодский Александр Гаврилович* (Шура) (1915–1941) и Г. М. Фридендер были авторами комментария к сборнику К. Маркса и Ф. Энгельса «Об искусстве», вышедшему под редакцией М. А. Лифшица (с его же вступительной статьей) двумя изданиями в 1937 и 1938 гг.; многократно издавался за границей; впоследствии был переработан в двухтомник и издан в 1957–1958 гг. Выгодского и Фридендера привлек к работе над комментариями Лифшица, который был недоволен тем изданием сборника, который ему удалось выпустить в 1933 г. при участии А. В. Луначарского и Ф. П. Шиллера. К началу войны Шура Выгодский был сотрудником Ленинградского радиокомитета; ушел на фронт добровольцем в июле 1941 г., был политруком роты, в октябре пропал без вести.

² Пословица «Будет и на нашей улице праздник» (приведена в книге В. И. Даля «Русские народные пословицы», 1862) была использована И. В. Сталиным в обращении к советскому народу 7 нояб. 1942 г.

27. <Жешарт. 26 янв. 1943>

<...> я сейчас питаюсь по-царски, так как удалось снова на время получить больничный паек, что означает 25 гр. сливочного масла и кусок сахара на завтрак, весьма вкусный обед из двух блюд, вечером на десерт компот из сухих фруктов и т. д. Тем более мне грустно, если Ты снова терпишь нужду в этом отношении. <...>

28. <Жешарт. 13 февр. 1943>

<...> Работаю по-прежнему, здоров, в смысле питания особых лишений не испытываю. Моего старого помощника демобилизовали, и он уехал отсюда в Павлодар, на его место я по согласованию с начальником взял к себе на работу ленинградского инженера,¹ о котором я Тебе когда-то писал как о своем собеседнике и приятеле в свободные часы. Он очень милый человек, прекрасно образован, кончил 2 факультета и много лет занимался научной работой. Жена его находится в Ленинграде, по фотографии она производит крайне приятное впечатление. Может быть, когда-нибудь, если, дай бог, вернемся в Ленинград, и Ты с ним познакомишься. <...> Сохранились ли запас бумаги, приготовленный когда-то мной для перепечатки диссертации? Если да, было бы хорошо, если бы Ты время от времени вкладывала в письма по

одному-двум листкам, пока нет возможности прислать сразу бандеролью больше. <...>

¹ Речь идет о М. Ю. Тиссене и его жене Кире Николаевне. А. М. Фридендер познакомилась вскоре со «старушкой» Анной Ивановной Тиссен (род. 1879), урожд. Зелинской, которая в 1944 г. ездила к сыну в Жешарт. В 1946 г. она консультировалась у Г. М. Фридендера, куда обращаться в связи с переменной национальностью сына. В его личном деле сохранилась справка от 8 авг. 1949 г., в которой говорилось: после проверки установлено, что М. Ю. Тиссен является по национальности русским (в свидетельстве о рождении его мать и отец – русские) и «на учет спецпоселенцев был взят ошибочно» (*Емельянов Б. М., Гаврильченко В. С.* Лаборатория «Б». С. 85). Кстати, другой сын А. И. Тиссен, Юлиан Юлианович, попал в армию и погиб на фронте.

29. <Жешарт. 20 февр. 1943>

<...> За это время я получил два письма и открытку от Ляли. <...> Письма ее очаровательны, получение каждого из них доставляет мне огромное удовольствие. Хотя я здесь ничего не читаю за полным отсутствием книг и сильно отстал от науки, но в ответ начал строчить ей длинное письмо о предметах, связанных с диссертацией. Я по-прежнему вполне здоров и живу весьма прилично. Работаю честно и думаю, что честно зарабатываю свой кусок хлеба, но и себя стараюсь в обиду не давать, так как слишком много надежд связываю со своим будущим, чтобы не дорожить им. Несмотря на год, отделяющий меня от литературы и науки, я по-прежнему полон старых интересов, чувствую в себе присутствие тех же сил и способностей и могу сказать с полной уверенностью в истине того, что пока жизнь ни в чем не изменила и не поколебала меня. В любой момент я готов возобновить свои занятия, писанину, размышления об истории культуры и поэзии на том же месте, где я их оставил год назад. Этой способностью – умственно и нравственно не меняться – я дорожу в себе и надеюсь, что Ты тоже будешь рада обнять меня при нашем свидании постаревшим на год или два, но в то же время тем же, каким Ты меня знала и любила в прежние годы. <...>

30. <Жешарт. 19 марта 1943>

<...> На днях сюда привезли (через год после его выхода на экран) фильм «Ленинград в борьбе».¹ Смотря его, я переживал живо до жути вашу жизнь прошлой зимой, смерть папы и Марьи Георгиевны,² ваши лишения и весь ужас Твоей тогдашней жизни. Так как с тех пор, как я последний раз уехал из дому, я живу, главным образом, воспоминаниями, мне до сих пор трудно представить реальность всего этого, т. е. что папа уже год как умер и что Тебе вдали от меня пришлось так намучаться. <...>

¹ Документальный фильм «Ленинград в борьбе» (1942) Е. Ю. Учителя, удостоенный в 1943 г. Сталинской премии I степени.

² *Мария Георгиевна* – домработница Фридендеров, умерла от истощения в июне 1942 г. Перед смертью у нее ослабела память, и она несколько раз оставалась без карточек (у нее их выкрадывали, или же она их теряла). В жизни А. М. Фридендер было два обстоятельства, которые побудили ее отказаться от эвакуации в 1941 г.: болезнь мужа и ответственность за Марию Георгиевну.

31. <Жешарт. 25 апр. 1943>

<...> После долгого перерыва получил наконец сначала Твою телеграмму, а затем письмо от тети Цици. Из этого письма я с грустью узнал, что опасения мои оказались – увы! – ненепрасными и что Ты снова стала нездорова. <...> я также с удивлением узнал, что Ты уже не живешь в общежитии, а переехала домой и что Твое питание также ухудшилось – Ты уже имеешь снова карточку служащей.¹ <...> я по-прежнему здоров, работаю на той же должности, отношение ко мне со стороны окружающих хорошее, есть среди них и милые люди. Друзья мои пишут, по крайней мере время от времени. Особых недостатков я ни в чем не испытываю. Уже давно я получил разрешение на перевод Тебе 500 рублей, но бухгалтерия до сих пор их не перевела, так как не имела денег. Надеюсь, что вскоре это осуществится. <...>

<Письмо к Ц. М. Лунц:>

<...> Я живу кое-как – и жду с нетерпением лучшего, которое, надеюсь, уже не за горами. <...> Питаюсь я сносно и не голоден. Здоровье мое также – тьфу, тьфу! – неплохо; за всю зиму один раз меня посетила ангина. Сейчас здесь уже весна, светит солнце, на днях вскроется Вычегда. Вместе с приходом весны стало легче на душе и вообще стало как-то легче жить. <...>

¹ А. М. Фридендер жила в общежитии в огромной комнате и постепенно начала тяготиться своими соседями: «Ведь люди, окружающие меня в общежитии, – это ужас <...>. Не с кем молвить слова, стараюсь их не замечать...» (28 янв. 1943 г.). Ее уход из Дома радио совпал с увольнением Я. Л. Бабушкина, сопровождавшимся служебными неприятностями. В итоге, А. М. Фридендер стала получать карточку служащей и сочла для себя невыгодной работу в Доме радио: «...самый факт выдачи мне карточки <...> служащей – меня очень обидел, и я не понимаю, каким образом Яша не смог меня отстоять» (27 апр. 1943 г.). Весной 1943 г. обострилась и сердечная болезнь А. М. Фридендер.

32. <Урдома. 4 мая 1943>

<...> Эту зиму (как и прошлую) я пережил, не болея, и чувствую себя очень неплохо. Недавно, тревожась, что я год как не был у зубного врача, зашел показать свои зубы – и при этом был встречен комплиментами за постоянный уход и хорошее состояние зубов. Вообще я оказался более выносливым, чем это можно было бы полагать по опыту прошлых лет, с этой стороны Ты можешь быть мной довольна.

Работа у меня прежняя; техникой планового дела и экономических расчетов (*азами* этого дела, конечно!) я овладел, и меня даже больше хвалят, чем ругают, а это уже неплохо. Работаю я быстро, так что обычно имею в день два-три часа вполне свободного времени. К тому же в лице моего Марка Юлиановича я имею хорошего и по-человечески симпатичного помощника. К сожалению, его хотят переместить на другую работу, более интересную для него, в чем я, разумеется, не хочу ему мешать, хотя подобрать другого равноценного помощника мне будет трудно. <...> Получила ли Ты первые

500 рублей, которые Тебе должна была перечислить наша бухгалтерия? <...> По получении этих 500 р. – напиши мне. Я вышло сразу же еще 500. Напиши вообще, какой у Тебя заработок и имеет ли смысл посылать деньги. Я получаю 600 р. в месяц, а трачу не более 250–300 (включая вычеты), так как не имею возможности и случая тратить.¹ Могу каждые два месяца подсылать Тебе 400–500 рублей. <...>

¹ См. об этом во вступ. статье, с. 451. А. М. Фридлендер была против этих переводов, поскольку поддерживала себя продажей вещей. В радиокомитете ее зарплата была 250 руб.

33. <Жешарт. 16 мая 1943>

<...> Пишу это письмо во время дежурства на кухне, поэтому пишу карандашом. <...> У меня всё обстоит по-хорошему. Здоров, работаю. Весна идет полным ходом. Сейчас здесь половодье, всё залито водой, живем почти как в Венеции. Мой друг и помощник – увы! – оставил меня, соблазнившись другой, более увлекательной работой, и сейчас я взял нового помощника, которого обучаю. <...>

34. <Жешарт. 22 мая 1943 >

<...> Ты снова в больнице. Напиши мне, пожалуйста, более обстоятельно, в каком состоянии Твое сердце, каков диагноз. <...> К сожалению, я с отчаянием сознаю, что лишен возможности чем-либо реально Тебе помочь. Пока подал заявление об отправке Тебе еще 800 рублей, – это единственное, что я могу сделать. Разве я не писал Тебе, что эти деньги мне *абсолютно* не нужны? Они всё равно лежат без движения на моем текущем счету, так как все мои личные расходы сводятся к почтовым и еще – уплате членских взносов в комсомол; за питание и обмундирование высчитывают из моей зарплаты, а прикупать мне не приходится. <...> скверно, что эти деньги вряд ли помогут Тебе. К тому же боюсь, что Ты их получишь не скоро, так как с оформлением переводов здесь довольно большая волокита... <...>

35. <Жешарт. 30 мая – 5 июня 1943>

<...> За это время я получил разрешение на перевод Тебе еще 800 р. (кроме первых 500) и постараюсь нажать, чтобы эти деньги были посланы Тебе как можно скорее. <...> У меня всё обстоит по-прежнему. В связи с наступлением летнего сезона у нас сильно увеличился объем работ, так что работать сейчас приходится больше. Но это хорошо, – чем больше работаешь, тем меньше грустишь. Здоровье мое в порядке. Питаюсь нормально. Друзья пишут. <...> Вчера я совершенно неожиданно получил большую радость. Судьба послала мне в руки каким-то образом разорванный, но целый том «Эстетики» Гегеля.¹ Это до такой степени странно, что невольно действительно начинаешь думать о судьбе, – здесь совершенно нет книг, и нужно же, чтобы совершенно случайный человек и к тому же человек, ничего не смыслящий в философии и эсте-

тике, к которому эта книга попала бог весть как, завез сюда 1-й том «Эстетики», и не только завез, но наткнулся на меня и отдал мне это сокровище!

<...> напиши мне более обстоятельно, в чем дело с Яшей и чем объясняются его служебные неудачи.² После того хорошего, что все писали мне из самых различных источников о его работе на радио во время блокады, то, что Ты мне писала, для меня совершенно неожиданно и необъяснимо. <...> Привет Тебе от моего единственного здешнего друга Марка Юлиановича, или «Ульяновича», как мы его здесь называем. Он сидит против меня и двумя пальцами без ленты (!) печатает на допотопном «Ремингтоне»³ свое творение – статью о каких-то мало вразумительных для Твоего глупого (но симпатичного!) птенца технических материях. Он очень мил, хотя сейчас очень занят, серьезен и сердит. <...>

¹ Имеется в виду 12-й том (1938) «Сочинений» Гегеля. Помимо этого издания гегелевские «Лекции по эстетике» печатались также на страницах «Литературного критика»: Гегель являлся одной из центральных тем для всего «течения» 1930-х гг., к которому примыкал и Г. М. Фридендер.

² Я. Л. Бабушкин был уволен из Ленинградского радиокомитета 16 апр. 1943 г. Его работа как главного редактора литературно-художественного вещания была отмечена рядом чрезвычайно важных для блокадного города начинаний (см.: *Берггольц О. Ф.* Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990. С. 184–186, 206 и сл.). Воспоминания о нем сотрудников Дома радио единодушно представляют Яшу Бабушкина как личность удивительно светлую и самоотверженную. Причины его увольнения неясны; в литературе о блокаде, с отсылкой к ряду свидетельств, утвердилось мнение, что он был уволен как еврей. См.: *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2005. С. 194–208; *Биневиц Е. М.* Свидетельства о Якове Бабушкине // *Звезда*. 2015. № 12. С. 218–229. Много для освещения событий сделал Е. М. Биневиц, неоднократно публиковавший статьи о Бабушкине (см.: *Берг Р. Л., Биневиц Е. М., Тамарченко А. В.* Переписка из трех углов: Эпистолярный роман. СПб., 2009. С. 54, 91–93 (полемические заметки об отражении образа Яши Бабушкина в «Блокадной книге» А. М. Адамовича и Д. А. Гранина), 97 и сл.); его статья в журн. «Звезда» имела обобщающий характер. Е. М. Биневиц напечатал в ней частично письмо Бабушкина к Фридендеру от 15 дек. 1943 г.; при этом вне поля зрения осталось восприятие письма адресатом, который увидел в нем более оптимистичное, нежели публикаторы (в том числе А. И. Рубашкин), объяснение событий (см. ниже его письмо к матери от 19 янв. 1944 г.). Бабушкин писал: «В моей судьбе нет ничего исключительного. Несмотря на наличие определенных принципиального характера причин, создавших и углубивших разногласия с руководством вплоть до снятия, я не переоцениваю их значение. Может быть, всё бы могло сложиться иначе, не прояви я чрезмерной наивности и безразличия к своей личной судьбе. Верю, что у меня будет еще возможность это исправить, вернее, учесть. Что касается той людской мелкоты, которая в глупости, неразборчивости и зависти спутала меня по рукам и ногам и сбила с последней и настоящей работы, то в ее лице я вижу всё ту же столь ненавистную мне и, к сожалению не единственную, деловую никчемность, необразованную беспринципность, неумение распознавать людей по их делам и неумение служить советской власти и народу там, куда они их поставили для руководства. <...> Я горд сознанием того, что в обширной истории страшных лет нашего города не смогут быть обойдены и плоды малой, но моей личной работы, результаты усилий моего сердца, мозга, капли моего пота и здоровья. Оглядываясь на свою жизнь, я вижу не мало дурного и в качествах, и в делах. Но я не загубил и не оставил про себя ни одной реализуемой практически частицы хорошего, которое наживал в своем внутреннем росте. А может быть, только я один и способен оценить, сколь индивидуально труден был путь этого роста. Дорогой Юрка! Еще очень трудно может быть, но пока нам не перебили

ноги, будем думать о дороге вперед. Нам есть на что оглянуться. В стремлении к правде и в деловой принципиальности был у нас не только юношеский порыв и ребячливое презрение к жизненным благам. Там было и подлинное бесстрашие, которое может пригодиться сейчас». В том же письме он утверждал: «...я могу только от всего сердца сказать тебе, что ты, именно ты бесконечно дорог мне и по своей роли в моей личной судьбе, и потому, почему ты дорог должен быть всем нам, служившим будущему советской культуры». Г. М. Фридендер и его мать неоднократно возвращались в своей переписке к увольнению Яши. Писала об этом Фридендеру и Ильинская, которая в 1945 г., приехав в Москву, имела возможность беседовать с людьми, знавшими обстоятельства дела. Она и нашла слово, объясняющее его: это была травля; Ильинская считала, что пришла пора назвать людей, травивших ее мужа. Сам Яша, по-видимому, предполагал и наличие какого-то доноса на него, догадываясь, что причину его увольнения нужно искать в Москве. Письма из архива Фридендера, касающиеся увольнения Я. Л. Бабушкина, ждут своего опубликования и анализа.

³ Имеется в виду устаревшая модель американской печатной машинки «Remington». Печата- тать без чернильной ленты на машинке можно, рассчитывая на второй и третий экземпляры, на которых отпечаток появлялся благодаря копировальной бумаге.

36. <Жешарт. 5 июля 1943>

<...> Миша прислал мне пару книжек, которые скрашивают мои свободные часы. Погода стоит теплая, солнечная, к сожалению, недостаточно приходится бывать на воздухе, так как работаю довольно много. <...> С помощью Миши я начал хлопоты о переводе отсюда куда-нибудь в другое место, на литературную работу. При этом могут понадобиться некоторые справки и документы – мои, ваши и т. д.¹ Надеюсь, что все наши семейные, а равно и мои личные бумаги, оставшиеся у меня в столе, у Тебя в сохранности, и в случае, если к Тебе обратятся ваши военные органы с запросом, Ты сумеешь отыскать нужные бумажки. Пока это всё вопросы отдаленного будущего. Конечно, хотелось бы попасть куда-либо в условия и на работу, более соответствующие моим способностям и наклонностям, но дело это нелегкое. Приходится утешаться, что здесь хоть и неинтересно, но живется мне пока – тьфу, тьфу! – сносно. <...>

¹ Имеется в виду поданное Г. М. Фридендером заявление об изменении «неправильной национальности» и демобилизации его из «трудовой армии» (см. с. 453–454). Свое несогласие с этим А. М. Фридендер, убаюканная оптимистичными сообщениями сына о жизни в Жешарте, выразила в письме от 4 авг. 1943 г.: «Что касается твоего намерения приблизиться ко мне, то абсолютно его не одобряю. От добра – добра не ищут. Ты, слава Богу, здоров, удовлетворен работой, питанием. Заслужил хорошее отношение со стороны начальства, находишься в окружении хороших товарищей. Поэтому не вижу никакого смысла в твоём намерении и ему не сочувствую. Надо ждать окончания войны, когда наша родина очистится от врага, как бы тяжела эта разлука ни была».

37. <Жешарт. 19–20 июля 1943>

<...> С глубокой грустью прочел письмо Зои Борисовны,¹ из которого узнал, что Ты снова была вынуждена вернуться в больницу, из которой только что вышла. <...> Ума не приложу, чем я могу Тебе помочь. Получила ли Ты 1300 р., которые я Тебе выслал? *Пока дал телеграмму* Мише, прося его удвоить хлопоты о моем переводе отсюда. Может быть, все же удастся в конце концов попасть

куда-нибудь поближе к Тебе. Обо мне будь совершенно спокойна: я работаю по-прежнему, одет, обут и накормлен. Здоровье мое вполне на высоте. <...>

¹ Подругами А. М. Фридлендер с гимназических лет (они называли ее Желей, Желюшей, Беатикой) были сестры баронессы Кусовы – Зоя Борисовна Подкопаева (1895 – начало 1950-х), жена Н. А. Подкопаева, в годы блокады медсестра в больнице им. В. И. Ленина (ныне Покровская больница), и Фаина Борисовна Кусова (1888 – не ранее 1960), с 1942 г. сотрудница БАН. Ф. Б. Кусова – сестра милосердия в годы Первой мировой войны, полный георгиевский кавалер; об этом сообщалось в одной из ее автобиографий: «За самоотверженную работу и храбрость, проявленные при подаче помощи раненым, была награждена последовательно всеми четырьмя степенями георгиевской медали» (СПбФ АРАН, ф. 158, оп. 7, № 1065, л. 10). Подкопаевы и Кусова жили рядом с БАН, в здании Института физиологии им. И. П. Павлова, где работал до войны Н. А. Подкопаев.

38. <Жешарт. 29 июля 1943>

<...> 4-го августа будет год со времени моего приезда сюда. Главное, что хорошо – что за этот год я ни разу не болел и сейчас на здоровье пожаловаться не могу. К работе я привык и справляюсь с ней легко. Отношение ко мне исключительно хорошее. Работы у меня сейчас не так уж много, днем, с двух до четырех, в иногда и до пяти, удаляюсь ежедневно на облюбованное мной местечко и валяюсь на сене. Зато вечером работаю до 10, а иногда и позже, так что это не в ущерб делу. Единственное горе – нечего читать, да и бумага на грани полного исчерпания. <...>

39. <Жешарт. 4 авг. 1943>

<...> Как я Тебе писал, мы с Лифшицем начали кое-какие шаги с целью моего перевода отсюда на более живую работу, но пока еще неизвестно, что дадут наши усилия, приходится больше рассчитывать на рутину и инерцию... Если бы наши стремления осуществились, я оказался бы, может быть, гораздо ближе ко всем вам! Спасибо за теплые слова о наших друзьях и наших встречах – этим прошлым я дорожу как лучшим своим воспоминанием. Лифшиц, Володя, Изя, Шура, Воля, Ляля, Рита, Сус¹ – эти тени для меня всегда живы, и всегда я чувствую их возле себя. Как я обязан им навсегда – сколько я узнал от них, благодаря нашему общению, и хорошего и светлого! Без них, как без искусства, жизнь моя была бы совсем другой – узкой и темной. <...>

¹ Помимо М. А. Лифшица, В. Р. Гриба (Володя), А. Г. Выгодского (Шура), О. И. Ильинской (Ляля) и Р. Н. Лурье (Рита) среди друзей Г. М. Фридлендера названы Израиль Ефимович Верцман (Изя) (1906–1992), Всеволод Андреевич Римский-Корсаков (Воля) (1914–1942; см. о нем на с. 452) и Сусанна Абрамовна Альтерман (Сус), впоследствии Розанова (1915–2002).

40. <Жешарт. 12 авг. 1943>

<...> Работаю, живу, жаловаться было бы грешно, похвалиться тоже особенно нечем! Главное, что я здоров, сносно питаюсь – и ничто не угрожает моему здоровью. Если бы только можно было меньше тосковать о Тебе, о друзьях – или хотя бы работа была интереснее и больше отвечала моим

душевным склонностям! Грустно в такое великое и напряженное время заниматься бумажной чепухой – а при моем отвращении к канцелярской работе это вдвойне тяжело. <...>

41. <Жешарт. 25 авг. 1943>

<...> Так как здесь весьма трудно найти фотографа для того, чтобы запечатлеть свои черты, посылаю Тебе, в надежде Тебя обрадовать, «портрет», снятый с меня одним очень милым молодым человеком. Он не гений, но и не совсем профан: сходство все же есть, только на портрете я значительно розовее и моложе, чем в жизни. Заказывал я этот портрет со специальной целью порадовать им Тебя. <...>

42. <Жешарт. 12 сент. 1943>

<...> С нетерпением жду известий от Зои Борисовны о результатах ее поисков тех бумаг, которые я просил.¹ Хотя я сознаю, что стыдно ее беспокоить при крайней нервности и утомительности ее работы, но надеюсь, что ей все же удастся выкроить необходимое время и помочь мне. <...>

¹ Поиски З. Б. Подкопаевой документов в домашнем архиве Фридлиндеров были связаны с заявлением Георгия Михайловича об изменении паспортных данных. Она сообщала о своих поисках в приписке на письмо А. М. Фридлиндер из больницы от 8 сент. 1943 г., конечно же, несколько утрируя серьезность ситуации: «Для меня просто удивительно, что вопрос о Вашей национальности может вызывать какие-либо сомнения, – достаточно взглянуть на фотографии Вашей тети, бабушки, Вашего отца, чтобы, не задумываясь, сказать, что они евреи. Да и всем известно, что фамилии Фридлиндер и Гессе чисто еврейские». Было бы странно, если бы любимая подруга Анжель Морисовны нашла запрашиваемые ее сыном документы, – при том страхе, который испытывала мать, думая о перемене им «трудовой армии» на действующую. Документы сохранились в архиве и имели отношение к деду и бабке Г. М. Фридлиндера со стороны отца: свидетельство об окончании Варшавского специального уездного училища 1867 г. Вильгельма Фридлиндера с указанием на «моисеево вероисповедание», вид на жительство Эмили Бергсон с той же отметкой 1870 г. (выдан в Варшаве), а также их брачное свидетельство – кетуба 1870 г. (подлинник и копия (перевод) 1950 г.).

43. <Жешарт. 19 сент. 1943>

<...> Лифшиц пишет из Куйбышева, из командировки. Сообщает, что к Тебе в больницу должен зайти один его знакомый, посетивший Ленинград, с тем, чтобы узнать о состоянии Твоего здоровья и еще раз возобновить с Тобой переговоры о выезде к ним в Москву. <...> Лифшиц твердо обещает Тебе уход, обещает обеспечить Тебя всем необходимым, это не слова, он человек вполне серьезный, и я не сомневаюсь, что Ты можешь твердо рассчитывать на его помощь и внимание. Относится он ко мне исключительно хорошо, отношение свое доказал и в прошлые годы и сейчас. <...> Мне кажется, что сердце Твое настолько нуждается в покое, что нельзя рисковать, подвергая его ежедневно переутомлению. Если это так, то, несомненно, нужно принять предложение Миши даже ценой возможной потери квартиры, может быть, вещей. <...>

44. <Жешарт. 22 сент. 1943>

<...> Как я уже писал Тебе, я начал хлопоты через Мишу о переезде в Москву на литературную работу. Дело это продвигается вперед, и у меня есть надежда, что оно может увенчаться успехом. Не буду пояснять Тебе, как мне надоело здесь, вдали от любимого дела, от друзей и т. д., не говоря уже о том, как много значил бы этот переезд для моей будущности и насколько облегчил бы он возможность будущего устройства нашей жизни. Для успеха моих хлопот необходимо, однако, в первую очередь, одно: мне нужно установить папину и Твою действительную национальность и навсегда отказаться от тех фантастических украшений, которыми ваши родители украсили свое прошлое. Вот почему меня чрезвычайно огорчил рассказ Зои о том, что в связи с Мишиными хлопотами к Тебе приходили для опроса по этой части,¹ и Ты, несмотря на мои просьбы, не сказала главного, что папа и Ты – евреи. С получением этого письма я прошу Тебя немедленно исправить ту ошибку и написать письменное заявление, где, ссылаясь на опрос, сделанный Тебе (укажи число – 27/VIII), толково и обстоятельно разъяснить действительную Твою и папину национальность, а также причины, почему ваши родители с переменой религии и языка от нее отказались. Письмо это через Зою передай в райсовет, ЗАГС или милицию – туда, откуда к Тебе приходили для выяснения этих обстоятельств. Можешь в письме сослаться на меня, указав, что Ты восстанавливаешь истинное положение вещей по моему желанию. <...>

¹ Показания матери Фридендера снимала инспектор МВД Виноградова.

45. <Жешарт. 30 сент. 1943>

<...> Надеюсь, что к этому времени Ты уже выполнила ту настоятельную просьбу, о которой я писал Тебе в прошлом письме, – исправить Твою ошибку при посещении Тебя представителем райсовета или ЗАГС'а (не знаю точно) и в официальном заявлении восстановить Твое и папино действительное *еврейство*. <...> Миша обещает мне, что, может быть, перетянет меня к себе. Мои ленинградские профессора оказались лучше, чем я думал, и прислали ему обо мне весьма хвалебные научные отзывы.¹ Теперь успех дела всецело зависит от Тебя. <...> Будучи в штабе с планом, я узнавал о неполученном Тобой втором моем переводе (на 800 р.): увы! он еще... не отправлен. <...> Я постарался ускорить отправку и надеюсь, что вскоре эти деньги все же до Тебя дойдут. <...>

¹ См. об этом в п. 46 от 10 окт. 1943 г.

46. <Жешарт. 10 окт. 1943>

<...> Сегодня меня предупредили, что возможен в ближайшее время мой перевод отсюда на ту же должность в другое подразделение, находящееся недалеко отсюда. <...> участок работы там более важный и ответственный,

почему там желателен и более сильный работник (каковым считают меня). <...> Одним из преимуществ нового места будет наличие вблизи сравнительно хорошей библиотеки, из которой я смогу получать книги. Если иметь к этому и достаточное количество бумаги, может быть, удастся часть времени заниматься по специальности.

До сих пор не имею подтверждения об исполнении Тобой моей просьбы о направлении Мише письма-заявления с разъяснением Твоего и папиного национального происхождения. Однако я не сомневаюсь, что просьба эта Тобою уже выполнена. Не буду повторять Тебе, насколько важно это для меня и как многое может для меня от этого зависеть. Если бы тетя Циля со своей стороны написала и направила аналогичное заявление, это было бы еще лучше. <...> Не помню, писал ли я Тебе, что мои профессора Гуковский и Эйхенбаум¹ приложили к ходатайству Лифшица отзывы-характеристики обо мне с целью добиться от УК² и Наркомпроса направления меня на литературную работу. Как видишь, меня не забывают, а значит чего-то мы все же стоим. <...>

¹ *Гуковский Григорий Александрович* (1902–1950) – заведующий кафедрой русской литературы ЛГУ в 1939–1944 гг.; *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886–1959) – профессор университета в 1918–1949 гг.; в разное время они были сотрудниками ИРЛИ.

² Смысл аббревиатуры не ясен. Управление культуры?

47. <Жешарт. 14 окт. 1943. Телеграмма>

изменение моего письма прошу направить просимое заявление главную военную прокуратуру красной армии копию лифшицу юра

48. <Жешарт. 18 окт. 1943>

<...> Пишу Тебе «со старого пепелища», с которого пока решил не уезжать <...> здесь я привык, а главное – здесь сдружился с людьми, и жалко их покидать. Все, как и я, рады моему оставлению, так что я получил, в результате, удовольствие видеть немало хорошего к себе отношения, что, как ни говори, приятно! <...> Сегодня ясный солнечный день, сейчас собираюсь в деревню гулять, с одним товарищем – инженером-механиком. Кстати, зайдем с ним на почту, где бросим письма. <...>

49. <Жешарт. 5 нояб. 1943>

<...> Сегодня получил Твое письмо с приложением заявления и телеграмму. <...> То, что Ты сделала, чрезвычайно важно для меня, и может иметь для меня хорошие последствия. Не желая Тебя излишне беспокоить, я бы просил Тебя, однако, еще об одном. В своем заявлении Ты указываешь фамилию инспектора милиции, посетившей Тебя, и даже ее адрес (пр. 25 Октября,¹ д. 60, Виноградова). Если Ты знаешь все это, я не понимаю – как Ты могла обойти эту самую Виноградову, не посетить ее лично и не просить ее принять от Тебя

дополнительно соответствующие показания? <...> рад, что Ты снова устроилась в БАН и что Тебя окружают старые наши сослуживцы. <...>

¹ Название Невского проспекта в 1918–1944 гг.

50. <Жешарт. 10 нояб. 1943>

<...> меня известили о чрезвычайно грустной для меня новости – а именно, что «в связи с тем, что расследование на месте и показания моей матери не подтвердили моего заявления», мне отказано в моей просьбе о переводе отсюда. Ввиду этого я прошу Тебя с получением настоящего письма немедленно сделать все возможное для исправления Твоей – увы! – роковой для меня ошибки:

1. Посети инспектора Виноградову, о которой Ты упоминаешь, и заставь ее выслушать и передать в соответствующие органы власти Твое дополнительное заявление.

2. Аналогичное присланному мне заявление, с одним дополнением – указанием на то, что Твой сын *мобилизован в Трудовую армию* как якобы немец по национальности и находится по адресу, который Ты указываешь, – и далее: что заявление вызвано просьбой Твоего сына о демобилизации из Трудовой армии или о переводе в действующую Красную армию – направь немедленно на имя зам. народного комиссара внутр<енних> дел Круглова или на имя Берия,¹ а также в ленингр<адскую> обл<астаную> прокуратуру или ленингр<адский> НКВД. Кроме того, в этом заявлении сошлись на всех лиц, могущих подтвердить Твои показания на основании личного знакомства с родными Твоими и папы, а именно – тетю Цию, Раису Сол<омоновну> Выгодскую, Анну Семеновну Герзони, Зою Борис<овну> (?),² а также всех, кого Ты знаешь еще. <...>

¹ Имеются в виду глава НКВД Л. П. Берия и его заместитель С. Н. Круглов.

² Помимо Ц. М. Лунц (тетя Ция) и З. Б. Подкопаевой Г. М. Фридендер упоминает тех, кто знал семейство как Гессе (Анжель Морисовны), так и Фридендеров, – Раису Соломоновну Выгодскую, урожд. Потруховскую, мать Шуры Выгодского, жену известного офтальмолога Г. Е. Выгодского (1863–1939), и Анну Семеновну Герзони (возможно, принадлежала к семейству известного до революции доктора И. Л. Герзони).

51. <Жешарт. 16 нояб. 1943>

<...> Уже почти полгода как наша рабочая колонна «раздвоилась» – наряду со своими работами, мы работаем для одного из лесозаготовительных трестов системы НКПС. До сих пор я работал в аппарате самой колонны, а теперь по приглашению треста перешел работать плановиком в их отделенческую контору. Работаю здесь уже 5-й день и очень доволен новой работой и сослуживцами. Правда, работа еще мало мне знакома, и я практически в достаточной степени для нее не подготовлен, но надеюсь постепенно освоиться и справиться с ней. К тому же, само обучение новому делу уже само по себе пред-

ставляет значительный интерес, особенно здесь, где умственных интересов вообще мало. Кроме того, здесь постоянно получаются центральные газеты, кое-какие журналы, можно достать книжки, хотя их мало. <...> Что касается остального, то живу и питаюсь я по-прежнему – на казарменном положении, об этом не пишу. <...>

52. <Жешарт. 22 нояб. 1943>

<...> Работу в отделе комплектования я хорошо представляю себе, так как часто бывал там в годы своей службы в БАН, да и вообще весь процесс продвижения книги в БАН мне хорошо знаком. Думаю, что с работой Ты скоро вполне справишься, правда работа с каталогом (при сверке) имеет некоторые трудности из-за многообразия напластований в каталоге, который надо хорошо знать, чтобы быстро в нем ориентироваться.¹ <...> Я работаю на новой работе, о которой писал Тебе, и очень доволен. Пока дело подвигается успешно, не знаю, что будет дальше. Очень пригодились бы мне здесь книжки по экономике, планированию, финансам, лесному делу, но увы! – приходится ощупью искать дорогу самому. <...>

¹ К этому времени А. М. Фридлиндер вернулась на работу в Библиотеку Академии наук. Г. М. Фридлиндер работал там в 1932–1934 гг.

53. <Жешарт. 30 нояб. 1943>

<...> Итак, Ты получила ответ, что Твое заявление будет расследовано ленинградской военной прокуратурой. Постарайся сделать всё зависящее от Тебя, чтобы на этот раз истина была восстановлена. Сошлись на тетю Цилю, Р. С. Выгодскую, А. С. Герзони, одним словом, всех лиц, которые на основании личного знакомств могут подтвердить еврейство Твоих и папиных родителей. Разрубить этот старый узел – единственный путь к тому, чтобы ускорить, может быть, весьма значительно наше свидание и вернуть меня к работе, более соответствующей моему характеру и знаниям. Поскольку речь идет только и исключительно о том, чтобы восстановить правду, необходимо добиться наконец успеха моих хлопот. Убийственно глупо, что не осталось никаких документальных данных, но убедительно прошу Тебя еще раз перебрать все бумаги, ибо я помню наверняка, что кое-что там было, например, свидетельство о крещении Твоей матери, подписанное раввином.¹ Кроме того, независимо даже от успеха наших хлопот (а я продолжаю надеяться на успех!) я требую, чтобы со всей этой басней раз навсегда было покончено. Она сыграла роковую роль в жизни Андрея и испортила немало крови за последние три года также и мне. Очень глупо, что это не было сделано раньше, но кто мог предполагать в прошлые годы, что эта историческая труха еще будет обладать в наше время таким значением! <...>

¹ По-видимому, описка: в свидетельстве, подписанном раввином, речь могла идти только о рождении Розы (ум. 1921), урожд. Сегаль, матери Анжелы Морисовны. Документ не сохранился.

54. <Жешарт. 7 дек. 1943>

<...> Это письмо я пишу Тебе специально ко дню Твоего рождения и к Новому году. Я уверен, что наступающий 1944 год будет годом нашего воссоединения, годом окончательного разгрома и изгнания врага из пределов нашей родины, годом, когда начнут возрождаться мирная жизнь, труд и счастье человечества. <...> Я совершенно здоров, новая работа мне нравится больше, чем старая, и вообще это время живу вполне прилично. Главное, что мне приятно, – что у меня теперь свободные вечера, достаю изредка книги, читаю, беседую по вечерам с здешними приятелями. Зима здесь установилась уже давно, всё занесено снегом, но особенно сильных морозов пока не было, наверное, ударят к рождеству или к крещенью. Контора лесобазы, где я работаю, расположена от нашей части километрах в 2-х, два раза в день совершаю эту прогулку по воздуху с большим наслаждением. Дорога – по шпалам, темно, но идти хорошо. По утрам совершаю эту прогулку вместе с 2-мя другими нашими трудармейцами, работающими вместе со мной, а вечером обыкновенно один, так как они уходят позже. При этом думаю о тысяче разных разностей, пою, декламирую, вспоминаю Тебя, друзей. Дома иду за ужином, потом читаю или болтаю, часов в 10 ложусь спать. На работу выхожу в 7 ч. 30, в 8 – начало. Вот и весь мой день. <...>

55. <Жешарт. 15 дек. 1943>

<...> в начале января наше подразделение должны перевести отсюда, останутся здесь только 50 человек специалистов, в числе их хотелось бы остаться и мне, постараюсь это устроить. <...> По Твоим письмам вижу, что ответа из лен<ин>градской воен<ной> прокуратуры пока не было. Если его не будет в течение длительного времени, надо было бы попробовать написать еще раз и Тебе, и тете Циле согласно ее обещанию. Я со своей стороны собираюсь писать во все стороны и открыть широкий круг действий с целью отсюда выбраться. <...>

56. <Жешарт. 29 дек. 1943>

<...> Пишу Тебе в тот день, который в разное время был в нашей семье и днем счастья и днем горести. С детства я привык встречать этот день с замиранием сердца. Помню, как мы когда-то под руководством француженки Фрайдзон¹ разучивали и переписывали для Тебя французские стихи: Андриюшино называлось «Les coqs», а мое «J'ai trois baiser à donner»,² причем самый горячий и чистый поцелуй предназначался матери. А затем идут долгие часы, когда по вечерам все друзья нашей семьи собирались вечером за нашим семейным столом, чтобы вместе с нами отпраздновать Твой день рождения – самый большой праздник в году для нас...

Моя дорогая! Всем, всем, что у меня есть в жизни, я обязан Тебе, Ты была для нас сначала самой лучшей матерью, позже – самым верным другом, присутствие которого мы неизменно чувствовали возле себя. <...> Мы были всегда Твоей первой и последней мыслью, только для нас Ты жила и дышала,

не думая о себе, готовая на всё ради нас. И сейчас в тысяче мелочей я чувствую возле себя Твое любящее присутствие – каждая вещь, привезенная сюда из родного дома, говорит мне о Тебе, о Твоей заботе и любви. Я гляжу на свои часы и вспоминаю наши совместные походы к Паде,³ гляжу на свой грешок – и знаю, что это *Твой* подарок, гляжу на свой ободранный пиджак – и вспоминаю, как мы вместе стояли за ним на Большом проспекте,⁴ простыни, на которых я сплю, одеяло, рубашки, гасуки – все вещи, окружающие меня, напоминают мне тысячи счастливейших эпизодов жизни, и на каждом неизменно сияет Твой чистый и лучезарный образ. <...>

¹ Речь идет о каком-то петербургском семействе (Фрайдоны).

² Эти детские поздравления, датированные 29 дек. 1923 г., сохранились в семейном архиве: записанные рукой Андриюши и Юры французские стихотворения «Cocogico» («Les coqs, toujours à voix pleine...») и «Mes trois amours» («J'ai trois amours dans mon coeur...»).

³ По-видимому, название магазина.

⁴ Улица на Васильевском острове, где с 1915 г. жили на Второй линии (пересекающей ее) Фридендеры.

57. <Жешарт. 2–3 янв. 1944>

<...> Опасность, что нас отсюда перекинут в другое место, миновала, – вероятно, весь первый квартал теперь уже мы проведем здесь <...>. Наш трест переехал в Киров (т. е. правление), может быть, со временем удастся съездить туда в командировку. Мне бы очень этого хотелось – на несколько дней попасть в город. Может быть, удалось бы там приобрести что-либо из книг <...>. Ужасно досадно, что из-за отсутствия книг я не могу хоть учиться чему-нибудь. Сейчас хорошо и то, что удастся доставать кое-какие книжки для чтения, в прошлом году и этого не удавалось. Ужасная здесь дыра! Новый год встретили довольно скучно, без десяти двенадцать я решил лучше пойти послушать радио и, оставив барак, отправился в контору. Мне удалось послушать Калинина и новый гимн.¹ <...>

¹ Новый государственный гимн СССР (слова С. В. Михалкова и Г. А. Эль-Регистана, муз. А. В. Александрова), взамен «Интернационала», прозвучал впервые по радио в ночь на 1 янв. 1944 г. Ему предшествовало традиционное новогоднее поздравление советского народа, с которым выступил М. И. Калинин.

58. <Жешарт. 6 янв. 1944>

<...> Пишу это письмо вечером дома: на работе все эти дни я был так занят составлением промфинплана на 1944 год, что совершенно не было времени писать. <...> Если Тебе так и не удалось связаться с Виноградовой, прошу Тебя еще раз оформить почтой свое заявление ей в лен<инградский> НКВД – два адреса, по которым я написал в конце декабря со своей стороны. Что касается Твоего заявления, которое из Москвы перенаправили в ленпрокуратуру, то, очевидно, оно затерялось где-то среди ведомственной переписки. <...>

59. <Жешарт. 12 янв. 1944>

<...> Только что кончил годовой план и принялся за прошлогоднюю отчетность, а там подойдет время и январской отчетности. Словом, работы немало, некогда и грустить. <...> У меня есть сильное желание между делом писать кое-что для себя. Я уже собираюсь даже дать все свои накопления одному сослуживцу, едущему в командировку в Киров и Горький, на предмет попытки приобретения бумаги на базарах. Может быть, со временем и мне придется побывать в Кирове. <...>

60. <Жешарт. 15 янв. 1944>

<...> если Ты случайно узнаешь, что кто-нибудь едет в Киров, Ты можешь этим путем направить мне бумаги для занятий и вообще – что Тебе захочется. Адрес нашего треста: Киров, ул. Герцена, д. 80, трест «Лузтранслес», с направлением на Жешартскую лесоперевалочную базу, плановику имярек. Курьер наш обращается между Кировом и Жешартом до 4–6 раз в месяц, бывают и другие оказии. <...> Завтра воскресенье – проведу его за чтением: случайно достал чудесную книжку – второй том несравненного «Тома Джонса».¹ <...>. На службе у меня очень тепло, целый день топится железная печка, зимнее обмундирование в приличном состоянии, зато костюм мой (пиджак) дошел до ужасного состояния, щеголяю настоящим оборванцем. Но, в конце концов, сейчас это неважно – главное, что на улице я одет с ног до головы и не мерзну. <...>

¹ Роман Г. Филдинга «История Тома Джонса, найденыша» (1749).

61. <Жешарт. 19 янв. 1944>

<...> сегодняшнее сообщение по радио об успехах наших войск под Ораниенбаумом и Новгородом говорят о том, что Ленинградский фронт пришел в движение и, может быть, уже скоро удастся отогнать от нашего города этих гадов. <...> Помимо общего огромного значения этого успеха полное и окончательное освобождение Ленинграда от остатков вражеской блокады имеет для меня трудно выразимое личное значение. Помимо того, что это поставило бы Твою жизнь и жизнь всех наших друзей вне опасности, каждый камень и каждый кусочек улицы в Ленинграде для меня священен по тому неисчерпаемому миру мыслей, чувств и воспоминаний, который связан с любым ленинградским закоулком и вообще всем, носящем на себе запах и печать нашего города. <...> на днях получил длинное и любовное послание от Яши <...>. Он – красноармеец (рядовой), скоро будет младшим командиром. В бою еще не был. Несмотря на неприятности, вызвавшие его уход с радио, настроение у него хорошее, и на происшедшее он смотрит как на неизбежную школу жизни.¹ <...>

¹ См. п. 35 от 30 мая – 5 июня 1943 г., примеч. 2. В письме от 15 дек. 1943 г. Я. Л. Бабушкин сообщал: «Уже полгода я оторван по существу от Ленинграда и топчу разные закоулки нашего фронта рядовым солдатом. В боях мне быть не приходилось пока, силы у меня еще есть, и я спокойно смотрю в будущее. В недалеком времени я стану младшим командиром. Верю, что всё впереди будет лучше, чем то, что прошло».

62. <Жешарт. 27 янв. 1944>

<...> Нина Магазинер (Дьяконова) защитила при Институте Герцена кандидатскую диссертацию о Китсе.¹ В ответ на мое поздравление она прислала мне из Свердловска пару книг, которые я сейчас с большим удовольствием читаю до и после работы.

Сегодня около месяца как я отправил письмо Виноградовой. Неужели Тебе так и не удалось связаться с ней? <...> Как обстоит в Ленинграде дело с библиографическими карточками? Нельзя было бы достать штук 200 хотя бы (в Архангельске даже уже во время войны их было сколько угодно – 1000 штук за 10–15 руб.) и прислать мне бандеролью. Это для английских и французских занятий, так как, чтобы не терять времени, я решил усовершенствоваться в языках.

¹ Защита кандидатской диссертации «Китс и поэты Возрождения» состоялась в 1943 г. в г. Кыштым Челябинской обл., куда был эвакуирован Ленинградский педагогический институт им. А. И. Герцена. *Дьяконова Нина Яковлевна* (1915–2013) – жена И. М. Дьяконова, приезжала в Кыштым из Свердловска, где во время войны преподавала в различных вузах.

63. <Жешарт. 5 февр. 1944>

<...> Сегодня днем жду письма от Тебя – письма, написанного в великие и светлые дни окончательного разгрома немцев под Ленинградом и освобождения нашего любимого города. <...> У меня по-прежнему все обстоит хорошо. Хотя, конечно, в течение дня я могу использовать для занятий лишь немного времени, но постепенно я начал втягиваться в занятия и всё больше увлекаюсь мыслью о них. Вот те книги, которые я бы хотел, чтобы Ты выслала мне сюда в первую очередь (из имеющихся дома), если Ты найдешь для этого время и силы: 1). Гегель, *русское* издание, т. V, Наука логики, ч. 1. 2). То же, т. VI, ч. 2. К сожалению, оба тома очень толсты и увесисты. Не перепутай с т. I (тоже «Логика», так называемая «малая»)¹ 3). Пушкин (томики голубого цвета, издания Гослитиздата), т. 1–3 (Стихотворения – Поэмы – Сказки – «Онегин»); в первую очередь тома 2 и 3.² <...>

¹ Имеется в виду 14-томное издание «Сочинений» Гегеля, вышедшее с 1929 г.; в этом году вышел т. 1 с упоминаемой Г. М. Фридендером «малой» логикой (первая часть «Энциклопедия философских наук»); т. 5–6 с «Наукой логики» – в 1937–1939 гг.

² *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 6 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1931–1933.

64. <Жешарт. 10 февр. 1944>

<...> Итак, теперь тяжелое время 1941–42 гг. навсегда отойдет для Тебя в прошлое! Самое радостное для меня, что вместе с близостью врага ликвидирована опасность, постоянно висевшая над вашей жизнью, над Тобой. Ни одного вражеского выстрела не испытает уже на себе Ленинград. <...> Вчерашний день провел дома за воспоминаниями и письмами друзей. <...>

65. <Жешарт. 15 февр. 1944>

<...> Спасибо, спасибо Тебе за Твою нежность и заботы! Если бы я мог чувствовать себя более достойным их: сколько страданий и огорчений – увы! – доставил я тебе в прошлом исключительно по своей вине. Что касается Твоих опасений о моем здоровье, то в этом отношении будь совершенно спокойна. <...> В прошлом году, в июне–июле, были у меня незначительные цинготные явления на почве недостатка витаминов (нарывы на ногах), но они быстро прошли. <...>

В ближайшее время (чего раньше не было) в связи с переходом в новую хозяйственную организацию¹ я буду нуждаться в материальной поддержке. До сих пор я имел возможность существовать всецело за счет пайка и ничего не прикупать на стороне. В настоящее время паек мой сильно снизился, и это стало трудным. Необходимо прикупать картошку – чуть ли не единственное, что здесь можно достать (два пуда ее я уже проел). К сожалению, цены здесь аховые – в полтора-два раза дороже, чем на любом базаре. Так как я не страдаю фетишизмом вещей, то я решил лучше реализовать что-нибудь, если есть возможность, чем недоедать. Вероятно, теперь, поскольку Ленинград находится в более нормальных условиях, цены на вещи у вас должны были подняться. В связи с этим я бы предложил, не впадая в излишнюю поспешность, выбрать что-либо, что можно продать без особой потери и в то же время за что можно выручить мало-мальски приличную сумму и, разделив вырученные деньги на 2–3 приема, перевести их мне. <...>

Я прошу Тебя понять, что никакой крайности у меня, конечно, нет. Просто-напросто за это время я стал смотреть на вещи крайне трезво и считаю, что нельзя ни в коем случае допускать даже малейшего подрыва своих сил и здоровья, если этого можно избежать. Хотя Тебе уже пришлось продать кое-что, все же среди вещей папы, Андрея или предметов домашнего обихода найдутся вещи не очень для нас нужные при любых обстоятельствах. К сожалению, всё здесь стоит так дорого, что денег (любых), как я прекрасно понимаю, всё равно на много не станет. <...> Бумаги у меня теперь предостаточно: один знакомый, ездивший в Горький, купил мне 3 толстых тетради, разумеется, взял он с меня втридорога, но за *это* я решился заплатить любую цену, так как писать изредка для меня такая же потребность, как есть и пить. <...>

¹ У Г. М. Фридендера изменился статус – он стал спецпоселенцем (см. с. 451–452).

66. <Жешарт. 18 февр. 1944>

<...> Надеюсь, что прошлое мое письмо – с просьбой относительно денег – не слишком встревожило Тебя. <...> Я получаю 700 рублей, это, вероятно, раза в два больше, чем Ты, и *при необходимости в этом* мог бы даже регулярно посылать Тебе денег, а не просить Тебя о них. Но я считаю, что лучше продать что-либо менее нужное из вещей и даже втридорога прикупать кое-что к своему пайку, чем сидеть на скудной диете. <...>

67. <Жешарт. 23 февр. 1944>

<...> У меня всё обстоит неплохо: здоров, работаю, по вечерам читаю, так как удалось достать несколько книг. <...> Как обстоит дело с деньгами, я подробно писал Тебе в двух последних письмах. <...> Но вся беда в том, что я не знаю совершенно Твоих обстоятельств, а потому не знаю и того, не глупость ли я совершил, написав Тебе об этом. Ведь Ты можешь представить себе все дело совсем иначе, чем оно есть. Поэтому еще раз настоятельно прошу Тебя не думать, что я не могу обойтись без этих денег: *я вполне могу обойтись без них*. Учти это и действуй, сообразуясь со своими обстоятельствами. <...>

Прежде чем отправить это письмо, я долго размышлял, стоит ли просить еще что-нибудь, кроме костюма <...>. Что касается мелочей, то вот кое-что: у папы в ящике письменного стола должна быть бездна карандашей, резинок – это очень желательно; пара простых карандашей, пара чернильных, один (побольше) синий-красный, пару резинок, мыла (если есть), ниток, носки, одну (если есть) приличную верхнюю сорочку с воротничками и галстуком <...> вот, пожалуй, всё. <...>

68. <Жешарт. 29 февр. 1944>

<...> Когда университет вернется в Ленинград,¹ обязательно сообщи мне об этом. Может быть, Гуковский (хотя он большой циник) через Союз писателей мог бы помочь мне в том, о чем я подробно писал Тебе в прошлом письме. Получила ли Ты это письмо – с описанием некоторых особых обстоятельств моего бытия и конспектом заявления по поводу нашей национальности и др.² Это очень важно. О моих финансах я, предвосхищая Твои вопросы, подробно писал Тебе в прошлых письмах. Надеюсь, что Ты сможешь ликвидировать папины часы или что-либо подобное (не очень нужное) и, сколотив известную сумму, переводить мне в течение ближайших 3-х месяцев от 500 до 1000 рублей (пишу и самому страшно просить столько). <...>

¹ Ленинградский университет вернулся из эвакуации в мае 1944 г.

² Письмо не сохранилось; А. М. Фридендер писала, что не получила его. Вероятнее, однако, что она по-прежнему противилась начинанию сына, считая его нежелательным и преждевременным.

69. <Жешарт. 5 марта 1944>

<...> Многие кругом получают книги, только у меня почему-то пропали Лялина и Тамарина бандероли. Между тем, если бы я имел здесь какой-либо подходящий объект, дающий возможность при небольшом объеме использовать его для сколько-нибудь цельного научного исследования, я бы мог попробовать здесь писать и готовить что-либо впрок. Поэтому я еще раз очень прошу Тебя организовать мне 3–4 бандероли со следующими книгами: 1) Гегель, сочинения, т. 5 и 6 <...>; 2) Пушкин <...> первые три тома; 3) Гоголь – наиболее удобен для пересылки, так как книжки тонкие и без переплетов. Всего их 12 книжек,¹ из них вполне можно сделать 3 небольших

(или 4) бандероли. Гоголь очень бы мне подошел (только мне нужно иметь одновременно *все* эти 12 книжек: 1) в свое время я много занимался им и хорошо помню всю литературу; 2) у меня в Буле² была книжка Гиппиуса о Гоголе,³ очень небольшая и тоже удобная для пересылки, содержащая едва ли не все факты; 3) предмет сравнительно прост и удобен и в то же время дает обширный материал). Таким образом, всё это письмо опять занято просьбами. Это свинство с моей стороны, но с тех пор, как я думаю, что Тебе стало жить легче, во мне зашевелился эгоизм... <...>

¹ Имеются в виду «Сочинения» Н. В. Гоголя в 12 кн., вышедшие в типографии А. Ф. Маркса в 1900 и 1901 гг.

² Фридендер упоминает в письмах книжные шкафы семейной библиотеки, давая им различные названия, в данном случае – по особому стилю художественной мебели, творцом которой был знаменитый французский мебельщик А.-Ш. Буль (1642–1732).

³ *Gippius B. V.* Гоголь. Л., 1924.

70. <Жешарт. 8 марта 1944>

<...> Очень хотелось бы мне заняться изучением какого-либо нового для меня языка, но для этого нужно иметь одновременно: словарь, грамматику или учебник и текст, а это всё нужно где-то приобрести, собрать... Кроме путных книг надо прислать пару книжек «беспутных», каких-нибудь журналов, технических книг или макулатуры: их можно прекрасно использовать в качестве бумаги, в особенности при языковых занятиях. Как видишь, я жажду кипучей умственной деятельности! <...>

Обращаясь к Тебе с рядом просьб, в особенности в отношении денег, я делаю это из расчета, что Ты ликвидируешь что-либо, а отнюдь не будешь урывать у себя. <...> Поверь, что всё остальное наше имущество – пустяки, оно имеет смысл и ценность только постольку, поскольку служит для нашей жизни, здоровья. Сохранив жизнь, мы всегда сумеем, когда кончатся для нашего народа тяжелые испытания борьбы и лишений, создать для себя снова необходимый уют и комфорт. <...>

71. <Жешарт. 15 марта 1944>

<...> Последние дни много было работы, поэтому не удавалось читать, но до этого дня три-четыре посвятил всецело чтению и писанию. Представь себе, что мне здесь неожиданно удалось выяснять для себя ряд вопросов, невозможность решить которые задержали в свое время работу над диссертацией (о Толстом).¹ Решив их, я, ничтоже сумняшеся, принялся писать заново (ну, подумай, разве я не безумец?!), и, несмотря на то что всё приходится писать по памяти, почувствовал в этой дикой работе большое самоудовлетворение. <...>

Вот еще новость: контора наша переехала на новое место, и я совместно с двумя компаньонами (оба инженеры) решил переселиться рядом с конторой в отдельные апартаменты. Жилье наше будет из двух комнат с общим выходом, в одной (маленькой) поместится один из моих компаньонов, а в другой,

побольше, я с другим. Сейчас квартиру нашу белят, чистят, и думаю, что там будет неплохо. В новом доме будет гораздо больше возможностей для занятий, <чем в старом>, где нас было 12. <...>

¹ Г. М. Фридлиндер учился в аспирантуре ЛГУ в 1938–1940 гг., под руководством В. В. Гиппиуса. В архиве сохранилось письмо Гиппиуса с отрицательной оценкой работы Фридлиндера о «Войне и мире». В 1947 г. состоялась защита кандидатской диссертации «"Арабески" и вопросы мировоззрения Н. В. Гоголя петербургского периода», написанной Фридлиндером, большей частью, в Жешарте и представленной в диссертационный совет ИРЛИ осенью 1946 г.

72. <Жешарт. 19 марта 1944>

<...> до сих пор, как я *правдиво* писал Тебе, деньги мне не были нужны, и с питанием у меня всё обстояло all right.¹ Теперь, когда положение несколько изменилось в связи с переходом нашим на снабжение по линии лесобазы (с I/II), я, выяснив положение дела, поставил Тебя в известность о моих нуждах без всякой задержки, хотя, повторяю, я испытываю величайший стыд при мысли, что я, взрослый и здоровый балбес, должен обращаться за помощью к Тебе вместо того, чтобы самому помогать Тебе. <...> что касается книг, то все затребованные книги не представляют никакой особенной ценности, и, если не все они дойдут, ничего страшного не будет. Вслед за этими книгами, если всё пойдет у меня по-прежнему, попрошу Тебя прислать мне еще кое-что из Толстого (тт. 1–2–3–4–5, Дневник молодости) и о Толстом (Эйхенбаум, «Молодой Толстой» – маленькая тонкая книжка в Буле), но об этом я напишу особо. Дело в том, что, как я Тебе писал, я решил для себя некоторые важные вопросы, связанные с Толстым, и мог бы, пожалуй, осилить тему своей диссертации, которую не осилил в 1939–40 гг.

<...> Сегодня я переселился в свою новую квартиру, где и пишу Тебе. Комната очень уютная, топлю печку, с утра мыл и чистил всё, что требовало чистки, нанес себе «обстановку», создал максимальный уют, от которого несколько отвык. Товарищи мои должны переехать вечером. Днем сварил пшеничную кашу – в счет Твоего перевода. Развесил на стенах картинки и фотографии, расставил имеющиеся книжки, разложил всё по местам. Сейчас вечереет, скоро пойду в столовую за ужином. К сожалению, пока у меня нет электролампочки, поэтому буду первое время освещаться керосиновой копилкой. Копилку вчера устроил и направил: она горит довольно ярко и почти не коптит. Стекло смастерил для нее из полулитровой банки. <...> Сердечный привет Зое и Фафнеру² Очень приятно мне было читать о вашей коллективной масленой,³ вообще – как хорошо, что вы всё это тяжелое время вместе. Какие прекрасные друзья Зоя и Фафа и как хорошо, что Вы нашли друг друга. <...>

¹ Отлично (*англ.*).

² Дружеское прозвище Ф. Б. Кусовой.

³ Масленая неделя в 1944 г. – 21–27 февр. О блинах «в складчину» с З. Б. Подкопаевой и Ф. Б. Кусовой Анжель Морисовна написала в письме от 3 марта 1944 г.: «...очень много говорили о тебе, вспоминали прошлое».

73. <Жешарт. 27 марта 1944>

<...> У меня всё обстоит по-прежнему, т. е. хорошо. Зажили мы с Марком Юл<иановичем> в нашем новом уголке очень уютно. <...> На столе книги, на стенах две случайно прижитых мной эрмитажных репродукции и фотографии. Сейчас Марк Юлиан<ович> работает в ночной смене, утром вместе завтракаем, потом он ложится отдыхать, а я иду в контору (рядом). В 5 часов прихожу домой и бужу его: он разжигает печку, а я приношу хлеб и ужин. К ужину варим кашу. Это время ели пшено, которое я купил на твои деньги (очень удачно), а сегодня М. Ю. получил посылку от матери, и мы на некоторое время обеспечены самыми разнообразными блюдами. Как-нибудь решили по вашему примеру спечь блины, так как в посылке есть мука и топленое сало. Между тем, пока истекут его запасы, подыщется что-либо на вторую половину Твоих денег, да и получим свою зарплату. После ужина М. Ю. идет на дежурство, а я остаюсь один, мою посуду, затем читаю или пишу. Третий наш «сообщник» Александр Артурович Гефт (он работает зам. главного механика)¹ существует в своей, отдельной, комнатке, вечером заходим друг к другу, делимся новостями или просто болтаем. Честное слово, живем мы не так уж плохо, если бы только это было южнее...² <...>

¹ А. А. Гефт впоследствии работал в Горьковском институте инженеров водного транспорта (ныне Волжская государственная академия водного транспорта), доцентом кафедры технологии судостроения и судоремонта. Его брат – известный разведчик Николай Артурович Гефт (1911–1944). В позднейших записках Г. М. Фридлендер с огромным уважением вспоминал А. А. Гефта.

² М. А. Лифшиц в письме от 14 авг. 1944 г. упомянул «старушку Тиссен», которая, побывав в Жешарте, пришла «в восторг от уюта», созданного ее сыном совместно с Фридлендером.

74. <Жешарт. 4 апр. 1944>

<...> Я живу сейчас совсем хорошо, так что обо мне не беспокойся. Со времени переезда мы с Марком Юл<иановичем> решили вести свое хозяйство сообща, и пока это идет нам обоим на пользу. <...> он получил посылку от матери, кроме того, имел небольшой приработок, так что мы ежедневно имеем возможность готовить себе собственный «приварок», и думаю, что этих ресурсов нам хватит числа до 15–20-го апреля. Что касается Твоего перевода, то за 500 р. я купил пшена, а на вторую половину наш врач, ездивший в командировку в Котлас, привез мне муки (20 стаканов), которую мы в первый раз варили вчера, очень удачно, так как у нас было еще мясо. <...>

То, что Ты пишешь о Мих<аиле> Ал<ександровиче>, было для меня, естественно, очень интересно. Думаю, что он сделал этот шаг, т. е. вернулся к своей первой жене, из-за детей, которых он очень любит. Я совсем не знаю первой жены М<ихаила> А<лександровича>, но девочка его, которую я однажды видел с ним, так очаровательна.¹ <...> Одновременно с Твоим письмом я получил от Дм<итрия> Дм<итриевича>² пару книг. Кроме того, здесь на месте мне неожиданно удалось достать кое-что – и сейчас я по вечерам блаженствую, наслаждаясь чтением. <...>

¹ Речь идет о Екатерине Федоровне Лифшиц (1905–1980), урожд. Мордасовой, первой жене М. А. Лифшица, и их детях – Виттории (род. 1927), Германе (1930–1992) и Анне (род. 1938). Общение с ними Лифшица в 1944 г., однако, не было «возвращением» к его первой жене. Упоминание об «очаровательной девочке» не прошло для Фридендера бесследно: Лифшиц, знакомый со всеми его письмами к матери, выразил в 1945 г. шутовское намерение женить Фридендера на своей старшей дочери.

² *Обломиевский Дмитрий Дмитриевич* (1907–1971) – автор трудов о французской литературе, впоследствии сотрудник ИМЛИ РАН.

75. <Киров. 10 апр. 1944>

<...> Пишу Тебе это письмо в поезде по дороге в Киров. <...> Еду для утверждения наших штатов и смет, которые затеряли в тресте и которые надо спешно утвердить и доставить обратно. <...> В Кирове сделаю кое-какие хозяйственные закупки, также раздобуду несколько книжек и т. д., думаю посетить театр, библиотеку, пединститут, где, может быть, подвизается кто-нибудь из знакомых. <...> По дороге не выдержал: побаловал себя молоком и парой крутых яиц, от которых отвык. Здесь везде всё стоит в 2–3 раза дешевле, чем в проклятом Жешарте. Сколько бы я мог сэкономить, если бы у меня было с собой больше денег, закупив побольше припасов. <...>

76. <Киров. 15 апр. 1944>

<...> Сегодня я уезжаю из Кирова. Шлю Тебе мою рожницу, которая, надеюсь, Тебя порадует. Пальто на мне чужое, поэтому не удивляйся, что я такой «шикарный». <...> Еду из Кирова домой нагруженный покупками и посылками, как дачный муж.¹ Купил масла, муки, луку, яичной муки, мыла, зубной порошок. <...>. Но книг купить мне не удалось, так как их продают слишком дорого, а я должен был думать прежде всего о продуктах. <...> Мне здесь было очень хорошо. Жил в очень радушной ленинградской семье. <...>

¹ Выражение «дачный муж» стало нарицательным благодаря, во-первых, рассказам «Один из многих» (1887) и «Трагик поневоле» (1889) А. П. Чехова, а во-вторых, произведениям того же времени другого писателя, Ив. Щеглова (И. Л. Леонтьева), его юморескам и комедии «Дачный муж».

77. <Жешарт. 18 апр. 1944>

<...> Вчера вернулся домой и нашел: 1) Твой перевод от 24/III на 500 р. это второй перевод, полученный мной (первый был на 1000 руб.), о получении третьего, о котором Ты пишешь, извещу по его получении; 2) 2 бандероли, содержащие первый, второй и третий тома Пушкина. <...> Если можно будет отправить из Ленинграда посылку, это будет, конечно, замечательно. В посылку следует вложить: синий костюм, рабочие ботинки Андрея на толстой подошве (или другие), материал на портянки, носок 3–4 пары, одну пару белья, одну верхнюю рубашку (если есть), пару галстухов; из папиного ящика, если есть, – несколько карандашей, в том числе чернильных, пару резинок,

перьев. Ниток, штопки, иголок *не надо*, я купил в Кирове. Можно мыла. Продукты в Ленинграде сейчас, конечно, в несколько раз дешевле (на базаре), чем здесь. <...> Пришли также Андриюшину коробку акварельных красок, а также, если есть у него в столе, масляных, они нужны Марку Юл<иановичу> для окраски игрушек, которые он делает.

<...> Из книг жду: англо-немецкий (Below's English-German Dictionary)¹ и франко-русский словари (стояли в Левитоне, на верхней, кажется, полке, первый красновато-коричневый, второй черный); Maupassant, «Une vie» или «Bel ami»;² Пушкин, остальные три тома; <...> Гегеля («Наука логики»); Гиппиуса о Гоголе и Гоголя в издании Маркса <...>; Вико, «Новая наука»³ – синяя книга большого формата, америк<анский> шкаф, 3-я полка; Dante, по-немецки, там же наверху. Пишу максимум, а жду чего-нибудь. <...>

¹ «Англо-немецкий словарь» (англ.).

² Романы Г. Мопассана «Жизнь» (1883) и «Милый друг» (1885).

³ Имеется в виду книга «Основания новой науки об общей природе наций» Дж. Вико, итальянского мыслителя XVIII в.; ее русский перевод вышел в 1940 г. под редакцией и со вступительной статьей М. А. Лифшица.

78. <Жешарт. 2 мая 1944>

<...> Горячо поздравляю Тебя в день 1-го Мая. Надеюсь, что и эти дни, как дни Пасхи, Ты проведешь хорошо, в обществе друзей <...>. Я получил уже дней пять назад вашу чудесную пасхальную открытку, которую даже прочел вслух своему сожителю – М<арку> Ю<лиановичу> Тиссену, о котором Тебе писал. Какие вы милые, а ведь я даже забыл поздравить Тебя. Правда, в этот день я был в дороге!¹

<...> 30-го выдали нам на май сахар и крупу (мы решили с мая месяца целиком перейти на домашнее питание и отказаться от столовой, так как она стала очень скверной). На ужин мы сварили суп и сладкую овсяную кашу с маслом, а на третье – чай. Вчера я устроил званный обед: пригласил (кроме нас троих) одного гостя – на первое был суп чудо искусства (из картофеля с овсяной крупой и луком, пережаренным на масле), на второе пшенная каша в сверхобычном количестве с маслом и сахаром. Все участники обеда остались в восторге от моего искусства. Сегодня их очередь, не знаю, чем они меня намерены удивить. Оба утра я вставал в 5 часов и садился за книгу до завтрака (около 7–8), сегодня после завтрака мы с Освальдом² (мой второй сожитель, о котором я Тебе писал, «спортсмен») занялись заготовкой дров и наготовили их кучу, затем я снова уселся читать на этот раз присланную мне Ниной книжку английских рассказов современных писателей. В 4 ч. вечера принялся за готовку, и около 6 мы обедали. Вечером читал вслух, а затем М. Ю. насвистывал мне арии из «Онегина», «Фауста», «Руслана и Людмила», а кое-что даже спел, что редко удается у него допроситься. У него прекрасный слух, и когда-то он учился петь. Увы! здесь нет инструмента, а то я бы уж заставил его поиграть мне!³ Сегодня после «дровозаготовок» сел за письма, а потом собираюсь снова читать – по истории.

Перехожу теперь к одному проекту, который, верно, тебя удивит: Дмитрий Дмитриевич предлагает мне работу для своего журнала.⁴ Ему нужен ряд небольших статей о некоторых русских классиках, а я, во-первых, очень заинтересован в возобновлении связи с печатью, так как это может сыграть решающую роль для всего моего будущего, а во-вторых, работа для Дм. Дм. даст мне заработок <...>. Вот книги, которые мне нужны:

1). *Лермонтов*, Полное собрание сочинений. У нас их два. Одно академическое, в 5 томах, оно стояло в американском шкафу. *Его не присылай*. Второе двухтомное <...> под редакцией Введенского.⁵ Оно стояло в папином шкафу. <...> 2). *Гоголь*, издание А. Ф. Маркса <...>. 3). *Гиттиус В. В.* Гоголь. Изд. 1924 г. <...> 4). *Некрасов Н. А.* Стихотворения <...> Маленькая серая книжка в колленкоровом переплете, издание «Библиотеки поэта», малая серия.⁶ Книжка подарена мне Обломиевским и на титульном листе *есть его надпись*. Стояла в Левитоне. 5). *Балухатый С. Д.* Справочник по Толстому. Изд. 1927 г.⁷ <...> Если ее не найдешь, возьми ее в БАН и перепечатай для меня на машинке помещенную в ней после вступительной статьи краткую «Хронологию жизни и деятельности Толстого» (на машинке около 4-х страниц). <...> Кроме того, мне нужны любые издания хотя бы избранных сочинений Белинского, которых нет у нас дома. Эту просьбу постарайся выполнить поскорее. Если с Обломиевским удастся наладить связь, то в дальнейшем я совершенно избавлю Тебя от присылки переводов! <...>

<Приписка Ф. Б. Кусовой и З. Б. Подкопаевой>

Дорогие Фаина и Зоя Борисовны! Благодарю Вас сердечно за Ваши поздравления. Ваша открытка доставила мне много радости, а приятнее всего было для меня прочитать о маме, что она почти «прежняя». <...> Я живу сейчас гораздо лучше, чем раньше. Очень жаль мне, что в Кирове не удалось заставить Ник<олая> Александровича⁸ – сколько бы я мог рассказать ему! Но, может быть, удастся со временем повторить поездку или, наоборот, в летние месяцы зазвать кого-нибудь на неделю ко мне сюда.⁹ Об этом, конечно, пока еще рано говорить, но принципиально это вещь вполне возможная. Нужно лишь командировочное удостоверение, да и дальность пути, с 2-мя пересадками несколько пугает. <...> только от станции сюда надо дойти около 8 км. <...>

P. S. Я забыл написать, что на окошке нашей комнаты стоит букет вербы.

¹ В 1944 г. Пасха (православная) была 16 апр. В письме речь идет о следующей открытке А. М. Фридендер: «Христос воскрес! Поздравляю с праздником, желаю всего-всего лучшего, а в первую очередь здоровья! Вчера почти весь день провела у Зои и Фафнера, где ночевала. Мы с Фафнером пекли в пятницу миниатюрные куличики, которые сравнительно хорошо удались, вчера вечером разгавливались, было уютно, хорошо, вспоминали тебя. <...> Идем с Зайкой сейчас в церковь, а потом вернусь домой, поставлю самоварчик к приходу Изы (Вермана. – С. Б.), поджарю хлеб и спеку свой кулич...»; здесь же приписка З. Б. Подкопаевой и Ф. Б. Кусовой: «Христос воскрес! Крепко трижды целуем, надеемся на скорую встречу. Желя совсем молодцом, стала прежняя, кроме ног и сердца. Возвращайтесь скорее в родной Ленинград. Ваши друзья Фафнер и Зоя».

² *Освальд Карл Родионович* – комсорг на жешартской лесобазе в 1944 г. (см.: *Морозов Н. А.* Мобилизованные группы... С. 68).

³ М. Ю. Тиссен был творческим человеком. В истории Лаборатории «Б» он упоминается и как прекрасный пианист, и как руководитель драматического кружка.

⁴ В 1943–1945 гг. Д. Д. Обломиевский был главным редактором журн. «Интернациональная литература» на французском языке («La Littérature Internationale»). Статьи Г. М. Фридлиндера публиковались в журнале с конца 1945 г. В списках своих научных работ он упоминал о них обобщенно: «В 1945–1946 годах я принимал участие в работах отдела печати ВОКС (см. п. 85 от 8 июня 1944 г., примеч. 7. – С. Б.), написав для него несколько статей о русской литературе, предназначенных для распространения за рубежом» (СПбФ АРАН, ф. 150, оп. 2, № 379, л. 7 об.).

⁵ «Академическим» Фридлиндер называет пятитомное издание Лермонтова, вышедшее в издательстве «Academia» в 1935–1937 гг. Второе издание Полного собрания сочинений Лермонтова под редакцией А. И. Введенского вышло в 1901 г.; его четыре тома были собраны под общими обложками двух книг.

⁶ Книга (со вступительной статьей и примечаниями А. Я. Максимовича) вышла в 1938 г.

⁷ Справочник по Толстому: Даты жизни и творчества, хронология и систематика сочинений, библиография / сост. С. Д. Балухатый и О. А. Писемская. М.; Л., 1928.

⁸ *Подкопаев Николай Александрович* (1892–1950) – муж З. Б. Подкопаевой, доктор биологических наук (1934, по совокупности работ; 1949, защита диссертации), сотрудник Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР (1929–1940), во время войны находился в Кирове, куда была эвакуирован Научно-исследовательский медицинский институт ВМФ, где он был начальником Отдела военно-врачебной экспертизы.

⁹ Приезды родственников к трудомобилизованным немцам были разрешены еще в 1942 г. А. М. Фридлиндер мечтала о поездке в Жешарт, однако М. А. Лифшиц был против: «...это будет ей не под силу» (апр. 1945 г.).

79. <Жешарт. 8 мая 1944>

<...> Написал и сегодня послал Дмитрию Дмитриевичу – без книг! – заказанную им статью о Лермонтове. Думаю, что опыт удачен, посмотрим – каково будет его мнение. Завтра принимаюсь за статью о Гоголе. Перечисляя нужные книги, я забыл самое главное. Пока я пишу по-русски, но ведь журнал-то Дмитрия Дмитриевича выходит на французском языке, и в будущем я должен буду посылать ему текст статьи сразу же во французском переводе. Для этой цели мне необходимы францужско-русский и русско-французский словарь. <...> Надеюсь, что если статьи мои пойдут в ход, по одной в месяц, то смогу выручить в месяц рублей по 500. <...> Узнай в БАН, может ли наша база получать от вас книги в порядке абонементов, и если да, пришли пару бланков гарантийных писем.¹

<...> поздравляю горячо тебя и Фафу с правительственной наградой.² Мне хочется гордиться своей старушкой.

О посылке. Вот полный перечень всего, что я прошу: 1) Синего костюма не посылай. Вместо этого пришли брюки от грубошерстного или другие, покрепче, и какую-нибудь сносную верхушку. Можно не пиджак, а мою шерстяную блузу с «молнией», предварительно залатав рукава, или какой-нибудь пиджак, имеющий приличный вид и нетяжелый. 2) Полотенце – 1, майки (без рукавов) – 2 (или нижнюю сорочку), 1 рубашку с 2 воротничками и галстуком, летние хлопчатобумажные брюки (если есть) (можно выкрасить белые),

материал на портянки, носки 4–6 пар, хорошо, если одни из них шерстяные; спортсменки или какие-нибудь летние туфли-тапочки (*ботинки мне выдали*, галош не надо), наволочку – 1. Мыло туалетное – 1 или 2 куска, хозяйственное – 1 кусок, нитки – черные и белые, пуговицы – для кальсон и брючные и 3–4 больших, для пальто. Зубные щетки – 2–3, зубной порошок или паста – 1 коробка, сода питьевая – 1 пакетик или коробочка, витамин «С», если есть. Чернила в порошке, перья – 30 штук (мое вечное перо в Москве, в моем чемодане), карандашей несколько (в том числе пару красных-синих), Андриюшины акварельные краски, но без *металлической коробки*, а то будет тяжело, или пару кубиков масляных, если есть в его столе (для Тиссена). Бумага – 3–4 или более общих тетради, или столько же листовой (сколько можно).

Остальной вес заполни: 1) парой мотков или отрезков кружев среднего качества (имеют прекрасный сбыт у местного населения и дорого ценятся); 2) нитками, мулинэ (если есть дома) то же; 3) табаком, папиросами или махоркой, если можешь достать по госуд<арственной> цене; здесь осьмушка стоит 40–50 рублей. <...> Пришли кусок темного шерстяного материала и клочок сатина или колленора для заплат пиджака и брюк, находящихся со мной. <...> Хорошо было бы, если бы в бумагу Ты положила пару репродукций из кожного альбома в моем столе: *Giorgione, Un concerto di musica*,³ *Botticelli, L'annunciazione*⁴ и фрески Микель Анджело (без надписей, вложены пачкой). <...>

¹ Межбиблиотечный абонемент в БАН был в это время лишь в проекте, о чем А. М. Фридендер с сожалением сообщила сыну.

² Речь идет о медали «За оборону Ленинграда», которой были награждены 17 апр. 1944 г. А. М. Фридендер и Ф. Б. Кусова.

³ Музыкальный концерт (*итал.*). Неясно, о какой картине итальянского художника эпохи Возрождения Джорджоне пишет Г. М. Фридендер («Сельский концерт» («Концерт под открытым небом»), «Урок пения» («Три возраста») и т. д.).

⁴ «Благовещение» Боттичелли (существует несколько работ художника на эту тему).

80. <Жешарт. 13 мая 1944>

<...> Как я писал Тебе, я уже послал Дмитрию Дмитриевичу одну статью (о Лермонтове), а сегодня или завтра закончу вторую – о Гоголе. Вслед за этим примусь за третью – о Некрасове или Толстом. Несмотря на всю важность посылки, книги для меня не менее важны. <...> над Гоголем я предполагаю, если застряну здесь, работать всю зиму. Нужно будет разыскать также имеющийся у меня один том его писем,¹ книжку Аксакова «История моего знакомства с Гоголем».²

Не думаешь ли Ты, что Твое награждение дает Тебе полное моральное право все же попытаться возобновить хлопоты по моему делу? Хлопотать нужно в Леноблисполкоме и НКВД, можно обратиться с письмом к Жданову.³ <...>

¹ Имеется в виду четырехтомное издание «Писем» Н. В. Гоголя 1901 г.

² *Аксаков С. Т.* История моего знакомства с Гоголем. СПб., 1913.

³ *Жданов Андрей Александрович* (1896–1948) – в годы войны первый секретарь Ленинградского обкома ВКП(б).

81. <Жешарт. 18 мая 1944>

<...> Пожалуй, наше совместное хозяйство заставило меня несколько выйти из нормы, так как мои товарищи склонны сразу израсходовать все ресурсы, хотя бы потом пришлось сидеть на голодном пайке. Вчера мы одновременно получили по переводу и перешли снова на индивидуальное хозяйство. Буду строго придерживаться нормы и растягивать свои средства, как могу. Не помню, писал ли я Тебе, что закончил для Дмитрия Дмитр<иевича> статью о Гоголе, но пока не высылаю ее, так как жду его отзыва о первой (лермонтовской) статье. Начал я было писать и третью статью – о Толстом, но – увы! – совсем не помню дат и ряда биографических мелочей. Может быть, Тебе удалось перепечатать и выслать мне хронологическую канву по книжке Балухатого «Справочник по Толстому», как я просил. <...> Д<митрий> Д<митриевич> прислал мне 4 номера своего журнала, которые я уже почти прочел. Жешарт, как это ни смешно, научил меня читать по-французски, хотя отдельные слова и выражения ускользают от меня без словаря. К 1/VI надеюсь получить Твою посылку, а также *Словари*, как я просил. <...> в посылке надеюсь найти кое-что для обмена на семенную картошку. Надо думать об огороде: это спасение здесь; скоро спадет вода, и тогда буду копать и копать. В прошлом году у нас не было возможности сажать что-либо, но в этом она есть – и надо ее использовать.

Что Ты думаешь о моем предложении относительно необходимости возобновления хлопот обо мне? Каково Твое мнение? Мы находимся сейчас в ведении отдела спецпоселений НКВД Коми АССР. Впервые мобилизован (до этого в пединституте) я был в феврале 1942 г., направлен на участок военно-строит<ельных> работ № 240 арханг<ельского> Военно-строит<ельного> управления, а оттуда в июле 1942 г. направлен в Коми АССР. Этих фактов обо мне достаточно. Моя литерат<урная> деятельность Тебе известна. <...>

82. <Жешарт. 23 мая 1944>

<...> У меня все обстоит хорошо, здоров, написал 3-ю статью для Обломиевского (о Толстом, пока начерно). Посылать эту третью статью, как и вторую, пока не буду, так как хочу сначала дожидаться от него ответа. Представь себе, что в писанине я сделал, кажется, *большие успехи*: посмотрим, что скажет Дмитрий Дмитриевич. Я стал писать лучше и – что особенно неожиданно – сам процесс писания протекает у меня гораздо легче, чем раньше.

С нетерпением жду Твоего ответа на мой запрос – не считаешь ли Ты целесообразным все же попытаться еще раз похлопотать обо мне. <...> Может быть, можно было бы хлопотать, чтобы, если твое состояние не позволяет Тебе выехать сюда, меня бы пустили на месяц или 15–20 дней к Тебе на свидание?

83. <Жешарт. 26 мая 1944>

<...> Большое спасибо Тебе за высланный перевод. Он придет вовремя, так как – увы! – ужасно много уходит денег при здешней дороговизне, и иначе

нельзя. Боюсь и думать о том, сколько я уже Тебе стоил. <...> Сегодня нам выделили землю и дали семена огурцов, капусты, турнепса и свеклы. Останковка за главным – картофелем, но его, видимо, придется как-то доставать в обмен на присланное Тобой в посылке. А пока надо браться за лопату и копать. Завтра или в воскресенье посажу в ящике капусту, постараюсь угорворить одного земляка изготовить мне ящик. <...>

84. <Жешарт. 1 июня 1944>

<...> Живем мы ничего: нам выдали наконец за май наши продукты, кроме того, мне удалось выговорить себе на первое время по стакану молока в день. Сейчас у нас есть молоко, масло, мясо, сахар, прямо все блага. Сегодня вечером отправляюсь с лопатой на огород, а утром занимался посадкой капустной рассады. <...> Прошлый месяц был у меня месяцем творчества: 3 статьи после 2-х лет перерыва, этот обещает быть огородным, времени на писание будет мало. К сожалению, здесь еще очень холодно, замерзаю в конторе, так как из-за наступления «лета» не топят, а лето – где оно?

85. <Жешарт. 8 июня 1944>

<...> все высланные тобой 3000 дошли до меня. <...> У меня были некоторые новости: во-первых, нам пришлось из нашей чудной комнаты перебраться в крошечную каморку, прескверную, с клопами, где мы с М<арком> Ю<лиановичем> едва установили свои кровати. Что касается клопов – думаю поправить дело, организовав на днях штукатурку и побелку. Во-вторых, все мы, работники аппарата, с 5-го числа ежедневно ходим на 5 часов работать на производство, на электропиле, что довольно трудно. Из-за этого – увы! что мне особенно досадно, мой огород, о котором я мечтал все время, грозит так и остаться невскопанным. <...>

Я все же мечтаю еще раз заставить Тебя написать заявление обо мне. В заявлении укажи, что Ты такая-то, работаешь там-то, награждена медалью, муж умер во время войны. Твой единственный сын – по специальности научный работник и литератор – мобилизован, но по таким-то причинам (мнимое национальное происхождение предков) используется в трудармии на Жеш<артской> л<есо>п<еревалочной> базе, где работает конторским работником. 1) Более пространно опиши мою лит<ературную> деятельность с 1936 по 1941 г. в «Лит<ературном> критике»,¹ «Лит<ературном> обозрении»,² «Лит<ературной> энциклопедии», укажи статью об Энгельсе,³ комментарий к Марксу,⁴ книгу о Белинском (для серии «ЖЗЛ»).⁵ 2) Сошлись на М. М. Розенталя (бывшего гл<авного> редактора Госполитиздата),⁶ В. С. Кеменова (председатель ВОКС'а),⁷ Е. Ф. Усиевич (ред<актор> журн<ала> «Новые Горизонты»),⁸ М. А. Лифшица (на политработе в НКВМФ), проф<ессоров> Г. А. Гуковского, Б. М. Эйхенбаума, Н. Я. Берковского, Н. И. Мордовченко, Б. А. Бялика, Б. С. Мейлаха, Д. Д. Обломиевского и т. д. как на лиц, могущих дать обо мне отзывы; 3) напиши о том, что мой прадед (фактически) польский

еврей, переселившийся в Германию и принявший там протестантство,⁹ и далее всё, что можешь изложить по этому поводу. Заявление, по-моему, Жданову или Попкову.¹⁰ <...>

¹ В своих позднейших автобиографических беседах М. А. Лифшиц так вспоминал о «Литературном критике», выходившем в 1933–1940 гг.: «В общем, это был журнал заметный, интересная страница в истории марксистской литературы, особенно литературной критики. Здесь можно было встретить не только декларирование известных общефилософских и политических позиций, но и разработку марксистского метода исследования за пределами общих положений, с применением довольно широкой образованности и, самое главное, глубокой идейной убежденности в верности марксистских, коммунистических идей. <...> ему были присущи независимость от догматизма тех лет и довольно широкий духовный кругозор» (*Лифшиц М. А.* Надоело. В защиту обыкновенного марксизма: Беседы. Статьи. Выступления. М., 2012. С. 57–58). Обширная переписка Г. М. Фридендера с М. А. Лифшицем 1930-х гг., хранящаяся в Архиве РАН, свидетельствует о большом желании принять участие в баталиях своих старших товарищей сначала с вульгарной социологией, а затем и с официальной сталинской бюрократической критикой. Впоследствии он упоминал в списках трудов лишь две напечатанные в «Литературном критике» статьи: «Формализм и эклектика в науке о литературе» (1936. № 5. С. 35–53) и об Энгельсе (см. примеч. 3).

² О статьях и рецензиях Фридендера на страницах «Литературного обозрения» (двухнедельный журнал, издававшийся с 1936 г. при «Литературном критике») см.: Основные работы Г. М. Фридендера // *Фридендер Г. М.* Достоевский и мировая литература. Л., 1988. С. 450.

³ Имеется в виду статья Фридендера «Ф. Энгельс и вопросы литературы» (Литературный критик. 1940. № 11–12. С. 10–41). Она предназначалась для не вышедшего из-за цензурных трений 12-го (заключительного) тома «Литературной энциклопедии» (1929–1939).

⁴ См. примеч. 1 к п. 26 от 19 янв. 1943 г.

⁵ Книга Фридендера о В. Г. Белинском для серии «Жизнь замечательных людей» (некоторое время главным редактором серии являлся М. А. Лифшиц) не была закончена к сроку (1 дек. 1940), обозначенном в договоре с издательством (см.: *Макаров Н. А.* Выдающийся литературовед Г. М. Фридендер. С. 114), рукопись ее неизвестна.

⁶ *Розенталь Марк Моисеевич* (1906–1975) – ответственный редактор «Литературного критика», заведовавший в годы войны отделом агитации и пропаганды Свердловского обкома ВКП(б), прислал Фридендеру, как он писал матери из Архангельска 4 июля 1942 г., «очень хорошую личную характеристику» и обещал «поддержку» в переводе на «более благоприятную работу». Характеристика сохранилась в архиве в копии 1946 г.

⁷ ВОКС – Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, председателем которого Владимир Семенович Кеменов (1908–1988) был в 1940–1948 гг. Он входил в круг авторов «Литературного критика» и «Литературного обозрения».

⁸ *Усевич Елена Феликсовна* (1893–1968) – литературный критик, в 1930-е гг. один из основных авторов журн. «Литературный критик» и «Литературное обозрение», с 1940 г. редактор литературно-художественного журнала на польском языке «Новые горизонты» («Нови виднокренги»); решение о выпуске этого журнала принимало Политбюро в связи с присоединением западных областей Украины и Белоруссии.

⁹ См. п. 42, примеч. 1.

¹⁰ *Попков Петр Сергеевич* (1903–1950) – председатель Ленгорсовета.

86. <Жешарт. 12 июня 1944>

<...> Я уже писал Тебе о переезде в новую комнатку. Мне ее оштукатурили, побелили, и сейчас она сияет чистотой. Клобы после ремонта ушли, правда ненадолго, но осенью можно будет оштукатурить еще раз. Удобство новой

квартиры в том, что у дома имеется свободный (небольшой) участок, который сегодня мне должны вспахать и который в течение недели я собираюсь засадить свеклой, турнепсом, морковью, капустой и картофелем, если достану его. Если достанем хоть пуд картошки, может быть, соберем 10 пудов, что прокормит нас месяца два, а другие овощи составят подспорье на лето. <...>

87. <Жешарт. 14 июня 1944>

<...> Сегодня я, совершенно паче чаяния, получил 5 бандеролей <с книгами>. Если бы к зиме удалось еще прикупить: первые два тома *писем* Гоголя, книгу Вересаева «Гоголь в жизни» или сборник Гиппиуса «Гоголь в письмах и воспоминаниях»,¹ то я бы мог – я в этом уверен – за осень и зиму написать о Гоголе толковую книгу. <...>

¹ Имеются в виду издания: *Вересаев В. В. Гоголь в жизни: Систем. свод подлинных свидетельств современников.* М.; Л., 1933 (книга была куплена и выслана Фридлиндеру Лифшицем); *Н. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях / Сост. В. В. Гиппиус.* М., 1931.

88. <Жешарт. 20 июня 1944>

<...> Главное, о чем я должен Тебе сообщить, – это о том, что мой огород наконец стал действительностью. Засадил мы всего около полутора соток, возле нашего дома. Это немного, но больше, пожалуй, нам не по силам. Картофеля удалось добиться 20 килограмм (по 10 на каждого) в виде ссуды от лесобазы. <...> Земля, говорят, хорошая: целина, с большим процентом перегноя. Мне ее сначала вскопали и бороновали, а затем двое товарищей помогли нам прокопать участок вручную. <...>

Вообще вот книги, которые так или иначе к *осени* будут мне нужны, чтобы я действительно мог писать о Гоголе: 1) «Вечера на хуторе». 2) «Миргород». 3) Статья Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 <и> 1835 <году>». Статья небольшая, можно перепечатать ее на машинке. 4) Рассказ (неоконченный) Гоголя «Кровавый бандурист» (можно перепечатать на машинке, разыскав в БАН). 5) Гиппиус В. В. Гоголь. 1924. 6) Гиппиус В. В. Гоголь в письмах и воспоминаниях. 1930. 7) Письма Гоголя, т. 1–2 <...>. Пока я начал читать с большим увлечением и вижу, что выбор мой правилен: писать о Гоголе можно почти без книг. Достаточно перечисленного, и, если придется еще зиму провести, удалось бы написать почти законченную книгу, требующую сравнительно небольшой доработки.

<...> Только что поужинали вместе с Марком Юлиановичем, попили молока, которого я сейчас получаю пол-литра (а М. Ю. 0,3), и съели свой «УДП» (дополнительное блюдо, которое нашей бирже впервые выделили на июнь, к сожалению, только на один месяц). <...> По пути домой удостоверялся, что на нашем огороде уже вышли из-под земли первые росточки будущих огурцов и турнепса. Дай бог, чтобы огород этот не остался пустой затеей: тогда в скором будущем, может быть, удастся совсем оказаться от Твоей помощи, по крайней мере – на время. <...>

89. <Жешарт. 24 июня 1944>

<...> Начал писать еще одну статью – о Чехове. Огород мой меня утешает, хотелось бы только, чтобы он был побольше. Погода установилась, стало тепло. Мы варим свою кашу и не унываем. Марк Юл<ианович> сделал хорошее изобретение, за которое в будущем месяце должен получить 1000 рублей. Это + огород, если даст первые свои результаты, будет нам подспорьем. <...>

90. <Жешарт. 2 июля 1944>

<...> сегодня один из дней, скорбный для нас по семейным воспоминаниям, – день рождения Андрея. <...> Не плачь, не грусти, дорогая, может быть, Андрей еще жив и вернется, а если нет – сколько других, тоже молодых, сильных и талантливых погибло за эти годы! Оставим то чувство горечи, которое отравляет нашу мысль об Андрее, и будем смотреть на жизнь проще и спокойнее. <...>

Мы с М<арком> Ю<лиановичем> получили еще по 15 кг семенного картофеля и посадили вторую картофельную плантацию. Теперь у нас посажено, если выбросить отходы, около 40 кг, две сотых га. Если картофель удастся, несмотря на плохую погоду и позднюю посадку, это должно дать до 400 кг, т. е. 25 пудов. Часть урожая (пудов 5) нам придется отдать одному парню, который помогал нам при посадке и будет помогать дальше; пудов 20 должно – тьфу-тьфу! – остаться на долю нас двоих. Это значило бы, что в случае удачи месяцев 5 осенью и зимой мы сможем прожить на картошке, ничего не прибавляя.

<...> Хочу в течение июля проситься съездить в Сыктывкар для посещения зубного врача. В первый раз в жизни я узнал, что такое зубная боль. В свободное время пишу статью о Чехове (в связи с его юбилеем). Статья получается довольно большая и интересная, но не знаю, когда удастся ее кончить. <...>

91. <Жешарт. 6 июля 1944>

<...> Очень прошу Тебя: по получении этого письма сходи к сестре Обломиевского <...> узнай, где он и здоров ли. Уже два месяца он мне не пишет и ничего не ответил на присылку двух моих статей. <...> Ведь я так мечтал при его посредстве восстановить свою связь с литературой и одновременно избавиться от необходимости прибегать к Твоей поддержке! Чертовски мне не везет!

Зато могу сообщить и хорошую новость: получил вдруг большое и очень теплое письмо от Лифшица. Он кое-что сообщает о себе (пишет, что, между прочим, может быть, окажется в Ленинграде и тогда, конечно, будет Твоим гостем) и одновременно предлагает мне при его посредстве написать Эренбургу. На днях думаю это осуществить. Может быть, Эренбург и захочет что-либо сделать для собрата по перу.¹ <...>

¹ Речь идет о письме Лифшица от 20 июня 1944 г. В нем он признался, что все его усилия по вызволению Фридендера зашли в тупик. Лифшиц предложил ему, во-первых, обратиться к Л. М. Кагановичу (в это время он работал «в его ведомстве», т. е. в Народном комиссариате

путей сообщения: «Если бы Вас НКПС использовал на более квалифицированной работе по культурной части – это уже была бы победа»), а во-вторых, – к писателю И. Г. Эренбургу («...просить его содействия, сославшись на нас, на наши свидетельства. Он получает много писем и делает кое-что»). Фридендер выбрал второй путь, поскольку Эренбург уже помогал ему ходатайством в довоенное время (РГАЛИ, ф. 1334, оп. 2, ед. хр. 610); ответ от его секретаря был направлен в Жешарт 11 авг. 1944 г.: «Как только будут результаты, Вам будет немедленно сообщено». 14 авг. 1944 г. Лифшиц написал Фридендеру: «На Эренбурга с разных сторон будут наживать (т. е. напоминать о Фридендере. – С. Б.). Он обещал сделать всё, что сможет, и, вероятно, сделает. Всесильным его считать нельзя». Одновременно Фридендер направил письмо председателю правления Союза писателей СССР Н. С. Тихонову, по поводу которого Лифшиц обронил: «...на этого я не надеюсь» (отклика, по-видимому, действительно не было). С осени 1944 г. Лифшиц пересылал Эренбургу все ходатайства о Фридендере, которые удавалось получить. По-видимому, он сыграл значительную роль в его вызволении. См. также вступ. ст., с. 454–455.

92. <Жешарт. 11 июля 1944>

<...> Вчера получил Твое письмо и посылку <...> Сегодня щеголяю в Андриюшином пиджаке, гимнастерке и своих летних брюках. <...> Мулинэ у меня вырвали из рук, также и нитки – очень выгодно (в деньгах за мулинэ 300 руб., за белые нитки по 50 р. за моток, черные я оставил себе). <...> Краски я оставил Марку Юлиановичу, хотя за краски для материи предлагают по 40 руб. за пакет.

Откуда Ты взяла, что я работаю на физической работе? Я сто раз писал Тебе, что работаю плановиком-экономистом, а сейчас титулююсь даже начальником планово-экономического отдела. Правда, я писал Тебе, что в мае и июне все мы временно переключались на несколько часов в день на производство, но ведь это бывает сейчас везде, если работа этого требует. А в районах, где работы носят сезонный характер, как сплав и выкатка, летняя работа инженерно-технического и конторского аппарата на производстве – вещь почти что неизбежная.

<...> Картофель мой всходит у нас под окном, также огурцы, турнепс, свекла. Пересадил на грядку капусту, но не знаю, как привьется рассада. Погода улучшилась, но настоящего лета в этом году здесь, видимо, так и не будет. Меня это беспокоит, особенно как сельского хозяина: каждый день с тревогой смотрю, как растет моя картошка. Так и хочется взять каждый кустик и повытягивать его, чтобы он поскорее стал повыше. <...>

93. <Жешарт. 16 июля 1944>

<...> аскорбиновой кислоты мне уже сделали 4 впрыскивания (через день). Чувствую себя очень хорошо, возможно, что впрыскивания играют здесь свою роль. Мне выписан ордер на пару белья (рубашку и кальсоны), которую завтра получу, поэтому больше белья присылать не нужно. Мыла нам также пока немного выдали. <...> Сегодня утром переписывал, исправлял свою чеховскую статью, которую еще не кончил, затем собирал щавель. Только что съел обед из двух блюд: 1) зеленый суп (щавель); 2) овсяная каша с *маслом* и *молоком*. Молоко, как я Тебе писал уже, я получаю, а овсяную крупу и масло нам

недавно выдали по карточке, причем мне удалось получить сливочное масло, а не растительное. <...> Кроме перечисленного есть у нас еще порядочно селедочек килечного посола (крохотных), которые нам выдали в счет мяса: мы кушаем их на хлебе и, надо сказать, с большим удовольствием. Огород мой растет и процветает: не знаю, что будет с другими овощами, но на картошку мы, кажется, можем твердо рассчитывать. <...>

94. <Сыктывкар. 29 июля 1944>

<...> Вот уже второй день в Сыктывкаре. <...> был в пединституте и обкоме партии относительно своего перевода в пединститут. Говорил с членами кафедры, с директором и с зав. отделом школ обкома. И она, и директор произвели на меня наилучшее впечатление. В ближайшие дни она должны выяснить возможность моего откомандирования из трудармии в распоряжение обкома для работы в институте – и тогда напишут мне об этом в Жешарт. Главная трудность Тебе известна, это все тот же проклятый вопрос об ошибке в папиных бумагах. Но может быть, удастся это преодолеть, хоть надежды большой пока на это возлагать не следует. Сыктывкар – очень маленький, но чистый городок. Благодаря одному счастливому знакомству, мне удалось устроиться в центральной гостинице, где замечательно чисто и уютно, ем в ресторане <...> притом очень дешево. Конечно, не обошлось дело без посещения библиотеки. С книгами здесь очень прилично. Вчера был в кинотеатре, где смотрел фильм «Непобедимые» – о вас, ленинградцах.¹ <...> Завтра утром иду на базар, где сделаю кое-какие закупки: куплю пару килограмм зеленого лука, немного редиски, ягод – для Марка Юл<иановича>, кое-какие мелочи. Продукты здесь дороги, и покупать их нет большого смысла. <...>

¹ Художественный фильм «Непобедимые» (режиссеры С. А. Герасимов и М. К. Калатозов) вышел на экраны в 1942 г.

95. <Киров. 12 авг. 1944>

<...> Вот уже третий день я в Кирове <...> звонил Лиде, а также пытался звонить на два телефона в БАН. <...> Можешь себе представить, какое огромное удовольствие доставил мне внятный и живой голос Лиды. Слышно утром прекрасно, так и чувствуешь возле себя близкого человека, по которому Ты изголодался. От Лиды я узнал, что Миша в Ленинграде и живет у нас. Это чудесно, так как, несмотря на свою занятость, я уверен, что он всегда поможет Тебе во всем, где такая помощь требуется, что Ты теперь не одна, что с тобою есть близкий человек, до известной степени заменяющей Тебя меня. Надеюсь, что и Мише будет у нас хорошо. Может быть, к зиме вам удастся совместными усилиями остеклить и привести в порядок столовую, и тогда у него будут вполне приличные условия для работы и необходимый минимум книг вблизи. <...>

В Кирове я живу у бывшей хозяйки моего жешартского сожителя Тиссена, но главную часть времени провожу в семье сослуживицы Ник<олая>

Ал<ександровича> Подкопаева Брызгаловой, где к нам все исключительно милы. Вчера были с Петром Ивановичем (главбух!) в кино, сегодняшний вечер собираюсь провести в библиотеке. <...> В библиотеке (передай Мише) я постараюсь ознакомиться (бегло) с положением на философском фронте. Питаемся мы здесь неплохо, время идет весело, вообще Киров мне нравится. <...> Если бы нам удалось завтра поговорить! Это надолго осветило бы всю мою жизнь! <...>

96. <Жешарт. 16 авг. 1944>

<...> ответа из Сыктывкара нет. <...> думаю, что надежды на перевод в институт придется похоронить. Ну что ж?! Может быть, Эренбург что-нибудь сделает. Будем ждать. Погода здесь по-прежнему сырая и холодная, но огород мой выглядит сравнительно неплохо, хотя несколько солнечных дней ему не повредили бы. Картошка начинает цвести, у капусты уже большие листья, даже свекла и морковка похожи на самих себя. Огурцы буйно цветут, но толку от них, конечно, в такой холод уже не будет. <...>

97. <Жешарт. 22 авг. 1944>

<...> Как дела Миши? И удается ли вам ваш проект устроить его у нас более прочно? <...> Ответа из Сыктывкара нет и, видимо, уже не будет, так что пока я остаюсь здесь. Погода опять разгулялась, светит солнышко, и огород наш повеселел. У меня эти дни роскошные мясные трапезы, ем прекрасно, почти как дома, хотя кулинарю сам. Сожитель мой все еще в Лузе,¹ и я эти дни один. В свободные часы читаю Пушкина и валяюсь на сене. <...>

¹ Луза – город в Кировской области, районный центр.

98. <Жешарт. 27 авг. 1944>

<...> Как я уже тебе сообщал, переговоры мои в Сыктывкаре снова кончились ничем. Может быть, об этом и не следует особенно жалеть: уехать оттуда впоследствии было бы весьма трудно. Кроме того, с окончанием навигации жизнь в Сыктывкаре должна быть невыносимо скучной, и в материальном отношении там не лучше, чем здесь. Из-за холодов огород мой – увы! – еще далеко не созрел: пользовались от него пока только парой редисок, турнепсом и капустным листом. Особенного сбора – увы! – ожидать не приходится, картошка мелкая. <...>

Письмо к М. А. Лифшицу

99. <Жешарт. 6 мая 1945>

Мой дорогой, горячо любимый друг и брат! К сожалению, это письмо мне приходится писать Вам далеко не в радостном тоне. Наш план лопнул. И про-

изошло это после того, как поездка была мне уже положительно разрешена, и я только из осторожности писал Вам и маме в неопределенном духе. <...> Письмо Орбели¹ было получено сюда, примерно, 26/IV. <...> Я, прочтя письмо, счел его крайне наивным и сразу же решил, что ничего не выйдет. Но начальник мой, напротив, страшно воодушевился и сказал мне: «Мы это сделаем». На следующий день сюда ожидался зам. начальника Северо-Печорской дороги Сергеев. Прежде всего, мой начальник сказал мне написать от его имени письмо на имя Сергеева с просьбой об его санкции. Я сделал это, был принят Сергеевым и получил его резолюцию: «Не возражаю. Согласовать вопрос с т. Кленовым» (начальник РО НКВД). <...> 30-го сюда приехал заместитель Кленова. <...> он взял у меня бумаги и сказал, что выезд будет мне разрешен, но прежде он должен доложить обо всем деле начальнику РО НКВД и получить его санкцию. <...> последний сказал, что вопрос решен ими на месте быть не может, что они должны запросить наркомат в *Сыктывкаре* и что во всякое другое место они бы отпустили беспрекословно, но в Ленинград, как и в Москву, вряд ли это будет возможно. Кроме того, как я уже Вам писал, он высказал все то, что я Вам писал вперед: 1) что они бы разрешили, если бы это был официальный вызов Ленсовета; 2) что письмо должно было быть адресовано в наркомат или, по крайней мере, к ним (с. Айкино, Усть-Вымское РО НКВД), а не на лесобазу; 3) что они отпустили бы, если бы письмо было подписано депутатом Верховного Совета СССР и РСФСР, но они не знают, является ли таковым Орбели, а сам он этого не указывает. В заключение Козлов (зам. нач. РО НКВД) сказал, что они все же не отказывают пока окончательно, а прежде снесутся с Сыктывкаром; кроме того, он предлагает мне, если Кленов снова будет сегодня (6/V) здесь, зайти и поговорить с ним лично – вместе с нашим техноруком. <...>

Итак, я считаю: 1) с одним письмом Орбели меня не отпустят; 2) нужно послать хотя бы копию этого письма или вторичное, настоятельное письмо в НКВД Коми АССР (Сыктывкар) или, лучше, в Усть-Вымское РО НКВД, с. Айкино, Коми АССР; 3) желательна кроме подписи Орбели подпись кого-либо из профессоров или академиков-депутатов Верховного Совета (Байкова, Вавилова)² или вообще депутата Верховного Совета.

Все это, конечно, при наличии помощи Гаяны Павловны³ или вообще при возможности. Еще лучше, если бы Институт литературы (Плоткин) написал письмо с визой Орбели на имя Берия о том, что Академия вообще ходатайствует об отозвании меня для работы.⁴ Думаю, что такая просьба была бы уважена. Вас может удивить, что требуется такая сложная процедура для того, чтобы меня отпустить: но не забывайте: как мобилизованный в трудовую армию, я не имею на руках ни паспорта, ни военного билета, ни какого бы то ни было другого удостоверения личности. Для поездки-де, кроме командировки и письма Орбели, нужно какое-то официальное удостоверение личности, которое мне может дать только НКВД Коми АССР или его районный орган, в ведении которого я нахожусь.

Продолжение – деловое и личное – после беседы с Кленовым.

<...> Ну, вот и окончание! Вместо меня с Кленовым беседовал наш технорук, так как мое присутствие оказалось необязательным. По его рассказу, беседа протекала «в дружеской атмосфере», но Кленов повторил, что если бы это был формальный вызов – дело другое, при отсутствии же такового он сам вопроса решить не может и будет запрашивать Сыктывкар, причем сообщит, что письмо исходит от вице-президента Академии наук и т. д. Результат он обещал сообщить через несколько дней по телефону. *Я все же считаю, что это завуалированный отказ.* <...>

Кроме тех возможных мер, о которых я писал выше и из которых я бы считал самым разумным обращение Орбели к Берия, в чем бы могла оказать помощь Гаяна, так что это было бы не слишком трудно организовать (а между тем даже здешние инстанции выразили уверенность, что этим было бы всего вернее достичь результата), – кроме этого возможен еще один компромисс: договориться с Институтом литературы относительно статьи – с помощью соответствующего письма от дирекции – добиваться отпуска не в Ленинград, а в какой-нибудь университетский город, где есть библиотека, с тем, чтобы там написать статью. Ведь заявляет же здешнее начальство, что во всякое другое место, за исключением Ленинграда, Москвы, Киева и т. д., они согласны отпустить беспрекословно. Между тем для меня даже самая возможность пожить, где бы то ни было, другой жизнью и позаниматься имела бы существенное внутреннее значение. Я ужасно устал от условий жизни, от обстановки, людей, содержания работы, и мне мучительно нужен отдых от всего этого. По вечерам я чувствую себя ни на что уже неспособным, и, может быть, в этом есть доля правды. Но я не хочу Вас угнетать, так как знаю, что Вы сами устали и нуждаетесь в отдыхе гораздо больше меня. Грустно, что, может быть, еще не скоро нам придется снова увидеться, но будьте уверены, что я никогда не изменю нашему знамени, и, если только судьба позволит мне вернуться на идеологическую работу, Вы всегда будете иметь во мне любящего и понимающего Вас соратника. Чем больше я живу, тем больше держусь общих интересов и взглядов. <...> Ваш любящий Юра.

¹ Орбели Леон Абгарович (1882–1958) – академик, вице-президент (1942–1946) АН СССР, физиолог. Сообщения об обращении Орбели, написанном «по ходатайству дирекции Института литературы», содержались в письмах к Фридендеру Лифшица (март–апрель 1945 г.): «Орбели в ранге зам. наркома, поэтому его вызов равносильен официальному разрешению на въезд в Ленинград» (как показали события, это предположение оказалось ошибочным). «К старику», т. е. к Орбели, ездил сам Лифшиц. До этого он обращался к академику Н. А. Вознесенскому, заместителю председателя Совнаркома СССР, но тот отказался ходатайствовать за Фридендера.

² В письме называются академики, депутаты Верховного Совета СССР, А. А. Байков (1870–1946) и С. И. Вавилов (1891–1951).

³ Цуринова Гаянэ Павловна (род. 1901), урожд. Султан-Шах – секретарь академика И. А. Орбели, директора Эрмитажа, знакомая А. М. Фридендер. Она ходила к ней вместе с Лифшицем.

⁴ Речь идет о работе Фридендера в коллективной монографии ИРЛИ «История русской критики» (вышла в двух томах в 1958 г.); им была написана для нее статья «Основные направления русской критики 1890-х – 1917 годов».

Библиографический список

1. *Байбурин А. К.* К антропологии документа: паспортная «личность» в России // Антропология социальных перемен: Сб. ст. к 70-летию В. А. Тишкова. М., 2011. С. 533–555.
2. *Берггольц О. Ф.* Дневные звезды. Говорит Ленинград. М., 1990.
3. *Биневич Е. М.* Свидетельства о Якове Бабушкине // Звезда. 2015. № 12. С. 218–229.
4. *Биневич Е. М., Тамарченко А. В.* Переписка из трех углов: Эпистолярный роман. СПб., 2009.
5. *Ботвин А. П.* «Анабазис»: война в документах, воспоминаниях и суждениях философа // Михаил Александрович Лифшиц / под ред. В. Г. Арсланова. М., 2010. С. 405–421.
6. *Ганелин Р. А.* В штабе Карельского фронта (по воспоминаниям И. М. Дьяконова и Е. Г. Эткинды) // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. 2012. № 5 (126). С. 7–11.
7. *Герман А. А., Илларионова Т. С., Плева И. Р.* История немцев в России: Хрестоматия. М., 2005.
8. *Гончаров Г. А.* Рабочие колонны на Урале в годы Великой Отечественной войны: Формирование и размещение // Вестник Оренбург. гос. ун-та. 2006. № 9 (59). С. 135–142.
9. *Гончаров Г. А.* «Трудовая армия» периода Великой Отечественной войны: вопросы историографии, теории и практики // Вестник. Челябин. ин-т экономики и права. Челябинск, 2002. № 2. С. 67–95.
10. *Дьяконов И. М.* Книга воспоминаний. СПб., 1995.
11. *Дьяконова Н. Я.* Мои воспоминания // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 434–439.
12. *Емельянов Б. М., Гаврильченко В. С.* Лаборатория «Б»: Сунгульский феномен. Снежинск, 2000.
13. *Лифшиц М. А.* Надоело. В защиту обыкновенного марксизма: Беседы. Статьи. Выступления / предисл. В. Г. Арсланова; коммент. В. Г. Арсланова, А. П. Ботвина, А. С. Стыкалина. М., 2012.
14. *Лифшиц М. А.* Почему я не модернист? Философия. Эстетика. Худож. критика / публ. В. М. Германа, А. М. Пичикян, В. Г. Арсланова; сост., предисл., коммент. В. Г. Арсланова М., 2009.
15. *Лифшиц М. А.* Проблема Достоевского: (Разговор с чертом). М., 2013.
16. *Лотман Л. М. Г. М.* Фридендер в моей памяти сквозь долгие годы общения и сотрудничества // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 2007. Т. 18. С. 440–460.
17. *Макаров Н. А.* Выдающийся литературовед Г. М. Фридендер // Вестник Поморского ун-та. Сер. «Гуманит. и соц. науки». 2006. № 1 (9). С. 113–115.
18. «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сб. документов (1940-е годы) / сост., предисл., коммент. Н. Ф. Бугая. 2-е изд. М., 2000.
19. *Морозов Н. А.* Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР в 1942–1946 гг. // Покаяние: Коми Республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий. Сыктывкар, 2013. Т. 10, ч. 1. С. 58–69.
20. *Морозов Н. А.* Особые лагеря МВД СССР в Коми АССР (1948–1954 годы). Сыктывкар, 1998.
21. *Рубашкин А. И.* Голос Ленинграда: Ленинградское радио в дни блокады. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2005.

22. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960 / сост. М. Б. Смирнов. М., 1998.
23. Странники войны: Воспоминания детей писателей. 1941–1944 / сост. Н. А. Громова. М., 2012.
24. *Тамарченко Г. Е.* Судьба одного семейства: (На крутых поворотах советской истории). Киев, 2001.
25. *Фридлендер Г. М.* Достоевский и мировая литература. Л., 1988.

**ЗОЩЕНКО ВЕРА ВЛАДИМИРОВНА
О БОЛЕЗНИ И ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЕ <М. М. ЗОЩЕНКО>
ЧАСТЬ 4¹ (1945–1950-е гг.)**

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Т. М. Вахитовой)*

Аннотация: Четвертая часть мемуарных записей жены М. Зощенко – Веры Владимировны – относится к самым сложным годам их послевоенной жизни (1945–1950). Нелепая случайность позволила коммунистически настроенным чиновникам и подчиненным им писателям оболгать, унижить Зощенко, исключить его из СП СССР, лишить материального обеспечения, сделать его повседневную жизнь невыносимой.

Ключевые слова: Советские чиновники, преследование М. Зощенко за «антисоциализм», Сталин И. В., ухудшение здоровья. Обращение писателя к комедиографии и переводам с финского и украинского.

Abstract: The fourth part of memoir notes of M. Zoshchenko's wife – Vera Vladimirovna – belongs to most difficult years of their post-war life (1945–1950). Ridiculous accident allowed communistic adjusted officials and subordinated to them writers to slander, humiliate Zoshchenko, to expel him from USSR Union of Writers, to deprive him of material security, to make his everyday life intolerable.

Keywords: Soviet officials, M. Zoshchenko's prosecution for «anti-socialism», Stalin I. V., deterioration in health. Writer's conversion to komediography and translations from Finnish and Ukrainian.

Продолжая публикацию воспоминаний В. В. Зощенко, вникая в сложные жизненные проблемы этой супружеской пары, замечаешь, как изменяется женский и человеческий облик жены писателя. Для многих друзей М. М. Зощенко, знакомых, соседей в молодости Вера Владимировна представляла капризной, не очень умной и даже странной особой, с которой вместе писатель почти нигде не появлялся. В годы Великой Отечественной войны Зощенко издали окружил ее заботой, вниманием, пытался любым способом добыть денег на выживание в блокадном Ленинграде. И хотя она, то ли от страха, то ли от интуитивной ревности (в Алма-Ате Зощенко встречался с Л. Чаловой,² которая ухаживала за ним, когда он болел, и следила за его питанием и самочувствием), все время звала мужа в Ленинград, откуда каждый разумный человек пытался

¹ Части 1–2–3 публикации см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 380–449; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 844–912; Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2016 год. СПб., 2017. С. 663–714.

² Чалова Лидия Александровна – одно из увлечений писателя.

уехать, но Зошенко принимал ее приглашения с сочувствием (либо от незнания жизни блокадного Ленинграда, либо от жалости к супруге).

Сильные обстрелы города, отсутствие продовольствия, электричества, воды могли бы сильно подействовать на психическое здоровье Зошенко. Но ей было страшно одной (сын был в армии), и она продолжала в письмах и телеграммах настаивать на приезде Михаила в Ленинград. Эта переписка представляла какое-то постоянное и однообразное кружение, на которое «налипали» старые обиды, чьи-то разговоры, болезни, тоска разлуки. После окончания войны и возвращения писателя в Ленинград на плечи этой дамы свалилась огромная задача – материальное обеспечение семьи, домашние хлопоты, к которым она не привыкла, общение с незнакомыми людьми, торговля вещами и книгами. Это была уже другая женщина – более резкая, более строгая, но такая же, как и в молодости, обидчивая и ревнивая.

Будучи в Алма-Ате, иногда М. Зошенко позволял себе написать жене о своей любимой книге «Перед восходом солнца», которую раскритиковали не только критики и партийные деятели, но даже друзья. Он мог только высказать (очень мягко) горечь обиды и надежду на лучшее, которое уже виднеется впереди. Но писатель еще не мог представить, что его ожидает.

В Новый год (1946), сидя за праздничным столом, Зошенко вдруг заявил, что скоро будет «миллионером». Михаилу Зошенко, несмотря на талант, плохо удавались драматургические вещи. Они были несколько затянуты, юмористические фразы отличались от прозы странной театрализацией и не вызывали у публики соответствующей реакции. Но уже в это самое время писатель почувствовал, что удача начала сопровождать его театральные замыслы. Его пьесы шли с большим успехом в театре «Пассаж» в Ленинграде и в Новгородском театре («Парусиновый портфель» и «Очень приятно»).

Образ сатирического писателя мифологизировался и предстал в новом проявлении – удачного драматурга, ошибки которого уже были забыты и не требовали никаких исправлений. Хандра, апатия, безразличие ушли из его жизни. Он более или менее спокойно относился к супруге, очень часто навещал Л. Чалову. Он задумал написать новую пьесу – «Пусть неудачник плачет». Был полон энергии и инициативы. Но, к сожалению, это состояние продолжалось совсем недолго.

Как известно, в конце июля 1946 г. В. Саянов без согласия М. Зошенко опубликовал во «взрослом» журн. «Звезда» из детского журн. «Мурзилка» рассказ «Приключения обезьянки», немного изменив название³ – «Приключения обезьяны».⁴ Пожалуй, ни одно из произведений Михаила Зошенко не вызывало таких страшных последствий в жизни писателя. Вторая редакция, помещенная в «Звезде», имела некоторые отличия от детского варианта⁵ и обладала признаками «двойного чтения». Суть сводилась к простому выводу о том, что в нашей замечательной стране обезьянам жить было лучше, чем

³ Зошенко М. М. Приключения обезьяны // Звезда. 1946. № 5–6. С. 144–152.

⁴ Приключения обезьяны. Черновая машинопись с авторской правкой / публ. Н. А. Грозновой) // Михаил Зошенко. Материалы к творческой биографии. СПб., 2001. Кн. 2. С. 88–90.

⁵ См. публикацию Н. А. Грозновой.

простому человеку. Как заметила Н. А. Грознова, была и третья редакция этого рассказа, написанная уже позже, в которой Зощенко стремился убрать «заострения, излишние нервные реакции (обезьяны и людей), тем самым писатель как бы вставал на путь возвращения к первой редакции текста».⁶ Как странно, что маленькая пушистая обезьянка, придуманная самим писателем, оказалась жестоким и страшным «врагом», который принес в дом Зощенко много страданий и горечи и, можно сказать с определенной долей гипотетичности, «лишил его таланта», собственной художественной индивидуальности, превратив его лишь в переводчика.

После истории с «обезьянкой» и началась последняя трагедия в жизни Михаила Зощенко. 21 авг. 1946 г. появился в печати всем известный документ: «О журналах “Звезда” и “Ленинград”. Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г.». Разразился не только литературный, но и политический скандал. Зощенко припомнили и все другие его «ошибки», в частности, и любимый роман: «Предоставление страниц “Звезды” таким пошлякам и подонкам литературы, как Зощенко, тем более недопустимо, что редакции “Звезды” хорошо известна физиономия Зощенко и его недостойное поведение во время войны, когда Зощенко, ничем не помогая советскому народу в его борьбе против немецких захватчиков, написал такую омерзительную вещь, как “Перед восходом солнца”, оценка которой, как и оценка всего литературного “творчества” Зощенко, была дана на страницах журнала “Большевик”».⁷

По совету супруги 26 авг. Михаил Зощенко пишет большое письмо Сталину, как бы повторяя историю с последним романом. Описывая факты своей биографии и заверяя руководителя партии в преданности народу, Зощенко сообщал и о медленном отходе от сатирических жанров: «После резкой критики в “Большевике”, – писал Зощенко, – я решил писать для детей и для театров, к чему у меня была склонность» (С. 142). Объясняя случай с «Приключением обезьяны», он пытался доказать, что «в этом моем рассказе никакого подтекста нет. И нет никакого эзоповского языка. Это потешная картинка для ребят без малейшего моего злого умысла. И я даю в этом честное слово. <...> Прошу мне поверить – я ничего не ищу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если и пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль. Я никогда не был литературным пройдохой или низким человеком, или человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров. Это ошибка. Уверяю Вас. 26 августа 1946 года. Мих. Зощенко» (С. 143).

Ответа, разумеется, не последовало, и Зощенко начал, по словам жены, «впадать в хандру и депрессию». Он сильно волновался, был раздражен, и яркие отблески этого настроения окружали и его семью. Все знакомые отвернулись от него, в газетах любого содержания раздавалась брань, и Зощенко объявлялся «врагом народа». Только два писателя приходили к Зощенко – Олесов и Герман Матвеев. Вследствие этого у писателя рождались какие-то фантастические планы. Например, он «подумывал о поездке в Арктику

⁶ Приключения обезьяны. 2001. С. 93.

⁷ Публикация постановления осуществлена в газ. «Правда» (20 авг.) и «Культура и жизнь» (21 авг.).

с экспедицией Визе». Он даже встречался с руководителем экспедиции, но оказалось, что осуществить этот замысел невозможно. (Когда происходила трагическая история с романом «Перед восходом солнца», Зошенко подумывал о переезде на Украину.) По-видимому, Зошенко мечтал в суровые и горькие времена исчезнуть, скрыться от лжи литературного и политического общества и собственной беспомощности, начать какую-то новую жизнь.

Но Вера Владимировна, пережив одну трагедию, представляла себе, что и эта может закончиться более или менее благополучно. Но это было не так. Зошенко исключили из всех Союзов писателей (Московского и Ленинградского), лишили всех продуктовых карточек, издательства расторгли договоры и требовали возвращения авансов. Наступала полная нищета. И Вере Владимировне пришлось искать какую-то работу. Она обращалась к знакомым писателям, чтобы перепечатывать их работы, но В. Саянов, В. Кетлинская и О. Форш отказались от ее услуг в качестве машинистки. Она пробовала найти учеников, чтобы оказать помощь в изучении русского языка, но слышала только отказы. Она даже приходила в Эрмитаж, согласная на должность экскурсовода. Но даже интеллигентные и знакомые люди просили ее «изменить фамилию».

Зошенко пишет письмо А. Жданову, рассказывая ему, как его хвалил М. Горький, как его любят читатели и сколько у него благодарных читателей писем, говорит о своей награде, об очереди сатирических журналов за его фельетонами, которые они печатали с радостью, и заканчивает свое безнадёжное послание следующим образом: «Прошу Вас дать мне возможность работать для советского народа» (10 окт. 1946 г.). По-видимому, это письмо с согласия руководства партии сыграло особую роль – пришло указание не травить Зошенко. Но повседневная жизнь не изменилась. Уникальная судьба писателя складывалась из обыденных состояний. Но творческие процессы все-таки существовали в ней. Зимой 1946 г. Зошенко начинает писать цикл «партизанских рассказов».

Супруга писателя наконец поняла, что именно ей выпала доля обеспечивать дом и кормить мужа. Домработница уволилась, убирать квартиру и проявлять кулинарные способности приходилось ей. Но кулинарные способности были у нее совсем невелики, а Зошенко относился к пище особенно, с каким-то странным пристрастием, и отказывался от приготовленных Верой Владимировной блюд. Это вызывало у супруги Зошенко обиду, она просто «выдыхалась». Жизнь теряла для нее смысл. Сходив к врачу, она получила справку: «Зошенко В. В. страдает реактивно-депрессивным состоянием в резко выраженной форме. Кисилева. 6 февр. 1947 г.».

Мечтая о поддержке мужа, она показала эту справку Михаилу. Разразился грандиозный скандал. Два несчастных человека, погруженных в сложные материальные и общественные ситуации, пытались выяснить, кто в этом виноват. Если раньше их ссоры имели какой-то интеллигентный оттенок, многие вещи оставались в подтексте, то теперь они высказывались откровенно, искренне, резко. Зошенко упрекал жену в том, что у нее к нему имеются только одни требования, а нет любви и поддержки. Свои ответы Вера Владимировна

не публикует. Но сообщает, что она продала часть дачи (солнечную сторону) и свою любимую «белую спальню», которую друзья Зоценко называли мешчанской. А деньги отдала мужу.

Материальные, творческие и политические сложности, как это ни парадоксально, всегда существовали у Зоценко рядом с «дамским контингентом». И в эти трудные годы он не только ходил обедать к Л. Чаловой, но неожиданно завел «роман» с соседкой Марией Мухранской,⁸ которая жила с сыном этажом выше квартиры Зоценко. Он был знаком с Мухранской, они познакомились еще до войны, а потом встречались изредка в Алма-Ате. И эта дама ласковым обхождением и великолепными обедами привлекла к себе замученного и усталого писателя. Все возражения жены он просто не слушал и даже показывал ей ключ от квартиры «новой приятельницы». «Все это было так мучительно, – пишет Вера Владимировна, – что я искренне стала мечтать о смерти» (С. 158).

Но Марина Мухранская объясняет ситуацию по-своему: «Он приходил к нам не за сочувствием, не с жалобами на свою судьбу. Он приходил отдыхать от ее ударов. И, видимо, поэтому не “втягивал” нас в свои переживания. Устав от сложных взаимоотношений, возникших у него с внешним миром, он искал в нашем доме простых и житейских радостей. И, как я смею предполагать, нашел их. Он оставлял за дверью все свои боли и неудачи и становился не писателем Зоценко, со всей известностью своего гордого и печального имени, а обыкновенным домашним человеком – исключительно добрым и заботливым...»⁹

Несмотря на семейные недоразумения, Зоценко опубликовал партизанские рассказы (десять из тридцати двух) в журн. «Новый мир» (1947. № 9) и начинает работу над переводом романа финского писателя М. Лассила «За спичками». В 1948 г. он занимается другим финским писателем и переводит его повесть (А. Тимонен «От Карелии до Карпат»).

Но домашняя обстановка оставалась сложной и разобраться с ней трудно. Вера Владимировна, отмечая улучшение психологического состояния мужа, все-таки замечает: «Мне он часто казался больным и старым. Опять скандалы из-за денег... Какое у него страшное лицо делается в минуты раздражения» (С. 162).

В ответ Зоценко говорил: «Очевидно, ты всегда требовала от меня чего-то, что я не мог выполнить, и от этого я “уходил в болезнь”, притворялся. Но это было несознательно» (С. 167). Таким образом и протекала их совместная жизнь.

Летом, когда они жили в Сестрорецке на даче, в доме царили спокойствие и дружелюбные отношения, а осенью и зимой продолжались скандалы и возникали даже «бури». Вера Владимировна считала, что в этом виновата «Мариша Мухранская». Она пришла к горькому выводу: «К сожалению,

⁸ В. В. Зоценко ошиблась, ее муж познакомился с М. Мухранской еще до войны в гостях у В. Стенича. А во время войны они были в Алма-Ате в эвакуации и нечасто, но и там также встречались.

⁹ *Мухранская М.* Без литературы // Воспоминания о Михаиле Зоценко. СПб., 1995. С. 557.

на самостоятельную литературную дорогу он вряд ли сможет выбраться... Что-то он навсегда потерял...» (С. 175).

Эта часть статьи Веры Владимировны публикуется с некоторыми небольшими сокращениями, касающимися отношений Зошенко с Мариной Мухранской (в основном – это повторы). Орфография и пунктуация приведены к современным нормам.

1945–1946 год

В мои именины, когда у меня были даже немногочисленные гости и Михаил присутствовал за чайным столом, он неожиданно сказал, что к будущему году надеется стать «миллионером»... Сказано это было, конечно, в шутку, но надежды эти он строил на своем решении всерьез заняться работой для театра, кот<орая> давно интересовала его, теперь же он поставил своей целью – «овладеть» искусством драматургии.

И зимой он пишет почти подряд 2 пьесы – «Парусиновый портфель» (С. 139), который в <19>45 г. был поставлен в «Блокадном театре» в «Пассаже» и с блеском выдержал более 100 представлений, и «Очень приятно» – в том же театре весной <19>46 г. ...

Зимой <19>46 года вышли два его однотомника и книжечка в издательстве «Огонек». (И во всех этих книжках, под рубрикой «Рассказы для детей», был напечатан веселый, забавный, очень удачный рассказик для малышек – «Приключения обезьянки», еще осенью <19>45 г. написанный им для «Мурзилки».)

Написал он ряд новых рассказов и фельетонов.

Пьеса «Очень приятно» была принята к постановке и Новгородским театром, в кот<ором> в то время работал Валя. Несколько раз собиралась у нас вся труппа театра, и Михаил читал им эту пьесу. «Хандра» его на какое-то время исчезла, он был бодр, окрылен успехом своих пьес, полон радужных надежд и планов. Все было хорошо. И я снова «исполняла свою старую роль – секретаря-машинистки». «Близкие» наши отношения возобновились, все было нормально, но по-прежнему недоставало мне «душевной близости».

В прошлую зиму вернулась из эвакуации Чалова, и Михаил часто бывал у нее и ее родных, вместе с которыми она тогда жила, стал частенько обедать у нее по воскресеньям. Конечно, об их отношениях пошла сплетня по городу, это было мне очень неприятно, и я даже сказала Михаилу, что мне не нужна жизнь с ним из жалости, что если у него нет чувства ко мне, я готова уйти от него, я сама готова бросить его, его имя, деньги – он же уверял меня, что, наоборот, все у нас хорошо, что никакого развода ему не нужно, что та женщина не играет в его жизни никакой роли, а что за ее слова он не отвечает, что я могу, если хочу, сама поговорить с ней, и что он хочет лишь покоя и тихой жизни.

Подошло лето 1946 г. ... Как-то Михаил приехал в Сестрорецк и в хорошем настроении, и я писала 25/6–46: «Михаил прожил два дня. Все ему как будто нравилось, всем был доволен, и вообще был мил, прост и даже внимателен.

Много и с увлечением рассказывал о своей новой пьесе – “Пусть неудачник плачет”, кот<орую> задумал написать для Акимова,¹ дал прочесть половину первого акта. Написано действительно очень хорошо, с полным блеском,

чувствуется, что вещь сможет быть поставлена в разряд его лучших произведений. И сам он ею очень доволен и удовлетворен тем, что его творческая сила не иссякла, что он, вопреки предсказаниям некоторых людей, вовсе не “исписался”, не сошел на нет, а, напротив, как бы вновь входит в силу, вновь создает новый оригинальный род искусства (С. 140).

Я была очень рада за него, и эти два дня прошли хорошо и спокойно, так, как должно быть в настоящей, нормальной, здоровой жизни...».

Пьеса Акимова очень заинтересовала, о чем и писал Михаилу в письме от 25 июля <19>46 г.: «Пьесу Вашу я прочел, конечно, еще в поезде. Она мне очень нравится и жаль, что не смог дочитать до конца за неимением такового...». Но пьесу Михаила поставить ему не пришлось.

В конце июля Михаил говорил мне о том, как он недоволен и возмущен тем, что Саянов² без его согласия напечатал «Обезьянку» в «Звезде»: «Я никогда не дал бы такой пустяковый, шуточный детский рассказ в серьезный публицистический журнал», – сказал Михаил.

И вот – 21 августа 1946 г. – «Постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград»...».

По моему совету Михаил пишет письмо Сталину, вот оно:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Я никогда не был антисоветским человеком. В 1918 году я добровольцем пошел в Красную Армию и полгода пробыл на фронте, сражаясь против белогвардейских войск.

Я происходил из дворянской семьи, но никогда у меня не было двух мнений – с кем мне идти – с народом или помещиками. Я всегда шел с народом. И этого от меня никто не отнимет.

Мою литературную работу я начал в 1921 году. И стал писать с искренним желанием принести пользу народу, осмеивая все то, что подлежало осмеянию в человеческом характере, сформированном прошлой жизнью.

Нет сомнения, я делал иной раз ошибки, впадая подчас в карикатуру, каковая в 20-х годах требовалась для сатирических листков. И если речь идет о моих молодых рассказах, то следует сделать поправку на время. За 20 лет изменилось даже отношение к слову. Достаточно сказать, что я работал в советском журнале “Бузотер”, каковое название в то время не казалось ни пошлым, ни вульгарным.

Однако меня самого никогда не удовлетворяла моя сатирическая позиция в литературе. И я всегда стремился к изображению положительных сторон жизни. Но это было нелегко сделать – так же трудно, как комическому актеру играть героические образы. Можно вспомнить Гоголя, который не смог перейти на положительные образы.

Шаг за шагом я стал избегать сатиры и, начиная с 30-го года, у меня было все меньше и меньше сатирических рассказов.

Я это сделал еще и потому, что увидел, насколько сатира опасное оружие. Белогвардейские издания нередко печатали мои рассказы, иной (С. 141) раз искажая их, а подчас приписывая мне то, что я не писал. И, уж во всяком

случае, не датировали мои рассказы, тогда как наш быт необыкновенно изменился за 25 лет.

Все это заставило меня быть осмотрительней и, начиная с 1935 года, я сатирических рассказов не писал, за исключением газетных фельетонов, сделанных на конкретном материале.

В годы Отечественной войны с первых дней я активно работал в журналах и газетах. И мое сатирическое антифашистское обозрение “Под липами Берлина” играли на сцене Ленинградского театра “Комедия” в сентябре 1941 г.

В дальнейшем же я был эвакуирован в Среднюю Азию, где не было журналов и издательств, и я поневоле стал там писать киносценарии.

В начале <1943> года я был вызван в Москву и там работал в журналах и газетах, напечатав за полгода не менее 15 фельетонов.

Что касается моей книги “Перед восходом солнца” (начатой в эвакуации), то мне казалось, что книга эта нужна и полезна в дни войны, ибо она вскрывает истоки фашистской “философии” и обнаруживает одно из слагаемых в той сложной сумме, которая иной раз толкала людей к отказу от цивилизации и к отказу от высокого сознания и разума.

Я вовсе не один так думал. Десятки людей обсуждали начатую мной книгу. В июне <19>43 года я был вызван в ЦК, и мне было указано продолжать эту мою работу, получившую столь высокие отзывы ученых и авторитетных людей. И если эти люди в дальнейшем отказались от своего мнения, то я не считал возможным усиливать их трусость своими жалобами. А если я сейчас сообщаю об этом, то отнюдь не в плане жалобы, а с единственным желанием показать, какова была обстановка, приведшая меня к тем шагам, за которые несу ответственность только лишь я сам, ибо я – литератор и, стало быть, сам должен все учесть.

После резкой критики в “Большевике” я решил писать для детей и для театров, к чему у меня была склонность.

Этот маленький шуточный рассказ “Приключения обезьяны” был написан в начале <19>45 года для журнала “Мурзилка”. И там же он был и напечатан.

Конечно, в “толстом” журнале я бы никогда не поместил этот рассказ. Оторванный от детских или юмористических рассказов, этот рассказ в толстом журнале несомненно вызывает нелепое впечатление, как и любая шутка или карикатура для ребят, помещенная среди серьезного текста.

В журнал “Звезда” я этого рассказа не давал. И в журнале он был напечатан <без> моего ведома. Несомненно, по некоторой неопытности (С. 142) редакции.

Однако в этом моем рассказе никакого подтекста нет. И нет никакого эзоповского языка. Это потешная картинка для ребят без малейшего моего злого умысла. И я даю в этом честное слово.

А если бы я хотел сатирически изобразить какую-либо сцену нашего быта, то я мог бы это сделать более тонко и остроумно. И уж во всяком случае не воспользовался бы таким устаревшим методом завалированной сатиры, методом, который вполне был опорочен еще в 19 столетии.

В одинаковой мере и в других моих рассказах, в коих усматривается этот же метод, я не применял сатирической направленности. А если иной раз люди стремились увидеть в моем тексте какие-либо якобы затушеванные зарисовки, то это могло быть только лишь случайным совпадением, в котором никакого моего злого намерения не было.

Прошу мне поверить – я ничего не ищу и не прошу никаких улучшений в моей судьбе. А если и пишу Вам, то с единственной целью несколько облегчить свою боль. Я никогда не был литературным пройдохой или низким человеком, или человеком, который отдавал свой труд на благо помещиков и банкиров.

Это ошибка. Уверяю Вас.

26 августа 1946 года.

Мих. Зощенко»

Конечно, за эти дни Михаил сильно сдал, начал впадать в хандру, в депрессию, и я очень беспокоилась за него, тем более, что все лето он жаловался на простуду – кашель, насморк, последнее время говорил, что беспокоит сердце, собирался осенью поехать в Кисловодск, принимать нарзанные ванны...

И я решила пойти к Останкову,³ психиатру, кот<орый> когда-то выступал на обсуждении книги Михаила «Возвращенная молодость». Мне хотелось, чтобы в случае дальнейших неприятностей и осложнений Останков мог подтвердить неблагополучие нервного здоровья Михаила. И Останков действительно признал состояние Михаила не вполне нормальным в нервном отношении.

В это время я узнала от И. Ф. Кратга,⁴ что Сталин на совещании с писателями якобы отзывался о Михаиле довольно мягко, что подтвердила и Муза Павлова.⁵

Вскоре мне пришлось идти в МГБ по их вызову... Объяснила им все, как будто поняли, отнеслись благожелательно, успокоили, сказали, что Михаилу ничего не грозит.

К сожалению, я не могла передать Михаилу этого разговора полностью, так как не имела права говорить о «Вызове». Сказала только, будто у своей приятельницы встретила с человеком из МГБ и он мне сказал (С. 143), чтобы я передала Михаилу, что ему не грозит ничего страшного, что он может спокойно работать. И вот этого моего «Умолчания» не мог мне в дальнейшем, когда, чтобы его совершенно успокоить, сказала правду, простить Михаил – оказалось, он был очень напуган и все время ожидал для себя дальнейших неприятностей, я же не подозревала, что этот вопрос так волнует его, сама я была совершенно спокойна на этот счет и мне казалось, что сказанного мною вполне достаточно для того, чтобы успокоить и его.

Михаил же в это время подумывал даже о поездке в Арктику с экспедицией Визе,⁶ даже встречался с ним у своего друга, д-ра Максимова,⁷ но оказалось, что осуществить этот замысел затруднительно.

Я вначале понадеялась было на свои силы, рассчитывала, что сама сумею выйти из беды, сама смогу помочь Михаилу – рассчитывала найти частные

уроки – как когда-то в начале 20-х годов, когда я зарабатывала в 10 раз больше Михаила, думала получить переписку на машинке, организовать детский кружок, я даже вывесила объявления по этому поводу – как когда-то в революционные годы, я была уверена в успехе.

Шли дни, в газетах, по радио – «отклики» на Постановление – грубая, резкая брань, жестокие, несправедливые слова... Писатели, которые «прославили» его до Постановления, все почти, как один, отвернулись от Михаила.

Только милый, трогательный Олесов⁸ пришел «поклониться до земли», как он выразился, – несправедливо обиженному, честному писателю. Несколько раз приходил Герман Матвеев,⁹ кот<орый> даже уговаривал Михаила переехать к нему на дачу, отдохнуть там, переждать это трудное время. В разговоре с Олесовым Михаил говорил, что в данный исторический момент сатира вредна для государства.

9 сентября Михаил принес газеты с постановлением об исключении его из Союза писателей – и Московским, и Ленинградским Союзом.

На другой день явилась сестра Михаила Вера,¹⁰ отняла массу времени и нервов бесплодным и обидным для меня разговором – упрекала меня в бездействии, требовала, чтобы я срочно продавала вещи, и только больше расстроила Михаила, кот<орый> даже стал «психовать», требовал того же.

Конечно, теперь, когда все выяснилось и принял такой трагический оборот, я сама прекрасно знала, как я должна поступить, и только считала, что продавать вещи надо не сразу все – как требовал Михаил («Продавай, все продавай»), а постепенно и с умом (С. 144). Впрочем, вечером Михаил успокоился и даже объявил о своем решении написать новую пьесу.

Вечером Михаил пошел к Максимовичу и вернулся несколько встревоженный – тот передал свой разговор с пациентом из МГБ, кот<орый> чем-то напугал его. Михаил долго обсуждал со мной всю ситуацию, и я старалась, как могла, успокаивать его.

И вот бороться за жизнь мне пришлось одной, своими силами и без всякой нравственной поддержки ни от Михаила, ни от Валерия.

Конечно, я сразу же принялась за продажу вещей, кот<орые> я так берегла в блокаду: считала, что они смогут пригодиться на «черный день» – я слишком хорошо знала превратности жизни.

Но даже продавать вещи оказалось не так-то легко и просто: надо было находить покупателей, принимать их. На все было нужно время и нервы. А вырученные деньги проживались молниеносно – ведь после исключения из Союза Михаил лишился всех продовольственных карточек, лишилась и я своей «рабочей карточки», кот<орую> получала как секретарь-машинистка... Таким образом мы с Михаилом остались буквально «без хлеба» – хлебные карточки мне приходилось время от времени покупать при помощи милой Лариссы Николаевны Робинсон,¹¹ кот<орая> помогала мне в моих коммерческих делах – прислала мне работников комиссионного магазина, иногда находила «покупателей».

Я все еще надеялась, что вскоре получу хороший заработок, и потому не решалась отпустить домработницу Раису Хапову,¹² кот<орая> была

как-то привязана к нам и даже «сбросила» 100 рублей со своей зарплаты в 400 рублей, и я была уверена, что эту сумму – 300 рублей всегда смогу заработать уроками или перепиской на машинке.

К тому же я никак не надеялась на свои «кулинарные способности», а у Михаила между тем я стала замечать какой-то повышенный интерес к еде, и я просто боялась, что не смогу ему угодить и он будет голодать, тем более, что пока мы не имели возможности держать домработницу – сразу после неприятностей 43 года Михаил жаловался, что я готовлю ему «невкусно».

Увы! Мои надежды на заработок скоро рухнули – уроков мне никто не предложил, а когда я обратилась к В. Саянову, В. Кетлинской, О. Форш с просьбой предоставить мне работу по перепечатке их рукописей на машинке, я от всех получила «сухой отказ» под предлогом, что у них уже есть свои машинистки (С. 145).

Лишь года через 2 та же Ларисса Николаевна предложила мне перепечатать рассказы и стихи ее друга актера и режиссера Смолича¹³ – это были «дилетантские», но очень неплохие вещи, кот<орые> он «для домашнего употребления» хотел переплести в книжку. Я долго возилась с этой довольно сложной работой.

Одно время я думала даже заняться «Максовым ремеслом» – сын Лариссы, довольно талантливый поэт и предприимчивый молодой человек, занялся в это время изготовлением «босоножек» и одно время, так как в магазинах никакой обуви тогда не продавалось, довольно прилично зарабатывал на этом. И я, вспомнив о том, что Михаил в 20-е годы работал у сапожника Воскресенского и даже любил это «спокойное ремесло», предложила было нам всем троим – ему, мне и Вале под руководством Макса¹⁴ заняться этим делом. Конечно, считала я это занятие лишь «временной мерой», хотя и полезной для Михаила как отдых от «профессии, равной по вредности лишь изготовлению свинцовых белил», как когда-то он говорил.

Но ни Михаил, ни тем более Валерий не захотели быть мне помощниками в этом деле, да и само «Максово ремесло» вскоре потерпело крушение: лето ведь кончилось, и с ним кончился «сезон босоножек» – ведь мы жили не в Африке – как шутил милый Макс:

«В Африке жить сплошной резон –
Там босоножкам всегда сезон...».

Макс сам перешел на «производство стелек», правда, привлек было и нас к участию в этом деле, но это дало слишком незначительный заработок, да к тому же затем и вовсе прекратилось.

Поступить на работу по своей специальности в школу нечего было думать – меня туда сейчас никто не взял бы, к тому же и вакансий там не было, попытки найти частные уроки, а также расчеты на артель и «надомную работу» тоже не оправдались.

Правда, Вера, сестра Михаила, серьезно говорила мне: «Иди снег сгрести или иди в натурщицы – у тебя такая хорошая фигура».

Увы! «Сгрести снег» мне было уже не под силу, в свою же «прекрасную фигуру» я просто не верила, а потому и не решилась предложить Академии художеств свои услуги. Положение становилось критическим – ведь деньги мои кончались самое большее через два месяца.

Но тут вдруг неожиданно произошел «перелом». Ровно через месяц после того, как я отправила письмо Михаила Сталину, – 27 сентября в газете «Советское искусство» была напечатана уже вполне корректная, тактичная передовая статья – даже без упоминания «Зощенко и Ахматовой»,¹⁵ обращающая внимание лишь на «идеологическую» (С. 146) сторону постановления ЦК и доклада Жданова¹⁶ и призывающая соответствующие партийные организации «заботливо и настоятельно заниматься марксистско-ленинским воспитанием работников искусств».

Что касается «разгромного доклада», кот<орый> уже готовил Прокофьев, секретарь Ленинградского отделения Союза писателей, то неожиданно ему было дано указание – не выступать с таким докладом и как бы «предать забвению» историю с Зощенко и Ахматовой, после чего появился «корректный» тон последних статей.

Возможно, произошло вот что: когда письмо Михаила дошло до Сталина, весьма вероятно, что он поверил в искренность и честность Зощенко и понял, какую ошибку и какую несправедливость совершил ЦК, издав свое «Постановление» и так ошельмовав и опорочив честного писателя.

Но отменить «Постановление» Сталин, конечно, не мог, возможно было только дать указание – прекратить «травлю» Зощенко, прекратить безобразную «ругань» в его адрес, что очевидно и было сделано.

И когда я обратилась к приехавшему в Ленинград новому главному редактору «Звезды» Еголину¹⁷ с просьбой – разъяснить, что же должен сейчас, после исключения из Союза писателей, делать Зощенко, мне было отвечено: «Пусть он спокойно работает. Пусть пишет».

Такова, очевидно, была и воля Сталина. (С. 146)

Но приняться за работу по состоянию своего здоровья Михаил не смог, только после Нового года, так что материальное положение наше еще очень долгое время оставалось критическим. К тому же все издательства немедленно порвали все договоры с Михаилом, а некоторые даже и потребовали вернуть выданные ему авансы, что пришлось и сделать. Мои последующие попытки поступить на работу, после того как я убедилась в невозможности ни найти частные уроки, ни получить переписку на машинке, тоже потерпели неудачу – Р. М. Беккер,¹⁸ которая пыталась мне найти работу, на ее просьбы ответили – «пусть она переменит фамилию», а Володя Якубенко,¹⁹ кот<орый> работал в политчасти Эрмитажа, на мой запрос – не смогла ли бы я получить работу экскурсоводом, ответил – «Орбели²⁰ (директор Эрмитажа) перестраховщик, и просить его бесполезно».

Так что я, при всем моем горячем желании, ничем не могла помочь Михаилу в эти трудные годы, мне оставалось одно – продолжать продавать свои вещи, что я и делала.

Ни материальной, ни моральной поддержки от своих друзей Михаил (С. 147) в это время не получал ни от кого.

Я же встречала полную моральную поддержку от всех своих друзей (материально, конечно, никто из них помочь мне был не в состоянии).

А Ларисса Николаевна Робинсон очень поддержала своим отношением и самого Михаила – она часто приглашала нас к себе – даже на «званные вечера» – и в <19>46 г. мы с ним были у нее и в день рождения ее сына Максика, и 25 декабря – в день ее рождения. И в этот день все ее гости с большим уважением и вниманием отнеслись к Михаилу и, по предложению актера Полицеймако,²¹ даже пили за ужином за его здоровье.

Но здоровье Михаила за эти месяцы сдавало все больше и больше. Чувствовалось – он живет с огромным трудом, едва справляется со своим состоянием, со своими нервами... Он чувствует себя совсем больным, морально опустошенным, физическое здоровье никуда не годится... Он был совсем слабый и бессильный...

В это время он пишет свое письмо Жданову:

«Более 25 лет я писал юмористические рассказы, считая, что этим я приношу пользу и радость советскому читателю.

У нас не было критики, которая бы правильно ориентировала писателя, и поэтому мое мнение о пользе моей работы я подтверждал следующими доказательствами:

1) А. М. Горький писал мне (13 окт. 30 г.): «Юмор Ваш я ценю высоко, своеобразие его для меня, да и для множества грамотных людей, бесспорно, так же как и бесспорна и его социальная педагогика».

2) У меня сохранилось несколько тысяч читательских писем. Слова благодарности почти в каждом письме утверждали мое представление, что работа моя не только социально полезна, но и приносит радость.

3) В 1939 году за литературные заслуги я был награжден орденом Трудового Красного знамени. Союз писателей, представляя меня к награде, разделял, стало быть, мнение Горького и читателей.

4) Множество сатирических журналов (до 12, в которых я работал) и массовые тиражи моих книг говорили мне о том, что сатирический жанр нужен и поощряется.

Все это утверждало мое представление о полезности моей работы. Да и я сам полагал, что, работая в своем жанре, я помогаю вскрывать недостатки, помогаю бороться с пережитками прошлого.

Мне очень трудно сейчас определить, в чем же заключаются мои ошибки. Но я допускаю, что сатирический жанр уводил меня иной раз к шаржу. Хотя мне всегда казалось, что такой жанр законен и (С. 148) он в традициях литературы (Щедрин, Гоголь, Свифт). Тем более, что я писал об отрицательных явлениях. И некоторый шарж был необходим для того, чтобы вызвать у читателя смех, улыбку, для того, чтобы ярче подчеркнуть написанное. И пользуясь таким приемом, я никаких злых намерений не имел. Да и злоба никогда не питала мою литературу. Напротив, мне всегда казалось, что полезней и радостней изображать положительные стороны жизни и светлые

черты характера. И к такой положительной теме я постоянно стремился. Хотя осуществить такой переход было крайне нелегко, так же нелегко, как комическому актеру перейти на героические роли. Тем не менее с 30-х годов я стал пробовать свои силы в иных жанрах. И мне удалось написать ряд повестей и рассказов на положительную тему.

Я очень подавлен тем, что случилось со мной. Я с трудом возвращаюсь к жизни. Но у меня есть некоторые силы, чтобы работать.

Я прошу Вас и Центральный комитет позволить мне представить на рассмотрение новые работы, начатые недавно. В течение года я бы мог закончить две большие работы.

При этом я, конечно, не прошу каких-либо льгот или снисхождений в моем трудном и сложном положении.

Я понимаю всю силу катастрофы. И не представляю себе возможности реабилитировать свое имя. И не для этого я буду работать. Я не могу и не хочу быть в лагере реакции. Прошу Вас дать мне возможность работать для советского народа. Я считаю себя советским писателем, как бы меня ни бранили.

Мих. Зощенко».

Подшел новый – 1947 год

Жизнь по-прежнему была трудной и безрадостной. Никакой работы я так и не смогла найти. По-прежнему продавала вещи... Продавать не так легко – не так просто найти покупателей. И на все это нужно было время, силы, энергию.

Пришлось снова помогать Вале – он был на третьем курсе института.

Михаил после Нового года принялся за работу: еще в <19>44 г. он собрал богатый материал для книги о партизанах, их борьбе, их славных делах.

Конечно, ему нужно было бы тогда же написать эту книгу – это было бы достойным ответом на критику по поводу «Перед восходом солнца». Возможно, тогда и не было бы у ЦК поводов для «Постановления».

Но в то же время Михаил увлекся работой для театра – в <1945–46> годах подряд написал две пьесы. В это время, первый раз в жизни, его стала (С. 149) интересовать материальная сторона дела – пьесы могли дать ему возможность «жить на ренту», как он говорил. Получая от театров в течение некоторых лет «авторский гонорар», он имел бы возможность не так усиленно работать, как он работал всю жизнь, – он чувствовал и понимал, как нуждается в отдыхе и покое после всех пережитых волнений и неприятностей, связанных с его «главной книгой».

И вот только теперь он решил приняться за работу, материал для которой почти три года лежал в его письменном столе. Он решил во что бы то ни стало вернуться в литературу, жить без которой он не мог.

Но тут, к несчастью, мои силы начали сдавать в этой непосильной борьбе за существование, и я совершила одну огромную ошибку, которую не могу простить себе до сих пор. Единственное мое оправдание в том, что к этому времени и мое нервное состояние дошло до предела – и я должна была обратиться за помощью к врачу невропатологу, от кот<орой> получила такую

справку: «Зощенко В. В. страдает реактивно-депрессивным состоянием в резко выраженной форме.

Кисилева.²² 6 февр.-47 г.».

Как раз в это время, когда я была у Лариссы, ее знакомая, работавшая в библиотеке, говорила о том, что книги Михаила из библиотек изымаются, что никаких надежд на «перемену курса» в отношении Зощенко нет и не предвидится... Я пришла в совершенное отчаяние.

Мне казалось, что я не смогу больше жить и бороться совсем одна, что мне нужна «моральная поддержка», доброе, ласковое слово, крошечное внимание со стороны Михаила.

И вот на другой день я «толкнулась» за этим к Михаилу. Я не поняла, что он сам нуждался в поддержке и помощи. ...Да он и раньше никогда бы не смог оказать ее мне...

И что же я получила вместо «ласкового слова»?

Михаил стал говорить, что у него нет любви, что я всю жизнь мучила его своими «непомерными» требованиями (а я всегда хотела только естественного, человеческого отношения), что он «боится» меня, что когда я вхожу в его комнату, у него делаются нервные спазмы и припадки – и действительно он дошел почти до истерики, что он готов жить под забором, голодать, только бы не зависеть от меня, только бы избавиться от моих требований!

Он говорил, что если я не оставлю его в покое со своими требованиями, он возненавидит меня, что я пользуюсь его бессилием, слабостью (С. 150), невозможностью уехать – и ставлю ему «ультиматум», предъявляю свои «требования» теперь, когда «материальные средства» в моих руках, когда я якобы «хозяйка положения»!

Конечно, подобных мыслей никогда не было у меня! Его доброе, ласковое слово, его любовь были нужны мне для того, чтобы найти силы и бороться... А в данный момент – надо было собраться с силами, надо было достать денег хоть на пять дней, а сил не было...

И все-таки – мне не надо было обращаться к нему за поддержкой!

А этот его «страх меня»? М<ожет> б<ыть> – это был «психоневротический страх»? Чего прежде, по отношению ко мне, у него никогда не было. А м<ожет> б<ыть>, все было гораздо проще, м<ожет> б<ыть>, в это время в жизнь его уже вошла «новая женщина»?

После войны крошечная квартирка в 5-м этаже, кот<орая> когда-то предназначалась для коменданта нашей «писательской настройки», была передана сценаристу и театральному критику Блейману,²³ который вскоре переехал в Москву, а эту квартирку передал близкой ему когда-то женщине, матери его маленького сына, Марине Мухранской (княжне Багратион-Мухранской, как она себя называла).²⁴

С этой Мариной Михаил встречался в эвакуации, в Алма-Ате. И вот летом 1946 г. она поселилась в нашем доме, этажом выше нашей квартиры. Естественно, они должны были встретиться, встречаясь на одной лестнице. И, конечно, она немедленно пригласила его к себе. И как мне рассказывала впоследствии моя «старшая» блокадная приятельница, Екатерина Мар-

ковна Соколова, эта Марина еще летом всеми силами старалась «увлечь» Михаила.

Не знаю, искренне ли она полюбила Михаила, во всяком случае после катастрофы она от него не отвернулась. Как-то зимой Михаил сказал мне, что встретил Блеймана, который «затащил его к себе», потом как-то показал мне шерстяные перчатки, кот<орые> связала ему жена Блеймана (женой Блеймана, кстати, Марина никогда не была).

Я даже была рада, что хоть кто-то из писателей не порывает с Михаилом, а «жене» Блеймана даже была признательна за эти «перчатки».

А Марина между тем начала «действовать» – она окружала Михаила вниманием, заботой, даже высказывала желание ехать за ним в ссылку, если понадобится.

Ей это было бы, конечно, совсем несложно – Блейман платил ей большие алименты за сына, она имела какую-то часть его карточек и, кроме того, зарабатывала сама – вязала на заказ шерстяные кофточки, словом, была обеспеченной и независимой женщиной.

К тому же она была хорошей хозяйкой – умела неплохо готовить... (С. 151) И она была на 13 лет моложе меня...

За «поддержкой» к Михаилу я больше не обращалась...

В марте я стала искать покупателей на часть дачи, кот<орую> решила продать. Наконец, продала две нижние теплые комнаты.

А потом продала и свою любимую «белую спальню», продавала я ее почти с радостью – я думала, что этим докажу Михаилу, что мне для него ничего не жалко...

Но... Михаил, наоборот, стремился всеми силами подчеркнуть, что, в сущности, все это я делаю для себя и для Вали, что он сам прекрасно мог бы обойтись без моей помощи, что его прокормили бы друзья – Шостаковичи, Чаловы, которые приглашают его обедать хоть каждый день... Что он мог бы поехать в Москву, где его с радостью встретила бы Островская. ... Одним словом, он мог бы прожить без меня, которая так докучает ему своими непомерными требованиями.

А потом он сам признал, что он – «нечестный и плохой человек», не вполне нормальный человек. Говорить с ним, объяснить ему что-либо было невозможно, и я прекратила всякие попытки к разговорам из-за его «бурной реакции» на все мои слова.

Все же, несмотря ни на что, он за эти 4 месяца написал огромную книгу – «Партизанские рассказы», и я перепечатала ее ему. Кроме того, он сразу же начал работу над новой пьесой.

Я, конечно, советовала ему послать рукопись Сталину, и Михаил так и поступил – послал ее на имя секретаря Сталина, Поскребышева²⁵ с просьбой, если он найдет нужным, передать ее и прилагаемое письмо Сталину.

И вот наконец в судьбе Михаила наступил перелом. 19 мая я узнала «приятные новости». Первое – Поскребышев звонил в Союз и сказал, что ему книга Михаила понравилась. Второе – Саянов сообщил Михаилу, что на приеме у Кузнецова (Ленинградского) тот спрашивал его и Тихонова о Зошенко,

говорил, что необходимо его привлечь к работе в каком-нибудь издательстве, а также, узнав, что Михаил не получает даже карточек, очень возмутился и сделал об этом отметку в своем блокноте.

Впоследствии Михаил рассказывал мне, что будто в это время Сталин в беседе с Симоновым спросил его:

– Ну, а как там у вас Зоценко?

На что Симонов якобы ответил:

– Что ж, ничего.... Как будто бы работает... Из Союза его исключили... (С. 152).

И тут будто бы Сталин возмутился и сказал:

– Как так исключили? У нас, в партийных кругах, так не поступают! Надо было помочь человеку, поддержать. Что ж, значит, он и карточек не имеет?

На что Симонов ответил:

– Да, раз исключен из Союза, конечно, не имеет...

Тут Сталин совсем рассердился и резко приказал:

«Выдать ему немедленно карточки».

В результате 22 мая Зоя Никитина²⁶ сообщила Михаилу, что звонили из карточного бюро, спраивались – какие карточки получал Михаил. А 31 мая ему позвонили из Союза и сказали: «Идите получать карточки за май!».

Я в это время была в Сестрорецке, куда он мне телеграфировал; «Мне звонили, получу литерную карточку, все хорошо. Михаил».

А вскоре прислал записку: «Вера, получил телеграмму от Симонова.²⁷ Вызывают в Москву – будут печатать мою книгу в журнале “Новый мир”. Ответил, что приеду в Москву после пятого июня (Хочу кончить комедию). Значит, числа 5 выезжаю. Поэтому числа 4 приезжай. (Если я не приеду 3-го в Сестрорецк.) Все, видимо, складывается хорошо и неожиданно, если решили печатать книгу. Мих.».

(Он перерабатывал комедию «Пусть неудачник плачет», кот<орую> соби-рался послать на конкурс в Москву.)

3 июня я приехала в Ленинград... и была совершенно поражена, как просияло лицо Михаила, когда он, войдя в мою комнату, увидел меня и как радостно он сказал: «А, ты приехала наконец... Что ты так долго задержалась?» (Я пробыла в Сестрорецке 11 дней.)

И потом мы пошли в его комнату, он был неожиданно хорошим, милым, и неожиданной была наша близость, и расстались мы в ту ночь так хорошо и дружески, как не расставались уже много, много времени.

И два дня до его отъезда прошли хорошо и мирно, и это было для меня дороже и радостнее всех хороших перемен и всех материальных возможностей.

И хотя перед самым его отъездом мое счастливое состояние постаралась, как могла, омрачить мне Вера своими глупыми и злыми словами, наше прощание было неожиданно горячим и нежным, а 9 июня я уже получила телеграмму: «Печатают журнале часть книги приеду вероятно 15 целую Михаил».

14 июня пришла телеграмма: «Все благополучно приеду через 2–3 дня Михаил» (С. 153).

Но вернулся он неожиданно на другой же день – 15-го июня...

И встреча наша была такой сухой и холодной, как обычно, и такой непохожей на его неожиданно горячее прощание.

Потом он долго рассказывал мне и Вале о делах – будут печатать половину книги в журнале, пьесу («Пусть неудачник плачет») он сдал на конкурс и договорился с Акимовым о написании новой на «заграничные темы» – то есть то, что я ему давно советовала.

Приехал он усталый и какой-то разочарованный...

Говорили ему в Москве, что в дело вмешался Сталин и поставил писателям на вид, что они вышвырнули товарища из Союза, оставили без поддержки материальной и моральной...

После этого и пошли все перемены...

И вот у Михаила снова куда-то ушло тепло, и снова стал он чужим и настороженным, стал нервно просить меня – «Не начинать “проблемных” разговоров...».

Но я и сама не собиралась их вести, так как я уже поняла их бесплодность... Я уехала в Сестрорецк.

(Что же случилось опять с Михаилом? Очевидно, его настроила против меня Вера – она, кажется, ехала вместе с ним в Москву – в это время она стала «генеральшей», вышла в четвертый раз за старого генерала, приятеля ее первого мужа, и переселилась в Москву. А потом Марина предложила ему обедать и завтракать у себя, предложила ему свою помощь, чего я, к несчастью, сделать не могла.)

Как бы то ни было, отношения Михаила ко мне опять резко изменились к худшему. В Сестрорецк в это лето он приезжал редко, посылал мне сухие, деловые записочки.

В первой записочке, в конце июня, он писал: «Вера, я приеду в понедельник. Дела не особенно хороши, потому что нет ответа из “Нового мира”. Видимо, нельзя сейчас рассчитывать на пьесу. В общем поговорим. Приеду, вероятно, днем. Мих. Боюсь, что Валя не успеет свой доклад сдать 31, а это последний срок. Перепечатай ему. Мих.».

Его очень беспокоило неполучение ответа из «Нового мира», в конце августа писал: «С деньгами все еще плохо».

Но 31 августа сообщил: «Телеграмму (в ответ на письмо) я получил из “Нового мира”. Обещают прислать аванс в ближайшие дни. Но вот уже прошла неделя. И пока ничего...».

7 сентября: «...Мне уже в Сестрорецк не собраться – много работаю, да и чувствую (С. 154) себя неважно. Мих.».

Числа 13–15 сентября записка: «Денег я пока не получил, обещают через неделю. Однако сигнальный номер “Нового мира” вышел, говорят. Так что, видимо, сомнений нет, что будут в печати и мои рассказы. Но, к сожалению, идут только 13 рассказов,²⁸ то есть 1/3. К тому же первые, то есть самые небольшие. Поэтому надежды на большой гонорар отпадают – получу около 4 тысяч... Работаю я сейчас по 20 часов в день. Очень устал. Привет. Мих.».

Чем дальше шло время, тем отношение его ко мне становилось все хуже. Я продала весной свою «белую спальню», думая этой жертвой завоевать его

любовь и понимание... Деньги за спальню я отдала Михаилу на расходы в городе, на питание его сына и домработницы. А он с циничной жесткостью заявил мне, что умышленно не воспользовался ни копейкой из этих моих денег, стал питаться в Доме ученых (причем скрыл от меня, кто устроил ему это питание, и почему скрыл – неизвестно).

На самом же деле он стал питаться у Марины, и этим объясняется все... Я чувствовала, что он лжет мне, я не верила больше ни одному его слову...

У него не было тогда ко мне ни любви, ни жалости, ни понимания... Он просто сказал мне, что я – взрослый самостоятельный человек и должна заботиться сама о себе. Он мне ничем не обязан, и он не может ничем мне помочь... Он сам нуждается в помощи и поддержке...

Снова я стала мечтать получить работу, которая <бы> прокормила меня, обратилась за помощью к приятельницам, которые как-то говорили мне об уроках, о корректуре... Увы! Они ничего не могли мне предложить, а мне нужно было думать и о сыне, дать ему возможность кончить институт...

В это же время я все же послала давно уже написанное мною письмо Сталину – в защиту Михаила, но мне казалось, что любовь моя к нему после всех этих его жестоких, несправедливых слов умерла...

«В сентябре Михаил не приезжал в Сестрорецк... приезжал Валя, говорил, что Михаил страшно занят работой, написал пролог и первое действие новой пьесы, набросал план 2 и 3 действия и эпилога.

Валя рассказывал содержание, мне показалось – хорошо, совсем не в его привычном стиле и манере. Самое главное и важное – вышел 9-й номер “Нового мира”, в котором напечатаны 10 рассказов из его новой книги» (С. 155).

Я была, конечно, очень рада за Михаила, Валю, но... стала думать о том, что мне нужно уйти от Михаила, если он так не любит меня...

Наконец, он все же приехал в Сестрорецк, дал прочесть свою комедию, от которой я пришла в восторг и советовала ему послать ее Сталину, и он соглашался со мной. Но в последний свой приезд в Сестрорецк, когда я спросила его – отправил ли он пьесу Сталину, сухо ответил: «Я отдал ее Акимову...» Покачала я головой и только сказала: «Акимов – не правительство».

И я оказалась права – Акимову постановка была запрещена, и комедия после последующих тридцатикратных «переделок» так и осталась до сих пор в его архиве...

Наконец я переехала в Ленинград... И сразу же узнала совершенно поразившую меня новость...

Оказалось, что он сошелся с женой Блеймана, которая живет этажом выше нас, ходит к ней ежедневно 2 раза в день – завтракать и обедать. «Доложила мне об этом Лера, племянница, которую я по возвращении ее детдома из эвакуации взяла к себе. Девочка наивно спросила меня: «Тетя Вера, а правда, что дядя Миша с Блейманом живет?». Оказалось, об этом знал весь дом и мальчишки на дворе донимали девочку своими насмешками, и вот ей захотелось узнать правду. <...>

И вот я спокойно обратилась к Михаилу за разъяснением.

На мой вопрос правда ли это? – он резко ответил:

«А тебе какое дело?»

И когда я, широко раскрыв глаза от изумления, сказала:

«Как какое дело? Ведь я же твоя жена». Он цинично и холодно и жестоко ответил: «А можешь не называться моей женой, если тебе это не нравится».

Все это было ужасно...

Михаил, очевидно, вначале был действительно увлечен ею и, когда я проговорила открыть ему глаза на ее настоящее лицо, о чем я узнала от хорошо ее знавшей моей «старшей приятельницы» Соколовой, он в бешенстве, в исступлении кричал: «Не смей так говорить! Это чистая, святая женщина!».

Соколова же мне говорила, что Михаил – уже третий человек, кот<орого> она «завлекает» своими обедами с тем, чтобы женить на себе, чего (С. 156) ей не удалось с его предшественниками, что она злая и глупая женщина, что Блейман никогда не собирался жениться на ней и лишь из благородства платит ей огромные алименты.

Не знаю, искренне ли она любила Михаила, или же, рассчитывая, особенно после написания комедии, что он в ближайшем будущем вернет себе «пышное положение», просто «охотилась» за ним, рассчитывая стать его женой.

Пока же она без стеснения, нарочно, всячески афишировала эту связь, открыто всем и каждому называла его своим мужем... Она делала это умышленно, рассчитывая, что все эти слухи неминуемо дойдут до меня, я, конечно, буду устраивать скандалы, неприятности, и он решится наконец разойтись со мной.

Сама же она в это время «кормила» его бесплатными обедами, «спасала» его во время беды и, конечно, ничего от него не требовала, твердо рассчитав, что именно таким образом получит все, завоеует его...

И он поверил в ее любовь, и я стала ему не нужна.

Правда, вскоре же он стал отрицать свою связь с нею, уверял, что просто ходит туда обедать, что я ничем не могу помочь ему, а он для того, чтобы иметь силы работать, должен быть уверен в том, что там ему дадут «тарелку супу»...

Отчасти это было действительно так, но какая же страшная трагедия кроется за этим.

С этой зимы мне пришлось взять целиком на себя хозяйство – убирать всю огромную квартиру, готовить еду Вале и себе, чинить и штопать белье и прочее... Домработницу с осени мы отпустили. Но Михаил от моих обедов категорически отказался и весь тот год завтракал и обедал у «Маришки».

Она дала ему ключ от своей квартиры, и он каждый день приходил туда как домой... И это видели все, проживающие в пятом этаже, а жили там писатели, все, знавшие его... немудрено, что по дому ползли и ползли сплетни и некоторые писатели, как, например, Козаков,²⁹ действительно стали считать его женой Марину, а не меня.

А когда я, в мягкой форме, указывала ему на это, в ответ я получала бурю упреков, оскорблений, жестоких обид. И я начинала думать: м<ожет> б<ыть>, это все-таки – большой человек, психопат? С деньгами было по-прежнему плохо и по-прежнему мне приходилось по временам что-то продавать...

В ответ на его несправедливые, злые слова я могла только бессильно плакать, а это только больше раздражало и нервировало его (С. 157).

Наконец я решила – я больше не буду говорить с Михаилом, мне больше не о чем с ним говорить, он никогда не поймет, от него можно ожидать только обид и оскорблений.

В это же время Михаил продолжал бывать у Чаловых – приходил к ним к обеду и засиживался до поздней ночи.

Все это было так мучительно, что я искренно стала даже мечтать о смерти...

Так шло до самого Нового – 1948 года

А потом я стала думать о том, что, м<ожет> б<ыть>, надо стать сильной, попробовать еще раз полюбить жизнь и поверить в нее? М<ожет> <быть>, подумала я, к Михаилу нужно отнестись как к несчастному и больному ребенку: со всем терпением, теплом и всепрощением материнской любви? Ведь он мне сказал, что хочет, чтоб все осталось по-старому, как было всю жизнь. М<ожет> б<ыть>, он действительно тяжело больной, психически больной, травмированный человек? М<ожет> б<ыть>, надо его пожалеть?

В ту зиму Михаил занимался переводом повести Лассила «За спичками», кот<оторый> ему очень удался. Я перепечатывала эту работу...

Относился он ко мне по-прежнему недоверчиво и избегал «откровенных разговоров», хотя «близкие» наши отношения как-то возобновились.

Но завтракал и обедал он по-прежнему наверху, но близкие отношения с этой женщиной продолжал отрицать.

В апреле он уехал по делам в Москву, прислал несколько телеграмм:

3/04-48 г. «Приеду 6 или 7 зависимости билета целую Михаил!»;

13/04-48 г.: «...задержусь неделю, закончить комедию буду работать вероятно литгазете немного денег пошлю завтра Михаил!»;

19/04-48 г.: «...второй перевод триста послал субботу днями постараюсь послать еще вернусь через неделю Михаил». Казалось бы нормальные, «заботливые», как всегда, телеграммы...

В Москве он переделывал свою «Американскую» комедию. – «Здесь вам будет весело» по указаниям Фадеева³⁰... Ту комедию, кот<орую> он в 47 году вопреки нашему с ним решению и моим советам не послал Сталину, а «отдал» Акимову. А если бы она была послана Сталину, получила бы, наверное, одобрение, так же как и книга о партизанах, и его «беды» кончились бы гораздо раньше... Но тогда, находясь под влиянием Марины и сестры Веры, он снова обрел свою «самоуверенность». «Я отдал ее Акимову» – это принесло ему столько огорчений, сколько пришлось ему впоследствии работать над этой комедией и так и не дожидаться ни ее опубликования, ни постановки ни в одном театре.

В Москве Михаил задержался довольно долго...

И я, не в силах больше выносить неизвестности, решила узнать правду от самой этой женщины (С. 158). Поднялась к ней наверх, спросила, что за отношения у нее с Михаилом? Нимало не смутившись, она нагло и самоуверенно

бросила: «Да, я его любовница!». На что я спокойно заметила: «И что же, вы думаете – это очень хорошо?».

Спросила: «Зачем она устроила эти обеды?»

Ответила: «Хочется же любимого человека чем-нибудь вкусеньким угостить!». На мое замечание: «Что же такое получается? Со мной он живет, с Чаловой живет – и с Вами тоже? Что же это за “гарем” у нас?» Она спокойно возразила: «Ну и что ж? Пусть гарем! Чалова даже моложе меня»...

Я поняла, что договориться с нею ни о чем было бы невозможно... Вот такая женщина была эта «Марина Багратион-Мухранская!» <...>

Подошло лето 48 года, снова Сестрорецк... Михаил неожиданно стал «мягче». Летом он как-то сказал даже, что напрасно я огорчилась из-за его женщин, что, напротив, он всегда боялся женщин и «бежал» от них... И я снова думала: «или это действительно психоневроз, травма?» И я не могла понять это...

Еще зимой Михаил завел разговор о том, что нам дорого платить за квартиру, что ему, «в его положении», неудобно занимать лучшую квартиру в надстройке... Я предлагала ему приемлемый выход – отдать его кабинет знакомой Валиной подруге по институту, профессорше, которая могла бы при желании снова отделить эту комнату в самостоятельную квартиру, а мы бы остались на той площади, кот<орую> имели до присоединения к нам комнаты из Корниловской квартиры.

Но летом Зоя Никитина передала ему предложение Кетлинской³¹ поменяться квартирами с ней, и Михаил стал усиленно уговаривать меня согласиться на этот обмен. Хотя меня это никак не устраивало, так как мы лишались бы прекрасной солнечной квартиры, мне так хотелось сделать ему удовольствие, что я наконец согласилась на этот неудачный (С.159) обмен. Мне казалось, что тогда он оценит мою жертву и переменит свое отношение ко мне.

И вот в конце сентября мы переехали в эту «ужасную», совершенно неудобную для нас квартиру.

И тут вскоре же случилось одно обстоятельство, благодаря которому я действительно «попала в бред больного». В день моих именин он ушел на именины к Кетлинской..., вернулся пьяный, что очень редко с ним случалось. Я стала упрекать его за то, что он снова обидел меня в этот, «мой» день. Когда я в волнении, неосторожно подняла руку, конечно, я не собиралась ударить его (никогда в жизни я никого не могла ударить), эта рука оказалась ему «карающей рукой» его психоневроза, и он даже ударил меня, я стала для него «устрашающим предметом», м<ожет> б<ыть>, в этом кроется причина всех его странных, непонятных поступков, кот<орые> он стал позволять себе по отношению ко мне.

Он стал говорить мне, что я – причина его спазмов, его болезни, что ко мне у него огромное недоверие, что он ждет какого-то «удара» с моей стороны, ему кажется, что я за его спиной веду какую-то игру против него, что, наконец, если мне это будет выгодно, я смогу даже убить его, довести до смерти, и буду радоваться его смерти, потому что я сказала однажды, что я понимаю и оправдываю жену Толстого,³² которая говорила, что она нарочно спаивает

Толстого, хотя знает, что водка для него смертельна, потому что ей легче видеть его мертвым, чем с другой женщиной.

(На самом же деле было так: он как-то, очень давно, рассказал мне о том, что когда на одной вечеринке у Толстых кто-то, кажется даже сам Михаил, обратил внимание Натальи Васильевны на то, что Толстой много пьет, а это для него может кончиться плохо, она сказала: «Пусть пьет. Мне легче видеть его мертвым, чем с другой женщиной». И тогда я неосторожно, никак не предполагая, что он сможет сделать из этого такой вывод, действительно заметила: «Что ж ... ее можно понять»...)

Но это, конечно, совсем не обозначало, что я думаю так же, что и я могу так поступить. А он не забыл эту фразу, и она даже сыграла такую роковую роль в его отношении ко мне...)

И в то же время он упрямо твердил мне, что он не любит той женщины, что никакой роли в его жизни она не играет, и все же продолжал бывать у нее каждый день.

Говорить с ним, «выяснять отношения» было невозможно – на всякую мою попытку дружеского, спокойного разговора он реагировал дикой вспышкой гнева, нервными припадками, спазмами, криками, угрозами, оскорблениями. И я решила, <что> он – или больной человек, отягченный каким-то (С. 160) психоневрозом, и я, к несчастью, попала ему в бред, и тогда его надо оставить в покое, или он просто плохой человек, и тогда мне самой не нужна его любовь, и сам он мне не нужен.

А потом вдруг он сам потянулся ко мне за близостью... И я не смогла ему отказать... и тогда даже пришло успокоение.

А вскоре с 28 ноября Михаил почему-то стал завтракать дома, и теперь по утрам я готовила ему завтраки. Сначала думал было и обедать, но в первый же день его напугали спазмы, кот<орые > начались у него за столом, и от обедов он отказался. Мотивировал он свое решение есть дома нежеланием быть обязанным той женщине и затрудненными материальными делами – ее и своими.

Очевидно, недолгое «увлечение» Михаила Мариной прошло, и она не казалась ему «идеально-чистой женщиной», и если б не испугавшие его «спазмы за столом», он бы, пожалуй, действительно прекратил бы и свои «обеда» у нее.

Близкие отношения наши возобновились, но все же он казался мне – «И близкий, и далекий, и чужой, и свой»...

Что касается литературных дел Михаила в то время – в 1948 г. он закончил перевод Лассила «За спичками»,³³ а зимой актер Музкомедии Мусатов вместе с инженером Гинзбургом предложили ему «соавторство» – написать оперетту, для которой они предлагали стихи и сюжет.³⁴ И вот над этой опереттой Михаил и работал всю зиму. Сюжет он, конечно, начисто переработал. Первое название оперетки – «Не смотри в глаза», окончательное – «Шутки в сторону».

Несмотря на то что чтение оперетты на худсовете Музкомедии прошло, как говорил Михаил, «под хохот», эта вещь тоже так и не была поставлена.

В это время, с ноября, Михаила вновь пригласили работать в «Крокодиле»,³⁵ прислали ему по его просьбе номера журнала, кот<орые > он просил

меня перечесть. Стал он давать преимущественно фельетоны на «заграничные темы» – материал ему присылала редакция.

В самом начале декабря пришел к Михаилу Шкловский³⁶ (кстати, нашел, что я хорошо выгляжу), говорил Михаилу, что в Москве возмущены Кетлинской за наш обмен.

Михаил ходил к Никулину³⁷ в «Асторию»³⁸ – впоследствии он часто получал от него работу по переводам. (Приглашение работать в «Крокодиле» передал Михаилу из Москвы Раскин, кот<орый> позвонил ему по телефону и сказал, что у него есть для него важная, приятная новость, и попросил зайти к нему в «Европейскую». Это, действительно, было важно – казалось, что этим окончательно зачеркивается все «Постановление».) (С. 161).

Михаил понемногу успокаивался – по вечерам стал ходить в гости, его опять начали приглашать, что как будто его очень радовало.

По-прежнему по воскресеньям продолжал обедать у Чаловых, но приходил оттуда часто такой усталый, жаловался, что выпил стакан вина и потому чувствует себя плохо. В другой раз (5 декабря) опять говорил, что играли в карты и в лото, потом шел домой целый час – из-за сердца. Вообще же Михаил у Чаловых отдыхал, играл в карты и в лото, родители Лидии (его сверстники) относились к нему очень хорошо, к тому же мать Лидии была прекрасная хозяйка, и бывать у них ему было приятно. Близких же отношений с Лидией у него действительно давно не было.

Мне он часто казался тогда большим и старым, и мне было мучительно жаль его порой, ссоры у нас в то время бывали редко. Случилась как-то глупая ссора из-за денег. У меня кончались деньги, мне нужно было что-нибудь предпринять, чтобы их раздобыть, и потому я спросила – есть ли надежда на получение денег из Петрозаводска за финский перевод. Он неожиданно стал упрекать меня за то, что я «реву уже несколько дней», а я и не думала плакать, что я досаждаю ему с деньгами, что так он не сможет работать. Потом стал говорить, чтобы я продала свой бархат. Когда я напомнила, что, когда я продала спальню, он не пожелал воспользоваться этими деньгами и стал обедать у Блейман, он пришел в ярость, начал кричать на меня, выгонять из комнаты, замахиваться на меня.

Я сказала, что если он так ненавидит меня, то я не думаю навязываться ему, могу жить одна.

На это он сказал, что он меня не ненавидит, но что ненависть сможет возникнуть, если я буду ему досаждать.

Какое у него страшное лицо делается в минуты раздражения, какие страшные глаза – право, мне кажется, что он – сумасшедший.

Я постаралась предотвратить дальнейшие неприятности, ушла и стала читать Тагора. Позвонила Рая (домработница), я переговорила с ней относительно денег, она обещала мне одолжить.

Вошел Михаил и дал прочесть 1-й акт переделанной комедии (а когда я об этом его просила час назад, отказал в грубой форме).

Прочла и осталась на этот раз очень довольна, переделка ему удалась.

Пока я читала, он уходил пить пиво, когда пришел, говорили насчет пьесы, был доволен моим одобрением (С. 162).

Вот такой странный человек был Михаил...

Летом у нас обычно никаких неприятностей не было, так как не было травмирующей меня причины – его хождений на обеды к Марине, он приезжал в Сестрорецк, я с радостью готовила ему его любимых «окуньков». Доставала парное молоко у соседей, в саду поспевала земляника, потом черная смородина, из кот<орой> я варила ему его любимое варенье.

Иногда, правда, бывала какая-то обида на него, но потом казалось – «в душе нет больше ничего, кроме жалости, большой человеческой жалости – ведь он такой старенький и усталый, мой Михаил...»

И вот этого, такого усталого, состарившегося человека мне просто ужасно жаль. И мне уже ничего от него не надо, ничего не хочется от него требовать, мне просто жаль его, мучительно жаль, и страшно, что он может скоро уйти от меня навсегда, уйти безвозвратно. И все-таки казалось – он не вполне нормален, что-то, что-то есть в нем больное, ненормальное...

Очень я обиделась на него: несмотря на самое хорошее мое к нему отношение в его последний приезд в Сестрорецк, несмотря на мою убедительную просьбу обязательно приехать ко мне в день моих именин – 30 сентября – он не приехал, позвонил по телефону, отговорился пустяковым нездоровьем...

Я, конечно, слишком остро реагировала на этот его поступок, но действительно он будто нарочно не хотел исполнить моей просьбы, моего желания. М<ожет> б<ыть>, это тоже был «психоневроз»? Ведь он неоднократно говорил, что не выносит просьб, не выносит «принуждения», насилия над его волей...

Летом Михаила вызывал Фадеев в Москву (хлопотал Прокофьев и Шагинян),³⁹ дали ему работу – опять финский перевод, дали денег – и аванс, и из Литфонда, и у меня появилась надежда на маленькую «передышку» в денежном отношении – ведь зимой мне то и дело приходилось «доставать деньги», время от времени приходилось даже закладывать оставшийся у меня хрусталь.

Летом как будто разрешили ставить «Американскую комедию» в «Новом театре», о чем Михаил мне писал в июне (записка с Валей). 28 июля 1948 г.: «Вера, разрешили ставить мою американскую комедию. И в связи (С.163) с этим у меня сейчас множество театральных дел, так что приеду, видимо, 5 или 6 числа. И то не знаю, надолго ли.

Денежно это разрешение пока ничего не дало, но обещают авансировать.

Помимо того, на днях приезжает Дементьев (тогдашний секретарь Союза писателей. – В. З.), и он твердо обещал работу.

В общем, впереди перспективы неплохие.

Мих. 28 июля».

1949–1950 гг.

Началась новая зима. Постановка комедии не состоялась, была запрещена, никакой работы Дементьев Михаилу не предоставил, и снова мне самой пришлось «добывать деньги»: продавала книги, снова стала думать о возможности получить работу, звонила Якубенко, но безрезультатно.

Затем Михаил получил 2 рукописи для литературной обработки, и я их читала и набросала свои замечания.

Отношения с Михаилом были по-прежнему трудные... То мне бывало его жаль, как-то по-матерински жаль, жаль несчастного, страдающего, стареющего, больного человека, то снова он отталкивал меня своим странным, непонятым отношением, и мне снова казалось, что это не болезнь, а просто нелюбовь ко мне, и я опять не знала, что же мне делать? Казалось, надо уйти жить одной...

Мне показалось, что он не выносит даже моего присутствия – вчера я хотела немного послушать радио у него в комнате – заграничные передачи, единственное, кажется, чем он интересуется, он стал хитрить, глушить радио, а потом прямо стал требовать, чтоб я ушла. Я ничего не понимала, я даже перестала верить ему, но я любила его, и я совсем не могла мириться с его ежедневными посещениями Марины, хотя и ничего не говорила ему об этом больше. Все же я думала – это болезнь. Но как бороться с ней, я не знала.

Подошел Новый год и не принес ничего нового. Снова нелепые, ненужные ссоры с Михаилом, его жестокие, обидные слова, на кот<орые> я реагировала слезами...

Была неприятность из-за того, что мне пришлось подняться наверх, к Марине (во время «обеда» Михаила), чтобы передать ему просьбу Дементьева срочно прийти к нему. Эта бестактная, злая женщина нарочно, чтобы меня сильнее обидеть, обратилась к нему «на ты»... (С. 164). Я сделала ей замечание..., она ответила грубостью, в результате – неприятности с Михаилом.

А 12 марта, в день выборов, в грубой форме отказал пойти со <мною> вместе на голосование.

Работал эту зиму снова над переводами – М. Лассила – «Воскресший из мертвых», Тимонена – «От Карелии до Карпат», переделывал оперетту – безуспешно, писал рассказы для «Крокодила» – не пошли («Воспаление легких», «Слово представляется Зайцеву» – были напечатаны позднее).

Лето 1950 г.

Зимой все наши «неприятности» исходили от Маришки – она нарочно старалась всячески афишировать свои отношения с Михаилом, мне со всех сторон говорили люди, кот<орым> я не могла не верить (вдова Останкова, мой друг Аксенова, подруга Тамара), что она называет Михаила своим мужем. Когда же я указывала ему на это, он отказывался верить, считал, что я «собираю сплетни», что – это ложь, что я – «сплетница», «скандалистка», одним словом, я получала в ответ одни оскорбления.

Но эта «Маришка» приносила вред и самому Михаилу – все наши ссоры, конечно, не были полезны ему, не давали покоя, подрывали его физическое и нервное здоровье.

«Мне хотелось одного – пониманья!» Но с ним нельзя было ни о чем говорить! Он пресекает всякие разговоры о личном, о наших отношениях, он моментально прикрывается болезнью, психоневрозом. Или и правда есть что-то большое в его психике? Непонятное мне, неразгаданное мною, к чему он сам не может подойти, чего остерегается касаться...

Но когда я не касаюсь каких-то вопросов, кот<орых> он не позволяет касаться, он сам идет ко мне – и как к женщине, и как к человеку.

Летом, когда не было «Маришки», и я не слышала никаких сплетен, никаких разговоров об ее отношениях с Михаилом, я была спокойна, и у нас складывались просто хорошие, «мирные» отношения – он еженедельно приезжал в Сестрорецк, говорил со мной о своих литературных делах, всегда была «близость», он тянулся ко мне, едва поднявшись со мной наверх, в свою комнату. Я заботилась о нем, кормила его приличными обедами, всегда доставала его любимую рыбу – «окуньков»... В огороде, за которым я сама ухаживала, были всегда свежие овощи, в саду – ягоды. И летом мы никогда не ссорились (С. 165).

В то лето у моих «совладельцев» жили дачники с детьми, и Михаил часто возился с маленькой трехлетней Нинкой....

В то лето Михаил неожиданно сказал мне: «Можешь успокоиться – близкие отношения у меня с “Блейман” кончены».

(Почему-то он всегда называл ее по этой, кстати, не принадлежавшей ей фамилии – или она уверяла его, что была женой Блеймана, как в этом уверяла всех, что она – «жена Зошенко», во что Михаил упорно отказывался верить и страшно возмущался, когда я ему на это указывала.)

А в последний свой приезд он вдруг сказал: «Мне было бы проще и легче принимать помощь от тебя».

А мне прошлой зимой с большим трудом удалось получить лишь переписку на машинке от Смолича, да маленький урок через Нину Шене.

И я действительно материально не могла помогать ему.

¹ Николай Павлович Акимов – главный режиссер академического театра Комедии.

² Виссарион Михайлович Саянов (1903–1959) – поэт, прозаик.

³ Петр Александрович Останков – профессор ЛМИ по специальности психиатрия. Выступал на обсуждении повести М. Зошенко «Возвращенная молодость» в Горьком партии 11 марта 1934 г. Стенографический отчет об этом обсуждении опубликован: Три стенограммы обсуждения повести М. Зошенко «Возвращенная молодость» (1934 г.) / публ. Т. М. Вахитовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2012 год. СПб., 2013. С. 838–843.

⁴ Иван Федорович Крафт (1899–1950) – прозаик. Участник Великой Отечественной войны, служил рядовым в войсках Ленинградского фронта. За годы войны написал 10 книг, свыше 50 статей и рассказов. Наиболее известными стали повести «Партизаны», «Суровый берег», сборник рассказов «Закон жизни» (1942), «Труженики войны» (1944).

⁵ Муза Константиновна Павлова (1916–2006) – драматург, поэт, переводчик.

⁶ Владимир Юрьевич Визе (1886–1954) – полярный исследователь, член-кор. АН СССР. Участвовал во многих экспедициях в Арктику, предсказал теоретически существование острова в Северном море, которое назвали его именем.

⁷ Максимович – друг и личный врач М. М. Зошенко.

⁸ Ф. Олесов – ленинградский писатель, упоминался в Постановлении ЦК о журн. «Звезда» и «Ленинград».

⁹ Герман Иванович Матвеев (1904–1961) – драматург, прозаик, сценарист. Наиболее известной для подростковых читателей стала его трилогия: «Тарантул»: «Зеленые цепочки» (1945), «Тайная схватка» (1948), «Тарантул» (1957). Две повести («Зеленые цепочки» и «Тарантул») были экранизированы и донесли до 1950-х гг. героические приключения подростков во время блокады Ленинграда.

¹⁰ *Вера Михайловна Зоценко* – сестра писателя.

¹¹ *Ларисса Николаевна Робинсон* – приятельница Веры Владимировны, помогавшая ей вести домашние дела.

¹² *Раиса Хапова* – домработница семьи Зоценко. Она проработала в этом доме много лет и с вниманием относилась к окружавшим ее людям.

¹³ *Николай Юрьевич Смолич* (1888–1968) – друг Л. Н. Робинсон, актер, режиссер.

¹⁴ *Макс* – сын Л. Н. Робинсон, начинающий поэт, занимавшийся бытовой деятельностью в тяжелые послевоенные времена и приглашавший участвовать в этом процессе и семью Зоценко.

¹⁵ *Анна Андреевна Ахматова* (1889–1966) – великий русский поэт.

¹⁶ *Андрей Александрович Жданов* (1896–1948) – первый секретарь Ленинградского обкома и горкома партии.

¹⁷ *Александр Михайлович Еголин* (1896–1959) – литературовед, критик. Зам. начальника Управления пропаганды и агитации ЦК.

¹⁸ *Р. М. Беккер* – личность установить не удалось.

¹⁹ *Владимир Якубенко* – работник политчасти Эрмитажа.

²⁰ *Иосиф Абгарович Орбели* (1887–1961) – академик АН СССР и Армянской ССР. С 1934 по 1951 г. работал директором Эрмитажа.

²¹ *Виталий Павлович Полицеймако* (1906–1967) – известный актер, с 1930 по 1967 г. работал в Большом драматическом театре им. М. Горького. Его творческие способности высоко ценил Г. А. Товстоногов. Народный артист СССР.

²² *Кисилева* – врач-невропатолог.

²³ *Михаил Юрьевич Блейман* – сценарист, литературный критик, работал вместе с М. Зоценко в сценарном отделе студии «Мосфильм», эвакуированном в Алма-Ату. Познакомился Зоценко с ним и его женой в гостях у В. О. Стенича еще до войны.

²⁴ *Марина Диадоровна Блейман* (называвшая себя княжной Багратион-Мухранской), по мнению Веры Владимировны, не являлась законной женой Ю. Блеймана. Она воспитывала сына сценариста, получая довольно значительные алименты. Знакомство Михаила Зоценко с этой дамой, определенные дружеские отношения с ее сыном, тихие застолья вызывали у писателя спокойствие, умиротворенность. Жена Зоценко была уверена, что увлечение «Маришей» у Зоценко быстро бы прошло, если бы не спазмы за обеденным столом дома, то эти отношения быстро бы закончились. Сама «Мариша» вспоминала о встречах с Зоценко: «Время от времени он приходил в очень плохом состоянии. Что-то опять в очередной раз случилось – какая-то новая неприятность. Если заговорит, я, конечно разговор поддержу – постараюсь успокоить, развеять его страхи и опасения, отвлечь от тяжелых дум. Но, бывало, придет и молчит, весь вечер промолчать может. Я копошусь на кухне, вяжу или, если устала очень за день, прилягу и задремлю, а он все сидит и думает о своем. Потом встанет и так же молча уйдет» (*Мухранская М.* Без литературы // Воспоминания о Михаиле Зоценко. СПб., 1995. С. 554).

²⁵ *Александр Николаевич Поскребышев* (1891–1965) – секретарь И. В. Сталина.

²⁶ *Зоя Александровна Никитина* (1902–1973) – первая жена писателя Н. Н. Никитина, редакционный работник.

²⁷ *Константин Михайлович Симонов* (1915–1979) – писатель, в конце 1940-х гг. был редактором журн. «Новый мир». По указанию Сталина вызывает Зоценко в Москву для заключения договора на публикацию «Партизанских рассказов». Только десять рассказов из сборника «Никогда не забудете», который содержал тридцать два рассказа, были опубликованы в журн. «Новый мир» (1947. № 9–10).

²⁸ В письме супруге Вере Владимировне Зоценко называл другую цифру напечатанных рассказов – 13. По-видимому, в редколлегии журнала происходили споры сотрудников о включении рассказов Зоценко в номер, боясь негативной реакции начальства. На всякий случай члены редколлегии ограничивались самыми небольшими текстами.

²⁹ Михаил Эммануилович Козаков (1897–1954) – прозаик, драматург. В Ленинграде жил в одном доме с семьей М. Зощенко.

³⁰ Александр Александрович Фадеев (1901–1956) – прозаик, критик, теоретик литературы, общественный деятель.

³¹ Вера Казимировна Кетлинская (1906–1976) – прозаик.

³² Людмила Васильевна Толстая (жена А. Н. Толстого) весьма скептически относилась к своему мужу. И Михаил Зощенко почему-то переносил ее отношение на свою персону.

³³ Наконец-то в печати появилось произведение, переведенное М. Зощенко, – повесть финского писателя М. Лассила «За спичками» на русском языке, в петрозаводском журн. «На рубеже» (1948. № 8–10), но имя переводчика не всегда упоминалось. Наиболее популярная повесть писателя в Финляндии была впервые напечатана в России. В Финляндии этот перевод русского писателя оценивали очень высоко.

³⁴ Зимой 1948/49 г. Зощенко в соавторстве с актером В. И. Мусатовым и инженером Б. Б. Гинзбургом (Гинзбургом) пишет для Ленинградского театра музкомедии пьесу: «Не смотри в глаза» («Шутки в сторону») (постановка не состоялась).

³⁵ В январе М. М. Зощенко получает приглашение от редактора «Крокодила» Д. Г. Беляева сотрудничать в журнале, для чего тот присылает ему специфический «заграничный» материал, но, как обычно, публикация не состоялась.

³⁶ Виктор Борисович Шкловский (1893–1984) – известный литературовед, критик, прозаик

³⁷ Лев Вениаминович Никулин (1891–1967) – писатель.

³⁸ Летом 1949 г. Вера Владимировна сообщает, что Михаил часто ходил в гостиницу «Астория» к Юрию Никулину и получал от него небольшие заказы по переводам, приглашал его участвовать в работе «Крокодила» и Раскин (Александр Борисович Раскин (1914–1971)). И супруге писателя казалось, что эти факты «окончательно зачеркивают «Постановление». Этого не происходило: либо печатались совсем небольшие материалы, либо про них совсем забывали. М. Зощенко часто писал о работе К. Симонову, но ответа никогда не получал.

³⁹ Александр Андреевич Прокофьев (1900–1971), Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888–1982) – писатели, материально пытались помочь М. Зощенко в те трудные времена.

Библиографический список

1. Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб., 1995. 607 с.
2. Лицо и маска Михаила Зощенко / сост. Ю. В. Томашевский. М., 1994. 368 с.
3. Михаил Зощенко – Мариэтте Шагинян / публ. Е. Шагинян // Таллин. 1989. № 2. С. 85–109.
4. Попов В. Г. Зощенко. М., 2015. 524 с.
5. Рубен Б. С. Зощенко. М., 2006. 355 с.
6. Творчество Михаила Зощенко. Новые материалы. Исследования. Библиография / отв. ред. В. П. Муромский, А. Д. Семкин. СПб., 2015. 274 с.
7. Чуковский К. И. Дневник (1930–1969). М., 1995. 560 с.

В. В. ЗЕНЬКОВИЧ – АДРЕСАТ ПИСЕМ М. М. ЗОЩЕНКО

*(Вступительная статья Б. Н. Сегаль,
подготовка текста и комментариев Т. С. Царьковой)*

Аннотация: В публикации представлена личность художницы Веры Владимировны Зенькович, близкого друга писателя М. М. Зощенко в последние годы его жизни. 18 писем, написанных только в дни отсутствия корреспондентов в Ленинграде, передают атмосферу тяжелейшего нервного состояния писателя, измученного болезнью – следствием литературной травли; но не прекращающего работу в самых разных прозаических, переводческих и драматургических жанрах.

Ключевые слова: М. М. Зощенко, В. В. Зенькович, биография, дружеские отношения, идеологическая и творческая атмосфера 1950-х гг.

Abstract: The publication presents the figure of an artist Vera Vladimirovna Zen'kovich, a close friend of the writer M. M. Zoschenko in his later years. The 18 letters written only when the correspondents were absent from Leningrad convey the grave nervous condition suffered by the writer who was tormented by disease caused by literary persecution, though did not stop working in a variety of prose, translation and drama genres.

Key words: M. M. Zoschenko, V. V. Zen'kovich, biography, friendly relations, ideological and creative atmosphere of the 1950s

Вся жизнь талантливого художника Веры Владимировны Зенькович была связана с книгой. Избрав своей специальностью искусство книжной графики, она стала профессионалом высокого класса и заняла место в ряду ведущих ленинградских мастеров. Не один десяток изданий – классическая и современная литература, альбомы, сочинения по искусству – обязаны ей своим обликом. Лучшие из ее работ стали признанными образцами нашей оформительской графики.

Но определение Веры Зенькович только как художника книги не исчерпывающе. Ее интересы и творческие возможности были гораздо шире. Всю жизнь она занималась и станковой графикой. Она создала серии натюрмортов, портретов, пейзажей, попутно решая задачи обновления изобразительных средств. О высоком уровне ее книжных и станковых работ говорит то, что большая их часть находится в Русском музее, в крупных музеях страны, в зарубежных галереях и частных коллекциях.

Вера Владимировна Зенькович родилась в Санкт-Петербурге в 1906 г. в семье польского инженера. Детство ее прошло на Украине, а перед Первой мировой войной семья вернулась в родной город, где и встретила революцию.

Важным моментом жизни Веры Зенькович было ее пребывание во Владивостоке, куда она пошла вместе с мамой, учительницей, сопровождавшей поезд с несколькими сотнями детей из голодного Петрограда. Американская гуманитарная организация «АРА» в 1920-е гг. оказывала помощь и поддержку русским сиротам и беспризорникам. Из Владивостока пароходом детей

доставили в Сан-Франциско, где они благополучно прожили два года. За это время Вера Зенькович во Владивостоке с блеском окончила гимназию и даже побывала с одноклассниками в Японии.

Впоследствии она часто вспоминала эту поездку. Несомненно, что впечатления от незабываемых пейзажей Японии и удивительного искусства этой страны отразились в ее собственном творчестве, в характере ее ранних натюрмортов, в изяществе книжно-оформительских работ. Вернувшись в Петроград, Вера Зенькович поступила во ВХУТЕИН (Академия художеств) на полиграфический факультет.

В это время там преподавали такие корифеи книжной графики, как Д. Митрохин, В. Конашевич, К. Петров-Водкин – замечательные художники, знатоки искусства и увлеченные талантливые педагоги. Держались они просто, как старшие товарищи, показывали свои работы, делились опытом. С В. Конашевичем и К. Петровым-Водкиным у Веры Зенькович сохранились особенно дружеские отношения на долгие годы. Но более всего повлиял на творческое становление молодой художницы недавний выпускник того же факультета Валериан Двораковский, друг, наставник, главный советчик. Редкостно одаренный художник книги, он разрабатывал собственную концепцию книжно-графического искусства. Двораковский был непревзойденным мастером рисованного шрифта, который он интересно увязывал со свободным рисунком. Он славился особым неповторимым характером своего творчества. Его роль в формировании В. Зенькович как оригинального художника книги очень значительна. После окончания института в 1930 г., как и другие молодые художники, В. Зенькович пришла в детскую редакцию Гослитиздата, которую возглавляли С. Маршак и В. Лебедев. Здесь она попала в удивительную среду очень разных и талантливых художников и писателей, объединенных общим направлением в работе над детской книгой. Вместе с Лебедевым сотрудничали представители старшего поколения: В. Ермолаева, Н. Тырса, В. Конашевич, к которым примкнула когорта молодых художников. В свое время им довелось поучиться у К. Малевича, П. Филонова, К. Петрова-Водкина, и, естественно, им хотелось попробовать в книге свои новаторские идеи, почерпнутые из творческого опыта авангарда. Сама атмосфера поиска способствовала тому, что под руководством Лебедева молодые художники развивались как самостоятельные мастера, не похожие друг на друга. В. Лебедев помогал каждому найти свой путь, и не без его участия раскрылись таланты Е. Чарушина, Ю. Васнецова, А. Пахомова, В. Курдова.

Вера Зенькович органично вписалась в этот круг. Она была профессионально подготовлена, обладала широким кругозором и хорошо разбиралась в современном искусстве. Уже в первых заказных работах она показала тонкое понимание стилистики литературного произведения, мастерство и отменный вкус в исполнении всех элементов книги.

Молодых художников объединяли общие интересы и увлечения: совместное рисование, поездки на этюды, любовь к теннису, охоте, цирку.

В цене был талант рассказчика, остроумие, импровизация, шутка. Интерес к искусству привел их в Институт истории искусств, где на лекциях и диспутах блистали Н. Пунин, Ю. Тынянов, Б. Томашевский и Б. Эйхенбаум. Лекции

производили исключительное впечатление, и для молодых художников открывались новые интересные миры.

Эти годы были очень плодотворными для ленинградских писателей, которые сотрудничали с С. Маршаком. В Детгизе печатались Б. Житков, В. Бианки, Д. Хармс, А. Введенский, М. Зощенко, Е. Шварц и другие талантливые авторы. Многие уже были знамениты и популярны. М. Зощенко был на пике своей славы. Появилась новая литература для детей – увлекательная, умная, веселая. Художники украшали текст своими превосходными иллюстрациями. Здесь сложилась активная творческая среда. Писатели и художники были близки по культуре, эстетике, профессиональному пониманию. Они дополняли друг друга и вместе создавали детскую книгу, отвечавшую самым высоким критериям и удивившую Европу и Америку.

Вера Зенькович в этот период, активно работавшая в издательстве, сблизилась и подружилась со многими писателями, особенно с Е. Шварцем, В. Бианки, М. Зощенко, Н. Олейниковым.

Войну Вера Владимировна пережила в блокадном Ленинграде. Она мужественно переносила артобстрелы, холод, бомбежки и много работала, рисуя суровые пейзажи разрушенного города, агитационные панно и плакаты. Чтобы спасти умирающего мужа В. Двораковского повышенным пайком, она стала донором. В это же время Вера Зенькович создавала удивительный альбом, заполненный портретами жителей блокадного города, стариков, детей, женщин. Вглядываясь и запоминая, с необыкновенной точностью и проникновенностью она переносила в холодной мастерской эти лица на бумагу. Сейчас этот альбом находится в Русском музее, являясь документальным свидетельством огромной художественной силы.

После окончания войны Вера Зенькович возвращается к книге. Она много и успешно работает по заказу разных ленинградских издательств и становится одним из ведущих художников-оформителей книги. Список ее работ впечатляет: Гоголь и Толстой, Данте, Шекспир, Рабле, Свифт, Лопе де Вега, Голсуорси и многие другие авторы русской и зарубежной классики.

Ее репутация мастера была такова, что Вере Владимировне доверялось лучшее из того, что было в портфелях издательств. Многие годы она работала для Детгиза над детской и юношеской литературой, с увлечением придумывала оформление сказок, которых ей довелось делать множество: испанские, португальские, норвежские, туркменские, киргизские и других народов.

Все элементы книги – переплеты, иллюстрации, титулы, заставки-буквицы – решались остроумно и изобретательно. Особенную роль Вера Владимировна отводила шрифту, тонко понимая специфику этого интересного вида искусства. Шрифт мог влиять на характер, атмосферу, стиль книги. За видимой легкостью и простотой ее рисованных шрифтов стоит большой труд, скрытый от зрителя. Надписи – вплоть до мельчайших по размеру – писались от руки, причем только кистью. Не каждый представляет, какая точность глаза и железная твердость руки необходимы для столь виртуозной работы.

Вера Владимировна Зенькович была широко образованным человеком, знатоком искусства, архитектуры, костюма, стилей разных эпох. Ранее

Возрождение у Данте, Англия времен Шекспира – все в ее рисунках звучит убедительно и свежо. Но каждый раз она тщательно изучала исторический материал. Делая маленькие заставки пером к роману «Петр Первый», она внимательно знакомилась с прижизненными портретами Петра, рисовала его маску, растреллиевский бюст – все ради того, чтобы, по ее словам, «глубже осмыслить образ Петра, характер его времени», при том, что на рисунках фигура Петра была не более двух сантиметров роста. Прямолинейного использования исторических материалов она избегала, обращалась с ними свободно, переосмысливая и трактуя по-своему.

Если книжно-оформительское искусство Веры Зенькович хорошо знакомо любителям книги, то гораздо менее известна была ее станковая графика, которой увлеченно и серьезно она занималась всю жизнь. С довоенных времен сохранилась ее масляная живопись: пейзажи, портреты, натюрморты, исполненные в традициях 30–40-х гг., под влиянием Веры Михайловны Ермолаевой, сподвижницы К. Малевича. Это была импрессионистическая живопись, очень красивая по цвету.

С 50-х гг. Вера Зенькович перешла целиком на графику, исполненную на бумаге. Листы, показанные на персональной выставке 1977 г., восхитили своими интересными находками.

Вера Зенькович-станковист прекрасно владела углем и карандашом, гуашью и пастелью, и даже фломастер в ее руках становился достойным инструментом серьезного рисования.

Всю жизнь Вера Владимировна любила и пристально изучала французскую живопись XX в., особенно увлекаясь творчеством Пикассо, Брака, Матисса. Но сама она была убежденным художником-реалистом, больше всего ей было интересно то, что ее окружало: люди, природа, простые вещи, наполняющие ее быт. Есть художники, обладающие редким даром превращать повседневную жизнь в поэзию, выраженную средствами живописи и пластической формы. Таким художником была Вера Зенькович – превосходный рисовальщик, тонкий колорист, мастер остроумных выразительных композиций. Ее удивительные натюрморты, портреты (особенно женские), интересные пейзажи и интерьеры восхищают своим мастерским исполнением. Порой кажется удивительным, как может совмещаться филигранная тонкость и тщательность, свойственная ее книжной графике, с лихостью, свободой, неожиданными смелыми обобщениями в ее натурном рисовании.

Художник Татьяна Владимировна Шишмарева вспоминает: у Веры «и в работе, и в жизни доминировали быстрота и решительность. Руководил всем удивительно ясный разум <...> Интересно было смотреть, как она работает, думает, смотрит. Раз найдя решение, она шла прямо к цели. <...> Эскиз был точен, воплощение – дело профессионального умения, наработанного мастерства».¹ Ясность, свежесть, артистизм Веры Зенькович привлекали даже неискушенного зрителя.

Каждый значительный художник создает в жизни и творчестве свой мир, свою реальность, свой круг образов и людей. Мир Веры Владимировны Зень-

¹ *Шишмарева Т. В.* Из воспоминаний о былом (Вера Зенькович) // Творчество. 1988. № 3. С. 14.

кович был разнообразен и интересен. Она была человеком неравнодушным к происходящему вокруг, и прежде всего в искусстве.

Содружество художников, начавшееся еще во времена Детгиза, продолжалось долгие годы. Алексей Пахомов, Татьяна Шишмарева, Юрий Васнецов, Василий Власов и другие уже пожилые заслуженные мастера оставались по-прежнему ближайшими друзьями Веры Зенькович.

Было понимание, что художник не может существовать и развиваться вне среды. Им необходимы были встречи, общение, показ работ друг другу, даже строгая профессиональная критика. Художники, пережив сложные и трудные времена, не утратили способности веселиться, дурачиться и искренне радоваться удачам друг друга. В эти годы (1950–1970-е) Союз художников был для них родным домом: постоянные выставки, интересные обсуждения, драматические заседания составляли часть их творческой жизни.

Взаимный интерес и творческие связи существовали с московскими художниками. С довоенных времен Вера Зенькович хорошо знала и любила Виталия Горяева, Константина Рождественского и Татьяну Маврину – прославленных мастеров. Бывая в Ленинграде, они обязательно наведывались к ней в гости. Просторная мастерская на Каменноостровском проспекте, в доме 26/28 с видом на Петропавловскую крепость, была в некотором роде отражением личности самой художницы. Во всем читалась культура, благородство, хороший вкус. На стенах несколько первоклассных работ самой Веры Зенькович, в большом книжном шкафу – раритеты – прижизненные издания Н. Гоголя, Ф. Достоевского, И. Гончарова, много поэзии и, конечно, прекрасные книги по искусству. Вся жизнь Вера Зенькович была любителем хорошей литературы, много читала, окружающих удивляла своей замечательной памятью на стихи, знала их десятки. Она свободно владела английским и французским языками, в подлинниках читала современную зарубежную литературу. У приезжающих с гастролей музыкантов она доставала запрещенные в те времена книги М. Цветаевой, О. Мандельштама, В. Набокова, А. Солженицына и, прочитав, бесстрашно передавала их друзьям.

Очень много для Веры Зенькович значила музыка. Будучи меломаном, она часть жизни провела на концертах в Филармонии и Капелле.

Талантливый и своеобразный человек, Вера Владимировна притягивала к себе самых разных людей, которые быстро и надолго становились ее друзьями.

Она была остроумна и насмешлива и в то же время очень сердечна и доброжелательна. В ее доме собирались самые удивительные и интересные компании. В какой-нибудь вечер у нее за столом могли оказаться: литературовед с именем, известная актриса, ученый-физик из Ташкента и знаменитый футболист.

Вера Зенькович любила людей талантливых, увлеченных своей профессией, хороших рассказчиков и острословов. Таким был ее старинный и верный друг, драматург Евгений Шварц, чьи пьесы с огромным успехом шли в театре Н. Акимова, такими были ее близкие приятельницы – актрисы этого театра Елена Юнгер, Нина Зарубина и, особенно, Елизавета Уварова, о которой впоследствии режиссер П. Фоменко сказал: «Она была из самых умных, и ум ей не мешал». В мастерской Веры Владимировны любили бывать Борис Чирков, звезда советского кино, и режиссер Леонид Трауберг.

Долгие годы В. Зенькович дружила с талантливыми писателями М. Слонимским, В. Каверинным, Ю. Германом. Дом № 9 на канале Грибоедова был местом, где она бывала постоянно.

Особая страница в жизни Вера Зенькович связана с писателем Михаилом Михайловичем Зоценко, который был ей хорошо знаком еще в 1930-е гг., со времени ее работы в Гослитиздате. Они могли встречаться в редакции и у общих друзей-«серапионов», на канале Грибоедова.

Зоценко был на подъеме, в апогее своей славы.

Вера Зенькович прекрасно знала его книги и восхищалась ими, отчетливо понимая неповторимость и оригинальность этого таланта. Она не пропускала концертов В. Яхонтова и выступлений самого М. Зоценко с чтением своих рассказов. По воспоминаниям современников, читал он великолепно.

Зоценко был писателем особенным, не похожим на маститых, процветающих литераторов. Внешне изящный, сдержанный, даже замкнутый, он смотрел на мир вдумчиво, серьезно, с легкой иронией. После войны все в жизни М. Зоценко стало меняться катастрофическим образом. После известного постановления ему пришлось пережить публичное поношение, травлю, разгул критики, предательство знакомых, бедность, болезнь. В это время для М. Зоценко особенно дороги дружеское участие и общение с близкими ему по духу людьми, среди которых была и Вера Владимировна Зенькович. В ее мастерской, подавленный и измученный, он становился другим, физическая слабость и жизненные невзгоды уходили на второй план. М. Зоценко интересовался новыми книгами, расспрашивал о жизни общих знакомых, сетовал на свое душевное состояние, рассказывал о своих литературных делах. Вера Владимировна всегда была интересным и увлекательным собеседником. Умный и тактичный человек, она умела слушать и слышать. В разговорах они обнаруживали много общего между собой, схожие вкусы и пристрастия.

Оба очень любили поэзию, особенно Пушкина и допушкинского времени, любили обэриутов, и больше других – Н. Заболоцкого, его натурфилософские стихи. Все, что касалось науки и ученых, интересовало обоих. Они восхищались музыкой Д. Шостаковича, которого знали лично и почитали как гения.

М. Зоценко страстно любил Шопена, и Веру Владимировну увлекали романтики.

Сын художника, он был неравнодушен к искусству, любил старых мастеров, особенно голландцев, интересовался и современным искусством. Близкими друзьями М. Зоценко стали талантливые ленинградские художники, замечательные иллюстраторы Н. Радлов и М. Малаховский. Он понимал и ценил творчество Веры Зенькович, особенно ее книжные работы.

Начиная с 1953 г. они часто виделись. М. Зоценко, приезжая из Сестрорецка в Ленинград, обязательно заходил к ней в мастерскую. Ему хотелось отвлечься, узнать новости, поговорить о чем-нибудь интересном. Иногда он жаловался на меланхолию, упадок жизненных сил, на больное сердце. Вера Владимировна сочувствовала и поддерживала его и, зная о его проблемах с едой, старалась приготовить какое-нибудь вкусное угощение. И это при том, что в жизни Веры Зенькович были собственные печальные обстоятель-

ства, которые она держала глубоко в себе (долгие годы тяжело болел ее муж, художник Двораковский).

Вера Зенькович, человек большой души, оставалась верным другом Михаила Зошенко до конца его дней.

Б. Н. Сегаль

В 2013–2014 гг. художник-график Белла Ниссоновна Сегаль передала в фонды Рукописного отдела Пушкинского Дома письма М. М. Зошенко Вере Владимировне Зенькович, которые она спасла от уничтожения после смерти своей старшей подруги. Несомненно, этот небольшой по объему эпистолярный внесет новые биографические черты в летопись последнего периода жизни писателя. Особенность этой переписки состояла в том, что корреспондентами Михаил Михайлович и Вера Владимировна становились только на время отъезда из Ленинграда одного из них. В остальное время как близкие, любящие люди они часто встречались, у них сложился общий дружеский круг. Письма Зошенко добры, заботливы и в то же время эмоционально сдержанны. Они вошли в личный фонд писателя (РО ИРЛИ, ф. 501, оп. 3, № 419). Публикуются с воспроизведением авторской пунктуации и орфографии, необходимые привнесения в текст заключены в угловые скобки. От двенадцати писем остались конверты, надписи с которых приводятся.

Письма В. В. Зенькович М. М. Зошенко скорее всего не сохранились. Упоминания о трех из них находим в рукописи воспоминаний Веры Владимировны Зошенко «О болезни и литературной работе <М. М. Зошенко>» (Там же, оп. 2, № 93, л. 191, 193).²

Т. С. Царькова

² «...письмо совсем меня удивило и насмешило еще больше. Было оно тоже от женщины, причем она писала: – “Я очень сентиментально поцеловала твою подпись на письме” <...> Позднее я выяснила, что это действительно была она, моя тетка, Вера Владимировна З.» (л. 191). «2 письма, кот<орые> попали позднее в мои руки, говорили за то, что в его жизнь в это время вошла совсем другая женщина. Письма эти были ее ответом на его осеннее письмо, в котором он сообщал ей о своей простуде (в конце сентября 55 г.). И была эта женщина та самая Вера З., письмо от которой в Сочи я уже знала. Письма эти были тоже достаточно сентиментальны. Так, она, например, писала: – “Мишенька, я нам на счастье собираю «куриных богов». Это камни с дырками, кот<орые> могут носиться в качестве ожерелья. Говорят, счастье обеспечено”... Второе ее письмо заканчивалось так: – “Дорогой, очень хочу, чтоб ты был кругленький к моему приезду”... Впоследствии, во время болезни Михаила в 57–58 году, она часто звонила ему по телефону, и я сама предложила Михаилу попросить ее навестить его. Была она немолодая, неинтересная, сентиментальная женщина. Она, очевидно, серьезно любила Михаила, заботилась о нем, и, кажется, даже материально ему помогала. В последние годы она неоднократно навещала его. Держала она себя всегда тактично и вежливо, свои отношения к Михаилу не афишировала, так что о них со стороны я ничего не слышала, а потому против нее я никогда ничего не имела, на ее телефонные звонки отвечала всегда любезно, любезно же и встречала ее у себя. Были ли у него какие-то близкие, “интимные” отношения с ней – сказать не могу, очевидно, вначале, в феврале 54 года и было что-то. Но любви к ней, к этой пожилой, некрасивой, сентиментальной женщине, с его стороны, конечно, быть не могло. Но ему нужен был “друг”, нужна была забота, внимание, и как друга, конечно, он очень ценил ее (л. 193)».

1

<17 авг. 1953 г. Ленинград>¹

Дорогая Вера Владимировна!

Ваше милое письмо получил. Порадовался, что Вы довольны природой и возможностью поработать.

Извещаю Вас, что мой отдых все еще не налаживается. Приходится работать, чтобы выйти из бедности. Но дела в общем счете налаживаются и впереди светло. Если со здоровьем не приключится каких-либо неожиданностей.

Особых событий не было за эту неделю. Разве что одно – 14 августа была годовщина историч<еского> постановления.² Так можете себе представить – в этот день (впервые за 7 лет) не было ни слова в центр<альной> печати. Никакого напоминания даже. Как будто этого постановления и не было. Даже Литгазета не обмолвилась об этом.

Конечно, это большое событие. И для меня очень чувствительное. Стало быть<,> и в самом деле закончилась моя уголовная страница.

Это повеселило меня. И я, так сказать, почувствовал прилив творческих сил. Не очень, впрочем.

Все же работаю усиленно. И отдыхать буду между делом.

Когда Вас ожидать в Ленинграде? В начале сентября? Или позже?

Когда прояснится этот вопрос, Вы мне сообщите. Возможно, что я пробуду в Сестрорецке неделю (безвыездно).

Письмецо мое несомненно холодноватое и Вас, видимо, не удовлетворит, но чувства к Вам у меня самые добрые.

Приветствую Вас и пожелаю полнейшего душевного спокойствия.

Ваш Михаил

17 / VIII 53

¹ Адрес на конверте: Лужский район, Городецкий сельсовет, деревня Пустой Брод. Евдокии Григорьевне Федотовой (передать Вере Владимировне Зенькович). Адреса отправителя нет. Позднейшая приписка на письме: «22 июля 1958 г. умер Мих. Мих. Зошенко».

² Речь идет о постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и «Ленинград»» (август 1946 г.).

2

<7 февр. 1954 г. Москва>

Верочка, простите, что я так долго ничего не сообщал Вам о себе.

Я приехал в Москву совсем больной, с ужасными нервами и очень растерзанный всякими домашними делами. И только сейчас, спустя неделю, я несколько пришел в приличное состояние.

Много лежал, старался ни о чем не думать. И к великому моему счастью<,> мне пошла на пользу эта бездумная неделя. Я стал неплохо спать и ем с аппетитом, не чувствуя той прежней ужасной тошноты, которая так мучила меня.

Вероятно, было бы совсем хорошо, если бы я находился в санатории. Но тут, в Москве, дела все же теребили меня. Ничего исключительного тут

не произошло<,> и никаких особо высоких заработков не получил, но в общем счете дела мои сложились неплохо, и это тоже принесло некоторое успокоение.

И, вообще говоря, можно было бы и не ездить в Москву, а сидеть дома.

Перемена все же принесла мне пользу. Числа до 17–18 я пробуду в гостинице «Москва» (№ 844), а затем дней на 10 я уеду к сестре на дачу. И к концу февраля вернусь в наш благословенный город.

Еще раз прошу у Вас извинения, что не писал Вам до сих пор – это было, так сказать, вынужденное молчание, нужное мне в лечебных целях.

Будьте здоровы, Верочка. И не браните меня. Целую Вас.

Ваш Мих. Зощенко

7 февр. 54

3

<17 февр. 1954 г. Москва>

Верочка, ничего особенного не произошло в моей жизни за эти три недели. Даже можно было бы не ездить в Москву. Но некоторое оздоровление все же произошло. И то хорошо.

Многих старых друзей повидал, утомился. И теперь с охотой вернусь домой.

Завтра-послезавтра поеду на дачу к сестре. И через неделю (24–26) буду в Ленинграде.

Ваше холодное письмецо прочел не без грусти. Казалось, что в ваших строчках услышу теплоту. Но, увы, этого не оказалось. До скорого свидания в Ленинграде.

Ваш Мих. Зощенко

17 / II 54

4

<22 мая 1954, Сестрорецк>

Верочка, вот уже 10 дней, как я в Сестрорецке. На один день я, правда, приезжал в Ленинград (по делам). Звонил вам (в 7 ч.), но не застал.

Отдыхаю не слишком хорошо. Были некоторые срочные дела. Но все же впервые за много лет – отдых.

Первые дни были убийственные – нервы совсем сдали, и даже я хотел бросить Сестрорецк. Но не проявил этой душевной слабости – понял, что ухудшение временное – реакция.

Выдержу характер и месяц проведу на даче. Были холода, но я их не заметил – слишком неважно было мое состояние.

Да и сейчас еще в голове хаос. Этим объясняется мое путаное письмецо. В общем, буду отдыхать числа до 10 июня.

Напишу Вам через недельку.

А если Вы захотите написать, то напишите по моему ленингр<адскому> адресу. Мне передадут письмо.

Надеюсь, что у Вас все хорошо?
Будьте здоровы. Целую Вас.

Мих. Зощенко

22/V 54

5

<5 июня 1954 г. Ленинград>¹

Верочка!

Я был в Ленинграде один день. Позвонил Вам в субботу утром – Вас не было. На дворе солнце – и Вы, конечно, не усидели дома.

Еду и я в Сестрорецк, но через три дня вернусь.

Буду Вам звонить в среду 9^{то} в 7 вечера.

Надеюсь, что увидаю Вас в этот день.

Настроение у меня не из важных, но здоровье не плохое. Целую Вас.

Ваш М. Зощенко

5/VI

¹ Письмо датируется по почтовому штемпелю. Адрес на конверте: Ленинград, Кировский проспект, д. 26/28, кв. 44 Вере Владимировне Зенькович.

6

<4 июля 1954 г., Ленинград>

Верочка, докладываю Вам, что дела мои, в общем счете, удовлетворительные – в газетах тихо, криков и брани нет и никаких дисциплинарных взысканий не последовало.¹ И даже вообще сейчас взят иной тон ко всей литературе – более мягкий и товарищеский. Так что мое дело, видимо, смягчило многие жестокие сердца.

Не знаю, что будет дальше, но пока это так. И я по этой причине, не скажу – доволен, но не огорчаюсь более о том, что случилось.

Но история вся мне обошлась дорого – чувствую себя физически хуже, чем весной. За отдых все еще не взялся. Пружина, которая была мной так крепко закручена <,> – только сейчас раскрутилась. И я если и не в жалком состоянии, то во всяком случае в том состоянии, которое бывает после тяжких болезней, вроде сыпного тифа.

Надеюсь, что эти дни отлежусь в Сестрорецке. Пока дела (и моя взвинченность) задержали меня в городе. Но с 5 по 16 я проведу на даче.

Не знаю еще <,> отразится ли мой скандал на моих журнальных делах. Возможно, что нет, так как имеются хорошие признаки. Например, на эстраде была заминка с моими вещами. Было запретили их исполнять, но дня через три снова разрешили.² Это и дает надежду, что и в журналах дело обойдется. Но, конечно, не исключена возможность перестраховок и карантина.

Я же привык к таким делам и горя от этого испытывать не стану.

Как-то Вы проводите свой отдых? Не совсем представляю себе Вас в полной бездеятельности. Уж наверно тогда не выходите из меланхолии, к чему Вы, увы, подвержены более <,> чем я.

Очень хотел бы Вас повидать. И мне приятно думать, что мы снова, как и прежде, будем встречаться, и я буду Вам жаловаться на свои горести. А у Вас будет скорбное и строгое лицо – в ответ на мое бормотанье о моих незадачах.

Прощайте, Верочка! Я приеду в Ленинград в субботу 17. А утром в воскресенье 18ого буду Вам звонить (с 11–12 дня). Но ежели почему-либо Вас не будет 18ого, то в следующее воскресенье (25ого). В субботу и по воскресеньям мне неприятно бывать на даче – много народу, суета. И поэтому я буду в эти дни бывать в городе.

Крепко Вас целую и от души желаю спокойного отдыха.

Ваш Михаил

4 июля

¹ Письмо написано в период жесточайшей травли писателя в печати, на радио и в писательской среде (июнь – начало сентября) после его встречи 5 мая с английскими студентами, на которой, отвечая на заданный вопрос, Зошенко высказал свое несогласие с обвинениями по своему адресу в постановлении ЦК ВКП(б) 1946 г.

² О сценических историях театральных миниатюр Зошенко того времени см. воспоминания Марии Мироновой и Аркадия Райкина в кн.: Воспоминания о Михаиле Зошенко. СПб., 1995. С. 332–337, 530–535.

7

<21 сент. 1954 г. Сестрорецк¹>

Верочка!

Я несколько задержался в Сестрорецке. Отлеживаюсь там. Однако здоровье мое не возвращается пудами. Впрочем <,> с едой много лучше. И по этой уже причине надежды мои на лучшие дни увеличиваются.

Приеду в воскресенье 26. Если позже 7, то буду звонить Вам в понедельник 27, утром.

Издали чувствую, что Вам что-то не по себе и настроение у Вас нехорошее. Очень грустно, ежели это так.

Ваш Мих

21 сент.

¹ Датируется по надписи на передаточном конверте.

8

<8 дек. 1954 г. Сочи>¹

Верочка, пишу тебе кратко, ибо (как ни странно) болен, лежу.

Здесь <,> в Сочи <,> чудесно – тепло, солнце, зелень. Все без пальто.

Санаторий отличный.² Комната у меня более чем роскошная. С балконом в мавританском стиле. Забота усиленная. Но здоровье мое оказалось в плачевном состоянии. Плохое сердце, перебои, истощение ужасное. И что самое странное <-> врачи нашли у меня плохие легкие. Вот уж этим я никогда не болел! Вероятно <,> это результат моего плохого питания. Во всяком случае к вечеру у меня 37,3. Это грустно. Не хватает мне еще чахотки! Ну да я думаю <,> до этого не дойдет. Тут ем хорошо – отворачивания к еде нет. И я рассчитываю несколько пополнить мой жалкий вес.

Но вот сумею ли досидеть тут до конца месяца – это трудно. Работать не могу, а без работы тоскливо. Возможно, что уеду несколько раньше.

Извини <,> что пишу карандашом и не так разборчиво – лежу.

Кажется <,> зря я поехал на юг. В моем чертовском состоянии нельзя было резко менять режим. Знал это. Я на путевку польстился. И <,> кажется <,> на этом пострадал. Хочу прибавить хотя бы 2 кило. И тогда с этим уеду.

Целую тебя <,> Веруша.

Михаил

Уныния большого нет, что болен.

Поправлюсь.

8 дек 54 г.³

¹ Адрес на конверте: Ленинград, Кировский проспект, д. 26/28, кв. 44 Вере Владимировне Зенькович.

² В декабре 1954 г. Зошенко получил бесплатную путевку в Сочи для лечения в санатории им. С. Орджоникидзе.

³ Приписка также карандашом на л. 22 об.: «Письмецо твое от 1 получил – оно шло 5 дней. Спасибо».

9

<13 дек. 1954 г. Сочи.>¹

Верочка, мне несколько лучше. Температура прекратилась <,> и чувствую себя много бодрей.

Врачи говорят, что первую неделю угрозы надо мной были большие – уж слишком сильное оказалось истощение – малейшая инфекция могла повлечь самые бурные заболевания. Но, как говорится, бог милвал. Сейчас уже произошел некоторый перелом – лучше ем, и гуляю, и даже выпиваю 2 рюмки вина.

Заботу здесь проявляют удивительную. С утра до вечера расспрашивают – что бы мне хотелось съесть. И что бы ни сказал – приносят!

На счастье мое – дивная погода, все время солнце, совсем тепло. И все (даже я) ходят без пальто.

Но все же здесь мне скучно и тоскливо. Подсчитываю дни – сколько осталось до отъезда.

Ежели буду в очень хорошем состоянии, то на неделю заеду в Москву. Однако скорей всего вернусь прямым поездом в Ленинград. Это будет <,> вероятно <,> 3 января.

В общем осталось мне тут еще много – ½ месяца.

С каждым днем все более удивляюсь – как много зависит от еды – на что я никогда не обращал внимания.

Но теперь урок мне. Очень радуюсь<,> что не заболел чахоткой. А уж было 2–3 дня, когда я вдруг уверился в этом.

Будь здорова<,> Верочка. Целую тебя крепко. Не брани своего бравого солдата<,>

Михаил

13 дек.

¹ Датируется по почтовому штемпелю. Адрес на конверте: Ленинград, Кировский проспект, д. 26/28, кв. 44 Вере Владимировне Зенькович.

<19–20 дек. 1954 г. Сочи.>¹

Верочка! Вот уже третью неделю я в Сочи. Все как будто бы хорошо. Никаких сколько-нибудь серьезных болезней у меня не оказалось. После многих исследований (на что я пошел под натиском врачей) выяснилось, что все у меня в норме. И только один минус – физическое истощение. Но бороться с этим оказалось не так-то просто. До сих пор ел без охоты, с трудом. И чем больше натиск врачей, тем хуже. Так что сейчас врачи оставили меня в покое.

Ем я тут все же несколько лучше<,> чем дома. Так что есть некоторая надежда, что улучшение придет. Но вместе с тем ясно, что за один месяц мне не вернуть то, что разрушалось десятилетием.

Ну, черт с ним. Ежели прибавлю хотя бы ½ кило, то сочту хорошим результатом.

В Сочи и сейчас очень хорошо. Много солнца, совсем тепло. Но я хожу мало-ваго. Все больше лежу на балконе и поглядываю на тихое, безмятежное море.

На душе довольно тупо. Почти все время один. Интересов мало – поскольку тут люди целый день заняты едой. С удовольствием вычеркиваю дни из календаря, подсчитывая<,> сколько мне тут осталось томиться. В общем уеду с охотой.

Еще не решил<,> заеду ли в Москву. Но если и заеду, то на несколько дней.

Во всяком случае в первых числах января явлюсь перед Вашими светлыми очами.

Трудно, трудно снова стать молодым и веселым. Но это, я думаю, придет, когда начну работать.

Целую тебя, солнышко

Михаил

19 дек

Не исключена возможность, что я приеду несколько раньше, чем положено по сроку. Все же я тут томлюсь<,> и такое кислое состояние вряд ли мне идет на пользу.

Постараюсь, конечно, выдержать срок, но не уверен.

В общем, сюда более не пиши – что-то мне думается, что я уеду через недельку.

20/XII

Мих

За съездом не слежу² и газет почти не читаю. Надеюсь, что ты информируешь меня по всем пунктам, как выяснишь у наших друзей – Германа и Шварца.

М.

¹ Датируется по почтовому штемпелю. Адрес на конверте: Ленинград, Кировский проспект, д. 26/28, кв. 44 Вере Владимировне Зенькович

² Второй Всероссийский съезд советских писателей открылся 15 дек. 1954 г.

11

<24 дек. 1954 г. Сочи>¹

Верочка, на днях как будто бы еду. Видимо, сначала в Москву, так как прямой поезд (Сочи–Ленинград) будет ходить всего лишь раз в неделю. Это жаль. Сейчас мне в Москву не хочется. Все же здоровье не совсем то в порядке.

Вес прибавил, но всего на 1 кило и то без 100 грамм. Все же этим доволен, лицо стало немного круглей и посвежело. Так что косметический ремонт санаторией все же произвел.

Уезжаю из Сочи с охотой. Здесь мне все осточертело. И даже теплая погода более не привлекает.

Привет тебе, душенька моя Верочка.

Поздравляю с наступающим новым годом, от которого (для себя) я не жду ничего утешительного, так как выяснилось, что борьба за мое здоровье должна быть более упорной и длительной, нежели я ожидал.

24/ХП

Твой Михаил

¹ Датируется по почтовому штемпелю. Адрес на конверте: Ленинград, Кировский проспект, д. 26/28, кв. 44 Вере Владимировне Зенькович

12

<29 июля 1955 или 1956.¹ Сестрорецк>

Верочка! Письмецо Ваше получил – спасибо<,> душенька. Пишу Вам несколько строк привета – так как к письменным занятиям имею сейчас некоторое отвращение.

Здоровье мое несколько лучше. Ем и сплю прилично. Дела мои тоже в общем хороши. Вокруг меня тихо – брани нет больше, наказаний не последовало, так что сложилось все хорошо и огорчения позади.

Почти все эти дни в Сестрорецке. Приеду в Ленинград 2ого на день–два. А потом 11го, как условились.

Не вздумайте подарки дарить. День рождения в моем преклонном возрасте – это огорчение, а не радость. И этот день надо оплакивать, не отмечая событие суетой.²

Позвоню Вам 11ого в 7. А то (если с поезда) и без звонка приду в 9.

Целую Вас, солнышко!

Мих

29/VII

¹ На передаточном конверте обозначено: 1955 или 1956?

² День рождения М. М. Зошенко – 28 июля (9 авг.).

13

<28 сент. 1955 г. Ленинград>¹

Верочка, твое (первое) письмецо пришло только на 7ой день. Так что регулярная переписка (с вопросами и ответами), видимо<,> исключается. Будем писать просто так – без ожидания ответа.

Очень порадовался, что ты нашла хорошую комнату. Но не пишешь – близко ли от моря? И видно ли оно из окна? (Вот уже первые вопросы!)

Однако по сводкам на Кавказе пасмурно. Как же ты без солнца? Надеюсь, что тучи ненадолго.

У нас в Ленинграде просто холодно и дожди. И я из простуды так и не вышел. Еще перед твоим отъездом прихворнул, а спустя несколько дней был самый вульгарный грипп, который меня порядочно измотал. Уж и так<->то я был неказист и худой, а тут и вовсе превратился в тень. Сейчас все не поправляюсь. И теперь мне задача – подправить свое худое тело. А то и работать будет трудно. С работой же (как нарочно) все лучше и лучше обстоят дела. Даже непошедшие рассказы пойдут, но в сокращенном виде. И в другом журнале. В общем надо обдумать это дело. И не торопиться.

В общем же самочувствие, как и прежде, неудовлетворительное. И сам не знаю, что нужно сделать<,> чтоб улучшилось на душе.

Вот займусь лечением. И к твоему приезду буду совсем в отличном виде.

Целую тебя<,> Веруша.

Отдыхай получше.

Зима придет, вероятно, суровая

Твой Михаил

28/сент. 55.

Поздравляю с днем 30ого сентября!²

¹ Адрес на конверте: Пицунда (Кавказ), Гагринский район. До востребования Зенькович Вере Владимировне

² Поздравление с именинами.

14

<5 окт. 1955 г. Ленинград>¹

Верочка, на первое твое письмоцо я ответил тебе 29 сент<ября>. Надеюсь, что ты получила мое послание.

Сегодня (5ого) получил твое второе письмо. Очень порадовался, что ты всем довольна – и морем, и погодой, и комнатой. И даже едой и своими набросками.

Особенно хорошо то, что тебя кормят и тебе не приходится торчать у плиты. А то, небось, ты не ощутила бы перемены, уехав на Кавказ. Здоровье мое лучше – простуда закончилась. И я снова тихонько работаю – над переводом. А в большое литературное плавание пока не отправляюсь – нет охоты. А уже возможности имеются.

Но ем все же, как и прежде, плохо и мало. А поэтому такой же худой и заморенный.

Тебя не позабыл и нередко вспоминаю. Надеюсь, что в конце месяца приедешь.

Крепко тебя целую и желаю<,> чтоб солнце подольше светило для тебя.

Твой Михаил

5 ок 55

¹ Адрес на конверте: Гагринский район (Кавказ), п/о Пицунда. До востребования Зенькович Вере Владимировне

<12 июля 1956. Ленинград>¹

Верочка, сегодня приехал в город и нашел твое письмо. Оно шло 5 дней (учти).

Порадовался, что ты довольна и помещением и хозяйкой. А натура для работы найдется!

Дела мои складываются хорошо. Госиздат заключил со мной договор на книгу. Так что в этом смысле все благополучно. Но здоровье все еще слабовато. Скриплю и сплю не особенно. Затерял твой рецепт на валериану. И теперь надо идти в клинику за этим делом. Твой заказ (бирюза) – не простое дело! Не так-то легко отыскать, что тебя привлекает. Но еще попробую.

Завтра снова еду в Сестрорецк, где и пробуду недельку. Однако приходится все же работать, а не отдыхать. Но, может, это и к лучшему. А то, пожалуй, захандрю.

Вот, кажется, все, что у меня. В общем, хорошо или, точнее, – удовлетворительно.

А погода в Ленинграде несколько ухудшилась. Стало прохладно и меньше солнца.

Но от этого я не чувствую огорчения, хотя вокруг люди жалуются.

Дорогая Верушенька, отдыхай получше. Впрочем, ты это, кажется, умеешь делать и без посторонних советов.

Целую тебя крепко. И ожидаю в августе.

Еще буду писать.

Твой Михаил

12/VII 56

¹ Адрес на конверте: Переславль-Залесский (Ярославской области), Левая набережная, 93 Лидии Петровне Шемановой для В. В. Зенькович

<1 сент. 1956 г. Ленинград>¹

Верочка, очень тебе позавидовал, что ты на море и там у вас солнце. В твоём письме очень уж чувствуется твое удовольствие от всех этих благ.

А у нас тут в Питере – так же плохо и мрачно, как все эти месяцы – холодно, дожди и ветер.

Кажется<,> я в ноябре уеду в Ялту, а то нет больше сил терпеть эту сырость.

Работу мою (по книгам) закончил. За перевод же не брался и, кажется, сумею отказаться.

Но отдыхать я не очень<->то мастер. Так что вряд ли мой отказ пойдет мне на пользу. Уже некоторая меланхолия преследует меня. Надо и в самом деле куда-нибудь поехать (как раньше говорили: «для разбития <так!> мыслей»).

В общем же все у меня складывается хорошо. За исключением еды и аппетита. Ну, как-нибудь!

Сердечный привет тебе и пожелание самого безоблачного отдыха.

Твой Михаил

1 сент. 56 г.

Сегодня у нас солнце, но
холодно – всего 10 градусов.

¹ Адрес на конверте: Абхазия, Гагринский район, Пицунда, Рыбколхоз. Сергею Сергеевичу Румянцеву для В. В. Зенькевич <так!>.

17

<19 июня 1957 г. Ленинград.>¹

Веруша! У меня все, как и прежде – без особых перемен.

У нас в Ленинграде после трехдневной жары (которую ты, кажется, застала в день отъезда) – снова было холодно и неприглядно. Сегодня как будто лучше, теплей, но солнца нет.

Так что ты, видимо, сильно выиграла, что отбыла с берегов Невы.

В Крыму, как слышу по радио, – 25°. А тут едва 15.

В Сестрорецке я мирно прожил неделю. Но несколько захандрил от однообразия и снова вернулся в Питер.

Впрочем<,> дней через пять вернусь в Сестрорецк, который мне жутко осточертел. Ведь каждый год (в течение 30 лет) я там!

А на юг остерегаюсь ехать. Побаиваюсь солнца, которое (как тебе известно) даже в декабре (в Сочи) доконало меня.

Печальная картина – неожиданно подошедшей старости!

Ем по-прежнему нехорошо, мало. Ожидаю, что ты приедешь и придумаешь мне какое-нибудь угощение.

Из ягод здесь у нас – черника (очень плохая), земляника – чуть не 40 рублей.

Обещают – бананы и апельсины к празднику.

Будь здорова, Верочка.

Надеюсь, что у тебя все хорошо и ты довольна путешествием.

Твой Михаил

19/VI 57

¹ Адрес на конверте: Крым (Феодос. район), Коктебель. Почтовое отд. До востребования Вере Владимировне Зенькович.

18

<25 июня 1957 г. Сестрорецк>¹

Верочка!

У меня все по-старому – без перемен, однообразно и скучновато.

Сiju в Сестрорецке, а иной раз для «разбития мыслей» приезжаю в город.

Погода не радует – мало солнца и холодновато – больше 18° не бывает.

Испытываю черную зависть, что ты на море и ходишь в Лягушачью бухту.

Напрасно я себя запугал югом. Надо было бы и мне побывать там. А то уж в Питере больно неприглядно.

Книга моя все еще не вышла. Да и вряд ли случится это событие. Однако деньги обещали заплатить (за один тираж), так как книга подписана к печати, стало быть<,> закон на моей стороне. Ну, черт с ними!¹

В общем, все не так уж плохо.

Когда соизволите приехать? Числа 15? Напиши об этом, чтоб я был к этому времени в городе.

25/VI 57

Твой Михаил³

¹ Адрес на конверте: Крым. Коктебель. Почтамт. До востребования. Вере Владимировне Зенькович

² Вероятно, речь идет о книге «Рассказы и фельетоны», которая вышла в свет в июне 1958 г. (М.: Художественная литература, 1958, тираж 30 000 экз.).

³ Надпись на л. 52 об.: «Мих. Мих. Зощенко умер в Ленинграде 22 июля 1958 года».

Библиографический список

1. Вера Владимировна Зенькович: Каталог выставки / вступ. ст. Б. Д. Суриса. Л.: Художник РСФСР, 1976.
2. Воспоминания о Михаиле Зощенко. СПб.: Художественная литература, 1995.
3. *Жолковский А. К.* Михаил Зощенко: Поэтика недоверия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.
4. Лицо и маска Михаила Зощенко: сб. / сост. Ю. В. Томашевский. М.: Олимп – ППП (Проза. Поэзия. Публицистика), 1994.
5. Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. СПб., 1997–2002. Кн. 1–3.
6. *Шницарева Т. В.* Из воспоминаний о былом. (Вера Зенькович) // Творчество. 1988. № 3. С. 13–15.

**К 50-ЛЕТИЮ КНИГИ В. МАРКОВА
«RUSSIAN FUTURISM: A HISTORY».
ПЕРЕПИСКА Д. Д. БУРЛЮКА И В. Ф. МАРКОВА**

*(Вступительная статья А. В. Крусанова, подготовка текста
и комментарии А. В. Крусанова, Е. Р. Обатниной и Н. Г. Фиртича)*

Аннотация: Вступительная статья впервые освещает историю создания и научной рецепции на Западе и в СССР трудов В. Ф. Маркова, посвященных истории русского футуризма. Научная биография известного филолога подкреплена редкими архивными материалами его переписки как с исследователями, так и с представителями русского авангарда начала XX в. Публикация содержит двустороннюю переписку Маркова с «отцом российского футуризма», собранную по трем архивам, и сопровождается обширным научным аппаратом. Переписка двух известных в своих областях деятельности корреспондентов с подлинностью исторического документа освещает пути русской филологической школы изучения русского авангарда, основанной В. Ф. Марковым, и роль Д. Д. Бурлюка как одного из героев этой, революционной по существу, эпохи.

Ключевые слова: история русского футуризма, история филологической науки, научная рецепция, эпистолярное наследие, научная биография.

Abstract: The introduction covers the history of creation and reception in western countries scientific community of V. Markov's works devoted to the history of Russian futurism. The scientific biography of the famous philologist is exemplified by rare archival materials of his correspondence with researchers and representatives of the Russian avant-garde of the early XX century. Also the publication contains the correspondence between V. Markov and D. Burljuk, «the father of Russian futurism», collected from the three different archives, and is accompanied by an extensive scientific apparatus. Correspondence between these two well-known in their fields of activities persons with the authenticity of the historical document highlights the research areas of the Russian avant-garde movement founded by V. Markov in Russian school of Philology, and the role of D. Burljuk as one of the outstanding persons of this revolutionary era.

Key words: the history of Russian Futurism, the history of philology, scientific reception, scientific concept, epistolary heritage, scientific biography.

Литературовед Владимир Федорович Марков (1920–2013) родился в Ленинграде, где он провел детство и юность. Его родители были репрессированы в 1937 г. Отец – директор Гидрологического института – расстрелян, а мать провела долгие годы в лагерях. Тем не менее Марков поступил в Ленинградский государственный университет и учился на факультете германских языков и литературы.¹ Студенческие годы были прерваны началом войны.

¹ См. воспоминания о студенческих годах: *Марков В. Et ego in Arcadia* // Новый журнал. 1955. № 42. С. 164–187.

Марков записался добровольцем в ополчение, был тяжело ранен и попал в плен, в котором пробыл вплоть до 1945 г. После освобождения из лагеря военнопленных Марков оказался в Регенсбурге, в лагере для перемещенных лиц – зоне оккупации Германии, подконтрольной Великобритании и США. В этом лагере произошло три важных события его биографии: он издал свой первый сборник «Стихи» (1947) и женился на Лидии Яковлевой – бывшей актрисе Александринского театра, с которой в 1949 г. переехал на постоянное место жительства в Калифорнию.² Начальные годы адаптации в новой стране были связаны с неквалифицированным и случайным трудом на лимонных плантациях. Однако Марков уже уверенно чувствовал себя в эмигрантской литературной среде – его стихи, статьи и очерки публиковались в «Новом журнале» и «Гранях».

В 1950 г. судьба Маркова резко изменилась. По рекомендации Г. П. Струве он поступил на должность преподавателя русского языка в Военную школу иностранных языков (Army Language School) в Монтерее, где проработал по 1957 г. Эти годы прошли в плодотворных трудах: была выпущена в свет поэтическая антология «Приглушенные голоса» (Нью-Йорк, 1952), опубликованы статьи «О Хлебникове» (1954), «Мысли о русском футуризме» (1954), «Легенда о Есенине» (1955), «Моцарт» (1955) и другие, издана вторая книга стихов «Гурилевские романсы» (1953). Поворотным этапом научной карьеры Маркова стала его докторская диссертация о поэмах Хлебникова,³ которую он защитил в 37-летнем возрасте. Р. О. Якобсон, одним из первых предпринявший лингвистический анализ творчества Хлебникова⁴ еще при жизни поэта, поддержал исследовательские начинания Маркова. Благодаря его протекции молодой ученый получил должность профессора Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе. С этого времени он начал систематически работать над историей русского литературного авангарда.

Между тем научный подход Маркова к исследованию поэзии русского футуризма был, с одной стороны, ограничен имевшимся в его распоряжении весьма скромным материалом (ему были доступны только вышедшие издания, часто в виде микрофильмов), а с другой стороны, подкреплялся поэтической интуицией, помогавшей ему как поэту чувствовать футуристическую поэзию изнутри. Собственные научные достижения Марков не был склонен преувеличивать: «Я – шпион в стране филологов, вернее – двурушник, притворяюсь ученым, а на самом деле неудавшийся поэт»;⁵ «Я от поэзии ушел и к науке не пришел, но меня в трудную минуту жизни принял и поддержал

² Детали биографии Маркова уточнены в статье О. А. Коростелева «Архив В. Ф. Маркова как источник сведений о научной и литературной жизни русской эмиграции в США в 1940–1980-х гг.» (Архив ученого-филолога: Личность. Биография. Научный опыт: сб. науч. статей и публ. / отв. ред. и сост. Е. Р. Обатнина. СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2018. С. 58–62).

³ *Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov.* Berkeley ; Los Angeles, 1962 (University of California publications in modern philology. Vol. 62).

⁴ См. его работу 1919 г., опубликованную в эмиграции: *Якобсон Р.* Новейшая русская поэзия. набросок первый: Виктор Хлебников. Прага, 1921.

⁵ «Почти готов признать Вашу правоту...». Письма В. Ф. Маркова – И. В. Чиннову // Новый журнал. 2015. Кн. 279. С. 281.

американский университет, и я хочу быть ему благодарным и стараться не профанировать его». ⁶ Эти слова Маркова прежде всего свидетельствовали о его природной скромности. Работы Маркова за годы профессорства (очень продуктивного периода его деятельности) оставили заметный след в русском литературоведении второй половины XX в.

Его диссертация, изданная в 1962 г., стала первым научным исследованием поэтического наследия Хлебникова, которая легла в основание широкомаштабного изучения творчества поэта, в частности, и заявила о начале новой эры научного осмысления феномена русского авангарда в целом. Литературоведческое сообщество Запада встретило эту книгу очень доброжелательно, если не сказать восторженно. Приведем выдержки из ряда рецензий, появившихся в западных славистских журналах. В частности, проф. Браун в своей рецензии отметил: «Книга является впечатляющим достижением, для создания которого потребовалось уникальное сочетание талантов – научного, литературного и лингвистического». ⁷

Советское хлебниковедение, в те годы насчитывавшее в своих рядах только Н. И. Харджиева и Н. Л. Степанова, полностью проигнорировало книгу Маркова. Так, Н. Л. Степанов в своей книге «Велимир Хлебников. Жизнь и творчество» (1975) неоднократно цитировал сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса и В. Ленина, опирался даже на литературного функционера зам. директора ИМЛИ В. Р. Щербину, как-то писавшего про «враждебные русскому языку хлебниковские словесные выкрутасы», ⁸ но о капитальном исследовании В. Ф. Маркова не упомянул ни разу.

Н. И. Харджиев, неприязненно относившийся ко всем, кто занимался хлебниковской тематикой помимо него, отреагировал на книгу Маркова весьма специфически. Поскольку В. Ф. Марков пользовался текстами поэм Хлебникова, опубликованными в пятитомном собрании произведений (1928–1933), в котором содержались типографские искажения, то одно из таких искажений («хчея» вместо «ячея») перекочевало в исследование Маркова и было истолковано им, как архаизм или диалектизм. Харджиев в своем единственном упоминании о книге Маркова сконцентрировал внимание только на этой опечатке, ⁹ совершенно проигнорировав весь остальной текст, составлявший 273 страницы.

⁶ Там же. С. 283–284.

⁷ *Brown E. J.* <Рец. на кн.:> Vladimir Markov. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov // *Slavic Review*. 1963. Vol. 22. No 2. P. 369–370. См. также: *Muchnic H.* <Рец. на кн.:> Vladimir Markov. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov // *The Russian Review*. 1963. Vol. 22. No 2. P. 205–206; *Erlich V.* <Рец. на кн.:> Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov // *The Slavonic and East European Review*. 1965. Vol. 43. No 101. P. 438–441; *Ивак Ю.* <Рец. на кн.:> Vladimir Markov. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov // *Новый журнал*. 1965. Кн. 81. С. 294–298; «Если чудо вообще возможно за границей...». Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / вступ. статья и коммент. О. А. Коростелева. М., 2009. С. 615–617.

⁸ *Щербина В.* За правдивое освещение творчества Маяковского // *Правда*. 1951. 25 марта. № 84. С. 2–3.

⁹ *Харджиев Н. И.* Маяковский и Хлебников // *To Honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his Seventeenth Birthday*. The Hague ; Paris, 1967. P. 2301–2327.

Подобная тенденциозность обоих советских хлебниковедов была обусловлена, конечно, еще и тем, что Марков анализировал творчество Хлебникова в контексте футуризма, тогда как советским литературоведам можно было писать о Хлебникове только вне футуризма. Именно так были сделаны Н. Л. Степановым пятитомное «Собрание произведений Велимира Хлебникова» и его книга «Велимир Хлебников. Жизнь и творчество». Свобода, с которой мог писать Марков, не оглядываясь на идеологическую цензуру, была недоступна советским литературоведам. И это обстоятельство заставляло их либо молчать, не имея возможности похвалить работу эмигранта, либо завидовать и выискивать недостатки, чтобы обругать и принизить ее значимость.

Пока печаталась книга о поэмах Хлебникова, В. Ф. Марков занимался другими издательскими проектами. Он составил антологию переводов современной русской поэзии («Modern Russian Poetry»), изданную в 1966 г., и сборник «Манифесты и программы русских футуристов», увидевший свет в 1967 г. Последняя книга была своего рода побочным продуктом более крупной работы, которой Марков посвятил много сил и времени, это была работа по созданию истории русского литературного футуризма.

Еще в конце 1920-х–начале 1930-х гг. воспоминания о футуристической юности были написаны Д. Бурлюком, В. Каменским, Б. Лившицем, А. Кручных и М. Матюшиным, однако опубликованы были только мемуары В. Каменского и Б. Лившица. Вслед за ними в начале 1930-х гг. написать историю русского футуризма предполагали молодые литературоведы Н. Харджиев, В. Тренин и Т. Гриц. Однако тотальное господство марксистского литературоведения в СССР, в трактовке которого футуризм был мелкобуржуазным, антинародным и антиреалистическим течением в литературе и искусстве, серьезно осложнило эту задачу. Писать о футуризме можно было только в негативном ракурсе, поэтому любой непредвзятый взгляд на творчество его представителей трактовался как буржуазный объективизм и рассматривался как угроза монопольному господству «социалистического реализма». Даже Маяковский не был исключением, и все усилия официального советского литературоведения были направлены на то, чтобы доказать, что его творчество к футуризму никого отношения не имело. В этой ситуации Харджиев, Тренин и Гриц отказались от своего плана. Не была реализована также более скромная попытка А. Г. Островского, составившего сборник материалов о футуризме (манифесты, статьи, воспоминания). Таким образом, в СССР по идеологическим причинам создание книги по истории футуризма было надежно пресечено в зародыше.

По-иному складывалась ситуация на Западе. Здесь не было идеологических преград для подобной работы, но существовали проблемы иного рода. Во-первых, в эмигрантских литературных кругах практически отсутствовали сторонники футуризма и, во-вторых, отсутствовали материалы по истории русского футуризма, поскольку почти все архивы остались в СССР, и добраться до них западным исследователям, а тем более русским эмигрантам, было совсем не просто. Так что Маркову, проживавшему в Калифорнии, стоило большого труда даже простое ознакомление с изданиями русских футуристов,

а о доступе к архивным материалам он мог только мечтать. Тем не менее у него была возможность пообщаться с жившими на Западе некоторыми участниками футуристического движения и получить от них необходимую информацию. И он не преминул этим воспользоваться. Он завязал переписку с Д. Д. Бурлюком, И. М. Зданевичем, а также с людьми, так или иначе примыкавшими к футуризму. Участники футуристического движения, оставшиеся в СССР (А. Крученых, С. Бобров, Н. Асеев, Г. Петников), не отвечали на его письма. Видимо, боялись вступать в контакт с незнакомым эмигрантом.

К своей работе В. Ф. Марков приступил уже в конце 1950-х гг., о чем сообщал Д. Бурлюку: «Я занимаюсь русским футуризмом и недавно защитил диссертацию на тему “Поэмы Хлебникова”. Может быть, со временем все это выльется во что-то вроде истории русского футуризма».¹⁰ Д. Бурлюк живо откликнулся на это письмо, стал посылать Маркову свои издания и отвечать на его вопросы.

Работа продвигалась медленно, с перерывами, вызванными как другими делами, так и поиском книг русских футуристов в библиотеках американских университетов и в Европе. В частности, он писал И. М. Зданевичу, проживавшему в Париже (16 февр. 1963): «От Вас у меня есть “Ледантю” и “Письмо”, у Якобсона я просматривал “Згу”, а в гарвардской библиотеке читал “Восхищение”. Недавно от госпожи Блейк (она была в Тифлисе в пору деятельности 41°) на месяц получил сборник “Фантастический кабачок”, где напечатан Ваш “асЁл”. В Нью Йорке недавно мне удалось также взглянуть на “Асаф” (к сожалению, смотрел с полчаса – это в специальном собрании библиотеки, и времени на это дали мало). В каталоге гарвардской библиотеки есть и Ваш “Остраф пАсхи”, но достать не удалось: кажется, утерян. Таким образом, мне не пришлось взглянуть ни на “Остраф”, ни на “Янко”. Но не унываю. Вот через год, возможно, буду в Париже и поищу там (а если Вы не против, то увижусь с Вами)».¹¹ Со Зданевичем ему встретиться не удалось, но его недостающие книги он все-таки разыскал.

Через год он сообщал Д. Д. Бурлюку (21 июня 1964): «Хочу очень и очень поблагодарить за Color & Rhyme. Номера 55 и 57 чрезвычайно ценны. Хорошо, что они вышли во время моей работы – когда еще можно вставить и поправить. Должен тут заметить, что я все еще в середине работы. Думал вчерне написать историю всего дореволюционного футуризма до отъезда в Европу, но доехал лишь до конца 1913 г. Сейчас остановился на представлениях в Луна-парк – и уже больше пока писать не буду. Возобновлю работу по возвращении».¹² Вернувшись из Европы, он признался (23 нояб. 1964): «Простите, что мало пишу: занят зверски, даже книгу писать бросил».¹³ Несколько лет спустя, в переписке

¹⁰ См. наст. публ., п. 1.

¹¹ Письмо В. Ф. Маркова И. М. Зданевичу от 16 февр. 1963 (*Крусанов А., Обатнина Е.* Переписка В. Ф. Маркова и И. М. Зданевича. 1962–1970 // *Ильязд. XX век Ильи Зданевича. Материалы Международной конференции по творческому наследию Ильи Зданевича. 16–17 дек. 2015 года. М., 2018. С. 266*).

¹² См. наст. публ., п. 26.

¹³ См. наст. публ., п. 28.

с другим корреспондентом Марков признавался: «С Бурлюком я встречался два или три раза и переписывался, но он пугал и крутил, а воспоминания его жены¹⁴ о пребывании Х<лебникова> у них в Михалеве¹⁵ удивительно бес-содержательны (хотя она печатала их и по-русски и по-английски в номерах Color and Rhyme).¹⁶ Бурлюк все собирался писать и печатать воспоминания о Хлебникове, но так ничего путного и не сделал». ¹⁷

Работа над историей русского футуризма все-таки возобновилась, и еще через два года он сообщил И. М. Зданевичу (4 июня 1966): «Я только что кончил главу о Вас и о 41°. <...> Книгу надеюсь этим летом сдать в издательство». ¹⁸

В переписке В. Ф. Маркова с литературоведом Э. М. Райсом промелькнули сведения, что Г. П. Струве предлагал Маркову издать его книгу по истории футуризма на русском языке, однако Марков отказался от такого варианта¹⁹ и предпочел англоязычное издание. Это решение, по-видимому, было не эмоциональным, а тщательным выбором потенциальной читательской аудитории. В случае русскоязычного издания рассчитывать на читательскую аудиторию СССР не приходилось, и круг читателей был бы ограничен, в основном, эмигрантами, среди которых практически не было любителей футуризма, и славистами. Англоязычное же издание должно было охватить гораздо более широкую публику: частично тех же русских эмигрантов, славистов, а главным образом широкую англоязычную аудиторию.

Книга В. Ф. Маркова «Russian Futurism: A History» вышла в издательстве University of California Press в августе 1968 г. и, как и предсказывал В. Эрлих, стала «событием» в кругах славистов: ²⁰ уже через год она была переиздана

¹⁴ Бурлюк (урожд. Еленевская) Мария Никифоровна (1894–1967) – издательница, мемуаристка.

¹⁵ По воспоминаниям Д. Д. Бурлюка, «в 1914–1915 гг. мы жили всей семьей в Михалево около Пушкино, в 35 верстах от Москвы. Хлебников приезжал сюда к нам и писал. <...> Он был занят разбором – вычислением кривой дневников М. Башкирцевой и жизни А. С. Пушкина» (Бурлюк Д. Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994. С. 58).

¹⁶ См.: *Burluk M. Velemir Chlebnikov // Color and Rhyme. 1952. No 26; Бурлюк М. Хлебников в Михалево // Color and Rhyme. 1961. No 49; Бурлюк Д. и М. Канва знакомства с Хлебниковым (1909–1918) // Color and Rhyme. 1965. No 55. P. 35–39.*

¹⁷ Письма В. Ф. Маркова А. Е. Парнису от 16 июня 1968 (Владимир Федорович Марков: первооткрыватель и романтик. К 50-летию книги «Russian Futurism: A History». Материалы и исследования. СПб.: «Аполлон», 2019. С. 239).

¹⁸ Письмо В. Ф. Маркова И. М. Зданевичу от 4 июня 1966 (*Крусанов А., Обатнина Е. Переписка В. Ф. Маркова и И. М. Зданевича. 1962–1970. С. 281–282.*)

¹⁹ «Если чудо вообще возможно за границей...» ... С. 645.

²⁰ Рецензии см.: *Gasirowska X. <Рец. на кн.:> Vladimir Markov. Russian Futurism: History // The Slavic and East European Journal. 1970. Vol. 14. No 1. P. 67–69; Wasiolek E. <Рец. на кн.:> Russian Futurism, a History. By Vladimir Markov // Modern Philology. 1972. Vol. 69. No 4. P. 369–371; Ивак Ю. <Рец. на кн.:> Vladimir Markov. Russian Futurism: A History // Новый журнал. 1969. Кн. 96. С. 294–296; Hirschberg W.R. <Рец. на кн.:> Vladimir Markov. Russian Futurism: A History // Books Abroad. 1970. Vol. 44. No 1. P. 151; Barnes Ch. <Рец. на кн.:> Vladimir Markov. Russian Futurism: A History // Soviet Studies. 1970. Vol. 22. No 1. P. 137–138; Scholz F. <Рец. на кн.:> Vladimir Markov. Russian Futurism: A History // Poetica. 1970. Vol. 3. P. 320–332; Muchnic H. <Рец. на кн.:> Vladimir Markov. Russian Futurism: A History // The Russian Review. 1969. Vol. 28. No 3. P. 355–357.*

в Лондоне (MacGibbon & Kee, 1969), а затем переведена на итальянский язык (Storia del futurismo russo. Torino: Einaudi, 1973).

Помимо научных рецензий на «Историю русского футуризма» Марков получил ряд откликов от оставшихся в живых участников футуристического движения. Отдельные места книги вызвали возмущение И. М. Зданевича, поскольку он претендовал на роль одного из первых пропагандистов футуризма в России: «Книги вашей еще не прочел, просмотрел только. <...> Заметил, что у вас я всюду играю вторую роль. У Чижевского даже мой 4^й возглавлялся Крученыхом.²¹ Так пишут историю. Отсутствует у вас указание, каким путем футуризм проник в Россию. Ведь двух заметок в “Аполлоне”²² не было, разумеется, достаточно, чтобы всколыхнуть поэтов и толпы».²³

Вряд ли марковская «История русского футуризма» понравилась бы и Д. Бурлюку. Марков весьма прохладно относился к поэтическому творчеству «отца российского футуризма». Об этом он после выхода книги сообщал в частном письме: «Я согласен, что у Б<урлюка> много ценного для историка, как же тут спорить. Я ценю и несколько типично “евонных” стихов вроде “Каждый молод”,²⁴ но беда в том, что остальное-то – трясина неталантливых, а главное притворяющихся авангардными виршами».²⁵ «У меня, к сожалению, за два-три года до смерти Д<авида> Д<авидовича> произошла с ним размолвка.²⁶ Я даже рад, что моя книга не попадет ему в руки. Отдавая должное его огромной роли в футуризме, я не скрывал своего критич<еского> отноше-

²¹ Возможно, аберрация, возникшая в связи с тем, что Д. И. Чижевский возглавлял редколлегия книжной серии «Slavische Propyläen», выпустившей «Манифесты и программы русских футуристов» (1967) в подготовке В. Ф. Маркова. В примечаниях к «Декларации заумного языка» А. Крученых Марков поместил пояснение: «Этот манифест подытоживает богатую и интенсивную деятельность автора в Тифлисе в 1917–1920, где он возглавлял группу поэтов-заумников “41”» (Крученых, Зданевич, Терентьев, Чернявский) (Манифесты и программы русских футуристов. Мюнхен, 1967. С. 180).

²² Речь идет о следующих заметках, автором большинства из них был П. Буцци, ближайший сподвижник Маринетти в самом начале провозглашения футуризма: *Buzzi P.*: 1) Поэзия, театр, музыка в Италии // Аполлон. 1910. № 5. Февр. [Хроника. С. 2]; 2) Письма из Италии // Аполлон. 1910. № 9. Июль–Август. [Хроника. С. 15–18]; 3) Письмо из Италии // Аполлон. 1911. № 5. С. 52–55; 4) Письмо из Италии // Аполлон. 1913. № 1. С. 72–74; 5) Письмо из Италии // Аполлон. 1913. № 5. С. 69–70; *В. Ш.* Футуристические драмы на флорентийской сцене // Аполлон. 1910. № 9. Июль–Август. [Хроника. С. 19–20]; *Кузмин М.* Футуристы // Аполлон. 1910. № 9. Июль–Август. [Хроника. С. 20–21]; *Силларт.* Выставка футуристской скульптуры Боччиони // Аполлон. 1913. № 7. С. 61–63.

²³ Письма И. М. Зданевича В. Ф. Маркову (1955–1970) / публ. Е. Р. Обатниной и А. В. Крусанова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2013 год. СПб., 2014. С. 655–656.

²⁴ Стихотворение из сборника «Дохлая луна» (М., 1913).

²⁵ Письмо В. Ф. Маркова А. Е. Парнису от 25 мая 1969 (Владимир Федорович Марков... С. 267).

²⁶ Д. Д. Бурлюк был недоволен тем, что В. Ф. Марков довольно холодно относился к его творчеству, а также тем, что в работе В. Ф. Маркова о Хлебникове имя самого Бурлюка было упомянуто вскользь только один раз (письмо конца декабря 1964 г.). Обращаясь к Маркову, Д. Бурлюк выражал надежду «растеплить в<аше> холодное (большевиц<кое> немного) сердце» (письмо от 5 дек. 1963). В конце 1964 г. переписка Д. Д. Бурлюка с В. Ф. Марковым прекратилась.

ния к его поэзии. Он бы этого не понял, он жаждал восхвалений, а его жена (вскоре после него умершая тоже) откровенно считала его гением». ²⁷

В то же время книга вызвала самое благосклонное отношение проживавшего в Нью-Йорке театрального режиссера С. М. Вермеля, который писал Маркову: «Получил Вашу книгу и хочу искренно Вас поздравить. Не знаю, как Вы могли, находясь вне России, собрать этот огромный и часто запутанный материал? Вашу “Историю Футуристов” я читал не отрываясь, от Вас не укрылись самые мелкие подробности, и самое ценное – это беспристрастие, которое делает Вашу “историю” ценнейшим документом для изучения поэзии и литературных документов русского футуризма. Ваша книга меня взбудоражила: подумайте только: 53 года тому назад я знал почти всех тех, о ком Вы пишете, и со многими дружил». ²⁸

В отличие от многочисленных откликов западных славистов и бывших участников футуристического движения, никаких рецензий на «Историю русского футуризма» в СССР не появилось. Книга была признана идеологически вредной, поскольку футуризм в ней рассматривался не с марксистских, а с чисто литературных позиций, что коренным образом меняло критерии оценки поэтических произведений и их значимость в истории литературы. Вследствие этого распространение книги было признано нежелательным, и ее экземпляры, поступившие в две крупнейшие библиотеки страны (Библиотека им. Ленина в Москве и Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде), были отправлены в «спецхран». Это означало, что для получения книги в библиотеке читателю необходимо было представить мотивированное ходатайство с места работы о том, что эта книга необходима ему для плановой работы, утвержденной руководством данного учреждения. Если учреждение было непрофильное (например, какой-нибудь технический НИИ), то даже при наличии такого ходатайства сотрудники спецхрана, контролируемые в свою очередь органами госбезопасности, книгу не выдавали.

Тем не менее несколько экземпляров, посланных Марковым по почте коллегам в СССР, дошли до адресатов. Известно, что книги были посланы представителям трех поколений: бывшему участнику футуристического движения С. П. Боброву, представителю первого поколения хлебниковедов Н. Л. Степанову и тогда еще молодому литературоведу А. Е. Парнису. Реакция Боброва неизвестна. Скорее всего, он ее даже не прочитал, поскольку осенью 1968 г. попал с инфарктом в Боткинскую больницу, откуда сообщал: «Лежу плашмя, читать запрещено <...>, мечтаю, чтобы мне позволили повернуться на бок». ²⁹ В таком состоянии он находился достаточно долго, о чем его жена сообщала знакомым (21 июля 1969): «Он сейчас в очень тяжелом, почти бредовом состоянии. <...> Он сейчас не работает, не читает и все время ждет на свою голову каких-то страшных бедствий». ³⁰ Возможно, он даже

²⁷ Письмо В. Ф. Маркова А. Е. Парнису от 15 дек. 1968 (Владимир Федорович Марков... С. 249–250).

²⁸ *Марков В. Ф.* Письма «последних из могикан» русского футуризма / публ. Ж. Шерона // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 312–313.

²⁹ Письмо С. П. Боброва (ИРЛИ, ф. 825, № 141, л. 75).

³⁰ ИРЛИ, ф. 825, № 141, л. 80, 81 об.

не получил книги, поскольку не смог получить посылку на почте. В отличие от Боброва, Н. Л. Степанов книгу получил и в ответном письме благодарил за посылку. Парнис высоко оценил труд Маркова (апрель 1969): «“Историю футуризма” и Вашу статью я получил. Это более чем приятная неожиданность, я уже было смирился и не надеялся получить, так же как и не получил “Футуристические манифесты”. Вашу “Историю” я еще не начал внимательно штудировать, только просматриваю. Это ценнейший труд и единственный по охвату материала и по систематике футуристических группировок. Очень нужная книга».³¹ Но следом за этими словами он сделал множество поправок, замечаний и дополнений. В ответном письме Марков признал справедливыми замечания Парниса: «Конечно, многое из этого надо было упомянуть, но 1) многого я не знал, 2) о чем знал, знал понаслышке, и поэтому не хотел упоминать. Конечно, Вам или кому другому придется эту мою историю переписать и исправить когда-нибудь. Да и вообще смешно было с моей стороны браться за этот труд за границей. Но кто-то должен был начать. Я ведь сперва к книге имел другое посвящение (и оно было уже набрано буквами разной величины): тем советским ученым, которые могли бы написать на эту тему лучшую книгу, чем написал я. Но потом я снял это посвящение, боясь, что такое посвящение могут дурно истолковать».³²

Одним из советских ученых, который наверняка бы принял подобное посвящение на свой счет, был, конечно, Н. И. Харджиев, еще в 1930-х гг. рассчитывавший написать «Историю русского футуризма» вместе с В. Трениным и Т. Грицем. Но в те годы работа сделана не была. В начале 1961 г. Всесоюзное объединение «Международная книга» предложило Харджиеву в одиночку возобновить эту работу в несколько ином формате: «Уважаемый Николай Иванович! В/о “Международная книга” договорилась с итальянским издательством “Джулио Эйнауди Эдиторе”, Турин, об издании на итальянском языке книги “Несколько глав из истории русского авангарда”, которая будет написана Вами. В связи с этим просим Вас приступить к написанию книги. Полагаем, что прежде чем эта рукопись в готовом виде будет послана издательству “Эйнауди”, она будет Вами представлена на утверждение в Главлит. В/о “Международная книга” переведет Вам 75 % всех сумм, которые мы получим в качестве авторских отчислений за право издания Вашей книги от издательства “Эйнауди”. С издательством “Эйнауди” мы заключаем договор на издание Вашей книги на условиях уплаты нам 10 % авторских отчислений от сумм, полученных за каждый проданный экземпляр книги. Предполагаемый тираж первого издания книги 3000 экземпляров. С уважением, В/о “Международная книга” Ю. Градов».³³ Это очень странное письмо. Находившееся под пристальным контролем КГБ объединение «Международная книга», не спросив согласия потенциального автора, договорилось с зарубежным издательством

³¹ Письмо А. Е. Парниса В. Ф. Маркову, написано в апреле 1969 г. (Владимир Федорович Марков... С. 255–256).

³² Письмо В. Ф. Маркова А. Е. Парнису от 19 мая 1969 (Владимир Федорович Марков... С. 262).

³³ Письмо Всесоюзного объединения «Международная книга» Н. И. Харджиеву от 13 февр. 1961 (РГАЛИ, ф. 3145, оп. 1, № 323, л. 6–7).

об издании книги и чуть ли не в приказном порядке предлагало Харджиеву ее написать. При этом все понимали, что по идеологическим причинам в СССР такая книга появиться не может. Все это было похоже на провокацию. Возможно, именно это обстоятельство послужило причиной того, что Харджиев уклонился от участия в этом проекте. После смерти Тренина и Грица он чувствовал себя полным монополистом в области истории русского футуризма, кроме него, в СССР в то время не было другого специалиста, который мог бы выполнить эту работу. Пребывая в осознании собственной незаменимости, он даже предположить не мог, что кто-то на Западе сможет написать историю русского футуризма. Поэтому книга Маркова должна была оказаться для него громом среди ясного неба и ощутимым ударом по его самолюбию. Этим обстоятельством и определялась реакция Харджиева на ее появление. Узвленное самолюбие заставляло его принизить значимость книги Маркова. Харджиеву ничего не оставалось, как попытаться продемонстрировать свое превосходство над американским славистом, сконцентрировав внимание на ошибках, неточностях и упущениях в марковской «Истории русского футуризма», поскольку таковые там действительно имелись, а также на несогласии с содержащимися в книге оценками поэтического творчества некоторых футуристов. Впрочем, английского языка Харджиев не знал и мог судить о содержании книги только с чужих слов. Поэтому рецензию он не написал, а глядя на суперобложку этой книги, на которой был воспроизведен рисунок Д. Бурлюка, изображавший фигуру обнаженной женщины (из сборника «Дохлая луна»), ограничился язвительной эпиграммой:

К суперобложке «Russian futurism»

Увраж оставлен без помарок,
но абсолютно бестолково,
и лавры пожинает Марков,
под задом бабы бурлюковой.³⁴

Однако, принижая значение марковской «Истории русского футуризма», Харджиев должен был ей противопоставить что-то свое, так сказать, продемонстрировать «наш ответ Чемберлену». Но ничего равнозначного по охвату истории русского литературного футуризма у него не было написано, да и написать в одиночку он, по-видимому, уже не мог. Тем не менее он инициировал переиздание своих старых статей, написанных еще в 1930-е гг. в соавторстве с В. Трениным и дополненных собственными работами последних лет. Так появилась книга «Поэтическая культура Маяковского» (1970), в которой футуризм не стал (и не мог стать по идеологическим причинам) объектом самостоятельного исследования, но рассматривался как один из существенных элементов в становлении поэтики раннего Маяковского.

Между тем в Турине в издательстве «Эйнауди» вышел итальянский перевод книги Маркова «Storia del futurismo russo» (март 1973). В Италии русский футуризм был более известен, нежели в Америке. Ко времени появления

³⁴ Харджиев Николай. Письма в Сигейск / введение и коммент. С. Сигей. Amsterdam, 2006. С. 144.

итальянского перевода там уже вышло несколько отдельных работ на эту тему: А. М. Ripelino «Majakovskij e il teatro russo d'avanguardia» (Турин, 1959), С. Ferrari «Poesia futurista e marxismo: Russia 1910–1920» (Милан, 1966), I. Ambrogio «Formalismo e avanguardia in Russia» (Рим, 1968), а также ряд статей и публикаций. Поэтому в появившихся рецензиях на книгу Маркова содержались не только похвалы, но проскальзывали и критические замечания.³⁵

Закончив работу над «Историей русского футуризма», Марков взялся за переиздание на Западе собрания сочинений Хлебникова, в состав которого он включил пять томов «Собрания произведений», выпущенных под редакцией Н. Л. Степанова еще в 1928–1933 гг., и том «Неизданных произведений» (1940), подготовленный Н. И. Харджиевым и Т. С. Грицем. В это же собрание были включены вещи Хлебникова, не вошедшие ни в степановское «Собрание произведений», ни в харджиевский том «Неизданных произведений». В формировании и комментировании этих дополнений Маркову активно помогал А. Е. Парнис, роль которого Марков во вступительной статье к третьему тому охарактеризовал следующим образом: «Неоценимую помощь в составлении библиографии и предоставлении материалов, сведений и текста (а также поправок к ранее напечатанным текстам) оказал мне А. Е. Парнис, один из лучших советских хлебниковедов, которого с полным правом можно считать вторым редактором этого тома».³⁶

Первые тома нового собрания сочинений Хлебникова (1968–1972), подготовленного Марковым, стали выходить почти одновременно с его же «Историей русского футуризма», но они, естественно, не вызвали того ажиотажа, который сопровождал «Историю».

После окончания работы над собранием сочинений Хлебникова Марков планировал подготовить книги стихов Б. Лившица и Е. Гуро, но эти проекты остались неосуществленными. Вместо них он подготовил к печати книгу «Избранное» Крученых, выпущенную издательством в 1973 г.

В дальнейшем Марков отошел от изучения произведений наиболее радикальных представителей русского футуризма и переключился на подготовку и комментирование собрания стихов и прозы М. А. Кузмина, стихотворений и поэм К. Д. Бальмонта, а также имажинистов. Таким образом он сосредоточился на исследовании творчества тех русских поэтов, о которых в СССР по идеологическим причинам писали крайне мало или не писали вовсе. Это были добросовестно сделанные работы, однако ни одна из них впоследствии не переиздавалась, тогда как востребованность «Истории русского футуризма» непрерывно возрастала. Англоязычный вариант («Russian Futurism: A History») был дополнительно выпущен в 1996 (Leverett, MA.: Rector Press), 2006 (Washington: New Academia Publishing) и 2010 (Washington: New Academia Publishing) гг.; итальянский перевод («Storia del futurismo russo») переиздавался в 1988 (Torino: Einaudi) и 1997 (Torino: Einaudi) гг., а в 2000 и 2017 гг.

³⁵ См.: *Strada V. Vladimir Markov. Futurismo Russo // L'Unita*. 1973. No 80. 22 marzo. P. 8; *Rondolino G. Il futurismo in Russia // La Stampa*. 1973. No 82. 6 aprile. P. 18.

³⁶ *Хлебников В. В. Собрание сочинений III*. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. С. XI.

в Санкт-Петербургском издательстве «Алетейя» вышел в свет перевод этой работы Маркова на русский язык.

Инициированный В. Ф. Марковым эпистолярный диалог с Д. Д. Бурлюком представляет собой малую часть той работы, которая была проделана филологом по сбору и осмыслению материала в процессе написания «Истории русского футуризма». При этом корреспонденция Бурлюка, адресованная исследователю, сохранилась значительно полнее. В письмах Маркова содержались не всегда лестные суждения о поэтическом творчестве знаменитого футуриста. Очевидно, научная критика вступила в глубинное противоречие с самооценкой Бурлюка, допускавшего только превосходные степени восхваления по своему адресу. Художник даже был склонен расценивать отзывы ученого-эмигранта как проявление вездесущей «большевистской» идеологии и, по всей вероятности, просто их уничтожил.

Переписка двух известных в своих областях деятельности корреспондентов с подлинностью исторического документа освещает пути русской филологической школы изучения русского авангарда, основанной Марковым, и роль Д. Бурлюка как одного из ее героев этой революционной по существу эпохи.

Автографы писем корреспондентов хранятся в трех архивохранилищах: письма и открытки Д. Д. Бурлюка (РО ИРЛИ, р. 1, оп. 17, № 675, 676). Письма В. Ф. Маркова (ОР РГБ, ф. 372, карт. 13, д. 34; архив Сиракузского университета (США) – фонд Д. Д. Бурлюка). Из нижеследующей переписки ранее было частично опубликовано только одно письмо Бурлюка к Маркову (№ 29).³⁷ При подготовке к печати тексты автографов приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации, за исключением ряда случаев авторских написаний.

³⁷ Марков В. Ф. Письма «последних из могикиан» русского футуризма. С. 306.

1

В. Ф. Марков – Д. Д. Бурлюку

Многоуважаемый Давид Давидович!

Адрес Ваш я получил от Р. О. Якобсона.¹

Я занимаюсь русским футуризмом и недавно защитил диссертацию на тему «Поэмы Хлебникова».² Может быть, со временем все это выльется во что-то вроде истории русского футуризма.

Не знаю, как отнесетесь Вы к тому, что течение, начатое Вами и такое далекое от академизма, начнет теперь кромсать очередной «доцент», но, во-первых, это неизбежная судьба всего под луной, а во-вторых, я не совсем доцент и начал как поэт и критик.

Не буду задавать Вам никаких вопросов, прежде чем Вы не скажете, хотите ли отвечать на них. У меня не совсем общепринятое понятие о пределах и сущности футуризма, и у нас могут быть несогласия, но я очень и очень надеюсь, что Вы мне поможете во многом разобраться, а также не откажетесь снабжать время от времени фактами и сведениями. Да и <к> кому обращаться по этому вопросу как не к Вам? Поэтому я очень рад, что наконец нашел Ваш адрес.

Вы можете себе представить, как трудно знакомиться с футуризмом здесь. Я до сих пор в глаза не видал «Садка»³ и «Пощечины»,⁴ не говоря о десятках других, не видел ни одного из Ваших сборников, кроме «Энтелехизма»⁵ (который нашел в библиотеке в Берклее <sic!>).

Очень надеюсь, что Вы откликнетесь.

Уважающий Вас

В. Марков

Vladimir Markov

2943 Selby Ave.

Los Angeles 64,

California

11-го мая 1959 г.

¹ Якобсон Роман Осипович (1896–1982) – филолог, историк и теоретик литературы, языковед. Именно он устроил В. Ф. Маркова на работу в университет.

² В 1957 г. В. Ф. Марков в университете Беркли защитил докторскую диссертацию на тему поэзии Хлебникова. Впоследствии эта диссертация была выпущена отдельным изданием: *Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov*. Berkeley ; Los Angeles: University of California Press, 1962.

³ Речь идет о сборниках «Садок Судей» (СПб., 1910) и «Садок Судей II» (СПб., 1913).

⁴ Имеется в виду сборник «Пощечина общественному вкусу» (М., 1913).

⁵ Речь идет о брошюре: *Бурлюк Д. Д. Энтелехизм. Теория. Критика. Стихи. Картины*. Нью-Йорк, 1930.

2

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

18е мая 1959

Дорогой милый Владимир Осипович? Марков:

Получение вашего любезного письма от 11го мая было для меня приятным событием: так приятно отраднo знать, что в САСШ есть люди, которым дорого и близко то, чему посвящена вся наша жизнь. *Мы очень желали бы иметь*

*оттиск ваш<ей> (дисс<ертационной>) работы о Хлебникове.*¹ Мы посылаем вам 3 пакета с нашими изданиями – где вы найдете ответы на все вопросы, все вас «интересующее» в поле русского футу – и его судеб. *В обмен* – если вы сможете прислать нам книги по истории англ<ло>-франц<узской> литератур или по искусству французскому. Мы будем вам благодарны. Мы собираем книги.

[Приписки на обороте:] Поделитесь – «у меня не совсем общепринятое понятие “футуризма”».

Знали ли вы проф<ессора> Каун (†).² Присылайте книги – берем все!

Ваши родители родом с Украины? Сообщите вашу биографию, происхождение. Почему – Хлебников? и мн<огое> другое.

Дорогому милому Vladimir Markov – с приветом. Отец российского советского футуризма. 18.V.1959.

David Marussia Burliuk

Почтовая открытка с воспроизведением портрета «Poet and artist David Burliuk» работы Raphael Soyer (1939).

¹ На момент написания этого письма диссертация В. Ф. Маркова еще не была выпущена отдельным изданием.

² *Kaun Alexander* (1889–1944) – переводчик, редактор, профессор университета в Сан-Франциско. В письме Н. А. Никифорову Д. Д. Бурлюк сообщал: «Проф. Каун – я его рисовал, когда в Н. Й. приезжал Б. Пильняк (1932?). <...> Каун был высокого мнения о моей поэзии, упоминал меня в своих статьях о русск<ой> рев<олюционной> поэзии» (*Бурлюк Д. Д. Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011. С. 136*).

3

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

19.V.1959

Дорогой друг, Марков:

Это – вторая открытка – которая сопровождает два пакета с нашими изданиями. Вы будете сообщать нам, что вы имеете – и глядя в этот список – мы будем посылать вам – наши издания, коих у вас еще не имеется. Мария Никифоровна любезно собирает для вас 2 пакета.

Знали ли вы старика проф<ессора> в санфранц<исском> универс<итете> – переводчика пьес русск<их> авторов?¹

[Приписка на обороте:] Я всегда отвечаю на письма.

Почтовая открытка с воспроизведением картины Д. Д. Бурлюка «Winter walk» (1958).

¹ См. примеч. 2 к п. 2.

4

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

Июня 5е 1959.

Дорогой милый Владимир Федорович!

Ваше письмо от 31-го мая¹ пропутешествовало во Флориду, было переслано нам в наш постоянный адрес. Во Флориде мы живем лишь 3–4 мес<яца> с Декабря – *если* не за границей!

А.

Напишите нам список Color and Rhyme №№ у Вас имеющихся и мы вас будем снабжать недостающими. Знакомство с Вами нам очень приятно. Сообщаем вам адрес наших друзей в Калифорнии – они рядом с вами, напишите им и поедьте на берег моря:

*Mr Mrs Joseph, Anna Edelman²
549 Arbramar
Pacific Palisades
California*

В.

Мы никогда наших изданий не продавали – это так, как Жуковский пораженный Пушкиным, в/с <так!> 1825 стал издавать свои стихи в 25 копиях с надписью «для немногих».

Все присланное, будьте нашим другом в Калифорнии – раздавайте, если Вам не нужно, в места – полезные для признания имени Бурлюка и нашего Д<авида> М<аруси> искусства.

С.

Книг нам не покупайте. Если хотите, можете прислать нам что угодно – мы собиратели книг. То, что интересуется вас, – интересуется нас. У нас есть в Калифорнии друг (мы его не видели, но знаем его брата³ – проф. в Endicott, N.Y.<;> prof. Marshal Lindsay. Prof. University California, Davis, Calif.⁴ он спец по Корбьеризму и Бодлеризму. См. прислан<ные>/присылаемые вам №№ Color and Rhyme.

Если возможно получить книжку в<аших> стихов⁵ <, а> также Антологию⁶ – пришлите – можем оплатить их стоимость.

Где мы можем достать (купить) № 22, № 38 – «Грани» и «Нов<ый> журнал».⁷ Я пошлю открытку в Нов<ое> русск<ое> слово⁸ – они, вероятно, имеют.

О широком футуризме – согласны! – читай Color <and> Rhyme статью Харджиева.⁹

Пол<утора>глазым Стрельцом¹⁰ гордимся. – Главой Гилея, изданной в САСШ нами ранее книги.¹¹

Отдельных сборников стихов своих никогда не издавал.¹²

Мы узнаем о авторе статьи в Книга и Рев<олюция>¹³ от моих друзей Катяня¹⁴ или проф. Степанова.¹⁵

Сестер Синяковых¹⁶ видели в Москве в 1956 г.¹⁷

Очень интересуемся ваш<ей> диссертацией

!!!

Спокойной ночи!

По свободе – пишете; когда вы уехали из Нью-Йорка. Какие года жили в нем?

Ваш David, Marussia Burluik.

Знакомы ли с сыном поэта Марта¹⁸ (Матвеев Владив<осток> 1920 г.) – он раб<отает> теперь в Нов<ом> Русск<ом> слове.

Письмо на типографском бланке с заголовком:

DAVID MARUSSIA BURLIUK

COLOR and RHYME

(From 1930)

Publishers

Hampton Bays, L.I., N.Y., U.S.A.

На том же бланке помещена реклама коллекции картин Маруси Бурлюк и реклама АСА Galleries в Нью-Йорке. Далее: именной бланк Д. и М. Бурлюков.

¹ Данное письмо отсутствует в архивах Д. Д. Бурлюка, находящихся в ОР РГБ и Сиракузском университете.

² Об этих своих знакомых Д. Д. Бурлюк сообщал: «Они одно время интересовались искусством и собирали его. Он (муж) в Чикаго был в рабочем движении. Теперь они “наслаждаются” легкой жизнью, получив наследства» (*Бурлюк Д. Д.* Письма из коллекции С. Денисова. С. 213).

³ *Kenneth Clement Lindsay* (1919–2009) – профессор; брат *Marshall Lindsay*. О нем см.: <https://www.monumentsmenfoundation.org/the-heroes/the-monuments-men/lindsay-sgt.-kenneth-с.>; *Бурлюк Д. Д.* Письма из коллекции С. Денисова. С. 105, 124, 213.

⁴ *Marshall Lindsay* – профессор Калифорнийского университета (французская и итальянская литература). Адрес *Marshall’a Lindsay* Д. Д. Бурлюку сообщил К. Lindsay (*Color and Rhyme*. 1958. No 36). Имя *Marshall’a Lindsay* упоминается также в переписке Д. Д. Бурлюка с Н. А. Никифоровым (*Бурлюк Д. Д.* Письма из коллекции С. Денисова. С. 65, 105, 225).

⁵ К этому времени у В. Ф. Маркова вышла только одна поэтическая книга «Стихи» (Регенсбург, 1947).

⁶ Речь идет о сборнике «Приглушенные голоса» (Нью-Йорк, 1952), редактором-составителем которого был В. Ф. Марков.

⁷ Речь идет о статьях В. Ф. Маркова «О Хлебникове» (Грани. 1954. № 22) и «Мысли о русском футуризме» (Новый журнал. 1954. № 38).

⁸ «Новое русское слово» – ежедневная газета, издающаяся в Нью-Йорке с 1920 г.

⁹ Речь идет о перепечатке статьи: *Тренин В., Харджиев Н.* Поэтика раннего Маяковского // *Color and Rhyme*. 1958. No 35 (первая публикация: Литературный критик. 1935. № 4. С. 171–189).

¹⁰ Речь идет о мемуарной книге Б. К. Лившица «Полутораглазый стрелец» (Л., 1933), в которой история русского футуризма преподносилась с точки зрения бывшего участника группы «Гилея» и отводилось много места Д. Д. Бурлюку.

¹¹ Глава «Гилея» из книги Б. Лившица «Полутораглазый стрелец», посвященная главным образом Д. Д. Бурлюку, была выпущена в издательстве М. Н. Бурлюк в марте 1931 г.

¹² Д. Бурлюк ошибается. В 1919 г. в Кургане он издал книгу своих стихов «Лысеющий хвост» и впоследствии переиздал ее в Томске.

¹³ «Книга и революция» – журнал, издававшийся в Петрограде (1920–1923) и Москве (1929–1930).

¹⁴ *Катанян Василий Абгарович* (1902–1980) – литературовед, поэт, критик.

¹⁵ *Степанов Николай Леонидович* (1902–1972) – литературовед.

¹⁶ Имеются в виду сестры Сняжковы: *Зинаида Михайловна Сняжкова-Мамонова* (1886–1942), *Надежда Михайловна Сняжкова-Пичета* (1889–1975), *Мария Михайловна Сняжкова-Уречина* (1890–1984), *Ксения Михайловна Сняжкова-Асеева* (1892–1985) и *Вера Михайловна Сняжкова-Гехт* (1896–1973). О них см.: *Ольшанская М.* «О музах сохраняются предания...» // marie-olshansky.ru/smo/oxana.shtml

¹⁷ Летом 1956 г. Д. Д. и М. Н. Бурлюки совершили поездку в СССР (Москва, Крым, Ленинград).

¹⁸ *Венедикт Март* (Венедикт Николаевич Матвеев, 1896–1937) – поэт, до 1917 г. жил в Петербурге, затем уехал на Дальний Восток. В 1920-е гг. проживал в Москве, Ленинграде,

Саратове, Киеве. Сын В. Марта – *Иван Елагин* (Иван Венедиктович Матвеев, 1918–1987) – поэт, переводчик, литературовед. Осенью 1943 г. эмигрировал с женой с оккупированной территории в Берлин, в мае 1950 г. переехал в США, учился в Колумбийском университете, окончил аспирантуру университета штата Нью-Йорк. Профессор Питтсбургского университета.

5

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

28е Августа 1959.

Дорогой милый Марков:

Меня, нас интересует переписка с вами и, когда немного неотложность снимет свой хомут – мы ответим вам подробно на ваши более ранние письма – все еще не вполне оботвеченные!

(В своем (посл<еднем>) послании от 16 августа вы тоже пишете: «очень одолели дела»).

Меня и Марию Никифоровну, как автора очерка поездки на Родину¹ через 40 лет «вылета» оттуда – интригует ваша фраза: «хотя местами его было странно читать» (?). Если найдется момент – уточните. За похвалу нашим лит<ературным> стараниям всячески – спасибо – мы ведь, подобно Жуковскому после победы над ним Пушкина – пишем и печатаем «для немногих». Нам «литература» дорогостоящая любовь и привычка, унесенная нами из родных краев.

Вы поставили вопросы под номерами – 1): – Вас. Вас. Каменский² уже более 10 лет разбит параличом (подобно М. Ф. Ларионову³). Пластом в кровати; память – частична (когда жена⁴ читает его стихи и забудет слово, он иногда бормочет его). В 1956 г. мы были в Крыму, он (В. В. К<аменский>) все еще был на Кавказе. Осенью – 1956 г. при нашем и *Кирсанова* (поэта)⁵ содействии больного перевезли в Москву. Он – лишен дара речи; сидя любит рисовать цветн<ыми> карандашами – (примитивно) виды родного Урала;⁶ у меня имеется 2–3 его рисунка. Его жена и «законный» сын Каменский⁷ 36–37 лет – красавец – талантл<ивый> художник – был в нашем обществе в отеле «Москва» в нашу бытность в Москве (1956 г.).

Сов<етское> правительство заботится о нем – выпущена книга его стихов.⁸

От Алексея Елисеев<ича> *Крученых*⁹ имею письма,¹⁰ ему 73 года. – Мотожитесь – поставляет лит<ературные> документы в архивы и музеи. (В СССР их кажется покупают.)

Он (Крученых) всегда был «попрыгунчиком». Друзья – Асеев¹¹ – Кирсанов – и др. провели его имя в Союз писателей¹² – а это значит – обеспечение квартирой, пенсией; *Крученых* ранее рисовал портреты для Лит<ературного> музея; он в 1907 г. окончил Одесск<ую> худ<ожественную> школу.¹³

2) Кубо-футуризм – русский футуризм тесно монолитно неотделим от живописи – читай Харджиева в *Color and Rhyme* № 31.¹⁴

Также, к сожалению – L. Lozowick – *Russian Art*¹⁵ – брошюра 1929/30 (out of print). У меня имеется одна копия.

Malievich, Tatlin – Крученыхи в живописи.¹⁶

Мои работы с моментами передачи движения – к сожалению – мало были пропандандированы – и мало известны «широкой» (слегка) «массе».

Дорогой милый друг – мы с вами любим и ценим – одно, общее. Переписка с вами приятна.

Я получил, среди других – письмо от проф. Виктора Erlich¹⁷ University of Washington Far-Eastern and Russian Institute Seattle 5 Washington. Они вместе с Гиршманом¹⁸ 14 North Park str. Hanover N.H. готовят к печати поэзию раннего Маяковского.

Спишитесь с ними. Пишите мне о них.

С любовью David Marussia Burluik.

[Приписка:] Пишите в<аше> имя и отчество.

Письмо на именном бланке Д. и М. Бурлюков.

¹ Речь идет об очерке: *David and Marussia Burluik. Two months in our native country // Color and Rhyme. 1959. No 40.*

² *Каменский Василий Васильевич* (1884–1961) – поэт, прозаик, драматург, мемуарист. Активный участник первых футуристических выступлений. После инсульта (1948) потерял дар речи и был парализован.

³ *Ларионов Михаил Федорович* (1881–1964) – живописец, график, театральный художник, теоретик искусства.

⁴ Жена В. В. Каменского – *Валентина Николаевна Козлова* – ухаживала за парализованным поэтом.

⁵ *Кирсанов Семен Исаакович* (1906–1972) – поэт.

⁶ Некоторые рисунки В. В. Каменского опубликованы в книге: Я – Василий Каменский / сост. А. Аксёнкин. М., 2006.

⁷ *Каменский Василий Васильевич* (1919–1976) – художник, сын поэта В. В. Каменского и В. Н. Козловой.

⁸ Речь идет о книге В. В. Каменского «Поэмы» (М., 1958).

⁹ *Крученых Алексей Елисеевич* (1886–1968) – поэт, теоретик футуризма, мемуарист.

¹⁰ Письма А. Е. Крученых Д. Д. Бурлюку хранятся в ОР РГБ, РГАЛИ и Сиракузском университете. См.: Переписка Д. Д. Бурлюка и А. Е. Крученых (1924–1965) / публ. А. В. Крусанова, Н. Г. Фиртича и Е. Л. Деменка / вступ. статья и коммент. А. В. Крусанова (в печати).

¹¹ *Асеев Николай Николаевич* (1889–1963) – поэт.

¹² Обстоятельства приема А. Е. Крученых в Союз писателей были несколько иные. Во время войны он работал в «Окнах ТАСС», и в Союз писателей его приняли по рекомендации И. Эренбурга (март 1942) (*Сетницкая О. Встречи с Крученых // Русский литературный авангард: Материалы и исследования. Universita di Trento, 1990. С. 162–163.*)

¹³ Неточность Д. Д. Бурлюка. На самом деле А. Е. Крученых окончил Одесское художественное училище в 1906 г.

¹⁴ Д. Д. Бурлюк ссылается на перепечатку (в переводе на английский) отрывков из статьи Н. Харджиева «Маяковский и живопись» (Маяковский: Материалы и исследования. М., 1940. С. 337–399).

¹⁵ *Louis Lozowick* (1892–1973) – художник, график. Речь идет о его книге «Modern Russian Art» (Museum of Modern Art Societe Anonyme. New York, 1925).

¹⁶ Характеристика К. С. Малевича и В. Е. Татлина как «Крученыхи в живописи» является весьма вольной метафорой, указывающей на их радикальные художественные убеждения. Однако их роль в истории авангардного движения в России была гораздо значительней, нежели заумное направление в поэзии, развиваемое А. Е. Крученых.

¹⁷ *Эрлих (Erlich) Виктор Генрихович* (1914–2007) – американский историк литературы.

¹⁸ *Jack Hirshman* (род. 1933) – поэт, переводчик. См. также письмо Жака Гиршмана Д. Д. Бурлюку, в котором он сообщал, что собирается опубликовать переводы произведений Маяковского (*Color and Rhyme*. 1961. No 45. P. 14).

6

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

13. IX. 1959

Дорогой ВФМ:

28-го сент<ября> мы отплываем на 2½ мес<яца> в Европу.¹ В ноябре месяце – в Мюнхене, в Lenbach Гос<ударственном> музее устраивается выставка 43 работ Бурлюка!!!² *Успех жизни художника*. (*Der Blaue Reiter*).

Черкните о себе – успеем получить.

Ваши David Marussia Burluik.

Почтовая открытка с цветным воспроизведением картины Д. Д. Бурлюка «Afternoon in Asarcul» (1947). Под описанием картины Д. Д. Бурлюк приписал: «Картина приобретена с выставки Бурлюка – 15 мая с<его> 1959 г. през<идентом> Саммартино для коллекции – Fairleigh Dickinson University, Rutherford No 9».

¹ 27 сент. 1959 г. Д. и М. Бурлюк в очередной раз отправились в Европу. Они приплыли в Амстердам (6 окт. 1959), где провели несколько дней, осматривая музеи. Затем они переехали в Мюнхен (11 окт.) и приступили к организации выставки.

² Выставка была назначена на 11–21 нояб., однако, по свидетельству Д. Бурлюка, она открылась раньше (12 окт.) (*Бурлюк Д. Д.* Письма из коллекции С. Денисова. С. 205). Д. Бурлюк сообщал в письме (24 окт. 1959): «Наша десятидневная выставка в Мюнхене имела успех. Уже один факт, что она была, что картины Бурлюка были показаны здесь и что картины братьев Бурлюк (W. <Владимира> D. <Давида>) висят в музее германской живописи рядом с Беклин, рядом с лучшими мастерами евр<опейской> живописи XIX в., это победа фамилии имени Бурлюк. В САСШ выставка эта широко разрекламирована в худ<ожественных> журналах *Art News* 86 дол<ларов> and *Arts* 52 дол<лара> очень дорогие. Мы сейчас после волнений и ожиданий уезжаем на 10 дней в Швейцарию» (Там же. С. 362). Эта же выставка была показана в Ленбаххаусе (11–22 нояб. 1959), но Бурлюки в это время отсутствовали в Мюнхене. Помимо Западной Германии Д. и М. Бурлюк посетили также Швейцарию (Женева), Испанию (Барселона, Майорка, Мадрид), Францию (Париж), Голландию.

7

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

[24 сентября 1959]¹

Burluik c/o Falk Raboff Art Gallery –

51772 Nort Robertson Blvd

Los Angeles 48. California.

Дорогой милый ВФМ:

Спасибо за ваше большое и искреннее письмо. Вы – 20 лет были «*под Советами*». Мы выехали в Японию в 1918 году²... *Одна теория*. Весь февраль мы будем в Лос Анджелесе³ и, конечно, проведем вместе несколько часов. Все выясним – мирно, дружески. Стихотворение Лермонтова – говорит, что

Наполеон российского футуризма Д. Б<урлюк> нашел там, придя *на берег* (и капают горькие слезы из глаз на холодный песок).⁴

Уезжаем в Европу.

[Приписка на обороте:] *B Color and Rhyme*: передовая о фронтах искусства и письмо *Ken Lindsay*.⁵

С любовью – David Marussia Burliuk.

Почтовая открытка с воспроизведением картины Д. Д. Бурлюка «Winter walk» (1958).

¹ Датируется по почтовому штемпелю.

² В 1918 г. Д. Д. Бурлюк начал «большое сибирское турне». В Японию он выехал только в 1920 г.

³ 14 февр. 1960 Д. Д. и М. Н. Бурлюк приехали в Калифорнию, где состоялась выставка 62 картин Д. Бурлюка (Лос-Анджелес, 29 февр. – март 1960).

⁴ Подразумевается стихотворение М. Ю. Лермонтова «Воздушный корабль».

⁵ *Kenneth C. Lindsay* – профессор State University Harpur College (Endicott, New York). Его письмо Д. Д. Бурлюку опубликовано в «Color and Rhyme» (1958, No 36). Статья К. Lindsay и записка Д. Д. и М. Н. Бурлюкам опубликованы в «Color and Rhyme» (1958, No 40).

8

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

To Wladimir prof. Markov.

19.II.1960.

Dearest Markov –

Thanks for your k<ind> letter of 17. II. 1960.

We spend quite time in Raboff Gallery –

Falk.¹ Teleph<on> in book.

Come to Gallery to see us – *make app<ointment>* with Mr Raboff.²

For us will be *very* interesting to see such other.

[Приписка:] Raboff = poet.

With love David Marussia Burliuk.

Почтовая открытка с воспроизведением картины Д. Бурлюка «Поэт Н. Н. Асеев» (1919).
Ниже дан русский перевод: «Владимиру проф. Маркову.

19.II.1960.

Дражайший Марков –

Спасибо за Ваше д<оброе> письмо от 17.II.1960.

Мы проводим всецело время в Рабофф-галереи –

Фальк. Телеф<он> в книге.

Приходите в галерею повидаться с нами – договоритесь с мистером Рабофф. Для нас будет *очень* интересно увидеть друг друга.

[Приписка:] Рабофф = поэт.

С любовью. Давид Маруся Бурлюк».

¹ Совладелец галереи.

² *Рабов* (Ernest Lloyd Raboff, 1921–1982) – галерист, художественный критик, автор ряда книг о М. Шагале, П. Клее. По свидетельству Д. Бурлюка, «в Лос-Анджелесе нашелся человек, влюбившийся в искусство Бурлюка и готовый до конца дней биться за его признание и успех – галерейщик Эрнест Рабов» (*Бурлюк Д. Д.* Письма из коллекции С. Денисова. С. 346). См. также письмо Эрнеста Рабова Д. Д. Бурлюку от 27 февр. 1960 (*Color and Rhyme*. 1961. No 45. P. 12).

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

4ое мая 1960

Дорогой Владимир Федорович:

Ваше письмо от 1 мая 1960 года получено и оценено.

Для нас очень важно to promote – «*Burliuk' groupe*» – Art – and статью стеной против его гонителей (еще до 1914 года) – и особенно против совр<еменных> опричников, вроде В. Щербины.¹ Их у меня накапливается – с каждым годом – все более, и они на меня всякую дрянь вешают – продолжая гонение на футуризм,² что считается достойным на нашей Родине. (Маруся шлет вам и Лидии Иван<овне>³ привет, если можете, пришлите на время (1/2 года) книгу Набокова,⁴ о кот<орой> вы с ней говорили.)

Брошюра В. Щербины⁵ меня очень интересует, ибо всю жизнь писал стихи<,> и мне льстит – если меня отмечают через 1/2 сотни лет после дебюта. Сейчас из Москвы мне Л. Ю. Брик⁶ прислала том Рогожина – Лит<ературно-> худож<ественные> альманахи и сборники 1912–17⁷ солид<ный> переплет 527 стр<аниц,> где стр. 283–287 – перечислены все стихи и издания мной (и братьями В. Д. – составленные – рисунки, картины...)

Для меня ценнейшее – если писать мемуары – для справки, для точности дат памяти: когда. Стр. 486–487 и 10 строк на 488 Хлебников – перечень стихов, поэм – с указанием где они и кем [для меня так важно] были напечатаны.

Подобное *подсобие*-опора дало мне энергию и теперь ежевечерне 2 часа пишу биографию – поэта и художника Давида Бурлюка – кот<орого> югославск<ие> критики – (как подобает) выдвигают как основоположника (в числе Хлеб<никова,> Цветаевой⁸ и др.) поэтов XX века.⁹

Теперь – мы откопали – № 26 посв<ященный> Хлебникову, с чудеснейшей живой летописью о нем, принад<лежащей> перу Марии Никифоровны.¹⁰

Если будете *пользоваться* – воздайте должное Марии Ник<ифоровне,> она заслуживает восхищения своей любовью – к поэтам – моим друзьям: Круч<еных,> Хлебн<икову,> Каменск<ому,> Маяковск<ому>. И конечно верною в строю, где папа Бурлюк учитель В. В. Маяковского – *читайте письмо Каменского – в Энтелехизме*.¹¹

Так легко замолчать и Каменск<ого,> и Хлеб<никова,> и Крученых и приятно.

История – глухонемая дама этим занимается.

Напишите нам *стишок* №№ Color and Rhyme – <которые> вы имеете и коих у вас нет – мы дошлем.

Вам вероятно будет трудно – но сделайте на досуге – дайте Кулаевой¹² – ваш<ей> ученице. – Материал о Хлебникове *имеется* в Красной стреле¹³ – есть ли она у вас.

Мы вам посылаем материал, которого у нас более нет. *Unicum. Берегите и любите для дружбы с нами.*

[Приписки:] Прошу: на письме кажд<ом> имя отчество и адре<с> – облегчает ответ!!

Привет Лидии Ивановне и матушке
С любовью – David Marussia Burliuk

Письмо на именном бланке Д. и М. Бурлюков.

¹ *Щербина Владимир Родионович* (1908–1989) – критик и литературовед, в 1953–1988 гг. – заместитель директора ИМЛИ. В частности, Д. Д. Бурлюк вполне мог принять на свой счет следующие высказывания В. Р. Щербины по поводу комментариев к Полному собранию сочинений Маяковского (1939–1949): «Авторы комментариев с особой тщательностью стараются найти что-то, якобы доказывающее зависимость Маяковского от кубофутуризма. Так, по их мысли, в стихотворении “Уличное” “живописные образы стихотворения связаны с кубистической живописью того времени”. “Сниженные образы” в стихотворении “Адище города” комментаторы производят от стихотворений Д. Бурлюка и французских “проклятых поэтов”, особенно Корбьетера и Лафорга. С увлечением пропагандируются в примечаниях и враждебные русскому языку хлебниковские словесные выкрутасы. Бросается в глаза старание доказать, что якобы Маяковский “принимал активное участие” в составлении футуристических манифестов. <...> Авторы примечаний обходят молчанием тот факт, что поэзия футуристических лжедрузей Маяковского была антинародной и антиреалистической, направленной к разрушению смысла слова» (*Щербина В.* За правдивое освещение творчества Маяковского // Правда. 1951. 25 марта. № 84. С. 2–3). «Всякие прямые или косвенные попытки отождествить Маяковского с футуристами, противопоставить его классической поэзии не имеют ничего общего с исторической правдой» (*Щербина В.* Талантливейший поэт советского народа // Коммунист. 1953. № 10. С. 72–83).

² Д. Д. Бурлюк писал другому корреспонденту (9 марта 1959): «“Новое о Маяковском” <...> определенно подняло снова волну гонения (подозрения) на “футуризм”, модернизм и т. д.» (*Бурлюк Д. Д.* Письма из коллекции С. Денисова. С. 303), и далее по поводу присланной ему книги С. Владимировой «Об эстетический взглядах Маяковского» (11 апр. 1960): «В книжке голословная по шаргалке “за футуризм надо сечь” борьба против футуризма и (из кожи вон лезет) показать желание, что Маяковский не был футуристом и был при жизни любим, чтим и опекаем своими современниками, что они любили его, ценили и понимали» (Там же. С. 407).

³ *Лидия Ивановна* – жена В. Ф. Маркова.

⁴ *Набоков Владимир Владимирович* (1899–1977) – писатель.

⁵ По-видимому, речь идет о брошюре: *Щербина В. Р.* Вопросы развития социалистического реализма в советской литературе. М., 1958, в которой на с. 26 упоминается имя Д. Д. Бурлюка. Однако это упоминание никак не связано с его поэтическим творчеством. В других брошюрах В. Р. Щербины совсем не идет речи о Д. Д. Бурлюке.

⁶ *Брик Лиля Юрьевна* (1891–1978) – переводчица, мемуаристка; муза В. Маяковского. В описываемое время – жена В. А. Катаянана.

⁷ Речь идет о книге: *Рогожин Н. П.* Литературно-художественные альманахи и сборники. 1912–1917 годы. М., 1958.

⁸ *Цветаева Марина Ивановна* (1892–1941) – поэтесса.

⁹ Сведения Бурлюка об интересе к нему югославских литературоведов, по-видимому, основаны на статье Р. Володиной «Правда и неправда. (По страницам югославских журналов)», появившейся на страницах «Литературной газеты» (1958. 7 янв. № 2. С. 4).

¹⁰ Речь идет о публикации воспоминаний: *Burliuk M. Velemir Chlebnikov* // Color and Rhyme. 1952. No 26.

¹¹ Ср. в частности, о следующих строках из письма В. В. Каменского, опубликованного Д. Бурлюком: «Такие поэты Союза как В. Маяковский, Василий Каменский, Николай Асеев, С. Третьяков, Хлебников, Крученых и др. несомненно выросли из тебя, как урожайный хлеб из

толстого чернозема» (Слово свидетеля. Письмо Василия Каменского. Грузия, Тифлис. 2–3/1 – 1927 г. // Русский голос. 1934. 22 апр. № 6737. С. 8). Подобный миф о том, что Д. Д. Бурлюк был учителем Маяковского, Хлебникова, Крученых, Асеева и С. Третьякова, бывовал среди бывших футуристов, что являлось скорее выражением их благодарности Д. Д. Бурлюку за материальную и моральную поддержку, которую он в свое время им оказывал. Однако за пределами этой узкой группы лиц данный миф совершенно не имел приверженцев. Бурлюку же этот миф был необходим для продвижения себя и своего искусства.

¹² Кулаева Галина Дмитриевна – знакомая Д. Д. Бурлюка с 1944 г. См. о ней также.: Бурлюк Д. Д. Письма из коллекции С. Денисова. С. 400.

¹³ «Красная стрела» (Нью-Йорк, 1932) – сборник, вышедший в издательстве М. Н. Бурлюк.

10

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

Мая 23 1960

Дорогие милые Владимир Федор<ович> и Лидия Ивановна:

Послали вам Хлебникова¹ – Маруся говорит: «Они тебе теперь не ответят», а я все же жду вашего отзыва о любимой работе Маруси.

[Приписка на обороте:] Для вас приготовил год за годом – 1912–1918 (март) день за днем *cuticulum vitae* В. В. Хлебникова – сколько дней он жил у Бурлюков.

Дружески ваши Д<авид> М<аруся> Бурлюк

Почтовая открытка с воспроизведением картины Д. Д. Бурлюка «Winter walk» (1958).

¹ Речь идет об отправке В. Ф. Маркову журнала «Color and Rhyme» (1952. No 26) с воспоминаниями М. Н. Бурлюк о В. Хлебникове.

11

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

31е мая 1960 г.

Дорогие милые Владимир Федорович и Лидия Ивановна, и мама,¹ которая лучше всех нас понимает.

Спасибо профессору за последнее письмо. Когда я читаю письма В. Ф. – поражаюсь – *советскому стилю*, образу мысли, «флейворд» «нового человека» новой России, учившемуся там (образование – 1-го сорта). Вы, дорогой друг, этого не чувствуете, но мы – люди старой России – это так ярко, остро осязаем!

Р. С. «*Советские*» люди, люди *воспитанные там – особые – хорошие, но им не известно чувство деликатности, хороших манер прошлого века (екатерининского) – и чувство изысканной благодарности. Об этом рассказывал нам в 1925–6 гг. Коненков:*² «Люди до 1917 и люди позже».

*Дворянская литература была доброй и дружеской – образец – Гончаров.*³

Маруся, Мария Никифоровна, послав вам наш «последний» экземпляр, ее очерк о Хлебникове, ждала от вас, профессор – (для нас важна ваша авторитетность) нескольких теплых слов; ведь мы пишем для себя и для узкого круга (неимеющихся) наших – друзей – и вы между ними... Напишите (как

отец вам говорю) – Марии Никифоровне отдельно – ваше впечатление о ее чудесных воспоминаниях о Вите Хлебникове – с 1910–1918 г. члена нашей семьи Бурлюков.

Этот великий гений чудо литературы без нас он умер от голода.⁴

Читай в № 31 – как Есенин и Мариенгофффф издеваются над гением.⁵
Извините – хамство этих двух... пппписателей –

P. S. № 31 C<olor> and R<hyme> page 27.

Вы мой друг – я вам пишу как себе. Нас связывает любовь к литературе и знание ее.

Вы пишете: футуристы снова «бросали книги – направо налево» и т. д.

Мы книги на Родине продавали. Здесь мы, я Маруся – их *раздаем*, дарим.

Из России – мы выскочили + двое детей – *голыми* через Японию.

Великий поэт, Бурлюк – велик<ий> художник был взят *спасен* в страну Восх<одящего> Солнца.⁶

Из огня, из хаоса – читай *слабое* описание Ада – в «Док<торе> Живаго» Пастернаком.⁷

Футуризм – гонимое на Родине.

Читай – Новое о Маяковском⁸ – как два Л. Л.⁹ говорят о Маяковском.

Мои стихи никогда никем не были изданы. Я всегда сам – их издавал.

С любовью к вам и Л<идии> И<вановне>.

David Marussia Burluik.

Письмо на именном бланке Д. и М. Бурлюков.

¹ Речь идет о теще Маркова – Марии Александровне.

² *Коненков Сергей Тимофеевич* (1874–1971) – скульптор.

³ *Гончаров Иван Александрович* (1812–1891) – писатель.

⁴ Обстоятельства смерти В. Хлебникова были совершенно иными, нежели их хочет представить Д. Д. Бурлюк. См.: *Митурич П.* Записки сурового реалиста эпохи авангарда. М., 1997. С. 14–24.

⁵ Речь идет о перепечатке (в переводе на английский язык) в «Color and Rhyme» (1956. No 31. P. 27) отрывка из книги А. Б. Мариенгофа «Роман без вранья» о совместном выступлении В. Хлебникова с имажинистами в Харькове.

⁶ Переезд в Японию был обусловлен бегством семьи Бурлюка от Гражданской войны, представлявшей ему «адам», «огнем и хаосом» (см. данное письмо). Однако отъезд из Владивостока прошел в спокойной обстановке, позволившей транспортировать в Японию также большую выставку работ русских художников.

⁷ Речь идет об описании Гражданской войны в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго».

⁸ Отсылка к изданию: Литературное наследство. Т. 65. Новое о Маяковском. М., 1958.

⁹ Имеются в виду В. И. Ленин и А. В. Луначарский.

12

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

March 25 1961

Still in Fla

II–III. 1961

Burluik c/o Tennessee Art Center Museum. Cherokee, Nushville 5 Tenn<essee>.

Дорогие Владимир Федорович и Лидия Ивановна. Спасибо за память и присыл интересной статьи – о Чехове.¹ Вы получили в СССР – чудесную тренировку = выехав из СССР – остаетесь представителем советского отношения к *футуризму*. Он ныне в СССР не в фаворе: гонение на Клода Моне и... Бурлюка.²

Влад<имир> Фед<орович>, в издательстве Verlag Aurel Bongers Recklinghausen вышла книжка проф<ессора> Чижевского³ (Гейдельберг) «Russische Dichter als Maler und Zeichner». Я очень бы хотел ее вам автографировать. Не забывайте пишите.

Пойдите к Рабову – почему он нас Па Ма⁴ Бурлюк – забыл?

С любовью David Marussia Burliuk.

Почтовая открытка с цветным воспроизведением работы Д. Бурлюка «Tänzerin» (1910).

¹ Речь идет о статье: *Марков В.* О стихах Чехова // Anton Čechov. 1860–1960. Some Essay / ed. T. Eekman. Leiden, 1960. P. 136–146.

² *Моне Клод* (1840–1926) – французский художник. Речь идет о кампании против импрессионизма, поднятой в советской прессе еще осенью 1956 г., после того как работы художников-импрессионистов стали возвращаться из запасников в экспозиции музеев Москвы и Ленинграда (ГМИИ им. Пушкина и Эрмитаж). В письме Н. А. Никифорову Бурлюк упоминал о «свирепой атаке на импрессионизм Клод Моне» в брошюре Д. М. Осипова «О партийности советской живописи» (М., 1964. С. 50–51) и далее приводил неточную цитату: «Картины писались хвостом осла. Одна из картин русс<ких> футуристов Бурлюка “носила бессмысленное название “Элементы неба и разложение плоскостей”... Все это было оценено буржуазией и использовалось в борьбе против врага буржуазии – пролетариата”» (*Бурлюк Д. Д.* Письма из коллекции С. Денисова. С. 457).

³ *Чижевский Дмитрий Иванович* (1894–1977) – российский, немецкий славист, философ.

⁴ Д. Д. и М. Н. Бурлюки называли себя Папой и Мамой Бурлюк, сокращенно Па и Ма.

13

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

May 12 1961

Дорогие милые «жестокый» к Бурлюку Владимир Федорович и чудесная Лидия Ивановна (Тургенев по-английски!).

Мы стали на якорь до поздней осени. Если можно: 1е пишите нам, не забывайте.

В Л<ос-Анджелесском> университете – есть Бурлюк – мой родич¹ – наставьте его писать нам. Сообщите о Рабове – куда этот герой искусств делся?!? !?!?

Пожалуйста купите книгу – наша гордость с Марусей – победа.

Russische Dichter als Maler und Zeichner. Verlag Aurel Bongers Recklinghausen. Ge<г>many.²

1½ doll. (Я продаю 2 долл<ара>).

Любовь привет – David Marussia Burliuk

Почтовая открытка с цветным воспроизведением работы Д. Д. Бурлюка «Tänzerin» (1910). Под описанием картины Бурлюк написал: «also Fruits on table. 1906» и «Lenbach».

¹ Имеется в виду *Бурлюк Борис (Наумович?)* (Boris Burluiuk, 1921–2001). В архиве Д. Д. Бурлюка хранится письмо от него (ОР РГБ, ф. 372. карт. 10, №. 37).

² Речь идет о книге: *Zaretzky N.V. Russische Dichter als Maler und Zeichner. Aus dem Nachlass des Verfassers herausgegeben und erganzt D. Tschizewskij. Recklinghausen: Verlag Aurel Bongers, 1960.*

14

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

29.IX.1962

Дорогой друг,

Спасибо вам *большо*<ое> за ваш труд о Хлебникове.¹ Спасибо, что не забыли упомянуть меня и Марусю! Имеете ли вы «*Russische Dichter als Maler und Zeichner*»? Также книги (по-англ.<ийски> и итал.<ьянски>) Renato Poggioli² – и *самое лучшее* что было написано о новой русск.<ой> поэзии – Poesia Russo 1900 Maria Rippellino ? 1960 (Milano).³

Сердечный привет вам – еще раз *спасибо* и Лидии Ивановне

David Marussia Burluiuk

Love to мама.

Почтовая открытка с воспроизведением картины Н. Фешина «Poet and Artist David Burluiuk as a Lecturer» (1923).

¹ Речь идет о книге: *Markov V. The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. Berkley and Los Angeles: University of California Press, 1962.*

² *Renato Poggioli* (1907–1963) – итальянский литературовед, проживал в США, профессор Гарвардского университета. Речь идет о книгах: *Poggioli R.*: 1) *The Poets of Russia, 1890–1930.* Harvard University Press, 1960; 2) *Il Fiore del Verso Russo.* Первое издание этой книги вышло в 1949 г., впоследствии переиздания выходили в 1949, 1961, 1968 и т. д.

³ *Ripellino Angelo Maria* (1923–1978) – итальянский литературовед, славист, переводчик, поэт. Составитель и автор переводов антологии: *Poesia Russa del 900.* Milano, 1960.

15

В. Ф. Марков – Д. Д. Бурлюку

22 апреля 1963

Дорогой Давид Давидович!

Большое спасибо за № 51–52 *Color & Rhyme*. Вижу, что путешествие¹ было продуктивным (как всегда у Вас). Не собираетесь опять в наши края?

Есть ли еще возможность (и как?) достать книжку *Russischer Dichter als Zeichner*, которую я у Вас видел в прошлый Ваш приезд? Не помните ли также, сколько номеров «Китовраса»² было издано в Америке. В Беркли есть три – это все?

Большой привет Марии Никифоровне от нас с Лидией Ивановной.

Ваш В. Марков

На бланке: University of California
Department of Slavic languages
Los Angeles 24, California

¹ Речь идет о кругосветном путешествии супругов Бурлюков (февраль – июль 1962), в течение которого они посетили Австралию (Брисбен), Италию, Чехословакию (Прага) и Францию (Париж).

² Журн. «Китоврас» (Нью-Йорк, 1924). Вышло три номера, анонсировался также выход № 4/5, однако ни одного его экземпляра обнаружить не удалось.

16

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

26. IX. 1963

Hello –

Друзья Владимир Федорович и Лидия Ивановна.

После тяжелой болезни с 6 марта по июль – наконец идем на поправку. Сильно заняты большой программой печатания по-русски и по-английски *Russische Dichter als Maler und Zeichner*, > die anfangе Russische Futurismus prof. Tchijewsky Heidelberg.

? Если у вас сих книжиц нет – вышлем вам.

[Приписки на обороте:] Так «Burluik» by McCausland¹? Имеете?

Имеются ли у вас Color [and] Rhyme номера до 51–2?

Просматривал ваш капитальный труд «Поэмы Хлебникова».

Любовь привет David Marussy Burluik

Почтовая открытка в воспроизведением картины Н. Фешина «Poet and Artist David Burluik as a Lecturer» (1923).

¹ Речь идет о книге «David Burluik: 55 years of Paintings» (вступительная статья Elizabeth McCausland «Burluik: A Fable»). Elizabeth McCausland (1899–1965) – американский искусствовед, художественный критик.

17

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

November 2

1963.

Дорогой Владимир Федорович:

Спасибо за в<аше> письмо от 28 oct<ober>.

Поздравляем с переездом на новую квартиру. Мария Никифоровна и я шлем поклон Лидии Ивановне (и как поживает ее мама – здорова?).

Это семейное.

Color and Rhyme – мы сейчас много (добавочно) *новых* печатаем. № 20–23 – номера, посвященные нашей работе над Ван Гогом – поездка во Францию 1949–1950 гг.

О Camilla Gray¹ – читайте в 51–52.² Она попала в лапы *ловкача*³ – М. Ларионова, в Париже, который вывез из Москвы всю свою *продукцию* с 1907 по 1917 гг.⁴

Ларионов, подобно Петровскому⁵ – без *классического* образования – женился в 1906 г. на дочери главного архитектора г. Москвы Гончарова,⁶ близкого родственника жены А. С. Пушкина. Имел *базу* в Москве, знакомства – и усиленно продвигал – декоративный талант (коммерческого типа)

Наталии Сергеевны⁷ – своей жены. В 1910 г. весной гостил, дружил с братом Володей⁸ – у нас в Черной Долине, Гилее. Подражал позже Владимиру Давидовичу. Бродский⁹ – Греков¹⁰ гостили у меня – с 1900 г. по 1906 г. (они были *годами*) моложе меня. [Зачеркнуто: *Ларионов – 1 г. моложе*]

Ларионова и Гончарову мы видели в Париже в 1950 году (апреле). В том же году летом в Англии *Ларионова разбил паралич* – и когда в 1957 г. мы видели их снова – в их мусорного типа квартире – оба были *инвалиды*. Они имели студию – склад картин – где ранее писались декорации – отдельно. Им помогало советское правительство¹¹ – а *ранее Ротшильд*.¹² К литературе – Ларионов (Гончарова) – отношения не имели. Его «теории» на публичных немногочисленных выступлениях оканчивались скандалами.

См. *K. Oumansky Neue Russische Art 1920 Berlin*.¹³

См. Николай Петрович Рогожин *Лит<ературно>-Худож<ественные> сборники и альманахи – 1910–1918 гг.* Помечены все изданные мной – и первые строчки всех моих стихов.

Привет любовь – David Marussia Burluik

[Приписки:] О «Лысеющем хвосте»¹⁴ – позже.

Читайте о Ларионове и др. Кульбине¹⁵ «Филонов» *Color and Rhyme*.¹⁶

Письмо на обложке печатного каталоге выставки Д. Д. Бурлюка в ACA Gallery (11–30 дек. 1961), содержащем биографическую заметку о нем, список выставленных работ, список выставок с его участием, места хранения его работ и три иллюстрации. Биографическая заметка сопровождается пометой рукой Бурлюка: «Ср. в книге. См. мою биографию – она написана *под диктовку Ларионова*». Здесь он подразумевал книгу Камиллы Грей «The Great Experiment: Russian Art 1863–1922» (London, 1962), в которой его творческая биография, по мнению художника, была представлена в искаженном свете.

¹ *Грей Камилла* (Gray Camilla, 1936–1972) – английский искусствовед.

² В № 51–52 «Color and Rhyme» помещена краткая рецензия Д. Бурлюка на присланную ему Гарри Абрамсом книгу Камиллы Грей «The Great Experiment: Russian Art 1863–1922», в которой он отмечал значимость книги, но в то же время сетовал, что книга написана под влиянием М. Ларионова и Н. Гончаровой.

³ Негативное отношение Бурлюка к М. Ф. Ларионову объясняется тем, что последний, снабжая К. Грей информацией для ее книги о живописи русских футуристов, стремился придать большую значимость как собственному творческому вкладу в авангардное движение, так роли его супруги – художницы Н. С. Гончаровой, оставляя в тени творчество и организаторскую деятельность Д. Бурлюка.

⁴ При отъезде во Францию летом 1915 г. М. Ф. Ларионов оставил все свои работы в Москве. Во второй половине 1920-х гг. с помощью Л. Ф. Жегина большая часть этих работ была переслана ему в Париж.

⁵ Вероятно, речь идет о поэте Дмитрие Васильевиче Петровском.

⁶ *Гончаров Сергей Михайлович* (1862–1935) – архитектор, один из представителей московского модерна.

⁷ *Гончарова Наталья Сергеевна* (1881–1962) – художница.

⁸ *Бурлюк Владимир Давидович* (1887–1919?) – художник, брат Д. Д. Бурлюка, участник литературно-художественной группы «Гилея».

⁹ *Бродский Исаак Израилевич* (1884–1939) – художник.

¹⁰ *Греков* (Маргыщенко) Митрофан Борисович (1882–1934) – художник.

¹¹ У М. Ф. Ларионова были контакты с советскими представителями, командированными в Париж, однако никакая помощи М. Ф. Ларионову и Н. С. Гончаровой советское правительство не оказывало.

¹² По-видимому, речь идет о французской ветви Ротшильдов. Известно о контактах между ними и Ларионовым (см.: ОР ГТГ, ф. 180, № 5063, 7687–7693, 9661). Однако никаких свидетельств о помощи Ротшильдов М. Ф. Ларионову и Н. С. Гончаровой не выявлено.

¹³ *Уманский Константин Александрович* (1895, по другим сведениям: 1902–1945) – художественный критик, в 1919–1920-х гг. публиковался под псевд. К. Крайний; впоследствии дипломат. Д. Д. Бурлюк дает искаженное название. Речь идет о книге: *Umancki K. Neue Kunst in Rußland 1914–1919*. Munchen; Potsdam, 1920.

¹⁴ Речь идет о сборнике стихов Д. Д. Бурлюка «Лысеющий хвост» (Курган, 1919).

¹⁵ *Кульбин Николай Иванович* (1868–1917) – врач, художник, лектор.

¹⁶ Подразумевается автобиографический роман, написанный Давидом, Марусей и Никишей Бурлюком, в котором под именем Филонова выведены Давид и Владимир Бурлюки. Английский перевод опубликован: *Burliuk D., M., N. Filonov // Color and Rhyme*. 1954. No 28. Первое русскоязычное издание: *Бурлюк Д. Филонов. Повесть / подгот. текста, примеч., коммент. и послесл. В. Полякова. М.: «Гилея», 2017.*

18

В. Ф. Марков – Д. Д. Бурлюку

1 декабря 1963 г.

Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович!

Спасибо за все присланное. Книги Rippelino¹ у меня нет. Он мог бы мне и выслать; я ему свою книжку в свое время послал. Если у Вас есть еще, пришлите.

Вышла книга переводов Хлебникова по-польски.² Я получил, но только 1 экземпляр.*

В СССР вышла книга некоего Черемина о раннем Маяковском,³ который очень старается дискредитировать Вас.

Я знаю, что Ларионов к литературе отношения не имел, но в его сборнике Ослиный Хвост есть большая статья о поэзии С. Худакова, имеющая интерес. Никто мне ничего не может сказать об этом Худакове. М<ожет> быть, Вы знаете? Он там хвалит сборник Антона Лотова «Рекорд», вышедший в 1912 г., и дает интересные примеры (стихи из одних согласных, например).⁴ Об этом Лотове тоже никто ничего не знает (хотя Чижевский поместил кое-что в свою хрестоматию).⁵ В том же «Ослином Хвосте» художеств<енной> критикой занимается неизвестный мне Варсонофий Паркин.⁶

Справочник Рогожина я, конечно, знаю и изучил основательно.

Все собираюсь спросить Вас. Где Вы, в действительности, родились – в Харькове или в каком-то селе (как сказано в 1 т<оме> новой Литературной энциклопедии,⁷ – экземпляр на службе, не могу процитировать).

Мы тут с женой попали в автомобильную катастрофу, но не очень пострадали: ушиблись, у нее порезано лицо. Могло быть хуже.

Лидия Ивановна шлет привет.

Ваш В. Марков

*Да ведь Вы мне об этой книге уже писали. Я забыл.

¹ См. примеч. 3 к п. 14.

² Подразумевается издание: *Chlebnikow V. Poezje*. Warszawa, 1963, вышедшее под редакцией Jan Spiewak; переводчики – Anna Kamienska, Severin Pollak, Jan Spiewak.

³ Чермин Георгий Сергеевич (1916–1993) – литературовед и литературный критик. Подразумевается книга «Ранний Маяковский» (М.; Л., 1962).

⁴ Речь идет о сборнике «Ослиный Хвост и Мишень» (М., 1913). В статье, подписанной псевдонимом С. Худаков, под которым, очевидно, скрывался И. М. Зданевич, было дано подробное описание несуществующего сборника стихов Антона Лотова «Рекорд», посвященного Н. Гончаровой и якобы иллюстрированного пневмолучистыми рисунками Ларионова (*Худаков С. Литература. Художественная критика. Диспуты и доклады // Ослиный хвост и Мишень. М., 1913. С. 140–142*). Подробнее об авторстве статьи см. примеч. 6.

⁵ См.: *Anfänge des russischen Futurismus / hrsg. von D. Tschisjewisckij. Weisbaden, 1963 (Serie: Heidelberger Slavische Texte 7)*. Об этой хрестоматии Бурлюк сообщал Н. А. Никифорову (8 июля 1963): «В Германии для студентов, изучающих русский язык, проф. Д. И. Чижевский выпустил книжку 122 стр. (octavio) – начало русск<ого> футуризма. По-немецки информация о поэтах: Бурлюк, С. Третьяков, Серг. Бобров, Н. Асеев, Б. Пастернак, К. Олимпик, Шершеневич, Р. Ивнев, В. Гнедов. Также напечатаны по-русски наши манифесты. 11 мои стихотворений, 18 Хлебникова, 22 Северянина, 4 Маяковского и перечислены все его юные названия (стихи) и проза из моих книг, 13 В. Каменского, 10 Кручных, 4 Третьякова, 12 Асеева. Для меня видеть мои стихи в книге научного исследования было большой радостью» (*Бурлюк Д. Д. Письма из коллекции С. Денисова. С. 598–599*).

⁶ В искусствovedческой литературе высказывались различные мнения о том, кто мог скрываться за этим именем. Утверждалось, например, что псевдоним С. Худаков, а также другой псевдоним в том же сборнике (Варсонофий Паркин), принадлежат одному М. Ф. Ларионову (*Поспелов Г. Г.: 1) «Восток и русское искусство»: выставка-исследование // Декоративное искусство СССР. 1978. № 4. С. 32; 2) Ларионов и Пикассо. Любовь – вражда // Пикассо и окрестности: Сб. статей: М., 2006. С. 109*) или являются коллективными псевдонимами М. Ф. Ларионова и И. М. Зданевича (*Стригалев А. А. Кем, когда и как была открыта живопись Н. А. Пироманашвили? // Панорама искусств 12. М., 1989. С. 318; Larionov. Manifestes / Textes traduits et annotés par Régis Gayraud, précédés de «L'inconstance de Larionov» par Gabriella di Milià. Paris, 1995. P. 118, 120*). Предположение, что автором или соавтором статей, подписанных псевдонимами Варсонофий Паркин и С. Худаков, был М. Ларионов, основано на единственном факте: в обеих статьях излагается именно его позиция, его художественные оценки, отстаиваются интересы его группы. Однако, строго говоря, этот факт свидетельствует лишь о том, что Ларионов был заказчиком этих статей. Язык и стилистика этих текстов совершенно не соответствуют тому стилю, которым обычно изъяснялся с трибуны или в печати косноязычный Ларионов. Более того, принадлежность псевдонима В. Паркин Ларионову опровергается одним из его писем к Зданевичу (13 апр. 1913), где имеются следующие строки: «Манифесты я хочу напечатать в сборнике двух выставок Ослиный хвост и Мишень. Очень жаль, что нет статьи об этих двух выставках, где было бы разобрано до некоторой степени искусство каждого из нас участников этих выставок. Мне статью пишут, но я уже сейчас вижу, что это будет не то, что надо, так как нужно, чтобы писал человек осведомленный – и написал бы толково о каждом участнике. Если увидите в Петербурге Михаила Васильевича <Ле-Данто>, поговорите с ним об этом, хотя в Петербурге, кроме Вас, нет никого, кто бы мог написать и знал бы всех нас» (ОР ГРМ, ф. 177, № 88, л. 13–14). Иначе говоря, Ларионов признался, что сам статью (опубликованную под псевдонимом В. Паркин) написать не может и предлагает это сделать Зданевичу. Таким образом, из возможных претендентов на авторство статьи, подписанной псевдонимом В. Паркин, остается один Зданевич, а роль Ларионова могла заключаться в исполнении редакторских функций. Что касается статьи, подписанной псевдонимом С. Худаков, то автор ее выражал полную преемственность взглядов, изложенных в статье В. Паркина. О возможной принадлежности псевдонима С. Худаков Зданевичу указывалось в некоторых работах (*Lawton A. Russian and Italian Futurist Manifestoes // Slavic and East European Journal. 1976. Vol. 20. P. 418; Larionov. Manifestes. P. 96*). Поскольку статья С. Худакова посвящена литературе, художественной критике, диспутам и докладам, т. е. сфере деятельности Зданевича в 1912–1914 гг., то, по нашему мнению, предположение о соавторстве Ларионова в данном

случае вообще излишне. Его участие могло ограничиться ролью заказчика или редактора. К тому же в рекламных объявлениях, помещенных в сборнике «Ослиный хвост и Мишень», имеется анонс совместной книги М. Ларионова и С. Худакова «Русское искусство (каменные бабы, резьба, тесто, литье, лубок, фреска, икона, вывески, старые и новые художники)», т. е. в самом сборнике указано, что Ларионов и С. Худаков – разные лица. Учитывая, что в окружении М. Ф. Ларионова, кроме Зданевича, не было автора, свободно владеющего пером и стремившегося быть левее Крученых, не остается ничего другого, как признать подпись «С. Худаков» псевдонимом Ильи Зданевича. Вышеприведенные факты и основанные на них выводы наталкиваются на упорное нежелание самого Ильи Зданевича признаваться в авторстве указанных статей. Ср. также письмо Н. И. Харджиеву от 27 мая 1970 г., в котором 57 лет спустя после появления сборника «Ослиный хвост и Мишень» Зданевич заявил: «Кто такие были Паркин и Худаков (1913), не знаю и Вам помочь не могу» (РГАЛИ, ф. 3145, оп. 1, № 164, л. 1–2). Учитывая обстоятельства эмигрантской жизни Зданевича, можно предположить, что причиной, побудившей его неуклонно отказываться от авторства, были содержащиеся в обеих статьях 1913 г. высказывания о необходимости борьбы с Пикассо и критика творчества последнего, тогда как в парижский период своей жизни Зданевич дружил и сотрудничал именно с Пикассо. Очевидно, что эти плодотворные отношения могли быть поставлены под удар из-за возможного обнародования юношеских эпатажных выпадов русского футуриста.

⁷ В заметке о Д. Бурлюке было указано, что он родился на хуторе Семироговщина Харьковской губ. (Краткая литературная энциклопедия. М., 1962. Т. 1. Стб. 778).

19

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

1963. XII. 5

Дорогой Владимир Федорович:

Ларионов – писал декорации для театров. Его поддерживали с 1907 г. купцы *Рябушинский* (Золотое Руно)¹ – Поляков – «Скорпион»² – и *Дягилев*³ – позже *Балэ Руссе* в Париже. Этим объясняется, что Камилла Грей – попала в его лапы. Когда в 1912–13 гг. я начал кубо-футур<истическое> движение – окружив себя – Каменский, Хлебников, Лившиц,⁴ Маяковский – Крученых (мой секретарь в 1907 году в Херсоне – выставка моя).⁵ –

Ларионов и Гончарова на время захватили *случайно* – Маяковского, Хлебникова и надолго *Крученых* – *который вообще* был вне всяких правил долго – отличаясь всяческим цинизмом. А все другие – связанные с именем Ларионова – пена на воде лит<ературного> движения тех 1912–14 гг. в Москве. *Ларионовщина* – Гончаровщина – Зданевич,⁶ Г. Ивановы⁷ – враждебные кубо-футуристам – «застрельщикам большевизма» (выражение А. Толстого в Париже в 1920 г.)⁸

Шаги Великого Хама – Мережковский.⁹

Привет David Marussy Burluik

[Приписка:] Спасайте Бурлюка от oblivion.¹⁰

Если *Филонова* у вас нет, пришлю.

Письмо написано на бланке с заголовком: BURLIUK HAMPTON BAYS. Long Island, N.Y.
¹ *Рябушинский Николай Павлович* (1876–1951) – меценат, художник, коллекционер, издатель журнала «Золотое руно».

² *Поляков Сергей Александрович* (1874–1943) – владелец издательства «Скорпион».

³ *Дягилев Сергей Павлович* (1872–1929) – организатор выставок, театральный деятель.

⁴ *Ливищ Бенедикт Константинович* (1886–1938) – поэт, переводчик, мемуарист.

⁵ Речь идет о выставке картин Бурлюков (27 авг. – 2 сент. 1907) в Херсоне (Народная аудитория Общества содействия физическому воспитанию детей). Других сведений об участии А. Е. Крученых в организации этой выставки нет.

⁶ Из двух братьев Зданевичей Д. Д. Бурлюк, по-видимому, имеет в виду только прозаика и поэта *Зданевича Илью Михайловича* (1894–1975), который в компании с М. Ф. Ларионовым выступал с нападками на группу «Гилея» и лично Д. Бурлюка.

⁷ Подразумевается *Иванов Георгий Владимирович* (1894–1958) – поэт, мемуарист. Его воспоминания «Петербургские зимы» (Нью-Йорк, 1952), касавшиеся, в частности, встреч в 1910–1913 гг. с Д. и Н. Бурлюками, А. Крученых, В. Хлебниковым и др., ввиду множества неточностей и искажения фактов, были раскритикованы современниками. См. о специфической авторской манере мемуариста: *Демидова О. Р.* «Петербургские зимы» Георгия Иванова как (псевдо)мемуары // *Демидова О. Р.* Изгнание как посланье: эстетизм и этос русской эмиграции. СПб., 2015. С. 256–265.

⁸ Неточная цитата и ошибочная датировка. По выражению А. Н. Толстого, футуристы «шли в передовой цепи большевизма, были их разведчиками и партизанами» См.: *Толстой А. Н.* Торжествующее искусство // Эхо (Владивосток). 1919. 30 нояб. № 127. С. 3 (перепечатка из газ. «Общее дело»).

⁹ Сам Д. С. Мережковский не употреблял выражение «Грядущий Хам» по отношению к футуристам. За него это сделали газетные критики. См., напр.: *Глаголь С.* «Мишень» // Столичная молва. 1913. 25 марта № 297. С. 5; *Бенца А. Н.*: 1) Дневник художника // Речь. 1913. 21 окт. № 288. С. 4; 2) «Последняя футуристическая выставка» // Речь. 1916. 9 янв. № 8. С. 3.

¹⁰ Oblivion – забвение (англ.).

20

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

5е Декабря 1963 <так!>

Мы, дорогие Владимир Федорович и Лидия Ивановна – 24 авто уезжаем до апреля на юг – Флориду.

Вам посылаем: Rippellino – с просьбой ценить его исследования так же как чудесное о Хлебникове Jan’a Спивака – Poesia Chlebnikov,¹ где достойное место и Марии Бурлюк и папе Б<урлюку> (не так как принято «большевиками» – замалчивать – ...или ваше выражение «дискредитировать»). Также в поэме *Ладомир*² – о превращении гор в Европе и Америке – в головы Гайяваты и Бурлюка – взято из – Степанова, изд. 1940 г.³ в более позднем изд<ании>⁴ выброшено! (имя в<ашего> друга папы Бурлюка).

Читайте *Осотова* «Партийная линия в сов<етской> живописи.⁵ Васнецовы Нестер<о>вы – богомазы – все чтутся как советские мастера!!!.⁶

Посылаем Вам «Филонова»⁷ – описание выставки «Венок» 1910 г. в Ленинграде на Невском,⁸ «Филонов» – я и брат, Володя. Все остальн<ы>е также портреты.

Ларионов – писал и жил у Бурлюков в 1910 г. в Чернянке.

Посылаем в<ам> биографию Бурлюка, написанную сестрой Людмилой Дав<идовой> Бурлюк-Кузнецовой.⁹

Книга Спивака¹⁰ – пример правдивого освещения фактов. Читай издавательство Есенина деревенского парня над Хлебниковым в Харькове.¹¹

Ларионов – авантюрист – сын полк<ового> ветеринара – «женат» на дочке архитектора Москвы Гончарова – болтун – художник-декоратор коммерсант, с 1914 г. не работает – из их семьи – ранее Пушкин взял свою погибель.¹²

[Приписка на полях:] *Приятель разложившегося Георгия Иванова поэта* Разорившийся к XIX ст<олетию> род.

Сочувствие милой Лидии Ивановне –

Любовь – которой мы хотим растеплить в<аше> холодное (большевиц<кое> немного) сердце.

Мы вас любим за в<ашу> любовь к литературе.

[Приписка на полях:] *О получении книг сообщите немедля в Гэмpton Бейс.*¹³

Почтовая бумага с чернильным штампом: MARY BURLIUK ART GALLERIES Hampton Bays, L.I., N.Y., U.S.A.

¹ См. п. 18, примеч. 2.

² «Ладомир» – поэма В. Хлебникова.

³ Речь идет о книге: *Хлебников В.* Стихотворения / вступ. статья, ред. и примеч. Н. Степанова. Л., 1940 (Б-ка поэта. Малая серия. № 59).

⁴ Подразумевается издание: *Хлебников В.* Стихотворения и поэмы / вступ. статья, подгот. текста и примеч. Н. Степанова. Л., 1960 (Б-ка поэта. Малая серия).

⁵ *Осипов Дмитрий Михайлович* (1907–?) – искусствовед. См.: *Осипов Д. М.* О партийности советской живописи. М., 1960. По поводу этой книги Бурлюк писал А. Никифорову: «Осипов меня обидел, поставив рядом с моим именем “отношение к рабочему классу”, это так нехорошо – о старике, ветеране рифм и палитры и об Учителе и друге Маяковского. Да простит ему Бог, если это прощается. Ему и (кнут) в руки. Книги его бесполезны» (*Бурлюк Д. Д.* Письма из коллекции С. Денисова. С. 417).

⁶ Художники *Васнецов Виктор Михайлович* (1848–1926) и его ученик *Нестеров Михаил Васильевич* (1862–1942) разрабатывали тему русской святости, до революции занимались росписью церквей. В 1941 г. Нестеров был удостоен сталинской премии первой степени.

⁷ *Burliuk D., M., N. Filonov* // *Color and Rhyme*. 1954. No 28.

⁸ Отдельной выставки «Венок» в 1910 г. в Санкт-Петербурге не было. Вместо нее состоялась объединенная выставка «Импрессионисты» («Треугольник» – «Венок–Стефанос») (19 марта – 14 апр. 1910; Невский пр., 1). Подробнее о ней см.: *Крусанов А. В.* Русский авангард. 1907–1932. Исторический обзор. М., 2010. Т. 1, кн. 1. С. 224–233.

⁹ *Бурлюк-Кузнецова Людмила Давидовна* (1886–1968) – художница.

¹⁰ *Спивак Ян* (Jan Śpiewak, 1908–1967) – польский поэт, эссеист, переводчик.

¹¹ См. примеч. 4 к п. 11.

¹² Сведения, сообщаемые здесь Бурлюком, намеренно искажают реалии жизни Ларионова. В частности, отец художника был не ветеринаром, а военным фельдшером. Отец Натальи Сергеевны Гончаровой – архитектор *Сергей Михайлович Гончаров* (1862–1935) – один из ярких представителей московского модерна; его прадед – отец Н. Н. Пушкиной (урожд. Гончаровой). Очевидно, определив Ларионова, как «художника-декоратора», Бурлюк подразумевал, что с 1915 г. в его творчестве значительное место было отведено сценографии для спектаклей антрепризы С. Дягилева.

¹³ Hampton Bays – место постоянного проживания супругов Бурлюков.

21

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

[15 декабря 1963]¹

Новаторы до Вержболово –
Что ново здесь – за рубежом не ново.
Вам средство цель – пускай
Но знать ужели какими
Средствами вы не достигли цели??!

Бурлюку

В. Иванов. 1910 г. СПб.²

Season greetings to prof.³ и милой Лидии Ивановне и маме
David Marussy Burliuk.
Merry XMS and happy new 1964

Почтовая открытка с репродукцией картины Д. Бурлюка «Ocean wind» (1960).

¹ Датируется по почтовому штампе.

² Об этой эпиграмме Вячеслава Ивановича Иванова (1866–1949) см.: Харджиев Н. И. Статья об авангарде: в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 311–313.

³ Сезонные поздравления проф<ессору> (англ.).

22

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

4е января 1964

Дорогой Владимир Федорович, Лидия Ивановна и мама. (Как ее существование?)

Любовь и привет. Спасибо за письмо. Живя на этом каменном «необитаемом» острове well to do people – мы рады общению с внешним культ<урным> «нашим» миром.¹ Риппеллино писал – не отвечает. Простите, что «докучаю» вопросами. Мы в<ас> любим и ценим за наши *общие* интересы. *Все Хлебникова*, спасенное мной, – напечатано в двух томиках 120 стр<аниц> каждый (?). «Творения».² Ранее с 1908 г. Хлебникова – потом перепечатано из «Творений», как обычно, на Родине – без указания откуда (?!?). Сейчас мы печатаем А 50 стр<аниц> 240 строк кажд<ая> (английский текст).³ В по-русски 100 страниц – мемуары Маруси <о> нашей жизни 1931 г. в Нью-Йорке.⁴ Процесс американизации кино-театр того искусства, времени. Встречи – многие из них (встреченных) – стали или «были» известностями. Обо мне один старый, еще из России, брюсовской системы прошлым годом написал брошюру;⁵ *печатать ее не будем*, вам для прочтения вышлем в avgil⁶.

История футуризма в России – Скворода⁷ – Достоевский (Голодн<ый>?) Бурлюк.⁸

Лет 5 назад Симонова – о футуризме перев<од> на английский (1955?) в советский лит<ературный> журнал «Soviet Literature»⁹ (у меня имеется). Симонова я трогать не хочу.¹⁰ И так меня палачуют и изничтожают на Родине.

*Его моя биография Каменского.*¹¹

В русск<ом> <sic!> Бурлюк – Маруся – мемуары – 1931. Русск<ий> текст – будет канва знакомства в Хлебниковым – 1910–1918. Там *правдиво* (*фактически*) описано – наша (Бурлюк Маруся, Д. Д., Каменский Вася) забота о Вите ХХ <sic!>. (О Маяковском 1911–1915).¹²

Я – Маруся – 1910–1915. – о <sic!>

В 1917 году в октябре поехал на *заработки!!!...* с Урала в Москву!! Уже голодную, уже холодную, под дулом обрезов, винтовок, наганов, колец возможных бандитов – включая анархистов, соц<иалистов>-революционеров и т. д. и т. п. включая... октябрь–ноябрь дек<абрь> январь февр<аль> март 1917–1918.

Теперь прекраснейший, чудесный Вася Каменский – его роман с Мме Филипповой¹³ – вечная память и до земли благодарность ей, русской чудесной купчихе (ооооо) спас *Васю* – а он: меня, Витю¹⁴ и Володю¹⁵... Кафе поэтов.¹⁶ Кафе Питгореск,¹⁷ заказы мне – портрет Васи,¹⁸ портрет Филиппова,¹⁹ Витю «*устроили*» со столом в комнате – в гостинице Филип<п>ова – на Тверской.²⁰ Книгу – Каменского – мне В<ася> читал, в период ее написания. Мме Филиппова издала ее.²¹ Но в апреле (конец марта) 1918 Филипповы были ограблены боль<ше>виками. Ленин–Луначарский К° и для В. В. М<аяковского> начались хождения по мукам. За футуризм надо сечь – с высоты престола... и началась смерть *заживо* для Вити.

*Китоврас*²² – отдельно. Каменский и я местами – Филиппова могла, но Кремль – загреб все.

В САСШ я и Ив. Ив. Народный²³ на деньги Р. В. Чандлера Астор²⁴ – 1923–24 – выпустили 3 номера Китоврас'а.²⁵

Сказание о хождении прямиком без огибания углов. (Из народн<ых> русск<их> христ<ианских> легенд и сказаний).²⁶

Бурлюк – Народный, Мме Гарриман, Ромен,²⁷ Чандлер и К° <опубликовали> молодых русских поэтов в САСШ. 1923. В 1930 Чандлер умер.

Любовь привет вам и милой Лидии Ивановне – (помним навсегда ее чтение Тургенева – мы в Спасском-Лутовинове²⁸ были в июне 1956 года).

Поэтому все живо =

в одном переплете.

И Тургенев мне (нам), знатоку франц<узской> поэзии – особо близок. Друг Флобера.²⁹

Маруся: он целовал его Т<ургенева> как брата.

Письмо написано на бланке Manatee River Hotel (Bradenton, Florida).

¹ Здесь же между строк миниатюрный рисунок, изображающий господина с тростью и шляпе.

² Имеется в виду изд.: *Хлебников В.* Творения. 1906–1908. М., 1914. (На обложке: Творения. Т. 1. 1906–1908 г.) Бурлюк ошибочно сообщает Маркову, что вышло два тома.

³ Подразумевается журн. «Color and Rhyme» (No 57), выпущенный на английском языке.

⁴ Речь идет о публикации: *Бурлюк М.* Записи о жизни семьи Бурлюк в САСШ в 1931-м году // Color and Rhyme. 1964/1965. No 55. С. 46–99.

⁵ Очевидно, некий Александр Иванович (см. ниже примеч. 8), фамилию которого установить не удалось, написавшего статью «Бурлюк в поэзии и прозе».

⁶ Avril – апрель (фр.).

⁷ Сковорода Григорий Савич (1722–1794) – философ, поэт, баснописец.

⁸ Ср. письмо М. Н. Бурлюк Н. А. Никифорову от 19 авг 1963 г.: «Получили открытку от Александра Ивановича, он справил 78-летие. Большой, глаза воспалились, но работы о Бурлюке не оставил – “Бурлюк в поэзии и прозе” и пишет, зачем вам Рембо, ваши “предшественники великие Сковорода и Гоголь, у них выявлялся футуризм”» (Бурлюк Д. Д. Письма из коллекции С. Денисова. С. 604–605).

⁹ Симонов Константин Михайлович (1915–1979) – писатель, общественный деятель. Речь идет о переводной статье: *Simonov K. Some Basic Problems in the Study of Mayakovsky's Works // Soviet literature. 1953. No 5. P. 117–135.* Русскоязычный оригинал см.: Симонов К. Об основных проблемах творчества Маяковского // Литературная газета. 1953. 31 янв. № 14. С. 2–3; 3 февр. № 15. С. 2–4. См. также: Симонов К. На литературные темы. М., 1956. С. 157–182. В этой статье Симонов, в частности, писал о «ничтожности футуристической школы», ее «враждебности» коммунизму, о «поэтической бездарности и мелкотравчатости таких “деятели” футуризма как Бурлюк и Крученых», о «патологической заумности Хлебникова».

¹⁰ Особое отношение Бурлюка к К. М. Симонову было обусловлено еще и тем, что искусствовед Л. А. Жадова (жена Симонова) писала благожелательные статьи о чехословацких художниках, в частности, о муже его сестры Марианны (Марьяны) Давидовны Бурлюк – Вацлаве Фиала, с которым Д. Бурлюка связывала прочная дружба. См., напр.: Жадова Л. Вацлав Фиала // Искусство. 1962. № 4. С. 57–59. См. также биографические подробности семьи Фиала–Бурлюк в Чехословакии в публикации писем Д. Бурлюка А. М и С. П. Ремизовым: Обатнина Е. «Если Вы включаете Ремизова в группу футуристов – на это есть некоторые основания...» (К истории отношений писателя с авангардистами) // *Paralelli: studi di letteratura e cultura Russa per Antonella d' Amelia = Параллели: исследования по русской литературе.* Антонелле д' Амелия / A cura di C. Diddi e D. Rizzi. Salerno, 2014. С. 181–204 (Europa Orientalis. Vol. 22).

¹¹ Неточное название книги В. В. Каменского: «Его-Моя биография великого футуриста» (М.: Китоврас, 1918).

¹² Речь идет о содержании № 55 журнала «Color and Rhyme», изданного на русском языке.

¹³ Филиппова П. Е. – жена купца, владельца московских булочных Н. Д. Филиппова, мецената, спонсировавшего футуристические издания. В Каменский ей посвятил книгу «Его-Моя биография великого футуриста».

¹⁴ В. Хлебников.

¹⁵ В. В. Маяковский.

¹⁶ «Кафе поэтов» в Настасьинском переулке, в котором выступали Д. Бурлюк, В. Каменский, В. Маяковский и другие поэты, было организовано на деньги Н. Д. Филиппова.

¹⁷ Кафе «Питтореск» также было организовано на средства Н. Д. Филиппова.

¹⁸ Очевидно, речь идет о «Портрете поэта-футуриста В. В. Каменского» работы Д. Бурлюка (1917. Холст, масло. 104×104. ГРМ).

¹⁹ Местонахождение данного портрета неизвестно.

²⁰ Об этом эпизоде биографии Хлебникова см. также: Петровский Д. Воспоминания о Хлебникове. М., 1926. С. 43–44.

²¹ См. примеч. 13.

²² Речь идет об издательской марке «Китоврас», под которой вышли книги Каменского «Звучаль веснянки» (М., 1918) и «Его-Моя биография великого футуриста». По свидетельству Каменского, основателями издательства совместно с ним были П. Е. и Н. Д. Филипповы (Каменский В. Его-Моя биография великого футуриста. С. 224).

²³ Народный Иван Иванович (Jaani Sibbul, 1869–1953) – русско-эстонский революционер, журналист, художественный критик.

²⁴ Robert Wintrop Astor Chandler (1872–1930) – художник-монументалист.

²⁵ Имеется в виду журн. «Китоврас» (Нью-Йорк. 1924. № 1–3).

²⁶ Издание не установлено.

²⁷ Неустановленное лицо.

²⁸ Спасское-Лутовиново – усадьба матери И. С. Тургенева; ныне государственный мемориальный музей И. С. Тургенева.

²⁹ Двадцатилетняя дружба И. Тургенева и Г. Флобера завязалась в 1963 г. и получила отражение в переписке, публиковавшейся в Собраниях сочинений писателей на русском и французском языках.

23

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

25 февр<аля> 1964

все еще до 28.И. Флорида –

затем летим на адр<е>с – указанный (обычный) слева.¹

Дорогой друг проф<ессор> Марков:

По порядку постараюсь оботвeтить *вкратце* задeтые вами имена и темы, уточняя – где нужно, и исправляя неточности, кои с годами все более затемняют истину о былом.

*Камилла Лондонская.*²

Несколько лет назад был с ней в переписке³ – послал ей много возможного информац<ионного> мат<ериала>.

Она намечала воспроизвести ряд моих картин, но у меня не было *четких* годных фото с картин в музеях Москвы и Ленинграда. От Лондона до Парижа – вершок и, попав туда, она попала в сети Миши Л<арионова> и Наталеньки Г<ончаровой>, и попала под их влияние полностью.

Ларионов и Гончарова – прикладники, комм<ерческого> типа мастера для сцены – Дягилева, Балэ Русс – С° Мясин⁴ – К°. Он с 20-х гг. в Париже кисти в руки не взял – выполняя заказы для сцены – и *протезируя* Натали – Сергеевну Г<ончарову> (родичку жены А. С. Пушкина). Они вывезли из России – все свои, до одной – работы старых – *1907–1915 гг.*, и Камилла забила снимками с них свою книгу и испортила хорошее исследование, взяв сравнительно второстепенное не в фокусе – преувеличенно для его значимости.

Ларионов – *балагур* – московский, при миллионере Рябушинском болтун – «якобы осведомленный» – и Камилла многое написала под Мишину диктовку.

Ларионова я хорошо, *близко* знал с *1907 по 1915* г. в Москве. С 15го г. он «исчез» – боясь контакта с большевиками.⁵

В 1909 г. Ларионов гостил, работал, писал – в ГИЛЕЕ со мной. Он «дружил» – *кутили* с моим младшим братом Владимиром. Мою «биографию» Камилла – написал<а> под диктовку Миши Л<арионова>, не обращая внимание на текст моей биографии – данный на каждом каталоге или №№ Color and Rhyme. Бог и история да будут дочери Альбиона судьями.

Ларионов с 1950 года *паралитик*.

Маяковский в 1925 г. знал о моих братьях,⁶ но я его не рас<с>прашивал. От Владимира последнее письмо я имел <в> 1917 г. с фронта Салоники в Греции. Харджиев вероятно <с> датой о Коле Бурлюке прав.⁷ Он женился *после* (?) революции в Херсоне на *богатой* помещице Сербиновой⁸ – имел от нее сына. Мы имели от нее<,> *вдовы*<,> письма. Был «ликвидирован» в запас, в доску.⁹

О Силлове,¹⁰ он был в моей орбите во Владивостоке вместе с С. Третьяковым,¹¹ Чужаком¹² и Н. Н. Асеевым – в годы 1918–20. До моего перелета. Японское правительство и Роста в Японии 1920–22.

Напишу с севера – где у меня о нем имеется – материал документальный.

Ждите. Сейчас на «вылете» – мемуары М<арии> Н<икифоровны> за 1931 – 100 страниц. Мои стихи, *Хлебников* – его жизнь день за днем. Асеев и др<угие> о Бурлюке.¹³ 50 страниц – *Time and Geography in D.M. Burluk Life*¹⁴ и *Color and Rhyme*. 10 стр<аниц> . № 56.¹⁵

Любовь привет – чудо кашляющей Лидии Ив<ановне> нежно чихающей Марии Алекс<андровне>¹⁶ и вам, поющей, текущей ноздре.

Давид Marussy Burluk

¹ В левом верхнем углу почтовой бумаги чернильный штамп: MARY BURLIUK ART GALLERIES Hampton Bays, L.I., N.Y., U.S.A.

² Имеется в виду Камилла Грей.

³ Одно письмо К. Грей опубликовано в журн. «Color and Rhyme» (1961. No 45. P. 8).

⁴ *Мясин Леонид Федорович* (1895–1979) – танцовщик, хореограф, один из основателей «Русского балета Монте-Карло».

⁵ Мотивировка отъезда М. Ф. Ларионова в Париж в 1915 г. была связана с приглашением С. Дагилева заняться сценографией спектаклей для его антрепризы.

⁶ Речь идет о судьбе братьев Д. Бурлюка Владимира и Николая. Владимир воювал на стороне Белой армии и погиб, вероятно, в 1919 г. Николай был расстрелян ЧК в 1920 г.

⁷ Подразумевается дата смерти Николая Бурлюка (27 дек. 1920), впервые уточненная Н. И. Харджиевым без каких-либо пояснений (*Хлебников В. Неизданные произведения*. М., 1940. С. 474). Обстоятельства смерти Николая впервые в научной литературе раскрываются в публикации документа из архивов Службы Безопасности Украины. См.: *Крусанов А. В. Материалы к биографии Николая Бурлюка // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры*. 2001. Т. III. № 4. С. 178–183).

⁸ На Александре Сербиновой Николай Бурлюк женился в 1916 г.

⁹ Д. Бурлюк имеет в виду, что его брат Николай был расстрелян в превентивных целях, поскольку его подозревали, что в случае прихода белых он снова может сотрудничать с ними.

¹⁰ *Силлов Владимир Александрович* (1901–1930) – поэт, журналист, член группы «Творчество» (Владивосток, Чита), впоследствии сотрудник «Лефа».

¹¹ *Третьяков Сергей Михайлович* (1892–1937) – поэт, драматург, очеркист.

¹² *Чужак (Насимович) Николай Федорович* (1876–1937) – революционер, партийный работник, критик, публицист, теоретик коммунистической культуры, возглавлял группу «Творчество» (Владивосток, Чита).

¹³ Речь идет о содержании № 55 журнала «Color and Rhyme».

¹⁴ Подразумевается содержание № 57 журнала «Color and Rhyme».

¹⁵ Имеется в виду объем 56-го номера журнала *Color and Rhyme*.

¹⁶ См. примеч. 1 к п. 11.

23 мая 1964 г.

Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович!

Спасибо за последний Color & Rhyme, переданный Кулаевой. Спасибо и за письмо и сведения о Ларионове (который, кстати, на днях умер в Париже).

Простите за столько вопросов. Ваш брат Николай занимался также живописью? ¹ А Владимир писал стихи? ² И чем занимался Николай по возвращении с фронта? За что его ликвидировали?

Если знаете: почему сын Гуро – Нотенберг? ³ Это фамилия ее первого мужа, что ли?

Когда Вы издавали Требник Трoих, ⁴ Хлебников, кажется, был в Москве. Он не читал корректуры на этот раз? Спрашиваю, т<ак> к<ак> обычно Хлебникова издавали кое-как, а здесь и подбор и все другое – не подкупаешься.

У нас все тихо-мирно. Лидия Ивановна шлет привет.

Уважающий Вас

В. Марков

¹ Вопрос о живописи Николая Бурлюка был спровоцирован публикацией под его именем статей «Кубизм» и «Фактура» в сборнике «Пощечина общественному вкусу».

² Владимир Бурлюк был художником и стихов не писал.

³ Марков принял за реальность созданный Е. Г. Гуро поэтический миф о собственном сыне – Вильяме Нотенберге, памяти которого поэтесса посвятила книгу стихов «Осенний сон» (1912).

⁴ «Требник троих» (М., 1913) – поэтический сборник кубофутуристов.

25

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

Burliuk Hampton Bays

L.I., N.Y. 4. VI. 1964 11946

Дорогой безжалостный друг В. Ф. (поклоны Лидии Ивановне и маме).

Брат Николай Д<авидович> никогда не брал кисти в руки – он был тип учебного – лингвист, окончил Петрово-Разумовскую сельско-хоз<зяйственную> академию. – Учился в Питере – в университете – женился в 1916 г. на помещице, имение на Днепре и дом в Херсоне. (Его сын – Николай. Вдова нам писала, урожд<енная> *Сербинова*). Володя – археолог и был выдающимся силачом атлетом. Ученик борца Пытлясинского. ¹ В 1911–15 гг. окончил Пензенск<ое> худож<ественное> училище (для диплома). *Ничем не интересовался, кроме спорта.*

Об Елене Гуро – ничего о ее семейном положении – не знаю. *Требник троих* издан мной в Москве лично, ² и я сам *внимательно* сделал все необходимое. Были счастливы снабдить вас правдой – воспоминанием о Хлебникове – напечатали прямо только для вас. Цените!

Просим о № 55 прислать – не скупое – дружеское большущее письмо.

David Marussy Burliuk.

[Приписка на обороте:] Что поддерживается в СССР – во имя его художника партийной позиции.

Письмо написано на советской почтовой открытке с воспроизведением литографии П. Хогарта «Итальянка» (1952).

¹ *Пытлясинский Владислав Алексеевич* (1863–1933) – польский борец, чемпион мира по вольной борьбе. Основал в Одессе спортивный клуб (1913).

² На обложке сборника указаны имена спонсоров: «Издание Г. Л. Кузьмина и С. Д. Долинского». Бурлюк же осуществлял подготовку к изданию и редактуру «Требника троих».

26

В. Ф. Марков – Д. Д. Бурлюку

303 So<uth> Westgate Ave.

L.A. 49 Calif.

21 июня 1964 г.

Дорогие Мария Никифоровна и Давид Давидович!

Письмо не будет таким обстоятельным, как я хотел, потому что я в разгаре сборов: едем через несколько дней с женой в Европу. Париж, Германия, Зальцбург, Италия, Швейцария. Вернемся в сентябре.

Хочу очень и очень поблагодарить за Color & Rhyme. Номера 55 и 57 чрезвычайно ценны. Хорошо, что они вышли во время моей работы – когда еще можно вставить и поправить. Должен тут заметить, что я все еще в середине работы. Думал вчерне написать историю всего дореволюционного футуризма до отъезда в Европу, но доехал лишь до конца 1913 г. Сейчас остановился на представлениях в Луна-парк¹ – и уже больше пока писать не буду. Возобновлю работу по возвращении.

Кстати, в одном из опубликованных писем к Вам (в Color & Rhyme) спрашивают о точной дате смерти Кульбина. Если у Вас не записано, то вот дата: 6 марта 1917 г.

Я бы по-английски писал Гилею как Нулаеа – ведь так у Геродота.

О том, как умер Николай Давидович, Вы мне так и не написали.

У нас все по-старому. Все здоровы. Надеюсь, что Вы тоже.

Еще раз *очень большое* спасибо.

С сердечным приветом

Владимир Марков

¹ Речь идет о постановке трагедии «Владимир Маяковский» и оперы «Победа над солнцем» в Петербурге в начале декабря 1913 г.

27

Д. Д. Бурлюк – В. Ф. Маркову

[1964]

Каменский,

Хлебников

Маяковский – Пароход современности нашей нежности и любви:

Жить с ними, хранить память о них взаимно:
Памяти дружбы милым Владимиру Федоровичу Лидии Ивановне – Мар-
КОВЫМ

David Marussy Burluik. 1964 г.

Почтовая открытка с воспроизведением картины Н. Фешина «Poet and Artist David Burluik as a Lecturer» (1923).

28

В. Ф. Марков – Д. Д. Бурлюку

23 ноября 1964 г.

Дорогой Давид Давидович!

За последний номер Color & Rhyme спасибо. Простите, что мало пишу: занят зверски, даже книгу писать бросил. Мама Лидии Ивановны больна (после сердечного припадка), почти не сходит с постели. В остальном все в порядке. Очень хорошо съездили в Европу этим летом: Париж, Италия, Германия, Зальцбург и Швейцария.

Не совсем мог разобрать у Вас в письме – Вы просите прислать № 55 Color & Rhyme обратно?

Хорошо ли Вы знали Зданевича? Я не смог увидиться с ним этим летом в Париже – он был где-то в Греции. Что из себя представлял Сергей Бобров?¹ Вы его встречали? Он жив и в Москве, но вряд ли ответит,² как и Крученых.³ Он на всех набрасывался, но что за футуризма он хотел, не могу понять по его писаниям (не очень футуристичным).

Как поживает Мария Никифоровна? Большущий ей привет от нас всех. Кулаевы тоже кланяются. Недавно ездили вместе в оперу (я большой любитель оперы с детских лет).

Еще раз спасибо за все ответы и присылки.

Ваш В. Марков

¹ Бобров Сергей Павлович (1889–1971) – поэт, прозаик, литературный критик, издатель, лидер группы «Центрифуга».

² Писем Маркова С. П. Боброву не обнаружено.

³ Марков в 1961 г. написал А. Е. Крученых письмо с просьбой поделиться воспоминаниями о футуризме, однако Крученых ему не ответил. Причины такого поведения могут быть разными: или он боялся вступать в переписку с незнакомым ему русским эмигрантом, или же ему посоветовал оставить письмо без ответа Н. И. Харджиев, считавший изучение истории русского футуризма своей монополией и неприязненно относившийся ко всем, кто начинал помимо него заниматься этой темой.

29

Д. Д. Бурлюк – В.Ф. Маркову

[Конец декабря 1964]¹

Дорогие далекие друзья Владимир Федорович и Лидия Ивановна и мама. Поздравляем вас с Рождеством и новым годом 1965. Сожалеем о болезни

мамы. При сердце надо лежать, есть легкую пищу (мало) и чтобы работал живот, если еще не 80 лет, есть шансы оправиться, но активной жизни или работы на кухне делать нельзя. Пишете вы скудно и редко, что не удивительно: его (Маркова. – А. К., Е. О.) маленькое письмо мною затерялось (временно). Я не помню ваших вопросов в нем.

В СССР усилилось гонение на футуризм,² и Бурлюк подвергся клевете и стремлению его полной в искусстве ликвидации.³ Вы видимо (о вас мы ничего не знаем) получили образование в СССР, и держите точно большевицкую линию, задавая вопросы, не обращая внимания на присланные вам наши С x R [Color and Rhyme] – правдивые информации. В вашем обширном труде о поэмах Хлебникова, которые я напечатал, спас, переписал, мое имя вами упомянуто один раз и то вскользь, допущена фраза: «ближайшие друзья Хлебникова» кто они?? не понимали и не ценили его. Петников⁴ и Петровский⁵ побирались около поэта и лилипутно увлечены собой, чтобы быть друзьями полезными поэту. 2 года тому назад откопали записочку Ленина: «Луначарского за футуризм надо сечь». Ленин запрещал печатать Маяковского.⁶ Он обожал Марину Цветаеву с ее «Царь девица» и Кокорева⁷ с его «Сашкой».⁸ Пока Ленин был жив, Маяковский получал свою корку хлеба рисованием плакатов для экспозиции,⁹ а Хлебников замерз в канаве – его подобрали крестьяне.¹⁰ Читайте наши «С x R». Правда о Хлебникове, о Маяковском, о Блоке, Горьком и др. В книге Бродского «Горький и художники»¹¹ Марусин дневник без указания автора переведен и приписан Григорьеву.¹² В то время как Асеев ставит Бурлюка выше Блока, воспевавшего в «12» юнкеров, идущих на защиту Учредилки. Перцов¹³ сейчас прислал мне брошюрку «Маяковский и Горький»,¹⁴ где он виляет хвостом перед богачом Пешковым (протеже Сережи Скимунта)¹⁵ и пытается создать легенду о дружбе между М<аяковским> и Г<орьким>, игнорируя правду. Горький писал в 1927 г.: «Маяковского я считаю вне литературы». По приезде в Россию Горький с Маяковским общения не имел, являясь его злейшим врагом. Блок никогда не выпил чашки чая с Маяковским.¹⁶ Жаль, что спецы литературы (вроде вас) придерживаются отсебятины в СССР – необходимой партии. Читайте поляка Ворошильского¹⁷ о Хлебникове и Спивака – о Маяковском¹⁸ в Варшаве – независимость от большевиков в Москве – правда.

Привет. Любовь. David Marussy Burliuk.

Письмо, по всей вероятности, написано рукой М. Н. Бурлюк под диктовку мужа.

¹ Датируется по содержанию.

² Усиление «гонения на футуризм» происходило в связи с погромными выступлениями Н. С. Хрущева (1962), вызвавшими кампанию в прессе против авангардных художников и поэтов.

³ В письме Н. А. Никифорову Бурлюк констатировал (9 февр. 1964): «Мое имя в России под запретом и в печати не упоминается – запрещено» (*Бурлюк Д. Д. Письма из коллекции С. Денисова*. С. 623), и далее (17 авг. 1964): «Мы сейчас получили книги *Горький и художники* (Бродский – Ленинград). *Маяковский художник* Слуцкого и *Маяковский в воспоминаниях*. Все полно желанием живо похоронить Бурлюка или очернить, осмеять его» (Там же. С. 640).

⁴ *Петников Григорий Николаевич* (1894–1971) – поэт, переводчик, издатель.

⁵ *Петровский Дмитрий Васильевич* (1892–1955) – поэт, прозаик.

⁶ Данное утверждение не соответствует действительности. В известной записке Ленина Луначарскому он предлагал не запретить печатание поэмы Маяковского «150 000 000», а лишь снизить ее тираж (*Наумов Е.И.* Ленин о Маяковском // Литературное наследство. Т. 65. Новое о Маяковском. М., 1958. С. 210).

⁷ *Кокорев Иван Тимофеевич* (1825–1853) – прозаик, очеркист.

⁸ Правильное название повести – «Савушка».

⁹ Очевидно, имеются в виду плакаты «Окон РОСТА», которые по тем временам были достаточно высокооплачиваемой работой.

¹⁰ Подобный эпизод в биографии В. Хлебникова неизвестен.

¹¹ Речь идет о книге: Горький и художники. Воспоминания. Переписка. Статьи / сост. и авт. вступ. статьи И. А. Бродский. М., 1964. См. также письмо И. А. Бродского Д. Бурлюку (26 июля 1961) с просьбой выслать воспоминания о Горьком для книги «Горький и художники» (Color and Rhyme. 1964/1965. No 55. P. 41–42). Через месяц Бурлюк сообщил: «Посылаю Иосифу <у> Анатольевичу <у> Бродскому материал о Горьком» (*Бурлюк Д. Д.* Письма из коллекции С. Денисова. С. 455). За несколько лет до этого Бурлюк жаловался Н. А. Никифорову: «В книге И. А. Бродский (1956) выбросил мое имя и рисунки с меня и Людмилы Давидовны», что имело в первой монографии, изданной при жизни художника» (Там же. С. 444). В книге «Горький и художники» были помещены воспоминания Д. Бурлюка о Горьком.

¹² *Григорьев Борис Дмитриевич* (1886–1939) – живописец, график. В примечании к публикации дневниковых записей Григорьева было сказано, что дневник «опубликован под названием “Наброски на песке” в литературной редакции М. Н. Бурлюк. “Color and Rhyme”, Нью-Йорк, 1951, № 23» (Горький и художники. Воспоминания. Переписка. Статьи).

¹³ *Перцов Виктор Осипович* (1898–1980) – критик, литературовед.

¹⁴ Речь идет не о брошюре, а об отдельном оттиске статьи: *Перцов В.* Маяковский и Горький: Из истории литературных взаимоотношений // Известия АН СССР. Серия лит. и яз. 1964. Вып. 4. С. 291–304.

¹⁵ *Скирмунт Сергей Аполлонович* (1862–1935) – издатель и книготорговец.

¹⁶ Тема о взаимоотношениях Маяковского с Горьким и Блоком поднималась Бурлюком также в переписке с другими корреспондентами. См.: *Бурлюк Д. Д.* Письма из коллекции С. Денисова. С. 55. Больше всего он возмущался тем, что советское литературоведение создает миф о дружеских отношениях Маяковского с Горьким и Блоком, совершенно игнорируя реальную дружбу Маяковского с ним.

¹⁷ *Ворошильский Виктор* (Woroszylski Wiktor, 1927–1996) – польский литературовед. Автор книг о Маяковском: *Włodzimierz Majakowski. Listy do Lili Brik: 1917–1930 / Przekł., wstęp i przypisy Wiktor Woroszylski* (1962); *Woroszylski Wiktor. Życie Majakowskiego* (1966). Книг о Хлебникове В. Ворошильский не выпускал. См. также письмо В. Ворошильского Д. Д. Бурлюку (20 сент. 1963), в котором он, в частности, писал: «Хочу Вас уверить, что в книге о Маяковском, над которой я работаю, роль Давида Бурлюка как отца русского футуризма и человека, которого Маяковский называл прекрасным другом и своим действительным учителем, будет показана в полном объеме с целым уважением и любовью, которых вы заслуживаете» (Color and Rhyme. 1964/1965. No 55. P. 29).

¹⁸ По-видимому, Бурлюк перепутал авторов польских книг о Маяковском и Хлебникове. Ян Спивак писал не о Маяковском, а о Хлебникове. См. п. 18, примеч. 2. Бурлюк откликнулся на эту книгу: «В очерке, посвященном – Хлебникову, дана яркая правдивая панорама лит. жизни в России в годы зарождения, формовки и расцвета футуризма. На стр. 6-й упоминается роль – Марии Бурлюк в ее активном участии в деле поддержки развития талантов Хлебникова и Маяковского. На стр. 7-й Спивак говорит, что символисты забавлялись слушать Хлебникова, но никто из них не помог ему опубликовать его стихи! На стр. 30 и 31 Спивак приводит полностью сцену позориа, созданного Есениным и его собутыльниками в Харькове в 1919 году в целях личного обогащения. <...> С отъездом Бурлюка из России – Хлебников – был оставлен на голодную смерть» (Color and Rhyme. 1964/1965. No 55. P. 29).

Библиографический список

1. *Бурлюк Д. Д.* Письма из коллекции С. Денисова. Тамбов, 2011.
2. *Бурлюк Д.* Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб., 1994.
3. В. Ф. Марков: письма «последних из могикан» русского футуризма / публ. Ж. Шерона // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1994 год. СПб., 1998. С. 312–313.
4. *Харджиев Н. И.* Маяковский и Хлебников // To Honor Roman Jakobson. Essays on the occasion of his Seventeenth Birthday. The Hague; Paris, 1967. P. 2301–2327.
5. *Markov V.* The Longer Poems of Velimir Khlebnikov. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1962.

Т. Г. ГНЕДИЧ
«ПОДРОБНЕЙШЕЕ ОПИСАНИЕ ПРЕБЫВАНИЯ В МОСКВЕ
«ДОН ЖУАНА» С 9 МАРТА 1964 ПО 13 МАРТА ТОГО ЖЕ ГОДА –
ВКЛЮЧИТЕЛЬНО»

*(Вступительная статья, подготовка текста
и комментарии Е. В. Виноградовой)*

Аннотация: В работе впервые публикуются дневниковые записи поэта и переводчицы Т. Г. Гнедич о гастролях в Москве спектакля «Дон Жуан» Ленинградского театра комедии в постановке Н. П. Акимова (по поэме Дж. Байрона в переводе Гнедич). В преамбуле приводятся сведения о ходе совместной работы режиссера и переводчицы над адаптацией поэмы к сценическому воплощению; в дневниковых записях содержатся впечатления Гнедич от поездки в Москву, просмотрных спектаклей, оценка ею исполнительского мастерства актеров; в дневнике обозначен круг друзей переводчицы, присутствовавших на спектаклях, записаны их отзывы о постановке, а также непосредственные отклики на постановку московских зрителей.

Ключевые слова: гастроли, спектакль, режиссер, поэма, актер, перевод, сцена, дневник, зрители.

Abstract: This article contains the first published diary notes of the poet and translator T. G. Gnedich about the tour performance in Moscow of «Don Juan» directed by N. P. Akimov at the Theater of Comedy (on the poem by Lord Byron translated Gnedich). The preamble provides information on the progress of the joint work of the director and translator on the adaptation of the poem to the stage incarnation; the notes contains impressions from Gnedich look up performances in Moscow, its evaluation of the performance skills of the actors; entries marked circle of friends interpreter present at the spectacle, recorded their feedback about the production, as well as immediate feedback on the performance of the Moscow audience.

Key words: tour performance, spectacle, director, poem, actor, translation, stage, diary, spectator.

Спектакль «Дон Жуан», поставленный режиссером Николаем Павловичем Акимовым по поэме Байрона в переводе Татьяны Гнедич, произвел в Ленинграде настоящий фурор. После премьеры, которая состоялась 14 апр. 1963 г., о нем восторженно отзывались и участники, и зрители, и критики. «Байрон заговорил с нами, как современник. Этому немало способствовал блистательный перевод Т. Гнедич, который сразу передвинул поэму из разряда обычно трудночитаемых в число тех классических произведений, где и поныне живет и звенит каждая строка».¹ «Не часто слышишь на драматической сцене такое

¹ Марченко Т. Когда нет равнодушных // Ленинградская правда. 1963. 15 мая. № 113. С. 3.

одушевленное чтение стиха, где схвачена его фактура и его стиль, где есть простор мысли и чувству. Вдохновляющую роль тут сыграл, бесспорно, перевод Т. Гнедич: он сам по себе поэзия и подвиг».² Большая статья Веры Федоровны Пановой «Вечное возвращение» появилась в газ. «Известия». В ней подробно рассказывалось о построении спектакля, о его пантомимах, о блистательной игре актеров и, конечно, о стихах: «Каскад блестящих стихов (перевод Татьяны Гнедич, ее же пролог и эпилог) и каскад блестящих картин, пронизанных тонким вкусом и артистизмом, сливаются в едином счастливо найденном ритме. Акимов – постановщик, Акимов – художник, Акимов – создатель сценической композиции текста – единое целое в этом гармоническом умном спектакле, на языке театра пересказавшем нам одно из лучших творений Байрона».³

Татьяна Григорьевна Гнедич, переводчица, поэт, была счастлива: она подружилась с Акимовым и его женой Еленой Юнгер, работала с утра до позднего вечера с актерами, переписывала текст сценария, который сохранился в ее архиве (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 25). В небольшом альбоме она начала писать подробный дневник, в нем освещалась работа над спектаклем и подробно описывались прогон, премьера, интересные приемы в работе актеров и отзывы зрителей.⁴ Но дневник был прерван: счастливое окончание работы в театре и блестящая премьера осложнились болезнью сценариста. Спектакль потребовал много здоровья и сил у тех, на ком лежала ответственность перед художником: у Николая Павловича Акимова, который лежал в больнице с инфарктом в марте 1962 г. и у Татьяны Григорьевны Гнедич, которой стало плохо прямо на сцене в марте 1963 г. Несмотря на плохое самочувствие после напряженной работы, Гнедич приезжала на спектакли «Дон Жуана» и выходила на поклон к зрителям вместе с актерами и режиссером, и это стало причиной ее прединфарктного состояния. Половину лета 1963 г. она пролежала в больнице. Но когда она узнала, что спектакль с нетерпением ждут в Москве и она может поехать на гастроли вместе с театром в марте 1964 г., Татьяна Григорьевна воспрянула душой. Она забросала вопросами своих московских подруг, Валентину Байер и Эллен Краинскую: ехать или нет, лучше одной или с мужем, где лучше ночевать – в гостинице или в гостях.⁵

Читая письма Гнедич этого времени, необходимо помнить, что Татьяна Григорьевна после возвращения из лагерей и реабилитации редко выезжала. У нее были знакомые в Москве и на Украине, двоюродный брат в Одессе, многие ее любили и ждали, но у нее не было, во-первых, здоровья и, во-вторых, времени. До 1959 г. шла подготовка перевода «Дон Жуана» Байрона к выходу в свет, далее – переводческая студия, новые переводы, работа над сборником собственных стихов. Все это приносило радость, но держало дома, сначала

² *Золотницкий Д.* Лорд Байрон по-Акимовски // Смена. 1963. 4 июня. № 130. С. 4.

³ Известия. 1963. 23 июля. № 147. С. 5.

⁴ РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 86. См. публикацию Е. В. Виноградовой: «Т. Г. Гнедич. Дневниковые записи о постановке спектакля “Дон Жуан” в Ленинградском театре комедии» // Литературный архив советской эпохи. СПб., 2018. С. 447–460.

⁵ Копии писем Т. Г. Гнедич сохранились в ее архиве: РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 124 (письма к В. П. Байер) и № 135 (письма к Краинским).

в г. Павловске, затем в Пушкине. Поэтому поездку в Москву (с Акимовым!) писательница воспринимала как возвращение в молодость: «И снова – детство пришло в купе – бездумное удовольствие путешествия, радостного и легкого, с веселыми встречами впереди...», – так она писала в начале своего дневника, который предлагается вниманию читателя.

Необходимо также отметить, что Т. Г. Гнедич как раз перед поездкой в Москву в 1964 г. стала знаменитой на всю страну: 30 янв. в газ. «Известия» напечатали большую статью Т. Сатыр «Один листок перевода» (републикация по просьбе читателей одноименной статьи из «Вечернего Ленинграда» в рубрике «Твои земляки, ленинградец»).⁶ В статье рассказывалось о судьбе замечательной переводчицы Т. Гнедич, «женщины с добрым, открытым лицом», пострадавшей от культа личности, о ее мечтах, о ее творческом вечере в Доме писателей им. Маяковского, был приведен отрывок из ее стихотворения «Рассвет». Особенно трогателен конец статьи: «Служению высоким идеалам добра, света и справедливости посвящен весь творческий путь этой замечательной женщины». Несмотря на некоторый вымысел и наивность статьи (особенно с высоты сегодняшнего дня), все были рады за Татьяну Григорьевну, те же подруги сообщали ей о своей гордости за нее и обещали сохранить для нее газеты, которые сама Гнедич купить не успела.

Когда Татьяна Григорьевна писала дневник о гастролях в Москве, она была очень счастлива. Это чувствуется в каждой строке: состояние радости, легкости, наслаждения жизнью, которого у нее всегда было так мало. Это путешествие она воспринимала как подарок, преподнесенный ей после всех испытаний. Радости ей добавляло еще то, что рядом был муж, Георгий Павлович (по воспоминаниям знакомых Гнедич, горький пьяница), который вдруг оказался опорой, ездил доставать билеты на спектакль и уговаривал жену брать такси – беречь сердце. Читая дневник, мы неожиданно понимаем: это рассказ не о театре, а о себе. Возможно, Татьяна Григорьевна и собиралась на радостях очень подробно осветить каждый час жизни любимого театра в Москве, не зря написала такое заглавие: «Подробнейшее описание...». Но в ней поэт все-таки победил хроникера: непосредственно о спектакле написана одна страница в конце, она же знала, что все будет в порядке, недаром отдала этому спектаклю столько сил и здоровья в прошлом году. А вот о себе во время гастролей написано много: впечатления, встречи, подробное описание визита П. Г. Антокольского, который редактировал ее стихи. Подготовка спектакля ушла в прошлое, сборник своих стихов, который, как ей казалось, вот-вот будет издан, занимал ее больше. Она была права: и без нее о спектакле было много сказано, он произвел фурор и в Москве. В газ. «Советская культура» уже 14 марта 1964 г. появилась статья И. Флоринского «Внимание! Байрон говорит!», в которой спектакль ленинградского театра был назван «событием интересным, волнующим». «То, что зрители увидели в этот гастрольный приезд театра, не укладывается в рамки привычного понятия театрального спектакля, это концерт, где актеры en fias читают

⁶ Известия. 1964. 30 янв. № 25. С. 4; Вечерний Ленинград. 1964. 15 янв. № 12. С. 3.

бессмертную поэму Байрона, где <...> жанровые сценки, которые могли бы сделать честь любой эстрадной программе, это спектакль яркий, насыщенный и по-настоящему театральный».⁷

Вскоре после приезда в Ленинград Татьяна Григорьевна писала подруге Эллен Краинской: «Да, и для меня Москва промелькнула, как экспресс, только и осталось в памяти “сиянье”, напоминающее расцветку павлиньего хвоста, и ощущение промелькнувшего состояния удивительно-простого, радостного, легкого “бытия”... И прошло все это так мгновенно! Вот я уж опять в моей “щели”...».⁸ Но писательница понимает, что путешествие в Москву дало ей импульс к дальнейшим поездкам, что она теперь может не бояться за свое здоровье, которому полезны положительные эмоции вне дома, и должна быть смелой и уверенной в себе. В письме брату, К. Ф. Ливанскому, в Одессу она сообщала: «А что делаю я? Авантюричит моя судьба, задумывая мне все новые и новые встречи. В первую поездку в Москву (с Георгием) – слушала неистовые похвалы спектаклю и “себе” от Тихонова, Антокольского, от каких-то юношей из английской газеты и т. д. и т. п. ... Снимали меня репортеры, расспрашивали, слушала я разные суждения, сидя инкогнито в зрительном зале. Много всякого. Во второй раз ездили в Москву в июне (второй раз там был «Жуан»). На сей раз познакомилась с Корнеем Ивановичем Чуковским».⁹ Чуковский пригласил Татьяну Григорьевну к себе в Переделькино в конце августа на детский праздник «проводы лета» (и она поедет!), а в июле она отправляется в трехдневные гастроли с «Дон Жуаном» уже в Ригу. В конце того же письма она добавляет: «Вот моя жизнь. Пожалуй, что хорошая? Не знаю. Сегодня мне кажется, что даже очень хорошая».

Текст дневника Т. Г. Гнедич дается по машинописи с ее правкой: РО ИРЛИ, ф. 810, оп.1, № 87. Особенности пунктуации автора (многочисленные тире и кавычки) сохранены.

⁷ Советская культура. 1964. 14 марта. № 32. С. 2.

⁸ Письмо Гнедич к Краинской от 18 марта 1964 г. // РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 135, л. 23.

⁹ Письмо Гнедич Ливанскому от 27 июля 1964 г. // РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 138, л. 16–16 об.

Уезжали 8-го марта – в Международный женский день – для блистательных гастролей именно «Дон Жуана» – день весьма подходящий. Но погода была угрюмая: визгливая метель, поземка, порывистый недобрый ветер.

На вокзал приехали очень заранее, потому что в такие угрюмые погоды кажется, что все не удастся, в том числе и на поезд опоздаешь. Вероятия опозданий, ошибок, мелких потерь как-то повышаются... Но на вокзале – в зале ожидания – было уже светло и тепло, и мысль о предстоящей Москве уже заглушала неприятное впечатление от плохой питерской погоды...

Когда же подали поезд и можно было сесть в вагон – стало совсем просто и хорошо: купе двухместное, все чисто, все блестит, кондукторша приветливая... Что-то смутно напоминающее «золотое детство», когда все удавалось легко и просто, все улыбалось приветливо и ободряюще, мол: «добро пожаловать в жизнь! все семафоры открыты!»...

Минут за 15 до отхода поезда пришли веселые, молодые, хорошие Коля и Галя¹ – с букетом белых цветов и букетиком первых фиалок. В их добром отношении столько весны и счастья, что сам становишься моложе и счастливее. Они посидели, поболтали, поулыбались и, «обогрев» весь вагон своей молодостью и ясностью, вышли на перрон, откуда еще помахали руками и, весело оглядываясь и улыбаясь, пошли домой. (Отход поезда задерживался из-за того, что задержанный метелью поезд из Финляндии опаздывал довольно значительно.)

Наконец прицепили локомотив, сильно толкнув весь состав, и через несколько минут поезд как-то незаметно – пошел: тихо-тихо, тихо-тихо. Кондукторша принесла чай в обычных подстаканниках и кусочки сахара в спец. обертке.

И снова – детство пришло в купе – бездумное удовольствие путешествия, радостного и легкого, с веселыми встречами впереди...

Спали крепко, даже, я сказала бы, сладко. Проснувшись – увидела покрытые снегом холмы Подмосковья и то поднимающиеся вверх, то весело сбегаящие вниз – заборики, цепочки кустов, мосточки... Москва возникла сразу – хотя я все время очень внимательно рассматривала именно подмосковные дачи.

Егорушка² деловито взял чемоданы, и мы вышли на светлый, озаренный утренним солнцем перрон. Носильщики неслись, как угорелые, кто-то куда-то спешил, но мы спокойно шествовали к такси. Не пройдя и десяти шагов – справа – внимательный взгляд Егория заметил не-такси, явно намеревавшееся «поработать».

- Свободен, друг?
- А вам куда?
- В гостиницу «Москва»...
- Ну садитесь, подвезу...

(Это московская манера «притворяться», будто делаешь любезность «пассажиру», чтобы эти самые пассажиры «не зазнавались»...)

Замелькали милые московские улицы... Недалеко от Басманной поперек дороги стал трамвай, и сразу возникла пробка. Кондуктора бегали вокруг запу-

тавшегося провода и кричали друг на друга (по мере того как шли минуты – накопилось три-четыре трамвайных состава), явился милиционер и деловито велел машинам «взять влево» – против правил, что и было сделано, и мы поехали дальше. Больше приключений по дороге не было. Быстро доехали до гостиницы. Поворачивают там машины, проехав некоторое расстояние вперед, так что открывается Красная площадь и «позлащенные утренним солнцем» башни Кремля.

Гостиница «Москва» – обширный вестибюль – всё в манере «люкс»... На оформление и прописку паспортов уходит около 20 минут – и мы идем к лифту – надо бы занять свой номер – 529! С удивлением провинциалов наблюдаем лифт, над которым имеется ряд цифр, освещаемых электрической лампочкой по мере того, как лифт останавливается в соответствующем этаже. Этот столичный лифт доставляет нас на 5-й этаж. Егорушка деловито и солидно предъявляет соответствующую бумажку дежурной, и она приветливо разъясняет, куда идти: в конец коридора, последняя дверь направо.

Идем по половику. Солнце светит все веселей и веселей.

521, 525, 527... а, вот и 529! Георгий все с той же веселой деловитостью – поворачивает ключ в замке – и мы входим в светлую прихожую. Все сияет утренним солнцем. Все приветливо. Комната большая, квадратная, с письменным столом, двумя кроватями, покрытыми какой-то красивой оранжевой тканью, похожей на атлас.

Окно выходит во двор, но над крышами виден Кремль! Голубое мартовское небо сияет...

Первое, что делаю: начинаю «названивать»: Краинские³ вовсе не отвечают, со Ставицким⁴ – молодым автором-драматургом, который жаждет повидаться со мной, т<ак> к<ак> пишет пьесу на тему о том, как у честного следователя появлялось сомнение в виновности подсудимого, – так вот с этим юношей созваниваемся и назначаем свидание на 11 марта. Потом звоню в Пушкин: сообщить Анастасии Дмитриевне⁵ свой номер телефона.

Через несколько минут после того как закончен разговор с Пушкином, снова звоню Краинским – ответа нет. Потом – звонок мне. Оказывается, некая Софья Хамановна, секретарь Твардовского, просит билеты на «Жуана», дает свой телефон К-4-57-01. Обещаю. (Забыла упомянуть, что в вестибюле гостиницы Зиновий Самойлович Бахрах – администратор Театра комедии – наскоро вручил мне записку на 30 билетов.) Но каждый билет – увы! – по 3 рубля! А у меня всего 50 (нужно-то ведь 90!), решаем сперва выкупить на два дня – 9 и 10, а позже, по мере того как некоторые из приглашенных «заплатят», – купить и остальные. За билетами надо поехать к 12-ти. В ожидании этого – созваниваюсь с Соколовыми⁶ (восторги, восклицанья, умиления и т. д.), с Павлом Григорьевичем Антокольским,⁷ который будет на первом спектакле – 9-го марта. Билеты ему обещаю прислать с Василием Бетаки,⁸ который у меня должен быть после 12-ти... Словом – все утро – сплошная подготовка программы последующих дней...

Дозваниваюсь и до журнала «Молодой коммунист» и уславливаюсь о встрече с редактором – Райсой Васильевной Короленко⁹ – на 10 марта. К 12-ти часам отправляемся с Егорушкой в зал Чайковского. Едем метро (оно

находится тут же, под гостиницей). После длительных переходов выходим у самого зала Чайковского – на светлый холодноватый весенний воздух. Покупка, точнее, «выкупка» билетов занимает очень мало времени. Едем обратно. Отмечаю, что вокруг зала стоят «чающие» «лишнего билетика» (это с 12-ти часов дня!!!). Возвращаемся в гостиницу. Прибегает Василий. Прошу его доставить два билета Антокольскому. Прибегает бледненький юноша – от Твардовского – вручаю ему 4 билета, он умоляет «еще два». Ффффу! Устала!

Первая половина дня, как будто, закончилась. Идем в 7-й этаж – чего-то поесть. День накануне был, говорят, очень холодный, и помещение «выстыло»: ресторан размещен в надстройке (или чем-то вроде того), состоящей из своеобразного коридора с широкими – во всю стену – окнами, из которых дует, как из проруби. Чувствую, что меня продувает насквозь. Но я соображаю, что я в шерстяном платье, – и «выдерживаю»... После обеда (поданного чрезвычайно медлительно!!!) возвращаемся в номер, и Егорий категорически требует, чтобы я легла и поспала. Подчиняюсь. Сплю. Лежу, как в детстве – блаженно навзничь на большой, широкой, мягкой кровати... Почему мне вспоминается детство? Вдруг соображаю: да это же от гостиницы! Ведь это я впервые после 1916 года – останавливаюсь в гостинице с полным комфортом и с самым солнечным настроением... Так это и есть: «освещение» детства! солнце детства! и мой «Жуан»! и бережность Егорушки, и приветливая усмешка «Его Величества Тролля!»¹⁰...

Меня будит звонок Адольфа Ефимовича Краинского: он узнал номер моего телефона и сообщает, что у них номер изменился, потому никто и не отвечал. Я говорю, что на 9-е билет уже отдала, а на завтра – на 10-е – обещаю. Но прошу за ними приехать утром 10-го же.

Созваниваюсь с Валентиной Павловной¹¹ о встрече – тоже утром 10-го (финансовые манипуляции).

И вот уже 6 часов. Надо спешить в театр.

Надеваю самое скромное – черное шелковое платье (с зеленой шерстяной кофточкой). Отправляемся.

Опять – метро. Уже у эскалатора – «чающие» чуть не останавливают проходящих вопросами «лишнего билетика»... В театре – толпа. Чтобы не тревожить администрацию, мы на первый спектакль идем на платные места.

В театре встречаем Антокольского. Он в фойе «христосуется» с Ник<олаем> Павловичем Акимовым.

Сидим мы рядом (он пришел с Васей Бетаки, но уступил его, точнее, «обменял» его на меня). Василий сидел с Егорушкой, а я – с Антокольским. Не думаю, что Василий втайне не чертыхался, но «уступить» ему Антокольского на весь спектакль – мне вовсе не хотелось, тем более, ведь билеты предоставлены мною, и, следовательно, моя воля кое-что значит!

9-е марта заканчивается чувством радостной усталости... 10-го утром – к 12-ти – обещал быть у нас П. Г. Антокольский.

Забывая деталь: в театре, после второго акта, Антокольский познакомил меня с какой-то родственницей Марины Цветаевой – не то дочь, как будто.¹² Надо будет переспросить. Высокая, с сильной проседью, с умным и много страдавшим лицом. Потрясли друг другу руки. Обещали встретиться или «встречаться» – и всё.

Потом подошла дама с лицом, что-то смутно напоминающим. Оказалось, что мы встречались «там», и она помнит, как я читала «Жуана» наизусть – для «любителей». Она дала свой телефон, просила позвонить, встретиться (а я только сейчас вообще-то и вспомнила, что обещала позвонить). Теперь придется писать кому-нибудь из знакомых и просить позвонить и узнать точный адрес.

Мы вот упрекаем «знаменитостей» в том, что они «заплывают жиром», а ведь это неправда: не «жир» это, а «отеки», «неправильный обмен», нарушение закономерного порядка дня, работы, мыслей – случайными встречами, ненужными «излияниями» и т. п. и т. п. Иному, может, от этой «популярности» в пору в Сибирь сбежать – а надо всем улыбаться. Но потом – проспишься – и снова приятно, и снова улыбаешься всем и каждому, а 50 процентов-то все-таки просто «любители» поболтать... Ну и как же тут быть? Прослыть «чванливым» и «негостеприимным» в моральном отношении? Тоже вроде бы не хочется... Попусту болтать? Обидно время тратить... Вот память услужливо и подстраивает «забывчивость» – мол, простите, жаждал повидаться, но память подвела: захлопотался... А ведь честное слово: действительно, только сейчас вспомнила, что обещала этой даме – по фамилии Прокофьевой¹³ – на следующий день позвонить. И ощущаю себя «зело свиной»!!!

10 марта. Просыпаемся в 8 часов – и ничуть не спать не хочется! Тепло, уютно. Настроение – буквально отличное: под боком – только нажми штепсель – ванная с постоянной теплой водой, а за окном весеннее солнце. Снова что-то от далекого безмятежного детства, от светлого детства на Новинском бульваре: весна, радость, только начало «праздника» жизни – безотчетная голубизна... Все существо, весь организм позабыл – совершенно сознательно позабыл – что жизнь уже на исходе, что уже пережиты чернейшие бури – нет... ничего плохого еще не было и уже не будет: солнце и голубизна – единственное, что осталось и остается, что «пребывает» во Вселенной.

Первый звонок от Шуваловой,¹⁴ секретаря парторганизации театра. Она в тревоге: сегодня будет на спектакле «сама Фурцева»,¹⁵ а писатель «Моня Прут»¹⁶ только что звонил Шуваловой и утверждал, что якобы многие заметили и отметили наличие в тексте «антисемитских подтасовок!!!!!» (урод и глупец – говорю я). В чем же дело? В тексте 1-го акта три раза (!!!) упоминаются евреи – и каждый раз недружелюбно:

1. Любовницы пошли за полцены
Одна – еврею, а одна – аббату...
2. Дон Хозе...
Идальго чистокровный, без следа
Еврейско-маврской крови...
3. ... (от лица «наследников»)
Даем под их кончину векселя,
Процентами евреев веселя...

Шувалова умоляет «уговорить» Ник<олая> Павл<овича> «убрать этих евреев!»: «Он только Вас послушает! Он ведь никого из нас не послушает!». Обещаю «уговорить». Звоню 2933 – это телефон «Его Величества Тролля». Говорю ему: «Ради Аллаха! Давайте уберем двух евреев из первого акта!!!». – Ну а что там с ними случилось? – спрашивает он непреодолимо-насмешливо и в то же время почти уныло. Говорю: принципиальный еврей – Мона Прут – усмотрел у Байрона «задатки» антисемитизма. Предлагаю первый случай – относительно того, что любовницы дона Хосе пошли «одна еврейю, а одна – аббату» оставить в тексте, поскольку это явно антирелигиозный выпад великого поэта, стремившегося такой фразой «бросить тень» на католического аббата, которому надлежит быть уже вовсе «холостым»... Но в двух других октавах можно бы сказать: «презренной маврской крови» или «нечистой» маврской крови...», а относительно «процентов» выразиться точнее: «ростовщиков наживой веселя!». Он смеется, но соглашается и дает санкцию позвонить Савостьянову.¹⁷ Дозвониться не могу, но сообщаю Шуваловой, что «победа одержана». Она – только что не крестится!

Мы с нею решаем, что я просто приеду в театр немного пораньше и лично скажу Савостьянову о нужной перемене. Это ведь просто.

Звоню Вал<ентине> Павл<овне > и прошу ее ко мне зайти. В 10.30 мы сидим с нею за столом и говорим о разном – о «чертежах» жизней. О том, что у меня лично чертеж всей жизни построен на принципе крутых взлетов и спусков, равно и «подведения к самой черте». Говорим и о защитной реакции памяти, которая даже при жизни уже «хозяйничает», выключая все то, что могло бы повредить становлению правильного мирозерцания. Все слишком «тупящее» и «мелко-злое» память начисто выключает, но настоящее черное оставляет же. А зачем? Вот я, например, целые куски «лагеря» забыла начисто, а отдельные «кадры» Блокады до сих пор горят в памяти, как язвы, которых ничем не заживить.

В 12.30 является расчудесный Павел Григорьевич Антокольский. (Его-рушка еще раньше ушел с моей запиской в зал Чайковского – выкупать оставшиеся билеты – на 11, 12 и 13-е.)

Антокольский чудесно настроен. Несколько минут они разговаривают с Валентиной Павловной о спектакле – потом она «заторопилась» уйти. Он ужасно галантно подает ей пальто, что хотела сделать я. Притворяется он, будто «метнул на меня» оскорбленный взгляд, и говорит: «Вы что ж это? Нарочно при мне подаете пальто даме? Вы что именно этим подчеркнуть-то желаете?». После этой реплики следует легкий смех, и мы провожаем Валентину Павловну.

Оставшись вдвоем, мы продолжаем разговор о спектакле. Рассказываю ему о претензиях «Мони Прута» относительно недоброжелательного упоминания о евреях у Байрона. Смеясь, подсказывает варианты переделок: «нечистой маврской крови...» – ведь и «презренная», и «нечистая» будут вместо еврейской, значит, если кто «склонен принохиваться», так еще хуже получается: презренный, нечистый – синонимы слова «еврейский»!!! Говорит о Жуане, что Воропаев¹⁸ его отлично играет и «подает»: «полностью веришь в его молодость

и прелесть». (Кажется, Антокольский выразился чуть-чуть иначе: «полностью веришь его молодости и прелести».) Это действительно тоньше и точнее сказано. Критикует «телосложение» актрис с хорошенькими лицами и... «талией в районе бедер». Особенно непримиримо настроен к греческим картинкам: «вампука!.. оффенбаховщина! Меандры не спасают!!!». А вообще считает, что спектакль «умный, яркий, настоящий, спектакль высокой культуры».

Егорий возвращается с билетами. Я посылаю его заказать кофе, но тут Павел Григорьевич заявляет, что угощает он, т<ак> к<ак> мы – «гости» в Москве. Он «умелым жестом» вызывает по телефону ресторан и заказывает кофе с коньяком и апельсины. Поскольку за два билета я с него ничего не взяла, я «позволяю» ему истратить на угощение 6 р. 50 коп. (билеты стоили 6 рублей, так что все в порядке).

Антокольский настроен «высоко». Разговор переходит на мой сборник.¹⁹ Излагаю мое желание, чтобы редактором был именно он.

– А Всеволод Александрович?²⁰ Он на меня не обидится?

– Не думаю: Всеволод Александрович занят тем, что перелистывает «эмали и камни» с собственным изображением, ему сейчас ни до кого нет дела...

– Гм... Ну что ж... Я-то готов... Только чтобы нареканий не было: мол, москвичи считают, что в Ленинграде и поэтов-то нет!

Обещаю все уладить. Перехожу к стихам. Объясняю принцип построения сборника и читаю: сперва «Блокаду». Он чудно слушает: остро, внимательно, делает краткие и очень неопровержимые замечания.

Читаю в таком порядке:

1. «Черный город в глубоком снегу...»²¹ Никаких возражений. Особенно внимателен к последним строкам. Слушает отлично: всем существом. На мое замечание «это стихотворение, вероятно, придется убрать из-за “Ангела”» – буквально «вскидывается»: «Ни в каком случае! Ни в каком случае!» Вот почему мне нужен именно такой редактор!

2. Обстрел.²²

Очень одобряет, но «схватил» третью строчку: «обстрел прицелки дальней» – нехорошо «прицелки». Тут нужен точный артиллерийский термин, тогда эта строфа сомкнется с заключительной. Кажется, есть термин «кинжальный» обстрел, вот его бы взять!

3. «А черная столица вся – вниманье...»²³ – возражает против слова «закланье». Закланье не антоним «бессмертья», очень часто именно и только «закланье» и приносит «бессмертье». Тут нужно найти именно антоним – прямое, глубоко-точное противопоставление: бессмертье иль.....что? А ведь прав! Как это я столько раз это стихотворение читала, и никто ни разу не обратил внимания на такую ризительную вещь!

4. Сонет «И вот – рассвет. Еще за горизонтом...» Очень восторженно отнесся к последним 6-ти: бьет пред Иверской поклоны...²⁴

Кассандра.

Особенно: «и серафимы в странном оперенье читают Блока вещие творенья...» Но «архонтов» считает ненужным балластом, а вместо «Тамерланов» лучше «Чингис-хань». Говорит встревоженно: только уберите «архонтов»,

лучше уж пусть не будет сонетом, только не надо неточных слов! Прав! Конечно, прав! Я ведь этими «архонтами» сама болею и... все рассчитываю, что «сойдет!» А других «поучаю»!!! Вот ведь где подлость-то человеческая!!!

5. «Стекла в клетку».²⁵

Хорошо, но не нужно «Парфена Рогожина» на посту. «Рогожин уже давно в штрафном батальоне! Ему ли с зажигалками возиться! Тут Вы, голубчик, не рассмотрели в темноте: тут кто-то другой стоит: то ли Онегин, то ли Рудин, то ли Обломов: нужно приглядеться».

Интересно, что о том, что «нужно приглядеться», он говорит совершенно серьезно, словно о реальном факте. Это отлично!

6. «Эйнштейн» – привел его в восторг. «Тут каждая строчка – находка! Этому стихотворению я завидую!»²⁶

7. «Что делают музы в ненастные дни?»²⁷ тоже очень понравилось. Только в последнем четверостишии «надо убрать экстаз и даже всю строчку «лакейской душонки растленность»: в них есть гнев, а те, о ком говорится, гнева муз недостойны. О них надо сказать что-то «пообыденнее», вроде «не раз» или «леность»... Именно вместо «растленность» нужно «леность» и «скудость», чтобы уж действительно противостояло «великой современности». ...Да... Вот почему мне нужен именно такой редактор!!! Это будет воистину «подарок муз!».

8. О «Ленинградском сонете» говорит:²⁸ «Последние 6 строчек («Нет кляч и рысаков...») написаны Вами, а первые 8 – Всеволодом Александровичем Рождественским... и это хуже, чем Вы. Нужно эти первые 8 строк сделать чуточку пародийно, как-то нарочито-старомодно, остро старомодно, может, прибавить какое-то «зрю» или «се». Надо подумать... Нужно, чтобы чувствовалось, что в 8 первых строчках на город смотрит один человек, а в 6-ти последних – другой, дружелюбно-враждебный собеседник». Верно. Глубоко верно!

9. «Крысы»²⁹ – не понравилось: «слишком словесно, словам невпроворот: и крыс, и слов так много, что не повернешься. Это правда, жутко, что крыс действительно много, но поскольку много и слов – образность перерастает в “список всех потребных метафор”». (Он и критикует-то так, что приятно слушать!)

10. Бунин³⁰ (я, впрочем, не говорю, что Бунин, конечно). Тут он опять скидывается (и как горячо!). Повторяю: в устах такого критика и осуждение лестно. О «Бунине» говорит: пейзаж Парижа повторен с чужих слов. Строчка «Как денди лондонский одет» – просто неправда: Бунин ходил в потрепанном пиджачке. И вообще – он не просто «барин», он в прошлом – толстовец и «эс-дек», он «черными слезами оплакал» деревню, он из «кающихся дворян» последнего или предпоследнего дореволюционного издания! (Потом пошли издания их же, послереволюционные!!!) Это все сложнее. Это надо не только почувствовать (а тут все «с чужих слов»), это надо и в смысле «конкретных фактов» – уточнить.

11. Гумилев³¹ (слушает очень внимательно). Говорит: «На эту тему написали высоко и скорбно две талантливейшие женщины России – Ахматова и Цветаева. “Белую стаю” не вычеркнешь³². Вам предстоит сказать другое,

новое и по-новому. И Вам надо сказать, как поэту о поэте, это выше и сложнее. В стихотворении много интересного, заключительная строчка, вероятно, должна остаться.

“Ну что ж, становись, господин офицер!”...

Но надо подумать и о том, что Гумилев – русский Киплинг, “открыватель новых земель” (вот почему хорошо мелькают в стихотворении «хвосты розоватых лангуст»). А его интерес к Африке? А его коллекционерство? Тут нужно знать опять-таки конкретные факты!».

Из поэмы читаю только «Одессу»³³ (т<ак> к<ак> замечаю, что слушатель начинает вопрос о том, нужно ли вообще называть поэму «После “Возмездия”», с написанием слова «возмездие» в кавычках и через большую букву? Вероятно, это излишне. Тут еще надо подумать и подумать. Ну, а как звучало бы, если бы назвать просто: «После возмездия»? Надо подумать.

Затем декламирует он: сперва замечательное стихотворение «Пикассо». Читает замечательно: с актерской хваткой и с творческим жаром. «За сердце берет». Второе стихотворение «Анна Петровна Керн» – эпитафия из какого-то энциклопедического словаря: «Умерла в глубокой старости и в бедности. Когда гроб ее везли из Москвы – она встретила с везомой в Москву бронзовой статуей Пушкина». Декламация – прекрасная. После декламации – пожимали руки и целовались.³⁴

Егорушке говорит: «Вы не ревнуйте: я поклоняюсь! Я как поэт поэта – люблю Вашу жену! Из всех женщин нашего времени у нее свой особый голос. Она – особое явление, она – яв-ле-ние! Вот в чем суть!»

А мне говорит: «Вы поймите: я в восторге от всего Вашего облика: он трудный, этот облик! Как следует Вас мало кто понимает. Но я, кажется, понимаю! Я аплодировал бы Вам, даже если бы Вы были врагом, но когда Вы в “моем стане” – я преклоняю колено!» (что и делает, для его возраста довольно ловко! Господи, уж эти мне поэты!). Потом опять к Георгию: «Вы не ревнуйте: в лице Вашей жены я поклоняюсь великим традициям великой русской литературы и культуры! Она – большой поэт!» (Егорий смущен и сияет).

Прощаемся, целуясь, обнимаясь, пообещав повторить встречу 13-го, если будет возможно. Обещает обязательно приехать к нам в Пушкин.

Какая праздничная, необыкновенная, «подарочная» встреча! Только в таком освещении, как в эти дни, все это звучит реальностью.

После ухода Антокольского идем к Соколовым,³⁵ точнее, едем на машине. Это – первый выезд на такси, вчера, 9-го, всюду ездили в метро. Сходим на улице, носящей курьезно-московское название: «Садовая-Самотечная». Переходим на другую сторону улицы – купить торг. Проходим мимо странного и жутковатого недостроенного здания, недоумевая, что это за здание: похоже на театр. Высокие окна, заделаны досками. Облицовки нет. Потемневший кирпич. Здание выглядит не то разрушенным, не то «за что-то» наказанным. Являемся.

Встречены восторженно. Татьяна Александровна – маленькая старушка – в далеком прошлом – красивая эльфовидная балерина (знаю это, судя по фотокарточке) – также ласково-мила и добра. В последний год – в Мариинске – она особенно хорошо относилась ко мне и к моему «Жуану» (которого я тогда

читала «желающим» – «на память»). Татьяна Александровна тогда еще, в 1953 году, сказала однажды, без особенной даже патетики: «Я за Вас спокойна: под руку с таким сыном, с таким прекрасным молодым человеком, Вы пойдете легко и свободно! И будете отлично приняты везде!». И вот – смотрите! Слова-то сбылись, «как по-писаному»: Жуан, именно в первую очередь Жуан, был первой и основной козырной картой при моем возвращении в большую жизнь. И до сих пор остается козырной картой! Вполне!!!

Дочь Татьяны Александровны – Наталья Евгеньевна – «египтолог» – как всегда, очень умна, но немножко болтлива: это уже ее особое свойство. Но с нею интересно. Обещаю ей на 11 марта билет (старушке пойти трудно, ей ведь уже 83 года! А ум еще вполне ясный). Нас, кто чуть-чуть помоложе, все еще удивляет, что человек 80 лет «не стал идиотом». А ведь даже самая эта мысль – уже свинство... даже по отношению к собственному будущему...

Спрашиваю, что это за странное здание на их улице. Оказывается – это не достроенный из-за начала войны – в 1941 году – театр. Он с тех пор и стоит. Никто его не берет. И разрушать не хотят: много средств потрачено. А теперь на достройку нужно дать... миллион! Вот и не могут найти «хозяина». И стоит «московское привидение», как выражается Нат<алья> Евг<еньевна> (это дочь Т. А. Соколовой).

Выходим от них на залитую солнцем широкую Садовую-Самотечную (тут ведь был бульвар, стало пустынно-широко из-за того, что деревья вырубili). Пройдя квартал, останавливаемся «поймать такси». У меня появилась было небольшая, но зловещая одышка, и Егорий категорически заявил, что «мы лучше не поедим, но берем такси!».

Как всегда, очень ловко он останавливает такси, и мы преспокойно доезжаем до гостиницы. Даже в такси у меня уже снова появляется это состояние «полнейшего покоя и надежности», и за короткий перегон – от Садовой-Самотечной до Красной площади – я успеваю как-то «по-детски безмятежно» отдохнуть.

Немножко отдохнув, отправляемся в театр. В зале Чайковского опять то же: едва вышли – уже «чающие» окружают вопросами: лишнего билетика нет? Получаем, слава богу, пропуск «на два лица» на приставные стулья, в партере. Пальто оставляем в спец. комнате для участников спектакля.

Ожидается «сама» Фурцева. У моей Марии Александровны Шуваловой – уже «полит. трепет».

Публика в театре главным образом университетского типа: много седых голов среди дам и джентльменов, и студенческой молодежи. Играет Войткевич, но играет отлично, с явным намерением «не уступать ни одного лаврового листочка» своей блистательной сопернице – Елене Владимировне Юнгер. Местами она даже затмевает Юнгер – так старается!³⁶

Публика «хлопала» в следующих местах:

Акт I: второму появлению Альфонсо (кающегося), Жуану на носу корабля и всей сцене («О, Юлия!...»).

Акт II. Рынок рабов (торговля, крик и гвалт), Жуану, отказывающемуся «поцеловать ногу».

Акт III. Суворову на коне (это уж всегда!). Лошажьим крупам. Спине уходящего Суворова (походке и всей манере). Заключительной сцене приема у Екатерины (пантомиме с послами), это показывает на тонкий вкус зрителя. Очень хлопали финалу (Ролландову рогу).

После IV акта мне сказали, что Фурцева спектаклем очень довольна. Она заранее предупредила, что сможет остаться только до конца III акта, и слушала и смотрела очень внимательно. Сказала, что «спектакль на очень высоком идейном уровне!». Все это рассказал мне Ник<олай> Павл<ович> во время IV акта, когда я сидела за кулисами в уютном кресле, почти в полудремоте удовольствия и смертельной усталости. (Вот так бы и умереть неплохо, хотя, впрочем, по отношению к «любящим нас» это было бы бестактно... Подождем!!!) Итак, последние слова, выслушанные «самой» Фурцевой из уст Байрона, были:

И я один тревожить буду их,
Трубя в Ролландов рог октав моих!!!

Кстати, Лев Константинович Колесов отлично их произносит!³⁷ Мощно, красиво! Грозно и проникновенно! Ура! Ура! Ура!

Выходили 5 раз: сперва меня за руку вывел Ник<олай> <Павлович>, а потом нас с ним, как родителей, выводили – его – Корнева³⁸ («леди Амондевилл»), а меня – «сыночек» – Дон Жуан! (а красив он в самом деле!).

Получилось хорошо, даже, кажется, отлично! Обратно ехали в троллейбусе. Прошлись до остановки по многолюдно-шумным и упорно-кустодиевским кварталам «Красной столицы»... Весна... Веянье марта – во всем. Погода теплая, удивительно чистая: просто «всю душу Вселенной» видать...

Еще впереди – четыре дня... нет – уже только три дня этого странного праздника –

одиннадцатое – это завтра...

двенадцатое – это послезавтра...

тринадцатое – это уже «финал»...

В троллейбусе с нами был и Ник<олай> Павл<ович>, но он либо устал, либо еще не мог «простить» мне «насилия» – «перделки на ходу» и, вежливо кивнув, прошел мимо. Ничего... простит...

А в номере – светло, тепло, уютно...

Принимаю теплую ванну!

Черт возьми, это уже в стиле Веры Инбер: это она так описывает каждое свое движение в своем «Ленинградском дневнике» (блокадном).³⁹

Посему – остановимся на этом и поспим до завтрашнего дня...

¹ Галия – Усова Галина Сергеевна (р. 1936), переводчик английской литературы, поэт, ученица Т. Г. Гнедич по переводческому семинару, автор воспоминаний «И Байрона в соавторы возьму. Книга о Татьяне Григорьевне Гнедич» (СПб., 2012). Коля – возможно, Николай Борисов, также ученик Гнедич.

² Егорушка, Егорий – Богданов Георгий Павлович (1912–1977?) – муж Т. Г. Гнедич.

³ Краинские, семья: Эллиен, переводчица, подруга Т. Г. Гнедич со времени заключения, и ее муж Адольф Ефимович.

⁴ *Ставицкий Аркадий Зиновьевич* (р. 1930) – драматург, сценарист.

⁵ *Макарова Анастасия Дмитриевна* (1902?–1976) – друг и помощница Т. Г. Гнедич; они познакомилась в заключении, после освобождения поселились вместе и никогда не расставались.

⁶ *Соколовы* – семья *Соколовой Натальи Евгеньевны* (1911–1995), псевд. Семпер, художницы, переводчицы, которая была арестована в 1949 г. по статье 58-10, отбывала срок в Вятлаге до 1955 г.

⁷ *Антокольский Павел Григорьевич* (1896–1978) – поэт, переводчик, литературовед; в архиве Т. Г. Гнедич есть его отзыв 1955 г. о ее переводе «Песни последнего менестреля» В. Скотта, сделанном совместно с поэтом В. А. Рождественским (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 94).

⁸ *Бетаки Василий Павлович* (1930–2013) – поэт, переводчик, ученик Гнедич по переводческому семинару, автор воспоминаний «Т. Г. Гнедич и ее семинар» (Звезда. 2003. № 7. С. 174–181), в которых он с восторгом описывает также и поездку на гастроли в Москву с Т. Г. Гнедич. В архиве есть ее рекомендация для принятия Бетаки в Союз писателей СССР (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 113).

⁹ *Короленко Раиса Васильевна* – редактор Политиздата, в будущем вторая жена полярника И. Д. Папанина.

¹⁰ Так Татьяна Григорьевна в шутку называла режиссера Н. П. Акимова.

¹¹ *Байер Валентина Павловна* – переводчица, подруга Т. Г. Гнедич.

¹² *Ариадна Сергеевна Эфрон* (1912–1975) – дочь Марины Цветаевой, после заключения и реабилитации с 1955 г. жила в Москве, в 1962 г. была принята в Союз писателей СССР.

¹³ Возможно, это *Лина Ивановна Прокофьева* (1897–1989) – жена композитора С. С. Прокофьева; была арестована в 1949 г. и до реабилитации в 1956 г. находилась в разных лагерях (в Коми АССР и Мордовии), в одном из пересыльных лагерей она могла увидеть Т. Г. Гнедич.

¹⁴ *Шувалова Мария Александровна* – зав. литчастью Театра комедии с 1956 г.; до этого времени была в театре парторгом и способствовала отстранению Н. П. Акимова от театра. По возвращении в родной театр после семилетнего отсутствия в нем (с 1949 по 1956 г.) Акимов специально оставил ее в театре, не уволил, чтобы видеть преданного «дракона без зубов» (см. об этом в воспоминаниях Нины Николаевны Аловерт, художника и фотографа Театра комедии: «Н. П. Акимов. Письма издалека» // Звезда. 2000. № 8. С. 158).

¹⁵ *Фурцева Екатерина Алексеевна* (1910–1974) – министр культуры СССР с 1962 по 1974 г.

¹⁶ Правильно – *Оня Прут, Иосиф Леонидович Прут* (1900–1993) – советский драматург и сценарист. Был известен в писательских кругах как балагур, юморист, любитель рассказывать анекдоты, так что, скорее всего, его замечания по Байрону были ядовитой шуткой, которую М. А. Шувалова восприняла по-своему.

¹⁷ *Савостьянов Алексей Владимирович* (1909–1999) – актер Театра комедии с 1936 по 1991 г.

¹⁸ *Воропаев Геннадий Иванович* (1931–2001) – актер Театра комедии с 1959 по 2001 г.; исполнитель главной роли в спектакле «Дон Жуан» и текста от лица Байрона, подготовленного Т. Г. Гнедич.

¹⁹ Здесь и далее речь идет о сборнике стихотворений Т. Г. Гнедич, который ею тщательно готовился на протяжении долгого времени, но был издан только после ее смерти небольшой книжечкой «Этюды. Сонеты» (Л., 1977) со вступительной статьей М. А. Дудина.

²⁰ *Всеволод Александрович Рождественский* (1895–1977) – поэт, переводчик, был другом Т. Г. Гнедич в течение всей ее жизни, начиная с довоенного времени. «Эмали и камни» – сборник стихотворений Теофиля Готье (1811–1872) (1-е изд. – 1852, последнее – 1872). Их переводили многие русские поэты, в том числе и Вс. Рождественский. Он же написал и статью о творчестве Готье в сборнике «Писатели Франции», составленном Е. Г. Эткингом (М., 1964).

²¹ «Черный город в глубоком снегу...» – начальные строки стихотворения Т. Гнедич (написано в декабре 1941 г.) из блокадного цикла с латинским заглавием «Nox aeterna semper regnat» (Ночь не царит вечно). Заканчивалось строками: «И на площади мертвой стоит <...> Медный ангел – немой соглядатай».

²² «Веселый и нахальный,
Как гром и динамит,
Обстрел прицелки дальней
Над городом гремит...»

Данное стихотворение не вошло в вышеупомянутый сборник «Этюды. Сонеты».

²³ Первая строка этого стихотворения, написанного в январе 1942 г., была позднее изменена: «А черный грозный город весь – вниманье, весь слух...», заканчивалось оно так: «Одно из двух: бессмертье или закланье, одно из двух...». Эта строка осталась без изменений.

²⁴ Речь идет о стихотворении «Рассвет» (1942). Последние шесть строк, которые поправились Антокольскому:

«Кассандра бьет пред Иверской поклоны,
Обида стонет у колен Беллоны,
Взывая о победе и отмщенье...
И серафимы в странном оперенье
Читают Блока вещи творенья
О светлом князе и степном сраженьи...»

Слова из строк «Но он идет торжественно постыден// Всем Тамерланам, Пиррам и архонтам...» Татьяна Григорьевна оставила без изменения.

²⁵ Стихотворение о ночной бомбежке «Стекла в клетку – стекла сумасшедшие...» (1942) в черновике закачивается так:

«Черные и пламенные дымы
Бурую буравят высоту,
Но стоит в тоске несокрушимой
Сам Парфен Рогожин на посту!» (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 3).

В сборнике «Этюды. Сонеты» эти строки заменены другими, без Рогожина. Между тем он упоминается в сонете № 10 венка сонетов «Городу русской военной славы»:

«Нет кляч и рысаков, нет мостовой торцовой,
Рогожин разорен и помер в Соловках...» (1962).

²⁶ Это стихотворение не вошло в сборник «Этюды, Сонеты», и его нет в черновиках Т. Гнедич, находящихся в ее архиве.

²⁷ Речь идет о стихотворении «Что делают музы в ненастные дни?// Хандрят? Высыпаются? Плачут?..» (1956). В последнем четверостишии Гнедич по совету Антокольского изменила вторую строку:

«А тот вон, упрятав под ложный экстаз
Природную тупость и леность,
Пытается выразить дюжиной фраз
Великую современность!».

²⁸ Имеется в виду сонет из цикла «Городу русской военной славы. Венки сонетов», который заканчивается строками:

«Нет кляч и рысаков, нет мостовой торцовой
И ангел бронзовый над площадью дворцовой
Спокойно греется в сиянье синевы.

Татьяна Григорьевна не очень любила, когда в ее стихах видели подражание Вс. Рождественскому. Она шутила говорила: «От Рождественского у меня только кот Мотя!».

²⁹ Стихотворение «Крысь», написанное в 1948 г. в лагере, не вошло в сборник «Этюды. Сонеты», но воспроизведено в последнем издании стихов и переводов Т.Г. Гнедич, подго-

товленном Г. С. Усовой («Страницы славы и страницы плена». СПб., 2008); в нем есть такие строки:

«...И чутко копошится тишина
Неугмонным, беспокойным писком,
И страшенькие тени здесь и там
Вприпрыжку ковыляют по кустам...».

³⁰ Это неопубликованное стихотворение, в котором И. А. Бунин описывается так:

«Вот с тросточкой, походкою ленивой
Седеющий, надменный и красивый,
Идет, «как денди лондонский одет»,
Поэт российский, подлинный поэт...» (РО ИРЛИ, ф. 810, оп. 1, № 18).

³¹ Это также неопубликованное стихотворение, начинающееся строками: «Сабля остра. Проверен прицел. Не в силах плембям служить офицер...» (1961). В венке сонетов «Поэту» в сонете № 7 «Тревожится, растет девятый вал поэзии...» упоминалось имя Н. С. Гумилева, но по настоянию редакции оно было заменено; в издании 2008 г. эти строки звучат так, как изначально было задумано поэтом Гнедич:

«...Все для большого синтеза готово!
Вот – внук того, кто Зимний штурмовал,
Любуется бессмертьем Гумилева...
Народный разум все ему простил –
Дворянской чести рыцарственный пыл
И мятежа бравурную затею...»

Ср. с изданием 1977 г.:

«Все для большого синтеза готово,
Ни злобный недоучка, ни бахвал
Его венца не тронут золотого.
Триада диалектики точна,
Уберегла прекрасное она...»

³² Имеются в виду сборники стихотворений «Белая стая» А. Ахматовой (Пг., 1917) и «Лебединый стан» М. Цветаевой (Мюнхен, 1957).

³³ В поэме Т. Г. Гнедич «После возмездия» (1953–1956) глава II под заглавием «1919 год» полностью посвящена Одессе, жизни города в это время. Из трех глав поэмы только она вошла в сборник «Этюды. Сонеты».

³⁴ П. Г. Антокольский читал свои стихи: «Пикассо» (1922), посвященное Марине Цветаевой, и «Балладу о чудном мгновении» (1954) об А. П. Керн.

³⁵ *Соколовы* – см. примеч. 6. Мать Н. Е. Соколовой-Семпер, *Татьяна Александровна Эверт* (1880?– ?) в молодости была балериной Большого театра. Арестована в 1949 г., последние годы заключения отбывала в Марининском лагере Кемеровской обл. (Сибирский ГУЛАГ), освобождена и вернулась в Москву в 1953 г. (см.: *Соколова (Семпер) Н. Е.* Портреты и пейзажи // *Дружба народов*. 1997. № 2, 3).

³⁶ *Войткевич Янина Иосифовна* (1923–2000) – актриса Театра комедии с 1948 г.; *Юнгер Елена Владимировна* (1910–1999) – актриса Театра комедии с 1936 г., жена Н. П. Акимова.

³⁷ *Колесов Лев Константинович* (1910–1974) – актер Театра комедии с 1940 г.

³⁸ *Корнева Нелли* (1937–1965) – актриса Театра комедии с 1961 г., трагически погибла во время гастролей театра в Москве в июле 1965 г.

³⁹ Имеется в виду книга *Инбер Веры Михайловны* (1890–1972) «Почти три года. Ленинградский дневник» (1946). Татьяна Григорьевна работала с В. Инбер в 1944 г.: переводила на английский язык ее поэму «Пулковский меридиан» (РО ИРЛИ. ф. 810, оп. 1, № 55).

Библиографический список

1. *Аловерт Н. Н.* Николай Павлович Акимов. Письма издалека // Звезда. 2000. № 8. С. 156–162.
2. *Байрон Дж.* Дон Жуан / перевод Т. Гнедич. М.; Л., 1964.
3. *Бетаки В. П.* Т. Г. Гнедич и ее семинар // Звезда. 2003. № 7. С. 174–180.
4. *Гнедич Т. Г.* Страницы плена и страницы славы / сост. Усова Г. С. СПб., 2008.
5. *Гнедич Т. Г.* Этюды. Сонеты. Л., 1977.
6. *Пронина М. П.* Навсегда с Вами // Каким был Акимов. Книга воспоминаний / сост. В.И. Котов. СПб., 1996. С. 166–170.
7. *Усова Г. С.* И Байрона в соавторы возьму. Книга о Татьяне Григорьевне Гнедич. СПб., 2012.

Б. И. ИВАНОВ. СТИХОТВОРЕНИЯ

*(Вступительные статьи В. Г. Антер и Ю. М. Валиевой,
подготовка текста В. Г. Антер)*

Аннотация: В публикации впервые представлена поэзия Бориса Иванова (1928–2015) – ленинградского / петербургского писателя, критика, публициста, философа, культуролога. Творчество Б. И. Иванова, теоретика и историка культуры эпохи самиздата, неразрывно связано с его деятельностью по изданию и изучению независимой русской литературы. Журнал «Часы» (1976–1990), организатором и главным редактором которого он был, являлся одним из ведущих литературно-общественных периодических изданий ленинградского самиздата. На страницах 80 номеров этого журнала впервые увидели свет произведения более 300 отечественных авторов.

Публикуемые стихи Б. Иванова 1960–1990-х гг. открывают читателям ранее малоизвестную, но исключительно важную сторону его творчества. Тематически связанные с его работами по философии культуры и литературной критике, стихи Б. Иванова дают представление о синкретизме его художественного мышления.

Ключевые слова: Борис Иванович Иванов, поэзия, Виктор Кривулин, Леонид Аронзон, Рид Грачев, «культурный проект», независимая русская литература 1950–1980-х гг., неофициальная культура

Abstract: This article contains first-time publication of the poetry of Leningrad/Saint-Petersburg writer, critic, publicist, philosopher, and culture expert Boris Ivanov (1928–2015). B. I. Ivanov's – the theorist and historian of samizdat era culture – works are inseparable from his work on publishing and study of Russian independent literature. The journal «The Hours» («Chasy») (1976–1990), which organizer and chief editor was B.I. Ivanov, was one of the leading literary and social periodic publications of Leningrad samizdat. Works of more than 300 authors were published for the first time ever in the 80 issues of this journal.

The poetry of B. Ivanov (1960 – 1990 period), published in this article, unveil previously unknown, but vitally important part of his work. Thematically connected to his works on philosophy of culture and literature criticism, the poetry of B. Ivanov is illustrative of the syncretism of his artistic thinking.

Key words: Boris Ivanovich Ivanov, poetry, Viktor Krivulin, Leonid Aronzon, Rid Grachev, culture project, Russian independent literature of 1950–1980-s, unofficial culture.

Б. И. Иванов – журналист, критик, прозаик, публицист, философ, культуролог, литературно-общественный деятель, родился 25 февр. 1928 г. в Ленинграде. В блокадную зиму на его глазах умирали родные и близкие, умирал город. Память о войне, людях, втянутых в нее, будет преследовать его всю жизнь. Уже тогда, в блокадные годы, он знал, что расскажет обо всем в будущем.

Два мотива возвращали его к военной теме: обязанность рассказать о том, что еще не написано, и единственная возможность выразить сострадание к жертвам войны.

В книгу «Жатва жертв» вошли как личные воспоминания, так и рассказы очевидцев событий того времени. Повесть «За стенами города. Дезертир Ведерников» Борис Иванович считал одной из самых сильных.

Шестидесятые годы начинались с общественных надежд, духовных поисков и появления ярких и независимых личностей. Рид Грачев – один из них. Встреча с ним внесла в жизнь Бориса Ивановича большие перемены. Под влиянием Грачева изменился взгляд на культурные и социальные проблемы того времени. В 1969 г. власти не простили ему заступничество за опальных писателей, и удачно начавшаяся литературная карьера прервалась. Возникли проблемы на работе. Борис Иванович перестает разделять надежды своего поколения на «оттепель», на новые публикации. Об этом пишет повесть «Подонок», посвященную Риду Грачеву. В этой повести – черты той среды, в которой складывалась неофициальная литература. Шестидесятники искали пути выживания.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. знакомится с поэтами и художниками, стихийное творчество которых назвал «культурным движением».

В 1974 г. было решено составить сборник стихов «Лепта» и потребовать его публикации. Надежды участников не оправдались. Борис Иванович предложил выпускать общий машинописный журн. «Часы». В 1978 г. журнал стал ежегодно присуждать премию им. А. Белого.

Бориса Ивановича называли «королем Самиздата». Эта метафора – не преувеличение. «Часы» исправно «шли» пятнадцать лет и «остановились» лишь тогда, когда необходимость в них отпала.

В 1981 г. организовал первое литературное объединение независимых литераторов «Клуб–81».

Был одним из составителей первого официального сборника членов клуба «Круг». Борис Иванович участвовал в организации городских конференций, посвященных истории неофициальной литературы.

С 2009 г. – один из ведущих семинара по новой литературе при ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. Однажды этот человек сказал: «Наш город стоит на миллионах свай, которые забили строители. Я чувствую себя одной из этих свай».

Дружба с художниками, посещение квартирных выставок, беседы и споры об искусстве обнаружили в нем способности к живописи (было написано несколько картин, одобренных художниками, в том числе В. Гаврильчиком и др.). С карандашом же он вообще редко расставался, постоянно делая зарисовки: портреты знакомых, натюрморты, пейзажи, сюжеты.

Что касается поэзии, огромное впечатление произвело на него творчество В. Кривулина, Л. Аронсона. Борис Иванович занялся исследованием их поэтических произведений.

Борис Иванович не был поэтом. Стихи начал писать в конце 1960-х гг. Это было время его встречи с Татьяной Кернер – талантливой художницей, трагически погибшей в 1973 г. Несмотря на бытовую неустроенность, нищету, работу с мизерной зарплатой, но с возможностью заниматься своим делом, без надежды выйти к читателю и зрителю, – его стихи, простые и лиричные, полны романтизма, чистоты и веры в будущее.

В. Г. Аннер

«Оно не может быть таким...»: Борис Иванов и поэзия

Важность публикации стихов Бориса Иванова, теоретика и историка неофициальной культуры, редактора самиздатского журн. «Часы», обусловлена прежде всего тем значением, которое он придавал поэзии.

Историю развития «неофициального культурного движения» и его периодизацию Б. И. Иванов строил, основываясь в первую очередь на анализе современной ему поэзии, отмечая смену парадигм и появление новых фактов поэтического языка. Именно поэзия была источником его оригинальной концепции культуры.¹

Настоящая подборка, сделанная, по словам Виктории Аптер, самим Б. Ивановым, включает в себя его стихи с 1961 г. по 1997 г. Большая их часть публикуется впервые. При жизни автора его стихи увидели свет дважды: в 1976 г. в самиздате (цикл «Сорок семь стихотворений»)² и в 1997 г., в специальном выпуске журн. «Звезда» («Я песен не знаю...», «Впрягают в телеги...», «Плакать...», «Я пришел к тебе еще вчерашний...», «Как к солнцу простертые руки...», «Кошмары шпагой проткнуть...», «Мой друг разносит по домам...», «Всё та же ночь...»)³.

* * *

Представляясь на записи авторского чтения для университетского архива, Б. Иванов назвал себя «грубым реалистом»: «Я подумал, что реализм, который противостоит всем... вымыслам, утопиям, легендам, это и есть

¹ Отдельные аспекты теории культуры Б. Иванова рассматриваются в статьях: *Житенева А.* Философия культуры Бориса Иванова // «Вторая культура». Неофициальная поэзия Ленинграда в 1970–1980-е годы: Материалы междунар. конф. (Женева, 1–3 марта 2012 г.). СПб., 2013. С. 160–173; *Панкратова Е. В.* К вопросу о концепции искусства в неофициальном культурном движении (на материале журнала «Часы» в 1970–1980-х годах) // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 9. 2014. Вып. 4. С. 51–57.

² *Иванов Б.* [Стихи] // Часы. 1976. № 4. С. 139–166. Далее: *Иванов Часы*. Заглавие публикации дано не было. Стихи пронумерованы. Их датировка не указана. В настоящую подборку вошли 39 стихотворений из этого цикла. В дальнейшем цит. по оцифрованному экземпляру: <http://samizdat.wiki/images/c/c7/ЧАСЫ4-10-БорисИванов-Стихи.pdf> [электронный ресурс, дата доступа 08.08.2018], ссылки на этот источник с указанием страниц даются в тексте в круглых скобках.

В энциклопедии «Самиздат Ленинграда» и в 3-томном энциклопедическом словаре «Литературный Санкт-Петербург. XX век» указаны публикации стихов Б. Иванова в двух других номерах журн. «Часы» (1980. № 28; 1984. № 47), однако в оцифрованных экземплярах этих номеров, доступных для ознакомления на сайте Центра Андрея Белого, стихов Б. Иванова нет. Уточнить, публиковались ли стихи Б. Иванова в самиздатских журн. «Вегетарианская правда», «Zusammen» и «Красный шедриец», в издании которых он принимал участие, пока не представляется возможным в силу недоступности этих источников.

³ *Иванов Б.* Стихи // Звезда. 1997. №7. С. 106–107. Далее: *Иванов 1997*. Из опубликованных здесь 8 стихотворений 5 входили в состав *Иванов Часы*. Впервые увидели свет следующие тексты: «Я песен не знаю...», «Как к солнцу простертые руки...», «Мой друг разносит...». В настоящей публикации стихи из этой подборки даны в другой авторской редакции (изменения коснулись строфики и синтаксиса).

тот здравый смысл, который позволяет человеку выходить из заблуждения, то есть сейчас реализм выполняет функцию настоящей религии – люди верят в реальность».⁴

Другим выступает Б. Иванов в автобиографии. Рассказ о детских впечатлениях (восприятие себя через литературу, восхищение музыкой Грига, необходимость выбора между отцом и матерью)⁵ заставляет вспомнить Андрея Белого («Почему я стал символистом...»):

«Я себя воспринимал среди литературных героев: одни мне были близки, другие похожи на меня, на третьих я хотел бы походить. Литература вмещала огромный мир, прекрасный тем, что в нем ты выбираешь, каким хотел бы быть.

После школы я забирался на диван с книгой, а из-за стены доносились фортепианные пассажи моего двоюродного брата Юрочки, отличника школы при консерватории.⁶ Будет день, когда на Боровой улице весь местный пролетариат застынет у репродукторов: 14-летний Юра Ионов исполняет концерт для рояля с оркестром Грига...⁷

Отец показал, как слова рифмуют стихотворцы. В 4-м классе я уже мог писать сочинения стихами. Братец стал смотреть на меня с почтением. Дома между тем назрела драма: родители – с характерами, скандалы. <...> Поступаю “по-книжному” – следуя за отцом...».⁸

Борис Иванов окончил филологический факультет Ленинградского университета, он учился одновременно с М. Красильниковым, Ю. Михайловым, М. Ерёминым, Л. Лосевым (Лифшиц), С. Кулле – чей поэтический круг позже получил название «филологическая школа». В то время, однако, сам он не был

⁴ Запись для Звукового архива кафедры Истории русской литературы СПбГУ произведена Ю. Валиевой в 2014 г. дома у Б. И. Иванова. Свое истолкование «реализма» Б. Иванов выразил в серии статей: *Иванов Б.* Реализм и личность // Часы. 1981. № 32, 33; 1982. № 35, 36, 38.

⁵ Отец Б. И. Иванова – *Иван Иванович Иванов*, род. в 1907 г. в дер. Борки, Шотовской вол., Старорусского уезда, Новгородской губ. Погиб в 1942 г. на Карельском перешейке. Мать – *Варвара Петровна Иванова* (урожд. Митрофанова), род. в 1906 г. в дер. Плетневка, Тихоновской вол., Калужского уезда, Калужской губ. Умерла в 1980 г. в Ленинграде. Во второй половине 1920-х гг. И. И. Иванов работал на ст. Сортировочная Северо-Западной железной дороги, сначала учеником, затем «смасчиком» (ЦГА СПб., ф. 1963, оп. 180, № 6288, л. 736 об.–737). По словам Б. Иванова, отец не получил образования («один класс школы»), но тянулся к искусству (купил в нач. 1930-х гг. на аукционе рояль и два живописных полотна с изображением пейзажей).

⁶ *Ионов Юрий Аркадьевич* родился 24 авг. 1925 г. в Ленинграде в семье скрипача Аркадия Ивановича Ионова (1899 г. р.) и Анны Петровны Ионовой (1902 г. р.). Музыкант-пианист, учился в специальной группе для талантливых детей при Ленинградской консерватории, затем в Консерватории (не закончил по болезни). Семья Ивановых и Ионовых жила в доме 100 по Боровой ул., в соседних квартирах.

⁷ За блестящее исполнение концерта Грига с оркестром школы-десятилетки и с оркестром радиокомитета Ю. Ионов получил в подарок рояль.

⁸ *Иванов Б.* Автобиография// К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья: 1950–1990-е. Автобиографии. Авторское чтение. СПб., 2015. С. 71. Опубликованная здесь автобиография написана Б. Ивановым в 2014 г. по нашей просьбе.

увлечен поэзией, его привлекала новая журналистика и публицистика (его дипломная работа была посвящена творчеству В. Овечкина), «[с]тихи в ту пору я считал заведомо ограниченным средством самовыражения»⁹ и для себя рассматривал только в качестве одного из приемов сюжетостроения и создания характера персонажа. Среди событий студенческой жизни, повлиявших на его становление, назовем выход факультетского студенческого машинописного журн. «Голубой бутон» (1955).¹⁰ Б. Иванов присутствовал как член партии на партбюро филфака, во время обсуждения его содержания:¹¹

«Я видел и листал этот журнал, когда его экземпляр оказался в партбюро филфака. На меня огромное впечатление произвел разговор в том же партбюро между автором и, вероятно, редактором журнала Аскольдом Богдановым и представителем обкома ВЛКСМ. На грубые насюки “представителя” Аскольд отвечал умно, твердо, с достоинством. Эту беседу в ее основных поворотах я описал в повести “Подонок”».¹²

В связи с темой данной статьи эта повесть (впервые опубликованная в 1976 г. в самиздатском журн. «37») заслуживает особого упоминания. По крайней мере три стихотворения¹³ из дневника главного героя этой повести молодого поэта Шведова, приговоренного к расстрелу за убийство своей возлюбленной, – «Такая сказка есть о красном...», «Что я наделал, что я натворил!...», «Как мне отдохнуть от ожиданий...» – являются стихотворениями самого Б. Иванова. Второе и третье из них были представлены незадолго до этого

⁹ Иванов Б. Автобиография. С. 78.

¹⁰ Авторами журнала были: Аскольд Богданов, Платон Афанасьев, Владимир Пуписов, Анатолий Фабричный, Роман Гольцов. О журн. «Голубой бутон» см.: *Солохин Н.* Подснежники «оттепели» // Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы»). Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г. [СПб.]: НИЦ «Мемориал», 1993. С. 22–31.

¹¹ Б. Иванов вступил в партию во время службы в армии.

¹² *Иванов Б.* По ту сторону официальности // Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы»). Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.). С. 82. Повесть Б. Иванова «Подонок» датирована автором 1968 г., впервые опубли. в 1976 г. в самиздатском журн. «37» (№7/8, текст произведения имеет свою нумерацию). Далее: *Иванов 37*, цит. по оцифрованному экземпляру: <http://samizdatcollections.library.utoronto.ca> [электронный ресурс, дата доступа 26.06.2019], ссылки на этот источник с указанием страниц даются в тексте в круглых скобках. В официальной печати: *Иванов Б.* 1) Подонок // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1960-е. СПб., 2002. С. 273–324 (далее: *Иванов 2002*); 2) Подонок // *Иванов Б.* Соч.: в 2 т. Т. 2: Невский зимой. М., 2009. С. 13–78 (далее: *Иванов 2009*). В дальнейшем при цит. стихов из повести ссылки на эти издания с указанием страниц даются в тексте в круглых скобках.

¹³ Состав стихов в разных изданиях повести претерпевал изменения. Ср.:

Иванов 37: «Нет, я могу остановить минуты...», «А ну вас к черту, петухи!...», «Мне все равно, какой...», «Бесконечность – такая скользкость...», «Как мне отдохнуть...», «Что я наделал, что натворил!...», «Здесь хотят разделить постель наполовину...», «Пластинка с Бахом...», «Платье сбросит дева легко...», «Такая сказка есть о красном...».

Иванов 2002: «А ну вас к черту, петухи!...», «Мне все равно, какой...», «Что я наделал...», «Пластинка с Бахом...».

Иванов 2009: «Нет, я могу остановить минуты...», «А ну вас к черту, петухи!...», «Мне все равно, какой...», «Как мне отдохнуть...», «Что я наделал...».

в журн. «Часы». Интересно, что в составе повести их текст отличается: придерживаясь идеи типизации, автор «затушевывает» автобиографическую линию повествования и в то же время, благодаря произведенному «сдвигу», привлекает внимание к подтексту и семантическим нюансам.

Так, в стихотворениях «Такая сказка есть о красном...»¹⁴ и «Что я наделал, что я натворил!..» была произведена лексическая замена: в первом из них «кровь» → «любовь»; во втором «сотворил» → «натворил». Изменения коснулись также строфики и ритмико-синтаксического уровня.

На что решился!
Что я сотворил!
Я все разъял
и все соединил
в фантазии
нетерпеливой и поспешной.
И этот мир,
и мир нездешний
меня от зла
освободил. (*Иванов Часы*, 143–144);

Что я наделал, что натворил!
Я все разъял и все соединил
В фантазии нетерпеливой и поспешной.
И этот мир, и мир нездешний
Меня от зла освободил. (*Иванов 37, 48*)

Стихотворение «Как мне отдохнуть от ожиданий...» подверглось значительной авторской переработке и воспринимается скорее аллюзией на первоначальный текст.

Как мне отдохнуть от ожиданий,
как не торопить
возможных встреч!
Ускоряя торжество свиданий,
не вышептывать
ночами речь!
Как уйти с перрона?
Как домой вернуться –
стаканы
составить
в буфет,
пледом на диване завернуться,
знать, что в эти дни приезжих
нет! (*Иванов Часы*, 155–156);

¹⁴ Такая сказка есть о красном,
о красном, но не о любви, –
о красных веках в зрении напрасном,
о красном шепоте без любви. (*Иванов 37, 80*).
Ср. текст 1961 г. в настоящей публикации.

Как мне отдохнуть
От ожиданий,
Как мне не желать
неверных встреч,
как не ожидать мне
опоздавших,
не готовить им
ночами речь?... (Иванов 37, 34)

Повесть «Подонок» посвящена однокурснику Б. Иванова Риду Грачеву, прозаику, поэту, переводчику, которого он считал своим «литературным проводником».¹⁵

Поэзию Б. Иванова 1960-х гг. отличает художественная форма фрагмента, отрывка: краткость, афористичность, семантическая акцентировка первых строк (например: «Есть дни, которым нет примет...», «В конце концов / останешься один...», «Никто, ничто не примирит...», «Неужели опять ничего не случится!?...», «Мир нас не ждал. / Дороги безотрадны...», «Мы умираем каждый день...», «Будет день и отсею слова...»). Его стихи этого периода представляют собой своего рода эмбрион мысли и нередко построены на антитезе:

Вера смотрит с каждого
детского лица
И ищешь подозрительно
рядом
подлеца. (1962)¹⁶

Постепенно поэзия для Б. Иванова становится формой интеллектуальной рефлексии, метаописания, по сути литературно-критического обобщения прочитанного (прозы и эссеистики Риды Грачева, выполненных им переводов «Мифа о Сизифе» А. Камю и произведений А. де Сент-Экзюпери; поэзии Л. Аронсона). Примером такого рода текстов являются миниатюры: «Я пришел к тебе еще вчерашний...», «Что такое эпоха?...», «Мой друг разносит...», «С меня срывали одежду...», «За маски заглядываю...», «Трава, трава, трава...», «Растворю окно солнцу...».

«Тезой» для поэтического высказывания Б. Иванова служат и его собственные теоретические идеи, в том числе концепция «культурного движения», впоследствии выраженная в серии статей. Обратим внимание на стихотворение

¹⁵ О знакомстве с Ридом Грачевым в университете Б. Иванов писал: «Мог ли я предположить, что уже через четыре года Рид Вите станет моим литературным проводником, притом, что был на семь лет меня моложе, что я доверюсь его литературному вкусу, что благодаря ему окажусь в лучшем городском ЛИТО при издательстве “Советский писатель” (руководил М. Слонимский) и окончательно освобожусь от марксизма» (Иванов Б. Легенда шестидесятых – Рид Грачев // Грачев Р. Письмо заложнику. Сочинения. СПб., 2013. С. 11). Рид Грачев, наряду с поэтами журн. «Голубой бутон», был одним из прототипов главного героя «Подонка». Вопрос о прототипах персонажей этой повести требует отдельного анализа. Укажем только, что в стихах Шведова ощущена отсылка к поэзии Р. Мандельштама и Л. Аронсона. Основу же фабулы, как было не раз отмечено современниками и исследователями, составляет «дело В. Швейгольца» (1965), убившего свою возлюбленную (см., например: *Бобышев Д. ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ: Трилогия. Кн. II. Автопортрет в лицах.* Idyllwild, CA, USA: Charles Schlacks, Publisher, 2014. Т. 2. С. 41–50).

¹⁶ РО ИРЛИ, ф. 935.

«Здесь так же все...», 3-частная композиция которого передает идею Б. Иванова о трех реальностях (личности, социума, природы), лежащих в основе «парадигмы выбора» (см. его статью «Возвращение парадигмы»). В то же время это стихотворение обращено к значимой для автора философской проблематике: «время» и «экзистенциальное состояние» человека; изменение экзистенциального состояния и социум.

Здесь так же все –
опущены гардины,
и тлеет сигарета на столе,
и ржавые кривые исполины
выкапывают что-то во дворе.

Я уезжал всего лишь на два дня,
но на балконе выросла трава. (1968 ?)¹⁷

Очевидно, что поэтическое творчество понималось Б. Ивановым в духе Рене Гиля или «научной поэзии» В. Брюсова – актом познания, направленным, в том числе, на исследование самого языка поэзии. Так, стихотворение «Я разбудил себя...» является по сути комментарием к грамматическому аспекту стихотворения Тютчева «Silentium» (семантике возвратности в строке «Как сердцу высказать себя?») и упражнением на «закрепление» материала. Стихотворение Б. Иванова состоит из 2 частей: первая часть из четырех строк основана на приеме парафразы (обыгрываются возвратные глаголы «проснулся», «оделся», «поцеловался», «отправился»); во второй части из двух строк приводится пример отношений возвратности / пассивности из сферы мореходства:

Я разбудил себя,
себя одел в пальто,
поцеловал свой лоб
и вывел на дорогу...
Так от причала буксир выводит
беспомощные в реках корабли. (1968)¹⁸

Вадим Крейд в эссе «Экзистенциальный философ» пишет о Б. Иванове: «Как творческая личность Б. И. сформировался в шестидесятые годы. Был зависим от духовной вибрации той эпохи».¹⁹

Из литературного и художественного контекста (в том числе материалов, опубликованных в журн. «Часы»), оказавшего влияние на эстетическую позицию Б. Иванова-поэта, нужно назвать творчество Роальда Мандельштама²⁰ и художников арефьевского круга. С последними его сближает отношение к процессу письма / рисованию как к ситуации исключительной, требующей напряжения эмоциональных и интеллектуальных сил. Цикл Р. Мандельштама

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Крейд Вадим. Экзистенциальный философ // Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны». Т. 5 Б. Цит. по: <http://kkk-bluelagoon.ru/tom5b/kreid3.htm> [электронный ресурс, дата доступа 08.08. 2018].

²⁰ В журн. «Часы» стихи Р. Мандельштама опубли. в № 2 (1976), № 6 (1977), № 13 (1978), № 22 (1979).

«Четверостишия» стал для Б. Иванова материалом для изучения потенции этой формы и создания собственных текстов. Например:

Считаю дни, как шаги на дуэли:
раз, два, три.
Так и жил все эти недели,
и сходились, сходились враги. (1972)²¹

Начало 1970-х гг. знаменует появление лирической поэзии Б. Иванова, особенностью которой является взаимосвязь любовной лирики с темой города, петербургскими мотивами, строфическая организация текста, визуальный характер образов. К этому времени относится вхождение Б. Иванова в философский кружок братьев Константина и Михаила Ивановых,²² знакомство с художницей Татьяной Кернер,²³ сближение с В. Гаврильчиком, совместная с ними и В. Крейдом работа на шаландах: «Ситуация была такая. Впереди идет катер-буксир, он тянет на двойном стальном тросе две шаланды. <...> На одной шаланде полагалась команда в два человека и на другой такая же. Я помню, Гаврильчик плавал с Костей Ивановым. А я работал с Борисом Ивановым»;²⁴ «На шаландах, сцепленных парами, атмосфера была дружеская и живая. В промежутках между швартовками, погрузкой и разгрузкой, на стоянках, в штормы многодневные, писались картины, шуточные и серьезные статьи в рукописную газету “Zusammen” («Вместе»)».²⁵

Примером новой поэтики Б. Иванова могут служить стихотворения «Парк ночью», «Узнаю эти звуки...», «Я бы хотел сказать...». Так, в первом из них образы адресуют к мотивам картин Т. Кернер («Облака над заливом», «“Грязнухи” на канале»), содержат аллюзии на стихотворение Р. Мандельштама («Тучи. / Моржовое лежбище булок/ Еле ворочает даль./ Утром ущелье – Свечной переулоч, / ночью – Дарьял, Ронсеваль»):

Ночью парк напоминает
лежбище морских котиков:
черная лоснящаяся кожа прудов
выпукла за листвою.

²¹ РО ИРЛИ, ф. 935.

²² Д. Бобышеву запомнилось выступление Б. Иванова на заседании этого кружка, когда «обсуждался вопрос “Почему я христианин?” – таково было название книги о. Сергия Желудкова, вышедшей на Западе. Книжки никто не видел, но братья устроили обсуждение самой этой темы. <...> Борис Иванов, писатель <...>, объявил, что он агностик, но поддерживает христианство ради свободы совести» (*Бобышев Д.* ЧЕЛОВЕКОТЕКСТ: Трилогия. Кн. II: Автопортрет в лицах. Т. 2. С. 174).

²³ Кернер Татьяна Семеновна (1941, Сталинград – 1973, Ленинград) – художник. Училась в средней художественной школе (СХШ) при Академии художеств, затем на постановочном факультете ЛПИТМиК. Гражданская жена Б. И. Иванова. Покончила жизнь самоубийством. См. о ней: Гуревич Л. Художники ленинградского андеграунда: Биографический словарь. СПб., 2007. С. 71–72.

²⁴ Крейд В. Из беседы с Ю. Валиевой. США, Айова-Сити (штат Айова). Осень 2011 г. // К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья... С. 94–95.

²⁵ Иванов М. О художественной школе и Татьяне Кернер. Из беседы с Ю. Валиевой. Царское Село. 10 июля 2014 г. // К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья... С. 512.

Статуи кажутся порочными,
а молодые люди, с транзисторами и сигаретами,
громко заявляющие о себе, –
робкими дилетантами свободы. <...> («Парк ночью»)

В настоящей публикации представлена также сатирическая поэзия Б. Иванова, в том числе периода издания им машинописного журн. «Красный щедринец» (1986–1990), имевшего подзаголовок «Журнал вневедомственной сатиры», в котором пародировались рубрики и темы советских газет.²⁶

* * *

Открытием языка поэзии в плане концептуализации теоретических идей стало для Б. Иванова стихотворение В. Кривулина «Вопрос к Тютчеву» (1970),²⁷ прочитанное сквозь призму семиотики. В особенностях субъектно-объектных отношений «Я – ТЫ – МЫ» Б. Иванов увидел авторский посыл: необходимость создания «культурного проекта», основанного на коммуникации особого типа («МЫ»):

«Знакомясь со мной, В. Кривулин дал мне листочки со своими новыми стихами. <...> При первом прочтении стихов Кривулина я попросту их не понял. Снова и снова вникая в сплетение слов, я вдруг догадался, что в стихотворение “Я Тютчева спрошу; в какое море гонит/ обломки льда советский календарь...” заложен смысл целого манифеста. В нем спасительная роль культуры предстала в эпоху исторического безвременья, и в призыве к современнику: “Родства к истории родной / не отрекайся, милый, не надейся, / что бред веков и тусклый плен минут/ тебя минует...”. А когда понял, написал большую статью “Часы культуры”,²⁸ – о сердцевине “нового литературного проекта”, в основе которого “хоровое начало”: поэт обращается от своего “я”, к “ты” и к “мы” – к поколению, к обществу».²⁹

Б. Иванов уточнил датировку этого стихотворения – ноябрь 1970 г.,³⁰ после похорон Л. Аронсона, в самоубийстве которого видел знак завершения эпохи 1960-х.

²⁶ О журн. «Красный щедринец» см.: Самиздат Ленинграда. С. 414. Произведения Б. Иванова публиковались здесь под псевдонимом «П. Рубероид». Сатирическая поэзия Б. Иванова, безусловно, связана с его общественными и политическими взглядами этих лет (участием в организации «За Народный фронт», партии «Демократический выбор России»). См.: *Иванов Б. Автобиография*. С. 81–85.

²⁷ Это стихотворение вошло в самиздатский сборник В. Кривулина, изданный в 1979 г. в качестве Приложения к журн. «Часы» (далее: *Кривулин* 1979).

²⁸ Это название перешло к сборнику статей, в его составе статьи: «Возвращение парадигмы» (Часы. 1977. № 6. Б. н.), «По ту сторону официальности» (Часы. 1977. № 8. Б. н.), «Повторение пройденного» (Часы. 1978. № 12. С. 235–265). В статье «Возвращение парадигмы» Б. Иванов писал: «...в поэзии Виктора Кривулина я вижу для себя больше возможностей выразить свою сопричастность к тому, что называю новым культурным ростом» (*Иванов Б. Возвращение парадигмы // Часы*. 1977. № 6. Б. н.).

²⁹ *Иванов Б. Автобиография*. С. 78.

³⁰ В книге В. Кривулина «Охота на Мамонта» это стихотворение, открывающее Предисловие, датировано «24 июля 1970 года, 5 часов утра» (*Кривулин В. Охота на Мамонта*. СПб., 1998. С. 5). Одним из аргументов Б. Иванова в пользу своей версии датировки является соответствующее указание в сборнике *Кривулин* 1979.

К своему толкованию «Вопроса к Тютчеву» как «культурологического проекта целого поколения», осмыслению времени его написания и произошедшей смене парадигм Б. Иванов возвращался неоднократно: в статьях по теории культуры, в рецензиях на публикации в «Часах», в докладах о поэзии Л. Аронзова и В. Кривулина. В ракурсе исследования творческого пути этих авторов итоговыми в развитии данной темы стали статьи Б. Иванова «Виктор Кривулин – поэт российского Ренессанса» (1944–2001)³¹ и «Как хорошо в покинутых местах (Леонид Аронзон. 1939–1970)»,³² вошедшие в книгу «Петербургская поэзия в лицах» (2011).

Эта книга, включающая в себя очерки о Р. Манделштаме, Гл. Горбовском, В. Сосноре, А. Кушнере, Д. Бобышеве, Л. Аронзоне, И. Бродском, В. Кривулине, А. Миронове, представляет часть задуманного Б. Ивановым фундаментального коллективного труда о неподцензурной поэзии 1950–1980-х гг. О масштабности этого замысла можно судить по многочисленным подготовительным материалам, находящимся в составе архива Б. Иванова в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом), ф. 935. Это сделанные Б. Ивановым выписки из исследовательской литературы, библиографические записи, его собственные заметки о стихах, нередко прямо на полях того или иного текста, переписка с потенциальными авторами статей, составленные им «внутренние рецензии» на поступившие рукописи.

Большой интерес представляют материалы фонда 935, фиксирующие этапы разработки Б. Ивановым указанного выше сюжета, изменения теоретического подхода и акцентировки.³³ Приведем несколько примеров.³⁴

1. Фрагмент стенограммы выступления Б. Иванова (машинопись, 2 л.). Текст озаглавлен: «Дискуссия 1.10.99 г.». Здесь отмечаются изменения, произошедшие в 1960-е гг. в психологии творчества.

«**Б. Иванов.** Мне приходилось писать о 60-х годах. Я пытался найти типовые черты для той среды и для творчества того времени. Из этой советской

³¹ *Иванов Б.* Виктор Кривулин – поэт российского Ренессанса (1944–2001) // *Петербургская поэзия в лицах: Очерки* / сост. Б. Иванов. М.: НЛЮ, 2011. С. 293–368. Далее цит. по этому источнику. (Первая публикация: НЛЮ. 2004. № 68).

³² *Иванов Б.* Как хорошо в покинутых местах (Леонид Аронзон. 1939–1970) // *Петербургская поэзия в лицах*. С. 158–238.

³³ На первых этапах разработки Б. Ивановым этого сюжета теоретической основой для него, скорее всего, были работы М. М. Бахтина, Т.-С. Элиота, Ю. М. Лотмана, Вяч. Вс. Иванова, в том числе: *Бахтин М. М.*: 1) Проблема речевых жанров // *Литературная учеба*. 1978. № 1. С. 200–219; 2) Проблемы поэтики Достоевского. М., 1963; 3) Эстетика словесного творчества. М., 1979; *Элиот Т.-С.* Религия и литература // *Часы*. 1978. № 13. Б. н.; *Лотман Ю. М.*: 1) Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970; 2) Статьи по типологии культуры. Тарту, 1970; 3) Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л, 1972; 4) Заметки о поэтике Тютчева // Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1982. Вып. 604. С. 3–16; *Лотман Ю., Успенский Б.* О семиотическом механизме культуры // *Труды по знаковым системам*. V. Учен. зап. ТГУ. Тарту, 1971. Вып. 284; *Вяч. Вс. Иванов.* Значение идей М. М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // *Труды по знаковым системам*. Тарту, 1973. Вып. VIII. С. 5–44 (Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 308).

³⁴ Далее архивные материалы Б. Иванова цит. по: РО ИРЛИ, ф. 935. Фонд находится в процессе обработки.

действительности был настоящий исход. И если Бродский, уходя от этого, отстреливался и не прощал чего-то, то поэты Малой Садовой отказались от соц. тематики, как таковой. <...> В то время, когда бегство осуществилось и стала создаваться новая среда, здесь возникли новые творческие факторы. Возьмите положение человека, который утром встает, который не забывает, что он – поэт и, в то же время, не забывает, что должен оставить в этом мире что-то. И в то же время он никому в этом мире не нужен, и нет никаких объективных факторов, которые заставили бы его садиться за перо, потому что кто-то ждет его журнал... И мотив исчезает. И тогда внутренняя мотивация становится очень специфичной, неожиданной: ты свободен, ты можешь ничего не писать. У тебя должно быть внутреннее принуждение. Но ты отказался от принуждения.³⁵ Очень важна была перемена состояний. Эти состояния являлись хозяином судьбы человека. Это – состояние творческого экстаза (у Бродского это слышно, когда он, в этом состоянии, *гонит строки*, со всей яростью и отдачей) и депрессивное состояние. <...>

Аронзон свою жизненную установку видел в том, что в этих экстатических состояниях он воспринимает мир в высшей гармоничности и прекрасности. И только тогда. Поэтому от своих собственных призывов он очень зависел.³⁶ <...>

Я придаю этим словам большое значение для понимания внутренней судьбы и драмы Аронзона. И каждое состояние – окончательное, и что, в момент отчаяния, действительно, может казаться, что дальше, кроме этой депрессии, ничего нет. Это может положить предел жизни. В связи с этим я вспоминаю поэзию А. Морева,³⁷ который написал строки о том, что все возвращается к восторгу. Тот восторг, который можно пережить, и тот восторг, когда и жить уже дальше не нужно, не стоит. С этими стихами он и погиб.

Конечно, Аронзон, как личность и как поэтическая индивидуальность, стоит особняком. В. Кривулин рассматривает его, как конец эпохи, а не начало. Он не видит продолжения, так как все началось другое, сегодня это подтверждалось.

Это, действительно, было бегством от тех состояний, которые были. Бессмысленность и тупиковость перемены состояний чувствовали очень многие. И обращение к культуре, как к более стабильному, основательному, обреченному на вечность (культура на это претендует), и к религии – эти новые ориентиры стали формировать новую волну поэзии 70-х годов. <...>

Получилось так, что весной Аронзон читал стихи в библиотеке, на Полтавской, а осенью все узнали о его гибели. Это известие переживалось, как предзнаменование рокового конца [для всех].³⁸

³⁵ Строки подчеркнуты карандашом. Курсивом здесь нами передается авторское подчеркивание черной шариковой ручкой.

На полях напротив этого фрагмента написано: «Внутреннее принуждение – страх, экстаз, страх – «без следа», страх исчезновения».

³⁶ Далее Б. Иванов цитирует «Качели» Л. Аронзона.

³⁷ Б. Иванов посвятил А. Мореву свою повесть «Жатва жертв».

³⁸ После этих слов идет реплика «из зала»: «Нужно какое-то более оптимистическое завершение», затем краткое заключительное слово Л. Зубовой. Здесь и далее, кроме особо оговоренным случаев, в квадратных скобках даются слова, вписанные автором сверху.

Впоследствии пересматривая текст стенограммы, Б. Иванов приписал внизу 2-го листа следующее:

«Собственно, люди [в определенные эпохи] делятся по этому признаку = либо человек опьяняется восторгом творческих состояний, либо нет = ему нужна внешняя мотивация = хотя бы страх не выполнить приказ, задание.

Закон (?) это социальное состояние = (не взбивай пену, наслаждайся тишиной), когда внешняя мотивация становится минимальной и [тогда] на первый план выходят те, кто двигаем внутренним принуждением, что кажется в эти эпохи аномальным...».³⁹

2. Конспект выступления Б. Иванова на организованном им семинаре «История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы».⁴⁰

Б. д. Анализируя рассказ-стихотворение В. Кривулина «Полдня длиною в одиннадцать строк»,⁴¹ Иванов вновь обращается к категории «МЫ», проясняет свое ее понимание:

«МЫ – это товарищи по призванию и судьбе, отлученные от типографского станка, и МЫ – это те, кто наделен исторической культурной миссией *восстановить «связь времен»* (курсив автора. – Ю. В.).

Смысл МЫ драматически прорезался в те дни, когда вся молодая поэтическая братия Петербурга была подавлена добровольным уходом из жизни Леонида Аронсона, с которым Кривулин еще недавно спорил и считал продолжателем тютчевск<ого> направления в поэзии.

Стихотворение “Вопрос к Тютчеву”, написанное в ноябре 1970 г., звучит как реквием...».⁴²

³⁹ Л. 2, внизу страницы. От руки, черная шариковая ручка. С правкой. Вверху этой страницы, на полях написано: «Это мистическое опьянение. Экстатич. – души».

⁴⁰ Семинар проходил в помещении Музея Анны Ахматовой.

⁴¹ Произведение В. Кривулина «Шестое стихотворение, данное в контексте: “Полдня длиной в 11 строк” (рассказ, записанный как приписка к письму)» было опубл. на страницах самиздатского журнала «37» (1977. № 11, май–июль, б. н.), в рубрике «Стихи и о стихах». Републиковано: *Кривулин В. Полдня длиной в одиннадцать строк* // Часы. 1977. № 9. С. 232–255. (Выпуск составлен по материалам журнала «37».) Отметим, что в оцифрованном экземпляре этого номера на листе с оглавлением указан 1978 г. (<http://samizdat.wiki/images/8/83/ЧАСЫ9-1-Обложка-и-содержание.pdf>. [электронный ресурс, дата доступа 08.08. 2018]). Это стихотворение-эссе вошло в состав материалов В. Кривулина, переданных в РО ИРЛИ, см.: «Полдня длиной в 11 строк». Авторектология Виктора Кривулина / публ. П. С. Горякина // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2007–2008 годы. СПб., 2010. С. 804–824.

⁴² РО ИРЛИ, ф. 935, л. 2. Текст озаглавлен «Начало. Одиннадцать строк». Компьютерный набор. Отдельные предложения выделены графически (подчеркиванием, курсивом, жирным шрифтом). Правка черной шариковой ручкой.

На полях л. 1 вписано: «К середине 70-х годов неофициальная литература в процессе своего свободного развития наметила превзошла стиховую культуру государства». Эти слова предполагалось вставить после предложения: «Как видим, творческая биография Кривулина – энергичное преодоление полувекового отставания отечественной поэзии». А. Скидан в предисловии к публикации одного из вариантов этого текста Б. Иванова, переданного ему автором в 2011 г., упоминает доклад Иванова на эту тему на семинаре в Пушкинском Доме в 2009 г. См.: *Иванов Б. И.* «Одиннадцать строк», которые взорвали «культурологический проект» Виктора Кривулина // НЛЮ. 2018. № 4 (152). С. 238–249.

Здесь же стихотворению В. Кривулина «Вопрос к Тютчеву» дается определение: «Это реквием – и рождение нового литературного проекта», отсылающее к статье Е. Замятина «Завтра» («Всякое сегодня – одновременно и колыбель, и саван: саван – для вчера, колыбель для завтра»).⁴³

3. Заслуживают внимания пометы Бориса Иванова к трем стихотворениям В. Кривулина раннего периода: «Начало века», «Памяти Мандельштама» («Мы-то знаем цену вере...»), «Художник» («Как теплое дыханье...»), дающие представление о его «оптике» чтения текста и свидетельствующие о том, что изучение периодизации неподцензурной литературы через творчество Кривулина продолжалось и в последующие годы.

Эта подборка имеет общее заглавие «Виктор Кривулин. 1964»,⁴⁴ больше всего комментариев у Б. Иванова вызвало стихотворение «Начало века». Сверху на листе, напротив первых двух строф он записывает:

«Ностальгия по прошлому, [память], напитанная стихами, кипением страстей, движением.

Дружеские попойки, движенья летящих в непогоду троек.

Для поддержания нашей силы = волей выдвигание нового идеала = культурного проекта, решения гамлетовской задачи = связать <нрзб.> столетия (эта точка зрения была и у Р. Мандельштама). Однако “оттепель” перевела задачу не ностальгии, а протеста».

Дугой на полях отмечены 3-я и 4-я строфы:

Тогда – задача романиста
для поддержания нашей силы
создать звенящий, как монисто,
бубенчиками по России

и романтический и светлый
окутанный рассветной дымкой
свой идеал начала века –
эпохи радостной и дикой!

Напротив 3-й строфы, на свободном поле, выписаны слова «задача романиста», перед 4-й строфой дана ремарка-комментарий: «культурный проект».

В 6-й строфе подчеркнуто выражение «зажмурь глаза от бега» в 1-й строке:

И вот – зажмурь глаза от бега
вдоль по сверкающему льду
огней, коней, начала века
с пальбой и песней на ходу...

Рядом реплика Б. Иванова: «и не видеть (зажмурить глаза) настоящ. – это Буковски назвал “ужасом настоящего”».⁴⁵

⁴³ Замятин Е. И. Завтра // Замятин Е. И. Избранные произведения. М., 1990. С. 402.

⁴⁴ РО ИРЛИ, ф. 935. На 3 листах формата А4. Компьютерный набор.

⁴⁵ Имеется в виду американский писатель и поэт Чарльз Буковски (1920–1994). Три его стихотворения («не знает зла преисподняя...», «эдди и ив», «3 : 16 с половиной...») в пер. М. Иоссея были опубл. в журн. «Часъ» (1984. № 48. С. 158–162).

Справа от 15-й строфы – комментарий: «О проекте!»:

Так начинается. Вначале –
слова. Обдумается план;
в высоких комнатах ночами
табачный стелется туман. –

относящийся и к следующей, 16-й строфе, очеркнутой сбоку:

Когда достаточно узнали
утопий сладостный размах –
ясней становятся детали,
реальней – вера, зорче – страх.

После стихотворения «Художник» («Как теплое дыхание...»), последнего из трех в этой подборке, Б. Иванов резюмирует:

«В стихах 1964 обозначен культурный проект, обозначены его мотивы».

Как составитель и редактор книги исследований о поэтах Б. Иванов не удовлетворялся технической стороной дела. Приведенные им в переписке с авторами и во внутренних рецензиях сведения, касающиеся исторического контекста, уточнения, контраргументы, затем им дорабатывались и переносились в собственные статьи. Например, из черновика письма автору статьи об Аронзоне: «в 60-е годы не было таких выражений, как официальная культура (литература) и неофициальная, “андеграуд”. Я впервые встретил эти выражения в 70-м или 71-м году в статье иностранного автора, побывавшего в СССР. Было в ходу деление “печатный” автор или “непечатный”»;⁴⁶ «...интересно обратить внимание на радикально различающиеся ценностные ориентации поэтов. А за этим – разные судьбы, разная лексика, разная мифология и, в конце концов, разные предпочтения читателей, критики и разное место в литературном процессе».⁴⁷

4. Особый интерес представляет лист с рукописью фрагмента текста с заглавием «Кривулин» и черновика стихотворения самого Б. Иванова «Оно не может быть таким...», датированного 27 мая 2008 г. Рукопись с правкой на одной стороне листа А4, черная шариковая ручка. набросок относится, по всей видимости, ко времени работы Б. Иванова над подготовкой собрания сочинений Рида Грачева,⁴⁸ чью роль в независимом культурном движении 1960-х гг. и в своем собственном творческом становлении считал исключительной. Размышления Б. Иванова начинаются с темы эскапизма и его проявлений в поэзии Л. Аронзона и В. Кривулина. В характере же развития темы и языке рассуждений ощутимо влияние экзистенциальной проблематики философских

⁴⁶ Ср.: «Выражение “вещь непечатная”, как знак ее особого достоинства, впервые прозвучало в ленинградских ЛИТО в середине шестидесятых годов» (Иванов Б. Эволюция литературных движений в пятидесятые–восьмидесятые годы (Тезисы) // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы: Сб. статей. СПб.: Деан, 2000. С. 24).

⁴⁷ РО ИРЛИ, ф. 935.

⁴⁸ Грачев Р. Письмо заложнику. Сочинения. СПб., 2013. Б. Ивановым написана вступительная статья к этому изданию: «Легенда шестидесятых – Рид Грачев».

эссе Р. Грачева «Значит, умирать?», «Уязвимая смертью болезнь», а также статьи В. Кривулина «Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня» и его высказываний об Аронзоне:

«Для Ар. весь мир живет в эротическом напряжении, Кр. говорит о том, что лишь через боль, страдание, мы узнаем существо мира, образ *факта познающего*⁴⁹ язык, образующий скол стекла, капля крови, вкус познания, без боли мы остаемся в себе в ОНО.⁵⁰

И тут нужно помнить, что боль приходит – и видимое, и ощущаемое, от любимого и ненавистного, от будущей смерти и умерших в прошлом.

Боль – это повседневность и неудовлетворенность повседневностью.⁵¹

Кр. чувствует видит – и видит себя, видит объект переживания и себя переживающим.

Неблагополучие мира, как основное его переживание, – и в то же время [открытая] возможность достижения [умиротворяющей] тождественности [с ним] пофейсовым “модуляции соболезненных состояний”; и поэтическими формами и модусами.

[Кр.] Его духовность пластична, очарована возможностями языка, который принадлежит всем и никому.⁵² Язык – единственное, что не заслуживает упреков, а Бог – к нему можно обратиться, – но не являться поэту. Бог пространственен. Его Бог почти Бог Аронзона.

Кр., очевидно, осознает, когда он присутствует при видимом и ощущаемом и когда описывает созерцаемое вне “болевых” рефлексов, это подобно художнику, который пишет пейзаж на пленере, и когда воссоздает его в виртуальном

⁴⁹ В правке: изменен порядок слов.

⁵⁰ Имеется в виду хайдеггеровская категория «тан». Ср. эссе Р. Грачева «Значит, умирать?».

⁵¹ Возможно, размышления Б. Иванова навеяны также статьей В. Кривулина «Петербургская спиритуальная лирика вчера и сегодня» (К истории неофициальной поэзии Ленинграда 60–80-х годов) // История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы: Сб. статей. СПб., 2000. С. 99–109.

В экземпляре этого сборника из библиотеки Б. Иванова красным карандашом на полях очерчены строки: «Мы вышли из символизма со всеми вытекающими отсюда последствиями. Фигура Блока по крайней мере до конца 60-х годов оставалась для нас ключевой. С легкой руки автора “Двенадцати” советская коммунальная реальность воспринималась нами как некая символически замутненная и искаженная среда, как аномалия, скорее духовно-мистическая, нежели социально-политическая» (С. 100). Следующее за этим фрагментом предложение тоже выделено читающим: в тексте черной шариковой ручкой отмечены его начало и конец, на полях – галочкой.

⁵² Один из возможных источников этого наброска – интервью В. Кривулина В. Кулакову: «...И вот я ощутил свою анонимность в этом хоре, счастливую анонимность. Связано это было еще со смертью, смертью человека, которого я терпеть не мог, с которым мы все время ругались – со смертью Лени Аронзона. Я вдруг физически ощутил, что все люди, которые умерли, на самом деле присутствуют среди нас. Они присутствуют через язык, через слово, и это совершенно другой мир – абсолютно свободный, вне пространства и времени и в то же время абсолютно реальный. Есть язык со своими ресурсами, и он всех нас связывает и все организует» (Виктор Кривулин: «Поэзия – это разговор самого языка») (интервью Владислава Кулакова) // Полилог. 2011. № 4. С. 108).

пространстве. Холст становится главным свидетелем феноменологической операции».

«Тело принадлежит к миру вещей, оно <нрзб.> в процессе создания произведения».

На этом же листе после отчеркивания (разделительной черты) – черновик стихотворения Бориса Иванова «Оно не может быть таким...», аккумулирующего его размышления из приведенного выше отрывка:

Оно не может быть таким
Каким было и какое есть.
Ибо хочу доказать именно это
и именно для себя =
Я, как вечный мальчик,
[убеждающий себя]:
мечтающий стать взрослым,
[Я мне тоже сбросить]
верю= мое истинное существо
еще сбросит бренность
[И меня не пугает]
Но спрошу себя:
[Меня не] Не пугает ли меня прозрачность
и жизнь в [прозрачном] видимом насквозь мире
Я хотел бы попробовать...
и вернуться...

27.V. 2008.⁵³

Публикуемые стихи Б. Иванова 1960–1990-х гг. открывают исследователям ранее мало известную, но исключительно важную сторону его творчества. Тематически связанные с его работами по философии культуры, литературной критике и общественной мысли, стихи Б. Иванова свидетельствуют о синкретизме его художественного мышления.

Ю. М. Валиева

⁵³ РО ИРЛИ, ф. 935. Отдельный лист. Наверху озаглавлен: «Кривулин. Рукопись, с правкой». Знаки препинания даются нами согласно рукописи. Зачеркнутый автором текст приведен в квадратных скобках.

Ранние стихи (1954–1955)

* * *

Слушайте, слушайте
все мой голос –
расы, народы, материки,
он скажет простое
простое, как колос,
священное, как мозоль руки

Я – человечество.
Я – история.
Я – память тысячелетий.
Слушайте, слушайте мои
Самые младшие дети!

Я раб, задохнувшийся в мраморной пыли
Милосских каменоломен,
Над чертежами меня убили –
не верьте, что я был спокоен.

Я создал Венеру из мифов-иллюзий,
я складывал Колизей,
Меня засыпал пеплом Везувий
среди раскаленных камней.

Мне палили железом глаза,
сжигали в кострах инквизиции,
это я упрямо сказал:
«А все-таки она вертится!»

Я выхаркивал легких клочья
с пылью сурьмы и свинца,
я бежал в синей блузе рабочего
дворца.

Я умер с пером в рабочем кресле –
слова пошли со страниц
мир потрясать протестующей песнью,
пулей бить из бойниц.

Это в меня кидали камни –
в мой черно-красный бас.
Это в меня стреляли сквозь ставни,
вешали под джаз.

Из миллиардов кирпичей
я сложил города,
Я в них зажег миллионы свечей,
опунав в провода.

Я труд миллиардов,
я поколений.
Я крик любви и проклятья.
Слушайте, слушайте мои
самые младшие братья.

Взгляните люди на руки мои:
ладонь, как карта, пестра:
мозоли египетских пирамид,
ожог первобытного костра.

На этих ладонях в мозолях и метах
история вся зарубцована.
Ладони расскажут вам, как планета
была цивилизована.

Слышите,
сердце стучит
не старое.
Видите люди
улыбку мою?
Кровь по жилам
бурлит Ниагарой.
Если б вы знали,
как вас люблю!

Как я люблю
это небо и звезды,
Домны и трубы,
шелест листвы!
Как я люблю все,
что выдумал, создал,
все, что со мной
создадите вы.

Взгляните вокруг – все дело рук, –
мы только солнце чтить обязаны –
от кружев, вот этой девочкой связанных,
до этих ракет, обгоняющих звук.

Где лес – там степь,
где степь – там лес,
пустыня отползает коброю,
желтеет урожаев медь –
земля такая добрая.

Протиснув руку прямо в недра –
нащупав жилы острым буром –
землю покорную свежем –
она такая щедрая.

Природа, человек которой
молился, ползая распятым
и строя дом, и ладя струг,
теперь у ног легла собакой,
приползшей первою к костру.

Наш век прозренья.
Будоражит
сбывающихся грез озон.
Бесстрашных он вперед,
как Одисея горизонт.

Врезают океаны кили,
а небо в гордой вышине
иглою тонкою прошили
прижатые крылья ракет.

Слушайте, слушайте:
люди – боги,
что есть на свете лучшего.
В ваших руках сегодняшний день
и всей земли грядущее.

Милые, близкие,
мудрые, добрые!
Всего человечества мечту,
как хрупкую несете вазу.
И никогда, и никому
споткнуться нельзя ни разу.

Люди, идите –
включите станки,
кидайте уголь в нутро паровозам,
прохладной струёю полейте цветы,
утрите детям оставленным слезы.

Люди, идите, знайте и верьте,
начинается эпоха весны.
Жизнь сильнее смерти, –
вздохнет человечество
и войны
факелы
погаснут.

Стихи (1961–2008)

Я песен не знаю,
А в музыке нем,
Не знаю, не знаю, не знаю
зачем
реки текут
и восходит луна,
куда и зачем
бегут времена
зачем и куда
слезы текут,
растет борода
и дети растут.

1961

* * *

По ком звонят,
Кого зовут к последней встрече?
Среди смертей еще одна...
и медью порожденная волна
колеблет зимний вечер.
Уста ль сердце?
Пал ли под ножом?
Быть может одиночеством сражен, –
и возложил петлю себе на шею?..
Окончилась еще одна дорога
И путник лег
У светлого порога,
Челом светлея.

* * *

Такая сказка есть о красном –
о красном, но не о крови,
о красных веках,
в зрении напрасном,
о красном шепоте
без любви.

* * *

Тут стояли цыганки,
сверкая глазами, зубами,
браслетами,
ероша цветы...
и ушли,
делясь монетами,
но тут еще нет пустоты.

* * *

Вы можете пройти
по проволоке минут,
согнуть в дугу
назначенный маршрут?
взять в руки прутик
и сказать: Сезам,
открой себе,
что хочешь сам?

1961

* * *

Что я наделал!
Что я сотворил!
Я всё разъял
И всё соединил
Фантазией нетерпеливой
и поспешной, —
и этот мир,
и мир нездешний
меня от зла освободил.

1962

* * *

За маски заглядываю
печально и строго —
ищу врага,
ищу Бога.

1962

* * *

Вера смотрит с каждого
детского лица.
И ищешь подозрительно
рядом
подлеца.

1962

* * *

Без слов
И драмы
Поставить надо
Рамы,
вторые,
Зимние.

1962

Не знаю, как сказать словами...
Ласкаю я – кругами,
кругами.
И чем сильнее тебя люблю, мой друг,
тем шире и плавней мой круг.

* * *

В слова не верю
Хлеб не возношу, –
Чужую ношу
просто ношу.
Не о песне грущу,
Не о Боге, –
О попутчике
По дороге.

1963

* * *

Впрягают в телеги
Трусливых и тихих;
даже не трогай плеть, –
скажи им:
Вы – лошади.

Скажи

И едь.

1963

* * *

Весь в насекомых, –
по коже ползут.
Бег не спасет –
замучит зуд.

* * *

Щекочут, ласкают,
душат, кусают –
какая я
занятная вещь!

Я складываю, всю жизнь складываю
к насекомым
нежную речь:

«Знаете, послушайте:
иль на вас я наступлю,
иль меня вы скушаете».

1963

* * *

Трава, трава, трава –
кудри грустной земли...
склоняется голова
в запах старой пыли.

1963 (?)

* * *

Уселась на меня гадюка –
Тяжесть венка.
Глаза выгоняю вверх.
...Это сон?
...Это рок?
...Это нерв?

1963

* * *

Покой!
Генук!
Ни стук,
Ни зов ...
Засов.

1963 (?)

АКВАРИУМ

Рыбы – они очень важные –
Лупят глаза на стекло.
Кто объяснит им, кто,
Что рыбы дела неважные.

1963 (?)

* * *

Плакать,
так хочется плакать,
уткнувшись в пьяную скатерть,
плакать и звать
братьев и мать,

женщин, плачущих лунам,
и в плаче найти непробудном
росы тихой страны,
где ходят по травам пурпурным
смеющиеся табуны.

1964

* * *

Не каждый за столом
тебе внимает чисто, –
вот он сидит, разбрасывая сеть,
и ты увидишь, кто антихрист,
когда достанет сил
взлететь.

1964

* * *

Я пришел к тебе еще вчерашний,
кивающий налево, направо,
с голосом узким, как щель,
и потому немного страшный
после этих страшных недель.

1964

* * *

Что такое эпоха? –
Моя жизнь,
мой крик,
поиски во тьме соска,
кровь, барабанящая
в кость виска,
глаз,
вмещающий дождь и лужи,
за
занавеской
чей-то ужин,
это мой путь,
это мой шаг,
это музыка
в ушах,
это пронзительное ожидание
смерти
и любви.

1964

* * *

Какие утра встречаю!
Город, как под венцом!
Кудрявым деревьям киваю
открытым счастливым лицом.
В глазах легко одетых прохожих
отсветы редкого дня,
солнца, улыбки возможного
и счастливого себя.

1964

* * *

Гром как в запое,
Дождь проливной.
В буре озона
Иду нагой.
Под шлёпы ног
в шуме дождя
я слышу в раскатах
грубость Вождя.

1964

* * *

За всеми порогами и горизонтами,
за всеми заставами и границами,
за всеми правыми и неправыми,
есть родина
с другими клятвами родства...
Других и иначе
целую,
я здесь по новому тоскую
и устаю от волшебства.

1964

* * *

Тайну открою:
ВСЁ СБУДЕТСЯ –
никто не болен,
никто не глуп.
Учись разговаривать с улицей
не кривя скептически губ.
Это время монологов пройди,
Как лось переходит топь.
И заново всё назови:
«Это – Бог!
А это – холоп».

1965

* * *

Р. Г.

Мой друг разносит
по домам
угрозы.
Он тащит всюду
за собою
плеть.
И вздрагивают жители
нервно,
и скачут –
собираются взлететь.
Сутулые, неловкие,
как грифы,
хватаются за шпингалеты
окон.
Он жалит их
безумным оком
и прочь идет
обиженным
халифом.

1965

* * *

Есть дни, которым нет примет.
Случилось воровство, –
был день – и дня отныне нет,
и как вернуть его?
И как, спасая утонувших,
ныряют в темень наугад,
его ищут, как ищут лучших,
не возвратившихся назад.
И весь сейчас
во власти скорби –
цена прошедшего темна,
что значит этот наглый орден,
когда не помнится война!
Ничто мне не вернет потерю,
но кажется мне в поздний час,
стоит невнятною за дверью
и смотрит, не спуская глаз.

1965

* * *

Простимся,
я пойду в другую сторону –

по листьям
по лужам,
к небу.
Ты видела когда-нибудь
ворону,
косо летящую
одну – без стаи?
Я не был
проходим,
который пугается ночь
пережить на вокзале...
Мы были похожими
и оба, похоже,
устали.
Теперь дай пропасть мне
в шуме дождя
и огнях сигарет,
запутаем судьбы,
как путает пьяный
свой след

1965

* * *

В конце концов
в этом безверии
и здесь и там нам тенью проскользнуть,
и показаться,
и обмануть
и Бога счет,
и счет материи.

1965

* * *

Льется в уши шорох времени,
кто-то дует мне в лицо,
боль в виске, словно прострелянном,
а в глаза: песок, песок.

1965

* * *

Что я, когда весь мир – больница,
и серебрится мертвый лед,
а ты, Аленушка, сестрица,
из шприца добываешь мед.

1965

* * *

Дитя, ты видишь толпы эти!
Тебе ли их понять!

Ты видишь трубы скотобоен
И дыма эту прядь.

Дитя, ты видишь: мир огромен.
Тебе ли им играть.

1965

* * *

В пене розового солнца теплеют камни.
Лица выглядывают из-под шапок,
как из небытия.
Тревога волнует меня –
стою на пороге миллиона воплощений
и знаю, солнце наилучшее из всех.
У меня есть улыбка, и еще улыбка.
У встречных я бужу странные воспоминания.
Во всяком случае, многие на секунду
принимают меня за знакомого.

Нужно ли что-нибудь совершить? –
Избрать роль изобретателя шуток,
торговца апельсинами,
проводника инвалидов,
или просто кормить птиц?..
Я не хотел бы делать выбора.

1965

* * *

Какой-то смех
необъяснимый,
какой-то голос из тени
и этот стук
ночной пугливый,
и будто скрипнули ремни,
и вздохи
по углам проспектов,
и взгляды резко
за плечо –
все собираем для проектов
и отвергаем горячо.

65 (?)

* * *

Уплывают облака в невозвратное –
ветер навсегда ушел с ворохом газет и пыли,
унесло автомобили,
и кассир унес мешок с тем.
здесь деньгами были.
И я знаю: там забыли
эту ночь и этот свет.
Здесь остался лишь поэт
рассказать, как мы любили.

1965

* * *

Растворю окно солнцу,
ветру – двери,
взлетит пусть дым табачный и бумага,
сегодня не прижатая пером к столу.
Кто я? сегодня – не вчерашний,
кто я? – позабывший про потери.
Кто я? – незнакомый никому.

1965 (?)

* * *

БЕССОННИЦА

«Гибель!» – кто кричит во мне,
когда в пути ночном,
когда пустынная жизнь,
которой я царь –
алчущий
и величественный,
одинокий, но свободный
и потому шагающий
у трона,
еще не решившись на то,
что составляет величие
и высокомерие власти
царей?
«Гибель!» –
крик жуткий и ликующий.
Он оповещает о пределе
моего царства.
Далее идти нельзя.
Там сумерки и движения смутны,
там сложилась для прыжка
пантера безумия.

«Гибель!» –
я возвращаюсь,
я сажусь на трон,
я надеваю венеч.
Я величественен.
Я видел границы своего царства.
Восходит солнце,
оно осветит всё –
и след ящерицы,
и гримасы старого орла,
и бока усталого верблюда.
Всё освещено.
Я царь только ночью.
Потому мне
не спится.

1965

* * *

Мадам, как научить вас роли –
в ней нет реприз
и нет паролей!
Без суеты
и без стыда –
как не стыдится рана, –
вы будете сидеть
и слушать, как вода
течет из крана..

1965 (?)

* * *

В часы унылые,
как длинный железнодорожный состав,
слушать устав
и видеть,
ощущая горе расставанья с горами –
в них не поднимусь,
прощанья с играми купанья;
мне жаль, что в рай
и ад не попаду,
и не напьюсь
так просто.

1966

* * *

Вчера я говорил:
– Предел!
Отсюда видно все границы,

Я вижу глубь,
И знаю я, куда летят,
О чем тоскуют птицы...

Простите птицы!
Простите дети!
Я не черчу вам более
Предел.
Пусть будет так:
обедать – так обедать.
Ты опоздал, – я тоже не поел.

Мой мир сегодня –
Плащ да кепка.
Иду под тенью
Козырька,
так я не вижу прутьев
клетки,
на всё усмешка
старика.

Ползут тяжелые туманы.
Я –
и этот вот туман.
рука в карман –
и там туманы.
и я в кармане
у тумана.
и туман
в кармане у меня.

Я только бы хотел,
чтоб продолжало сниться,
когда бреду
под тенью козырька:
вздымается большая птица –
и разбивает
клювом
облака.

1966

* * *

Унылы
проспекты эти
с шумными названиями.
Здесь нет истории –
бетон, газон и снег.

Блуждает здесь случайный человек
и одиночки мерзнут
изваяниями.
А рядом где-то
вздывают птицы
нечеловеческий громоздкий рев –
летят в столицу
за границу,
а здесь стекло дрожит,
как обнаженный нерв.

1966

* * *

Сегодня я молчу.
На раскладушке.
Бумага на полу
и сигаретный дым.
Вот моль бредет
церковною старушкой,
а муха мчится с гневом бредовым

На дне.
Здесь тени тех,
кто выше –
гребет веслом,
руками режет плёс.
Антенна там моя
на крыше,
а тут чуть дышат
через нос.

Сегодня я молчу,
но если б мне сказали,
не этот ли удел
тебе принадлежит,
Я закричу
последними словами:
– Пошли вы на...!
Еще я не убит.

1966

* * *

Есть ритм уходящих, –
их вижу в перспективе
сходящихся линий...
Какие настоящие шаги!
Какие гордой шеи повороты!

Как уважителен возглас петли
и как величественно сходятся
ворота!

1966

* * *

Разомкнуть невозможно объятия времени
на шее своей.
Так и идешь в полумраке
на зовы обманных огней.
Те же проекты и жесты, и недруги,
те же друзья,
Эй, перестаньте бубнить,
о чем вы, про что и зачем!
Дайте
похоронить
мое возвращенье ни с чем.
Мое возвращенье с равнин,
мое – из далеких странствий,
Я вернулся один,
но этим и опасней.
Эй, садитесь за стол!
Водку, стаканы и стулья.
Я ничего не нашел
ни в пустыне, ни в тундре.
Ни золота, ни добра,
ни Бога, ни правды, ни сути,
ни в землях, где пляшет мордва,
ни в землях коми и чуди.

* * *

Никто, ничто не примирит,
Ни телефонный разговор,
ни спор,
ни спирт.
В этой жизни, где тайны
банальны
и овальна тупость лиц,
обучаюсь привычке скандальной
не снимать в домах рукавиц.

1966

* * *

Мир нас не ждал.
Дороги безоградны.
Бросаемся вперед без веры и гонца.

Приходим к смерти
По нити Ариадны,
богини не узрев лица.

1966

* * *

В конце концов
останешься один.
И ты познаешь суть тревоги.
Она как
черный муэдзин губами шевелит –
и все о Боге.
Но все-таки с тревогой говоришь, –
она твоя хозяйка бестолковая.
Но вот однажды
Утром ощутишь
есть ты – и есть соседняя столовая,
есть ты – и улица,
есть ты – и сад,
есть ты – и будка на углу сапожная.
И спросишь ветер:
«Может быть,
мои молитвы
были ложными?».
Кому молиться,
что просить,
чи на себя принять заботы?
какой пиджак
нужно носить
и есть ли смысл переносить
осенний дождь на ноты?
Молитва? – есть,
забота? – есть,
и есть пиджак,
и есть труды,
есть дождь
и зонтик,
и пруды,
и океан –
я к вам пробился с боем,
Отныне между вами – мной
никто не стоит
ни лицом, ни спиной.

1966

* * *

Кошмары шпагой проткнуть,
сдуть мифы свободным
вздохом,
глупца обрядить
скоморохом,
на рельсах беспечно
уснуть.
Черту
наставить рога,
скупца обойти
чашей,
Америку
назвать
«нашей»,
любимой
сказать:
«Пока!»...
Потом, промотавшись,
вернуться,
и в водную гладь,
смеясь, запускать
восторгов легкие
блюдца.

1966

* * *

Я демоном был и Богом,
хребтом и долиною узкой,
солдатом бывал и йогом,
евреем был и русским.
Я верил и не верил,
смешил, и сам от смеха скучал,
я хлопал рассерженный дверью
и в эти же двери стучал.
всё те же главные проспекты,
все тот же я.

1967 (?)

* * *

Скажи –
не прячась за туманами, –
не о любви, не о тоске,
ты слышишь ночью караваны,
которые тонут
в песке?

Скажи, ты слышишь крик погонщиков,
верблюдов скорбных
смертный стон,
набитый прахом
колокольчик
и ветра
горизонтный звон?
Скажи,
ты слышишь шорох времени –
песок течет в горле трубы, –
и перезвон чужого стремени,
как зов чужой судьбы?..

1967

* * *

Ночью
все звуки ближе.
Там на заливе
сваи бьет
копер.
А вот прошли по полю лыжи –
идет унылый фантазер.
Надежды ближе,
ближе смерть.
И ближе –
откровенья.
И новый день
стоит в волнении,
но ночь не хочет
отпереть.

1967

* * *

Под наше счастье не бери в кредит
ни денег, ни дома, ни воли.
Только сегодня счастливым глядит
конь, затерявшийся в поле.
Только сегодня
и только сейчас
мчатся к созвездьям качели,
только сегодня в бездонности глаз
нежность поляны расстелит.
Только сегодня так звуки часты,
только сегодня так сердце частит...
Только сегодня,
только сегодня.

<Б. д.>

* * *

Большой цветной каруселью,
нагой и одетый в мундир,
и пьяный, и нежный, и битый
запутанный вертится мир.
И пьяный, и нежный, и битый
на этой зеленой земле
течешь, как ручей под ракой,
и тащишь всю сущность в себе.

Песок и опавшие листья,
и ветвь переспелых плодов,
отвагу и страшные мысли,
и тени больших городов,
и моешь тяжелые камни,
летишь вниз с шальной высоты,
запруды ломаешь, как ставни,
течешь в лошадиные рты.

Я вижу свой путь от истока
до сини, где спит океан...
Любовь, знаю, только глубока,
а ненависть мчит по камням.
Есть тайны большого молчанья,
Великой беспечности суть,
пустыни одичанья, –
жизни веселая жуть

1967

* * *

Настанет час –
и догорят, как фонари ночные,
мысли,
и слово
затеряют наше,
и плуг следы
с травой запашет,
другой октябрь
уронит
листья
И будет в зимние
бураны
жизнь наша
нашим детям
сниться.

1967

* * *

Как мне отдохнуть от ожиданий,
как не торопить
возможных встреч!
предвкушая торжество свиданий,
не вышептывать
ночами речь!
Как уйти с перрона?
Как домой вернуться? –
бокалы

составить

в буфет.

Пледом на диване завернуться,
Знать, что в эти дни приезжих
Нет!

1967

* * *

Какие утра встречаю!
Город, как под венцом!
Кудрявым деревьям киваю
Открытым счастливым лицом.
В глазах легко одетых прохожих
Отсветы редкого дня,
Солнце, улыбки возможного
И счастливого себя.

1967

* * *

Скорей столкнутся поезда,
ударит молния скорей
в раскрытый ворот мой,
погаснут звезды и глаза,
и след с земли сотрет прибой
других эпох, другой тоски,
историк, сочленяющий куски,
скорей сосуды наших жизней восстановит,
но как душа без устали ни бродит,
дом не найти ей,
а найдет – пустой.

И только в поездах,
летающих в темноту,
я чувствую живую полноту
последнего предельного порыва –
когда мне всё равно –
шагнуть в ничто с обрыва,

иль быть разметанным метелью взрыва
на
железнодорожную
версту.

И только в поездах,
летающих в темноту –
на том ли свете я или на этом! –
я в свете яростном свою вижу мечту –
я вижу родину,
любовию согретой...
А завтра снова выйду ясен
Навстречу брызгам
Нового дождя.
Я не скажу, что мир прекрасен
От солнца и до ржавого гвоздя,
Но прошепчу:
«Немым – заговорить!
Слепым – увидеть!
Убийце – не убить!»
Но я скажу:
«В уверенности шага
уж есть осуществление
отца,
бойца
и мага».

Мир сотворим –
вот заповедь от Бога.
вот потому и снится мне дорога
и мир, еще который
нелюдим.

1967

* * *

Неужели опять ничего не случится!?
Вечер придет на окна давить.
Ветер с залива, как смерть
постучится –
и плечи опустит усталый Давид.
И в хаосе туч, и в мести метели,
в ознобе страны
и в жалкости лиц –
судей увижу,
поднятых с постелей,
и взмахи карающих
палиц.

1968 (?)

* * *

Я разбудил себя,
себя одел в пальто,
поцеловал свой лоб
и вывел на дорогу...
Так от причала буксир выводит
беспомощные в реках корабли.

1968

* * *

«Все позади!» – а позади обманы.
«Все впереди!» – там чернь и туман.
«Все в настоящем!» – это твой капкан.
Как западни твои все планы.

Смотри своим крушениям в лицо, –
Смотри, не сожалей и не плача.
Не спрашивай: «Когда-нибудь песок
Гранитом был и в мире что-то значил?..»

1968 (?)

* * *

Здесь так же все –
опущены гардины,
и тлеет сигарета на столе,
и ржавые кривые исполины
выкапывают что-то во дворе.

Я уезжал всего лишь на два дня,
но на балконе выросла трава.

1968 (?)

* * *

Роняющие шум на камни волны,
сверкание высокое снежных вершин –
во дни ненастные, холодные
их открывает человек,
как будто бы из новых глин
их создает в часы
большого одиночества.
Он все постиг – и знанием сражен,
и восстает на тесный горизонт,
он узнает тоску пророчества,
которое разносит
только
он.

1968

* * *

Как к солнцу простерты руки –
лучи
полуночных дум.
Умолкли тревожные
звуки,
иной, слышу, близится
шум.
Я слышу отлетный крик стаи,
отблеск смелых очей.
Дух стаи
уж землю оставил
и реет свободный –
ничей.

1968

* * *

Наши дети груди искусали,
наши лица серы от пыли.
Мы, пророк, на Бога
не роптали б,
если б дали
не были вдали,
если б взгляд не гас в пустой пустыне,
если б расступились миражи,
если бы под ветвями густыми
стали вновь горды наши мужи.
Если б ветер приносил дыхание
темных рощ и трав,
мы б сказали: «Небу оправдание!»
мы б сказали «Моисей, ты прав!
Пусть песок заносит из Сахары
наших павших братьев и сестер,
наноси, пророк, смелей удары,
тот велик, кто жалость в сердце стер...
Но по-прежнему рыжеют дали,
стонут под поклажею мужья,
наши дети груди искусали,
дети мать зовут, а не вождя...»

1968 (?)

* * *

Ему,
фараону,
пирамиду
строили *другие*.

Он сох, светлея и зрея,
к торжеству похорон ...
А мой современник,
вымаранный в песке арены,
другой будет завтра:
приколет астру,
сбреет щетину,
по телефону заявит:
«Не побежден!»

И так раз за разом,
себе как другому
плиту за плитой
кладет,
И он же как сфинкс
невозмутимый –
уже победитель, уже единый –
век не опустит,
с усмешкою львиной,
встретит
последний заход.

1968

* * *

Я – чешуя
на медном теле строя.
Воздушно небо,
звучен тяжкий шаг.
И чист, и искренен
призыв гобоя,
и крики жен
еще звучат в ушах.

Пусть нас не ждут.
Пусть не для нас фиалки,
иду в тени тяжелого копья.
Как совы днем,
насупились гадалки.
Сегодня я сказал
своей судьбе: «Моя!»

1969

* * *

За маски заглядываю
Печально и строго, –
Ищу врага, ищу
Бога.

1969

* * *

Я думаю о женщинах,
Озабоченных только собой,
Далеко отодвигающих досягаемость,
Взрывающих покой поэта и его снисходительность
К прошлому и сегодняшнему.
Это счастье или беда встретить женщину,
Озабоченную только собой?..
Может быть, всем нужно знать их имена,
И ставить в городах статуи – за этот их подвиг!
Не за оборону города, участие в заговоре,
В фильме, а за эту озабоченность собой, –
Разве не напоминают эти женщины о вечности!

Мне понятна улыбка Джоконды:
«Мое тело – колокол в решающий час,
когда требуется мужество;
далекий прекрасный берег, когда долог ваш путь.
Когда грязь человеческая собирается в поход,
я – идол городов, которые следует защитить.
Я не спешу утратить обманчивую призывную
ткань красоты – эту половину мира,
чтобы стать плодоносящим деревом,
не думайте – я возьму весло в руки,
Взойду на трибуны.
Я не стану заряжать вам ружья, –
Я занята сама собой. И этого достаточно, –
достаточно для смерти и бессмертия мужчины...»

1969

* * *

Выйди –
не прячься в чаще, –
на ослепительный луг.
Здесь
озарения чаще,
реже
предчувствий стук.
Хрупко
касаются кожи
стебли
струящихся трав,
тут понимаешь тайну –
величия детских забав,
надежность
мужскую плуга,
женскую гладь бороны,

обнимку
верного друга,
тяжелые роды
страны.

1969

* * *

Мир нас не ждал.
Дороги – безотрадны.
Бросаемся на свет конца...
Приходим к смерти по нити Ариадны,
богини,
не узрев лица.

<Б. д.>

* * *

Приходи, большая кошка,
в захламленный тупик.
Глаз оранжевый – окошко
в твой весенний дерзкий крик.
И сквозь дым пусть сигаретный
дуются твои усы,
с возмущением запретным
тронь бумагу и холсты.
В полусумраке постели
промурлычь на лампы свет:
«Помнишь, как мы ночью ели
старый сыр и черствый хлеб?»
Мы друг друга не осудим
и простимся не кляня –
разное с тобою любим:
я весь мир,
а ты – меня.

1970

* * *

Не стали греть меня надежды,
И пусто на равнинах слов,
И в линиях, отбросивших одежды,
Я нахожу мотивы новых снов.
На россыпях сверкающих песков
Я открываю новые изъяны,
И уж с утра
Немного пьяный
От гордости твоих сосков.

1970 (?)

* * *

Опять тревожат сумраки конца.
В какой листве затихнет жизни ветер,
какое выражение лица
мне будет и вопросом и ответом?

Склонится ль женщина, склонится ль сын,
иль друг с предупредительностью лишней,
раскосый конвоир с лицом сырым,
иль сад Эдема с плодонесущей
вишней?

Иль будет так, как мне пророчила звезда:
русская пригрезится дорога,
чьи-то непутевые глаза
и решетка на окне острога.

1970

* * *

Всё та же ночь –
и ветер над мансардой,
и двери дрожь
от сквозняка,
и наши губы дремлют правдой –
как дремлют тихие над крышей облака.
Невидимой толпы мне слышен шум,
Упрямый ход глухой работы, –
как будто в недрах Вельзевул
смелеет ночью
и подкопы
под корни травам
протянул.

1970

* * *

Ты там – за сетью нежных листьев.
Как волен летний твой наряд!
Я слышу шепот тайный: «слиться» –
так листья говорят.

Как глубоки твои глаза –
и как глубоки твои тени,
где грудь <и> там – в твоих коленях,
а губы – свежая гроза.

Что измеряем в этот миг,
какое время и пространство!
Какое надо нам убранство,
чтоб новый мир сейчас возник!

Ты обрываешь лист сирени
и ожидаешь не дыша.
А я ломаю для свирели
прямую спину камыша.

1970

* * *

У лета нет намеков острых
на тяжесть зимних холодов,
вся острота вот в этих соснах,
тревога – в гуде проводов.

Открытость небу в птичьем пенье...
В цветении больше наготы
и откровенной простоты,
чем в обнаженности осенней.

У лета есть отвага смеха,
отвага быстрых юных игр –
вот тучами пророк проехал,
а здесь курчавый спал сатир.

Смеется месяц козлорогий,
крадется рощею заря,
пылится знойная дорога –
колеса крутит бытия.

1970

* * *

Скрябин, Пруст, кубические натюрморты,
абстрактная нежность,
глоток кофе,
на акселератической треноге
я рисую твой профиль.

Бюсты, шлепанцы, апрель,
рожа в параметрах коммунального коридора...
Ах, Адель, Адель, Адель!
У Адели шелушится кожа!..

1970

Родина

Когда пропляшется наследие пустое,
и я пропью стихи своей страны,
протру стекло замершее ночное
и оглянусь суровый стан сосны.

Тогда открою тайну простоты,
значение родного жеста,
пойму замес ржаного теста,
заговорю с тобой на «ты».

1970

* * *

С меня срывали одежду:
лишали чинов и званий.
Однажды почувствовал близость
к семье городских изваяний.
Не удалось расплющить, –
я тот же
бессмертный Адам:
и Бога, и Еву, и кущи
всё снова упрямо создам.

1970

* * *

Какое время! –
Мир без Бога.
И город будто без людей.
Но кажется, еще немного...
«Еще! Еще!» – ступени дней.
Как будто долгая осада,
вода и хлеб идет на счет.
И миру – «Ничего не надо!»
смолою огненной течет.
Не надо, ничего не надо.
Стоит осады тишина.
Но почему победа эта
цветов и блеска лишена?

1971

* * *

Умеешь ли любить
иль только ждать?
Есть сила жить
иль только лгать?

Где ты? тут близко
иль далеко?
Какая правда в смутности намека,
любовь иль ужас потерять?..

1971

* * *

Опять ты зажигаешь свет,
и оба знаем, со значеньем.
Для нас он тайна обреченья,
еще одной надежды след.

Я не спешу... Большие звезды,
Приземист арки темный ход,
столбом стоит прохладный воздух,
кричит далекий пароход.

День умирает – отсудачил.
Растет ночная тишина...
Я жил – и суть обнажена:
чтоб свет не гас и что-то значил.

1971

* * *

Я вижу дно любовью пьяных глаз.
Горячий круг из рук на плечи лег.
«Покинем, милый, трезвости чертог
и стуки сердца пусть смешают нас.

Ко мне, ко мне, любимый мой кентавр!
Пусть голова твоя теряется среди туч,
хочу с тобой вернуться с круч
к началам жизни...»

Водой весны шумят потоки слов,
и падаем в просторы ночи,
и снято с жизни полотно сорочек, –
в сетях секунд – божественный улов.

...Нам утро открывает мудро
безумный хаос отброшенных одежд.
Стыдливо щеки прикрываешь пудрой,
усмешкой – день, зачатый без надежд.

И вот уходишь дальше, –
неуловимее в толпе.
Я мог сказать прохожей женщине:
«Совсем она, но все не те».

И все сначала: мир и время,
я глуп и мудр, юн и стар,
покорно поднимаю бремя –
жить, мыслить – я кентавр.

И прозреваю смысл походки
на отражения витрин,
и размышляю над находкой:
сегодня я опять один.

1971

* * *

Вино стоит, и ночь идет к концу...
Как ароматен жизненный настой!
Я наполняю кубок пустотой
и радость овном бродит по лицу.

Судьба, о боги, – золотая нить!
О трепетная нить долженствований:
оспаривать,
грезить
и любить,
уверенность угроз и заклинаний!

Я эти капли выплесну на стол,
я руки брошу утреннему небу.
Благодарю за то, что нашел,
благодарю за то, кем был и не был.

1971

* * *

Всё те же лица
и те же разговоры.
И что отметит здесь
безбожный ум?
Фасады новые
и вялость приговоров –
движение годов –
передвиженье дюн.

1972

* * *

Я становлюсь все более прекрасным орудием –
Острые тонко, лезвие же широко сияет.
Ладонь титана спокойно уляжется на рукояти.

Представляю, как приятно взмахнуть этим клинком,
Собирающим солнечные лучи,
Как приятно его ощущать под плащом,
Когда в городе ночи ненадежны.

Он легко проникает в створ дверей
и справляется с тупостью замков.
В конце концов, им можно бриться,
ополаскивая бегущей водой.

Что же касается тех зазубрин, тех пятен ржавчины,
Погнутостей, то у клинка может возрастать
тщеславие по мере того, как будет становиться
все менее годным для дела.
Так стоит о них говорить.

1971

* * *

31 декабря

Игла времен
прошла меня насквозь.
Грохочет крышами
секундный ливень.
В одно мгновении
всё собралось,
и весь бросаюсь
на слоновий бивень.

Какой замах!
Какой бедовый риск!
Я слышу визг
пробуренной породы.
И мне тепло
в год грозной непогоды
расхристан
и распахнут вдрызг.

Не добр я,
и ныне не щадящий,

О год.
как утопающий корабль,
вздымающий из бездны
остров-нос,
и месяц огненный
декабрь,
почивший средь
замерзших роз!

1971

* * *

Свиданье будет ли?..
Есть знаки:
 волненье,
 голубь
заглянут в окно,

давно так солнце в огненном кипенье
не прожигало
пыльное стекло...
Не спится,
все завесы сна
большое ожиданье прорывает,
и вижу, как оно пришло,
и вижу, как оно кивает.
На этот берег, северный и скальный,
пришел от южных берегов прибой.
И понял я
в созвучьях дальних –
«Я тут.
Теперь всегда с тобой...»

1972 (?)

* * *

Теперь свидание назначено повсюду,
всё стало местом с тобой нечаянных встреч.
Смотрю

и вечно всматриваться буду
и буду вслушиваться

в уличную речь.

И все идущие несут твои приметы,
и в каждом голосе твои слова ловлю.
Все женщины земли как ты одеты,
ручей в речах:

«люблю-люблю-люблю...»

Где я, и где теперь моя дорога?
На крик какой мне отвечать: «Я здесь!»
В каких шумах и на каких порогах
меня настигнет вкрадчивая весть:
«Я здесь, – твой шепот, – я иду навстречу.
Не уходи –

я ближе с каждым днем.

Пускай сгорит

и этот зимний вечер
жертвенным для нас огнем...»

Теперь спокоен. Я иду по краю,
граница –
вот отечество моё.
Я не ищу тебя, отныне знаю:
Ты всюду,
ты всегда,
ты – всё.

1972

* * *

Покой
остановил движенье этих вод
и этих облаков, уснувших над заливом.
Луна идет ко мне навстречу вброд.
Я другу говорю:
«Как ночь красива!»

Простите, голубые дали,
прости, глухая глубина, –
сегодня вы спокойствие мне дали, –
должно быть, велика моя вина,
что сердце сжато,
мысли яры,
в руке отчаяния жест...

Какой покой!
Неслышные удары –
Прими, душа,
от Бога благовест!

1972

* * *

Утяжеленные листвою деревья
так пасмурны в бездомном сентябре...
В ветрах – проемы в мировые дебри,
И я иду и не еду к тебе.

Я здесь стою, мой плащ терзает ливень.
На тротуаре пляска пьяных струй.
И понимаю, в каждом шаге бивни,
ломающие твердь и пустоту.

«Иди!»... Иду, перехожу границы,
всё ближе облаков далекая родня,
и прыщут прочь испуганные птицы,
и косны лица у домашнего огня.

Какие здесь бессмертия законы?
О, как свободно здесь гуляет смерть!
Здесь Бог в трудах могучих неуклонно
из пустоты добра слагает твердь.

1972 (?)

* * *

Ты в эту тишину – не будь так смел, –
с беспечною надеждой не входи:
она взорвется тысячами стрел –
и десять ты найдешь в своей груди.

Блуждающий бесплодными полями
услышит в небе Господа раскат –
и хлынет с неба горький водопад,
и прорастут молитвы тополями.
Родись! К тебе судьба благоволит.
Приветствуй боль, приветствуй Бога.
Вот радуга, под радугой дорога
И слушай, что Креститель говорит.

1972

* * *

Считаю дни, как шаги на дуэли:
раз, два, три.
Так и жил все эти недели,
и сходились, сходились враги.

1972 (?)

* * *

Остались позади последние кварталы,
и ветер черный
нежилых равнин,
идет навстречу сквозняком погромным
и чертит уху
контуры руин.

И нет звезды
на дальнем небосводе,
и нет огня
в заснеженной дали,
и нет друзей
в моем новом походе,
и нет вестей
полуденной земли.

Ах, всё это души опасливой нытье,
готовой изловчиться в поражении!

Да здравствует лихое бытие
и радость неисполненных движений!

Отверзи лучше крик,
разбуженной пучины –
пусть из груди раздастся древний глас:
«Угу, седая ночь!
Угу, камней морщины!»
Угу, равнина волчья,
снега пляс!

1972

* * *

Не молось.
Пусть не будет утешений и знаков благоволений.
Пусть ничто не смягчает укоров,
а их мне может сделать каждый,
Есть долг вечного присутствия.

Я не хочу проверять, не обманывают ли меня глаза,
я не буду оглядываться – это правда, что
За спиной только пустота,
Я не буду оглашать окрестности криком:
«Даже Бог не сделает меня марионеткой!»
Есть долг вечного присутствия, –
Вот что хочу повторить еще раз.

Я всегда здесь – не возвращаюсь и не ухожу.
Я смотрю, не мигая, на огонь жизни.
Сострадание,
Внимание, бессонница...
Вечное присутствие.

1973 (?)

* * *

Опять день пухнет под карнизом
шестиэтажной высоты.
Еще один будет нанизан
на ось всемирной суеты.
И не покой мне ныне снится,
а эта ось, стальная ось,
на ней всё тесно собралось:
и шнур висит самоубийцы,
картины крюк
и хватка птицы,
которая устала биться
о неба ясный купорос.

1973

* * *

Будет день – и отсею слова
из лукошка своей души.
И когда уснет голова
на коленях этой земли,
и когда стану я пустотой
и пронзят ее крылья птиц,
я приду к тебе в сон, как стон –
единственный в тьме небылиц.

И когда золотой песок
истечет твоих дней, ты жди:
вновь услышишь мой тихий свисток
и поверишь, что все впереди.

1973

Парк ночью

Ночью парк напоминает
лежбище морских котиков:
черная лоснящаяся кожа прудов
выпукла за листвою.
Статуи кажутся порочными,
а молодые люди, с транзисторами и сигаретами,
громко заявляющие о себе, –
робкими дилетантами свободы.

Я знаю эти шутки: навстречу идет человек
с намерением не уступить дорогу.
Я знаю робость сторожей в этот час,
когда их красные повязки не производят впечатление.
Я знаю эту прореху в тишину и небо,
когда со звездой устанавливаешь связь, –
ведь важно, чтобы связь оставалась!

Я люблю этот всемирный перпендикуляр,
подобный шесту, на котором гимнаст
держит под куполом цирка своего партнера.
Я считаю важным поддержать звезду в ее одиночестве.
Может быть, поэтому не присаживаюсь
и тем не делаю уступку
своей слабости.

Вот ночная птица осмелилась
сказать на своем недобром языке
что-то еретическое.
Вот мотылек растрепанно полетел
опустившимся бродягой.
Неужели туда, где так свирепо светят
ядра ламп!

+

Узнаю эти звуки:
стон и «скрежет зубовный» –
землечерпалка.
В тени берега дремлют баржи,
выжидая свою очередь.
Их пасет буксир. За стеклами капитанской рубки
огонек папиросы.

Камни падают в корыто «грязнухи» –
так нарекли эти баржи, –
и они грохочут и шмякают, как отрубленные головы
утопленников.

Я знаю про эти баржи всё.
Ты их открыла,
как открывают новые материки,
или – в лесу солнечную полянку влюбленные.

Я приближался к берегу
через шевелящуюся свалку
крысами, воронья,
дымили кучки тряпья,
ветер трепал нечистоты старых газет.
Я приближался к каналу,
этому физиологическому тракту города,
обитыми гнилыми сваями, инвалидными деревьями,
с группами алкашей,
которые всегда что-то делают между собой,
повернувшись к миру спиной.

На ржавой «грязнухе»
я видел любимую, в бюстгальтере и трусиках,
жмуриящуюся от солнца.
Очки делали ее вид забавным.
И до сих пор не понимаю,
что всегда в ней было что-то величественное.

Пришел на мыс.
Пришел за сладкой тоской.
Я пришел взглянуть на плоскость морского залива,
чтобы его тусклая покатая спина
мне напомнила о свободе.
Залив показался мне слишком скудным символом свободы.
Мы должны были переплыть океан.
Ты соглашалась с этим, но не поверила,
что это возможно.

1973

* * *

Порвался шелк любви –
и мир
в своих нелепостях кондовых, в своих страданиях
вечно новых
зажег печальные огни.

И, соскользнув, как в забытьи,
рукой с похолодевшей кожи,
другие чувствую ожоги,
ожоги в черном бытии.

Другую щедростью томим,
я преданность к тебе минуя
и с горькой нежностью волнуя
людей, уставших от машин.

А ты? Где ты?

В водовороте
усмешек, грусти и обид?
Мне говорят, что ты в полете,
где ток воспоминаний спит.

1973

* * *

Осколки некогда прекраснейшего тела –
не ты ли дождь на холоде стекла...

Текла река
и непогода пела,
и грусть
в пустынный дом.

В ладони не собрать холодные потоки,
усталость, боль, тоска, упреки...

1974

* * *

Мы умираем каждый день –
Жрецы нас водят на закланье.

Но с Богом новое свиданье
Прощенье жалуется...

Апрель.

Весна последняя, возможно.

Возможно, в Пасху...

Канитель!

Ведь страшный суд довольно сложен, –
допросы – несколько недель.

И по утрам Луку читаю,
не тороплюсь: с десяток строк...

И, кажется, я понимаю,
за что нам продлевают срок.

1973

* * *

Всё те же лица
и те же разговоры.
И что еще отметит здесь
безбожный ум?
Фасады новые
И вялость приговоров.
Движенья лет –
Передвиженья дюн.

1973

* * *

Здесь люди – страшные миры.
Губителен огонь их встреч –
кому лозой,
кому золой,
кому мощами в землю лечь,
кому безумием потечь
багровым языком к созвездиям.
И не спасет
ни немь, ни речь,
а беглецу стопу подсесть
под крик погонь
осокой-лезвием.

1974 (?)

Канон

Прорезать высоту воздушного свечения,
Закинув голову в прозрачный зенит,
И отступить, и закон паденья
Услышать, – он, как сталь, звенит.
И помнить: на тебе дешевая одежда,
И знать: что плоть для пули и ножа!
Беспечно странствовать, как будто в мире нежность,
А не с дубьем и вор, и сторожа.

Псалмы и радости древнейших песен,
И речь единую для судеб и трибун
Нести в себе, карабкаясь по лестницам
Движенья мысли, в коридорах тюрем.
И верить: все заветное исполнится,
Смеяться черным маскам миражей...
Все ниже голова к коленям клонится...
Канон исполнен.
Holiday!

1974

* * *

Я бы хотел сказать
несколько простых слов об этом городе,
обнимающих его сущность,
как обручи бочку, –
слов верных, как старый ботинок верен суставам и мозолям
пешеходной ступни.
Я хотел бы сказать несколько слов,
которые бы заставили умолкнуть тех,
кто привык говорить от его имени
и перевирающих даже его имя.

Каналы
Их люблю. Но не вообще – за изгибы
за дома и снова за дома, –
так бежит в камнях ящерица.
Фасады домов притерлись друг к другу,
как лица на семейной фотографии.
Львы и грифоны мостов –
домашние животные.
Есть несколько конных статуй,
возбуждающих реликтовые переживания.
Когда-нибудь они тронутся в путь,
роняя яблоки горячего навоза.

Я никогда не ловил с мостов рыбу.
Никогда не собирал на тротуарах окурки.
Не мочился на лестницах.
Не бил подвернувшегося под плохое настроение
слабака.

Но мне приходилось долго смотреть на твои крыши,
когда был подростком
и ночные бомбардировщики подкрадывались к тебе,
прячась среди замерзших облаков.
И сейчас, когда мне под пятьдесят,
моя работа смотрителя лифтов
позволяет еще и еще раз взглянуть на крыши –
это лоскутное одеяла старого города.
Я не знаю,
КАКОЙ ОТПЕЧАТОК ГОРОД ОСТАВИЛ НА МНЕ –
Я просто расскажу один случай.

Ты спросила: «Скажи, ты любишь меня?»
Я откликнулся: «Скажи, ты любишь меня?»

Ты сказала: «Ты бесчувственный человек. Я тебя ненавижу!»
Я откликнулся: «Ты – бесчувственная. Я ненавижу тебя».
Уже рассветает. Мы лежим, не касаясь друг друга.
Ты, я и город затаили дыхание.

1974

* * *

Простую ткань теперь лишь ветер тронет
и оживит (обман, не оживит)...
Цветы рука отныне не обронит.
Не позовет и не простит.
 Как холодно. Как страшен мир явлений –
 что тени из прозрачного стекла.
 Как угадать
 излом,
 покат
 ступеней,

дорогу в пустоту,
она тебя влекла.

Безмолвная
и в белое одетая
моя печаль пусть приведет в Аид,
где Эвридика
вечно спит
в разбитых снах
уоставшею кометою.

...Я верю сну...

В больших палатах смерти
мы встретились с тобой в последний раз,
и мир чужой в созвездье твоих глаз
мне радостью загадочной ответил.

1974

* * *

Какие долги и кому я их должен платить!
Беглец – всегда беглец за проволоку ада.
Веки опущены, в пальцах бегущая нить,
и бьет по коленям косая струя водопада.

Скошены лица в вечном призыве: «Назад!».
<И крик> патруля, и ночная гроза волхвованья.
Предательство вместо забот расставанья,
и памяти вместо – мести угрюмый парад.

Беглец – всегда беглец за проволоку ада.
Свобода – моя путеводная нить...
Светаег. Пора. Ничего мне не надо.
Всего лишь к ручью приклониться и пить.

1974

* * *

Проснется ли чудак, когда лес тронется
и будет шумно на старинной переправе
от гомона мужского озорства?

Идиллия купания коней,
торжественность от утренней пальбы,
и нечего просить,
и от мольбы так сладко
на старинной переправе.

1974

* * *

В ответственной час –
Луны или Креветки? –
в раствор ворот
и мимо нас идут в поля
медлительные предки
дорогой белой,
как алебастр.

1974

На перепутье

слова –
или вещи?
билет –
или место в вагоне?
А если еще резче:
жизнь –
или засвеченный ролик?

Не собрать гончих,
не пустить по следу.
Но так ли важно –
стою, иду,
еду?

Рано еще до выси,
поздно для какой-то веры.
Какие могут быть мысли,
Если выломаны даже манеры!

Поклоны – на какие страны?
Отстать – от какой морали?..

И стих какой-то странный –
Бегаёт мышь в рояле.

1975

* * *

Такая маленькая и при этом – женщина.
Облаченная в брюки
и копна волос, –
похожа на Пьеро и секретаря
приятного пожилого гражданина.
Такие роли приписываю тебе,
когда вижу, шагающую большими шагами,
с кошелкой, полной снеди.

Руки тонкие обнимаю сильно.
Не было б этих сильных рук, ты осталась бы равной
для меня детскому воспоминанию о театре кукол.
Страшный Карабас выходит с плеткой,
но думаешь не о нем – о Мальвине.

В сущности, всегда думаешь о Мальвине,
а Карабасы, важные послы невероятно огромных
государств, и, разумеется, многое другое,
лишь заслоняют ее, Мальвину,
и получают свой масштаб в зависимости о того,
как в этом дурацком деле
они преуспели.

1975

* * *

Плешивый мир художников, поэтов,
оденьте котелки на валуны!
В ответственной час рождения луны
сиду на чердаке в компании эстетов.

1976

* * *

Умчалось время.
Город пуст.
И женщин нет – одни Маруси.
Вместо поэзии – лишь бюсты Фирдоуси,
вот потому
и грусть.

1976

* * *

Идет конторой или лесом,
живешь во сне иль наяву, –
почаще пользуйся отвесом
и не вертись крученым бесом –
не озирайся на Москву.

1976

* * *

Что стоит человек во прахе путешествий!
Пересекает темный материк, –
конвейер: – был дитя и вот – старик,
с морщинами дорожных происшествий.

1977

* * *

Когда приходит ночь
и город полон гулом
мчащихся авто,
я расстаюсь со стулом
и надеваю старое пальто.

Расстрелянные канцеляриями,
как призраки идем на встречи.
Потусторонние аварии
в потусторонней речи.

Торчит на улице
Спортивный молодец.
Мать там, где запах валерьяны.
Встречай начало,
и встречай конец –
звонарь истории, подлец,
наверно спит на колокольне пьяный.

Ты, Родина, десантная баржа,
не то плывешь, не то бесечно тонешь,
с воплями на кладбищах хоронишь
и богохульствуешь в три этажа.

1977

* * *

История никогда никому не давала уроков:
ты тот, кого разбудили в Гефсиманском саду?
или ты тот, кто, таясь в плаще широком,
идет получить у кассира должную мзду.

Или – Симеон Галилеянин – вечно, неумоимо
встречаешь случайно несущего свежий свой крест.
Никто никогда не узнает, какая причина
тебя посылает бродить у этих опаснейших мест.

История никогда никому не давала уроков, –
она лишь подсказка живущему в этот день наш.
И ты закричишь: «Распни!» с наступлением срока.
Или с вершины холма свой поведешь репортаж.

Ничтожества в вечном видят гримасы иронии:
«Знаем!» – салют прогремит и опустят повапленный гроб,
знаем, могильщик нечаянно заступ уронит,
когда соберется вытереть потный свой лоб.

Им, соглядатаям, вечно толпою ходить.
Мудрость пустая вечно полонит их рот.
Нам книги читать и в книгах всегда находить:
«И собрался народ...»

1977

* * *

Елабуга гордится каланчой.
Из жилмассивчика несет печёнкой,
печёнка же разит мочой,
моча – наказанной девчонкой,
и пар – работают котлы,
и мысль – пошла от перегрева,
и шорохи – под мышкой дева
тревожит пышные патлы.
И «Пир» – такая есть картина.
И «Бой» – такое есть кино.
И ор: поется каватина.
И стук – ...конечно домино.
Упомяну и бугая –
его концерт из радиолы
в окне, как раз напротив школы,
в которой обучаю я.

В Елабуге всё случайно,
то очень весело,
а то весьма печально.

1978

* * *

Рассыпавшийся мир собирают иначе:

Дуся – иначе,
Коля – иначе,
Галактионов – иначе.

Плакал старик:

он ничего не собирал, ничего не понимал, ничего не помнил.

«Кажется, был ад...».

«Кажется, были бани и наградные...»

Белье – были?

Бельмо – было?

Берий – был?...

Правильно, Дуся!

Коля – молодец!

Галактионову – «хор».

Кричали: «Серафима Саровского!», «Блаватскую!», «Высоцкого!».

Солоухина, Евтушенко и остальных затолкали в шею свои же.

ОТНЫНЕ:

Петербург, а не Ленинград,

Царское Село, а не Пушкин.

Репин – от репы.

Чурлёниса не внесли,

Ставского – не оставили,

Суркова даже не вспомнили.

1978

* * *

Я знаю,

они скажут: «Иди и делай!» –

и повернутся ко мне спиной.

Когда я вернусь,

я опять увижу эти спины.

Они посмотрят на меня из-за плеча так,

как будто я пришел их упрашивать завести мою пружину,

и как будто увидеть их

должно мне что-то стоять.

Я сам повернулся к ним спиной.

Иду и делаю.

Мир бежит мне навстречу,

и его дыхание смешивается с моим.

1978

* * *

Зажжем свечу – в пещере полумрак.

На ветоши лежать по-царски мы умеем.

Кто-то вошел и сел,

сказал: «Дохлак!»

Кто-то сказал: «Отвалил к иудеям».

Просей муку и пояс подтяни.
Внизу: равнина и дыханье масс.
К нам прибывают из Вселенной корабли –
изготовленье фирмы «Фантомас».

Консервы, шифр и шрифт. Ну и лицо
у господина из Вселенной!
На пальце указательном кольцо
и обещание возмездий.
Кому? Зачем? –
переговоры тайны.
Мне показали с шепотом портрет.
И показалось лишь случайным –
ни у кого с ним сходства нет.

1978

* * *

Умиравший коршун грезил
На ольхе старого оврага.
Разбойник, налетчик, стервятник,
Или же величественный хозяин этих мест?

Резвилась пьяная охрана.
В ее криках коршуну чудились
Лихие атаки на мужицкие дворы,
Писк затравленного зайца.

Под остями старых перьев
слякотный теплый гной,
паразиты кишат и тешат его тело –
осваивают, как благодатную страну.

Он познал мудрость бытия:
благодарны только паразиты.

1979

* * *

Не забывайте поддерживать Гитлера
в хорошем состоянии.
Возьмите расческу,
продуйте,
просмотрите ее на свет.
Причешите аккуратно челку Адольфу,
потом влажной тряпочкой
смахните перхоть с его плеч.

Есть прекрасные средства против угрей,
но лучшее – самое простое:
выдавливать гнойный стержень ногтями. –
Выдавите гитлеровские угри на носу,
и на подбородке, –
разве вы не знали,
что здесь их у него особенно много.
Он любит массаж, особенно шеи:
когда его будто душат –
сжимают и разжимают загривок.
Энергично обработайте его поясницу –
то место, где его жирная сутулая спина
переходит в широкую жопу.
Трите лучше! Энергичнее!
Конечно, вы устали.
Да, Шикенгрубер при этом
часто любит выпускать газы.
Не отворачивайтесь – трите и трите.
И улыбайтесь. Улыбайтесь, как фюрер,
причмокивая.
Вот теперь вы, знаю,
готовы,
дать Гитлеру хороший пинок под зад!

1979

* * *

Не говори:
«Я сделал для культуры довольно много».
Не хвались!
Культура – это пыльная дорога,
По ней идешь – и покидаешь жизнь.

1979

Режиссер начинающему актеру

Вы сошли с ума, – перестаньте обращаться в зал!
Поймите раз и навсегда: НИКАКОЙ РОЛИ ПУБЛИКА НЕ ИГРАЕТ.
Говорите, черт возьми, к партнеру!
Смотрите, как он великолепен в своем отлично сшитом костюме,
с морщинами старого льва и уголовника!
Он счастливо соединил в себе грубость извозчика
с мудростью византийского чиновника.
Какой характер!
Какая карьера!

1979

* * *

Пускай тебя язвят.
Пускай тебя клянут.
Пускай на пустырях
тебя дерут собаки,
но всюду будь
немножечко во фраке,
как фрачен твой
вельможный
звукоряд.

1980

* * *

Набоковские бабочки
без единой складочки.

* * *

У Бога
Поэтов много.
И все летают.
Они создают ветерки.

Бог поэтов держит
ради прохлады.

1980

* * *

Еще кричит нерв перебитый,
и шапкой пены рот покрыт,
о мой народ, еще ты не убит,
но беззащитен перед битвой.

1980

* * *

Окрестности великих крепостей
кишат ворами
и беглыми рабами,
торговцами подержанных вещей,
мятежной злостью всех вандей,
таящейся за сумрачными лбами.
Есть беглецы из королевского оркестра.
Полковник –
выкидыш казарм,
картежники,
пьянчуги
и жандарм,
после ревизии оставшийся без места.

Поэты есть

для шлюх и для масонов,
опальный бывший иерей,
еврей, известный как еврей,
и отщепенцы всех уклонов,

Коптят бомжи на свалке воробья.
В церковных скверах ворожат старухи.
Всё оплели апокалипсические слухи,
И люди здесь скитаются, как духи,
И среди духов
Обитаю я.

1980

* * *

Уклончивой мыслью китайца
Касаюсь кителей бонз.
Распутываю кольца венского вальса,
а дождь накрывает мост.
А где-то крадется марш –
фанерное изваяние:

волеизъявление,
кровоизлияние.

1980

* * *

Лауреатам Сталинской премии

Вы, вампиры-фуфлоны, на фиг обгадили всё
ретроградным елеем,
дружите вы с Бармалеем,
нам засираете мозг, –
мы ж добреем,
а надо бы
кием вас бить бильярдным,
чтоб разум сквозь зад ваш
пророс
обновленьем
отрадным.

Вы, вампиры-фуфлоны, на фиг хороните трупы
на людных дорогах!
Везите их дальше на дрогах,
ведь возят их в тундру якуты!
А вы ж не могилы, –
а доты,
построили как идиоты,

и сделали «малой»
нашу большую страну.

Вы, вампиры-фуфлоны, попрали и честь, и законы,
гоните влево вагоны –
сыр, колбасу и икру,
Верните колье и кулоны
в фонд Мира,

 иначе секира
у тебя, старичка,
пройдет
чуть
выше
воротничка.

1981

* * *

На перрон!
...Никого. –
Сундуки, чемоданы, кары,
Больного несут санитары –
Агония или огонь?

Кажется Омск.
Кажется карась.
Кажется сегодня.
Кажется вчерась.
На каком этаже Сезанн?
На какой странице СЛОВО?
Где ресторан?
В каком столетье Казанова?
Где ты?
Где я?
Где мы?..
Ведь были Поганкины палаты?..
Всюду плюшевые львы,
набитые казенной ватой.

Что такое вещь –
тряпка, попиптр, бутылка,
вцепившийся в шею клещ? –
всему цена
обмылка.
Если емко, – где купол?
Если копоть, – где огарок?
...Молчи! Всё глупо,
начнем с помарок.

Убогий ренессанс раскинул сеть кустарных мастерских,
Продается, меняется, славится
Что-то чудовищно важное...
Думал о вселенной –
Впал в транс, –
вселенное выражение многоэтажное.
На шестом этаже жил.
Вообще живу повсюду.
В портфеле носил
белье, машинку, посуду.
Шорох плаща,
ход натошак,
кивок через улицу.
На площадях
Переругиваемся.

1981

* * *

Звезда. Собачий лай...
Скрипят шаги по снегу –
свой запах охраняет часовой.
Бог запрягает Медведицу в телегу,
хор мальчиков поет за упокой.

Все кончено
А значит, все готово.
Румянец ожиданий...
Что-то жгут.
На горле перетянут жгут –
эпохи нет,
осталось только слово

Невесты ожидают жениха.
Палят салюты, жгут на газе жженку.
Возникновенье в небе петуха,
поющего в стеклянную воронку.

Кружат перья огненные вниз.
Толпа украсила свои петлицы.
Чуткие идут во храм молиться,
чтоб миновал затменья парадиз.

1981

* * *

Слишком много дел,
всё безнадежно запущено.
Кто скажет, сколько еще отпущено,
но знаю и так: не успел.

1981 (?)

Еще вытираем ноги,
моем окна,
пальто вешаем на вешалку,
но никто не собирается жить в будущем.
Еще говорим о переменах
и бдительны, как ночные животные,
но разве мы не знаем,
что наша жизнь абсолютно никого не интересует.

Будем крепче любить друг друга,
покупать цветы, поздравлять с днем рождения,
но не уверяй других,
что ты отзывчив,
предан
и морально устойчив.

1982

Коллапс

Убитый кит. И грозное облако.
Внушающий безверье ураган.
У берегов давно забытых стран
язык непонимаемого колокола.

Какой расчет у вздыбленных валов?
Не их ли брызги в партитуре!
Когда погибли музыканты в буре,
Покойников швыряют в ров.

Последний след
последнего пилота.
Последние свершились чудеса.
В руинах рыжая лиса
питается останками
кого-то.
Не то, что жить –
прокукарекать сложно!
Какой там стиль –
когда вокруг жаргон!
Какая музыка, –
когда менты сапожно
у дирижера в пульте
ищут самогон.

1983

* * *

Пишите белые стихи,
когда бело вокруг,
бело от снега и седин
упавших в снег старух.

Пишите красные стихи,
когда огонь погас,
погасли звезды и костры –
горит лишь твой экстаз.

Пишите черные стихи,
о скорбях психбольниц –
матерый доктор в тьму скорбей
вгоняет черный шприц.

1985

* * *

Ужо тебе,
носатый иностранец,
агент разведок.
рenegат.
Ты к нас опять завез
развратный танец,
а недостойным –
шоколад.

1985

* * *

Недавно мне приснился сон,
как будто я – Наполеон,
у меня – Наполеона –
армия, Париж, Корона!

И будто слух прошел: «Россия...
не то Буденный, не то Миссия,
на мирные как будто страны
ползут большие тараканы».

И будто мчусь я на коне,
какой-то мост, какой-то пруд,
а эти, как их! так и прут.
И я кричу: «Мюрат, ко мне!»

«Мюрата нет, у Жазефины» <так!>.
«Тогда Даву!» «Опять запой!»
«А эти, гвардии – кретины?»
«А где им быть – ушли домой...»

...Проснулся: – за окном день новый,
в дверь барабанит участковый,
моя Маруся спит враспяжку,
мне на плечо <закинув?> ляжку,
а я совсем воотерловый.

1985

* * *

Когда разбили дверь и склад открыли,
там были штабеля и бочек и мешков,
набитых пылью,
и инвалид – солдат
трудился над отчетом.

1986

* * *

Что такое замполит?
В носу Язова полип.
Что такое партбюро?
Бюрократии ядро.
Ну, а эти стукачи,
ветераны-палачи,
эти бывшие наркомы,
души их черней ночи?..

1988

Детство

Старые доходные дома,
увы, не приносящие дохода,
клоповники двадцатых и тридцатых –
обилие приезжего народа,
а позади гражданская война.
Улица, бегущая на юг,
«Фордзон» у булочной, обоза
бульжной грохот по утрам –
навоз и вопли паровоза
и воробьиной суеты уют.
Святая нищета безбожной веры,
святые плотники и боги – шофера,
освобожденные МОПРОм от проклятья –
ревут в сиянии утра
пять тагарчат уборщицы Махеры,
Но все – назем. История – вперед!
Там впереди, как сон,
всё золото большого урожая, –
Об этом голосит «Фордзон»,
от булочной стреляя уезжая.
В родильном доме – белая палата.
Эпоху новую по заду шлепнет врач
в кругу сестер науки медицины –
ты слышишь неучтивый плач
на Перовской и Марата.

Финансовые стихи

Любимая купюра

Это была твоя любимая купюра.
Ты много раз перекладывал ее с места на место,
когда детей и жены не было дома.
Ты вспоминал о ней на работе и в транспорте.
У тебя была тайна и вера:
жизнь – это захватывающее приключение с приятным финалом,
ибо наступит время, – и тыпустишь любимую купюру в ход,
как Наполеон в сражение пускал свою Старую гвардию.

Но однажды в твой дом пришел Павлов.
Он сразу направился к книжной полке и достал «Историю КПСС».
Он знал, что в этой книге ты прячешь любимую купюру.
Толстые короткие пальцы достали ее.

Теперь на работе и в транспорте
ты часто вспоминаешь свою тысячерублевую купюру
и издаешь утробные невнятные звуки.
Но я-то знаю их смысл: **НЕНАВИЖУ!**
Ненавижу Павлова, центральное правительство,
КПСС и Полозкова.

Мой совет, вкладывай деньги не в КПСС,
а в малые предприятия с ограниченной ответственностью.
Фирма ГЕНСЕК обанкротилась,
но есть и другие фирмы:
например, КОНЕССАНС,
ЕВРОТУР,
ОНЕГА
и другие.

Не сердись

Не сердись! Ты тоже не всегда был таким.
Вспомни, каким ты был маленьким!
Откроешь фотоальбом – и увидишь себя:
не больше банного свертка.
А вот ты стоишь рядом с собакой, которую
перерос
уже в два-три раза.

Ты был маленьким и цены были низкие.
Ты рос – и они росли.
Чего же ты удивляешься!

Не сердись! Цены будут расти и дальше.
Сейчас тебе даже трудно представить,
какие будут БОЛЬШИЕ ЦЕНЫ.
Все-таки –
и улыбнись.

<1990>

Антикризисные стихи

В кризис нельзя войти дважды.
А выходов – навалом.

В кризис мы вступили организованно и под руководством,
А выбираемся в панике и каждый в одиночку.

Ей, помогите! – мы слышим от разных лиц.
Расскажите им легенду о Великом Спонсоре.

Легенда о великом спонсоре

– Мы в дыре, – сказали академики нам,
сидящим на пустых макаронных ящиках.
– Мы в дыре, – сказали мы академикам,
Сидящим вместе с нами в дыре на таре.
– Мы в дыре! – сказали мы вместе пятачку безмятежного
голубого неба, которое в любое время хорошо видно из дыры.

И вот однажды в дыру заглянул ангел,
с атласными душистыми крыльями.
Он слышал наши стенания, и его сочувственные слезы
капали вниз прямо на наши лица.

Мы сказали ему:

– Богатый урожай привел нас к голоду.
– Победа демократов в некоторых советах обессилила нас...
Академики заявили ангелу:
– Золотой дождь западнояпонских инвестиций, мы предупреждали,
окончательно доконал нас...

И мы услышали тихий и ласковый голос ангела:

– Не печальтесь, бедные мои.
Дети народа своего, не убивайтесь!
Есть великий Спонсор.
Обратитесь к нему.
Он вызволит вас из дыры.
Обращайтесь к Борису Николаевичу Ельцину.
Зовите его в Президенты.
Отдайте за него свои голоса! –
Сказал ангел и отлетел,
шурша атласными душистыми крылышками.

Стали мы наказ составлять:
«Сделай, Великий Спонсор, так,
чтобы цены не росли ни на хлебо-булочные,
ни на трикотажно-чулочные изделия.
Остепени номенклатуру-то!
И шахтерам помоги!
Пристыди торговый класс и Невзорова –
Ясно, что у него в спецназе родни много,
но и мы-то по-христиански ближние ему...»

Пишем мы документ и как-то легко на сердце становится.
И будто небесный пятачок над нашей дырой не так уж мал.

1990

* * *

Никто не покинет Корабль.
Под мухой всегда капитан.
Давно ничего о морали
не вякает капеллан.

Грохочет стальная машина.
С механиками заодно
пьют кочегары шальные
ворованное вино.

Команда ругает баланду:
«Бывало наварит мать щи...»
За вредную пропаганду
заперт в трюм бунтовщик.

Никто не покинет корабль.
Под мухой всегда капитан.
Давно ничего о морали
не пудрит мозги капеллан.

1991 (?)

Супербасня № 1

Остросюжетный волк
Внедрился в утробу лося –
И по не с л о с я:
хори и лисицы
и странные картавящие птицы
здесь объявили съезд.

За волком вслед зачавкали лисицы,
за ними хорь,
потом спустились птицы
выклеивать кровавые места,
отведать свежего мясца
подкрались рыси...

А где-то там –
в прохладной выси
опротестовывал орел
весь образ жизни местных сёл,
замешанный на злобе
и корысти.

1993

Супербасня № 2

Глобальных трансформаций вша
участником быть может,
но пусть вас это не тревожит,
ибо не весят воши
ни шиша.

Другое дело гении науки –
великий Фрейд, Эйнштейн, Судзуки,
они то издают задумчивые звуки,
то потирают или моют руки,
то пишут коллективное письмо
и посылают важному буржую.
Буржуй их посылают к х..
и залезает в толстое авто...

Какую мудрость басне ни пришей –
вшам грызть науки, а ученым
исследовать повадки вшей!

1993

Супербасня № 3

Больному тюленю
Больной тюлень,
живущий в массе
мазутной пересоленной воды,
быть может, изберешь
царь-сельские пруды,
где будут продавать билеты в кассе,
чтобы смотреть, как ты
туды-сюды
продемонстрируешь
за хвост минтая,
свои дурацкие труды
и косоглазый взгляд Китая?

Конечно,
будет экспертиза:
аренду вычислит на труд –
нужна охрана, тара,
виза.

Ведь ныне в СНГ
сопрут
за милу душу
божье творенье.
Поэтому и написал стихотворенье,
чтоб дать совет:
подумать.
не остаться ль где мазут
и где тюлени
как соленья
под вилкой алкоголика
но –
живут.

1993

* * *

Вот кот,
который в помойке
ест крысу,
после того, как
изнасиловал
кису.

Вот слон,
игнорирующий
жалкую шавку.
Куда он идет? –
в посудную лавку.

Вот конкурс,
который устроили
козы: –
Порнуха с рогами,
рекламные позы.

Вот лев!
Кто видел его в рукопашной<,>
меня уверяют <->
хамила он
страшный.

Но есть,
уверяю,
приличные звери.
Они охраняют
хозяйские двери.

Они с нами делятся
собственным мясом
и в ухо мурлычат
нам,
лоботрясам.

1993

* * *

Кто объяснит бегемоту
какой он урод –
рот до ушей
и висящий до жижи
живот!
Сам пусть ответит,
зачем он живет,
зачем родился
и что он жует
и жует.

1993

Предвыборное

Ну, чего ты пришел на площадь,
где оратор, изменившись в лице,
облаивает перемены
и вещает о близком конце.

Ты, земляк, большой дуралей.
Ну, какое, скажи, тебе дело,
куда денут ульяново тело,
снесут или нет мавзолеей!

Выпивоха, трудяга, рыбарь,
ты прожил свою жизнь втуне.
Подойди к тому – на трибуне
и по морде его ударь.

1995

* * *

Она была матерая чечня,
а он – обыкновенным был евреем.
Она работала на Невском брадобреем,
а он был инвалид,
вместо руки – клешня.
Так если вышел ты на улицы побритым<,>
хоть день не будь антисемитом.

1997

Памяти Бориса Тайгина

Ушел...
лохани крови,
без-
по-
мощ-
ный
те-
ле-
фон...
Жизнь – неотложка – и наклон
скользящий к краю

Ни слова,
стон,
жалоба
в немую пустоту,
лишь отвечающая
эхом:
не то сочувственным ответом,
но скорее,
смехом...

И умереть к утру,
когда в ушах звонки трамваев<,>
карабкающихся по мосту<,>
туда –
в бесчувственную высоту.

Но если все это помножить
на солнца блики,
меда вкус, –
услышим затихающие крики:
«Когда-нибудь
я все-таки
вернусь!
И снова сяду за машинку,
протру оконное стекло
и снова отыщу тропинку<,>
где все
стихами
замело».

<2008>

Библиографический список

1. *Грачев Р.* Письмо заложнику. Сочинения. СПб.: ООО Журнал «Звезда», 2013. 656 с.
2. *Иванов Б.* Автобиография // К истории неофициальной культуры и современного русского зарубежья: 1950–1990-е. Автобиографии. Авторское чтение. СПб., 2015. С. 71–86.
3. *Иванов Б.* Подонок [Повесть] // Коллекция: Петербургская проза (ленинградский период). 1960-е. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. С. 273–324.
4. История ленинградской неподцензурной литературы: 1950–1980-е годы: Сб. статей. СПб.: Деан, 2000. 176 с.
5. *Крейд В.* Экзистенциальный философ // Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны». Т. 5 Б. Ньютаунвилль. Массачусетс. 1986. С. 265–274.
6. Петербургская поэзия в лицах: Очерки / сост. Б. Иванов. М.: НЛЮ, 2011. 392 с.
7. *Рогинский Б.* Иванов Борис Иванович // Литературный Санкт-Петербург. XX век: Энциклопедический словарь: в 3 т. СПб., 2015. Т. 2. С. 111–112.
8. Самиздат Ленинграда. 1950–1980-е. Литературная энциклопедия / под общей редакцией Д. Северюхина. Авторы-составители: В. Долинин, Б. Иванов, Б. Останин, Д. Северюхин. М.: НЛЮ, 2003. 624 с.
9. Самиздат (По материалам конференции «30 лет независимой печати. 1950–80 годы». Санкт-Петербург, 25–27 апреля 1992 г.). [СПб.]: НИЦ «Мемориал», 1993.

III. ТЕКСТОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ ПОЭМЫ ГЕННАДИЯ АЛЕКСЕЕВА «ЖАР-ПТИЦА»

(*Вступительная статья, подготовка текста и комментарии*
А. М. Ельяшевича, А. Д. Клименко)

Аннотация: Вниманию читателя предлагается неопубликованная первая редакция поэмы «Жар-птица» Геннадия Алексеева, рассказывающая о любви и смерти в блокадном Ленинграде. Текст произведения сопровождается обширными текстологическими комментариями. В научный оборот вводятся черновые рукописи и наброски поэмы. В преамбуле публикации на основе дневников поэта и архивных материалов воссоздается творческая история «Жар-птицы» и освещается ее сложная издательская судьба, обусловленная цензурными ограничениями.

Ключевые слова: Геннадий Алексеев, поэма «Жар-птица», блокада Ленинграда, дневники, советская цензура, текстология XX в.

Abstract: The reader is invited to the unpublished first version of the poem by Gennady Alekseev «Firebird», telling about love and death in the besieged Leningrad. The text of the work is accompanied by extensive textual comments. In the scientific circulation, introduced the drafts of the manuscripts and drafts of poems. In the preamble of the publication on the basis of the poet's diaries and archival materials recreates the creative history of «Firebird» and highlights its complex publishing fate due to censorship restrictions.

Key words: Gennady Alekseev, poem «Firebird», blockade of Leningrad, diaries, Soviet censorship, 20th century text study.

Литературное наследие ленинградского поэта, основоположника петербургской школы свободного стиха Геннадия Алексеева (1932–1987) совсем недавно стало предметом научного интереса. Богатейший архив поэта, который хранится в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ИРЛИ), еще не полностью каталогизирован. В 2007 г. в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы» появилась первая публикация, посвященная материалам фонда Алексеева.¹ Помимо подробного анализа особенностей свободного стиха, весьма популярного в западноевропейской поэзии, а в русском литературоведении иногда ошибочно отождествляемого с белым стихом, статья содержит несколько десятков не публиковавшихся ранее стихов, черновые рукописи которых хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 868), план поэмы «Жар-птица» в двух вариантах и короткую прозаическую заметку «Сон в майскую ночь».

¹ Мирзаев А. М., Орлицкий Ю. Б., Родюкова М. В. Стихи и проза Геннадия Алексеева в Рукописном отделе Пушкинского дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы / отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2007. С. 809–856.

Авторы статьи – А. М. Мирзаев, Ю. Б. Орлицкий, М. В. Родиокова – называют Г. Алексеева замечательным литератором, значение творчества которого, «как водится в России, стало очевидным только после его смерти»,² и с сожалением отмечают, что сегодня о нем «знает очень узкий круг специалистов и любителей поэзии, в первую очередь – свободного стиха, которому Г. Алексеев отдавал в своем творчестве решительное предпочтение».³

Так случилось, что из произведений, опубликованных при жизни Г. Алексеева, наибольшее признание получила поэма «Жар-птица», которую критик Никита Елисеев справедливо назвал одним из двух великих произведений о блокаде (вторым таким произведением, по его мнению, является повесть Вадима Шэфнера «Сестра печали»).⁴ Написана поэма была в 1961 г. В 1965 г. отрывки из нее появились в ленинградской газ. «Смена». Полностью она была опубликована лишь в 1973 г. в журн. «Аврора», затем вошла в авторский сборник стихов «На мосту» (1976).

В архиве сохранилась первая редакция поэмы (датирована октябрём 1961 г.),⁵ существенно отличающаяся от опубликованной. По дневнику Г. Алексеева можно частично восстановить историю создания поэмы. В 1961 г. поэту исполнилось 29 лет. Медленно, но верно он приближался к тридцатилетнему рубежу. Согласно словам из песни Юрия Кукина, ровесника Алексеева, «это возраст вершины». Появилась надежда, что стихи будут напечатаны не только в журналах. Алексеев отмечал в дневнике:⁶

9/II. 1961 г.: «...Звонила Грудинина.⁷ Предложила мне сделать книжку. <...> Прислали корректуру переводов. Первая в моей жизни корректура» (с. 21).

24/III. 1961 г.: «...Звонила Грудинина. Сказала, что сборник прошел редколлегию» (с. 21).

В начале лета, 15 июня 1961 г., он приехал в Разлив в гости к Н. И. Грудиной и прочел ей всю поэму «Стенька Разин». «Стенька её пронял», – в тот же день записал в дневнике Алексеев (с. 24).

Первая запись, свидетельствующая о появлении замысла новой поэмы, датирована 17 июля 1961 г.: «Привел в порядок свои поэмы. Появилась мысль о новой. Это будет поэма о любви. Джульетта умирает в блокадном Ленинграде. Ромео несет ее тело по пустынному мертвому городу. Это должно быть очень строго и возвышенно. Это должно быть на одном дыхании» (с. 25–26). Однако немногим ранее, 28 мая, поэт сделал пессимистичную запись: «Пытаюсь писать стихи о войне. Не выходит» (с. 23).

Трудно точно установить время, когда началась работа над поэмой. Однако, судя по тому, что вплоть до 24 авг. Алексеев, ведя почти каждодневные подробные записи в дневнике, ни разу не упомянул о поэме, он приступил к ее

² Там же. С. 809.

³ Там же.

⁴ Елисеев Н. Тени стихов // Новый мир. 2007. № 9. С. 181–183.

⁵ РО ИРЛИ, ф. 868, оп.1, № 1–2.

⁶ Алексеев Г. Неизвестный Алексеев. Неизданная проза Геннадия Алексеева. Дневники. СПб., 2014. Далее ссылки на источник располагаются внутри текста.

⁷ Грудинина Наталья Иосифовна (1918–1998) – поэт, переводчик.

написанию не раньше конца августа. С 7 по 24 авг. поэт ездил со студентами по святым местам и практически ежедневно вел заметки. Запись от 24 авг. была сделана в Борисоглебском монастыре, затем записи обрываются. Вернувшись в Ленинград, Г. Алексеев, по-видимому, полностью погрузился в работу над поэмой. Она была написана меньше чем за два месяца.

Следующая запись в дневнике появилась только 20 окт. и посвящена она поэме: «Закончил “Жар-птицу”. Весь день не в своей тарелке. Тяжелая голова. Будто пьян. Очень хочется кому-нибудь прочесть. Майка (жена поэта Майя Алексеева. – А. К.) боится “Жар-птицы”» (с. 41). И спустя месяц, 20 нояб., отмечает: «Про “Жар-птицу” говорят, что в ней есть нечто античное (Орфей спускается в аид (так! – А. К.) за своей Эвридикой)» (с. 41).

Поэма была написана, как выразился Алексеев, «на одном дыхании». Поэт вспоминал позднее, что замысел произведения возникал постепенно: «Откуда-то из темных закоулков сознания извиваясь выползла пока еще неясная первоначальная идея: поэма будет о любви, и не просто о любви, а о любви истинной, высокой и трагической. Трагизм станет следствием неких роковых обстоятельств, которые разлучат влюбленных навеки. “Видимо, не обойтись без смерти”, – размышлял я, – любовь и смерть это всегда красиво...».⁸ Через какое-то время «обозначились контуры сюжета, определились время и место действия».⁹

Начиналась поэма с описания Пискаревского кладбища, на которое Геннадий Алексеев, по собственному признанию, впервые попал 3 июня 1961 г. (мемориал открыли в 1960 г.). В дневнике он весьма подробно описывает свое первое посещение мемориала, которое произвело на него сильнейшее впечатление:

«Уругвайский архитектор – коммунист. Возил его на Пискаревское кладбище (я и сам был там впервые). Осмотрели павильоны при входе. На стенах фотографии блокадного города: трупы, развалины, пожары. Я говорил, переводчица переводила. Уругваец слушал очень внимательно, переспрашивал.

Пошли по главной аллее между братских могил. Играла траурная музыка. Громкоговорители подхватывали ее один у другого и несли за нами. Подошли к мемориальной стене, постояли.

В машине продолжался разговор о войне и блокаде. Шофер рассказывал о том, как зимой 42-го он возил на кладбище трупы из больничного морга. Пятитонку наваливали с верхом. Были женщины, дети – все почерневшие, страшные. Я попросил переводчицу все подробно перевести.

Мы ехали по шумному летнему проспекту. Мчались машины, шли веселые, здоровые люди.

Шофер продолжал: “...Стоит женщина и держит за ноги труп ребенка, поставив его на голову, стоит и разговаривает со своей знакомой... Шла

⁸ Алексеев Г. Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. СПб., 2017. С. 461.

⁹ Там же.

девушка, не очень худая... упала... через полчаса проходил мимо – у трупа вырезали груди и ягодицы...”. Сеньор архитектор как-то сник» (с. 23).

Не подлежит сомнению то, что именно посещение Пискаревского кладбища явилось толчком к появлению замысла поэмы, действие которой разворачивается в блокадном Ленинграде. Однако первым откликом на это событие стало стихотворение «SILENTIUM», датированное 1961 г. (в 2007 г. оно было впервые опубликовано по черновому автографу¹⁰), открывающееся строками:

Вчера я был на кладбище,
На братском кладбище,
Одном из многих.

В заключительных строках стихотворения поэт обращается к ленинградцам, перед которыми чувствует вину за свое долгое молчание:

О, ленинградцы!
Земляки мои!
Слова бессильны.
Простите мне
Молчание моё!

В архиве также обнаружены две черновые редакции стихотворения «На Охтинском кладбище...», написанного до поэмы «Жар-птица». По всей видимости, именно из него выросла поэма. Поэт встречает на кладбище пятилетнюю девочку (в первой редакции стихотворения эта встреча происходит во сне), она бежит по дорожкам между братских могил. На вопрос, кем она хочет стать, девочка отвечает – «Жар-птицей!»:¹¹

На Охтинском кладбище
Я познакомился с одной девочкой
лет пяти.
Она была
в коротком розовом платьице
и с розовым бантом
в золотых волосах.
Она бегала по дорожкам
между братских могил
и ловила бабочек.
– Ты чья? – спросил я её.
– Ничья! – ответила она, –
– Я сказочная.
– А как тебя зовут, –
спросил я.
– Светланой, – ответила она.
– А кем ты хочешь стать,
Когда вырастешь?
– Жар-птицей, – ответила она.

¹⁰ РО ИРЛИ, ф. 868, оп. 1, № 12, л. 1–3.

¹¹ Там же, л. 21.

– О, это очень интересная
и очень редкая профессия! –
сказал я.
– Ещё бы! – сказала девочка
и убежала.

Обнаружен в черновых материалах и план поэмы в двух вариантах.¹²

1. Вступление (начало всего)	Пролог
2. Проводы	1. Любовь
3. Ее письмо	2. Проводы, вокзал
4. Его письмо	3. Конец. Блокадный город
5. Конец	

На том же листе короткая прозаическая заметка «Сон в майскую ночь», в которой пересказывается краткое содержание поэмы. Отдельные фразы этой заметки без изменения вошли в текст произведения. Согласно первоначальному замыслу автора, героиня поэмы была похоронена не на Охтинском, а на Серафимовском кладбище:

«В день победы вышли все скелеты из братских могил. Потоками текли они к центру города. Скелеты в рваном наряде, в простынях, в одеялах. Один из скелетов схватил меня за руку: я тороплюсь. Я девушкой была, меня звали Анной. Я тороплюсь. Мне нужно рассказать, пусть знают люди. Я знаю, вы поэт. Напишите поэму о нашей любви. Я тороплюсь. Стук костей. Простите, вам не страшно. Вы не бойтесь, я не пахну, всё давно сгнило. Я была красива. У меня были золотые волосы и серые глаза. Рискну о любви. О нём и о себе. Потом меня бросили на грузовик и закопали. И я его никогда не видела. Помогите мне найти его. Он жил на Моховой. Скажите, я лежу на Серафимовском, пятая траншея от ограды, в метре от юго-западного угла. Пусть он придет. Простите. Я тороплюсь. Пора! Прощайте!».¹³

Помимо плана поэмы и черновых набросков¹⁴ в архиве Геннадия Алексеева представлена рукопись первой редакции на отдельных листах (перебеленный черновик с авторской правкой; листы в линейку, вырванные из блокнота на пружине),¹⁵ а также более поздняя рукопись – авторская машинопись с обширной правкой.¹⁶

Издательская судьба поэмы складывалась драматично. В дневнике и автобиографическом рассказе с многозначительным названием «Надо быть хорошим» автор описывает все перипетии издания поэмы.¹⁷

Еще за два года до публикации отрывков поэмы в «Смене» – в декабре 1962 г. – на конференции молодых литераторов разбирали «Жар-птицу»

¹² Там же, № 12, л. 4.

¹³ Там же, л. 4 об.

¹⁴ Черновые наброски поэмы: «Они бродили по городу...» (Там же, № 12, л. 5–6); черновики первой редакции – № 2, л. 22–26 об., 38–43; начало и окончание поэмы (наброски второй редакции) – № 2, л. 20.

¹⁵ Там же, № 1, л. 1–35.

¹⁶ Там же, № 2, л. 1–19.

¹⁷ Алексеев Г. Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. 2017. С. 461–486.

и некоторые стихотворения (шестишия) Алексеева. По воспоминаниям поэта, «“Птица” произвела впечатление» (с. 48). Однако Л. Кушлин отметил: «Вы смакуете ужасы, это суперпессимизм, но он не лучше супероптимизма». Поэт отмечает в дневнике: «Грудина за глаза ругает “Жар-птицу” и меня, говорит: пусть пишет, как Евтушенко! (?)» (с. 48).

Не раз Алексеев пытался опубликовать поэму целиком, но получал отказы. Так, в августе 1963 г. пришел отказ из «Нового мира»: «А. Т. Твардовский прочел Вашу поэму и высказался против ее опубликования» (с. 66). Алексеев с болью отмечает в дневнике: «Так даже лучше. Ясность» (с. 66).

В октябре 1965 г. Алексеев посещает редакцию «Смены» в Доме прессы на Фонтанке. Герман Гоппе,¹⁸ в то время литературный консультант газеты, убеждает поэта в необходимости серьезной переделки: «...В поэме есть один недостаток – слишком это общо, слишком вне времени... Вообще все не напечатает, надо сокращать, я вот тут кое-что наметил...» (с. 172). Только после существенной переработки и сокращения поэма увидела свет. Именно на основе этой сокращенной версии и вырастет вторая – окончательная – редакция поэмы. Судя по дневниковым записям, поэт менее чем за месяц переделал поэму.

28/X. 1965 г.: «Отнес “Жар-птицу” Гоппе. Переделка ему понравилась. Он даже как-то оживился, разволновался, прочитав новый, сокращенный вариант... Я даже забыл, что “Птица ошипана, мною же ошипана...”» (с. 172).

В 1966 г. поэму вернули из «Юности» со словами «Ваша поэма редакцию не заинтересовала» (за подписью Н. Злотникова) (с. 183), а спустя два года, в 1968 г. – из журн. «Звезда» с пространном комментарием: «...Мироощущения людей никак не связаны с их биографиями» (с. 268). В издательстве «Советский писатель» говорили поэту: «Конечно, в ленинградских журналах вас печатать не будут. Да и вообще ваши стихи не для журналов. Надо потребовать сделать книжку... Ваши вещи настораживают, есть в них что-то отпугивающее. Поэтому надо очень, очень тщательно отобрать» (с. 268). Но первая книга вышла только спустя долгие восемь лет, в 1976 г. – это был авторский сборник стихов «На мосту».

В мае 1969 г. «Жар-птицу» вернули из журн. «Север». Заведующий отделом поэзии Э. Тулин писал автору: «С удовольствием прочел Вашу поэму... Великолепен прием смешения мистического с реальностью. Этот монолог умершей сделан, по-моему, мастерски. Но это личное отношение к написанному...» (с. 276).

Окончательный вариант поэмы возник уже на стадии ее переработки для журн. «Аврора». В редакцию только что открывшегося литературно-публицистического и общественно-политического журнала Геннадий Алексеев принес рукопись поэмы в 1969 г. Тема произведения целиком и полностью соответствовала концепции издания. Сотрудник редакции, однофамилец поэта В. Алексеев уже на первом заседании редколлегии журнала подчеркнул:

¹⁸ *Гоппе Герман* (1926–1999) – советский поэт и педагог; с 1958 по 1980 г. работал литературным консультантом в газете «Смена».

«...журнал должен систематически печатать материал на военно-патриотическую тему, материал о блокаде, о Великой Отечественной войне...».¹⁹

Иосиф Бродский, подрабатывавший внештатным рецензентом в журн. «Аврора», в отзыве на рукопись стихов Геннадия Алексеева осторожно замечает: «Едва ли в русской поэзии “верлибр” может рассчитывать на большое будущее, но право на существование он имеет наравне со всеми другими формами организации речи. Тем более он имеет это право, когда он обладает такой выразительностью, как у Г. Алексеева».²⁰ Однако о «Жар-птице» поэт высказывается весьма холодно: «Меньший интерес представляет “Жар-птица”, повествующая о любви и смерти в блокадном Ленинграде. Я вообще склонен думать, что 400 строк верлибром дело малоперспективное, даже у такого способного автора».²¹ И в конце отзыва отмечает бесплодность своих рекомендаций, так как «в лучшем случае – эти стихи займут место в отделе Юмора» (в черновике эти едкие строки вычеркнуты. – А. К.), «хотя это и не очень справедливо».²² Бродский допускает неточность: поэма «Жар-птица» более чем на 75 % написана белым стихом (полиметрическим амфибрахией) с внесением в него элементов свободного стиха.

По воспоминаниям автора, поэму уже готовили к публикации в 1971 г., но в самый последний момент неожиданно выбросили из готовящегося номера, «рассыпали набор»,²³ «сказали, что в поэме искажен смысл известных событий, что краски слишком сгущены, что все чрезмерно трагично».²⁴ «Мы ее получше отредактируем. Будет как конфетка – комар носа не подточит», – успокаивала его редактор «Авроры».²⁵ В итоге поэма пролежала в редакции несколько лет и увидела свет только в 1973 г.

В ЦГАЛИ СПб, в архиве «Авроры», сохранилась рукопись, которую автор сдал в редакцию.²⁶ Если сопоставить ее с вариантом, опубликованным позднее в журнале, то можно обнаружить следы серьезного вмешательства в текст поэмы. Оказалось, что поэт принес в журнал полный текст произведения, еще содержащий фрагменты и варианты из первоначальной редакции. После издания поэмы в «Авроре» (1973) автор к ней не возвращался, лишь поправил несколько строк в сцене свидания героини поэмы со смертью (вернул первоначальный вариант): «и белой ладонью / лица моего чуть заметно коснулась» заменено на: «И я потянулась / так сладко, / так сладко, / как в детстве спро-

¹⁹ Из протокола первого заседания редколлегии журнала «Аврора», составленного 9 апр. 1969 года // ЦГАЛИ СПб, р. 213, оп. 1, д. 25, л. 10.

²⁰ Бродский И. А. Рецензия на рукопись Г. Алексеева. Черновик. 16.12.1969, 766 строк. 1 л. (Личный архив М. А. Алексеевой).

²¹ Там же. Л. 1.

²² Там же.

²³ Алексеев Г. Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. 2017. С. 468.

²⁴ Там же. С. 469.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦГАЛИ СПб, ф. 213, оп. 2, д. 806, л. 1–9. Там же в архиве сохранились две подготовленные к печати рукописи (машинопись – л. 10–26, гранки с исправлениями и изъятиями – л. 27–32).

сонья...». Посмертно поэма публиковалась один-единственный раз.²⁷ Текст произведения печатался по последней прижизненной публикации поэмы в сборнике «На мосту» (1976), в котором была зафиксирована окончательная воля автора. Однако, зная сложные обстоятельства издания поэмы (в первую очередь по причине цензурных ограничений), вопрос об основном тексте произведения остается открытым.

Ключевые темы «Жар-птицы», как задумал автор, – любовь и смерть. И в конце концов любовь в отчаянной схватке со смертью одерживает над ней победу. Первоначально тема смерти звучала в поэме более мощно. Поэт персонифицирует смерть, представляя в виде некоей физической сущности. Она приходит к героине поэмы в женском облике:

И вдруг появилась
Усталая женщина.

Усталая женщина
С острыми скулами.
Усталая женщина
В ватнике грязном.
Усталая женщина
В стоптанных валенках.

В феврале 1966 г. Алексеев, рассуждая о смерти, замечает в дневнике:

23/II: «В “Жар-птице” у меня... смерть во плоти. Впрочем, там, может быть, и не сама смерть, самой ей было везде не управиться. Она за приличную плату (за буханку хлеба) наняла дворничиху, и та делала то, что положено» (с. 188).

Первая редакция поэмы, сохранившаяся в рукописях, принципиально отличается от второй, напечатанной. Причем вместе с существенными изменениями, внесенными в поэму, трансформировался и ее жанр. Первоначально он был обозначен автором в рукописи, как «фантастическая повесть в стихах».²⁸ Коренная авторская переработка произведения, скорее всего, начатая поэтом в 1965 г. для газеты «Смена», во многом вынужденная, обусловленная цензурой, повлекла за собой смену акцентов: отныне не тема смерти выходит на первый план, как в первой редакции, а доминирующей становится тема любви на фоне трагедии блокадного города. В предисловии к газетной публикации поэмы Герман Гоппе отмечал: «В произведении автора всего два действующих лица: Он и Она, два безымянных ленинградца. Но главная героиня поэмы – Любовь, ее высокая и неистребимая сила».²⁹ Эта смена акцентов фактически изменила первоначальный авторский замысел произведения. Жанр окончательно переработанной поэмы был определен как «сентиментальная поэма».

После окончательной переделки в общей сложности объем поэмы сократился в два раза. Безусловно, столь значительная переработка произведения была прежде всего связана с цензурными ограничениями. Тема блокады, ее

²⁷ Алексеев Г. Избранные стихотворения. СПб., 2006.

²⁸ РО ИРЛИ, ф. 868, оп. 1, № 1, л. 1.

²⁹ Алексеев Г. Жар-птица. Отрывки из поэмы (предисл. Г. Гоппе) // Смена. 1965. № 268 (12 500). С. 3.

ужасов была в СССР запретной. Так, в 1952 г. был закрыт Музей обороны Ленинграда (возрожден только в 1989 г.). Как отмечает Арман Блюм, сотрудников музея обвиняли в том, что они занимаются пропагандой экспонатов (фотографий), «натуралистически» демонстрирующих ужасы блокадной зимы 1941/42 г.³⁰ Из библиотек начинают изымать книги о блокаде, правдиво и беспощадно изображающие трагедию блокадного Ленинграда (О. Берггольц «Говорит Ленинград», И. Кратт «Суровый берег», Е. Полонская «На своих плечах», А. Чаковский «Это было в Ленинграде», повесть В. Азарова и А. Зиначева «Живые, пойте о нас!» и др.).

А. Блюм приводит показательную цитату из протокола заседания бюро Ленинградского горкома ВКП(б) от 17 февр. 1950 г. о поэме О. Берггольц «Февральский дневник», вошедшей в изыятый сборник «900 дней»: «... в поэме Берггольц преобладает чувство обреченности, пессимизма, содержатся элементы так называемой кладбищенской поэзии».³¹ И даже гораздо позднее, уже в конце 1970-х гг., «Блокадную книгу» Д. Гранина и А. Адамовича не согласился печатать ни один ленинградский журнал. С цензурными купюрами книга увидела свет в Москве в 1979 и в 1982 гг. Главлит настоял на изыятии самых безжалостных эпизодов. «Страдания, голод, повальная смерть ленинградцев – это не вписывалось в предписанный сверху парадно-фанфарный героизм, которым должна быть овевяна литература о войне», – пишет Блюм.³²

Совершенно очевидно, что первая редакция поэмы «Жар-птица», натуралистически изображающая торжество смерти и голода в страшные блокадные дни, не могла быть напечатана ни в 1960-х, ни в 1970-х гг. Из первоначальной редакции автором был полностью изъят Пролог (он уже отсутствует в газетной публикации в «Смене»), самая страшная часть поэмы, в которой описывается Пискаревское кладбище:³³

Я был на кладбище.
Кладбище ли
Было это?
Холмы были
Зелёные,
Камни были белые,
Маленькие камни.
Цифры были выбиты
На белых камнях.
Дорожки были чистые,
Песчаные дорожки.
Букетики лежали,
Увявшие букетики.
И солнышко светило.
И воробьи чирикали.
<...>

³⁰ Блюм А. Блокадная тема в блокадной цензуре // Нева. 2014. № 1. С. 238–245.

³¹ Там же.

³² Там же. С. 245.

³³ РО ИРЛИ, ф. 868, оп.1, № 2.

После посещения кладбища поэт видит поистине страшный сон, от которого кровь стынет в жилах: умершие в блокаду ленинградцы в День Победы встают из могил. Во сне он становится свидетелем жуткого зрелища – стихийного шествия мертвых на антивоенный митинг:

Рядами,
Неторопливо,
Густо
Шли скелеты,
Размахивая длинными руками,
Мерцая лбами
Жёлтых черепов.
Болтались,
Шевелились ключья тряпок,
Остатки простынь,
Ватников и платьев,
Остатки одеял и скатертей.
И детские скелетики несли
Полуистлевших
Плюшевых медведей
И пупсов
Из пластмассы почерневшей.

В толпе скелетов поэт встречает героиню поэмы, которая обращается к нему с просьбой рассказать ее трагическую историю любви:

В глаза мне
Небольшой изящный череп
Глядел
Пустыми ямами глазниц.
Глядел просительно
– Простите!
Я не думала...
Не знала...
Вы не пугайтесь,
Всё давно истлело,
И я не пахну.
Времени так мало,
Я тороплюсь.
Мы все идём на митинг
Антивоенный.
Вы поэт,
Я знаю, и я должна,
Должна вам рассказать.
Прошу Вас,
Напишите,
Напишите.

Во второй редакции автор, изъязв Пролог, вынужден был переработать вступление. Поэт встречает на набережной Невы не скелет, восставший из брат-

ской могилы, а девушку, «такую худенькую, такую тоненькую-тоненькую». И происходит это уже не во сне, как первоначально, а наяву:

Я встретил её совершенно случайно –
однажды ночью
на набережной.

Она была такая худенькая,
такая тоненькая-тоненькая –
одни косточки.

Она сказала:
– Вы меня простите,
но я должна,
должна вам рассказать!

Мне было двадцать,
двадцать и сейчас –
я почему-то вовсе не старею...³⁴

Общая часть в двух редакциях отчетливо обозначается лишь со строк «Все родилось из гранитных ступеней...». Далее из текста методично изымалось описание ужасов блокадного города. Так, ни в «Смене», ни в «Авроре» не был напечатан фрагмент поэмы «Было царство Кашея...», посвященный теме голода:

Был голод.
Пришёл он
Откуда-то сзади,
Из белой и злой
Ледниковой эпохи,
Из центра Сахары,
Из Антарктиды,
Готовый на всё,
Деловитый и ловкий.
Он славно и честно
Тогда поработал.
Он был безупречен,
Он знал
Своё дело.
Да, да,
И был он в ударе
И был он в ударе
На редкость!
<...>

В результате переработки в тексте откровенно нивелируется драматизм: вместо «Терявших рассудок, / Растерзанных женщин» – «махавших платками / заплаканных женщин», вместо «На руки взял он / Мой твердый, / Холодный, / Негнувшийся труп» – «На руки взял он / Мое полудетское легкое тело», вме-

³⁴ Алексеев Г. На мосту. Стихи и поэма. Л.: Сов. писатель, 1976. С. 70.

сто «А он все кричал / Все ругался / И плакал, / Все рвался за мной, / Но его оттолкнули» – «Он рвался за мной, / но его не пустили», вместо «Подошли к нам / Какие-то люди / И взяли меня, / И закинули в кузов» – «Подошли к нам / Какие-то люди / И взяли меня, / и в кузов трехтонки меня положили».

Помимо явного стремления изъять из поэмы все сцены и детали, которые препятствовали опубликованию произведения, при сопоставлении разных редакций обнаруживаются явные следы литературной правки. Поэт отсекает длинноты, отгачивает слог, шлифует шероховатости текста: вместо «Из беготни и ужимок мальчишек» – «из беготни и кривлянья мальчишек», вместо «из запаха дров / И из вкуса черешни» – «из пресной на вкус / незрелой черешни», вместо «Висело огромное / Красное солнце» – «висело багровое низкое солнце».

Концептуально изменена и концовка поэмы. Первая редакция потрясает своей натуралистичностью, героиня поэмы прощается с поэтом и тает «в бесконечном потоке скелетов». Композиция поэмы таким образом замыкается. Концовка второй редакции так же отсылает нас к началу поэмы, когда поэт встречает на набережной Невы девушку – Жар-птицу – «такую тоненькую-тоненькую, ужасно, невыносимо худенькую».

Первая редакция (1961)

Я Вас задержала.

Простите.

Прощайте!

Скелет отступил,

Повернулся

И тотчас

Исчез

В бесконечном потоке скелетов.

И тут

Я проснулся.

Вторая редакция (1965–1973)

И простите –

я вас задержала.

Простите.

Прощайте!

И она ушла от меня

по набережной.

Такая тоненькая-тоненькая,

ужасно,

невыносимо худенькая,

самая худенькая Жар-птица

из всех,

которые мне встречались.

Закономерно, что либретто поэмы, написанное Г. Алексеевым для театральной постановки,³⁵ в большей степени зиждилось на тексте второй редакции. Однако оно содержало и рифмованные стихи о войне, существенно перекликающиеся с первоначальным вариантом поэмы. Роль пролога из первой редакции играло пронзительное стихотворение «Мертвые», написанное Ю. Вороновым (в либретто цитируется вариант стихотворения без последней строфы). В нем погибшие блокадники 9 Мая встают из могил и шествуют к Неве, где на набережной и состоялась встреча поэта с героиней его произведения.³⁶

Мне кажется,

Когда гремит салют,

Погибшие блокадники встают.

³⁵ В 1975 г. в Ленинградском театре музыкальной комедии режиссером Владимиром Воробьевым была поставлена Ленинградская поэтория в двух частях (часть первая «Ладожский лед», часть вторая – «Жар-птица»), музыку к которой написал композитор Александр Колкер.

³⁶ Либретто (машинопись) предоставлено литературно-драматическим отделом Санкт-Петербургского государственного театра музыкальной комедии.

Они к Неве
По улицам идут,
Как все живые,
Только не поют.

* * *

Геннадий Алексеев скоропостижно скончался в 1987 г. Поэта похоронили на Большеохтинском кладбище, как и его героиню поэмы «Жар-птица». В последние годы жизни его очень огорчало невнимание к нему критики. Как вспоминал его друг, издатель А. Житинский, он считал себя безвестным и недооцененным поэтом. Алексеев еще в 1969 г. писал в дневнике: «Страх смерти уже перестал быть моим главным страхом, больше всего я боюсь теперь, что все сделанное мною погибнет...» (с. 281).

Наследие поэта обширно и многопланово. В его творчестве сегодня открываются новые грани. С 2015 г. по настоящее время в издательстве «Геликон» выходит собрание неизданных сочинений – «Неизвестный Алексеев», содержащее его стихи, прозу и дневники. Долгие годы ждала опубликования и первая редакция поэмы «Жар-птица». При подготовке настоящей публикации была проведена масштабная текстологическая работа: изучены все черновые материалы от набросков до рукописей, в которых представлен полный текст первой редакции (рукопись и авторская машинопись), воссоздана история создания поэмы, выявлены все варианты текста, прослежена история публикации произведения.

Первая редакция поэмы публикуется по авторской машинописи с учетом всех поправок, внесенных автором. Зачеркнутое в машинописи в ряде случаев воспроизводится в самом тексте в квадратных скобках; если автором предложена замена, первоначальные варианты приводятся в подстрочных примечаниях. Кроме того, в примечаниях, где это необходимо, оговариваются характер правки и средства записи, а также даются окончательные варианты текста (по последней прижизненной публикации в сборнике «На мосту»). Явные пунктуационные и орфографические ошибки, опечатки исправлялись без пояснений публикатора. Важные особенности авторской орфографии и пунктуации сохранялись. Архитектоника текста воспроизводилась аутентично авторской машинописи.

Поэма «ЖАР-ПТИЦА». Первая редакция

ПРОЛОГ

Я был на кладбище.
[Я был на кладбище?]
Кладбище ли
Было это?

Холмы были
Зелёные,
Низкие холмы.
Камни были белые,
Маленькие камни.
Цифры были выбиты
На белых камнях.
Дорожки были чистые,
Песчаные дорожки.
Букетики лежали,
Увявшие букетики.
И солнышко светило.
И воробьи чирикали.

Братские могилы.

Братья ли
Лежат здесь?
Сёстры ли
Лежат здесь?

Братья ли дети
Своим родителям?
Сёстры ли старухи
Пятилетним девочкам?

[Братья
По голоду.
Братья
По холоду.
Сёстры
По ужасу.
Сёстры
По гибели].

Как тихо!
Как тихо!

Почему никто не плачет,
Почему никто не бьётся
День и ночь
Над этой травкой,
Над невинной этой травкой
Над весёлой этой травкой?

В травку
Плоть их превратилась.
В травку –
Мускулы мужчин,
В травку –
Груды, плечи женщин,
В травку –
Щёки ребятишек.

Я увидел – ¹
Сторож косит,
Сторож косит эту травку!
Сторож!
Вы же сумасшедший!
Сторож!
Им же очень больно!
Сторож,
Сторож, поглядите,
Вся коса у Вас
В крови!
Сторож,
Сторож, не давайте
Это сено своим козам.
Молоко у них
Прогоркнет,
Станет чёрным
Молоко!..

Я был на кладбище.
Кладбище ли
Было это?²

И мне приснилось.

Ночью
Из глубин,
Из безмятежности пустынных улиц
Движенье появилось

В виде звуков.
Как будто шлёпанье
Босых, усталых ног.
Как будто шёпот
Людей простуженных
И потерявших голос.
И шорох,
Непрерывно нараставший
И заполнявший
Медленно и плотно
Все щели,
Все пустоты тишины.
[И выливавшийся наружу,
Через край
Её владений.
Как будто говор
Какой-то сдавленный
И приглушённый]

Тревожно было.
Было необычно.
Под ложечкой сосало от каких-то
Расплывчатых,
Уродливых предчувствий.

Я выбежал на улицу.

Рядами,
Неторопливо,
Густо
Шли скелеты,
Размахивая длинными руками,
Мерцая лбами
Жёлтых черепов.
Болтались,
Шевелились ключья тряпок,
Остатки простынь,
Ватников и платьев,
Остатки одеял и скатертей.
И детские скелетики несли
Полуистлевших,
Плюшевых медведей
И пупсов
Из пластмассы почерневшей.

И был порядок
Полный, безупречный.
Была торжественность,
Достоинство сквозило
В движениях ключиц,
В изгибах рёбер
И в колебаниях бедренных костей.
Мелькали надписи
На маленьких фанерках:
«Смоленское,
Траншея № 5»
«Траншея № 20,
Пискарёвка».
Скелеты шли
Сплошной³ шуршащей [серой] массой.
Их были сотни,
Сотни тысяч.
С окраин к центру
Твёрдо,
Неуклонно,
С окраин к центру
С каждого из кладбищ,
[С окраин к центру,
Улицы наполнив
Пришлёпываньем,
Шорохом и скрипом]
Текли потоки,
Серые потоки
Скелетов.⁴

Вдруг один
Шагнул ко мне
И тронул мой рукав
Костями узкой
Полудетской кисти.

Я отскочил,
Я заслонился локтем,
Я крикнул что-то,
Я не мог бежать.
[Не гнулись ноги.
Били в барабан
Под ухом у меня:
Я догадался –
То было сердце,

То стучала кровь
В висках
Так необычно громко].

В глаза мне
Небольшой, изящный череп
Глядел
Пустыми ямами глазниц.
Глядел просительно
И виновато:
– Простите!
Я не думала...
Не знала...
Вы не пугайтесь,
Всё давно истлело,
И я не пахну.
Времени так мало,
Я тороплюсь.
Мы все идём на митинг
Антивоенный.
Вы поэт,
Я знаю,
И я должна,
Должна вам рассказать.
Прошу Вас,
Напишите,
Напишите...
[О нашей краткой
Редкостной любви!]⁵

Мне было двадцать.⁶
Я была блондинкой,
Вот тут остался
Маленький клочок
Волос,
Он правда грязный очень,
В земле лежал он.
Я была красива –
Все говорили.
Были у меня
Красивые и чувственные ноздри
И кисти рук
Изящны были
Очень.
А впрочем,
Всё это не важно.

Важно то,
Что с нами приключилось.
Очень важно.

Ведь мы
Могли не встретиться,
Конечно.
Опасно было.
Был огромный риск.
Ведь мы
Могли не встретиться!
Представьте!
Тогда бы
Струпьями покрылись
Все цветы,
Тогда бы⁷ [и] плесень
Затянула мостовые.
[Тогда бы вылиняла
Шпилей позолота]
И всё пошло бы прахом,
Прахом,
Прахом!
Мы не могли
Не встретиться.
Наверно
Всё было где-то
Решено заранее
И дата установлена была.
Иначе было б
Очень,
Очень страшно.

[Всё родилось
Из узоров решёток,
Из матовой бледности
Мраморных ваз,
Из дрожи мостов,
И из лепета листьев,
Из глубины
Гранитных колонн и ступеней]

Всё родилось
Из гранитных ступеней,
Из терпеливости рыболовов,
Из поплавок

И качания лодок,
Из беготни и ужимок мальчишек,⁸
Из ряби булыжника,
Из разноцветных
Трамвайных огней,
[Из гудков электричек,
Из гомона галок,
Из плача детей,
Из запаха булок,
Из запаха тины,
Из пряного вкуса
Июньского ветра].
Из газетных киосков,
Из запаха дров
И из вкуса черешни.⁹

Мы счастливы были
Взахлёб,
Несуразно,
Отчаянно,
Глупо
И бессердечно,
Как дети
В плескательном
Тёплом бассейне,
Как звери в глуши,
На безлюдьи,
В чащобах,
Как в яхте яхтмены,
Как в клумбе шмели.¹⁰
Был город
Нам отдан.
Двоим
Целый город!
Он был нам игрушкой,
Забавой
И домом.
Убежищем тихим
И каруселью.
Он был
Тридцатым таинственным царством.
В нём жили драконы,
Кашей
И царевны.¹¹
И был там царевич.

И рук не жалея,
Спеша,
Обжигаясь,
Ловил он Жар-птицу.
А я убегала,
Взлетала,
Металась
И снова садилась,
И снова взлетала,
Манила его
И дразнила,
Дразнила.
И он целовал меня,
Он меня трогал,
И гладил он
Перья мои
Золотые,¹²
И очень любил,
Когда¹³ я щекотала
Ресницами
Щёку ему.

Хохотали
Мы часто и долго
До слёз
И до колик.¹⁴
И было ужасно
Весёлое солнце,¹⁵
И дождики были
На редкость смешливы,
И тучи тряслись
И давились от смеха.
И прыскал в кулак
То и дело закат.¹⁶

Был город
Сбит с толку
И взбаламучен.
Растеряны были
Каналы и пирсы.
И были все скверы
В недоуменьи.
И страшно разнервничались
Фонари.
Мы всем насолили изрядно,

Изрядно.
От зависти лопались
Кариатиды.
И даже атланты
Теряли терпенье,
И хмурились
Важные¹⁷ Аполлоны.
Но в Летнем саду
Улыбались Венеры,
И толпы Амуров
Ходили за нами,
Как свита.
От них
Было трудно удрать.¹⁸

Потом,
Вы же знаете,
Было то утро,
Был полдень тот самый
И вечер, конечно.¹⁹
И я провожала его
На вокзале.
И я провожала его.
В полумраке
Лицо его было
Смертельно спокойно.²⁰
Лицо его было спокойно,
Как лес
При полном безветрии
Осенью поздней,
Как школьные классы
Ночную порой.
В лице его было
Сплетенье каких-то
Железных конструкций
Напрягшихся страшно.
Лицо его было похоже
На мост,
На тень
От огромного дома
Без окон.²¹

[И все было так,
Как обычно бывает
В обычных теперешних кинофильмах:

И плач,
И частушки,
И всхлипы гармонии,
И лживая бодрость
Литавров и труб].²²

Потом
Был, конечно,
Тот самый гудок
Последний,
Последний.
И я побежала,
Конечно,
За красным товарным вагоном,
Толкаясь,
Пихаясь локтями,
Спеша,
В толпе среди прочих²³
Бегущих,
Кричащих.
Терявших рассудок,
Растерзанных женщин.²⁴

Потом
Были письма.
Я помню отрывки.²⁵

«Жар-птица моя,
Моя нежная²⁶ птица!
Мой жребий несслыханный,
Огненный жребий!²⁷
Нигде не читал я,
Не смел я подумать,²⁸
Не снилось,
Не мнилось,
Что может быть в мире
Такое сиянье,
Что может быть в мире
Такой златопёрый,
Такой ослепительно-ласковый
Свет!..²⁹

Не бойся, –
Писал он, –
Не бойся,

Не бойся!
Никто не сумеет,³⁰
Никто не решится,
Никто не осмелится
Это разрушить.
Такое бывает
Лишь раз
На столетье,
Такое нельзя,
Невозможно взорвать,
И сжечь невозможно
Такое
Я знаю...³¹

Жар-птица моя!
Мой единственный жребий
Светящийся!
Губы свои
Обжигая,
Целую, спеша,
Твои жаркие крылья.³²
Целую...»³³

Потом...
Вы же знаете,
Знаете,
Знаете,
Что
Было потом!
Было царство Кощея!

Был голод.

Пришёл он
Откуда-то сзади,
Из белой и злой
Ледниковой эпохи,
[Из древнеегипетских подземелий]
Из центра Сахары,
Из Антарктиды,
[Из вымерших
тихих
индийских селений]
Готовый на всё,
Деловитый и ловкий.

Он славно и честно
Тогда поработал.
Он был безупречен,
Он знал
Своё дело.
Да, да,
И был он в ударе
На редкость!
На редкость!³⁴
Он на славу тогда
Потрудился.
Один,
Без помощников
[Не уставая,
Легко,
Мастерски,
Виртуозно,
Блестяще]
Он управлял
С каким мастерством.
Виртуозно.
Блестяще.
Душил он детей
И хорошеньких женщин,
В иссохшие мумии
Их превращая!³⁵
С каким наслаждением,
Покончив с живыми,³⁶
Он трупы раскладывал
В ровные кучи,
Считал их,
Считал,
Перекладывал снова,
Возился над ними,
Как филателист
Над марками возится
Цельми днями,
В альбом их вклеивая
Любовно!³⁷
[Альбомы те
Кладбищами назывались,
Траншеями были
Альбомов страницы].
И были те марки
Единственной серии,

Но все были разные,
Разные...³⁸

В гигантской³⁹ пустыне
В квартирных потёмках⁴⁰
Лежала я тихо,
И тихо стучали
Часы надо мною.
Стучали
И ждали.
И ласково
Жизнь от меня уходила.
И я не просила её
Оглянуться,
И я не просила её
Задержаться,
И я не просила её
Ни о чём,
За тёплые руки
Её не хватала.
Я тихо лежала
Одна.
Он не видел,
Не знал
И не чувствовал,
Не торопился,
Он был далеко,
Далеко,
Далеко!⁴¹
И рядом со мною
Стояла на стуле
Его фотография
В жёлтенькой рамке,
И⁴² он улыбался на ней,
Улыбался
Улыбкой счастливица
Улыбкой ребёнка.⁴³

И ласково
Жизнь от меня
Уходила.⁴⁴
Я тихо лежала,
Глядела ей в спину,
В широкую,
Крепкую
Женскую спину.

И было мне странно
Мучительно странно –
Зачем,
Для чего они
Женского рода,
И жизнь,
И она,
Та,
Что жизни на смену
Приходит
С унылым своим
Постоянством.

А мир колебался,
А мир расплывался,
А мир растворялся
В каких-то пустотах,
[Как в жидкости
чёрной]
Качая боками,
Крутятся и ныряя,
Крутятся и ныряя,⁴⁵
Как бочка пустая
В бетонном бассейне,
Наполненном нефтью...
Холодной и чёрной,
Холодной и чёрной.⁴⁶

И вдруг появилась
Усталая женщина.

Усталая женщина
С острыми скулами.
Усталая женщина
В ватнике грязном.
Усталая женщина
В стоптанных валенках.

Она мне сказала:
– Пора!
Торопитесь!
Мне некогда.
Нынче
Так много работы,
Так много,
Так много.⁴⁷

И я удивилась:
– А где же
Ваш саван?
А где же
Коса?
Ведь вы же
Не смерть.
Я не верю.
Не верю.
Ведь вы управдом
Или дворник.
Не верю!⁴⁸
Она улыбнулась
Одними губами.
[Улыбка была
Необычно печальна].
Улыбка была
Неестественно чуждой
Всему,
Что я видела раньше
И знала.
Она улыбнулась:
– Ну что Вы!
Ну что Вы!
Всё это –
Убогие пошлости мистиков,⁴⁹
Всё – выдумки,
Сказки
Для малых детей.
Пора!
Вы готовы?
И белой ладонью
Лица моего
Чуть заметно коснулась.⁵⁰
И я потянулась
Так сладко,
Так сладко,
Как в детстве
Спросонья,
Как в детстве,
Как в детстве!..⁵¹

В гигантской пустыне
В квартирных потёмках
Лежала я тихо

И остывала.
И тихо стучали
Часы надо мною.⁵²
И время живое
Всё шло,
Торопилось
Куда-то туда,
В заквартирные бездны,
В какие-то сытые,
Райские страны.
И время
Меня обтекало
Как камень
Ручей обтекает,
Как отмель
Река.⁵³
Лежала я тихо
И долго,
Неделю,
А может быть,
Месяц, –
Не знаю,
Не помню.⁵⁴
Часы уже встали.
Но рядом со мною
Стояла на стуле,
Всё так же стояла
Его фотография
В жёлтенькой рамке.
И он улыбался на ней,
Улыбался
Улыбкой счастливица,
Улыбкой ребёнка!⁵⁵

Потом
Он пришёл.
Я не знаю, откуда.
Приехал,
Примчался
На час,
На минуту,
Не зная,
Не веря,

В неведеньи тяжком.
Ходил по квартире
Вслепую,
На ощупь,
На мебель
На каждом шагу натываясь,
Ко мне приближаясь
Всё ближе,
Всё ближе...⁵⁶

В гигантской пустыне⁵⁷
В дремучих потёмках
Зажглась зажигалка,
И пламя её
В моих побелевших зрачках
Заплясало
И жирно
Углём
Очертило мгновенно
На бледных обоях
Мой высохший профиль.⁵⁸

Лицо его было
Смертельно спокойно.
Лицо его было
Спокойно, как снег
В степи при безветрии
И как вода
В лесном, заболоченном,
Гибнущем озере.
В лице его было
Сплетенье каких-то
Железных конструкций,
Изорванных в клочья.
Лицо его было,
Как взорванный мост,
Как тень от остатков
Сожжённого дома.

Потом
Он схватил меня
Жадно и грубо,
Потом
Он схватил
Мои острые плечи

И тряс меня,
Тряс меня,
Тряс меня долго.
И жадно
Сухими своими губами
К холодному рту моему
Прижимался.

А я всё молчала,
Молчала,
Молчала.
И только,
Как прежде,
Ресницы мои
Небритую щёку его
Щекотали.⁵⁹

Он взял меня
На руки.
На руки взял он
Мой твердый,
Холодный,
Негнувшийся труп⁶⁰
И вышел из дому.

В морозном тумане
Висело огромное
Красное солнце.⁶¹
Зима была в мире.
Зима была белой,
[Безбрежной и лютой].
Зима была плоской
И шарообразной.
Была пирамидой она
В то же время
Прозрачно зелёной
Из чистого льда.

[Она развлекалась,
Она хохотала
Скрипучим,
Морозным
Искусственным смехом.
Она была сытой,
Весёлой и гладкой.
Она хохотала].

В сугробах по пояс
Стоял неподвижно
[Стоял обреченно]
До сердца промёрзший
И вымерший город.
Огромное солнце
Висело в тумане,
Кровавое солнце,
Как там,
На Плутоне.⁶²

Дома прижимались
Друг к другу
Боками,
Дома замерзали
Не падая,
Стоя.
И улицы
Прямо и плоско лежали
Рядами
В просторной⁶³ покойницей
Стужи, –
Лишь кожа да кости,
Лишь кожа да кости.⁶⁴

Он нёс меня
Бережно,
Нёс меня
Нежно,
Он нёс меня
Тщательно,
Твёрдо ступая,
Как будто была я
Редчайшей находкой,
Единственным в мире
Бесценным сосудом,
Остатком мифической
Древней культуры,
И он, археолог,
Счастливчик,
Удачник
Нашёл,
Раскопал,
Распознал это чудо.

Он нёс меня,
Нёс меня,
Нёс меня долго
По улице ровной,⁶⁵
Прямой безупречно,
По чистому
Белому-белому снегу,⁶⁶
[По сочно скрипящему
Свежему снегу]
Скрипящему снегу,⁶⁷
Поощему снегу.⁶⁸
[Невинному снегу].

Он нёс меня долго
И там,
В перспективе,
И там,
Где лучи её
Сходятся в точку
Висело огромное,
Красное солнце.⁶⁹

Он нёс меня
С дальней орбиты Плутона.⁷⁰
Он нёс меня
К солнцу.
Но он утомился
И сел на ступенях
Какого-то дома.
И я
На коленях его
Не сгибаясь⁷¹
Лежала,
И он говорил,
Говорил мне,
Сбиваясь
Какие-то странные вещи.
[Дикие вещи].⁷²

– Послушай, –
Сказал он,
– Послушай, Жар-птица,
Несчастье моё,
Моя бедная птица,

Потухшая,
Тусклая,
Серая птица!
Тебя отнесу я
К горячему солнцу,
Оно обогреет тебя,
Отогреет,
Оно возвратит тебе
Жар и сиянье,
Оно возвратит тебя
В прежнюю сказку.⁷³

– Послушай, –
Сказал он,⁷⁴
– Послушай, ты очень,
Ты очень обяжешь меня,
Если скажешь,
Какая дорога
Короче и лучше
И где астероидов меньше
И всяких
Бродячих и каверзных
Метеоритов,^{–75}
Бог знает ведь,
Что у них там
На уме.

– Послушай,
Ведь ты же,
Я знаю,
Я знаю,
Всегда астрономией увлекалась,
Тебе ведь известны,
Конечно,
Все тропки,
Все мостики,
Спуски
И повороты.
Послушай,
Ведь надо же нам
Торопиться.
Ещё полчаса
И уже будет поздно.
И солнце тогда

Ни за что не возьмётся.
Оно ведь капризно,
Как малый ребёнок, –
Упрётся –
И кончено.
Слушай,
Я знаю,
Тебе очень холодно,
Очень неловко,
Тебе очень трудно,
Но как же
Иначе!⁷⁶

Припас я
Две банки
Прекрасных консервов.
Одну
Нам придётся отдать
За услугу –
Ведь солнцу, небось,
Тоже нынче
Не сытно.
Вторую
Мы вместе с тобой
Опростаем.⁷⁷
Устроим роскошный,
Немыслимый ужин
На Марсе, быть может,
Иль нет,
На Сатурне.
Там, судя по слухам,
Чертовски красиво...⁷⁸

Да,
Странные вещи
Тогда говорил он.

Потом
Подошли к нам
Какие-то люди
И взяли меня,
И закинули в кузов
Трёхтонки.⁷⁹
И там было тесно
Ужасно

И многие трупы
Там голые были.⁸⁰

А он всё кричал,
Всё ругался
И плакал,
Всё рвался за мной,⁸¹
Но его оттолкнули.⁸²
Машина поехала,
Следом⁸³ бежал он,
Бежал спотыкаясь,
И голос его,
И голос его
Отставал постепенно:
– Жар-птица!
Жар-птица!

– Жар-птица!

– Жар-птица!

[И больше уже никогда,
Никогда
Его не видала].

Зарыли меня
На Охтинском,
Третья траншея от входа,
В двух метрах
От крайней восточной дорожки.

Его повстречаете Вы,
Может статья.
Скажите мой адрес ему⁸⁴
И скажите –
Я жду,
Пусть приходит,
Я жду.

И простите,
Я Вас задержала.
Простите.

Прощайте!

Скелет отступил,
Повернулся
И тотчас
Исчез
В бесконечном потоке скелетов.
И тут
Я проснулся.⁸⁵

Октябрь <19>61

¹ Первоначально: «Поглядите».

² Первоначально вместо этих трех строк:

Как их много
Здесь,
Под травкой.
Как их много,
Как им тесно!

В тесноте,
Да не в обиде.
Все равны,
Все безымянные.
Справедливость безупречна
Им на веки подарила
Смерть
И равенство и братство.
А свобода
Лишь химера,
Баловство,
Мираж,
Условность.
И к тому же не владеет
Ею смерть
И не владела.

Плотно,
Рядышком,
Слоями
Здесь лежат они
Тихонько
И друг другу
Не мешают,
Соблюдая дисциплину,
Руки вытянув
По швам.
Ну а если,
Кто-то крикнет?
Ну а если
Их разбудят?..

³ Слово вписано карандашом.

⁴ В окончательном тексте полностью отсутствует Пролог, а также переработано вступление. Поэма начинается со строк:

Я встретил её совершенно случайно –
однажды ночью
на набережной.
Она была такая худенькая,
такая тоненькая-тоненькая –
одни косточки.

⁵ Вычеркнуто карандашом, и на полях поставлен вопросительный знак.

⁶ Окончательный вариант:

Она сказала: вы меня простите,
но я должна,
должна вам рассказать!
Мне было двадцать. Двадцать
и сейчас.
Я почему-то больше не старею.

Следующие 42 стиха в основном тексте отсутствуют вплоть до строфы «Все родилось из гранитных ступеней...».

⁷ «Тогда бы» вписано карандашом.

⁸ Окончательный вариант: «из беготни и кривлянья мальчишек».

В машинописи первоначально после фрагмента «Все родилось / Из гранитных ступеней...»:

Оно родилось
И взметнулось фонтаном.
«Самсон» петергофский
Казался лишь струйкой
Ничтожной и хилой.
Весь город был в крупных
Светящихся каплях,
Совсем как мальчишка,
Попавший в струю
Поливальной машины.

⁹ Окончательный вариант:

из пресной на вкус
недозрелой черешни.

¹⁰ Фрагмент «Мы счастливы были...» (14 строк) полностью изъят из основного текста.

¹¹ Окончательный вариант вместо «В нём жили драконы...»:

В нём сфинксы водились
и дикие кони,
в нём жили незлые
крылатые львы.

¹² Строки изъятые из основного текста:

И гладил он
Перья мои
Золотые,

¹³ В окончательном варианте: «Если».

¹⁴ Строки изъятые из основного текста:

Хотали
Мы часто и долго
До слёз
И до колёк.

¹⁵ Окончательный вариант:

И подолгу
стояло в зените
весёлое солнце,

¹⁶ Окончательный вариант:

и густо краснел хохотавший закат.

В машинописи первоначально:

И ржал, не стесняясь,
Нахальный закат.

¹⁷ Первоначально: «Бронзовые».

¹⁸ В окончательном тексте фрагмент «Был город / Сбит с толку...» сокращен, вместо «И были в недоуменьи / И странно разнервничались / Фонари» – «и были все скверы в недоуменьи»:

Был город сбит с толку
и взбаламучен.
Растеряны были
каналы и пирсы,
от зависти лопались кариатиды,
и были все скверы в недоуменье,
и даже атланты теряли терпенье,
и хмурились важные аполлоны,
но в Летнем саду улыбалась Венера,
и толпы амуров ходили за нами,
как свита...

¹⁹ Окончательный вариант:

Потом наступил этот день.
И следом за ним
Наступил этот вечер.

²⁰ В окончательном тексте отсутствует «На вокзале...», следующий стих изменен, вместо «И я провожала его. / В полумраке / Лицо его было / Смертельно спокойно»:

В полумраке
лицо его было
бело и спокойно.

²¹ Строки изъятые из окончательного текста:

Лицо его было похоже
На мост,
На тень
От огромного дома
Без окон.

²² На полях машинописи к этим строкам стоит вопросительный знак.

²³ Первоначально: «из таких же».

²⁴ Фрагмент «Потом / Был, конечно, / Тот самый гудок...» в окончательном тексте существенно переработан:

Раздался
тот самый последний гудок.
И я побежала потом
за вагоном
в толпе среди прочих
бежавших,
кричавших,
махавших платками
заплаканных женщин.

²⁵ Строка отсутствует в окончательном тексте.

²⁶ В машинописи на полях дан вариант «дивная».

²⁷ Первоначально: «Жаркий мой».

²⁸ Строка вписана карандашом.

²⁹ На полях машинописи дан вариант:

Что мне попадется
Такая добыча!
Такое редчайшее в мире арены
такое сиянье.

Окончательный вариант фрагмента «Жар-птица моя...»:

– Жар-птица моя,
я не смел и подумать,
что мне попадется такая добыча...
Не бойся, глупышка!
Никто не решится,
никто не сумеет такое разрушить.
Ведь сказки живучи,
ведь сказки бессмертны,
ведь их невозможно взорвать или сжечь,
ведь их расстрелять у стены
невозможно...
Жар-птица моя,
мой единственный жребий
светящийся!
Губы свои обжигая,
целую, спеша,
твои жаркие перья!
Целую!

А город
был строг и печален.
А город был грозен.
Рычали крылатые львы над каналом,
и ржали над крышами
медные кони
тревожно,
и сфинксов бесстрастные лица
мрачнели от копоти ближних пожаров.
Но крепко держали карнизы атланты,
а в Летнем саду улыбалась Венера,
и стук метронома ее не пугал.

³⁰ Первоначально: «посмеет».

³¹ В машинописи на полях дан вариант:

Такое разрушить.
Ведь сказки живучи,
Ведь сказки бессмертны.
Ведь их невозможно,
Конечно, взорвать
И сжечь невозможно.
Не бойся, глупышка!

- ³² Первоначально: «перья».
- ³³ Фрагменты «Не бойся...» и «Жар-птица моя...» отсутствуют в окончательном тексте.
- ³⁴ Вставка (3 строки) на полях машинописи («И был он в ударе...!»).
- ³⁵ Вставка на полях машинописи («Один без помощников...»).
- ³⁶ Первоначально: «с работой».
- ³⁷ На полях машинописи зачеркнутый вариант:
Он делал и делал
Живых мертвецами,
Добротными,
Высохшими мертвецами.

Да,
Был он в ударе!
На редкость!
На редкость!
- ³⁸ Фрагмент, начинающийся со строк «Было царство Кашея...», изъят из основного текста.
- ³⁹ Первоначально: «огромной».
- ⁴⁰ В окончательном тексте:
В квартирной пустыне,
В кромешных потёмках
- ⁴¹ Окончательный вариант кардинально переработан:
И медленно жизнь от меня уходила.

И я попросила её оглянуться,
и я попросила её задержаться,
и я попросила её не спешить,
но слабый мой шёпот она не слыхала,
она уходила,
а он и не видел
он был далеко,
далеко,
далеко.
- ⁴² Первоначально: «но».
- ⁴³ В окончательном варианте отсечены две последние строки «Улыбкой счастливица / Улыбкой ребёнка».
- ⁴⁴ В окончательном тексте вариант: «Как ласково жизнь от меня уходила!».
- ⁴⁵ Строка вписана от руки.
- ⁴⁶ Повторяющаяся строка изъята из окончательного текста. Вместо «чёрной» первоначально «липкой».
- ⁴⁷ Строки «Так много, / Так много» исключены из основного текста.
- ⁴⁸ В окончательном тексте этот фрагмент значительно сокращен и переработан:
И я удивилась:
«А где же ваш саван?
А где же коса?
Ведь должна быть коса!»
- ⁴⁹ Строки «Всё это...» в основном тексте заменены на другие:
Подумайте сами –
зачем мне коса?
- ⁵⁰ Строки изъятые из основного текста:
И белой ладонью
Лица моего
Чуть заметно коснулась.

⁵¹ Повторяющиеся строки «Как в детстве! / Как в детстве!..» исключены из основного текста.

⁵² В основном тексте фрагмент существенно сокращен:

В квартирных потёмках лежала я тихо.
И тихо стучали часы надо мною.

⁵³ В основном тексте фрагмент «И время / Меня обтекало...» сокращен и переработан:

А время живое
меня сторонилось,
меня обходило,
меня не касалось.

⁵⁴ Отрывок «Лежала я тихо...» в основном тексте переработан:

Лежала я долго,
быть может, неделю.
Не знаю.
Не помню.

⁵⁵ Две последние строки изъяты из основного текста.

⁵⁶ Фрагмент «Потом он пришел...» значительно переработан в основном тексте:

Потом
он приехал,
вбежал запыхавшись,
ходил по квартире
вслепую, на ощупь,
на мебель на каждом шагу натыкаясь,
ко мне приближаясь
всё ближе,
всё ближе.

⁵⁷ Окончательный вариант: «В квартирной пустыне».

⁵⁸ Фрагмент «И жирно / Углем...» изъят из окончательного текста.

⁵⁹ Фрагменты «Потом / Он схватил...» и «А я все молчала...» отсутствуют в окончательном тексте.

⁶⁰ Окончательный вариант: «мое полудетское лёгкое тело».

⁶¹ Окончательный вариант: «висело багровое низкое солнце».

⁶² Фрагмент «В сугробах по пояс...» отсутствует в окончательном тексте.

⁶³ Первоначально: «огромной».

⁶⁴ Фрагмент полностью переработан. Окончательный вариант:

И там, в глубине пирамиды,
был город.

Дома прижимались
друг к другу боками.
Дома замерзали не падая,
стоя.
И улицы
прямо и гордо лежали,
примёрзнув друг к другу
на перекрестках.

⁶⁵ Окончательный вариант: «по улице длинной».

⁶⁶ Окончательный вариант:

по свежему
белому-белому снегу.

⁶⁷ Вписано на полях машинописи.

- ⁶⁸ Окончательный вариант:
поющему снегу,
скрипящему снегу.
- ⁶⁹ Окончательный вариант: «висело багровое низкое солнце».
- ⁷⁰ Строки изъяты из основного текста.
- ⁷¹ Окончательный вариант: «неподвижно».
- ⁷² Строка стерта.
- ⁷³ Фрагмент в основном тексте переработан:
До солнца осталось
не так уж и много.
Оно отогреет тебя,
отогреет.
Попросим его,
и оно отогреет.
- ⁷⁴ После этой строки вставлены два стиха:
ведь ты же, я знаю,
всегда астрономией увлекалась.
- ⁷⁵ Окончательный вариант:
где меньше ухабов,
космической пыли.
- ⁷⁶ Этот фрагмент в окончательном тексте заменен на более лаконичный:
Послушай,
нам надо поторопиться,
еще полчаса,
и уже будет поздно.
- ⁷⁷ Окончательный вариант:
Вторую оставим себе
и немедля
- ⁷⁸ Фрагмент «На Марсе, быть может...» отсутствует в окончательном тексте.
- ⁷⁹ Окончательный вариант:
и в кузов трёхтонки
меня положили.
- ⁸⁰ Фрагмент «И там было тесно...» отсутствует в основном тексте.
- ⁸¹ Строки «А он всё кричал...» изъяты из окончательного текста.
- ⁸² Окончательный вариант:
Он рвался за мной,
но его не пустили.
- ⁸³ Первоначально: «Сзади».
- ⁸⁴ В окончательном тексте после этой строки добавлены три стиха:
я же знаю:
он ищет меня,
но не может найти.
- ⁸⁵ Концовка в окончательном тексте радикально переработана (вместо «Скелет отступил...»):
И она ушла от меня
по набережной.
Такая тоненькая-тоненькая,
ужасно,
невыносимо худенькая,
самая худенькая Жар-птица
из всех,
которые мне встречались.

Библиографический список

1. *Алексеев Г.* Избранные стихотворения. СПб., 2006.
2. *Алексеев Г.* На мосту. Стихи и поэма. Л.: Сов. писатель, 1976.
3. *Алексеев Г.* Неизвестный Алексеев. Неизданная проза Геннадия Алексеева. Дневники. СПб., 2014.
4. *Алексеев Г.* Неизвестный Алексеев: Неизданная проза Геннадия Алексеева. СПб., 2017.
5. *Блюм А.* Блокадная тема в блокадной цензуре // Нева. 2014. № 1. С. 238–245.
6. *Елисеев Н.* Тени стихов // Новый мир. 2007. № 9. С. 181–183.
7. *Мирзаев А. М., Орлицкий Ю. Б., Родюкова М. В.* Стихи и проза Геннадия Алексеева в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы / отв. ред. Т. С. Царькова. СПб., 2007. С. 809–856.

IV. ИНФОРМАЦИЯ

РОСКОВШЕНКО ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ**ФОНД 261**

Росковшенко (Росковшенков) Иван Васильевич (1809–1889) – поэт, переводчик, председатель Московского цензурного комитета, тайный советник.

Род Росковшенко происходил из казаков. Прадед, Ефим Андреевич, служил в Чугуевском казачьем полку. Первоначально он носил фамилию Росковчинко, а затем изменил фамилию и начал писаться как Росковшенко. Имел двух сыновей Андрея и Михаила. Андрей Ефимович Росковшенко сначала служил сотником в Запорожском войске, а затем, после ликвидации Запорожской Сечи, был переведен в Черноморское казачье войско. Далее сведения о нем затерялись. Известно только, что он был богат, не был женат и не оставил потомства. После смерти А. Е. Росковшенко наследство получил его друг, сотник Мороз. Михаил Ефимович Росковшенко (? –1831), дед И. В. Росковшенко, служил хорунжим в волонтерном казачьем полку полковника Гиржева. У него было трое детей: Василий, Прасковья и Авдотья. Отец И. В. Росковшенко Василий Михайлович (1782–1850) – помещик Харьковской губернии. Сначала служил коллежским ассессором Харьковского губернского правления, затем заседателем земского суда Сумского уезда, позднее заседателем и судьей Лебединского уездного суда. Был женат на Анастасии Константиновне Безручко-Высоцкой (1786–1840 или 1841). Имел 8 детей: Ивана (1809–1889), Надежду (1811 или 1812–1864), Михаила (1813–1834), Алексея (1815–1885), Константина (1816–1882), Наталью (1817–1851), Веру (1823–1853), Марию (1825 или 1826–1851).

Старший сын Иван Васильевич Росковшенко воспитывался в частном пансионе П. Рейпольского в Харькове. В 1829 г. окончил этико-политическое отделение философского факультета Харьковского университета. Был женат на Варваре Яковлевне Алферовой. В семье И. В. Росковшенко воспитывалось четверо детей: Владимир, Софья, Любовь и Людмила. В 1832 г. поступил на службу канцелярским чиновником Министерства юстиции, а затем был переведен в Комиссариатский департамент Военного министерства помощником столоначальника. В 1836 г., по случаю преобразования Военного министерства и сокращению штата чиновников, его уволили со службы, а в январе 1837 г. перевели в канцелярию Хозяйственного комитета Святейшего Синода помощником руководителя канцелярии. В этом же году он перешел в редакцию «Журнала Министерства народного просвещения» помощником редактора. Благодаря способностям и трудолюбию его заметил министр народного просвещения гр. С. С. Уваров и поспособствовал его назначению инспектором Тифлисской гимназии. С 1840 по 1848 г. он выполнял также

обязанности директора Закавказских училищ. С 1845 по 1847 г. по назначению кавказского наместника гр. М. С. Воронцова стал членом временной Комиссии для окончания училищных домов в Закавказском крае. В 1848 г. его произвели в статские советники. Разногласия, возникшие с местной администрацией в отношении учреждения особого Закавказского университета, привели к тому, что в 1848 г. он был переведен директором училищ Подольской губернии. За деятельные меры, принятые для улучшения состояния частных еврейских учебных заведений Подольской губернии, он получил благодарность военного губернатора Киевской, Подольской и Волынской губерний (1850). С 1850 по 1855 г. служил директором Ровенской гимназии, но из-за болезни был уволен со службы (1855). Пробыв в отставке три с половиной года, он был назначен в 1859 г. цензором Московского цензурного комитета. В 1864 г. его произвели в действительные статские советники, в конце следующего года назначили исполняющим обязанности председателя Московского цензурного комитета. В 1866–1879 гг. занимал место председателя. Имел награды: ордена Св. Владимира 3-й ст. (1866), Св. Станислава 1-й ст. (1868), Св. Анны 1-й ст. (1878). В 1880 г. был произведен в тайные советники. В этом же году Росковшенко вышел в отставку и поселился в селе Высоком Рыльского уезда Курской губернии, где и скончался 25 апр. 1889 г.

Литературной деятельностью И. В. Росковшенко начал заниматься еще во время обучения в Харьковском университете, участвуя в студенческом кружке передовых студентов, группировавшихся около И. И. Срезневского. Вскоре он выступил в печати, поместив в «Вестнике Европы» (1830, кн. 3) стихотворение «Забвение». Жизнь в Петербурге и приобщение к литературным кругам (был знаком и встречался с А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским, М. Ю. Лермонтовым) побудили И. В. Росковшенко к деятельным литературным занятиям. Он начал печататься в различных газетах, журналах и альманахах 1830-х гг., помещая статьи разнообразного, преимущественно исторического содержания, а также стихотворения, за подписью: «И. Р.» или «Вильгельм Мейстер». Сотрудничал с известным «Энциклопедическим Лексиконом» Плюшара (т. VIII–XII, СПб., 1837–1838), занимался переводами, в частности, В. Шекспира («Ромео и Джульетта», «Сон в летнюю ночь», «Виндзорские насмешницы» и др.). Последние годы активно изучал западноевропейскую живопись, занимался историей Малороссии, собрал большую библиотеку по этой тематике и опубликовал 14 статей в издании И. И. Срезневского «Собрание памятников народной украинской словесности», совместно с И. И. Срезневским издал «Украинский альманах» (1831). Им были написаны рецензии на «Руководство к первоначальному обучению русской истории» Н. Г. Устрялова (1837) и «Словарь достопамятных людей» Д. Н. Бантыш-Каменского (1837). Он также увлекался нумизматикой, собрав редкую коллекцию греческих, римских и восточных монет, большую часть которых приобрел Эрмитаж.

Сын, Владимир Иванович Росковшенко (1844–1907) – чиновник и литератор. В 1862 г. окончил Московскую 4-ю мужскую гимназию и был рекомендован в университет. После его окончания служил товарищем прокурора надзора

Одесского окружного суда, цензором в Петербургском цензурном комитете и дослужился до чина статского советника. По примеру отца занимался литературой. Опубликовал несколько повестей и рассказов: «Арендатор» (Русский вестник. 1867. № 2), «Шапка» (Русский вестник. 1867. № 2), «Маруся» (Русский вестник. 1867. № 5), «Чаровница» (Беседа. 1872. № 9) и др. Некоторые его рассказы были опубликованы в наше время на украинском языке. О дочерях, к сожалению, сведений не сохранилось.

Архив Росковшенко поступил в Рукописный отдел ИРЛИ из Библиотеки Академии наук в 1931 г. в предварительно разобранном виде по системе БАН как семейный фонд. В него были включены документы В. М. Росковшенко, отца, И. В. Росковшенко, сына и В. И. Росковшенко, внука и их родственников. В Рукописном отделе фонду был присвоен № 261. Однако, учитывая литературный профиль Рукописного отдела и известность И. В. Росковшенко как писателя, поэта и переводчика, было принято решение на Экспертной комиссии Рукописного отдела о переименовании фонда в личный фонд Ивана Васильевича Росковшенко и систематизации документов архива по структуре личного фонда. В фонде содержатся творческие материалы И. В. Росковшенко: переводы произведений В. Шекспира; биографические документы и материалы к родословной И. В. Росковшенко; документы о деятельности, переписка его и членов семьи с родственниками и разными лицами; документы Варвары Яковлевны Росковшенко (урожд. Алферовой), жены; Владимира Ивановича Росковшенко, сына; Василия Михайловича Росковшенко, отца; Алексея Васильевича Росковшенко, брата; Надежды Васильевны Барановой (урожд. Росковшенко), сестры; Михаила Ефимовича Росковшенко, деда и других родственников; документы других лиц. В 1974 г. Рукописный отдел ИРЛИ пополнился библиографическим словником Петра Петровича Ротача «Литературна Полтавщина», где имеются сведения о И. В. Росковшенко (пост. 1974, № 49. См.: Р.І, оп. 24, № 433). Информация о нем также имеется в журн. «Русский архив» (1890. № 1. С. 310). Других поступлений не ожидается.

В результате научно-технической обработки фонда была сформирована одна опись в количестве 196 ед. хр. за 1785–1900 гг. Опись содержит шесть разделов.

В начале первого раздела «Переводы и выписки из разных источников по истории России и литературы (1862 – <не позднее 1889>)» расположены по хронологии переводы И. В. Росковшенко произведений В. Шекспира. Завершают раздел выписки из разных источников по истории России, литературных произведений разных авторов и др.

Во второй раздел «Документы к биографии (1797 – <1880-е>)» вошли генеалогические таблицы и родословные записи к ним о роде Росковшенко и Безручко-Высоцких (род матери), составленные И. В. Росковшенко; документы о восстановлении в дворянстве Михаила Ефимовича Росковшенко, его сына Василия Михайловича и внуков: Ивана, Константина и Алексея Васильевичей в связи с утратой документов после пожара, подтверждающих

их дворянство: императорские указы, распоряжения, свидетельства, ревизские сказки, квитанции и др.; личные документы, включающие выписки из метрических свидетельств о рождении и крещении; документы об образовании, награждении, присвоении званий и др. в хронологическом порядке. Завершают подраздел хозяйственно-имущественные документы и за *** подборка газетных вырезок по историческим, литературным, правовым и другим темам.

В третьем разделе «Документы по деятельности (1846–1879)» отложились документы о службе И. В. Росковшенко инспектором Тифлисской гимназии, директором закавказских училищ и училищ Каменец-Подольской губернии и др. За этими документами расположены письма Н. И. Греча и редакции журн. «Современник», тематически связанные с его педагогической деятельностью; далее следуют документы о его службе сначала цензором, а затем председателем Московского цензурного комитета, включающие инструкции, циркуляры, уведомления и другие документы руководящих органов; за ними по хронологии следуют письма разных учреждений по цензурным и другим вопросам.

Четвертый раздел составляют «Письма к И. В. Росковшенко родственникам и других лиц (1839–1888)». Дела расположены по алфавиту корреспондентов. Среди его корреспондентов встречается много известных имен: И. С. Аксаков, В. И. Даль, Аббас Али Ага Бакиханов (азербайджанский ученый-просветитель, поэт), Н. П. Гиляров-Платонов, Д. И. Иловыйский, П. И. Капнист, М. Н. Катков, М. П. Погодин, Ф. М. Толстой и др. Завершает раздел визитная карточка председателя Туркестанского отдела Политехнической выставки в Москве А. П. Федченко.

Пятый раздел – «Документы родственников И. В. Росковшенко (1802–1900)». Он состоит из 6 подразделов. К подразделу 5.1 отнесены документы жены И. В. Росковшенко – Варвары Яковлевны, урожд. Алферовой: два письма к ней брата мужа А. В. Росковшенко и сестры мужа Н. В. Росковшенко; подраздел 5.2 содержит документы Владимира Ивановича Росковшенко, сына, расположенные в следующем порядке: рассказы, записки о Сибири, подготовительные материалы к ним; письма разных лиц (по алфавиту корреспондентов). В конце подраздела за звездочкой помещена книга «*Lets Russes peintes pereux – temes par un Russe*». Париж; Брюссель. Б. г. Подраздел 5.3 содержит документы Василия Михайловича Росковшенко, отца И. В. Росковшенко, включающие документы о прохождении им службы, о разделе имущества, оставшегося после его смерти, и переписку с родственниками и другими лицами. В подразделе 5.4 находятся документы Алексея Васильевича Росковшенко, брата: определение Харьковского дворянского депутатского собрания, указ Сената о причислении его к дворянскому роду и письмо С. Н. Савченко, душеприказчика его сестры Н. В. Барановой, с сообщением о ее смерти. Подраздел 5.5, самый многочисленный, сформирован из документов Надежды Васильевны Барановой (урожд. Росковшенко), сестры: хозяйственно-имущественных документов, ее переписки с родными и знакомыми, расположенной по алфавиту адресатов и корреспондентов. Сюда же вошли документы двух ее мужей – Ивана Мартиновича Вишневого, второго мужа, представленного грамотой имп. Николая I о пожаловании ему ордена Св. Анны 3-й ст. с бан-

том, и Петра Александровича Баранова, третьего мужа, а также Александра Степановича Баранова, его отца. Их документы содержат переписку П. А. Баранова с родными и знакомыми и «Геометрический специальный план» владений А. С. Баранова. В подраздел 5.6 вошло письмо Алексея Венедиктовича Жадко-Андреева, мужа сестры, Веры Васильевны Росковшенко, к Игнатию Павловичу Алешенко, мужу младшей сестры – Марии Васильевны.

Раздел 6 «Документы других лиц (1847 – <не позднее 1898>)» включает портрет Н. В. Гоголя (репродукция с портрета художника Ф. А. Моллера), письмо А. В. Адлерберга к М. С. Мухановой с приложением выписок из Воспоминаний С. М. Муханова с замечаниями имп. Александра II; письмо неустановленного лица (Афанасия) к неустановленному лицу (Семену Ивановичу).

М. В. Родюкова

РЫШКОВ ВИКТОР АЛЕКСАНДРОВИЧ**ФОНД 270**

Творческая биография драматурга, писателя, редактора журн. «Родная нива» В. А. Рышкова (1862–1924) и история формирования его фонда подробно изложены нами в статье «Виктор Рышков и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома».¹ В настоящем издании приводятся сведения по систематизации архива, не вошедшие в ранее опубликованную работу.

Научно-техническая обработка архива по действующим правилам была начата Н. А. Прозоровой в 2002 г., велась с перерывами и была закончена в 2016 г. В результате описания личного архива В. А. Рышкова (ф. 270) было сформировано 935 ед. хр., которые систематизированы по четырем описям.

Опись I «Произведения и подготовительные материалы к ним» включает 105 ед. хр. за 1879–1919 гг. и состоит из двух разделов: прозаические произведения и драматические произведения.

В раздел 1 «Прозаические произведения: романы, повести, рассказы, очерки, статьи, фельетоны и др. (1879–1911)» вошли прозаические тексты В. А. Рышкова, систематизированные по жанрам и внутри них по хронологии их создания. Вначале помещены романы (подраздел 1.1), затем следуют повести (1.2), циклы рассказов и рассказы (1.3), циклы очерков и очерки (1.4), статьи, фельетоны и др. (1.5).

За *** находятся 2 ед. хр.: рукописный журн. «Кинжал» и материалы под названием «Для книги о печати. Наброски».

Многие единицы хранения данного раздела предворяются пояснительными записками автора (на отдельных листах) с указанием названия произведений, даты их написания и/или сведениями о публикациях.

В разделе 2 находятся драматические произведения (комедии, драмы, сценки, сценарии) и подготовительные материалы к ним, выстроенные по хронологии их написания.

Особое значение в этом разделе имеют конволюты – переплетенные сборники, сформированные и названные самим фондообразователем. Заглавия конволютов одноименны названиям пьес В. А. Рышкова и содержат о них разнообразную информацию. Некоторые из них довольно объемные – 400 л., 424 л., 441 л., 603 л. Всего имеется 19 конволютов, включающих сведения о драматических произведениях, начиная от их написания до постановки на сцене. Конволюты открываются печатным текстом пьесы, разрешенным для постановки на сцене. В них включены как повторяющиеся виды документов, так и материалы, характерные лишь для конкретного сборника; важной состав-

¹ См.: Прозорова Н. А. Виктор Рышков и его фонд в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб., 2016. С. 183–227.

ляющей конволютов являются письма широкого круга корреспондентов – от профессиональных театралных деятелей (артистов, режиссеров, антрепренеров) до рядовых зрителей-театралов, а также друзей и родственников Рышкова, содержащие впечатления о просмотренных спектаклях.²

Для каждого из конволютов обработчиком составлена полистная внутренняя опись. Материалы описаны по группам документов: например, расчетные листы; вырезки из газет с анонсами и рецензиями и т. д. с указанием листов, на которых они находятся.

Драматические произведения и конволюты расположены по хронологии их написания и формирования их фондообразователем. В конце раздела находятся сценарии, написанные В. А. Рышковым для кино.

В Описи 2 представлены «Документы к биографии и по деятельности», она состоит из двух разделов и включает 71 ед. хр. за 1865–1917 гг.

Раздел 1 «Документы к биографии (середина 19 в.–1917)» содержит три подраздела и включает 44 ед. хр. В подраздел 1.1 «Личные документы (середина 19 в.–1917)» включены документы к родословной писателя, гимназические свидетельства, аттестаты, грамоты, библиографические списки и др. В подразделе 1.2 «Дневники, воспоминания и сочинения (1874–1905)» находятся расположенные в хронологии дневники, семейные хроники, воспоминания и др. Среди них укажем, например, «На хозяйстве. Деревенский дневник», воспоминания «Мы. Семейная хроника и мои воспоминания о детстве и юношестве. С 1862-го по 1882-й год», подготовительные материалы «К личным воспоминаниям» (наброски, записи о предках) и др. Большая часть документов находится в сшитых тетрадах. Затем следует подраздел 1.3 «О В. А. Рышкове (<1880-е>– не ранее 1909)», в который включены в хронологии следующие документы о драматурге: эпиграмма, отзывы о произведениях, стихотворение с упоминанием его имени и др.

Раздел 2 – «Документы по деятельности (1886–1916)» содержит 5 подразделов и включает 27 ед. хр.

В подраздел 2.1 «Документы по театральной и литературной деятельности (1886–<1915>)» вошли извещения о репетициях пьес, документы о сотрудничестве с различными журналами, газетами, обществами и др. В подраздел 2.2 «Документы по изданию журнала “Родная Нива” (1905–1912)» включен комплекс материалов по истории издания журнала, выстроенных в хронологии: уведомление, переписка, списки принятых и непринятых в журнал рукописей и др. При этом письма подписчиков-читателей журн. «Родная Нива» оформлены в 2 ед. хр. (Оп. 2, № 60, 61), к которым составлены внутренние описи (письма выстроены в алфавите корреспондентов).³

Далее следует подраздел 2.3 «Документы по изданию газеты “Голос народа” (1905)», где находятся программа издания, проекты договора, письмо читателя.

² Подробнее см.: Там же. С. 224–226.

³ Документы подраздела 2.2 были проанализированы в статье: *Прозорова Н. А.* История издания и читательское восприятие журнала «Родная нива» (по материалам архива В. А. Рышкова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005–2006 годы. СПб., 2009. С. 268–310.

Материалы следующего подраздела 2.4 «Документы по устройству драматического театра в Санкт-Петербурге (1914–1916)» раскрывают театральную деятельность В. А. Рышкова и содержат разнообразные документы о создании им собственного драматического театра в Петербурге (несостоявшийся проект). В подраздел вошли два конволюта, сформированные и названные фондообразователем «Театр Рышкова 1» и «Театр Рышкова 2» (Оп. 2, № 67, 68). В конволюты включены планы здания театра, дневниковые записи об устройстве театра, списки артистов, давших согласие на службу, адреса и телефоны актеров, переписка с режиссерами, драматургами, актерами, писателями, художниками; записи об авансах, списки пьес, предполагаемых к постановкам, и др. Материал, содержащийся в указанных конволютах, дает представление не только о В. А. Рышкове как об организаторе театра, но и о постановке театрального дела в дореволюционной России вообще. К данным конволютам (Оп. 2, № 67, 68) также составлены внутренние полистные описи.

Завершает опись 2 подраздел 2.5 «Письма с благодарностью за благотворительную деятельность (1909–1914)», в котором документы расположены в хронологии.

Опись 3 составляет «Переписка» В. А. Рышкова за 1869–1919 гг., состоит она из двух разделов и включает 560 ед. хр.

Раздел 1 «Письма В. А. Рышкова (1870–1915)» содержит письма, систематизированные по алфавиту фамилий адресатов. При этом сделаны отсылки на конволюты, в которых находятся письма фондообразователя к тем или иным лицам. Всего 20 дел.

В раздел 2 «Письма к В. А. Рышкову (1869–1919)» включены письма к драматургу разных лиц, расположенные по алфавиту фамилий корреспондентов в количестве 539 ед. хр. Характерной особенностью данного раздела является то, что письма к фондообразователю сохранились не только в виде отдельных единиц хранения (как это обычно и бывает); в описываемом архиве часть писем вшита фондообразователем в конволюты. Эти письма касаются сценической жизни пьес В. А. Рышкова и отобраны драматургом по тематическому принципу, т. е. вся корреспонденция, касающаяся, например, постановки комедии «Змейка», находится в конволюте «“Змейка” 1912» (Оп. 1, № 90). Таким образом, письма, вшитые в конволюты, могут находиться в Оп. 1 и в Оп. 2.

Для удобства исследователей принят следующий принцип отсылок: в случае, если письма, посланные фондообразователю, отсутствуют в разделе 2 (как отдельные единицы хранения) и находятся *только* в конволюте, приводится фамилия и имя корреспондента в позиции б/н (без номера) и дается отсылка на соответствующий конволют. Например:

б/н	Васильева Ольга Константиновна, актриса См.: Оп. 2, № 68			
-----	--	--	--	--

В случае, если письма корреспондента В. А. Рышкова находятся и в разделе 2, и в конволюте, то после заголовка дела дается отсылка на соответствующий конволют. Примеры:

95	Буткова Евгения Александровна, актриса 15 п. Из Москвы, Крыма, Кривяпино Московской губ. в СПб С пометами В. А. Рышкова См. также: Оп. 1, № 83, 85	1912, 5 янв. – 1915, не позднее 1 марта	32	
126	Гнедич Петр Петрович, писатель, драматург, театральный деятель 3 п.; 2 тел. Из СПб в СПб См. также: Оп. 1, № 74, 80; Оп. 2, № 68	1907, 22 авг. – 1917, 14 янв.	5	

Характерной особенностью писем и телеграмм, сохранившихся в архиве драматурга, является то, что В. А. Рышков оставлял на полученных письмах разнообразные, порой очень информативные пометы. Как правило, эти пометы содержат сведения о получении им письма и с указанием даты ответа, либо пояснение к корреспонденции, оставленной без ответа. Иногда приводится текст ответных телеграмм. На письмах просителей, обращавшихся к нему с просьбой о материальной или иной поддержке, драматург отмечал, помог ли он нуждающемуся и в каком объеме. Кроме того, к некоторым письмам сохранились пояснительные записки (на отдельных листах), на которых В. А. Рышков указывал имена корреспондентов и другие сведения, например: «Читано 1903 г.» или «Оставить».

Опись 4 называется «Документы родственников и других лиц» и состоит из двух разделов: 1. «Документы родственников (1786–1938; 1970)»; 2. «Документы других лиц (1736–1918)». Опись включает 199 ед. хр.

Раздел 1 содержит несколько подразделов и состоит из 130 ед. хр.

В подраздел 1.1 вошли документы жены писателя С. Е. Рышковой (урожд. Эбергардт), в 1.2 – его детей Евгения, Льва, Палладия, Гали.

В подразделе 1.3 – отложились документы родителей. Сначала располагаются документы отца, А. Н. Рышкова (формулярные списки, аттестат о службе, документы о пенсии, разнообразные финансово-хозяйственные материалы, письма его и письма к нему), затем следуют документы матери, Н. П. Рышковой (документы к биографии, письма к ней).

В подразделе 1.4 находятся документы братьев В. А. Рышкова по старшинству (7 ед. хр.). Особый интерес в этом подразделе представляет комплекс материалов Вл. А. Рышкова, чиновника особых поручений Академии наук, выделенных в подраздел 1.4.2 Отметим документы, имеющие историко-культурную значимость: «Дневник постройки памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге»,⁴ «Воспоминания незаметного человека»⁵ и письма к Вл. А. Рышкову разных лиц, связанные с его деятельностью

⁴ Частично опубл. : В. А. Рышков и его «Дневник» / публ. В. П. Степанова // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 119–159.

⁵ Частично опубл.: *Вл. А. Рышков. Воспоминания незаметного человека* / публ. Н. А. Проzorовой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2003–2004 годы. СПб., 2007. С. 245–438.

как одного из устроителей Пушкинского Дома. К делу «Постройка памятника А. С. Пушкину в С.-Петербурге. Дневник Вл. А. Рышкова. (Приложения)» (Оп. 4, № 90), содержащему копии писем, сделанные Вл. А. Рышковым, составлена полистная внутренняя опись, в которой адресаты и корреспонденты выстроены в алфавитном порядке.

Среди семейных материалов Вл. А. Рышкова находится самый поздний документ фонда: фотография К. В. Рышковой на могиле ее родителей, датированная 1970 г. К делу № 92 – фотоальбом семьи Рышковых и Тихобразовых сделана внутренняя опись, в которой дано описание 33 фотографий, содержащихся в альбоме.

В подраздел 1.5 включены документы других родственников, сначала располагаются документы родственников по отцовской линии (1.5.1), затем – по материнской (1.5.2). Наиболее значимый документ подраздела – подлинная грамота императрицы Екатерины II на пожалование звания штык-юнкера артиллерии Алексею Яковлевичу Рышкову, прадеду фондообразователя.

Раздел 2 «Документы других лиц (1736–1918)» состоит из трех подразделов и включает в себя 69 ед. хр. Самый ранний документ раздела: грамота императрицы Анны Иоанновны на пожалование чина гвардии адъютанта Ивану Воейкову (1736, 19 авг.).

В подразделе 2.1 находятся документы к биографии и деятельности других лиц, выстроенные в алфавите фамилий разных лиц и учреждений, а затем в подразделе 2.2 – письма разных лиц к разным лицам, расположенные в алфавите фамилий адресатов.

В подраздел 2.3 выделены материалы, относящиеся к поэту, писателю, педагогу – Н. И. Познякову и связанные с его деятельностью секретаря Постоянной комиссии для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам при Академии наук. Эти документы сохранились в архиве В. А. Рышкова в связи с тем, что Н. И. Позняков передал их Виктору Александровичу после того, как драматург сменил его на должности письмоводителя (секретаря) Постоянной комиссии. В 2.3.1 находится два документа: служебная записка и письмо Познякова председателю Комиссии Л. Н. Майкову. Затем следует 2.3.2 «Письма к Н. И. Познякову». Эта рубрика открывается единицей хранения, озаглавленной самим В. А. Рышковым как «Письма писателей к Познякову по Комиссии при Академии, которые принял после него». Это дело представляет собой обложку тетради (с вышеприведенной надписью), в которой хранились письма разных лиц к Познякову. Корреспонденты обращались к нему как секретарю Постоянной комиссии по вопросам выдачи пособия, ссуд и разовой материальной помощи. Письма выстроены в алфавите фамилий корреспондентов. Характерной особенностью данного комплекса документов является то, что письма писателей к секретарю Н. И. Познякову (тоже литератору) написаны зачастую в дружеском, доверительном тоне, а некоторые прошения о денежной помощи выражены даже в стихотворной форме, например письмо Г. Г. Арищенко от 24 авг. 1900 г. (Оп. 4, № 164).

Н. А. Прозорова

КУЗЬМИН АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ

ФОНД 689

Александр Иванович Кузьмин родился 22 марта 1916 г. в Петрограде в семье рабочего. Кроме него в семье были три младших брата: Николай, Олег и Игорь. С 1914 по 1917 г. отец, Иван Осипович Кузьмин, служил в армии, после демобилизации работал на железной дороге. Мать, Екатерина Александровна, умерла в 1948 г.

В 1930 г. он поступил в школу ФЗУ Октябрьской ж. д. «Юный пролетарий» в Ленинграде. По окончании ее с 1933 по 1935 г. работал слесарем-паровозником в депо Гатчина-товарная. Работа была тяжелая и неинтересная, он мечтал стать моряком. Без отрыва от производства окончил курсы техников-нормировщиков. Одновременно поступил на рабфак ЛИИЖТа. Но ему «хотелось знать больше о мире, в котором мы живем», и он поступил на философский факультет ЛИФЛИ. Проучился только год: многих профессоров и студентов арестовали, факультет закрыли. В 1935 г. А. И. Кузьмин поступил на филологический факультет ЛГУ, окончил его в 1941 г.

Одновременно с учебой в университете по вечерам он посещал курсы по подготовке экскурсоводов в пригородных музеях. В 1935–1940 гг. подрабатывал экскурсоводом в Гатчинском дворце-музее, где провел научное описание библиотеки имп. Павла I и получил приглашение на должность научного сотрудника.

5 июля 1941 г. А. И. Кузьмин добровольцем вступил в Красную армию и был направлен во 2-й Балтийско-флотский полуэкипаж, рядовым в морскую пехоту. Он хотел попасть на фронт, но взвод послали в г. Горький. Там матрос с университетским образованием кроме основных обязанностей читал лекции «О военном прошлом русского народа», о русской литературе. Ему было предложено написать заявление о приеме в коммунистическую партию. Но, как он писал в автобиографии «Две жизни в одной»: «Наивный человек, слишком прямолинейно понимал слова “Партия – ум, честь и совесть нашей эпохи”. Продолжал верить “вождю и вождям”. Предложение было обусловлено некоторыми требованиями, которые раскрыли глаза на некоторые явления нашей счастливой жизни. Я не мог их выполнить по этическим убеждениям. Произошел неприятный разговор с комиссаром. Как по волшебству, изменилось отношение, начались придирки, обвинения...».

Однажды А. И. Кузьмин получил письмо из Ленинграда, где писали, что в блокадном городе выдают по 120 г хлеба на день. Письмо попросил прочитать сокурсник по университету, и оно оказалось в отделе контрразведки. 26 марта 1942 г. Кузьмина арестовали по обвинению в антисоветской про-

паганде. Осудили на 10 лет ИТЛ по ст. 58/10УК. Он оказался в Лагпункте «Кстово», где недалеко от г. Горького заключенные строили дорогу Горький – Казань. Он совершил побег вместе с другим заключенным. На одиннадцатый день их пути разошлись, Кузьмин хотел попасть на фронт. Но это не удалось: его арестовала охрана одного из лагерей. Он не мог назваться подлинным именем, назвался Кузнецовым Анатолием Яковлевичем (прожил затем под этой фамилией 13 лет) и сказал, что он дезертир, бежал с фронта.

Военный трибунал опять осудил его на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, но уже не за «антисоветчину», а «за дезертирство». Для исполнения приговора его должны были отправить в ту же горьковскую тюрьму, где знали о побеге, а это означало верную смерть. Но неожиданно он попал в другой район, в лагпункт Конавино. Работал там санитаром в лагерной больнице.

В Военном трибунале Московского военного округа дело дезертира А. Я. Кузнецова было пересмотрено, и было решено отправить его на фронт с отбывтием наказания после войны. В то же время А. И. Кузьмин был во все-союзном розыске. А. Я. Кузнецова отправили в Гороховецкие военные лагеря. В ноябре 1941 г. под Москвой был контужен. 20 янв. 1943 г. был тяжело ранен в битве под Сталинградом. Награжден орденом «Красная Звезда». Выздоровев, вернулся в строй. В 1944 г. воевал в Варшаве, в 1945 г. – в Берлине.

В 1943 г. женился. Жена, Полина Абрамовна, врач, оперировала его после ранения. В 1946 г. родилась дочь Инна.

В январе 1946 г. демобилизовался. В 1955 г. А. Я. Кузнецова разоблачили, снова судили военным трибуналом. В результате он был реабилитирован: дело в отношении А. И. Кузьмина прекратили за недоказанностью обвинения, а в отношении А. Я. Кузнецова за отсутствием состава преступления.

С марта 1946 г. по май 1955 г. А. И. Кузьмин работал в Останкинском дворце-музее в Москве, затем в Музее истории Москвы с мая 1955 по ноябрь 1957 г. В 1953 г. была издана его первая повесть «Крепостные мастера», в 1958 г. – «У золотых ворот». В 1960 г. он был принят в члены Литературного фонда Союза писателей СССР. Далее, с сентября 1960 г. по июль 1963 г. работал в Институте истории искусств АН СССР «Музей Абрамцево». С июля 1963 г. по январь 1985 г. – ст. науч. сотрудник ИМЛИ АН СССР им. А. М. Горького, ученый секретарь Комиссии по истории филологических наук при ОЛЯ АН СССР; ответственный секретарь журн. «Известия АН СССР, сер. Литературы и языка».

В 1960 г. в ИРЛИ (Пушкинский Дом) АН СССР А. И. Кузьмин защитил кандидатскую диссертацию: «К истории развития русской демократической литературы XVIII века» и в 1976 г. докторскую диссертацию: «Развитие народно-героических тем и образов в русской литературе XI – середины XIX века».

А. И. Кузьмин является автором более семидесяти работ по истории русской литературы и культуры. Среди них книги: «Паруса, изорванные в клочья» (1963), «Героическая тема в русской литературе (1974), «Военная героика в русском народно-поэтическом творчестве» (1981), «У истоков русского

театра» (1984); многочисленные статьи: «Лев Толстой и русские художники», «С. И. Мамонтов и русские художники», «Нестеров в Абрамцево» и др.

Умер А. И. Кузьмин 25 июня 2010 г. в Москве.

Все материалы фонда были переданы А. И. Кузьминым в дар. В 1967 г. поступили письма к нему Н. Ф. Бельчикова, П. Н. Беркова, В. М. Жирмунского и др. (см. Кн. пост. 1967, № 44).

Далее материалы поступали в 1968 г. (см. Кн. пост. 1968, № 34) и в 1971 г. (см. Кн. пост. 1971, № 30).

В 2002 г. были переданы биографические материалы писателя, письма к нему М. П. Алексеева, П. Н. Беркова, Д. С. Лихачева и др. (см. Кн. пост. 2002, № 13).

В 2006 г. в РО поступили последние материалы архива: биографическая повесть «Андромеда, отданная чудовищу», статьи автобиографического характера, фотографии А. И. Кузьмина, роспись рода Епанчиных и др.

При поступлении фонда в РО архив представлял собой россыпь (50 см). Научно-техническая обработка архива по современным правилам произведена н. с. А. Г. Носовой.

Поступлений больше не ожидается.

Материалы А. И. Кузьмина имеются также в научном архиве ГМЗ «Гатчина».

В результате научно-технической обработки фонда сформировано 195 ед. хр. за 1941–2005 гг. Они составляют одну опись и распределены по 6 разделам:

Раздел № 1 составляют научные труды и другие творческие материалы, расположенные в следующем порядке: авторефераты диссертаций, статьи, автобиографическая повесть «Андромеда, отданная чудовищу», воспоминания «Неисполненный приговор».

В раздел № 2 вошли материалы к биографии, которые распределены на 3 подраздела:

Подраздел 2.1 представлен личными, автобиографическими и бытового характера документами.

Подраздел 2.2 составляют документы о фондообразователе: отзывы о диссертации, о книгах – «Крепостные мастера», «У золотых ворот».

Подраздел 2.3 представлен фотографиями А. И. Кузьмина, его семьи, коллег и друзей. Каждая группа материалов расположена в хронологическом порядке.

Раздел № 3 составляют документы о деятельности, они распределены на 2 подраздела:

3.1 Материалы по изданию книг А. И. Кузьмина, расположенные в хронологии.

3.2 Документы о деятельности в ОЛЯ АН СССР: отчет, письма ученых по вопросам издания научных трудов, они расположены в алфавите фамилий корреспондентов, среди них: Адрианова-Перетц В. П., Айзеншток И. Я., Алексеев М. П., Альтман М. С., Бельчиков Н. Ф., Берков П. Н., Благой Д. Д.,

Бялый Г. А., Жирмунский В. М., Измайлов Н. В., Левин Ю. Д., Лихачев Д. С., Макагоненко Г. П., Пиксанов Н. К., Серман И. З., Степанов Г. В., Филин Ф. П., Фридлиндер Г. М., Эткинд Е. Г. и др.; за *** – приглашения на заседания и торжественные вечера.

Раздел № 4 – переписка:

4.1 Письма А. И. Кузьмина Благому Д. Д., Маловой М. И., родственникам.

4.2 Письма А. И. Кузьмину Базанова В. Г., Балаевой С. Н., Березиной В. Г., Брандис Н. М., Бушмина А. С., Викторова С. П., Гинзбурга С. Л., Дружинина П. Д., Епанчиной А. А., Жирмунской Н. А., Калюжного Г. П., Малышева В. И., Маркова А. Я., Миронова С. А., Мусатова Е., Ольдерогге Г. Б., Помарнацкого А. В., Робинсона А. Н., Теребениной Р. Е., Фаас Е. А. и др.

В раздел № 5 вошли немногочисленные материалы родственников: жены, дочери, родителей.

В разделе № 6 представлены материалы других лиц: Абаева В. И., Бархударова С. Г., Беркова П. Н., Виноградова В. В., Диева В. А., Маркова А. Я., Муратовой К. Д., Огризовича М. М., Радимова П. А., Рыбалтовского В. Ю., Ягодича Р. и др.

А. Г. Носова

МАТЕРИАЛЫ Г. Ф. ГИРСА В СОБРАНИИ М. С. ЛЕСМАНА

ФОНД 840. ОПИСЬ 14

Гирс Георгий Федорович родился в Санкт-Петербурге 28 дек. 1877 г. Отец его, Федор Александрович (1835–1906), потомок выходцев из Швеции, был адмиралом, командовал эскадрой Балтийского моря. Похоронен на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Георгий Федорович Гирс в 1897 г. окончил с отличием Пажеский корпус. На действительной военной службе с 1895 г., служил в Преображенском полку. В 1905 г. закончил Александровскую военно-юридическую академию, а в 1906 г. – Высшие военно-педагогические курсы по подготовке офицеров к воспитательной деятельности в кадетских корпусах.

В Первую мировую войну в звании полковника служил в 425-м пехотном Каргопольском полку, участвовал в Брусиловском прорыве. С сентября 1916 г. в течение года командовал 9-м Туркестанским стрелковым полком. Кавалер орденов Св. Станислава 3-й ст., Св. Анны 3-й ст., Св. Владимира 3-й ст., награжден Георгиевским золотым оружием.

В сентябре 1917 г. стал директором 3-го Московского кадетского корпуса. После Октябрьской революции в числе немногих военспецов перешел безоговорочно на сторону новой власти. С 1918 г. служил в РККА.

В 1920-е гг., после демобилизации, приехав в Москву, Г. Ф. Гирс работал главным редактором «Военно-педагогического журнала» (позднее «Военный вестник»), а также был членом редакционной комиссии журн. «Военная мысль и революция» (позднее «Военная мысль»). Стоял у истоков организации Военно-педагогического института РККА. Преподавал во многих высших военных учебных заведениях.

В 1931 г. был арестован по делу «Весна», возбужденному против бывших царских генералов и офицеров армии и флота, и осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей. По сведениям Г. А. Гирс, Георгий Федорович был отправлен на станцию Медвежья Гора г. Медвежьегорска, в котором с 1931 г. размещалось управление строительством Беломорканала. После освобождения в 1937 г. ему не разрешили вернуться в Москву и выслали в Пермскую область, где Г. Ф. Гирс поселился под пос. Березники и работал юридическим консультантом.

В начале Великой Отечественной войны к нему приехала из Москвы жена, Евгения Михайловна (урожд. Соловьева, 1878–1943). Супруги жили в очень тяжелых условиях. В декабре 1942 г. Г. Ф. Гирса в очередной раз арестовали, но в марте 1943 г. дело было прекращено, и его освободили из тюрьмы. Воз-

вратившись в Березники, Г. Ф. Гирс узнал, что жена умерла 15 янв. 1943 г., но место ее захоронения осталось неизвестным. После заключения ему позволили вернуться на прежнее место работы юрисконсультком.

В 1944 г. после письма Г. Ф. Гирса И. В. Сталину его вызвали в Москву и восстановили в армии. Однако в 1948 г. вновь арестовали и, приговорив к 8 годам ссылки, на этот раз выслали под Караганду на станцию Жана-Арка. После освобождения в 1954 г. Г. Ф. Гирсу разрешили переехать в Ленинград к невестке – Галине Арсеньевне. Умер он 31 янв. 1967 г. в возрасте 89 лет.

У Г. Ф. Гирса было два сына. Старший, Михаил Георгиевич, родился в Петербурге 24 июля 1903 г. По сведениям Г. А. Гирс, он окончил три вуза: Военно-педагогический институт; Вечерний рабочий литературный университет, впоследствии Литературный институт им. А. М. Горького, и Московский Институт востоковедения. В 1930-х гг. Михаил Георгиевич учился в аспирантуре Института востоковедения: филолог, историк, искусствовед, он интересовался буддизмом, санскритом, изучал хиндустани.

Женой его стала Галина Арсеньевна (урожд. Хлебникова). В начале 1930-х гг. они переехали в г. Горький, где в 1915–1918 гг. губернатором был его дядя – Алексей Федорович Гирс (1871–1958). Михаил Георгиевич работал в Горьковском педагогическом институте, был деканом факультета языка и литературы, читал курс русской литературы XIX в.

11 апр. 1936 г. он был арестован по групповому делу и 19 нояб. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Горьком обвинен по статьям 19-58-8, 58-11. Приговорен к 10 годам лишения свободы с пребыванием в исправительно-трудовом лагере и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения. Осенью 1937 г. Михаил Георгиевич был переведен на тюремный режим, 10 окт. особой тройкой УНКВД ЛО приговорен к высшей мере наказания и 4 нояб. расстрелян в Карелии в урочище Сандармох.¹

Документы Г. Ф. Гирса были переданы в Рукописный отдел ИРЛИ РАН в 1994 г. Н. Г. Князевой в составе первого поступления документов из собрания М. С. Лесмана (см.: Кн. пост. 1994, № 20).² Коллекционеру, в свою очередь, их передала в 1970-х гг. невестка Георгия Федоровича, Галина Арсеньевна Гирс, о чем свидетельствуют ее письмо к М. С. Лесману со сведениями о жизни Г. Ф. Гирса, написанные ею биографические справки о муже, свекре и его отце, Ф. А. Гирсе, и сделанная ею атрибуция фотоматериалов.

¹ Помимо документов описи № 14 в биографической справке использованы следующие материалы: *Офицеры русской императорской армии*: <http://ria1914.info/index.php> (дата обращения: 9.09.2019); *Московская высшая военно-педагогическая школа за четыре года (1919–1923)*: Сб. статей. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. С. 5–6; *Заклейменные властью. Услышь их голоса / По документам фондов Государственного Архива Российской Федерации: «Московский Политический Красный Крест» (1918–1922); «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» (1922–1938)*: <http://pkk.memo.ru/page%202/KNIGA/Ge.html> (дата обращения 2.04.2019); *Ленинградский мартиролог, 1937–1938: Книга памяти жертв политических репрессий* / [редкол.: А. Я. Разумов отв. ред. и др.] Т. 6: 1937 год. СПб.: Российская национальная библиотека, 2007. С. 83.

² См. также: *Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации / М. С. Лесман, Н. Г. Князева, Н. Г. Захаренко и др. М., 1989. С. 289.*

В коллекциях Рукописного отдела ИРЛИ личного архива Г. Ф. Гирса, как и отдельных документов в архивах других лиц, нет.

Личный фонд Г. Ф. Гирса имеется в Отделе рукописей РНБ: ф. 1017, 38 ед. хр., 1944–1954; материалы Г. Ф. и М. Г. Гирсов есть также в ЦГИА СПб.: ф. 19, оп. 128, д. 702.

В результате НТО оп. 14 – «Гирс Георгий Федорович. Биографические материалы; письма к Г. А. Гирс, невестке; документы М. Г. Гирса, сына, в собрании М. С. Лесмана (<1900-е>–1976)» – сформировано 12 ед. хр., включенных в одну опись и систематизированных по трем разделам.

Раздел 1 «Документы к биографии», содержит 4 ед. хр. за <1910-е> – <1970-е> гг.: единицу хранения с биографиями Г. Ф. Гирса, записанными его невесткой, Гирс Галиной Арсеньевной, в <1970-х> гг., и 3 ед. хр. с фотоматериалами.

В разделе 2 «Письма к Г. А. Гирс, невестке» находится единица хранения с письмами Г. Ф. Гирса 1942–1954 гг., в том числе времени его пребывания в Карагандинском лагере. За *** вынесена единица хранения с письмами его жены, Евгении Михайловны, к невестке 1942 г.

Раздел 3 «Документы Гирса Михаила Георгиевича, сына» содержит два подраздела. В подраздел 3.1 «Документы к биографии» включены 5 ед. хр. за 1900-е–1976 гг.: 2 ед. хр. с личными документами, единица хранения с краткой биографией М. Г. Гирса, написанной его женой, и 2 ед. хр. с фотоматериалами. В подраздел 3.2 «Письма» вошла единица хранения с письмами М. Г. Гирса к жене, Г. А. Гирс, из тюрьмы в г. Горьком 1936 г.

Е. М. Аксененко

И. Г. ЭРЕНБУРГ И ЕГО БЛИЖАЙШЕЕ ОКРУЖЕНИЕ В СВЕТЕ ИНСКРИПТОВ НА КНИГАХ, ПЕРЕДАННЫХ В ДАР ИРЛИ

Краткая история этого собрания автографов

Илья Эренбург (1891–1967) был ровно на 50 лет меня старше. Пожалуй, впервые я узнал его имя из газет, которые читал лет с шести-семи. В моем раннем детстве радиотарелка была главным источником информации и развлечений, газеты добавил к ней сам чуть позже. Мой отец погиб на Ленинградском фронте в 1943-м, и я его не помню; еще в 1944-м нам с мамой удалось вернуться в Ленинград из чебоксарской эвакуации. В блокаду в обеих наших, тогда неотопливаемых, комнатах на Б. Пушкарской временно поселили жителей разбомбленных домов, и они обогревались, сжигая в печке отцовскую библиотеку. Узнав о гибели отца, жакт одну комнату у нас отобрал. Свои первые книжки я получал в подарок от родственников, а еще покупала мама, выкраивая деньги из нашего жалкого бюджета. Часть отцовских книг еще его студенческой поры (он обычно ставил на титулах владельческую роспись) уцелела дома у его родителей, где после войны жил с семьей один из их младших сыновей (моих дядьев) – у него я и отыскал несколько отцовских книг, и мне их отдали; так у меня появился, скажем, «Весенний салон поэтов» (М., 1918), где было немало раннего Эренбурга. А его прозу я впервые прочел еще году в 1953-м (это была «Буря» 1948 г. издания; ее подарили мне наши соседи по огромной коммуналке – университетская семья математика и филолога А. И. и Г. Д. Кошелевых (они подписались на пятитомник Эренбурга, выпущенный к его 60-летию, а их старая «Буря» досталась мне). У них же тогда я брал на прочтение «Литературку», где имя Эренбурга попадалось нередко, и еще «Иностранку», где тогда печаталась его эссеистика. Их библиотека состояла из послевоенных собраний сочинений русских и зарубежных классиков, и я имел к ней свободный доступ. Это было уже на Подольской, где мы жили с 1952 г.¹ – поближе к маминой медслужбе и к моей, 310-й, школе. Первой мною купленной книгой были «Мертвые души», а первыми книжками Эренбурга в 1958 г. стали – «Французские тетради» и томик Элюара с его вступительной статьей. В студенческие годы уже заглядывал и к букинистам: покупал сравнительно доступные старые издания того, что не переиздавалось (помню «Избранное» Пастернака 1934 г., оцененное в 1 рубль). Чтение «Визы

¹ Вскоре я узнал (теперь об этом извещает мемориальная доска), что в соседнем доме родился Д. Д. Шостакович, чью музыку я полюбил, еще слушая по радио, а самого Д. Д. потом несколько раз встречал на Невском и в Филармонии на его премьерях.

времени» Эренбурга, его сборника эссе «Белый уголь, или Слезы Вертера» и ранних, давно не переиздававшихся романов, интерес к его книгам только подогревало. Начиная с 1961 г. стал бывать в Москве, но, естественно, оказываясь на улице Горького, где Эренбург жил, никогда не отваживался его повидать. Только в 1966-м написал ему письмо, поздравляя с 75-летием, и был изумлен, получив ответ.² А через полтора года, узнав по радио о его смерти, прилетел в Москву на похороны. Потом мой старший друг Миша Балцвиник, собиратель писательской иконографии, которого направил к вдове Эренбурга Е. Б. Пастернак, взял меня с собой. Так я познакомился с Любовью Михайловной, а уже следом и с Ириной Ильиничной, с вдовой ближайшего друга Эренбурга А. Я. Савич и с его последним секретарем Н. И. Столяровой... Беседы с ними я записывал, как и все значимые рассказы знакомых с ним людей. Ирину Ильиничну я неизменно держал в курсе своих библиофильских разысканий. Она по своему почину рассказала обо мне дружившему с ней активному участнику Комиссии по наследию Эренбурга Л. И. Лазареву, работавшему в «Вопросах литературы». И вскоре он предложил мне напечатать у них что-либо из моих находок.³ А потом, уже в перестройку, когда А. Н. Яковлев разрешил издание мемуаров «Люди, годы, жизнь», в СССР 20 лет не выпускавшихся, Л. И. Лазарев посоветовал Ирине Ильиничне доверить мне подготовку их полного текста и его комментирование. Она согласилась и предложила мне пользоваться ее архивом. Регулярно наезжая в Москву, я подолгу обсуждал с И. И. все неясности и многие сюжеты. Мне было известно, что личный архив И. Г. Эренбурга погибал дважды. В июле 1917 г. привезенный им из Парижа чемодан с письмами, его рукописями, книгами, рисунками Модильяни отобрали на финской границе революционные матросы (думаю, что, открыв его, они вышвырнули содержимое в сердцах за полной ненужностью). А второй раз Эренбург уничтожил часть своего архива сам в 1940-м – в Париже... Сразу после смерти писателя его архив, предварительно политически процеженный, был передан в ЦГАЛИ, остальное хранилось в семье. Что касается библиотеки Эренбурга, то Ирина Ильинична, будучи профессиональным переводчиком с французского, оставила у себя только книги, напечатанные по-французски и по-русски, а все прочие передала в московскую Библиотеку иностранной литературы.⁴

Мемуары готовил к печати «Сов. писатель». Работать с издательским редактором, интеллигентной и образованной Г. Э. Великовской, было интересно и легко; цензуры не было. Трехтомник «Люди, годы, жизнь» вышел в 1990-м тиражом 100 000 экземпляров.

² Мое письмо Эренбургу я обнаружил потом в РГАЛИ в его фонде, а полученный ответ включил в 2004 г. в двухтомник его писем. Его секретарь Н. И. Столярова, когда я показал ей письмо Э., сказала, что он напечатал это сам, а не она, обычно отвечавшая читателям, опираясь на его краткие указания и сохраняя копии ответов для архива.

³ Что я вскоре и сделал, опубликовав цензурно проходимые записки М. Киреевой об Эренбурге в Париже 1909 г. (см.: ВЛ. 1982. № 2).

⁴ Некоторые инскрипты Эренбургу на книгах и по-испански я там переписал.

Тогда же Ирина Ильинична пригласила меня стать основным комментатором и первого посмертного собрания сочинений Эренбурга.⁵ Шлейф негласного запрета на издания Эренбурга еще ощущался, и даже в пору горбачевской гласности собрание его сочинений хотели ограничить шестью томами. Комиссии по наследию Эренбурга удалось добиться увеличения объема до 8 томов. Исключив из него многократно переиздававшуюся «Бурю», в 8 томов вместили все наиболее значимые произведения, включая давно не переиздававшиеся или печатавшиеся с купюрами (их восстановили). Этот состав ЦК КПСС утвердил, и он цензуре не подвергался.

Всё, помимо мемуаров, я комментировал впервые, а половину томов еще и готовил к изданию на пару с Ириной Ильиничной. Мы общались регулярно. Она рассказала мне, что всю огромную библиотеку поэзии своего погибшего в самом начале Отечественной войны мужа (поэта и прозаика Б. М. Лапина) ей пришлось продать поэту Р. И. Рождественскому, оставив у себя лишь кое-что из книг с автографами. По ходу наших частых рабочих встреч И. И. мало-помалу передавала мне многие из хранившихся у нее книг с автографами, зная, что я их сохранию, а со временем передам на гос. хранение. Так же решила поступить и А. Я. Савич с книгами, так или иначе связанными с Эренбургом⁶ из ее с покойным Овадием Герцевичем библиотеки. Некоторые материалы из уникальных по полноте библиотеки и архива Серапионовой сестры Е. Г. Полонской (подруги парижской молодости Эренбурга) мне удалось приобрести у ее сына.⁷ Время от времени книги с автографами Эренбурга поступали ко мне от антикваров и собирателей. В конце жизни Ирина Ильинична именно мне завещала архив отца (как все материалы, хранившиеся у нее, так и руководство всем, что было уже передано в госархивы). Сообщая мне об этом, она заметила: вы же понимаете, что это реально три архива: Ильи, Бори и мой собственный. Но после ее смерти, когда я забирал из ее квартиры хранившиеся у нее остатки архива отца, мне было как-то неловко сослаться на эти ее слова и остававшиеся там книги с автографами из библиотеки Эренбурга, ее рукописи и почта, а также и материалы Б. М. Лапина остались у И. В. Щипачевой...⁸

⁵ Последнее (к 70-летию Эренбурга) собрание его сочинений в 9 томах вышло тиражом 200 000. Автор готовил его сам, понимая, чего точно не пропустит цензура и что, напротив, она бы разрешала, не глядя, но чего он не желал переиздавать, считая неудачным (как, скажем, продолжение «Бури»). В итоге это собрание (для того времени) оказалось вполне приличным. В него даже включили (без главы о Ленине!), не печатавшийся в СССР 35 лет знаменитый роман «Хулио Хуренито»!

⁶ При наших встречах я десять лет расспрашивал ее о прошлом, привозя ей отпечатанные тексты записей, а ряд материалов из архива О. Г. при ней да и потом напечатал.

⁷ С М. Л. Полонским (1916–1995) меня познакомил трагически погибший алма-атинский литературовед Е. И. Ландау (1916–1971), много занимавшийся творчеством Эренбурга. С М. Л. Полонским мы подготовили несколько публикаций стихов и воспоминаний его матери; в 2008 г. мне удалось выпустить большой том ее воспоминаний, а в 2010-м – том ее лучших стихов и переводов в Новой Библиотеке поэта.

⁸ Это дочь приемной дочери И. И. Эренбург Фани (у И. И. Эренбург и Б. М. Лапина, погибшего в начале войны, своих детей не было; и маленькую Иришу она тоже вырастила и считала своей внучкой).

В 1990–1991 г. первые 4 тома Собрания сочинений Эренбурга вышли тиражом 100 000 экземпляров.

С политической цензурой тогда уже было совсем неплохо, а вот с экономикой и книгоизданием становилось совсем худо: 5-й и 6-й тома напечатали только в 1996-м тиражом всего 10 000. А деньги на пять тысяч 7-го и 8-го томов наскребли только в 2000-м. Ирина Ильинична их не дождалась... Государственное книгоиздание тоже умирало...

Занимаясь и дальше Эренбургом, мне, разумеется, пришлось много работать в различных архивах (что стало доступнее всего в 1990-е гг.). Знакомство с массой неизвестных прежде документов, писем, рукописей Эренбурга и т. д. никак не разочаровало меня в его писательской и человеческой фигуре, но, конечно, позволило глубже и точнее ее понять...

Печатаемые здесь инскрипты на книгах красноречивы уже сами по себе, так что моя роль их предпоследнего владельца и публикатора ограничивается сообщением лишь самых необходимых справок и ссылок.

Важным документом об уцелевшей и значительно пополнявшейся после войны части библиотеки Эренбурга является им лично отпечатанный на 12 нумерованных листах плотной бумаги перечень ее русских книг. Он был отпечатан на рубеже 1947 и 1948 гг. Эта рукопись, несомненно, примечательный документ и, думаю, в известном смысле, бесстрашный для того времени. Напомню, что после 20 лет жизни за границей (с непродолжительными наездами домой) Эренбург вернулся в Москву в конце июля 1940 г. Вернулся из оккупированного гитлеровцами Парижа, где последние месяцы для безопасности его с женой переселили в советское представительство (вслед за правительством Франции советское полпредство переехало в неоккупированную зону в Виши), а в его парижском здании расположилось советское консульство. Перед своим переселением Эренбург уничтожил свой архив: переписку, часть рукописей и т. д. Тем не менее, когда консулу (и одновременно резиденту ГБ) удалось организовать отъезд Эренбурга из Парижа в Москву, писатель не побоялся взять с собой особенно дорогую ему книгу прозы Бабеля с его автографом... После войны, поняв, что ему предстоит жить в Москве, а не в Париже, Эренбург стал тщательно пополнять (с помощью букинистов) русскую часть своей библиотеки – преимущественно прижизненными изданиями русских классиков: от Державина, Жуковского и Пушкина до Л. Толстого, Чехова и Анненского. Особенно впечатляет состав авторов XX в. В нем, например, значатся расстрелянный еще в 1921 г. Гумилев, арестованные и сразу запрещенные Бабель, Мандельштам, Б. Лившиц, ошельмованные и запрещенные в 1946 г. Ахматова и Зощенко, запрещенные в СССР эмигранты Замятин, Ходасевич, Ремизов, Адамович, вернувшаяся перед войной и покончившая с собой Цветаева, не говоря уже о длинном перечне сплошь запрещенных «декадентов»: А. Белый, Кузмин, Бальмонт, Сологуб, Вяч. Иванов, Северянин, Розанов, Клюев... Возможно, некоторые свои книги Эренбург привозил после войны, забирая их у друзей, которым оставил (скажем, стихи Д. Кнута или В. Парнаха). В список были включены не только типографские издания, но и отмеченные знаком (р) машинописные книги Ахматовой, Цветаевой,

Мандельштама, Кауфмана (Д. Самойлов). Наличие на книгах инскриптов Эренбург помечал: иногда машинописным знаком +, иногда – жирной точкой синего карандаша.

Впоследствии этот список Эренбург пополнял лично, вписывая от руки названия новых изданий и, главным образом, того, что приобретал у антикваров. После смерти Эренбурга его списком пользовалась Л. М. Эренбург (на нем есть ее записи, отметившие и автограф на книге Бабеля, и книгу Ахматовой 1958 г. с ее надписью, и том Анненского, вышедший в 1959-м). После ее смерти (1970) в этот список вносила многочисленные дополнения уже его дочь И. И. Эренбург, в квартиру которой переехала отобранная ею часть библиотеки отца (прочее было сдано в библиотеку РГАЛИ и в Библиотеку иностранной литературы).

Благодарю М. Д. Яснова за перевод инскрипта А. Гофмейстера и В. Е. Багно за перевод стихотворного инскрипта О. Г. Савича.

О структуре публикации

В эту, первую, публикацию инскриптов из собрания И. Г. Эренбурга и его окружения входят книги, поступившие в Рукописный отдел в 2017 г.

Приведу список сокращений в комментариях:

гл. – глава

кн. – книга

восп. – воспоминания

стх. – стихотворение

Э. – И. Г. Эренбург.

Л. – Ленинград

М. – Москва

БС – *Борис Слуцкий*. О других и о себе. М.: Вагриус, 2005.

ВЛ – «Вопросы литературы».

ВЭ – Венок Илье Эренбургу. Стихи (1910–1999-е). СПб.: Бельведер, 2007.

Восп. 75 – Воспоминания об Илье Эренбурге. М.: Сов. писатель, 1975.

Д. – сборники «Диаспора. Новые материалы». Париж; СПб.

Курсив – *Н. Берберова*. Курсив мой. Автобиография. М.: Согласие, 1999.

ЛГЖ – *Илья Эренбург*. Люди, годы, жизнь: в 3 т. М.: Текст, 2005.

П1 – *Илья Эренбург*. Дай оглянуться... Письма 1908–1931. М.: Аграф, 2004.

П2 – *Илья Эренбург*. На цоколе истории... Письма 1931–1967. М.: Аграф, 2004.

П3 – *Почта Ильи Эренбурга*. Я слышу все... 1916–1967. М.: Аграф, 2006.

СС8 – *Илья Эренбург*. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Худ. литература, 1990–2000.

Ф1 – *Борис Фрезинский*. Судьбы Серапионов. (Портреты и Сюжеты). СПб.: Академический проект, 2003.

Ф2 – *Борис Фрезинский*. Об Илье Эренбурге. Книги, люди, страны. М.: НЛО, 2013.

Ф3 – *Борис Фрезинский*. Наш жестокий XX век. М.: Аграф, 2016.

ЧК – Черная книга о злодейском повсеместном убийстве евреев немецко-фашистскими захватчиками во временно оккупированных районах Советского Союза и в гитлеровских лагерях уничтожения на территории Польши во время войны 1941–1945 гг. М.: Corpus, 2015.

<Сб. документов, сост. под руководством И. Эренбурга и В. Гроссмана при жизни авторов не был опубликован>.

Книги на русском языке с автографами⁹

Алексеев М. П.

Из истории английской литературы: Этюды. Очерки. Исследования. М.; Л.: Гослитиздат, 1960. 497 с.

Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу с самыми искренними пожеланиями к торжеству семидесятилетия от автора».

<Э. познакомился с будущим академиком М. П. Алексеевым (1896–1981) в Киеве в 1919 г.: в открытой Э. поэтической студии М. П. читал лекции по истории русской литературы (см.: Минувшее. СПб., 1997. № 22. С. 286, 287) – Б. Ф.>.

Алигер М. И.

Стихи и поэмы 1935–1940. М.: ГИХЛ, 1944. 176 с.

Автограф: «Дорогому другу евреев от одного русского поэта. Можно мне так называться? М. Алигер 22/X. 44 г.».

<Э. познакомился с М. И. Алигер (1915–1992) в начале войны, когда «она походила на маленькую птичку, и голос у нее был тонкий, но я в ней почувствовал большую внутреннюю силу» и, продолжая рассказ: «А с Маргаритой Иосифовной я подружился. Помню обед на правительственной даче в 1957 году, когда ее незаслуженно поносили, ее голос был еле слышен, как голос маленькой пичуги среди урагана, но она стойко отвечала. Бог ты мой, насколько это важнее, чем все славословия и даже чем поэтические вечера в Лужниках...» (ЛГЖ. Т. 2. С. 314). Восп. Алигер об Э. «Нас сдружила поэзия» см. в ее кн. «Тропинка во ржи» (М., 1980). – Б. Ф.>.

Алпатов А. В.

Алексей Толстой – мастер исторического романа. М.: Сов. писатель, 1958. 360 с.

Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу от автора. 16 окт. 1958 г.».

Андреев Вадим

Свинцовый час. Берлин: 4+1, 1924. 48 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу моя первая книжка, которую я лет через что-нибудь десять б.м. предам ауто д'афе. <так!> В. Андреев. 13.XII.24».

<Андреев В. Л. (1903–1976) поэт, мемуарист, сын Л. Н. Андреева; жил и работал в эмиграции. – Б. Ф.>.

⁹ Подготовка текста, проверка библиографии и автографов de visu – Н. Н. Колесова и Н. Н. Лаврова.

Детство. М.; Сов. писатель, 1966. 275 с.

Автограф: «Любовь Михайловне Эренбург с глубоким уважением и самым дружеским чувством. Вадим Андреев. Москва, 26 сентября 1968 г.».

В книгу вложена газетная вырезка из «Литературной газеты» от 09.06.1976 со статьей «Памяти Вадима Андреева» за подписью «группа товарищей».

Андроников И. Л.

Загадка Н. Ф. И. М.: Правда, 1948. 64 с. (Б-ка «Огонек»).

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу от слушателя курса его лекций по эстетике, читанных в “пензенском колледже” 12–17 июня 1948 года. Благодарный Иракий Андроников. 1948, VI».

<Имя писателя И. Л. Андроникова (1908–1990) не упоминается в ЛГЖ. – Б. Ф.>.

Лермонтов: Новые разыскания. М.: Сов. писатель, 1948. 168 с.

Автограф: «Любови Михайловне и Илье Григорьевичу Эренбург от любящего их Андроникова Иракия 1948, 8 октября».

Аникст А. А.

Творчество Шекспира. М.: Худ. литература, 1963. 616 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу, замечательному писателю, чьи произведения лучше всего отразили все, чем жило мое поколение – поколение современников самой великой революции нового времени. С любовью к художнику и мыслителю Эренбургу. А. Аникст».

<Аникст А. А. (1910–1988), литературовед. – Б. Ф.>.

Анисимова А. П.

Фрося: Роман в стихах. Пенза: Кн. изд-во, 1954. 106 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с уважением и любовью А. П. Анисимова. 10 марта 1955».

<Анисимова А. П. (1891–1969) – детская писательница, Э. познакомился с ней в 1948 г., когда вместе с В. Г. Лидиным ездил в Пензенскую область: «Мы побывали в Пойме у писательницы А. П. Анисимовой, влюбленной в народное творчество. Она нас повезла в Небезжино, где сохранились мастерицы русской вышивки. Мы увидели бедные покосившиеся избенки; школа казалась полуразвалившейся; все выглядело печально» (ЛГЖ. Т. 3. С. 106). – Б. Ф.>.

В книгу вложен лист с машинописной копией письма Э. к А. Анисимовой.

Анненков Ю. Л.

Правда путешествует без виз: Повесть. М.: Детгиз, 1954. 144 с.

Автограф: «Наконец сбылась моя давняя мечта – подарить эту книгу Илье Григорьевичу Эренбургу. С огромным уважением к Таланту и Человеку. От автора. Анненков Юлий Лазаревич. 6 сент. 58».

<Анненков Ю. Л. (1919–2008) – автор романизированных биографий. – Б. Ф.>.

Антокольский П. Г.

Третья книга. М.: Изд. Моск. цеха поэтов, 1927. 47 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с уважением и любовью. П. А. Paris. 28 г.».

<С поэтом и переводчиком П. Г. Антокольским (1896–1978) Э. связывали неизменно доброжелательные взаимоотношения, в конце войны Э. привлек его к работе над ЧК; имя Антокольского не раз встречается в ЛГЖ. – Б. Ф.>.

Асеев Н. Н.

Бомба: Стихи. Владивосток: Восточная трибуна, 1921. 64 с.

Автограф: «Верьте только рифмам. Любящий Вас Н. Асеев».

<Приглашая Маяковского 3.06.1922 присылать материалы для журн. «Вещь», Э. написал ему: «Передайте то же Асееву» и добавил: «Попросите Асеева переслать “Стального Соловья” – также нет!» (ПЗ. № 132). В ту пору левовцы были в восторге от конструктивистской книги Эренбурга «А все-таки она вертится». 30.10.1922 Э. писал Шкапской, что Асеев «пишет очень хорошие стихи» (П 1. № 173). Впоследствии отношение Э. к позднему Маяковскому и к его кругу изменилось. Б. Слуцкий вспоминал, что в списках любимых поэтов, который они с Э. часто составляли, имя Асеева у Э. никогда не появлялось; см.: БС. С. 202. – Б. Ф.>.

Громы о мрамор: Стихи 1924–25 года [Харьков]: Пролетарий, 1926. 102 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с искренним интересом к нему и его эпохе. Совместимый с ним Ник. Асеев 1926.25.VI. Москва».

Бабель И. Э.

Рассказы. [М.]: Гослитиздат, 1934. 282 с.

Автограф: «Эренбургам ИБ. 3.VII.35».

<С И. Э. Бабелем (1894–1940) Э. познакомился в Москве в 1926 г. и, как сказано в ЛГЖ, он «стал моим самым близким и верным другом» (Т. 1. С. 510). Об истории их дружбы см. гл. «Бабель, Эренбург и другие» в ФЗ. – Б. Ф.>.

Бакланов Г. Я.

Пядь земли: Повесть. М.: Сов. писатель, 1960. 256 с.

Автограф: «Дорогой Илья Григорьевич! На фронте все мы читали Вас и ждали, что завтра скажет Эренбург. Ваши статьи мы читали вслух, как делятся вслух своими мыслями. Мне очень радостно подарить Вам сейчас эту книгу о войне. С глубоким уважением, Бакланов. 9 апреля 1960 г.».

<Г. Я. Бакланов (1923–2009) в 1964 г. вместе с Э. и Б. Полевым ездил в Словакию и рассказал об этом в очерке (см.: *Бакланов Г. Жизнь*, подаренная дважды. М., 1999. С. 92–106). – Б. Ф.>.

Три повести. М.: Гослитиздат, 1963. 382 с.

Автограф: «Дорогой Илья Григорьевич! Примите с искренней, самой нежнейшей любовью. Бакланов. 1 сентября 1964».

Июль 41. М.: Сов. писатель, 1965. 267 с.

Автограф: «Дорогой Илья Григорьевич! Я посылаю Вам эту книгу о войне, чтобы сказать Вам, что я глубоко уважаю Вас и нежно люблю. Ваш Бакланов. 15. II. – 66 г.».

Балабанович Е. З.

Чехов и Чайковский. М.: Гос. муз. изд-во, 1962. 32 с.

Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу от автора. 28.XII.62 г.».

Белый Андрей

Глоссалоллия. Берлин: Изд-во Эпоха, 1922. 162 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с любовью. Андрей Белый. Берлин 1922 года 19 октября».

<Название автором исправлено от руки на Глоссалалию. В библиотеке Э. сохранилась и книга Белого «Петербург» (первая часть, Берлин, 1922) с инскриптом: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с чувством постоянной связи. Андрей Белый 22 сентября 22 года, Берлин». Эффектный «Портрет» поэта А. Белого написан Э. в 1919 г. для книги «Портреты русских поэтов» (Берлин, 1922): «Белый выше и значительнее своих книг. Он – блуждающий дух, не нашедший своей плоти, поток вне берегов... Пророк, не способный высечь на скрижалях письма...».¹⁰ Э. познакомился и часто встречался с А. Белым в Берлине в 1922 г., в его прозе того времени ощутимо влияние прозы Белого, которому посвящена гл. 4 в кн. 3 ЛГЖ (в ней упоминается и «заумная» Глоссалалия). – *Б. Ф.*>

Берггольц О. Ф.

Ленинградская поэма. Л.: Гослитиздат, 1942. 54 с.

Автограф: «Дорогой Илья Григорьевич! Мне, как и другим ленинградцам, Ваши, сердцем написанные статьи и фельетоны помогали жить, работать, верить. Поэтому с особым чувством товарищеской благодарности дарю Вам эту свою небольшую книжку, написанную и изданную в заблокированном Ленинграде; все стихи и поэмы, включенные сюда, читались впервые по ленинградскому радио в дни, которыми они датированы... Желаю Вам много здоровья и сил для Вашей, дорогой нам, работы. С любовью и уважением Ольга Берггольц. 25/ I – 43/ Ленинград. Шестой день прорыва блокады».

<С О. Ф. Берггольц (1910–1975) Э. лично познакомился в конце войны и общался с ней чаще всего в Ленинграде (и у нее, и у Е. Шварца, и у Г. Козинцева). Об этих встречах он вспоминал в ЛГЖ. В самом начале кн. 5 ЛГЖ Э. назвал шесть авторов самых прекрасных книг о последней войне; среди них – Берггольц (ее кн. «Дневные звезды»). Берггольц с 70-летием Э. поздравила телеграммой: «Всею силой сердца праздную Вашу молодость любимейшего поэта и гражданина. Всегда Ваша Ольга Берггольц» (ПЗ). – *Б. Ф.*>

Говорит Ленинград: [Сб. радиовыступлений за 1941–1945 гг.]. Л.: Лениздат, 1946. 186 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу, чьим голосом говорил Ленинград со всем миром. Ольга Берггольц».

Стихи. Проза. М.; Л.: ЛО Гослитиздат, 1961. 550 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу, любимому Поэту и человеку – Ольга Берггольц. 7.VI – 61 Москва».

Блок А. А.

О символизме. СПб.: Алконост, 1921. 31 с.

Автограф: «И. Г. Эренбургу. Москва, ноябрь 1921 г.».

¹⁰ Полностью см.: *Эренбург Илья*. Запомни и живи. М., 2008. С. 496–498.

Бо Цзюй-и

Четверостишия / пер. с китайского, вступ. ст. и коммент. Л. Эйдлина. М.: ГИХЛ, 1951. 239 с.

Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу с любовью от одного из великого множества благодарных его читателей. Л. Эйдлин. 9/III – 52 г.».

Бондарев Ю. В.

Последние залпы: Повесть. М.: Гослитиздат, 1959. 68 с. (Роман-газета. № 17).

«Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с глубочайшим уважением от любящего Ваши книги Ю. Бондарева. 23 февр. 60 г.».

Британишский В. Л.

Поиски: Стихи. Л.: Сов. писатель, 1958. 60 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу, в лице которого единственно и существует для нас мировая культура, с восхищением и грустью. 30.9.60 Британишский».

<В. Л. Британишский (1933–2015) – поэт-переводчик. – Б. Ф.>.

Винокуров Е. М.

Избранная лирика. М.: Мол. гвардия, 1965. 32 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу – мое микро-избранное с вечной признательностью. Евг. Винокуров. 15.IV.65».

Лицо человеческое: Стихи. М.: Сов. писатель, 1960. 231 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу сердечно, с глубокой и искренней благодарностью за доброе слово, сказанное мне много лет назад, и за Вашу рыцарскую и подвижническую преданность Искусству – очень многим обязанный Вам Евг. Винокуров. 24.1.61».

Остается в силе : О классике и современности. М.: Сов. писатель, 1979. 335 с.

Автограф: «Дорогой Ирине Ильиничне Эренбург – в светлую память Ильи Григорьевича, моего учителя, сердечно. Евг. Винокуров. 25 V 80».

Синева: Стихи. М.: Сов. писатель, 1956. 72 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу. Спасибо Вам за то доброе слово о моих стихах, которое Вы когда-то сказали. Оно мне помогло. Оно поддерживало меня в трудные для поэзии времена, оно мне было компасом. Евг. Винокуров. 15.10.56».

<В 1948 г. Э. написал о стихах Е. М. Винокурова (1925–1993) в журн. «Смена» («Он тогда еще был зеленым юнцом, но в его скромных стихах проступали хорошие, умные строки». – ЛГЖ. Т. 3. С. 223). Винокуров это всегда помнил (см.: *Винокуров Е.* Жизнь, творчество, архив. М., 2000. С. 269–275). – Б. Ф.>.

Вишневский Вс. В.

Мы из Кронштадта. М.; Л.: Искусство, 1936. 184 с.

Автограф: «И. Эренбургу с приветом в день его 50-летия Вс. Вишневский. 27/1 1941. Москва».

<С редактором «Знамени» В. В. Вишневым (1900–1951) Э. познакомился в Испании летом 1937 г.; в 1939 и 1940 гг. Вишневы печатали испанские стихи Э., а в 1941 г. начал печатать роман «Падение Парижа». – Б. Ф.>

Возненко В. В., Уткин Г. М.

Освобождение Киева (Осень 1943). М.: Воениздат, 1953. 176 с.

Автограф: «Нашему другу, Борцу за мир во всем мире Илье Григорьевичу Эренбургу! С Новым годом! С новым счастьем для всех людей труда – Мира. Миру–Мир.<так!> От друзей киевлян. Рак Михаил и Анна. г. Киев 13VII 53 г.».

Вознесенский А. А.

Антимиры (Избранная лирика). М.: Мол. гвардия, 1964. 222 с.

Автограф: «Любимому Илье Григорьевичу Эренбургу – Первый экземпляр этой книги – с волнением 11 августа 64 г. Андрей Вознесенский».

<А. А. Вознесенский (1933–2010), поэт. Э. живо интересовался поэзией молодых, не очень-то принимая стадионную шумиху и зарубежное эхо вокруг них: «Когда показались молоденькие поэты Евтушенко и Вознесенский, их ждал на Западе подлинный триумф» (ЛГЖ. Т. 3. С. 381). – Б. Ф.>

Ахиллесово сердце: Стихи. М.: Худож. лит., 1966. 279 с.

Автограф: «Москва 1 янв. – 67 г. С Новым годом, милые Любовь Михайловна и Илья Григорьевич – с вечной любовью к вам. Андрей Вознесенский».

Мозаика: Стихи и поэмы. Владимир: Кн. изд-во, 1960. 72 с.

Автограф: «С любовью, с любовью – Илье Григорьевичу Эренбургу – его поэзии, его ежедневному подвигу. Андрей Вознесенский. 26.I.61».

Парабола: Стихи. М.: Сов. писатель, 1960. 90 с.

Автограф: «Дорогой Илья Григорьевич, спасибо, что Вы – есть, спасибо за высоту Вашего искусства. Андрей Вознесенский. 11/I.-61».

40 лирических отступлений из поэмы «Треугольная груша». М.: Сов. писатель, 1962. 109 с.

Автограф: «Я люблю Вас, Илья Григорьевич – спасибо Вам за Вас Андрей Вознесенский. Москва XX век».

То же

Автограф: «Можно я назову Вас Люба <Л. М. Эренбург. – Б. Ф.> как в мемуарах?! С любовью Андрей Вознесенский. Москва XX век».

Войнович В. Н.

Повести. М.: Сов. писатель, 1972. 255 с.

Автограф: «Ирине Ильиничне Эренбург – на добрую память с пожеланиями большого счастья и мелких удач. В. Войнович. 24/XI-72 г.».

Шапка. Лондон: ОРИ, 1988. 128 с.

Автограф: «Дорогой Ирине Ильиничне от сшившего эту шапку, с любовью. Володя. 26.I.1989. гор. Мухин».

Воспоминания о Ю.Тынянове: Портреты и встречи / сост. В. А. Каверин. М.: Сов. писатель, 1983. 311 с.

Автограф: «Милой, дорогой Ириночке, самому любимому из моих друзей с сердечными пожеланиями счастья и счастья. В. Каверин. 14/III 86».

Герасимова В. А.

Жалость: Повесть. Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 162 с.

Автограф: «Дорогому товарищу Эренбургу, – с творческим уважением Валерия Герасимова. 1934 г. 4 июня».

<Герасимова В. А. (1903–1970) – первая жена А. А. Фадеева; вспоминая годы своей молодости, она писала о том, что «пролетарским» писателям Э. был чужд и не совсем понятен, казался каким-то заграничным человеком (см.: ВЛ. 1989. № 6). – Б. Ф.>.

Герцфельде Виланд

Барвинок: Удивительные встречи и наблюдения жизнерадостного сироты / пер. с нем. К. Богатырева. М.: Мол. гвардия, 1965. 272 с.

Автограф: «Luba Ehrenburg in herzlicher Verehrung Wieland Herzfelde Moskau, den 14.XII.1967» (Любе Эренбург с сердечным почтением Виланд Герцфельде. Москва, 14 XII 1967).

<С 1920-х гг. многие книги Э. выходили по-немецки в издательстве «Малик». Его главой был писатель В. Герцфельде (Херцфельде; 1896–1988), а главным художником его брат Дж. Хартфильд, оформлявший и книги Э. – Б. Ф.>

Гладилин А. Т.

Вечная командировка: Повесть. М.: Сов. писатель, 1962. 147 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу. К сожалению, это тоже старая книга. Она написана два года тому назад. Но может быть, она вас заинтересует, как попытка автора при помощи разных дымовых завес и маск. халатов написать честно об актуальных проблемах сегодняшнего дня. Ваш старый почитатель. Анатолий».

<Гладилин Анатолий Тихонович (1935–2018), писатель, приезжал к Э. на дачу поговорить. См.: Октябрь. 2007. № 6. С. 77>.

Гофмейстер А.

Кто не верит – пусть проверит / пер. с чеш. Е. Аникст и Р. Разумова. М.: Детгиз, 1959. 200 с.

Автограф: «À mon très cher ami Ilya Erenbourg avec tout mon amitié. A très humblement Adolf Hoffmeister. Moscou, le 19 juin 1959». (Моему самому дорогому другу Илье Эренбургу со всей моей дружбой. Очень смиренно. Адольф Гофмейстер. Москва, 19 июня 1959).

<Имя старого друга Э. чешского графика и писателя А. Гофмейстера (1902–1973) встречается во всех чешских главах ЛГЖ. Гофмейстер – автор очень многих изображений Э. и блистательных иллюстраций к «Хулио Хуренито» (1966). – Б. Ф.>.

Гроссман В. С.

Народ бессмертен: Повесть. М.: Гослитиздат, 1943. 192 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с любовью Вас. Гроссман. 25III43 г.».

<Лично с В. С. Гроссманом (1905–1964) Э. познакомился и подружился в первые месяцы войны. Они оба были военкорами. Гроссману посвящена 20 гл. в 5-й кн. ЛГЖ: «В послевоенные годы до смерти Сталина он часто приходил ко мне, а потом вдруг исчез... Очевидно, нас связывали война и горькие послевоенные годы. А потом все оборвалось, и вдруг проступили два человека, непохожие друг на друга, каждый со своей судьбой» (Т. 2. С. 425). В пору пол-

ного остракизма Гроссмана после ареста его великого романа Э. пришел на его похороны и произнес сильную речь, о которой вспоминали многие. – *Б. Ф.*>

Народ бессмертен: Повесть. Ростов н/Д: обл. кн. изд-во, 1945. 192 с.

Автограф: «Дорогой Ирине Ильиничне Эренбург на память В. Гроссман».

Сталинград: сент. 1942 – янв. 1943 [очерки]. М.: Сов. писатель, 1943. 150 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу 4 августа 1943 г. Вас. Гроссман».

Груздев И. А.

Родная земля: [сб. ст.] Л.: Лениздат, 1944. 142 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу не для чтения, а – так – от чистого сердца. Ильи Груздев».

<С лит. критиком и литературоведом, серапионовым братом И. А. Груздевым (1892–1960) Э. был знаком еще с 1920-х гг. – *Б. Ф.*>

Грузинов И. В.

Роды: Поэма. М.: Имажинист, 1926. 1921? 6 с.

Автограф: «Иван Грузинов Лапину 1921 г. 10 сент.».

<Грузинов И. В. (1893–1942) – поэт-имажинист, друг Есенина. – *Б. Ф.*>

Гудзенко С. П.

Сталинградская тетрадь. Стихи. Сталинград: Комсомольская правда, 1943. 24 с.

Автограф: «Уваж. И. Г. Эренбургу – от всей души. С. Гудзенко. 21/Х43. Сталинград».

<Приехав в Москву с фронта весной 1942 г., С. П. Гудзенко (1922–1953) зашел к Э. в гостиницу «Москва» прочесть свои стихи. Об этом Э. рассказал в гл. 7 кн. 5 ЛГЖ: «Потом мне говорили “Вы открыли поэта”. Нет, в это утро Семен Гудзенко мне отрыл многое из того, что я смутно чувствовал. А ему было всего двадцать лет...» (ЛГЖ. Т. 2. С. 330). М. Алигер вспоминала: «Это он, Илья Эренбург, привел в нашу поэзию по-киевски гакающего солдата с густыми, почти сросшимися бровями юношу Семена Гудзенко. Помню первый творческий вечер Семена Гудзенко и Эренбурга, выступающего с добрыми и горячими словами» (Алигер «Тропинка во ржи». С. 187). – *Б. Ф.*>

Однополчане: Стихи. М.: Сов. писатель, 1944. 48 с.

Автограф: «Уваж. И. Г. Эренбургу дорогому учителю. С. Гудзенко. 18П44 г.».

Битва. М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1948. 127 с.

Автограф: «Дорогому И. Г. Эренбургу с вечной любовью Семен Гудзенко. 14.IX.48 г.».

Гура В. В.

Русские писатели в Вологодской области:[Очерки]. Вологда: Волог. обл. изд-во, 1951. 208 с.

Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу с искренним уважением от автора. В. Гура. 23.03.52. г. Вологда».

<Гура В. В. (1925–1991) – вологодский краевед. – *Б. Ф.*>

Домбровский Ю. О.

Смуглая леди: Повесть, роман и три новеллы о Шекспире. М.: Сов. писатель, 1969. 654 с.

Автограф: «Ирине Ильинишне с истинной любовью. Я люблю Вас и Вашего отца дорога[я] Ирина Ильинишна. Домбровский».

<Домбровский Юрий Осипович (1909–1978) – прозаик, поэт, лит. критик; репрессирован в 1933, 1936, 1939, 1949 гг.; умер после избиения в 1978 г.>

Евтушенко Е. А.

Нежность: Новые стихи. М.: Сов. писатель, 1962. 190 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу. У Вас даже под Вашей внешней жесткостью или даже под желчностью я всегда вижу мучительную горькую нежность. Это – чорт возьми! – лучше, чем жесткость или желчность, скрываемые под внешней нежностью. Спасибо Вам за Вашу страдальческую невыразимо трудную нежность. Евг. Евтушенко».

Шоссе энтузиастов. М.: Моск. рабочий, 1956. 127 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу – с любовью к его стихам. Евг. Евт.».

<Имя Е. А. Евтушенко (1933–2017) содержательно упоминается Э. в 6-й и 7-й кн. ЛГЖ; БС вспоминал: «Сам Евтушенко рассказывал мне, что, видя его, Эренбург начинал улыбаться еще издали, как будто ему показывали что-то очень смешное. В общем деятельность Евтушенко его интересовала, а поэтическая деятельность чаще всего раздражала». Евтушенко написал стих. об Э. «Крещатицкий парижанин» (Нов. изв. 21.01.2006) – Б. Ф.>

Яблоко: Новая кн. стихов. М.: Сов. писатель, 1960. 99 с.

Автограф: «Дорогой Любви Михайловне на долгую и добрую жизнь с благодарностью. Евг. Евтушенко».

Ермилов В. В.

А. П. Чехов. М.: Сов. писатель, 1959. 495 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу – с глубоким уважением – В. Ермилов. 18.III.1960. (В это издание я внес много нового (и целыми массивами, и по всему тексту и мне очень хотелось бы, чтобы Вы, Илья Григорьевич, нашли возможность прочесть всю эту книгу). – В. Е.)».

<Ермилов В. В. (1904–1965) – критик, поначалу ярый рапповец, затем парт. ортодокс; в начале 1963 г. по заказу ЦК КПСС открыл кампанию травли мемуаров Э. (Известия. 1963. 30 янв.), утверждая, что советские люди ничего не знали о сталинских преступлениях, а Э., мол, знал, да помалкивал. – Б. Ф.>

Живов М. С.

Юлиан Тувим: Очерк жизни и творчества. М.: Детгиз, 1960. 136 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с чувством глубокого уважения и сердечной признательности автор. Москва, 1960».

<М. С. Живов (1893–1962) – литературовед; Э. в 1959 г. написал предисловие «Поэт и человек» к его книге «Юлиан Тувим», изданной без этого предисловия. – Б. Ф.>

Жирмунский В. М.

Драма Александра Блока «Роза и крест». Лит. источники. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1964. 105 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу в знак глубокого уважения и признательности. В. Ж. Ленинград, 9 IX. 64».

<Жирмунский Виктор Максимович (1891–1971) – филолог, чл.-кор. АН СССР и АН ГДР. – Б. Ф.>.

Журавлев Д. Н.

Беседы об искусстве чтеца. М.: Сов. Россия, 1977. 95 с. (Искусство звучащего слова. Вып. 18).

Автограф: «Я люблю Ваше тонкое имя – Ирэна! Как бы я был счастлив если бы захотели побеседовать со мной! У меня была бы прелестнейшая из собеседниц! Любящий, преданный Д. Журавлев. Он же Митька из Алексеевки. 24/VII.78».

<Журавлев Дмитрий Николаевич (1900–1991), артист эстрады, мастер художественного слова, профессор МХАТ, сосед по дачному поселку Э. – Б. Ф.>.

Заболоцкий Н. А.

Стихотворения. М.: Сов. писатель, 1948. 92 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу на добрую память от автора. Н. Заболоцкий. 6.IX.48. Москва».

<Имя Н. А. Заболоцкого (1903–1958) не раз встречается в ЛГЖ; его ранние обериутские стихи Э. ценил не так высоко, как поздние. БС, вспоминая многолетние составления с Эренбургом списков любимых русских поэтов, написал: «Николай Алексеевич Заболоцкий, долгие годы фигурировавший только на моих листках, перекочевал на эренбургские и уже навсегда остался там и в его сердце» (БС. С. 202). – Б. Ф.>.

Стихотворения. М.: Гослитиздат, 1957. 199 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с лучшими пожеланиями. Н. Заболоцкий. 1.VI.57».

Званцев Сергей

Дело Вальяно. Рассказы о чеховском Таганроге. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1959. 96 с.

Автограф: «Дорогой Илья Григорьевич! Прошу Вас – примите в дар от автора – Вашего сверстника эту книжку и прочтите ее. Никаких новых открытий о Чехове! От всей души желаю Вам здоровья. Ваш С. Званцев. Ростов 26/VI 60».

<Званцев С. – псевдоним ростовского краеведа А. И. Шамковича (1893–1973). – Б. Ф.>.

Зданевич К. М.

Нико Пиросмани. Тбилиси: Лит. и иск-во, 1963. 139 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу в знак старых и новых дружеских встреч подносит автор худ. Кирилл Зданевич. 19 10 64 г.».

<Зданевич Кирилл Михайлович (1892–1969), художник, брат Ильи Зданевича, участник группы «41°», «Ослиный хвост», «Мишень»; арестован в 1949 г., освобожден и реабилитирован в 1957 г.>.

Зелинский К. Л.

Критические письма. М.: Федерация, 1932. 166 с.

Автограф: «Милому другу и отличному писателю Боре Лапину с некритической любовью. Автор. 26/VII/32».

Поэзия как смысл: Книги о конструктивизме. М.: Федерация, 1929. 316 с.
Автограф: «Борису Лапину с неизменной любовью “от автора” 10/VI 31».
<Зелинский Корнелий Люцианович (1896–1970), литературовед, один из организаторов группы конструктивистов>.

Зенкевич М. А.

Четырнадцать стихотворений. Пг.: Гиперборей, 1918. 28 с.

Автограф: «Поэту И. Эренбургу дружески Мих. Зенкевич. 1922 31/VI».

<Зенкевич Михаил Александрович (1886–1973), поэт, переводчик, участник «Цеха поэтов»>.

<В 1914 г. Э. письмом из Парижа предложил М. Зенкевичу принять участие в поэтич. журн. «Вечера», в № 2 которого напечатал три его стиха. В 1922 г. Зенкевич обратился к Э. с просьбой напечатать в Берлине свои стихи. – Б. Ф.>.

Пашня танков. Саратов: тип. Проф.-техн. курсов Губполиграфотд., 1921. 29 с.

«Поэту И. Эренбургу дружески Мих. Зенкевич. 1922 31/VI».

Зошенко М. М.

Собр. соч. Т. VI. Письма к читателю. Комедия. Л.; М.: Гос. изд-во худож. лит., 1931. 248 с.

Автограф: «Из всех моих книг – эта наиболее интересная. Дорогому И. Г. Эренбургу с любовью и почитанием. Мих. Зошенко 32 г. Ленингр.».

<О М. М. Зошенко (1895–1958) Э. написал в ЛГЖ: «С М. М. Зошенко я встречался очень редко; как-то так вышло, что мы мало знали друг друга, однако я всегда считал его одним из лучших наших писателей» (Т. 3. С. 42). – Б. Ф.>.

Иванов Вс.

Партизаны: повесть. Пг: Космист, 1921. 94 с.

Автограф: «Елизавете Полонской на добрую память. Всев. Иванов. 17.8.22».
Седьмой берег. М.; Пг.: Круг, 1922. 229 с.

Автограф: «Кто же лучше поэта придумает надпись? Цитирую:– Скажу тебе 4 слова: – Живи. Цвети. – И будь здорова!!!! Е. Полонской – Автор. 4-ХП-1922. ПБГ.».

Из европейских поэтов XVI–XIX в.в. / пер. В. Левика М.: ГИХЛ, 1956. 455 с.

Автограф: «Дорогим Илье Григорьевичу и Любви Михайловне Эренбургам с чувством самым сердечным В. Левик. 3/VIII 1956».

<В. В. Левик (1907–1982) – поэт-переводчик. – Б. Ф.>.

Из современных французских поэтов / сост. и пер. М. Кудинов. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 125 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу с чувством самого глубокого уважения. М. Кудинов. Январь 1965 г.».

<Кудинов Михаил Павлович (1922–1994), поэт-переводчик, репрессирован в 1948 г., участвовал в восстании заключенных в Джезказлаге. – Б. Ф.>.

Ильф И. А., Петров Е. П.

Одноэтажная Америка: [Путевые очерки]. М.: Сов. писатель, 1937. 374 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу любящий его Евгений Петров».

Инбер В. М.

Бренные слова: Третья кн. стихов. Одесса: [Изд. автора], 1922. 68 с.
Без автографа.

«О В. М. Инбер (1890–1972) Э. вспоминал: «С нею я познакомился еще в Париже; она должна была уехать в горный санаторий в Швейцарии и попросила меня присмотреть за изданием ее первой книги “Печальное вино”. Иллюстрации к книге сделал мой приятель, скульптор Цадкин» (ЛГЖ. Т. 1. С. 287). Это было в 1911 г. Инбер о той заботе Эренбурга помнила: «В Давос приходили его письма. Он писал мне о том, что мое “Печальное вино” он запивал с русскими рабочими типографии веселым французским вином, чтобы те быстрее набирали мои стихи. Надо сказать, что редкий издатель относился с такой заботой к начинающему поэту, как Эренбург ко мне» (Инбер В. Страницы дней перебирая. М., 1977. С. 377). См. также об их стихах друг другу в ВЭ. С. 146–147. – Б. Ф.>.

Горькая услада. Вторая книга стихов. Пг.; М.: М. О. Вольф, 1917. 63 с.

Автограф: «“Наши столь несхожие сердца Бьются упоительно-согласно”. Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу Вера Инбер. Москва 16 октября 1917».

Избранные произведения. [М.]: ГИХЛ, 1933. 540 с.

Автограф: «23/VIII 33 г. Борису Лапину бывшему конструктивисту и настоящему беломорстроевцу от Веры Инбер».

Место под солнцем: Лирическая хроника. Кн. пятая. Харьков: Изд-во Пролетарий, 1929. 175 с.

Автограф: «3/X 30г. Москва. Борису Матвеевичу Лапину от Веры Инбер. Мы с Вами заслужили работать вместе и вместе написать хорошую книгу».

О Ленинграде. Поэма и стихи Л.: Гослитиздат, 1943. 78 с.

Автограф: «Дорогим друзьям Эренбургам от Веры Инбер. День для Искусства все же настанет...17/III 44 г.».

Путевой дневник М.: Гослитиздат, 1939. 64 с.

Автограф: «7/XII 40 г. Москва. Илье Григорьевичу Эренбургу, моему крестному отцу в литературе и старому другу, с нежностью Вера Инбер».

Рассказы. М.: Огонек, 1925. 46 с. (Б-ка «Огонек» № 15).

Автограф: «19/XI 25 г. И. Г. Эренбургу от Веры Инбер»

Цель и путь: 4-я кн. стихов. 1922–1924. М.: Гос. изд-во, 1925. 46 с.

Автограф: «20/XI. 25 г. Москва. Илье Григорьевичу Эренбургу, человеку с английской трубкой и русским беспокойством в душе от Веры Инбер».

Исаков И. С.

Военно-Морской Флот СССР в Отечественной войне. М.; Л.: Военмориздат, 1944. 144 с.

Автограф: «Где бы Вы ни были на фронте или в “Москве”, дорогой Илье Эренбург, я всегда представляю Вас ЗНАМЕНОСЦЕМ Великой Отечественной войны, знаменосцем тех эпох, когда знамя шло впереди батальонов. Ваш Исаков. 5.8.44».

«С адмиралом флота СССР И. С. Исаковым (1894–1967) Э. познакомился в июне 1942 г. в номере гостиницы «Москва» у своего друга дипломата

К. А. Уманского; впоследствии Исаков занялся литературным трудом (его переписку с Э. см. в П2 и П3). – *Б. Ф.*>.

Рассказы о флоте. М.: Военмориздат, 1962. 247 с.

Автограф: «Дорогой Илья Григорьевич! Сдерживал себя долго, не хотел отвлекать от больших дел, так как слежу за публикациями Вашими и о Вас. Учитываю и тянущихся молодых, со своими рукописями. Не выдержал после июньского № Нового мира. Очевидно, большая горечь с годами настаивается, так как исход из Каталонии и парижские дни, несмотря на лаконизм – сильнее, чем в рассказах тех лет и романе. Кроме того, встали – Раскольников, Суриц, Павлов, Смушкевич и мн. других. Не поймите превратно. Читать не прошу. Разве, когда-нибудь “Голландца” или “Тетушку Пэло”. Просто хотелось напомнить о себе и той же горечи, хотя и в другом месте и в другое время. Будьте здоровы и благополучны. Ваш Исаков. 24.6.62. P. S. Будете издавать книгу – разрядите плотность текста. Очевидно, щадя журнал, крайне уплотнили. Конденсированное содержание – в конд. форме – трудно. Это просьба читателя... и друга».

Исбах А. А.

Лицом к огню: Лит. портреты. М.: Сов. писатель, 1958. 316 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу со старыми и неизменными дружескими чувствами. Ал. Исбах. 26/X II – 58 г.».

<Э. в ЛГЖ написал об А. А. Исбахе (1904–1977): «А. Исбах хлебнул горя – его обвинили в “космополитизме” и отправили в концлагерь, где его грозили убить бендеровцы, в свою очередь не жаловавшие “космополитов”; однако он вернулся живой и сохранил до сего времени энтузиазм бывшего комсомольца» (Т. 3. С. 410–411). – *Б. Ф.*>.

Мечта: Рассказы. М.: Моск. рабочий, 1947. 119 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с искренними дружескими чувствами. Ал. Исбах 9/IX. 47 г.».

Путешествие в юность: Рассказы. М.: Сов. Россия, 1958. 101 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с неизменными дружескими чувствами. 24/VI – 59. Ал. Исбах».

Искандер Фазиль

Сандро из Чегема: Рассказы, роман. М.: Сов. писатель, 1977. 479 с.

Автограф: «Ирине Ильиничне с неизменной дружеской симпатией. Фазиль. 3.6.77».

Каверин В. А.

Барон Брамбеус: История О. Сенковского, журналиста, ред. «Б-ки для чтения». М.: Наука, 1966. 239 с.

Автограф: «Дорогим друзьям Любови Михайловне и Илье Григорьевичу с любовью и любовью В. Каверин».

<С Серапионовым братом В. А. Кавериным (1902–1989) Э. познакомился в 1920-е гг., и вскоре они стали друзьями. Имя Каверина часто встречается в ЛГЖ. В 1973 г. Каверин написал воспоминания об Э. «Поиски жанра». – *Б. Ф.*>.

Конец хазы: Повести. Л.: Жизнь иск-ва, 1926. 189 с.

Автограф: «“Главное – система. Ни одного шага нельзя делать без системы” [«Большая игра»]. Дорогому товарищу Елизавете Григорьевне с любовью. Вена. 19 26/ХІІ 25».

Неизвестный друг: Повесть. М.: Сов. писатель, 1960. 248 с.

Автограф: «Старому дороговому другу Елизавете Григорьевне Полонской – с неизменной любовью от старого неизвестного друга и автора этой книги. В. Каверин. 10/VIII 1961».

Ночной сторож, или Семь занимательных историй, рассказанных в городе Немухине в тысяча девятьсот неизвестном году: Сказки. М.: Дет. лит., 1982. 224 с.

Автограф: «Дороговому, милому другу всей жизни Ириночке Эренбург для чтения в часы бессонницы эти сказки с неизменной любовью В. Каверин. 1/ V 1982».

Открытая книга. М.: Мол. гвардия, 1956. Ч. 1–3. 568, 264 с.

Автограф: «Дорогим Любви Михайловне и Илье Григорьевичу – сей роман, написанный между 1947 и 1957 годами – с неизменной любовью В. Каверин. 26/I 1957 г.».

Три сказки. М.: Детгиз, 1960. 144 с.

Автограф: «Илье Эренбургу – дружески. Hans Christian Andersen. 27/ I 1861 г.».

Черновик человека: Рассказы. Л.: Изд-во писателей в Л-де, 1931. 117 с.

Автограф: «Дороговому Борису Матвеевичу Лапину – с дружеским рукопожатием. В. Каверин. 25/ VIII 1931».

Казакевич Эм. Г.

Повести. М.: Гослитиздат, 1962. 336 с.

Автограф: «Любви Михайловне и Илье Григорьевичу Эренбургам от автора. Эм. Казакевич. 16.II.1962».

Синяя тетрадь: Повесть. М.: Гослитиздат, 1961. 147 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с любовью. Эм. Казакевич. 9.X.1961».

Карник А.

Тайна «Принцессы Кашмира» / пер. Б. Эпельфельда и Л. Морошкиной. М.: Мол. гвардия, 1958. 62 с.

Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу – от его бывшего фронтового корреспондента – с наилучшими пожеланиями. Борис Эпельфельд. 19 20/ХІІ 58. г. Москва».

Катанян В. А.

Маяковский. Литературная хроника. 2-е доп. изд. М.: Сов. писатель, 1948. 480 с.

«Илье Григорьевичу с приветом от автора. 24.7.49. P. S. См. стр. 94, 96, 201, 202».

<Имя биографа Маяковского В. А. Катаняна (1902–1980) не встречается в ЛГЖ. – Б. Ф.>.

Кирсанов С. И.

Четыре тетради. М.: Сов. писатель, 1940. 128 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с обещанием *Пятой тетради* – не вошедшей сюда, но зато не продающейся нигде. Семен Кирсанов. 27/1 41».

<Поэзию С. И. Кирсанова (1906–1972) Э., пожалуй, не ценил. Как отметил БС: «Выше всего в поэзии Эренбург ценит “содержание”, смысл и “что-то” неопределимое, верленовскую музыку, магию. У Кирсанова же музыка и магия были определяемыми» (БС. С. 205). – Б. Ф.>.

Киршон В. М.

Статьи и речи о драматургии, театре и кино. Пьесы В. М. Кирсона на сцене. Воспоминания о В. М. Киршоне. М.: Искусство, 1962. 295 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу. С чувством глубокого уважения и признательности за автора, которого, увы, нет. Рита Эммануиловна <Корнблом, вдова Кирсона. – Б. Ф.>. Москва 25 мая 1964 г.».

<Киршон Владимир Михайлович (1902–1938), писатель, публицист, драматург, один из секретарей РАПП, травил М. Булгакова. Расстрелян в 1938 г. – Б. Ф.>.

Китайская классическая поэзия (Эпоха Тан) / пер. с китайского; сост., вступ. ст. и общая ред. Н. Т. Федоренко. М.: ГИХЛ, 1956. 431 с.

Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу страницы, принадлежащие Л. Эйдлину. 20 августа 1956 г.».

Кнут Довид

Моих тысячелетий. Париж: Кн. изд-во Птицелов, 1925. 47 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с глубоким уважением. Дов. Кнут. Париж, 27 июня 1925».

<Кнут Д. М. (1900–1955) – поэт-эмигрант, в 1930-е гг. женился на дочери А. Скрябина, Ариадне; организовал в Париже «Палату поэтов», в которую входили Гингер, Поплавский, Парнах, Божнев и др.; Э. с ними общался. В годы войны – участник движения Сопротивления во Франции, бежал в Швейцарию, умер в Израиле. – Б. Ф.>.

Кодрянская Н. В.

Золотой дар / рис. Ю. Анненкова. Париж, [б. и.], 1964. 63 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу сердечно. Наталья Кодрянская 26 ноября 1964 г. Paris».

<В главе о Ремизове в ЛГЖ Эренбург говорит об этой книге Н. В. Кодрянской (1906–1983) и цитирует ее. – Б. Ф.>.

Копелев Л. З.

«Фауст» Гете. М.: ГИХЛ, 1962. 143 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с глубоким уважением и очень сердечно Лев Копелев. “Так и живи, так к цели и шагай, Не глядя вспять, спиною к привиденьям”. Фауст, II ч. 11 марта 1963 г.».

<Копелев Л. З. (1912–1998) – критик-германист. – Б. Ф.>.

Коржавин Н. М.

Годы: Стихи. М.: Сов. писатель, 1963. 114 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с благодарностью за многое, что он сделал в жизни вообще и лично для меня. Н. Мандель. 28.IX.63 г.».

<О первой встрече Э. с Н. М. Коржавиным (наст. фам. Мандель; р. 1925) см.: ЛГЖ. Т. 3. С. 223. Рассказ завершается оптимистично: «Недавно я получил от него первую книгу стихов». Из рассказа Коржавина о первой встрече с Э. в предвоенном Киеве см. в его кн. «В соблазнах кровавой эпохи»: «Меня потом с ним связывали пусть не очень близкие, но теплые отношения. Но они не были продолжением этой довоенной встречи – он о ней начисто забыл» (Нов. мир. 1992. № 8. С. 184–185). Когда в 1953 г. Мандель после ареста и ссылки вернулся в Москву и пытался восстановиться в Литинституте, откуда его исключили после ареста, Э. звонил преподавателю Литинститута Е. А. Долматовскому, пытаясь помочь молодому поэту, на что тот ответил отказом (см. ПЗ. № 236). – *Б. Ф.*>.

Крученых А. Е.

Новый Есенин. О первом томе «Собрания стихотворений». Продукция № 138 / портрет Есенина рисован В. Кулагиной. М.: изд. автора, 1926. 24 с.

Автограф: «Илье Эренбургу на шпильку. А. Крученых. 27.VI.26 г.».

<Крученых А. Е. (1886–1968) – литератор, близко связанный с ранними футуристами, собиратель раритетов и автографов; не упоминается в ЛГЖ. – *Б. Ф.*>.

Лавренев Б. А.

Люди простого сердца. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1943. 140 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с самыми лучшими чувствами и пожеланием скорой встречи в свободном чудесном Париже. Сердечно – Борис Лавренев. 25/VI – 43. Москва».

<О взаимоотношениях Б. А. Лавренева (1891–1959) и Э. мне известно лишь из ЛГЖ, где он упомянут в коротком перечне прозаиков «писателей моего поколения» (Т. 1. С. 387) и процитировано его предисловие к первой после реабилитации книге стихов П. Маркиша. – *Б. Ф.*>.

Сорок первый / со вступ. ст. П. Медведева, автобиографией и портретом автора. Харьков: Изд-во пролетарий, [1926]. 183 с.

Автограф: «Ал. Григорьевичу Мовшенсону с сердечными чувствами. Борис Лавренев. 4/IX-26 г.».

Ладинский Ант. П.

Когда пал Херсонес...: Роман. М.: Сов. писатель, 1959. 263 с.

Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу. С искренним уважением Ант. Ладинский. 17.IX.59. Париж–Москва».

<А. П. Ладинский (1896–1961) – участник Первой мировой и, как белый офицер, – Гражд. войны, эмигрант, поэт, автор ист. романов, с 1946 г. имел сов. паспорт, с 1955 г. жил в СССР, в 1959 г. после выхода его романа «Когда пал Херсонес» был принят в Союз писателей. Посылая этот роман Э., написал ему и о своем новом романе «Анна Ярославна – королева Франции». Э. ответил ему 30.11.1959 и в тот же день, уже как президент общества «СССР–Франция», написал в издательство «Сов. писатель», советуя роман издать. Сразу после смерти Ладинского по просьбе его вдовы Э. обратился к председателю Моссовета, прося его посодействовать сохранению архива Ладинского. – *Б. Ф.*>.

Анна Ярославна – королева Франции: Исторический роман. М.: Сов. писатель, 1961. 423 с.

Автограф: «Глубокоуважаемый Илья Григорьевич! Автор не раз говорил мне о своем желании встретиться с Вами и поговорить о своей работе по подготовке этого романа. Но, увы, не пришлось: 4-го июня Ладинского не стало. Выполняю предсмертную волю автора и посылаю Вам его роман об истоках франко-русских отношений. С уважением Полина Львовна Вайншенкер Москва. 29XII61 г. (друг писателя)».

<П. Л. Вайншенкер (1900–1988) – писательница, давняя знакомая Э. – Б. Ф.>.

Лацис В. Т.

Сын рыбака: Роман / пер. с латыш. Я. Шумана. Рига: ОГИЗ, Гос. изд-во худож. лит., 1947. 481 с.

Автограф: «Писателю Илье Эренбургу с истинным уважением 6/VIII.1947 г. В. Лацис. Рига».

<Э., будучи с 1950 г. депутатом Верховного Совета СССР от Даугавпилса, регулярно приезжал в Латвию и по общественным делам общался с В. Т. Лацисом (1904–1966), но в ЛГЖ его имени нет. – Б. Ф.>.

Ленч Л.

Знакомое лицо. М.: Гос. Изд-во худож. лит., 1958. 140 с.

Автограф: «Борису Матвеевичу Лапину, уважающий его Леонид Ленч. 3/XII58 г.».

<Ленч Леонид Сергеевич, наст. фам. Попов (1905–1991), автор юмористических рассказов, фельетонов>.

Лидин В. Г.

Норд. Л.: Гос. изд-во, 1925. 205 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с лучшим дружеством. Вл. Лидин. 20.VIII.25. Москва».

<Лидин В. Г. (1894–1979) – писатель, библиофил, мемуарист, друг Э. – с молодости, когда Лидин «был розовым и очень опрятным; говорил о лошадях, о конюшнях и мастерстве Бунина» (ЛГЖ. Т. 1. С. 233). Лидин оставил восп. об Э. «От Бретани до Пензы» – не столько о писателе, сколько о человеке, которого давно и хорошо знал (см.: Нов. мир. 1979. № 6. С. 64–66), имя Лидина часто встречается в ЛГЖ. – Б. Ф.>.

Путина. М.: Изд-во Федерация, 1930. 79 с.

Автограф: «Дорогой Розе <Л. М. Эренбург. – Б. Ф.> в память о любви к рыбам (напр., La Sole du Grand Prieuré или La Fruite Saumonée en gelée), а также Моне <И. Г. Эренбургу>, ее мужу – любя – В. Л. Москва, 11 декабря 1930».

Люди и встречи. М.: Сов. писатель, 1957. 158 с.

Автограф: «Старому другу моему Илье Григорьевичу Эренбургу с любовью. Вл. Лидин. 19 дек. 57».

Слово о Чехове. М.: Изд-во Знание, 1959. 30 с.

Автограф: «Витлуфу I от Поррея XIV. В Москве Марта 60».

Люди и встречи. М.: Сов. писатель, 1961. 415 с.

«Дорогому комбатанту Илье Григорьевичу Эренбургу с любовью. Вл. Лидин. 9 фев. 62. Москва».

Друзья мои – книги: Заметки книголюба. М.: Книга, 1966. 353 с.

Автограф: «Дорогому старому моему другу Илье Григорьевичу Эренбургу с нежной любовью. Вл. Лидин 27 декабря 1966».

Лихачев Д. С.

Человек в литературе древней Руси. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 186 с.

Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу от одного из его почитателей. – Д. Лихачева 15.III.59. Если не текст, то, м. б. иллюстрации Вас заинтересуют (посмотрите, напр., Серафима Феофана Грека или деталь Воскрешения Лазаря)».

<Лихачев Д. С. (1906–1999) – зав. сектором древнерусской литературы ИРЛИ, академик РАН. – Б. Ф.>.

Луговской В. А.

Жизнь: Книга первая / грав. на дереве З. Горобца. М.: Сов. литература, 1932. 87 с.

Автограф: «Илья Григорьевич! Это книга жизни. Она плохая, но искренняя. Дарю ее Вам, художнику и человеку, который для меня дорог. В. Л.».

<Э. знал стихи В. А. Луговского (1901–1957); давно был знаком с ним лично (в ЛГЖ Э. написал, что зимой 1940/42 г. Луговской среди немногих близких людей часто бывал у него дома. Т. 2. С. 270). – Б. Ф.>.

Середина века: Книга поэм. М.: Сов. писатель, 1958. 253 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу по поручению автора. Елена Луговская 24.VI 58».

Мое поколение. Мускул страдания моих друзей. (Избранные стихи). М.: Федерация, 1932. 164 с.

Автограф: «Боре, милому другу, с незапамятных времен, почти легендарных, вечному путнику и описателю дорогой, старой Азии. Привет! Слава! Дружба! В. Л.».

Майский И. М.

Перед бурей: Воспоминания. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1944. 228 с.

Автограф: «Дорогому И. Г. Эренбургу от поклонника его таланта. И. Майский. Москва, 24/1/44 г.».

<И. М. Майский (1884–1975) – советский дипломат, долгие годы посол в Великобритании, давний знакомый Э., способствовал изданию в Лондоне его тогдашнего бестселлера «Падение Парижа»; часто упоминается в ЛГЖ. – Б. Ф.>.

Воспоминания советского посла в Англии. М.: Изд-во Ин-та междунар. отношений, 1960. 144 с.

Автограф: «Дорогим И. Г. и Л. М. Эренбургам от автора. 4VIII.60. Москва».

Маркиш П.

Избранные произведения: в 2 т. Т. 1: Стихотворения. Т. 2: Поэмы. М.: ГИХЛ, 1960. 383; 319 с.

Автограф: «Дорогим Любовь Михайловне и Илье Григорьевичу в память о незабвенном нашем Маркише. С неизменным уважением и любовью. Эстер Маркиш. Москва 23.V.1961».

<Лазебникова-Маркиш Э. Е. (1912–2010) – вдова еврейского поэта Переца Маркиша (ему Э. посвятил гл. 13 в кн. 3 ЛГЖ). – Б. Ф.>.

<Маркиш Перец Давидович (1895–1952), советский еврейский поэт и писатель, сочинявший на идише. В 1949 г. арестован как член президиума ЕАК, расстрелян в 1952. – Б. Ф.>.

Марков С. Н.

Голубая ящерица: Рассказы. М.: Федерация, 1929. 127 с.

Автограф: «Борису Лапину – в канун отъезда в “погибельный Таджикистан”. Сергей Марков».

<Марков Сергей Николаевич (1906–1979), русский советский писатель, действительный член Географического общества, путешественник. В 1932 г. был арестован по делу «Сибирской бригады», отбывал ссылку на Мезени. В 1941–1942 гг. служил рядовым, демобилизован вследствие крайнего истощения. – Б. Ф.>.

Мартынов Л. Н.

Поэмы. М.: Сов. писатель, 1940. 72 с.

Автограф: «Омск Улица Красных зорь, 30».

<С поэзией Л. Н. Мартынова (1905–1980) Э. впервые познакомился, получив по почте эту книгу; она его восхитила, а уже в апреле 1941 г. в Москве Мартынов посетил Э. и надписал ему московское издание поэм. БС отмечал, что Э. «поэмы Мартынова, например, в которых элемент повествования был настойчивее, чем у Твардовского, – очень нравились...» (БС. С. 203), а Твардовский Мартынова не терпел. Подробнее см. мою статью «Леонид Мартынов и Илья Эренбург» в «Складчина-2», Омск, 1996. С. 525–539. – Б. Ф.>.

Поэмы. Омск: Омское обл. изд-во, 1940. 108 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу от автора. 22/IV – 41. Москва». Вперед, за наше Лукоморье! Омск: Омское обл. гос. изд-во, 1942. 31 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу, с глубоким уважением. Леонид Мартынов. 3/VII.43 М.».

Мы придем. Омск: Омское обл. гос. изд-во, 1942.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу от автора. 3/VII.-43. М.».

Лукоморье. М.: Сов. писатель, 1945. 80 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу от всего сердца. Леонид Мартынов. 1/VII–45 М.».

Стихи. М.: Изд-во ЦК ВЛКСМ, 1955. 104 с.

Автограф: «Дорогому и горячо любимому Илье Григорьевичу Эренбургу Леонид Мартынов. 27/II 56 М.».

Лирика. М.: Сов. писатель, 1958. 117 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу с приветом. Леонид Мартынов. 5 II – 59. М.».

Новая книга. М.: Моск. рабочий, 1962. 112 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с неизменной любовью. Леонид Мартынов. 17/ X.-62. Москва».

Маршак С. Я.

В начале жизни: Страницы воспоминаний. М.: Детгиз, 1962. 213 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу на память о нашей запоздалой встрече. С любовью. С. Маршак. 29/XII–1962 г.».

Межелайтис Э.

Мой соловей: Стихи. Вильнюс: ГИХЛ Литовской ССР, 1952. 123 с.

Автограф: «Большому другу литовской литературы, любимому Илье Григорьевичу Эренбургу – автор. Е. Mezeclaitis 4.XII.1952. Вильнюс».

Межиров А. П.

Дорога далека: Стихи. М.: Сов. писатель, 1947. 102 с.

«Илье Григорьевичу Эренбургу с глубоким уважением. А. Межиров. 29.XI.47 Москва».

<Имя поэта Александра Петровича Межирова (1923–2009) дважды упоминается в 6-й книге ЛГЖ; в 1991 г. Межиров выступал в ЦДЛ на вечере, посвященном 100-летию И. Г. – Б. Ф.>.

Новые встречи. М.: Сов. писатель, 1949. 102 с.

«Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу, каждая новая встреча с которым – радость для меня. А. Межиров. 12.9.49 г. Москва».

Ветровое стекло: Книга стихов. М.: Сов. писатель, 1961. 107 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с чувством восхищения и глубочайшего уважения А. Межиров. 20.XI 61. Москва».

Некрасов В. П.

Вася Конаков: Рассказы. М.: Военное изд-во, 1961. 223 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу – от всей души, с благодарностью за очень и очень многое В. Некрасов. 3/X 61».

<Э. высоко ценил книгу В. П. Некрасова (1911–1987) «В окопах Сталинграда»; перечисляя имена новых своих друзей в последней гл. кн. 6 ЛГЖ, он написал: «Я полюбил Виктора Некрасова, крепкого, неуступчивого и чрезвычайно совестливого писателя, оказалось, что возраст не стена: есть и у старости свои окна и двери» (Т. 3. С. 315). В. Некрасов признавался в статье «Чаша добра и недобра»: «Мне посчастливилось – я был знаком с Эренбургом. Увы – только знаком, не более, – но должен сказать, что встречи с ним были одними из интереснейших минут моей жизни». – Б. Ф.>.

Немецкая поэзия 1954–1959 / ред. Е. Долматовский, В. Стеженский. М.: Изд-во иностр. лит., 1960. 404 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу 8 стихотворений в моих переводах (Бострем, Шумахер, Эрих Кестнер). С любовью и искренней благодарностью за мемуары. К. Богатырев. 10 августа 1960». Здесь же вложен листок с адресом Богатырева.

<К. П. Богатырев (1925–1976) – поэт-переводчик немецкой литературы, сын фольклориста, этнографа П. Г. Богатырева. – Б. Ф.>.

Никитин Н. Н.

Полет. Л.: Гос. изд-во, 1925. 267 с.

Автограф: «Пречестной. Предоброй, преславной, предостойной сестре Елисавете. Николай Никитин. 29.10.25».

Рассказы разных лет. Л.: Сов. писатель, 1945. 137 с.

Автограф: «Дорогой Лизочке – всегда с любовью. Н. Никитин. 17/XI-45».

<Никитин Николай Николаевич (1895–1963), «серапионов брат», писатель. – Б. Ф.>.

Никулин Л. В.

Владимир Маяковский: Воспоминания. М.: Изд-во Правда, 1955 (Б-ка «Огонек». № 33). 40 с.

Автограф: «Любовь Михайловне, Илье Григорьевичу, сердечно и уважительно, в память большого человека и поэта. Л. Никулин. 1955.19.IX».

<Писателя Л. В. Никулина (1891–1967) Э. знал со времен Киева 1919 г. – Б. Ф.>.

Образцов С. В.

5000 лет и 3 года. М.: Изд-во Правда, 1953. 47 с. (Б-ка «Огонек». № 22). Автограф: «Дорогим Любовь Михайловне и Илье Григорьевичу Эренбургам на память. С. Образцов. 14/VII 53 г.».

<Образцов С. В. (1901–1992) – знаменитый актер и режиссер-кукольник, с которым Э. познакомился в свой приезд из Испании в 1937 г. Образцов написал: «Я завидовал Эренбургу потому, что нет на свете счастья большего, чем быть нужным людям, и нет на свете счастья большего, чем быть нужным своей стране». (Восп. 75. С. 246). – Б. Ф.>.

Огнев Вл. Ф.

Книга про стихи: Заметки. Наблюдения. Выводы. М.: Сов. писатель, 1963. 479 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с величайшим уважением. Вл. Огнев. 4. III/ 64».

<Восп. В. Ф. Огнева (1923–2017) об Э. см. в Восп. 75 – Б. Ф.>.

Озеров Л. А.

Работа поэта: Книга статей. М.: Сов. писатель, 1963. 336 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу – Человеку, Художнику, Бойцу, – с любовью. Лев Озеров. 7 X 1963».

<С 1944 Л. А. Озеров (1914–1997) по приглашению Э. принимал участие в работе над ЧК; восп. Озерова об Э. см. в Восп. 75. – Б. Ф.>.

Оксман Ю. Г.

Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М.: ГИХЛ, 1958. 643 с.

Автограф: «В библиотеку Ильи Григорьевича Эренбурга в знак глубокого уважения и самого искреннего восхищения. Ю. Оксман 20/V 59. Москва».

<Переписку литературоведа Ю. Г. Оксмана (1894–1970) с Э. см. в ПЗ. – Б. Ф.>.

От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Пушкин – Рылеев – Кольцов – Белинский – Тургенев: Исследования и материалы. Саратов: Саратовское кн. изд-во, 1959. 316 с.

«Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу – с неизменным восхищением, уважением и любовью. Ю. Оксман. 19/III. 60. Москва–Черемушки».

Орлов В. Н.

Александр Блок: Очерк творчества. М.: ГИХЛ, 1956. 263 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с глубоким уважением от автора. VIII.1956».

<Орлов Владимир Николаевич (1908–1985), литературовед, с 1956 г. – главный редактор «Библиотеки поэта»>.

Парнах В. Я.

Карабакается акробат. Портрет автора работы Пабло Пикассо. Париж: «Франко-русская печать», 1922. 63 с.

Автограф: «Любови Михайловне Козинцовой-Эренбург <так! – Б. Ф.> с благодарностью за очаровательный портрет. Илье Григорьевичу Эренбургу

автору “Хулио Хуренито” на память о наших “маниакальных” встречах в “Pragerdiele” автор “подрагиваний пролетариата” 12-II-22 Berlin».

<Поэт В. Я. Парнок (наст. фам. Парнок) (1891–1951), брат поэтессы Софии Парнок, жил в Париже с 1915 г., с 1922 г. входил в созданную Д. Кнудом «Палату поэтов»; вернулся в СССР в конце 1920-х. Его имя Э. не упоминает в ЛГЖ. Н. Берберова называет В. Парнаха в кругу тех «левых», парижским центром которых был тогда Э. См.: Курсив. С. 256–257. – Б. Ф.>.

Пастернак Б. Л.

Темы и вариации. М.; Берлин: Геликон, 1923. 126 с.

Автограф: «Дорогой, чудной, безценной и ненаглядной Любви Михайловне от преданного автора Б. Пастернака. Берлин 19.III.23».

<С Б. Л. Пастернаком (1890–1960) Э. познакомился в Москве в 1917 г., узнав о нем от Брюсова, и на всю жизнь полюбил его стихи. В 1920–1930-е гг. их связывали дружеские отношения, о чем говорят и многие инскрипты Пастернака. Один из них (1922 г.) Э. привел в ЛГЖ: «Другу и соратнику с благодарностью и радостью за “Хуренито”, восхищение которым объединяло редко на чем сходившихся и чаще разбредавшихся Маяковского, Асеева и других друзей и соратников» (Т.1. С. 261). Когда Э. вернулся в Москву в 1940 г., их дружеские отношения оборвались, хотя они и не поссорились (Пастернак его стал сторониться, как это у Б. Л. вышло и с Цветаевой.). Э. посвятил Пастернаку гл. 5 2-й кн. ЛГЖ, которую Твардовский печатать в «Нов. мире» не решился, и Э. добился разрешения на публикацию от Хрущева. Роман «Доктор Живаго» не понравился Э., но стихи из романа он считал замечательными. – Б. Ф.>.

1905 год. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 100 с.

Автограф: «Дорогим друзьям Любви Михайловне и Илье Григорьевичу Эренбургам на добрую память. БП. 30/IX/27. Как веревка, поверьте, эта книжка приносит счастье всем, кроме снятого с ней».

То же.

Автограф: «Милому Овадию Герцевичу Савичу от всего сердца. 30/IX/27 Москва».

Поверх барьеров: Стихи разных лет. М.; Л.: Гос. изд-во, 1929. 163 с.

Автограф: «Моим дорогим Любви Михайловне и Илье Григорьевичу Эренбургам с телячьими нежностями и поцелуями. А годы идут; что им делается? Б. Пастернак 22.II/30».

Второе рождение. М.: Федерация, 1932. 96 с.

Автограф: «Замечательной Ирине Эренбург с сердечным приветом. Б. П. 23.X.32. Москва».

На ранних поездках. Новые стихотворения. М.: Сов. писатель, 1943. 51 с.

Автограф: «Любови с любовью. Б. Пастернак. 15 VII. 43».

Паустовский К. Г.

Повести и рассказы. М.; Л.: Детгиз, 1950. 559 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу – Вы всегда были для меня олицетворением большого писателя и человека, искателем справедливости и прекрасного. К. Паустовский 27 /I – 1950 г.».

<Завершая кн. 6 ЛГЖ, Эренбург написал о К. Г. Паустовском (1892–1968): «...прежде я очень редко встречался с ним, знал большого мастера, а увидел благородного, доброго и смелого человека. Мы подружились на старости» (Т. 3. С. 315). Приветствие Эренбурга к 75-летию Паустовского «Похвала мастеру» было его последней статьей (Лит. газета. 1967. 31 мая). – *Б. Ф.*>

Время больших ожиданий: Повесть. М.: Сов. писатель, 1960. 238 с.

Автограф: «Любови Михайловне и Илье Григорьевичу Эренбургам – с глубокой и пока еще несколько застенчивой любовью К. Паустовский. 16/VI 60 г. Истра».

Петефи Ш.

Избранное / пер. с венгерского. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1948 488 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу Леонид Маргынов. 13/VIII–48 М.».

Писахов С. Г.

Сказки. М.: Сов. писатель, 1957. 171 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу С приветом от Архангельска до Северного полюса, от летних солнечных ночей, зимних северных сияний от моего любящего сердца Ст. Писахов г. Архангельск Март 1958».

<Писахов Степан Григорьевич (1879–1960) – архангельский писатель-сказочник, художник. – *Б. Ф.*>

Полонская Е. Г.

Года: Избранные стихи. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1935. 169 с.

Автограф: «Илье 2/V. 35».

<С другом всей его жизни будущей Серапионовой сестрой Елизаветой Григорьевной Полонской (1890–1969) Э. познакомился в Париже в 1909 г. (см. главу «История одной любви» в Ф1); письма Э. к ней см. П1 и П2; у Э. сохранились все ее книги с лапидарными надписями. – *Б. Ф.*>

Камская тетрадь: Стихи. Молотовское обл. изд-во, 1945. 48 с.

Автограф: «Дорогому Илье с любовью Л. 17/IX.45».

Пузин Н. П.

Ясная Поляна. Музей-усадьба Л. Н. Толстого. Тула: Обл. кн. изд-во, 1953. 103 с.

«Глубокоуважаемому, дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с глубокой признательностью от автора. Абрамцево, Моск. 1953, 17 ноября».

<Пузин Николай Павлович (1911–2008), научный сотрудник музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная поляна», секретарь С. Л. Толстого, историограф рода Толстых. – *Б. Ф.*>

Пушкинский сборник. Псков, 1962. 123 с. (Псковский гос. пед. ин-т им. С. М. Кирова).

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с уважением. Ю. Лотман».

Ракитин Антон (наст. фам. Антонов-Овсеенко А. В.)

Именем Революции (Очерки о В. А. Антонове-Овсеенко). М.: Изд-во политической литературы, 1965. 191 с.

Автограф: «Овадию Герцевичу Савичу на добрую память об отце, с признательностью, автор, Антонов-Овсеенко. Июнь 1965».

<Антонов-Овсеевко Антон Владимирович (1920–2013), сын революционера В. А. Антонова-Овсеевко, арестован в 1940, 1941, 1943, 1984 гг. Основатель Гос. музея истории ГУЛАГА. – Б. Ф.>.

Ремизов А. М.

Корявка: Повесть. Берлин: Изд-во Е. А. Гутнова, 1922. 88 с. (Б-ка «Сполохи»).

Автограф: «илииригорьевичуэренбургу на новый год 23-й истинноепр-шество из петербургского наводнения алексейремизов 4, 1, 23».

<В 1922 г. в Берлине А. М. Ремизов (1877–1957) вручил Э. грамоту кавалера с хоботком жужелицы «Обезволвелпала» (Обезьяньей вольной великой палаты – игра Ремизова), Любовь Михайловна Эренбург писала Шкапской 31.12.1921: «я хочу дослужиться до ордена на право ношения хвоста, но, кажется, недостойна. Пока что подлизываюсь» (см.: Д. IV. С. 583). Последний раз Э. виделся с Ремизовым в Париже в 1946 г. Ремизову посвящена 5-я гл. 3-й кн. ЛГЖ, обруганная совкритикой. – Б. Ф.>.

Пятая язва. Берлин; М.; Пг.: Изд-во З. И. Гржебина, 1922. 116 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу Алексей Ремизов 4.1.23 на новый год с благодарностью за доброе слово о моем слове».

Розенфельд С. Е.

Старинная повесть. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934. 268 с.

«Илье Григорьевичу Эренбургу с искренним читательским уважением – от неизвестного ленинградского писателя Сем. Розенфельда. Год рождения – 1891».

Баллада о тюрьме. Л.: Сов. писатель 1939. 448 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу – простите за неряшливый вид книги – она старая и куплена в книжной лавке писателей. Сем. Розенфельд. 6/X.47».

Русская патриотическая лирика XIX века / предисл. С. М. Лубэ. ОГИЗ, Чкаловское изд-во, 1943. 76 с.

Автограф: «И. Г. Эренбург. В знак уважения, благодарности и привета. С. М. Лубэ».

<Лубэ Самуил Маркович (1909–1974), литературовед, краевед, был выслан из Ленинграда. – Б. Ф.>.

Русское народное творчество: Пособие для вузов / под общей ред. П. Г. Богатырева. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1954. 536 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу от бывшего “молодого фольклориста” П. Богатыр 5.11.55».

<В «Визе времени» Богатырев так назван. С П. Г. Богатыревым (1893–1971) Э. познакомился в Чехословакии в 1920-х гг. – Б. Ф.>.

Рыкачев Я. С.

Надежда Дурова. М.: Сов. писатель, 1942. 58 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу от автора. Я. Р. 42 г.».

<Рыкачев Яков Семенович (1893–1976), прозаик, критик, член РАПП, обличал научную фантастику, после Великой Отечественной войны сам стал писать авантюрные романы. О взаимоотношениях Э. с Я. С. Рыкачевым (ск. 1952 в ссылке) информации нет. – Б. Ф.>.

Рыльский М. Ф.

Стихи / пер. с укр. М.: Изд-во Правда, 1951. 32 с. (Б-ка «Огонек». № 10). Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу в знак уважения и любви. М. Рыльский. 15 /V 51».

<Услышав впервые чтение стихов украинским поэтом М. Ф. Рыльским (1895–1964), Э. вспомнил детство и пение слепцами старых укр. песен – та же «лукавая и нежная музыка украинской речи» (ЛГЖ. Т. 1. С. 293). – Б. Ф.>.

Савич О. Г.

Поэты Испании и Латинской Америки: Избранные переводы. М.: Худож. лит., 1966. 239 с

«A Ylya Erenburg. Para el último amigo no perdido aunque él no quiere las traducciones con gratitud por todas sus lecciones, por todo que viendra y que se ha ido. O.Savich». (Илье Эренбургу. Из всех друзей тому, который еще рядом, хотя он и не любит переводов, знаю. За жизни школу, что была полжизни кряду, Благодарю его, и жду, и вспоминаю. О. Савич»).

<В 1937 г. Э. соблазнил поехать в Испанию своего ближайшего друга (поэта, прозаика и журналиста) О. Г. Савича (1896–1967); вернувшись оттуда, тот стал переводчиком испаноязычной поэзии; Э. посвятил Савичу 22-ю гл. в кн. 4 ЛГЖ; по приглашению Э. Савич серьезно участвовал в работе над ЧК; стх. Савича, посвящ. Э., см.: ВЭ. С. 116. – Б. Ф.>.

Сарьян Мартирос Сергеевич: Выставка произведений: Каталог. М., 1956. 48 с., 24 ил.

Автограф: «Дорогому бесконечно любимому Илье Григорьевичу М. Сарьян. 1956 13.IV».

Светлов М. А.

Избранные стихи.[1923–1931]. М.: Федерация, 1932. 163 с.

Автограф: «Ирине – трогательно 26/I 33 г. М. Светлов».

<У М. А. Светлова (1903–1964) есть стих, посвященный Э. – см. ВЭ. С. 111. – Б. Ф.>.

Сейфуллина Л. Н.

Виринея: Повесть. М.;Л.: Гос. изд-во, 1926. 281 с. (Собр. соч. Т. 3).

Автограф: «Уважаемому товарищу Эренбургу с дружеским приветом от автора Л. Сейфуллина. 28.VI.1926 г.».

<Вспоминая начало войны, Э. посвятил Л. Н. Сейфуллиной (1889–1954) страничку прочувствованного текста (ЛГЖ. Т. 2. С. 312–313). Более ранние воспоминания Э. см. в кн. «Л. Н. Сейфуллина в жизни и творчестве» (Новосибирск. 1957. С. 88–91); из переиздания 1958 г. цензурой исключены. – Б. Ф.>.

Сельвинский И. Л.

Военная лирика. Ташкент: Гос. изд-во УзССР, 1943. 95 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу с уважением коллеги и восхищением фронтовика. Илья Сельвинский. 20/ II 1944».

<Э., говоря о 1943 г., рассказал в ЛГЖ о Сельвинском (1899–1968): «Сельвинский написал хорошие стихи о России. Он показал себя храбрым, работал в советской печати, но какие-то строки не понравились Сталину, и Сельвинского обругали “Известия”» (Т. 2. С. 390). В подаренной книге

автором исправлено и дополнено стх. «России», искореженное тогда цензурой. – *Б. Ф.*>.

Серебряный И. А.

Шолом-Алейхем и народное творчество. М.: Сов. писатель, 1959. 216 с.

Автограф: «Уважаемый Илья Григорьевич! Дарю Вам свой скромный подарок с искренней признательностью за Вашу многотрудную работу на благо человека, за честь и достоинство народов, за мир и справедливость и за Вашу святую ненависть к палачам народов. Хочу надеяться, что и в моей книге Вы найдете кое-что полезное для Вашей многогранной деятельности. С уважением. Автор И. Серебряный. Москва 15.XII.59».

<Серебряный Израиль Айзикович (1900–1978), литературный критик, сотрудник Института еврейской культуры при АН БССР. – *Б. Ф.*>.

Славин Л. И.

Избранное. М.: Сов. писатель, 1957. 632 с.

Автограф: «Ирине Эренбург дружески. Л. Славин. Март 57».

Мои земляки: Повесть. М.: Сов. писатель, 1942. 88 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу – с неизменным восхищением Л. Славин Москва 3/X – 42».

<С писателем Л. И. Славиным (1896–1984), дружившим с будущим зятем Э. Б. М. Лапиным, Э. познакомился в Москве еще в 1932 г., потом они поддерживали сложившиеся отношения. – *Б. Ф.*>.

Слово народов: Пословицы и поговорки разных стран и народов о мире, войне, единстве, дружбе, солидарности, соседских отношениях и народной силе / сост. Б. М. Ховратович. Красноярское кн. изд-во, 1960. 71 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу – автору любимых книг и неутомимому борцу за мир между народами. С искренним уважением. Б. Ховратович. Абакан, 15.V.1960 г.».

Слонимский М. Л.

Книга воспоминаний. М.;Л.: Сов. писатель, 1966. 247 с.

Автограф: «Дорогой Елизавете Григорьевне Полонской – на память о нашем сорокапятилетии – с любовью. М. Слонимский. Март 1966 г.».

<В 1921 г. образовано Серапионово братство, членом которого был Слонимский. – *Б. Ф.*>.

Слуцкий Б. А.

Память: Кн. стихов. М.: Сов. писатель, 1957. 100 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу. Без Вашей помощи эта книга не вышла бы в свет, а кроме того – от всей души. Борис Слуцкий».

<Слуцкий Б. А. (1919–1986) – один из самых близких друзей Эренбурга послесталинского времени (подробнее см. главу «Илья Эренбург и Борис Слуцкий» в Ф2); БС посвятил Э. стх. «Лошади в океане» и цикл стх. его памяти (см: ВЭ). – *Б. Ф.*>.

То же.

Автограф: «Любови Михайловне Эренбург дружески Борис Слуцкий».

То же.

Автограф: «Милым Але Яковлевне и Овадию Герцевичу от всей души. Борис Слуцкий».

Сегодня и вчера: Кн. стихов. М.: Мол. гвардия, 1963. 182 с.

Автограф: «И. Эренбургу – пока мы лошади еще плывем в океане. Б. С.». [Избранная лирика]. М.: Мол. гвардия, 1965. 32 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу с любовью Борис Слуцкий. 9.9.1965».

То же.

Автограф: «Любови Михайловне – от старинного друга. Борис Слуцкий. 9.9.1965».

Память. Стихи 1944 – 1968. М., 1969.

Автограф: «Любови Михайловне Эренбург – в знак нашей давней дружбы. Борис Слуцкий».

Таратута Е. А.

Этель Лилиан Войнич: Судьба писателя и судьба книги. М.: Гослитиздат, 1960. 291 с.

Автограф: «Мужественному человеку – дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу от Е. Таратуты. Москва. 26.XII.1960».

<Евгения Александровна Таратута (1912–2005) – литературовед, сотрудник ИМЛИ, специалист по творчеству Войнич. – Б. Ф.>.

Твардовский А. Т.

Из лирики этих лет. М.: Сов. писатель, 1967. 63 с.

Автограф: «Любови Михайловне Эренбург – с глубоким уважением. А. Твардовский. 21.XII.67. М.».

<Гл. редактор «Нов. мира» поэт А. Т. Твардовский (1910–1971), с 1960 г. печатавший ЛГЖ, написал для № 9 за 1967 г. статью памяти Э. (см.: Восп. 75) и попытался напечатать с массой купюр незаконченную 7-ю кн. ЛГЖ, на что Л. М. не пошла. – Б. Ф.>.

Тимофеев Б. Н.

Правильно ли мы говорим? Л.: Лениздат, 1960. 191 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу – славному мастеру нашей литературы – в знак глубокого уважения и на добрую память. Борис Тимофеев. “21” декабря 1960 г. г. Ленинград».

<Тимофеев-Еропкин Борис Николаевич (1899–1963), сов. писатель, поэт, член коллектива «Боевой карандаш». – Б. Ф.>.

Тихонов Н. С.

Анофелес. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. 141 с.

Автограф: «Милая Любовь Михайловна Я очень хочу, чтобы Вы прочли внимательно этот рассказ Ваш Тихонов. 1930 г.».

<О взаимоотношениях Э. с Н. С. Тихоновым (1896–1979) см. главу «Какие были надежды!» в Ф1. – Б. Ф.>.

Клятва в тумане. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1933. 102 с.

Автограф: «Всегда чудесной Любови Михайловне с глубочайшим уважением. Старый бродяга, раздираемый страстями, достойный презрения НТ. 1933».

Красные на Араксе. Дорога. Лицом к лицу. [Стихи]. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 80 с.

Автограф: «Прекрасному Илье Григорьевичу Эренбургу с искренней любовью. Ник. Тихонов. 1927. Ленинград».

Ленинградский год. Май 1942–1943. Л.: Воен. изд-во Н.К.О., 1943. 116 с.
Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу дружески, с величайшим уважением и благодарностью за его слово солдата и мужество писателя. Николай Тихонов. 1943 15 VI Ленинград».

Поиски героя. Л.: «Прибой», 1927. 94 с.

Автограф: «Старому путешественнику – дорогому другу Илье Григорьевичу Эренбургу с искренней любовью. Ей-богу мы умеем смеяться – Когда же за нами в лесу густом/ Пускают собак в погоню,/ Мы тоже кусаться умеем – притом/ Кусаться с оттенком иронии. Ник. Тихонов. 1927 Оз. Хэпо-Ярви».

Поэмы. М.; Л.: ГИЗ, 1928. 104 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу и Любовь Михайловне Эренбург с неизменной любовью. Н. Тихонов. 1928. Декабрь. В общем, зима 10 число. Это не я. Это для красоты поместили манекен генерала Хуэрту – я тут не при чем. Возьмите меня под защиту. P. S. За обложку тоже извиняюсь».

Тень друга: Стихи. Л.: Гослитиздат, 1936. 106 с.

Автограф: «Милой Але Яковлевне Савич дружески эту печальную книгу стихов о Европе 1935 года. Пусть 1937 год внесет хоть какие-нибудь облегчения в эти мрачные строки. Н. Тихонов. 1937 г. Ленинград. Этот портрет опередил меня на 20 лет. Таким, возможно, я буду в 1956 году. НТ.»

Три танских поэта: Ли Бо, Ван Вэй, Ду Фу. Триста стихотворений / сост. и примеч. Г. О. Монзелера; пер. А. И. Гитовича. М.: Изд-во восточной лит., 1960. 494 с. (АН СССР; Ин-т востоковедения).

Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу – в знак искреннего восхищения его жизнью, Работой, Поэзией – Ал. Гитович. 13/ IX60 г. Ленинград». Здесь же вложен клочок от конверта с адресом Гитовича.

<Гитович Александр Ильич (1909–1966), поэт, переводчик китайской и корейской литературы, военный корреспондент. – Б. Ф.>.

Трифорова Т. К.

Илья Эренбург: Критико-биографический очерк. М.: ГИХЛ, 1952. 223 с.

Автограф: «Трудно писать о большом пути большого человека, но сама эта трудность – увлекательна, как ни малы оказались результаты. Примите, Илья Григорьевич, эту маленькую книжку от читателя, любящего Ваши книги и много думавшего о них. Т. Трифонова. 30.XII. – 52».

<Трифорова Тамара Казимировна (1904–1962), зав. отделом критики «Лит. газеты», сотрудник ИМЛИ. – Б. Ф.>.

Тынянов Ю. Н.

Смерть Вазир-Мухтара: Роман: в 2 т. Берлин: «Петрополис», 1929. 218; 235 с.

Автограф карандашом: «2 тома Вазир-Мухтара в виде скромного дара дорогому Овадию Савичу и маме Але».

<А. Я. Савич (1904–1991) опекала большого Тынянова во время его зарубежной поездки; Тынянову посвящена 16-я гл. 5-й кн. ЛГЖ; см. также гл. об Э. и Тынянове в ФЗ. – Б. Ф.>.

Тынянова Л. Н.

Друг из далёка: Повесть о путешественнике Н. Н. Миклухо-Маклае. М.: Детская литература, 1976. 334 с.

Автограф: «Дорогой Ирине Ильиничне с многолетней нежной любовью. Л. Тынянова. 3/Х–76 г.».

Уткин И. П.

Повесть о рыжем Мотеле, господине инспекторе, равнине Исайте и комиссаре Блох. М.: Правда, 1926. 32 с.

Автограф: «Тов. Эренбургу – представителю старшего поколения от молодого литератора – с уважением, Иосиф Уткин. 21VI26 г.».

<Уткин И. П. (1903–1944, погиб в авиакатастрофе, возвращаясь из поездки на фронт). Эренбург был на прощании с ним в Москве. – *Б. Ф.*>.

Я видел сам. [Стихи]. М.: Сов. писатель, 1942. 88 с.

Автограф: «Дорогим Эренбургам привет! Иосиф Уткин».

Ушаков Н. Н.

Горячий цех. Стихи. М.: Сов. литература, 1933. 77 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу от его давнишнего ученика Н. Ушаков. Москва 1-й съезд писателей».

Календарь. [Стихи] М.: Мол. гвардия, 1933. 69 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу от его постоянного читателя. Москва, август 1934 г.».

<Ушаков Н. Н. (1899–1973) в 1919 г. посещал поэтическую студию Э. в Киеве. Э. вспоминал: «Среди учеников студии был вежливый, застенчивый юноша Н. Н. Ушаков. Я рад, что недолгая эпопея моего учительства в киевской студии не помешала ему стать хорошим поэтом» (ЛГЖ. Т. 1. С. 305). – *Б. Ф.*>.

Повести. Пятая книга стихов. Харьков; Київ: ДВОУ, ЛІМ, 1933. 64 с.

Автограф: «Многоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу – на добрую память. Н.Ушаков. Москва 1934 г. – 22 VIII».

Фадеев А. А.

Разгром. Молодая гвардия. М.: Сов. писатель, 1947. 708 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с глубоким уважением А. Фадеев. 26/Х–49. Москва».

<С 1949 г. Э. и А. А. Фадеева (1901–1956) связывала работа во Всемирном Совете мира. Фадееву посвящена дипломатичная 18-я гл. кн. 6 ЛГЖ (Твардовский, к удивлению многих, отказался печатать ее в «Нов. мире», считая ее порочащей память Фадеева). – *Б. Ф.*>.

Молодая гвардия: Роман. М.: Мол. гвардия, 1951. 694 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу с сердечным приветом и уважением. А.Фадеев. 16/XI 51 Москва».

Федин К. А.

Трансвааль. Повести и рассказы. 2-е изд. Л.: Прибой, 1927. 220 с.

Автограф: «Дорогому Эренбургу – с дружеской преданностью – Константин Федин. Россия, зима, 1926–27 г.».

<С К. А. Фединым (1892–1977) Э. был знаком с 1920-х гг., ценил его книгу «Трансвааль» и воспоминания о Горьком, в конце войны привлек его к работе над ЧК, его имя часто упоминается в ЛГЖ; в последние годы Э. иронично называл Федина чучелом орла. – *Б. Ф.*>.

Маленькие романы и четыре рассказа. М.: Гослитиздат, 1941. 284 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу – дружески. К. Федин. Июнь, 1941».

Фефер И. С.

Берлинская ночь. [Стихи]. [Уфа]: Союз советских писателей Украины, 1942. 22 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу от внука Авром-Ицхока Ицик Фефер. 29VI42. Москва».

<Фефер Исаак Соломонович (Ицик) (1900–1952), еврейский поэт, член правления ССП СССР, сотрудничал с НКВД, расстрелян в 1952 г. С И. С. Фефером Э. познакомился в Еврейском антифашистском комитете (ЕАК), членом президиума которого был Фефер. В рамках ЕАК Э. создал литературную комиссию по подготовке ЧК, издание которой в СССР, а не в США, считал первоочередной задачей. Поэтому, когда без его согласия, по инициативе Фефера, ЕАК пошел на включение русских материалов ЧК в американское ее издание (возможно, это формально использовали для запрета ЧК в СССР), Э. устранился от участия в работе ЕАК. – Б. Ф.>.

Форш О. Д.

Ворон: Роман. Л.: ГИХЛ, 1934. 148 с.

Автограф: «Дорогому Эренбургу Илье Григорьевичу С большой надеждой на особое завершение его даров (хоть он уже не стажёр, а отличный писатель) Привет! Ольга Форш. 15.VII1934».

<С О. Д. Форш (1873–1961) Э. познакомился в Париже в 1927 г. «Форш – чудо», – написал он тогда Е. Г. Полонской (П1. № 505). В 1933 г. Л. М. Эренбург иллюстрировала книгу новелл Форш «Под куполом», связанную с Парижем. – Б. Ф.>.

Новые рассказы. Свердловск: ОГИЗ, Свердловгиз, 1942. 61 с.

Автограф: «На память. Дорогой Любе Эренбург 1919–1943 от любящего Автора».

Сумасшедший корабль. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931. 186 с.

Автограф: «Милой женщине и хорошему поэту (редкое и достойное совместительство) Лизавете Полонской от Ольги Форш на память 1931 г.».

Французские лирики XVIII века: Сб. переводов / сост. И. М. Брюсова; под ред. и с предисл. В. Брюсова. М.: К. Ф. Некрасов, 1914. 334 с.

Автограф: «И. Г. Эренбургу, как франкофилу. Борис Слуцкий».

Чуковская Л. К.

«Былое и думы» Герцена. М.: Худож. лит., 1966. 183 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу вместо рукопожатия. – Автор. 1VI.66. Москва».

<Повесть Л. К. Чуковской (1907–1996) «Софья Петровна» Э. очень высоко оценил и сожалел о ее запрете (см.: П2. № 487). – Б. Ф.>.

Шагинян М. С.

Гёте. [1749–1832] М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 192 с.

Автограф: «Дорогой Илье Григорьевич! Не знаю никого из писателей, чей отзыв об *этой* книге мне хотелось бы прочесть или услышать так жадно, как Ваш отзыв. И никому из них не посылаю эту книгу с таким теплым чувством дружбы и уважения, как Вам. Мариэтта Шагинян 20/VII50».

<В 1922 г. Э. писал из Берлина М. Шкапской: «Получил также статью Шагинян о “Хуренито”. Не только лестно, но и умно» (П1. № 152). Имя М. С. Шагинян (1888–1982) несколько раз встречается в ЛГЖ. – *Б. Ф.*>

Дневники 1917–1931. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1932. 439 с.

Автограф: «Дорогой моей Лизе, верному другу, с любовью Мариэтта 15/ХІІ–32 Ленинград».

От Мурманска до Керчи: Очерки. М.: Правда, 1954. 56 с. (Б-ка «Огонек». № 39).

Автограф: «Дорогим старым друзьям Лизочке родной и Александру Григорьевичу с любовью Мариэтта. Москва. Дни съезда <писателей. – *Б. Ф.*> 1954 г.».

Шаламов В. Т.

Дорога и судьба: Книга стихов. М.: Сов. писатель, 1967. 127 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу с глубочайшим уважением и симпатией – обломки колымских тетрадей. В. Шаламов. Москва. Июнь 1967».

<О взаимоотношениях В. Т. Шаламова (1907–1982) и Э. см. главу в Ф3. – *Б. Ф.*>

Шершеневич Вадим

И так итог. М.: Изд. автора, 1926. 61 с. (на обл.: И так итог).

Автограф: «Автору книг, в которые я влюбился. – Видите, как нехорошо приезжать в СССР – уже неприятно – читать чужие стихи. С горячим приветом Вад. Шершеневич 24/5. Б. Никитская 33 кв. 21».

<Шершеневич В. Г. (1893–1942) – поэт, примыкавший к футуристам, потом – к имажинистам, переводчик; упоминается в ЛГЖ при описании Москвы 1920 г. – *Б. Ф.*>

Шим Э. Ю.

Ночь в конце месяца: Рассказы. Л.: Сов. писатель, 1958. 188 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу с почтением Эд. Шим 6/ XII – 61». <Шим Эдуард Юрьевич (1930–2006), поэт-песенник, автор детских книг и сценариев. Писатель Э. Ю. Шим вместе с В. Аксеновым и А. Гладилиным приезжал к Эренбургу на дачу поговорить по душам (см. восп. А. Гладилина // Октябрь. 2007. № 6. С. 77). – *Б. Ф.*>

Шкловский В. Б.

Сентиментальное путешествие: Воспоминания 1917–1922. М.; Берлин: Геликон, 1923. 391 с.

Автограф: «Дорогому Эренбургу, талантливому человеку, имеющему храбрость иногда писать плохие книжки, литературу же движут плохие, а не хорошие книги талантливых людей. Племянник Виктор Шкловский. Берлин 1923 – 16 января».

<С В. Б. Шкловским (1893–1984) Э. познакомился в 1919 г. в Киеве (где Шкловский «метеором промелькнул... прочитал доклад, блистательный и путанный, лукаво улыбался и ласково ругал решительно всех» (ЛГЖ. Т. 1. С. 306), потом часто встречался в Берлине в 1922 г. Шкловский не раз писал об Э.; так в кн. «Цоо или письма не о любви» назвал Э. «Павлом Савловичем»,

что отмечено в ЛГЖ: «Я в каждой книге “отмежевывался” от самого меня. Именно тогда В. Б. Шкловский назвал меня “Павлом Савловичем”. В его устах это не могло звучать зло. В жизни он делал то, что делали почти все его сверстники, то есть не раз менял свои воззрения и оценки, делал это без горечи, даже с некоторым задором; только глаза у него были печальными <...> мне кажется, что этому пылкому человеку холодно на свете... В нем очень много блеска... это фейерверк, который на минуту озаряет все вокруг; читать при фейерверке трудно» (Т. 1. С. 428). Лучшей кн. Шкловского Э. считал «Сентиментальное путешествие». – *Б. Ф.*>.

Чаплин: сб. статей / среди авторов В. Шкловский, П. Богатырев, К. Терешкович и др. Рис. В. Грюнберг. Берлин: Изд-во журн. «Кино», 1923. 128 с.

Автограф: «Илье Эренбургу книга о Чаплине, а не о его (Чаплина) маме Виктор Шкловский».

Литература и кинематограф. Берлин: Рус. Универсальное изд-во, 1923. 61 с. (Всеобщ. б-ка № 51).

Автограф: «Илье Эренбургу – еврею в пустыне 11 декабря 1923 Виктор Шкловский».

О Маяковском. М.: Сов. писатель, 1940. 224 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу путешественнику во времени, от сентиментального путешественника. Виктор Шкловский».

Горная Грузия: Пшавия. Хевсуретия. Мухевия. М.: Мол. гвардия, 1930. 72 с.

Автограф: «10000. Лапину Виктор».

Шуб Э. И.

Крупным планом. М.: Искусство, 1959. 255 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу С глубоким уважением. Эсфирь Шуб. 10-го июля 1959. Москва».

<Шуб Э. И. (1894–1959) – кинорежиссер-документалист. – *Б. Ф.*>.

Эльсберг Я. Е.

Салтыков-Щедрин. М.: Журн.-газ. объедин., 1934. 203 с.

Автограф: «Дорогому Борису Лапину Эльсберг 13/VIII 34».

<Эльсберг Яков Ефимович (1901–1976) – литературовед, член СП СССР, доктор филологических наук, сотрудничал с ГПУ. – *Б. Ф.*>.

Эмин Геворк

Стихи. М.: Сов. писатель, 1947. 95 с.

Автограф: «Илье Григорьевичу – величайшему трибуну современности, голосу нашей страны, совести Европы. Г. Эмин. 950.17.VII Москва».

<С армянским поэтом Геворком Эмином (1919–1998) Э. познакомился лично во время своей поездки в Армению осенью 1959 г. – *Б. Ф.*>.

Новая дорога. Стихи. М.: Правда, 1951. 32 с. (Б-ка «Огонек». № 30).

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу, которого знают и любят все армяне (во всех странах) и который еще не видел Армении – с приглашением приехать в Армению. Г. Эмин. 951.IX.28. Крым – Коктебель».

Эрберг О. Е.

Путь к Наубехару. Афганские рассказы. М.: Сов. писатель, 1941. 200 с.

Автограф: «Уважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу, замечательному мастеру прозы, автору превосходнейших новелл о “тринадцати трубках”, тончайшему поэту, в благодарность за внимание, оказанное мне в дни войны. О. Эрберг 25 апреля. 1947».

<Эрберг Олег Ефимович (1898–1956), поэт, востоковед, член группы поэтов-ничевоков. – Б. Ф.>.

Эренбург И. Г.

Будни: Стихи. Париж, 1913. 54 с. Страницы не нумерованы.

Автограф: «Милому Пятиугольному. Эренбург».

<В Петербурге Е. Г. Полонская жила на Загородном пр. у пяти углов. – Б. Ф.>.

Буря: Роман: в 6 частях. М.: Сов. писатель, 1948. 799 с.

Автограф: «Владимиру Васильевичу Лебедеву на добрую память. И. Эренбург. 1/III1948».

То же.

Автограф: «Ирине с любовью. И. Эренбург».

То же.

Автограф: «Саве (хорошо ему известную книгу!) от сердца И. Эренбург. 2/III1948».

В Испании 1936–1938. М.: Худож. лит., 1939. 278 с.

Чистые листы книги с авторской и редакторской правкой и пометами редактора.

Верность: Стихи (Испания. Париж). М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1941. 80 с.

Автограф: «Al camarade Jose Garsia su amigo Y. Ehrenbourg». <Товарищу Хосе Гарсия дружески. И. Эренбург». Хосе Гарсия – исп. псевдоним О. Савича. – Б. Ф.>.

То же.

Автограф: «Натану Альтману. Cordialement. <сердечно> И. Эренбург. 1941».

То же.

Автограф: «Дорогой Лизе с любовью и с благодарностью за “Пылают Франции леса...” <стих. Полонской. – Б. Ф.> Илья Эренбург. Май 1941. Ленинград».

То же.

Автограф: «Валентине Ароновне Мильман, немало способствовавшей выходу этой книги! И. Эренбург. 21/V1941».

Война. (Апрель 1943 – март 1944). М.: ОГИЗ, Гослитиздат, 1944. 415 с.

Автограф: «Г. Ф. Александрову с приветом И. Эренбург. 29/9 1944».

<Зав. отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрову, 14 апреля 1945 г. напечатавшему в «Правде» за своей подписью написанную под диктовку Сталина статью «Тов. Эренбург упрощает». – Б. Ф.>.

Гражданская война в Австрии. М.: Сов. литература, 1934. 80 с.

Автограф: «Варваре Григорьевне Поп <нрзб.> на память с нежностью. Илья Эренбург. Москва 8 сент. 1934».

<Секретарю редакции «Известий» Варваре Григорьевне Поп... <нрзб.>; в зап. книжке Эренбурга: «Варя – мука Е. Петрова. – Б. Ф.>.

Девятый вал: Роман. М.: Сов. писатель, 1953. 732 с.
Автограф: «Саве с благодарностью за все. И. Эренбург. 1953. 18 апреля».
Дерево: Стихи 1938–1945 гг. М.: Сов. писатель, 1946. 103 с.
Автограф : «В. А. Мильман на добрую память. И. Эренбург».
День второй: Роман. Paris: Impr. Pascal, 1933. 219 с.
Автограф: «Дорогим Кроликам Саве и Але с любовью. Илья Эренбург. 13/V1933».

То же.

Автограф: «Сергею Прокофьеву дружески. Илья Эренбург. 1933. Париж».
Детское. Paris, 1914. 23 с.

Автограф: «Максимилиану Александровичу Волошину с уважением – автор». На шмуцтителе – 2 штампа «Максимилиан Александрович Кириенко-Волошин».

За мир! М.: Сов. писатель, 1950. 188 с.

Автограф: «Саве с пожеланием мира. И. Эренбург. 15 апреля 1950».

За мир! М.: Сов. Писатель, 1952. 408 с.

Автограф: «Дорогому Саве от вickt. <вickt. – сокр. от фр. victime – жертва> сей борьбы. И. Эренбург. 1952».

Зарубежные раздумья. М.: Костры, 1922. 29 с.

Автограф: «А. Соболев».

Февральским днем, что датою особой

Запомнится, обычных дней светлей;

На Вашей книжке пишет младший Соболев

От имени обоих Соболев.
И слава Вас, большого Человека,
Писателя, вошедшего в сердца,
Сын вписывает через четверть века
Слова любви под подпись отца.

5.2.49. Марк Соболев».

<Владельческая надпись «А. Соболев» и дарственная Эренбургу от сына поэта А. Соболева, Марка в день открытия выставки Эренбурга «40 лет работы». – Б. Ф.>.

Индия. Япония. Греция: Индийские впечатления, японские заметки, размышления в Греции. М.: Искусство, 1958. 128 с.

Автограф: «Саве без благодарности (в данном случае). Le 1 august».

Испания. М.: Федерация. 1932. 189 с.

Автограф: «Лизе с неизменной любовью. Илья Эренбург. 1932. Ленинград. Paris 15-е 34, Rue du Cotentin».

<Новый адрес. – Б. Ф.>.

Лето 1925 года. М.: Артель писателей «Круг», 1926. 206 с.

Автограф: «Дорогой Лизе. И. Гр. Париж 1/ XII 1926».

Люди, годы, жизнь. М.: Сов. писатель, 1961. Кн. 1–2. 634 с.

Автограф: «Первому читателю Саве с любовью. И. Эренбург. 24 августа 61».

Люди, годы, жизнь. М.: Сов. писатель, 1966. Кн. 5–6. 750 с.

- Автограф: «Дорогому Саве – первому читателю и другу. Илья Эренбург». Молитва о России М.: Северные дни, 1918. 46 с.
- Автограф: «Дорогому Владимиру Алексеевичу Издебскому от всего сердца. Эренбург. Июнь 1918. Москва».
- <Издебский Владимир Алексеевич (1882–1965), скульптор, худож. критик. Жил в Париже, затем в США. – Б. Ф.>.
- Не переводя дыхания. М.: Сов. писатель, 1935. 334 с.
- Автограф: «Саве. “Роман бодрости и оптимизма” И. Эренбург. 24/ХП 36».
- Ожесточение. М.: Правда, 1942. 64 с. (Б-ка «Огонек». № 37).
- Автограф: «Лизе. С любовью и верностью. И. Э.».
- Опустошающая любовь. [Берлин]: Огоньки, 1922. 46 с.
- Автограф: «Лизе. “Всю жизнь с неистовым эпитафием И недодышащей строкой”. Эренбург. 3 мая 1922. Берлин».
- <Из стих. Э. «И кто в сутулости отмеченной... – Б. Ф.>.
- Оттепель: Повесть. М.: Сов. писатель, 1954. 141 с.
- Автограф: «Анатолию Львовичу Каплану на добрую память. И. Эренбург. 19 декабря 1957».
- <Каплан Анатолий Львович (1903–1980), художник, окончил ВХУТЕИН, работал в литогр. мастерской ЛО Союза художников, гл. художником Ленинградского завода стекла, иллюстратор произведений еврейских писателей. – Б. Ф.>.
- Оттепель: Повесть в 2-х ч. М.: Сов. писатель, 1956. 255 с.
- Автограф: «Саве на память о тех днях, когда на его глазах писалась эта книга. И. Эренбург».
- Падение Парижа: Роман. М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1942. 507 с.
- Автограф: «Саве и Але от всего сердца. И. Эренбург».
- Рассказы этих лет. М.: Сов. писатель, 1944. 100 с.
- Автограф Я. И. Соммер: «Ядвига от сердца. И. Э. 20 18 45. Ярославль».
- <С Я. И. Соммер (1900–1983) Э. познакомился в 1919 г. в Киеве; ее имя не раз упоминается в ЛГЖ; ее воспоминания об Э. см.: Минувшее. М.; СПб., 1994. № 17. С. 116–170; см. также главу о ней в ФЗ. – Б. Ф.>.
- То же.
- Автограф: «В. А. Мильман на память. Илья Эренбург».
- Свобода (Поэмы) М.: ОГИЗ; ГИХЛ, 1943. 47 с.
- Автограф: «Саве. И. Э. 31 августа 1943».
- То же.
- Автограф: «Ядвига на память. И. Эренбург».
- Солнцеворот. М.: Правда. 1942. 96 с. (Б-ка «Огонек». № 19–20). Сюда же вошла книга «Ожесточение». Правда. 1942. 64 с. (Б-ка «Огонек». № 57) (конволют).
- Автограф фронтовому корреспонденту А. Н. Беляеву: «От всего сердца. Илья Эренбург. 1943». На обл. надпись карандашом другим почерком «Беляев Афанасий Николаевич».
- Стихи о войне. М.: Сов. писатель, 1943. 75 с.
- Автограф: «Ирине Эрбург <лит. псевдоним И. И. Эренбург. – Б. Ф.> на память. Илья Эренбург».

- То же
Автограф: «Нагану Альтману на память Илья Эренбург».
Стихи 1938–1958. М.: Сов. писатель, 1959. 125 с.
Автограф: «Дорогой Лизе с любовью. И. Эренбург».
То же.
Автограф: «Дорогой Ядвиге на память о тех годах. И. Э. 1960».
То же.
Автограф: «Ирине с любовью. ИЭ. 1960».
То же.
Автограф: «Саве за 28 тысяч (по 14 за мученья на память о разговорах со старым И. Эр-гом. И. Эренбург».
<Автограф переписан карандашом более разборчивым почерком>.
Французские тетради: Заметки и переводы. М.: Сов. писатель, 1958. 207 с.
Автограф: «Дорогому Саве с неизменной любовью. Я знаю, что полны горше мед. Но как понять, где правда, где причуда? И сколько истин? Потерял им счет. Я всеми предан, изгнан отовсюду. И. Эренбург. 30 декабря 1958».
<Из баллады поэтического состязания в Блуа «От жажды умираю над ручьем...» Ф. Вийона, пер. Э. – Б. Ф.>.
То же.
Автограф: «Ирине на память о приятнейшем 1958 году. И. Эренбург».
То же.
Автограф: «Дорогой Лизе многострадальную мою книгу. И. Эренбург. ...
Зачем только чорт <так! – Б. Ф.> меня дернул
Влюбиться в чужую страну».
<Из стих. Э. «Во Францию два гренадера...». – Б. Ф.>.
- Эткинд Е. Г.**
Семинарий по французской стилистике. Ч. 1. Проза. Л.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1960. 274 с.
Автограф: «Очень дорогому писателю, поэту и человеку Илье Григорьевичу Эренбургу. Е. Эткинд. 28 X-61».
- Эфрос А. М.**
Господин Бержере у Старицына. М.: Р. О. Д. К., 1926. 312 с.
<Р. О. Д. К. – Русское общество друзей книги. – Б. Ф.>.
Автограф: «Илье Григорьевичу Эренбургу дружески в память парижских встреч. Париж, 1 октября 1927 Абрам Эфрос».
<Имя искусствоведа А. М. Эфроса (1888–1954) несколько раз упоминается в ЛГЖ. – Б. Ф.>.
- Юзовский Ю.**
Образ и эпоха. На шекспировские темы. М.: Сов. писатель, 1947. 190 с.
Автограф: «И. Г. Эренбургу с уважением 10.XII.47 автор».
<Юзовский Ю. [Иосиф Ильич] (1902–1964) – театр. критик. – Б. Ф.>.
- Яснополянский сборник:** Статьи и материалы. 1910–1960 / отв. ред. А. И. Поповкин. [Тула]: Тульское кн. изд-во, 1960. 224 с. (Музей-усадьба Л. Н. Толстого Ясная Поляна).
Автограф: «Глубокоуважаемому Илье Григорьевичу Эренбургу в знак моего уважения. Любарский. 26 января 1961».

Яшин А. Я.

Сирота: Повесть. М.: Мол. гвардия, 1963. 142 с.

Автограф: «Дорогому Илье Григорьевичу Эренбургу почтительно Александр Яшин 5/ II 64 г.».

<Э. цитирует выступление писателя А. Я. Яшина (1913 – 1968) в 7-й кн. ЛГЖ. – Б. Ф.>.

Книги на иностранных языках

Aragon Louis

L'enseigne de Gersaint / Hors-text de Watteau/ Neuchâtel et Paris: Ides et Calendes, 1946. 51 p.

Автограф: «à Ilya Ehrenbourg, qui comprendra mieux que qui comprend ce livre. Son ami. Aragon».

«Илье Эренбургу, который лучше поймет, чем понимающие эту книгу. Его друг Арагон».

Bloch Jean-Richard

Moscou–Paris. A la découverte du monde connu. Paris: éd. «Raison d'être», [1947]. (Explication de notre temps). 191 p.

Без автографа, с его статьей «Notre ami Ilya Ehrenbourg» («Наш друг Илья Эренбург»).

<Экземпляр издания, принадлежавшего писательнице Л. А. Бах (дочери академика А. Баха), дружившей с Ж.-Р. Блоком в годы войны в Казани, переданный ею Эренбургу. – Б. Ф.>.

Cartier-Bresson Henri

Fotografie. /Úvod napisala Anna Fárová. Bratislava: Slovenské vydavateľ'stvo krásnej literatúry, 1959. 57 p.

Автограф: «à Mr. Ehrenbourg très cordialement. H. Cartie-Bresson».

«Мсье Эренбургу очень сердечно. А. Картье-Брессон».

Chapiro Jaque

La Ruche. Paris: Flammarion, éditeur, 1960. 202 p.

Автограф: «Дорогой Илья Григорьевич, примите мой первый скудный труд в память о *La Ruche*-е и о художнике Монпарнассе с глубоким уважением к Вашему творчеству. Яков Шапиро. 13 Decembre 1961» (на авантитуле – рисунок).

Le Corbusier (наст. имя Jeanneret-Gris Charles-Edouard)

Quand les cathédrales étaient blanches: Voyage au pays des timides. Paris: Librairie Plon, 1937. 325 p.

Автограф: «à Ilya Ehrenbourg cordialement. Le Corbusier».

«Илье Эренбургу сердечно. Ле Корбюзье».

Dabit Eugène

Faubourg de Paris. Paris: Librairie Gallimard, 1933. 220 p.

Автограф: «à Ilya Ehrenbourg pour continuer notre conversation de ces loins ces images de Paris. Cordialement. Eugène Dabit».

«Илье Эренбургу, в продолжение нашей беседы в давние вечера – эти картины Парижа. Сердечно. Эжен Даби».

Debû-Bridel Jacques

Le Secret d'Emily Brontë. Ferenczi, 1950. 254 p.

Автограф: «Pour madame Ilya Ehrenbourg en témoignant de commun admiration pour Emily Brontë, cette évocation j<нрзб.> avec mes respectueux hommages et toute mon amitié. Jacque Debû-Bridel. le 11 Avril MCMLVIII».

«Мадам Илья Эренбург это напоминание <нрзб.>, в знак совместного восхищения Эмилией Бронте, с глубоким уважением и всей моей дружбой. Жак Дебю-Бридель. 11 Апреля 1958».

Delteil Jozeph

Sur le fleuve Amour. Paris: La renaissance du livre, 1922. 219 p.

Автограф: «à Elie Ehrenbourg et à Julio Jurenitoz mon maître, crainte la Siberie. Très cordialement. Delteil. Paris 19.2.25».

«Илье Эренбургу и Хулио Хуренито – моему учителю, с боязнью Сибири. Очень сердечно. Дельтейль. 19.2.25».

Durtain Luc

Quarantième Étage: Conquêtes du monde Amérique. Paris: Librairie Gallimard, 1927. 255p.

Автограф: «À Monsieur Ilya Ehrenbourg, le maître écrivain de Julio Jurenito ces tableau americain en hommage. Luc Durtain».

«Мсье Илье Эренбургу, мастерски написавшему Хулио Хуренито – эти американский картинки. С почтением Люк Дюртен».

L'autre Europe (Moscou et sa foi) Paris: Librairie Gallimard édition de la nouvelle revue française, 1928. 351 p.

Автограф: «Au cher ami et grand écrivain Ilya Ehrenbourg qui trouvera dans ce livre un court portrait et une histoire qui est à lui... (Rendez à Cesar ce qui est à Cesar). À la charmante Madame Ehrenbourg leur camarade Luc Durtain».

«Дорогому другу и большому писателю Илье Эренбургу, который найдет в этой книге маленький портрет и одну историю, относящуюся к нему... (воздавая кесарю кесарево), очаровательной мадам Эренбург – их товарищ Люк Дюртен».

Effel Jean

La création du monde. No 1. Paris: Librairie Gallimard, 1951. 61 p.

Автограф: «à Ilya et Luba, à Irene très affectueusement. 1.1.52. Jean Effel»; рисунок

«Илье, Любе, Ирине очень благосклонно. 1.1.52. Жан Эффель».

La création du monde. La Terre. [Paris]: Librairie Gallimard, 1952. 61 p.
Автограф: «à Ilya et Luba, à Irene. Jean Effel» + рисунок.

«Илье и Любе, Ирине. Жан Эффель».

La création du monde. Les Eaux [Paris]: Librairie Gallimard, 1953. 61 p.

Автограф: «À Ilya et Luba. Jean Effel».

«Илье и Любе. Жан Эффель».

La Genèse ingénue. Denoë. Paris, 1966. 176 p.

Автограф: «à Ilya, à Luba leur vieil ami Jean Effel. Paris 1967»; рисунок

«Илье, Любе их старый друг Жан Эффель. Париж, 1967».

Ehrenbourg Ilya

Un événement bien curieux // Scènes de la revolution russe par Ilya Ehrenbourg, Nicolai Nikitine, Boris Pilniak, Alexéj Rémissov. Traduit du russe avec l'autorisation

des auteurs par Serge Lieskov. Paris: La Renaissance du livre, 1923. P. 189–211. (Collection littéraire et artistique international).

Автограф: Alexei Remisov. Paris 1. II.25.

Farge Yves

Giotto et le destin de la peinture /Avant-propos de Ch. Vildrac. Illustre par l' auteur. Lyon: Les écrivains reunis, 1943. 95 p.

Автограф: «À Ehrenbourg en tape d' amitié. Prague le 5 octobre 1950. Yves Farge».

«Эренбургу с дружеским похлопыванием. Прага, 5 октября 1950. Ив Фарж».

Fels Florent

Terechkovitch. Paris: Éd. «Le triangle», 1925. 43 p. На форзаце: Kostia Terechkovitch.

Автограф: «Милой Любови Михайловне на память о Trautenau Pension <Траутенау-пансион в Берлине. – Б. Ф.> (хотел бы написать массу разных вещей, но сегодня не чувствую себя в силах). Вообще никак не могу выразить моих чувств, которые <так!> когда-то теснили мою душу (теперь тоже теснят, но меньше)... Итак, дорогой и милой Л. М. от Terechkovitch. Paris 16.IV.29».

Grenier Fernand

Au pays de Staline. Paris: Éd. sociaux, 1950. 253 p.

Автограф: «À Пюа Ehrenbourg à qui notre peuple doit tant. Amicalement. F. Grenier».

«Илье Эренбургу, которому наш народ стольким обязан. Дружески Ф. Гренье».

Guéhenno Jean

Journal d'un homme de 40 ans.[Mayenne]: Bernard Grasset, 1934 (Pour mon plaisir-VIII). 260 p.

Автограф: «à Пюа Ehrenbourg, très cordialement. Guehenno...».

«Илье Эренбургу сердечно. Геенно...».

Guillevic Eugène

Coordonnées / Dessins de Fernand Léger. Genève; Paris: Éd. des trois collines, 1948. 122 p.

Автограф: «à Пюа Ehrenbourg, qui pour *coordonnées* a choisi le beau et le bien, témoignage d' admiration pour son talent et pour son courage, Guillevic 23 Avril 49. Confer. Mondial des Partisans de la Paix».

«Илье Эренбургу, который в системе координат выбрал красоту и добро, свидетельство восхищения его талантом и его смелостью, Гильвик 23 апреля 1949. Всемирный конгресс сторонников мира».

Envie de vivre. Paris: Pierre Seghers, éd., 1951. 35 p.

Автограф: «à Пюа Ehrenbourg, à mon grand ami, à l' ami de lors les hommes de bien, à l' ami de tous les hommes pour qui poesie est centre de vie, avec l' admiration et l' affection de Guillevic. 14 (?) mars 51».

«Илье Эренбургу, моему большому другу и другу всех людей добра, другу всех людей, для которых поэзия есть средоточие жизни. С восхищением и благосклонностью от Гильвика 14 (?) марта 1951».

Guttuso Renato

12 Opere / Con una introd. di R. Carrieri. Milano: ed. del Milione, 1966. 22 p.
Автограф: «А Илья Эренбург il suo vecchio amico. Renato *Guttuso*. Omaggio a Morandi. Roma 15-6-67».

«Илье Эренбургу его старый друг Ренато Гуттузо. Посвящается Моранди. Рим 15.6.67».

Hugo Jean

Voyage à Moscou et Léningrad. Paris: Éd. cercle d'art, 1953. [23 p.]

Автограф: «à Ilya et Lubov Ehrenbourg avec la joie de les retrouver à Paris. Jean Hugo. 12.V.54» (это не автограф, а типогр. печать под факсимиле).

(Жан Гюго <внук Виктора Гюго. – Б. Ф.>.

«Илье и Любови Эренбургам с радостью от того, что обнаружил их в Париже. Жан Гюго. 12.V. 54».

El Lissitzky: Katalog: [ausstellungskatalog]: Stedelijr van Ablemuseum, Eindhoven, 3. Dezember 1965-16. Januar 1966; Kunsthalle Basel, 27. Januar – 6. Marz 1966; Kestnergesellschaft Hannover, 22. Marz – 17. April 1966. Basel: Kunsthalle, 1965. 137 S.: 111.

Автограф: «À Ilya Ehrenbourgen souvenir d' un glorieux passé et avec la perspective d'un glorieux avenir. H.Berlewi. Paris, le 22.3.66».

«Илье Эренбургу в память славного прошлого и перспективой славного будущего. Х. Берлеви. Париж, 22.3.66».

В книгу вложена вырезка из газ.: Pluchart, Francois. Le musée en Devenir. Berlewi ou l' op-art // Combat: le journal de Paris. 1965, mardi, 23 novembre, №6663. P. 9.

[Marevna]

Painting by Marevna. October 1951. The Lefevre Gallery. 2 p.

Автограф карандашом на обл.: «для Ильи Эренбурга с... Маревна».

Marevna Vorobëv.

Life in two words / Transl. by B. Nash, with a preface by O. Zadkine. London: Abelard Schuman; New York; Toronto, 1962. 310 p.

<Маревна-Воробьева – прозванная Горьким Маревной художница М. Б. Воробьева-Стебельская. – Б. Ф. >.

Автограф: «13 V/ 1962. Дорогому Илье Эренбургу на память о прошлом, с искренней дружбой любящая тебя – Маревна».

Marquet Marcelle

Marque. Avec 29 dessins originaux. Paris: R. Laffont, 1951. 189 p.

Автограф: «Pour Louba et Ilya Ehrenbourg très amicalement en souvenir de Marquet. Marcelle Marquet».

«Любе и Илье Эренбургам очень дружески на память о Марке. Марсель Марке».

Montand Yves

Du soleil plein la tête: Souvenirs recueillis par J. Denys. Paris: Les éd. français réunis, 1955. 253 p.

Автограф: «À vous, Monsieur Ehrenbourg. Bien amicalement Yves Montand Paris 55».

«Вам, мсье Эренбург, вполне дружески. Ив Монтан. Париж 55».

Du Soleil plein la tête M.: Éd. en langues étrangères, 1956. 218 p.

Автограф: «En souvenir très cordial. Yves Montand. Bonne Année! Niqounet?<нрзб.>»; рисунок.

«На память очень сердечно. Ив Монтан. Счастливого Нового года! <нрзб.>»; рисунок.

Ozenfant Ch.-E.; Jeanneret A.

La peinture moderne. Paris: Les ed. G. Grés& C°, 1925. 172 p. (Collection de «l'Esprit Nouveau»).

«Pour mon cher ami Илья Ehrenbourg Ch.Ozenfant».

«Моему дорогому другу Илье Эренбургу Ш. Озанфан».

Pire Dominique

Bâtir la Paix / En collaboration avec le docteur Ch. Dricot. Préface du professeur R. Oppenheimer. Postface de J. Griffin. Verviers: Des presses de Gérard & C°, 1966. 192 p. (Marabout).

Автограф: «Ami, acceptez ce petit livre en signe de gratitude q' un l' accueil trouvé chez vous, à Moscou, en septembre 1965. Puis a ce livre être, un jour, traduit en russe. P. Dominique Pire. 19.3.66».

«Друг, примите эту маленькую книжку в знак благодарности за прием у Вас в Москве в сентябре 1965 года, может быть, эта книга когда-нибудь будет переведена на русский. О<тец>Доминик Пир 19.3.66».

Raynal Maurice

Adolphe Feder. Avec 33 reproductions en phototypie. Roma: Ed. de Valori Plastici, 1925. 48 p.

Автограф: «À M-me Erenbourg affectueusement. Feder. Paris le 16 octobre 1925».

«Мадам Эренбург сердечно. Федер. Париж 16 октября 1925».

Soria Georges

La Porcelaine du Bonheur / avec une préface de J. Marcenac et un dessin de B. Taslitzky. Paris, Pierre Seghers, éd., 1951. 39 p.

Автограф: «Pour Илья Ehrenbourg cette *porcelaine du bonheur* que la guerre menace et qui l' aide à préserver par sa magnifique contribution dans la lutte pour la paix. Affectueusement. Georges Soria».

«Этот фарфор счастья, который война подвергает опасности, – Илье Эренбургу, помогающему ее предотвратить своим великолепным вкладом в борьбу за мир. Сердечно. Жорж Сория».

Bellifontaine. Paris: Pierre Seghers, éd., 1953. 37 p.

Автограф: «Pour mon cher Илья Ehrenbourg cette *Bellifontaine* en fraternel souvenir et en espérance. Georges Soria».

«Моему дорогому Илье Эренбургу эту “Белифонтен” с братским чувством и надеждой. Жорж Сория».

Triplet Elza

L'écrivain et le livre ou La suite dans les idées. Paris: Éd. sociaux, 1948. 109 p.

Автограф: «Любе и Илье Григорьевичу рассказ о наших спорах. Эльза».

Б. Я. Фрезинский

**ОБЗОР АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ XIX–XXI ВВ.,
ПОСТУПИВШИХ В РУКОПИСНЫЙ ОТДЕЛ ИНСТИТУТА
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ) РАН В 2016 г.**

За принесение в дар архивных материалов Рукописному отделу Института русской литературы выражаем глубокую благодарность В. Г. Аптер, М. В. Алхимовой, В. Е. Багно, А. П. Белкину, М. Б. Бессонову, А. Г. Боброву, В. Г. Болдыревой, Н. Е. Гаврилиной, А. А. Горелову, С. В. Дибнеру, А. П. Дмитриеву, Б. Ф. Егорову, И. Б. Заборовской-Басовой, Е. Е. Зингер, Е. А. Игнатовой, Л. С. Карась-Чичибабиной, Н. Г. Князевой, Т. А. Корольковой, Н. Д. Кочетковой, А. Кторовой, В. Б. Кудрявцеву, Э. И. Мальтеевой, Б. Е. Мельникову, А. Г. Мецу, К. С. Миллеру, Г. И. Мурыгину, С. И. Николаеву, О. М. Оконева, Н. М. Павлиновой, И. А. Половниковой, А. Г. Попову, Н. А. Прозоровой, А. А. Прокопенко, Н. Л. Рахмановой, А. Б. Товбину, В. В. Филичевой, В. Э. Хассельбладу, О. Н. Хлебникову, Т. С. Царьковой, А. Ю. Чернову, Ж. Шерону, О. Г. Щербининой, фонду Д. С. Лихачева.

Новые фонды

Бессонов Борис Лаврентьевич (1931–2016) – литературовед, сотрудник Пушкинского Дома. Фонд 934.

«**Делопроизводственные документы** Архива Сената (кон. XVIII – нач. XIX вв.)». Фонд 938.

Егоров Борис Федорович (р. 1926) – литературовед, историк, культуролог. Фонд 937.

Иванов Борис Иванович (1928–2015) – журналист, писатель, деятель Самиздата в СССР. Фонд 935.

Миллер Семен Самойлович (1907–1975) – писатель, режиссер. Фонд 939.

Половников Алексей Павлович (1906–1976) – журналист, писатель. Фонд 936.

Дополнения к фондам

Берггольц Ольга Федоровна (1910–1975) – поэт. Фонд 870.

Фотографии посмертной маски, похорон (2) О. Ф. Берггольц (1975).

Авторские дарственные надписи О. Берггольц на книгах, обращенные к О. М. Оконева и др. Ксерокопии, фотокопии.

Брюсов Валерий Яковлевич (1873–1924) – поэт, прозаик, драматург.

Групповой фотопортрет семьи жены В. Я. Брюсова. На паспорту. Подлинник (б. д.).

Лесков Андрей Николаевич (1866–1953) – прозаик, генерал-лейтенант, сын писателя Н. С. Лескова.

Подготовительные материалы к книге «Жизнь Николая Лескова». Рукопись, машинопись с пометами А. Н. Лескова (фрагменты), корректурные оттиски (<до 1954>).

Лесман Моисей Семенович (1902–1985) – пианист, библиофил, коллекционер. Фонд 840.¹

Творческие, биографические, изобразительные, эпистолярные материалы А. А. Ахматовой, В. Гомулицкого, Э. Насибулина, Н. Н. Пунина, Б. Н. Рыбалко и др.

Список книг (147) с дарительными надписями М. С. Лесману и Н. Г. Князевой. Ручкой Н. Г. Князевой.

А. Белякова. «Devoted to Pushkin». Заметка о коллекции М. С. Лесмана. Типогр. экз. (журн. «Soviet life», 1979).

Материалы Н. Г. Князевой (1935–2018), жены М. С. Лесмана:

«История одной жизни». Типогр. экз., 2-е изд., испр. и доп. (СПб., 2015).

Дарительные надписи Н. Г. Князевой на газетных вырезках статей (6). Типогр. экз. с автографами.

Письмо А. Кривицкого из Парижа (б. д.).

Фотопортрет в группе с А. Цэтлин-Доминикой в Париже. Атрибутирован (1993).

Поздравительная грамота к 70-летию победы в Великой Отечественной войне. Подпись Ж. И. Алферова. Подлинник (2015).

А. А. Тетерин. «Уникальный источник», «И жизнь, и книги, и любовь». Заметки. Типогр. экз. (журн. «Тосно тайм», 2015–2016).

А. А. Тетерин. «С уважением и благодарностью». Сборник с описаниями подарков из коллекции М. С. Лесмана, сделанных Н. Г. Князевой. Брошюра, выпущенная ко дню рождения Н. Г. Князевой. Типогр. экз. (Тосно, 2016; тираж – 3 экз.). С экслибрисом А. А. Тетерина.

В. И. Рубинский, дед Н. Г. Князевой, заведующий переселенческим делом в Амурском районе. Библиографический список работ (б. д.).

Рильке Райнер Мария (нем. *Rilke Rainer Maria*, полное имя: *René Karl Wilhelm Johann Josef Maria Rilke*; 1875–1926) – австрийский поэт-модернист.

Письмо к Феликсу Холлендеру. Автограф (1922).

Отдельные поступления

Балашов Дмитрий Михайлович (1927–2000) – писатель, филолог-русист и общественный деятель.

Письма от О. Г. Щербининой 55 (1966–1970) с ее пояснительной запиской (принтерный вывод, 2016).

¹ Материалы коллекции М. С. Лесмана находятся в научно-технической обработке и будут доступны исследователям после завершения комплектования коллекции и ее научного описания.

Белкин Анатолий Павлович (р. 1953) – художник, участник ленинградских выставок неофициального искусства, автор проектов-мистификаций.

«Экспедиция № 6, или Великий экваториальный поход». СПб., 1999. Типогр. экз. (№ 558). В полукожаном переплете. В картонном иллюстрированном футляре с кожаной ручкой, с приложением отдельной иллюстрированной брошюры «Рисунки участников экспедиции № 6». Книга в форме блокнота.

Быков Василь Владимирович (1924–2003) – писатель, общественный деятель, участник Великой Отечественной войны.

Письма В. Д. Дибнеру 3 (1949; 1987; 1999).

Фотопортрет групповой с В. Д. Дибнером. Подлинник (1982).

Корнилов Борис Петрович (1907–1938) – поэт.

«Люся». Поэма (отрывки). «Мне не выдумать вот такого...» («Из Автобиографии»). Стихотворение (1937). Рукой Л. Г. Басовой (<?>).

Письмо редактора журн. «Новый мир» И. Н. Гронского (1936).

Вырезки (3) с материалами о Б. Корнилове из газ. «Семеновский вестник» (2008).

А. Н. Гарри (наст. фам. Бронштейн). Письмо в дирекцию Государственного Академического Большого театра о проекте создания оперы «Котовский» (б. д.).

Материалы Л. Г. Басовой, жены Б. П. Корнилова:

Воспоминания о знакомстве с Б. Корниловым (фрагмент). Автограф (б. д.).

Письма М. П. Берновичу 4 (б. д.). Черновики.

Письма Л. Г. Басовой от М. С. Шагинян (1953), Л. М. Безрукова 3 (1959).

Материалы Т. М. Корниловой, матери Б. П. Корнилова:

Фотопортрет с сестрой. Подлинник (кон. 1950-х–нач. 1960-х). Атрибутирован И. Б. Басовой (2016).

Письма от Л. Г. Басовой 21 (1943–1959).

Материалы И. Б. Басовой (в замуж. Заборовой), дочери Б. П. Корнилова:

Письма К. В. Ефимова к И. Б. Заборовой 10 (1994; 1997; 2007–2008).

Прилож.: протоколы допросов Б. П. Корнилова (1937–1938), свидетельство о смерти Б. П. Корнилова. Машинописные копии, ксерокопии.

«Памяти Бориса Корнилова». Стихотворение М. В. Ногтевой. Автограф с памятной надписью И. Б. Басовой (1967).

«Дочь поэта». Стихотворение Вл. Семенова. Принтерный вывод (2008).

Письмо В. И. Решетникова (2008).

Афиша вечера, посвященного Б. П. Корнилову. Типогр. экз. (1997).

Миллиор Елена (Нелли) Александровна (1900–1978) – историк античности, литератор, ученица Вяч. Иванова.

Книги (12) из библиотеки Е. А. Миллиор с владельческими и дарственными надписями от М. Я. Варшавской, К. М. Колобовой, М. Л. Лозинского (1921–1964).

Петрицкий Велимир (Вилли Александрович) (р. 1931) – российский культуролог и библиофил.

Анри де Ренье. «La sandale ailée» («Крылатая сандалия»). Париж, 1906. С вклеенным письмом Анри де Ренье (автограф, б. д.) и экслибрисом Велимира Петрицкого.

Рассадин Станислав Борисович (1935–2012) – литературный критик и литературовед.

«Примиритель». Статья о Л. Э. Разгоне. Вырезка из газ. «Век» (1995. № 12). Письма к А. Е. Петуховой, жене, 39 (1963–1967).

Фотопортреты одиночные (4) и групповые (3). Б. д. Фотопортрет работы А. Ю. Чернова атрибутирован (1999). Подлинники.

Письма от Ю. А. Андреева (1964), Б. Г. Биргера (1967), Б. В. Заходера (1964), М. М. Козакова 57 (1977–1991), Н. М. Коржавина (наст. фам. Мандель) 16 (1964–1986) с приложением фотопортрета (подлинник, 1976), С. И. Липкина 11 (1971–1995), Н. Я. Мандельштам (1967), Н. Н. Матвеевой (1976), А. С. Кушнера 2 (1978; 1988), Э. А. Павлюченко (1983), Л. Э. Разгона (1988).

«Мужской взгляд». Сборник филологических эссе. Воронеж, 1997. Типогр. экз. с дарственной надписью В. Г. Кулиничева (1999).

Анонс интервью с Михалом Козаковым. Вырезка из израильского журн. «Migot» (<1991>).

«Иллюзия и реальность Михаила Козакова». Статья (авт. И. Юрьева). Вырезка из газ. «Наша страна». Ксерокопия.

Ростопчина Евдокия Петровна, урожд. Сушкова, графиня (1811–1858) – поэтесса, переводчица, драматург и прозаик.

«Стихотворения графини Ростопчиной: поэмы, повести и рассказы в стихах». <СПб., 1859 г.>. Малоформатное издание (13 × 9 см) с владельческой надписью А. Щербаковой.

Стругацкий Борис Натанович (1933–2012) – писатель–фантаст, сценарист, переводчик.

«<Рецензия>» на повесть Б. Е. Мельникова. Автограф (1978).

Чичибабин Борис Алексеевич (наст. фам. Полушин) (1923–1994) – поэт, лауреат Государственной премии СССР (1990).

«Оснежись, голова...», «Мы с тобой проснулись дома...», «Смута на Руси...», «Печальная баллада о великом городе на Неве» и др. Стихотворения (7). Автографы (б. д.).

И. В. Коциенко

Указатель имен

- А. П. см. Панкратов А. С.
А. Э. Ф. 276
Аафирь, вел. визирь 163
Абаев В. И. 762
Абамелек А. Д. (в муж. Баратынская)
см. Баратынская А. Д.
Абамелек Д. С. 120
Абамелек Е. Д. 120
Абамелек (урожд. Лазарева) М. Е. 120
Абдул-Баха (Абдул-Беха) 272
Абрамс Г. 580
Аввакум, протопоп 90, 91, 104–106, 109
Августа, имп. Германии 132, 145, 146,
170
Авербах Л. Л. 112
Аверченко А. Т. 252
Аверьянов М. В. 389
Аверьянова Л. И. 399
Авсеенко В. Г. 234
Агамалян Л. Г. 189, 191, 195, 199
Агапкина Т. П. 7, 11, 42
Агата Юльевна, учительница немецкого
языка 45
Агин А. А. 201, 205
Адамович А. М. 472, 711
Адамович Г. В. 769
Адарюков В. Я. 194, 210, 212, 216
Адлерберг А. В. 147, 149, 150, 159, 753
Адлерберг Ю. Ф. 153
Адольф-Вильгельм Нассауский 131
Адрианова-Перетц В. П. 761
Азадовский К. М. 2, 217, 218, 226, 239,
407
Азадовский М. К. 462
Азаров В. 711
Азов В. (наст. имя и фам. В. А. Ашки-
нази) 252
Айзеншток И. Я. 761
Айхенвальд Ю. И. 223, 250, 251
Акимов Н. П. 2, 439, 511, 512, 517, 523,
524, 526, 532, 539, 597–599, 603,
611, 613, 614
Аксаков И. С. 17, 161, 752
Аксаков С. Т. 255, 493
Аксененко Е. М. 763, 765
Аксёнкин А. 570
Аксенов В. 801
Алданов (наст. фам. Ландау) М. А. 31
Алеко-Паша 163
Александр I, имп. 125
Александр II, имп. 122, 124, 125, 137,
143, 146, 151, 154, 156, 157, 164,
170, 172, 174, 753
Александр III, имп. 46, 53, 132, 156,
157, 170, 171, 205
Александр Македонский 280
Александр Николаевич, наследник
цесаревич 205
Александра Иосифовна, вел. кнг. 135,
153
Александра Петровна, вел. кнг. 155,
156, 161
Александра Федоровна, имп. 53, 120,
143, 149
Александров А. В. 481
Александров А. С. 227, 228, 270
Александров (Келлер) В. Б. 459
Александров В. М. 175, 178, 181–186
Александров Г. Ф. 803
Александрова Э. К. 228, 270
Алексеев В. 708
Алексеев Г. 2, 703–705, 707–710, 713–
715, 746
Алексеев М. П. 761, 771
Алексеева М. А. 705, 709
Алексий Московский, св. 103
Алепер 272
Алешенко И. П. 753
Алигер М. И. 771, 778
Аловерт Н. Н. 611, 614
Алферов Ж. И. 813
Алферова В. Я. (в муж. Росковшенко)
749, 751, 752
Алхимова М. В. 812
Алчевский И. А. 74
Альберт Саксен-Кобургский, принц 140
Альбов М. Н. 234, 237, 241, 263
Альтман И. В. см. Щеголева И. В.
Альтман М. С. 761
Альтман Н. И. 397, 400, 403, 405, 407,
414, 421, 423, 424, 440, 442, 803,
806
Амвросий Оптинский, преп. 229
Амфитеатров А. В. 228, 231
Анастасия Михайловна, вел. кнг. 153
Андерсен Х. К. 111, 116

- Андреас-Саломе (урожд. Саломе) Л. 217–219, 221
 Андреев В. Л. 771, 772
 Андреев Л. Н. 228, 241–244, 257, 771
 Андреев Н. А. 254
 Андреев Ю. А. 815
 Андреева М. Ф. (в замуж. Желябушская) 223
 Андрей Рублёв, преп. 103
 Андроников И. Л. 400, 401, 772
 Аникст А. А. 772
 Анисимова А. П. 772
 Аничкова А. М. 296
 Анна Иоанновна, имп. 758
 Анненков П. П. 140
 Анненков П. В. 140, 190, 263
 Анненков Ю. Л. 772, 785
 Анненкова В. П. 140
 Анненская Е. А. 392
 Анненский В. И. (псевд. Валентин Кривич) 392–395
 Анненский И. Ф. 290, 394, 395, 769, 770
 Антипов А. Н. 46
 Антокольский Марк Матвеевич (наст. имя и отчество Мордух Матысович) 46, 52, 53
 Антокольский П. Г. 599, 600, 602, 603, 605, 606, 608, 611–613, 772, 773
 Антонен 205
 Антонова О. М. 252
 Антонович Б. Б. 412
 Апраксин А. И. 200
 Апраксина (в замуж. Долгорукова) М. А. 199, 200
 Аптер В. Г. 615–617, 812
 Арабажин К. И. 257, 258
 Арагон Л. 807
 Аристотель 280, 281
 Арищенко Г. Г. 758
 Аронзон Л. Л. 615, 616, 621, 624–627, 629, 630
 Арсеньев Д. С. 158, 159
 Арсеньев К. К. 229, 240
 Арсланов В. Г. 444, 448, 457, 504
 Арцыбашев М. П. 241, 257
 Асеев Н. Н. 557, 569, 570, 572, 574, 575, 582, 590, 594, 773, 792
 Астафьева-Длугач М. И. 398, 404, 442
 Атика И. 282, 286
 Афанасьев А. Н. 441
 Афанасьев Л. Н. 234
 Афанасьев П. 619
 Афина Паллада 282
 Ахемениды 286
 Ахматова А. А. 399, 440, 517, 533, 607, 613, 627, 769, 770, 813
 Ашрафи М. А. 433, 442
 Ашрафи М. М. 433, 442
 Баб 271, 272, 279, 287
 Бабель И. Э. 769, 770, 773
 Бабичева Ю. В. 312
 Бабкин Д. С. 200
 Бабореко А. К. 8, 42
 Бабушкин Я. Л. 443, 459, 465–467, 470, 472, 473, 482, 504
 Багно В. Е. 2, 770, 812
 Багратион П. И. 138
 Багратион П. Р. 137, 138
 Баженов П. 413
 Базанов В. Г. 762
 Базаров И. И. 153, 154
 Базиянц А. П. 120
 Байбурин А. К. 447, 453, 504
 Байер В. П. 598, 611
 Байков А. А. 455, 502, 503
 Байрон Дж. Г. 58, 59, 124, 136, 280, 597–600, 605, 610, 611, 614
 Байрон Ч. 64, 78, 280
 Бакиханов А. А. А. 752
 Бакланов Г. Я. 773
 Бакст Л. С. 56
 Балабанович Е. 3, 773
 Балабина Ф. И. 424, 440
 Балаева С. Н. 762
 Балашов Д. М. 813
 Балтрушайтис Ю. К. 59, 60
 Балухатый С. Д. 491, 492, 494
 Балцвиник М. А. 767
 Бальмонт К. Д. 55, 58, 59, 61–64, 74–78, 81, 85, 228, 563, 769
 Бантыш-Каменский Д. Н. 750
 Баранов А. С. 753
 Баранов П. А. 753
 Баранов Т. О. 153
 Баранова (урожд. кнж. Васильчикова) А. А. 134, 137, 138, 141, 166
 Баранова А. П. 134, 141, 166
 Баранова Н. В. см. Росковшенко Н. В.
 Баранцевич К. С. 229, 234, 237, 246, 251, 257, 263
 Баратов П. 238?

- Баратынская (урожд. кнж. Абамелек)
 А. Д. 119–146, 150–155, 157–159,
 161–174
 Баратынский А. А. 121
 Баратынский Е. А. 119, 121
 Баратынский И. А. 121, 122, 126, 128, 129
 Бардин И. П. 455
 Бархударов С. Г. 762
 Барочкин А. М. 101
 Баршев Н. В. 296
 Барыкин М. А. 101
 Барыкин М. М. 89, 101
 Барыкины, семья 94
 Басманов А. Е. 17, 42
 Басова (в замуж. Заборова) И. Б. 814
 Басова Л. Г. 814
 Бассано П., де 168
 Бауров К. А. 473
 Бах А. Н. 807
 Бах Л. А. 807
 Бахаулла (Беха-Улла) 271, 284, 286, 287
 Бахман Г. Г. 55, 58–61, 64, 68, 70, 72, 75,
 77, 78
 Бахман Е. Е. 60, 72, 78, 82
 Бахрах З. С. 602
 Бахтин М. М. 625
 Башилов М. С. 201, 204
 Башкирцева М. 558
 Безобразова (Пожарская, Долгорукая)
 А. А. 212
 Безрукова Л. М. 814
 Безручко-Высоцкая (в замуж. Росков-
 шенко) А. К. 749
 Беккер П. 222
 Беккер Р. М. 517, 533
 Беклин А. 238, 571
 Белевский-Жуковский А. А. 162, 167
 Белецкий А. И. 311, 315
 Белинский В. Г. 491, 495, 496, 791
 Белкин А. П. 812, 814
 Белкин В. П. 399
 Белый А. (наст. фам. и имя Бугаев Б. Н.)
 62, 65, 69, 70, 73, 74, 85, 223, 435,
 618, 769, 774
 Бельчиков Н. Ф. 761
 Беляев А. Н. 805
 Беляев Д. Г. 534
 Беляев Ю. Д. 252
 Белякова А. 813
 Бём (урожд. Эндаурова) Е. М. 47, 51
 Бенке А. 48, 54
 Бенуа А. Н. 66, 218, 584
 Бенуа Л. Н. 439
 Берг Р. Л. 472
 Берггольц О. Ф. 111–116, 472, 504, 711,
 774, 812
 Бердяев Н. А. 223
 Березина В. Г. 762
 Березкина С. В. 443
 Беренштам (Бернштам) Ф. Г. 419, 438
 Берия Л. П. 478, 502, 503
 Беркенфельд М. Ф. 18
 Беркенфельд Ф. А. 18
 Берков П. Н. 455, 761, 762
 Берковский Н. Я. 495
 Бернович М. П. 814
 Бессонов Б. Л. 812
 Бессонов М. Б. 812
 Бетаки В. П. 602, 603, 611, 614
 Бианки В. В. 537
 Бибииков И. Г. 144
 Билибин И. Я. 106, 438
 Бинг С. 66
 Биневич Е. М. 472, 504
 Биргер Б. Г. 815
 Бисмарк-Шёнхаузен О., фон 151
 Битерякова Е. В. 17, 42
 Битюгова И. А. 268
 Благой Д. Д. 761, 762
 Блантер М. И. 432, 442
 Блейк 557
 Блейман М. Ю. 520, 521, 524, 525, 532,
 533
 Блейман Ю. 533
 Блинова О. А. 434
 Блок А. А. 228, 243, 289, 308–310, 312–
 316, 385, 386, 393, 395, 396, 412,
 594, 595, 606, 612, 630, 774, 779, 791
 Блок Ж. Р. 807
 Блок Л. Д. 393, 395
 Блюм А. 711, 746
 Боборыкин П. Д. 240, 241
 Бобринский А., гр. **нет**
 Бобринский А. В. 134
 Бобринский А. П. 159
 Бобринский В. А. 171
 Бобров А. Г. 812
 Бобров С. П. 557, 560, 561, 582, 593
 Бобровский К. С. 421, 439
 Бобышев Д. В. 621, 623, 625
 Бовкало А. А. 289, 308
 Богарне Ж., де 135, 146

- Богарне С., де, герцогиня Баденская
 123, 146
 Богатенко Я. А. 104, 105
 Богатырев К. П. 777, 790
 Богатырев П. Г. 790, 794, 802
 Богданов А. 619
 Богданов Г. П. 610
 Богданов-Бельский Н. П. 263
 Богословский П. С. 388
 Божнев Б. Б. 786
 Боклевский П. М. 201, 205
 Болдырева В. Г. 812
 Бондарев Ю. В. 775
 Бонди А. 236
 Бонди В. А. 235, 236, 258, 263, 265
 Боняк 325, 327, 343, 353, 368, 375,
 381–383
 Борисов Н. 610
 Борисов-Мусатов В. Э. 56, 59, 66
 Борисовская Л. Е. 113, 116
 Борисоглебский М. В. 296, 298, 302,
 304, 399
 Бородин А. П. 46
 Боротин С. Н., фон 220
 Бострем 790
 Ботвин А. П. 448, 504
 Боткин Ф. В. 82
 Боткина А. П. 62, 79, 81, 82
 Боттичелли С. 59, 69, 121, 493
 Боцяновский В. Ф. (псевд. Вл. Б.) 263
 Брак Ж. 538
 Брандис Н. М. 762
 Брауде Л. Ю. 111, 116
 Браудо А. И. 400
 Браудо И. А. 397, 400, 402, 403, 412,
 422, 423, 434, 440
 Браун см. Brown E. J.
 Браунер А. 217
 Брезгуновский 203
 Брейтнер Х. 67
 Брешко-Брешковский Н. Н. 234
 Брик Л. Ю. 420, 573, 574
 Британишский В. Л. 775
 Брод З. О. 403–405, 421
 Бродский И. А. 439, 594, 595, 625, 626, 709
 Бродский И. И. 580
 Брукнер А. 421
 Брусянин В. В. 244
 Брызгалова, сослуживица Н. А. Под-
 копаева 501
 Брэдли Г. З. 31
 Брюлло А. П. 121, 191, 202
 Брюсов В. Я. 55, 59–62, 64, 70, 74–79,
 82–85, 228, 250, 251, 290, 622, 792,
 800, 812
 Брюхоноенко Н. А. 404, 405, 420, 439
 Бугай Н. Ф. 449, 504
 Буданцев С. Ф. 395
 Будберг А. Ф., фон 132, 137, 138
 Будберг П. А. 137, 138
 Будённый С. М. 97, 421
 Будищев А. Н. 234
 Будницкая см. Миллер-Будницкая Р. З.
 Буковский Ч. 628
 Булгаков А. Я. 201, 204
 Буль А.-Ш. 486, 487
 Бунин И. А. 7–11, 14–43, 243, 386, 393,
 394, 396, 607, 613, 787
 Бунин Ю. А. 23, 27, 41
 Бунина В. Н. 8, 9, 14, 17, 19, 20, 22–33,
 36, 38, 40–42
 Бурлюк Б. (Н.?) 578
 Бурлюк В. Д. 571, 573, 580, 581, 584,
 589, 590, 591,
 Бурлюк Д. Д. 2, 553, 556–559, 562,
 564–596
 Бурлюк М. Д. 558, 588
 Бурлюк (урожд. Еленевская) М. Н.
 558, 566–579, 581, 584, 587, 588,
 591–595
 Бурлюк Н. Д. (Николай – брат Д. Д.
 Бурлюка) 584, 589–591
 Бурлюк-Кузнецова Л. Д. 584, 585
 Буслаев Ф. И. 17
 Буткова Е. А. 757
 Буцци П. см. Buzzzi P.
 Бушмин А. С. 762
 Быков В. В. 814
 Быков П. В. 234
 Быстрова О. В. 113, 116
 Бычков А. Ф. 46
 Бьёрнсон Б. 111
 Бялик Б. А. 495
 Бялый Г. А. 762
В. Ш. 559
 Вавилов С. И. 455, 502, 503
 Вавулин Н. В. 245
 Вагнер Р. В. 300
 Вайншенкер П. Л. 787
 Валиева Ю. М. 618, 623
 Валув П. А. 156, 158, 159

- Ван Гог В. 579
 Варшавская М. Я. 814
 Василек Теребовльский, кн. 318, 325,
 326, 328, 348, 352, 381, 382
 Василий III, царь 408
 Васильев 202
 Васильева О. К. 756
 Васильчикова Е. А. 138
 Васнецов В. М. 584, 585
 Васнецов Ю. А. 536, 539
 Ваулин И. И. 194
 Вахитова Т. М. 506, 532
 Введенский А. И. 491, 492, 537
 Вейнберг П. И. 240
 Вейс З. А. 401
 Вейсберг-Римская-Корсакова Ю. Л. 452
 Великанов А. А. 399, 403, 404, 406, 442
 Великанов А. П. 404, 405, 421, 422
 Великовская Г. Э. 767
 Вельяшев А. Л. 203, 205
 Вельяшев Е. Л. 203–205, 213
 Вельяшевы 190, 195, 213
 Венгеро С. А. 53, 54, 246
 Венгерова З. А. 217, 223
 Вера Константиновна, вел. кнг.,
 герцогиня Вюртембергская 134,
 135, 153, 169
 Вересаев В. В. 398, 410, 497
 Верещагин И. Г. 273
 Вермель С. М. 560
 Верховская И. Б. 53
 Верховский Ю. Н. 399
 Верцман И. Е. 455, 474, 491
 Веселитский-Божидарович Г. С. (псевд.
 Аргус) 271
 Вестин А. П., де (псевд. Иван де
 Вестин) 163
 Вечеслова Т. М. 424, 426, 440
 Вивьен А. Э. 410
 Вивьен Н. 410
 Вигель Ф. Ф. 202
 Визе В. Ю. 509, 514, 532
 Вико Дж. 490
 Виктория Саксен-Кобургская 140
 Виктория, королева Великобритании
 140, 141
 Викторов С. П. 762
 Вилинский В. А. 187
 Вильгельм I, имп. Германии 132, 143,
 145, 146, 156, 170, 174
 Вильгельм II 156, 286
 Вильгельм-Евгений Вюртембергский,
 герцог 153, 156
 Вильгельмина Юльевна, учительница
 немецкого языка 415
 Вилькина Л. Н. 72
 Винавер М. Л. 296, 297, 299
 Виноградов В. В. 315, 762
 Виноградов Н. Д. 199, 200
 Виноградов С. 68, 73, 76, 79, 85
 Виноградова Е. В. 597, 598
 Виноградова, инспектор милиции 454,
 476–478, 481, 483
 Виноградский А. П. 199
 Винокуров Е. М. 775
 Вирт Й. 223
 Витте С. Ю. 286
 Вишневский В. В. 775, 776
 Вишневский И. М. 752
 Владимир Александрович, вел. кн. 124,
 164
 Владимир Константинович, вел. кн. 164
 Владимир Мономах, кн. 317, 318,
 381–383
 Владимиров С. 574
 Влангали А. Е. 169
 Власов В. А. 539
 Воейков И. 758
 Воейкова А. А. 208
 Возненко В. В. 776
 Вознесенский А. А., поэт 776
 Вознесенский А. А., директор ЛГУ 455
 Вознесенский Н. А. 503
 Войнович В. Н. 776
 Войткевич Я. И. 609, 613
 Володарь Ростиславич, кн. 317
 Володина Р. 574
 Волошин М. 59, 804
 Волчок Ю. П. 398, 404, 442
 Волькенштейн Ф. Ф. 394
 Вольф Л. М. 231
 Воробьев В. 714
 Воронин Г. И. 203
 Воронин Д. Г. 203
 Воронов Ю. 714
 Воронцов М. С., гр. 750
 Воропаев Г. И. 605, 611
 Ворошилов К. Е. 97, 421
 Ворошильский В. 594, 595
 Воскресенский, сапожник 516
 Востриков А. В. 386
 Востряков Б. Д. 69, 85

- Вострякова М. В. 69
 Врубель М. А. 56, 59, 67, 72, 74, 77, 82, 85
 Всеволод Ярославич, кн. 317, 330, 342, 382, 383
 Вульф 81
 Вульф А. Н. 198
 Вульф Е. Н. 198
 Вундерли-Фолькарт Н. 222
 Выгодская Р. С. 478, 479
 Выгодский А. Г. 468, 474, 478
 Выгодский Г. Е. 478
 Вяземская (урожд. кнж. Гагарина) В. Ф. 125, 129, 145, 159
 Вяземская Е. П. 157
 Вяземская (урожд. Столыпина) М. А. 129, 141, 156
 Вяземская Н. П. 124–125, 164, 165
 Вяземский П. А. 2, 119–139, 141, 142, 144–147, 149–159, 161–165, 167–174
 Вяземский Павел Петрович 125, 126, 156
 Вяземский Петр Павлович 172
 Вяткин Г. А. 387
 Вяткина (Юрганова) К. В. 2, 386–391, 394, 395
- Гаврилина Н. Е. 812
 Гаврильченко В. С. 461, 469, 504
 Гаврильчик В. В. 616, 623, 688
 Гагарин Г. Г. 191, 202, 209
 Гагарин Н. С. 143
 Гагарин С. С. 135, 136, 159
 Гагарина (урожд. гр. Валевская) И. А. 134
 Гагарина (урожд. гр. Пален) В. Ф. 135, 136, 159
 Гагарина (урожд. Дашкова) Софья Андреевна 157
 Гаккебуш М. М. 248, 263
 Галимова Е. Ш. 104, 106, 109, 110
 Галушкин А. Ю. 113, 116
 Гальперина-Осмеркина Е. К. 401
 Гамильтон У., герцог 123
 Гамсун К. 111
 Ганелин Р. А. 449, 504
 Ганзен (урожд. Васильева) А. В. 111–116, 291, 294–296
 Ганзен Л. П. 115
 Ганзен П. Г. 111, 113
- Ганзены, семья 111
 Гарднер Р. А. 176, 177, 187
 Гарин К. А. 252
 Гарин-Михайловский Н. Г. 438
 Гарлин В. (наст. имя и фам. Гавенанам В. А.) 418, 437
 Гарри (наст. фам. Бронштейн) А. Н. 814
 Гарриман 587
 Гаршин В. М. 243, 244
 Гауптман Г. 2, 217–223, 225
 Ге Г. Г. 252
 Геворк Э. 802
 Гегель Г. В. Ф. 471, 472, 483, 485, 490
 Геенно Ж. 809
 Гейбель Э. 123
 Гейне Г. 123, 142, 143, 145, 170, 214
 Гейченко С. С. 411, 419, 435
 Гельмерсен В. В. 319
 Гельфрейх В. Г. 397, 398, 404, 423
 Генкель Г. Г. 303
 Георгий, герцог Лейхтенбергский 170
 Герасимов С. А. 500
 Герасимова В. А. 776, 777
 Герзони А. С. 478, 479
 Герзони И. Л. 478
 Герман А. А. 449, 504
 Герман В. М. 444, 504
 Герман Ю. П. 540, 547
 Гернет Н. В. 437
 Геродот 280, 592
 Геронтий, еп. (Лакомкин) 105
 Герцен А. И. 800
 Герцфельде В. 777
 Гершкович Е. 56, 85
 Герье В. И. 17, 35
 Гессе М. 444
 Гете И. В., фон 64, 78, 214, 221, 300, 785, 800
 Гефт А. А. 488
 Гефт Н. А. 488
 Гиль Р. 622
 Гильвик Э. 809
 Гильденбанд Иксуль (урожд. Лутковская) В. И., фон 169
 Гиляров-Платонов Н. П. 752
 Гимар Э. 57
 Гингер А. С. 785
 Гинзбург Б. Б. 528, 534
 Гинсбург С. Л. 762
 Гиппиус (псевд. Вл. Бестужев, Вл. Нелединский) Вл. В. 407

- Гиппиус Вас. В. 407, 486, 487, 490, 491, 497
 Гиппиус З. Н. 9, 12, 22, 28, 29, 40, 42, 400, 401, 407
 Гиппиус Н. В. 407
 Гиржев 749
 Гирс. А. Ф. 764
 Гирс (урожд. Хлебникова) Г. А. 763, 764, 765
 Гирс Г. Ф. 763, 764, 765
 Гирс (урожд. Соловьева) Е. М. 763, 764, 765
 Гирс М. Г. 764, 765
 Гирс Ф. А. 763, 764
 Гиришман Ж. см. Hirshman J.
 Гитович А. И. 798
 Глаголь С. 584
 Гладилин А. 777, 801
 Глазунов А. К. 438
 Глазунова О. К. 47
 Глебова-Судейкина О. А. 252, 399
 Глинка С. П. 121
 Глинский Б. Б. 229, 270
 Гнедич Н. И. 202
 Гнедич П. П. 757
 Гнедич Т. Г. 2, 597–600, 610–614
 Гнедов В. И. 582
 Гогенлоэ-Лауэнберг, кн. 141
 Гоголь Н. В. 24, 154, 159, 251, 253–256, 260, 262, 263, 485–487, 490–494, 497, 512, 518, 537, 539, 588, 753
 Голендер см. Холлендер
 Голицын В. М. 91, 102
 Голицын Д. В. 159
 Голицын И. И. 102
 Голицын Н. Н. 176, 178, 187
 Голицын С. М. 102, 109
 Голицына (урожд. кн. Валуева) 144–145
 Голицыны, семья 91, 102
 Голлербах Е. А. 398, 442
 Голлербах Э. Ф. 193, 194, 197, 214, 394
 Головачёв, актер 101
 Головин А. Я. 70, 74, 79, 80, 81, 438
 Головина А. Н. 140
 Голсуорси Дж. 537
 Голубева О. Д. 45, 49, 54
 Гольцов Р. 619
 Гомер 146
 Гомулицкий В. Т. 813
 Гонкур Ж. 66
 Гонкур Э. 66
 Гонто-Бирон А. А. Э., де 146
 Гончаров Г. А. 449, 450, 504
 Гончаров И. А. 176, 276, 285, 539, 575, 576
 Гончаров С. М. 579, 580, 585
 Гончарова Н. С. 580–583, 585, 589
 Гоппе Г. 708, 710
 Горбовский Г. Я. 428, 441, 625
 Горбунов И. И. 111
 Горелов А. А. 812
 Горин-Горяинов Б. А. 252
 Горленко В. П. 231
 Городецкий С. М. 243, 250
 Горчаков А. М. 132, 144–146, 159
 Горчаков К. А. 146
 Горчаков М. А. 146
 Горький М. (Максим Горький, наст. имя и фам. Пешков А. М.) 27, 45, 54, 79, 113, 221, 223, 290, 295, 309–313, 315, 316, 319, 385–388, 390, 393, 395, 396, 437, 509, 518, 594, 595, 799, 810
 Горяев В. Н. 539
 Горякин П. С. 627
 Гофман В. В. 59
 Гофман Э. Т. А. 300
 Гофманы 276
 Гофмейстер А. 770, 777
 Грабарь И. Э. 66
 Градов Ю. 561
 Гранин Д. А. 472, 711
 Граф 38
 Граф (урожд. Клочкова) Е. Н. 38
 Грачев (Вите) Р. И. 615, 616, 621, 629, 630, 700
 Гребенщиков Г. Д. 387, 395
 Гребенчиков И. В. 455
 Гребницкая (урожд. Писарева) Е. И. 175, 176, 178, 185, 186
 Гребницкий Н. А. 176, 177, 178, 180, 182, 185, 188
 Грей К. см. Gray С.
 Греков (Мартыщенко) М. Б. 580
 Гренье Ф. 809
 Греч Н. И. 752
 Гречнев В. Я. 401
 Гриб В. Р. 459, 474
 Грибоедов А. С. 40, 146, 201, 204, 209
 Григ Э. 618
 Григорович Д. 51
 Григорьев Б. Д. 594, 595

- Грин М. Э. 9, 30, 43
 Гринеvская И. А. (один из псевд. – И. Г.) 271, 272, 274, 285–287
 Гриц Т. С. 556, 561–563
 Грознова Н. А. 507, 508
 Громова Н. А. 112, 116, 460, 505
 Гронский И. Н. 814
 Гроссман В. С. 771, 777, 778
 Грудниvина Н. И. 704, 708
 Груздев И. 395, 396, 778
 Груздева 395
 Грузинов И. В. 778
 Грякалова Н. Ю. 228, 270
 Гугерт Д. 141
 Гудзенко С. П. 778
 Гуковский Г. А. 462, 477, 485, 495
 Гумилев Н. С. 312–314, 607, 608, 613, 769
 Гура В. В. 778
 Гурамишвили О. А., 177
 Гуревич Л. Ю. 623
 Гуро Е. Г. 563, 591
 Густав IV Адольф, король Швеции 138
 Гуттузо Р. 810
 Гюбнер Й. А. 145, 146
 Гюго Ж. 811
- Д'Абзак П. 137
 д'Амелия А. 588
 д'Аннунцио Г. 64
 Д'Осуна М. Т. Х., дон 137
 Даби Э. 807
 Давидович Л. Я. см. Штерн Л. Я.
 Давыд Игоревич, кн. 317, 318, 381, 382
 Давыдова О. С. 55
 Давыдова С. А. 47
 Даль В. И. 91, 468, 752
 Данилова Е. В. 187
 Данте А. 56, 69, 84, 212, 490, 537, 538
 Данько Е. Я. 399
 Дараган см. Кулжинская А. А.
 Дvинятина Т. М. 7, 25, 42
 Двораковский В. Д. 536, 537, 541
 Дёбрин А. 223
 Дебю-Бредель Ж. 808
 Дегув де Нункве В. 56, 71, 85
 Дельвиг А. А. 159, 195
 Дельвиль Ж. 56
 Дельвин А. И. 195
 Дельгейль Ж. 808
 Дембровский А. В. 172
 Деменок Е. Л. 570
- Дементьев 530, 531
 Демидова О. Р. 584
 Демосфен 280
 Дени М. 56, 59
 Денисов С. 566, 568, 571, 572, 574, 575, 577, 582, 585, 588, 594, 595, 596
 Державин Г. Р. 250, 769
 Джойс Д. 76, 85
 Джорджоне 493
 Дзержинский И. И. 432, 441
 Дзюбенко М. А. 38, 42
 Дибнер В. Д. 814
 Дибнер С. В. 812
 Диев В. А., 762
 Диккенс Ч. 259
 Дилакторская Л. Л. 430, 441
 Дилакторский Л. Л. 441
 Дионисий 280, 282
 Дипман Б. 23
 Дичаров (наст. фам. Дич) З. Л. 115, 116
 Дмитриев А. П. 812
 Дмитриева В. Д. 187
 Дмитриева (урожд. Данилова) П. П. 187
 Добужинский М. В. 81, 194
 Довлатов С. Д. 439
 Долгорукие 206
 Долгорукий А. И., кн. 202, 210, 212
 Долгорукий Д. И., кн. 202, 210, 212
 Долгорукий И. М., кн. 211, 212
 Долгоруков А. В. 156, 159
 Долгоруков С. А., кн. 156, 199, 200
 Долгорукова (кнг. Юрьевская) Е. М. 157
 Долгорукова (урожд. Апраксина) М. А. 199
 Долгорукова (во втором браке Бенкендорф) М. С. 156, 158, 159
 Долинский С. Д. 592
 Домбровский Ю. О. 778, 779
 Донаурова М. И. 144
 Дорошевич В. М. 250, 259, 260
 Дорошевич О. М. 260
 Достоевская А. Г. 267, 268
 Достоевский Ф. М. 154, 267, 268, 270, 290, 443, 444, 457, 496, 504, 505, 539, 586, 625
 Дружинин П. Д. 762
 Дубовиков А. Н. 27, 42
 Дубровский А. В. 119
 Дудин М. А. 611
 Дурнов И. Т. 65
 Дурнов М. А. 2, 55–65, 67–85

- Дурнов Т. Ф. 64
 Дымов Н. А. 252
 Дымов О. (наст. имя и фам. О. И. Перельман) 252
 Дьяконов И. М. 444, 445, 449, 451, 452, 454, 457, 504
 Дьяконова Н. Я. 444, 446, 456, 483, 504
 Дэвис Р. Д. 7
 Дюртен Л. 808
 Дягилев С. П. 79–81, 440, 583–585, 589, 590

 Евгений, герцог Лейхтенбергский 170
 Евгения, имп. Франции 123, 133, 135, 168, 169
 Евгения Максимилиановна, герц. Лейхтенбергская, принцесса Ольденбургская 155, 156, 165
 Евреинов Н. Н. 252
 Еврипид 282
 Еврипиды 282
 Евсеев С. А. 398
 Евтущенко Е. А. 680, 708, 776, 779
 Еголин А. М. 517, 533
 Егоров Б. М. 91
 Егоров Б. Ф. 812
 Екатерина II, имп. 130, 172, 758
 Екатерина Михайловна, вел. кнг. 130, 131, 142, 156–158, 161, 167
 Елагин И. (наст. имя и фам. Матвеев И. В.) 569
 Елена Павловна, вел. кнг. 121, 130, 156, 157
 Елена Юльевна, учительница немецкого языка 415
 Елизавета Алексеевна, имп. 119
 Елизавета Михайловна, вел. кнг. 131
 Елизавета Федоровна, вел. кнг. 39, 206
 Елизаветина Г. Г. 176, 187
 Елисеев Н. 704, 746
 Ельцова К. см. Лопатина Е. М.
 Ельяшевич А. М., 703
 Емельянов Б. М. 461, 469, 504
 Епанчина А. А. 762
 Епанчины, род 761
 Еремеева О. Л. 28, 29, 33
 Ерёмин М. Ф. 618
 Ермилов В. В. 779
 Ермилова (Пожарская) С. А. 204
 Ермолаева В. М. 536, 538
 Ерохов 23

 Ерыкалова И. Е. 312
 Есенин С. А. 439, 554, 576, 585, 595, 778, 786
 Ефимов К. В. 814

 Жадова Л. А. 588
 Жадовская Е. Н. 140
 Жадовский Н. И. 140
 Жамм Ф. 290
 Жданов А. А. 112, 493, 496, 509, 517, 518, 533
 Жданов Л. Г. 234
 Жебунев В. А. 185
 Жебунев Н. А. 185
 Жебунев С. А. 185
 Жегин Л. Ф. 580
 Железнякова, актриса 101
 Желудков С. А. 623
 Жемчужников А. М. 17
 Жерлингамы 161
 Живов М. С. 779
 Жидко-Андреев А. В. 753
 Жирмунская Н. А. 762
 Жирмунский В. М. 761, 762, 779, 780
 Житенев А. А. 617
 Житинский А. 715
 Житков Б. С. 537
 Жихарева К. М. 299, 387
 Жолковский А. К. 552
 Жуков Д. А. 196, 197, 199, 206, 207, 209, 216
 Жуковская А. В. 166, 167
 Жуковский В. А. 122, 139, 159, 167, 567, 569, 750, 769
 Жуковский П. В. 166, 167
 Журавлев А. М. 398, 404, 442
 Журавлев Д. Н. 780

 Заболоцкий Н. А. 540, 780
 Заборова-Басова И. Б. 812, 814
 Завадский Ю. А. 429, 441
 Заволокин П. Я. 296
 Завьялова А. Е. 66, 85
 Загоскин М. В. 204
 Зайцев Б. К. 223
 Замирайло В. Д. 56
 Замятин Е. И. 312–314, 386, 389, 392–394, 399, 628, 769
 Замятина Л. Н. 392, 394, 395
 Зандерлинг К. И. 442
 Зандерлинг Т. К. 432, 442

- Зарубина Н. 539
 Засецкая Ю. Д. 159
 Захаренко Н. Г. 764
 Заходер Б. В. 815
 Званцев С. 780
 Звенигородский 50
 Зданевич И. М. 557–559, 582–584, 593, 780
 Зданевич К. М. 780
 Зеленая Рина (наст. имя Е. В.) 401–403, 405, 420
 Зелинский К. Л. 780, 781
 Зенефельдер А. 205
 Зенкевич М. А. 781
 Зенькович В. В. 535–552
 Зиначев А. 711
 Зингер Е. Е. 812
 Злотников Н. 708
 Золотницкий Д. И. 598
 Зошенко В. В. 2, 506, 508–532, 541
 Зошенко В. М., сестра 515, 517, 522, 523, 526
 Зошенко В. М., сын 530
 Зошенко М. М. 2, 506–534, 537, 540–546, 548, 552, 769, 781
 Зубарев А. Е. 387
 Зубова Л. В. 626
 Зульцер 165–169
- Ибсен Г.** 111
Иванов А. А. 46
Иванов Б. И. 2, 615–700, 812
Иванов Вяч. Вс. 625
Иванов Вяч. И. 59, 250, 398, 586, 769, 814
Иванов Г. В. 583–585
Иванов И. А. 191, 202
Иванов И. И. 618
Иванов К. К. 623
Иванов М. К. 623
Иванова (урожд. Оттенберг) В. Н. 436
Иванова (урожд. Митрофанова) В. П. 618
Иванова Е. В. 228, 270, 313, 314, 385
Иванова З. С. 15
Иванова И. Р. 412, 435, 436
Иванова Л. Н. 399, 436
Иванова Т. Г. 17
Иванов-Разумник Р. В. 311, 399, 412, 435, 436
Иваск Ю. П. 555, 558
Ивнев Р. (наст. имя и фам. Ковалев М. А.) 582
- Игнатова Е. А.** 812
Игнатъев Н. П. 151, 158
Игошева Т. В. 309
Издебский В. А. 805
Изергина А. Н. 400
Измайлов А. А., протонерей 125
Измайлов А. А. 227, 228 230–270
Измайлов Н. В. 178, 188, 762
Изяслав Владимирович, кн. 317, 318, 381, 383
Изяслав Ярославич, кн. 383
Илларионова Т. С. 449, 504
Иловайский Д. И. 278, 752
Ильинская О. И. 443, 454, 455, 458, 459, 462, 469, 473, 474, 485
Ильинская С. Г. 458, 459
Ильф И. А. 781
Инбер В. М. 610, 613, 782
Иноземцев Д. 91
Иоаннесян Ю. А. 273, 286, 287
Иоанн Кродштадтский, св. 103, 229
Иогансон Б. В. 427, 441
Иодко Р. Р. 442
Ионов А. И. 618
Ионов Ю. А. 618
Ионова А. П. 618
Иоссель М. 628
Ирецкий В. Я. 289
Ирод (Герод) Аттик 282, 286
Исаков И. С. 782, 783
Исбах А. А. 783
Искандер Ф. А. 783
Иткина Е. И. 91
Итларь, половецкий хан 382
- Йоргенсен (урожд. Черносивтова) А. Н.** 406
Йоргенсен М. М. 406
- Кавелин К. Д.** 248, 263
Каверин (наст. фам. Зильбер) В. А. 540, 776, 783, 784
Каганович Л. М. 498
Казанович Е. П. 176
Казанский В. А. 252
Казас М. М. 56
Калатозов М. К. 500
Калинин М. И. 421, 454, 481
Калиновская Е. С. 184, 187
Каллаш В. В. 205, 209, 212
Каллаш М. А. 9, 42

- Калькройт Ф., фон, гр. 222
 Калужный Г. П. 762
 Каменев (наст. фам. Розенфельд) Л. Б. 113
 Каменский А. В. 424, 441
 Каменский А. П. 234
 Каменский В. В., поэт 92, 97, 109, 424, 441, 556, 569, 570, 573–575, 582, 583, 586–588, 592
 Каменский В. В., сын 569, 570
 Камерон Ч. 394
 Камю А. 621
 Кандинский В. В. 56
 Капица О. И. 92, 98, 99, 109
 Каплан А. Л. 805
 Капнист В. В. 200
 Капнист П. И. 752
 Карамзин Алекс. Н. 142, 144, 206
 Карамзин Андрей Н. 206
 Карамзин В. Н. 206
 Карамзин Н. М. 141, 161, 189, 195, 199, 206, 207, 209
 Карамзина 195
 Карамзина Е. А. 197
 Карамзина Е. Н. 141, 161
 Карамзина (урожд. кнж. Оболенская) Н. В. 142
 Карамзина С. Н. 206, 210
 Карамзины 142, 191
 Кара-Мурза С. Г. 57, 64, 65, 73, 74, 79, 82
 Карась-Чичибабина Л. С. 812
 Каренин В. (наст. имя и фам. Комарова (урожд. Стасова) В. Д.) 44, 54
 Карл I, король Вюртембергский 143, 149, 153
 Карнаухова М. Г. 178, 187
 Карпов Е. П. 238
 Карпов П. И. 290
 Карстенс Д. И. 439
 Карташов 250
 Картель (Лукашова) Н. С. 204
 Картель С. И. 203
 Картье-Брессон А. 807
 Каршина Л. Е. 104, 109
 Катанян В. А. 567, 568, 574, 784
 Катанян В. В. 439
 Катков М. Н. 752
 Каун А., проф. см. Каун А.
 Качаровский В. 296
 Кей Э. 222
 Кеменов В. С. 454, 495, 496
 Керенский А. Ф. 113
 Керн А. П. 195, 197–199, 207, 209, 210, 608, 613
 Керн П. 198, 199
 Кернер Т. С. 616, 623
 Кершен А., фон 413
 Кестнер Э. 790
 Кетлинская В. К. 509, 516, 527, 529, 533, 534
 Кийко Е. И. 411, 412, 435, 436
 Кинарский М. А. 194
 Киплинг Р. 608
 Кипшенберг А. 220
 Кипренский О. А. 210
 Кириленко К. Н. 401–403, 441
 Кирсанов С. И. 569, 570, 784, 785
 Киршон В. М. 785
 Киселев С. Д. 120
 Киселева (урожд. гр. Потоцкая) С. С. 122, 131
 Кисилева (врач) 509, 520, 533
 Кисилевская (в замуж. Успенская) С. М. 420, 439
 Китс Дж. 483
 Клее П. 572
 Клейнборг А. Н. 315
 Кленов, начальник Усть-Вымского РО НКВД 502, 503
 Клименко А. Д. 703
 Клодт фон Юргенсбург В. К. 228
 Клюев Н. А. 769
 Клюзнер Б. Л. 432, 441
 Ключевский В. О. 17, 310
 Кнут Д. 769, 785, 792
 Княжнин В. Н. 306, 307
 Князева Н. Г. 764, 812, 813
 Коваль Ю. И. 90, 91, 108, 109
 Ковнацкая Л. Г. 400
 Коган Л. Р. 395
 Кодрянская Н. В. 785
 Кожевникова М. Ю. 115, 116
 Козаков М. М. 815
 Козаков М. Э. 423, 440, 525, 534
 Козинцев Г. М. 439, 774
 Козинцева Л. М. 791
 Козлов А. Н. 204
 Козлов И. И. 120, 121
 Козлов Н. Ф. 204
 Козлов, зам. начальника Усть-Вымского РО НКВД 502
 Козлова В. Н. 570

- Козлова З. Н. 204
 Козлова (урожд. Пожарская) М. К. 204
 Козлова (Александрова) О. Н. 204
 Козловцева Е. Н. 27, 42
 Кокорев И. Т. 594, 595
 Кокто Ж. 56
 Колесов Л. К. 610, 613
 Колесова Н. Н. 771
 Колкер А. 714
 Колобова К. М. 814
 Колошин И. П. 131, 133–135, 145, 161, 162, 168
 Кольман К. И. 191, 202, 209
 Комаров А. 157
 Комарова (в замуж. Шувалова) М. А. 157, 159
 Конашевич В. М. 401, 439, 536
 Коневской (наст. фам. Ореус) И. И. 59, 61, 62, 85
 Коненков С. Т. 575, 576
 Кони А. Ф. 17, 228
 Конисская М. Ю. 401, 402, 405, 406, 408, 423, 438, 440, 442
 Константин Николаевич, вел. кн. 135, 153
 Константинович (Ребиндер) В. И. 214
 Константиновский М., прот. (о. Матвей) 256
 Копелев Л. З. 785
 Копф Й., фон 132
 Корбьетер (Корбьер Т.) 574
 Коржавин Н. М. 785, 786, 815
 Корнблум Р. Э. 785
 Корнева Н. 610, 613
 Корнилов Б. П. 112, 814
 Корнилова Т. М. 814
 Корнилова-Берггольц И. Б. 112, 113
 Коробова А. И. 47
 Короленко В. Г. 309
 Короленко Р. В. 602, 611
 Королькова Т. А. 812
 Коропчевский Д. А. 229
 Коростелев О. А. 554, 555
 Корф М. М. 159
 Костомаров Н. И. 199
 Котов В. И. 614
 Кочеткова Н. Д. 812
 Кочубей Е. В. 142, 144
 Кочубей (урожд. Бибикина, в первом браке кн. Белосельская-Белозерская) Е. П. 157
 Кочубей (урожд. Волконская) Е. С. 134, 145, 146
 Кочуров Ю. В. 432, 442
 Кошелевы А. И., Г. К. 766
 Кошценко И. В. 812, 815
 Краевская 142
 Краинская Э. 598, 600, 602, 610
 Краинский А. Е. 598, 602, 603, 610
 Крайний К. 581
 Крандиевская-Толстая Н. В. 392, 394, 396, 401
 Красильников М. М. 618
 Красин Л. Б. 446
 Красовицкая Т. Ю. 112, 116
 Кратт И. Ф. 514, 532, 534, 711
 Крейд (наст. Крейденков) В. П. 68, 85, 622, 623, 700
 Крестова Л. В. 195
 Кривенко С. Н. 8, 11, 13, 18, 19
 Кривицкий А. Ю. 813
 Кривич В. см. Анненский В. И.
 Кривулин В. Б. 615, 616, 624–630, 631
 Крөг А. В. 101, 106
 Кроткин М. А. 436
 Круглов А. В. 254
 Круглов С. Н. 478
 Крундышев А. А. 310, 385
 Крусанов А. В. 288, 289, 308, 553, 557–559, 570, 585, 590
 Кручных А. Е. 556, 557, 559, 563, 569, 570, 573–575, 582–584, 588, 593, 786
 Крыленко Н. В. 304
 Крылов И. А. 191, 202, 205, 209, 212
 Крымов Н. П. 74
 Крэг Э. Г. 56
 Крюгер Ф. 199
 Крючков Д. А. 288–299, 301–305, 307, 308
 Крючкова М. А. 289, 291, 297, 303
 Крючкова П. Н. 303
 Ксеркс I 286
 Кторова А. (наст. имя Шандор В., урожд. В. И. Кочурова) 812
 Кублицкая-Пиотух С. П. 296
 Куванова Л. К. 396
 Кугель А. Р. 266
 Кудинов М. П. 781
 Кудрявцев В. Б. 812
 Кудряев В. К. 211, 213
 Кудряевы 190, 195, 213
 Кузес Е. А. 216
 Кузмин М. А. 394, 395, 559, 563, 769

- Кузнецов А. Я. см. Кузьмин А. И.
 Кузнецова Г. Н. 8, 20, 22, 26, 28–30, 35,
 37, 40, 42, 396
 Кузьмин А. И. 759–762
 Кузьмин Г. Л. 592
 Кузьмин И. О. 759
 Кузьмин Н. И. 759
 Кузьмин О. И. 759
 Кузьмина Е. А. 759
 Кузьмина И. А. 760
 Кузьмина П. А. 760
 Кукин Ю. 704
 Куклин Л. 708
 Кукушкина Т. А. 288, 304, 308
 Кулаева Г. Д. 573, 575, 591
 Кулаков В. Г. 630
 Кулжинская А. А. 198
 Куликова О. А. 180
 Кулиничев В. Г. 815
 Кулле С. Л. 618
 Кульбин Н. И. 580, 581
 Кумов Р. П. 249, 250
 Куприн А. И. 243, 246, 257
 Кургапкина Н. А. 426, 441
 Курдов В. И. 536
 Курихин Ф. Н. 252
 Кусова Ф. Б., бар. 474, 487, 491, 493
 Кустов П. 411
 Кустодиев Б. М. 80, 99, 395
 Кустодиев К. Б. 395
 Кустодиева Ю. Е. 395
 Кушнер А. С. 625, 815
 Кытан, половецкий хан 327, 382
 Кюи Ц. А. 46
- Лавренев Б. А. 786
 Лавров А. В. 2, 395, 398, 399, 435, 436,
 442
 Лаврова Н. Н. 771
 Лагурев А. С. 443
 Ладдей Г. 205
 Ладинский А. П. 786, 787
 Лазарев (Грузинский) А. С. 229
 Лазаревский Б. А. 257
 Лазаревский И. И. 239
 Лазарев Л. И. 767
 Лазаренко, актер 101
 Лазебникова-Маркиш Э. Е. 788
 Лакиер (Лакьер) П. А. 178, 185, 186
 Ланге А. 161
 Ландау Е. И. 768
- Ланская (урожд. Пушкина) Н. Н. 128, 129
 Ланской П. П. 122, 128, 129
 Лапин Б. М. 768, 778, 780–782, 784, 787,
 789, 796, 802
 Ларионов М. Ф. 569, 570, 579–585,
 589–591
 Лассила М. 510, 526, 528, 531, 534
 Лафонтен Ж. де 149
 Лафорг Ж. 574
 Лацис В. Т. 787
 Ле Корбюзье 807
 Лебедев В. В. 95, 536, 803
 Лебедева О. С. (один из псевд. – Гюль-
 нар) 278, 285, 286, 287
 Лебединский Л. Н. 401
 Левик В. В. 781
 Левин Ю. Д. 762
 Левинтон А. Г. 143
 Левинсоны Е. А., Е. Э. 419, 439
 Ле-Дантю М. В. 582
 Ледебур Д., фон, бар. 221
 Лекманов О. А. 38, 42
 Ленин (Ульянов) В. И. 97, 398, 404, 555,
 576, 587, 594, 595, 768
 Ленч Л. С. 787
 Леонардо да Винчи 121
 Леонтьев И. Л. (псевд. Ив. Щеглов) 227–
 241, 243–250, 252–257, 259–270, 489
 Леонтьев К. Н. 266
 Леонтьев Л. С. 437
 Леопольд Баденский, вел. кн. 123, 138,
 141
 Лера, племянница Зоценко В. В. 524
 Лерман М. Я. 196, 197
 Лермонтов М. Ю. 58, 59, 67, 72–74, 123,
 272, 278, 285, 438, 491–493, 571,
 572, 750, 772
 Лесков А. Н. 813
 Лесков Н. С. 250, 813
 Лесман М. С. 763, 764, 765, 813
 Либерман М. 220
 Либрович С. Ф. 210, 212
 Ливанский К. Ф. 600
 Ливен Н. Ф. 159
 Лившиц Б. К. 556, 563, 568, 583, 584, 769
 Лидин В. Г. 772, 787, 788
 Липкин С. И. 815
 Липилина И. А. 180
 Лисаевич И. И. 439
 Лисицкий Э. 810
 Литвин Е. Ю. 396

- Литке Ф. П., гр. 202, 205, 209, 212
 Лифшиц Б. К. 556
 Лифшиц Е. Ф. 489
 Лифшиц М. А. 443, 444, 448, 450, 452–458, 460, 462, 465, 468, 474, 475, 477, 488, 490, 492, 495–499, 501, 503, 504
 Лифшицы В. М., Г. М., А. М. 488, 489
 Лихачев Д. С. 110, 761, 762, 788, 812
 Лоб де Мойра 157
 Лобанов-Ростовский А. Б. 162
 Лозинский М. Л. 814
 Лойдесдорф 151
 Лолье Ф. 132
 Лонгинов Д. Н. 145, 146, 162
 Лонгфелло Г. 123
 Лончинская Т. Е. 53
 Лопатин А. М. 17
 Лопатин В. М. 17, 24
 Лопатин Л. М. 14, 17
 Лопатин М. Н. 13, 17
 Лопатин Н. М. 17, 42
 Лопатина Е. Л. 17
 Лопатина Е. М. 7–14, 18–21, 23–43
 Лопатины, семья 8, 9, 14, 17–19, 23, 27, 32, 41
 Лопе де Вега 537
 Лопухов Ф. В. 437
 Лорис-Меликов М. Т. 162
 Лосев А. Ф. 32, 42
 Лосев Л. (наст. имя и фам. Лифшиц Л. В.) 618
 Лотман Л. М. 444, 504
 Лотман Ю. М. 625, 793
 Лотов А. 581, 582
 Лубэ С. М. 794
 Луговой А. (наст. имя и фам. А. А. Тихонов) 257
 Луговская Е. 788
 Луговской В. А. 788
 Луиза Прусская, королева 170
 Лукач Г. 458
 Лукашков М. Ю. 438
 Лукашов С. И. 206
 Лукомский В. К. 195
 Луначарский А. В. 223, 301–304, 398, 410, 468, 576, 587, 594, 595
 Луниц М. И. 462
 Луниц Ц. М. (И. Б.) 461, 462, 465, 470, 475, 477–480
 Лурье Н. Г. 459
 Лурье Р. Н. 459, 460, 474
 Лурье Т. Н. 454, 458, 459, 462, 485
 Львов С. Д. 205
 Львов, кн. 202
 Львов А. Д., кн. 132
 Львова А. А. 146
 Львова (Оленина) М. С. 205
 Львова Т. П. 205
 Любарский А. 806
 Людвиг Вильгельм Август Баденский, принц 138
 Лялин О. Л. 419, 438
 Ляля Черная (наст. имя Хмелева Н. С., урожд. Киселева) 427, 441
Маврина Т. А. 539
 Мазинг Б. В. 411, 416, 435
 Майков Л. Н. 758
 Майский И. М. 788
 Макагоненко Г. П. 762
 Макаров Н. А. 447, 496, 504
 Макарова А. Д. 611
 Македонов А. В. 444
 Макинтош Ч. 57
 Маклакова Л. Ф. 11–16, 18, 21, 23, 27
 Максимилиан Лейхтенбергский, герцог 135, 171
 Максимов П. Ф. 438
 Максимов Ф. 438
 Максимович 514, 515, 532
 Максимович А. Я. 492
 Малахов Н. Н. 203, 205
 Малахова (Пожарская) М. Н. 189
 Малаховская Е. Б. 414, 423, 424, 426, 429
 Малаховская (урожд. Тернавцева) М. В. 400, 414, 416, 426, 437
 Малаховские 400, 401, 403, 406, 414, 420, 437
 Малаховский Б. Б. 397, 400, 401, 405, 406, 414, 420, 437, 440
 Малаховский Д. Б. 414, 426, 434
 Малаховский Л. Б. 406
 Малевич К. С. 536, 538, 569, 570
 Малова М. И. 762
 Мальшев В. И. 90, 104, 106, 109, 762
 Мальтеева Э. И. 812
 Мальцов И. С. 145–147, 149
 Мамедханлы М. А. (Нахджавани А. А.) 272
 Мамин-Сибиряк Д. Н. 12, 241
 Мамонтов И. Ф. 254
 Мамонтов С. И. 49

- Мандельштам Н. Я. 815
Мандельштам О. Э. 406, 539, 769, 770
Мандельштам Р. Ч. 621–623, 625, 628
Манн Г. 223
Манн Т. 223
Мануйлов В. А. 412, 435, 436
Маревна (наст. имя и фам. Воробьева-Стебельская М. Б.) 810
Мариенгоф А. Б. 576
Мария Александровна, имп. 124, 149, 156, 162, 169, 170, 171, 173, 174
Мария Максимилиановна, вел. кнг. герцогиня Лейхтенбергская (в замуж. принцесса Баденская) 124, 125, 131, 134–138, 145, 150, 154, 155, 161, 169, 170, 173
Мария Николаевна, вел. кнг. 135, 136, 137, 139, 144, 155, 170, 171
Мария Павловна (урожд. герцогиня Мекленбург-Шверинская), вел. кнг. 124, 132, 155, 156, 158, 161–164, 168, 173
Мария Христиановна, учительница немецкого языка 422
Мария Фёдоровна, имп. 156
Марке М. 810
Маркиш П. Д. 786, 788, 789
Марков А. Я. 762
Марков-2 277, 285
Марков В. Ф. 2, 553–566, 568, 569, 571–573, 575–579, 581, 583, 584, 586, 587, 589–594, 596
Марков С. Н. 789
Маркова Л. И. 573–575, 577–579, 581, 584–587, 590, 591, 593
Маркович А. В. 187
Маркович Б. А. 187
Маркович (урожд. Вилинская, псевд. Марко Вовчок) М. А. 175, 187
Маркс (дочери Д. Р. Маркса) 133, 135
Маркс 135, 490
Маркс А. Ф. 26, 42, 486, 490, 491
Маркс Д. Р. 133
Маркс К. 185, 444, 468, 495
Маркс Р. 135
Март В. (наст. имя и фам. Матвеев В. Н.) 567–569
Мартынов Л. Н. 789, 793
Марченко Е. П. 131, 132
Марченко И. А. 131, 132
Марченко Т. А. 597
Маршак С. Я. 536, 537, 789
Маршал 151
Массенбах Э., фон, бар. 123, 133
Матвеев Г. И. 508, 515, 532
Матвеева Н. Н. 815
Матисс А. 538
Матэ В. В. 48, 54
Матюшин М. В. 556
Маяковский В. В. 401, 420, 439, 555, 556, 562, 568, 570, 571, 573–576, 581–583, 585, 587–589, 592, 594–596, 599, 773, 784, 790, 792, 802
Медведев П. Н. 393, 395, 396, 786
Межелайтис Э. 789
Межиров А. П. 790
Мейерхольд В. Э. 420, 438, 439
Мейлах Б. С. 495
Мелос (Меляс) Л. 286
Мельников Б. Е. 812, 815
Менелас А. А. 130
Меншиков В. А. 141
Меншикова (урожд. кнж. Гагарина) Л. Н. 142, 143
Мережковские, семья 12
Мережковский Д. С. 318, 400, 401, 407, 583, 584
Меркулов 203
Месхи И. С. 177, 187
Металлов Я. М. 143
Мехтиева О. К. 273
Мец А. Г. 812
Мещерский В. П. 141
Мещерский П. И. 141
Микеланджело 121, 407, 493
Микешин М. О. 46
Миклашевский А. М. 133, 136–138
Микулинский С. Р. 394
Милицанд С. Д. 387
Милиоти Н. Д. 74, 81
Миллер К. С. 812
Миллер С. С. 812
Миллер-Будницкая Р. З. 114, 819
Миллиор Е. А. 814
Мильман В. А. 803–805
Милюков 277, 285
Минский Н. (наст. имя и фам. Виленкин Н. М.) 223
Минцлова А. Р. 63
Мирза Йахйа (Субх-и Азаль) 286
Мирзаев А. М. 703, 704, 746
Мирович Е. А. 266

- Миронов А. Н. 625
 Миронов С. А. 762
 Миронова М. В. 545
 Миронова Т. В. 440
 Мирская М. М. 446
 Мисникевич Т. В. 288, 289, 308
 Митник Е. А. 271, 287
 Митник С. Ю. 273
 Митрохин Д. И. 401, 439, 536
 Митурич П. В. 576
 Михаил Николаевич, вел. кн. 153, 172
 Михайлов Н. Ф. 18
 Михайлов Ю. Л. 618
 Михайлова О. И. 120–121
 Михайловская Е. С. 438
 Михайловский А. С. 422, 440
 Михайловский Н. К. 12, 309
 Михайловский С. Н. 438, 440
 Михалков С. В. 481
 Михеев И. М. 23
 Мовшенсон А. Г. 786
 Модзалевская (урожд. Константинович) А. И. 213, 214
 Модзалевская (урожд. Гувениус) В. Н. 194
 Модзалевская (Сергеева) Е. Н. 214
 Модзалевская Л. Л. 213
 Модзалевская Н. Л. 190, 194
 Модзалевская (урожд. Кудряева) О. К. 213
 Модзалевская Т. Л. 213
 Модзалевские 189, 190, 195
 Модзалевский Борис 194
 Модзалевский Б. Л. 194, 195, 198, 199, 204, 205, 216, 234
 Модзалевский В. Л. 195
 Модзалевский К. Н. 213
 Модзалевский Л. Б. 189–192, 195, 197, 215, 216
 Модзалевский Л. Н. 203, 213
 Модзалевский Н. Л. 213
 Модильяни А. К. 767
 Мойра (урожд. гр. Апраксина) А. А., де 157, 158, 167
 Моллер Ф. А. 753
 Молоствов В. П. 128, 129
 Молотов (наст.фам. Скрябин) В. М. 421, 422
 Молчанова М. В. 47
 Моне К. 577
 Монтан И. 810, 811
 Мопассан Г., де 252, 398, 490
 Мордовченко Н. И. 495
 Морев А. С. 626
 Морев Г. А. 394
 Моро Г. 56
 Мороз 749
 Морозов (магрос) 277
 Морозов Н. А. 449, 450, 453, 492, 504
 Мослик см. Киселевская С. М.
 Мосолова Е. А. 252
 Мосса А. Г. 56
 Моцарт В. А. 108, 554
 Мравинская (урожд. Филкова) Е. Н. 421, 440
 Мравинская О. А. 433, 442
 Мравинский Е. А. 421, 433, 437, 440, 442
 Мстислав Владимирович, кн. 383
 Мур Т. 123, 140
 Муравьев А. Н. 121
 Муравьев М. В. 216
 Муравьев Н. К. 293–296
 Муратова К. Д. 762
 Мурашев М. П. 315
 Муромский В. П. 534
 Муромцев С. А. 26
 Муромцева Л. Ф. 9
 Муромцева М. Н. 26
 Муромцева-Бунина В. Н. см. Бунина В. Н.
 Муромцевы, семья 8, 26
 Мурыгин Г. И. 812
 Мусатов В. И. 528, 534
 Мусатов Е. 762
 Мусина-Пушкина (урожд. Урусова) М. А. 146
 Мусин-Пушкин И. А. 146
 Мусоргский М. П. 46
 Муханов С. М. 753
 Муханова М. С. 753
 Мухранская (Блейман) М. Д. 510, 511, 520, 526–529, 531–533
 Мухтар-паша 162
 Мясин Л. Ф. 589, 590
 Мятлев В. И. 144
 Мятлев П. И. 142, 144
 Мячин М. П. 238
 Набоков В. В. 539, 573, 574
 Надсон С. Я. 12, 33, 60
 Назарова Л. Н. 178, 188

- Нансен Ф. 221
 Наполеон 65, 191, 202, 205, 209, 212, 285
 Наполеон III 123, 133, 168
 Наполеон Ж. Ю. М., герцог де Бассано 168
 Нарбут Г. И. 194
 Народный И. И. (Sibbul J.) 587, 588
 Насибулин Э. Х. 813
 Наумов Е. И. 595
 Нащокина М. В. 56, 85
 Невежин П. М. 246
 Неволин Б. С. 252
 Некрасов В. П. 790
 Некрасов Н. А. 240, 491, 493
 Нелединский А. Ю. 139, 140, 155, 156
 Нелидова В. А. 150, 151
 Немирович-Данченко В. И. 241
 Нератов (Абрамов-Нератов) А. А. 404, 405, 418, 421, 438
 Нератова (урожд. Иванова) Н. П. 419, 438
 Нерлер П. (наст. имя и фам. Полян П. М.) 406
 Нестеров М. В. 39, 56, 79, 80, 85, 585, 761
 Нижинская Б. Ф. 440
 Нижинская М. К. 421, 439
 Нижинский В. Ф. 421, 439
 Никитенко А. В. 198, 199
 Никитин И. С. 27
 Никитин Н. Н. 533, 790, 808
 Никитина (урожд. Гацкеви) З. А. 440, 522, 527, 533
 Никифоров А. 585
 Никифоров Н. А. 566, 568, 577, 582, 588, 594, 595
 Никола I Петрович, король Черногории 165
 Николаев С. И. 2, 812
 Николаева А. Н. 392, 394
 Николаева Т. И. 437
 Николай I, имп. 120, 121, 123, 124, 130, 133, 135, 143, 149, 151, 153, 156, 171, 209, 752
 Николай II, имп. 286
 Николай, герцог Лейхтенбергский 170
 Николай Михайлович, вел. кн. 125
 Николай Николаевич, вел. кн. 28, 30, 156, 161
 Никольская Т. Л. 289, 508
 Никольская Т. С. 430, 441
 Николадзе Н. Я. 177
 Никольский Б. В. 313
 Николья В. В. 413
 Никон Радонежский, преп. 103
 Никулин Л. В. 529, 534, 790, 791
 Никулин Ю. В. 529, 534
 Ноаковский С. В. 93
 Новгородцев 130
 Новорусский М. В. 294
 Новосильцева Е. Е. 47
 Ногтева М. В. 814
 Носков Н. (наст. имя и фам. Н. И. Васильев) 238
 Носова А. Г. 759, 761, 762
 Ностиц Е., фон 219
 Нотенберг В. 591
 Нотович О. К. 46, 48, 54
 Нума Помпилий, царь 161
 Нумерс А. Ф. 130, 131
 О'Коннель Р. Р. 404, 405, 407, 438, 440
 Обатнина Е. Р. 7, 553, 554, 557, 558, 559, 588
 Обермиллер А. 194
 Обломиевский Д. Д. 489, 491, 492, 494, 495, 498
 Оболенская (урожд. кнж. Львова) М. А. 132, 145, 174
 Оболенский Д. А. 139, 140
 Оболенский И. А. 132
 Образцов С. В. 791
 Обухов А. П. 394
 Овечкин В. В. 619
 Огнев В. Ф. 791
 Огневы, семья 14, 15
 Огридович М. М. 762
 Озанфан Дж. 811
 Озаровский Ю. Э. 252
 Озеров Л. А. 791
 Оконевская О. М. 812
 Оксман Ю. Г. 791
 Олег Святославич (Гориславич), кн. 309–311, 313, 316–319, 381, 382, 383
 Олейников Н. М. 537
 Оленин 201
 Оленин А. А. 191, 202, 205, 209
 Оленин А. Н. 191, 202, 205, 208, 209
 Оленин П. А. 202, 205
 Оленина А. А. 191, 202
 Оленина (урожд. Долгорукова) А. А. 205

- Оленина В. А. 202
Оленина Е. М. 202
Оленины 189, 191, 205
Олесов Ф. 508, 515, 532
Олимпов К. (наст. имя и фам. Фофанов К. К.) 582
Олсуфьев А. В. 133, 135
Олсуфьева (урожд. Миклашевская) А. А. 133, 139
Олсуфьева Д. А. 136
Олсуфьева Д. В. 133
Ольбрих Й. М. 57
Ольга Николаевна, королева Вюртембергская 123, 133, 135, 143, 149, 153
Ольденбург С. Ф. 313
Ольденбургский А. П., принц 165, 171
Ольденбургский П. А. 28
Ольденбургский П. Г., принц 156, 161
Ольдерогге Г. Б. 762
Ольшанская М. 568
Омон Ш. 62, 73
Орбели И. А. 455, 503, 517, 533
Орбели Л. А. 455, 502, 503
Орлик Э. 221
Орлицкий Ю. Б. 703, 704, 746
Орлов В. Н. 791
Орлов Н. Н. 194, 213, 216
Освальд К. Р. 490, 492
Осипов Д. М. 577, 584, 585
Осмеркин А. А. 401, 418, 438
Осоргин М. А. 223
Останков П. А. 514, 531, 532
Островская 521
Островский А. Г. 556
Острой О. С. 438
Остроумова-Лебедева А. П. 66
Остроухов И. С. 62, 79, 81, 82
Осьманова Н. И. 120
Оукама-Кнооп В. 222
Офицерова Е. В. 7, 42
Оффенбах Ж. 132, 266
- Павел Александрович, вел. кн. 159**
Павлинова Н. М. 812
Павлицкий И. Т. 414, 436
Павлов И. П. 435, 474, 492
Павлова М. К. 514, 532
Павлова М. М. 2, 397–399, 407, 436, 440, 442
Павлюченко Э. А. 815
- Пазовский А. М. 432, 433, 442
Палкин А. С. 268
Панина (урожд. гр. Тизенгаузен) Н. П. 155, 156
Панкратов А. С. 261, 816
Панкратова Е. В. 617
Панов Н. З. 265
Панова В. Ф. 598
Паркин В. 581, 582, 583
Парнах В. Я. 769, 785, 791, 792
Парнис А. Е. 558, 559, 560, 561, 563
Парнок С. Я. 792
Пастернак Б. Л. 223, 576, 582, 766, 792
Пастернак Е. Б. 767
Пастон Э. В. 56
Паустовский К. Г. 792, 793
Пахомов А. Ф. 536, 539
Пашков В. А. 159
Пашкова (урожд. гр. Баранова) М. Т. 153
Пащенко В. В. 26
Пейкер (урожд. Лашкарева) М. Г. 159
Пельтенбург Г. Ф. 392, 394
Перикл 280
Перовский А. А. 159
Персиани 174
Персиани И. Э. 161, 162
Перцов В. О. 594, 595
Перцов П. А. 38
Перцова З. А. 38
Петников Г. Н. 557, 594
Петр I, имп. 122, 409, 412, 427, 538
Петр Николаевич, вел. кн. 28
Петрицкий В. (В. А.) 814, 815
Петров Г. С. 234, 257, 261, 262
Петров Е. П. 781, 803
Петров-Водкин К. С. 402, 536
Петровский Д. В. 579, 580, 588, 594, 595
Петухова А. Е. 815
Пецман 201, 208
Пешков А. М. 320
Пешкова Е. П. 292–299, 303, 304, 764
Пикар Л. Б. 265, 266
Пикассо П. 538, 582, 583, 608, 613, 791
Пиксанов Н. К. 176, 188, 762
Пильняк Б. А. 308, 566, 808
Пинес Д. М. 435
Пир Д. 811
Пиросманавили Н. А. 582, 780
Писарев Д. И. 175–178, 185, 187
Писарев И. И. 176, 185

- Писарева В. Д. 175, 176, 179, 185, 187
 Писарева В. И. 185, 187
 Писаренко М. 184, 187
 Писахов С. Г. 793
 Писемская О. А. 492
 Пичикян А. М. 444, 504
 Плаксина Н. Е. 103, 109
 Платон 281
 Платон Московский, митрополит 103
 Платонов А. 404, 459
 Плеве И. Р. 449, 504
 Плессен В. 138
 Плессен В. С. 134, 140
 Плессен О., фон 134
 Плещеев А. Н. 17
 Плоткин Л. А. 455, 502
 Плотникова А. Г. 310
 Погодин М. П. 139, 752
 Подкопаева З. Б. 474, 475, 478, 487, 491, 492
 Подкопаев Н. А. 474, 492, 501
 Пожарская (Долгорукая) А. А. 212
 Пожарская (Картель) А. А. 193, 203
 Пожарская (урожд. Вельяшева) В. Л. 203
 Пожарская (Пушкарева) З. А. 193, 195, 203
 Пожарская И. А. 204
 Пожарская (Козлова) М. К. 204
 Пожарская Н. А. 203
 Пожарская Н. К. 203
 Пожарская (Самсон-Гармерштерн) О. А. 193, 203, 204
 Пожарская О. С. 203
 Пожарская (урожд. Ермилова) С. А. 204
 Пожарские 189, 190, 195, 212
 Пожарский А. К. 189–216
 Пожарский А. С. 202, 203, 211, 212
 Пожарский А. Ф. 212
 Пожарский Д. А. 203
 Пожарский К. С. 202, 203
 Пожарский Н. О. 199
 Пожарский Н. П. 203
 Пожарский Н. С. 203
 Пожарский П. К. 203
 Пожарский С. О. 199, 202, 203
 Пожарский Я. О. 190, 200, 203, 204
 Позняков Н. И. 234, 758
 Покровская А. К. 88, 101
 Покровский В. А. 395
 Покровский М. 164
 Поленов В. Д. 57, 65, 79, 85
 Поленова Е. Д. 49, 56, 79, 85
 Полибий 280
 Полицеймако В. П. 518, 533
 Половников А. П. 812
 Половникова И. А. 812
 Полонская Е. 711
 Полонская Е. Г. 768, 781, 784, 790, 793, 796, 800, 801, 803, 805, 806
 Полонский М. Л. 768
 Полонский Я. П. 261
 Полторацкая (Львова) Т. П. 205
 Поляков В. В. 581
 Поляков Л. М. 404, 415, 437
 Поляков С. А. 583
 Полякова А. Л. 399, 400, 402, 404, 405, 415, 421, 437, 441
 Помарнацкий А. В. 762
 Попков П. С. 496
 Поплавский Б. Ю. 785
 Попов А. А. 200
 Попов В. Г. 534
 Попова О. Н. 11, 13
 Попофф А. Г. 812
 Попп К. 273
 Порватов М. И. 252
 Порет А. И. 397, 402, 403, 405, 415, 420, 421, 423, 437, 440
 Поскребышев А. Н. 521, 533
 Поспелов Г. Г. 582
 Поссе В. А. 13
 Потанин Г. Н. 386, 387
 Потапенко И. Н. 229, 234, 241
 Потапов А. Л. 150, 151
 Потемкин В. П. 454
 Потемкин П. П. 252
 Прозорова Н. А. 111, 234, 754, 755, 757, 758, 812
 Прокопенко А. А. 812
 Прокофьев А. А. 517, 530, 534
 Прокофьев С. С. 611, 804
 Прокофьева Л. И. 604, 611
 Проктер А. 123
 Пронина М. П. 614
 Проппер С. М. 235, 245, 258
 Протасова (урожд. кнж. Голицына) Н. Д. 158, 159
 Протопопов С. Е. 92, 98, 109
 Прохоренков В. И. 394
 Прут И. Л. 604, 605, 611
 Пузин Н. П. 793

- Пузырев Ю. Н. 432, 442
 Пумпянский Л. В. 399
 Пунин Н. Н. 536, 813
 Пуписов В. 619
 Пуришкевич 277, 285
 Пуятин Е. В. 285
 Пухов Е. (Г.?) 122, 128, 129
 Пушкарев В. В. 203
 Пушкарев В. Я. 203
 Пушкарева (урожд. Пожарская) З. А. 193, 195
 Пушкарева З. В. 203
 Пушкин А. С. 26, 50, 58, 64, 69, 116, 119–123, 146, 153, 159, 189–192, 195–198, 201, 207, 210, 212, 214–216, 229, 230, 234, 244, 256, 262, 272, 278, 285, 306, 409, 435, 438, 444, 483, 485, 489, 490, 501, 540, 558, 567, 569, 577, 579, 585, 589, 608, 750, 757, 758, 769, 791
 Пушкин И. А. 434
 Пушкина (урожд. Гончарова) Н. Н. 122, 129, 585
 Пшелка см. Пщелко А. Р.
 Пщелко А. Р. 250, 251
 Пырьев И. А. 397
 Пытлясинский В. А. 591, 592
 Пяст В. А. 393, 395
- Рабле Ф.** 537
 Рабов Э. см. Raboff E. L.
 Радимов П. А. 762
 Радлов Н. Э. 389, 392, 394, 401, 403, 405, 440, 540
 Радлов С. Э. 394
 Радлова А. Д. 394
 Радлова Л. Н. 394, 423, 440
 Радлова Н. К. 386, 392, 394
 Радловы 394, 401, 418, 423
 Раевская-Хьюз (Хьюз-Раевская О.) О. П. 399, 442
 Разгон Л. Э. 815
 Разумов А. Я. 764
 Раич С. Е. 121
 Райкин А. И. 545
 Райс Э. М. 558
 Райх З. Н. 420, 439
 Рак А. 776
 Рак М. 776
 Ракигин А. (наст. имя и фам. Антонов-Овсенко А. В.) 793, 794
- Ракович Г. А. 140
 Раскин А. Б. 529, 534
 Рассадин С. Б. 815
 Раутиан Т. Г. 91
 Рафаэль 121
 Рахманова М. П. 105
 Рахманова Н. Л. 812
 Рачинский С. А. 122, 127, 128
 Ребиндер (урожд. Константинович) В. И. 214
 Ребиндер (урожд. Кочубей) Е. В. 142, 144
 Ребиндер К. Г. 142, 144
 Регила 282, 286
 Редон О. 56
 Редсток Г. О. У. У. 158, 159
 Рейналь М. 811
 Рейнгардт М. 221
 Рейпольский П. 749
 Рембо А. 588
 Ремизов А. М. 223, 228, 588, 769, 785, 794, 808, 809
 Ремизовы А. М., С. П. 588
 Рененкамф 51
 Ренье А. Ф. Ж., де (Régnier H.-F.-J., de) 815
 Репин И. Е. 48, 253, 254, 256, 438
 Репнин Н. В. 140
 Рерих Н. К. 80, 82
 Решетников В. И. 814
 Рибопьер (в замуж. Будберг, во втором браке Фитингоф-Шелем) С. И. 137, 138
 Рильке (урожд. Вестхоф) К. 219
 Рильке (урожд. Энтц) С. 219, 220
 Рильке Р. М. 2, 217–226, 407, 813
 Римский-Корсаков В. А. 452, 474
 Римский-Корсаков Н. А. 46, 308
 Ринальди А. 130
 Риппеллино см. Ripelino A. M.
 Робинсон А. Н. 762
 Робинсон Л. Н. 515, 518, 533
 Рогожин Н. П. 573, 574, 580, 581
 Роден О. 221, 226
 Родиков М. В. 394
 Родичев 277, 285
 Родюкова М. В. 703, 704, 746, 749, 753
 Рождественская М. В. 289, 308
 Рождественский В. А. 289, 296, 308, 607, 611, 612
 Рождественский К. И. 539
 Рождественский Р. И. 768

- Розанов В. В. 228, 230–232, 270, 769
 Розанова С. А. 474
 Розенталь М. М. 495, 496
 Розенфельд С. Е. 794
 Роман Владимирович, кн. 383
 Романов Н. И. 216
 Ромен 587
 Ропет И. П. (наст. имя и фам. Петров И. Н.) 44, 47–54
 Росковшенко А. В. 749, 751, 752
 Росковшенко А. Е. 749
 Росковшенко А. М. 749
 Росковшенко В. В. 749
 Росковшенко В. И. 749–752
 Росковшенко В. М. 749, 751, 752
 Росковшенко В. Я. см. Алферова
 Росковшенко Е. А. 749
 Росковшенко И. В. 749–752
 Росковшенко К. В. 749, 751
 Росковшенко Любовь И. 749
 Росковшенко Людмила И. 749
 Росковшенко М. В. 749
 Росковшенко М. Е. 749, 751
 Росковшенко Мария В. 749
 Росковшенко (в первом браке Люшина, во втором браке Вишневская, в третьем браке Баранова) Н. В. 749, 751, 752
 Росковшенко Наталья В. 749
 Росковшенко П. М. 749
 Росковшенко С. И. 749
 Россетти Д. Г. 56
 Ростопчин Ф. В. 140
 Ростопчина (урожд. Сушкова) Е. П., гр. 815
 Ротач П. П. 751
 Ротшильд 580
 Рощина-Инсарова Е. Н. 238
 Рубашкин А. И. 472, 504
 Рубен Б. С. 534
 Рубинский В. И. 813
 Рубероид П. см. Иванов Б. И.
 Руднев Л. В. 403, 405, 437
 Рукавишников И. С. 61, 250, 257
 Руманов А. В. 258
 Румянцев Н. П. 200
 Румянцев С. П. 140
 Рупини В. П. 47
 Рупини П. П. 44, 45, 54
 Русакова А. А. 80, 85
 Русинова А. Л. 387
 Рыбалко Б. Н. 813
 Рыбалтовский В. Ю. 762
 Рыкачев Я. 794
 Рыльский М. Ф. 795
 Рышков А. Н. 757
 Рышков А. Я. 758
 Рышков В. А. 234, 252, 253, 255, 257, 258, 754–758
 Рышков Вл. А. 757, 758
 Рышков Е. В. 757
 Рышков Л. В. 757
 Рышков П. В. 757
 Рышкова Г. В. 757
 Рышкова К. В. 758
 Рышкова (урожд. Букреева) Н. П. 757
 Рышкова (урожд. Эбергардт) С. Е. 757
 Рышковы, семья 758
 Рябушинский Н. П. 61, 583, 589
 Сабашниковы 195
 Савва, слуга 274, 278
 Савваитов П. И. 315
 Савватий Соловецкий, преп. 103
 Савина М. Г. 257
 Савинов А. И. 74
 Савич А. Я. 767, 768, 798
 Савич О. Г. 770, 792, 793, 795, 796, 798, 803, 805, 806
 Савонько В. С. 193, 194, 196, 214, 216
 Савостьянов А. В. 605, 611
 Савченко С. Н. 752
 Саламатова Е. А. 44
 Салтыков, кн. 202
 Салтыков-Щедрин М. Е. 229, 270, 518, 560
 Самарин А. 101
 Самойлов Д. С. 770
 Самсон-Гармерштерн (Гиммельштерн, урожд. Пожарская) О. А., фон 193, 203, 204
 Самсон-Гармерштерн (Гиммельштерн) У. И., фон 204
 Самсон-Гармерштерн Ю. У. 193, 204
 Санин А. С. 252
 Сапунов Н. Н. 74
 Сарьян М. С. 795
 Сатыр Т. И. 599
 Сахаров В. И. 106
 Сахарова Е. В. 57, 85
 Сац И. А. 455, 458
 Саянов В. М. 507, 509, 512, 516, 521, 532

- Светлов В. Я. 241, 246
Светлов М. А. 795
Свирский Я. О. 419, 438
Свифт Дж. 518, 537
Святополк-Мирский Н. И. 172
Святополк-Мирский П. Д. 171, 172, 317, 318, 381, 382
Святослав Владимирович, кн. 383
Святослав Ярославич, кн. 317
Северянин Игорь (наст. имя и фам. Лотарев И. В.) 290, 582, 769
Сегаль Б. Н. 535, 541
Сейфуллина Л. Н. 795
Сельвинский И. Л. 795
Селюгин Г. И. 403–405, 421
Семенов В. П. 814
Семенов-Тян-Шанский П. П. 53
Семкин А. Д. 534
Сент-Экзюпери А., де 621
Серафимович А. С. 243
Сербина Е. К. 46
Сербинова А. 589–591
Сергеев М. Л. 214
Сергеев, зам. начальника Северо-Печорской дороги 502
Сергеева А. М. 213, 214
Сергеева (урожд. Модзалевская) Е. Н. 214
Сергеевич В. Л. 392
Сергеевич Л. В. 392, 394
Сергеенко П. А. 257
Сергей, герцог Лейхтенбергский 170, 171
Сергей Александрович, вел. кн. 157, 159
Сергий Радонежский, преп. 103
Серебряный И. А. 796
Серман И. З. 762
Сетницкая О. 570
Сиверс Э. К. 157
Сигей (Сигов) С. В. 562
Сидоров А. А. 216
Силларт 559
Силлов В. А. 590.
Симонов К. М. 440, 455, 522, 533, 534, 586, 588
Синякова-Асеева К. М. 568
Синякова-Гехт В. М. 568
Синякова-Мамонова З. М. 568
Синякова-Пичета Н. М. 568
Синякова-Уречина М. М. 568
Сиренев Ю. 65, 66
Скабичевский А. М. 8–13, 18, 27
Скалон Д. А. 161, 162
Скворцова Е. 120
Скидан А. В. 627
Скирмунт С. А. 594, 595
Скобелев Д. И. 134, 142, 144
Скобелев М. Д. 134, 144, 170
Скобелева З. Д. 170
Скобелева (урожд. Полтавцева) О. Н. 134
Сковорода Г. С. 586, 588
Скормунт, издатель 231
Скоропадская Е. 136
Скоропадская (урожд. Миклашевская) М. А. 135, 136
Скоропадский М. 136, 137
Скоропадский П. И. 136, 137
Скороходов И. Н. 48, 54
Скотт В. 191, 202, 209, 211, 611
Скрябин А. Н. 785
Скрябина А. А. 785
Славин Л. И. 796
Слепцов В. А. 11, 244
Сливицкая О. В. 32, 26, 43
Слонимский М. Л. 540, 621, 796
Слуцкий Б. А. 594, 770, 773, 796, 797, 800
Смидович П. Г. 398, 410, 411
Смирнский В. В. 296, 399
Смирнов В. В. 91
Смирнова В. С. 104, 109
Смирнов М. Б. 449, 505
Смирнова (урожд. Россет) А. О. 195
Смолич Н. Ю. 516, 532, 533
Смысловский В. К. 206
Снеткова-Вечеслова Е. П. 441
Собко Н. П. 46–48, 51
Соболев А. Л. 289, 291, 292, 294–296, 308
Соболева Н. А. 188
Соболь А. 804
Соколов А. В. 438
Соколов П. П. 196–199, 201
Соколов Ю. В. 403
Соколов Ю. М. 102, 105
Соколова Е. М. 520, 521, 525
Соколова (псевд. Семпер) Н. Е. 602, 608, 609, 611, 613
Соколовская Н. Е. 113
Сократ 280, 282, 283
Солженицын А. И, 539

- Соллогуб В. А. 131, 132
 Соловьев А. 200
 Соловьев В. С. 18, 32, 42, 310
 Соловьев Н. В. 208
 Соловьев С. М. 17
 Соловьева П. С. 9, 12
 Соловьевы, семья 9, 14
 Сологуб Федор (наст. имя и фам. Ф. К. Тетерников) 63, 289, 291, 293–296, 298, 304, 388, 398, 769
 Солохин Н. Д. 619
 Соммер Я. И. 805, 806
 Сомов К. А. 66, 82, 399, 405
 Сория Ж. 811
 Сорокина М. А. 53
 Соснора В. А. 625
 София, вел. герц. 141
 София, принцесса Шведская 138
 Софокл 282
 Спивак Я. см. Spiewak J.
 Срезневский И. И. 315, 750
 Стааль Е. Е. 153
 Ставицкий А. З. 602, 611
 Сталин И. В. 97, 388, 406, 431, 449, 468, 504, 506, 508, 512, 514, 517, 521–524, 526, 533, 764, 777, 795, 803
 Станюкович В. К. 59
 Старец Е. А. 451
 Старец П. Л. 451, 464
 Стасов В. В. 44–54
 Стасов В. П. 45
 Стасов Д. В. 49
 Стасова П. С. 49, 50
 Стасюлевич М. М. 48, 54
 Стенич В. О. 510, 533
 Степанов В. П. 757
 Степанов Г. В. 762
 Степанов Н. Л. 555, 556, 560, 561, 563, 567, 568, 584, 585
 Степун Н. И. 28
 Степун Ф. А. 28
 Стефанович В. 120, 123, 140, 143, 172
 Столянский П. Н. 194
 Столяров Е. А. 397
 Столярова Н. И. 767
 Сторожев В. 164
 Стреблова И. П. 112, 116
 Стригалева А. А. 582
 Стрижкова Н. А. 112, 116
 Стриндберг А. 111
 Строганов Г. 170
 Струве Г. П. 554, 558
 Струве П. Б. 13, 15
 Стругацкий Б. Н. 815
 Стукачева А. Д. 388
 Суворин А. С. 230, 232
 Суворин М. А. 231
 Судьбинин С. Н. 238
 Суматохина Л. В. 388
 Суражевские, семья 14
 Сурис Б. Д. 552
 Сухонин С. С. 241
 Сютнэй М. 66
 Таганцева Л. С. 445
 Тамарченко А. В. 472, 504
 Тамарченко Г. Е. 459, 505
 Таругута Е. А. 797
 Тархова Н. А. 120
 Татаренкова Н. А. 175, 176, 188
 Татлин В. Е. 569, 570
 Твардовский А. Т. 42, 448, 602, 603, 708, 789, 792, 797, 799
 Твелькмейер В. Ф. 438
 Твен М. 252
 Телешов Н. Д. 23, 27, 42
 Тенишева М. К. 79
 Терebeneина П. Е. 762
 Терезия Нассауская, принцесса 156, 161
 Терентьев И. Г. 559
 Тернавцев В. А. 400, 401, 437
 Тернавцева (урожд. Арцимович) М. А. 400, 414, 437, 439
 Тетерин А. А. 813
 Тиблин Н. 204
 Тизенгаузен П. И. 156
 Тизенгаузен (урожд. гр. фон дер Пален) Ю. П. 156
 Тименчик Р. Д. 289, 308, 395
 Тимонен А. 510, 531
 Тиссен А. И. 469, 488
 Тиссен К. Н. 469
 Тиссен М. Ю. 461, 469, 490, 492, 493, 500
 Тиссен Ю. Ю. 469
 Титов В. П. 145
 Титов Н. С. 120
 Тихобразовы, семья 758
 Тихонов А. Н. 303, 304, 313, 314
 Тихонов В. А. 229, 241, 246
 Тихонов Н. С. 499, 521, 600, 797, 798
 Товбин А. Б. 812

- Товстоногов Г. А. 533
 Токарский А. А. 13–17, 22–27, 40
 Толстая А. А. 170, 171
 Толстая А. Л., гр. 43
 Толстая И. А. 398
 Толстая (урожд. Крестинская, в первом браке Баршева) Л. И. 112
 Толстая Л. В. 527, 528, 534
 Толстая С. А., гр. 435
 Толстой А. К., гр. 123
 Толстой А. Н., гр. 2, 112, 223, 386, 389, 392–396, 401, 405, 414, 437, 441, 527, 528, 534, 583, 584, 771
 Толстой Д. А. 389, 394, 396
 Толстой Л. Н. 9–11, 18–20, 24, 31, 32, 40, 43, 64, 154, 170, 204, 230, 241, 246–248, 257, 270, 278, 285, 410, 435, 486, 487, 491–494, 537, 761, 769, 793, 806
 Толстой Ф. М. 752
 Толстые, семья 31, 32, 392, 394, 401, 793
 Томашевский 163
 Томашевский Б. В. 437, 536
 Томашевский Н. Б. 414, 437
 Томашевский Ю. В. 534, 552
 Томсон В. Э. 437
 Топуридзе Т. К. (Котэ) 402, 403
 Трауберг Л. З. 539
 Трети 186
 Тренин В. В. 556, 561, 562, 568
 Трескин Н. А. 176
 Третьяков С. М. 574, 575, 582, 590
 Триоле Э. 811
 Трифонова Т. 798
 Тропинин В. А. 210
 Трубецкая (урожд. кнж. Белосельская-Белозерская) Е. Э. 162, 165
 Трубецкие А. П., Е. П., М. П., О. П. 162
 Трубецкой П. Н. 162
 Трутовский В. К. 214, 215
 Трушкин В. П. 387
 Тувим Ю. 779
 Туган-Барановский М. И. 14
 Тугоркан, половецкий хан 317, 381
 Тулин Э. 708
 Тур А. Ф. 112
 Тургенев И. С. 10, 17, 41, 43, 64, 178, 188, 278
 Тургенев Н. И. 139, 155
 Турн унд Таксис М., фон, кн. 220, 222
 Тухватулина К. А. 311
 Тынянов Ю. Н. 536, 776, 798
 Тынянова Л. Н. 799
 Тырса Н. А. 536
 Тычков М. А. 86, 103, 109, 110
 Тэффи (наст. имя и фам. Н. А. Бучинская, урожд. Лохвицкая) 234, 252
 Тютчев Ф. И. 17, 60, 123, 161, 290, 622
 Тютчева А. Ф. 161, 164
 Уайльд О. 59, 63, 64, 66, 67, 69, 70, 76, 78, 79
 Убри М. П. 132
 Убри П. П. 132
 Уваров С. С., гр. 749
 Уварова Е. А. 539
 Уистлер Дж. 65
 Уланова Г. С. 424, 427, 429, 440, 441
 Уманский К. А. 580, 581, 783
 Унгерн Р. А., бар. 252
 Урусов А. М. 146
 Усиевич Е. Ф. 454, 458, 495, 496
 Усова Г. С. 610, 613, 614
 Успенский Б. А. 420, 439, 625
 Успенский В. А. 420, 439
 Успенский Г. И. 255, 256
 Устрялов Н. Г. 750
 Устюжанин Д. Л. 310, 385
 Утамаро К. 66
 Уткин Г. М. 776
 Уткин И. П. 799
 Уткин П. С. 74
 Учитель Е. Ю. 469
 Ушаков Н. Н. 799
 Фаас Е. А. 762
 Фабричный Анатолий 619
 Фадеев А. А. 526, 530, 534, 777, 799
 Фаресов А. И. 234
 Фарж И. 809
 Фармаковский М. В. 305, 307
 Фаттахов Ш. 273
 Федин К. А. 296, 316, 389, 799, 800
 Федоров Л. И. 289
 Федоров М. М. 231, 238, 239, 240, 241
 Федотова Е. Г. 542
 Федченко А. П. 752
 Фемистокл 278, 280, 286
 Феодора Гогенлоэ-Лауэнберг, принцесса 141
 Феодосий Печерский, св. 310, 311
 Феофилактов Н. П. 56, 79

- Фет А. А. 17, 60
 Фетисенко О. Л. 227, 229, 230, 247, 268, 270
 Фефер А. И. 800
 Фефер И. С. 800
 Фешин Н. И. 578, 579, 593
 Фиала В. 588
 Фигнер В. Н. 178
 Фидлер Ф. Ф. 229, 239, 257, 260, 261, 263, 270
 Филдинг Г. 482
 Филин Ф. П. 762
 Филиппов Н. Д. 587, 588
 Филиппова П. Е. 587, 588
 Филочева В. В. 812
 Филонов П. Н. 402, 536, 580, 581, 583, 584
 Финдейзен Н. Ф. 45
 Фиртич Н. Г. 553, 570
 Фитингоф-Шелем А. Б. 138
 Фишер Г. И. 127, 128
 Фишер С. 219
 Флейшман Л. 399, 442
 Флир М. Г. 192
 Флобер Г. 587, 589
 Флоринский И. 599
 Фогелер Г. 218, 219
 Фоменко П. 539
 Фомин И. А. 404, 439
 Фомин И. И. 439
 Фомина М. И. 419, 439
 Фон-Гук А. А. 203
 Фондаминская А. О. 24, 28, 31, 32
 Фондаминский И. И. 24, 28, 31, 32
 Фортунато С. В. 46
 Форш О. Д. 509, 516, 800
 Фофанов К. М. 60, 246, 257, 830
 Фрайдзоны, семейство 480, 481
 Франк С. Л. 223
 Франц-Иосиф, имп. 164
 Фрезинский Б. Я. 2, 407, 766, 770, 811
 Фрейлиграг Ф. 172
 Фридлендер Андр. М. 446–449, 463, 466, 468, 479–481, 484, 489, 490, 493, 498, 499
 Фридлендер Анж. М. 444, 445, 454, 458–464, 466, 469, 470–503
 Фридлендер В. А. 445
 Фридлендер Г. М. 443–466, 468–505, 762
 Фридлендер М. В. 445, 446
 Фридрих I, вел. герцог Баденский 150, 170
 Фридрих III 143, 146
 Фридрих-Вильгельм III, король 205
 Фридрих Франц III Мекленбург-Шверинский, герцог 153
 Фридриц И. П. 202
 Фурманов Д. А. 837
 Фурцева Е. А. 604, 609, 610, 611
 Фустершмидт 170
 Хазанев В. В. 437
 Хайдт К., фон 220
 Халтурин И. И. 91
 Халтурина З. В. 91, 97, 105
 Хан Нахичеванский И. 163
 Хапова Л., домработница 515, 533
 Харджиев Н. И. 555, 556, 561–563, 567–570, 583, 586, 589, 590, 593, 596
 Хармс Д. (наст. имя и фам. Ювачев Д. И.) 402, 437, 438, 440, 537
 Хассельблад В. Э. 812
 Хачатурян А. И. 424
 Хижинский Л. С. 401, 419, 439
 Хиросигэ А. 66
 Хлебников В. 554–559, 563, 565, 566, 568, 573–579, 581–588, 590–592, 594–596
 Хлебников О. Н. 812
 Ховратович Б. 796
 Ходасевич В. М. 389
 Ходасевич В. Ф. 57, 59, 85, 223, 389, 769
 Ходера Я. 175
 Хокусай К. 66
 Холлендер (Голлендер) Ф. 2, 217, 218, 221–225, 813
 Хрептович М. И. 158
 Хрущев Н. С. 594, 792
 Хряков А. Ф. 404, 421
 Худаков С. 581–583
 Хьюз Р. 399, 442
 Цакни А. Н. 8, 24, 37
 Цакни Н. П. 8
 Царькова Т. С. 2, 535, 541, 703, 746, 812
 Цветаева М. И. 40, 43, 407, 408, 539, 573, 574, 594, 603, 607, 611, 613, 769, 792
 Цветова Н. С. 311, 385

- Цетлин-Доминик (в первом браке Кри-
вицкая, во втором Доминик) А. М.
813
- Цехновицер О. В. 176, 188
- Циглер К. 161
- Цуринова Г. П. 503
- Цявловский М. А. 120, 195, 215
- Чайковский П. И.** 437, 442, 602, 603,
605, 609, 773
- Чаковский А. 711
- Чалова Л. А. 506, 507, 510, 511, 527
- Чаловы (семья) 521, 526, 529
- Чандлер Р. см. Chandler
- Чаплин Ч. 802
- Чапыгин А. П. 292, 301, 302, 305, 307,
309–319, 381–383, 385
- Чарская Л. А. 426, 441
- Чарушин Е. И. 536
- Чеботаревская Ал. Н. 398, 399, 408, 410,
436
- Чеботаревская Ан. Н. 289, 398, 399, 403,
408, 410, 412, 436
- Чеботаревская Е. Н. 410, 435
- Чеботаревская Т. Н. 399, 410, 413, 435
- Чеботаревский А. Н. 410
- Чеботаревский В. Н. 410
- Чеботаревский К. Н. 410
- Чеботаревский Л. Н. 410
- Чеботаревский М. Л. 410
- Чеботаревский Н. Н. 410, 435
- Чеботаревский Н. Н., сын 410
- Чебышев В. Л. 12
- Чебышев Р. Н. 9, 43
- Чемберлен Н. 562
- Черемин Г. С. 581, 582
- Черкасский В. А. 137, 138
- Черная С. И. 99
- Чернов А. Ю. 81, 814
- Черносвитов В., думный дьяк 408
- Черносвитов В. П. 408
- Черносвитов Е. В. 407, 408, 410
- Черносвитов Н. Н. 398, 407, 409, 412,
413, 434
- Черносвитов Н. П. 434
- Черносвитова (урожд. Пушкина) А. И.
409, 434
- Черносвитова А. Н. см. Йоргенсон А. Н.
- Черносвитова Е. А. 407, 410
- Черносвитова (урожд. Чеботаревская)
О. Н. 397–399, 403, 409, 410, 412,
415, 435, 436
- Черносвитова (в первом браке Луна-
чарская, во втором Смидович) С. Н.
398, 411
- Черносвитова Т. Н. 411, 412, 436
- Чернявский К. 559
- Черняев М. Г. 149, 165
- Чертков Е. И. 159
- Четвериков В. Д. 296
- Чехов А. П. 27, 227, 229–232, 240, 249,
250, 252, 255, 260, 261, 262, 265,
266, 268, 269, 396, 489, 498, 577,
769, 773, 779, 780, 787
- Чижевский Д. И. 559, 577, 581, 582
- Чиннов И. В. 554
- Чириков Е. Н. 257
- Чирков Б. П. 539
- Чичибабин (наст. фам. Полушин) Б. А.
815
- Чубинский Н. П. 238
- Чуванов М. И. 213
- Чуданова, домовладелица 307
- Чужак (Насимович) Н. Ф. 590
- Чуковская Л. К. 800
- Чуковский К. И. 112, 116, 228, 270, 296,
312–314, 534, 690
- Чулков Г. И. 243
- Чуносос М. см. Ясинский И. И.
- Чюрлёнис М. 56
- Шабельская Н. Л.** 47
- Шагал М. З. 572
- Шагинян М. С. 530, 534, 800, 801, 814
- Шаер А. 219
- Шаламов В. 801
- Шаляпины 276
- Шапиро Ж. (псевд., наст. имя Шапиро Я.)
807
- Шарап Н. В. 252
- Шахматов А. А. 315
- Шаховская-Глебова-Стрешнева (урожд.
фон Бреверн) Е. Ф. 131
- Шаховской С. И., кн. 218
- Шварц Е. Л. 401–404, 428, 440, 441,
537, 539, 547, 774
- Шведе (урожд. Плансон) Н. К. 394, 401
- Шведова Р. Я. 388, 392

- Швейгольц А. 621
 Шверник Н. М. 454, 455
 Швецов С. П. 297
 Шебуев Н. Г. 240
 Шевченко Т. Г. 204
 Шекспир В. 112, 537, 538, 750, 751, 772, 778
 Шеломов Н. П. 423, 440
 Шеманаева Л. П. 550
 Шемшурин А. А. 290
 Шемякина М. А. 200
 Шене Н. 532
 Шергин Б. В. 86–110
 Шереметев В. П. 142, 144
 Шереметев С. Д. 157, 158
 Шереметева Е. П. 102
 Шерон Ж. 560, 596, 812
 Шершеневич В. Г. 582, 801
 Шефнер В. 704
 Шехтель Ф. О. 74, 255
 Шиллер Ф. 112, 140, 141, 214
 Шиллер Ф. П. 468
 Шилов А. А. 178, 187
 Шим Э. Ю. 801
 Шипли М. 273
 Шишкина Ев. 415, 437
 Шишкина Ел. Е. 437
 Шишков А. С. 200
 Шишков А. Я. 388
 Шишков В. Я. 301, 302, 386–390, 392–396
 Шишков Я. Д. 398
 Шишкова К. М. 299, 388, 390, 392
 Шишмарева Т. В. 538, 539, 552
 Шкапская М. М. 296, 773, 794, 801
 Шкаровский М. В. 291, 308
 Шкловский В. Б. 223, 529, 534, 801, 802
 Шлепянов И. Ю. 432, 433, 442
 Шмелев И. С. 228
 Шнейдер А. П. 50, 51, 53
 Шнейдер В. П. 44, 47, 49–54
 Шопен Ф. 540
 Шостакович Д. Д. 407, 421, 440, 540, 766
 Шостаковичи 521
 Шоу Б. 252
 Шгадельгофер 162
 Штакеншнейдер А. И. 161
 Штерн (урожд. Давидович) Л. Я. 439
 Штильман Г. Н. 254, 257
 Штоквич 163
 Шуб Э. И. 802
 Шубинский С. Н. 257, 258
 Шувалов Павел А. 156, 157
 Шувалов Петр А., гр. 156
 Шувалова, гр. 201
 Шувалова М. А. 604, 605, 609, 611
 Шульман М. Ю. 86
 Шульман Ю. М. 86, 108, 110
 Шумахер 790
 Шютценбергер П. 409, 434
 Щеглов Ив. см. Леонтьев И. Л.
 Щеголев П. Е. 400, 441
 Щеголев П. П. 400, 414
 Щеголева (урожд. Тернавцева, во втором браке Альтман) И. В. 397, 400, 401, 403, 414, 420, 426, 437, 439, 440, 442
 Щедрин М. Е. см. Салтыков-Щедрин М. Е.
 Щедровский И. С. 208
 Щепкина-Куперник Т. Л. 252
 Щербаков В. И. 176, 177, 180, 187
 Щербакова А. 814
 Щербатов А. А. 134
 Щербина В. Р. 60, 555, 573, 574
 Щербинина О. Г. 812, 813
 Щипачева И. В. 768
 Щука С. А. 412, 436
 Щуко А. В. 419, 438
 Щуко Б. В. 401, 402, 407, 436
 Щуко В. А. 313, 397, 398, 401, 404, 406, 410, 412, 438
 Щуко Г. (Ю.) В. 397, 399, 401, 402, 404, 405, 406, 412, 423, 434, 437
 Щуко Е. Г. 2, 397, 399, 402, 403, 405, 406–409, 429, 435, 436, 437, 439–441
 Щуко (урожд. Черносивтова, во втором браке Браудо) Л. Н. 397, 399, 400–403, 405, 407, 410, 419, 434, 436
 Щуко М. В. 438
 Щуко Н. В. 414, 419, 438
 Щуко (урожд. Николая) О. В. 406, 413, 415, 419, 425, 440
 Щусев А. В. 87, 93, 200
 Эберг Ф. 223
 Эварт (Соколова) Т. А. 613
 Эдвард, герцог Кентский 140
 Эдельман О. 125

- Эдигер В. Г. 466
 Эзоп 280
 Эйдлин Л. З. 775, 785
 Эйзенштейн С. М. 441
 Эйли (в замуж. Блэкфорд) Г. (псевд. Лир Ф.) 164
 Эйхенбаум Б. М. 455, 477, 487, 495, 536
 Элиот Т.-С. 625
 Эльза 811
 Эль-Регистан Г. А. 481
 Эльсберг Я. Е. 802
 Элюар П. 766
 Энгельс Ф. 444, 468, 495, 496, 555
 Энкель Н. Л. см. Модзалевская Н. Л.
 Эпельфельд Б. 784
 Эрбах-Шёнберг (урожд. Баттенберг) М. 170
 Эрберг О. Е. 802, 803
 Эренберг В. Г. 252
 Эренбург И. Г. 223, 454, 455, 498, 499, 501, 570, 766, 767, 768–811
 Эренбург И. И. 770
 Эренбург Л. М. 767, 770, 772, 776, 779, 781, 783, 784, 787, 788, 791, 792–794, 796–798, 800, 809, 810
 Эрисман Ф. Ф. 411, 416, 435
 Эрлих В. Г. 555, 558, 570
 Эсхил 282
 Эткинд Е. Г. 449, 504, 611, 762, 806
 Эттингер П. Д. 93, 216
 Эфрон А. С. 603, 611
 Эфрос А. М. 303, 806
 Эфель Ж. 808
- Ю**дина М. В. 432, 442
 Юзовский Ю. 806
 Юнгер Е. В. 539, 598, 609, 613
 Юнкер А. 219
 Юрьев Ю. М. 438
 Юрьева И. 815
- Я**блоновский С. В. 257
 Ягодич Р. 762
 Языков Н. М. 159
 Якобсон Р. О. 554, 557, 565
 Яковлев А. Н. 767
 Яковлева Л. И. 554, 573, 574, 576, 578, 579, 581, 585, 586, 590
 Якубенко В. 517, 530, 533
- Якулов Г. Б. 64
 Якунчикова М. В. 67, 79
 Ян Собеский III, король 436
 Янин В. Л. 317
 Яновский Н. Н. 387, 390
 Ярослав Мудрый, кн. 317
 Ярослав Святославич, кн. 319, 383
 Ясинский И. И. (псевд. Чуносов М.) 230, 231, 235, 239, 241, 242, 246, 258, 263, 266
 Яснов М. Д. 770
 Яхонтов В. Н. 540
 Яцевич А. Г. 193, 194
 Яшин А. Я. 807
 Ященко А. С. 399
- A**zbac de Laserre J. L. P. 137
 Ambrogio I. 563
 Aufmardt 170
- B**áb см. Баб
 Bahá'u'lláh см. Бахаулла
 Barnes Ch. 558
 Beyer Th. 223
 Bigler N. 222
 Brown E. J. 555
 Burliuk V. см. Бурлюк Б. (Н.?)
 Burliuk M. см. Бурлюк М. Н.
 Buzzzi P. 559, 819
- C**andler R. W. A. 587, 588
 Chlebnikov V. см. Хлебников В.
 Czerny A. 441
- D**avies Richard D. см. Дэвис Р. Д.
 Degouvede Nuncques W. 71, 85
 Diddi C. 588
- E**delman A. 567
 Erlich V. см. Эрлих В. Г.
- F**errari C. 563
 Filonov 581, 585
 Fink W. 563
- G**asiorowska X. 558
 Gayraud R. 582
 Gontaut-Biron <A.-A.-E.> 145, 146
 Grey C. 579, 589, 590
 Grinevskaya I. A. см. Гриневская И. А.

Heydt E., von 220
Heywood Anthony J. 11, 27, 43
Hirschberg W. R. 558
Hirshman J. 570, 571, 821
Hubner J. A., Freiherr von 146

Jakobson R. 555, 596
Jost R. 221
Joukovsky P. 166

Kamienska A. 581
Kassner R. 222
Kaun A. см. Каун А., проф.
Khlebnikov V. см. Хлебников В.
Kleinschmidt H. 441
Крутиков Н. С. 179, 187

Larionov M. F. см. Ларионов М. Ф.
Lawton A. 582
Lindsay K. C. 568, 572
Lindsay M. 567, 568
Lozowick L. 569, 570
Luck R. 222

Malievich K. см. Малевич К. С.
Marcuse L. 223
Markov V. см. Марков В. Ф.
Marti R. 223
McCausland E. 579
Meilen P. 221
Milia G. Di 582
Muchnic H. 555, 558

Nalewski H. 219, 226
Nostitz O., von 219

Oumansky K. см. Уманский К. А.

Pfäfflin F. 220

Pfäfflin W. 220
Poggioli R. 578
Pollak S. 581

Raboff E. L. 571, 572
Rigenback H. 223
Riniker D. 11, 43
Ripelino A. M. 563, 578
Rizzi D. 588
Rondolino G. 563

Scharffenberg R. 220
Schmidt-Häuer H. 221
Schnack I. 220, 223, 226
Scholz F. 558
Sieber-Rilke H. 219, 226
Sieber-Rilke R. 222
Simonov K. см. Симонов К. М.
Spiewak J. 581, 585
Steiner J. 221
Storck J. W. 220, 221
Strada V. 563

Tatlin V. см. Татлин В. Е.
Tschizewskij D. 578

Umanski K. см. Уманский К. А.

Veldink S. 67, 85

Wasiolek E. 558
Webb K. E. 221
Weisberg G. P. 66, 85
Woltman N. 67, 85
Wunderly-Volkart N. 222

Zaretzky N. V. 578
Засенко О. С. 179, 187
Zinn E. 222

Список сокращений

ВМП	– Всероссийский музей А. С. Пушкина, Санкт-Петербург
ГАРФ	– Государственный архив Российской Федерации, Москва
ГМП	– Государственный музей А. С. Пушкина, Москва
ГТГ	– Государственная Третьяковская галерея, Москва
ГЭ	– Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург
КУБУ	– Комиссия по улучшению быта ученых
НИМ РАХ	– Научно-исследовательский музей при Российской академии художеств, Санкт-Петербург
ОР ГРМ	– Отдел рукописей Государственного Русского музея, Санкт-Петербург
ОР ГТГ	– Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи, Москва
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва
РАЛ	– Русский архив в Лидсе
РБС	– Русский биографический словарь
РВСР	– Революционный военный совет республики
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов, Москва
РГАЛИ	– Российский государственный архив литературы и искусства, Москва
РГБ	– Российская государственная библиотека, Москва
РИБ	– Русская историческая библиотека
РНБ	– Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург
РО ИРЛИ (РО ИРЛИ РАН)	– Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук, Санкт-Петербург
РОМИЗО	– Государственный музейно-выставочный центр «РОМИЗО», Москва
ЦГА СПб	– Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
ЦГАЛИ СПб	– Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга
ЦГИА СПб	– Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ARA	– American Relief Administration (Американская администрация помощи)

СОДЕРЖАНИЕ

I. СТАТЬИ. СООБЩЕНИЯ

<i>Двинатина Т. М. И. А. Бунин и Е. М. Лопатина (по материалам Рукописного отдела Пушкинского Дома и Русского архива в Лидсе)</i>	<i>7</i>
<i>Саламатова Е. А. Футляр-подарок в русском стиле для собрания сочинений В. В. Стасова (к его юбилею 2 января 1894 г.)</i>	<i>44</i>
<i>Давыдова О. С. Между образом и словом: Модест Дурнов в мечтах о модерне</i>	<i>55</i>
<i>Тычков М. А. Обзор художественного наследия Бориса Шергина</i>	<i>86</i>
<i>Прозорова Н. А. К истории знакомства Ольги Берггольц и Анны Ганзен</i>	<i>111</i>

II. ПУБЛИКАЦИИ

<i>«Любезной родины прекрасное светило!» (Из переписки П. А. Вяземского с А. Д. Баратынской) (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Дубровского)</i>	<i>119</i>
<i>«Ничто не излечит этих деток»: письмо В. Д. Писаревой к М. А. Маркович (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Н. А. Татаренковой, Я. Ходеры)</i>	<i>175</i>
<i>Письма А. К. Пожарского к Л. Б. Модзалевскому (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Л. Г. Агамалян) ...</i>	<i>189</i>
<i>Письмо Рильке к Ф. Холлендеру (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии К. М. Азадовского)</i>	<i>217</i>
<i>Переписка А. А. Измайлова и И. Л. Леонтьева (Щеглова) (1904–1911) (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. С. Александрова, О. Л. Фетисенко)</i>	<i>227</i>
<i>И. А. Гриневская. Путешествие в Края Солнца (о виденном, слышанном и испытанном) (Продолжение) (Публикация Е. А. Митник)</i>	<i>271</i>
<i>«Будучи давним членом Союза писателей, я имею полное право сослаться на свидетельство как Союза в целом, так и отдельных членов его...» (Материалы Димитрия Александровича Крючкова в фонде Всероссийского союза писателей) (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Крусанова, Т. В. Мисникевич)</i>	<i>288</i>
<i>«“Гориславич” (исторические картины XII века)» А. П. Чапыгина (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. В. Игошевой)</i>	<i>309</i>
<i>Дневниковая запись К. В. Вяткиной о поездке в Детское Село в сентябре 1928 г. (Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. В. Вострикова)</i>	<i>386</i>

Е. Г. Шуко. Воспоминания о детстве, семье, близких (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии М. М. Павловой</i>).....	397
«Трудармеец Фридендер, Г. М.» (письма из Коми АССР, 1942–1945) (<i>Вступительная статья С. В. Березкиной, подготовка текста и комментарии С. В. Березкиной и А. С. Лагурева</i>)	443
Зощенко Вера Владимировна. О болезни и литературной работе <М. М. Зощенко> Часть 4 (1945–1950-е гг.) (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Т. М. Вахитовой</i>).....	506
В. В. Зенькович – адресат писем М. М. Зощенко (<i>Вступительная статья Б. Н. Сегаль, подготовка текста и комментарии Т. С. Царьковой</i>)	535
К 50-летию книги В. Маркова «Russian futurism: a history». Переписка Д. Д. Бурлюка и В. Ф. Маркова (<i>Вступительная статья А. В. Крусанова, подготовка текста и комментарии А. В. Крусанова, Е. Р. Обатниной, Н. Г. Фиртича</i>)	553
Т. Г. Гнедич «Подробнейшее описание пребывания в Москве “Дон Жуана” с 9 марта 1964 по 13 марта того же года – включительно» (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. В. Виноградовой</i>).....	597
Б. И. Иванов. Стихотворения (<i>Вступительные статьи В. Г. Антер, Ю. М. Валиевой, подготовка текста В. Г. Антер</i>)	615

III. ТЕКСТОЛОГИЯ

История создания и публикации поэмы Геннадия Алексеева «Жар-птица» (<i>Вступительная статья, подготовка текста и комментарии А. М. Ельяшевича, А. Д. Клименко</i>)	703
--	-----

IV. ИНФОРМАЦИЯ

<i>Родюкова М. В.</i> Росковщенко Иван Васильевич. Фонд 261	749
<i>Прозорова Н. А.</i> Рышков Виктор Александрович. Фонд 270	754
<i>Носова А. Г.</i> Кузьмин Александр Иванович. Фонд 689	759
<i>Аксененко Е. М.</i> Материалы Г. Ф. Гирса в собрании М. С. Лесмана. Фонд 840. Опись 14	763
<i>Фрезинский Б. Я.</i> И. Г. Эренбург и его ближайшее окружение в свете инсриптов на книгах, переданных в дар ИРЛИ	766
<i>Коциенко И. В.</i> Обзор архивных материалов XIX–XXI вв., поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН в 2016 г.	812
Указатель имен	816
Список сокращений	845

Научное издание

**Ежегодник
РУКОПИСНОГО ОТДЕЛА
ПУШКИНСКОГО ДОМА
на 2018–2019 годы**

Утверждено к печати Институтом русской
литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук

Редактор *Е. А. Гольдич*
Компьютерная верстка *Л. А. Шитовой*
Художественное оформление *А. П. Баклановой*

Согласно Федеральному закону
от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации,
причиняющей вред их здоровью и развитию»
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Общероссийский классификатор продукции
по видам экономической деятельности
ОК 034-2014 (КПЕС 2008);
58.11.1 – Книги печатные

Подписано в печать 26.11.2019
Формат 60 × 90/16. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 32,85. Печ. л. 53,5. Усл. печ. л. 53,5.
Тираж 300 экз. Заказ 10112

Филиал «Чеховский Печатный Двор»
АО «Первая Образцовая типография»
142300, Московская обл., Чеховский р-н,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,
8(495)988-63-76, т/ф. 8(496)726-54-10

ООО «ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
197110, С.-Петербург, ул. Петрозаводская, 9, лит. А, пом. 1Н
Телефон/факс: (812) 230-97-87
sales@dbulanin.ru (отдел реализации)
postbook@dbulanin.ru (книга-почтой)
redaktor@dbulanin.ru (издательский отдел)
<http://www.dbulanin.ru>

ISBN 978-5-86007-925-0

9 785860 079250